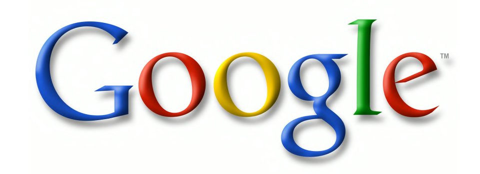

Google

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1898 ГОДЪ

КНИГА ВТОРАЯ.

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТАЯ.

ИЗДАНА

подъ завѣдываніемъ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1898.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ „ЧТЕНІЙ“ за 1898 годъ.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ. *Стран.*

II. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

III. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

IV. СМѢСЬ.

I.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

АКТЫ

XIII—XVII вв.

ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ВЪ РАЗРЯДНЫЙ ПРИКАЗЪ

представителями служилыхъ фамилій послѣ отмѣны мѣстничества.

Собралъ и издалъ

Александръ Юшковъ.

ЧАСТЬ I.

1257—1613 гг.

Печатано подъ наблюденіемъ **А. И. Юшкова**.

Съ 1682 г. въ генеалогическихъ понятіяхъ служилыхъ людей Московскаго государства произошелъ рѣзкій переломъ: 12 января этого года, царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Земскаго Собора, отмѣнилъ „Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество". Отмѣняя мѣстничество, само правительство взяло на себя попеченіе о генеалогіи служилыхъ родовъ—генеалогіи, которая отнынѣ не должна была уже служить матеріаломъ для родовыхъ распрей и счетовъ, а должна была составить историческій матеріалъ „впредь-будущимъ родомъ на память". На томъ же Земскомъ Соборѣ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ далъ такое обѣщаніе: онъ „имъ и впредь-будущимъ ихъ родомъ на память изволитъ быти въ Розрядѣ родословной книгѣ родомъ ихъ, также и въ домѣхъ своихъ такія родословныя книги имъ держать по-прежнему; а награждая ихъ своею государскою милостію, тое родословную книгу нынѣ повелѣваетъ пополнить, и которыхъ именъ въ той книгѣ въ родѣхъ ихъ не написано, и тѣхъ имена въ тое родословную книгу написать вновь къ сродникамъ ихъ, и для того взять у нихъ *росписи за руками*. А которые княжескіе и иные честные роды при предкахъ его государевыхъ и при немъ, в. государѣ, были въ честяхъ, въ боярѣхъ и въ окольничихъ и въ думныхъ людѣхъ, также и старые роды, которые хотя и не явились въ честяхъ, а съ царства прадѣда его государева блаженныя памяти в. государя царя и в. князя Іоанна Васильевича, всея Росіи самодержца, и при его государевѣ державѣ явились въ посольствахъ и въ полкахъ и въ городѣхъ въ воеводахъ и въ иныхъ знатныхъ посылкахъ и у него, в. государя, въ близости, а въ родословной книгѣ именъ ихъ не написано, и тѣ роды съ явнымъ свидѣтельствомъ написать нынѣ въ особую книгу. А которые роды и въ вышеписанныхъ честяхъ и въ знатныхъ посылкахъ не были, а съ царства дѣда его государева блаженныя памяти в. государя царя и в. князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Россіи самодержца, и при немъ, в. государѣ, были въ полковыхъ воеводахъ и въ послѣхъ

и въ посланникахъ и въ знатныхъ какихъ посылкахъ и въ иныхъ честныхъ чинѣхъ и въ десятняхъ въ первой статьѣ написаны, и тѣхъ родовъ имена по-тому жъ написать въ особую книгу со свидѣтельствомъ; а которые и въ тѣхъ вышеписанныхъ честныхъ и знатныхъ чинѣхъ не бывали, а въ десятняхъ написаны въ средней да въ меньшой статьяхъ, и тѣхъ имена написать въ особую книгу. А буде кто изъ нижнихъ чиновъ за службы отцовъ своихъ, или за свои написаны въ московскіе чины, и тѣхъ имена написать въ особую жъ книгу, по ихъ росписямъ" [1]). Такимъ образомъ, правительство слѣдующимъ образомъ намѣтило выполненіе взятой имъ на себя задачи составленія оффиціальной родословной русскихъ служилыхъ родовъ: 1) включить въ оффиціальную родословную не только роды московскихъ служилыхъ людей, но даже и провинціальныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, при чемъ раздѣлить эту книгу на нѣсколько частей, соотвѣтственно виду дворянства; 2) избрать матеріаломъ для этой работы старыя оффиціальныя родословныя книги и родословныя росписи, какія представлены будутъ „за руками" самихъ служилыхъ людей, подтвержденныя „явнымъ свидѣтельствомъ".

Все это факты, болѣе или менѣе извѣстные, но мало кому извѣстно, какимъ образомъ правительство осуществляло на дѣлѣ данное имъ на Земскомъ Соборѣ обѣщаніе. А осуществило оно это обѣщаніе слѣдующимъ образомъ: вслѣдъ за отмѣной мѣстничества, въ томъ же 1682 г., при Разрядномъ Приказѣ была учреждена Палата Родословныхъ Дѣлъ, во главѣ которой былъ поставленъ бояринъ кн. Владиміръ Дмитріевичъ Долгоруковъ, одинъ изъ бояръ, подписавшихъ законъ 12 января 1682 г. Такимъ образомъ эта Палата была прообразомъ нынѣшняго Департамента Герольдіи, бояринъ же кн. В. Д. Долгоруковъ является первымъ русскимъ герольдмейстеромъ. Въ эту-то Палату Родословныхъ Дѣлъ представители служилыхъ фамилій и стали подавать „за руками" родословныя росписи своихъ родовъ. Подача родословныхъ производилась главнымъ образомъ въ промежутокъ времени съ 1682 г. по 1690; всего росписей, по счету извѣстнаго генеалога г. Руммеля, было подано около 600. Законъ 12 января 1682 г., между прочимъ, требовалъ подкрѣпленія родословныхъ росписей „явнымъ свидѣтельствомъ"; очевидно, подъ этимъ терминомъ нужно разумѣть прежде всего документальныя доказательства; такъ поняли и представители служилыхъ фамилій, подававшіе росписи своихъ родовъ: при росписяхъ многіе изъ нихъ представили нерѣдко

---

[1]) Собр. Гос. Грам. и Дог. IV, стр. 404—405.

весьма древніе подлинные документы, свидѣтельствующіе о „честяхъ" ихъ предковъ; съ этихъ документовъ въ Палатѣ Родосл. Дѣлъ были снимаемы копіи, подлинники же возвращались владѣльцамъ. Этотъ документальный матеріалъ по 1613 годъ, т. е. до момента воцаренія рода Романовыхъ, до сихъ поръ не изданный и почти никѣмъ еще не эксплуатированный съ научной цѣлью [1]), и послужилъ содержаніемъ для предлагаемаго изданія. Тѣ фамиліи, которыя не имѣли возможности представить какіе-либо документы, почти всегда въ концѣ росписи извиняются въ слѣдующихъ, приблизительно, выраженіяхъ: „а жалованныя прежнихъ великихъ князей и великихъ государей царей родственникомъ, прародителемъ и дѣдомъ и отцемъ нашимъ даны были на ихъ чести грамоты и иныя знатныя рода нашего письма, и то въ разные нѣмецкіе и польскіе приходы, и въ разоренья, и въ пожары, и въ моровыя повѣтрія распропало". Быть можетъ, тѣмъ фактомъ, что нечѣмъ было подтвердить родословную роспись, и объясняется то обстоятельство, что въ Палату Родословныхъ Дѣлъ было подано такъ мало родословныхъ.

Слѣды существованія Палаты Родословныхъ Дѣлъ, составлявшей какъ бы департаментъ Разряднаго Приказа [2]), видны до 1700 г. При нѣкоторыхъ росписяхъ, въ случаѣ споровъ о вѣрности поданной родословной между членами различныхъ вѣтвей того же рода, имѣются производства Палаты, изъ которыхъ видно, что Палата входила въ разсмотрѣніе существа спора и постановляла приговоръ, отвергающій или устанавливающій спорный фактъ (сравн., напр., род. росп. Голенищевыхъ-Кутузовыхъ). Палата Родословныхъ Дѣлъ только частью успѣла выполнить программу, намѣченную закономъ 12 января 1682 г.: составлена была родословная книга только самыхъ знатныхъ родовъ государства, преимущественно Рюриковичей и Гедиминовичей. Книга эта, извѣстная въ настоящее время подъ названіемъ „Бархатной книги", хранится теперь въ Департаментѣ Герольдіи Правит. Сената и признается оффиціально-достовѣрнымъ документомъ, хотя въ ней имѣются кое-гдѣ ошибки, несомнѣнно доказываемыя сопоставленіемъ сохранившихся документальныхъ данныхъ. Въ основу „Бархатной книги" Палата Родословныхъ Дѣлъ положила древніе оффи-

---

[1]) Въ подлинникѣ этими матеріалами пользовались только: частью проф. В. О. Ключевскій (для своего изслѣдованія „Боярская Дума") и Н. П. Лихачевъ (для изслѣдованія „Разрядные дьяки XVI в.").

[2]) Что эту Палату въ просторѣчіи не отличали отъ Разряда, видно уже изъ того, что сами фамиліи считали свои родословныя „поданными въ Розрядъ".

ціальные родословцы и лишь отчасти воспользовалась поданными ей родословными росписями. „Бархатная книга“ издана была въ 1782 г. знаменитымъ Н. И. Новиковымъ; въ это единственное изданіе, составляющее въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость, также, къ сожалѣнію, вкрались ошибки или опечатки. Что же касается намѣченныхъ закономъ 12 января 1682 г. родословныхъ книгъ средняго и мелкаго дворянства, то эти книги такъ и остались несоставленными и поданныя представителями названнаго дворянства родословныя росписи вовсе не были эксплуатированы.

Производство Палаты Родословныхъ Дѣлъ, составившее нѣкоторое количество столбцовъ небольшого размѣра, хранилось вмѣстѣ съ прочими документами Разряднаго Приказа и, по упраздненіи послѣдняго въ XVIII в., передано было на храненіе въ Разрядный Архивъ. Въ 1782 г. всѣ столбцы были еще въ цѣлости и опись ихъ помѣщена при изданіи „Бархатной книги“ Н. И. Новикова. Но въ 1812 г. Разрядный Архивъ, находившійся въ Москвѣ, въ Кремлѣ, былъ разгромленъ французами, при чемъ погибла бо́льшая часть „родословныхъ столбцовъ“, а на лицо осталось только 163 столбца. Съ 1852 г. Разрядный Архивъ, а вмѣстѣ съ нимъ и 163 родословныхъ столбца, вошелъ въ составъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, въ коемъ эти столбцы и составляютъ маленькій, но особый отдѣлъ. Признавая за этими столбцами важное значеніе, первый директоръ Моск. Архива Юстиціи Н. И. Ивановъ приказалъ всѣ эти столбцы (и самыя родословія, и сопровождающіе ихъ документы) переписать цѣликомъ въ книги, коихъ составилось два объемистыхъ тома. На основаніи сдѣланныхъ мною сличеній, могу удостовѣрить, что эта переписка исполнена съ замѣчательною тщательностью и вѣрностью. Въ 1894 и 1895 годахъ пишущимъ эти строки всѣ столбцы были развернуты, раздѣлены на склейки, а послѣдніе перенумерованы, при чемъ, во избѣжаніе опасности перемѣшать склейки изъ разныхъ родословныхъ столбцовъ, на оборотной (чистой) сторонѣ *каждой* склейки было помѣчено, къ какой фамиліи она относится, съ указаніемъ № столбца. Болѣе ветхія склейки были укрѣплены подклейками на оборотной (чистой) сторонѣ, при чемъ строго соблюдалось, чтобы наклейки не ложились на написанное въ тѣхъ случаяхъ, когда на оборотной сторонѣ имѣются какія либо надписи (дьячьи помѣты, рукоприкладства и др.). Къ сожалѣнію, эта работа, по независящимъ отъ автора причинамъ, не была вполнѣ закончена. Большинство столбцовъ очень ветхо: такъ, росписи фамилій Казначеевыхъ и Кикиныхъ до того истлѣли, что разсыпаются при развертываніи.

Изложивъ происхожденіе и судьбу издаваемыхъ актовъ, перейду къ замѣчаніямъ, касающимся непосредственно самыхъ актовъ. Хотя подлинныхъ столбцовъ сохранилось и очень немного, однако оказалось возможно воспользоваться многими такими родословіями, столбцы которыхъ погибли въ 1812 г.: дѣло въ томъ, что до самаго 1812 г. со столбцовъ съ приложенными при нихъ документами списывались копіи по прошеніямъ частныхъ лицъ и прилагались къ производствамъ Герольдмейстерской Конторы, Герольдіи и другихъ учрежденій; копіи родословій имѣются въ настоящее время и у частныхъ лицъ, преимущественно представителей фамилій, подававшихъ родословія (съ такой копіи, напр., напечатана родословная Кикиныхъ въ „Симбирскомъ сборникѣ"). Во второй половинѣ XVIII в., по повелѣнію императрицы Елизаветы Петровны, были переписаны, для какой-то надобности, почти всѣ родословные столбцы, и копіи эти составили объемистую связку, хранящуюся въ Архивѣ Юстиціи въ качествѣ приложенія къ кн. 241 Герольдмейстерской конторы и недавно переплетенную [1]). Это „приложеніе къ кн. 241" является незамѣнимымъ дополненіемъ къ наличнымъ родословнымъ столбцамъ, такъ какъ въ немъ имѣются копіи многихъ уже утраченныхъ столбцовъ. Кромѣ того многіе акты извлечены мною изъ росписей, копіи которыхъ имѣются во многихъ книгахъ „Дѣлъ Герольдіи", хранящихся въ Архивѣ Юстиціи. Часть этихъ „Дѣлъ" хранится въ Архивѣ Департамента Герольдіи въ С.-Петербургѣ и тамъ тоже есть родословія, но тѣми „Дѣлами" мнѣ воспользоваться уже не представлялось возможности. Такимъ образомъ всѣ акты, помѣщенные въ предлагаемомъ собраніи, извлечены мною исключительно изъ документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Объ интересѣ актовъ, здѣсь помѣщенныхъ, врядъ-ли приходится много говорить, такъ какъ за нихъ говоритъ, прежде всего, значительная древность ихъ, а затѣмъ и то, что многіе изъ нихъ, въ особенности самые древніе, относятся къ различнымъ удѣльнымъ княжествамъ, отъ которыхъ вообще уцѣлѣло немного памятниковъ письменности; кромѣ того, предлагаемые акты, по разнообразію своего содержанія, представляютъ, безъ сомнѣнія, интересъ и въ юридиче-

[1]) Къ сожалѣнію, переплетъ этотъ, сдѣланный въ 1892—1894 гг., крайне неудаченъ: нѣкоторые листы перепутаны и, кромѣ того, вся связка полуаршинной толщины обращена въ одну толстую книгу (in 8°), употребленіе которой, помимо неудобства ворочать столь огромную книгу, угрожаетъ опасностью и цѣлости самого манускрипта.

скомъ отношеніи. Главный фонъ юридическихъ актовъ составляютъ: 1) грамоты волостелямъ на кормленіе—до конца XVI в., 2) грамоты намѣстникамъ на кормленіе—до конца XVI в., 3) жалованныя несудимыя грамоты на земли отдѣльнымъ лицамъ до половины XVI в., 4) ввозныя грамоты второй половины XVI в. и XVII в., 5) жалованныя вотчинныя грамоты XVII в.—Болѣе рѣдки: 1) доходные списки волостелямъ и намѣстникамъ, 2) докладныя грамоты о займахъ (конца существованія Рязанскаго княженія) и о продажѣ въ холопство (конца XVI в.), 3) правыя грамоты по суднымъ дѣламъ (второй полов. XV в. вел. кн. рязанскаго Василія Ивановича, затѣмъ двѣ на рубежѣ XV и XVI вв. и одна, весьма характерная, іюля 1584 г.; 4) невмѣстная, 5) полѣтная, 6) купчія кабалы, 7) дѣловая запись, 8) данныя и др. Изъ административныхъ актовъ имѣются наказы воеводамъ XVI в., полковымъ и городовымъ воеводамъ XVII в. и грамоты по нѣкоторымъ спеціальнымъ случаямъ.

Какъ упомянуто уже, всѣ эти акты—остатки фамильныхъ архивовъ служилыхъ родовъ. Между тѣмъ, изданные доселѣ систематическіе сборники актоваго матеріала (особенно до XVII в.) черпали свое содержаніе главнымъ образомъ изъ монастырскихъ библіотекъ и казенныхъ архивовъ. Такъ, напр., издано очень много несудимыхъ грамотъ монастырскимъ властямъ на земли, но крайне мало несудимыхъ грамотъ отдѣльнымъ лицамъ; въ моемъ сборникѣ имѣется значительное количество послѣднихъ. Тоже самое и относительно грамотъ на кормленія. Это и вполнѣ понятно, принимая во вниманіе источники, откуда черпался доселѣ изданный матеріалъ. Такимъ образомъ предлагаемое изданіе является какъ бы восполненіемъ пробѣла, существующаго въ доселѣ изданномъ запасѣ историческихъ документовъ. Какъ издатель, я остановлюсь преимущественно на замѣчаніяхъ, касающихся редакціонной стороны работы.

Задача дать, по возможности, подлинный текстъ, въ данномъ случаѣ представлялась очень нелегкой: мнѣ приходилось имѣть дѣло не съ подлинными актами, а съ копіями ихъ, сдѣланными въ XVII и XVIII вв. Естественно, что чѣмъ древнѣе актъ, и чѣмъ копія позднѣе, тѣмъ больше искаженій въ текстѣ; такія искаженія, гдѣ приходилось ихъ встрѣчать, я исправлялъ слѣдующимъ путемъ: 1) тщательно сличалъ свои акты съ аналогичными актами, имѣющимися въ существующихъ печатныхъ сборникахъ всякихъ актовъ, и 2) внимательно сравнивалъ копіи одного и того же акта въ томъ случаѣ, когда актъ дошелъ не въ одной, а въ двухъ или нѣсколькихъ копіяхъ. Но, во избѣжаніе опасности допустить произвольное исправленіе, безъ возможности быть

овѣреннымъ со стороны читателя, я держался такой системы: 1) гда ошибка въ манускриптѣ была несомнѣнна и несомнѣнно было кже и то, какимъ образомъ слѣдуетъ ее исправить, я помѣщалъ правленное мѣсто прямо въ текстѣ, въ выноскѣ же указывалъ, что енно стоитъ въ манускриптѣ; 2) когда я не былъ положительно ѣренъ, какъ именно слѣдуетъ исправить то или другое испорченное сто, я оставлялъ его нетронутымъ въ текстѣ, въ выноскѣ же помѣщалъ, въ видѣ догадки, предполагаемое мною исправленіе; 3) слова строки, не сохранившіяся въ манускриптѣ, замѣнялъ точками, когда представлялось возможности возстановить ихъ путемъ аналогіи съ отвѣтствующими документами; когда же, въ силу аналогіи, не представлялось затрудненія возстановить изглаженныя въ манускриптѣ ова, я прямо и вносилъ ихъ въ текстъ, только ограничивъ ихъ, въ личіе отъ сохранившагося текста, угловыми скобками. Въ общемъ, правлять приходилось все-таки очень мало и я нахожу достаточно овлетворительными даже копіи, сдѣланныя въ XVIII в. Дѣло въ мъ, что какъ писцы XVII, такъ и XVIII вв., когда не понимали кумента, предпочитали рабски копировать его, насколько могли зобрать, нежели вносить въ свою копію результаты собственнаго нимания и догадокъ. Такъ напр., переписывая число ꙁі арабскими фрами, писецъ не рѣшился измѣнить порядокъ цифръ подлинника, смущаясь тѣмъ, что у него получилось 71 число января. Благоря такому свойству писцовъ XVII и XVIII вв., въ большинствѣ учаевъ, при извѣстной степени начитанности въ старинныхъ акъ, бываетъ не трудно догадаться, что именно стояло въ подлинкѣ вмѣсто слова, помѣщеннаго въ копіи. Кромѣ того, я придерживался еще двухъ правилъ, соблюдать которыя, по моему, долженъ кій, кто берется за изданіе древнихъ актовъ: 1) всѣ акты съ поднныхъ манускриптовъ *переписаны мною собственноручно*, равно съ лично мной прокорректированы и для печати; 2) каждая копія тана мной, при помощи другого лица, съ подлиннымъ манускрипъ, причемъ самъ я слѣдилъ по манускрипту: этимъ совершенно раняется опасность пропуска словъ и строкъ.

Копіи нѣкоторыхъ актовъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ собра-, сохранились до настоящаго времени не при однихъ только ролoвіяхъ, а также и въ дѣлахъ другихъ учрежденій и у частныхъ цъ; актъ № 175 сохранился даже въ подлинникѣ, въ собраніи граъ бывшей Коллегіи Экономіи (въ Моск. Архивѣ М—ва Юстиціи). лѣдствіе этого нѣкоторые акты—впрочемъ, немногочисленные,—ли уже напечатаны прежде, но не въ сборникахъ актовъ, а пре-

имущественно въ видѣ приложеній къ различнымъ монографіямъ и статьямъ, въ большинствѣ случаевъ составляющимъ, въ настоящее время, библіографическую рѣдкость. Поэтому я счелъ умѣстнымъ такіе акты не пропускать, а вновь напечатать ихъ въ своемъ собраніи, тѣмъ болѣе, что почти всѣ эти прежде напечатанные акты изданы съ ошибками. Относительно тѣхъ грамотъ, которыя были уже напечатаны, у меня вездѣ оговорено въ примѣчаніяхъ. Но при нѣкоторыхъ актахъ нѣтъ оговорокъ, и вотъ почему. Текстъ предлагаемыхъ „Актовъ“ былъ уже напечатанъ еще въ 1895 г. и только по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ мнѣ до сихъ поръ не удалось выпустить въ свѣтъ эту книгу. Весной 1895 г. я получилъ отъ доктора русской исторіи и извѣстнаго археографа Н. П. Лихачева только что тогда напечатанный имъ и выпущенный въ свѣтъ „Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и библіотекахъ“ (Спб., 1895, in 8°). Пересматривая эту книгу, я увидалъ, что въ ней напечатаны нѣсколько наиболѣе цѣнныхъ актовъ моего собранія, которые какъ разъ только что и мною были окончены печатаніемъ, а именно акты, помѣщенные у меня подъ №№ 13, 128, 170, 188 и 220 (у г. Лихачева на стр. 240—271); акты эти извлечены были Н. П. Лихачевымъ изъ того самаго манускрипта, которымъ и я пользовался, и объ этомъ я до того времени ничего не зналъ. Я уже не имѣлъ возможности выпустить акты изъ своей книги; но, внимательно сличивъ напечатанное г. Лихачевымъ со своей редакціей, я убѣдился, что въ этомъ и нѣтъ никакой надобности: я не безъ удивленія увидалъ, что всѣ названные акты, безусловно цѣнные, напечатаны г. Лихачевымъ съ такими ошибками, пропусками и искаженіями, что пользоваться ими невозможно. Тѣмъ болѣе я былъ удивленъ, что всегда зналъ г. Лихачева за свѣдущаго и аккуратнаго издателя, требовательнаго къ другимъ и строгаго къ самому себѣ. Неудача изданія Н. П. Лихачева въ данномъ случаѣ объясняется, повидимому, тѣмъ, что онъ не держался правила, котораго я строго придерживался въ своемъ изданіи: переписывать акты съ манускрипта непремѣнно самому. Г. Лихачевъ довѣрился переписчику, который ему и испортилъ все дѣло. Изъ книги Лихачева не видно, было ли ему извѣстно, что акты за №№ 170, 188 и 220 (по моей нумераціи) сохранились не въ одной, а въ двухъ копіяхъ; по крайней мѣрѣ, въ его изданіи нѣтъ тѣхъ исправленій, которыя должны были бы быть неминуемымъ результатомъ сличенія обѣихъ, самостоятельно сдѣланныхъ съ манускрипта XVII в., копій. И еще на бѣду, переписчикъ списалъ для г. Лихачева какъ разъ наименѣе правильныя копіи! Справедливость сказаннаго мною выя-

ется при самомъ поверхностномъ сличеніи моего текста съ тек-
мъ г. Лихачева [1]). Очень прискорбно, если и другіе акты въ на-

---

[1]) Укажу наиболѣе важныя погрѣшности въ редакціи Н. П. Лихачева. *Въ*
тѣ № 13 (у г. Лихачева стр. 242–243): „отнялъ, господине, у твоихъ"
„отнялъ, господине, у *насъ у* твоихъ"; озер*а*хъ вм. озер*е*хъ; „тягался *ве-*
кого князя" вм. „тягался *князя великого*"; *Бобровомъ* вм. *Боровомъ*; „озера
а моего" вм. „озера дѣда моего *и отца моего*"; жеребья имъ *въ тѣхъ озе-*
ъ нѣту вм.: жеребья имъ нѣту; Сем*и*руковы вм. Сем*е*руковы; ещ*е* вм. ещ*о*;
зь Иванѣ Ѳедоровичъ вм. княз*и* Иванѣ Ѳедорович*и*; сидѣли *мы* вм. сидѣли
я; Ескъ вм. Еск*и*; три год*а* вм. три год*ы*; обвинили мен*я* вм. обвинили мен*е*;
шлю вм. *язъ* шлю; *таже день* вм. *тотъ же день*; псцы вм. псц*и*; крестъ
и Остафьевы люди вм. крестъ *твой* Остафьевы люди; *Трифонъ* (!) вм. *Тю-*
ъ (Тихонъ); товарищ*евъ* вм. товарищ*ей*. Затѣмъ ненужныя подновленія, въ
ѣ: Василій, Остафій вм. Васил*ей*, Остаф*ей*; биться вм. *битца*, товар*и*щи вм.
рыщи и т. п., тѣмъ болѣе, что эти подновленія не вездѣ строго проведены.

Въ актѣ № 128 (у г. Лихачева стр. 240—242): актъ этотъ г. Лихачевъ
ему то отнесъ къ 1531 г., хотя онъ датированъ 17 января 1530 г. Затѣмъ:
вм. *язъ*; Кул*ы*шева вм. Кул*е*шева; „*съ* своею женою" вм. „своею женою";
*де*ва вм. Хлудьева; Юрьева *дня* вм. Юрьева *дни*; ра*з*щету вм. р*о*зчету; *кой*
кои; к*а*балу вм. к*о*балу; „вспросилъ: Петрушк*а*!" вм. „вспросилъ Петрушк*и*"
ошибка встрѣчается трижды); „*не* знаемъ, *не* вѣдаемъ" вм „*ни* знаемъ, *ни*
аемъ"; на дьяка на кабальнаго вм. дьяка *ино* на кабального; „послалъ же" вм.:
алъ же *съ*; „господине, по мнѣ нѣтъ" вм.: „господине, *поруки* по мнѣ
ъ"; мѣст*о* обинилъ вм. мѣст*а* обинилъ; ищ*ей*на вм. ищ*еи*на; отдать *ему*
нку вм. отдать *ищеѣ* (истцу) Иванку; велѣлъ *есми* вм. велѣлъ еси; *отвѣт-*
ѣ вм. *отвѣщики*; деньг*а*хъ вм. деньг*е*хъ (трижды); вспросилъ Петрушк*у*
вспросилъ Петрушк*и*; деньги т*е*бѣ вм. деньги т*о*бѣ; ищ*ею* Иванку вм. ищеѣ
нку; полтреть*я*хъ рубл*я*хъ вм. полтреть*е*хъ рубл*е*хъ; „*былъ* дворцов*ый* дьякъ
къ" вм. „*были* дворцов*ой* дьякъ Жюкъ"; Андреевъ Иванович*а* вм. Андреевъ
нович*ъ*; *позади* вм. *назади*; „за . . . . . . дѣла *нѣтъ*" вм. „за *нестроками*
нѣт*у*"; Васильевъ вм. Васильевъ *сынъ*. Болѣе мелкія погрѣшности въ окон-
іяхъ, въ пропускахъ ъ опускаю безъ упоминанія.

Актъ № 170 (у г. Лихачева на стр. 243—244) изданъ г Лихачевымъ
ему-то по второй, менѣе исправной копіи. Ошибки: лѣта *7072* вм. лѣта *7062;*
*ст*антиновичъ вм. Ко*сте*нтиновичъ; ло*ж*ку вм. ло*с*ку (дважды); сквозь вм.
зе; меж*у* вм. межю.

Актъ № 188 (у г. Лихачева на стр. 244–245) изданъ г. Лихачевымъ
же по неисправной второй копіи и, благодаря этому обстоятельству, ошибочно
есенъ къ 7079 г., хоти эту ошибку можно было бы исправить, руководству-
упоминаніемъ объ этомъ самомъ документѣ, съ датой, въ правой грамотѣ
64 г., помѣщенной г. Лихачевымъ на стр. 245—271 (именно, сравн. стр.
5). Послѣ словъ „Исачковъ безъ пашни" пропущены слова: *дворъ Нечайка*

званномъ „Сборникѣ" Н. П. Лихачева, очень древніе и важные, изданы такимъ же образомъ.

Гридина безъ пашни, а послѣ словъ „Данилова, пашни за ними" пропущено: *во всей деревнѣ сто дватцать*; „*по* чети" вм. „чети"; дворъ Елки вм. дворъ Елка. Неудачныя подновленія: Кипріанъ вм. Кипреянъ, подьячій вм. подьячей, Никитина вм. Микитина и т. п.

Обширная и крайне интересная правая грамота № 220 (у г. Лихачева на стр. 245—271) издана имъ также по одной только копіи (въ моемъ изданіи эта копія наименована первой). Сличенія обѣихъ копій имъ сдѣлано не было и вслѣдствіе этого въ его изданіи получилось такое количество пропусковъ, искаженій и непонятныхъ мѣстъ, что его редакція непригодна для пользованія. Въ виду значительнаго размѣра акта № 220, ограничусь указаніемъ лишь на самыя крупныя неисправности въ текстѣ „Сборника" Н. П. Лихачева. *Стр. 245*: *ми* вм. *мнѣ;* Васильева вм. Васильева *сына;* царской вм. *государ*ской. *Стр. 246*: *оказался* вм. *а сказался;* „ прислалъ...изъ Разряда" вм. „присланъ...изъ Розряду". *Стр. 247*: „та вотчина у тебя" вм. „та у тебя вотчина"; „и истецъ" вм.: „и истецъ *Тимофей сказалъ*"; привели къ Москвѣ вм.: къ Москвѣ привели; Се*менку*, Се*менка* вм. Се*мейку*, Се*мейка*; „не для нѣтовъ меня вели скована, но для вотчины меня вели" вмѣсто: „да не для меня нѣтовъ вели скована, для меня вотчины вели"; покажи вм. пока*жите*. *Стр. 248*: Леонида вм. Оленида; „слался, въ томъ" вм.: „слался въ томъ:"; послѣ словъ: „людей съ воротъ на ворота" у г. Лихачева большой пропускъ въ восемь печатныхъ строкъ, совсѣмъ обезсмысливающій мѣсто; владѣ*етъ* зятя вм. влад*ью* зятя; шлю вм. шлю*сь*. *Стр. 249*: *привели* вм. *вели* (дважды); послѣ „на ворота" пропущены слова: „и на Старую Резань"; Бортнево, Путино вм. Бортнивье, Путятино; произвольно вставлено *они были*; Сухо*тина* вм. Сухо*ткина*; Анделова вм. Авдулова; *коломнича* вм. *дѣтей боярскихъ коломнинъ*; Семенку вм. Семейку; „государевыхъ дворцовыхъ селъ" вм. „государевы дворцовыя села на". *Стр. 250*: вотчи*нно* вм. вотчи*ною*; спра*шивали* вм. спро*шали*; Родіонова вм. Се Родіонова. *Стр. 251*: всякодневную вм. повсякоденную; повелѣли вм. велѣли; пополнки вм. пополнк*а*. *Стр. 252*: выляжетъ вм. вылежитъ; „ту свою вотчину" вм. „та своя вотчина"; послухъ вм. послух*и;* Асонъ вм. Осѣнъ; Юрья вм. Юрьи; *и* назади вм. *а* на заду. *Стр. 253*: велико вм. велико, *пашнею*; „*эту* (!) купчую" вм. „купчею"; „Гриша у Родіона" вм. „Гриша *Шиловъ* у Родіона"; *в*оровалъ вм. *св*оровалъ; „пишетъ, что" вм. „пишетъ то:"; искал*и* вм. искалъ; спрашивали вм. спрошали. *Стр. 254*: „а (пи:ца) купчей" вм. „купчея дьяка"; послѣ словъ „продавецъ Михаило Солового сынъ Петровъ" неизвѣстно откуда вставлены слова: „да Тимофей Шиловской", совершенно лишающія смысла данное мѣсто; смотр*ѣ*въ вм. смотр*и*въ; а Первуша вм. „а язъ, Первуша"; *про*слушалъ вм. *по*слушалъ; *избылъ* вм. *язъ былъ*; *двухъ* вм. *дву;* Шилово вм. Шиловское; Выркова вс*ѣ* вм. Выркова вс*я*. *Стр. 255:* земли вотчин*ны* вм. земли вотчи*нные*; ищ*ея* вм. ищ*еи*; жи*вутъ* вм. жи*ветъ*; *дай же* вм. *дайте*; „сказывайте! вы прикладывали ли" вм. „ска-

Уже въ 1896 г. помѣщикомъ Бронницкаго уѣзда Ѳ. Т. Басовымъ мнѣ сообщена была очень рѣдкая въ настоящее время книжка

зывайте вы: прикладывали ль". *Стр. 256:* пишугъ вм. пишетъ; *господине* вм. *государь;* „земли" вм. „*помѣсной* земли"; *нашъ* душевной вм. *намъ* душевной. *Стр. 257*: Ляпуновъ *челобитную*—послѣднее слово излишне; „а его дати" вм. „а его *земли* дати"; *на нихъ* угодій вм. *какихъ угодей*; „въ Разбойную избу послана такова" вм.: „въ Розбойную избу послана такова, *а въ памяти пишетъ*"; памить Василью вм. память *князю* Василью.- *Стр. 258*: Желудковскій вм. Желудевскій; ухож*ій* вм. ухож*аевъ*; Николы чудотворца вм. Никола чюдотворецъ; припа*шни* вм. припа*ши*; „Данилу и Пелагеѣ" вм. „Данилу съ Полагеею"; 600 копенъ вм. *шестьсотъ двѣнатцать копенъ*. *Стр. 259*: завод*и* вм. завод*ь и*; „лугъ Песій, на немъ" вм.: „лугъ Песій, *сѣна* на немъ; послѣ словъ „505 копенъ" пропускъ въ строчку; Ибрѣ вм. Ибредѣ; *по истремѣ* вм. „поясъ съ треми рубежи"; око*ви* вм. око*ва*; въ 4 строкѣ снизу излишни слова: „да въ томъ же селѣ".—*Стр. 260*: Щетинкина вм. Щеткина; жеребій ихъ вм. жеребей; „въ записныхъ книгахъ" вм. „въ зап. *вотчинныхъ* кн."; послѣ словъ: „у Михаила у Солового сына" пропускъ въ строку; послѣ словъ „Григорьевыхъ дѣтей Шиловскаго" пропускъ также въ строку. *Стр. 261:* князю вм. князю *Василью Ивановичю;* на порук*ахъ* вм. на порук*ѣ ль*; татиною вм. татиною *и розбойною;* „по тому дѣлу" вм. „*а* по тому дѣлу"; попа поимавъ вм. попа *Ивана* поимавъ. *Стр. 262*: *корочанскіе* дьячки вм. *резанскіе* дьячки; „у *того* попа" вм. „у попа"; „держати къ недѣльщику" вм. „держати недѣльщику". *Стр. 263:* сейчасъ вм. сесь часъ; у *себѣ* вм. у *собя;* не *вы*ѣхать вм. не *съ*ѣхать; „а у него, сказалъ, взята по немъ" вм.: „а у него, сказалъ, *у Гнѣвоша*, по немъ"; „что ему попа" вм. „что ему *того* попа"; „сосуды и всякое строеніе вм. сосуды и всякое *церковное* строеніе. *Стр. 264*: ухожьевъ угодьевъ вм. ухож*аевъ*, уго*дей;* Петр*ъ* вм. Петр*у;* велѣлъ написать вм. велѣ*ти* написа*ти*; „земли не *перезаложить*" (!) вм.: „земли не *заперсаложити*" (т. е. не запустить подъ перелогъ). Въ XVI в. едва ли еще извѣстна была операція „перезакладыванія" земли. *Стр. 265*: „до государева (указу)" вм.: „до государева указу и пашни не пахали и крестьяны не владѣли и"...; Четвертой вм. Четвертко; Пиношка вм. Пипайка. *Стр. 266:* „*Андрей*, пріѣхалъ" вм. „*Тимофей*, пріѣхалъ"; Се*мена* вм. Се*мова;* „жеребій Васильевъ" вм. „Васильевъ жеребей"; „не *до*водя его" вм „не водя его". *Стр. 267: да Яковъ* вм. *Дьяковъ*; рукъ у куп*чихъ* вм. рукъ у куп*чей*; поруки не взяли вм. поруки не взя*лъ*; только вм. только *бъ*, ино вм. ино *бъ*; на Тимофе*я* вм. на Тимофе*ѣ*; родство *ихъ* вм. родство *его*; *умеръ* вм. *умре; да онъ же* вм.: *и Ондрей*. *Стр. 268*: *за*писать вм. *да* писать; *о*чищенье вм. *от*чищенье; попа Ивана вм. попа *по* Ивана; въ 9 и 10 снизу строкахъ допущены три пропуска, послѣ слова „поповъ" и передъ словами: „старостъ" и „попы"; „слухомъ *на*слышали" вм.: „слухомъ *они* слышали"; *Данила* вм. *Донша*. *Стр. 269*: *мостомъ* вм. *мытомъ*; всяк*ими* угод*ьи* вм. всяк*имъ* угодь*ем*; всякими угодьи *и*—*и* ненужно; „на Андрея на годъ" вм. „на Ондреѣ *взяти* на годъ"; „а Андрею

Н. Иванчина-Писарева: „Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду" (М. 1843), которой я не имѣлъ случая пользоваться во время печатанія актовъ. Въ приложеніяхъ къ этой книжкѣ напечатаны (стр. 125—127 и 130) акты, помѣщенные въ моемъ собраніи подъ №№ 10, 85 и 114, при чемъ начало акта № 10, котораго не хватаетъ въ моемъ источникѣ, у Иванчина-Писарева оказалось на-лицо. Вотъ это начало: „Се язъ, князь великій Василей Васильевичъ, пожаловалъ есми Сенку Писаря, што его село приданое въ Коломенскомъ уѣздѣ и съ деревнями, да то де село опустѣло отъ татаръ и отъ разбоя люди ся де разошли по инымъ мѣстомъ; и кого въ томъ селѣ и въ деревняхъ посодить своихъ людей изъ иныхъ княженей, а не изъ моей отчины изъ великаго княженея, и тѣмъ людямъ пришлымъ на пятьнадцать лѣтъ не надобя моя никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни писчая бѣлка, ни городное дѣло, ни коня моего кормити, ни сѣнъ моихъ косити, ни иная никоторая пошлина, а пенямъ и дѣломъ старымъ и розбою и грабежу по приходъ дернь и татьбѣ; а кого въ то село и въ деревни перезоветъ старожильцовъ, которые будутъ люди живали пережс того, ино имъ на пять лѣтъ не надобе моя ни которая дань, тако же ни иная ни которая пошлина, а намѣстницы моя коломенскіе и ихъ тіуны къ нему въ то село и въ деревни къ тѣмъ людямъ никого имъ не всылаютъ ни по што, ни кормовъ не емлютъ, ни доводщики побора не берутъ и не судятъ ихъ ни въ чемъ, опричь душегубства, а вѣдаетъ ихъ и судитъ своихъ людей всѣхъ Сенко самъ

Шерефединову" вм. „*а на* Ондрея Шерефядинова"; въ 5 и 6 строкахъ снизу пропуски: „государевы *резанцы*" и „Шиловской *съ своими племянники*"; зато въ 9 и 18 строкахъ дважды излишне вставлено *Шуйской*; *Іевъ* Михайловъ вм. *Іевецъ* Михайловъ; *дано намъ* вм. *за нами*. *Стр. 270*: холопи твои вм. холопи твои *государевы*; *государевой* вм. *царской*; „*за мною* твоего" вм. „*за нами* твоего"; „за мною за *Карпомъ*" вм. „за за мною за *Карпикомъ*"; „*жеребейки* въ с. Шиловѣ" вм. „*жеребьи* въ с. Ш.;" въ стр. 9 снизу, послѣ словъ: „съ осминою" пропускъ въ печатную строку; „и приговору" вм. „*и по* приговору"; во 2 снизу стр. слово *владѣти* поставлено не на мѣстѣ.

Кромѣ того, крайне неустойчива орѳографія: то оставлено правописаніе подлинника, то современное начертаніе: Александръ вм. Олександръ, купчую вм. купчею, Шерефединовъ вм. Шерефядиновъ, Никита вм. Микита, окончанія *ій*,—*ться* вм. *ей*, *ой*, и *тца*,—и обратно. Нельзя не указать также на ошибочную разстановку знаковъ препинанія: было бы лучше, въ такомъ случаѣ, ихъ вовсе не ставить. Почти нигдѣ нѣтъ красныхъ строкъ и выносныхъ знаковъ, что затрудняетъ чтеніе и пониманіе грамоты. Неудобно также было замѣнять арабскими цифрами имена числительныя, изображенныя въ документѣ словами.

или кому прикажетъ. А будетъ судъ смѣсный, и намѣстницы и ихъ тіуны судятъ, а Сенко съ ними судитъ или кому прикажетъ....." (далѣе какъ у меня). Замѣчу кстати, что въ актѣ № 85 чтеніе Иванчина-Писарева „апрѣля въ 21 день", можетъ быть, и правильнѣе.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность профессору Василію Осиповичу Ключевскому за нѣкоторыя руководящія указанія, а также бывшимъ сослуживцамъ моимъ по Архиву Министерства Юстиціи: Н. Я. Совѣтову, при помощи котораго считаны были мною съ манускриптомъ почти всѣ акты, и Н. О. Бѣлявскому и Н. П. Чулкову за сообщеніе нѣкоторыхъ родословныхъ росписей, найденныхъ ими въ „Дѣлахъ Герольдіи".

А. Юшковъ.

7 декабря 1897 г.
г. Бронницы.

АКТЫ
XIII—XVII вв.,
представленные въ Разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій послѣ отмѣны мѣстничества

XIII вѣкъ.

1.—1257 г.—[illegible]

[illegible]

[illegible]

Ивана Шаиня, породы ханска и воина добра, велѣлъ есте ему отвесть поле по рѣкѣ Пронѣ и до колодезе Чюрлокове со всякомъ (sic) угодье владѣти. А хто станетъ спирать [1]), высылать къ великому князю. А ся владѣльница даде 6000 семьсотъ шестьдесятъ пятой годъ безповоротно.

При родосл. росписи Измайловыхъ („племени ханска“ [2]), кн. Герольдм. Конторы къ № 241 л. 309.

онъ даже и не былъ подлинной грамотой, а лишь испорченной копіей ея. Намъ кажется болѣе правильнымъ считать эту грамоту не подложной, а только сильно испорченной (напр. странное употребленіе слова „есте“); но въ общемъ — это отраженіе какого то дѣйствительно древняго текста. Къ этому заключенію обязняетъ употребленіе древнихъ словъ „владѣльница“ и „спирать“. Послѣднее (въ смыслѣ *попирать, пренебрегать*) употреблено здѣсь въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ оно встрѣчается въ памятникѣ, почти современномъ нашей грамотѣ—въ русскомъ переводѣ греческаго „Ипполита епископа и мученика изложенія о Христѣ и антихристѣ“; переводъ этотъ относится къ XII столѣтію или началу XIII. Въ § 20 этого сказанія читаемъ: „и проуьшиа ногама съпирам“ („Слово св. Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ по списку XII в.“ *К. Невоструева*. М. 1868.) Въ виду этого мы, вѣроятнѣе всего, имѣемъ здѣсь дѣло не съ подлогомъ, а съ порчей текста.

[1]) Въ нашей рукописи описка: *стирать* вм. нужнаго „спирать“. Исправляю по тексту Лихачева.

[2]) Есть еще другая фамилія Измайловыхъ—литовскаго происхожденія.

XIV вѣкъ

№ 2.—1351—1402 г.—Купчая, по коей великий князь рязанский Олегъ Ивановичъ съ зятемъ своимъ Иваномъ Мирославичемъ продали Солотчинскому монастырю Өедорково селище.

Списокъ съ списка подлинныя грамоты слово въ слово.

Изъ, князь великиі Олгъ Ивановичь, поговоря з зятемъ своимъ с Иваномъ Мирославичемъ, продали есми святѣй Богородицѣ на Солотчю игумену Өедору Өедорково селище. Ато [1]) зовутъ къ себѣ людей, и тягость имъ ненадобна три лѣта. А волостель мой въ околицу не въѣждаетъ, ни ямщикъ, ни боровщикъ, ни бобровникъ; а резалною 60 виною и поличнымъ, а тѣ знаютъ святую Богородицу игумена Өедора. А пожаловалъ есми съ стольникомъ своимъ Александромъ Глѣбовичемъ и чашникомъ своимъ Григорьемъ Яковлевичемъ.

У подлинной грамоты назадѣ пишетъ:

Явлена.

У подлинной же грамоты печать.

Къ подлинному списку архимандритъ Павелъ руку приложилъ.

А подлинная грамота въ Солотчинскомъ монастырѣ въ казнѣ. Беларь Пахомей руку приложилъ.

При родосл. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, столб. родосл. № 160 склейка 6.

---

[1]) Слѣдуетъ вѣроятно: *А что*.

XV вѣкъ.

№ 3.—Съ нач. XV в.—1463.—Жалованная несудимая грамота послѣдняго ярославскаго князя Александра Ѳедоровича Брюхатаго[1]) Александру Рудину на село Онисимле съ деревнями.

Списокъ съ ввозной грамоты великаго князя[2]) Александра Ѳедоровича.

Се азъ, князь Александръ Ѳедоровичь, пожаловалъ есми Александра Васильева сына Рудина: хто въ его землѣ въ Онисимлѣ селѣ и въ деревняхъ, кои деревни истарины потягли къ Онисимлю, и въ Проку и Высоцкомъ да на Дубоносѣ[3])—хто иметь жити его людей и моихъ людей вольныхъ въ тѣхъ земляхъ, и мои вольные люди и доводчики къ Олександру въ тѣ земли не въѣзжаютъ и ихъ сылаютъ не по што, ни пристава на Александра и на его людъ не даютъ, ни судятъ ихъ: судитъ Александръ свой людъ самъ. А смѣшается судъ Александровымъ людемъ съ волостнымъ человѣкомъ, и Александръ судитъ съ волостелемъ, а[4]) прибытокъ по человѣкѣ: чей человѣкъ, [того и] прибытокъ; а тѣмъ людемъ Александровымъ ненадобь имъ никакова ......линъ, ни тамга, ни явка, ни но[во]женая куница. А што Александровы люди купятъ или продадутъ, и они[5]) являютъ своему

---

[1]) Когда этотъ князь вступилъ на престолъ—неизвѣстно. Въ 1463 г. ярославское княженіе продано Ивану III. Умеръ Александръ Ѳедоровичъ въ 1471 г. *Экземплярскій*, В. и уд. князья, т. II, стр. 94—96.

[2]) Ярославскіе помѣщики Рудины, представившіе эту грамоту въ Разрядъ 20 февр. 1687 г. при своей родословной, сами не знали уже, какой это кн. Александръ Ѳедоровичъ упоминается въ ихъ грамотѣ, и полагали, что это Александръ *Невскій*. Они начинаютъ свою родословную такъ: „при в. князѣ Александрѣ Ѳеодоровичѣ Невскомъ служили...“

[3]) Въ XVII в. (въ концѣ) эти мѣстности, по указанію родословной, находились въ Едомской вол. Ярославскаго уѣзда.

[4]) Въ ркп. *и*

[5]) Въ ркп. по ошибкѣ *и не*.

старшему Александру. А пожаловалъ есми его своею госпожею маткою княгинею Авдотьею. А грамоту писалъ князь Александровъ дьякъ Филатъ.

А у подлинной грамоты печать на черномъ воску.

При родословной росписи ярославскихъ помѣщиковъ Рудиныхъ, кн. Герольдм. конторы къ № 241 лл. 619 об.—620.

№ 4.—1424 г. января 30.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Дмитріевича Ив. Кафтыреву на земли въ Осѣцкомъ стану Костромскаго уѣзда [1])

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великіи Василей Дмитрѣевичъ, пожаловалъ есми Ивана Кафтырева, отоего [2]) земли въ Костромскомъ уѣздѣ въ Осецкомъ стану, и тѣ-де земли у него нынеча опустѣли моромъ и межениною вымерли, а иныя розошлися. И кого къ себѣ перезоветъ на тѣ на свои земли люди тутошнихъ сторожильцевъ, и тѣмъ людямъ не надабедь мая дань на три годы, ни ямъ, ни подвода, ни письчая бѣлка, ни иная никоторая пошлина. А каго къ себѣ перезоветъ люди на тѣ земли из ыныхъ княженій, а не изъ моей вотчины изъ великого княженія, и темъ людямъ пришлымъ на десять лѣтъ нѣнадобѣдь мая дань и письчая бѣлка, ни ямъ, ни подвода, ни иная никоторая пошлина. А мои намѣсницы костромские и ихъ тиуни до уроковъ к темъ людямъ пришлымъ и старожильцемъ, кого къ себѣ призоветъ, и к темъ людямъ пришлымъ не въсылаютъ ни по што, ни доводщики

---

[1]) Грамота эта, судя по всему, была весьма тщательно списана съ подлинника: скопированъ даже внѣшній видъ нѣкоторыхъ буквъ, удержано ѡ, которое въ копіяхъ вообще почти не встрѣчается. Копія, по ея снятіи, провѣрена была дьякомъ, который другими чернилами сдѣлалъ кое-какія поправки; рукѣ дьяка принадлежитъ написанная „складомъ" (т. е. прописью) дата грамоты и замѣчаніе о восковой печати. Дата грамоты написана сперва была буквенными цифрами: ҂ЅЦВ (6902), которыя даютъ 1394 г.; но дьякъ зачеркнулъ эту цифру и поставилъ прописью 6932 г. (1424 г.) Родословная роспись, упоминая объ этой грамотѣ, данной Ив. Ив. Кафтыреву, приводитъ 6902 г.; впрочемъ, копію съ грамоты писало, кажется, то же самое лицо, коимъ написана и самая роспись. Хотя оба эти года относятся къ княженію одного и того же вел. кн. московскаго Василія Дмитріевича, однако намъ думается, болѣе вѣроятія заслуживаетъ послѣдняя изъ этихъ двухъ датъ, по поправкѣ дьяка—1424 г. Внизу склейки рукой послѣдняго приписано: „чолъ И. П".

[2]) Вѣроятно, *отца его*.

ихъ у нихъ побора не берутъ, опрочѣ душегубства, а судитъ тѣхъ людей пришлыхъ до уроковъ самъ Иванъ. А смѣщаедца (sic) судъ волостнымъ людямъ сь его людьми, и намѣсницы или воластели ихъ тиуни судятъ, а Иванъ съ ними судитъ или кому прикажетъ, а присудомъ ся дѣлатъ [1]). А отсидятъ свои уроки, и они [2]) потянутъ з боярскими сиротами къ чернымъ людямъ въ дань мою по силѣ, а судомъ къ городу. А через сю мою грамоту хто что на нихъ возьметъ или ихъ чѣмъ изобидитъ, быти отъ меня въ казни. А дана грамота на Москвѣ мѣсяца генваря въ 30 день въ лѣто шестьтысящное девятьсотное тридцать второе.

У подлинной грамоты позади пишетъ: Михайло Ѳедоровичь.

Печать вислая на питкѣ на черномъ воску.

При родосл. росписи Кафтыревыхъ, родосл. столб. № 91 склейка 3.

№ 5.—1425 г. августа 28.—Грамота великаго князя московскаго Василія Васильевича Темнаго о пожалованіи Ивану Григ. Раслу съ сыномъ Конономъ волости Лузы въ кормленіе.

Списокъ з жалованной грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Василей Васильевичь всеа Руси, пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Расла, прозвище Ивятя, Протасьева и сына его Конона Ивановича волостью Лузою за ихъ къ намъ выѣздъ въ кормленья. И вы, всѣ люди тое волости, чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдаютъ, а судити и ходити велятъ у васъ тіуномъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку. Писанъ на Москвѣ лѣта 6933-го августа въ 28 [3]) день.

А у подлинной грамоты назади пишетъ:

Князь великиі Василей Васильевичь всеа Руси.

Печать вислая—на красномъ воску орелъ.

При родосл. росписи Протасьевыхъ, столб. родосл. № 59 склейка 4; также при росписи Чаадаевыхъ, кн. Герольд. конт. къ № 241 л. 1006 обор.

---

[1]) Въ рукописи стоитъ: *дѣлать*.

[2]) Въ ркп. *и ни*.

[3]) Въ копіи при росписи Чаадаевыхъ стоитъ цифра 27.

№ 6.—1426 г. апрѣля 20.—Грамота великаго князя московскаго Василія Васильевича Темнаго о пожалованіи Ив. Григ. Раслу съ сыномъ Конономъ мещерскихъ городовъ Елатмы и Кадомы въ намѣстничье кормленіе.

Списокъ з жалованной грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Василей Васильевичь всеа Русиі, пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Расла, прозвища Иватя, Пратасьева и сына его Конона Ивановича въ кормленье въ Мещерѣ городомъ Елатмою и Кадомою съ мыты и съ перевозы и со всѣми намѣстничьи доходы и съ пошлиною, что было дано за выѣздъ отцу ево Иванову. И вы, всѣ люди тѣхъ городовъ и становъ и волостей, чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдаютъ, а судити и ходити велятъ у васъ тіунамъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку. Писанъ на Москвѣ лѣта 6934-го году апрѣля въ 20 день.

А у подлинной грамоты назади пишетъ:

Князь великиі Василей Васильевичъ всеа Русиі.

Печать на красномъ воску вислая.

При родосл. росписи Протасьевыхъ, столб. родосл. № 59 склейка 4, также при росписи Чаадаевыхъ, кн. Гер. конт. къ № 241 лл. 1006—1007 [1]).

№ 7.—1427—1456 г.—Жалованная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Өедоровича [2]) Солотчинскому монастырю на село Филиповичи съ уѣздомъ.

Списокъ съ списка подлинныя грамоты слово въ слово.

Азъ, князь великиі Иванъ Өедоровичь, поговоря з дядею своимъ и Григорьемъ с Ывановичемъ, пожаловалъ есми игумена Ларивонья Пречистыя монастыря Салотчинского: далъ есми село свое Өилиповичи съ уѣздомъ покамѣстъ уѣздъ былъ къ тому селу моей бабѣ великой княгини Соөіи; и онъ вѣдаетъ по тому жъ съ нивами и съ по-

---

[1]) При росписи Чаадаевыхъ на этомъ же листѣ слѣдуетъ начало другой древней грамоты: „Се азъ, князь велики Василей Васильевичъ, пожаловалъ есми Матвѣя Ивановича Иватина да сына его..." На этомъ л. 1007 обрывается и далѣе идетъ росппсь кн. Чертенскихъ.

[2]) Внукъ знаменитаго рязанскаго князя Олега Ивановича, сынъ Өедора Ольговича; † 1456 г.—*А. В. Экземплярскій*, Вел. и уд. князья, т. II стр. 596—599.

жнею и со всею пашнею. А люди къ себѣ зоветь съ ыныхъ сторонъ— и кого къ себѣ призоветъ из ынова княженія, и язъ далъ тѣмъ людемъ—данъ свои и ямъ отложилъ на три года. А въ одномъ княжевьѣ кого къ себѣ призоветъ людей, и тѣмъ на два года не надобѣть ни данья, ни яму. А волостель мой въ его въ уѣздъ не въѣждаетъ, ни боровъщикъ, ни бобровникъ, ни закосникъ, ни бортникъ. А резальника ѿ҃з (sic) вина полишная и татинъ рубль изъ его села изъ ѣзда къ волостелю моему неидетъ, а что учинитца татьба въ его уѣздѣ промежъ людей ево (sic). А пожаловалъ есми бояриномъ своимъ Прокофьемъ Давыдовичамъ [1]) и стольникомъ Яковомъ Ивановичемъ, чашникомъ Семеномъ Глѣбовичемъ, чашникомъ жа Ѳедоромъ Юрьевичемъ.

У подлинной грамоты печать.

У подлинной же грамоты назадѣ пишитъ: Явлена.

Къ подлинному списку архимандритъ Салотчинского монастыря Павелъ руку приложилъ, а подлинная грамота въ Салотчинскомъ монастырѣ въ казнѣ.

Келарь Пахомей руку приложилъ.

При родословной росписи Апраксиныхъ - Вердеревскихъ, родосл. столб. № 160 склейка 6.

№ 8.—1427—1456 гг.—Жалованная несудимая и льготная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ѳедоровича Аѳанасію да Васькѣ Бузовлямъ на селе въ волости Острой Лукѣ.

Списокъ з грамоты [2]).

Язъ, князь великиі Иванъ Ѳедоровичь, пожаловалъ есмь Аѳанаса Бузовля да Васку Иванова сына Бузовля: далъ есмь имъ сѣсти въ

---

[1]) Изъ фамиліи *Шиловскихъ*, рязанскихъ дворянъ. См. ихъ роспись въ кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 1143 1182, также родосл. сборникъ Руммеля и Голубцова, стр. 716.

[2]) Въ росписи старинныхъ рязанскихъ помѣщиковъ Бузовлевыхъ, при коей представленъ былъ подлинникъ этой грамоты, имѣются любопытныя данныя относительно иногда практиковавшагося въ ту эпоху способа храненія фамильныхъ документовъ. „Въ лѣто 6910, во дни великого князя Ѳедора Олговича рязанского, былъ нѣкто мужъ татарскіе породы Чекнугай, прозвище Бузовль, а откуда онъ выѣхалъ на Рязань при томъ великомъ князѣ, про то невѣдомо за многими лѣтами и затѣмъ, что которыя были даны жалованныя грамоты того великого князя Ѳедора Олговича на выѣздъ, и тѣ грамоты въ татарское разоренье пропали: а какимъ поведеніемъ пропали, и про то извѣститца въ сей родовой росписи ниже сего". Одинъ изъ Бузовлевыхъ, Степанъ Васильевичъ, при царѣ

)стролуцѣ, что Иванъ Бузовль купилъ у Остролуковыхъ у Михаля
а у Васки отца ихъ село и вотчину землю бортную, а Ѳедоръ Бу-
зовлевъ у брата своего у Ивана купилъ половину того села и поло-
вину вотчины земли бортной, и Ѳеанасу знати брата своего Ѳедорову
куплю его жеребей половину того села въ Острой Луцѣ и половину
вотчины земли бортной, а Васки отца своего куплю Ивановъ жеребей
знати половину того села Остролуковыхъ и половину вотчины земли
бортной, и езы, и перевѣсья всѣ имъ знати по половинѣ. И кого при-
зовутъ къ себѣ на то мѣсто новыхъ людей с ыныхъ сторонъ, пени
есмь отложилъ имъ по ихъ приходъ, а дань и ямъ не надобя имъ,
ни которая тягость на 3 года. А волостели мои въ околицу ихъ не
въѣждаютъ, ни ямщикъ, ни бобровникъ, ни боровщикъ, ни закасникъ,
а резанка ǯ-ть, вина и поличноя къ волостелю моему отъ нихъ изъ
околицы нейдетъ, ни татинъ рубль, што учинитца татьба въ ихъ околи-
цы промежъ ихъ которог (sic) людей. А пожаловалъ есмь ихъ съ околь-
ничемъ Григорьемъ Давыдовичемъ [1]) да чашникомъ своимъ Ѳедоромъ
Юрьевичемъ.

А въ подлинной грамотѣ лѣта и числа не написано. А которая
была у той грамоты печать, и та печать во многіе годы стерлась. А
назади написано, и того прочесть невозможно для того, что во многія
лѣта стерлось же. Да назади жъ написано черленымъ чернилом такова: Л.

На оборотной сторонѣ списка съ грамоты рукоприкладства: 1)
Льва Бузовлева и вмѣсто его отца Ипатія Григ. и дяди Вас. Мих.
Бузовлевыхъ, 2) Якова Б. и вм. Богдана и Любима Бузовлевыхъ,
3) Савы Б. и вм. Ивана Дм. и Ивана Терентьев. Бузовлевыхъ,

Ѳедорѣ Ивановичѣ взятъ былъ въ плѣнъ въ Крымъ, гдѣ и пропалъ безвѣстно.
Ниже въ росписи читаемъ: „а которыя жаловальныя грамоты, выше сего помя-
нутыя, были даны прародителю нашему Чекпугаю на выѣздъ, и тѣ грамоты въ
то татарское разоренье, какъ полономъ взяли Степана Бузовлева, пропали без-
вѣстно и послѣ его, Степана, у родственниковъ его ни у кого не объявились.
А которыя жаловальныя грамоты великихъ князей резанскихъ Ивана Ѳеодоро-
вича, Василія Ивановича и в. государя царя и в. кн. Ивана Васильевича помя-
нулись выше сего въ сей родовой росписи, и съ нихъ поданы списки за руками
всего роду подъ сею родовою росписью, и тѣ жалованныя грамоты послѣ его
Степанова полоннаго взятья нашелъ Иванъ Родіоновъ сынъ Бузовлевъ (жившій
около половины XVII в.)—*зарублены въ липѣ*. А, знатно, и тѣ жаловальныя гра-
моты в. кн Ѳедора Ольговича резанскаго пропали такимъ же обычаемъ — *гдѣ
зарублены въ такомъ же деревѣ.*"

[1]) Изъ фамиліи *Шиловскихъ*. См. выноску выше на стр. 8.

4) Степана Б. и вм. Ив. Ив. да Дм. Бузовлевыхъ, 5) Григ. Бузовлева вм. Агапа Бузовлева.

Родословный столбецъ № 81, склейка 3 (при родосл. росписи Бузовлевыхъ).

№ 9.—1434 г.—Жалованная несудимая и льготная грамота великаго князя московскаго Василія Васильевича Темнаго Гридкѣ Свиньину на переяславль-залѣсское сельцо Романовское съ деревнями.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь великіи Василей Васильевичь, пожаловалъ есми Гридку Андреева [сына] Свиньина въ Переяславлѣ своимъ сельцомъ Романовскимъ и з деревнями, што была деревня за Загаровымъ, и съ хлѣбомъ и з серебромъ и з животиною—со всѣмъ съ тѣмъ, что въ немъ есть и что к нему по тяглу истарины и судомъ; да также есмь его пожаловалъ—намѣсничьи мои переславскіе избы пошлины Гридкѣ въ то селцо и въ деревни къ его людемъ не всылаютъ ни по што да и кормовъ у нихъ не емлютъ, а доводчики побора у нихъ не берутъ и не судятъ ки...ни его люди ни въ чемъ, опроче душегубства, а судить своихъ людей Гридка самъ во всемъ или кому прикажетъ. [А] случитца [1]) судъ смѣсной, и тивуни судятъ, а Гридка съ ними судитъ, а присудомъ ся дѣлятъ наполы. А кому будетъ чего искати на Гридкѣ или на его прикащикѣ, ино ихъ сужу азъ, князь великій, самъ или мой бояринъ ведены. Лѣта 6942-го году.

А назади у подлинной грамоты пишетъ: Өедоръ Михайловичъ. А въ концѣ печать на черномъ воску. А иныхъ словъ въ подлинной грамотѣ росмотрѣть не мочно, потому что въ тву мѣстехъ строки передраны.

При родословной росписи Свиньиныхъ, кн. Гер. к. къ № 241 л. 718.

№ 10.—1441 г. апрѣля.—Отрывокъ жалованной несудимой и льготной грамоты великаго князя московскаго Василія Васильевича Темнаго, данной Семену Писареву.

Начала грамоты нѣтъ.

...а прибыткомъ ся дѣлятъ. А отсидятъ тѣ люди урочныя лѣта, и они [2]) потянутъ въ мою дань по силѣ. А кому будетъ чего искати на самомъ Сенкѣ, ино его сужю [3]) азъ, князь велики, или мой бояринъ

---

[1]) Въ ркп.: *смѣшаетца.*

[2]) Въ ркп. *ини.*

[3]) Въ ркп. *и коего суду.*

едены. А хто ся сее моей грамоты ослушаетъ, быти отъ мене въ зни. А на сю грамоту ины грамоты нѣтъ. А дана грамота на Коомнѣ апрѣля въ лѣто 6949-е.

Назади пишетъ: Князь велики.

У подлинной грамоты *въ девятьсотомъ* году переправлено инымъ рниломъ.

При родословной росписи Писаревыхъ, Герольд. конт. кн. къ 241 л. 532.

11.—XV в., вторая половина.—Жалованная грамота удѣльнаго нязя пронскаго Θедора Ивановича дядѣ его Григорію Ивановичу на землю подъ Чижовскимъ лѣсомъ.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Азъ, князь Θедоръ Ивановичь [1]), пожаловалъ есми дядю своего ригорья Ивановичь: далъ есмь ему сѣсти на Кишнѣ подъ Чижовимъ лѣсомъ; и призоветъ къ себѣ людей съ обѣихъ сторонъ—а го къ себѣ призоветъ новыхъ людей, тягость имъ ненадобѣ никото на три лѣта; а въ околицу въ его волостель мой не вьѣждаетъ, ямникъ [2]), ни боровщикъ, ни бобровникъ. А изъ околицы изъ его занья 3 вина поличная, рубль татинъ къ волостелю моему нейдетъ. А жаловалъ есмь его Александромъ Глѣбовичемъ, стольникомъ своимъ ригорьемъ Васильевичемъ [3]).

При родосл. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, родосл. столб. 160 склейка 6.

---

[1]) Это, по всей вѣроятности, удѣльный пронскій князь Θедоръ Ивановичъ, вшій въ XV в., о коемъ нѣтъ прямыхъ лѣтописныхъ данныхъ. Другого Θера Ивановича нѣтъ въ поколѣніи рязанскихъ князей. Притомъ свѣдѣнія, сообемыя нашей грамотой, сходны съ показаніями родословій: мать упоминаемаго грамотѣ Григорія Ивановича, родная сестра в. кн. Олега Ивановича Настасья ановна (жена мурзы Салахмира, въ крещеніи Ивана Мирославича), была двоюдной сестрой пронскаго князя Владиміра Ярославича-Дмитріевича, родного дѣда шего Θедора Ивановича; слѣдовательно, сынъ ея Григорій Ивановичъ, дѣйствиьно, приходится дядей Θедору Ивановичу, какъ показано въ нашей грамотѣ. . родословіе князей рязанскихъ въ I т. „Бархатной книги“ Новикова, родосвныя таблицы рязанскихъ князей у Экземплярскаго—„В. и удѣльн. князья“, II, и у Иловайскаго—„Исторія Рязанскаго княжества“, соч. т. I.

[2]) Сперва написано было *ямщикъ*, но поправлено.

[3]) Въ концѣ грамоты было написано: „У подлинной грамоты назади пиъ: „князь великій“. У подлинной же грамоты печать“, но зачеркнуто тѣми же рнилами, коими написанъ и самый списокъ грамоты.

№ 12.—XV в., вторая половина.—„Родовое письмо“ фамиліи рязанскихъ помѣщиковъ Шиловскихъ.

Списокъ родового письма.

Въ лѣто 6751 [1]) ис цесарскія державы римскія страны мужи славены и добра рода Александеръ да Михалька Кастантьевича [2]) Шиловскіе пріѣхали х королю Лешку польскому, а въ то время княжащу [3]) въ Кіевѣ великому князю Данилу Романовичю; тотъ же велики князь Данило Романовичь писася самодержцемъ рускіе земли, сыну же своему Льву вдя дочь короля Венгерского. И слыша, что кіевскіе князи храбрые и благочестію ревнители, и не восхотѣ жити у короля польского Лешка; покиня ма[ет]ности, пріѣхали въ Кіевъ къ великому князю Данилу Романовичю и къ сыну его князю Льву, а съ ними челюдныхъ 86 мужей, а нагии и приняли радосно и удоволили честію великою и богатствомъ. А по смерти отца своего великого князя Данила Романовича, великій князь Левъ Даниловичъ повеле заложити великіи градъ и, создавъ, повеле назвати отъ своего имяни Львовъ, Александра же Костентивича посади наместникомъ во Львовѣ [4]) во владѣнья взаему [5]), Михаля же удержава при себѣ—въ покои своемъ путѣ правилъ. А послѣ великого князя Льва Даниловича въ Кіевѣ пребывая [6]) владѣя даньемъ [7]) великого князя Льва Даниловича. А приде [8]) въ Кіевъ велики князь Литовскій Гидимонтъ, а кіевски князь Станиславъ своими полки и князи встрете на рѣкѣ Пирнѣ, и на той рѣкѣ отъ Гедимина побѣжденъ князь кіевскій Станиславъ своими силами; а Михалка с сыномъ Юрьемъ на томъ бою убили. А князь кіевскій Станиславъ побѣже князю резанскому *и потомъ самъ княземъ* [9]), а бояръ взялъ съ собою Дмитра Александровича Шиловского да Василья Яковича Поляновского; а Михалковъ сынъ Казимеръ поиде х королю польскому Ягелу; на дорогѣ Дмитро

---

1) Въ самой росписи *6718*.

2) Въ росписи *Константовича*.

3) Въ ркп. *княжаху*.

4) Въ ркп. *во Лътавѣ*.

5) Вѣроятно, *вда ему*.

6) *Пребывалъ?*

7) Въ ркп. *данъ ему*.

8) Въ росписи: *приде войною*.

9) Въ росписи: *потомъ и самъ княземъ былъ*.

умре, а сына его Владислава взялъ съ собою—по великомъ князѣ Станиславѣ въ княженьяхъ резанскихъ въ чести пребывалъ Владиславъ с сыномъ Александромъ: иде имъ татинъ рубль и пошлина. У Александра сынъ Тимошъ да Давыдъ. А не ходивши они къ муромскимъ княземъ *данъ симъ* на владѣнье великихъ князей рязанскихъ з бояры и съ мужи владѣти даньемъ своимъ. У Тимоша сынъ Ананья, у Давыда два сына: Григорей, Прокофей; у великого князя Ивана Θедоровича Григорей Давыдовичъ окольничей, съ нимъ чашникъ ево великого князя Θедоръ Юрьевичъ. У Григорья сынъ Василей Григорьевичъ такъ рекъ: великиі князь Иванъ Θедоровичь, что есми изъ старины дали прадѣды наши великіе князи двѣ околицы, пять погостовъ, писано *въ ней триста семи слохосна полтора скаеми заечные сто и шездесятъ веприя и зауковъ двесте семинаси з бортны мнозе мом* и съ озеры и съ перевѣсищи съ резанскими шездесятъ съ навинами и стольнами со всѣми пащенными, и то знаютъ еси они жъ, коимъ старины и село Нельское и отъ Коляду внизъ Окя рѣки по берегу, а въ селѣ церковь Успенія Пречистые, предѣлы чюдотворце Микола да Катерина великая съ вотчиною землею и съ крестьяны съ пожнями по рѣкѣ по Окѣ и по озеро Бокина и Боровое и Азерки и всякія рыбныя ловли и мыто и перевозъ и перевѣсъ со вспуды и з бортною землею и з бортники и съ лѣсомъ и з звѣринымъ; и тѣхъ бортниковъ, которые имъ даны, свободно имъ посылать и доходъ бортничей съ нихъ имать, а бортникомъ великого князя знати свои угодья и озеры подселные всѣмъ еси власти из старины своимъ владѣньемъ. А за честь Ананьи Тимошевича, что ему велѣлъ велики князь быть въ чинех зритель пути полкомъ на первыхъ бояръ и мужей, и Григорью Давыдовичю за его честь околицу бортную за Глѣбовскимъ лѣсомъ на рѣчкѣ на Тынордѣ помѣсную и бортную землю и з бортники деревню Первичь съ угодьи и со крестьяны, да на рѣчкѣ Непложѣ деревня Тодакова со крестьяны и съ земомъ и съ угодьи. А хто къ нимъ людей и крестьянъ придетъ въ ихъ селы и околицы и в деревни жить за нихъ изъ ыныхъ княжени, а не изъ великого князя вотчины, и тѣмъ людемъ пришлымъ, по данью великого князя, не надобе его, великого князя, дань и тягость никоторая на десять лѣтъ; а волостели великого князя къ нимъ въ околицу не въѣждаютъ и крестьянъ ихъ не замлютъ, ни ямщикъ, ни боровщикъ, ни бобровникъ, ни закосникъ, а поличное изъ нихъ изъ околицы къ волостелю великого князя нейдетъ, ни татинъ рубль, что учинитца въ ихъ околицы промежъ людей ихъ и крестьянъ, инъ не вступитъ: вѣдаютъ то ихъ властели. Писано съ подлинные выѣзжей грамоты, рука и печать великого кня-

зя. А чиновныя грамоты взялъ Данило Тимофѣевъ сынъ, а Угримъ Шиловской съ братомъ Григорьемъ списокъ взяли родовое письмо. Руку приложилъ Данило Шиловской.

При родословной росписи Шиловскихъ, Гер. конт. кн. къ № 241, лл. 1146—1148.

Примѣчаніе. Это „родовое письмо" приложено при росписи Шиловскихъ въ числѣ другихъ грамотъ, какъ документъ. Можно думать, что оно составлено во второй половинѣ XV в., въ княженіе в. кн. рязанскаго Ивана Өедоровича, или около этого времени, такъ какъ, повидимому, повѣствованіе ведется отъ имени Василья Григорьевича Шиловскаго („Василій Григорьевичъ такъ рекъ"), который былъ въ числѣ бояръ этого великаго князя (см. грамоту № 13, въ концѣ). Василій Григорьевичъ какъ бы отъ своего имени излагаетъ содержаніе двухъ грамотъ, данныхъ ему и его отцу в. княземъ Иваномъ Өедоровичемъ. Изъ конца „письма" видно, что оно, вмѣстѣ съ грамотами, куда то представлялось и потомъ было возвращено Угриму, Данилу и Григорію Шиловскимъ; а эти три лица—родные братья, жившіе въ первой половинѣ XVI в., какъ можно разсчитать по родосл. росписи Шиловскихъ, помѣщенной въ родосл. сборникѣ Руммеля и Голубцова, т. II стр. 717.

Курсивомъ отмѣчены мѣста и выраженія, которыя совершенно испорчены въ копіи и которыя оказалось невозможнымъ реставрировать.

№ 13.—1456—1483.—Правая грамота, данная великимъ княземъ рязанскимъ Василіемъ Ивановичемъ Остафію въ спорѣ его съ княжескимъ бортникомъ Сатей о правѣ собственности на озера Бонино и Боровое.

Списокъ съ судебной грамоты.

Си судъ судилъ князь великіи Василей Ивановичь. Тягался [1]) князя великого бортникъ Сота съ Остафьемъ: „отнялъ, господине, у насъ, у твоихъ великого [2]) князя бортниковъ у Михалька у Федусова да у мене съ товарищи, во озерехъ рыбные жеребьи и земецкіе во озерехъ в Бокинѣ да въ Боровомъ озерѣ. И князь великіи вопросилъ Остафья: „отвѣчай!" И Остафей такъ рекъ: „тѣ, господине, озера дѣда моего и отца моего и мои прежнія, а тѣмъ, господине, твоимъ великого князя бортникомъ Сотѣ съ товарыщи въ тѣхъ моихъ озерахъ въ Бокинѣ да въ Боровомъ жеребья имъ нѣту, ни рыбы у мене на жеребей изъ тѣхъ озеръ не мывали". И князь великіи вспросилъ Сати:

---

[1]) Въ ркп. стоитъ *пвагалька.* Очевидно, переписчикъ не разобралъ этого слова въ подлинникѣ.

[2]) Въ ркп. *войскаго.*

ому жъ то вѣдомо, что вы у Остафья изъ тѣхъ озеръ имывали жеебы?" И Сота такъ рекъ: „есть, господине, у мене на то твои велиого князя люди добрые, земцы мои Михалько Федусовъ доопро [1]) того, сподине, Еска Черной да Иванка Ермоловъ да Семеруковы Иванка Панка—тѣмъ, господине, вѣдомо: при твоемъ ещо отцѣ великомъ низи Иванѣ Ѳедоровичи сидѣли есмя у того Остафья въ селѣ, а изъ ѣхъ озеръ жеребья и земецкіе имали. Тако же, господине, и послѣ тца твоего преставленья великого князя вышедъ есми отъ него въ юе великого князя село къ Ески Черному три годы и имали есмя него съ тѣхъ озеръ жереби; на тѣхъ ся, господине, и шлю". А Остафей такъ рекъ: „а я, господине, на томъ на нихъ шлюся жъ." И ришедъ тѣ люди передъ великого князя да въ тѣхъ рѣчахъ Сатю правили, а Остафья обьвинили. И Остафей такъ рекъ: „обвинили ме, господине, не по моимъ дѣламъ: человѣкъ мой, господине, на омъ цѣлуетъ крестъ, а язъ шлю битца, что тотъ Сатя и съ Михаломъ и съ товарищи изъ тѣхъ озеръ жеребьевъ земецкихъ не имываи". А Михалка да Сатя съ товарыщи такъ рекли: „а мы, господине, ѣловавъ крестъ, шлемъ одного межи себя на поле [2]) битца". И приудилъ князь великіи поле тотъ же день. И на срокъ у поля обои сци стали, и Сотя да Михалко тако рекли: „поцѣлуй, господине, на омъ крестъ твой Остафьевы люди Тюфонъ да братъ его Гаврилко да ванко Бородатой да Устинъ, какъ то будетъ у тебя съ тѣхъ озеръ ереби земецкого не имывали, ино, господине, мы готовы збиты". И стафей такъ рекъ: „велю, господине, тѣмъ людемъ на томъ крестъ ѣловати". И на срокъ на Петровъ день тѣ люди Остафей поставилъ и рестъ на томъ цѣловали. И потому князь велики [Василей] Ивановичь Остафья оправилъ, а Сатю да Михалка и ихъ товарищей обвинилъ. А на судѣ были бояре: Прокофей Давыдовичь, Яковъ Ивановичь, Ѳедоръ Юрьевичь, Назарей Юрьевичь, Василей Григорьевичь, енисей Юрьевичь.

А у подлинной судебной грамоты подписалъ великого князя якъ Асей Федоровъ. А печать великого князя.

При родословной росписи Шиловскихъ, Герольдм. конт. кн. къ 241 лл. 1148 обор.—1149.

---

[1]) Вѣроятно, *да опричь*.

[2]) Въ ркп. *посе*.

№ 14.—1461 г.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Васильевича Темнаго Алексѣю Краснослѣпу на пустошь Хоробровскую Деминской волости Суздальскаго уѣзда.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь велики Василей Васильевичь, пожаловалъ есмь Алексѣя Краснослепа пустошью Хоробровскою, его отчиною, въ Суздальскомъ уѣзде в Деминской волости со всѣмъ съ тѣмъ, что х той деревнѣ потягло из старины. И кого къ себѣ Алексѣй перезоветъ людей жить на ту пустошь из ыныхъ княженей, а не изъ моей отчины великого княжения, ино Алексѣю и тѣмъ ево людямъ пришлымъ ненадобѣ имъ моя дань великого князя на шесть лѣтъ, ни ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни костъки, ни коня моево не кормятъ, ни сѣнъ не косятъ, ни къ соцкимъ, ни х дворскимъ не тянутъ ни въ какіе протори, ни въ розметы, ни иные никоторые имъ пошлины не надобѣ; а людей ему моихъ князя великого тяглыхъ писмяныхъ не прінимать. А намѣсницы мои суздальскіе и деминскіе волостели и ихъ тиуны Алексѣя и его людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ, а праведщики и доводщики поборовъ своихъ не берутъ и не въѣзжаютъ къ нимъ ни по што, а вѣдаетъ и судитъ своихъ людей Алексѣй самъ во всемъ. А случится судъ смесной городцкимъ людямъ или волоснымъ, и намѣсницы мои суздальскіе и волостели деминскіе и ихъ тиуны судятъ, а Алексѣй съ ними судитъ, а прибыткомъ ся дѣлятъ на полы. А кому будетъ чего искать на самомъ Алексѣѣ, ино его сужю язъ самъ, князь велики, или мой бояринъ введены. А отсидятъ тѣ люди свои урошные лѣта, и они потянутъ въ мою дань по силѣ. А черезъ сю мою грамоту хто что на нихъ возьметъ или чѣмъ изобидитъ, быть отъ меня, великого князя, въ казни. А дана грамота в Володимере в лѣто 6969.

А у подлинной грамоты позади пишетъ: Князь великии.

Подъ тѣмъ пишетъ же:

По сей грамотѣ князь великии Иванъ Васильевичь пожаловалъ, сей грамоты рушить не велѣлъ.

А подписалъ Василей дьякъ.

А приказалъ Өедоръ Васильевичь.

Печать на черномъ воску небольшая, а какая, разсмотрить немочно потому, что постерлась [1]).

---

[1]) Списокъ съ грамоты за рукоприкладствомъ Константина Каблукова.

При родословной росписи Каблуковыхъ, родосл. столб. № 53 ейки 5—6.

15. - 1461 г. октября 9.—Жалованная несудимая грамота ве-каго князя московскаго Василія Васильевича Темнаго кн. Ларѣ тетовскому на сельца въ Красносельскомъ и Волоцкомъ станахъ.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великъ Василей Васильевичь, пожаловалъ есмъ рю Бунака княжъ Михайлова сына Хотетовского на рѣкѣ па зьмѣ въ Красносельскомъ стану сельцо Литвиновское з деревнами, въ Волоцкомъ стану сельцо Митково з деревнями и съ пустошми, къ тѣмъ деревнямъ по тяглу; а намѣсницы мои и ихъ тіуніи (sic) судятъ Ларю и его крестьянъ ни въ чемъ, опричь душегубьства разбоя и татьбы съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ у нихъ не ем-тъ, ни въѣзжаютъ къ нимъ ни по что, а проветчики и довотчики боровъ своихъ у нихъ не емлютъ и не въѣзжаютъ къ нимъ ни по , а вѣдаетъ и судитъ своихъ людей Ларя самъ или кому прика-тъ. А кому чего искать на Ларѣ и на его приказщикѣ, ихъ сужу , князь великиі, самъ или мой бояринъ введеной. А случитца [1] ринымъ людемъ з городецкими людьми или съ волостными судъ, и мѣстницы мои вяземскіе или волостели или ихъ тіуни судятъ, а ря съ ними судитъ или его приказщикъ, а присудомъ дѣлятся на-ы. А людей моихъ великого князя писменыхъ и неписменыхъ Ларѣ собѣ въ тѣ свои деревни и въ села не примати. Тако же есмъ рю пожаловалъ: кого къ собѣ въ тѣ села и деревни перезоветъ дей изъ Можайского, и тѣмъ людемъ инокняжцемъ ненадобе моя ь на Ларѣ—ни ямъ, ни подводы, ни коня моего не кормятъ, ни нъ моихъ не косятъ, ни къ соцкимъ [2]), ни къ дворскимъ не тянутъ въ которые проторы, ни въ розметы до ихъ урочныхъ лѣтъ; а на-сницы мои вяземскіе и ихъ тіуніи по тому жъ не судятъ, какъ и рожильцовъ, ни кормовъ своихъ не емлютъ, и правѣтчики и до-тчики поборовъ своихъ не берутъ, и судитъ своихъ тѣхъ людей шлыхъ Ларя по тому жъ, какъ и сторожильцовъ. А отсѣдятъ тѣ ди пришлые урокъ свой, и онѣ потянутъ въ мою дань и во всѣ туги по силамъ. А черезъ сю мою грамоту кто что па нихъ возь-тъ или чѣмъ изобидитъ, быть отъ меня, отъ великого князя, въ

---

[1]) Во II копіи *случися.*

[2]) Въ ркп. *нискольскимъ.*

казни. А дана [1]) грамота въ лѣто 6900 въ семьдесятное октября въ девятый день.

А у подлинной грамоты назадѣ пишетъ: Князь великъ.

При родосл. дѣлѣ Петра Бунакова, родосл. столб. № 152 склейки 2 и 3 (двѣ копіи).

№ 16.—1462—1505 гг. — Грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича о пожалованіи Ивану Осокѣ Хлѣбня Дорогочева да половины волости Негорья въ кормленіе [2]).

Списокъ з государевой грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь велики Иванъ Васильевичь всеа Росіи, пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Осоку Хлѣбнемъ Дорогочевымъ да половиною Негорья [3]) въ кормленье подъ городомъ подъ Клещеевымъ [4]). И вы, всѣ люди тѣхъ волостей, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и ходитъ у васъ по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего. А хто по кого взведетъ пристава моего великого князя, а будутъ оба истца тѣхъ волостей, и приставъ мой тѣхъ обоихъ истцевъ ставить предъ Ивакомъ или предъ его тіуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ истцевъ предъ Иваномъ или предъ его тіуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А который тѣхъ обоихъ истцовъ [5]) не учнетъ предъ Иваномъ или предъ его тіуномъ искати или отвѣчати, и язъ, князь велики, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

А назади подпись:

Князь велики Иванъ Васильевичь всея Росіи.

При родосл. росписи Пырьевыхъ, кн. Герольд. конт. къ № 241, три копіи: I—л. 448, II—л. 451 об., III—л. 459.

---

[1]) Во II копіи нѣтъ словъ *а дана*.

[2]) Несомнѣнно, что это грамота Ивана III: за ней слѣдуетъ грамота великой княгини Марьи Ярославны, а до нея—грамота вел. кн. Василія III. Притомъ упоминаемый въ этой грамотѣ Иванъ Григ. Осока былъ дѣдомъ Петра Пырьевича Осоки, служившаго царю Ивану IV.

[3]) Во II копіи: *Негорья волостью*.

[4]) Во II копіи *Плещеевымъ*.

[5]) Слова: *передъ Иваномъ... тѣхъ обоихъ исцовъ* пропущены во II копіи. Во всѣхъ трехъ копіяхъ вм. *который тѣхъ* написано „которые ете“, вм. *ѣзду*—„иску“.

№ 17.—1462—1504 гг.—Грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича [1]) о пожалованіи Вас. Сем. Карамышеву двухъ боровскихъ слободокъ въ путь.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Иванъ Васильевичь, пожаловалъ есми Василья Семеновича Карамышева въ Боровцѣ слободкою Ефимьевскою Ярцова да слободкою Касимовскою въ путь, какъ было за Дмитриемъ за Лыковымъ; а вы, бояря и слуги и всѣ люди того пути, чтите ево и слушайте, а онъ васъ блюдетъ, а ходитъ по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего. А кьто возведетъ пристава моего великого князя, а будутъ оба исца того пути, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцевъ ставитъ передъ Васильемъ Семеновичемъ или передъ ево тивуномъ. А не учнетъ приставъ мой ставить тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Васильемъ или передъ его тивуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А хто тѣхъ исцовъ [не уч]нетъ передъ Васильемъ Семеновичемъ или передъ его тивуномъ искати или отвѣчати, и [язъ, князь] велики, того велѣлъ обивити и грамоту ему есмь на него правую велѣлъ дати.

А позади пишетъ: Князь Иванъ Васильевичь.

Печать на черномъ воску, отъ ветхости гораздо помята.

При родосл. росписи Карамышевыхъ, столб. родосл. № 93 склейка 4.

№ 18.—1462—1505 гг.—Грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича о пожалованіи Ивану Племяннику Чавцы въ путь.

Се азъ, князь велики Иванъ Васильевичь, пожаловалъ есми Ивана Степановичь Племянника Чавцею въ путь [2]) по годомъ; а вы, бояря и слуги и всѣ люди того пути, чтите его, слушайте, а онъ васъ блюдетъ, и вѣдаетъ, и ходитъ по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего. А хто по кого взведетъ пристава моего великого князя, а будутъ оба исцы того пути, и приставъ мой ставитъ тѣ дѣла предъ Иваномъ Степановичемъ или передъ его тивуномъ; а не поставитъ

---

[1]) Родосл. роспись, склейка 1.

[2]) За этимъ словомъ въ копіи замѣчено: „въ подлинной въ семъ мѣстѣ разодрано и расмотрѣть не мочно“.

приставъ мой тѣхъ дѣлъ передъ Иваномъ или передъ его тивуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой истецъ не почнетъ передъ Иваномъ или передъ его тивуномъ искати или отвѣчати, и язъ того велѣлъ ему обинить и грамоту праву на него дати.

А назади подлинной припись:

Князь Дмитрей Ивановичь.

При росписи Молвяниновыхъ и Племянниковыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 605.

№ 19.—1462—1505 гг. Грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича о пожалованіи Ивану Племянникову Пушки и Осинцова въ кормленіе.

Се азъ, князь велики Иванъ Васильевичь [1]) всеа Руси, пожаловалъ есми Ивана Андреева сына Племянникова Пушкою и Осинцовымъ [2]) въ кормленье съ правдою и съ пятномъ. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ во всемъ по тому, какъ было прежъ сего.

А назади у подлинной припись:

Князь великиі Иванъ Васильевичь.

Печать у подлинной вислая на красномъ воску.

При росписи Племянниковыхъ и Молвяниновыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 606.

№ 20.—1462—1505 гг.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича Андрею, Ивану да Никитѣ Племянниковымъ на дворцовыя села въ Галицкомъ уѣздѣ.

Се азъ, князь великиі Иванъ Васильевичь всеа Русиі, пожаловалъ есми Андрея да Ивана да Микиту Ивановыхъ дѣтей Племянникова: что за ними въ Галицкомъ уѣздѣ въ Чюцкой волости мое великого князя село Даниловское да деревня Семенищево, и язъ ихъ къ тому пожаловалъ въ Галицкомъ же уѣздѣ въ Нагатинскомъ стану своимъ селомъ Ѳроловскимъ з деревнями и со всѣмъ есте, что къ нему потягло по тому жъ, какъ то село было. А присудомъ дѣлятца наполы. А кому будетъ чего искати на Андреѣ и на Иванѣ и на Ми-

---

[1]) Навѣрное, Иванъ III, такъ какъ далѣе при росписи за этой грамотой слѣдуетъ грамота Василія III, а предшествуетъ ей грамота Ивана III.

[2]) Послѣ этого слова замѣчено: „въ подлинной въ семъ мѣстѣ выдрано“.

китѣ или на ихъ прикащвкѣ, ино ихъ сужу язъ, князь велики, или мой бояринъ введены. А дана грамота...

А назади у подлинной припись: Князь велики всеа Русиі.

Печать на черномъ воску не орловая.

При росписи Племянниковыхъ и Молвяниновыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 605 об.—606.

№ 21.—1462—1505 гг.—Грамота великаго князя Ивана III Васильевича о пожалованіи Ивану Племянникову городка Орлова на Устюзѣ въ кормленіе.

Се азъ, князь велики Иванъ Васильевичъ, пожаловалъ есми Ивана Андреева сына Племянникова Орловымъ на Устюзѣ и Шольгою и Лвосткою и Ивановымъ погостомъ подъ......[1]) въ кормленіе съ пятномъ. И вы, всѣ люди того городка, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ о всемъ по тому, какъ было прежъ сего.

А назади подлинной припись:

Князь велики Иванъ Васильевичь всеа Роси.

При родосл. росписи Племянниковыхъ и Молвяниновыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 606 обор.

№ 22.—1462—1484 гг.—Грамота великой княгини Марьи Ярославны [2]), вдовы в. кн. московскаго Василія Васильевича Темнаго, о пожалованіи Ив. Осокѣ Малаховой слободы въ кормленіе.

Се азъ, княгиня великая Марья, пожаловала есми Ивана Григорьевича Осоку Малоховою слободою въ путь. [3]) И вы, бояре, и слуги, и всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ блюдетъ и ходитъ по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего. А взведетъ [4]) кто по ково пристава моего великія княгини, а будутъ [5]) оба

---

[1]) За этимъ словомъ въ копіи замѣчено: „въ подлинной выдрано на семъ мѣстѣ".

[2]) Дочь Ярослава Владиміровича, князя боровско-серпуховского. Вышла за Василія Темнаго въ 1433 г., умерла въ монашествѣ съ именемъ Мареы въ 1484 г. (Экземплярскій, В. и удѣльн. князья, т. I. стр. 187).

[3]) Въ I копіи нѣтъ словъ: „въ путь". Въ III копіи оставленъ пробѣлъ въ размѣрѣ этихъ словъ.

[4]) Въ III копіи: *сведетъ*.

[5]) Въ I копіи *а будс*.

истца тое волости, и приставъ мой обоихъ истцовъ ставитъ предъ Иваномъ или предъ его тіуномъ; а не поставитъ [1])—и приставъ ѣзду лишенъ [2]). А которой истецъ предъ Иваномъ или предъ его тіуномъ не станетъ искати или отвѣчати [3]), Иванъ или его тіунъ [4]) того обвинитъ и грамоту правою на него дасть.

При родосл. росписи Пырьевыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241, I копія—лл. 448 об.—449, II копія на л. 452, III на лл. 459 об.—460

№ 23.—1462—1492 гг.—Жалованная несудимая грамота удѣльнаго князя углицкаго Андрея большого Васильевича (Горяя) Ивану Сусѣду на сельцо Дементьево въ Святицкой волости Углицкаго уѣзда.

Се язъ, князь Андрей Васильевичъ [5]), пожаловалъ есми Ивана Сусѣда, что его сельцо Дементіево съ деревнями въ Святицѣ, да что прикупилъ собѣ Дубачевскіе деревни четверть, и хто оу него въ томъ селцѣ и въ деревняхъ оучнутъ жити людей, ино Иванъ темъ людемъ . . . . [6]) ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни костки, ни восменичее, ни коня моего не кормятъ, ни луговъ моихъ не косятъ, ни къ соцкимъ, ни къ десяцкимъ черными людми не тянутъ, ни въ какіе проторы, ни въ розметы, ни въ ыные ни въ которыя пошлины; и волостели мои святицкіе и ихъ тіуни оу нихъ, Ивана, и его людей не судятъ ни въ чемъ, опрочъ душегубства и розбоя и татьбы съ поличнымъ, также и кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ

---

[1]) Въ первой копіи: *а не поставилъ*.

[2]) Въ I копіи—*ѣзду лишилъ*, во II—*ѣзду лишелъ*, въ III—*ѣзди лишелъ*.

[3]) Во II *искать или отвѣчать*.

[4]) Въ I копіи *тіумъ*. Въ III: *и васъ или ею тіулъ того овитно*. Въ I копіи *и вамъ*.

[5]) Князь Андрей большой Васильевичъ былъ четвертый сынъ (р. 1446 г.) Василія *Темнаго*, великаго князя московскаго. У него было прозвище *Горяй* (II Псков. лѣт., П. С. Р. Л. т. Ѵ, 39); большимъ назывался онъ въ отличіе отъ меньшаго брата своего седьмаго сына в. кн. Василія Темнаго, кн. Андрея меньшаго Васильевича вологодскаго. По завѣщанію отца въ 1462 г. получилъ онъ въ удѣлъ Угличъ, Бѣжецкій верхъ, Звенигородъ и другіе города (Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, №№ 86—87). Въ 1492 г. старшій его братъ в. кн. Иванъ III велѣлъ схватить его и подвергнуть заключенію, въ которомъ онъ и умеръ въ 1494 г. См. *Экземплярскій*, Великіе и удѣльные князья, т. II, 142—151.

[6]) Пробѣлъ на слово или на два въ ркп.

нимъ ни по что. А праведщики и доводщики поборовъ своихъ на нихъ не емлють, ни всылаютъ къ нимъ ни по что, а судитъ и вѣдаетъ Иванъ своихъ людей [самъ] во всемъ или кому прикажетъ. А случится судъ смѣстный волостнымъ людемъ съ Ывановыми людьми, и волостели мои святицкіе и ихъ тіоуни судятъ, Иванъ съ ними жъ судитъ или его приказщикъ, а присудомъ дѣлятся на-полы. А кому чего будетъ искати на Иванѣ или на его приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь Андрѣй Васильевичъ, или мой бояринъ введеный. А чрезъ [сю мою грамоту] хто что возьметъ или чимъ изобидитъ, быти ему отъ меня въ казни.

При родосл. росписи Рахманиновыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 643.

№ 24.—1462—1494 гг.—Грамота удѣльнаго князя волоцкаго Бориса Васильевича [1]) о пожалованіи Мих. Вас. Карамышеву слободки Видякиной въ путь.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь Борисъ Васильевичъ, пожа[ловалъ есми Михайла] Васильевича Карамышева въ Клине [Видякиною [2]) сло]бодкою да Данилковою въ путь. И вы, бояря и слуги [и всѣ люди] тѣхъ слободокъ, чьтите его и слушайте, а онъ [ходитъ у васъ] по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего. А кто [взведетъ] моего пристава княжа Борисова, а будутъ оба исцы тое волости, и приставъ мой [тѣхъ обоихъ исцовъ] ставитъ передъ Михайломъ или [передъ его тіуномъ; а не учнетъ] приставъ мой тѣхъ исцовъ ставить передъ Михайломъ или п[ередъ его тіу]номъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ исцовъ не [учнетъ передъ Ми]хайломъ или передъ его тіуномъ искать или отвѣчать, [и язъ, князь] Борисъ Васильевичъ, велѣлъ того обвинити и грамоту [правую] на него дати.

А позади пишетъ: Князь Борисъ [Васильевичъ].

Печать на черномъ воску, отъ ветхости помята.

При родословной росписи Карамышевыхъ, родосл. столб. № 93 склейка 5. [3])

---

[1]) Собр. гос. грам. и догов., т. I, 293. Род. 1449, † 1494. Шестой сынъ вел. кн. Василія Темнаго.

[2]) Названіе это возстановлено по показанію родосл. росписи, склейка 1.

[3]) Съ правой стороны склейки слова отгнили и возстановлены по аналогичнымъ грамотамъ.

№ 25.—1462 г. іюня 17.—Жалованная несудимая грамота удѣльнаго князя волоцкаго Бориса Васильевича Конст. Елчанинову съ сыномъ его Аѳанасомъ на деревню Ивановскую съ пустошми.

Брата своего для старѣйшего князя Васильевича.

Се язъ, князь Борисъ Васильевичъ, пожаловалъ есми Костентина Елчанинова да его сына Ѳѳонаса,—что, сказываютъ, ихъ деревня въ Скирмановѣ Ивановская да Быковской починокъ да Загорская пустошь; и волостели мои скирмановскіе и ихъ тіуни не всылаютъ въ ихъ деревню и на пустоши ни по что, ни кормовъ своихъ не берутъ и не судятъ ихъ ни въ чемъ, опроче душегубства и розбоя и татьбы съ поличнымъ. А правечики и довочики поборовъ своихъ не берутъ и не въѣжаютъ х Костентину [и его] сыну и къ ихъ людемъ ни по что, а вѣдаетъ и судитъ Костентинъ и Ѳѳонасъ свои люди самъ (sic), или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣстной и[хъ] людемъ съ волостными людьми, и волостели мои скирмановскіе и ихъ тіуни судятъ, а Костентинъ и сынъ его Ѳѳонасъ съ ними судятъ или ихъ прикащикъ, а присудомъ дѣлятца на-полы. А кому будетъ чего искати на самомъ Костентинѣ, или его сынѣ, или на ихъ прикащикѣ, ино ихъ сужу язъ самъ, князь Борисъ Васильевичь, или мой бояринъ введеной. А черезъ сю мою грамоту кто что возметъ или ихъ чѣмъ изобидитъ, быти ему отъ меня, князя Бориса Васильевича, въ казни. А дана грамота лѣта 6970-го [1]) іюня въ 17 день.

А назади у грамоты пишетъ:

Князь Борисъ Васильевичь.

По сей грамотѣ князь Борисъ Васильевичь пожаловалъ Костентина да его сына Ѳѳонаса, сеѣ грамоты рушити не велѣлъ.

А подпись на грамотѣ діяка Ѳедора. [2])

Родосл. столбецъ № 41 склейка 5. Копія: кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 99.

---

[1]) Въ кн. къ № 241, л. 99, написано *6975*, при чемъ 5 написано по свобленому. Въ подлинномъ родословномъ столбцѣ послѣ ѕо҃ пробѣлъ на одно слово, и видно, что вытерто слово *перваго*.

[2]) Копія написана почеркомъ XVI или самаго начала XVII в. и очень ветха съ правой стороны, гдѣ и чернила очень выцвѣли.

№ 26.—1464 г. марта 10.—Жалованная несудимая и льготная грамота великаго князя рязанскаго Василія Ивановича Аѳанасу да Василію Бузовлямъ на ихъ вотчины въ волости Остролукѣ.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь великиі Василей Ивановичь, пожаловалъ есмь Аѳанаса Бузовля да Васку Иванова сына Бузовля, далъ есмь имъ въ Остролуцѣхъ ихъ же вотчину село Остролуковыхъ дѣтей съ пашнею съ пожнями и съ вотчинною землею бортною, что къ тому селу старины потегло, и къ вотчинѣ, что купилъ то село Оѳанасовъ братъ Ѳедоръ Бузовль да братъ его Иванъ у Михаля да у Васки. И кого къ себѣ перезовутъ людей жити из ыныхъ кнеженій, а не изъ моей вотчины великого князя,—дань, ни ямъ, никоторая тягость тѣмъ людемъ пришлымъ моя великого князя не надобя на пять лѣтъ; а волостели мои къ нимъ въ околицу не вьѣждаютъ, ни ямщикъ, ни боровщикъ, ни бобровникъ, а резанка имъ шездесятъ, вина и поличное къ волостелю моему изъ околицы отъ нихъ нейдетъ, ни татинъ рубль, что учинитца въ ыхъ околицы промежъ ихъ которог (sic) людей. А пожаловалъ есмь з бояры своими Назарьемъ Юрьевичемъ да съ Васильемъ Григорьевичемъ. Писана грамота лѣта 6972 мѣсяца марта въ 10 день.

А назади пишетъ: Князь великиі.

А печать во многіе годы стерлась.

При родосл. росписи Бузовлевыхъ, родословный столбецъ № 81 склейка 4.

№ 27.—1464 г. іюня 15.—Жалованная несудимая и льготная грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича Сенькѣ Писарю на село съ деревнями въ Коломенскомъ уѣздѣ.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

И по отця своего грамотѣ великого князя Василья Васильевича, се язъ, князь велики Иванъ Васильевичь, пожаловалъ есми Сенку Писаря, что его село придапое въ Коломенскомъ уѣздѣ и з деревнями. И кого къ собѣ Сенка въ то село перезоветъ и въ деревни жити людей из ыныхъ княженей, а не изъ моей вотчинѣ великого княженья, и тѣмъ его людемъ пришлымъ инокняжцемъ ненадобе моя великого князя никотора дань на пять лѣтъ, апрочь тѣхъ людей и старожильцовъ тухшникакъ (sic) же тѣмъ его людемъ пришлымъ и старожильцомъ не надобе имъ ни мытъ, ни тамга, ни ямъ, ни подвода, ни писчая бѣлка, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косять,

ни къ сотскимъ, не къ дворскимъ не тянутъ, ни въ какія протори, ни въ розметы, ни иныя наши никоторыя пошлины ненадобѣ; а намѣсницы мои коломенскіе и ихъ тіуни къ Сенкѣ въ то его село и въ деревни *и нетъ* (sic) къ его людемъ и къ старожильцемъ и къ пришлымъ [не въѣзжаютъ] и не всылаютъ ни по что, ни кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ, ни судятъ ихъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя и татьбы съ поличнымъ; также и довотщики и праветщики не въѣзжаютъ къ нимъ ни по што, ни поборовъ своихъ у нихъ не берутъ, а вѣдаетъ и судитъ своихъ людей пришлыхъ и старожилцовъ Сенка самъ, или кому прикажетъ. А лучитца судъ смѣсной его людемъ з городскими людми или съ волостными, и намѣстницы мои коломенскіе и тивуни судятъ, а Сенка съ ними судитъ, или кому прикажетъ, а присудомъ ся дѣлятъ на-полы. А кому будетъ чего искати на самомъ Сенкѣ или на его прикащикѣ, ино его сужу азъ самъ, князь велики, или мой бояринъ введеной. А людей ему моихъ князя великого писменныхъ, ни тяглыхъ не принимати. А отсидятъ тѣ его люди пришлые инокняжцы свои урочныя лѣта, ино потянутъ мою великого князя дань по силамъ. А хто ся ослушаетъ моее грамоты, быти отъ меня, великого князя, въ казни. А да[на] грамота въ лѣто 6972 мѣсяца іюня въ 15 день.

А позади пишетъ: Князь велики.

Печать вислая на красномъ воску.

При родослов. росписи Писаревыхъ, Герольдм. конт. кн. къ № 241 лл. 532—533.

№ 28.—1469 г. августа 8.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича боярину Якову Гавр. Рюмѣ-Бестужеву на городъ Серпейскъ. [1])

[Се азъ], князь великиі Иванъ Васильевичь всеа Росиі, пожаловалъ есми боярина своего Якова Гавриловича Рюму Бестужево за многія службы ево и за выѣздъ отца ево Гаврила Беста городомъ Серпейскомъ съ судомъ и з данью, съ мыты и съ перевозы и со всѣми

[1]) Грамота эта сперва была переписана слово въ слово на склейкѣ 3, но затѣмъ въ копіи другой рукой и другими чернилами сдѣланы помарки: уничтожены *азъ*, точная дата (мѣсяцъ и число), упоминаніе о печати, такъ что грамота получила видъ изложенія отъ третьяго лица. На склейкѣ 11 грамота является уже въ такомъ передѣланномъ видѣ.—Здѣсь мы возстановили первоначальный видъ грамоты.

пошлинами. И хто у него иметь жить людей, и намѣстницы [1]) мои [2]) и волостели, и ихъ тіуны, и довотчики, и праветчики тѣхъ ево людей не судятъ ни чѣмъ, а праветчики и довотчики поборовъ своихъ у нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что, а судятъ и вѣдаютъ тѣхъ ево Яковлевыхъ людей ево тіуны судомъ и данью и всякими пошлинами. А далъ язъ, князь великиі Иванъ Васильевичь, ему сию грамоту лѣта 6977-го году августа въ 8 день.

А назади у подлинной грамоты:

Князь великиі Иванъ Васильевичь всеа Росиі.

А печать на красномъ воску.

При родосл. росписи Бестужевыхъ, родосл. столб. № 156а, склейки 3 и 11.

№ 29.—1483—1500 гг.—Жалованная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича вдовѣ Авдотьѣ Коробьиной съ дѣтьми Иваномъ да Семеномъ Коробьиными. [3])

Списокъ з жалованныя грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Иванъ Васильевичь *всеа Русіи* [4]), пожаловалъ есми Авдотью Иванову жену Кичибеевича Коробьи и его дѣтей Ивана да Семена . . . . и всѣ дѣла Коробины полож. . . . . и кобальные дары и посулы . . . . дѣлалъ Коробья, служа отцу моему великому князю Василью Ивановичю и мнѣ, великому князю, и . . . . судилъ своихъ людей и рядилъ или кто буд . . . . . жа у Коробьи ималъ, а у кого что на Коробьѣ е . . . . . . посылкою и въ поруку по немъ имался и хто тѣхъ п . . . . и денегъ не искалъ на Коробьѣ при его животѣ . . . . людѣхъ татебъ и разбоевъ грабе . . . . дѣла зарядилъ есмь, а у . . . . рабьину смерть и ихъ людей заднія . . . . а села своей купли великого князя жалов . . . . . вотчинныя земли бортные, какъ вѣдалъ Коробья, служа отцу моему, великому князю, и мнѣ, великому князю Ивану Васильевичу, а они по тому жъ вѣдаютъ са (sic) всѣ села и вотчины. А пожаловалъ ихъ есми з бояры сво-

---

[1]) Въ ркп. *намѣстники.*

[2]) Въ ркп. *ево.*

[3]) Что грамота эта дана рязанскимъ в. кн. Иваномъ Васильевичемъ, а не Иваномъ IV, это видно по именамъ бояръ, встрѣчающимся и въ другихъ рязанскихъ грамотахъ (сравн. № 30). Кромѣ того, Коробьины—старинный рязанскій родъ. В. кн. рязанскій Иванъ Васильевичъ княжилъ между 1483—1500 годами.

[4]) Эти два слова, вѣроятно, ошибка переписчика.

ими . . . . Денисьемъ Юрьевичемъ, Д . . . . Ѳедоромъ Григорьевичемъ, Иваномъ Ивановичемъ Измайловымъ. А дана іюля въ 3 день. [1])

При родосл. росписи Коробьиныхъ, столб. родосл. № 134 склейка 14.

№ 30.—1483—1500 гг.—Правая грамота, данная великимъ княземъ рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ Храпу Олтуѳьеву по дѣлу его съ паробкомъ Сергѣйцомъ о подговорѣ крестьянъ на бѣгство.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Сиі судъ судилъ князь великиі Иванъ Васильевичь. Тегался Храпъ Олтуѳьевъ сынъ съ паробкомъ Сергѣйцомъ съ Василовымъ сыномъ. Такъ рекъ Храпъ: „тотъ, господине, Сергѣецъ Василовъ сынъ подбаелъ моихъ холоповъ обельмыхъ трехъ, Казака да Еремейцу да Сенку, и увелъ ихъ, господине, за рубежъ. И я, господине, за рубежъ ѣздилъ за своими холопи, а достати ихъ, господине, не моглъ и слѣду ихъ не допытался есмь".

И князь великиі въпросилъ Сергѣйца: „отвѣчай: увелъ ли еси у Храпа трехъ холоповъ за рубежъ обельмихъ"?

И Сергѣецъ такъ реклъ: „а что ми, господине, отвѣчати? Подбаелъ есмь, господине, у Храпа трехъ холоповъ, Казака да Еремейцу да Сенку, обелмыхъ и отвелъ есмь ихъ за рубежъ; а нынѣ, господине, не вѣдаю, и гдѣ учнутъ жити тѣ его холопи. Виноватъ есмь, господине".

И потому князь великиі Иванъ Васильевичь Храпа Олтуѳьева [2]) сына оправилъ, а Сергѣйца Василова сына обвинилъ и выдалъ того Сергѣйца Храпу въ польницу обѣль въ тѣхъ холопѣхъ.

А на судѣ были бояре Ѳедоръ Григорьевичь да Иванъ Ивановичь Измайловъ. А грамоту писалъ великого князя дьякъ Тимофей Осѣевъ сынъ.

У подлинной грамоты назадѣ пишитъ:

107 г. февраля въ 19 день, въ книги записана. Правилъ подьячей Жданъ Ѳофоновъ.

---

[1]) Съ правой стороны рукопись почти до середины листа истлѣла зубцами.

[2]) Первоначально въ обоихъ случаяхъ было написано *Олтуоьева*, а потомъ поправлено, но такъ, что довольно трудно понять, какъ именно тутъ нужно читать. Въ родосл. росписи упоминается Храпъ Олтуѳьевъ.

У подлинной жа грамоты печать.

При родосл. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, столб. родосл. № 160, склейка 7.

№ 31.—1485 г. января 4.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича сыновьямъ Семена Писарева на село Захарьевское.—Подтвержденіе ея великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ въ апрѣлѣ 1510 г.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь велики Иванъ Васильевичь, пожаловалъ есми Семеновыхъ дѣтей Писоревыхъ Захара да Митю да Брюка да дву Өетковъ да Ивашка тожъ село Захаривское. И кто у нихъ въ томъ селѣ и въ деревняхъ учнетъ жити людей, и тѣмъ ихъ людемъ не надобе имъ ни подводы, ни ямъ [1]), на коня моего не кормятъ [2]), ни сѣнъ моихъ не косятъ, ни к соцкимъ [3]), ни къ дворскимъ, ни к десятскимъ не тянутъ, ни въ какія проторы, не въ розметы, не имъ не которые пошлины ненадобѣ, опричь церковныхъ пошлинъ. А намѣстницы мои коломенскіе и ихъ тіуни х тѣмъ ихъ людемъ не всылаютъ ни по што, ни кормовъ у нихъ своихъ не емлютъ, не судятъ ихъ, опричь душегубства [и] розбоя и татьбы съ поличнымъ. А праветчики и довотчики [4]) поборовъ у нихъ своихъ не берутъ, не езжаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаютъ и судятъ Писоревы тѣ[хъ] своихъ людей сами, или кому прикажутъ. А случится судъ смѣсной тѣмъ ихъ людемъ з городскими людьми или становыми, и намѣстницы и ихъ тіуни судятъ, а Писоревы съ ними судятъ, или ихъ прикащикъ, а присудомъ ся дѣлятъ на полы. А кому будетъ чего искати на самихъ на нихъ, на Захарѣ и на его братѣ на Митѣ да на Брюкѣ да на дву Фетькахъ да на Ивашкѣ или на ихъ прикащикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь велики, или мой бояринъ введенной. А черезъ мою грамоту кто что на нихъ возметъ или чѣмъ изобидитъ, быти тому отъ меня, отъ великого князя, въ казни. А дана грамота лѣта девятьдесятъ третьяго генваря 4 дня.

А у подлинной грамоты назади пишетъ: Князь велики.

Подъ тѣмъ: Князь велики Василей Ивановичь всеа Росіи по сей

---

[1]) Въ ркп: *ни подворы, ни кьмъ.*

[2]) Въ ркп.: *не изметъ.*

[3]) Въ ркп.: *ни к конскимъ.*

[4]) Въ ркп.: *отвотчики.*

грамотѣ пожаловалъ Захара да Митю да Брюха да Фетка меншого да Ивашка Семеновыхъ дѣтей Писоревыхъ, да Фетка да Алексѣйка Ѳедоровыхъ дѣтей болшого Семенова сына Писорева, намѣстникомъ и ихъ тіуномъ грамоты у нихъ [рушать] не велѣлъ, а велѣлъ имъ ходити по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. А пись [1]) писалъ великого князя [дьякъ] Лука Семеновъ лѣта 7018 апрѣля дня.

Печать вислая.

При родословной росписи Писаревыхъ, Герольд. конт. кн. въ № 241 лл. 533—534.

№ 32.—1487 гг.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича о займѣ Васильемъ Андреевымъ сыномъ съ семьей пяти рублей денегъ у Ѳедора Васильевича.

Списокъ съ подлинной докладной грамоты слово въ слово.

Доложь великого князя Ивана Васильевичь боярина Ѳедора Григорьевичь, се язъ, Васко Андреевъ сынъ своею женою Машицою, занели есми, господине, у Ѳедора у Васильевича пять рублевъ денегъ отъ Покрова до Покрова на годъ, а росту намъ ему дати на всякъ рубль по двѣ гривны. А поляжетъ серебро по сроцѣ, и намъ ему ростъ платить по тому жъ. А оба есмя въ томъ серебрѣ и въ росту одинъ человѣкъ. А не отыматца намъ отъ сея каболы ни полѣтною, ни изустною. А на докладѣ были Юрманьга талмачъ да Анисимъ Сухининъ сынъ. А грамоту писалъ великого князя дьякъ Тимоѳей Асѣевъ сынъ въ лѣто девяносто пятое.

У подлинной докладной печать.

При родословн. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, столб. родосл. № 160 склейка 7.

№ 33.—1490 г. октября.—Грамота князя Василія Ивановича, наслѣдника Ивана III, о пожалованіи Ивану Осокѣ половины города Зубцова, стана Лочи и волости Джади въ кормленіе.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь Василей Ивановичь, пожаловалъ есми [2]) Ивана Григорьевича Осоку половиною города Зубцова и слободою станом Лочею да волостью Джадью въ кормленіе со всѣмъ, какъ было за

---

[1]) *Письмо?*

[2]) Въ III копіи *есмь*.

Костентиномъ за Пѣшковымъ. И вы, бояря, и дѣти боярскія, и слуги, и всѣ люди тое половины города и слободъ и стану [1]) и волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и ходитъ по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего . . . . . девять десять девятого охтября.

А назади у подлинной грамоты пишетъ: Князь Василей Ивановичъ.

При родословн. росписи Пырьевыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241, въ трехъ копіяхъ: I—л. 447 обор., II—л. 450 обор., и III—л. 459.

Примѣчаніе. Во II копіи есть приписка: „А лѣтописи въ грамотѣ написать именно немошно, потому что въ грамотѣ лѣтопись ветха". Въ III копіи: „а онъ васъ вѣдаетъ и ходитъ" искажено безсмысленнымъ образомъ: *а от вас велет положить.*

№ 34.—1491 г. ноября 4.—Жалованная несудимая грамота великой княгини Анны Васильевны, вдовы великаго князя рязанскаго Василія Ивановича, данная ею конюшему своему Өедору Васильевичу Верхдеревскому на село Куликово.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Се язъ, великоя княгини Анна, пожаловала есми конюшего своего Өедора Васильевичь, дала есми ему село Куликово на усть Сосницы, что было за Левою за Петинымъ, съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу историны потягло; и волостель мой къ нему въ околицу не въѣждаетъ, ни ямщикъ, ни боровщикъ, ни бобровникъ, ни закосникъ, а явка и вина и поличное у него изъ околицы нейдетъ, ни татинъ рубль, что учинитца татьба въ его околицѣ промежъ его людей. А пожаловала есми его бояриномъ великого князя Иваномъ Яковлевичемъ [2]) Арломъ да козначеемъ своимъ Семеномъ Глѣбовичемъ лѣто семтысячное мѣсяца ноемврія въ 4 день.

У подлинной грамоты назадѣ пишетъ:

---

[1]) Въ I копіи *ставъ*, въ III—*стивъ*.

[2]) Въ рукописи написано сперва было *Яковлевичемъ*, но потомъ оставлены только три первыя буквы этого слова, остальныя же зачеркнуты. Что это означаетъ, трудно догадаться. Быть можетъ, въ подлинной грамотѣ слово цѣликомъ не сохранилось, но было дописано вполнѣ переписчикомъ по догадкѣ; а затѣмъ, при повѣркѣ, переписчикъ, вѣроятно, рѣшилъ оставить лишь то, что есть въ подлинникѣ, и отчеркнулъ буквы, добавленныя по догадкѣ. Такое колебаніе при реставраціи сгнившихъ словъ знакомо каждому, кому приходилось списывать попорченныя грамоты.

Княгиня великая Анна. Дьякъ Юріи.

У подлинной жа грамоты печать.

При родосл. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, столб. родосл. № 160 склейка 7.

№ 35.—1492 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича о займѣ Куземкой Михайловымъ сыномъ одного рубля денегъ у Өедора Васильевича.

И доложа великого князя Ивана Васильевичь боярина Ивана Ивановичь Измайлова, се язъ, Куземка Михайловъ сынъ, занялъ есми, господине, у Өедора у Васильевича рубль денегъ отъ Крещенья на годъ, а росту мнѣ ему на тѣ денги дати по розщету какъ идетъ на пять шестый. А полягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ ему ростъ давати по тому жъ, а не отниматися мнѣ отъ сія кабалы ни полѣтною, ни изустною. А на докладѣ были Понкратъ Михайловъ сынъ да Василей Онаньинъ сынъ Кобузевъ лѣта седьмь тысящного. Подписалъ великого князя дьякъ Андрей Ярецъ Никитинъ.

А у подлинной печать на черномъ воску.

При родосл. росписи Измайловыхъ „племени ханска" [1]*, кн. Герольдм. конторы къ № 241 л. 307 обор.* [2]*)*.

№ 36.—1492 г.—Наказъ князя Василія Ивановича, наслѣдника великаго князя московскаго Ивана III, Карандашу Свиньину о производствѣ суда по межевой тяжбѣ.

Списокъ з грамоты.

Отъ князя Василья Ивановича Карандушу Свиньину. Здѣся ми билъ челомъ Дмитрей Волосомоя на Ивашка да на Казака на Гриденыхъ дѣтей Першина да на Дмитрея на Череда, а сказываетъ, что-деи за ними съ тѣмъ Ивашкомъ да съ Казакомъ деревня Оздемеровская воиче, и они-деи съ нимъ ту деревню подѣлили по половинамъ, пашню и покосы, да и поля-деи собѣ розгородили, и тотъ-де Ивашко да Козакъ за тѣмъ дѣломъ вступаютца у него въ его половину в зем-

---

[1]) Есть родосл. роспись еще другого рода Измайловыхъ—литовскаго происхожденія (кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 310—313, безъ начала).

[2]) Грамота эта впервые напечатана Н. П. Лихачевымъ въ его книгѣ „Разрядные дьяки XVI в." (стр. 356) по списку XVIII в., имѣющемуся въ Моск. Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ.

лю пашутъ и лѣсъ сѣкутъ сильно, а тотъ-де Дмитрей у него покосилъ пожню сильно на рѣцѣ на Срединѣ. И ты бъ, взявши съ собой людей добрыхъ, тамошнихъ сторожильцовъ съ обѣихъ сторонъ, да къ нимъ бы еси на ту землю ѣхалъ да того бы еси дозрилъ да и обыскалъ, чія то земля? А о чемъ ся сопрутъ, и ты бы ихъ судилъ, а судъ свой скажи отцу моему великому князю по сей моей грамотѣ. Лѣта 7000-го году.

А назади у подлинной грамоты пишетъ:

Князь Василей Ивановичъ.

Въ концѣ грамоты печать на черномъ воску.

При родословной росписи Свиньиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 719 обор.—720.

№ 37.—1494 г.—Наказъ великаго князя московскаго Ивана III Васильевича Карандашу Свиньину о производствѣ суда по межевой тяжбѣ.

Списокъ з грамоты.

Отъ великого князя Ивана Васильевича всеа Росіи Карандашу Григорьеву сыну Свиньина. Билъ ми челомъ Демитка Левонтьевъ сынъ Кулякина на Филатка да на Авдокимка да на Власка на Лукиныхъ дѣтей Набокова, а сказываетъ Демидка, будто де у него отъимаютъ треть земли Кулякинскія, а называютъ деи ту землю своею куплею. И ты бы къ нимъ на ту землю ѣхалъ,138 съ собою людей добрыхъ, тутошнихъ старожильцовъ, да того бы еси обыскалъ, чья то земля, да ту бы еси землю розъѣхалъ по старинѣ. А о чемъ ся сопрутъ, и ты бы ихъ судилъ, да судъ свой и обыскъ скажи мнѣ, великому князю, поставя обоихъ исцовъ передо мною. Лѣта 7002-го году.

А назади у подлинной грамоты пишетъ:

Князь великіи всеа Росіи.

А въ концѣ грамоты печать приложена на черномъ воску.

При родосл. росписи Свиньиныхъ, кн. къ № 241 л. 719.

№ 38.—XV в., конецъ (до 1495 г.)—Купчая на вотчинныя пустоши Михайловскую да Катраевскую, проданныя Степаномъ Кириловичемъ Никитѣ Тимофеевичу.

Се азъ, Степанъ Кириловъ сынъ, купилъ есми у своего брата Микиты у Тимофѣева сына у Михайловича земли ево вотчину пустошь Михайловскую да Катраевское селышко з дубровою да Языевское селышко себѣ и своимъ дѣтямъ, да у его дѣтей у Ивана да

у Сепи, а далъ есми на нихъ восмь рублевъ да корову пополнка, а купилъ есми ихъ у Воскресенья Зворку,—куды плугъ ходилъ, куды топоръ ходилъ, куда коса ходила. А на то послуси: Ермола Даниловъ да Василей Державинъ да Ермола Кириловъ сынъ да Огафонъ Дмитреевъ сынъ да Ивашко Телошъ. А грамоту писалъ Бориско Пересѣкинъ, а запечатали есмя печатью игумновою Герасимовою Боголюбского.

Столб. родосл. № 149 склейка 2.

№ 39.—1495 г. — Купчая на вотчинную деревню Близнино съ пустошми, проданную Ѳедоромъ Глотовымъ Андрею да Ивану Корякинымъ.

Се азъ, Андрейко да Ивашко Степановы дѣти Корякина, выкупили есми свою отчину у Ѳедора у Володимерова сына у Глотова деревню Близнино да пустошь Зяблицово да Кандратцово со всѣмъ съ тѣмъ, что къ той деревнѣ потягло из старины, куды соха и топоръ и коса ходили. А дали есми на ней десять рублевъ да пополнка корову. А на то послуси: Иванъ Мордвинъ Ивановъ сынъ Непейцына да Иванъ Ивановъ сынъ Недюрева. А грамоту купчую писалъ Ярецъ Опраксинъ лѣта 7003-го.

Столб. родосл. № 149 склейка 2.

№ 40.—1497 г. августа 5.—Жалованная несудимая грамота великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича Ѳедору Васильевичу Верхдеревскому на селище Григорьевское подъ Чижевскимъ лѣсомъ.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Иванъ Васильевичь, пожаловалъ есмь Ѳедора Васильевичь селищемъ Григорьевскимъ подъ Чижевскимъ лѣсомъ на рѣчкѣ на Кишнѣ съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селищу историны потягло. А кого къ себѣ призоветъ людей изъ зарубежья на то селищо жити, и тѣмъ людемъ пришлымъ ненадобѣ имъ моя великого князя дань и ямъ и никоторая тягль на семь лѣтъ, а издѣшнихъ людей неписменныхъ кого къ себѣ призоветъ, и тѣмъ людемъ ненадобѣ имъ моя великого князя дань и ямъ и никоторая тягль на четыре года. А волостель мой къ нему въ околицу не въѣждаетъ, ни всылаетъ ни по что, ни ямщикъ, ни боровщикъ, ни бобровникъ, ни закосникъ; а явка и вина и поличное изъ его околицы къ волостелю моему нейдетъ, ни татинъ рубль, что учи-

тся татьба въ его околици, а промежу его людей. А пожаловалъ ми его своимъ бояриномъ Яковомъ Назарьевичемъ лѣто семь тыщъ пятое августа въ пятой на десять день.

У подлинной грамоты назадѣ пишетъ: Князь великиі.

Дьякъ Андрей Ярецъ Никитинъ.

У подлинной жа грамоты печать.

При родословн. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, родосл. олб. № 160 склейка 8.

41.—1498 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго ана Васильевича о займѣ Михайломъ Титовымъ сыномъ съ женой и дѣтьми четырехъ рублей у Өедора Васильевича.

И доложъ великого князя Ивана Васильевичь боярина Ивана анович̃а Измайлова, се язъ, Михаилъ Титовъ сынъ своею женою дотьцею и своими дѣтми съ Васильемъ да сь Яковцемъ, заняли мя у Өедора у Васильевича четыре рубли денегъ отъ Крестьяцовъ с) на годъ, а росту намъ ему дати на тѣ деньги на рубль по двѣ нны. А полягутъ денги по сроцѣ, и намъ ему ростъ давати по му жъ. А хто насъ будетъ въ лицѣхъ, на томъ Өедору деньги сво ѣ и ростъ, а не отниматися намъ у него отъ сея [1]) кабалы ни потною, ни изустною. А на докладѣ были Понкратъ Михайловъ сынъ товъ да Епиха Торасовъ лѣта 7000 шестое. А подписалъ великого язя дьякъ Тимофей Осеевъ сынъ.

А у подлинной печать на черномъ воску.

При родословной росписи Измайловыхъ, („племени ханска"), кн. рольд. конт. къ № 241 лл. 307 обор.—308 [2]).

42.—1498 г. іюня.—Жалованная несудимая и льготная грата удѣльнаго князя рузскаго Ивана Борисовича [3]) Аөанасу Елчанову на д. Быковскую и пустошь Булгаковскую Рузскаго уѣзда.

Се язъ, князь Иванъ Борисовичь, пожаловалъ Өөонаса Костенова сына Елчанинова, что его вотчина деревня Быковская да что

---

[1]) Въ ркп. *отъ себя.*

[2]) Грамота эта впервые напечатана Н. П. Лихачевымъ въ его книгѣ „Разрядные дьяки XVI в." (стр. 356—357) по списку XVIII в., имѣющемуся въ ск. Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ.

[3]) Сынъ князя рузскаго Бориса Васильевича (см. выше №№ 24 и 25), укъ в. кн. московскаго Василія Темнаго; род. послѣ 1477, † 1504 г., погребъ въ Іосифовѣ Волоколамскомъ монастырѣ. См. *А. В. Экземплярскаго,* В. и льные князья, т. II, стр. 363.

его купля пустошь Булгаковская въ моей отчинѣ въ Рузскомъ уѣздѣ въ Скирмановѣ. И хто у него въ той отчинѣ и въ куплѣ учнетъ жити людей, и тѣмъ его людемъ не надобеть ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни поворотное, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, ни съ соцкимъ, ни з десяцкимъ съ тяглыми съ людьми не тянутъ ни во что—ни въ какіе проторы, ни въ розмѣты, ни иные имъ никоторые пошлины не надобеть. А волостели мои скирмановскіе и ихъ тіуни кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что и не судятъ ихъ ни въ чемъ, опроче душегубства, а праветчики и довотчики поборовъ своихъ у нихъ не емлютъ и не въѣзжаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаетъ и судитъ Оѳонасъ тѣхъ своихъ людей самъ во всемъ—и въ разбоѣ, и въ татьбѣ съ поличнымъ промежъ своихъ людей, или кому прикажетъ. А случитця судъ смѣстной тѣмъ его людемъ з героцкими людьми или съ волостными, и намѣстницы мои и волостели и ихъ тіуни судятъ, а Оѳонасъ или его приказщикъ съ ними жъ судитъ, а присудомъ ся дѣлятъ наполы. А кому будетъ чего искати на Оѳонасѣ или на его прикащикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь Иванъ Борисовичъ, или мой бояринъ введеной. А явитъ грамоту волостелю, и онъ дасть алтынъ—то ему и съ тіуномъ. А хто ся ослушаетъ сеѣ моей грамоты, быти ему отъ меня, князя Ивана Борисовича, въ казни. А дана грамота лѣта 7000 шестого іюня [1]).

При родослов. росписи Елчаниновыхъ, родосл. столб. № 41 склейка 6. Также кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 100.

№ 43.—1499 г. Правая грамота (безъ начала), данная Андрею да Ивану Степановичамъ Корякинымъ въ спорѣ ихъ съ митрополичьимъ прикащикомъ Митей Сарыхозинымъ о принадлежности имъ деревень Михайловской и Близнина.

. . . . . такъ рекъ: „на то, господине, у меня человѣкъ доброй старожилецъ Гридя Малаховъ: тому, господине, вѣдомо, что тѣ деревни Михайловское и Близнино—митрополичьи земли. А се, господине, тотъ Гридя передъ тобою. А сверхъ того, господине, шлюся на трои книги великого князя писцовъ, что тѣ, господине, земли митрополичьи".

---

[1]) Копія написана почеркомъ XVI или самаго начала XVII в. и очень ветха съ правой стороны, гдѣ и чернила очень выцвѣли.

И Петръ Григорьевичь спросилъ Митина сторожильца Гриди Малахова: „скажи, какъ право передъ Богомъ—чьи то земли, на которыхъ стоимъ?“

И Гридя такъ рекъ: „жилъ, господине, отецъ мой Махъ на Переборовѣ, и я, господине, съ своимъ отцемъ на тѣ пустоши приходилъ губъ (sic) брати, и отецъ мой, господине, мнѣ сказывалъ, что тѣ пустоши Михайловское и Близнино—митрополичьи земли, а тому лѣтъ съ полтретьятцать, какъ мнѣ, господине, отецъ мой сказывалъ, а отъ роду ми, господине, полчетвертатцать лѣтъ“.

И Петръ Григорьевичь велѣлъ передъ собою Степанову духовную [и] купчую грамоту чести. И въ духовной пишетъ: а тѣ мои земли купли пустоши Михайловская да Воскресенская да Катраевская да Языевская Подѣлъ, а купилъ есми тѣ земли у Микиты у Тимофѣева сына у Бирѣева, да купилъ есми земли пустоши Близнино да Кандратцова да Зяблицева у Микиты у Голочела, и тѣ земли моимъ дѣтямъ Ѳедьку да Андрейку да Ивашку.

А въ купчей пишетъ:

Се азъ, Степанъ Кириловъ сынъ, купилъ есми у своего брата Микиты у Тимофѣева сына у Михайловича земли его вотчину пустошь Михайловскую да Катраевское селышко з дубровою да Языевское селышко себѣ и своимъ дѣтямъ, да у его дѣтей у Ивана да у Сени, а далъ есми на нихъ восмь рублевъ да корову пополнка, а купилъ есми ихъ у Воскресенья Зворку,—куды плугъ ходилъ, куды топоръ ходилъ, куда коса ходила. А на то послуси: Ермола Данильевъ да Василей Державинъ да Ермола Кириловъ сынъ да Огафонъ Дмитреевъ сынъ да Ивашко Телошъ. А грамоту писалъ Бориско Пересѣкинъ, а запечатали есмя печатью игуменовою Герасимовою Боголюбского.

А въ другой купчей пишетъ:

Се азъ, Андрейко да Ивашко Степановы дѣти Корякина, выкупили есми свою отчину у Ѳедора у Володимерова сына у Глотова деревню Близнино да пустошь Зяблицово да Кандратцово со всѣмъ съ тѣмъ, что къ той деревнѣ потягло из старины, куды соха и топоръ и коса ходили. А дали есми на ней десять рублевъ да пополнка корову. А на то послуси Иванъ Мордвинъ Ивановъ сынъ Непейцына да Иванъ Ивановъ сынъ Недюрева. А грамоту купчую писалъ Ярецъ Опраксинъ лѣта 7003-го.

И Петръ Григорьевичь, выслушавъ духовную и купчія грамоты, спросилъ Андрейка да Ивашка: „положили есте передо мною на тѣ земли духовную грамоту отца своего да купчую грамоту отца жъ

своего на Михайловскую деревню да на Близнино выкупную грамоту, а Θедору Глотову по чему есте ту пустошь Близнино продавали?"

И Ондрейка да Ивашка такъ рекли: „была, господине, у отца нашего у Степана на ту землю на Близнино купчая грамота, да бѣжали, господине, отъ отца нашего холопи Левка Трегубъ да Максимко, да ту, господине, купчую грамоту на Близнино тѣ холопи украли, чаючи своею грамотою полною".

И Петръ Григорьевичь спросилъ Андрейка да Ивашка: „опричь духовные и купчихъ грамотъ кому то у васъ вѣдомо, что тѣ деревни—ваши земли?"

И Ондрейка да Ивашка такъ рекли: „есть, господине, у насъ на тѣ земли старожильцы люди добрые, великого князя бортники Миня да Василь Микифоровы дѣти Валковского да Кононъ Пушкинъ; тѣмъ то, господине, вѣдомо, что тѣ деревни—наши земли. А се, господине, тѣ наши старожильцы передъ тобою".

И Петръ Григорьевичь спросилъ Мини да Василя да Конона: „скажите въ Божею правду, чьи то земли, на которыхъ стоимъ?"

И старожильцы Миня да Василь да Кононъ такъ рекли: „тѣ, господине, деревни Михайловская и Близнино пустоши были Степановы Корякина, а Степанъ ихъ, господине, купилъ—ту, господине, Михайловскую пустошь у брата своего у Микиты у Бирѣева да у его дѣтей у Ивана да у Сени, а съ тою, господине, Михайловскою пустошью купилъ Катраевское селышко з дубровою да Языевское селышко. А тѣ, господине, пустоши вотчина была Михайлова дѣда Микитина Бирѣева. А то, господине, Близнино была вотчина Иванова Близнина, и Иванъ, господине, послѣ своего живота далъ тѣ земли сыну своему Микитѣ Голочелу; и Микита, господине, охудалъ, а то, господине, Близнино запустѣло; и Степанъ, господине, Корякинъ то Близнино купилъ у Микиты пустошью, а съ нимъ купилъ Кандратцово да Озяблицево. И Степанъ, господине, отходя сего свѣта, далъ тѣ земли Михайловское и Близнино своимъ дѣтямъ пустошьми. И послѣ, господине, Степана дѣти ево Андрей да Иванъ на той Михайловской пустоши поставили ту деревню, а ту, господине, деревню Близнино ставилъ Θедоръ Глотовъ. И я, господине, Миня, помню за восмьдесятъ лѣтъ, а я, господине, Кононъ, помню за семьдесятъ лѣтъ, а я, господине, Василь, помню за шездесятъ лѣтъ, что тѣ, господине, земли дѣтей боярскихъ отчина, а не митрополичьи земли".

И митрополичь прикащикъ Митя Сарыхозинъ такъ рекъ: „что, господине, Андрейка да Ивашка Корякины положили передъ тобою

ца своего Степанову духовную и купчія грамоты, и я, господине, ховные и купчихъ грамотъ не лжывлю, а шлюсь, господине, па семеныя книги, что тѣ, господине, деревни Михайловское и Близ-но писаны къ митрополичью сельцу къ Ворку, а писцовъ, госпо-не, имянъ не помню, которые, господине, писцы писали.

И Петръ Григорьевичъ возрѣлъ въ книги Алексѣева письма олуехтова. И въ книгахъ пишетъ: митрополичье селцо Ворокъ, а хъ деревень Михайловского и Близнина въ книгахъ къ сельцу къ рку не писано.

И потому Петръ Григорьевичь Андрейка да Ивашка Степано-ихъ дѣтей Корякина оправилъ, и деревни Михайловское и Близни-съ пустошьми присудилъ имъ по духовной и по купчимъ грамо-мъ, а митрополича прикащика Митю Сарыхозина обинилъ.

А на судѣ были у Петра Григорьевича Семенъ Племянниковъ Василей Комака Семеновъ сынъ Койсаровъ. А писана грамота ѣта 7007-го году.

Родосл. столб. № 149, склейки 1—3 [1]).

№ 44.—1500 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича о займѣ Кипріаномъ Курьяномъ двухъ рублей у Василья-Богдана Исакова сына.

И доложъ великого князя Ивана Васильевича боярина Ивана вановича Измайлова, се язъ, Кипріянецъ Микулинъ сынъ Курьянъ, нялъ еси, господине [2]), у Василья у Богдана у Исакова сына два убля денегъ отъ Великого заговѣнья на годъ, а ростъ мнѣ ему ати на тѣ деньги по расчету, какъ идетъ на пять шестой. А поля-тъ денги по сроцѣ, и мнѣ ему ростъ давати по тому жъ, а не от-иматися мнѣ у него отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изустною [3]). на докладѣ были Епиха Тарасовъ сынъ да Кузьма Носовъ [4]) сынъ ѣта 7000 осмаго. А подписалъ великого князя дьякъ Тимофей Осе-въ сынъ.

---

[1]) Эта грамота относится къ родословной росписи *Корякиныхъ*. Но какъ ная роспись, такъ и начало этой правой грамоты, не сохранились.

[2]) Въ ркп. *inесъ.*

[3]) Въ ркп. *ни изитною.*

[4]) У г. Лихачева напечатано: *Насоновъ сынъ.*

При родословной росписи Измайловыхъ („племени ханска") кн. Герольдм. конторы къ № 241 л. 308 [1]).

№ 45.—1500 г. мая 25.—Жалованная вотчинная грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича и сына его великаго князя Василія Ивановича Михалю да Гаврилѣ да Некрасу Челяднинымъ-Коротневымъ на земли въ Михайловскомъ погостѣ Обонежской пятины Новгородской земли.

Списокъ з жалованной грамоты.

Се азъ, князь великиі Иванъ Васильевичь всеа Р . . . . князь великиі Василей Ивановичь . . . . пожаловали есмя Михаля да Гаврилка . . . . да Некраска Васильевыхъ дѣтей Челяднина-Коротнева въ своей отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ въ Обонежской петинѣ въ Михайловскомъ погостѣ своими великихъ князей волоскою . . . . Медоварцова, что была за ихъ отцомъ [за Васи]льемъ за Челяднинымъ, да своими великихъ . . . . ми деревнею Кондратовскою Лукина . . . . деревнями Гридинскими Коше . . . . ми Филипова, да въ Климетьскомъ погостѣ деревнею Васильевскою Кузьмина Кольбѣи . . . . иньскомъ погостѣ на Сяси въ Ладожс . . . . своими жъ великихъ князей волоскою, что были . . . . монастыря въ помѣстья з доходомъ з денеж . . . . нымъ и съ мелкимъ доходомъ опричь князей обежные дани. Писанъ на Москвѣ [лѣта 7008-го [2])] маія въ 25 день.

А на подлинной жалованной грамотѣ назади пишетъ:

Князь великиі Иванъ Вас[ильевичь всеа Русіи] и князь великиі Василей Ивановичь всеа Русіи.

Подлинная грамота за двѣмя вислыми печа . . . . .

При родословн. росписи Коротневыхъ, столб. родосл. № 148 склейка 2.

---

[1]) Впервые эта грамота напечатана Н. П. Лихачевымъ въ его книгѣ „Разрядные дьяки XVI в." (стр. 357) по списку XVIII в., имѣющемуся въ Моск. Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

[2]) Дата въ грамотѣ истлѣла, но возстановлена по показанію родословной росписи. Вообще какъ грамота, такъ и самая родословная, сильно повреждены съ правой стороны.

XVI вѣкъ.

46. — 1500—1520 гг. — Грамота великаго князя рязанскаго ана Ивановича [1]) боярамъ его Сунбулу да Кобякову съ прикаіемъ не править судебныхъ пошлинъ на Никитѣ Горбцевѣ да на Куземкѣ Лихачевѣ до личнаго совѣщанія.

Списокъ з грамоты великого князя Ивана Ивановича.

Отъ великого князя Ивана Ивановича бояромъ нашимъ Өедору ановичю Сунбулу да Ивану Дмитріевичю Кобякову да Михайлу итріевичю Кобякову. Писали есте ко мнѣ грамоту, а въ грамотѣ шетъ, что-де искалъ передъ вами Куземка Ивашковъ сынъ Лихоа на Никиттѣ на Семеновѣ сынѣ на Горбцевѣ бою и лаи, бутто Никитка Горцовъ того Куземку билъ плетью и конемъ топталъ и лаялъ блядимомъ сыномъ, звалъ и выблядкомъ; и вы-де имъ судили, тому Куземтѣ да Никиттѣ, кресное цѣлованья и поле; вашъ-де недѣльщикъ Неклюдъ Ворыпаевъ учинилъ имъ срокъ стать крестного цѣлованья предъ Спожинымъ заговѣньямъ въ пятницу, Куземка-де Ивашковъ сынъ Лихочева на срокъ въ пятницу передъ пожинымъ днемъ у кресного цѣлованья и своимъ непольникомъ алъ, а [2]) на другой день и на третей, а Никитка Горбцовъ своимъ полщикомъ и на третей день не сталъ. И мнѣ бы велѣти на Нитѣ Горбцовѣ Куземкина безчестія и пошлины полевыя правити. вы бы на Никиттѣ Горбцовѣ Куземкина безчестья и пошлинъ поыхъ и приставного не велѣли править до зимы, доколѣ, дастъ гъ, сами у мене будете, и язъ съ вами обговорю, какъ будетъ

---

[1]) Послѣдній великій князь рязанскій, княжившій съ 1500 по 1520 г. убѣжавшій потомъ въ Польшу. См. *Экземплярскаго*, В. и уд. кн., т. II, стр. 01—604; *Д. И. Иловайскаго*, сочиненія, т. I, стр. 155—162. Умеръ князь ванъ Ивановичъ около 1534 г.

[2]) Вѣроятно, тутъ слѣдуетъ *и*.

пригожа. А на Куземки бы еси на Лихочевѣ не велѣли полевыхъ пошлинъ имать, доколѣ, дастъ Богъ, сами у мене будете.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 391.

№ 47. — 1500—1520 гг. — Грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича боярину его Θедору Сунбулу объ отводѣ земли, пожалованной Θедору Ромоданову.

Списокъ з грамоты великого князя Ивана Ивановича.

Отъ великого князя Ивана Ивановича бояромъ нашимъ Θедору Ивановичю Сунбулову съ товарыщи. Здѣсь есмя пожаловалъ Θедка Рамаданова деревнею Гаряиновскою Головнинскимъ, и вы бы послали сына боярского, кому бы мочно вѣрить, да велѣли бы есте ему отвесть по старинѣ, какъ была за Горяиномъ.

У подлинной назади:

Бояромъ нашимъ Θедору Ивановичю Сунбулову съ товарыщи.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конторы къ № 241 л. 392.

№ 48.—1500—1520 гг. Грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича боярину его Сунбулу съ приказомъ изловить разбойника Ивашку Ивачева.

Списокъ з грамоты великого князя Ивана Ивановича.

Отъ великого князя Ивана Ивановича бояромъ нашимъ Θедору Ивановичю Сунбулу съ товарыщи. Прислали есте ко мнѣ грамоту, а сказываете, что-де Ивашка Ивачевъ билъ Аврамка Омельянского и грабилъ. И вы-де ему дали на Ивашка пристава, и Ивашка-де и вашему приставу на поруки [1]) ...и вы бы послали пяти-шести недѣльщиковъ, да велѣли его изымать, да велѣли бы дать силою на поруки, да и судили бы есте его съ нимъ.

У подлинной назади подписано:

Бояромъ нашимъ Θедору Ивановичю Сунбулову съ товарыщи.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 392.

---

[1]) Тутъ, по всей вѣроятности, пропускъ, хотя изъ рукописи этого и не видно.

№ 49. — 1500—1520 гг. — Грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича боярамъ Өедору Ив. Сунбулову съ товарищами съ приказомъ допросить женку Ариницу и о показаніи ея отписать ему, князю.

Списокъ з грамоты великого князя Ивана Ивановича.

Отъ великого князя Ивана Ивановича бояромъ нашимъ Өедору Ивановичь Сунбулову съ товарыщи. Билъ ми челомъ Гриша Заглухинъ, а сказываетъ, что-деи къ нему приходила жонка Ориница серегю дѣлать, и Микита-де Ичюра того Гришу и з жонкою изымалъ да связалъ и пришелъ-деи передъ васъ, и та-де жонка назвалася передъ вами моя великого князь слобоная. И что будетъ тотъ парабокъ Гриша передъ вами говорилъ и та жонка Аринница, въ чомъ ихъ имали, и вы бы ко мнѣ отписали часа того.

У подлинной назади подписано:

Бояромъ нашимъ Өедору Ивановичь Сунбулу съ товарыщи.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 392 об.—393.

№ 50. — 1500 — 1520 гг. — Грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича боярамъ его Сунбулу да Кобяковымъ съ приказаніемъ „спустить съ поль" Бориса Мосолова да Ив. Иванева въ ихъ тяжбѣ.

Списокъ з грамоты великого князя Ивана Ивановича.

Отъ великого князя Ивана Ивановича бояромъ нашимъ Өедору Ивановичь Сунбулу да Ивану Дмитріевичь да Михайлу Дмитріевичь. Здѣсь мнѣ билъ челомъ Бориска Васильевъ сынъ Мосолова, что есте его судили с Ывашкомъ с Ываневымъ да и присудили есте имъ кресное цѣлованье да и поле. И вы бы ихъ [съ] поль спустили.

У подлинной назади подписано:

Бояромъ нашимъ Өедору Ивановичь Сунбулу съ товарыщи.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 393.

№ 51. — 1501 г. — Докладная грамота великой княгини Аграфены Васильевны [1]), вдовы великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича, о займѣ Фетиньей Богдановой и внукомъ ея кн. Ив. Мещерскимъ сорока рублей у Якова Ракова подъ залогъ вотчины.

Списокъ з докладной великіе княгини Огроөены.

---

[1]) Урожденная княжна *Бабичева*. Полн. Собраніе рус. лѣт., VI, 231.

Доложа великіе княгини Огроѳены боярина Ѳедора Ивановича Сунбула, се язъ, Ѳетинья Иванова жена Богданова, своимъ внукомъ со княземъ съ Иваномъ со княжъ Ивановымъ сыномъ Мещерского, занели есмя, господине, у Якова у Ивановича сына Ракова сорокъ рублевъ денегъ отъ Петрова дни на годъ, а въ тѣхъ есмя денгахъ въ сороцѣ рубляхъ закобалили ему съ собою купли свои деревню Новую на селищи на Сухининскомъ на рѣчки на Листани, что купилъ мужъ мой [Иванъ] Богдановъ у княгини у Василисы у кънежо Борисовой Ѳедоровичь Кожанова, да Игоревское селища, что купилъ муже жъ мой Иванъ Богдановъ у Семена у Лысцова, съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ тѣмъ, что къ той деревни и къ селищамъ истарины потягло, да и купчія есмя ему свои двѣ грамоты тѣхъ селищъ выдали. А за ростъ Якову та наше деревня вѣдати со всѣмъ и земля похати и косити. А не выкупимъ мы, язъ, Ѳетинья Иванова жена Богданова съ своимъ внукомъ со князем съ Иваномъ со княжо Ивановымъ сыномъ Мещерского, тѣхъ своихъ купель, деревни Новой и селищъ, у Якова Иванова сына Ракова на срокъ на Петровъ день лѣта 7010, ино Якову Иванову сыну Ракову и его женѣ и его дѣтемъ тѣ наши купли, деревня Новая на селищѣ на Сухининскомъ на рѣчкѣ на Листани и Игоревское селища, съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ тѣмъ, что къ той деревни и къ селищамъ изъ старины потягло [1]), и купчія наши двѣ грамоты тѣхъ селищъ въ куплю и у вотчину впрокъ безъ выкупа, а сея ему кабала на ту нашу деревню на Новую и на селища—и купчея грамота. А не отниматв[ся] намъ у него отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изустною. На докладѣ были Василей Шушпанъ Григорьевъ сынъ Акинѳова да Софонъ Оръгунъ Спиридоньевичь сынъ лѣта 7000 девятаго [2]). Писалъ великіе княгини дьякъ Михайло Мелентьевъ Язвецъ.

У подлинной печать на черномъ воску.

При родосл. Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 387—388.

---

[1]) Въ ркп. *полятло.*

[2]) Вмѣсто этого слова въ ркп. стоитъ безсмысленное *неустомъ.* Но годъ грамоты можно вывести изъ того, что срокомъ возврата займа назначенъ Петровъ день 7010 г., а заемъ заключенъ на годъ.

52.—1501 г. января 15.—Докладная грамота великой княгини ны Васильевны [1]), вдовы великаго князя рязанскаго Василія ановича, о продажѣ Клементіемъ Кобяковымъ села Мих. Кобякову за 20 р.

Списокъ съ докладной великія княгини Анны.

Доложъ великія княгини Анны, се азъ, Клементей Яковль сынъ бяковъ, продалъ есми село отца своего Якова Кобякова староя да свое Михаилу Дмитріеву сыну Кобякову, а взялъ есми на селѣ у хаила двадцать рублевъ денегъ да пополнка жеребечъ пѣгъ да кову, съ нивами и съ пожнями и съ починною з землею з бортною з дубомъ и свой жеребей и въ рѣчки и въ Листаніи и з боюры; отвесть есми ему по старинѣ, а отводъ тое земли отъ Литани Мостищемъ, а отъ Мостищъ по Свинуховскому врагу, прямо по дубровѣ перевертомъ къ монастырскимъ перевертомъ з бологовскимъ, по настырскимъ перевертомъ по дубровѣ къ Незнановскому верху да Незнановсть рѣчки внизъ къ Литани по Литани, да по Литани рхъ на усть Мостища. А отъѣжалъ тое землю и переверты верхъ конюшей Никита Ивановичъ Измайловъ, а у отъѣзда были тое ли съ Никитою Ивановичемъ Тимофей Ивановъ сынъ Денижниъ да Борисъ Ильинъ сынъ Силаковъ. А у доклада былъ у великія гини бояринъ Ѳедоръ Ивановичь Сунбулъ. Лѣта 7000 девятаго [2]) варя въ 15 день. А подписалъ великія княгини дьякъ Тимофей еевъ сынъ.

У подлинной печать на черномъ воску.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, Герольдм. конт. къ № 241 лл. 885 об.—386.

53.—1501 г. апрѣля 1.—Жалованная несудимая грамота вели княгини Анны Васильевны, вдовы великаго князя рязанскаго силія Иваковича, Ермолѣ Ѳедоровичу Стерлигову на селище Ананьинское.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Се азъ, великая княгиня Анна, пожаловала есми Ермола Ѳедова сына Стерлигова селищемъ Ананьинскимъ вверхъ рѣчки Пони-

---

[1]) Дочь в. кн. московскаго Василія Темнаго.

[2]) Въ рукописи стоитъ *десятаго*, но это, по всей вѣроятности, описка, тому что Анны Васильевны въ это время уже не было въ живыхъ: она умерла апрѣлѣ 1501 г. (Полн. Собр. русск. лѣтописей, т. VIII, стр. 240). Надо поть, что „десятаго" - описка вм. *девятою*.

ковой съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селищу исторпны потягло. А кого къ себѣ призоветъ людей изъ зарубежья на то селищо жити, и тѣмъ людемъ не надобеть имъ моя великія княгини дань и ямъ и никоторая тягль на семь лѣтъ; а издѣшнихъ людей неписменыхъ кого къ себѣ призоветъ, и тѣмъ людемъ ненадобѣ имъ моя великія княгини дань и ямъ и никоторая тягль на три годы. А волостель мой къ нему въ околицу не въѣждаетъ, ни всылаетъ ни по что—ни ямщикъ, ни боровщикъ, ни бобровникъ, ни закосникъ, а явка и вина и поличное изъ его околици къ волостелю нейдетъ, ни татинъ рубль, что учинится татьба въ его околицѣ промежъ ево людей. Пожаловала есми его бояры своими Яковомъ Назарьевичемъ да Өедоромъ Васильевичемъ Верхдеревскимъ—лѣто 7000 девятаго апрѣля 1-го.

У подлинной грамоты назадѣ пишетъ:

Княгини великая. Дьякъ Михайла Язвецъ Мелентьевъ.

У подлиной жа грамоты печать.

При родосл. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, столб. родосл. № 160 склейка 8.

№ 54.—1502 г. марта 9. — Жалованная несудимая и льготная грамота великой княгини Аграфены Васильевны, вдовы великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича, рязанскому боярину Өед. Сунбулу на село Турмелево Ростиславльскаго уѣзда.

Списокъ з грамоты великія княгини Аграфены.

Се язъ, великая княгини Огрофена, пожаловала есмь боярина своего Өедора Ивановичь Сунбула селомъ Турмелевымъ въ Ростиславльскомъ уѣздѣ съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ, что къ тому селу из старины потягло. И кого къ собѣ призоветъ людей изъ зарубежья въ то село жити, и тѣмъ людемъ ненадобѣ моя великіе княгини дань, ни ямъ [1]), ни которая тягль на пять лѣтъ. А здѣшнихъ людей не писменыхъ кого къ собѣ призоветъ, и тѣмъ людемъ ненадобѣ моя великіе княгини дань, ни ямъ, ни которая тягль на три годы. И намѣсникъ мой ростисловльскій къ нему въ околицу не въѣждаетъ, ни всылаетъ ни по что, ни приставъ намѣсничь не судитъ его людей ни въ чемъ. А кому будетъ до Сунбуловыхъ людей дѣло, ино ихъ сужу язъ, великая княгиня, сама; а волостель мой къ нему въ

[1]) Въ ркп. *данимъ*.

околицу не въѣзжаетъ, ни емщикъ, ни боровщикъ [1]), ни бобровникъ, ни закосникъ. А явка и вина и поличное изъ его околицы къ волостелю моему пейдетъ, ни татинъ рубль, что учинитца татба въ его околицы промежъ его людей. А пожаловала есмь его бояриномъ своимъ Яковомъ Назарьевичемъ лѣта 7010 марта 9.

У подлинной печать на черномъ воску.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 386—387.

№ 55.—1502 г. декабря 19.—Жалованная несудимая и льготная грамота удѣльнаго князя рузскаго Ивана Борисовича Аѳанасію Елчанинову на деревни Быкову и Булгакову Рузскаго уѣзда.

Се язъ, князь Иванъ Борисовичь, пожаловалъ есми Ооонасья Костентинова сына Елчанинова, что его деревни отчина Быково да деревня Булгаково въ моей отчинѣ въ Рускомъ уѣздѣ въ Скирмановѣ. И хто у него въ тѣхъ деревняхъ учнетъ людей жить, и тѣмъ его людемъ не надобѣ моя княжъ Ивана Борисовича ни которая дань, также имъ не надобе ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, ни къ дворскому, ни къ десятцкому съ тяглыми людьми и не тянутъ ни во что — ни въ какіе проторы, ни въ розметы, ни иныя имъ ни которыя пошлины не надобе. А намѣстницы мои рузскіе и ихъ тіуни и волостели мои скирмоновскіе и ихъ тіуни ни кормовъ своихъ на нихъ не [е]млютъ, и не всылаютъ къ нимъ ни по что, и не судятъ ихъ ни въ чемъ, опрочѣ душегубства и разбоя. А праведчики и доводчики поборовъ своихъ на нихъ не берутъ, ни въѣжаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаетъ ихъ и судитъ Ооонасей—ихъ, тѣхъ своихъ людей, самъ во всемъ, въ татьбѣ съ поличнымъ промежъ своихъ людей, или кому прикажетъ. А лучитца судъ смѣсной тѣмъ его людемъ з городкими людьми или съ волостными, и намѣсницы мои и волостели и ихъ тіуни судитъ, а Ооонасей или его приказщикъ съ ними жъ судитъ, а присудомъ дѣлятца наполы. А кому будетъ чего искать на самомъ Ооонасьѣ или его приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ самъ, князь Иванъ Борисовичь, или мой бояринъ введеной. А за дань и за всѣ пошлины съ тѣхъ дву деревень даетъ Ооонасей оброкомъ въ мою казну

[1]) Въ ркп. *зборовщикъ*.

княжъ Иванову Борисовича з году на годъ на Рождество Христово по штн алтынъ. А хто ся ослушаетъ сеѣ моей грамоты, быть ему отъ меня, князя Ивана Борисовичя, въ казни. А дана грамота лѣта 7000 перваго на десять декабря въ 19 день.

Приписано рукой конца XVII в.: И у подлинной грамоты назади пишетъ: Князь Иванъ Борисовичь [1]).

При родословной росписи Елчаниновыхъ, столб. родосл. № 41 склейка 7.

№ 56.—1502—1505 гг.[1]). — Грамота князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Ивану Садыку Старово волости Покровской въ кормленіе.

Списокъ з жалованные грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь Василей Ивановичь, пожаловалъ есми Ивана Садыка Старово волостью Покровскою и съ правдою въ кормленье со всѣмъ по тому, какъ было за Тимофеямъ за Ржевскимъ. И вы, боярe, и дѣти боярскіе, и всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдоеть и блюдеть. А хто по кого взведеть моего княжа Васильева Ивановичь пристава, а будуть оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ ставить передъ волостелемъ передъ Иваномъ или передъ его тіуномъ; а которой мой приставъ тѣхъ обоихъ исцовъ не иметь ставить передъ волостелемъ передъ Иваномъ или передъ его тіуномъ, и онъ ѣзду лишенъ; а которой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ его тіуномъ не иметь искать или отвѣчивать, и язъ, князь Василей Ивановичь, велѣлъ того обвинить и грамоту правою велѣлъ на него дати.

При родосл. росписи Садыковыхъ, родосл. столб. № 43, склейка 2. Также кн. Герольдм. конторы къ № 241 л. 696.

---

[1]) Копія писана почеркомъ XVI или самаго начала XVII в. и весьма ветха.

[1]) Принимаемъ эту приблизительную дату на томъ основаніи, что 1) въ это время былъ живъ еще Иванъ III, иначе Василій въ грамотѣ названъ былъ бы *великимъ* княземъ; 2) по всей вѣроятности, эта грамота дана въ послѣдніе годы жизни Ивана III, когда Василій сдѣлался соправителемъ отца, т. е. не раньше 11 апрѣля 1502 г. (*Экземплярскій*, Великіе и удѣльн. князья, т. I, стр. 275).

№ 57.—1504 г. іюля 10.—Жалованная несудимая грамота великой княгини Аграфены Васильевны, вдовы великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича, боярину Павлу Васильевичу Верхдеревскому на село Ковылино.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Се язъ, великая княгиня Аграѳена, пожаловала есми боярина Павла Васильевичь Верхдеревского ево жъ куплею, селомъ Ковылинымъ, что прежъ того было у Александра [1]) у Суморока у Иванова сына и у ево сына Петра, съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу исторены потягло. А кого къ себѣ призоветъ людей изъ зарубежья въ то село жити, и тѣмъ людемъ ненадобѣ имъ моя великія княгини дань и ямъ, никоторая тягль на семь лѣтъ. А издѣшнихъ людей неписменныхъ кого къ себѣ призоветъ, и тѣмъ людемъ ненадобѣ имъ моя великія княгини дань и ямъ и никоторая тягль на пять лѣтъ. А намѣсницы мои ростиславскіе и ихъ тіуни и ихъ доводщики къ Павлу въ то село не вьѣждаютъ [2]), ни всылаютъ ни по что, ни судять его людей. А кому будетъ до его людей дѣло, ино ихъ сужю язъ сама, великая княгиня. А кто къ Павловымъ людемъ пріѣдетъ изъ зарубежья ночевати въ то село въ Ковылино, и они тѣхъ ночлежниковъ моимъ намѣсникомъ и ихъ тіуномъ не вьявляютъ и явки не даютъ. А пожаловала есми бояриномъ своимъ Яковомъ Назарьевичемъ лѣто 7012 іюля 10.

У подлинной грамоты назадѣ пишитъ:

Дьякъ Михайла Язвецъ Мелентьевъ.

У подлинной жа грамоты печать.

При родословн. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, родосл. столб. № 160 склейка 9.

№ 58.—1504—1533.—Данная грамота удѣльнаго князя дмитровскаго и кашинскаго Юрія Ивановича [3]) Василью да Андрею Ромейковымъ на село Маковничо.

Начала нѣтъ.

. . . . . Ивановичъ, возря въ духовной списокъ и въ ихъ вопросной списокъ и отца духовнаго Власіева рѣчи, и язъ князь, Юрей

---

[1]) Слова: *Ковылинымъ, что прежъ того было у Александра* почему-то зачеркнуты.

[2]) Въ ркп.: *не въѣждаетъ.*

[3]) *Экземплярскій*, т. II, стр. 352. Этотъ князь владѣлъ своимъ удѣломъ съ 1504 по 1533 г.

Ивановичъ, пожаловалъ Василья да Ондрея Петровыхъ дѣтей Ромекова тою вотчиною Власьевскою селомъ Маковничимъ з деревнями и съ пустошми и животомъ; и въ томъ селѣ Покровъ Святые Богородицы, деревня Софроново, деревня Чашничь [съ] запольемъ и съ лѣсы, деревня Боровиково, починокъ Згладово, деревня Горка Поповская, деревня Намѣстово, деревня Лаптево, да пустошь Мельница, да пустошь Буково, да пустошь Блазново, что х тѣмъ деревнямъ истарины тягло, куды ходилъ [п]лугъ, и коса, и топоръ, съ лѣсы и съ угодіемъ, что имъ съ тое вотчины, Василью да Ондрею, долгъ платить Власьевской и по душѣ дати и душу его поминать и вотчиною ладать (sic). И Власіевѣ женѣ Оленѣ велѣлъ есми на Васильѣ да Ондреѣ взяти по ее по рядному списку пятьдесятъ рублевъ кабалами и по духовному списку, что ее пожаловалъ мужъ ее Власей изъ своего живота и вотчины и женѣ своей далъ Оленѣ конь буланъ [1]), да меринъ саврасъ, да комтель бѣлей хрептовой съ вошивою и пуговицы золоты, да опашень лунской; а не любо женѣ моей Оленѣ—и Олена, жена моя, возьметъ изъ моего живота и вотчины у братаничевъ у моихъ, у Василья да у Андрея... (*здѣсь, вѣроятно, пропускъ*) что ей до вотчины и до живота дѣла нѣтъ, Оленѣ Власіевѣ женѣ [2]). И язъ, князь Юрей Ивановичь, велѣлъ есми взят . . . да на Ондреѣ Настасіѣ Власіевѣ доч . . на своихъ братѣхъ по рядному списку дн [3]) и платіе и сажніе и люди все сполна, а Настасіѣ велѣлъ есми дати своимъ братіемъ Василью да Ондрею отпись въ томъ, что ей [4]), Настасіѣ, до отца своего вотчины села Моковнича и до деревень и до живота дѣла нѣтъ. И язъ, князь Юрей Ивановичъ, велѣлъ есми Инъкѣ Глотову да Игнатію Костянтинову да Василью Суворову выслати Олену Власьевскую жену да и Настасію Власьевскую дочь Рамекова изъ села Моковнича вонъ, и язъ, князь Юрій Ивановичь, пожаловалъ, велѣлъ отдати то село Моковниче и з деревнями и съ пустоши и животомъ . . . . . Глотову съ товарыщи Василью да Ондрею Петровымъ дѣтемъ Ромекова отдати все сполна и отпись имъ дати, и язъ, князь Юрьи Ивановичь, пожаловалъ Василья да Ондрея Петровыхъ дѣтей Ромекова, далъ на то село на Моковнича и на деревни и на пустоши данную грамоту прокъ имъ и ихъ дѣтемъ.

И у подленной грамоты пишетъ:

---

[1]) Въ ркп. *булатъ*.

[2]) Въ этомъ мѣстѣ текстъ, очевидно, испорченъ.

[3]) денегъ? (дигъ).

[4]) Въ ркп. *ес*.

Княжъ Юрьевъ Ивановича дьякъ Аѳонасей Яковль.

А та его, великого (sic) князя, подлинная грамота за его, вели-о князя, за вислою печатью.

При родословной росписи Ромейковыхъ, кн. Герольд. конт. къ 241 лл. 627—628.

59.—1505—1533 гг.—Грамота великаго князя московскаго Ва-іія Ивановича о пожалованіи Ѳедору Максим. Горину волости Куси да Немды въ кормленіе.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі, пожало-ъ есми Ѳедора Максимовича Горина Кусью да Немдою въ корм-ье подъ Дмитреемъ подъ Хирдыщиковымъ. И вы [1]), всѣ люди тое ости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ и хо-ъ у васъ по старинѣ, какъ было прежъ сего. А хто по кого взве-ъ моего великого князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, риставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ ставить предъ Ѳедоромъ или дъ его тіуномъ. А не поставитъ мой приставъ тѣхъ обоихъ ис-ъ предъ Ѳедоромъ или предъ его тіуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. которой [2]) тѣхъ обоихъ исцовъ предъ Ѳедоромъ или предъ его тіу-ъ не учнетъ искать или отвѣчати, и азъ, князь великиі, велѣлъ о обвинить и грамоту правою дати.

А назади пишетъ:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі.

Печать вислая на красномъ воску. А въ которомъ году подлин-грамота писана, того не написано.

При родосл. росписи Гориныхъ, родосл. столб. № 27 склейка 2.

60. — 1505—1533 гг. — Грамота великаго князя московскаго -силія Ивановича о пожалованіи Ив. Апраксину волости Сямы въ кормленіе.

Списокъ з жалованной грамоты великого князя Василья Ивано-ча всеа Русиі.

Се азъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі, пожало-ъ есми Ивана Матвѣевича Опраксина Сямою съ правдою подъ убомъ подъ Ивашенцовымъ въ кормленье. И вы, всѣ люди тое

[1]) Въ ркп. *вы бъ*.

[2]) Въ ркп. *которыхъ*.

волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ и ходитъ у васъ по старинѣ, какъ было прежъ сего. А хто по ково возведетъ моего великого князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ ставитъ передъ Иваномъ или передъ его тіуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ его тіуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ, князь великіі, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

А назади у подлинной грамоты пишетъ:

Князь великіі Василей Ивановичь всеа Русіі.

А печать у подлинной грамоты красная вислая—орелъ двоеглавой.

При родосл. росписяхъ Апраксиныхъ, кн. Герольдм. конт. 241, въ двухъ копіяхъ: первая (при первой росписи) лл. 168 обор.—169, вторая (при третьей росписи) л. 182 обор.

№ 61. — 1505—1533 гг. — Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Ярца Апраксина волостью Отъѣзжимъ и Бибиковымъ въ кормленіе.

Списокъ з жалованной грамоты великого князя Василья Ивановича всеа Русіі.

Се азъ, князь великіі Василей Ивановичь всеа Русіі, пожаловалъ есми Ярца Матвѣевича Опраксина Отъѣзжимъ и Бибиковымъ подъ Яковомъ Ивановымъ сыномъ Дмитреева Исакова въ кормленье съ пятномъ. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ по тому жъ, какъ было прежъ сего. А хто по кого возведетъ моего великого князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ истцевъ ставитъ передъ Ярцомъ или передъ его тиуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ истцевъ передъ Ярцомъ или передъ его тіуномъ [1]), и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ истцевъ передъ Ярцомъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и азъ, князь великіі, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

А у подлинной грамоты назади пишетъ:

Князь великіі Василей Ивановичь всеа Русіі.

---

[1]) Слова: „а не поставитъ.... или передъ его тіуномъ" во II копіи, по разсѣянности переписчика, пропущены.

А печать у подлинной грамоты вислая красная, орелъ двоеглавой [1]).

При родосл. росписяхъ Апраксиныхъ, кн. Герольдм. конт. 241, въ двухъ копіяхъ: I (при первой росписи) — на л. 167б, II (при третьей росписи)—на л. 181.

№ 62. — 1505—1533 гг. — Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Михайлу, Якову, Ивану да Никитѣ Карамышевымъ городовъ Демана и Березовца въ кормленіе.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Росіи, пожаловалъ есми Михайла да Якова да Ивана да Микиту Өедоровыхъ дѣтей Михайловича Карамышева въ своей отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ городомъ Демaномъ и Березовцомъ въ кормленіе. И вы, всѣ люди по городамъ, чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдаютъ, и судятъ, и ходятъ у васъ о всемъ по тому, какъ было прежъ сего.

А назади у подлинной грамоты написано:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Русіи.

Да у той же грамоты въ срединѣ строки или двухъ нѣтъ, за ветхостію, и выбрать неищево.

А у подлинной грамоты печать на красномъ воску—половина помята.

При родословн. росписи Карамышевыхъ, родосл. столб. № 93 склейка 11.

№ 63. — 1505—1533 гг. — Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Фунику Прокудину чашнича пути на Костромѣ въ кормленіе съ правдой.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великіи Василіи Ивановичь всеа Русіи, пожаловалъ есми Фуника Прокофьевича Прокудина теперскомъ (sic) и чашничимъ путемъ на Костромѣ подъ княземъ Васильемъ Пожарскимъ въ кормленье съ правдою. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаеть, и судить, и ходить у васъ по старинѣ, какъ было прежъ сего. А хто по кого возведетъ моего великого князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обо-

---

[1]) Во II копіи—„двоеглавной“.

ихъ исцовъ ставить передъ Фуникомъ или передъ его тіуномъ; а не поставить приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Фуникомъ или передъ его тіуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Фуникомъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ, князь великіи, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

У подлинной грамоты написано позади:

Князь велики Василей Ивановичь всеа Русіи.

У той же грамоты вислая печать на красномъ воску [1]).

При родосл. росписи Прокудиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 591.

№ 64. — 1505—1533 гг. — Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Андрею Племянникову волостей Каликина и Парфентьева въ кормленіе.

Се азъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі, пожаловалъ есми Андрея Иванова сына Племянникова Каликинымъ и Парфентьевымъ съ правдою подъ [*и съ сего мѣста выдрано* [2])]. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ по старинѣ, какъ было прежъ сего. А хто по кого взведетъ моего великого князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ ставить передъ Андреемъ или передъ его тіуномъ; а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ исцевъ передъ Андреемъ или передъ его тіуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Андреемъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искать или отвѣчать, и язъ, князь великиі, тово велѣлъ обинити и грамоту праву на того дати.

А назади у подлинной приписъ:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі.

Печать вислая на красномъ воску.

При родосл. росписи Племянниковыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 607.

---

[1]) Копія писана на синеватой бумагѣ рукой самаго конца XVIII в. или даже начала XIX.

[2]) Замѣчаніе въ ркп.

№ 65.—1505 г. мая.—Грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича о пожалованіи Андрею Племянникову Слободскаго городка на Вяткѣ въ намѣстничье кормленіе.

Се азъ, князь велики Иванъ Васильевичъ всеа Руси, пожаловалъ есми Андрея Иванова сына Племянникова Слободскимъ городкомъ на Вяткѣ подъ Замятнею подъ Костянтиновымъ сыномъ Сабурова въ кормленіе. И вы, всѣ люди того городка, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и блюдетъ, и ходитъ у васъ по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего. Писанъ на Москвѣ лѣта 7013 мая.

А назади у подлинной припись:

Князь велики Иванъ Васильевичь всеа Русіі.

Печать вислая на красномъ воску.

При родосл. росписи Племянниковыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 606.

№ 66.—1506 г. января 2.—Жалованная несудимая грамота удѣльнаго князя кашинскаго Юрія Ивановича Андрею Ѳед. Бѣдову на земли въ Чюцкомъ стану Кашинскаго уѣзда.

Се азъ, князь Юрьи Ивановичь, пожаловалъ есьмя Андрея Ѳедорова сына Бѣдова з дѣтьми, что ихъ деревни прадѣдовъ ихъ Вивулы да Ильи Бѣдовыхъ княжеское жалованье моего князя Юрья Ивановича прадѣда въ отчинѣ моей въ Кашинскомъ уѣздѣ въ Чюцкомъ стану сельцо Андреевское да сельцо Толстиково да сельцо Урюпино . . . . . . Безгузово на Кашинѣ рѣкѣ, да въ Бѣлѣгородѣ и въ Хотчѣ сельцо Сѣрково з деревнями и съ пустошми и съ починки. И намѣсницы мои кашинскіе и волостели и ихъ тіуны людей и крестьянъ ни въ чемъ не судятъ, оприче душегубства или разбоя съ поличными, и кормовъ и поборовъ на намѣсниковъ и на себя у нихъ не берутъ и коней не кормятъ. А смѣсной судъ людямъ Андреевымъ намѣсники мои и волостели и ихъ тіуны судятъ, а Ондрей и дѣти его или прикащикъ съ ними жъ судятъ, а присудомъ дѣлятца наполы. А кому будетъ искати на Ондрею и на дѣтехъ его на Ѳедорѣ . . . . . ею, ино ихъ сужю ясъ самъ, князь Юрьи Ивановичь, или мой введеной бояринъ. Писанъ въ Дмитровѣ лѣта 7014 году генваря въ 2 день.

А у подлинной грамоты позади написано:

Князь Юрьи Ивановичь.

Печать—воскъ черной, вислая, на красномъ шелку.

При родословной росписи Бндовыхъ, столб. родословн. № 97, склейка 4.

№ 67. — 1506 г. апрѣля 20. — Жалованная несудимая грамота удѣльнаго князя дмитровскаго Юрія Ивановича Алексѣю да Микулѣ Трестинымъ на Задубровскую слободу въ Кашинскомъ уѣздѣ.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь Юрiй Ивановичь, пожаловалъ есми Алексѣя да Микулу Александровыхъ дѣтей Трестина да Петреца да Тихонца да Ельку да Иванца Микулиныхъ дѣтей Трестина, что ихъ селцо Рожнова з деревнями въ моей отчинѣ въ Кашинскомъ уѣздѣ, въ Задубровской слободѣ, въ большой половинѣ. И кто у нихъ въ томъ селцѣ и въ деревняхъ учнутъ жити люди, и намѣсницы мои кашинскiе и волостели Задубровской слободы и ихъ тиуны тѣхъ ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя съ поличнымъ, ни кормовъ у нихъ своихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ нимъ ни по что, а праветчики и доводчики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ, ни въѣзжаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаютъ и судятъ Олексѣй и Микула и его дѣти Петрецъ и Тихонецъ и Елька и Иванецъ тѣхъ своихъ людей сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣсной тѣмъ ихъ людемъ з городцкими людми или съ волостными, и намѣсницы мои кашинскiе и волостели Задубровскiе слободы и ихъ тiуны судятъ [1]), Алексѣй и Микула и его дѣти Петрецъ и Тихонецъ и Елька и Иванецъ, или ихъ прикащикъ, съ ними жъ судятъ, а присудомъ дѣлятца на полы. А кому будетъ чего искати на Олексѣѣ и на Микулѣ и на его дѣтехъ, на Петрецѣ да на Тихонцѣ да на Елькѣ да на Иванцѣ, или на ихъ прикащикѣ, ино ихъ сужю язъ, князь Юрiй Ивановичь, или мой бояринъ введенной. Писана на Москвѣ лѣта 7014 апрѣля въ 20 день.

А у подлинной грамоты назади пишетъ:

Князь Юрiй Ивановичь.

При родосл. росписи Комсиныхъ, столб. родосл. № 129 склейка 5.

---

[1]) Тутъ пропущенъ союзъ *а*.

№ 68. — 1506 г. мая 3. — Жалованная грамота удѣльнаго князя кашинскаго Юрія Ивановича Клобукову монастырю, подтверждающая за нимъ владѣніе сельцомъ Игнатьевымъ [1]).

Се язъ, князь Юрьи Ивановичь, пожаловалъ есмя во отчинѣ своей въ Кашинѣ Клобукова монастыря игумна Пимина щерицы. Велѣлъ было я у нихъ выкупати намѣснику своему кашинскому Андрею Θедоровичю Бѣдову сельцо Игнатьево з деревнями, а то сельцо по выѣздной ихъ грамотѣ ко князю Дмитрею Донскому, какову грамоту своего роду мнѣ Бѣдовы явили и списки съ той грамоты дали, бывали ихъ старыя деревни выѣзжева ихъ родимца ис Цесарской земли чесна рода Бедья Ульфа нѣмчина, а во крещеньѣ Патрекея. И нынѣ язъ выкупати не велѣлъ для того: какъ Патрекея Ульфа [нѣмчина] цесаренина и съ нимъ сына его Павла Бѣдьева на великомъ и грозномъ Мамаевѣ побоищи убили, и послѣ ихъ Павловы дѣти Ульфовы, а Патрекея нѣмчина внучата, Викула да Илья Бѣдовы, и никто родимцы ихъ Бѣдовы сельцомъ Игнатьевымъ не владживали, и даны имъ, Викулѣ да Ильѣ Бѣдовымъ, за Патрекееву и за Павлову службы и за крови многія села въ Кашинѣ, розныя волости. И впредь намѣснику моему Андрею Θедоровичю и сыну его

---

[1]) Эта грамота впервые напечатана Н. П. Лихачевымъ въ его книгѣ „Разрядные дьяки XVI в.“ (стр. 432—433), по нашей же рукописи. Г. Лихачевъ считаетъ эту грамоту подложной, относя ее къ числу такихъ грамотъ, которыя „были фальсифицированы вставкой отдѣльныхъ словъ или цѣлыхъ выраженій, главнымъ образомъ касавшихся или выѣзда прародителя, или означенія чина лица, именованнаго въ подлинникѣ только по имени“ (стр. 429). Затѣмъ въ текстѣ грамоты онъ курсивомъ отмѣчаетъ мѣста, представляющіяся ему подложными. Но эти сомнѣнія въ подлинности нѣкоторыхъ строкъ или словъ текста едва ли основательны; подлинникъ грамоты несомнѣнно былъ *исправенъ* и не имѣлъ ни подчистокъ, ни помарокъ, ни вставокъ другими чернилами, иначе это было бы оговорено въ росписи тѣмъ лицомъ, который списокъ „чолъ“ или „правилъ съ подлинной“, какъ напр. мы имѣемъ въ №№ 4 и 84, гдѣ точно оговорены сомнительныя мѣста подлинныхъ грамотъ. Изъ общаго пересмотра всѣхъ дошедшихъ до насъ подлинныхъ росписей я вообще вынесъ убѣжденіе, что представленныя при росписяхъ грамоты внимательно были осматриваемы и переписываемы, а въ сомнительныхъ случаяхъ подвергались оговоркамъ дьяковъ или подьячихъ тутъ же, гдѣ-нибудь по сосѣдству съ копіей. Итакъ, мы не считаемъ подозрительной собственно эту грамоту 1506 г.; но, быть можетъ, подѣлана была та грамота кн. Дмитрія Донского, о которой есть упоминаніе въ этой грамотѣ и которая собственно вызвала и эту послѣднюю.

Ѳедору Андреевичю розъѣсчику Бѣдовымъ и роду ихъ Бѣдовымъ до того сельца Игнатьева пѣтъ дѣла, а владѣть во вѣкъ монастыремъ, а Бѣдовымъ вмѣсто сельца Игнатьева въ Чюцкой волости сельцо Толстиково. Писанъ въ Дмитровѣ. [А гра]моту ясъ, князь Юрьи Ивановичь, велѣлъ запечатати своею печатью.

А подлинную грамоту подписалъ князь Юрьевъ Ивановича діакъ Илья Шестаковъ во лѣто 7014 году мaия въ 3 день.

А печать у грамоты на пришивкѣ, воскъ черной, цѣла.

Назади у грамоты написано:

Князь Юрьи Ивановичь.

При родосл. росписи Бѣдовыхъ, столб. родосл. № 97 склейка 4.

№ 69.—1506 г. іюня 29.—Доходный списокъ, данный великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Ивановичемъ волостелю кн. Юрію Львовичу Козловскому на кормленіе въ Антоновскомъ стану.

Списокъ з граматы слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Русіи, пожаловалъ есьми князь Юрья княжъ Львова сына Козловского, что за нимъ мое жалованье, волость Антоновскай станъ. И у кого будутъ въ той волости мои грамоты жалованныя, чопъ моимъ волостелемъ кармовъ не давати, и язъ, князь великіи, князя Юрья пожаловалъ, велѣлъ есьми ему въ той волости имати кормъ свой со всѣхъ граматниковъ з боярскихъ и съ монастырскихъ па сей грамотѣ. А съ сохи волостелю корму на Рожество Христово: полоть мяса, десетера хлѣбовъ, мѣхъ овса, возъ сѣна; а на Великъ день съ сохи жъ волостелю корму: полоть мяса, десетера хлѣбовъ; а на Петровъ день съ сохи жъ баранъ, десятеро хлѣбовъ. А не любъ будетъ волостелю кормъ, и онъ емлетъ за полоть мяса десеть денегъ, за десетера хлѣбовъ десеть денегъ, за мѣхъ овса восмь денегъ, за боранъ десеть денегъ, за возъ сѣна два алтына. А тіуну ево съ сохи жъ на всѣ тѣ три празники вполы волостелява корму. А довотчику его поборъ съ сохи жъ: на Рожество Христово каврига, часть мяса, забня авса; а на Великъ день [съ] сахи жъ довотчику поборъ каврига, часть мяса, а на Петровъ день съ сохи жъ довотчику поборъ каврига да сыръ; а не любъ будетъ довотчику поборъ, и онъ емлетъ за ковригу деньга, за часть мяса деньга, за сыръ деньга, за забню авса двѣ деньги. А съ черныхъ деревень велѣлъ есьми ему имать кормъ со шти деревень на Рожество Христово за полоть мяса два алтына, за десетера хлѣбовъ два алтына, за мѣхъ авса два алтына з деньгою, за возъ сѣна пол-

третья алтына; а на Великъ день со шти деревень волостелю корму за полоть мяса два алтына двѣ деньги, за десетера хлѣбовъ два алтына; а на Петровъ день со шти жъ деревень волостелю кормъ за баранъ два алтына двѣ деньги да за десетера хлѣбовъ два алтына. А тіуну его вполы того. А довотчику его поборъ з деревни на Рожество Христово три деньги, а на Великъ день довотчику поборъ двѣ деньги, а на Петровъ день довотчику поборъ двѣ жа деньги. А праветчику его имати поборъ з деревни на Рожество Христово восмь денегъ, а на Великъ день праветчику его поборъ з деревни четыре деньги, а на Петровъ день праветчику его поборъ з деревни жъ четыре жъ деньги. Также есьми князь Юрья пажаловалъ, велѣлъ есьми ему въ Онтоновѣ держати петно; и хто въ той волости купитъ лошадь, или продастъ, или мѣнитъ, и они являютъ князю Юрью или его петенщику, а онъ у нихъ кони пятнитъ, а отъ петна емлятъ съ лошади—съ купца деньгу московскую, а съ продавца деньгу жъ московскую; а имена люцъкія и кони въ шерсть пишетъ въ книги памяти для. А хто въ той волости купитъ лошадь, или продастъ, или мѣнитъ, а не явитъ князю Юрью или его петеньшику до того жъ дни, и онъ, уличивъ того, возьметъ на немъ заповѣди и пропятенья два рубля московскія. Писанъ на Москвѣ лѣта 7014 іюня въ 29 день.

А назади у подлинной грамоты пишетъ:

Князь велики всеа Русіи.

Печать вислая на красномъ воску—орелъ двоеглавой у подлинной грамоты.

При родосл. росписи кн. Козловскихъ, родосл. столб. № 108, склейки 2—3.

№ 70. — 1507 г. октября 20. — Жалованная несудимая грамота удѣльнаго князя кашинскаго и дмитровскаго Юрія Ивановича Аѳанасу Елчанинову съ сыновьями на деревни въ Рузскомъ уѣздѣ.

Се язъ, князь Юрьи Ивановичь, пожаловалъ есми Оѳонаса Костентинова сына Елчанинова да его дѣтей Васюка да Михалка, что ихъ вотчина деревня Быковская, деревня Булгаковская да деревня Вельяковская въ моей отчинѣ въ Рускомъ уѣздѣ въ Скирмановѣ—и хто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ учнетъ жити людей, и намѣстницы мои рузскіе и ихъ тіуни на тѣхъ ихъ людей приставовъ своихъ не даютъ и не судятъ ихъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что; а праведчики и довотчики поборовъ своихъ

у нихъ не берутъ и не въѣзжаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаютъ и судятъ Ѳѳонасей и его дѣти Васюкъ да Михалко тѣхъ своихъ людей сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣстной тѣмъ ихъ людемъ з гороцкими или съ становыми людьми, и намѣстницы мои рузскіе и ихъ тіуни судятъ, а Ѳѳонасъ и его дѣти, или ихъ приказщикъ, съ ними жъ судитъ, а присудомъ дѣлятца наполы. А кому будетъ чего искати на Ѳѳонасѣ и на его дѣтехъ на Васюкѣ да на Михалкѣ или на ихъ приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь Юрьи Ивановичь, или мой бояринъ введеной. А явятъ сю грамоту моему намѣстнику или его тіуну, и они съ нею дадутъ явки алтынъ. А черезъ сю мою грамоту хто что на нихъ возметъ или чѣмъ изобидитъ, быти ему отъ меня, ото князя Юрья Ивановича, въ казни. Писанъ въ Рузѣ лѣта 7016 октября въ 20 день.

А у подлинной грамоты назади пишетъ:

Князь Юрьи Ивановичь [1]).

При родосл. росписи Елчаниновыхъ, столбецъ родослов. № 41, склейка 8.

№ 71. — 1507 г. ноября 21. — Жалованная несудимая грамота удѣльнаго князя углицкаго Дмитрія Ивановича [2]) Аннѣ Рохманиновской женѣ съ дѣтьми на углицкую вотчину.

Се язъ, князь Дмитрей Ивановичъ, пожаловалъ есми Волоха Иванова сына Суседова да его сноху Анну Рахманиновскую жену да ее дѣтей Иванца да Васюка да Ондрейца, что у нихъ ихъ вотчина деревня Плишкино, деревня Улоньякино, деревня Красное, деревня Лучинское въ Углецкомъ уѣздѣ въ Святицѣ—и хто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ учнетъ жити людей, и намѣспици мои углецкіе и ихъ тіуни тѣхъ ихъ людей не судя[тъ] ни въ чемъ, опрочѣ душегубства и розбоя съ поличнымъ, а вѣдаютъ и судятъ Волохъ и его сноха и его братаничи тѣхъ своихъ людей сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случится судъ смѣсной тѣмъ ихъ людемъ з городцкими людми и з становыми или съ волостными, и намѣсници мои и волостели и ихъ тіуни судятъ, а Волохъ или его братаничи и ихъ при-

---

[1]) Копія написана на особомъ листкѣ рукой XVI или самаго начала XVII в., довольно ветха.

[2]) Сынъ Ивана III, р. 1482, † 1521 г. Съ 1505 г. получилъ въ удѣлъ Угличъ и другіе города. Послѣдній удѣльный князь въ Угличѣ. *Экземплярскій*, В. и уд. князья, т. II, стр. 116 и 151.

казчики съ ними жо судятъ, а присудомъ ся дѣлятъ наполы. А кому будетъ чего искати на Волохѣ и на его братаничѣ[хъ] или на ихъ приказщикѣхъ, ино ихъ сужу язъ, князь Дмитрей Ивановичъ, или мой бояринъ введеный. Писанъ на Углечѣ лѣт[а] 7016 ноября 21 дня.

При родосл. росписи Рахманиновыхъ, кн. Герольдм. конторы въ № 241 л. 644.

№ 72.—Около 1508 г.—Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Прокофью Апраксину города Гороховца въ намѣстничье кормленіе. — Подтвержденіе этой грамоты въ 1509 г.

Списокъ з жалованной грамоты великого князя Василья Ивановича всеа Русіи.

Се азъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі, пожаловалъ есми Прокофья Матвѣевича Опраксина Гороховцомъ съ мытомъ подъ Яковомъ [1]) подъ Скамонтовымъ. И вы, всѣ люди того города, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и ходитъ у васъ по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего. А хто по кого возведетъ моего великого князя пристава, а будутъ оба исца того города, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ ставитъ передъ Прокофьемъ или передъ его тиуномъ; а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Прокофьемъ или передъ его тиуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Прокофьемъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ, князь великиі, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

А назади у подлинной грамоты пишетъ:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі.

А подъ тѣмъ писмомъ пишетъ диачьею рукою:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі по сей грамотѣ пожаловалъ Прокофья Матвѣева сына Опраксина, перепустилъ ему Гороховецъ черезъ два года отъ Николина дни отъ вешнева лѣта седьмь тысящъ седмаго на десять до Николина дни осеннего лѣта седьмь тысящъ осмаго на десять. А подписалъ великого князя диакъ Лука Семеновъ.

При родосл. росписяхъ Апраксиныхъ, кн. Герольдм. конт. 241, въ двухъ копіяхъ: первая лл. 167 обор.—168 (при первой росписи), вторая л. 181 обор. (при третьей росписи).

---

[1]) Въ I копіи *подъ Якомъ.*

№ 73.—1508 г. мая 20. - Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Протасію Акинфовичу Протасьеву въ кормленіе торговыхъ пошлинъ въ Мещерѣ и Мещерскомъ уѣздѣ.

Списокъ з жалованной грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі, пожаловалъ есми Протасья Акинѳовича Протасьева въ кормленья въ Мещерѣ и въ Мещерскомъ уѣздѣ всею пошлиною, хто что продасть или промѣнитъ или купитъ. И вы бъ, всѣ люди, являли кормленщику нашему Пратасью Акинѳовичю, а онъ у васъ велитъ пошлины имать тіупу своему; а хто пошлинъ не явитъ, и ему, кормленщику нашему, взять на томъ промытъ, а промытъ и пошлины имать по наказному списку. Писанъ на Москвѣ лѣта 7016-го году маія въ 20 день.

А у подлинной грамоты назади пишетъ:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі.

Печать вислая на красномъ воску.

При родословной росписи Протасьевыхъ, родосл. столб. № 59, склейка 4.

№ 74. — Около 1509 г.[1]). — Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи И. И. Коробьину волости Ростовца въ кормленіе.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Русіи, пожаловалъ есми Ивана Иванова сына Коробьина Ростовцомъ съ правдою подъ Ѳедоромъ . . . . . . рономъ въ кормленье. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и ходитъ у васъ по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего. А хто по кого взведетъ моего великого князя пристава, а будуть оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ ставитъ передъ Иваномъ или передъ его тиуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ его тиуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ его тиу-

1) См. далѣе подъ № 75 доходный списокъ, служащій дополненіемъ къ этой грамотѣ.

номъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ, князь великиі, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

А назади у подлинной грамоты пишетъ:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі.

При родосл. росписи Коробьиныхъ, столб. родосл. № 134, въ двухъ копіяхъ: одна на склейкѣ 6, другая на склейкѣ 8-й. Часть послѣдней съ лѣвой стороны отгнила.

№ 75.—1509 г. іюля 17.—Доходный списокъ, данный великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Ивановичемъ волостелю Ив. Ив. Коробьину на кормленіе въ волости Ростовцѣ.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь великіи Василей Ивановичь всеа Русіи, пожаловалъ есми Ивана Иванова сына Коробьина, что за нимъ моево жалованья волость Растовецъ, и у каво будутъ въ той волости мои великого князя грамоты жалованныя, что имъ моимъ волостелемъ кормовъ не давати, и язъ, князь великіи, Ивана пожаловалъ, велѣлъ есми ему имати кормъ съ сохъ со всѣхъ грамотниковъ з боярскихъ и съ монастырскихъ по сей грамотѣ. А съ сохи волостелю кормъ на Рожество Христово: полоть мяса, десятеро хлѣбовъ, мѣхъ овса, возъ сѣна; а на Великъ день съ сохи жъ волостелю кормъ: полоть мяса, десятеро хлѣбовъ; а на Петровъ день съ сохи жъ волостелю кормъ: боранъ, десятеро хлѣбовъ. А не любъ будетъ волостелю кормъ, и онъ емлетъ за полоть десеть денегъ, за десять хлѣбовъ десеть денегъ, за боранъ десеть денегъ, за мѣхъ овса восмь денегъ, за возъ сѣна два алтына. А тиуну его кормъ съ сохи жъ на всѣ тѣ три празники полы волостелева корму. А довотчику ево поборъ съ сохи: на Рожество Христово за ковригу деньга, за часть мяса деньга, за зобню овса двѣ деньги; а на Великъ день съ сохи жъ довотчику поборъ: за ковригу деньга, за часть мяса деньга; а на Петровъ день съ сохи жъ довотчику его поборъ: за ковригу деньга, за сыръ деньга. А праветчику ево поборъ съ сохи жъ: на Рожество Христово восмь денегъ, а на Великъ день съ сохи жъ проведчику ево поборъ четыре деньги, а на Петровъ день съ сохи жъ проведчику ево поборъ четыре жъ деньги. А съ черныхъ деревень имати волостелю и его тиуну кормъ со шти деревень по тому жъ, какъ волостелю и его тиуну кормъ съ сохи въ годъ на три празники; а довотчику ево поборъ з деревни на Рожество Христово четыре деньги, а на Великъ день з деревни довотчику поборъ двѣ денги, а на Петровъ день з деревни жъ довот-

чику поборъ двѣ жъ деньги; а проветчику ево поборъ з деревни на Рожество Христово алтынъ, а на Великъ день проветчику ево поборъ з деревни три денги, а на Петровъ день проветчику поборъ з деревни четыре жъ. Также есми Ивана пожаловалъ, велѣлъ есми ему въ той волости держать пятно. И хто въ той волости купитъ лошедь или продастъ или мянитъ, и они являютъ Ивану или его пятеншику, а онъ у нихъ кони пятнитъ, а пошлину отъ пятна емлетъ съ лошеди съ купца денгу, а съ продавца денгу жъ московскіе, а имена людскіе и кони въ шерсть пишетъ въ книги памяти для. А хто въ той волости купитъ лошедь, или продастъ, или мѣнитъ, а не явитъ Ивану или его пятеншику до того жъ дни, и онъ, уличивъ того, возьметъ на немъ пропятенья два рубля московскіе. Также есми Ивана пожаловалъ—у кого будутъ мои великого князя грамоты жаловальныя, что [1]) имъ мыту не давати, и язъ, князь великиі, Ивана пожаловалъ, велѣлъ есми ему имати мытъ на всѣхъ грамотникѣхъ на митрополичьихъ, и на владычнихъ, и на боярскихъ, и на монастырскихъ, и на своихъ великого князя сельчанѣхъ, и на всѣхъ безо мѣны, чей хто ни буди. А мытъ есми ему имати велѣлъ по старинѣ, а з служивыхъ людей и з боярскихъ людей и съ пѣшеходовъ мыта есми ему имати не велѣлъ. А хто служилой человѣкъ или боярской человѣкъ поѣдетъ съ товаромъ, и язъ ему велѣлъ на тѣхъ имать мыть, какъ и на торговыхъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7017-го году іюля въ 17 день.

А назади у подлинной грамоты пишетъ:

Князь великиі всеа Русиі.

При родосл. росписи Коробьиныхъ, столб. родосл. № 134, въ двухъ копіяхъ: одна на склейкахъ 6—7, другая, значительно истлѣвшая съ лѣвой стороны, на склейкѣ 9.

№ 76.— 1509 г. іюля 20.— Грамота невмѣстная великаго князя московскаго Василія Ивановича, данная Матвѣю Бестужеву въ мѣстническомъ счетѣ его съ Андреемъ Нагово [2]).

[Се азъ], князь великиі Василей Ивановичь всеа Росіи, пожаловалъ есми околничего своего Матвѣя Яковлевича Бестужева, что

---

[1]) Въ I копіи *яко*.

[2]) Грамота эта сперва была переписана слово въ слово на склейкахъ 3—4, но затѣмъ въ копіи другой рукой и другими чернилами сдѣланы поправки: уничтожены *азъ*, мѣсяцъ и число грамоты, упоминаніе о печати, такъ что грамота получила видъ изложенія отъ третьяго лица. На склейкахъ 11—12 грамота является уже въ такомъ передѣланномъ видѣ.— Здѣсь мы возстановили первоначальный видъ грамоты.

билъ челомъ онъ на Андрея Петровича Нагово, что по моему указу велѣно быть на Коломнѣ воеводамъ князю Андрею Васильевичу Нохтеву да Андрею Петровичю Нагово да ему, околничему Матвѣю Яковлевичю Бестужеву, да Михайлу Бакѣеву; и ему де, Матвѣю, менши Андрея Нагова быти невмѣстно. И язъ, князь великиі, его, Матвѣя, пожаловалъ, менши Андрея Нагово быть не велѣлъ, а велѣлъ ему быть къ Москвѣ и далъ на Андрея Нагово невмѣстную грамоту, а на Коломнѣ велѣлъ быть князю Андрею Васильевичю Нохтеву да Андрею Нагово да Михайлу Бакѣеву. А далъ язъ, князь великиі Василей Ивановичь, сію грамоту лѣта 7017-го году іюля въ 20 день.

У подлинной грамоты назади пишетъ:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Росіи.

А печать на чорномъ воску.

При родосл. росписи Бестужевыхъ, столб. родослов. № 156 а, склейки 3—4, также склейки 11—12.

№ 77.—1510 г.—Докладная грамота великой княгини Аграфены Васильевны, вдовы великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича, о займѣ Афимьей, женой Дмитрія Өедоровича, пяти рублей у Ив. Климова подъ залогъ вотчины.

Списокъ съ докладной великіе княгини Огрофены.

Доложа великіе княгини Огрофены боярина Өедора Ивановичь Сунбула, се язъ, Офимья Дмитріева жена Өедоровичь, своимъ сыномъ съ Васильемъ, заняли есмя, господине, у Ивана Микилина [1]) сына Климова [2]) пять рублей денегъ отъ Велика дни на годъ, а закобалили есмя ему въ тѣхъ деньгахъ [3]) съ собою, поруки мѣста, отчину свою деревню Бѣгаркино на рѣчки на Радобицы съ нивами, и съ пожнями, и со всѣмъ тѣмъ, что къ той деревни изъ старины потягло. А ростъ намъ ему дать на тѣ деньги по розчету, какъ даютъ на пять шестой. А полягутъ денги по сроцѣ, и намъ ему ростъ давать по тому жъ росчету; а хто насъ въ лицахъ, на томъ Ивану денги его всѣ и ростъ; а не отниматися намъ у него отъ сея кобалы [4]) ни полѣтною, ни изустною [5]). На докладѣ были Никита Ивановъ сынъ Отчина да

[1]) Вѣроятно, *Микулина* или *Микитина*.

[2]) Въ ркп. *Климова*.

[3]) Въ ркп. *книгахъ*.

[4]) Въ ркп.: *себя кобалъ*.

[5]) Въ ркп.: *ни покольнною нѣыстную*.

Иванъ Өедоровъ сынъ Кобылнинъ лѣта 7018. А подписалъ великіе княгини дьякъ Яковъ Григорьевъ сынъ.

У подлинной печать на черномъ воску.

При родосл. Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 388—389.

№ 78.—1510 г.—Докладная грамота великой княгини Аграфены Васильевны, вдовы великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича, о займѣ Аксиньей Дьяконовой трехъ рублей у Ив. Кончеева съ обязательствомъ за ростъ работать.

Списокъ великіе княгини Огроөены съ докладной.

Доложъ великіе княгини Огрофены боярина [1]) Өедора Ивановича Сунбула, се язъ, Оксинья Михайлова жена Дьяконова, заняла есми, господине, у Ивана у Олтуөьева сына Кончеіва три рубли денегъ отъ Рожества Ивана Предотечи на годъ и тѣ есми денги дала мужу своему Михайлу Дьякону Борисову сыну. А за ростъ мнѣ у Ивана иду вана (sic) работать; а не похочю у него работать до сроку, и мнѣ ему денги его дать всѣ и съ ростомъ по росчету, какъ даютъ на пять шестой. А полягутъ денги по сроцѣ, и мнѣ у него за ростъ работать по тому жъ, а не отниматися мнѣ у него отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изустною. А на докладѣ были Пакратъ Михайловъ сынъ Катовъ да Семенъ Тимофеевъ сынъ Денежниковъ лѣта 7018. А подписалъ великіе княгини дьякъ Өедоръ Матвѣевъ.

У подлинной печать на черномъ воску,

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 389.

№ 79.—1510 г. мая.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василья Ивановича кн. Юрію да кн. Семену Львовичамъ Козловскимъ на с. Полянки и д. Пастухову Муромскаго уѣзда.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великіи Василей Ивановичь всеа Русіи, пожаловалъ есьми князя Юрья да князя Семена княжъ Лвовыхъ дѣтей Козловского, что ихъ село Поляньки да деревня Пастухова въ Муромскомъ уѣздѣ—и хто у нихъ въ томъ селѣ и въ деревнѣ учнутъ жити

[1]) Въ ркп. вм. этого слова стоитъ безсмысленное *з докладной*.

людей, и намѣсницы наши муромскіе и ихъ тіуны тѣхъ ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь одного душегубства, а вѣдаютъ и судятъ князь Юрьи и князь Семенъ тѣхъ своихъ людей сами во всемъ, или кому прикажютъ. А случится судъ смѣсной тѣмъ ихъ людемъ з горотцкими людьми или становыми, и намѣсницы наши муромскіе и ихъ тіуни судять, а князь Юрьи и князь Семенъ или ихъ прикашикъ съ ними жа судитъ, а присудомъ дѣлятца наполы. А кому будетъ чего искати на князѣ на Юрьѣ и на князѣ на Семенѣ или на ихъ прикашикѣ, ино ихъ сужю язъ, князь великиі, или мой бояринъ введеный. Писанъ на Москвѣ лѣта 7018 маия.

А позади подлинныя грамоты пишетъ:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Русіи.

Печать вислая на красномъ воску—орелъ двоеглавой у подлинной грамоты.

У подлинной грамоты числа не написано.

При родосл. росписи кн. Козловскихъ, родосл. столб. № 108, склейка 5.

№ 80.—1510 г. мая 13.—Жалованная вотчинная грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича кн. Юрію да кн. Семену Львовичамъ Козловскимъ на дворцовыя романовскія и муромскія села.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Русіи, пожаловалъ есьми князя Юрья да князя Семена княжъ Львовыхъ дѣтей Козловского своими селы: на Романовѣ городкѣ селомъ Ратмировымъ з деревнями и съ пустошми, да въ Муромѣ селомъ Паляньками да деревнею Пастуховымъ со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тѣмъ селамъ, и къ деревнямъ, и къ пустошамъ потягло, и съ рыбною ловлею, что къ Паляньками, апричь борьти. А пожаловалъ есьми князь Юрья и князя Семена тѣми селы з деревнями и съ пустошми въ прокъ имъ и ихъ дѣтемъ и съ судомъ, [опро]чи одного душегубства. Писанъ на Москвѣ лѣта 7018 маія въ 13 день.

А назади у подлинныя грамоты пишетъ:

Князь великіи Василей Ивановичь всеа Русіи.

Печать вислая на красномъ воску—орелъ двоеглавой у подлинной грамоты.

При родосл. росписи кн. Козловскихъ, столб. родосл № 108, склейка 4.

№ 81.—1511 г. февраля 25.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича Константину Чирикову на черныя деревни въ Череможской волости Ярославскаго уѣзда.—Подтвержденіе этой грамоты царемъ Иваномъ Грознымъ 20 сентября 1558 г. за Третьякомъ Чириковымъ.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь великіи Василей Ивановичь всеа Русіи, пожаловалъ есми Костю Семеновича Чирикова въ Ярославлѣ, въ волости въ Черемхѣ, въ Полозовѣ Раменьѣ своими деревнями черными: деревнею Вежливцовымъ, деревнею Пахомовскою, деревнею Гридинскимъ, деревнею Ескинымъ со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ потягло, да въ деревнѣ въ Тураевѣ пашнею—по девяти четвертей въ полѣ. И хто у него въ тѣхъ деревняхъ учнетъ жити людей, и намѣсници наши ярославскіе и волостили черемошскіе и ихъ тіуны тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ, опроче душегубства и разбоя съ поличнымъ, и кормовъ своихъ черныхъ на нихъ не емлютъ, а емлютъ на нихъ кормъ посошной, а вѣдаетъ и судитъ Костя тѣхъ своихъ людей самъ во всемъ, или кому прикажетъ. А случится судъ смѣсной тѣмъ его людемъ з градскими людьми или съ волосными, и намѣсницы наши ярославскіе и волостили черемошскіе и ихъ тіуны судятъ, а Костя или его прикащикъ съ ними жъ судить, а присудомъ дѣлятца на полы. А кому будетъ чего искать на Костѣ или на его прикащикѣ, ино ихъ сужу я, князь великій, или мой бояринъ введеный. Писанъ на Москвѣ лѣта 7019 [1]) февраля въ 25 день.

А подпись на подлинной грамотѣ:

Князь великіи Василіи Ивановичь всеа Русіи.

Да у той же грамоты написано:

Царь и великіи князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, по сей отца своего грамотѣ, пожаловалъ Третьяка Гнѣвашева сына Семеновича... (*а иныхъ строкъ подъ заклейкою не знать, а ниже заклейки пишетъ:*)... у него нѣтъ. И государь бы его помѣсьемъ пожаловалъ племянника его Третьяка, [а] Третьяку съ того помѣстья служить и Костентина кормить.

(*Да на той же грамотѣ отъ ветхости другая заклейка и подъ нею строкъ не знать, а ниже заклейки шесть:*) ... Царь и великіи князь рушити не велѣлъ—ходити о всемъ по тому, какъ въ

---

[1]) Въ ркп.: *719.*

сей грамотѣ написано. Лѣта 7067 [1]) сентября въ 20 день. А подписалъ царя и великого князя дьякъ Василей Степановъ.

У той грамоты печать на красномъ воску [2]).

При родосл. росписи Чириковыхъ (татарскаго происхожденія), кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 998—999.

№ 82.—1511 г. февраля 25.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича Семену Чирикову на деревни въ Череможской волости Ярославскаго уѣзда.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь великіи Василей Ивановичь всеа Русіи, пожаловалъ есми Семена Власьевича Чирикова въ Ярославлѣ, въ волости въ Черемхѣ въ Полозовѣ Раменья своими деревнями черными: деревнею Іевлимъ, деревнею Панюкровскою, деревнею другою Похомовскою, деревнею Ефимовскою со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ потягло, деревнею Вяжливцовымъ пашнею—по девяти четвертей въ полѣ. И хто у него въ тѣхъ деревняхъ учнетъ жити людей, и намѣсницы наши ярославстіе и волостели черемошскіе и ихъ тіуны тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ, опрочѣ душегубства и розбоя съ поличнымъ, и кормовъ своихъ черныхъ на нихъ не емлютъ, [а емлютъ] на нихъ кормъ посошной. А вѣдаеть и судить Семенъ тѣхъ своихъ людей самъ во всемъ, или кому прикажетъ. А случится судъ смѣсной тѣмъ его людемъ з гороцкими людьми или съ волосными, [и] намѣсницы наши ярославстіи и волостили черемошскіе и ихъ тіуни судятъ, а Семенъ или его прикащикъ съ ними жъ судитъ, а присудомъ дѣлятся наполы. А кому будетъ чего искати на Семенѣ или на его прикащикѣ, ино ихъ сужу я[зъ], князь великіи, или мой бояринъ введеной. Писанъ на Москвѣ лѣта 7019 [3]) февраля въ 25.

А позади подлинной грамоты пишетъ:

Князь великіи Василей Ивановичь всеа Русіи.

У той грамоты печать на шелку красная [4]).

При родосл. росписи Чириковыхъ (татарскаго происхожденія), кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 997 об.—998.

---

[1]) Въ ркп.: *767.*

[2]) Копія написана рукой самаго конца XVIII в. или даже начала XIX.

[3]) Въ ркп.: *719.*

[4]) Копія написана рукой самаго конца XVIII в. или даже начала XIX.

№ 83.—1511 г. марта 15.—Жалованная несудимая грамота ве ликаго князя московскаго Василія Ивановича Дмитрію, Якову д Андрею Сушковымъ на черныя деревни въ Едомской волости Яр славскаго уѣзда.

Списокъ з жалованной грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Василиі Ивановичь, пожаловалъ есми М тюка да Якуша да Андрюка Игнатьевыхъ дѣтей Сушкова въ Яр славлѣ въ Едомѣ, в Ильинскомъ стану, своими деревнями черным деревнею Елизаровымъ, деревнею Ильмановымъ, деревнею Дунѣ вымъ [1]), деревнею Коршиковымъ, деревнею Чюковымъ, деревнею Ѳ досовымъ, деревнею Рыковымъ, деревнею Поддубнымъ, деревню Ар стовымъ, деревнею Ѳедосовымъ же, деревнею Акуловскимъ, деревн Акуловскимъ же, деревнею Коятинымъ, деревнею Азиковымъ, дере нею Ющинымъ, деревнею Лякицинымъ, деревнею Орудьевымъ со всѣм съ тѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ потягло, да двѣмя жеребьямъ (в деревни Лацтевы. И хто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ учнетъ жити л дей, и намѣсницы наши ярославскіе и ихъ [тіуни] тѣхъ ихъ люд не судятъ ни въ чемъ, оприче душегубства и розбоя съ поличным и кормовъ своихъ черныхъ на нихъ не емлютъ, а емлють на ни кормъ посошной, а вѣдають и судять Митюкъ, и Якушъ, и Ондрю тѣхъ своихъ людей сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случит судъ смѣсной тѣмъ ихъ людямъ з городскими людьми или с стан выми, и намѣсники наши ярославскіе и ихъ тіуни судять, а Митю и Якушъ, и Ондрюкъ, или ихъ прикащикъ, съ ними жъ судять, а пр судомъ дѣлятся на полы. А кому будетъ чего искати на Митюкѣ, на Якушѣ, и на Ондрюкѣ, или на ихъ прикащикѣ, ино ихъ су азъ, князь великиі, или мой бояринъ введены. Писанъ на Моск лѣта 7019 году марта въ 16 день.

А у подлинной жалованной грамоты, что за вислою красн печатью, назади пишетъ:

Князь великиі Василиі Ивановичь всеа Русиі.

Печать на красномъ воску вислая.

При родосл. росписи ярославскихъ помѣщиковъ Сушковыхъ, Герольдм. конт. кн № 241 лл. 751 об.—752.

---

[1]) Дунчѣевымъ? Дуньевымъ? Написано неразборчиво.

№ 84.—1511 г. апрѣля.—Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Ѳед. Вас. Кафтыреву вятскаго города Орлова въ намѣстничье кормленіе.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великій Василей Ивановичь всеа Руси, пожаловалъ [1]) есми Ѳеодора [2]) Васильевича Клѳтырева Орловымъ на Вяткѣ подъ Левою подъ Лаптевымъ въ намѣсное. И вы, всѣ люди, его слушайте [3]), а онъ васъ вѣдать (sic) у васъ по старой по[ш]линѣ, какъ было преже сего. Писанъ на Масквѣ лѣта 7019 году апрѣля.

У подлинной грамоты позади пишетъ:

Князь великій Василей Ивановичь всеа Руси.

Печать вислая на красномъ воску [4])

При родосл. росписи Кафтыревыхъ, родосл. столбецъ № 91 склейка 3.

№ 85.—1511 г. апрѣля 12.—Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Ивану Семен. Писареву мѣха коломенскаго, не взятаго въ 1510 г.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь велики Василей Ивановичь всея Россіи, пожаловалъ есми Ивана Семенова сына Писарева мехомъ коломенскимъ прошлымъ, что не братъ на Великъ день въ лѣтѣ семь тысячь осмого на десять, въ кормлепье; а брати ему тотъ мѣхъ по списку. Писанъ на Москвѣ лѣта 7019 [5]) апрѣля во 12 день.

А позади пишетъ:

Князь велики Василей Ивановичь всея Россіи.

Печать вислая на красномъ воску.

При родосл. росписи Писаревыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 534.

---

[1]) „А что написано „пожаловалъ на Вяткѣ"—и то писано въ подлинной межъ строкъ и переправлено иными чернилами". Примѣчаніе дьяка, свѣрявшаго подлинную грамоту съ приведенной копіей.

[2]) „Имя въ подлинной выдрано (вставлено, вѣроятно, по родословной росписи) и *вичь* переправлено инымъ чернилом". Примѣчаніе его же.

[3]) Сперва написано было „слушати его", но поправлено дьякомъ, какъ здѣсь.

[4]) Замѣчаніе о печати принадлежитъ дьяку. „Челъ И. П.".

[5]) Въ рукописи ошибочно переставлены цифры: 7091.

№ 86.—1511 г. мая 1.—Грамота удѣльнаго князя кашинскаго Юрія Ивановича о пожалованіи кн. Давыда Даниловича деревнями въ Кашинскомъ уѣздѣ и объ отпускѣ его въ Кашинъ „для смотрѣнія селъ“.

Списокъ з грамоты, что былъ Ѳедоръ Бѣдовъ розъѣщикъ [1])

Се азъ, князь Юрьи Ивановичь, пожаловалъ есьми боярина своего князя Давыда Даниловича въ отчинѣ своей въ Кашинскомъ уѣздѣ въ Чюцкомъ стану село Розмесово да слоботку Быковку и слоботку Та . . . . [2]) з деревнями и съ починки, да въ Нерогоцкомъ стану село Опраксино з деревнями и съ починки, и его, боярина, отпустилъ во отчину свою въ Кашинъ для смотрѣнія селъ. И боярину моему князю Давыду Даниловичю свои села, и деревни, и слоботки, и пустоши, и починки отъ всѣхъ земель отъѣхать, а на розъѣздѣ быти съ бояриномъ со княземъ Давыдомъ кашинскому моему розъѣщику Ѳедору Андрееву сыну Бѣдову, и розъѣзжати имъ земля вмѣстѣ съ одного по таглу, и натесати, и награнити, и ямы накопати, а намѣсникомъ моимъ кашинскимъ, и ихъ тіуномъ, и праветчикомъ, и довотчикомъ боярина моего князя Давыда Даниловича и розъѣщика Ѳедора Бѣдова слушати и почитати, а не ослушатися и не огурятися ни въ чемъ. А на докладѣ быти у боярина моего князя Давыда Даниловича и у Ѳедора Андреева сына Бѣдова дѣтямъ боярскимъ Григорью Бѣлому да Ѳедору Палицыну. А присуду боярину половина, а Ѳедору розъѣщику четверть, а тивуномъ, и довотчикомъ, и праветчикомъ з дѣтьми боярскими пол-половина. Писанъ въ Дмитровѣ лѣта 7019 году мая въ 1 день.

А назади у подлинной грамоты написано:

Князь Юрьи Ивановичь.

Печать вислая, воскъ черной на красномъ шелку.

При родословной росписи Бѣдовыхъ, родосл. столб. № 97 склейка 5.

---

[1]) Эта грамота представлена была *Бѣдовыми* собственно какъ доказательство почетной службы одного изъ ихъ предковъ.

[2]) Послѣдняя буквы оторваны.

87.—1511 г. іюля 18.—Грамота удѣльнаго князя углицкаго итрія Ивановича о пожалованіи Игнатью Перскому волости Озерецъ въ кормленіе.—Подтвержденіе грамоты въ 1515 г. [1]).

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь Дмитрей Ивановичь, пожаловалъ есми Игнатья рентьева сына Перскаго волостью Озерцами въ кормленье подъ Бѣдею подъ Безобразовымъ. И вы, дѣти боярскіе, и слуги, и всѣ люди волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и ходитъ у ъ по старинѣ, какъ было прежъ сего. А кто по кого взведеть мо князь Дмитріева Ивановича пристава, а будеть оба истца тое ости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ истцовъ ставить передъ Ыгтьемъ или передъ его тіуномъ; а не поставитъ приставъ мой тѣхъ оихъ исцовъ передъ Ыгнатьемъ или передъ его тіуномъ, и онъ ѣзду пенъ. А который тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Игнатьемъ или педъ его тіуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ, князь Дмитй Ивановичь, велѣлъ того обинить и грамоту правою на него дати. исанъ на Угличѣ лѣта 7019 іюля [2]) 18 день.

Назади у подлинной грамоты пишетъ:

Князь Дмитрей Ивановичь пожаловалъ по сей грамотѣ Игнатья рентьева сына Перскаго волостью [Озерками въ кормленье, что ло подъ Бѣлицею подъ Безобразовымъ] [3]).

А подъ тою строкою писано жъ:

Лѣта 7023 до Крещенія Христова лѣто 7024 году. Писалъ якъ Василей Нефимоновъ.

При родосл. росписи углицкихъ помѣщиковъ Перскихъ, кн. Геольдм. конт. къ № 241 л. 567.

---

[1]) Подлинникъ этой грамоты еще въ 1654 г. по одной надобности представленъ былъ въ Разрядъ помѣщикомъ Ѳедоромъ Перскимъ, и съ него въ Разрядѣ снята была копія. Эта копія напечатана въ *Актахъ Московск. Государства* т. II, стр. 391; по ней возстановлены нѣкоторыя слова нашей копіи. Видно, ко времени подачи родословій въ Разрядъ (съ 1654 г. по 1680-тые) подлинная грамота успѣла уже порядкомъ обветшать.

[2]) Въ Актахъ Моск. Гос. т. II, стр. 391: *іюня*.

[3]) Заключенное въ скобки возстановлено по тексту Актовъ Моск. Государства. Вмѣсто этого въ копіи приписано: „и подъ тѣмъ строка письма стерлась—прочесть невозможно“.

№ 88. — 1511 — 1521 гг.[1]). — Наказъ отъ Петра Ибрагимовича царевича казанскаго[2]), Пырью Осокину спросить о здоровьѣ князя углицкаго Дмитрія Ивановича и митрополита всероссійскаго Варлаама.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Память Пырью Осокину — спросити ему великого князя брата князя Дмитрея Ивановича отъ Петра царевича о здоровьѣ, а молвити ему такъ: „Петръ царевичъ велѣлъ тебѣ, господину своему, челомъ ударить, а велѣлъ тебя о твоемъ здоровьѣ спросить: какъ тебя, господина нашего, Богъ милуетъ?"

Да Пырью же Осокину молвити отъ Петра отъ [3]) царевича Шигонѣ Поджогину [4]), чтобы государя великого князя доложилъ о томъ: во Ржеву [5]) присылалъ Варламъ митрополитъ Петра царевича о здоровьѣ спрашивать своего сына боярского Өедора Мануйлева, а съ нимъ прислалъ Петру царевичу поминка золотой; и нынѣ какъ государь укажетъ—велитъ ли государь Варлама митрополита отъ Петра отъ царевича о здоровьѣ спросити Пырью, или не велитъ?

И только велитъ [6]) государь спросити митрополита о здоровьѣ Пырью, и Пырью молвити Шигонѣ, чтобы и о томъ государя доложилъ: къ митрополиту ли напередъ велитъ итить о здоровьѣ спросити, или ко князю Дмитрею Ивановичю?

И только велитъ государь о здоровьѣ спросити митрополита Пырью, и Пырью [7]) отъ Петра отъ царевича Варламу митрополиту говорити такъ: „Петръ царевичъ велѣлъ тебѣ, господину и отцу своему Варламу митрополиту всея Россіи, челомъ ударить, а [8]) велѣлъ тебя, господина и отца [9]) своего, о твоемъ здоровьѣ спросити, какъ тебя Богъ милуетъ?"

При родословной росписи Пырьевыхъ, кн. Герольд. конт. въ № 241, три копіи: I—л. 449, II—452, III—460.

---

[1]) Приблизительная дата эта принята на основаніи слѣдующихъ соображеній: упоминаемый въ грамотѣ митрополитъ Варлаамъ вступилъ на митрополію съ 1511 г., а углицкій князь Дмитрій Ивановичъ † 1521 г.

[2]) См. *Собраніе гос. грамотъ и договоровъ*, I, стр. 401.

[3]) Во II копіи этого слова нѣтъ.

[4]) Въ III копіи *Повжомину.*

[5]) Во II копіи *Ржову.*

[6]) Въ I и III копіяхъ *велики.*

[7]) Во II копіи пропущено „и Пырью".

[8]) Въ I и III *и.*

[9]) Въ I копіи *и ѡдну*, въ III—*и ѡдна.*

№ 89.—1512 г. сентября 28. — Межевая грамота удѣльнаго кашинскаго и дмитровскаго князя Юрія Ивановича на пожалованныя имъ Клобукову монастырю дворовыя и огородныя земли за рѣкой Кашиной. — Подтвержденія этой грамоты 31 мая 1543 г. и 31 мая 1623 г.

Се азъ, князь Юрьи Ивановичь, пожаловалъ есми Клобуковского монастыря Никольского игумена Матѳея з братьею. Били челомъ они мнѣ: въ прошломъ де въ 7019 году пожаловалъ де ихъ я, князь Юрьи Ивановичь, въ Клобуковъ монастырь противъ Введенского монастыря за рѣкою Кашиною на берегу дворовыя и огородныя земли послѣ ближнего моего боярина Шестака Шеншина и мельнишнаго заплота берегомъ, да язъ же-де, князь Юрьи Ивановичь, пожаловалъ имъ [1]) на Вонжѣ рѣчкѣ на свѣчи и на ладонъ и на вино церковное земли по село Опраксино, и тѣ-де земли смежны со многими землями; чтобъ-де тѣ земли на Кашинѣ рѣкѣ и на Вонжѣ рѣчкѣ ото всѣхъ земель отъѣхать. И по ихъ прошенью я, князь Юрьи Ивановичь, велѣлъ ближнему и вѣрному своему боярину Яну Кучюкомовичю Головкину тое ихъ землю ото всѣхъ земель отъѣхать; и онъ, по моему велѣнью, ту даную ихъ землю Шестаково займище и на Вонжѣ рѣчкѣ ото всѣхъ земель отъѣхалъ, и примежевалъ къ землѣ Клобукова монастыря, и розъѣздъ за своею рукою мнѣ подалъ. А поѣхалъ онъ отъ земли Клобукова монастыря повыше Клобуковскіе мельницы черезъ рѣку Кашину на врагъ, которой врагъ промежь земли Перетрясова и Шестакова займища, и доѣхалъ [2]) врагомъ до земли Фроловскіе, на которой землѣ кирпичъ дѣланъ на большую церковь, и до дорошки, и тою дорошкою поворотилъ налѣво подлѣ земли Фроловскіе и доѣхалъ тою дорошкою до дорожки жъ, которою ходятъ и ѣздятъ изъ города мимо церкви Фрола и Лавра и церкви Ѳеодора Стратилата въ Клобуковъ монастырь, и по той дорожкѣ поворотилъ налѣво вкрутѣ и доѣхалъ до Кашины рѣки: поправу земля моя [3]) Перетрясова да церкви Фрола и Лавра и Лягушкины слободы бобыля Богдашки Семавина, а полѣву земля Клобукова монастыря земля Шестаково займище. А переѣхавъ рѣку Кашину на Клобуковскую землю, подлѣ рѣки поворотилъ направо внизъ по Кашинѣ подлѣ

---

[1]) Въ I копіи *есми*.

[2]) Во II копіи *доѣхавъ*.

[3]) Въ I копіи нѣтъ слова *моя*.

воды мимо подмонастырной слободки и доѣхалъ до усть рѣчки Вонжи, и по Вонжѣ рѣчкѣ поѣхалъ и доѣхалъ до села Опраксина до большого ручья, и по ручью отъ рѣчки Вонжи поѣхалъ налѣво и переѣхалъ дорогу, которою дорогою ѣздятъ мимо села на Волгу, и доѣхалъ до Двойного врага, поворотилъ налѣво на большой прудъ монастырской и доѣхалъ до углецкой дороги и до большево монастырского пруда: поправу земля моя великого князя и Оршина монастыря слободки Тресвяцкіе и подклѣтного села Опраксина и Клобукова монастыря пустоши Олямишева [1]). И язъ, князь Юрьей Ивановичь, велѣлъ имъ Клобукова монастыря игумену Матѳею з братьею, или иные игумены въ томъ монастырѣ будутъ—и велѣлъ имъ дати сю грамоту, по чему впредь имъ тою землею владѣть и мельнишного заплота берегомъ. А хто за ту межу у нихъ станетъ вступатца или въѣзжать нагло и въ той землѣ монастырю убытокъ учинитъ, и того судитъ Богъ въ день испытанія страшнаго Его пришествія. Ся грамота писана въ Кашинѣ лѣта 7021-го сентября въ 28 день.

У подлинной же грамоты назадѣ пишетъ: Лѣта 7048-го году марта въ 19 день великій князь Иванъ Васильевичь всеа Россіи велѣлъ сю грамоту подписать на свое имя и никому ничѣмъ рудить у нихъ не велѣлъ сея межи. А подписалъ діакъ Ѳедоръ Мишуринъ.

Другая подпись: Лѣта 7051-го маія въ 31 день царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Росіи, сея межевые грамоты слушавъ, указалъ подписать на свое имя и никому у нихъ рудить не велѣлъ. А подписалъ царя и великого князя дьякъ Юрья Сидоровъ.

Третья подпись: Лѣта 7131-го марта въ 31 день государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Росіи и отецъ нашъ государевъ великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичь московскій и всеа Росіи, сее межевые грамоты слушавъ, указали подписать на свое имя государское и отдать въ Клобуковъ монастырь впредь для владѣнья. Діакъ Прокофей Пахаревъ.

При родословной росписи Головкиныхъ, родосл. столб. № 123 склейка 2 [2]), *другая копія на скл. 11 и 12. Также кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 77 обор.—78.*

---

[1]) Во II копіи *Алямишева*.

[2]) Чернила сильно выцвѣли, такъ какъ бумага была подмочена.

№ 90.—1514 г.—Докладная грамота великой княгини Аграфены Васильевны, вдовы великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича, о займѣ Фетиньей Богдановой у Григ. Дм. Кобякова восьми рублей денегъ.

Доложъ великіе княгини Ограѳены боярина [Михайла Дмитре]-евичь Кабякова, се азъ, Ѳегинья Иванова жена [Богдано]ва, своимъ внукомъ со княземъ Иваномъ с Ывановичемъ [Мещер]скимъ, заняли есмя, господине, у Григорья у Дмитреев[ича Кобя]кова восмь рублевъ денегъ отъ Георгіева дни [вешнего] на годъ, а ростъ намъ ему дати на тѣ денги по [тому, какъ] даютъ на пять шестой. А полягутъ деньги по сроцѣ, [и намъ ему] ростъ давати по тому же росчету; а х[то будетъ насъ въ ли]цехъ, на томъ Григорью его деньги всѣ и ростъ; а [не отнима]тися намъ у него отъ сея кабалы ни полѣтною, [ни изустною. А] на докладѣ были Панкратъ Михайловъ сынъ [Котовъ . . . . . .] новъ сынъ Чемровъ лѣта 7022-го.

У подлинной в[низу надъ пе]чатью пишетъ:

А подписалъ великіе княгини дьякъ [Андрей] Ѳедоровъ сынъ Слюнинъ.

Печать на черномъ воску [1]).

При родосл. росписи Кобяковыхъ, столб. родосл. № 151 склейка 5.

№ 91.—1514 г. марта.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича Васюку да Михалю Елчаниновымъ на дворцовыя деревни въ Раховѣ стану Волоцкаго уѣзда.— Подтвержденіе этой грамоты великимъ княземъ Иваномъ IV Васильевичемъ 15 января 1542 г.

Списокъ з грамоты.

Се язъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі, пожаловалъ есми Васюка Крому да Михаля Аѳонасовыхъ дѣтей Елчаниновыхъ въ Волоцкомъ [2]) уѣздѣ въ Раховѣ стану своими великого князя деревнями: деревнею Поддымниковымъ, деревнею Сидориковымъ, деревнею Владычнею, деревнею Илеймкиною, деревнею Іевковою, деревнею Орѣшниковымъ, деревнею Болотовымъ, деревнею Попковымъ

---

[1]) Рукопись очень ветха и съ правой стороны обгнила, вслѣдствіе чего отвалившіяся слова возстановлены по догадкѣ и по аналогіи другихъ подобныхъ грамотъ.

[2]) Въ рукп.: *Вологоцкомъ.*

со всѣмъ, что х тѣмъ деревнямъ потягло из старины, какъ тѣ были деревни за отцомъ ихъ за Ѳеонасомъ Елчаниновымъ. И хто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ учнутъ жити людей, и намѣстницы наши волотцкіе и ихъ тіуни тѣхъ ихъ людей не судятъ ни въ чомъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, а вѣдаютъ и судятъ Васюкъ да Михаль своихъ людей сами, или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣстной тѣмъ ихъ людемъ з городцкими людьми или становыми, и намѣстницы наши волотцкіе и ихъ тіуни судятъ, а Васюкъ да Михаль или ихъ приказщики съ ними жъ судятъ, а присудомъ дѣлятца наполы. А кому будетъ чего искати на самихъ на Васюкѣ да на Михалѣ, или на ихъ приказщикѣхъ, ино ихъ сужу язъ, князь великіи, или мой бояринъ введеной. А дана грамота лѣта 7022-го марта.

А у подлинной грамоты назади пишетъ:

Князь великіи Иванъ Васильевичь всеа Руси по сей грамотѣ пожаловалъ Михайла Ѳеонасьева сына Елчанинова старымъ его помѣстьемъ, его половиною, да племянниковъ его Васильевыхъ дѣтей Кроминыхъ Ѳеонасьева жъ сына Елчанинова отца ихъ половиною старымъ же помѣстьемъ со всѣмъ по тому жъ, какъ было напередъ того за Михайломъ его половина, а за Ромашковымъ да за Митькинымъ отцомъ за Кромою ихъ половина, сеѣ у нихъ грамоты рушать не велѣлъ никому ничѣмъ; а намѣстникомъ волотцкимъ и ихъ тіуномъ велѣлъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. Лѣта 7000 пятьдесятного генваря въ 15 день. А подпись ся: великого князя діакъ Шеметь Воробьевъ.

При родословной росписи Елчаниновыхъ, родосл. столб. № 41, слейки 9—10. Кн. Герольдм. конторы къ № 241 л. 102.

№ 92.—1514 г. мая.— Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича Оникону Ив. Близнакову на деревни Вокшерину и Борзову Ухорской вол. Ярославскаго у.

Списокъ з жалованной грамоты слово въ слово.

Василей, божиею милостию государь всеа Русіи и великіи князь Владимерскіи и Московскіи и Новгороцкіи и Тверскіи и Пермскіи и Югорскіи и Болгорскіи и иныхъ, пожаловалъ есми Оникона Иванова сына Близнакова въ Ерославскомъ уѣздѣ въ волости въ Ухрѣ деревнею Вокшеринымъ, что была за Ѳомою за Курзаковымъ, да деревнею Борзовымъ, что была за Матюшкою за Вятчининомъ, со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ исстари по тяглу. И хто у него въ тѣхъ деревняхъ учнутъ жити люди, и наши намѣсницы ярославскіе и вла-

стели ухрянскіе или тивуни тѣхъ его християнъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегобства и розбоя съ поличнымъ, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ християнъ Ониконъ самъ во всемъ или кому прикажетъ. А случитца судъ смѣстной тѣмъ ево християномъ з городцкими людми или съ волосными, и наши намѣсницы и волостели или тиуни судятъ, а Ониконъ или его приказщикъ съ ними судятъ, а присудомъ дѣлятся на полы. А кому будетъ чего искать на самомъ Ониконѣ или па его приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь великиі, или мой бояринъ введеный. Писанъ лѣта 7022-го маия.

При родословн. росписи Близнаковыхъ, родосл. столб. № 100 склейка 3.

№ 93.—1515 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича о переводѣ заемнаго долга Юрія Подивникова отъ стараго кредитора Назарья Минина на новаго Алексѣя Кожу, съ обязательствомъ работать за ростъ.

Доложа великого князя Ивана Ивановичь б[оярина Ива]на Дмитреевичь Кабякова, се азъ, Юрье . . . . сынъ Подивниковъ, занелъ есми, господине, у Алексѣя у [Кожи . . . .] ина сына два рубля денегъ отъ Соборнаго В[оскресенья] на годъ, а тѣ есми денги платилъ старому св[оему государю] Назарью Нечаю Михайлову сыну Минину. А за р[остъ мнѣ у А]лексѣя у Кожи работать; а не похочю у него работать, и мнѣ ему дать деньги его всѣ и съ ростомъ по росчету, [какъ даютъ] на пять шестой. А полягутъ денги по сроцѣ, и мнѣ [у него] работать по тому жъ, а не отниматися [мнѣ] отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изустною. На докладѣ были Оксенъ Ѳедоровъ сынъ да Игнатъ Ѳедоровъ сынъ лѣта 7023.

У подлинной подъ тѣмъ надъ печатью написано: Подписалъ великого князя дьякъ Андрей Ѳедоровъ сынъ Слюнинъ.

Печать на черномъ воску.

При родословн. росписи Кобяковыхъ, родословн. столб. № 151 склейка 5.

№ 94.—1515 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича о займѣ двухъ рублей денегъ у Дм. Ѳед. Сунбулова съ обязательствомъ работать за ростъ.

Доложъ великого князя Ивана Ивановичь боярина Михайла Дмитреевичь Кабякова, се азъ, Иванъ . . . . сынъ, занелъ есми, господине, у Дмитрея у Ѳедор[ова сына Сун]булова два рубля денегъ

отъ Соборнаго Воскресенья. А за ростъ мнѣ у него работать; а не похочю у него работать [до сро]ку, и мнѣ ему денги его дати всѣ и съ ростомъ по росчету, какъ даютъ на пять шестой. А полягутъ деньги по сроцѣ, [и мнѣ у него] за ростъ работать по тому же, а не отниматися [мнѣ] отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изустною. На докладѣ былъ Митя Ивановъ сынъ Очина да Михайла М[итро]ѳановъ сынъ Матюнина лѣта 7029 [1]).

У подлинной подъ тѣмъ надъ печатью пишетъ:

Подписалъ великого князя дьякъ Андрей Сушка Васильевъ.

Печать на черномъ воску.

При родосл. росписи Кобяковыхъ, родосл. столб. № 151 склейка 5.

№ 95. — 1515 г. — Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Ив. Ив. Коробьина Инобожемъ, Вольгой и Залипеньемъ въ кормленіе. — Подтвержденіе этой грамоты на 1516 и 1517 гг.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі, пожаловалъ есми Ивана Иванова сына Коробьина Инобожемъ и Вольгою и Залипеньемъ съ правдою подъ Третьякомъ подъ Пожарскимъ въ кормленье. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ по старинѣ, какъ было прежъ сего. А хто по кого выведетъ (sic) моего великого князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ ставитъ передъ Иваномъ или передъ его тіуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ его тіуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ исцевъ передъ

---

[1]) Дата эта весьма сомнительна: она, во-первыхъ, нарушаетъ хронологическій порядокъ грамотъ, приложенныхъ при родословной Кобяковыхъ (до нея грамота 7023 г., послѣ нея черезъ грамоту—7025 г.), отступленія отъ котораго въ родословныхъ вообще рѣдки; во-вторыхъ, кажется, противорѣчитъ и ходу историческихъ событій въ Рязанскомъ княжествѣ въ эту эпоху: въ это время кн. Иванъ Ивановичъ не былъ уже княземъ рязанскимъ, если согласиться съ соображеніями г. Иловайскаго (Сочиненія, т. I, Исторія Рязанскаго княжества, стр. 156). Мы думаемъ, что въ подлинной грамотѣ стоялъ ҂зкд (7024, т. е. 1515—1516 гг.) годъ, который переписчикъ XVII в. прочиталъ за ҂зкѳ (7029) годъ, вслѣдствіе значительнаго сходства въ скорописи XVI и XVII в. буквъ д и ѳ.

Иваномъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ, князь великі, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

А назади у подлинной грамоты пишетъ:

Князь великі Василей Ивановичъ всеа Русиі.

Князь великі Василей Ивановичъ всеа Русиі по сей грамотѣ пожаловалъ Ивана Иванова сына Коробьина, перепустилъ ему Инобожъ и Вольгу и Залипенье съ правдою съ ряду на другой годъ отъ Покрова Святые Богородицы лѣта 7025-го году до Покрова Святые Богородицы лѣта 7026-го году. А подписалъ дьякъ Еліозаръ Цыплетевъ [1]).

Князь великі Василей Ивановичъ всеа Русиі по сей грамотѣ пожаловалъ Ивана Иванова сына Коробьина, перепустилъ ему Инобожъ [2]) и Вольгу и Залипенья съ правдою съ ряду третей годъ до Благовѣщеньева дни лѣта 7026-го году. А корму ему великоденского не имати. А подписалъ великого князя дьякъ Меньшей Путятинъ.

При родосл. росписи Коробьиныхъ, столб. родосл. № 134, въ двухъ копіяхъ: одна на склейкѣ 7, другая, сильно истлѣвшая съ лѣвой стороны и съ недостачей многихъ словъ, на склейкахъ 9—10.

№ 96.—1515 г. марта 7.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича Константину да Данилу Рѣпьевымъ на дворцовую деревню Тиманову въ Суздальскомъ уѣздѣ.

Се язъ, [князь великіи] Василей Ива[новичь всеа Русіи], пожаловалъ есми [Костю да Да]нилка Васильевыхъ дѣтей Рѣпьева въ Суздальскомъ уѣздѣ въ Некдаме своею великого князя деревнею Тимановымъ, что была та деревня за Васюкомъ Рѣпьевымъ, за ихъ отцемъ, со всѣмъ, что къ той деревнѣ потягло. И кто у нихъ въ той деревнѣ учнетъ жити людей, и наши намѣсницы суздальскіе и ихъ тіуни тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, а вѣдаютъ и судятъ тѣхъ своихъ людей [Костя] да Данилка сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣстной тѣмъ [ихъ] людемъ з гороцкими людьми или съ волостными, и наши намѣстницы и волостели и ихъ тіуны судять, а Костя и Данилко или ихъ приказщикъ съ ними жъ судитъ, а при-

---

[1]) Въ I копіи *Цыплятуръ*, во II копіи слово совсѣмъ выгнило.

[2]) Въ I копіи *Инобожо*.

судомъ дѣлятся на-полы. А кому будетъ чего искати на Костѣ и на Данилкѣ или на ихъ приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь великіи, или мой бояринъ введены. Писанъ на Москвѣ лѣта 7023 марта 7 день.

У подлинной великаго князя грамоты назади пишетъ:

Князь великіи Василей Ивановичь всеа Русіи.

У подлинной печати нѣтъ, только шолковая завязка.

При родосл. росписи Рыпьевыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 616—617.

№ 97.—1515 г. марта 15. — Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича Ѳедору да Неклюду Черевинымъ на деревни въ Воленской волости Галицкаго уѣзда.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь великіи Василіи Ивановичь, пожаловалъ есми Ѳедка да Неклюда Моклоковыхъ дѣтей Черевиныхъ своими великого князя деревнями въ Галецкомъ уѣздѣ въ Волежной волости деревнею Бакландовымъ да починкомъ Свинкинымъ, да въ Ровдинѣ стану деревнею Табаловымъ со всѣмъ по тому, какъ тѣ деревни и починокъ были за отцомъ ихъ за Моклокомъ. И хто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ и въ починкѣ почнетъ жить людей, и намѣсницы наши галеческіе и волостели волежскіе и ихъ тіуны тѣхъ людей ни въ чемъ не судятъ, оприч душегубства и розбою съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ на нихъ ни емлютъ, и не всылаютъ въ нимъ ни по что, а вѣдаютъ и судятъ своихъ людей Ѳедко и Неклюдъ сами, или кому прикажютъ. А случитца судъ смѣсной тѣхъ ихъ людемъ з грацкими людми или с волосными, и намѣсники наши галеческіе и волостели волежскіе и ихъ тіуны ихъ людей судятъ, а Ѳедко и Неклюдъ, или ихъ прикащикъ, съ ними жъ судятъ, а передсудомъ[1]) дѣлятца на-полы. А кому будетъ чего искать на Ѳедкѣ и на Неклюдѣ, или на ихъ прикащикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь велики, или мой бояринъ веденой.

Подлинная великого князя Василья Ивановича жалованная грамота писана на Москвѣ лѣта 7023-го году марта въ 15 день.

У ней же назади пишетъ:

Князь велики всеа Русіи.

---

[1]) Такъ въ обѣихъ копіяхъ книги 43-й по Герольдіи. Въ кн. Гер. конт. къ № 241 *пересудомъ*.

У ней же отворчатая красная печать [1]).

При родослов. росписи Черевиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 957 [2]). *По Герольдіи кн. 43, двѣ копіи: лл. 48 и 53 обор.*

№ 98.—1515—1517 гг.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича о переводѣ заемнаго долга отъ стараго кредитора Якова Алексѣева на новаго Н. Матова, съ обязательствомъ работать за ростъ.

Доложа великого князя Ивана Ивановичь [боярина] Ивана Дмитреевичь Кабякова, се азъ, Тимоши . . . . сынъ, занелъ есми, господине, у Якова у Алексѣева . . . . три рубли денегъ отъ Ѳролова дни на годъ, и тѣ [есми] денги платилъ старому своему государю Ни . . . . мѣ [3]) Ульянову сыну Матова. А за ростъ мнѣ у [него рабо]тать; а не похочю у него работать до сроку, [и мнѣ ему его] денги дати всѣ и съ ростомъ по розчету, какъ [даютъ на] пять шестой. А полягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ у него работать по тому жъ, а не отниматись [мнѣ отъ сея] кабалы ни полѣтною, ни изустною. На докладѣ были Иванъ Глѣбовъ сынъ да Иванъ Есиповъ сынъ лѣта . . . . . [4]).

А подписалъ великого князя дьякъ Андрей Ѳедоровъ сынъ Слюнинъ.

При родословной росписи Кобяковыхъ, родослов. столб. № 151 склейка 6.

---

[1]) Списокъ грамоты помѣщенъ въ серединѣ росписи, а не въ концѣ, какъ обыкновенно.

[2]) Очень испорченная копія.

[3]) Прозвище и имя рядомъ, какъ и въ другихъ докладныхъ грамотахъ.

[4]) Дата оторвана. Приблизительно о датѣ грамотъ можно заключать по тому порядку ихъ, въ какомъ онѣ прилагаются къ родословнымъ, ибо этотъ порядокъ въ большинствѣ случаевъ послѣдовательно хронологическій; но, къ сожалѣнію, такое правило не всегда строго соблюдалось. Копіи съ грамотъ по большей части переписаны на особыхъ лоскуткахъ (склейкахъ), которыя, быть можетъ, еще въ Разрядѣ же склеивались не въ надлежащемъ иногда порядкѣ. Въ данномъ случаѣ опредѣленіе даты затрудняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что предшествующая этой при родословіи Кобяковыхъ грамота датирована сомнительнымъ годомъ — 7029 (см. примѣчаніе на стр. 80), въ которомъ естественнѣе слѣдуетъ предполагать 7024 г. Поэтому думаемъ, что грамота, сейчасъ приведенная, относится къ 7023—7025 гг.

№ 99. — 1516 г. — Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Прокофья Апраксина волостью Обнорой въ кормленье.—Подтвержденіе этой грамоты въ 1517 г.

Списокъ з жалованной грамоты великого князя Василья Ивановича всеа Русіи.

Се азъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Русіи, пожаловалъ есми Прокофья Матвѣевича Опраксина Обнорою подъ Андреемъ подъ Писемскимъ въ кормленье. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ по старинѣ, какъ было прежъ сего. А хто по ково возведетъ моего великого князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ ставитъ передъ Прокофьемъ или передъ его тиуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ [1]) исцовъ передъ Прокофьемъ или передъ его тиуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Прокофьемъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ, князь великиі, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

А назади у подлинной грамоты пишетъ:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі.

А подъ тѣмъ писмомъ пишетъ диачьею рукою:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі по сей грамотѣ пожаловалъ Прокофья Матвѣева сына Опраксина, перепустилъ ему Обнору безъ правды сряду на полгода до Ильина дни лѣта 7025. А приписалъ великого князя диакъ Елизаръ Цыплетевъ.

А печать у подлинной грамоты красная вислая, орелъ двоеглавой.

При родосл. росписяхъ Апраксиныхъ, кн. Герольдм. конт. 241, въ двухъ копіяхъ: первая (при первой росписи) — л. 168, вторая (при третьей росписи) л. 182. Также по Герольдіи кн. 41 л. 712.

№ 100.—1516 г. апрѣль.—Заемная кабала о займѣ Емельяномъ Кулешевымъ съ семьей у Ивана Хлудьева, человѣка Мих. Казнакова, двухъ съ половиной рублей.

Се язъ, Омельянъ Олешовъ сынъ Кулешева, своею женою съ Настькою съ Петровою дочерью, да язъ, Петрокъ, да язъ, Иванка, Омельяновы дѣти, заняли есмя у Ивана у Хлудьева у Михайлова че-

[1]) Въ первыхъ двухъ копіяхъ стоитъ *моихъ*. Въ копіи, находящейся въ кн. 41 по Герольдіи, правильное *обоихъ*.

ѣка Казнакова полтретья рубля денегъ государя его серебра отъ ьева дни до Юрьева дни на годъ. А ростъ намъ ему дати по роз-у, какъ идетъ на пять шестой. А поляжетъ серебро по сроцѣ, и ъ ему ростъ дати по тому жъ розчету. А кои насъ въ лицахъ, томъ серебро и ростъ. А на то послуси: Микита Затыкинъ да інъ Өедоровъ сынъ Климовъ да Романъ Даниловъ сынъ Костро-іа. А кобалу писалъ Иванко Яковлевъ сынъ Игнатьевъ лѣта 7000 дцать четвертого. — По сей кабалѣ Микита Затыкинъ руку свою ложилъ. По сей кабалѣ Иванъ послухъ руку свою приложилъ. сей каболѣ Романъ послухъ руку свою приложилъ.

Родосл. столбецъ № 85, склейка 6.

101. — 1516—1519 гг. — Докладная грамота великаго князя анскаго Ивана Ивановича о займѣ Мих. Морозовымъ четырехъ рублей у Мих. Дм. Кобякова.

Списокъ з докладной слово въ слово.

Доложъ великого князя Ивана Ивановичь [боярина] Ивана Дми-евичь Кабякова, се азъ, Михайло . . . . сынъ Морозова, елъ есми, господине, у Михайла Дмитреевичь Кабякова четыре іли денегъ отъ [Николина] дни отъ вешнего па годъ, а ростъ мнѣ [дати на] тѣ денги по розчету, какъ даютъ на пять шестой. А ягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ ему ростъ дав[ати] по тому жъ чету, а не отниматися мнѣ у [Михайла] Дмитреевича отъ сея ка-ы ни полѣтною, ни изустною. На докладѣ были Семенъ Степа-ъ сынъ . . . . да Иванъ Яковлевъ сынъ Ступина лѣта . . . [1]). Подписалъ великого князя дьякъ Андрей Сушка.

Печать на черномъ воску.

При родословной росписи Кобяковыхъ, родосл. столб. № 151, ейка 7.

102.—1517 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго ана Ивановича о переводѣ заемнаго долга полоняника Ефима тонова отъ стараго кредитора попа Өедора Долгаго на новаго Вас. Алабина, съ обязательствомъ за ростъ работать.

Списокъ з докладной слово въ слово.

Доложа великого князя Ивана Ивановичь боярина . . . . итреевичь Кобякова, се азъ, Еуфимъ Антоновъ, полоняникъ, съ

[1]) Дата оторвана. При росписи эта грамота помѣщена между двумя по-ными же докладными кн Ивана Ивановича 7025 и 7027 гг.; поэтому, вѣ-тно, она относится ко времени между 7025—7027 (1516—1519) гг.

своею женою с Овдотьицею [да съ] сыномъ съ Ываноцомъ, зан
есмя, господине, у Василья . . . . сына Олабина десять р
левъ денегъ отъ Бориша . . . . на годъ, и тѣ есми де
платили старому [государю нашему] попу Ѳедору Долгому Аѳонась
сыну пор . . . . лѣ, а за ростъ намъ у Василья работать;
не по[хотимъ] роботать до сроку, и намъ ему дати его денги [и
ростомъ] по росчету, какъ даютъ на пять шестой. А полягутъ ден
по сроцѣ, и намъ у него за ростъ работать по тому [жъ. А хто
деть] насъ въ лицахъ, на томъ Василью его деньги всѣ. А не от
матися намъ у него отъ сея кабалы ни полѣтною, ни [изустно
На докладѣ были Клементей Григорьевъ сынъ, ... Захарьи
сынъ Дьяконовъ лѣта 7025.

[Подписалъ] великого князя дьякъ Андрей Ѳедоровъ.

При родосл. росписи Кобяковыхъ, родосл. столбецъ № 1 склейка 7.

№ 103.—1517 г.—Докладная грамота великаго князя рязанск Ивана Ивановича о займѣ Павломъ Андреевымъ съ семьей пя рублей денегъ у Мих. Ѳед. Сунбулова.

Списокъ великаго князя Ивана Ивановича съ докладной.

Доложа великого князя Ивана Ивановича бояръ Ѳедора Ива вичь Сунбула да Ѳедора Денисьевичь, се язъ, Павелъ Андреевъ сын съ своею женою з Дарьею и своимъ сыномъ съ Клементьемъ, нели есмя, господине, у Михайла Ѳедоровича Сунбулова пять рубле денегъ отъ Рожества Христова на годъ. А ростъ намъ ему дать тѣ денги по росчету, какъ даютъ на пять шестой. А полягутъ день по сроцѣ, и намъ ему ростъ давать по тому жъ росчету. А хто на въ лицахъ, на томъ Михайлу денги его всѣ и ростъ; а не отнима [ся] намъ [1]) у него отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изустною. I докладѣ были Михайло Митрофановъ сынъ Мотюнинъ да Мит Ивановъ сынъ Очина лѣта 7025.

А подписалъ великого князя дьякъ Андрей Ѳедоровъ сынъ Сл нинъ (sic).

У подлинной внизу двѣ печати на черномъ воску.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкины кн. Герольдм. конт. кн. № 211 л. 390.

---

[1]) Въ ркп. *насъ*

104.—1517 г. декабря 9. — Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича старицкому намѣстнику и волостелямъ о высылкѣ къ нему въ Москву нѣскольких лицъ на судъ по частнымъ искамъ.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Отъ великого князя Василья Ивановича всеа Русіи во Тверской уѣздъ на Старицу на городокъ къ намѣстникомъ [1]) и въ Выворскую въ Песью Луку и въ Суземье къ волостелемъ. Били ми челомъ Иванъ да Михайла Ивановы дѣти Казнакова на князя на Петра да его братью на князя на Ивана да на князя на Ивана жо на князжо Михайловы дѣти Морткина, а ищутъ на нихъ десяти рублевъ заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты. Да билъ ми челомъ Илья Мохнинъ, Ивановъ человѣкъ Казнакова[2]) на Ивана на Яковлева сына Толькоморова да на Ивана Семина, а ищутъ на нихъ полусемы кади ржи заемной по кабалѣ государя своего Ивановы. Да билъ ми челомъ Михайло Ивановъ сынъ Казнаковъ на Михайла на Ѳедорова сына Головина, а ищутъ на немъ пяти рублевъ заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты. Да билъ ми челомъ тотъ же Михайло на Микиту на Иванова сына Казнакова, а ищутъ на немъ тритцати рублевъ заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты. Да билъ ми челомъ тотъ же Михайло на Микиту на Иванова сына Затыкина да на его дѣтей на Гаврилка да на Ивана на Кушника, а ищутъ на нихъ пяти рублевъ заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты. Да билъ ми челомъ Измайло, Михайловъ человѣкъ Казнакова, на Олексѣя Игнатьева сына Пушкина . . . . [3]) на Ступанка на Глазка да на Якова на Иванова сына Бояринцова, а искалъ на нихъ четырехъ рублевъ денегъ по кабалѣ съ росты. Да билъ ми челомъ Михайло Ивановъ сынъ Казнаковъ на Андрея да на Василья да на Семена Петровы дѣти Пахменева да (sic) ищутъ на нихъ трехъ рублевъ заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты, по отца своего кабалѣ съ четвертью (sic) по Ивановой. И да билъ ми челомъ Захаръ Игумновъ, Ивановъ человѣкъ Казнакова, на Ивана на Попова сына на Титова на пустонеловского[4]), а ищутъ на немъ рубля заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты, госу-

[1]) Въ ркп. *къ наму стольникомъ.*

[2]) Въ ркп. *Казнаковъ.*

[3]) Пробѣлъ въ пол-строки.

[4]) Пустотѣловского?

даря своего денегъ. Да билъ ми челомъ Собина Ивановъ человѣкъ Козпаковъ на Тимошку на Матѳѣева *ореспана* [1]) Селивановского, а ищетъ на немъ дватцети кадей овса заемного снапы. Да билъ ми челомъ тотъ же Собина на Кирика на Ѳомина сына на Ненадикинского, а ищутъ на немъ девяти кадей овса, за снопъ снопы. Да билъ ми челомъ Иванко Пашковъ на Ивана на Ѳедорова сына на Волькоморова да на его хрестьянъ на Папьку на Яковлева сына, да на его брата на Ѳедюка да на Бориска на Михайлова сына, да на Оѳоньки на Иванова сына, а ищутъ на нихъ того, что-деи [2]) жилъ за тѣмъ Иваномъ въ деревнѣ на Бурмакинѣ, и тотъ-де Иванъ съ тѣми своими хрестьяны того Иванка выметалъ вонъ изъ деревни силно да и рожьде у него пожали на дватцати кадехъ силно жо, а его ко ржи жати не припустили, а цѣна ржи шесть рублевъ. Да билъ ми челомъ тотъ же Иванко на того же Ивана, а ищутъ на немъ того, что-деи у него взялъ кобылу буру за тритцать алтынъ, да тихъ ему денегъ не заплатитъ. Да билъ ми челомъ Иванко Пашковъ на Ѳедора на Волькоморова, а ищутъ на немъ того, что я-де у него взялъ однорядку сукна нового . . . . [3]) денегъ не заплатитъ. Да билъ ми челомъ Иванко Поповъ сынъ Васильевъ на Ивана на Микитина сына Нагина да на его дѣти на Андрейка да на Ѳедька, да на его люди на Ивашка на Кузьмина сына, да на Олексѣйка на Рожнова, да на Левона на Соболя, да на Опакна [4]) Иванова сына на Ласткина, да на Ивана на Мурока, да на Мартюка на Морыгу на Снышинского, да на Рогозу на Ѳедоровского человѣка на Изшуркова, а ищутъ на нихъ, что будто-деи къ нему пріѣхали на пашню да его де били и грабили, а грабежю у него взяли сермягу бѣлу да *теранкъ* (?) крашенинъ да колпакъ да рукавицы да топоръ, да згонили у него два мерина да двѣ коровы да тритцать овецъ старыхъ и молодыхъ, а всего того грабежю на полчетверта рубля. Да билъ ми челомъ Иванка Григорьевъ сынъ на Костю на Алексѣева сына Мосеевского да на его дѣти на Нелюбка да на Маронцу да на Иванка, а ищетъ на нихъ полтретья рубля заемныхъ денегъ по кабалѣ, а за ростъ-деи было ему у нихъ земля пахати, и они ему земли пахати не дали, а нынѣ не заплатятъ. Да билъ ми челомъ бутто же Иванко на Григорья да на Ивана на Васильевы дѣти Яковлева, а ищетъ на нихъ рубля заемныхъ де-

---

[1]) Это слово можно прочитать еще за *бреспана* (?)—братана?
[2]) Въ ркп.: *уподей и*.
[3]) Пробѣлъ въ пол-строки.
[4]) Онанью?

негъ по кабалѣ съ росты. Да билъ ми челомъ попъ Семенъ Пречистенской на Григорья да на Ивана Васильевы дѣти Яковлева, а ищетъ на нихъ дватцать алтынъ заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты. Да били ми [1]) челомъ Сергѣйко да Сенка Саврасъ Васильевы люди Казнакова на Олександровыхъ людей Корачева на Митюка Дудолова, да на Ивашка на Сырца, да на Гридюка Чермнова, да на Горяина на Вашюкова пасынка, да на Ѳедька на Балашкова, да на Истому на Вашукова сына, да на Волынца, да на Якушэ, да на Монастырщину, да на Матюка на Кобылина, да на Степанка да на Бориска на Свистовы дѣти, да на хрестьянъ на Олександровыхъ на Ореѳу на Ворсуповского да на его дѣтей на Данилка да на Васюка да на Гришку на Жортку, да на Гришку Ѳѳремова сынэ, да на Данилка на Ведерниковского, да на Купреянка на Гридина сына, да на Гаврилка да на Ермолку на Гринины дѣти Жолудевского, а ищутъ на нихъ того, что-де ихъ они везли и свез государя своего заемной, и они де ихъ били и грабили, а грабежю взяли у нихъ пятнатцать кадей овса да два мерина, а всего того грабежю на полчетверта рубля з гривною. Да билъ ми челомъ Максимко Ѳоминъ сынъ, Васильевъ хрестьянинъ козакора [2]), на *ивке ксапыра* [3]) сына Карачева да на Юрица Митюка в *удалайца данаймина* пасынка на Ѳедотэ, а ищутъ на нихъ того, что-деи [4]) пріѣхали къ нему на деревню со многими людьми да его-де били и грабили, а грабежю у него взяли двѣ кабылы да меринъ да три шубы бараньи да три сермяги, а всего того грабежю на три рубли съ четвертью, и онъ-де того Александра и его людей и познал, а многихъ людей и не познал. Да билъ ми челомъ Селиванка, Васильевъ человѣкъ Казнакова, на Олександра Корачева, а ищутъ на немъ того, что-де онъ ѣздилъ къ нему жаловатися отъ своего государя отъ Семена на его люди на Митю на Дудолова да на его пасынка на Ѳедота, что-де они въ государевѣ деревнѣ у Мистуневска лѣсъ посѣкли и рожи посѣяли, и ихъ билъ, а отнялъ у него меринъ съ сѣдломъ, а цѣна мерину и сѣдлу два рубля з гривною. Да билъ ми челомъ Иванка Григорьевъ сынъ на Матюка на Маркова сына Родивоновского же заемныхъ денегъ и ржи по [5]) кабалѣ съ росты тотъ же Иванка на Ступана Михайлова сына Тихменева да на попа на Ѳедора на Черного на попова сына Иванова, а ищютъ на

---

[1]) Въ ркп. *мы*.—[2]) Козпакова?—[3]) Александра?—[4]) Въ ркп.: *угодей*.—[5]) Въ ркп.: *ко*.

нихъ рубля заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты. Да билъ ми челомъ тотъ же Иванко на попа на Дорофея на Власьева сына на Микольского, а ищетъ на немъ сорока алтынъ заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты. Далъ есми пристава Злобу Данилова сына Лукерьина, велѣлъ есми ихъ поставить передъ собою. Данъ въ Москвѣ лѣта 7026-го декабря въ 9 день.

У подлинной грамоты назади:

Князь великиі всеа Русіи [1]).

При родословной росписи Казнаковыхъ, родосл. столб. № 85 склейки 3—5.

№ 105. — 1518 г. — Грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича о назначеніи Мих. Дм. Кобякова намѣстникомъ ростиславскимъ [2]).

Списокъ з жалованные грамоты великого князя слово въ слово.

Се азъ, князь велики Иванъ Ивановичь, пожаловалъ есми [боярина своего Михаила] Дмитреевича Кобякова намѣстничествомъ [ростиславскимъ отъ Николи]на дни отъ вешняго, а вѣдати ему нам[ѣстничьи пошлины по ста]ринѣ, какъ вѣдали прежніе наши намѣсники. [Пожаловалъ его] есми бояриномъ своимъ Ѳедоръ Ивановичемъ Сунболомъ лѣта] 7020 шестого.

На подлинной подписи нѣтъ. Печать внизу на черномъ воску небольшая.

При родословной росписи Кобяковыхъ, родосл. столб. № 151, склейка 1 [3]).

---

[1]) Копія съ подлинной грамоты сдѣлана рукой весьма неискуснаго переписчика, допустившаго, повидимому, не мало искаженій въ текстѣ. Вѣроятно, и подлинная грамота написана была наскоро и съ ошибками. Курсивомъ отмѣчены мѣста, которыя оказалось невозможнымъ понять и исправить.

[2]) Грамота эта впервые напечатана Д. И. Иловайскимъ въ его „Исторіи Рязанскаго княжества", приложеніе № 4 (См. Сочиненія Д. И. Иловайскаго, М. 1884, стр. 216); заимствована имъ изъ архива Рязанскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Скобками означены возстановленныя по тексту г. Иловайскаго мѣста, недостающія въ нашей копіи (очень истлѣвшей).

[3]) Крайне ветха съ правой стороны и чернила выцвѣли.

№ 106.—1519 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича о займѣ четырехъ рублей денегъ у Подьюса Кобякова съ обязательствомъ за ростъ работать.

Списокъ з докладной слово въ слово.

Доложъ великого князя Ивана Ивановичь [бояриня] Михайла Дмитреевичь Кобякова, се азъ . . . . сынъ, съ своею женою съ Өедорою да съ своими . . . . сыицею да съ Левицею, заняли есми, господине, [у Василья] у Подьюса у Иванова сына Кобякова четыре рубли денегъ отъ Николина дни отъ вешняго на годъ. А за ростъ [мнѣ у него] роботать до сроку; а не похотимъ у него [роботать] до сроку, и намъ ему дать его деньги вси и [съ ростомъ] по розчету, какъ даютъ на пять шестой. А полягутъ деньги по сроцѣ, и намъ у него за ростъ работать по тому жъ; а хто насъ будетъ въ лицѣхъ, на томъ В[асилья] его денги вси. А на докладѣ были Понкратъ Михайловъ сынъ Котовъ да Дмитрей Соөонтьевъ . . . . лѣта 7027-го.

Подписалъ великого князя дьякъ [Андрей] Сушка Васильевъ.

Печать на черномъ воску.

При родословной росписи Кобяковыхъ, родосл. столб. № 151, склейка 7.

№ 107.—1519 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича о переводѣ заемнаго долга Мальца Степанова съ семьей отъ стараго кредитора Тимофея Семенова на новаго Подьюса Кобякова съ обязательствомъ за ростъ работать.

Списокъ з докладной слово въ слово.

Доложъ великого князя Ивана Ивановичь [бояриня] Михайла Дмитреевичь Кобякова, се азъ . . . . Малецъ Степановъ сынъ, съ своею женою . . . . и съ своимъ сыномъ съ Ыванцомъ, заняли есмя у Василья у Подьюса Иванова сына Кобякова д . . . . рублевъ денегъ отъ Өилипова заговѣнья на годъ, и тѣ [есмя деньги] платили Тимофею Тихану Семенову . . . . по кабалѣ. А за ростъ намъ у Василья у Подьюса [работать]; а не похотимъ у него работать до сроку, [и намъ ему] его денги дати всѣ и съ ростомъ по розчету, [какъ даютъ] на пять шестой. А полягутъ деньги по сроцѣ, [и намъ у него] за ростъ работать по тому жъ; а хто насъ будетъ въ лицахъ, на томъ Василью Подьюсу деньги его всѣ. А [не

отниматися] намъ у него отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изустною. На докладѣ были Панкратъ Михайловъ сынъ Котовъ да Совонтей Оргунъ Спирид . . . . . лѣта 7027-го.

А подписалъ великого князя дьякъ Михайла Мелентьевъ Извецъ.

Печать на черномъ воску.

При родослов. росписи Кобяковыхъ, столбецъ родослов. № 151, склейка 8.

№ 108.—1519 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича о займѣ Тураемъ Лобковымъ у Василья Хирина трехъ рублей денегъ съ обязательствомъ работать за ростъ.

Списокъ съ докладной великого князя Ивана Ивановича.

Доложа великого князя Ивана Ивановича боярина Өедора Ивановичь Сунбула, се язъ, Авертѣй Турай Өедосовъ сынъ Лопковъ, занялъ есми, господине, у Василья у Өедорова сына Хирина три рубли денегъ отъ Покрова святые Богородицы на годъ. А за ростъ мнѣ у него работать; а не похочю у него работать до сроку, и мнѣ ему дати денги его всѣ и съ ростомъ по росчету, какъ даютъ на пять шестой. А полягутъ денги по сроцѣ, и мнѣ у него за ростъ работать по тому жъ; а не отнимати[ся] мнѣ у него отъ сей каболы ни полѣтною, ни изустною. На докладѣ были Матвѣй Яковль сынъ да Семенъ Ивановъ сынъ лѣта 7027.

А подписалъ великого князя дьякъ Михайло Мелентьевъ Извецъ.

У подлинной печать на черномъ воску.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 389 об.—390.

№ 109.—1519 г. февраля 19. — Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича Истомѣ Сухотину на помѣстье его въ Нюховскомъ стану Тульскаго уѣзда.

Списокъ з грамоты великого князя Василья Ивановича всеа Росіи.

Се азъ, князь великіи Василей Ивановичь всеа Русіи, пожаловалъ есми Истому Васильевича Сухотина въ Тульскомъ уѣздѣ въ Нюховскомъ стану деревнею Рожественскою, что была за Игнатомъ за Яковлевымъ сыномъ Барибина з братьею, да деревнею на Луновѣ селищѣ, что была за Ивашкомъ за Мапушкинымъ да за его братаничи за Митею да за Иванцомъ да за Васкомъ за Өедоровыми дѣть-

Каменева, да въ томъ же стану въ деревнѣ на усть Рыбенки, да деревнѣ на Рыбенкѣ, да въ деревнѣ вверхъ Рыбенки жеребьемъ анни Каменева да его дѣтей Пронькинымъ да Еськинымъ, со всѣмъ ѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ и къ жеребью потягло. И хто у него въ ъ деревняхъ учнетъ жити людей, и наши намѣсницы тульскіе и волои и ихъ тіуни тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегуб- и разбоя съ поличнымъ, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей ома самъ во всемъ, или кому прикажетъ. А случитца судъ смѣсной ъ его людемъ з гороцкими людми или съ волостными, и наши намѣцы и волостили и ихъ тіуни судятъ, а Истома или его приказкъ съ ними же судитъ, а присудомъ дѣлятца на полы. А кому етъ чего искати на Истомѣ или на его приказщикѣ, ино ихъ суязь, князь великіи, или мой бояринъ введены. Писанъ на Москвѣ а 7027-го февраля въ 19 день.

А у подлинной великого князя Василья Ивановича всеа Русіи амоты вислая красная печать приложена.

При родосл. росписи Сухотиныхъ, родословн. столбецъ № 92, лейка 8. Копія съ этой копіи въ кн. Герольдм. конторы къ № 241 . 778 обор.—779.

110.—1519 г. марта 8.—Жалованная несудимая грамота веикаго князя рязанскаго Ивана Ивановича Ивану да Гаврилѣ Ворыпаевымъ на дворцовую деревню Вольяшевскую.

Списокъ великого государя (sic) з жалованной грамоты.

Се азъ, князь великиі Иванъ Ивановичь [1]), пожаловалъ есми воихъ дѣтей боярскихъ Ивана Щеку да Гаврила Ѳедоровыхъ дѣтей орыпаева своею деревнею, что была за Ѳетькемъ за псаремъ, Вольшевскою съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ той ревнѣ изстарины потягло. И кого къ себѣ призовутъ людей изъ-за убежа въ ту деревню жити, и тѣмъ людемъ пришлымъ не надобя мъ моя великого князя дань, ни ямъ, ни которая тягль на три годы. волостель мой къ нимъ въ околицу не въѣзжаетъ, ни всылаетъ ни

[1]) Податели родословной, ископные рязанскіе помѣщики Ворыпаевы, въ нцѣ XVII в. не имѣли уже точнаго представленія о томъ, кто такой былъ отъ князь Иванъ Ивановичъ; у нихъ исчезло уже представленіе объ ихъ перначальныхъ государяхъ. Въ самомъ началѣ родослов. росписи читаемъ: „при . кн. *Иванъ Ивановичъ всеа Росіи* пожалованы по Разани Иванъ Щека да риила Ѳедоровы дѣти Ворыпаевы“.

по что, ни емщикъ, ни боровщикъ, ни бобровникъ, ни закосникъ. А явка и вина и поличное изъ ихъ околицы къ волостелю къ моему нейдетъ, ни татинъ рубль, что учинитца татьба въ ихъ околицѣ промежъ ихъ людей. А пожаловалъ есми ихъ бояриномъ своимъ Өедоромъ Ивановичемъ Сунбуломъ лѣта 7027-го марта въ 8 день.

А у подлинной грамотѣ печать приложена.

А позади пишетъ: Князь великиі.

Дьякъ Андрей Васильевъ.

При родословной росписи Ворынаевыхъ, столб. родослов. № 73 склейка 4.

№ 111.—1519 г. іюня 4.—Жалованная несудимая грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича Григ. Дм. Кобякову на деревню Молодинки [1]).

Списокъ великого князя з жалованные грамоты.

Се азъ, князь велики Иванъ Ивановичь, пожаловалъ есми Григорья [Дмитріевича] Кобякова Покрова Святые Богородицы Нищ[евскаго монастыря деревней] Молодинками, что та деревня была за [нашимъ сыномъ боярскимъ за Те]мофеемъ за Павловымъ сыномъ Александрова [съ нивами, съ пожнями] и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ той деревни ист[арины потягло; и давати] ему съ той деревни съ Молодинокъ къ Покрову Святыя [Богородицы въ монастырь на ни]щеву згоду на годъ игумену з братьею по полутре[тцети алтына] денегъ. И кого къ себѣ призоветъ людей изъ зарубежья [въ ту деревню] жити, и тѣмъ людемъ ненадобе имъ моя великого князя [дань] и ямъ никоторая тягль [2]) на десять лѣтъ; а здѣш[нихъ людей непис]меныхъ кого къ себѣ призоветъ, и тѣмъ людемъ не [надобе та моя] великого князя дань и ямъ никоторая тягль на пять лѣтъ; а [волостель мой] къ нему въ околицу не въѣзжаетъ, ни всылаетъ ни по что—[ни ямщикъ, ни бо]ровшикъ, ни бобровникъ, ни закосникъ [3]), а явка и вина

---

[1]) Грамота эта впервые напечатана Д. И. Иловайскимъ въ его „Исторіи Рязанскаго княжества", приложеніе № 5. (См. Сочиненія Д. И. Иловайскаго, М. 1884, стр. 216); заимствована имъ изъ архива Рязанскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Скобками означены возстановленныя по тексту г. Иловайскаго мѣста, недостающія въ нашей копіи (очень истлѣвшей).

[2]) Въ копіи, которой пользовался г. Иловайскій, это мѣсто передано невѣрно: „никоторыи *тяги*".

[3]) У г. Иловайскаго *не закотникъ*.

поличное изъ его [околицы къ [1]) воло]стелю моему нейдетъ, и татинъ[2]) бль, что учинитца татьба [въ его око]лици промежи его людей. А жаловалъ есми его [бояриномъ своимъ] Феодоромъ Ивановичемъ нбуломъ лѣта 7[027 іюня въ 4 день.]

А у подлинной назади вверху написано:

Князь велики.

[А внизу надъ печатью: Дьякъ] Андрей Сушка Васильевъ.

При родословной росписи Кобяковыхъ, столб. родослов. № *151 ейка 2* [3]).

112.—1522 г.—Даннáя грамота Якова Брюхатово Покровскому Углицкому монастырю на землю въ Городскомъ стану.

Списокъ слово въ слово.

Се азъ, Яковъ Радионовъ сынъ Брюхатово, далъ есми въ моноырь Покрову Пресвятые Богородицы въ домъ на Углечѣ въ Городцъ стану своей земли Савенскіе на десетину, что есми купилъ у бара Угримова сына Моложенинова, далъ есми ту землю въ домъ крову Пречистые впрокъ безъ выкупа. А отвотъ той землѣ отъ настырской же земли деревни Харабугина отъ дароги черезъ паною землю въ рѣку Короженку. А на то послуси: Чубаръ Грирьевъ сынъ Маложениновъ да Купубасъ Мелентьевъ сынъ Просвина да Александръ Борисовъ сынъ Лашакова да Семенъ Поповъ нъ Мартиновъ. А грамоту даною писалъ подьячей Иванецъ Мырга ановъ сынъ лѣта 7030 году.

А у подлинной даные позади пишетъ: Къ сей даной азъ, Яковъ, ку свою приложилъ. Къ сей даной грамотѣ Пубасъ (sic) послухъ руку свою приложилъ. Къ сей даной грамотѣ азъ, Сенка Марьяновъ сынъ Поповъ, послухъ и руку свою приложилъ.

Къ сему списку з даные [4]) Покровского маностыря игуменъ Спидонъ руку свою приложилъ, а подлинную даною къ себѣ взялъ.

Помѣта діака Ивана Рагозинина: 190 г. марта въ 20 день. ять къ дѣлу, справе съ подлинною, а подлинною отдать съ роспиою. Дѣло у подьячева Ивана Некрасова Помѣснова приказу.

---

[1]) У г. Иловайскаго *и*.

[2]) У г. Иловайскаго *платитъ рубль*.

[3]) Очень повреждена съ правой стороны и чернила выцвѣли.

[4]) Въ ркп. *здые*.

Было се писмо закладено въ стѣнѣ на Угличѣ.

При родосл. росписи Брюхатовыхъ, столб. родословн. № 103, склейка 4.

№ 113.—1522 г. — Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Гаврилу Дятлову волости Ведельской въ кормленіе.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі, пожаловалъ есмя Гаврила Владычкина сына Дятлова волостью Ведельскою подъ ловчимъ подъ Михайломъ Дятловымъ въ кормленье со всѣмъ съ тѣмъ, какъ было за Михайломъ. И вы, всѣ люди тое волости, чтитеево и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ о всемъ по тому, какъ было прежъ сево. Писана на Москвѣ лѣта 7030-го году.

У подлинной грамоты назади написано:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі.

При родосл. росписи Владычкиныхъ, столб. родословн. № 48, склейка 6.

№ 114.—1522 г. февраля 15. - Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о льготѣ въ платежѣ податей съ коломенской вотчины Ѳедора Писарева д. Козьей по случаю разоренія ея татарами.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь велики Василей Ивановичь, пожаловалъ есми Ѳедора Семенова сына Писарева, что мнѣ билъ челомъ, а сказываетъ, что его вотчина въ Коломенскомъ уѣздѣ въ Городскомъ стану деревню Козью татарове выжгли и вывоевали. И ожь будетъ такъ, и язъ, князь велики, Ѳедора пожаловалъ: ненадобѣ ему съ тое деревни, опричь тѣхъ дворовъ, что будетъ въ его же вотчинѣ не зжены [1]) и не воеваны отъ татарт, моя великого князя дань, ни ямскія деньги, не поворотное, не намѣстничи, не волостелинъ, не тіунъ кормъ, не прав[ет]чиковъ, не довотчиковъ поборъ, не иные некоторые пошлины на пять лѣтъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7030 февраля 15 дня.

---

[1]) Въ ркп. *зжене.*

У подлинной грамоты назади пишетъ:

Князь велики Василей Ивановичь всея Росіи.

Печать на красномъ воску вислая.

При родосл. росписи Писаревыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 534 обор.

№ 115.—1522 г. марта 15. — Межевая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича, подтверждающая за Сем. и Вас. Θедоровичами Верхдеревскими старинныя земли, пожалованныя предку ихъ Ивану-Салахмирю Мирославичу еще великимъ княземъ рязанскимъ Олегомъ Ивановичемъ.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі, пожаловалъ есми Семена Θедоровича да Василья Θедоровича Верхдеревскихъ: били челомъ они мнѣ, что у нихъ очина на Рѣзани Верхдеревская жалованья великого князя резанского Ольга, что пожаловалъ князь великиі резанскиі прародителя ихъ Ивана Салахмиря очиною Верхдеревскою сельцомъ Докудовскимъ да сельцомъ Рожественымъ да деревнею Милолюбью да селищемъ Выползовымъ да селищемъ Дроковымъ да селищемъ Чижевымъ да селищемъ Марьинымъ съ пустошми и съ луги и съ покосы и з дубравами и з бортными ухожеи; и та-де отчина с ыными отчинами и съ помѣсными землями смежна. И язь, князь великиі Василей Ивановичь, сыскавъ по жаловальной ихъ грамотѣ великого князя рязанскаго Ольга и по книгамъ великихъ князей резанскихъ, пожаловалъ есми Семена да Василья старою ихъ тою отчиною, тако жъ тѣми деревнями, и селищи, и пустошми, и со всѣмъ съ тѣмъ угодьемъ. А по книгамъ великихъ князей резанскихъ межа той ихъ отчинѣ: отъ Молвинскихъ верховъ лѣсомъ возлѣ Сениной полянѣ на Ломовскую вершину, да внизъ по Ломовской вершинѣ, а Ломовская вершина впала въ рѣчку въ Мокшу Малую, да вверхъ по Мокшѣ отъ Мокшинскихъ верховъ на два дуба воскресенскихъ, а отъ дубовъ воскресенскихъ на Крутетцкую вершину да внизъ по Крутцу, а Крутецъ впалъ въ рѣчку въ Почки; да внизъ Потчками до врага, а отъ Почекъ вверхъ врагомъ въ лѣсъ, а отъ врага прямо лѣсомъ къ липягу, которой [1]) изъ Немировского отрогу вышолъ, а липягъ пошолъ черезъ Вослебскую дорогу, что ѣздятъ ис Пронска къ Вослебѣ къ татарской сакмѣ, да сакмою на курганъ, которой курганъ стоитъ полѣву сакмы, ѣдучи

[1]) Въ ркп. *котой*.

къ слоботкѣ, а отъ кургана черезъ сакму къ Осиновому колку, которой стоитъ у сакмы направѣ, а отъ Осинового колка прямо къ рѣчкѣ Гремячки, да внизъ Гремячкою до слоботки, да вверхъ слоботкою, а отъ верховъ слоботцкихъ черезъ поле къ сухой гаталинѣ ко Княжой гати противъ Елѳимова гаю, да внизъ по сухой гаталинѣ до мокрой гаталинѣ, да верхъ мокрою гаталиною до рѣчки до Черничны, да вверхъ рѣчкою Черничьною до лоску, а отъ Черничны лоскомъ до Чижовского лѣсу да подлѣ Чижовской лѣсъ къ Трубищамъ, а отъ [Т]рубишъ изъ Чижовского жъ лѣсу вышолъ отрогъ отъ Кузьминского поля, а [отъ] отрогу, что вышолъ изъ Чижовского лѣсу, лоскомъ къ рѣчкѣ къ Маринки къ толстому ольху, да черезъ рѣчку Маринку, а по другую сторону Маринки отъ рѣчки отъ Маринки по Прибытковской лоскъ, а лоскомъ по дубровѣ, а отъ прудищъ (sic) дубровою прямо до Митинского липяга, а отъ Митинского липяга пошолъ лоскъ въ рѣчку Молвню, да вверхъ Молвни по тѣ же верхи по Молвинскіе. Писанъ на Москвѣ лѣта 7000 тридесятого марта въ 15 день.

А назади у подлинной грамоты пишетъ:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Русіи.

А на склейкѣ припись:

Великого князя діакъ Третьякъ Раковъ.

А подлинная грамота за вислою красною печатью.

При родосл. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, родосл. столб. № 160 склейка 11.

№ 116.—1522 г. марта 18.—Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о льготѣ въ платежѣ податей съ коломенской вотчины Ивана Писарева дер. Мальцевской по случаю разоренія ея татарами.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь велики Василей Ивановичь всея Россіи, пожаловалъ есми Ивана Семенова сына Писарева, что мнѣ билъ челомъ, а сказываетъ, что его вотчину въ Коломенскомъ уѣздѣ въ Гороцкомъ стану деревню Мальцевскую татарове выжгли и [вы]воевали. И ожь будетъ такъ, и язъ, князь велики, Ивана пожаловалъ, ненадобѣ ему съ тое деревни, опричь того, которые будутъ дворы въ той деревни не зжены и не воеваны отъ татаръ, моя великого князя дань, ни ямскія деньги, ни поворотное, ни намѣстничьи, не волостелинъ, не тіунъ кормъ, не праветчиковъ, ни довотчиковъ поборъ, не иные не

которые пошлины на пять лѣтъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7030-го марта 18 дня.

Назади пишетъ:

Князь велики Василей Ивановичь всея Россіи.

Печать вислая на красномъ воску.

При родосл. росписи Писаревыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 534 об.—535.

№ 117.—1523 г. марта 7.—Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Ивану Осокѣ волости Боровичей да Волочка Держкова въ кормленіе.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь велики [1]) Василей Ивановичь всея Россіи, пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Осоку волостью Боровичами да Волочкомъ Держковымъ подъ городомъ подъ Сарыгозинымъ въ кормленья. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и [2]) слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и блюдетъ, и ходитъ у васъ по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего. Тако жъ есми Ивана [пожаловалъ], велѣлъ ему [3]) въ Боровичахъ и Волочку в Держковѣ [4]) держать пятно; и хто въ той волости купитъ лошадь или продасть или мѣнитъ [5]), и они являютъ Ивану или его пятелщику, а онъ у нихъ лошадь пятнитъ [6]), а пошлину свою отъ пятна [7]) емлетъ съ лошади и съ купца денгу, а съ продавца денгу жъ московскую; а имена людскія и кони въ шерсть пишетъ въ книги памяти для. А хто въ той волости купитъ лошадь или продастъ, или мѣнитъ, а не явитъ Ивану или его пятелщику того жъ дни, и онъ, уличивъ [8]) того, возметъ на немъ заповѣдь и

---

[1]) Въ I копіи: *царь*.

[2]) Въ I и II копіяхъ пропущены слова *чтите его и*.

[3]) Въ I и III копіяхъ: *тако жъ есми Ивамъ велѣти ему*. Во II копіи: *такъ же есми Ивамъ велетъ есми*.

[4]) Въ I: *в Вершиковѣ*, во II: *Держковымъ*.

[5]) Въ III копіи *имиенатъ*.

[6]) Въ III копіи: *хоть у нихъ лошать пятномъ*.

[7]) Въ I копіи *опять на*.

[8]) Въ I и III: *улнеилъ*.

пропятенья два рубля московскія. Писанъ[1]) на Москвѣ лѣта 7031-го[2]) марта въ 7 день.

А назади пишетъ у подлинной грамоты:

Князь велики Василей Ивановичь всея Россіи.

При родосл. росписи Пырьевыхъ, кн. Герольд. конт. къ № 241, въ трехъ копіяхъ: I—лл. 447 об.—448, II—л. 451, III—л. 459.

№ 118.—1523 г. іюня 23.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича Сем. Ив. Коробьину на села Рыбное и Карино Переясл.-Рязанск. у. и село Срезнево Перевицкаго уѣзда.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Русіи, пожаловалъ есми Семена Ивановича Коробьина, что его вотчина въ Перевитцкомъ уѣздѣ село Срезнево да въ Переславлѣ Резанскомъ село Рыбное да село Карино з деревнями—и хто у него въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ учнетъ жити людей, и намѣсницы наши перевицкіе и Переславля Резанского и ихъ тіуны тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя съ поличнымъ, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей Семенъ самъ во всемъ, или кому прикажетъ. А случитца судъ смѣсной тѣмъ его людемъ з городцкими людьми и з становыми, и наши намѣсницы и ихъ тіуны тѣхъ его людей судятъ, а Семенъ или его приказчикъ съ ними жъ судитъ, а присудомъ дѣлятца на-полы. А кому будетъ чего искати на Семенѣ или на его приказчикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь великиі, или мой бояринъ введеный. Писанъ на Москвѣ лѣта 7000 тритцать перваго іюня въ 16 день.

А назади у подлинной грамоты пишетъ:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі.

При родосл. росписи Коробьиныхъ, родосл. столб. № 134, въ двухъ копіяхъ, сходныхъ между собою—склейки 11 и 15.

---

[1]) Во II копіи вмѣсто: „Писанъ на Москвѣ“... и проч., написано: „а лѣтописи въ грамотѣ написать иминно немочно, потому что въ грамотѣ лѣтопись ветха“. III копія, повидимому, списана съ первой.

[2]) Въ I и II: *лѣта 3031-го*, въ III: лѣта 3000 31-го. Очевидно, переписчикъ ꙁ҃ прочиталъ за арабскую цифру 3 вслѣдствіе сходства начертаній.

№ 119.—1524 г. февраля 29.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича кн. Хозяшу Чегодаеву сыну на д. Черную Унжинскаго стана Муромскаго уѣзда.

Се язъ, князь великіи Василей Ивановичь всеа Русіи, пожаловалъ есми Хозяша князь Чегодаева сына Сакольского въ Муромскомъ уѣздѣ въ Унжинскомъ стану деревнею Черною Микулинскою Медвѣдкова со всѣмъ съ тѣмъ, что къ той деревнѣ изстарины потягло...[1]) наши намѣстници муромскіе и волостели и ихъ тіуны того Хозяша и его людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя съ поличнымъ, а вѣдаетъ и судитъ своихъ людей Хозяшъ самъ во всемъ, или кому прикажетъ. А кому будетъ до Хозяша и до его приказчика каково дѣло, и въ томъ его сужу язъ, князь велики, или мой дворецкой. А дана грамота на Москвѣ лѣта семь тысячъ тритцать втораго февраля дватцать девятого.

У подлинной грамоты привѣшена на красномъ шелковомъ шнуру государственная красного воску печать.

На оборотѣ той грамоты подписано тако:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Русіи.

Да на оборотѣ жъ значитца еще надпись, толко за ветхостію разсмотрѣть оной невозможно.

Х копіи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку солдатъ князь Никита Чегодаевъ руку приложилъ, а подлинную грамоту къ себѣ взялъ.

Съ подлинною свидѣтельствовалъ канцеляристъ Николай Ивашевъ.

Дѣла по Герольдіи кн. 34, л. 183.

№ 120.—1524 г. іюня.—Жалованная несудимая грамота удѣльнаго князя Андрея Ивановича (Старицкаго)[2]) новокрещену Вас. Баранчееву на д. Шмойлову въ Верейскомъ уѣздѣ.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь Андрей Ивановичь, по[жаловалъ есми] Василья

---

[1]) Тутъ, вѣроятно, небольшой пропускъ, хотя изъ рукописи этого не видно.

[2]) Кн. Андрей Ивановичъ Старицкій—пятый сынъ вел. князя московскаго Ивана III; род. 1490, † 1536 г. По духовному завѣщанію своего отца 1504 г. онъ получилъ во владѣніе города Верею, Вышегородъ, Алексинъ, Любутескъ и Старицу. Собр. Гос. грам. и догов. т. I, стр. 396—397. Экземплярскій, „Велик. и удѣл. князья“, т. I, стр. 336.

новокрещена Бор[анчеева] сына въ Верейскомъ уѣздѣ въ волости . . . . чахъ деревнею Шмойловою, что . . . Яковомъ за Шершневымъ, съ хлѣбомъ . . . . . съ рожью, и сь ярью, и со всѣмъ съ тѣмъ, ... деревнѣ изстари потягло. И хто [въ той] деревнѣ учнетъ жити людей, и . . . . снцы верейскіе и ихъ тіуни тѣхъ [его людей] не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, а праведчики [и доводчи]ки поборовъ своихъ у нихъ не берутъ . . . . ютъ, ни всылаютъ къ [нимъ ни по что], а вѣдаетъ и судитъ [тѣхъ своихъ] людей Василей самъ во всемъ, или кому прикажетъ. А случитца судъ смѣсной тѣмъ его людемъ з город[скими] людьми или съ волосными, и . . . . . . , снцы верейскіе и ихъ тіуни . . . . судятъ, а Василей или его [прикащикъ] съ ними жъ судитъ, а присудомъ дѣлятца на-полы. А кому будетъ чего искати на самомъ Васильѣ или на его прикащикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь Андрей Ивановичь, или мой бояринъ введеный. [А грамо]та дана въ Вереѣ лѣта [7032-го ію]ня [1]).

А у подлинной грамоты назади написано:

Князь Андрей Ивановичь.

А подлинная грамота за вислою печатью на черномъ воску.

При родословной росписи Баранчеевыхъ, столб. родосл. № 130 склейка 4.

№ 121.—1524 г. ноября 18.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича братьямъ Матвѣевымъ на отцовскую ихъ вотчину въ сельцѣ Юрьевѣ Унжинскаго стана Муромскаго у.—Подтвержденіе этой грамоты вел. княземъ Иваномъ IV Васильевичемъ 1536 г.

Списокъ з жаловальной грамоты.

Се азъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Русиі, пожаловалъ есми Васюка да Нечайца да Мишука да Романца Борисовыхъ дѣтей Матѳѣева, что отца ихъ вотчина въ Муромскомъ уѣздѣ въ Унжинскомъ стану сельцо Юрьево да того жъ сельца деревня Витязево. И хто у нихъ въ томъ сельцѣ и въ деревнѣ учнетъ жить людей, и намѣсницы наши муромскіе и властели и ихъ тиуни тѣхъ ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя съ поличнымъ,

---

[1]) Дата въ копіи выгнила; но въ текстѣ родословной росписи сохранилось точное объ ней упоминаніе, на основаніи котораго она здѣсь и возстановлена.

а вѣдаютъ и судятъ тѣхъ своихъ людей Васюкъ да Нечаецъ да Мишукъ да Романецъ сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣсной тѣмъ ихъ людемъ з городцкими людьми или съ волосными, [и] намѣсницы наши муромскіе, волостели, ихъ тиуни тѣхъ ихъ людей судятъ, а Васюкъ да Нечаецъ да Мишукъ да Романецъ, или ихъ прикащикъ, съ ними жъ судятъ, а присудомъ дѣлятца наполы. А кому будетъ чего искать на Васюкѣ да на Нечайцѣ да на Мишукѣ да на Романцѣ, или на ихъ прикащикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь великій, или мой бояринъ введеный. Писанъ на Москвѣ лѣта 7032-го году августа въ 18 день.

А у подлинной грамоты назади приписано:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Русіи.

На той же грамотѣ написано:

Князь великіи Иванъ Васильевичь всеа Русіи по сей грамотѣ пожаловалъ Васюка да Нечайка да Ромашка Борисовыхъ дѣтей Матвѣева да ихъ братоничевъ Окиша да Митьку Михайловыхъ дѣтей Борисова сына Матвѣева, сей грамоты рушити у нихъ не велѣлъ никому ничѣмъ. А намѣсникомъ муромскимъ и волостелямъ и ихъ тиуномъ велѣлъ у нихъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. Лѣта 7045-го году ноября въ 18 день. А потписалъ діякъ Өедоръ Мишуринъ.

Печатъ вислая на красномъ воску.

При родосл. росписи Борисовыхъ, столб.родосл. № 60 склейка 2.

№ 122.—1526 г.—Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Өедору Свиньину галицкихъ волостей въ кормленіе.—Подтвержденіе этой грамоты въ 1527 г.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь великиі Василей Ивановичь всеа Росиі, пожаловалъ есми Өедора Григорьева сына Свиньина Глозуновымъ въ Галичѣ подъ Яковымъ Кирѣевымъ въ кормленіе. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ у васъ по старинѣ, какъ было прежъ сего. А хто по кого възведетъ моего великого князя пристава, а будетъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ ставитъ передъ Өедоромъ или передъ его тіуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Өедоромъ или передъ его тіуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Өедоромъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искати или

отвѣчати, и язъ, князь великiи, велѣлъ того обинити и грамоту правою [1]) на того дати.

А назади у подлинной грамоты пишетъ:

Князь великiи Василей Ивановичь всеа Росiи.

Подъ тѣмъ пишетъ же:

Князь великiи Василей Ивановичь всеа Росiи пожаловалъ по сей грамотѣ Өедора Григорьева сына Свиньина, перепустилъ ему Глазуново въ Галичѣ на другой годъ отъ Велика дни лѣта 7035-го году до Велика дни лѣта 7036 году. А подписалъ великого князя дьякъ Аөонасей Курицынъ.

А въ концѣ грамоты печать вислая на красномъ воску.

При родословной росписи Свиньиныхъ, кн. Герольд. конт. №241, лл. 720 об.—721.

№ 123.—1527 г.—Грамота великаго князя московскаго Василiя Ивановича Вас. Өедор. Верхдеревскому на кормленiе въ волости Гуси.—Подтвержденiе этой грамоты въ 1528 г.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь велики Василей Ивановичь всеа Русiи, пожаловалъ есмь Василья Өедорова сына Верхдеревского Гусью съ правдою и съ мытомъ подъ Пронею Бровцынымъ въ кормленiя. И вы, всѣ люди тое волости, чтите ево и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ по тому, какъ было прежъ сего. А хто по кого взведетъ моего великого князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ ставитъ передъ Васильемъ или передъ его тiуномъ; а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Васильемъ или передъ его тiуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ исцевъ передъ Васильемъ или передъ его тiуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ, князь велики, велѣлъ того обвинить и грамоту правую на того дать.

У подлинной грамоты назадѣ пишетъ:

Князь велики Василей Ивановичь всеа Русiи.

Князь великiи Василей Ивановичь всеа Русiи по сей грамотѣ пожаловалъ Василья Өедорова сына Верхдеревского, перепустилъ ему Гусь съ правдою на другой годъ до Өилипова заговѣнья въ лѣто 7000 тритцать шестаго году. Подписалъ великого князя дьякъ Елизаръ Ивановъ сынъ Цыплятевъ.

При родословной росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, столб. родосл. № 160 слейка 12.

[1]) Въ ркп. *правого.*

№ 124 —Около 1528 г.[1]).—Доходный списокъ, данный великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Ивановичемъ волостелю Григ. Дм. Кобякову на пользованіе доходами съ волости Солцы Малой.

Списокъ з грамоты великого князя слово въ слово.

Се азъ, князь велики Василей Ивановичь всеа Руси, пожаловалъ [есми Григорья] Дмитреевича Кобякова, что за нимъ мое жалованье [Солца] Малая въ кормленье. И язъ, князь велики, Григорья пожаловалъ въ Солцѣ въ Малой пошлины по сей грамотѣ въѣз . . . . при его сидѣньи, хто что принесетъ, да съ Сольци волости . . . . . на три празники: на Рожество Христово, на Великъ день, на П[етровъ день] . . . четверта рубля на празникъ, да съ вари емлетъ въ годъ . . . . . по ошитку соли да по дензѣ, да за варницу [емлетъ] въ годъ полтину, да за дрова полтина жъ, да волосте[ль емлетъ] з братчины съ медовые ведро меду, а нелюбо ведро, и[но за ведро] три алтына, а съ пивные братчины ведро пива, а нелюбо ведро, [ино] за ведро алтынъ; да волостель же емлетъ за выводную . . . . а съ новоженного алтынъ; да волостель же емлетъ въ годъ з др[овъ] . . . . . ти возовъ денгу, да волостель же емлетъ дворецкого . . . . со шти варницъ за поклонъ поло-осмнатцата алтына . . . пошлины емлетъ съ посада полчетверта алтына да в . . . . . . дная денга, а емлетъ по старинѣ; да съ княжъ Ивановскихъ . . . . . . бского въ сельцѣ на посадѣ волостель емлетъ корму . . . . . гривны, а емлетъ всѣ пошлины по старинѣ; а дов[отчикъ] . . . съ посада и з деревень въѣзжего однова приво . . . . хто что принесетъ, да съ посада жъ и з деревень довотчикъ . . . . пики въ годъ на празникъ по полчетверта рубля, да довот . . . . . въ Сольцѣ съ хлѣба со всякого помѣрное по старинѣ довотчикъ емлетъ за дрова по полтинѣ . . . . Григорья пожаловалъ, велѣлъ есми ему въ Солцѣ . . . . и хто въ Солцѣ купитъ лошадь или продастъ, ино явятъ волостелю или его пятенщику, а онъ у нихъ лошадь [пятнитъ], а отъ пятна емлетъ пошлинъ—съ купца денгу московскую, [а съ продавца] денгу жъ московскую, а имена людцкія и лошади въ шерст[ь пишетъ] въ книги памяти для. А хто въ Сольцѣ купитъ лошедь, [или продастъ], или мѣнитъ, а волостелю или его пятенщику [не явитъ до того жъ] дни, и онъ того уличитъ, возьметъ на немъ за[повѣди и пропятенья] два рубля московскіе. Писанъ на Москвѣ лѣта . . . . 3 день.

---

[1]) Сравн. слѣдующую грамоту № 125.

А назади у подлинной грамоты пишетъ . . . . всеа Русіи.

Печати нѣтъ.

При родосл. росписи Кобяковыхъ, столб. родосл. № 151 склейки 2—3 (крайне ветхи).

№ 125.—Около 1528 г.—Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Григ. Дм. Кобякову волости Солцы Малой въ кормленіе.

Списокъ з грамоты великого князя слово въ слово.

Се язъ, князь великіи Василей Ивановичь всеа Росіи, пожаловалъ есми Григорья Дмитреевича Кобякова [Солцею Малой] подъ Иваномъ подъ княжъ Дмитреевымъ сыномъ Солн... въ кормленье съ пятномъ. И вы, всѣ люди [тое волости, чти]ге его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, [и судитъ, и ходитъ] у васъ по тому, какъ было прежъ сего. А хто по [кого взве]детъ моего великого князя пристава, [а будутъ оба] истца тое волости, и приставъ мой ста[витъ тѣхъ] обоихъ истцовъ передъ Григорьемъ или передъ его [тіуномъ]; а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ [истцовъ передъ] Григорьемъ или передъ его тіуномъ, и онъ ѣзду [лишенъ. А которой] тѣхъ обоихъ истцовъ передъ Григорьемъ или передъ [его тіуномъ] не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ, князь великіи, [велѣлъ того] обвинити и грамоту правую на [того дати].

А у подлинной великого князя грамоты написано:

Князь великіи Василей Ивановичь всеа Русіи.

[Ни]же того на той же грамотѣ пишетъ, а что [написано], и того первой строки не знать для того, [что грамо]та ветха. А на другой строкѣ написано: ...пожаловалъ Григорья Дмитреев[ича Кобяко]ва, перепустилъ съ ряду Солцу Малую на другой годъ отъ Ильина дни лѣта 703[7 до Ильина] дни лѣта 7038. А подписалъ велик[ого князя] дьякъ Елеазаръ Ивановъ сынъ Цыплетевъ.

Подлинная великого князя грамота за красною печатью [1]).

При родосл. росписи Кобяковыхъ, родосл. столб. № 151 склейка 4.

---

[1]) Правая сторона склейки истлѣла и отвалилась, вслѣдствіе чего у каждой строчки окончанія не хватаетъ. Въ скобкахъ заключены слова текста, возстановленныя по догадкѣ и по аналогіи другихъ подобныхъ грамотъ того же времени.

№ 126.—1528 г. ноября 24.—Грамота великаго князя московского Василія Ивановича намѣстнику городка Верхняго Слободскаго Ив. Сем. Караулову о непринимании въ этотъ городокъ нетяглыхъ казаковъ, лихихъ людей и скомороховъ.

Списокъ.

Отъ великого князя Василья Ивановича всеа Росіи на Вятку въ Слобоцкой въ Верхней городокъ намѣстнику нашему Ивану Семенову сыну Караулову. Били челомъ вятчаня изъ Слобоцкого Верхнего городка Алешка Кузьминъ сынъ Серебряникъ, да Сенька Городиловъ, да Ивашко Митинъ ото всѣхъ людей Слобоцкого городка и волосныхъ людей о томъ, что-деи у нихъ въ нашей грамотѣ въ жалованной въ уставной въ земьской, что у нихъ въ въ Слобоцкомъ городкѣ и въ волостяхъ пришлымъ [1]) казакомъ нетяглымъ и лихимъ людемъ не быти, а тѣмъ-деи слободцкимъ людемъ по той нашей жалованной грамотѣ по уставной, лихихъ людей обыскавъ и доведъ передъ намѣстникомъ цѣловальники и людьми добрыми, что онъ лихой человѣкъ, да по грамотѣ того лихово человѣка изъ городка и изъ волостей высылать вонъ жити; и тѣ-деи слободцкіе люди Верхнево городка передъ которымъ Слоботцкимъ намѣстникомъ которого лихово человѣка у себя въ городкѣ въ Верхнемъ или въ волости обыщутъ и доведутъ на него, что онъ лихой человѣкъ, да учнутъ-деи того лихово человѣка отъ себя изъ городка высылать вонъ жити, и тѣ-де лихіе люди тѣхъ слоботцкихъ людей не слушаютъ и изъ городка отъ нихъ и изъ волости прочь жити нейдутъ, да ихъ же клеплютъ поклажіемъ; а вы-деи, слоботцкіе намѣстники, лихимъ людемъ наровите, а тѣхъ-деи слободцкихъ людей продаете съ ними съ одново. Да у тѣхъ же-деи слободцкихъ людей Верхнево городка наша великого князя жалованная грамота, что у нихъ въ Слоботцкомъ городкѣ въ Верхнемъ скоморохомъ не играти, а вы-деи скоморохомъ у нихъ играти ослобожаете; да тѣ жъ-де скоморохи тѣхъ слободцкихъ людей клеплютъ бои и грабежи и поклажиемъ, а вы-де ихъ съ ними въ томъ судите. И какъ къ тебѣ сія моя грамота придетъ, и ты бъ или по тебѣ хто ин. . нашъ намѣстникъ въ Слободцкомъ городкѣ будетъ, лихихъ бы есте людей у нихъ въ Слободцкомъ городкѣ обыскивали по нашей жалованной грамотѣ по уставной, да которого лихово человѣка тѣ слоботцкіе люди цѣловальники и люди добрые у себя передъ тобою обы-

---

[1]) Въ рки. *пришлыхъ*.

щутъ, и възмолвятъ на него цѣловальники и лудчіе люди человѣкъ десять или болѣй по нашему великого князя крестному цѣлованью да и доведутъ на него передъ тобою, что онъ лихой человѣкъ, и ты бъ того лихово человѣка изъ Слобоцково городка и изъ волостей выслалъ отъ нихъ вонъ жити и жити бъ еси тѣмъ лихимъ людемъ у нихъ въ Слобоцкомъ городкѣ и въ волостяхъ не велѣлъ; а скоморохомъ бы еси у нихъ въ Слоботцкомъ городкѣ и въ волостяхъ играти не велѣлъ, а велѣлъ бы еси отъ нихъ изъ городка и изъ волостей скомороховъ выслать вонъ, не игравъ. А которой скоморохъ на Слоботцкомъ на которомъ человѣкѣ или на волосномъ какова поклажея ни взыщетъ, и ты бъ скоморохомъ на слобоцкихъ людей и на волосныхъ въ поклажеяхъ ни въ какихъ суда не давалъ. А прочетъ сю грамоту, отдайте имъ назадъ, и они себѣ держатъ впрокъ иныхъ для нашихъ намѣстниковъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7037-го ноября въ 24 день.

На подлинной грамотѣ пишитъ:

Князь великиі Василей Ивановичь всеа Росиі.

Князь великиі Иванъ Васильевичь всеа Росиі по сей грамотѣ пожаловалъ вятчанъ слобожатъ Верхнево городка посадцкихъ людей и волостныхъ, сеѣ у нихъ грамоты рушити не велѣлъ никому ничѣмъ, а намѣстникомъ слободцкимъ велѣлъ у нихъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. Писанъ на Москвѣ лѣта 7042 году іюня въ 18 день. А подписалъ дьякъ Өедоръ Мишуринъ.

При родословн. росписи Карауловыхъ, родосл. столб. № 141 склейки 3—4.

№ 127.—Около 1529 г.—Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Өед. Андр. Карамышеву Лиственаго и Судогды въ кормленіе. — Подтвержденіе этой грамоты въ 1530 г.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь великіи Василей Ивановичь в[сеа Руси, по]жаловалъ есми Өедора Андреевича [Карамышева Ли]ственымъ да Судогдою подъ Иваномъ подъ Клуш . . . . [въ кормле]ние съ правдою. И вы, всѣ люди тое волости, ч[тите его и слу]шайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ п[о тому, какъ] было прежъ сего. А кто по кого зведетъ моего великого князя пристава, а будетъ оба исца тое волости, [и приставъ мой] тѣхъ обоихъ исцовъ ставитъ передъ Өедоромъ или пе[редъ его тіу]номъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ [исцовъ передъ Өедоромъ] или передъ его тиуномъ,

и онъ ѣзду лишенъ. А . . . . въ передъ Ѳедоромъ или передъ его тіуномъ иска[ть или отвѣчать], и язъ, князь великиі, велѣлъ того обинить и грам[оту правую на него] дать.

А позади пишетъ:

Князь великиі Василей Ивановичь.

На той же грамотѣ позади написано:

Князь [великіи] Василей Ивановичь по сей грамотѣ пожаловалъ [Ѳедоро]выхъ дѣтей Карамышева Иванца да Васюка . . . . . перепустилъ имъ Ластвену да Судогду . . . . долгъ отъ Благовѣщеньева (sic) дни лѣта 7 . . . . липова заговѣнья лѣта 7039 . . . . князя діякъ Елиозаръ Ивановъ [сынъ Цыплетевъ].

Печать вислая на красномъ воску, немного помята.

При родословн. росписи Карамышевыхъ, родословн. столб. № 93 склейки 5—6.

№ 128. — 1530 г. января 17. — Правая грамота, данная Ивану Хлудьеву, человѣку Мих. Казнакова, въ спорѣ съ Емельяномъ Кулешовымъ о заемныхъ деньгахъ, занятыхъ послѣднимъ у господина его.

Списокъ съ правой грамоты слово въ слово.

Сиі судъ судилъ дворецкой Иванъ Ивановичь Колычевъ. Тегался Иванка[1]) Михайловъ человѣкъ Казнакова съ Петрушкою съ Омельяновымъ сыномъ. Тако рекъ Иванка: „Жалоба ми, господине, на того Петрушку на Омельянова сына: занялъ, господине, онъ у меня своими товарыщи полтретья рубли денегъ государя моего серебра въ кабалу. До тѣхъ[2]) мѣстъ денегъ не заплатятъ. А се, господине, кабала передъ тобою.“

И Иванъ Васильевичь (sic) велѣлъ передъ собою кабалу чести. И въ кабалѣ пишетъ:

„Се язъ, Омельянъ Олешовъ сынъ Кулешева, своею женою съ Насьткою съ Петровою дочерью да язъ, Петрокъ, да язъ, Иванка, Омельяновы дѣти, заняли есмя у Ивана у Хлудьева у Михайлова человѣка Казнакова полтретья рубля денегъ, государя его серебра, отъ Юрьева дни до Юрьева дни на годъ. А ростъ намъ ему дати по розчету, какъ идетъ на пять шестой. А поляжетъ серебро по сроцѣ, и намъ ему ростъ дати по тому жъ розчету. А кои насъ въ лицахъ, на

---

[1]) Въ ркп.: *Ивана.*

[2]) Слѣдуетъ, вѣроятно, *сихъ.*

томъ серебро и ростъ. А на то послуси Микита Затыкинъ да Иванъ Өедоровъ сынъ Климовъ да Романъ Даниловъ сынъ Костромина. А кобалу писалъ Иванка Яковлевъ сынъ Игнатьевъ лѣта 7000 дватцеть четвертого.—По сей кабалѣ Микита Затыкинъ руку свою приложилъ. По сей кабалѣ Иванъ послухъ руку свою приложилъ. По сей коболѣ Романъ руку свою приложилъ".

И Иванъ Ивановичь, выслушавъ кабалу, вспросилъ Петрушки: „денги еси по той кабалѣ займывалъ ли? и кобалу еси на себя такову давалъ ли? и за товарыщевъ своихъ отвѣчаешь ли?"

И Петрушка тако рекъ: „за товарыщевъ, господине, своихъ и за себя отвѣчаю: денегъ есми, господине, не займывали и кабалы на себя не давывали—ни знаемъ, ни вѣдаемъ!"

И Иванъ Ивановичь вспросилъ Петрушки: „на дьяка на кабального и на послуховъ шлешь ли?"

И Петрушка тако рекъ: „на дьяка ино[1]) на кабального и на послуховъ шлюсь. А еще я, Иванка, послалъ же сь."

И Иванъ Ивановичь велѣлъ недѣльщику [Летягѣ] [2]) Измайлову ѣхати на правду по дьяка да по послуховъ кобальныхъ. И на-рапьи того дни, ставъ недѣлщикъ Летяго передъ Иваномъ Ивановичемъ, да тако рекъ: „велѣлъ ми еси, господине, ѣхати на правду по дьяка да по послуховъ по Иванковой кобалѣ Михайлова человѣка Казнакова; и по отвѣтчики, господине, по Петрушкѣ по Омельяновѣ сынѣ въ правдѣ поруки нѣтъ. А се, господине, тотъ Петрушка передъ тобою."

И Иванъ Ивановичь вспросилъ Петрушки: „въ правдѣ порука по тебѣ есть ли?"

И Петрушка тако рекъ: „въ правдѣ, господине, поруки по мнѣ нѣтъ. А по кабалѣ есми, господине, виноватъ, и на правду, господине, не шлюсь."

И по княжъ Андрееву слову Ивановича дворецкой Иванъ Ивановичь ищею Ивашка Михайлова человѣка оправилъ, а отвѣтчика Петрушку Омельянова сына и въ товарыщевъ ево мѣста обинилъ и велѣлъ на немъ доправить ищеина иску Иванка[3]) Михайлова человѣка Казнакова полтретья рубли по кабалѣ съ росты да отдати ищеѣ[4]) Иванку.

---

[1]) Въ ркп.: *ине.*

[2]) Въ ркп. это слово пропущено, хотя въ оригиналѣ, несомнѣнно, было, такъ какъ фамилія безъ имени никогда на языкѣ того времени не употреблялась.

[3]) Въ ркп.: *Иванко.*

[4]) Въ ркп.: *ещее.*

И послѣ того въ десятой день передъ дворецкимъ Иваномъ Ивановичемъ недѣлщикъ Летяго, ставъ, да тако рекъ: „велѣлъ еси[1]), господине, править на отвѣщики на Петрушкѣ на Емельяновѣ сынѣ ищеина иску Иванка Михайлова человѣка Казнакова полутретья рубля денегъ по каболѣ съ росты. И язъ, господине, на немъ правилъ десеть день, и доправити, господине, на немъ не мочно. А поруки, господине, и перевода по немъ въ деньгехъ нѣтъ. А се, господине, тотъ Петрушка передъ тобою."

И Иванъ Ивановичь вспросилъ Петрушки: „деньги тобѣ заплатить мочно ль? А порука и переводъ по тебѣ въ деньгехъ есть ли? И язъ тобѣ дамъ срокъ."

И Петрушка тако рекъ: „денегъ, господине, мнѣ заплатити не мочно, а поруки, господине, и перевода по мнѣ въ деньгехъ нѣтъ."

И Иванъ Ивановичь велѣлъ недѣльщику Летягѣ Измайлову выдатъ отвѣтчика Петрушку Емельянова сына ищеѣ Иванку Михайлову человѣку Казнакова[2]) въ его иску въ полутретьехъ рублѣхъ по кабалѣ съ росты до искупу головою.

А на судѣ у дворецкого у Ивана Ивановича были: дворцовой дьякъ Жюкъ Прокоѳьевъ да Сѣрка Яковлевъ сынъ Лысцевъ да подьячей Копыта Григорьевъ сынъ. Къ сей правой грамотѣ дворецкой Иванъ Ивановичь печать свою приложилъ лѣта 7038-го генваря въ 17 день. А подписалъ княжь Андреевъ Ивановичь дьякъ Григорей Александровъ.

Да на подлинной грамотѣ назади пишетъ:

По сей правой грамотѣ меня, Ивашка Яковлева сына Хлудьева[3]), Михайлова человѣка[4]) Козпакова, деньги дошли вси и убытки и проести по сей правой грамотѣ за нестроками (sic) дѣла нѣту. А на то послуси: Дмитрей Скочиловъ сынъ Ольховъ да Гридя Ворначевъ Васильевъ сынъ.

При родосл. росписи Казнаковыхъ, столб. родосл. № 85 склейки 6—7.

---

[1]) Въ ркп.: *есми.*
[2]) Въ ркп.: *Казнакову.*
[3]) Въ ркп.: *Хлуева.*
[4]) Въ ркп.: *Михайловъ человѣкъ.*

№ 129.—1530 г. января 27.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича Өедору да Ивану Болотниковымъ на сельцо Васильевское въ Вяземскомъ у. —Подтвержденіе этой грамоты 20 сентября 1547 г.

Списокъ з жалованной грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великіи Василей Ивановичь всеа Русіи, пожалованъ есми Өетька да Ивашка Савлуковыхъ дѣтей Болотникова да Өетькова сына Лобанца въ Вяземскомъ уѣздѣ въ Боровой сельцомъ Васильевскимъ з деревнями и съ починки, что было за Иваномъ Даниловымъ сыномъ Моклокова, въ помѣстье со всѣмъ, что къ тому селцу и къ деревнямъ и къ починкомъ потягло. И хто у нихъ въ томъ сельцѣ и въ деревняхъ и въ починкахъ учнетъ жить людей, и намѣсницы наши вяземскіе и ихъ тіуни тѣхъ ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя съ поличнымъ, а вѣдаютъ и судятъ тѣхъ своихъ людей Өетко з братомъ да съ сыномъ сами во всемъ, или кому прикажютъ. А случитца судъ смѣстной тѣмъ ихъ людемъ з городцкими людми или съ волостными, и намѣстницы наши, ихъ тіуни тѣхъ ихъ людей судятъ, а Өетко з братомъ да съ сыномъ или ихъ приказчикъ съ ними жъ судятъ, а присудомъ дѣлятца на-полы. А кому будетъ чего искати на Өеткѣ да на братѣ его на Иванкѣ да на Өетьковѣ сынѣ на Лобанцѣ или на ихъ приказчикѣ, ино ихъ сужю язъ, князь великіи, или наши намѣстницы вяземскіе. Писанъ лѣта 7000 тритьцать осмаго генварь двадесятъ седмый день.

А на подлинной грамотѣ назади пишетъ:

Князь великіи Василей Ивановичь всеа Русіи.

А подъ тѣмъ пишетъ же:

Царь и великіи князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи по сей грамотѣ пожаловалъ Лобана Өедорова сына Болотникова отца его жеребьемъ въ сельцѣ въ Васильевскомъ и въ деревняхъ и въ починкехъ, сей у него грамоты рушати не велѣлъ никому ничѣмъ, а намѣстникомъ своимъ вяземскимъ и волостелемъ, ихъ тіуномъ велѣлъ ходить о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. Лѣта 7000 пятьдесятъ шестаго сентября въ двадесятый день. А потписалъ царя и великого князя діакъ Третьякъ Леонтіевъ.

А у подлинной грамоты вислая печать красная [1]).

При родосл. росписи Болотниковыхъ, родослов. столб. № 157, склейка 6.

---

[1]) Копія за рукоприкладствомъ Ив. Болотникова. „Подлинныя съ списками чолъ Ивашко Кобяковъ.“

№ 130.—1532 г.—Закладная кабала, по коей Григ. Бѣдовъ заложилъ Павлу Бѣдову дер. Коренево Кашинскаго уѣзда въ обезпеченіе занятыхъ 15 рублей.

Списокъ з записи слово въ слово.

Се азъ, Григорей Ивановъ сынъ Бѣдовъ, занялъ есьми я у Павла Андреева сына Бѣдова пятнатцать рублевъ денегъ ходячихъ по пяти гривенъ за полтину отъ Николина дни до Николина жъ дни; а въ тѣхъ есьми ему въ денгахъ заложилъ деревню Коренево въ Чюцкой волости з запольки, что за крещенье съ селы дано нѣмчину нашему Ульфу до убіенія ихъ за девять лѣтъ слишкомъ. А за ростъ ему пахати и пошлины со крестьянъ имати со всѣмъ съ тѣмъ по тяглу. А не выкуплю я на тотъ срокъ, ино ся кабала—и купчая грамота во вѣкъ; а пополнки ми доняти у дяди Павла конь гнѣтъ да семь овецъ. А на то у подлинной записи послуси: Өедоръ Жерепцовъ, Волокита Тучковъ, Захарей Ушаковъ. А подлинную запись и закладную и кабалу писалъ Иванъ Павловъ. Лѣта 7040-го году.

А позади пишетъ у записи: Си язъ, Григорей, деньги занялъ и вотчину заложилъ и къ сей кабалѣ руку приложилъ. Өедоръ Жеребцовъ послухъ руку приложилъ. Язъ, Волокита послухъ, руку приложилъ. Послухъ Захарей Ушаковъ руку приложилъ.

При родосл. росписи Бѣдовыхъ, родосл. столб. № 97, склейка 4.

№ 131.—1533 г. мая 18.—Наказъ великаго князя московскаго Василія Ивановича карачевскому намѣстнику Семену Чертову о береженіи отъ крымскихъ татаръ.

Списокъ з грамоты великого князя Василья Ивановича всеа Руси слово въ слово.

Отъ великого князя Василья Ивановича всеа Русиі въ Карачевъ намѣснику нашему Семену Михайловичю Чертову. Писалъ ко мнѣ изъ Новагородка ис Сѣверского намѣсникъ нашъ князь Иванъ Барбашинъ, а къ нему писалъ изъ Рыльска намѣсникъ нашъ Василей Сергѣевъ то: пришолъ къ нему съ поля рылской казакъ Иванко Ховенъ [1]) съ товарыщи, а привелъ съ собою женку полонянку карачевского полону, и та жонка сказывала, что тѣ татарове, которые были въ Карачевѣ [2]) на посадѣ, въ понедѣльникъ на пятой недѣли

---

[1]) Быть можетъ, *Иванъ Кохонинъ?*

[2]) Въ ркп.: *Казачевъ.*

по Велицѣ дни встрѣтилися с Озовскими татары [1]) блиско Донца [2]) да полонъ отпустили х Крыму и сами воротились с озовцы вмѣстѣ да пошли на наши украйны на карачевскія мѣста. И ты бъ однолично жилъ бережно, не оплашивая, и сторожи держалъ крѣпки, и люди бы всѣ у тебя были собраны въ городѣ [з] женами и з дѣтьми, и дѣла бы еси нашего берегъ по нашему наказу. А каковы у тебя будутъ вѣсти, и ты бъ не держалъ безъ вѣсти въ Одоевъ воеводы нашего князя Ивана Михайловича Воротынского съ товарыщи и на Бобрикъ воеводъ нашихъ князя Романа Ивановича Одоевского съ товарыщи, а меня еси о всемъ безъ вѣсти не держалъ. Писанъ [3]) на Москвѣ лѣта 7041 маия въ 18 день. Да велѣлъ есми у тебя быть въ Карачевѣ княжъ Ивановскимъ людемъ Воротынского, за которыми помѣстья въ Мещоску и въ Козельску, да и [4]) списокъ есми ихъ по имяномъ к тебѣ послалъ, и ты [бъ] по тому ихъ вмѣстѣ збиралъ, а язъ къ нимъ грамоту свою послалъ же, чтобы у тебя въ Карачевѣ часа того ... [5]).

А у подлинной грамоты назади пишетъ: Въ Корочевъ намѣснику нашему Семену Михайловичю Чертову.

При родосл. росписи Сертьевыхъ, кн. Герольд. конт. къ № 241 л. 794.

№ 132.—1533 г. августа.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича Михалю Ильичу Гиневлю на деревни въ Костромскомъ уѣздѣ.

Списокъ з государевы жалованной грамоты слово въ слово.

Мы, великиі государь Василей, Божіею милостію государь всеа Русіи и великіи князь Владимерскиі и Московскиі, Новгородцкиі, Псковскиі, Смоленьскиі, Тферскиі, Югорскиі, Пермскиі, Вятцкиі, Болгарскиі и иныхъ, государь всеа Русиі и великиі князь, пожаловали есми Михаля Ильина сына Гиневля въ Костромскомъ уѣздѣ въ Троецкой трети своими великого князя деревнями черными: деревнею Дьяконовымъ, деревнею Полежаевымъ, что сѣли тѣ деревни на лѣсу

---

[1]) Въ ркп.: *татара.*

[2]) Въ ркп.: *Домца.*

[3]) Въ ркп.: *писалъ.*

[4]) Въ ркп.: *и далъ.*

[5]) Грамота, видимо, не имѣетъ окончанія, хотя изъ рукописи этого и не видно.

Черпомъ послѣ писцовъ, а съ таглыми деревнями съ черными тѣ ревни и волости тянули, да въ Троецкой же волости деревнями рными новыми жъ, что садились на лѣсѣхъ послѣ жъ писцовъ, а таглыми деревнями и съ черными тѣ деревни къ волости не тями: деревнею Осиповцомъ, деревнею Велейчюковымъ, деревнею Ѳеиковою на рѣчкѣ на Хмѣлевицѣ, деревнею Овинищемъ, деревнею уни Еремина, деревнею Сосновскою, деревнею Взглядною на рѣчкѣ Коршѣ, деревнею Раменскою, деревнею Добрѣйцовымъ, деревнею овцевымъ, деревнею Ловковымъ Займищемъ верхъ рѣчки Соти [1]), деревнею Зыбальцовымъ Заболотьемъ, деревнею Хмѣлевицею, деревю Слудою на рѣчкѣ на Учѣ, деревнею Будинцовымъ, деревнею соловымъ, деревнею Зарѣчнымъ, пустошью Пенкинскою, пустошью лябтнинымъ — въ помѣстье со всѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ и къ стошамъ потягло. И хто у него въ тѣхъ деревняхъ и на пустошахъ нетъ жити людей, и намѣстницы наши костромскіе и волостели ъ тіуни тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства розбоя съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ и не ылаютъ къ нимъ ни по что, а праведчики и доводчики поборовъ оихъ у нихъ не берутъ и не въѣзжаютъ къ нимъ ни по что, а вѣетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей Михаль самъ во всемъ, или кому икажетъ. А случитьсь судъ смѣсной и (sic) тѣмъ его людемъ з горкими людми или съ волосными, и намѣстницы наши и волостели ихъ тіуни тѣхъ его людей судятъ, а Михаль или его приказщикъ ними жъ судитъ, а присудомъ [ся] дѣлятъ на-полы. А кому будетъ чего кать на Михалѣ или на его приказчикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь еликіі, или мой бояринъ введеный. Писанъ на Москвѣ лѣта 7041-го вгуста въ день.

Позади у подлинные грамоты написано:

Великіі государь Василей, Божіею милостію государь всеа Русіі великіі князь.

Печать вислая на красномъ воску.

При родословной росписи Гинеевлевыхъ, столб. родосл. № 118 кейка 2.

№ 133.—1533—1545 гг. — Грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича о пожалованіи Мих. Вас. Верхдеревскому въ кормленіе Шепкова и Войничей.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь велики Иванъ Васильевичь всеа Руси, пожаловалъ

[1]) Въ ркп. *кисоти*.

есми Михаила Васильевича Верхдеревского Шепковымъ и Войничи подъ княземъ Михаиломъ Троекуровымъ въ кормленія съ правдою, и съ мытомъ, и съ томгою. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ по тому, какъ было прежъ сего. А кто по кого взведетъ моего великого князя пристава, а будутъ оба исцы тое волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцевъ ставитъ передъ Михайломъ или передъ его тіуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ исцевъ передъ Михайломъ или передъ его тіуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ исцевъ передъ Михаиломъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ, князь великиі, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати [1]).

У подлинной грамоты назадѣ пишетъ:

Князь великиі Иванъ Васильевичь всеа Русиі.

У подлинной жа грамоты печать.

При родословн. росписи Апраксиныхъ-Верхдеревскихъ, столб. родосл. № 160 склейка 12.

№ 134.—1533—1547 гг. — Грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича о пожалованіи Александру Мих. Кобякову слободы въ кормленіе.

Списокъ з грамоты великого князя слово въ слово.

Се язъ, князь велики Иванъ Васильевичь всеа Руси, пожаловалъ есми Александра Михайловича [Кобякова] половиною слободы большею Задубо . . . . Андреемъ Засѣкинымъ въ кормленье съ [правдою]. И вы, всѣ люди тое слободы, чтите его и слу[шайте, а онъ васъ] вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ о всемъ по [тому, какъ было] напередъ сего. А кто по кого взведетъ моего великого князя пристава, а будутъ оба истца [тое воло]сти, и приставъ мой тѣхъ обоихъ истцовъ ставитъ передъ Александромъ или передъ его тіуномъ; а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ истцовъ передъ Александромъ или передъ его тіуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ истцовъ передъ Александромъ или передъ его тіуномъ не

[1]) Списокъ этой недатированной грамоты помѣщенъ при росписи между спискомъ грамоты в. кн. Васгліа III 7036 г. и спискомъ грамоты в. кн. Ивана IV 25 мая 7053 г., слѣдовательно, какъ надобно полагать, относится къ промежутку времени 1533—1545 гг.

учнетъ искати или отвѣчати, и язъ, князь велики, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

А у подлинной грамоты назади пишетъ:

Князь великиі Иванъ Васильевичь всеа Русіи.

А подлинная великого князя грамота закрасною вислою печатью.

При родословной росписи Кобяковыхъ, родосл. столб. № 151 склейка 4.

№ 135. — 1534 г. февраля 4.—Грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича о пожалованіи Дм. Букову мѣха ржевскаго на два года.

Списокъ великого князя з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Иванъ Васильевичь всеа Русиі, пожаловалъ есми Митьку Иванова сына Букова мѣхомъ Рьжевскимъ на два года за окупъ, а брати ему тотъ мѣхъ лѣта 7000 четыредесятъ перваго да четыредесятъ втораго по доходному списку. Писанъ на Москвѣ лѣта 7042-го году февраля въ 4 день.

А у подлинной грамоты назади пишетъ:

Князь великиі Иванъ Васильевичь.

Печать вислая — на воску орелъ.

При родосл. росписи Буковскихъ, родосл. столб. № 47 склейка 2.

№ 136.—1539 г. іюля 18. – Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича Ивану Іевлеву на помѣстное сельцо Курдаки съ деревнями Тульскаго уѣзда.

Се азъ, князь великиі Иванъ Васильевичъ всеа Росиі, пожаловалъ [есмы] Ивана Васильева сына Іевлева да его дѣтей Михайлу да Сенку въ Тульскомъ уѣздѣ въ Заупскомъ стану отца его помѣстьемъ сельцомъ Курдаками да деревнями: деревнею Расинымъ, деревнею Нелидовымъ, деревнею Петрищевымъ на рѣкѣ Песочнѣ, деревнею Помогаловымъ, деревнею Жировымъ, деревнею Иваровскою въ помѣстье со всѣмъ, что къ тому селцу и къ деревнямъ потеглосъ. И хто у нихъ въ томъ селцѣ и въ деревняхъ учнетъ жити людей, и наши намѣсницы тульскіе и волостели и ихъ тіуни у нихъ тѣхъ людей не судятъ, опричь душегубства и розбоя съ поличнымъ, а вѣдаютъ и судятъ тѣхъ своихъ людей Иванъ да его дѣти Михалецъ да Сенка сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣстной у [1]) тѣхъ

[1]) Въ рки. *и*.

людей з горощкими [1]) людьми или съ волостелними (sic), и наши намѣсницы тулскіе и волостели и ихъ тіуни тѣхъ людей судятъ, а Иванъ да его дѣти Михайла да Сенка или прикащикъ съ ними жъ судятъ, а присудамъ дѣлятца на-полы. А кому будетъ чего искати на Иванѣ да на его дѣтяхъ на Михайлѣ да на Сенкѣ, или на ихъ прикащикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь великиі, или мой бояринъ введеной. Писано [2]) на Москвѣ лѣта 7047 году іюля въ 18 день.

А назади у жалованной грамоты пишетъ:

Князь великиі Иванъ Васильевичь всеа Россіи.

Печать на красномъ воску—орелъ двоеглавой.

При родословной росписи Іевлевыхъ, кн. Герольд. Конт. къ № 241, л. 345.

№ 137.—1540 г. ноября.—Писцовая выпись, данная Якову Колотиловскому вологодскими писцами Тим. Карамышевымъ да Никитой Милославскимъ на помѣстную деревню Ереминъ починокъ въ волости Тошнѣ.

Списокъ съ писцовой выписи слово въ слово.

Лѣта 7049 ноября, по великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи наказному сп...... и по окладу боярина князя Ивана Михайловича Шуйского, се азъ, великого князя вологоцкой пи[сецъ] Тимофей Андреевичъ Карамышевъ да Мики.... . Козловъ сынъ Милославского съ товарыщи, отмѣр.. ... помѣстья въ Вологоцкомъ уѣздѣ въ волос...... въ Тошнѣ въ Васильевской трети Якову С[идо]рову сыну Колотиловского деревню Ереминъ поч[инокъ], а въ ней три дворы, а людей три человѣка, па[шни] дватцать пять чети въ одномъ полѣ, а въ дву п[ото]му жъ, сѣна сто копенъ, лѣсу пашенного и непашен[ного] на десять чети. Къ сей выписи писецъ Тимоѳ[ей] Андреевичь печать свою приложилъ.

Да т...... въ лицѣ въ строку пишутъ:

Ни[ки]та Козловъ Милославского, подьячей Офон...... Вразской.

А назади той выписи пишутъ:

Подьячей Васюкъ Исаковъ. Подьячей Ивашко Ивтихевъ. Подьячей Ивашко Леонтьевъ.

При родосл. росписи Андреевыхъ и Колотиловскихъ, столб. родосл. № 115, склейка 4.

---

[1]) Въ ркп. *горицкими*.

[2]) Въ ркп. *писано и*.

№ 138.—1541 г. февраля 14.—Ввозная грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича Васюку Баранчееву на село въ Старицкомъ уѣздѣ.

Списокъ з грамоты.

Отъ великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Старицкой уѣздъ в...... помѣстье Маномахова и въ деревни того села всѣмъ крестьяномъ, которые въ томъ помѣстьѣ живутъ. Пожаловалъ есми тѣмъ помѣстьемъ Васюка новокрещена Баранчеева сына Китов......сцовъ, доколѣ писцы наши за нимъ [то помѣ]стье опишутъ и измѣреютъ, и вы бъ Васюка слушали во всемъ и оброкъ ево платили, чѣмъ васъ изоброчитъ, и пашню его [пахали], гдѣ собѣ учинитъ, по сей гр[амотѣ. Писана] на Москвѣ лѣта 7049-го февраля въ 14 день.

А назади пишетъ у подлинной гра[моты:]

Князь великіи всеа Росві.

Печать на черномъ воску.

При родословной росписи Баранчеевыхъ, столб. родосл. № 130, склейка 5.

№ 139. — 1541 г.—Дѣловая запись, заключенная между Матвѣемъ и Головой Комсиными о раздѣлѣ ими между собой полюбовно дѣдовскаго имущества и крестьянъ.

Списокъ з дѣловой записи.

Се язъ, Матвѣй Петровъ сынъ Комсина, да язъ, Голава Микулинъ сынъ Комсина, подѣлилися есмя послѣ своего дѣда Микулы отчиною, и животомъ, и статки, и людми, и хлѣбомъ житвычнымъ и стоячимъ, и кобалами хлѣбными и денежными, и всякою мелкою рухледью клѣтною, и повареною, и избною, и всякими суды. Мнѣ ся, Матвѣю, досталось дѣда моего отчины деревня Гайнова да пол-лугу Гайновского, да мнѣ жъ ся, Матвѣю, достало людей дѣда моего: Оксенка Осиповъ сынъ Калинского, да его сынъ Иванка, да Косикъ Гавреневъ сынъ, да его жена Дашка Носкова дочь, да его жъ дочь Домница. А мнѣ ся, Голавѣ, досталось отца его отчины деревня Рожнова да пол-лугу Гайновского да деревня Зады Гайновскіе съ мыса Гайновского да прямо къ Бурдуковскому ручью. Да мнѣ жъ ся, Головѣ, достало отца его Микулиныхъ людей Митька Копей да Рудакъ Юшка Копины дѣти да Копылова жена Сонька Аѳонина дочь Сколозу-

бова да Вася (sic) Носкова жена. А подѣлились есмя межъ себя і любовно и впредъ намъ иново дѣлу не чинити межъ собя. А котор насъ взочнетъ изново дѣлъ, ино на томъ сто рублевъ. А на то по луси: Поздякъ Лукинъ сынъ Окорокова да Андрей Суята Кузьми сынъ Культинъ да Тювяшъ Полукарповъ (sic) сынъ Черицова. А ловую писалъ Васка Старой Матвѣевъ сынъ Поповъ лѣта 7000 пя десятого году.

А у подлинной назади пишетъ:

Къ сей дѣлавой грамотѣ Матвѣй руку приложилъ. — Позд послухъ руку приложилъ.—Андрей послухъ руку приложилъ. — Т вяжъ послухъ руку приложилъ.

При родосл. росписи Комсиныхъ, столб. родосл. № 129, склейка

№ 140.—1542 г. февраля.—Грамота великаго князя московска Ивана IV Васильевича о пожалованіи Вас. Вас. Карамыше города Ржевы Пустой въ намѣстничье кормленіе.

Списокъ з грамоты.

Се язъ, князь великиі Иванъ Васильевичь всеа Руси, пожа[л валъ] есмы Василья Васильевича Карамышева [Ржевою [1])] Пустою кормленье подъ княземъ подъ Иваномъ...... И вы всѣ люди ря вичи, чтите его и слушайте, а онъ васъ судитъ, и вѣдаетъ, и бл детъ, и ходитъ по старинѣ, [какъ было прежъ] сего. А дана грамо на Москвѣ л[ѣта семь тысячъ четыредесятъ девя]того февраля.

А позади пишетъ:

Князь великиі Иванъ Васильевичь.

У подлинной великого князя грамоты печать вислая на черно воску, мята немного [2]).

При родосл. росписи Карамышевыхъ, родосл. столб. № 9 склейка 6.

---

[1]) Названіе мѣстности и дата въ рукописи истлѣли и возстановлены показанію родословной (склейка 1): „а Василью Васильевичу дана жаловани грамота въ кормленіе отъ великого князя Ивана Васильевича на Ржеву Пуст лѣта . . . . . *десять девятою*“. Хотя и здѣсь дата сохранилась не впол цифра десятковъ повреждена, но очевидно, что слѣдуетъ читать *четыредеся девятою*, такъ какъ ни 39, ни 59 года не подойдутъ: въ 7039-мъ Иванъ еще не княжилъ, а въ 7059 онъ писался уже съ титуломъ царя.

[2]) Рукопись очень ветха и съ правой стороны многія слова отгнили.

№ 141.—Около 1543 г. [1]) — Грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича о пожалованіи Ѳедору Зезевитову Выгозера въ кормленіе.

Се азъ, князь велики Иванъ Васильевичь всеа Росіи, пожаловалъ есми Ѳедора Тимофеева сына Ивановича Зезевитова въ своей отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ Выгомъ озеромъ [подъ] [2]) Ширяемъ Ододуровымъ въ кормленье съ петномъ и съ мытомъ. И вы, всѣ люди тое волости, чтиті его и шлушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ о всемъ по тому, какъ было прежъ сего.

У подлинной грамоты печать вислая на красномъ воску измята.

Назади пишетъ:

Князь велики Иванъ Васильевичь всеа Росіи.

А подъ тѣмъ письмомъ написано было пять строкъ, а розсмотрить немочно потому, что за ветхостію чернила стерлись.

При родосл. росписи Зезевитовыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 233.

№ 142.—1543 г. октября 18.—Грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича губнымъ старостамъ новгородскаго уѣзда о томъ, чтобы они не вступались у выгозерскихъ волостелей въ душегубныя дѣла.

Отъ великого князя Ивана Васильевича всеа Росіи въ Нового родской уѣздъ въ Выго озеро и въ Суму и въ Нухчю старостамъ губнымъ. Пожаловали есми Выгомъ-озеромъ Ѳедора Тимофѣева сына Зезевитова, и намъ Ѳедоръ билъ челомъ, а сказываетъ, что-де вы у нашихъ волостелей у выгоозерскихъ вступаетесь въ душегубныя дѣла, и въ поличныя, и въ бои, и въ грабежи, и въ ыныя во многія въ судныя дѣла, а въ томъ у нашихъ волостелей судъ отъимаете. И вы бъ, старосты губные, у Ѳедора въ душегубныя дѣла, и въ поличныя, и въ бои, и въ грабежи, и во всякія судныя дѣла не вступались, чтобъ у нашихъ волостелей судъ не терялся, а вѣдали бы есте [3]) и обыскивали прямыхъ розбойниковъ чеклыхъ (?) по нашей губной грамотѣ,

---

[1]) Сравн. слѣдующую грамоту № 142.

[2]) Въ рկп. этого слова нѣтъ. Возстановляемъ по аналогіи другихъ подобныхъ грамотъ.

[3]) Въ ркп.: *есми.*

какова у васъ наша грамота губная, чтобы намъ о томъ Өедоръ вп
не билъ челомъ. А учнете [1]) у волостеля нашего въ судныя
вступатися, а онъ на васъ въ томъ доведетъ, и вамъ отъ меня б
въ казни и въ продажи. Писана на Москвѣ лѣта 7052 октябр
18 день.

А назади у подлинной пишетъ:

Князь велики всеа Росіи.

А печать за ветхостію отпала.

*При родословн. росписи Зезевитовыхъ, кн. Герольдм. конт
№ 241 л. 233.*

**№ 143. — 1544 г. марта 2. — Жалованная несудимая грам
великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича Ив. Іевлеву
сыновьями на ихъ деревни въ Заупскомъ стану Тульскаго уѣз**

Списокъ з жалованной грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Иванъ Васильевичь всеа Росиі, пожа
валъ семи Ивана Васильева сына Іевлева да его дѣтей Михаила
Сенка въ Тулскомъ уѣздѣ въ Заупскомъ стану селцомъ Курдакин
да деревнею Помагаловымъ, да деревнею Жировымъ, да дерев
Нелидовымъ, да деревнею Өоминскою, да деревнею Петрищовымъ
деревнею Иворовскою верхъ Молодильны, да деревнею на Сухой
соченкѣ, да починкомъ на рѣчкѣ на Песочнѣ, да починкомъ Верх
скимъ на Сухой Песочнѣ, да починкомъ Сенки Поляпскова, да
чинкомъ Исачковымъ на рѣчкѣ на Расенѣ, да починкомъ Мишкин
на отвершку Сухой Песочнѣ, да починкомъ Симоновскимъ, да поч
комъ на рѣкѣ на Упѣ въ помѣстье со всѣмъ съ тѣмъ, что къ том
къ сельцу и къ деревнямъ и къ починкамъ истари потяглось. И
у нихъ въ томъ селцѣ и въ деревняхъ и въ починкахъ учнутъ ж
людей, и намѣсницы наши тулскіе и волостели [и] ихъ тіуни т
его людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя
поличнымъ: вѣдаютъ и судятъ Иванъ и его дѣти, или прикащикъ
случитца судъ смѣстной тѣмъ его людемъ з гороцкими людми
съ волостными, и намѣсницы наши тулскіе, и волостели, и ихъ ті
тѣхъ его людей судятъ, а Иванъ [3]) з дѣтьми или ихъ прикащикъ

---

[1]) Въ ркп.: *учните.*

[2]) Въ ркп. вм. „къ тому" стоитъ *ему.*

[3]) Въ ркп.: *у Ивана.*

ними же судятъ, а присудомъ дѣлятца на-полы. А кому [1]) будетъ чего искати на Иванѣ и на его дѣтехъ, или на ихъ прикащикахъ, ино ихъ сужу азъ, князь великиі, или мой бояринъ введеной. Писано на Москвѣ лѣта 7052 году марта въ 2 день.

А назади у жалованной грамоты подпись:

Князь велики Иванъ Васильевичь всеа Росіи.

Печать на красномъ воску—орелъ двоеглавой.

При родосл. росписи Іевлевыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241, лл. 345 обор.—346.

№ 144.—1544 г. апрѣля 11. — Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича Истомѣ Сухотину съ сыновьями на помѣстья ихъ въ Тульскомъ, Боровскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ.

Списокъ великого князя з грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь великіи Иванъ Васильевичь всеа Русіи, пожаловалъ есми Истому Васильева сына Сухотина да его дѣтей Гришку, да Ѳедоска Сеита, да Третьячка, да Митьку, что ми били челомъ о томъ, что у нихъ было наше жалованье, грамота помѣсная [2]) да згорѣло въ городѣ на Тулѣ; и намъ бы ихъ пожаловать, дати имъ на то ихъ помѣстье новою грамоту жалованную. И язъ, князь великіи Иванъ Васильевичь всеа Русіи, Истому Васильева сына Сухотина да его дѣтей Гришка, да Ѳедоска Сеита, да Третьячка, да Митку пожаловалъ старымъ ихъ помѣстьемъ въ Тульскомъ уѣздѣ въ Нюховскомъ стану селомъ Манушкинымъ да того жъ села деревнями: деревнею на Рожественскомъ селищѣ, деревнею на рѣчкѣ на Рыбенкѣ, что была за Лепуномъ за Останинымъ сыномъ Каменева, деревнею верхъ рѣчке Рыбенке, починкомъ Жиравлевымъ, починкомъ Ѳилатковымъ, да въ волости въ Колоднѣ деревнею на Дубенскихъ колодезѣхъ, что была за Юшкомъ за Семеновымъ сыномъ Кутѣпова, деревнею на рѣчкѣ на Вѣинѣ, что была за Копыломъ за Семеновымъ сыномъ Останова, починкомъ Олфера Бушмина, что сталъ послѣ писма,—да въ Боровскомъ уѣздѣ въ Щитовѣ старымъ же ихъ помѣстьемъ деревнею Русановымъ, деревнею Скольковымъ, что къ ней же припущена, да въ Коломенскомъ уѣздѣ въ Каненскомъ стану полупустошью Кишкинскою да полупустошью Толстиковымъ, полудеревнею Агѣевымъ,

---

[1]) Въ ркп.: *какъ* (вм. *кому*)

[2]) Въ ркп.: *помѣсныя*.

да въ Каменскомъ же стану полуслободкою Семеновскою въ помѣстье со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу и къ деревнямъ и къ починкомъ изстари потягло. И хто у нихъ въ томъ селѣ и въ деревняхъ и въ починкахъ учнетъ жити людей, и наши намѣсницы тульскіе и коломенскіе и боровскіе, и волостели, и ихъ тіуни тѣхъ ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, а вѣдаютъ и судятъ тѣхъ своихъ людей Истома з дѣтьми сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣсной и (sic) тѣмъ ихъ людемъ зъ гороцкими людьми или съ волостными, и намѣсницы наши и волостели и ихъ тіуни тѣхъ ихъ людей судятъ, а Истома з дѣтьми, или ихъ приказщикъ, съ ними жъ судятъ, а присудомъ дѣлятца на-полы. А кому будетъ чего искати на Истомѣ и на его дѣтехъ, или на ихъ приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь великіи, или мой бояринъ введеной. Писанъ на Москвѣ лѣта 7052-го апрѣля въ 11 день.

А у подлинной великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи грамоты вислая красная печать приложена.

При родословной росписи Сухотиныхъ, родосл. столб. № 92 склейка 9. Копія съ этой копіи въ кн. Герольдм. конторы къ № 241 лл. 779—780.

№ 145.—1545 г. мая 25.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича Мих. Вас. Верхдеревскому на село Озерецкое въ Перевицку Рязанскаго уѣзда.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь велики Иванъ Васильевичь всеа Русіи, пожаловалъ есми Михаила Васильевича Верхдеревского въ Резанскомъ уѣздѣ въ Перевицку селомъ Озерецкимъ въ помѣстье з бортными угожаи, и съ рыбными ловлями, и со всѣми угодьи, что къ тому селу истари потягло. И хто у него въ томъ селѣ учнетъ жить людей, и наши намѣсницы перевицкіе и ихъ тіуни тѣхъ ево людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбою съ поличнымъ, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей Михайло самъ во всемъ, или кому прикажетъ. А случитца судъ смѣстной тѣмъ его людемъ з городцкими людьми или съ волостными, и наши намѣсницы перевицкіе и ихъ тіуни тѣхъ ево людей судятъ, а Михайло или ево прикащикъ съ ними жъ судитъ, а присудомъ дѣлятца на-полы. А кому будетъ чего искати на Михайлѣ или на его прикащикѣ, ино ихъ сужю язъ, князь великиі, или мой бояринъ введеной. А оброкъ Михаилу съ того села

и съ ухожьевъ и со всѣхъ угодей платить на мой Дворецъ по книгамъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7053 маия въ 25 день.

У подлинной назадѣ пишетъ:

Князь великиі Иванъ Васильевичь всеа Русіи.

У подлинной жа грамоты печать.

При родосл. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, столб. родосл. № 160 склейка 12.

№ 146.—1545 г. октября 16.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича Васюку да Ивану Карандашевымъ на галицкія ихъ деревни.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь великіи Иванъ Васильевичь всеа Росіи, пожаловалъ есми Восука да Иванка Ивановыхъ дѣтей Корондашева, что мнѣ били челомъ, а сказываютъ, что-де у нихъ въ Галицкомъ уѣздѣ въ Тушебинѣ стану и въ Каликинской волости въ Бушневѣ, и въ Глозуновской волости деревни: деревня Ваганово, деревня Круглышово, деревня Вислоухово, починокъ Косоноговъ, деревня Доръ, починокъ Подаря, деревня Доръ (sic), починокъ Лабосъ, и на тѣ-де деревни и на починки была у нихъ отца нашего великого князя Васильева жалованная грамота отъ намѣсниковъ несудимая, и тое-де у нихъ грамоту взяли казанскіе татарова и деревни-де ихъ воевали и въ полонъ поимали. А что-де осталось въ ихъ деревняхъ достальныхъ крестьянишекъ, и тѣхъ-де ихъ крестьянъ наши намѣсники продаютъ, и они де бѣжатъ розно. И мнѣ бъ ихъ пожаловати, дать имъ своя грамота жалованная отъ намѣсниковъ несудимая. И язъ, князь великіи, Василья да Ивана Карандашевыхъ пожаловалъ—далъ есми имъ сю грамоту жалованную несудимою. И хто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ и въ починкахъ учнутъ жить людей и крестьянъ, и наши намѣсницы галицкіе и ихъ тіуни и мои великого князя тіуни Василья да Ивана и тѣхъ ихъ людей крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, и кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, и не всылаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаютъ и судятъ своихъ людей и крестьянъ Василей да Иванъ сами во всемъ, или кому прикажутъ. А кому будетъ до Василья и до Ивана и до ихъ людей и до крестьянъ какова дѣло, ино ихъ сужу язъ, князь великіи, или мой бояринъ введеной. Дана грамота на Москвѣ лѣта 7054-го году октября въ 16 день.

А у подлинной грамоты пишетъ:

Князь великіи Иванъ Васильевичь всеа Росіи.

Въ концѣ у грамоты печать приложена вислая на красномъ воску.

При родословной росписи Свиньиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 721 обор.—722.

№ 147.—1546 г.—Грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича о пожалованіи Никитѣ Карамышеву новгородскаго города Курска въ кормленіе.—Подтвержденіе этой грамоты въ 1548 и 1549 гг.

Списокъ з грамоты.

Се язъ, князь великиі Иванъ Васильевичь всеа Русиі, пожаловалъ есмы Микиту Өедоровича Карамышева въ [своей] отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ городомъ Курскомъ подъ . . . . ево Михайломъ въ кормленіе и съ мытомъ и съ пятномъ. [И вы, всѣ] люди того города, чтите его и слуш[айте, а онъ васъ] вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ во [1]) всемъ по тому, какъ прежъ сего было.

[А поза]ди пишетъ: Князь великіи Иванъ Васильевичь.

На той же грамотѣ написано:

Князь великиі Иванъ [Василь]евичь всеа Русиі по сей грамотѣ пожаловалъ Микиту [Өедоро]вича Карамышева, перепустилъ ему городъ Курескъ на др[угой] годъ сряду до Николина дни осенного лѣта 7056. [А подпи]салъ великого князя діякъ Бода . . . . . сынъ Карачовъ [2]).

На той же грамотѣ [пишетъ]:

Царь и великиі князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи по сей грамотѣ пожаловалъ Никиту Өедоровича Карамышева, перепустилъ городъ Курескъ сряду на третей годъ до Николина дни осеннего лѣта 7000 пятьдесятъ седьмаго. А подписалъ діякъ Иванъ Елиозаровъ сынъ Цыплетевъ.

Печать вислая на красномъ воску, помята [3]).

При родосл. росписи Карамышевыхъ. родосл. столб. № 93, склейка 6.

---

[1]) Вмѣсто обычнаго *о* (*о всемъ*).

[2]) Вѣроятно, Карачаровъ. Имя и фамилія дьяка написаны по скобленному мѣсту; отчества не хватаетъ: рукопись въ этомъ мѣстѣ выгнила.

[3]) Рукопись очень ветха и многія слова съ правой стороны отгнили.

№ 148.—1546 г. —Грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича курскимъ торговымъ людямъ о томъ, чтобъ впредь они не уклонялись отъ платежа мыта курскому намѣстнику Карамышеву.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Отъ великого князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Русу намѣстникамъ нашимъ князю Ивану Юрьевичу Р . . . . . скому [1]) да князю Юрью Андреевичю Оболенскому. Билъ намъ челомъ намѣсникъ нашъ съ Курска Микита Ѳедоровъ сынъ Карамышевъ о томъ, что за нимъ наше жалованье городъ Курескъ [2]) съ мытомъ, и нынѣ-деи торговые люди ѣздятъ съ товаромъ торговати, что-деи вы ѣздите изъ своихъ городовъ съ товаромъ, а мытъ-деи курской, которой по (sic) Щербовѣ, объѣзжаютъ пасу (sic), а иные-де объѣзжаютъ . . . ходъ, а иные-деи пробиваютца сильно, а Микитинымъ мытчикомъ мытныя пошлины не платятъ, и въ томъ у него наше жалованье, мытная пошлина, теряетца. И вы бъ, торговые люди, ѣздили на курской мытъ на Щербовской прямо по старинѣ и мытную пошлину Микитинымъ мытчикомъ платили. А которые васъ торговые люди поѣдутъ на тѣ объѣзды, и вы бъ на тѣхъ объѣздѣхъ Микитинымъ мытчикомъ мытъ платили по тому жъ, какъ на Щербовскомъ мыту, чтобъ у намѣсника нашего мытная пошлина не терялося; а будетъ [3]) изъ васъ, торговые люди, пошлины не заплатитъ, или изъ нихъ проѣдутъ сильно, и изъ за тѣми велѣлъ ѣздити Микитинымъ мытчикомъ въ Русу, а въ Русѣ на нихъ намѣсники наши доправливати мытъ и проторъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7054-го.

Назади у подлинной грамоты пишетъ:

Князь великіи всеа Руси.

Печать у подлинной грамоты на черномъ воску, помята немного.

При родословн. росписи Карамышевыхъ, родосл. столб. № 93 сплейки 14—15.

---

[1]) Вѣроятно, *Ромодановскому*: въ это время въ этой фамиліи былъ какъ разъ кн. Иванъ Юрьевичъ. *Кн. Долгоруковъ*, Дворянск. родосл. книга, ч. II, стр. 49, № 15.

[2]) Пригородъ новгородскій. См. также грамоту № 147.

[3]) Здѣсь, вѣроятно, пропущено слово *кто* или *которые*, хотя изъ ркп. этого и не видно.

№ 149.—1546 г. января 26.—Полѣтная грамота великаго к Ивача IV Васильевича о разрѣшеніи вдовѣ Пелагеѣ Глѣбовнѣ Кл ковой съ дѣтьми въ теченіи пяти лѣтъ платить долгъ сво кредиторамъ безъ роста.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь великиі Иванъ Васильевичь всеа Росиі, пож валъ есми въ Костромскомъ уѣздѣ въ Іедомеской волости Пал Глѣбову дочерь Карповскую жену Клишкова, мстиславца, да ее д Степанка да Митку да Ивашка, что мнѣ била челомъ, а сказы что-де мужъ ее Карпъ былъ сей весны на моей службѣ и пріѣхал съ службы боленъ, и нынѣ-де его въ животѣ не стало, а послѣ-д жена да дѣти въ долгу остались, а съ собою онъ писалъ въ тѣ балы жену свою и дѣтей и опричныхъ людей, и они-де въ томъ должали по кабаламъ, и безкабально, и по переводнымъ записям по поручнымъ записямъ, и тѣ-де должники (sic) на нихъ того д правятъ, а имъ-де того долгу платить нечѣмъ. И мнѣ бы ихъ въ т долгу пожаловати, дать имъ своя грамота жалованная полѣтнея— тить бы имъ тотъ долгъ своимъ должникомъ в ыстую плату (росту. И ожь будетъ такъ, какъ мнѣ Палагея била челомъ и ск вала, и азъ, князь великіи, Палагею Карповскую жену да дѣтей Степанка да Митьку да Ивашка пожаловалъ, далъ есми имъ отъ долгу сю свою грамоту жалованную полѣтную на пять лѣтъ, и в имъ пять лѣтъ тотъ долгъ свой платягь своимъ должникомъ вы (sic) в уплату безъ росту. И намѣстницы наши костромскіе, и волост и ихъ тіуны, и праведчики, и довотчики въ томъ долгу на поруки и ихъ поручниковъ, которые ихъ для писаны въ кабалы и безкаба и въ записи, не даютъ и тотъ долгъ у нихъ не правятъ, а нед шики наши московскіе въ томъ долгу на поруки ихъ не даютъ и сроковъ на нихъ не наметываютъ до тѣхъ урочныхъ лѣтъ. Дана мота на Москвѣ лѣта 7054-го генваря въ 26 день.

Назади пишетъ: Князь великиі Иванъ Васильевичь всеа Рус

Печать вислая на красномъ воску.

На оборотѣ: Подлинную грамоту Александръ Дмитреевъ с Клишковъ къ себѣ взялъ, а къ сему списку я, Александръ Клишк руку приложилъ.

При родосл. росписи Клишковыхъ, столб. родосл. № 36 склейк

II.

МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

А. И. Яцимирскій.

ПОСЛАНІЕ ИВАНА БѢГИЧЕВА

О

ВИДИМОМЪ ОБРАЗѢ БОЖІЕМЪ.

По ркп. XVII вѣка собранія А. И. Яцимирскаго.

Печатано подъ наблюденіемъ **А. И. Яцимирскаго.**

Посланіе Ивана Бѣгичева открыто въ одномъ изъ Сборниковъ нашего собранія [1] и представляетъ собой интересный и до сихъ поръ неизвѣстный памятникъ полемической литературы.

Поводомъ къ написанію Посланія послужило слѣдующее обстоятельство. Иванъ Бѣгичевъ, авторъ Посланія, во время охоты бесѣдовалъ на религіозную тему съ неизвѣстнымъ покуда для насъ лицомъ, къ которому впослѣдствіи и было написано Посланіе. Собесѣдникъ Бѣгичева между прочимъ говорилъ, что, когда Господь сообщалъ Моисею законъ, то Самъ сошелъ на гору и бесѣдовалъ съ пророкомъ лицемъ-къ-лицу „и показа ему Господь задняя Своя",—при чемъ понималъ онъ послѣднія слова Библіи буквально. Тогда Бѣгичевъ — по его собственнымъ словамъ—„дерзнулъ прекословіемъ пресѣщи глаголы своего собесѣдника и высказалъ мысль, что слова эти слѣдуетъ толковать иносказательно, такъ какъ — понимая ихъ буквально — слѣдуетъ говорить о воплощеніи Бога въ видимый образъ; а скорѣе всего это былъ посланный Богомъ ангелъ. Такое объясненіе не понравилось собесѣднику и онъ сталъ обвинять Бѣгичева предъ другими и уже заочно въ уклоненіи отъ православія. Чтобы освободиться „отъ нахожденія брани и клеветы", Бѣгичевъ пишетъ своему бывшему собесѣднику Посланіе, гдѣ примѣрами и текстами изъ Св. Писанія и выдержками изъ твореній свв. отцевъ доказываетъ свою правоту, развиваетъ высказанную во время бесѣды мысль свою дальше и даже отрицаетъ возможность того, что Богъ когда-нибудь принималъ видимый образъ.

Такимъ образомъ, интересенъ уже самъ по себѣ тотъ фактъ что между двумя свѣтскими лицами, во время охоты, возникаетъ споръ на религіозной почвѣ и въ немъ затрагивается чисто-догматическій вопросъ, разрѣшаемый неодинаково даже авторитетами, и что споръ этотъ имѣлъ по себѣ важныя послѣдствія; дѣло въ томъ, что въ од-

---

[1] Рукопись изъ собранія *А. И. Яцимирскаго*, по инв. катал. № 38. Пріобрѣтена въ Москвѣ. Описаніе ркпси ниже.

номъ мѣстѣ Посланія Бѣгичевъ самъ говоритъ, что ему могла грозить смерть не только душевная, но и тѣлесная.

Оставляя въ сторонѣ чисто-литературную работу надъ этимъ памятникомъ, слѣдуетъ остановиться на слѣдующихъ двухъ вопросахъ.

Первый вопросъ—личность автора Посланія. Свое имя и фамилію авторъ скрылъ въ тайнописи, читаемой въ концѣ Посланія; выходитъ—Иванъ Бѣгичевъ. Обращаясь къ справкамъ, мы находимъ нѣсколько лицъ съ такимъ именемъ и той же фамиліей; по большей части они служилые московскіе люди преимущественно второй четверти XVII вѣка. Вотъ списокъ этихъ лицъ:

I. Иванъ Кузьмичъ Бѣгичевъ — московскій дворянинъ. Въ 1618 году посланъ въ Ярославль для сбора ратныхъ людей къ осадѣ [2]. Въ 1620—1622 гг. Иванъ Кузмичъ былъ въ Холопьѣ приказѣ вторымъ судьей [3]; но есть достовѣрное извѣстіе, что онъ служилъ еще и въ 1624 году вмѣстѣ съ княземъ Никифоромъ Яковлевичемъ Мещерскимъ [4]. Въ томъ же году онъ былъ посланъ въ посланникахъ въ Царьградъ, но по пути былъ убитъ сыномъ крымскаго хана [5].

II. Иванъ Ивановичъ Бѣгичевъ—патріаршій стольникъ въ 1627—1629 гг. и царскій стольникъ въ 1636—1640 гг. Въ 1643 году бѣжалъ въ Литву [6].

III. Иванъ Алферьевъ Бѣгичевъ—московскій дворянинъ въ 1627—1640 гг. [7].

IV. Иванъ Васильевъ Бѣгичевъ—калужскій городовой дворянинъ въ 1627—1629 гг. [8].

V. Иванъ Микулинъ Бѣгичевъ—патріаршій стольникъ въ 1629 г. [9]

VI. Иванъ (по отчеству неизвѣстно) Бѣгичевъ—строитель Ряжскаго острога по старой городовой осыпи въ 1632 году [10].

VII. Иванъ (по отчеству неизвѣстно) Бѣгичевъ—воевода подъ начальствомъ князя Д. М. Пожарскаго, въ качествѣ выборнаго дворянина изъ Калуги участвовалъ въ избраніи царя Михаила Θеодоровича [11].

---

[2] Акты Московскаго Государства, т. I, СПб. 1890 г., стр. 204.

[3] *П. Долгоруковъ.* Россійская родословная книга, ч. IV, стр. 318.

[4] Книги Разрядныя, т. I, стр. 1037.

[5] *П. Долгоруковъ.* Россійская родословная книга, ч. IV, стр. 318.

[6] Боярскія Книги Моск. Архива Мин. Юст. Указатель. I отд. М. 1853 г.

[7] Тамъ же.

[8] Тамъ же.

[9] Тамъ же.

[10] Акты Московскаго Государства, т. I, стр. 374.

[11] *П. Долгоруковъ.* Россійская родословная книга, ч. IV, стр. 318.

Трудно рѣшить, былъ ли одинъ изъ семи приведенныхъ въ нашемъ спискѣ лицъ авторомъ Посланія, но одинъ намекъ въ самомъ Посланіи даетъ возможность предположить, что авторомъ Посланія могъ быть Иванъ Кузьмичъ Бѣгичевъ. А именно, въ Посланіи Бѣгичевъ говоря, что его теперь безстудно поносятъ и клевещутъ на него безъ правды, вспоминаетъ о какой-то ссорѣ своей съ собесѣдникомъ, которому Посланіе и было написано: „Преже, государь, сего — говоритъ онъ — во оны нѣкія мимошедшая времена, отъ нынѣ уже дальнаго растоянія, егда многая моя неистовства и досады обрѣтены быша предъ тобою, и въ той часъ достоинъ быхъ азъ всякого злаго мздовоздаянія пріяти отъ тебе; и тогда таковаго оклеветанія не яви на мя, каковую нынѣ уста твоя умножаютъ злобу и языкъ твой сплетаютъ на мя лесть. Тогда же ничто возможно ми было отвѣщевати противу тебе или чимъ оправдитися, неукорства своего ради и скудоумнаго буесловства и дерзости“ [12]. Въ тоже время извѣстно, что въ **1620** г. Иванъ Кузмичъ Бѣгичевъ указанъ былъ въ Холопьѣ приказѣ въ товарищахъ съ Семеномъ Михайловичемъ Колтовскимъ, но онъ билъ челомъ, „что ему Семена Колтовскаго менши быти не мочно“. Колтовскій жаловался на Бѣгичева, обвиняя его въ безчестьи. За это бояре приговорили Бѣгичева посадить въ тюрьму, а выйдя оттуда быть по прежнему государеву указу въ Холопьѣ приказѣ [13].

Нѣкоторыя указанія могла бы дать фамилія адресата Посланія, но Бѣгичевъ его нигдѣ не называетъ по имени и только изъ отдѣльныхъ выраженій можно заключить, что Бѣгичевъ былъ подчиненнымъ своего собесѣдника, хотя къ подобнымъ выраженіямъ слѣдуетъ относиться осторожно, въ виду того что многія изъ нихъ — общія мѣста, обычныя въ такихъ литературныхъ произведеніяхъ. Одно только есть прямое указаніе въ Посланіи, а именно, говорится, что собесѣднику принадлежала вотчина, носившая названіе „Черная Грязь“ [14]. Несомнѣнно всѣ эти данныя могутъ дать рѣшеніе вопросу о личности собесѣдника Бѣгичева.

Второй вопросъ—время написанія Посланія, которое есть основанія отнести къ XVII вѣку, и скорѣе всего ко второй его четверти. Во первыхъ — рукопись, въ которой издаваемое Посланіе открыто, средины XVII вѣка; слѣдовательно написано оно не позже этого вре-

---

[12] Рукопись собр. *А. И. Яцимирскаго*, инв. кат. № 38, л. 149 и об.

[13] Книги Разрядныя, т. I, стр. 727—728.

[14] Рукопись таже № 38, л. 152. Съ такимъ названіемъ существуетъ много мѣстностей и селъ въ Московской губ., Смоленской и др.

мени. Во вторыхъ—всѣ лица, носящія имя и фамилію автора Посланія, фигурируютъ во второй четверти XVII вѣка. Въ третьихъ — въ Посланіи два раза упоминается „ставбникъ“ адресата, нѣкто Никифоръ Воейковъ съ товарищи; повидимому это указаніе самое цѣнное. О немъ мы находимъ такія свѣдѣнія. Никифоръ Прокофьевичъ, сынъ стародубскаго воеводы (1617 г.) Прокофія Семеновича Воейкова, началъ свою службу при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и въ Разрядныхъзаписяхъ значится стольникомъ. Онъ ходилъ съ царемъ въ село Суково, а въ 1644 г. былъ, повидимому, во Владимирѣ и Ильинкахъ. Въ 1684 г. онъ былъ воеводой на Корачѣ, а въ литовскомъ походѣ былъ головой въ грилецкихъ сотняхъ государева полка [15]. Наконецъ, есть на то же и косвенныя указанія въ самомъ текстѣ Посланія, напримѣръ, слѣдующія слова: „и всѣ вы кромѣ *баснословные повѣсти*, глаголемыя еже *о Бовѣ Королевичѣ*, и мнящихся вами душеполезные быти, иже изложено есть отъ младенецъ, иже *О курѣ и О лисицѣ* и о прочихъ иныхъ таковыхъ же баснословныхъ повѣстей и *смѣхотворныхъ писмъ*,—божественныхъ книгъ и богословныхъ дохматъ никакихъ не читали [16]. Несомнѣнно, только въ XVII вѣкѣ можно было говорить объ этихъ литературныхъ произведеніяхъ, какъ о чемъ то хорошо извѣстномъ и употреблять заглавія ихъ, какъ нарицательныя несерьезнаго чтенія. Правда, съ перваго взгяда другія слова въ самомъ же Посланіи могутъ нѣсколько поколебать нашъ взглядъ на время написанія Посланія и отнести его къ болѣе раннему времени. А именно, говоря объ ересяхъ, Бѣгичевъ упоминаетъ ересь жидовствующихъ и называетъ ее „*ново*-явльшейся“; но слѣдуетъ припомнить, что съ такимъ же опредѣленіемъ она встрѣчается въ словахъ Іосифа Волоцкаго, по которымъ ересь главнымъ образомъ и была извѣстна; къ тому же Бѣгичевъ только противоставляетъ ее ересямъ первыхъ временъ. Еще одно косвенное указаніе на время написанія Посланія могутъ дать слѣдующія слова его: „изволи воззрѣти и узрѣвъ прочести и благоразсудивъ истолковати отъ начала и до конца вкратцѣ себѣ наединѣ покойнѣ мѣстѣ, *во время благополучно*“ [17]. Возможно, что въ то время, когда Бѣгичевъ писалъ посланіе, происходили какія-нибудь военныя дѣйствія и собесѣдникъ его участвовалъ въ нихъ. Конечно, и такой намекъ можетъ дать какое-нибудь указаніе при болѣе тщательномъ изученіи этого новаго литературнаго памятника.

---

[15] Матеріалы для исторіи рода Воейковыхъ, Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, отдѣльн. папка.

[16] Рукопись таже, № 38, лл. 156 и об.

[17] Тамъ же, л. 150.

Въ Посланіи своемъ Бѣгичевъ приводитъ сравнительно богатую литературу по одному только весьма спеціальному вопросу, при чемъ провѣрка нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ имъ свидѣтельствъ съ подлинниками показала, что онъ пользовался первоисточниками, но излагаетъ по большей части своими словами, сжато и всегда удачно. Интересно, что выраженіе Библіи, разъясняемое Бѣгичевымъ въ Посланіи, толкуется по большей части прообразовательно; такимъ образомъ, и это обстоятельство говоритъ въ пользу автора. Это выраженіе въ нынѣшнихъ текстахъ Библіи читается такъ: [18] „Егда же прейдетъ слава Моя... и отиму руку Мою, и тогда оузриши задняя Моя: лице же Мое не явится тебѣ“ (Исх. XXXIII, 23). Преп. Ефремъ Сиринъ такъ толкуетъ эти слова: „Симъ иносказательно предвозвѣщается, что Церкви дано будетъ рукоположеніе священства. И узриши задняя Моя. Здѣсь говорится о вочеловѣченіи Еммануила и возвѣщается лицезрѣніе Того, Кто по божескому естеству Своему невидимъ“ [19]. Одинъ изъ русскихъ толкователей такъ понимаетъ эти слова: [20] „Если Моисею позволено увидѣть имѣющаго явиться въ чувственномъ образѣ Господа сзади, въ тылъ, это значитъ, что блескъ славы Божіей, ослѣпительный и убійственный для зрителя, сосредоточенъ будетъ собственно въ передней или лицевой части этого образа, особенно въ очахъ Его; въ задней же сторонѣ блескъ этотъ будетъ довольно умѣреннымъ, такъ что Моисею можно будетъ безопасно взирать на Него“ [21].

---

[18] *Гезеніусъ* переводитъ это существ. der hintere Theil. *D. Wilhelm Gesenius.* Hebräisch-deutsches Handwörterbuch. Leipzig. 1810, t. I, p. 23; posteriora mea—Вульгата.

[19] Творенія преп. Ефрема Сирина, въ русск. переводѣ, ч. 6-я. М. 1888 г., кн. 3-е, стр. 506.

[20] *Нечаевъ Василій прот.* Толкованіе на Паремін. М. 1876 г., стр. 335.

[21] Изъ западныхъ толкователей отмѣтимъ слѣдующихъ. *Cahen* понимаетъ эти слова какъ тропъ, такъ какъ, говоря о безконечномъ, абсолютномъ, духовномъ, стараются сохранить тѣ термины, которыя относятся къ предметамъ конечнымъ, матеріальнымъ. Этотъ видъ тропа,—говоритъ онъ,—которымъ метафора часто пользуется, бросаетъ на эту науку нѣкоторую тѣнь, которую встрѣчаютъ даже въ сочиненіяхъ нашихъ современниковъ, писавшихъ на нашемъ родномъ языкѣ; насколько же темнѣе должна быть эта темнота, когда писатель употребляетъ нарѣчіе, которое было мертвымъ семь вѣковъ до нашей эры и грамматика котораго не восходитъ далѣе вѣка Карла Великаго. Поэтому, мы каждому предоставляемъ свободу разыскивать въ этой фразѣ метафорическій смыслъ. Ученикъ Канта можетъ видѣть здѣсь невозможность, установленную его учителемъ, относительно познанія Бога, именно невозможность доказать его

Такого же мнѣнія Бѣгичевъ и относительно другихъ словъ Библіи. А именно, онъ высказываетъ своему противнику такую мысль: если съ Моисеемъ говорили ангелы, то тѣ же ангелы говорили и съ Авраамомъ, когда Господь явился ему въ трехъ лицахъ у Мамврійскаго дуба. Бѣгичевъ говоритъ, что тайна словъ этихъ велика и понимать ихъ онъ можетъ только вѣрою, такъ какъ понимая ихъ буквально выходитъ, что Господь сошелъ съ небесъ и воплотился. Интересно опять, что и этотъ вопросъ рѣшался богословами неодинаково. Такъ св. Амвросій говоритъ, что Аврааму явились всѣ три лица прес. Троицы [22]; св. Августинъ не сомнѣвается, что то были три сотворенные ангела, въ которыхъ Богъ былъ познанъ только какъ въ Своихъ пророкахъ; свв. Іустинъ, Ириней, Тертулліанъ и Іоаннъ Златоустъ признаютъ въ числѣ трехъ странниковъ — двухъ ангеловъ сотворенныхъ и второе Лице пресв. Троицы [23]. Бѣгичевъ говоритъ далѣе, что еретики дерзнули „рещи, яко со двема ангелома явися Богъ Аврааму", а за такое суемудріе прокляты и анаѳемѣ преданы были. Очевидно, онъ здѣсь указываетъ на жидовствующихъ, отвергавшихъ троичность Божества, а правильный взглядъ беретъ у Іосифа Волоцкаго, посвятившаго первую главу Просвѣтителя всестороннему разсмотрѣнію этого библейскаго разсказа.

Въ заключеніе приводимъ описаніе рукописи, въ которой Посланіе это нами открыто.

существованіе a priori. Намъ кажется вѣроятнымъ, что священный писатель не расчитывалъ на такую тонкость. Розенмюллеръ находитъ аналогичную мысль у Гомера. Поэтъ заставляетъ говорить Аякса: „Я позналъ бога (Нептуна) по слѣдамъ его ногъ; боговъ очень легко распознать" (*S. Cahen*. Cours de lecture hébraique, Paris. 1815, p. 157). Авторъ „Священной Исторіи" *Реуссъ* объясняетъ эти слова также въ переносномъ смыслѣ. „Отвѣты сводятся вотъ къ чему: для Моихъ возлюбленныхъ Я дѣлаю все, что могу. Я поставлю мою красоту (т. е. то, что человѣкъ можетъ видѣть изъ божескаго), и въ то же время Я произнесу Мое имя, чтобы ты зналъ, что это Я нахожусь близъ тебя. Смертный не видитъ *лица* Божія (т. е. существа въ самомъ себѣ); онъ видитъ его только *сзади* (т. е. по его дѣламъ, по всѣмъ его проявленіямъ, именно, способомъ не прямымъ, а посредственнымъ)... Въ остальномъ то, что здѣсь называется *лицомъ* (личностью) Бога, въ другомъ отношеніи было названо проявленіемъ (а не ангеломъ). *Edouard Reuss*. L'Histoire Sainte et la Loi t. II. Paris. 1879, p. 92, nota 2.

[22] De Abraham. libr. I, c. 5.

[23] *Филаретъ архіеп*. Записки. 1867 г., стр. 120—121.

Сборникъ средины XVII вѣка, въ четверку (21×16 смм.), на 72 листахъ, писанный скорописью, по 17-ти строкъ на страницѣ.

Составъ Сборника: 1) Полемическій трактатъ противъ лютеранъ. аглавіе въ ркпси: „Избрано отъ многихъ божественныхъ писаніихъ неудобь-познаваемыхъ въ нихъ лежащихъ вещехъ, о нихъже нынѣ редъявлено да скажемъ“ (л. 1).

Нач. Кто бѣ ми бесѣда и стязаніе о словеси, проповѣдниче Мартиновы вѣры. Вопрошаю тя азъ, ты же ми отвѣщай: единова-ли Господь Богъ нашъ Исусъ Христосъ сніде на землю...

Православный задаетъ лютеранину рядъ вопросовъ, предупреждая твѣты опроверженіемъ тѣхъ доводовъ, которыми лютеранинъ могъ бы ащищаться. Затѣмъ, изложивъ вкратцѣ папское ученіе объ индульенціяхъ и исторію жизни Лютера, авторъ излагаетъ основные взгляды ютеранъ и разбиваетъ ихъ. Говоря въ концѣ трактата о почитаніи вятыхъ и мощей ихъ, авторъ приводитъ въ свидѣтельство болѣе чтимыхъ русскихъ святителей Москвы, Новгорода, Ярославля и Казани. Кромѣ книгъ Св. Писанія, авторъ ссылается на Многосложный Свитокъ (л. 25 об.) и греческую Хронику; между прочимъ въ трактатѣ оворится, что православные молятся „прежде за царя, потомъ за патріарха“ (л. 5).

2) Толкованіе I гл. Евангелія отъ Іоанна (стт. 1—17) (л. 32).

Нач. Здѣ убо евангелистъ предвозвѣщаетъ сыновне предвѣчное ожество, яко искони прежде міра не бысть Сынъ и Слово Божіе...

3) Степени родства (л. 41), въ кружкахъ, безъ собственныхъ менъ; приписка болѣе поздняя.

4) Грамоты восточныхъ патріарховъ—Ѳеофана Іерусалимскаго и ерасима Александрійскаго—, присланныя къ Московскому патріарху Филарету по поводу Собора о исправленіи иноческаго Требника (л. 2). Предъ грамотами—разсказъ о пребываніи патр. Ѳеофана (въ ркпси еофила) въ Москвѣ и бесѣда его съ патр. Филаретомъ, въ 1620 г. *Макарій митр. Исторія русской Церкви, т. XI, стр. 10—19.*

5) Собраніе астрономическихъ и метеорологическихъ статей (л. 3): о поновленіи индикта, „о громогласнѣ шибаніи“ [24], „о громѣхъ о молніихъ“ („срящутся облацы и, сотворше сраженіе другъ со дру-

[24] „Егда громъ гремитъ, глаголи сіе“ (л. 65 об.):
„Высокій Царю, ходяй во грому, обладаяй молніями, призываяй воду морю и проливаяй на лице всея земля дождь, о великій и страшный Боже, ъ суди врагу діяволу“.

гомъ, гроготъ испущаютъ со огнемъ"), „о денницахъ" (опровергается мнѣніе, что падающія здѣзды—лукавыя мытарства), „о облачныхъ знаменіихъ", „о молніяхъ", „о созданіи видимомъ", „о небеси" (въ концѣ статьи—Премудраго Георгія Писида Похвала Богу о сотвореніи всея твари), „о широтѣ и долготѣ земли" (отъ востока до запада—25 темь стадій, отъ сѣвера до полудня—12 темь), „о стадіехъ и о поприщехъ" (стадій=100 саженямъ, поприще=750 саженъ), „о земномъ устроеніи" (опровергается мнѣніе, что земля стоитъ на семи столбахъ и носится по водамъ), „о еже колико отстоитъ небо отъ земли" (365 темь поприщъ), „о трусѣ", „о четырехъ стихіяхъ", „о четырехъ моряхъ" [25], „о

---

[25] „О четырехъ моряхъ" (л. 84):

„Четыре моря суть въ мірѣ. Едино убо есть отъ Псоглава и раздѣляется отъ земля тоя и идетъ посредѣ Египта и Едема, простирается же ся и идетъ ко Индіи и раздѣляетъ Индію на полы и достизаетъ даже до окіянскія рѣки, обходящія вся земля, и на концы индійскаго моря смѣшается со окіяномъ онѣмъ; на томъ бо мѣстѣ имать окіянъ островъ въ ширинахъ его, нарицаютъ же ся Маккавей, а изъ матицы же ради таковые вины. Евсевіе нѣкто именемъ многописецъ и многовѣдецъ человѣкъ видѣвъ островы оны, и восхотѣ поити тамо, яже въ нихъ видѣти, малу ладію сотворивъ отъ костей легкихъ и вшедъ внутрь, поплы, еже поити ко островомъ онемъ. Приплы же и приближися тамо, слыша гласы поющая во островехъ и ужасеся отъ гласовъ и отъ гладкихъ иѣ ній и не возмогъ болѣ тамо пойти отъ достодивныхъ онѣхъ пѣній, яко трепетенъ возвратився вспять, не возмогъ внити тамо. Тогда нарече островъ Макаріе Иазматики; того же Евсевія нарекоша плавателя индійскаго, занеже сотвори во индійскихъ странахъ. Сіе же море нарицается Чермное, сего ради перстъ бо чермна есть и вода его видится чермна; сего ради Чермное море наречется; вода же его нѣсть чермна, но чиста видѣніемъ подобна есть всякимъ водамъ. Друзіи же паки Чермнымъ наричютъ, занеже человѣкъ нѣкій тамо живяше именемъ Чермный, и отъ человѣческаго именованія и море Чермное наричютъ; занеже чермности рыгати, отнюду бо множайшія ненависти бываютъ. Въ томъ бо Чермномъ морѣ бываетъ бисеръ множества и, како бываетъ, слыши. Въ томъ мори суть чашуля сирѣчь шиванды и пины наричются; сія убо пины стоятъ на примори на краю Чермнаго моря. Кояждо имъ имяше уста своя отверста, еже внити что снѣдно въ пищу ей, стоящи же той имяше уста отверста. И бывающимъ тамо частымъ и великимъ молніямъ множицею, якоже преже рѣхомъ, уста ея отверста и вмѣщается молніина сила во внутрь шивандъ онѣхъ, и та убоявшися затворяетъ чрепины своя и молнія входитъ въ зѣница очесемъ ея и содѣловается бисеръ. И тако бываютъ бисери, яко же бо сице тамо бываютъ бисери. Тѣмъ же и Пречистая Марія образомъ пречищена бывши отъ всякія скверны; пришедши бо божественная молнія съ небеси Сынъ и Слово Божія, вмѣщъся ко Пречистую Богородицу Марію, безцѣненъ бисеръ отъ нея бысть, с

овіянстей рѣцѣ" (изъ хожденія Макарія Римскаго), „о теплыхъ водахъ", „о облакахъ", „о градѣхъ", о названіяхъ вѣтровъ.

6) „Посланіе старца Арсенія Троецкаго по написаніи словъ, еже чинъ имать къ болярскому лицу; таже пишемъ сказая свое дѣло" (л. 92).

Нач. По государеву приказу и по грамотѣ государевѣ пріѣхавъ въ монастырь, правили книгу Потребникъ, колько нашего худого разума стало...

Посланіе старца Арсенія Глухого къ боярину Б. М. Салтыкову о исправленіи иноческаго Требника; издано Д. Скворцовымъ. Діонисій Зобниновскій. Тверь, 1890 г., стр. 421—441.

7) Посланіе Ивана Бѣгичева (л. 149).

8) „О вдовствующихъ попехъ и дьяконехъ, — преподобнаго игумена Іосифа Ламскаго-Волочка, самобывшаго на томъ соборѣ, собрано отъ священныхъ правилъ" (л. 176).

Нач. И отлучаемыхъ и изверженымъ же быти отъ Церкви отъ сего Собора священникомъ неимущемъ жены; и мнози глаголютъ, аще нѣцыи въ зазорѣ суть, тѣхъ подобаетъ отврещи...

Древняя Россійская Вивліоѳика, ч. XIV, стр. 206—210; Булгаковъ Н. А. Преп. Іосифъ Волоколамскій. СПБ. 1865 г., стр. 82—86 и др.

9) „Преніе второе выписано съ книги Дамаскиновы, въ немъже описуется Гаданіе христіянина съ сарацыниномъ или зъ магмейтаномъ" (л. 184).

Нач. Аще бы вопрошенъ былъ отъ сарацынина, кто есть Христосъ, — отвѣщай ему: Слово Божіе; а не мни собѣ, иже бы еси согрѣшилъ, понеже и Словомъ нарицается въ Писаніи...

За вопросами слѣдуютъ отвѣты, при чемъ иногда дается нѣсколько готовыхъ опроверженій на нѣсколько предполагаемыхъ отвѣтовъ могаметанина. Темой для полемики служатъ самыя высокія богословскія истины. Оканчивается трактатъ такими словами: „Сарацынинъ зѣло удивившися и премолкше, отъиде ничесоже прикладаючи тому инаго".

10) Толкованіе Евангельскаго изреченія: „Въ дому Отца Моего обители многи суть" (Іоан., гл. XIV, ст. 2).

Нач. Что же и кои обители—есть убо обитель любовна...

11) „Блаженнаго Аѳанасія архіепископа Александрѣйскаго къ Антіоху князю о многихъ нужныхъ взысканіихъ, иже во священныхъ

немъ же писано есть: бисера отъ божественныя молнія рождьшу и премудръ есть купецъ той, иже отдаетъ вся елика имать и купитъ самого Христа, истиннаго бисера и довлѣетъ о семъ".

писаніихъ недоумѣнныхъ, должныхъ всѣми православными христіани вѣдомы быти“ (л. 192), въ вопросахъ съ отвѣтами.

Нач. Первѣе убо вѣровавше и крестившеся во святую...

Греч. въ Синод. Моск. Библ. № 114 и др. Владимиръ архим. Системат. Описаніе. ч. I. М. 1894 г. стр. 108. Monfaucon. Opp. s-ti Athanasii, t. II, p. 161, Migne. Patrolog. s. g. t. XXVIII, pp. 598—700.

12) „Святаго Генадія патріарха Константина града—О дузѣ небеснѣй, яко подобіе Божіе есть“ (л. 258).

Нач. Дуга есть образъ Божія подобія, якоже въ человѣцѣ...

А. Н. Поповъ. Библіографическіе Матеріалы, XV—XIX. Хронографъ Чудова мон-ря, стр. 16—17.

13) „Посланіе Василія архіепископа новгородскаго ко владыкѣ тверскому Фодосію —о раю, въ лѣта ѕѿнг-е (т. е. 1345), глава 223 (л. 264 об.).

Нач. Василіе, милостію Божіею архіепископъ Великаго Новаграда...

Степенная книга. М. изд. Миллера, стр. 480 и слѣд. Полн. Собр. Лѣтоп. т. VI, стр. 87—89. Макарій митр. Исторія русской Церкви. т. V, стр. 156—158 и др.

Въ концѣ рукописи—записи скорописью XVIII вѣка (л. 272 об.):

Сия книга Колъского острога са(л)дата.

Сия книга глаголемая Соборъ на Мартина мниха еретика.

Сия книга Кѣмского городка жителя Гаврила Посникова.

А. И. Яцимирскій.

ПОСЛАНІЕ ИВАНА БѢГИЧЕВА

(…ску изъ Сборника собранія А. И. Яцимирскаго, № 38-й, лл. 149—175).

…ногомилостивому государю моему имркъ рабъ милости твоей и … неотступной искатель великого твоего жалованья, падъ ли… …а землю, много челомъ бьетъ. Много, государь, покушахся о …іи сея полезныя намъ вещи днесь предложеннаго ти сего пи… …но не вѣдехъ, откуду начати і что сотворю, да паки обрящу …ть твою к себѣ. Егда воспомяну твою, государя моего, пре…ную премногую милость и благоприятьство незлобивое, тогда … всячески творити, свобожденія ради своего отъ находящия … клеветы. Егда же ли воспомяну твой нововоздвизаемый гнѣвъ …ное поношеніе і безъ правды еже на мя оклеветаніе, трепетну … ужасно сердце имѣю; страхъ бо лютъ і многъ обьят мя, да …ечное зло найпаче получю і паки обрящуся бестуденъ и дер…; а нынѣ же, смѣя і не смѣя, дерзнухъ к тебѣ, государю сво… …сати отъ своего скудоумия малое сие писаніицѣ, елико вразуми …ви мя Богъ изобраті отъ многа мало и сочиніти і на среду …ті. И предаю днесь на восприятіе честныхъ рукъ твоихъ і … твоея благости, дабы ты, государь мой, не возгнушався изво… …зреті нань очима своима милостивымъ возреніемъ. Аще ли …нусно ті будетъ жестосердия раді твоего, то воспомяну сие: … небесное солнце во вся смрадная і нечистая мѣста зритъ, …ъ не оскзерняется, такоже и ты изволи возрѣті и узрѣвъ про… … благоразсудне истолковаті отъ начала и до конца вкратце … единѣ покойнѣ мѣсте, во время благополучно, и потомъ …свободиті отъ нововоздвизаемаго гнѣва своего і негодованія …уднаго поношенія и безъ правды еже оклеветанія. Преже, го… … сего во оны нѣкия мимошедшая времена, отъ нынѣ уже даль… …астоянія, егда многая моя неистовъства и досады обрѣтены … предъ тобою, и въ той часъ достоинъ быхъ азъ всякого злаго …зданія прияті отъ тебе, і тогда таковаго оклеветанія не яви

на мя, каковую нынѣ уста твоя умножаютъ злобу і языкъ твой
таютъ на мя лесть. Тогда же ничто возможно ми было отве
противу тебе или чимъ оправдитися, неукорства своего ради и
умнаго буесловства и дерзості, и вмѣсто гнѣва своего самъ а
вѣсть свою много обличая и конечне зазирая, самъ себе ос
нынѣ же ні единоя вины своея предъ тобою обрѣтаю. А ты же
нынѣ доволно поносиши мя предъ людми і великъ соблазнъ в
полагаеши, і не обинуяся яросте своей и не убоявся Бога, возв
лукавая на душу мою, каковаго лукавства и злодѣяния во мн
древнихъ еретіцехъ искони не обрѣтеся, істінваго мя и суща і
вѣрна христіяніна и раба Божия, чисто сердца і искренне люб
по вѣре же, смѣю рѣщи, і недруга врагомъ Божнімъ. А ты, гос
льстцемъ суща мя быті вменяеші, и благодатнаго і непорочна
кона істинныя нашея християнския вѣры отступніка, и во всемъ
быті христіанства представляеши, і неповиннаго на смерть душ
и тѣлесную безъ искушенія і истязанія не обинуяся осуждае
тѣмъ въ поносъ і во укоризну единовѣрнымъ братіи моей пре
мя и негодованіе злое і ненависть во вся человѣки вмѣщаеші
голеши на мя языкомъ льстівымъ і словесы ненавістными: обли
мя, яко в день нѣкий слышалъ ты отъ меня таковые богоху
глаголы, будто я возмогъ тако рѣщи, что Божие на землю схо
і воплощеніе не было, а что ні было, то все дѣйство ангелс
то, государь, извѣстно Содѣтелю нашему Богу, иже іспытая сер
утробы і несодѣланная наша видятъ очи Его, потомъ же тобѣ,
дарю, самому вѣдомо, что я тому невиненъ і таковаго словес
нечно безумия исполненаго не говаривалъ і ты отъ меня та
хулы не слыхалъ. И о сеі настоящей напасті внезапу приключ
гося зла ей ей воістинну мятется умъ мой і колеблется помы
зѣло не возмогу достовѣрно іспытаті и увѣриті, откуду ми се та
зло прииде і за какую вину мою тако облыгаеши мя, и коне
безумия исполнена являеши мя, и воздаеши зло за благость мо
себѣ і ненависть за возлюбленіе мое, і не токмо что единому
поругаешися, но и самъ клеветнікомъ и лжесвидѣтелемъ быті
бишися. Но о единомъ о семъ помалу доумѣваюся, воспомина
егда с тобою азъ шествовахомъ изъ вотчины твоей зовомыя Ч
Грязь на ловъ звѣрескъ, тогда ты изволилъ бесѣдоваті со мн
путі и сказоваше ми отъ Бытейскихъ книгъ втораго Изсхода, як
восхотѣ Богъ даті законъ Моисеові, и тогда сніде самъ Богъ на
и бесѣдова со пророкомъ лицемъ к лицу, и показа ему Богъ з
своя,—і тогда азъ дерзнухъ прекословиемъ пресѣщи глаголы т

ти: коя нужда Богу бесѣдовати к людемъ и явитися Самому, кромѣ
каго смотрения? Возможно бо есть і ангела послаті, да тоже
риті по воли Его. І развѣе, государь, за едино то, что я дер-
въстрѣшно молвить, таковымъ гнѣвомъ своимъ подвигся на мя,
овые богохульные глаголы возводишъ на мя и безъ правды ок-
анъ азъ есмь отъ тебе, и таковаго злотворства и возбѣшения и
ъ мой никогда не входило, потому что азъ есмь рабъ істиненъ
и Сына і Святаго Духа, и чистою душею и не сумѣннымъ
емъісповѣдую единосущную Троицу Бога Отца, Бога Сына,
Святаго Духа, не трехъ боговъ, но едінаго Бога в трехъ лицехъ,
хъ іпостасѣхъ, Троицу во единицы и единицу в Троицѣ, едино
тво і едину силу і едину власть и царство и едину волю и едино
вяніе отъ всея разумныя твари, рекше отъ ангелъ і правовѣр-
человѣкъ, і исповѣдавіе православныя вѣры, преданная намъ
ми отцы святыхъ вселенскихъ седми Соборовъ, чистѣ и непре-
соблюдаю, ничтоже прилагающи іли отъемлющі, глаголя сице:
ю во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли,
ымъ же всѣмъ и невідимымъ—и вся прочая по ряду. А иже в
ихъ лѣтехъ явлено безумныхъ самохвальныхъ богомерзскихъ ере-
перваго Арія і Несторія и Сергия і Павла Самосадцково и
а и Македония и Диоскора і потомъ Новгородцкихъ, иже в
нихъ вѣцехъ возбѣсившихся: Ѳедька Курицына і протопопа
ѣя и прочихъ всѣхъ стаибниковъ ихъ, иже мудрствовавшихъ бе-
и Христа Бога нашего проста человѣка і тварию, а не твор-
мнѣша быти и плоть Его бездушну, и рѣша себѣ на погибель,
мѣсто души божество во плоті было, и иний же возбѣсившеся и
ла)ша, яко и воплощения не было і плоти не восприя Господь,
въ трубу утробою девичею дѣйство Божие пройде і вмѣсто
привидѣніе и мечты мнѣша, и прочая иная богомерская и хуль-
ѣла ихъ, иконоборжество отъ таковыхъ изъявися,—і таковыхъ
, иже преже тѣхъ і с тѣми и по нихъ, со всѣми ихъ вра-
ми козньми, чисто душею и не сумѣннымъ сердцемъ проклинаю
еме предаю не возвратно и сущихъ враговъ Божиихъ мню до-
но тѣхъ быті, безъ всякия своея хитрості. Мнѣ самому да не
ако творити, ни помышляті, но гнушатися; і аще ли же кто мя
оклеветалъ или самъ немилостивно мниші по нѣкоему злому при-
нию, что я сокровенно держу таковое зло въ сердцы моемъ,—
же ти представляю Творца и Бога моего і Господа Исуса Хри-
пречистую Богородицу и святыхъ небесныхъ силъ безплотныхъ
го и славнаго пророка і Предтечю Крестителя Иванна и святыхъ

славныхъ и всехвальныхъ апостолъ і святыхъ пророкъ и святітелей і преподобныхъ и праведныхъ и всѣхъ святыхъ, на ся неложносвидѣтелей і порутчиковъ, яко многогрѣшенъ есмъ чѣловѣкъ и нѣсть того грѣха, егоже не сотворихъ, но кромѣ того единаго, яже ты возводишь на мя, ей ей воистинну неповиненъ есмь таковому безумию и злотворству. И аще ли же не исповѣдую Бога моего и Господа Исуса Христа, во двою естества совершенна Бога и совершенна человѣка кромѣ грѣха,—тогда бы я наслѣдникомъ сподобился быти погибели таковыхъ, иже тако творящимъ выше сего помянутымъ еретикомъ, проклятому Оригену с товарыщи, и с ними за трудъ свой едіну мзду восприять отъ Бога. А что, государь, во время бесѣды твоея въ чемъ прекословилъ тебѣ, и то, государь, и нынѣ мнитъ ми ся быти істинно дѣйству ангельску, а не самого Бога, во время яже быша явления Мойсѣю на горѣ предъ сыны Израилевыми, и того, государь, і нынѣ не отмещуся; долженъ есмь и еще истязатися с тобою, дондеже истинну увѣмъ или и тобя на то же превращу, а безъ истязания многаго глаго(ло)мъ твоимъ невозможно повинутися и на своемъ крѣпко стояти и вѣриті имъ того ради, что я человѣкъ простой и учился буквамъ единемъ, дабы могъ прочести и написаті нужды своея раді, и якобы мощно душа моя грѣшная спасти, а дальнего ничего не разумѣю и с мудрыми философы и со истинными рачители, иже искусни и благоразсудни во божественныхъ писаниихъ, никогда не бесѣдовалъ; понеже о плотнемъ угодии и непрестанно пекуся, а о душевномъ нимало, во всемъ плотская, а не духовная, содѣваю. Писано бо есть, яко, аще кто о плотнемъ угодии пекийся, той сихъ духовныхъ словесъ не можетъ істинно разумѣти. Въ книзѣ же Деонисиеве Ареопагита пишетъ, яко нѣсть навыкнуті божественная писания, аще не будетъ первѣе грѣхомъ отпущенія получиті. І не дивно бо есть, что і погрѣшиті ми в таковыхъ скудоумия моего раді и небреженія, но диво то, яже ты поносишь і оклеветаеші мя, не только отъ глаголющихъ мною, но и своя горші прелагаеши умышления, а самъ нимало отчасти іскусенъ въ божественныхъ писаніихъ і стаивники твоя: Никифоръ Воеиковъ с товарыщі,—сами онѣ с выеденое яйцо не знаютъ, а вкупѣ съ тобою на мя роптаті не стыдятся. И все вы, кромѣ баснословные повѣсти, глаголемыя еже о Бовѣ королевиче, и мнящихся вами душеполезные быті, иже изложено есть отъ младенецъ, иже о куре и о лисице и о прочихъ иныхъ таковыхъ же босословныхъ повестей и смѣхотворныхъ писмъ,—божественныхъ книгъ и богословныхъ дохматъ никакихъ не читали. Аще лі же и дано быти отъ Бога преболе иныхъ знати, то уже достоитъ всякому премудру насъ неискусныхъ учити і вразумляти не буестию

и не злосердъствомъ и не оклеветаніемъ безъ правды, но благостию, и быти кротку и милостиву і не зазорну и безъ гнушания нелестно глаголати. І аще о чемъ кто преткнется, якоже и азъ, подобает бо первое істязатися с нимъ со многимъ опаствомъ, а не в смѣхъ и не во укоризну, и подобаетъ своя истинна явиті преже, да то же инемъ уста загражати; а иже мнѣ отъ приключившихся тобою нынѣ, и то воистинну не богоугодное дѣло и человѣкомъ ненавистно суть. Нынѣ же колю, государь мой, твоея благостi, благоволи помиловатi мя: удержи языкъ свой отъ зла и устнѣ твои, еже не глаголати на мя лсти, уклонися отъ злословия и сотворi, яже благо намъ будетъ обоимъ: первое—не оклеветай мя, второе—еже изъяви ми, гдѣ обрѣлъ еси достовѣрно писано, кромѣ Бытейския книги, яко Самъ Богъ схождаше на гору бесѣдовати с Моисеомъ и показа задняя Своя. Аще ли же только на томъ на единомъ стоиши и до днесь, то подобишися дѣтищу младу, во училищи бывшему и отъ учителя наставляему в первыхъ буквъ іменование, и образы узрѣша к леностi своея ради и младоумия о единехъ тѣхъ препинаяся, и дале поступити не хощетъ, попросту же рѣщи: выуча азъ да буки, а прочихъ не требуетъ; — тако воистинну подобенъ еси. І ты сему глаголеши едино видѣхь писано, яко бесѣдова Богъ лицемъ к лицу, а прочихъ инѣхъ выше и ниже писанныхъ в той же Бытейстей книге и во иныхъ богословныхъ не зриши и не внимаеши і, не толико самому ти не внемлющу, но и возвѣщающихъ ти істинну и вразумляющихъ довольно поноси укоряеши и безъ правды нань клевещеши, якоже во Евангелии глагола Господь: горе книжникомъ, яко взясте ключь разумѣнія, сами не внидосте и входящимъ возбранисте. Азъ же Бога благаго благостию, по даннѣй ми благодати отъ Господа моего Исуса Христа, иже отъ божественныхъ писаніихъ извѣстивше вся, елико слышахомъ и разумѣхомъ,-не терплю к тому, еже ти не извѣстити по богословныхъ подвображенняхъ и на сие сказание яко мощно да пройдемъ, да будетъ же нынѣ намъ словесъ уставъ предопределенъ, еже истинну намъ свазоватi о Бозѣ глаголемыхъ не в покорятельныхъ премудрости человѣческия словесѣхъ, но во указанiи духодвижныя отъ богословецъ сали. Сего же радi божественныи апостолъ глаголетъ: предаждь, рече, вѣрнымъ человѣкомъ, иже довольны будутъ і иныхъ научити, аще ли угодно будетъ ти, внемли; аще ли и не угодно, да язъ необинуяся обинуяся обличю тя истинною. Много же отъ богословецъ обрѣтохъ преданная намъ святая ихъ писания, в немъже сицево есть благословие: Богъ бѣ присно и есть і будетъ паче же есть присно, прежде бо всѣхъ вѣкъ і надо всѣми вѣки і вѣкомъ Творецъ вели-

кий, крѣпкий, непостижимый, пресвѣтлыи, вышеразумныи, присноживыи, пресущественныи, неизреченное реченное і недовѣдомое и безимѣнное существо, безплотенъ і бѣзоимѣненъ, Богъ есть Духъ весь, око весь, слухъ весь, разумъ весь, ничимъ же обвершися, ни на мѣсте уставляется, ни умомъ постизается, существо Божие просто, несложно, ни сѣдитъ, ни стоитъ, присно движимо і всемощно, непремѣнно сущо і нетребующе отъ насъ ничтоже: не ино, і ино паче же иного, но еже в Себѣ и о Себѣ и у Себѣ Собою, единъ начатокъ безначаленъ, ни начатъ, ни кончаемъ, ни мѣримъ, ни довѣдомъ присно, не созданъ, ни уставенъ, ни умомъ постиженъ, ниже словомъ изреченъ, Богъ совершенъ, нетлѣненъ, безвреденъ, не извратенъ, Самъ в Себѣ и Самъ Собѣ достизаетъ, всеѣ высоты свыше і всего величества болше—і, аще мысленныя высоты возводятъ, и то всуе трудится: не к чему прилѣпитися і во глубину разума не на чемъ стати;—ни качественъ, ни каличественъ, не объемлемъ, не преложенъ, ни обмыслимъ, всѣхъ естесътвеныхъ словъ превозходя, иже сый присно сый, и прежде сый и вездѣ сый, і вся исполняя, невидимое і неизмѣнное присно сущее существо, иже присно суще присно сущимъ, і безсмертія безсмертнымъ, невидимымъ невідімыи і неизреченнымъ неизреченныи. Святый же Иваннъ Златоустъ глаголетъ: Богъ живый во свѣте неприступне, к немуже нѣсть приступа ни прихода. Преподобный же отецъ Иваннъ Дамаскинъ: Бога человѣкомъ неудобь видѣти, наньже не смѣютъ і чини ангельстии зрѣти. Соборне же о всѣхъ апостолъ і евангелистъ Иоаннъ Богословъ во Евангеліи, во 2 зачалѣ написа: Бога въ божествѣ никтоже нігдѣже не видѣ. І по всему бо убо недостойно смѣти рѣщи, ниже разумѣти что о пресущественемъ и сокровенномъ божествѣ, в неяже намъ отъ священныхъ словесъ изъясненыхъ, еже бо паче слова и ума и существа того во пресущественное художество да налагается и не убо глаголется и святѣйшее существо при Бозѣ. Всякого бо существа превыше лежитъ Господь, ни едино что отъ сущихъ сый, но паче сущихъ и отъ него вся сущая і существо же глаголется отъ еже быти, а еже быти привидѣния нѣкоего мысль подписуетъ, по семъ же и слѣпымъ мощно есть разумѣти, яко не только задняя или предняя при Бозѣ глаголати і мнѣти, но и единыя части немощно есть, не только тѣлеснымъ окомъ зрѣти, но и разумнымъ ни мало уразумѣти. А ты дерзаеши тако рѣщи, яко Моисей задняя Божия видѣлъ, а уже видѣлъ, то будетъ уже отъ части божества видѣлъ. І тако умаление божеству будетъ евангельская и апостольская проповѣдь і сие слово неистинно явится, яко евангелістъ пишетъ: Бога в божествѣ никто-

игдѣже видѣ, а по реченному отъ тебе, то уже Моисей видѣлъ,
начала и до нынѣ много ересей насѣялъ врагъ в человѣцехъ.
ковые злые и безумные ереси нигдѣ не обрѣтеся, что уже бо-
о видимо и домыслимо і по семъ же отъ неразумия своего и не
жденния ты самъ, государь мой, имрекъ, і станбницы твои: Ни-
ъ Воейковъ с товарыщи—люди буи, а не мудры являетеся і
ѣ себе сами искусныхъ быти, сирѣчь много знати, в божествен-
писании, а я тому никакъ вѣры нейму. Аще ли же о семъ
абаешися и прилагаеши к Мойсеову видѣнию, иже видеши на
къ и на иконахъ, яже при Бозѣ изображены и во всѣхъ святыхъ
иіхъ глаголются руце и нозѣ и очеса и вся прочая уды, яже и
овѣцѣ, то подобаетъ намъ оставиті глаголы о Бозѣ, да прейдемъ
не, яже при безтѣлесныхъ невидимыхъ ангельскихъ силахъ вся
ая уды зримъ изображены, но не отъ существа ихъ, но отъ
ѣческихъ, сия же по насъ вина тѣмъ пресущественнымъ суще-
ъ да налагается, а не истѣйшее.

О семъ же святыи Деонисий Ареопагитъ Аѳинейский епископъ,
икъ святаго апостола Павла, в книзѣ своей въ главѣ 15 зѣло
ено яви, азъ же отъ многа мала представляю ти сицѣ. Почто
вѣкообразны наздаваются ангели, но и человѣкообразнѣ тѣхъ на-
ютъ? Умнаго и еже к высиръ имѣти зрителныя силы; и еже об-
правостное и простое; есть же і по коемждо, яко мню, тѣлеснаго
го многочастия, очесъ убо изъявляти силамъ, еже к божественнымъ
омъ чистѣйшее внимание; і паки, еже гладъкое і водное і не-
ретное, остродвіжное и чистое и распростертое безстрастнѣ подъ-
богоначальныхъ осияніи. А еже обоняніи разсудительныя силы,
паче ума благоюханнаго преподания, якоже мощно восприятное
е не таковыхъ в художствѣ разсудительное и со весма отбѣга-
ое. А еже ушию силы, сирѣчь слухъ, еже причастное и разумнѣ
емителное богоначалнаго вдохнутия; а яже вкусныя, сирѣчь
еже умныхъ пищъ исполненіе, еже божественныхъ і питатель-
излитии подъемительное. А яже осязательныя, сирѣчъ руцѣ,
естественнаго или вредительнаго в художествѣ разумительное.
ди же и брови—еже богоприятныхъ разумѣніи хранительное,
ость же и юношескій возрастъ—еже возращательные живителныя
. Зубы же—еже раздѣлительное вдаемаго пищнаго совершения, ра-
же і мышца и паки руки—еже творительное и дѣиствительное и
ое; сердце же знамение быти боговидныя жизни, свою животную
благовиднѣ в промышляемая розсѣвающия. Перси же паки изъ-
і хранительное животворнаго преподачия, плещи же—еже собра-

тельное оживляемыхъ всѣхъ силъ, ноги же—еже двизательное и скорое и текущее на божественная шествительнаго присноднвиженія. Тѣмъ же и пернатие богословие святыхъ умовъ изообрази ноги, крило бо изъявляетъ возводителную скорость и небесная еже и выспрь пути творное, еже всякого нижняго за горѣносное изято; крилъ же легкость—еже по ничесомъ же земляное, но все несмѣсие и тягостнѣ на высоту возводимое. А еже нагостно и не обувенно—еже отпущенное и благоразрѣшенное и неодержимо, очищая отъ внѣшняго приложенія, і еже къ простотѣ божественно, якоже мощно, уподобляемое. И паки реку: есть же и по коемждо, яко мню, тѣлеснаго нашего многочастия образы прикладныя изообрѣсти небесныхъ силъ. I по семъ мощно разумѣти, яко в сихъ естествословится свойство тѣлеснаго ока; по возвожденин сия прилагаетъ, якоже и протчая человѣческихъ удъ, в видѣнче яже во ангелехъ естественныхъ силъ *). Тако же и о божествѣ разумѣти есть и яже при немъ—во многомъ святыхъ писанияхъ ізообрящении, якоже и ты выше сего рѣхъ: задняя и предняя и протчая уды, да не описанъ Богъ по божеству—описанъ по человѣчеству. А иже прежереченная твоя словеса слышахъ, яко ты по Мойсеову видѣнию претыкаяся, и мнѣ тѣмъ уста загражаеши, а яко уже глаголеши: с Мойсеомъ ангели бесѣдоваша, то и со Авраамомъ, егда явися ему Богъ въ Троицѣ, ангели же дѣйствоваша, и азъ же не имамъ прочее, что отвещевати о семъ, велика бо есть словесѣ сего тайна, не возможно бо ни мало рѣщи, и ни разумѣти. Пишетъ бо, яко явися Богъ Аврааму въ трехъ лицехъ, и азъ же сие долженъ есмь вѣрою почитати, а не испытаниемъ: понеже бо вещь та ни къ чесому же ко иному не прикладна суть, кромѣ единаго того, иже сшествия Божия с небесъ и воплощения. Тамо бо малая обитель Авраамова Бога вмѣсти, Егоже и вся тварь вмѣстити не можетъ: подобно же сему и утроба дѣвича пространнѣе небесъ бывъ и Бога вмѣстити возможе. Еретицы же дерзнуша рещи, яко со двема ангелома явися Богъ Аврааму, и за таковое суемудрие проклятн и анаѳеме предани быша, и таковой ихъ погибели позавидѣть нечего.

Того ради, яко аще кто восхощетъ возрѣти в самый кругъ солнца, не толико что вяще узритъ, но и паче омрачится; и аще ли же не увѣришися в сихъ и речеші, а яко уже не самъ Богъ с Мойсеомъ бесѣдова,—то да почто такъ было і писаті, и коея раді вины таковая разнь обрѣтается в писанияхъ? Азъ же истинну представляю ти,

*) Выписки изъ Д. Ареопагита ср. въ Велик. Мин. Чет. м. Макарія по изд. Археогр. Комм. Окт. ст. 363—367.

яко ни единые разни и несогласия нигдѣ не обрѣтается, но яко во множествѣ струнъ сочланеніе и согуждение едино, тако и в божественномъ писании ничто же стропотно, ни развращенно, но вся права суть разумѣвающимъ истинну и здрава обрѣтающимъ разумъ и разньстьва никогдаже не обрящется, но всегда наше младоумие и неискуство обрѣтается. Азъ же ти не человѣческимъ умысломъ, но отъ тѣхже святыхъ писаний вся представлю. Потребно же убо есть, яко глаголетъ великий Аѳонасий, иже божественное писаніе хотящимъ разумѣти, прежде подобаетъ истязовати со многимъ опаствомъ. Сего же раді и божественный апостолъ глаголетъ, яко писмя умерщвляетъ, а духъ живитъ, сирѣчь: аще кто не по писмени разумѣваетъ сокровенная въ божественномъ писании, сего убо духъ живитъ, не разсуждая же сия и по писмени разумѣвая, сего убо писмя умерщвяетъ, сирѣчь убиваетъ; того раді во многия ериси впадаютъ, якоже и нынѣ мнози пострадаша отъ таковаго недоумѣния. Тако же и ты, (г) мой таркъ, не претыкайся о семъ единемъ, яже видѣхъ писано, яко глагола Богъ с Мойсеомъ лицемъ к лицу, и не стой на единой нозѣ, да не явишися построменъ и всюду зыблемъ, но приступи и на вторую и пойді далее, да увѣси і искусившися, і к тому не будеші младъ разумъ имѣти, но невѣдѣниемъ младенство дати, и обрящеші во иныхъ писаніихъ божественныхъ ино есть сокрыто, а во инѣхъ таяжде писания откровена, да по сему не будетъ в нихъ распря. Есть бо писано в книзѣ Бытейстей въ I главѣ о сотвореніи мира, ейже начало сице: Искони сотвори Богъ небо и землю; потомъ же наведъ: и духъ Божий ношашеся верху воды. Мнози жъ отъ невѣдения, яко же ты (г) и станбицы твои, инии же отъ злохитръства глаголютъ, яко то есть речено о пресвятѣмъ Дусѣ Божии; святиі же отцы нашi Василий Великий, Григорей Богословъ і Иваннъ Златоустый всѣ согласно разрѣшаютъ таковое безумие и въ писаніихъ своихъ предаша намъ, яко то речено бысть не о святѣмъ Дусѣ, но о воздусѣ, иже шешествиямъ своимъ творяше вѣтръ, и сей же верху водъ ношашеся, сирѣчь повѣваше. Такоже і о семъ подобаетъ увѣритися. Еще же ино представлю ти. Пишетъ же во пророчествахъ во Исаии и во Езекѣиле и Даниле пророцехъ, яко видѣша многая видѣния Божия страшная, но и паче изящнее и достовѣрнее Мойсеова, не во зрацѣ и не на горѣ в пещерѣ и мимоидуща Бога, но самые небеса отверсты и Господа сѣдяща на престолѣ во славѣ страшнѣ и крѣпцеі силѣ, со тмами ангелъ окрестъ Его предстоящихъ, якоже свидѣтельствуетъ писаніе. Во Исаии же пророце пишетъ въ 6 главѣ, еиже начало сицѣ: И бысть в лѣто, в неже умре Иозия царь, видѣ Господа Саваоѳа

сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесене, и полнъ домъ славы Его и сараѳими стояху окрестъ Его, 6 крилъ единому и 6 крилъ второму; двема убо покрываху лица своя, и двема же ноги, и двема лѣтаху и взываху, другъ ко другу глаголаху: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь вся земля славы Его. И посланъ бысть к нему единъ отъ сераѳимъ; в руцѣ имяше угль горящъ, егоже взятъ отъ алтаря, и прикоснуся устомъ пророка и рече ему: се прикоснуся устомъ твоимъ и отвержени будутъ грѣхи твоя; и слышахъ гласъ Господень, глаголющъ: кого послю илі кто пойдетъ к людемъ симъ. Иная многая бесѣдова Богъ ко пророку Исайи, якоже к Мойсею, не яко посланный, но Самъ послатель. Во Езекѣили же пишетъ во главѣ 1-й, ейже начало: И бысть въ 30-е лѣто въ 4-й мѣсяцъ въ 5 день мѣсяца видѣхъ видѣние Божие: бысть на мнѣ рука Господня, и воздвижеся вѣтръ и грядѣше отъ сѣвера, и облакъ великъ в немъ и свѣтъ окрестъ Его и огнь блистаяйся, и посредѣ Его, яко видѣние чистого пруда [1] средѣ огня, и свѣтъ в немъ и посреди, яко подобия четырехъ животенъ. И се видѣние, иже яко видѣніе человѣческо, и четыре лица единому и 4 крила единому и стегнѣ ихъ правы и пернаты ноги ихъ и искры блистающаяся, яко мѣдь, и легцы крилѣ ихъ, и рука человѣча подъ крилу ихъ о 4-хъ странахъ ихъ, и лица ихъ и крылы ихъ четырехъ держащеся другъ друга, лица же ихъ 4 не обращахуся внегда ходиті имъ кождо прямо лицу ихъ хождаху. І подобие лица ихъ лицѣ человѣче, и лицѣ лвово одесную четыремъ, и лицѣ тельче ошуюю 4-мъ, и лицѣ орле і иная многая подобия ихъ, како хождаху и како простерты крила ихъ и яко углие и свѣща и видѣніе Везеково, и како коло и колеса сопряженѣ держащеся хождаху. Потомже видѣхъ, яко подобие сапѳира и подобия престола на немъ, и на престолѣ подобие и образъ человѣчь и видѣние, яко пруда чистаго, яко видѣние огнено в немъ и свѣтъ окрестъ, отъ видѣния же чреслъ и выше даже и до долу видѣхъ видѣние, аки огня, и свѣтъ окрестъ его, яко видѣние дуги, егда есть на облацехъ в день дождя; и се видѣніе подобия славы Господня. И видѣхъ и падохъ ницъ и паки воздвиженъ быхъ, и слышахъ гласъ глаголющъ (на поляхъ: реченъ): се глаголетъ Адонай Господь; и прочая и иная многая обрящеші—тако же бесѣдова Іезекѣиль, яко Моисей и Ісаия. Пишетъ же и в Даниилѣ пророцѣ, яко видѣхъ 4-хъ звѣрь, исходящихъ изъ моря, и каково подобие ихъ и дѣйство; потом же престоли поставлены видѣхъ и ветхаго деньми сѣдяща, и одежда Его бѣла и

---

[1] Илектра.

власы главы Его, яко волна чиста, и престолъ Его, яко пламы огненни колеса Его огнь паля и рѣка огнена течаше предъ Нимъ, и тысяща тысящъ служаху Ему і тмы темъ предстояху пред Нимъ. И книги отверзошася и видѣхъ на облацехъ небесныхъ, яко Сынъ человѣчь идый бяше и до ветхаго деньми дойде, и дастся Ему честь и слава царство и власть вѣчная. Многая же и іная страшная и чюдная зѣло видѣша пророцы и о тѣхже ихъ всѣхъ видѣніихъ соборне въ книзѣ Деонисеве въ главѣ 13 о небесномъ священноначалии, въ четвертомъ толку противу лежащаго, Никита Ираклийский, не обинуяся твоего роптанія, зѣло явственно яви, сице глаголя: „Знаменай, сирѣчь вѣдати подобаетъ, яко божественная пророкомъ видѣния надстоящий и(мъ) ангелъ глаголетъ творящия в мечтанія приводітъ мнящихся видѣті, гадания бо и образы, а не убо же наги, сирѣчь прости или істинни вещі и существо зрѣху“ *). И аще силенъ еси, (Т) имркъ, иди и сварися з Деонисіемъ и съ Никитою; аще ли же не возможешъ единъ, то возми станбина своего имркъ, а меня (Т) столко не стало, что с ними за то бранится.

И въ той же главѣ той же Никита Ираклийский пишетъ: „Зриши ли, яко научаваше и ангелы откровениемъ пророки сицѣ творяху, возводяше тѣхъ первообразнѣ убо на Бога, иже всѣхъ достойну виновнаго, вторичне же—на иже по Бозѣ первые умове,“ **) сирѣчь на серафиско видѣние; понеже бо близь Бога предстоятъ. И по семъ разумно есть, яко и с Мойсеомъ ангелъ бесѣдова, и аще ли же не увѣришися в сихъ и паки речеши, яко невозможно ангелу тако глаголати отъ лица самого Бога и Богомъ себя и законоположителемъ именовати,—то уже противенъ еси богословцемъ. А мнѣ с тобою і по готову дѣлать нечего; итакъ будеши упрямъ, а не прямъ. Пишетъ же во вторыхъ книгахъ Мойсеовыхъ Исходъ во главѣ 3-й, ейже начало силево: Мойсей же бяше пасый овца у Ѳоора тестя своего священніка Мадиамска, и гнаше овца в пустыню, и прийце в гору божию Хоривъ, явижеся ему ангелъ Господень во пламени огненне из купины. И видѣхъ, яко купина горяше огнемъ и не згараше. Рече же Мойсей: мимошедъ и вижу, что видѣние великое се, яко не згараше купина е, егда видѣ Господь, яко приступаетъ видѣти, и возва его Господь изъ купины, глаголя: Мойсей, Моісей; онъ же рече: се азъ, Господи, и рече ему Господь: Азъ есмь Богъ отца твоего, Богъ Авраамовъ, Богъ Ісаковъ, Богъ Іяковль и прочее изрекъ. Се уже зѣло явственно

*) Мак. Минеи ст. 350.
**) Ibid.

здѣ, яко ангелъ въ купинѣ явися, ангела яко самъ Богъ. Во Апокалипси же въ первой главѣ пишетъ, ейже начало: Апокалипсисъ сирѣчь откровение Исусъ Христа, иже дастъ ему Богъ показати рабомъ своимъ, яже подобаетъ быти вскорѣ, и сказа пославъ ангеломъ своимъ рабу своему Иоанну. Той же ангелъ глагола ко Иоанну: азъ есмь алѳа и омия сирѣчь начало и конецъ. И въ той же главѣ х концу вторицею глагола ангелъ: азъ есмь начало и конецъ и первый и послѣдний, и быхъ мертвъ и се живъ есмь во вѣки вѣкомъ, и імамъ ключа смерти и аду. И се уже зѣло явъственно да естъ, яко ангелы являшеся Мойсею в купинѣ и Іоанну во Откровениі в, бесѣдуя с ними во образѣ Бога, и показуя имъ таинство велие и Богомъ себя Авравму и Ісааку і Иякову, и начало и конецъ и первымъ и послѣднимъ, и живымъ и мертвымъ, и властелемъ смерти и аду себе нарицая. Како уже тебѣ (Г) мнитъ ти ся о семъ? Аще ли же впредь начнеші тако мудръствовати о себѣ, якоже и преже слышахъ отъ тебе глаголы, то уже не только со пророки или со святыми бесѣда божия, но и с самемъ дияволомъ бесѣдова Богъ. Яко же пишетъ въ книзѣ Иова во главѣ 1-й: въ день нѣкий прийдоша ангели божии предстати предъ Господемъ Богомъ и дияволъ прийде с ними и рече Господь Богъ ко дияволу, откуду пришелъ еси. И отвѣща дияволъ ко Господу и рече: обшедъ поднебесную и протчая многая бесѣда вопрошеніе и отвѣщаніе. Да аще кто будетъ многаго безумия исполненъ будетъ, да мнитъ, яко истинно Богъ со дияволомъ бесѣдова; аще ли же кто здравъ смыслъ имѣетъ, той же не по писмени разумѣваетъ, но плоды Духа истязаетъ со многимъ опаствомъ и глаголетъ: кая приобщина велияру со Христомъ, понеже тмою оболкъшуся дияволу невозможно къ свѣту Божию ни приближитися, зане гордости раді сверженъ с небесныхъ кругъ и к тому не взыдетъ. И аще ли же годно тебѣ, (Г) моему, будетъ, и азъ преставлю ти вину сицеву, иже еси о чемъ претыкаешіся, и твоя недоумѣнная разрѣшу. Аще ли же и неугодно будетъ тебѣ, азъ же наипаче свою истинну представлю, ты же внемли. Ничесого же иного раді в книзѣ Бытестей много сокровенно обрѣтается, кромѣ единого жестосердия раді и неистовства и безмѣрнаго невѣрьствия Июдѣйскаго. Егда же слышахомъ отъ Мойсея, яко въ день 3-й будутъ готовы и Богъ снидетъ на гору, и видѣша громи и гласи и молния и дымъ и вся страшная содѣвашеся, и видѣша, яко Богъ Творецъ небеси и земли всей видимей и невидимей твари и иже изведый ихъ изъ земля Египетския, и многая и страшная зѣло предивна чюдеса показалъ в пустыни, а безѣдуетъ на горѣ, и то все очима видятъ и ушима слышатъ,— и тогда сотворища себе телецъ и поклонишася ему и ізменища слову

Божию въ подобие телца, и забыша Бога спасающаго ихъ, и аще бы вѣдали, яко ангелъ предая законъ Моисею, то бы ни во единомъ Моисею вѣры не яли, да или и ангела бы обоготворили.

Того же раді не изволи Богъ на велицемъ древе показаті чюдо, но в купинѣ: купина же сказается кустъ, сирѣчь дробные древеса. Аще же бы на велицемъ древе, то бы сынове Израилеви сотвориша (на поляхъ: сотворили) себѣ кумиръ и поклонилися ему, и была бы новая прелесть горші первыя. Подобнѣ же сему и в сотвореніи мира пишетъ: в начало сотвори Богъ небо и землю; а еще бы преже сотворе небеси и земля, сотвори Богъ ангелы своя духи и слуги своя огнь палящъ, вкупѣ же бѣ с небомъ и землею сотвори Богъ три стихия: огнь, воздухъ, воду, Моисей же скоростию претекъ и яко малымъ и неразумнымъ дѣтемъ Июдеомъ едино сотворение небеси и земля сказа и, оставивъ, яже о ангелехъ, и стихий не именова. И аще же (г) и о семъ невозможно ти есть увѣритися, то ни каменя согрѣть, ни тобя вразумить.

Аще восхощеші увѣдати имя писавшаго, предваряетъ все сложному четверица двойцею, настоитже по сей двочисленица единицею и единица единощи, и паки к нимъ нужно быті, во всесложномъ совокупленіи седмь седмерицъ со единемъ и с пріпрежно - гласнымъ поеркомъ. По отечествию же бесчисленное писмя, и къ сему спрягается четверица со единемъ, и тройца со осмерицею, и десятица девятерицею, и дващі два со единемъ и паки двойца съ поеркомъ.

III.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

щеру и отправился къ умирающему, чтобы не проходить въ городъ на виду всѣхъ. Господь въ награду за такое смиреніе послалъ ему двухъ ангеловъ, которые съ лампадами въ рукахъ сопровождали во мракѣ монаха въ городъ. На немъ исполнились слова священнаго писанія: „унижающій себя возвышенъ будетъ“. По этому прошу васъ, братья, вооружимся добродѣтельнымъ смиреніемъ и тогда облечемся во Христа, ибо смиреніе есть основаніе всѣхъ добродѣтелей. Самъ Господь говоритъ: блаженны нищіе духомъ, яко ихъ есть царство небесное. Изгонимъ изъ сердецъ нашихъ достойное порицанія иго высокомѣрія, наказующее насъ наравнѣ съ дьяволами. Не будемъ хвалиться двухдневнымъ воздержаніемъ, подобно фарисею, унизимъ главы свои, чтобы возвысить души наши. Съ смиреннымъ сердцемъ будемъ возсылать молитвы, чтобы Господь принялъ ихъ какъ ѳиміамъ, дабы и мы вознеслись въ царство небесное ко Христу, яко Его есть слава со Отцемъ, Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Вторая бесѣда той же главы носитъ названіе: о просвѣщеніи добродѣтелью“. Поученіе иллюстрируется опять примѣромъ безпорочнаго, милостиваго, смиреннаго монаха, которому Господь за усердныя молитвы даровалъ свѣтъ въ кельѣ, при которомъ онъ могъ читать и днемъ и ночью. „Видите, братья, какъ добродѣтель вознаграждается еще въ этой жизни!“

Для удобства обозрѣнія памятниковъ грузинской письменности до XIII в. мы распредѣляемъ имѣющійся у насъ матеріалъ по слѣдующимъ группамъ: 1) памятники агіографическіе и назидательные; 2) памятники историческіе; 3) памятники собственно литературные и 4) памятники юридическіе.

а) **Агіобіографическія произведенія**, являясь по своему характеру наглядною и общепонятною формою проповѣди христіанскаго благочестія съ самаго начала христіанства въ Грузіи были любимѣйшимъ чтеніемъ народа. Онѣ составлялись и переписывались въ такомъ громадномъ количественномъ отношеніи, что ни одинъ видъ древнегрузинской письменности не можетъ сравниться съ ними по обилію памятниковъ. Прототипомъ грузинской агіобіографіи является агіографія восточная. Самое древнее житье, о которомъ мы имѣемъ свѣдѣніе, посвящено подвигамъ сына грузинскаго царя Баразъ-Бакара (379—393), Мурваноса, извѣстнаго подъ именемъ св. Петра [1])

[1]) Свѣдѣнія о св. Петрѣ сообщаютъ: Картлисъ-Цховреба, (груз. текстъ I, 102—106, на франц. яз. I, 136—141); Житья груз. свв. Шіо-Мгвимской обители“, 293—300 стр. Ср. „Житья груз. свв. въ Москв. гл. арх. иностр. д. глава „Петре-Картвели“, у *Жорданія*, Хроники, XII.—При Баразъ Бакарѣ въ Византіи царствовалъ не Ѳеодосій Мл., а Великій, по свѣдѣніямъ Михаила Сирій-

архіепископа Міумскаго. Житье св. Петра было написано ученикомъ его грузиномъ, Захаріемъ, на *сирскомъ* языкѣ, а впослѣдствіи переведено на грузинскій языкъ священникомъ Макаріемъ. Ученикъ и сподвижникъ св. мужа сообщаетъ, что въ дни греческаго императора Ѳеодосія Младшаго, сына Аркадія, племянника Ѳеодосія Великаго, произошли распри между Византіей и Персіей. Греческій императоръ побуждаемый желаніемъ предотвратить союзъ Иверіи съ Персіей, потребовалъ заложниковъ у Варазъ - Бакара, четвертаго грузинскаго царя со времени Миріана, перваго христіанскаго владѣтеля. Царь отпустилъ въ Константинополь въ качествѣ заложника Мурваноса, сына своего. По словамъ Захарія, Мурваносъ еще въ дѣтствѣ обнаружилъ большія способности и быстро овладѣлъ грамотой. Въ Греціи изучилъ языки греческій и сирскій, основательно освоился съ священнымъ писаніемъ и философіей. Оставаясь внѣ предѣловъ своего отечества, онъ прошелъ иноческій санъ и подъ именемъ Петра объѣхалъ всю Палестину, гдѣ онъ основалъ нѣсколько монастырей и страннопріемныхъ обителей, преставился на 65 году жизни—въ царствованіе императора Зенона (474—491) и погребенъ въ Іерусалимѣ, грузинскомъ монастырѣ, имъ самимъ основанномъ.

Рожденіе Мурваноса сопровождалось чудомъ. Царь Варазъ-Бакаръ былъ бездѣтенъ и горячо молилъ Господа о дарованіи ему сына. Разъ, во время вечерней молитвы, явился ему ангелъ, который, успокоивъ встревоженнаго царя, объявилъ, что у него родится сынъ, который будетъ великъ предъ Богомъ и людьми. Такъ родился Мурваносъ, по возвѣщенію ангела, подобно Самуилу и Еремію. Онъ подвергалъ себя физическимъ изнуреніямъ, носилъ грубую одежду, ночи проводилъ въ бдѣніяхъ, воздерживался отъ пищи по цѣлымъ недѣлямъ,—за эти подвиги онъ получилъ даръ исцѣлять больныхъ и творить чудеса. Когда разъ его келейникъ отказался подлить масло въ лампаду, упрекая праведника въ образѣ жизни, недостойномъ царскаго сына—самъ св. Петръ возжегъ лампаду, наполненную водою, и во всю ночь лампада такъ горѣла. Теперь является ему уже самъ І. Христосъ и, благословляетъ его на чудесные подвиги. Императоръ Ѳеодосій приставилъ стражу къ святому, но послѣдній съ однимъ привратникомъ покинулъ мѣсто заключенія и сопровождаемый свыше посланной свѣтлой колонной прибылъ въ одинъ городъ, гдѣ его подвергли новому заточенію, но ночью случилась гроза и землетрясеніе; начальнику области явился нѣкій мужъ и требовалъ освобожденія

скаго (XII в.) Петръ былъ членомъ Халкидонскаго собора (451 г.) и былъ всѣми уважаемъ, какъ ученый мужъ.

Мурваноса, угрожая въ противномъ случаѣ городу разрушеніемъ. Прибывъ въ Іерусалимъ, онъ постригся въ монахи подъ именемъ Петра Вскорѣ здѣсь онъ подвергся искушенію дьявола, но дьяволъ былъ посрамленъ, а Господь, явившись ему, обѣщалъ жизнь вѣчную. Обходя святыя мѣста, онъ творилъ много чудесъ: исцѣлялъ больныхъ, наполнялъ кувшины виномъ и масломъ, а амбары хлѣбомъ, получилъ даръ пророка и милость узрѣть Св. Духа. Предчувствуя конецъ жизни, онъ 10 дней провелъ въ молитвѣ и, пріобщившись св. Таинъ, 2 декабря преставился. Многіе получили исцѣленіе, которые успѣли прикоснуться къ его нетлѣнному праху.—Къ концу V вѣка относится житье св. Раждена († 457).

Характеръ восточной агіобіографіи отразился въ этомъ первомъ если не считать житье св. Нины [1]) агіобіографическомъ произведеніи, вошедшимъ въ составъ грузинской лѣтописи. Послѣдующая агіобіографія продолжала свое развитіе въ томъ направленіи, которое сообщилъ ей первый агіобіографъ. И чѣмъ дальше шла она по пути своего развитія, тѣмъ сильнѣе выступалъ въ ней назидательный элементъ, расширяя каждый разъ свое содержаніе на счетъ элемента исторіографическаго.

Житье св. Петра, наполненное текстами изъ священнаго писанія, составлено близкимъ къ нему человѣкомъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ". Но, въ большинствѣ случаевъ, біографія святого составлялась спустя цѣлыя столѣтія по его преставленіи, на основаніи темныхъ разсказовъ или краткихъ историческихъ записокъ о жизни святого. Таковы житья свв. Іоанна Евѳимія написанныя Георгіемъ Мтацминдели. Это обстоятельство располагало біографа наполнять свой разсказъ общими назидательными разсужденіями и похвалами святому, отвѣчающими вкусамъ читателей. По мѣрѣ затемнѣнія въ народномъ сознаніи памяти о святомъ, возрастало стремленіе пополнить недостаточность свѣдѣній при помощи устныхъ преданій—легенды и популярныхъ агіобіографическихъ образцовъ. Отсюда возникаетъ искусственно-реторическое направленіе, развившееся въ главныхъ центрахъ древней грузинской образованности: въ Палестинѣ и на Аѳонѣ. Агіографъ, вызванный на основаніи двухъ-трехъ фактовъ составить житье и чудеса святого, долженъ былъ прибѣгать къ общимъ типическимъ чертамъ. Святой подвижникъ, біографію котораго онъ писалъ, творилъ все при сверхъестественной помощи. Мѣсто, гдѣ ему

---

[1]) Житье св. Нины дошло до насъ въ рукописи IX в., хотя оно по словамъ лѣтописи, составлено очевидцами дѣяній св. просвѣтительницы Грузіи и разукрашено впослѣдствіи. Составъ этого памятника см. дальше.

нужно было создать монастырь, заранѣе обозначено появленіемъ чуднаго свѣта или указаніемъ во снѣ ангела, какъ сообщается въ житіи св. Нины при опредѣленіи пункта Мцхетскаго храма. Звѣрь ли расхищаетъ монастырское стадо, святой чудесно его укрощаетъ и свирѣпые волки, по молитвѣ св. Шіо, становятся сами бдительнымъ стражемъ, охраняющимъ монастырское достояніе. Нуждается ли братія въ источникѣ воды, по внушенію свыше, отыскивается родникъ. услащаются предметы пищи (св. Давидъ). Наконецъ, самъ І. Христосъ сходитъ съ небесъ для бесѣды со святымъ.

Въ виду этихъ соображеній, по справедливости агіобіографическія произведенія по своему характеру являются скорѣе, произведеніями литературными, чѣмъ историческими въ собственномъ смыслѣ [1]). О грузинскихъ житьяхъ можно сказать тоже самое, что писалъ Строевъ: „житія святыхъ русскихъ, въ разныя времена сочиненныя, передѣланныя и дополненныя, представляютъ богатый запасъ для исторіи общежитья мнѣній и повѣрьевъ древней Руси".

Проф. В. О. Ключевскій [2]) въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи „Житія святыхъ, какъ историческій источникъ" приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ, имѣющимъ приложеніе къ оцѣнкѣ вообще агіографическаго матеріала: 1) житія святыхъ заключаютъ въ своемъ содержаніи, на ряду съ историческимъ элементомъ, литературный, культурный и другіе; 2) количество исторіографическаго матеріала въ томъ или другомъ житіи, а равно и качественное его достоинство опредѣляются слѣдующими данными: во первыхъ, отношеніемъ біографа, къ описываемому имъ лицу (въ однихъ случаяхъ біографами являются ученики подвижниковъ, непосредственные свидѣтели ихъ жизни и подвиговъ, въ другихъ и болѣе частыхъ случаяхъ — иноки позднѣйшихъ временъ); во-вторыхъ, тѣми источниками, которыми располагалъ біографъ, (для однихъ разсказы современниковъ, для другихъ разсказы изъ вторыхъ или третьихъ устъ и, наконецъ, какія-либо записки о жизни святого); въ-третьихъ, тою задачею, которую біографъ преслѣдовалъ (сохранить дорогія для братіи окрестнаго населенія черты жизни святого, или воспѣть ему панегирикъ, состоявшій обыкновенно въ повтореніи ходячихъ фразъ реторическаго витійства). Прилагая эти критическія точки зрѣнія къ каждому житію въ отдѣльности, проф. Ключевскій приходитъ къ тому выводу, что въ

---

[1]) *Н. П. Барсуковъ*. Источники рус. агіографіи, стр. III; *Буслаевъ* Очерки рус. народ. словесности, II, 154 и слѣд; *Шевыревъ*. Ист. рус. слов. III, 57.

[2]) *Ключевскій*. Житія святыхъ, какъ историческій матеріалъ.

весьма рѣдкихъ случаяхъ житіе писалось при условіяхъ, благопріятствовавшихъ обилію въ немъ историографическаго матеріала. Вслѣдствіе ли малаго знакомства біографа съ описываемымъ лицомъ, или вслѣдствіе своихъ литературныхъ воззрѣній, историографическій элементъ въ житіяхъ святыхъ является далеко не на первомъ планѣ, уступая свое мѣсто элементу, главнымъ образомъ, литературному.

Вооружившись взглядомъ проф. Ключевскаго, легко усмотрѣть, какъ постепенно дополнялся одинъ изъ важныхъ памятниковъ грузинской агіографической литературы,—житье св. Нины. Оно составляетъ вторую часть недавно открытой и напечатанной хроники „Обращенія Грузіи“ изъ такъ называемаго Шатбердскаго сборника IX—X в.“

Но прежде чѣмъ изложить житье св. Нины, обратимся къ памятнику VIII в., сообщающему свѣдѣнія о св. Або.

Къ VIII в. относится **житіе св. Або,** замученнаго мусульманами. Житье это найдено въ такъ называемомъ сванетскомъ пергаментномъ манускриптѣ и представляетъ большой интересъ и по языку, и по содержанію[1]). Житью предшествуетъ письмо Самоеля, католикоса Грузіи, обращенное къ Іоанну Собилидзе, описавшему мученическую кончину св. Або. Католикосъ благословляетъ мудраго въ священномъ писаніи и усерднаго къ добродѣтельнымъ дѣяніямъ, Іоанна Собилидзе, свидѣтеля страданій св. Або, замученнаго въ дни самого Самоеля, мампала (правителя) Стефаноза, сына Гургена, и призываетъ его своими молитвами записать житье св. Або для храненія въ лонѣ каѳолической церкви. Св. Або, по словамъ его біографа, былъ любимъ народомъ и почитанъ въ священномъ писаніи. При немъ Эраставъ - Картли, Нерсе сынъ Адарнаса-куропалата, былъ вызванъ въ страну Вавилонскую эмиромъ сарацыновъ, Мумни Абдилой, въ великій градъ Багдадъ, имъ самимъ построенный. Сынъ его, Магди разгнѣвался, на Нерсе Эриставэ, который вынужденъ былъ ѣхать на сѣверъ чрезъ Даріаланъ

---

[1]) Въ этомъ манускриптѣ въ 489 листовъ, писанномъ частью заглавнымъ церковнымъ алфавитомъ („хуцури“), частью же мелкимъ „хуцури“, заключается 63 житій и проповѣдей вселенскихъ учителей. Онъ не имѣетъ ни начала, ни конца, приписки называютъ мампала Іоанна Мтбеварскаго и отца его Ѳеодора. Іоаннъ—извѣстное духовное лицо въ V в. при Давидѣ Куропалатѣ, по словамъ приписки, отыскалъ этотъ манускриптъ, откуда слѣдуетъ заключить, что онъ писанъ ранѣе X в., по мнѣнію *Бакрадзе* въ VIII—IX в. (Исторія, 210) Ср. *Броссе*. Voyage archéol. Spb., 1849, I г. 5—8. *Жорданія*. — Хроники, стр. 2—3.

(Дарьяльское ущелье) въ страну магоговъ или хозаръ дикихъ, страшныхъ, звѣроподобныхъ, кровожадныхъ, признающихъ только Творца, Св. Або также отправился въ сѣверные страны, гдѣ были и народы, просвѣщенные ученіемъ Христовымъ. Правителемъ Грузіи Магди назначилъ Стефаноза, сына Гургена, племянника Нерса по сестрѣ. Св. Або былъ замученъ сарацынами („саркинозами") въ царствованіе въ Константинополѣ Константина, сына Леона, при правителѣ надъ саркинозами Магди, сынѣ эмира-Мосе-Мумни, въ дни католикоса Грузіи Самоеля, при эристовѣ Стефанозѣ, сынѣ Гургена въ пятницу 6 января 6424 г. отъ сотворенія міра.

Названныя въ біографіи историческія лица—Нерсе, Стефанозъ, Гургенъ и католикосъ Самоель неизвѣстны по Картлисъ-Цховреба". Халифъ же Магди умеръ 3 августа 785 г., императоръ Константинъ, сынъ Леона IV, царствовалъ отъ 700 г. до 787 г. Если мы отъ сотворенія міра до Р. Х. примемъ по груз. счисленію 6604 года, а не 5508 (по греч. счисленію), то годъ мученической кончины св. Або будетъ соотвѣтствовать 820 г., съ вычетомъ 30 лѣтъ, соотвѣтствующихъ времени до крестнаго страданія І. Христа, отсюда смерть св. Або будетъ отнесена къ 790 г. Іоаннъ Собилидзе былъ современникъ св. Або и жизнеописаніе послѣдняго составлено, такимъ образомъ, въ концѣ VIII в. Правописаніе манускрипта древнее напр. употр. сочетаніе *оу* вм. *у* какъ и въ греческ. и слав. яз. Названіе мѣсяцевъ житье даетъ на греческомъ языкѣ съ переводомъ на грузинскій: Горпіосъ (Γορπαῖος μήν—сентябрь у македонянъ), Виперперистосъ—октябрь (ὑπερπεριστος?), Діосъ — ноябрь (δῖος?), Апиліосъ—декабрь, Авдоніосъ—январь, Перешеосъ—февраль, Дестросъ—мартъ, Есандикосъ—апрѣль, Артемесіосъ — май, Десіосъ—іюнь, Панемосъ—іюль, Ловосъ—августъ. Замѣчательно еще одно мѣсто житья св. Або, свидѣтельствующее о распространеніи въ Грузіи астрологическихъ познаній: движенія солнца, луны и звѣздъ, распредѣленіе вѣтровъ, воды, воздуха и землетрясенія.

Содержаніе житья приведемъ вкратцѣ. Когда магометане распространили свою власть на Грузію, Эриставъ Картли (карталинскій правитель) Нерсе, сынъ Адарнаса-Куропалата, былъ вызванъ въ Вавилонскую страну, въ г. Багдадъ, эміромъ-Авдилой-Мумни, который велѣлъ заключить въ темницу правителя Грузіи. При сынѣ Мумни, Магди, Эриставъ Нерсе былъ освобожденъ изъ заточенія. Въ то время жилъ въ Багдадѣ восемнадцатилѣтній юноша, Або, изъ рода Измаила, исповѣдовавшій магометанскую вѣру. Познакомившись съ Нерсе, Або оставилъ родныхъ и прибылъ съ Эриставомъ въ Грузію. Изучивъ здѣсь гру-

зинскій языкъ и христіанское священное писаніе, онъ пріобрѣлъ уваженіе народа. Однако магометане снова принудили Нерсе удалиться изъ Карталиніи. Въ сопровожденіи Або и 300 человѣкъ, Эриставъ чрезъ Дарьялы и Осетію прибылъ къ хозарамъ, находившемся въ дикомъ состояніи: они употребляли въ пищу кровь и не знали никакой религіи, хотя признавали единаго Бога. Въ этой странѣ св. Або, считая себя безопаснымъ отъ мусульманъ, принялъ крещеніе. Изъ Хозаретіи Нерсе вмѣстѣ съ св. Або отправился въ Абхазію, гдѣ святой мужъ засталъ полный расцвѣтъ христіанской вѣры. Блаженный Або провелъ три мѣсяца въ молитвѣ, безмолвіи и постѣ, разрѣшивъ свой языкъ для словославія Бога въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Правителемъ Грузіи по фирману халифа Магди сталъ Стефанозъ, сынъ Гургена, который просилъ Эмира дозволить Нерсе, дядѣ его, возвратиться въ отечество. Нерсе получилъ извѣстіе о дарованной свободѣ и поспѣшилъ въ Грузію вмѣстѣ съ св. Або, хотя послѣдняго упрашивалъ остаться правитель Абхазіи, въ виду опасности, угрожающей ему отъ мусульмэмъ. Въ Тифлисѣ св. Або сталъ называть себя открыто христіаниномъ, но бывшіе его единовѣрцы въ теченіе трехъ лѣтъ не рѣшались причинить ему какое-либо зло. При католикосѣ Самоелѣ и правителѣ Стефанозѣ онъ былъ заключенъ въ темницу за отступничество отъ магометовой вѣры. Предъ судьей св. Або не оправдывался въ томъ, что перешелъ изъ ислама въ христіанство и былъ закованъ въ кандалы. Въ темницѣ бывшіе его единовѣрцы склоняли вернуться къ религіи Магомета, но св. Або отвѣчалъ имъ молитвой или молчаніемъ. Въ день Богоявленія св. Або умылъ лицо свое, помазалъ голову елеемъ и принялъ св. таинство, приготовляясь къ мученической кончинѣ. Скованнаго по рукамъ и ногамъ потащивъ по городу, представили предъ судилище. Твердость его въ вѣрѣ привела въ ярость судью, который велѣлъ отрубить ему голову. Противники блаженнаго мужа донесли эмиру, что у христіанъ существуетъ обычай красть тѣла умершихъ за Христа и воздавить имъ великія почести, одежду и волосы ихъ дѣлятъ между собою для врачеванія, и тѣмъ прельщаютъ неопытныхъ. По этому они просили сжечь св. Або и пепелъ его развѣять по воздуху. Эмиръ далъ имъ позволеніе. На мѣстѣ его сожженія многіе получили исцѣленіе отъ недуговъ. Въ первую ночь мученической кончины надъ плахой св. Або сіяла звѣзда, издающая огненный свѣтъ, а на другой день надъ Курой стоялъ огненный столпъ, дабы всѣ уразумѣли слова І. Христа: „кто мнѣ служитъ, почтитъ его Отецъ Мой, иже на небесѣхъ“.

Житіе [1]) **св. Нины** по *Новому варіанту* начинается тѣмъ, что просвѣтительница Грузіи, окончивъ проповѣданіе св. Евангелія, удрученная недугомъ, предала душу свою въ Кахетіи, въ селеніи Буде. Передъ кончиной святой собрались у ея ложа царица Саломе Уджармели, Перожавра Сивніели и правители страны, прося ее повѣдать о своемъ происхожденіи. Она велѣла принести чернила и перья и записать разсказъ изъ ея устъ.

Въ то время, когда св. Георгій Каппадокійскій принялъ мученическую кончину за вѣру Христа, жилъ въ Коластѣ нѣкій мужъ, у котораго былъ сынъ Іобеналъ и дочь Сусана. По смерти родителей Іобеналъ и Сусана отправились въ Іерусалимъ. Іобеналъ былъ здѣсь оставленъ экономомъ, а Сусана поступила въ услуженіе Міафорѣ Саррѣ изъ Виѳлеема. Изъ Каппадокіи же отправился нѣкто Забилонъ въ Римъ, чтобы послужить у императора [2]). Ему удалось разбить галловъ (бранджи) [3]) и взять въ плѣнъ ихъ вождя. По приказанію императора всѣ плѣнники должны были быть преданы смертной казни. Со слезами они стали умолять Забилона научить прежде вѣрѣ, а потомъ наказать. Патріархъ крестилъ ихъ и пріобщилъ св. таинъ. На другой день они приготовились къ казни, но Забилонъ, по волѣ императора, ихъ освободилъ, отправился съ ними въ ихъ страну для распространенія тамъ христіанства. Впослѣдствіи онъ отправляется въ Іерусалимъ. За него, по совѣту Міамфоры, патріархъ выдаетъ Сусану. Супруги возвращаются въ г. Коластъ (по лѣтописи *Коластръ*), гдѣ у нихъ родилась дочь, Нина. Просвѣтительница Грузіи здѣсь разсказываетъ отъ своего лица: „Я родилась отъ нихъ и они мои родители; воспитала меня мать моя подъ своимъ наблюденіемъ въ служеніи бѣд-

---

[1]) Литература по введенію христіанства въ Грузіи: свидѣтельства историковъ IV—V вв. Руфинъ (Migne Patrologiae, т. XXI стр. 480—2) Созоменъ (Церк. Исторія, гл. VII), Ѳеодоритъ Киркскій (Церк. ист., гл. 24), Моисей Хоренскій (Исторія Арменіи, гл. 86), Новый варіантъ житья св. Нины, изд. Такайшвили. Обращеніе Грузіи въ Хроникахъ изд. Жорданіа, Рай Грузіи, изд. Сабининомъ, Картлисъ-Цховреба и Житья груз. свв. изъ Моск. Гл. Арх. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Въ Лѣтописи упоминается имп. Максиміанъ.

[3]) *Житіе* изъ Моск. Архива иностр. дѣлъ. Бранджи въ исторіи неизвѣстны. Въ то время, къ которому относится повѣствованіе, Константинъ В. побѣдилъ франковъ на берегу Рейна и плѣнилъ ихъ царей Аскарика и Регаиса. *Lebeau*, Hist. du Bas-Empire I, 42—3. Бранджи, быть можетъ, Bryges—фригійцы. *Lenormant*. Lettres assyriol. III.

[4]) *Житіе изъ Моск. Арх. иностранныхъ дѣлъ* называетъ ее Міамфорой.

мъ, одинаково днемъ и почью". Когда ей было 12 лѣтъ, родители она переселились въ Іерусалимъ; отецъ ея для подвижничества удался на Іорданъ, мать была отдана патріархомъ въ услуженіе бѣднымъ, а св. Нина Міамфорѣ, армянкѣ Двинели на два года. „И спрашивала я ее о страданіяхъ Христа, распятіи, погребеніи и воскресеніи, хитонѣ и крестахъ" и проч.

Міамфора начала свой разсказъ тѣмъ, что передала о чудесахъ, сотворенныхъ І. Христомъ, и о волненіи, вызванномъ ими среди іудеевъ, которые распяли Спасителя па крестѣ и раздѣлили по жребію его одѣяніе. Хитонъ достался мцхетскому жителю, и онъ хранится въ Иверіи. Отъ нея св. Нина слышала, что хитонъ Господень въ языческой странѣ, лежащей къ сѣверу отъ Арменіи, которая находится во власти грековъ и ужиковъ [1]). Узнавъ отъ одной пріѣхавшей изъ Ефеса женщины, что царица Елена пребываетъ еще въ заблужденіи язычества и что римляне желаютъ познать истину, Міамфора съ благословенія патріарха отправила св. Нину въ Римъ благовѣствовать царицѣ Евангеліе вѣчнаго спасенія.

Въ Римѣ она встрѣтила знатную жену царскаго происхожденія, Рипсимію. Здѣсь онѣ обратили въ христіанство какую-то царицу Вагия и съ нею 40 душъ въ царскомъ домѣ. Приняли вскорѣ ученіе Спасителя импер. Константинъ и мать его въ 311 г. На 7-мъ году послѣ этого былъ Никейскій соборъ, на восьмомъ году 15 числа перваго мѣсяца бѣжала изъ Греціи царевна Рипсимія и ея наставница Гаіане. Въ пятницу 30 перваго мѣсяца онѣ были преданы мученической кончинѣ въ Арменіи царемъ Тердатомъ. За этимъ разсказомъ въ другихъ варіантахъ идетъ подробное повѣствованіе о кончинѣ святыхъ дѣвъ.

На четвертый мѣсяцъ изъ Греціи „я прибыла, разсказываетъ св. Нина, къ Джавахетскимъ горамъ, чтобы узнать, какимъ путемъ идти во Мцхетъ", и остановилась у озера Паравна [2]). У озера отъ рыболововъ

---

[1]) Объ ужикахъ см. толкованіе *Пл. Іосселіани.* Жизнеописаніе святыхъ груз. церкви. Тифлисъ. 1850. Стр. 39 – 40 примѣч. Ужикети, по словарю *С. Орбеліани,*—Багдадъ (на груз. яз., стр. 306). По другимъ толкованіямъ ужики—валенане; по мнѣнію П. Іосселіане ужики—мадьяры. Броссе отказывается ихъ объяснить (l. c.). Ужики, быть можетъ, черкесы, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія изъ Карт. Цховреба: въ началѣ XVI в. ужики опустошили Имеретію. ... см. *Дѣянія апост.* ст. 9, груз. переводъ. Замѣчательно, что Ужики извѣстны въ другихъ переводахъ священнаго писанія.

[2]) „*Картлисъ.-Цх.*, стр. 71. Озеро, откуда беретъ начало Кура. Это мѣсто пропущено въ *Новомъ варіантѣ житія св. Нины* до прибытія ея въ Урбниси.

она получила пищу. Здѣсь святая видѣла и пастуховъ, которые ей говорили, что они обѣщали жертвы своимъ богамъ Армазу и Задену, которыхъ они считаютъ своими покровителями, защитниками и виновниками благополучнаго возвращенія на свои мѣста. Пастухи были жители селъ Эларбини, Сапурили, Кипдзэри, Рабати и великаго города Мцхета, гдѣ „боги господствуютъ и цари царствуютъ". Путь во Мцхетъ лежалъ по горамъ и лѣсамъ; рѣка изъ озера Парванъ протекаетъ мимо „великаго города", какъ сказали пастухи св. Нинѣ. Во снѣ „подложивъ подъ голову камень и такъ уснувъ", святая получила откровеніе отъ мужа среднихъ лѣтъ, который передалъ ей книгу, заключающую въ себѣ 10 изреченій изъ Евангелія для врученія царю [1]). Мужъ приказалъ подать эту книгу мцхетскому царю—язычнику. Св. Нина, по теченію р. Куры, отправилась въ путь и прибыла въ Урбниси (нынѣ селеніе Горійскаго у. Тифлис. г.), гдѣ она видѣла народъ, покланяющійся *огню, камнямъ и дереву* [2]). Въ Урбниси святая дѣва въ еврейскомъ кварталѣ говорила по-еврейски и расспрашивала о нравахъ и обычаяхъ обитателей страны. Черезъ мѣсяцъ вмѣстѣ съ толпой, направляющейся на праздникъ бога Армази, она прибыла во Мцхетъ и остановилась около моста [3]) въ Могвта. При наступленіи вечера толпа начала совершать обычное поклоненіе огню.

На другой день, продолжаетъ Саломе, раздались звуки трубъ и вздохи; былъ назначенъ торжественный выходъ царя Миріана и царицы Наны на праздникъ Армази—„бога боговъ". Наполнились горы знаменами и народомъ. Святая видѣла, какъ царь и народъ по знаку жрецовъ пали ницъ предъ бездушнымъ истуканомъ, сдѣланнымъ въ образѣ человѣка изъ мѣди: на немъ надѣты были золотыя латы и голова покрыта золотымъ шлемомъ, оплечья и глаза были сдѣланы изъ яхонта и изумруда, въ рукѣ держалъ шашку острую, сверкающую и опускающуюся внизъ, по правую его сторону стоялъ идолъ золотой по имени *Гаци* и по лѣвую идолъ серебряный—*Га* (*по лѣтописи Гаимъ*). Вѣрующіе призывали гнѣвъ бога на тѣхъ, которые осмѣлились бы унизить славу Армази: „да поразитъ онъ своимъ оружіемъ" отступника и невѣрующаго! Св. Нина, опечаленная заблужденіемъ народа, обратясь къ Богу съ молитвою, просила привести народъ къ познанію истиннаго Создателя. Поднялась буря съ градомъ, которая разсыпала народъ, ниспровергла идолы, стѣны капи-

---

[1]) *Histoire de la Géorgie*, I, 98.

[2]) См. *изреченіе въ H. d. l. Géorgie* I p. 99. *Картл.-Цхов.* I, 72.

[3]) *Hist. de la Géorgie* I, 100. Картл.-Цх. I, 73.

ща [1]) обрушились, и сильнымъ вѣтромъ все было снесено въ пропасть горы. На другой день царь Миріанъ и народъ тщетно искали своихъ боговъ. Гибель Армази стали приписывать то халдейскому богу, антиподу богу свѣта — Итруджану, то Богу, обратившему Тердата, царя армянскаго, къ вѣрѣ Христа [2]). Св. Нина же возблагодарила Господа за то, что Онъ услышалъ моленіе рабы своей. Она нашла въ пропасти глазъ изумрудный Армази и вернулась въ то мѣсто, гдѣ были крѣпость и города царя Баргама [3]), подъ высокимъ вѣтвистымъ деревомъ—*брынджъ*. Здѣсь она молилась 6 дней предъ крестомъ І. Христа. Приходитъ къ ней женщина изъ царскаго дома, Шрошана, и спрашиваетъ святую дѣву *чрезъ переводчицу на греческомъ языкѣ*, кто она, и что̀ тутъ дѣлаетъ. Св. Нина назвала себя чужеземной дѣвой [4]) и отказалась отъ предложенія жены переселиться въ царскій домъ.

Чрезъ три дня послѣ ухода Шрошаны, св. Нина подошла къ царскому саду, и жена Анастосъ (по другимъ варіантамъ жена стража) пригласила къ себѣ святую; омыла у нея ноги, помазала масломъ, предложила трапезу и вино и попросила остаться у нихъ. Супруги были бездѣтны. По откровенію во снѣ, св. Нина дала супругамъ землю изъ-подъ отпрыска отъ кедра, и у нихъ родились сыновья и дочери, „которыхъ вы сами видите" говоритъ своимъ слушателямъ св. дѣва. „Я видѣла вовремя дремотъ птицы небесныя спускались къ рѣкѣ, омывались и прилетали въ садъ, и клевали тамъ цвѣты". На это замѣтила „сестра моя", дочь Абіатара (Сидонія): „о, плѣнница, спасительница плѣнныхъ, знай, что пришелъ твой часъ повѣдать намъ о дѣяніи нашихъ отцевъ надъ Небеснымъ человѣкомъ!.. Твое видѣніе свидѣтельствуетъ, что этотъ садъ долженъ чрезъ тебя сдѣлаться мѣстомъ для прославленія Бога".

Слѣдуетъ глава 7-я, сказанная еврейкой Сидоніей, дочерью первосвященника Абіатара. Эта глава въ первыхъ варіантахъ совершенно была неизвѣстна. Въ Лѣтописи содержаніе этой главы также приводится, но приписывается не Сидоніи, а Абіатару.

---

[1]) Картл.-Цх. I, 75. Это случилось 6 августа ib. 76. (Житье св. Нины, 23).

[2]) Это мѣсто пропущено въ Новомъ варіантѣ и заимствовано нами изъ *Лѣтописи*.

[3]) Городъ этотъ Армазика, построенный Бартамомъ (66 — 33 до Р. Х.). На рѣкѣ Кирѣ (Курѣ) лежитъ, говоритъ *Страбонъ*, *Гармозика* городъ ('Αρμόζικη). Географія XI, 3, 5. *Плиній* главнымъ городомъ Иберіи считаетъ *Гармастисъ* (Harmastis). Historia naturalis VI, 10, 2.

[4]) *Картл.-Цх.* I, 76.

Милость Божія, говоритъ Саломе, распространилась и на с ный Кавказъ, лежащій повыше Арменіи и коснѣющій во и заблужденіяхъ... „Прошло до пришествія Христа 1100 лѣт Рождества Христова до крещенія Константина царя грече 311 лѣтъ и, по прошествіи еще 14 лѣтъ, прибыла въ нашу с проповѣдница истины Нина, царица наша, сіяющая точно во кѣ"... Въ Карталиніи ко времени ея прихода въ Грузію на горахъ были поставлены два идола—Армазъ и Заденъ, которым тели приносили въ жертву своихъ дѣтей. Были еще идолы Г Га, въ жертву которымъ сожигали первенца и пепломъ его пос главу идола. Послѣ этого разсказа, неизвѣстнаго и въ *Лѣтопи* въ другихъ варіантахъ житія, Саломія повѣствуетъ, что „она з изъ книгъ и слышала отъ отца своего". Въ царствованіе Иро Іерусалимѣ, во Мцхетѣ распространилось извѣстіе, что персы нили св. градъ, но вскорѣ узнали, что они не покорить прип принесли въ даръ золото, цѣлительную смирну и благовонный л и искали новорожденнаго отрока. „Прошло 30 лѣтъ послѣ по нія ихъ отроку, получено было письмо Озіей, дѣдомъ моимъ изъ салима отъ первосвященника Анны, что тотъ, для котораго пр персы съ дарами, именуетъ себя царемъ и потому по закону М онъ заслужилъ распятія".

Братъ матери отца моего, старецъ Эліозъ, по зову первосв ника Анны, отправился въ Іерусалимъ. Мать просила его не п единяться къ замысламъ враговъ, намѣревающихся убить Спас Хитонъ Господень, о которомъ метнули жребій, достался мцхет евреямъ. Когда прибивали Спасителя ко кресту, ударъ молотка шала во Мцхетѣ мать Эліоза и отъ ужаса вскрикнула: „прощай ство Израилево, ибо предали вы смерти избавителя народа тв Сказавъ это, она скончалась. Эліозъ привезъ хитонъ и отдалъ с своей. Она обняла его и скончалась. Царь Амазіеръ (а не А какъ было извѣстно по прежнимъ источникамъ) тщетно пытался вать изъ рукъ. Ее похоронили вмѣстѣ съ хитономъ недалеко отъ

До принятія вѣры Христа царицей Наной, блаженная Нина пр шесть лѣтъ. Она совершала исцѣленія и, между прочими, она с царицу Нану, вельможу и жреца изъ персовъ хварасанскихъ от шевной болѣзни. Царица Нана спрашивала святую, какою силой творитъ чудеса, не дочь ли она Армази и Задена [1]). „Будь у

---

[1]) Заденъ *Броссе* приближаетъ къ греческому „Ζεύς". *Brosset.* Hist. Géorgie I, 57. *Пл. Іосселіани* въ Заденѣ видитъ одну изъ высшихъ с

кормилицей и будешь чтима въ странѣ этой, не говори что ты чужеземка и не проповѣдуй заблужденія римлянъ (т.-е. грековъ). Вотъ боги, дающіе плоды и міродержатели, распространители солнечныхъ лучей и посылающіе дожди, Армазенъ и Заденъ, открывающіе все тайное и *древніе боги* нашихъ отцовъ — Гаци и Га". Армази и халдейскій Итрушанъ во взаимной находятся враждѣ. Если ты, — говорить ей царь, — исцѣлишь этого вельможу, брата царицы Наны, то обогащу тебя и поставлю тебя во Мцхетѣ служительницей Армази". Нина повѣдала ему о Богѣ Творцѣ вселенной, о Спасителѣ міра и указала, что въ его городѣ есть знаки милости Божіей — это одежда Сына Божія. Она кончила рѣчь свою обѣщаніемъ исцѣлить вельможу именемъ Христа и крестомъ страданій. Злой духъ, по молитвѣ св. дѣвы, тотчасъ же оставилъ вельможу.

Царь Миріанъ іюля 20, (ср. выше „6 августа") въ день субботы, отправившись на охоту въ горы Мухранскія, по внушенію злаго духа замыслилъ истребить христіанъ, чародѣйствомъ творившихъ чудеса, и укрѣпить народъ въ почитаніи идоловъ. Вельможи, его сопровождавшіе, одобрили его планъ. На высотахъ горъ Тхоти вдругъ померкло въ его глазахъ солнце, поднялась буря, и онъ тщетно призывалъ боговъ своихъ на помощь. Тогда онъ вспомнилъ св. Нину и Бога ея, взмолился ему, обѣщая воздвигнуть крестъ, если разсѣется мракъ. Молитва его была услышана, и онъ узрѣлъ свѣтъ въ очахъ. Вернувшись въ столицу, онъ встрѣченъ былъ царицей и народомъ въ предмѣстіи Мцхета—Киндзари и Гарта [6]).

ныхъ силъ, окружающихъ тронъ Ормузда. Силы эти назывались Изедами или геніями добра. (Жизнеописаніе святыхъ грузинской церкви. Тифлисъ 1850, стр. 33).

[6]) Часть этой главы, начиная съ слова „отправившись"... до „вернувшись" изложена по Лѣтописи, она пропущена въ *Новомъ варіантѣ* житія св. Нины. *Муравьевъ* въ своемъ сочиненіи *Грузія и Арменія* подробно сообщаетъ свѣдѣнія о первыхъ событіяхъ распространенія христіанства въ Грузіи согласно съ лѣтописными извѣстіями, но объ обращеніи царя Миріана чудомъ въ христіанство онъ совершенно умалчиваетъ. См. названное сочиненіе томъ I, стр. 213 и сл. *Проф. Цагарели* въ своемъ трудѣ „Памятники грузинской старины на Синаѣ и въ Святой Землѣ" пишетъ, что въ Іерусалимѣ на стѣнахъ монастыря св. Креста передается о путешествіи царя Миріана, по совѣту св. Нины, въ Іерусалимъ, гдѣ онъ пріобрѣлъ землю для грузинскаго монастыря св. Креста. *Картлисъ-Цховреба* объ этомъ намъ ничего не говоритъ, но Chronique armén. переведенный съ грузинскаго языка на армянскій при Давидѣ Возобновителѣ (1089 — 1125) и грузинскій архіепископъ *Тимотѣ* въ своемъ *Путе-*

Царь радостно встрѣченный послѣ постигшаго бѣдствія на охот
направился со своей свитой къ кущѣ св. Нины и, припавъ къ ней
умолялъ удостоить его призвать имя ея Бога и Спасителя.

Св. Нина, научивъ его истинамъ, посовѣтывала отправить по
словъ къ имп. Константину съ просьбой прислать въ Грузію священ
никовъ. Посольство направилось въ Грузію, а царь Миріанъ изъявил
желаніе немедленно начать постройку храма. Мѣстомъ [1]) для храм
былъ выбранъ царскій садъ. Былъ срубленъ кедръ, изъ огромных
шести боковыхъ вѣтвей его сдѣлано было шесть столбовъ для по
держки храма. Когда установлены были 6 столбовъ и приступлен
было къ постановкѣ седьмаго громаднаго столба, то къ удивлені
всѣхъ оказалось, что никакая сила человѣческая не могла сдвину
его съ мѣста. Царь пришелъ со множествомъ народа, силы людей
машинъ были тщетны. Насталъ вечеръ. Всѣ разошлись. Св. Нина
12 ея учеництъ остались въ саду. Ученицы святой видятъ, какъ буд
горы идоловъ Армази и Задена обрушались и пали въ Куру и Ара
ву, рѣка выступила и залила Мцхетъ, при этомъ были слышны ужас
ные крики и дикіе вопли. Святая успокоила испугавшихся учениц
говоря, что этимъ разрушаются горы невѣдѣнія въ Карталиніи, и ос
тановка теченія рѣкъ означаетъ прекращеніе пролитія крови отроков
приносимыхъ въ жертву идоламъ. Не успѣли пѣтухи пропѣть, как
ученицы святой были опять приведены въ ужасъ: имъ послышал
звукъ трубъ, возвѣщавшій о нашествіи персовъ и избіеніи жителе
Св. Нина успокоила словами, что крикъ этотъ—гибель духовъ злоб
и спасеніе Карталиніи. Утомленныя ученицы на зарѣ задремали,
св. Нина продолжала стоять на молитвѣ. Ей предсталъ облеченны
свѣтомъ отрокъ, сказалъ три слова тайно на ухо, приблизился к
столбу и поднялъ его на воздухъ. Поутру царь замѣтилъ необыкн

шествіи (XVIII в.) поддерживаетъ извѣстное намъ по традиціи и по надпи
на стѣнахъ монастыри св. Креста о паломничествѣ перваго христіанскаго гр
зинскаго царя. Указаніе акад. Броссе, на которое и ссылается и проф. Цагар
ли, что о Бакуріи и введеніи вообще христіанства въ Грузіи сообщаетъ свѣд
нія и Амміанъ Марцелинъ, не находитъ подкрѣпленій въ книгѣ Штритте
Memoraie populorum и ея переводѣ на русскій языкъ г. Гана „Извѣст
классическихъ писателей о Кавказѣ". См. *Броссе.* Hist. de la Géorg
p. 133 и *Цагарели* op. cit., стр. 33.

[1]) Въ (Лѣтописи) отсюда начинается новая глава о построеніи церк
сказанная женой Сидоніей. Какъ предыдущая, такъ и эта глава въ Новомъ в
ріантѣ и Лѣтописи въ своемъ содержаніи не представляютъ разногласій. *Карт
лисъ-Цхавреба,* стр. 86—92.

венный свѣтъ въ саду; онъ отправился къ мѣсту знаменія со множествомъ придворныхъ лицъ. Они видѣли, что чудесный столбъ то спускался, то поднимался на высоту 12 локтей. Въ присутствіи царя и собравшагося народа столбъ спустился на основаніе.

Слѣпорожденный еврей, прикоснувшись къ столбу, получилъ зрѣніе. Отрокъ лежавшій въ продолженіе восьми лѣтъ положенный предъ свѣтоносным столбомъ и еще многіе страждущіе получили исцѣленіе. Царь велѣлъ огородить это мѣсто, закрыть отъ глазъ основаніе столба и приступить къ постройкѣ храма. Между тѣмъ прибыли въ Грузію изъ Греціи епископъ, два іерея и діаконы и приступили къ крещенію народа. Прежде всѣхъ принялъ крещеніе самъ царь, а за нимъ царица.

Я былъ священникомъ говоритъ Абіатаръ въ тотъ годъ, когда прибыла блаженная Нина въ Мцхетъ.. Я разспрашивалъ ее объ І. Христѣ, о которомъ она повѣдала мнѣ пречистыми своими устами. И принялъ я съ дочерью моей ученіе Спасителя. На р. Курѣ, гдѣ стоялъ домъ Элioза, священникъ крестилъ всю знать царскую, мѣсто названное купелью вельможъ. Получены были письма на имя св. Нины, царя Миріана и всего грузинскаго народа изъ Рима отъ патріарха, ибо стали тамъ извѣстны дѣла и чудеса при воздвиженіи столба.

Срубленное дерево по словамъ Іоакова для креста 25 марта, въ пятницу, сохранило свѣжесть въ теченіе 37 дней, и 7 мая были сдѣланы изъ него кресты и съ великой радостью были поставлены въ новую церковь. Ночью съ неба спустился огненный крестъ, увѣнчанный звѣздами, и остановился надъ храмомъ до горы. На разсвѣтѣ выдѣлились изъ нихъ двѣ звѣзды, и одна изъ нихъ направилась къ востоку, другая же къ западу, а самая блестящая звѣзда уходила въ страну Арагвы и стала надъ пещерою, гдѣ, по словамъ св. Нины, открылся источникъ. Св. Нина приказала отправить людей на самыя высокія горы до Кахетіи на востокѣ и предѣловъ царства Миріана на западѣ, и на ихъ вершинахъ они увидятъ, гдѣ остановятся звѣзды: тамъ и нужно будетъ воздвигнуть два креста. Возвратившіеся послы съ запада разсказали, что звѣзды остановились надъ переходомъ изъ Тхоти въ Каспи, съ востока же донесли, что звѣзда остановилась надъ кахетинскимъ селеніемъ Боди. Св. Нина велѣла воздвигнуть крестъ на горѣ Тхоти и другой передать Саломіи изъ Уджармо, чтобы селеніе Боди не получило преимущества надъ населенной столицей Кахетіи. Затѣмъ жители Мцхета вышли съ св. Ниной къ источнику подъ пещерой и воздвигли здѣсь крестъ. Много исцѣленій и благодати истекло отъ этого креста (Лѣтопись перечисляетъ ихъ).

Св. Нина, оставивъ Мцхетъ, отправилась къ горцамъ звѣреобразнымъ проповѣдывать у нихъ Евангеліе, въ Карталиніи же оставила Абіатара—втораго Павла.

Священники прибывшіе изъ Греціи, уговорили царя Миріана воздвигнуть крестъ во Мцхетѣ. Царь велѣлъ срубить дерево для изготовленія креста. Когда онъ былъ приготовленъ, царь Миріанъ разсказалъ, какъ онъ прозрѣлъ въ горахъ во время мрака, обратившись съ молитвой къ имени І. Христа. Ночью ему явился ангелъ, который указалъ пещеру по ту сторону Арагвы для воздвиженія креста. За день до Пасхи былъ воздвигнутъ крестъ, и при этомъ всѣ оставшіеся въ предѣлахъ Карталиніи идолы низвержены. Былъ назначенъ Миріаномъ праздникъ въ честь креста въ день Пасхи. Такъ какъ чудеса продолжались отъ знаменія распятія, то число вѣрующихъ во Христа все увеличивалось. (См. перечисленіе—*Житіе* 65—7).

Письмо предъ смертью царя Миріана Карталинскаго, написанное рукою архіепископа Іакова и данное Саломіи Уджармоели (женѣ сына своего).

...Я 36-й царь. Отцы мои приносили въ жертву дѣтей идоламъ. Горы Армази и Задена заслуживаютъ быть сожженными огнемъ. И св. Нина-плѣнница зажгла въ сердцѣ моемъ лучъ свѣта, и позналъ я І. Христа, Господа нашего. Построилъ я церковь и воздвигъ въ ней столбъ изъ древа, растущаго на горѣ, доступной лишь для звѣрей. Слышали о чудесахъ этого древа: раненый олень, съѣвъ павшія листья съ дерева, получилъ исцѣленіе. Изъ этого древа я сдѣлалъ три креста: одинъ воздвигъ на горѣ Тхоти, гдѣ я узрѣлъ видѣніе, другой въ Уджармо, а третій на мѣстѣ небеснаго чуда. Построилъ церковь въ кущѣ св. Нины. Блаженная, предавъ душу свою Спасителю, преставилась и оставила насъ сиротами. Я хотѣлъ пречистое ея тѣло перенести подъ столбъ свѣтоносный, но 400 человѣкъ не могли его сдвинуть съ мѣста и предали святую погребенію въ Боди, въ Кахетіи, гдѣ построилъ я храмъ.

Супругѣ своей, Нанѣ, Миріанъ завѣщалъ раздѣлить его сокровища на двѣ части и отдать одну изъ нихъ для поддержанія чести мѣста погребенія св. Нины. Сыну завѣщалъ истребить огнемъ идолы, если они гдѣ-нибудь сохранились, „ибо я знаю скоро на Кавказѣ [1])

---

[1]) Любопытно употребленіе слова *Кавказъ*. Нѣкоторые предполагали и въ числѣ ихъ *Усларъ* (см. Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ), что это названіе становится извѣстнымъ мѣстному населенію лишь въ XVIII в. *Новый варіантъ* и *Обращеніе* нѣсколько разъ даютъ имя Кавказъ, причемъ онъ отождествляется съ Грузіей.

и не уничтожатся". Конецъ книги гласитъ: книга „Обращеніе Грузіи", считавшаяся потерянной, по истеченіи времени была найдена". ъ этой приписки нужно заключить, что сказанія различныхъ лицъ—ломіи, Абіатара, архіеп. Іакова были собраны авторомъ *Житія св. Нины*, придавшимъ имъ тотъ видъ, въ какомъ оно дошло до насъ. и сопоставленіи *Новаго варіанта* житія св. Нины, съ краткимъ сощеніемъ *Обращенія Грузіи*, выясняется, что авторъ послѣдняго рвоначальный памятникъ разукрасилъ и дополнилъ новыми подробми свѣдѣніями сухіе факты своего источника. „Завѣщаніемъ" конется содержаніе *Новаго варіанта* житія св. Нины.

Нѣкоторыя подробности изъ исторіи просвѣщенія Грузіи христіанствомъ приведены въ *Картлисъ-Цховреба* и *Раѣ грузинской церкви*, не имѣющихъ параллели въ новомъ варіантѣ житія св. Нины. ы отмѣтимъ важнѣйшія мѣста. Явленіе Богоматери св. Нинѣ еще Іерусалимѣ, вручившей будущей просвѣтительницѣ Грузіи крестъ ъ виноградныхъ лозъ, читается лишь въ Жизнеописаніи святыхъ рузинской церкви г. Сабинина [1]), неизвѣстное ни „Лѣтописи", ни Раю Грузіи". Подробный разсказъ о Рипсиміи и Гаіанѣ, о преслѣдованіи ихъ Діоклетіаномъ и Тердатомъ, царемъ армянскимъ, переиъ лишь въ первыхъ донынѣ печатныхъ и рукописныхъ памятникахъ [2]). Картлисъ Цховреба называетъ источникъ, откуда это мѣсто а заимствовала: „Какъ написано (объ этомъ) въ книгѣ армянской ъ ихъ мученичествѣ, т.-е. [3]) изъ *Обращенія Арменіи*—исторіи Агагела, переведенной издревле на грузинскій языкъ подъ заглавіемъ.

Разсказъ объ исцѣленіи сына вдовы св. Ниной, уложившей его войлокъ, переданный въ *Картлисъ-Цховреба* и *Раѣ Грузіи* [4]), гласно съ греческими историками, не находится въ *Новомъ варіан*ъ. Источникомъ для повѣствованія здѣсь, вѣроятно, послужилъ грунскій переводъ изъ Ѳеодорита, сдѣланный Ефремомъ Младшимъ въ I в. Въ виду того, что грузинскій текстъ представляетъ очень близе воспроизведеніе греческаго оригинала, мы опускаемъ переводъ ннаго мѣста на русскій языкъ. Для сравненія привожу только нало изъ сообщенія Евфрема Младшаго: „Иберійцамъ въ то же время

[1]) Сабининъ, стр. 7—8. Архивное житіе святыхъ.

[2]) *Карт.-Цховреба*, 68—71. *Рай Грузіи* 123—5. *Brosset Histoire de Géorgie*, I, 95—8.

[3]) *Цагарели.* Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности. Спб. 1886. в. I, стр. 7. Каталогъ рукописей Аѳонскаго монастыря.

[4]) *Hist. de la Géorgie* I, 109.

указала путь къ истинѣ жена плѣнница. Она непрестанно упражнялась въ молитвѣ [1]). Разсказъ объ исцѣленіи царицы Наны, переданный въ Нов. варіантѣ въ нѣсколькихъ словахъ, распространенъ въ *Картл.-Цховр.* и *Раѣ Грузіи* на основаніи свѣдѣній изъ греческихъ историковъ Руфина, Сократа, Созомена.

Нѣтъ въ Новомъ варіантѣ подробныхъ свѣдѣній о возвращеніи пословъ отъ греческаго царя, приславшаго по *Картл. Цхов.* и *Раю Грузіи* епископа Іоанна, двухъ іереевъ и трехъ діаконовъ. При этомъ импер. *Константинъ* послалъ царю Миріану письмо, св. крестъ, икону Спасителя и Божіей Матери. Съ прибытіемъ во Мцхетъ священнослужителей, царь всѣхъ эриставовъ и военачальниковъ призвалъ въ столицу, началось крещеніе народа, вслѣдъ за принятіемъ крещенія царя и царицы съ дѣтьми. Горцы отказались принять христіанство и съ ними вмѣстѣ Ферозъ, вліятельный князь Рани до Бардавани. По просьбѣ царя была прислана имп. Константиномъ часть животворящаго креста, а также гвозди, коими были прибиты пречистыя руки Спасителя. Прибывшіе въ Грузію архитекторы построили храмы въ Эрушети и Манглисѣ, что̀ опечалило Миріана, такъ какъ во Мцхетѣ еще не было церкви Христовой [2]). Нѣтъ письма съ восхваленіемъ отъ папы римскаго св. Сильвестра и царя франковъ, присланныя св. Нинѣ чрезъ франкскаго дьякона о просвѣщеніи франковъ отцомъ ея. Возгордившись ревностью къ І. Христу, Миріанъ желалъ горцевъ и зятя своего, Фероза, оружіемъ принудить принять крещеніе, но св. Нина отклонила это предложеніе. Проповѣданіе Евангелія среди горцевъ, чартійцевъ, пховельцевъ, гудамакарцевъ [3]) св. Ниной и еп. Іоанномъ—все это отсутствуетъ въ *Нов. варіантѣ*. Свѣдѣнія *Картлисъ-Цховреба* о просвѣщеніи впослѣдствіи горцевъ Авивомъ Некресскимъ должны быть внесены изъ позднѣйшихъ источниковъ въ Лѣтопись и прежнія житія святыхъ [4]).

Извѣщеніе царицы Софіи и Миріана св. Ниной письмомъ о кончинѣ, о возвращеніи бывшаго заложника Бакара изъ Константинополя съ письмомъ Константина В., предлагавшаго дружбу иверійскому царю, о построеніи Самтаврскаго храма, о смерти сына царя Миріана, Рева, на 35 году обращенія Грузіи передаются лишь въ *Картлисъ-Цховреба* и *Сакартвелосъ - Самотхе* (Рай Грузіи). Нана и Саломія

---

[1]) *Церковная исторія Θеодорита*, гл. 24 (начало).
[2]) *Hist. de la Georgie*, 120—2.
[3]) *Hist. de la Georgie*, 121—9. Ср. *Архивное житіе:*
[4]) Ср. Гуджары, Кутаисъ 1891, изд. мною 41—9.

осили св. Нину разсказать о своей жизни, и Саломія со словъ аженной записала, говоритъ Лѣтопись, ея житіе. Епископъ Іоаннъ іобщилъ св. Нину св. таинъ, послѣ чего она предала душу свою пасителю 14 января, чрезъ 14 лѣтъ по вступленіи въ Грузію, въ 38 г. отъ вознесенія и въ 5838 г. отъ сотворенія міра. Таковы отчія Новаго варіанта отъ Лѣтописи и Рая Грузіи [1]). Годъ крещенія рузіи мы попытаемся установить сопоставленіемъ вышеприведенной ты, съ показаніемъ по этому вопросу *Обращенія Грузіи*, *Новаго ріанта житія св. Нины*.

Грузинская хроника, переведенная на армянскій языкъ въ XI—II в., передаетъ всѣ событія, сопровождавшія введеніе христіанства Грузіи, согласно съ Лѣтописью, но въ болѣе лаконической формѣ. азногласіе ихъ, заслуживающее вниманія, касается даты представленія св. Нины. По этой хроникѣ, извѣстной лишь въ переводѣ ак. россе на французскій языкъ, время кончины просвѣтительницы Груіи пріурочивается къ 332 году по Вознесеніи Христовѣ [2]). Что же асается общаго характера повѣствованія „Хроники", то по краткости сжатости она приближается къ Новому варіанту житія св. Нины по распредѣленію главъ и внутреннему содержанію связь ея съ Лѣтописью не подлежитъ сомнѣнію. *Картлисъ-Цховреба* въ томъ идѣ, въ какомъ мы имѣемъ въ рукописяхъ съ XVII в., представляетъ аспространенный разсказъ Хроники, дополненный извлеченіями изъ ругихъ туземныхъ и иностранныхъ источниковъ.

Сравнимъ [3]) разсказъ византійскихъ историковъ, армянскаго писателя Моисея Хоренскаго съ содержаніемъ сказаній о распространеніи въ Грузіи христіанства, насколько они намъ извѣстны изъ *Новаго варіанта* житія св. Нины, Картлисъ - Цховреба и другихъ источниковъ [4]). Разногласіе между Лѣтописью и ѣемъ грузинской церкви не существенны и сводятся къ очень езначительнымъ пропускамъ, не имѣющимъ значенія для освѣщенія исторіи введенія христіанства въ Грузіи. Для насъ имѣютъ начевіе тѣ мѣста въ источникахъ, которые пополняютъ наши свѣѣнія по интересующему насъ вопросу, даютъ историческіе факи, совпадающіе или противорѣчащіе между собою. Критика источ-

---

[1]) Hist. de la Géorgie I, 130—2.

[2]) *Brosset* Addit. et éclaircissements. Armen. Chronique, p. 32.

[3]) См. мою работу „Источники по введенію христіанства въ Грузіи" (М. 1893), ѣ приведены свѣдѣнія греческихъ и армянскихъ писателей, въ связи съ изѣстіями грузинскихъ источниковъ.

[4]) *Рай Грузіи*, изд. на груз. яз. Спб. 1882.

никовъ не должна быть направлена на дальнѣйшія попол выражающіяся лишь въ развитіи свѣдѣній у послѣдующихъ сателей, которыя представляются заимствованными у предше никовъ. Основнымъ свидѣтельствомъ для греческихъ историков служилъ разсказъ, по словамъ Руфина, грузинскаго царевича Ба бывшаго заложникомъ въ Константинополѣ. Бакурій, котораго х знаетъ и Картлисъ-Цховреба, сообщилъ Руфину нѣкоторыя по ности введенія христіанства въ Грузіи, которыя впослѣдствіи в или почти безъ измѣненія, или въ легкой перефразировкѣ, и незначительными пропусками въ „Исторію" Сократа, Созомена, Ѳ рита и др. Общій капиталъ ихъ свидѣтельствъ основывается н финѣ, записавшемъ свой разсказъ со словъ „очевидца" первыхъ ментовъ проповѣдыванія св. Нинаю ученія Христа имени Баку

Руфинъ говоритъ о введеніи христіанства слѣд.: иберійска ція, живущая sub axe Pontico, приняла христіанство чрезъ о шуюся у нихъ плѣнницу (captiva). Она вела вѣрную к строгую ж проводя дни и ночи въ бдѣніи и молитвахъ. Она изумляла „варва своимъ образомъ жизни и именемъ Христа, котораго она наз своимъ Богомъ. Случилось, что заболѣлъ у одной жены ребенок обычаю, заведенному въ странѣ, его тщетно носила мать по до узнать лѣкарство противъ болѣзни. Наконецъ, она обратилас „плѣнницѣ", которая, не зная другого лѣкарства кромѣ молитвы ложила на свой коверъ изъ шерсти (cilicio suo) [1]) призвала с Господа, и ребенокъ получилъ исцѣленіе. Молва и чудесномъ с ніи его скоро распространилась и дошла до царицы. Послѣдняя болѣвъ, потребовала св. дѣву къ себѣ, но та отказалась; тогда ная царица была приведена въ хижину (cellulam) блаженной ж которая тѣмъ же способомъ на своемъ *коврѣ* исцѣлила ее, при имя Христа.

Царь, обрадованный ея скорымъ, неожиданнымъ избавле отъ болѣзни, велѣлъ послать плѣнницѣ подарки; царица возра что ея спасительница презираетъ золото и серебро, довольст скудною пищей. Случилось царю охотиться въ лѣсахъ, и вдруг небо покрылось мракомъ ночи, спутники разошлись и самъ цар дилъ въ неизвѣстности. Ему пришла мысль обратиться къ плѣнницы—І. Христу, обѣщавъ, если Онъ разсѣетъ тьму, то тать его истиннымъ Творцомъ. Мракъ тотчасъ смѣненъ былъ свѣ и царь благополучно возвратился въ столицу. Онъ позвалъ къ

---

[1]) „kiliksa zeda" по Лѣтописи.

ѣнницу", просилъ ее научить, какъ вѣровать въ единаго Бога Христа. Царь, созвавъ народъ, изложилъ все дѣло своего чудеснаго ссенія и поучалъ его вѣрѣ во Христа, а царица проповѣдывала еди тамошнихъ женщинъ. Блаженная плѣнница начертила планъ ркви, начали ее строить и ставить колонны. Постановка третьей онны опять сопровождалась чудомъ: были употреблены всѣ силы дскія и машинъ, но она не могла быть сдвинута съ мѣста. Разо-нсь къ вечеру всѣ и царь вмѣстѣ съ ними опечаленный. Плѣнница, авшись здѣсь, провела всю ночь въ молитвѣ и утромъ, когда царь свитой прибылъ на мѣсто работы, онъ увидѣлъ, что колонна под-та и стоитъ на нѣкоторой высотѣ надъ основаніемъ и въ виду ѣхъ она спустилась на свой базисъ. Другія колонны уже легко ли поставлены. Церковь была построена, отправили пословъ къ пер. Константину съ просьбой прислать священнослужителей. Импе-торъ охотно исполняетъ требованіе иберійскаго царя.

Это разсказалъ намъ, прибавляетъ Руфинъ, вѣрнѣйшій мужъ курій, царь того народа, бывшій у нашего императора заложникомъ. ъ былъ военачальникомъ палестинскихъ границъ.

Сократъ также заявляетъ, что извѣстіе о проповѣдываніи ученія риста записано Руфиномъ со словъ Бакурія, „который былъ прежде ерійскимъ княземъ, сдѣланъ начальникомъ палестинскихъ границъ, наконецъ, вождемъ войскъ и помогалъ царю Θеодосію въ войнѣ отивъ тиранна Максима". Сократъ и въ другомъ мѣстѣ своей исто-и [1]) разсказываетъ, что Θеодоръ, императоръ византійскій, предпри-лъ походъ противъ Евгенія [2]), правителя западныхъ областей; вое-чальникомъ тогда былъ Бакурій, который такъ мужественно укрѣ-лся, что съ передовыми линіями перебросился въ то мѣсто сраженія, ѣ преслѣдуемы были варвары, разрѣзалъ непріятельскія фаланги и ратилъ въ бѣгство тѣхъ, которые сами недавно гнали враговъ.

Грузинская исторія также подтверждаетъ извѣстіе Руфина и Со-ата относительно Бакурія, бывшаго заложникомъ въ Константино-лѣ [3]). Бакаръ (Бакурій) считается внукомъ царя Миріана, принявго христіанство и царствовалъ послѣ Рева [4]), отъ 342—364. Онъ нностно распространялъ христіанство среди кавказскихъ горцевъ,

[1]) Церковная исторія, глава 25.

[2]) *Lebeau.* Hist. du B. Empire III, 337 n. 2; v. 45—6; 53.

[3]) *Картлисъ-Цх.* I, 99. Hist. de la G. I, 129.

[4]) Бакаръ по грузинской Лѣтописи считался сыномъ Миріана (Hist. d. l. orgie I, 132—3). Но недавно открытая хроника *Обращеніе Грузіи* сыномъ ріана называетъ Рева, а Бакара сыномъ послѣдняго: (стр. 22).

по возвращеніи изъ Византіи, незадолго до смерти отца своего Миріана, какъ передаетъ наша Лѣтопись. Бакаръ „Картлисъ-Цховреба" и Бакурій византійскихъ историковъ несомнѣнно одно и то же лицо, свѣдѣнія касательно котораго безъ разногласій совпадаютъ у мѣстныхъ и иностранныхъ писателей.

Установивъ достовѣрность существованія Бакарія, на свидѣтельствѣ котораго основывается Руфинъ, а затѣмъ послѣдующіе греческіе историки, я сопоставлю показанія Картлисъ-Цховреба съ извѣстіемъ Руфина, изъ котораго будетъ явственно, какъ по важнымъ пунктамъ введенія христіанства они согласны и тождественны. Вниманіе грузинскаго лѣтописца и византійскаго историка обращено на три главные момента утвержденія ученія Евангелія въ Иверіи: именно, исцѣленіе св. проповѣдницей христіанства отъ болѣзни царицы Наны и сына одной вдовы, которая по обычаю ходила по всѣмъ домамъ и, наконецъ, обратилась къ плѣнницѣ. Послѣдняя, положивъ на свой коверъ (cilicio) [1]), по Кар.-Цх. на войлокъ больнаго, помолилась Богу и даровала исцѣленіе. Второй моментъ. Мракъ, распространившійся во время охоты, но вдругъ разсѣянный именемъ І. Христа, укрѣпляетъ царя въ этомъ намѣреніи. Возвратившись въ столицу послѣ призванія на помощь Христа, онъ обращается къ плѣнницѣ за наставленіемъ. Далѣе чудо съ колонной, отправленіе пословъ къ Константину съ просьбой прислать священниковъ совпадаютъ у грузинскихъ и византійскихъ историковъ [2]). Бакурій—свидѣтель введенія христіанства, разсказалъ Руфину то самое, что записано очевидцами въ Грузіи—Сидоніей, Абіатаромъ и Саломіей со словъ св. Нины. Очевидцами они называются и въ *Обращеніи Грузіи*, наиболѣе древнемъ историческомъ памятникѣ, однако, тутъ мы не находимъ подробностей сказаній, извѣстныхъ намъ изъ Новаго варіанта житія и другихъ манускриптовъ, повѣствующихъ о первыхъ фазисахъ озаренія Грузіи христіанствомъ. Мы имѣемъ пока лишь остатки грузинской письменности V в., а если просвѣщеніе Грузіи относится къ первой половинѣ IV в., то не будетъ невѣроятной

---

[1]) Удивительно, что cilicio *Руфина* и киликса-зеда Карт.-Цх. одного корня. По мнѣнію проф. Ѳ. Е. Корша, слово это было очень распространено въ Малой Азіи.

[2]) Нападеніе Миріана съ персидскимъ царемъ на владѣнія Константина Великаго, сообщаемое нашею Лѣтописью, оправдывается показаніемъ персидскихъ историковъ. Ко времени Миріана взошелъ на персидскій престолъ Сапоръ, жизнь котораго украшена баснями. Однако, достовѣрно, что онъ удачно воевалъ съ византійцами. *Malcolm*. Hist. de la Perse I, 155.

потезой записи очевидцевъ проповѣдыванія Евангелія св. Ниной нести ко времени не позже второй половины того же столѣтія. Тае предположеніе дѣлаетъ возможнымъ заключить, что первыя свѣнія о такомъ важномъ поворотномъ событіи въ жизни народа почжили началомъ историческихъ записей, открывающихся въ Лѣтоси. Этимъ объясняется, что *Обращеніе Грузіи*, не подвергшееся, добно другимъ варіантамъ житій св. Нины, вліянію позднѣйшей адиціи и греческихъ историковъ, повѣствуетъ о просвѣщеніи Грузіи существенныхъ чертахъ согласно съ иноземными писателями.

24 гл. Исторіи Θеодорита была переведена на грузинскій языкъ XI — XII в. Ефремомъ Младшимъ, и нѣтъ сомнѣнія, что его разазъ отложился на мѣстныя записи. Составитель житій святыхъ грунской церкви катол. Арсеній соединялъ и комбинировалъ свѣдѣнія св. Нинѣ, сообщаемыя туземными и иностранными писателями. Такъ, аткое повѣствованіе *Обращенія* дополнилось извлеченіями изъ витійскихъ писателей. Относительно византійскихъ историковъ, осывающихся на Руфинѣ въ вопросѣ о просвѣщеніи Грузіи учеемъ Христа, слѣдуетъ прибавить, что нѣкоторые ихъ нихъ пообно, дословно передаютъ разсказъ Руфина, другіе же дѣлаютъ большіе пропуски и дополненія. Такъ, Θеодоритъ Кирскій не придитъ свѣдѣній о чудѣ съ колонной, поставленной молитвой блаженй дѣвы на свой базисъ. Онъ же исправляетъ Руфина въ томъ отшеніи, что считаетъ лишь одного царя Миріана пораженнымъ слѣтой. Θеодоритъ, согласно съ грузинской Лѣтописью, передаетъ, что рвый больной, излѣченный молитвами св. Нины, былъ ребенокъ неизстныхъ родителей. Созоменъ считаетъ его также „нѣкіимъ отрокомъ", а кратъ, первый продолжаетъ Руфина, увѣряетъ, что „заболѣлъ сынъ ря", который и былъ приведенъ къ „плѣнницѣ" для лѣченія. Эта правка Сократа объясняется желаніемъ историка внести больше ясти и точности и хорошо иллюстрируется привычкой, напр. Плурха къ опредѣленности разсказа, хотя бы черты для подобной ясти заимствовались изъ области фантазіи. Изъ византійскихъ источковъ Созоменъ представляется болѣе словоохотливымъ разсказчимъ, дополняетъ и прикрашиваетъ повѣствованіе своихъ предшеенниковъ. Руфинъ и Сократъ заявляютъ кратко, что плѣнница не ала никакого лѣкарства [1]) кромѣ молитвы, а Созоменъ, распроаняя это извѣстіе, говоритъ, что св. Нина „не дала больному ни зей, ни пластырей".

---

[1]) Никакого матеріальнаго средства по Сократу.

Θеодоритъ, вопреки показаніямъ всѣхъ другихъ источниковъ, передаетъ, что лишь одинъ царь былъ ослѣпленъ на охотѣ. Но едва ли можно положиться на свидѣтельство этого историка въ виду поздняго происхожденія его разсказа, притомъ измѣненнаго въ данномъ мѣстѣ неизвѣстно на основаніи какихъ соображеній.

Сопоставивъ Руфина съ его продолжателями и съ Картлисъ-Цховреба, мнѣ остается сопоставить свѣдѣнія Моисея Хоренскаго и нашей лѣтописи. Армянскій историкъ ближе знаетъ, дѣло распространенія христіанства въ Грузіи, потому что онъ заимствовалъ свѣдѣнія по этому вопросу у грузинскихъ историковъ [1]) Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить ту особенность повѣствованія Хоренскаго, что онъ прямо называетъ столицу Иверіи, Мцхету, о чемъ не знаютъ византійскіе историки, называя лишь страну, лежащую „по берегамъ Эвксинскаго понта“ [2]). Далѣе армянскій историкъ знаетъ по имени иверійскаго царя, „Михрапа“ (Миріана). Ему извѣстно также имя просвѣтительницы Грузіи, которую онъ называетъ Нуне́. Византійскіе историки именуютъ ее лишь плѣнницей (captiva). Она сама себя въ Кар.-Цховреба считаетъ плѣнницей.

Моисей Хоренскій передаетъ вкратцѣ то же, что извѣстно Кар.-Цх. и византійскимъ историкамъ. „Строгая жизнь Нуне́, даръ исцѣленія“, блужданіе Михрана въ лѣсу вслѣдствіе мрака, неожиданно покрывшаго солнце, воздвиженіе креста—вотъ основные факты, переданные имъ относительно распространенія христіанства въ Грузіи. Разсказъ его кратокъ и сжатъ и, повидимому, заимствованъ изъ болѣе подробныхъ источниковъ. Греки и грузины подробно передаютъ свѣдѣнія объ исцѣленіи ребенка, царицы [3]) грузинской, а армянскій писатель разсказъ объ этихъ чудесахъ стянулъ въ одну фразу: „строгою жизнью она удостоилась получить даръ исцѣленія“. М. Хоренскому подробнѣе сравнительно съ греческими писателями извѣстна языческая религія грузинъ. Онъ называетъ Бога „громовержца Арамазда (Армази [4]) по Кар.-Цховреба“), стоявшаго за городомъ отъ ко-

---

[1]) Мнѣніе покойнаго Бакрадзе.

[2]) Сократъ, гл. XIX.

[3]) Ея имя по грузинской лѣтописи (Нана).

[4]) См. *Brosset*. Hist. de la Géorgie I, 43. Армази—зендскій Ahura-Mazda, Ормуздъ, враждебный Ариману и чудовищному змѣю Ajidahâka, съ которымъ борется его сынъ Atar. Въ другомъ миѳѣ побѣдителемъ этого трехглаваго чудовища является Тритно-Феридунъ Шахъ-Намэ, грузин. Афридунъ, армян. Руденъ. Феридунъ борется съ Зохакомъ, полузмѣемъ-получеловѣкомъ. *Весселовскій*.

раго раздѣляла рѣка. Жители имѣли обыкновеніе рано по утрамъ съ овель домовъ своихъ покланяться его изображенію, возвышавшемуся редъ ихъ глазами; а желающіе приносить ему жертвы переходили ку и передъ храмами совершали закланіе.

Извѣстіе это совершенно согласуется съ свидѣтельствомъ Кар.-. [1]). По грузинской Лѣтописи — Армази, Армаздъ М. Хоренскаго, лъ богъ солнца и дождя [2]). Моисей Хоренскій говоритъ, что св. іна разрушила идолы иберійцевъ, по совѣту св. Григорія, просвѣтели арминъ, послѣ того какъ грузины добровольно приняли проовѣданіе Евангелія. Кар.-Цх. же разсказываетъ, что истуканы были крушены вѣтромъ по молитвѣ св. Нины еще до принятія ея ученія ерійцами.

Армянскій историкъ прибавляетъ свѣдѣнія о послѣдующей апоольской дѣятельности св. Нуне́: „она... проповѣдывала, начиная отъ ехарчовъ у воротъ алановъ и касбовъ до предѣловъ Маскутовъ“ [3]). ехарчи — въ гугарской области, маскути-массагеты, по объясненію . О. Эмина.

Грузинская лѣтопись также сообщаетъ, что св. Нина, царь Миріъ, епископъ Іоаннъ и одинъ изъ эриставовъ (областныхъ правителей) правились проповѣдывать Евангеліе среди горцевъ. Прибывъ въ Цорнъ, мѣстность географически до сихъ поръ неизвѣстную [4]), св. Нина, наавляла въ вѣрѣ христіанской партійцевъ [5]), жившихъ повыше Анари на притокѣ Арагвы, пховельцевъ или нынѣшнихъ пшавовъ [6]). ховельцы оставили свою землю и переселились въ Тушетію; живуимъ на границѣ Тушетіи и Гудамакары, просвѣтительница также аговѣствовала Евангеліе. По *„Обращенію Грузіи“* имѣемъ нѣолько иное свѣдѣніе о предѣлахъ распространенія ученія Еванге-

---

ыcканія въ области русскихъ духов. стиховъ. Сборн. отд. рус. яз. и слов. . Акад. Н., т. XXI, стр. 68. *Мой* грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи, . 18—22. Въ „Чтеніяхъ“ Общества Ист. и Древн. Рос., кн. IV, за 1891 г.

[1]) *Кар.-Цх.* I, 85.

[2]) *Исторія Арменіи М. Хоренскаго*, пер. Эмина, стр. 153.

[3]) *Ib.* стр. 308—309.

[4]) *Вахушти* въ своей географіи называетъ рѣчку Цорбисъ, но она проаетъ въ горійскомъ уѣздѣ и впадаетъ въ р. Двани (Description Geograph. 262). Цорбанъ въ армянской хроникѣ передѣланъ въ Dzrbin. *Chroniqne*, пен р. 31.

[5]) *Wakhoucht. Descrip.* géogr. p. 221. Cp. Chronique armen. „Djart-", p. 31.

[6]) *Фаустъ византійскій* ихъ называетъ Phokh p. 15.

лія св. Ниной". Прибыла (св. дѣва) въ Эрцо, оставалась въ Джалети, урочищѣ Эдемѣ, крестила Эрцо-тіонетцевъ, а кварельцы, услышавъ объ этомъ перешли, въ Тушетію, и ихъ впослѣдствіи царь Тердатъ привелъ и крестилъ" [1]). По Лѣтописи царь Миріанъ за уклоненіе отъ принятія крещенія наложилъ на горцевъ усиленныя повинности. Лѣтопись прибавляетъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ впослѣдствіи обратилъ въ христіанство Абибосъ, епископъ Некресскій. Къ этому извѣстію можемъ прибавить, что еще въ XVII в. Цилканскому епископу, Роману, приходилось проповѣдывать ученіе Христа среди грузинскихъ горцевъ не безъ опасности для своей жизни [2]). Въ дополненіе показаній грузинскихъ источниковъ о мѣстностяхъ, посѣщенныхъ съ цѣлью обращенія жителей къ Евангелію, мы должны прибавить Кахетію, гдѣ св. Нина крестила правителей.

Сѣверную и восточную границу, до которой распространилась проповѣдь св. Нины по грузинскимъ и армянскимъ историкамъ, представляетъ страна алановъ и касповъ. Прокопій историкъ VI в. называетъ алановъ сосѣдями иберовъ [3]). Если аланы—осетины, какъ доказываетъ В. Ѳ. Миллеръ, то тогда Кар.-Цховреба и Мойсей Хоренскій вполнѣ согласны относительно предѣловъ проповѣднической дѣятельности св. Нины. За Гудамакири, Чарти, Пшаветіей и Тушетіе обитаютъ осетины, среди которыхъ ни по извѣстіямъ грузинской лѣтописи, ни по словамъ армянскаго историка св. просвѣтительница Грузіи не успѣла возвѣстить христіанскаго ученія. Итакъ, Аланскія ворота—тѣ же Дарьяльскія—начинаются отъ предѣловъ народовъ, у которыхъ св. Нина проповѣдывала христіанство. Грузинская лѣтопись называетъ послѣдній предѣлъ, озаренный лучемъ новой религіи, а Моисей Хоренскій указываетъ границу, съ которой прежній мракъ остался не тронутымъ свѣтомъ Евангелія.

Восточную границу проповѣди св. Нины составляютъ по М. Хоренскому Каспи. Послѣдніе были во владѣніи албанцевъ во времена Страбона [4]). Албанія или нынѣшняя Албани лежитъ въ сѣверной части Кахетіи и составляетъ собственность тушинъ-цовцевъ. За ними—албанцами жили каспіани или каспи до моря, получившаго названіе Каспійскаго. Въ Алванію или Албанію, страну тушинъ, по извѣстіямъ Кар.-Цх., св. Нина внесла ученіе Евангелія. За Албаніей страна

---

[1]) *Обращеніе Грузіи*, стр. 19.

[2]) См. *Гуджары*, изд. мною. Кутаисъ, 1891, стр. 41—60. См. еще 38 стр.

[3]) *De bello Persico* II, 29.

[4]) *Страбонъ*. Географія IV, 5.

касповъ осталась въ язычествѣ. И тутъ грузинская Лѣтопись отмѣчаетъ послѣднюю границу, озаренную Новымъ завѣтомъ, а Моисей Хоренскій указываетъ рубежъ, далѣе котораго христіанство не распространилось при св. равноапостольной Нинѣ. Среди горцевъ христіанство было вводимо принудительнымъ путемъ, насильно опрокидывались ихъ идолы, но они упорно уклонялись, а часть даже оставила родину и переселилась въ Тушетію. Въ наказаніе отказавшимся принять христіанство царь увеличилъ, какъ я сказалъ, государственныя повинности и подати.

Я разсмотрѣлъ три группы источниковъ: византійскіе, грузинскіе и армянскій. Я сравнивалъ съ одной стороны греческихъ историковъ съ грузинскими, съ другой стороны свидѣтельство армянскаго историка съ данными грузинской исторіи. Изъ сопоставленія свѣдѣній греко-грузинскихъ историковъ я заключилъ, что разсказъ ихъ существенно сходенъ и основанъ на показаніяхъ современниковъ. Руфинъ передаетъ исторію распространенія христіанства въ Грузіи, опираясь на разсказъ Бакурія, внука царя Миріана, при которомъ Иверія была просвѣщена новой религіей. Бакурій, отправленный заложникомъ въ Константинополь, по принятіи христіанства по свидѣтельству византійскихъ повѣствователей и Картлисъ-Цховреба, разсказалъ Руфину дѣло введенія новаго ученія. Въ Грузіи же таже исторія была записана очевидцами и современниками, пользовавшимися жизнеописаніемъ св. Нины со словъ этой просвѣтительницы Иверіи. Разсказъ, приведенный въ грузинской Лѣтописи и въ житіяхъ святыхъ относительно проповѣди св. Нины, въ существенномъ совпадаетъ съ повѣствованіемъ недавно открытой рукописью IX в.— Новый варіантъ житія св. Нины. „Кар.-Цховреба“ знаетъ имя царя Грузіи, просвѣтительницы ея, называетъ авторовъ житій св. Нины и вобще фактическія подробности ея превосходятъ свѣдѣнія по данному вопросу, сообщаемыя иностранными писателями. Ко времени внесенія въ грузинскую лѣтопись и въ исторію Руфина свѣдѣній о проповѣданіи св. Ниной христіанства въ Грузіи народное преданіе успѣло уже разукрасить первоначальное сказаніе вымысломъ, что отразилось одинаково у грузинскихъ и у греческихъ писателей.

Чтобы выдѣлить историческое зерно отъ позднѣйшихъ наслоеній, необходимо обратиться къ недавно открытому памятнику IX—X в., носящему названіе—„Обращеніе Грузіи“. Изъ разбора грузинскихъ, византійскихъ и армянскихъ источниковъ мы знаемъ, что вниманіе историковъ было обращено на три момента при введеніи христіанства въ Грузіи: 1) на исцѣленіе св. Ниной отъ болѣзни сына вдовы

и на избавленіе отъ недуга царицы Наны; 2) разсѣяніе мрака, окружавшаго царя Миріана на охотѣ; 3) чудо при воздвиженіи колоннъ. Вышеназванный памятникъ совершенно умалчиваетъ объ этихъ чудесахъ, точно также о послѣдующихъ исцѣленіяхъ и предзнаменованіяхъ, исходящихъ отъ св. храма, построеннаго на мѣстѣ срубленнаго кедра. Біографическія свѣдѣнія о св. просвѣтительницѣ Грузіи, такъ подробно извѣстныя изъ Картлисъ-Цховреба и *Новаго варіанта* житія св. Нины, ограничиваются двумя скудными фактами. Мы узнаемъ, что царица Елена, мать Константина В., застала въ Іерусалимѣ „плѣнницу Нину“ [1]). Кромѣ того, *Обращеніе* сообщаетъ о подругахъ св. Нины — Рипсиміи и Гаіанѣ, оставшихся у Тердата, царя армянскаго, но безъ подробностей Картл.-Цховреба.

Св. Нина прибывъ по теченію р. Куры въ Мцхетъ, сдѣлала крестъ изъ виноградныхъ лозъ, начала проповѣдывать ученіе Христа. На шестой годъ ея проповѣди увѣровала царица Нана, а на седьмой—царь (чудомъ) и построила церковь. Отправили пословъ къ императору Константину съ просьбой прислать священниковъ. Прибыли оттуда епископъ Іоаннъ, два священника и одинъ дьяконъ. Принялъ крещеніе царь Миріанъ и весь его домъ.

Царь Миріанъ распрашиваетъ о хитонѣ Господнемъ, доставшемся мцхетскому еврею. Но въ *Обращеніи* нѣтъ даже тѣхъ сравнительно съ Лѣтописью немногихъ фактовъ, которые открываются въ Новомъ варіантѣ житія св. Нины. Ни разсказы о происхожденіи св. Нины, ни свѣдѣній о свв. Рипсиміи и Гаіанѣ, ни чудесъ, сотворенныхъ просвѣтительницей Грузіи при исцѣленіи сына вдовы, царицы Наны и низверженія идоловъ, мы не находимъ въ *Обращеніи Грузіи*. Нѣтъ также подробностей объ помраченіи и просвѣтленіи Миріана, воздвиженіи креста, отправленіи пословъ въ Грецію и пр. Я указалъ на принудительный способъ распространенія христіанства среди горцевъ, заимствуя эти свѣдѣнія изъ Лѣтописи. Согласно съ свидѣтельствомъ Картлисъ-Цховреба повѣствуетъ объ этомъ и Обращеніе.

Конецъ земной жизни св. Нины въ хроникѣ отмѣченъ такъ: на 14-омъ году по прибытіи въ Грузію, въ 338 г. по Вознесеніи Христа и отъ сотворенія міра въ 5838 г. Намъ извѣстно изъ Обращенія, что царь Миріанъ увѣровалъ въ ученіе Христа на седьмомъ году по прибытіи св. просвѣтительницы въ Грузію, но принялъ крещеніе послѣ построенія храма и прибытія изъ Византіи священнослужителей. Если примемъ во вниманіе промежутокъ времени между

[1]) *Обращеніе*, стр. 15.

отправленіемъ пословъ къ Константину В. и прибытіемъ епископа Іоанна, то годъ крещенія Миріана придется отодвинуть на 8-й годъ прибытія св. Нины въ Грузію, т. е. къ 332 г., потому что св. просвѣтительница скончалась на 14-ый годъ по прибытіи въ Грузію, или въ 338 г. Значитъ годъ вступленія ея въ предѣлы Грузіи относится къ 324 г. Прибавивъ къ 324 еще 8 лѣтъ, время до крещенія Миріана, получимъ 332 годъ, который мы считаемъ годомъ принятія христіанства Грузіей [1]). Дюбуа [2]) называетъ 318 годъ, но онъ, подобно показанію, Чамчіану долженъ быть отвергнутъ.

Сравнивая показанія хроники и лѣтописи, мы можемъ заключить, что подробности втораго источника представляютъ развитіе сжатой мысли перваго источника. Мы знаемъ, какъ много говоритъ лѣтопись по поводу исцѣленія св. Ниной царицы Наны. Этотъ разсказъ, сопровождаемый описаніемъ вопросовъ и отвѣтовъ съ обѣихъ сторонъ, служитъ распространеніемъ краткаго предложенія хроники: Нана увѣровала „будучи въ болѣзненномъ состояніи". Второй моментъ при введеніи христіанства, обозначенный нами чудомъ на охотѣ царя Миріана, представляетъ преувеличенное отраженіе *одного* слова хроники: въ послѣдней мы читаемъ, что Миріанъ увѣровалъ—вслѣдствіе чуда [3]). Оно послужило зерномъ для детальнаго развитія подробностей приключенія съ царемъ Миріаномъ.

Сопоставленіе этихъ двухъ грузинскихъ источниковъ между собою даетъ основаніе считать разсказъ Обращенія наиболѣе древ-

---

[1]) По мнѣнію Чамчіана, Өеофила и Вахушти годъ крещенія Грузіи—317, по Баронію—326 г., по Броссе—328, по Chronique Armén—332 г., по Лѣтописи—338 г. Мнѣніе Чамчіана и Вахушти не можетъ быть принято, потому что Константинъ сдѣлался единодержавнымъ лишь въ 325 г. Крещеніе же Грузіи относится ко времени успокоенія имперіи послѣ раздоровъ Лицинія и Максимина. Константинъ † 337, а потому 338 годъ отвергается. Броссе пріурочиваетъ крещеніе къ 328 г., потому что по Лѣтописи Миріанъ принялъ христіанство по прибытіи св. Нины на четвертый годъ, а не на восьмой, какъ это передаетъ *Обращеніе*, отсюда разница между датой Броссе и нашей (328 г. и 332 г.) Бароній неизвѣстно, на чемъ основываетъ свое мнѣніе, а дата Chron. Armén. 332 г., совпадаетъ съ установленіемъ Лѣтописью года крещенія Грузіи.

[2]) *Dubois de Montpereux*. Voyage autour du Caucase, t. II, p. 60—1.

[3]) Въ *Обращеніи Грузіи* нѣтъ свѣдѣній о проповѣданіи Евангелія въ Грузіи ап. Андреемъ и Симеонъ Кананитомъ, о которомъ намъ извѣстно изъ Картл.-Цховреба. *Царевичъ Теймуразъ* въ своей Исторіи Грузіи. (Спб. 1848) сообщаетъ объ этомъ же вопросѣ довольно подробно (стр. 140—5).

нимъ сравнительно съ повѣствованіемъ Житья св. Нины и Картлисъ-Цховреба. На лѣтописи, быть можетъ, а также на Житіи отразилось вліяніе греческихъ источниковъ, внѣ сферы котораго осталась названная хроника. Одно слово, извѣстное намъ изъ Руфина, „cilicium" и тоже слово, данное въ лѣтописи нѣсколько подтверждаетъ заимствованіе изъ византійскаго источника свѣдѣній о чудесахъ, сопровождавшихъ введеніе христіанства въ Грузіи. Во всякомъ случаѣ, нужно признать постепенное дополненіе и разукрашиваніе разсказа изъ *Обращенія* новыми подробностями, неизвѣстными древнимъ источникамъ. На составителяхъ житій святыхъ отразилось вліяніе народныхъ легендъ, слѣды которыхъ легко усмотрѣть въ повѣствованіи о распространеніи ученія Христова въ Грузіи. Католикосъ Арсеній не скрываетъ отъ насъ, что житія святыхъ грузинской церкви составилъ онъ (въ X в.) на основаніи письменныхъ источниковъ и устныхъ сказаній. Приписки такого содержанія находимъ въ манускриптѣ, принадлежащемъ Академіи Наукъ, въ концѣ житія св. Іоанна Зедазійскаго [4]).

---

[4]) Brosset. Hist. de la Géorgie. Le cath. Arseni... s'occupa de recueillir qui concernent des saints péres... s'aidant des livres écrits et des recits oraux. T. 1, p. 203, n. 6. *Броссе* сообщаетъ слѣд. свѣдѣнія объ Арсеніи католикосѣ: въ началѣ житія св. Іоанна читается: Cette histoire a été renouvelee et developpée par S. Arseni. cathoilcos du Karthli. По его мнѣнію, этотъ Арсеній, долженъ быть Арсеній Икалтойскій, учитель царя Давида Возобновителя, жившій въ концѣ XII в., см. Additions et éclaircissements, p. 126. Житія святыхъ, хранящіяся въ Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, немного отличаются отъ извѣстныхъ Броссе и Бакрадзе житій. Бакрадзе сообщаетъ перечень житій святыхъ, помѣщенныхъ въ рукописномъ сборникѣ Шіо-Мгвимскаго монастыря, именно: Іоаннъ Зедазнійскій, Давидъ Гареджійскій, Шіо-Мгвамели, Абибасъ Некресели, мученикъ Константинъ Картлели, мученикъ Гобронъ, Естате Мцхетели, мученица царица Шушаника, мученица царица Кетевана, муч. Давидъ и Константинъ, муч. царь Луарсабъ, ц. Арчилъ, Евфимій Святогорецъ, Георгій Святогорецъ, Иларіонъ, *Петре Картвели*, Або, св. Мина, Ражденъ, муч. Арчилъ, муч. Луарсабъ, мученики Бидзина, Шалва и Элизбаръ, Іасе Цилкнели. (См. *Бакрадзе.* Исторія Грузіи, стр. 153). *Архивное житіе* сверхъ перечисленныхъ здѣсь святыхъ приводитъ еще житія Стефана, Климента, папы римскаго, мученіе св. Евстратія, мученіе св. Димитрія, свв. Авксентія, Евгенія, Ареста, Іосифа Амба Алавердели. Въ концѣ житія Іасе Цилкнели читаемъ: „св. Іасе, прославляю я, Ксанскій Эриставъ, Іасе". Житіе св. Гоброна въ этомъ памятникѣ, какъ и Шіо-мгвимскомъ (1733 г.) и Іоанна-Крестительскомъ (1713 г.) прерывается на одномъ и томъ же словѣ. Трудно сказать, за неимѣніемъ подъ руками нужныхъ рукописей, списано-ли архивное житіе съ Шіо-мгвимскаго или

Приводимъ **житіе св. Георгія** изъ манускрипта XI в. Рукопись привезена изъ Сванетіи гр. Уваровой и заключаетъ житіе св. Георгія и св. Ѳеодора Стратилата. Матеріалъ—грубая кожа, почеркъ—мелкій хуцури, писанъ черными чернилами, есть киноварныя фразы и приписки переходнымъ мхедрули [1]).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ мученіе св. Георгія, которое описалъ послѣдовавшій за нимъ ученикъ св. Георгія, Басикиртъ.

Въ то время, когда господствовало, по наущенію дьявола, поклоненіе идоламъ, надъ греками царствовалъ Діунклитіанусъ, суровый гонитель паствы Христовой. Былъ у него другъ, Магнетіусъ, единомыслящій съ нимъ. Они вознамѣрились обратить всѣхъ христіанъ къ идоламъ и разослали по всему царству письма, въ которыхъ вслѣдъ за привѣтствіемъ указывалось, что христіане поклоняются Человѣку, по имени Іисусъ, отступивъ отъ Апуллона, поэтому повелѣвается и мужчинъ, и женщинъ изъ христіанъ предавать горькимъ мученіямъ за отступничество. Многіе изъ христіанъ послѣ мученій переходили къ Апуллону. Діоклетіанъ же, собравъ придворныхъ, спасаларовъ [военачальниковъ] эриставовъ, обсуждалъ, какъ искоренить ученіе Назареянина. Всѣ присутствующіе, повинуясь царю, согласились принять мѣры къ сокрушенію христіанской вѣры. „Тогда-то засіялъ св. Георгій, словно звѣзда въ темную ночь, я же рабъ его, Басикартусъ, сопровождалъ его и описалъ его житье". Онъ, воинъ Христа и честный жемчугъ, сокрушилъ поклоненіе идоламъ и просвѣтилъ міръ своими подвигами. Онъ не устрашился ни царя и его вельможъ, ни разнообразныхъ мукъ, не соблазняясь мірской славой и уповая на Христа: „за малое терпѣніе удостоишься причисленія къ сонму ангеловъ". Сей св. мужъ, Георгій, былъ изъ области Каппадокійской, находящейся въ области греческой. Онъ былъ правителемъ (мтавари), прославленный своей честностью, богатствомъ и мудростью. Состоялъ онъ храбрымъ спасаларомъ надъ отрядомъ, извѣстенъ былъ самому Діунклетіану. Усмотрѣвъ безуміе въ поклоненіи идоламъ, св. Георгій подѣлилъ все достояніе между нищими и отправился къ царю, предъ которымъ онъ заявилъ, что онъ христіанинъ. Обличая Діунклетіана въ заблужденіяхъ, онъ

Іоанно-Крестительскаго варіанта, или же всѣ три памятника сняты съ недошедшей до насъ рукописи. Въ архивномъ варіантѣ встрѣчаются мѣста, которыя согласны то съ Шіо-мгвимскимъ манускриптомъ, то съ Іоанно-Крестительскимъ. См. у меня „Источники по введ. христ. въ Грузіи". М. 1893.

[1]) Житье св. Георгія сохранилось еще въ пергаментномъ манускриптѣ XI—XII в. Крестнаго монастыря, *Цагарели*, ор. с., 104.

призывалъ его къ познанію Единаго Бога, Троицу единосущную, Творца вселенной, къ вѣрѣ въ Страшный судъ и воскресеніе мертвыхъ. Разгнѣванный другъ Діуклетіана, Магнетіузъ, спросилъ Георгія, кто онъ такой, что дерзаетъ такъ смѣло говорить. Узнавъ, что обличитель ихъ—извѣстный своей мудростью Георгій, они приглашаютъ его поклониться идоламъ и пользоваться ихъ дружбой и почетомъ. Святый мужъ продолжалъ призывать истиннаго Бога, и его твердость выводитъ изъ терпѣнія царя, который приказываетъ пронзить его копьями. Второе мученіе—заключеніе его въ тюрьму, наложеніе оковъ и камня на грудь. Третье мученіе—привязываніе святого къ колесу утыканному гвоздями. Въ десятомъ часу гласъ съ неба ободряетъ св. Георгія. Ангелъ освобождаетъ мученика и залѣчиваетъ раны. Св. Георгій прославляетъ Господа своего. Онъ приближается къ Апуллону, предъ которымъ царь тогда приносилъ жертву и, объявивъ, какъ Богъ спасъ его отъ мученій, снова обличалъ ихъ въ заблужденіяхъ. Увидѣвъ это чудо, спасалары—Анатуліосъ и Бартулипси [1]) увѣровали во Христа. Царь велѣлъ ихъ обезглавить. Услыхавъ обо всемъ этомъ увѣровала и царица Александра. Разгнѣванный Діуклетіанъ велѣлъ бросить св. Георгія въ ровъ съ негашенною известью и чрезъ три дня достать его кости. Но св. мужъ остался невредимъ. Народъ возгласилъ, при видѣ этого чуда, что великъ Богъ христіанъ, а царица Александра прославила Спасителя, и увѣровали въ Единаго Творца стражи, приставленные къ св. Георгію. Св. Георгій, на запросъ царя, кто его спасъ, сталъ славить Христа. Тогда Діуклетіанъ велѣлъ надѣть ему желѣзные сапоги, утыканные гвоздями. Св. Георгій съ молитвой обратился къ Господу о дарованіи ему терпѣнія. Гласъ съ неба послышался ему, и исцѣлились раны его. Св. Георгій былъ отправленъ въ тюрьму. На другой день ему царь предлагаетъ поклониться богамъ. Св. Георгій сталъ снова обличать его въ заблужденіи и почитаніи бездушныхъ истукановъ. Царь въ гнѣвѣ велѣлъ его бичевать. Магнетіозъ проситъ царя освободить мученика и предложить ему воскресить кого-нибудь изъ мертвыхъ. Святой сталъ молиться, и молитва была услышана: открылась могила, воскресъ мертвый, который бросился на колѣни предъ св. Георгіемъ, прося его помилованія. Изъ его словъ оказалось, что онъ умеръ до Р. Х. Царь считаетъ св. Георгія чародѣемъ. Святый сталъ убѣждать его увѣровать во Христа, котораго не могутъ призывать чародѣи. Его заключаютъ въ тюрьму. Здѣсь онъ

[1]) У меня нѣтъ этого имени (*Мой* Грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи. М. 1892.

проповѣдывалъ предъ плѣнными, многихъ склонилъ къ вѣрѣ во Христа и исцѣлялъ молитвой больныхъ и страждущихъ.

Былъ нѣкій Гуракліузъ [1]), у котораго умеръ быкъ, явился св. Георгію и умолялъ воскресить ему быка. По вѣрѣ Гураклiуза, быкъ его воскресъ, и объявилъ онъ себя христіаниномъ. Императоръ велѣлъ его изрубить, а св. Георгія призываетъ и обѣщаетъ сдѣлать его вторымъ послѣ себя, если онъ поклонится его богамъ. Св. Георгій соглашается идти въ капище. Всѣ считаютъ этотъ поступокъ знакомъ побѣды Апуллона. Дьяволъ, находившійся въ статуѣ послѣдняго, вступилъ въ объясненіе съ св. Георгіемъ и признается, что Апуллонъ—не богъ. По знаменію креста идолы падаютъ и сокрушаются. Народъ требуетъ наказанія св. Георгія. Царица Александра проситъ у св. Георгія пріобщить ее къ ученію Христа. Діоклетіанъ, услышавъ это, велитъ казнить и царицу, а св. Георгія, совратившаго ее, обезглавить. Царица съ радостью послѣдовала за св. мужемъ на казнь, назначенную внѣ города, но на дорогѣ испустила она духъ. Предъ казнью св. Георгій просилъ позволенія помолиться. Онъ молилъ Господа о прощеніи его мучениковъ и ниспосланія благодати всѣмъ призывающимъ его имя. (Объявленія Господа въ облакѣ и обѣщанія исполнить его волю нѣтъ въ сванетской рукописи) [2]). По окончаніи молитвы, онъ былъ обезглавленъ. Въ концѣ снова читается, что житье св. Георгія писалъ ученикъ его Баскартусъ. Послѣднія слова житья: св. Георгій помилуй Вахтанга Парсие (?) Джаніани. Въ концѣ же рукописи: описалъ я ничтожный столпникъ, Іоаннъ, мученія свв. Георгія и Өедора. Прославь, Господи, Вахтанга Парджаніани съ дѣтьми. Написано при Чкондидели Ан҃, въ царствованіе Баграта Куропалата. Короникон *сна* (=1031 г.) рукою недостойнаго столпника Іоанна.

Сравнивая разсказъ рукописи XI в. съ поздними свѣдѣніями, сообщенными мною въ I ч. очерковъ, мы находимъ разницу въ транскрипціи собственныхъ именъ Баскратузъ вм. извѣстнаго Пасикратъ, Діуклетіанъ, Магнатіозъ, Анатуліосъ и пр. Языкъ древній, что видно изъ замѣны звука *у* звукомъ *о* и обратно.

Житіе святыхъ Іоанна и Евфимія [3]). Преподобный Іоаннъ былъ

---

[1]) Гликери у меня, Γλύκεριος по-гречески.

[2]) Нѣтъ также просьбы даровать его останкамъ цѣлебное свойство, призывающихъ его избавлять отъ искушеній, отъ града и засухи. (См. у меня *Груз. изводъ о св. Георгіи*, стр. 5). Эти вѣрованія въ силу св. Георгія нынѣ господствуютъ въ Грузіи.

[3]) Житіе преподобнаго Іоанна (X в.) извлекаемъ изъ жизни преподобнаго

родомъ грузинъ, происходилъ изъ знатнаго и богатаго рода въ городѣ Артануджи. Былъ извѣстенъ своими военными подвигами и храбростью на службѣ царя Давида Куратпалата. Бесѣда съ нѣкоторымъ пустынникомъ возбудила въ немъ ревность къ подвижничеству. Оставилъ онъ семейство и мірскія стяжанія и отправился въ одинъ изъ Имеретинскихъ монастырей, въ какой именно, писатель жизни его не говоритъ. Между тамошними подвижниками славились въ то время отцы Моисей и Геласій. Святые отцы охотно приняли пришедшаго избранника Божія и по просьбѣ его постригли въ монахи. Царь Давидъ Куратпалатъ, узнавъ о поступкѣ любимаго имъ вельможи и храбраго воина, сильно опечалился и отправился къ нему, чтобъ склонить его оставить начатое имъ дѣло и вернуть его въ міръ; но никакія просьбы и ласки не могли поколебать святаго мужа. Спустя нѣкоторое время, Іоаннъ взялъ благословеніе отъ своихъ старцевъ и отправился въ Грецію. Въ одной изъ обителей горы Олимпа принялъ на себя надзоръ за монастырскими ослами и проходилъ другія послушанія.

Въ то время императоръ греческій велъ войну съ персами; желая обезпечить себя со стороны Грузіи, онъ уступилъ царю Давиду Куратпалату пограничныя области: Тао и Кларджети, смежныя съ владѣніями Давида. Въ знакъ же вѣрности Давида, ему были даны заложники въ лицѣ шуриновъ блаженнаго Іоанна (т.-е. братьевъ его жены), его сына Евфимія и другихъ князей и дворянъ. Преподобный Іоаннъ, узнавши о томъ, что его родные прибыли въ столицу греческаго царства, невольно долженъ былъ открыть себя міру: поэтому отправился въ Константинополь и остановился у тестя своего Абуларбиса. Сестра блаженнаго и его зять съ величайшею радостью встрѣтили его. Іоаннъ, отдохнувъ нѣсколько, началъ переговоры съ своимъ зятемъ объ Евфиміи и просьбами смягчилъ сердца задерживающихъ отрока. Старецъ, получивши своего сына, съ радостію возвратился съ нимъ на гору Олимпъ. Избѣгая суетной славы, взялъ онъ своего сына и нѣсколько своихъ близкихъ учениковъ и отправился съ ними на Аѳонскую гору. Въ лаврѣ святаго Аѳанасія былъ онъ принятъ съ своими учениками весьма радушно, какъ святымъ Аѳанасіемъ, такъ и братіею обители. Скрывая свой знатный родъ и прежнее житіе, онъ исполнялъ шесть лѣтъ всѣ возлагаемыя на него послушанія съ рѣдкимъ смиреніемъ. Онъ тутъ узналъ, что великій и знаме-

---

Евфимія, житіе же послѣдняго (XI в.) описано преподобнымъ Георгіемъ Святогорцемъ III, настоятелемъ послѣ святаго Евфимія, основателя Иверской обители.

тый вельможа Торникій, братъ его жены, будучи еще въ Грузіи, нялъ монашество и отправился къ нему на гору Олимпійскую. іѣхавъ туда послѣ долгаго путешествія, Торникій не засталъ тутъ женнаго Іоанна, тайно развѣдалъ о мѣстопребываніи его и отпрася на Аѳонскую гору. Въ лаврѣ святаго Аѳанасія, встрѣтилъ его женный Іоаннъ и принялъ его радушно.

Въ то время правитель восточныхъ областей, имперіи Барда иръ возсталъ противъ императорскаго семейства. Узнавъ чрезъ верженцевъ, что въ обители Аѳанасія проживаютъ два знаменихъ мужа, Іоаннъ и Торникій, близкіе царю Давиду, императорская ья и сенаторы отправили въ лавру довѣреннаго человѣка съ проельными письмами.

Блаженный Торникій, заручившись молитвами святыхъ отцовъ, равился въ Константинополь, и придворный вельможа, такъ назыемый Παρακειμῶμενος (постельникъ), представилъ его императрицѣ. ператрица приняла его съ честью, приказала сѣсть рядомъ съ со, повелѣла дѣтямъ своимъ, Василію и Константину, поклониться у и испросить у него благословенія. Императрица написала проельное письмо къ Давиду Куратпалату и вручила его блаженному рникію. Пріѣхавши въ Грузію, Торникій представился по обыкновенію рю. Давидъ вручилъ Торникію отборное войско въ 12.000 человѣкъ, послѣдній съ гавани Трапезунда отправился противъ Барда Склира. рникій силою Христовою побѣдилъ его, гналъ до предѣловъ Персіи водворилъ миръ въ имперіи. Послѣ побѣды Торникій вернулся въ узію, Давидъ принялъ побѣдоноснаго своего военачальника съ векимъ тріумфомъ. Торникій вручилъ ему отъ двора греческаго богатые арки и условную бумагу, по которой уступались ему требуемыя дѣнія. Торникій, наконецъ, послѣ продолжительнаго времени возтился на святую гору, въ лавру святаго Аѳанасія, съ огромнымъ атствомъ, которымъ одарили его, какъ императрица, такъ и Давидъ. аженные отцы, Іоаннъ и Торникій, какъ опытные въ жизни, разсуи, что неудобно имъ съ многочисленною братіею изъ грузинъ остаься въ лаврѣ, такъ какъ легко могли происходить разнаго рода ріятности. Посовѣтовавшись съ св. Аѳанасіемъ, купили они мѣсто на стояніи одной мили отъ лавры, и на прекрасномъ мѣстѣ на берегу я построили церковь въ честь Іоанна Крестителя, выстроили ѣ вокругъ храма кельи и обнесли все зданіе крѣпкою стѣною бойницами въ 982 г. Тутъ и поселились блаженные отцы со сво- учениками грузинами, переселивъ ихъ изъ лавры; съ общаго со-

гласія блаженному Іоанну вручено было настоятельство въ новой обители, наименованной Иверскою.

Блаженный Торникій и послѣ сего собиралъ въ Грузіи желающихъ вступать въ его обитель; желающихъ явилось много, и они отправлялись на Аѳонъ.

Послѣ смерти блаженнаго Торникія, святый Іоаннъ предположилъ взять своего сына, Евфимія, и нѣсколько приближенныхъ себѣ учениковъ и вмѣстѣ съ ними отправиться на Синайскую гору, чтобъ избавиться отъ всѣхъ житейскихъ заботъ, соединенныхъ съ настоятельской своею должностью, которую и принялъ на себя, чтобы помогать Торникію въ строеніи и утвержденіи новой Иверской обители. Святый Аѳанасій не щадилъ ничего, дабы оставить святаго Іоанна на Аѳонѣ и задержать его; но видя его непреклонность, наконецъ, сказалъ ему: „если не желаешь отложить своего намѣренія, подожди, а я напишу объ этомъ государю, и, что онъ прикажетъ, такъ и будешь дѣлать". Въ скоромъ времени пришло отъ императора приказаніе, чтобы старецъ Іоаннъ немедленно пріѣхалъ въ столицу. Императоръ высказалъ предъ святымъ свое сожалѣніе объ его отъѣздѣ на Синай. Сталъ просить и молить святаго не оставлять своей настоятельской должности и пасти братію новоустроенной обители Иверской. Блаженный уступилъ просьбамъ и настояніямъ его и далъ слово остаться при обители,—государь почтилъ его великими дарами и съ честію отпустилъ на Аѳонъ. Впавши въ болѣзнь, святый просилъ сына своего, Евфимія, принять въ свои руки управленіе монастыремъ; Евфимій, не желая огорчить старца-отца, принялъ на себя всѣ заботы и хлопоты по обители, какъ намѣстникъ его.

Въ то время въ лаврѣ блаженнаго Аѳанасія жили и другіе отцы иверской страны: Іоаннъ Грдзелидзе и Арсеній, епископъ Ниноцминдскій. Эти блаженные мужи желали болѣе уединенной и пустынничеcкой жизни. Обсудивши дѣло, они отправились въ понтійскую страну. Святые Іоаннъ и Евфимій узнали о мѣстѣ ихъ пребыванія и послали туда одного монаха, вручивъ ему письмо: „молимъ теперь святость вашу, возвратитесь опять на свое прежнее мѣсто, и будемъ жить вмѣстѣ". Черезъ годъ они отправились назадъ на Аѳонъ.

Чрезъ нѣсколько времени блаженный Іоаннъ, отецъ св. Евфимія, чувствуя приближеніе своей кончины, собралъ братію, далъ имъ наставленіе и повелѣлъ своему сыну, св. Евфимію, чтобъ онъ послушаніе свое передалъ св. Григорію, извѣстному подъ именемъ новаго Авраама. Заповѣдалъ также, чтобы онъ, Григорій, въ

случаѣ смерти Евфимія, принялъ настоятельство. Разъ навсегда положилъ, чтобъ по смерти каждаго настоятеля немедленно поставлялся другой. Кто посмѣлъ бы противиться волѣ и власти настоятельской, того немедленно изгонять изъ обители, какъ недостойнаго члена. Затѣмъ блаженный положилъ попеченіе и главный надзоръ надъ обителью вручить самому государю. Блаженный велѣлъ подать себѣ чернила и бумагу и изложилъ все сказанное имъ наставленіе и правило письменно. Въ 998 г. по Р. Х. преставился св. Іоаннъ; блаженный Евфимій съ честію и славою похоронилъ его въ обители Иверской, и вскорѣ на могилѣ своего отца построилъ храмъ въ честь всѣхъ святыхъ преподобныхъ отцовъ. Отъ гроба святаго стали истекать благодатныя исцѣленія.

Возвратимся теперь къ дѣтству блаженнаго Евфимія. Когда былъ онъ еще довольно молодъ, святый Іоаннъ отвезъ его для книжнаго обученія изъ горы Олимпъ въ столицу, сперва отдалъ его для основательнаго изученія грузинскаго языка и литературы, а потомъ греческаго. Отрокъ Евфимій имѣлъ необыкновенныя способности и упорное прилежаніе. Окончивъ съ успѣхомъ свое ученіе, возвратился онъ къ своему отцу на Аѳонъ. Тутъ онъ сильно заболѣлъ и былъ уже почти при смерти. Святый Іоаннъ оставилъ его въ келіи, отправился въ храмъ и палъ предъ Иверскою иконою Пресвятыя Богородицы, тепло со слезами молясь передъ Нею о выздоровленіи отрока; затѣмъ отправился къ іерею и просилъ его придти къ нему въ келію съ запасными дарами и причастить больного. Возвратясь въ келію, сына своего увидѣлъ сидящимъ въ постели и совершенно здоровымъ. Евфимій отвѣчалъ: „не знаю, отецъ, недавно предстала мнѣ какая-то окруженная славою Царица и сказала мнѣ по-грузински: „что это такое и что случилось съ тобою, Евфимій!“ я отвѣчалъ Ей: Царице моя, умираю! Тогда Она приблизилась ко мнѣ, взяла меня за руку и сказала: „нѣтъ болѣе съ тобой никакой болѣзни“! Такъ чудесно выздоровѣлъ больной отрокъ. „Отъ того времени“, говорилъ преподобный Іоаннъ, „сынъ мой Евфимій получилъ необыкновенную благодать и даръ грузинскаго языка“. Въ одно время преподобный Іоаннъ сказалъ сыну своему: „сынъ мой, самъ знаешь, что въ нашей странѣ, т. е. въ Грузіи, святая церковь имѣетъ великую нужду въ церковнослужебныхъ книгахъ. Вижу, что Господь одарилъ тебя даромъ премудрости, и прошу тебя, начни подвизаться въ переводахъ св. книгъ съ греческаго на грузинскій“. Святый Евфимій принялся за порученный ему трудъ съ усердіемъ и охотою.

Святый съ благословенія отца своего началъ свой трудъ переводомъ Евангелія съ самаго древняго подлинника, и окончивъ его въ скоромъ времени, послалъ къ царю Давиду Куратпалату. Блаженный, получивъ добрый отзывъ о своемъ первомъ трудѣ со стороны своего государя, принялся за дѣло съ большимъ вниманіемъ и прилежаніемъ, не давая себѣ отдыха. Изъ числа нижепоименованныхъ книгъ Іоаннъ часть перевелъ, будучи еще на горѣ Олимпѣ, а часть—уже живя на Аѳонѣ. Переведенныя имъ книги суть слѣдующія:

1) Евангеліе отъ Іоанна.

2) Всѣ поученія св. Василія Великаго.

3) Псалтырь, переведенный съ вѣрнаго греческаго подлинника.

4) Книга св. Іоанна Лѣствичника, такъ называемая Лѣствица.

5) Бесѣды святаго Макарія.

6) Поученія св. Максима Исповѣдника.

7) Творенія св. Исаака Сирина и поученія другихъ святыхъ отцовъ.

8) Книга св. Дороѳея.

9) Страданіе и чудеса св. великомученика Димитрія Солунскаго.

10) Житье и страданіе св. мученика Стефана новаго.

11) Житье и страданіе св. священномученика Климента, папы римскаго, и св. Климента Анкирскаго.

12) Житье св. Григорія Богослова и всѣ поученія его.

13) Жизнь св. Василія Великаго Кесарійскаго.

14) Страданіе св. Акепсимы.

15) Жизнь св. мученика Баграта.

16) Страданіе святыхъ мучениковъ Мины, Ермогена и Евграфа.

17) Слово, произнесенное св. Григоріемъ Нисскимъ, надъ братомъ своимъ святымъ Василіемъ Великимъ, слово о дѣвствѣ и толкованіе его на молитву Господню. Его же о постѣ и о жизни св. пророка Моисея.

18) Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова. Толкованіе на Апокалипсисъ Андрея Критскаго.

19) Сказаніе о двухъ естествахъ Сына Божія св. Іоанна Дамаскина.

20) О рождествѣ Пресвятыя Богородицы.

21) Житье св. Аѳанасія Великаго Александрійскаго.

22) Страданіе святыхъ трехъ отроковъ: Алфія, Филадельфа и Кипріана.

23) Жизнь св. Онуфрія Великаго.

24) Житье преподобной Маріи Египетской.

25) Ученіе о вѣрѣ святаго Зосимы.

26) Ученіе о вѣрѣ св. Ефрема Сирина.

27) Чинъ монашескаго постриженія.

28) О постриженіи въ схиму·

29) Полный номоканонъ VI вселенскаго собора св. Іоанна Пост-ка [1]). Полный уставъ и исторію Трульскаго или VI вселенскаго со-ра, бывшаго при императорѣ Константинѣ Погонатѣ въ 680 г., укѣ императора Ираклія, съ приложеніемъ къ нимъ Прохироновъ рей Леона мудраго и Константина. Вопросы и отвѣты Тимофея хіепископа Константинопольскаго. Сказаніе о VII вселенскомъ со-рѣ, равно какъ и царскихъ книгъ (Василиконъ) императора Василія кедонянина, часть Номоканона Іоанна Схоластика и патріарха Кон-антинопольскаго Фотія.

30) Постановленіе о православной вѣрѣ.

31) Поученія св. Мартирія.

32) Страданіе преподобно-мученицы Февроніи.

33) Книга подъ названіемъ „объ образѣ подвиговъ стоянія", аписанная блаженнымъ по просьбѣ какого то брата.

34) Страданіе св. мученика Анфима Власа и 20 тысячъ.

35) Страданіе св. мученика Элasія и двухъ монаховъ.

36) Страданіе св. великомученика Θеодора Стратилата, страданіе . Θеодора Пергильскаго и страданіе св. мученика Евстратія.

37) Страданіе св. великомученика Евстафія Плакиды и чадъ его.

38) Поученія св. Кассіана Римлянина.

39) Книга діалоговъ св. Григорія, папы римскаго.

40) Сказаніе о чудесахъ св. архангеловъ.

41) Житіе святителя Николая.

42) Книга св. Григорія Богослова.

43) Святаго Максима о восьми страстяхъ.

44) Сказаніе св. Василія Великаго о семи мщеніяхъ Каиновыхъ.

45) Полунощницы греческія.

46) Греческія молитвы отцовъ.

47) Каноны.

48) Житіе св. Антонія Великаго.

49) Переводъ псалмовъ Василія Великаго.

50) Посланія къ Галатомъ, Θесалоникомъ и Римляномъ.

---

[1]) Одинъ экземпляръ (X—XI в.) на пергаментѣ автографъ самаго св. ...нія хранится въ Академіи Н. Онъ былъ найденъ въ Вологдѣ Строевымъ 1820 г.

51) Краткій годичный Синаксарь.

52) Житіе и апостольскіе подвиги св. апостола Андрея Первозваннаго.

53) Ирмосы на весь великій постъ и на другіе великіе праздничные дни.

54) Житіе и апостольскіе подвиги св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова [1]).

Всѣ эти поименованные переведены были имъ въ продолженіе всей его жизни, и много еще осталось недоконченныхъ имъ. Кромѣ того, онъ занимался исправленіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ, употреблявшихся до него въ Грузіи, въ которыя вкрались непомѣрныя ошибки; но окончательно выправилъ ихъ уже блаженный Георгій Святогорецъ, другое свѣтило Грузіи. Всѣ указанныя книги переведены были блаженнымъ еще при жизни отца его, святаго Іоанна, т. е. до 998 когда онъ самъ еще не былъ связанъ настоятельскою должностью. Когда же, по смерти отца, принялъ настоятельство, то будучи въ этой должности двѣнадцать лѣтъ и имѣя попеченіе о трехъ стахъ братьяхъ и управленіе общирнымъ монастыремъ, онъ уже не имѣлъ ни времени, ни возможности продолжать письменные труды; кромѣ того приходилъ съ каждымъ годомъ въ изнеможеніе отъ излишнихъ иноческихъ подвиговъ, а потому оставилъ незаконченный свой трудъ на долю блаженному Георгію Святогорцу.

Царь Давидъ приглашалъ святаго къ себѣ въ Грузію. Любовь къ отечеству и ревность къ славѣ Божіей заставили великаго труженника оставить на время уединенное мѣстожительство. Въ Грузіи царь со всѣмъ соборомъ и народомъ привѣтствовалъ красу своей

---

[1]) Аѳонская грузинская библія, дошедшая до насъ, писана до 80-хъ гг. X ст., когда св. Евфимію было не было 15—20 лѣтъ. Поэтому, его нельзя считать переводчикомъ *полной* библіи. До него и послѣ него переводились книги Ветхаго и Новаго Зав. Этимъ объясняется существованіе различныхъ редакцій переводовъ груз. библій. Библія дефектная съ толкованіями отцевъ церкви Ѳеодорита, Евсевія, Оригена, Златоуста, Дидима и др., писанная мелкимъ „хуцури" inf., найдена въ церкви, пристроенной къ знаменитому храму Баграта въ Кутаисѣ. Библія эта важна еще потому, что грузинскій переводъ Ветхаго Завѣта, предпринятый Георгіемъ Мтацминдели не имѣется, и лишь копія X в. съ древняго перевода хранится на Аѳонѣ. (*Жорданія*, Хроники II, 37). До Георгія, какъ видно изъ приписокъ къ этому памятнику, библію перевелъ на грузинскій языкъ Кимелъ, извѣстный переводчикъ житій святыхъ. По мнѣнію г. Жорданія Кимелъ, переводилъ съ еврейскаго текста, а Георгій съ греческаго перевода LXX толковниковъ.

страны. Святый пробылъ въ Грузіи четыре года и во все это время училъ и исправлялъ нравы и обычаи народа, основалъ монастырь въ Кахетіи въ честь святаго первомученика Стефана и снова отправился на Аѳонъ.

Евфимій служилъ образцомъ иноческой жизни: несмотря на всѣ его непомѣрные труды и не смотря на преклонность лѣтъ, раньше всѣхъ видимъ былъ на полунощной и заутренней службѣ; никогда блаженный не садился и не прислонялся къ стѣнѣ. Святый Евфимій имѣлъ обычай въ понедѣльникъ, среду и пятницу не выходить изъ своей кельи и не принимать пищи до захожденія солнца; пищею ему служили хлѣбъ и вода, и то въ самомъ маломъ размѣрѣ, а въ остальные дни ходилъ въ общую трапезу и садился вмѣстѣ съ братіею. Блаженный, садясь за трапезу, приказывалъ виночерпію подавать себѣ вино для пробы. Тоже самое онъ дѣлалъ съ пищею.

Святый Евфимій положилъ за правило не бесѣдовать за трапезой; если кто-нибудь изъ братьевъ нарушалъ спокойствіе за трапезою, то трапезарь, по данному ему отъ настоятеля праву, налагалъ на него послушаніе. Если въ обитель присылалось какое нибудь посланіе или отъ государя, или отъ епископа, и, наконецъ, если дѣло касалось монастыря, дѣло это предлагалъ онъ общему совѣту монастырской братіи, а дѣла частныя, касающіяся хозяйства монастырскаго, отданы были въ полное личное распоряженіе эконома обители.

Многіе изъ богатыхъ мірянъ оставляли міръ и вступали въ обитель святаго, дѣлая при томъ богатые вклады въ обитель и просили себѣ постриженія. Приходили также въ обитель и люди незнатные. Святый принималъ ихъ и дѣлалъ это не безъ практической житейской мудрости. Многіе знатныя лица изъ Византіи и изъ другихъ мѣстъ, желавшія вступить въ обитель, вносили въ монастырскую жизнь разныя привычки свѣтской жизни, естественно, они не могли выносить строгаго порядка аскетической жизни, заведеннаго святымъ и, могли послужить только искушеніемъ и соблазномъ для меньшой братіи. А принимая незнатныхъ, онъ пріучалъ всѣхъ къ жизни дѣятельной и послушной правиламъ монастырской жизни.

Вся братія обители, по указанію святаго, занята была то церковнымъ служеніемъ, то работою монастырскою; кто занимался рыболовствомъ, въ виноградникахъ, апельсиновыхъ и лимонныхъ садахъ, кто внутри обители; рѣдко кто изъ братіи оставался празднымъ. А кто былъ непривыченъ къ этимъ тяжелымъ трудамъ, тотъ занимался грамотою, переписываніемъ книгъ, переводами, сочиненіями пѣсней духовныхъ, и тому подобнымъ,—всѣмъ имъ примѣромъ служилъ самъ

Евѳимій, не давая себѣ отдыха ни въ чемъ и никогда. Братіи позволялось принимать у себя міряпъ и приготовлять для нихъ особый столъ.

Два раза тщетно пытались враги убить св. Евфимія. Спустя двѣнадцать лѣтъ, по преставленіи святаго Іоанна, вышеупомянутые отцы, Арсеній архіепископъ и Іоаннъ Грдзелидзе, уговорили блаженнаго оставить настоятельскую должность, ибо замѣчали они, что, находясь въ этой должности, онъ замедлялъ переводы книгъ; собравъ братію, Евфимій, предъ лицомъ всѣхъ передалъ свою настоятельскую должность, по завѣщанію отца своего Іоанна, Григорію святогорцу, родственнику своему, а самъ уединился въ келію и имѣлъ надзоръ и попеченіе за лаврою св. Аѳанасія, гдѣ стали часто смѣняться настоятели и происходили разнаго рода смуты. Евфимій, получивъ приглашеніе отъ государя явиться въ столицу, собралъ братію своей обители, утѣшилъ ихъ и заповѣдалъ твердо и неизмѣнно хранить обѣты свои и повиноваться настоятелю своему, блаженному Григорію. Государь принялъ Евфимія съ великимъ почетомъ и спросилъ его о причинахъ смутъ въ лаврѣ св. Аѳанасія. Государь принялъ надлежащія мѣры къ приведенію въ порядокъ дѣлъ лавры, и въ этомъ прошло довольно времени; Евфимій все это время оставался въ столицѣ. Наступилъ праздникъ святаго Іоанна Богослова, призвалъ онъ къ себѣ послушника своего и, отдавая ему икону, сказалъ: „отнеси эту икону къ живописцу (наименовавъ его) для поправки“; „нѣтъ, отдай икону назадъ и осѣдлай мнѣ ослицу; я самъ поѣду къ нему“. На дорогѣ встрѣтилъ онъ нищаго, въ рубищахъ и лохмотьяхъ; увидѣвъ блаженнаго, онъ протянулъ руку за подаяніемъ. Блаженный остановился, чтобъ дать ему денегъ, а нищій всталъ съ мѣста и приблизился для полученія милостыни. Ослица, увидѣвъ нищаго, стала метаться съ мѣста на мѣсто, наконецъ, сбросила съ себя Евфимія, который упалъ на землю и смертельно разбился. Подняли его и отнесли почти полумертваго въ монастырь. Блаженный, чувствуя приближающуюся кончину, причастился и мирно предалъ свою душу въ руки Божіи отъ сотворенія міра въ 6536—отъ Рождества Христова 1028 г.

Мощи блаженнаго съ честію перенесли въ Иверскую обитель на святую гору съ псалмопѣніемъ, и съ великимъ торжествомъ предали землѣ въ первозданной церкви святаго Іоанна Крестителя. Богъ даровалъ святымъ его мощамъ силу благодатныхъ исцѣленій. Впослѣдствіи мощи святаго Евфимія блаженный Георгій перенесъ въ главную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы и положилъ въ великолѣпную мраморную гробницу, гдѣ почиваютъ онѣ понынѣ.

Спустя нѣсколько времени происходилъ по церковнымъ дѣламъ соборъ, во Мцхетѣ, при царѣ иверскомъ и абхазскомъ Давидѣ III Строителѣ. Соборъ этотъ называетъ блаженнаго Евфимія святымъ, блаженнымъ и просвѣтителемъ нашей страны; подлинныя слова собора: „Просвѣтителямъ нашимъ, святымъ блаженнымъ отцамъ Евфимію и Георгію Святогорцамъ, вѣчная память".

Свв. Іоаннъ и Евфимій извѣстны подъ именемъ перелагателей священнаго писанія на грузинскій языкъ. Достойнымъ преемникомъ ихъ на переводческомъ поприщѣ явился св. Георгій Мтацминдели.

Житіе Георгія Святогорца (Мтацминдели). (1014—1065 [1]).

Святый и преподобный Георгій, родомъ грузинъ, былъ племянникъ св. Іоанна и двоюродный братъ св. Евѳимія; родители его происходили изъ Самцхійской области, а самъ онъ былъ уроженецъ Тріалетской области. Отца его звали Іаковомъ, а мать Маріею. 1014 г. Въ родился у нихъ священный и избранный Богомъ младенецъ. Во святомъ крещеніи родители, согласно приказанію въ сновидѣніи, наименовали его Георгіемъ, что значитъ воздѣлыватель земли.

Когда отроку было семь лѣтъ, родители исполнили данный Богу обѣтъ, отдали его въ Тадзрійскій дѣвичій монастырь, гдѣ была его сестра. Отрокъ Георгій былъ чрезвычайно красивъ лицомъ и прекраснаго тѣлосложенія. Жилъ онъ въ монастырѣ три года, и десяти лѣтъ отрокъ Георгій показывалъ необыкновенное остроуміе и во всѣхъ дѣлахъ благоразуміе, подобно старику, украшенному сѣдинами мудрости. Онъ былъ для всѣхъ предметомъ удивленія, какъ для близкихъ и родственниковъ, такъ и для знавшихъ его. Рука Божія хранила блаженнаго еще съ отроческихъ лѣтъ. Обыкновенно дѣти имѣютъ привычку выходить гулять на лугахъ, и поиграть на зеленой травѣ. Разъ отрокъ вышелъ гулять на поляну, близъ которой протекаетъ рѣка Кція. Но продолжимъ разсказъ словами самого блаженнаго. Онъ говоритъ: „былъ я во время прогулки на берегу близъ текущей рѣки, именуемой Кція; по ту сторону увидѣлъ я отрока, одѣтаго въ платье пламеннаго цвѣта, который сталъ звать меня къ себѣ, говоря: приходи

[1]) Жизнь и апостольскіе труды великаго Георгія составлены неотступнымъ его ученикомъ блаженной памяти Григоріемъ на грузинскомъ языкѣ; подлинникъ его рукописи хранится въ библіотекѣ Иверской обители на Аѳонѣ, онъ переведенъ на греческій языкъ и заключается въ Ἀκολουθία τῶν ἁγιοραΐτων πατέρων. См. *Сабининъ*. Житія груз. святыхъ и Рай груз. церкви.

ко мнѣ, будемъ пѣть здѣсь съ тобою и играть! Когда я направился туда, вдругъ прекрасный отрокъ, одѣтый въ свѣтлое платье, взялъ меня за руку и сказалъ мнѣ: будь со мною, ибо я лучше его и болѣе тебѣ другъ, чѣмъ онъ, и не далъ мнѣ идти къ нему; такимъ образомъ, онъ спасъ меня отъ погибели. Потомъ уже зналъ я, что отрокъ этотъ, одѣтый въ платье пламеннаго цвѣта и звавшій меня къ себѣ, былъ врагъ душъ нашихъ, діаволъ, который хотѣлъ погубить меня въ водахъ рѣки; отрокъ же, взявшій меня за руку и спасшій отъ потопленія, былъ ангелъ хранитель, приставленный Богомъ ко мнѣ, со дня святаго крещенія". Блаженный отрокъ и въ другой разъ избавленъ былъ чудеснымъ образомъ отъ погибели. Когда отрокъ находился еще въ вышеупомянутой женской обители, вдругъ страшный пожаръ охватилъ всю обитель, а блаженный спалъ крѣпко въ своей кельѣ. Предсталъ ему опять свѣтлый отрокъ, который разбудилъ его, взялъ за руку и вывелъ изъ огня невредимо. Недалеко отъ обители находилась маленькая часовня (придѣлъ), на разстояніи 115 шаговъ; ангелъ Божій привелъ его сюда и поставилъ тутъ, сдѣлавшись невидимымъ.

Блаженный имѣлъ двухъ дядей по отцу, старшаго Георгія, прозывавшійся писателемъ, потому что былъ нѣкогда начальникомъ надъ писцами при царскомъ дворѣ; а младшаго звали Саввою. Оба они жили въ Хахульскомъ мужскомъ монастырѣ.

Эти монахи, услышавши о добрыхъ свойствахъ племянника, написали изъ обители Хахульской своему брату, Іоакову, чтобъ онъ немедленно прислалъ или привезъ къ нимъ въ обитель сына своего Георгія. Настоятель, увидѣвъ отрока, обрадовался духомъ и благословилъ его, наименовавъ его своимъ духовнымъ сыномъ. Преподобные отцы, дяди отрока, предположили дать племяннику должное христіански - нравственное направленіе, отдали его одному великому и строгому подвижнику, Иларіону Тулаеву или Туалели [1]). Георгій, возрастая тѣлесно, преуспѣвалъ и въ изученіи священнаго писанія, церковнаго пѣнія, греческаго языка, философіи, риторики и всего правила церковнаго, и превосходилъ своихъ сверстниковъ во всемъ; отличаясь отъ нихъ необыкновенною памятью и разсудительностью, не оставилъ блаженный юноша ни одной почти

---

[1]) Преподобный Иларіонъ, по фамиліи Тулаевъ, наставникъ преподобнаго Георгія, до принятія имъ монашества именовался Іоанномъ; онъ сопутствовалъ святому Георгію изъ Аѳона въ Грузію, гдѣ и скончался въ 1041 году; онъ же и облекъ святаго Георгія въ иноческій образъ въ 1039 г.

книги, находившейся въ то время въ церкви, чтобъ не изучить ее подробно и не пройти ее съ должнымъ усердіемъ. Преимущественно же вниманіе свое обращалъ на изученіе Ветхаго и Новаго Завѣта.

Въ то время Ферозъ, сынъ Джоджика, мужъ царевны, сестры Василія Багратида, съ своею супругою, предположили найти себѣ добродѣтельнаго человѣка, который бы могъ быть руководителемъ ихъ въ духовной жизни; оба согласились взять Георгія писателя, дядю блаженнаго юноши. Старецъ, отправившись изъ лавры Хахульской въ домъ Фероза, взялъ съ собою и племянника своего, Георгія,

Благочестивые супруги, увидѣвши благонравіе юноши Георгія, были рады, и жена Фероза даже усыновила его. Спустя нѣкоторое время, Ферозъ былъ обезглавленъ, по клеветѣ будто онъ измѣнилъ своему государю; а жену его отправили въ Константинополь. Въ столицѣ греческаго царства нареченная мать дивнаго юноши отдала его для ученія философіи и риторики не свѣтскимъ ученымъ, а монахамъ, основательно знающимъ эти науки и украшеннымъ добродѣтельною жизнью. Итакъ, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, юноша Георгій со всею тщательностію изучалъ всѣ науки, заслуживъ даже удивленіе своихъ учителей.

По прошествіи двѣнадцати лѣтъ, по офиціальному приказанію царскому, жена Фероза, вдова, возвратилась назадъ въ Грузію. Юноша Георгій отправился въ Хахули къ своему дядѣ Саввѣ. Вскорѣ послѣ это монаху Георгію захотѣлось поклониться священнымъ мѣстамъ Палестины.

Старецъ Макарій и вся братія лавры, узнавъ о рѣшимости и поступкѣ блаженнаго Георгія, сильно огорчились. Нашедши себѣ попутчикомъ одного мужа, одержимаго нечистымъ духомъ, отправился съ нимъ въ путь тайно и, такимъ образомъ, спасся отъ искателей своихъ. Во время пути, говоритъ самъ святый, по дорогѣ встрѣтился лѣсъ, въ которомъ застигла ихъ ночь, и была страшная гроза съ сильнымъ вѣтромъ. При этомъ слышны были страшные вопли и крикъ; семь разъ духъ повергалъ попутчика Георгія на землю съ крикомъ и плачемъ; святой сталъ на молитву, прося Господа объ исцѣленіи бѣсноватаго. По молитвѣ блаженаго, Господь даровалъ больному здравіе. Блаженный разъ только въ день принималъ пищу, не смотря на трудности путешестія. Наконецъ, достигъ онъ, въ предѣлахъ Малой Арменіи, Черной горы, гдѣ нѣкогда спасался великій пустынножитель, Никонъ, съ двумя стами своихъ учениковъ. На этой горѣ была обитель, гдѣ жили грузинскіе и греческіе монахи. Отсюда отправился онъ на Дивную гору, въ монастырь свя-

таго и блаженнаго Симеона Дивногорца. Затѣмъ сталъ искать себѣ наставника, которому могъ бы открыть свое намѣреніе и душевныя тайны. Наконецъ, обрѣлъ себѣ наставника, нѣкотораго строгаго подвижника, живущаго въ разсѣлинѣ одной скалы. Этотъ мужъ былъ Георгій [1]), родомъ грузинъ. Къ сему-то великому мужу и пришелъ Георгій, открылъ ему свои душевныя стремленія и сдѣлался его ученикомъ и послѣдователемъ его подвиговъ. Строгій подвижникъ поселилъ пришедшаго къ нему блаженнаго Георгія въ монастырѣ святаго Романа. Такъ достигъ онъ тридцатилѣтняго возраста. Старецъ-подвижникъ, зная, что его ученикъ достигъ полнаго возраста тѣлеснаго и стяжалъ мудрость духовную, облекъ его въ великую схиму. Затѣмъ старецъ отправилъ его въ желаемый имъ путь въ Іерусалимъ. Проживъ нѣсколько времени въ святомъ городѣ, блаженный возвратился опять къ своему наставнику, старцу Георгію. Старецъ съ большимъ трудомъ убѣдилъ, наконецъ, блаженнаго Георгія отправиться на Аѳонскую гору и докончить трудъ святаго Евфимія. Братья обители съ великимъ радушіемъ приняли блаженнаго Георгія и упокоили его послѣ долгаго его странствованія. Въ скоромъ времени назначенъ былъ онъ при соборномъ храмѣ старшимъ іеромонахомъ и начальникомъ надъ пѣвчими. Наконецъ, почувствовалъ свой даръ и изъ послушанія своему старцу началъ приводить къ концу переводъ церковныхъ книгъ, недоконченныхъ святымъ Евѳиміемъ. Началъ онъ свой трудъ переводомъ „синаксаря". Хотя синаксаръ и былъ переведенъ святымъ Евфиміемъ, но онъ былъ очень сокращенъ потому, что у святаго Евфимія не было досуга для пространнаго перевода, такъ какъ употреблялъ онъ много времени на переводы другихъ книгъ. За переводомъ синаксаря, блаженный перевелъ полное евангеліе, за тѣмъ пророчества, читаемыя въ годичные праздникъ; послѣ этого, перевелъ большой требникъ за тѣмъ книгу Бытія, пополнилъ и окончательно перевелъ минею сентябрскую, недоконченную святымъ Евфиміемъ, за тѣмъ перевелъ всѣ посланія св. апостола Павла и всѣ соборныя посланія другихъ апостоловъ, и всѣ эти книги блаженный перевелъ, будучи протоіеромонахомъ обители Иверской.

---

[1]) Онъ скончался въ глубокой старости на мѣстѣ своихъ подвиговъ въ 1068 г.; объ немъ говоритъ католикосъ Антоній I. Вотъ послѣдніе его два стиха „не желалъ онъ ни чести, ни славы, развѣ единаго Христа, истинное желаніе твари", Смотри книгу католикоса Антонія I, Слово въ честь знаменитыхъ мужей Грузіи, 2 послѣднихъ стиха 722 куплета.

Братья обители, видя святую и непорочную его жизнь, возвели его въ санъ игумена. Честь настоятельская дана была ему противъ его воли и не безъ препятствія со стороны существовавшей тогда въ обители партіи, которая избрала на это же мѣсто другого. Долго противился преподобный и требовалъ, чтобъ избраніе одного изъ двухъ совершилось по жребію. По обычаю, существовавшему въ обители, бросался жребій такимъ образомъ: имена избранныхъ написывались на кускахъ бумаги и клались подъ престоломъ соборнаго храма и по принесеніи безкровной жертвы, вынимали писанную бумагу и кому выпадалъ жребій, тому и доставалась должность настоятельская. И въ настоящемъ случаѣ поступили такъ, но жребій три раза выпадалъ на долю блаженнаго, и всѣ единогласно признали, что Георгій поставляется и возводится въ этотъ санъ по промыслу Божію.

Съ этого времени онъ еще усилилъ подвиги и труды свои, и совершенно отказался отъ вина и сочной пищи, подъ верхнимъ платьемъ носилъ вретище и служилъ примѣромъдля всѣхъ братьевъ обители. Онъ живо напомнилъ собою братіи святаго Евфимія основателя (ктитора) обители Иверской, исправилъ весь порядокъ и чинъ монастырскій, а особенное вниманіе обратилъ на церковнослужебный порядокъ.

Первымъ дѣломъ его, какъ только прибылъ онъ на Святую гору, было тщательно и подробно изслѣдовать отъ братіи обители жизнь святаго мужа, Евфимія, и его отца Іоанна, и другихъ святыхъ отцовъ Иверской страны, подвизавшихся въ этой обители съ нимъ вмѣстѣ. Затѣмъ подробно узналъ о началѣ построенія святой Иверской обители, объ обычаяхъ ея и правилахъ, установленныхъ св. Евфиміемъ. Узнавши все въ точности, что только можно было узнать отъ очевидцевъ и по оставшимся отъ св. Евфимія разнымъ рукописямъ, Георгій описалъ его житіе, которое и оставилъ для памяти будущимъ поколѣніямъ. Этимъ трудомъ занимался онъ, будучи въ санѣ протоіеромонаха; получивши же настоятельскую должность, онъ воздвигъ отъ основанія нынѣшній соборный храмъ въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы (καθόλικον— каѳоликонъ). Объ этомъ свидѣтельствуетъ и надпись на мѣдномъ кругу, лежащемъ на полу въ срединѣ собора, подъ хоросомъ, гдѣ святой пишетъ такъ: „я утвердилъ столпы эти и въ вѣкъ не подвигнутся. — Георгій, монахъ, иверъ и ктиторъ". Окончивъ строеніе собора, блаженный устроилъ въ соборѣ приличную раку св. Евфимію и съ великою честью перенесъ св. останки его изъ Крестительской церкви въ соборный храмъ, гдѣ по-

чивають онѣ и до сего дня. Не хотѣлъ онъ оставить безъ вниманія святыхъ мощей преподобнаго отца Іоанна съ его сотрудниками въ переложеніи священнаго писанія на грузинскій языкъ: Арсенія, епископа Нипоцминдскаго и монаха Іоанна Грдзелидзе, которые почивали внѣ монастыря. Георгій сперва вынесъ изъ Крестительской церкви святыя мощи преподобнаго Іоанна въ соборный храмъ и положилъ вмѣстѣ съ его сыномъ, святымъ Евѳиміемъ. Послѣ долгихъ розысковъ мощей святыхъ отцовъ, наконецъ, нашелъ ихъ въ корняхъ финиковыхъ деревъ, перенесъ въ соборный храмъ и положилъ ниже мощей святыхъ Іоанна и Евфимія, т. е. въ притворѣ южной части соборной церкви.

Такъ какъ соборный храмъ не былъ покрытъ свинцомъ и потому дождь просачивался внутрь и портилъ драгоцѣнныя фрески, то блаженный просилъ содѣйствія къ покрытію храма у императора Константина Мономаха, и для этой цѣли отправился въ 1050 г. въ Константинополь. Блаженный, получивши просимое, возвратился въ свою обитель и немедленно покрылъ свинцомъ соборъ. Когда благочестивѣйшій Багратъ IV, царь всей Грузіи, и мать его, царица Марія, посѣтили Константинополь, св. Георгій отправился въ столицу, чтобъ представиться своему царю. Царь и мать его царица со всѣми вельможами, увидѣвъ его, были въ великой радости. Марія, мать царя, сдѣлалась его ученицею и приняла отъ его рукъ иноческое постриженіе. Она выпросила отъ Мономаха для годоваго содержанія монастыря литру золота (по нашему литра 9 фунт.) и дала ему литру золота [1]) въ вѣчное поминовеніе своей души. Царь Багратъ, предложилъ ему первую епархію въ Мингреліи, Чкондійскую, и старался всѣми силами взять старца съ собою въ Грузію, но Георгій отклонилъ отъ себя эту честь, возвратился на Святую гору, въ свою обитель; приведши въ порядокъ всѣ монастырскія дѣла и устроивъ все по чину, блаженный оставилъ настоятельство. Изъ обители прибылъ онъ къ своему прежнему наставнику, преподобному старцу Георгію, на Черную гору. Старецъ убѣдилъ его возвратиться назадъ на Святую гору. Братья обители, при видѣ своего отца и бывшаго настоятеля, съ великимъ радушіемъ приняли его и вручили ему снова обитель. Спустя нѣсколько времени послѣ возвращенія изъ Черной горы, оставилъ онъ снова обитель и настоятельскую должность, желая безпрепятственно заниматься переводами священныхъ книгъ. Для этого отправился онъ въ столицу и просилъ у импера-

---

[1]) *Вѣроятно, ежегодно.*

тора, чтобы онъ освободилъ его отъ настоятельской должности; уступая просьбамъ Георгія и ходатайству царицы Маріи, матери царя Баграта, проживавшей въ столицѣ, наконецъ, царь далъ ему отпустительную грамоту (увольненіе). Заручившись царскою грамотою, блаженный отправился опять на Черную гору къ своему старцу.

Послѣ сего царица Марія отправилась въ Антіохію, желая оттуда отправиться на поклоненіе гробу Христову въ Іерусалимѣ. Желая исполнить свой обѣтъ, она просила блаженнаго Георгія отправиться въ Палестину съ подарками и пожертвованіями отъ нея для храма Воскресенія Христова. Въ то время преподобный Прохоръ строилъ въ святомъ градѣ грузинскую обитель въ честь животворящаго креста Господня; блаженный Георгій помогъ преподобному во многомъ и поспѣшествовалъ къ скорому построенію обители.

Преподобный Георгій, воротившись изъ Палестины, началъ продолжать переводы святыхъ книгъ. На основаніи самаго вѣрнаго текста онъ исправилъ грузинскій переводъ Новаго Завѣта. Многія книги, оставленныя святымъ Евфиміемъ недоконченными и переведенныя имъ довольно сокращенно, святый расширилъ и дополнилъ, свѣривъ ихъ напередъ съ лучшими греческими подлинниками. Переведенныя имъ книги суть слѣдующія:

1) Полный синаксарь.

2) Дѣянія Апостольскія, всѣ посланія святаго Апостола Павла и соборныя посланія всѣхъ прочихъ апостоловъ.

3) Апостолъ на годовые праздники.

4) Двѣнадцать миней.

5) Стихири, тропари и кондаки на всѣ большіе Господскіе и Богородичные праздники, а также и на праздники нѣкоторыхъ великихъ святыхъ.

6) Стихиры и ирмосы, и много другихъ церковныхъ полезныхъ пѣснопѣній, и всѣ стихиры постныя.

7) Книга „шестодневъ" Василія Великаго.

8) Посланія священномученика Игнатія Богоносца.

9) Псалтырь[1]).

10) Полный часословъ[2]).

---

[1]) Псалтырь не имѣется въ грузинской аѳонской библіи. Псалтырь въ переводѣ св. Георгія Мтацминдели хранится въ Квабтахевскомъ монастырѣ. *Прот. П. Кончуевъ.* „Груз. библія", въ журн. „Моамбе" 1896, кн. II.

[2]) Манускриптъ этотъ и автографъ святаго принадлежалъ царевичу Баграту, скончавшемуся въ 1841 г., въ С.-Петербургѣ.

11) Большой (полный) октоихъ.

13) Полная цвѣтная тріодь.

14) Книга Ѳеодора студійскаго, поученія, читаемыя въ великій постъ.

15) Пятокнижіе Моисеево, съ толкованіемъ св. Іоанна златоустаго.

16) Книга дѣяній VI вселенскаго собора.

17) Соборныя посланія св. Кирилла, патріарха Александрійскаго, и другихъ святыхъ, писанныя противъ несторіанъ.

18) Книга св. Григорія Нисскаго 1-го и много др.

Въ Сіонской обители, на Дивной горѣ, между братьями греческими много было и грузинъ; греческіе монахи старались выжить грузинъ изъ этой обители. Они искали благовиднаго предлога къ тому и наконецъ заподозрили грузинскую братію въ неправославіи. Грузинскій отшельникъ служилъ святую литургію въ короткой мантіи, надѣвъ сверхъ нея священническія одежды, и въ лаптяхъ. Они нашли въ этомъ что-то еретическое и неправославное. Патріархъ Ѳеодосій удивился и просилъ прислать знающаго говорить по-гречески священное писаніе. Противъ воли монахи указали на грамматика и переводчика греческихъ книгъ на грузинскій языкъ, по имени Георгій. Патріархъ привѣтствовалъ его и началъ бесѣдовать съ нимъ, предлагая разные вопросы изъ священныхъ книгъ. На всѣ вопросы блаженный давалъ удовлетворительные и мудрые отвѣты.

Блаженный тремя перстами, сложивъ большой, указательный и средній вмѣстѣ, изобразилъ на себѣ знаменіе святаго креста и въ слухъ прочиталъ Никео-Константинопольскій символъ православной вѣры, изложилъ предъ всѣми слушающими основы православнаго исповѣданія грузинъ и удивилъ всѣхъ окружающихъ этимъ неожиданнымъ исходомъ дѣла. Духъ Святый двигалъ его устами. Тогда патріархъ сказалъ: „Благословенъ Богъ во всемъ! Кто это нашелъ недостатки у грузинъ въ исповѣданіи православной вѣры? Блаженный сталъ просить патріарха о прощеніи доносчикамъ, и патріархъ, внявши его просьбамъ, снялъ съ нихъ церковную эпитемію.

За тѣмъ на грузинъ донесли еще другую клевету; многіе храмы грузинъ и священно-учители ихъ не подлежатъ власти ни одного изъ патріарховъ, сами они поставляютъ себѣ католикоса (патріарха) и епископовъ. Ни одинъ изъ двѣнадцати Апостоловъ не былъ у нихъ и не основалъ у нихъ церкви; на этомъ основаніи должно ихъ подчинить Антіохійскому престолу, какъ это было и прежде.

Блаженный кротко отвѣтилъ патріарху: „велите подать сперва
игу о путешествіи и дѣятельности святаго Апостола Андрея, оттуда
дамъ вамъ удовлетворительный отвѣтъ объ основаніи нашей церкви
остоломъ; блаженный, прочитавъ начало, сказалъ: „знай что мы
освѣщены первозваннымъ Андреемъ, братомъ Апостола Петра.
рковь наша была и есть вѣрна апостольскимъ преданіямъ и зако-
мъ. Теперь на какомъ основаніи слѣдуетъ нашей церкви подчи-
ться вашему престолу?".

Послѣ сего публичнаго вѣроисповѣданія и защиты своей цер-
, блаженный пріобрѣлъ любовь какъ патріарха, такъ и всѣхъ
аждан̂ъ антіохійскихъ. Царь Багратъ узналъ, что блаженнымъ
ончен̂ъ переводъ почти всего канона церковныхъ книгъ. Всѣ храмы
монастыри Грузіи вскорѣ украсились и обогатились его переводами.

Царь Багратъ съ наслѣдникомъ своимъ Георгіемъ, вдовствую-
я царица Марія, и католикосъ со всѣми епископами положили еди-
душно вызвать блаженнаго изъ Антіохійской области въ Грузію,
объ принять отъ него назиданіе и благословеніе.

Получивши письмо, св. Георгій смутился духомъ. Блаженный
арецъ отписалъ царю, что не желаетъ оставить своего уединенія.
былъ у него обычай предъ началомъ какого-нибудь предпріятія
осать жребій. Первою вышла у него бумага написанная: „отправиться".
ключивъ изъ этого, что на то есть воля Божія, старецъ напи-
ъ второе письмо царю Баграту IV, что хочетъ пріѣхать. Бла-
нный скоро собрался въ путь съ нѣкоторыми близкими себѣ уче-
ками. Царь немедленно послалъ къ нимъ своего секретаря съ
иказаніемъ принять св. Георгія съ почетомъ и привести его во
рецъ, въ г. Кутаисъ. Въ то время царь велъ войну съ мя-
жными князьями Абашидзе. Царь, подавивъ мятежъ, плѣнилъ
тырыхъ братьевъ Абашидзе, а по смиреніи крамольниковъ, от-
авился онъ въ теплую Абхазію. Съ собою взялъ онъ и бла-
ннаго Георгія. На пути заѣхали въ Чкондійскую обитель. По
ошествіи зимы, царь, возвращаясь въ Карталинію, заѣхалъ въ
итель, гдѣ находился тогда блаженный, и далъ ему въ упра-
еніе и жительство славную обитель, бывшую тогда лаврою, Нед-
[1]) въ Карталиніи, и потомъ перевелъ его оттуда и далъ ему
авную и богатую обитель „Шадберди" въ Кларджети, построенную

---

[1]) Славная лавра Недзви находилась въ средней Карталиніи при рѣчкѣ
же имени, впадающая въ р. Куру, съ лѣвой ея стороны; нынѣ совер-
нно разрушена; остались однѣ развалины.

близъ своей резиденціи. Царь желалъ, чтобъ блаженный находился при немъ возможно чаще.

Ко времени св. Георгія и царя Баграта относится весьма важное церковное постановленіе.

Царь съ своимъ семействомъ сдѣлалъ блаженнаго своимъ духовникомъ и, между прочимъ, узаконено было: 1) на епископскія каѳедры возводить людей, поживших въ монашествѣ, знающихъ св. писаніе, и церковныя законоположенія, а не рукополагать прямо изъ мірянъ, какъ это случалось часто до него. Если же было желаніе сдѣлать епископомъ кого-либо изъ мірянъ, то только извѣстныхъ всѣмъ по твердости въ вѣрѣ и великимъ своимъ добродѣтелямъ. 2) Положено было епископамъ не возлагать рукъ на лицъ, не испытанныхъ хорошо въ духовной жизни, чтобъ лица, поставляемыя ими на церковныя должности, хорошо были знакомы съ ученіемъ вѣры и обязанностями своего званія. 3) Епископы должны были заповѣдывать іереевъ своихъ епархій, чтобы они не допускали до святыхъ таинъ лицъ недостойныхъ и сами блюли за жизнью іереевъ въ духѣ кротости и съ желаніемъ спасенія душъ ихъ. 4) Іереямъ и діаконамъ подтверждено было хранить любовь и поминовеніе къ епископамъ, съ благоговѣніемъ совершать богослуженіе и вести добрую жизнь, назидательную для прихожанъ. Не оставилъ блаженный безъ вниманія монаховъ, судей и народъ; но соотвѣтственно нуждамъ каждаго званія училъ ихъ и наставлялъ, и своими усиліями поднялъ народное образованіе и нравственность довольно высоко. Съ согласія царя и католикоса, онъ учредилъ училище и набралъ восемьдесять мальчиковъ для приготовленія изъ нихъ будущихъ пастырей и учителей церкви отечественной. Блаженный избралъ нѣкоторыхъ опытныхъ и знающихъ священное писаніе мужей и сдѣлалъ ихъ своими сотрудниками; предметами изученія въ школѣ были священное писаніе, церковное чтеніе, пѣніе и нѣкоторые другіе предметы.

Святый, много потрудившись для Грузіи, пожелалъ окончить дни свои на св. горѣ Аѳонской. Государь напрасно просилъ его оставить свое намѣреніе. Блаженный съ своими учениками сѣлъ на корабль и послѣ многотруднаго плаванія, наконецъ, всѣ благополучно достигли Константинополя. На другой день по прибытіи призванъ былъ онъ въ царскія палаты императоромъ.

Между вельможами, окружавшими императора на пріемѣ блаженнаго, находилось много знатныхъ латинянъ и армянъ. Царь спросилъ преподобнаго, какая разница существуетъ между грузинскою церковью и армянскою, и нѣтъ ли какихъ отступленій въ иверской

рквн отъ правилъ и постановленій церкви греческой. Блаженый, отъ лица всей церкви грузинской, произнесъ во первыхъ, Никео-Константинопольскій символъ вѣры, затѣмъ изложилъ въ порядкѣ православное вѣроученіе, котораго „держится нашъ народъ", говорилъ святый, „отъ временъ Апостольскихъ и святыя равноапостольныя Нины до нашихъ дней".

Въ день Рождества Іоанна Крестителя блаженный съ своими приближенными отправился въ Студійскую обитель. Поклонившись мощамъ, онъ причастился тамъ со всѣми своими учениками святыхъ таинъ. Возвратившись домой, блаженный почувствовалъ маленькій жаръ. Онъ получилъ приказаніе, что государь желаетъ видѣть его учениковъ за городомъ въ долинѣ, такъ называемой Филопатросъ. Святый, по слабости силъ, отправился на ослицѣ. Императоръ приказалъ дѣтямъ пропѣть по-гречески наизусть часы. Послѣ всего царь благодарилъ блаженнаго и похвалилъ за распространеніе между своими соотечественниками греческаго языка и образованія, приказавъ выдать 1000 златицъ сиротамъ.

29 іюня преставился св. Георгій, приготовленъ былъ гробъ изъ негніющихъ досокъ, въ которомъ положили честное тѣло святаго и перенесли на корабль. Вся братія и всѣ сироты и ученики сѣли на тотъ же корабль и отправились на Аѳонъ.

Св. Георгій извѣстенъ какъ піитъ и представитель спиритуалистическаго направленія. По мнѣнію проф. Калиновскаго, ему принадлежитъ существующее и въ русской обработкѣ И. И. Козлова стихотвореніе „Вечерній звонъ, вечерній звонъ!" Послѣдняя строфа этого лирическаго творенія заключаетъ элегическое изліяніе грустныхъ чувствъ: „Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!"

Напѣвъ унылый надо мной
Въ долинѣ вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьѣ пѣть вечерній звонъ!

На грузинскомъ языкѣ сохранился акростихъ Георгія Мтацминдели въ припискѣ къ Гелатскому Евангелію. Въ этомъ акростихѣ св. мужъ выясняетъ значеніе живоноснаго священнаго писанія и проситъ помилованія у чтецовъ. Быть можетъ ему, а не св. Евфимію грузинскому, какъ думаетъ еписокъ Порфирій, принадлежитъ греческое стихотвореніе, найденное покойнымъ эллинистомъ въ рукописи

Исаака Месапотамскаго [1]). Важно отмѣтить, что оба переводчика—Евфимій и Георгій—священныхъ книгъ прекрасно знали греческій языкъ.

Св. Евфимію приписывается также переводъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ съ грузинскаго языка на греческій.

Мудрость Балавара. (Варлаамъ и Іоасафъ).

Много сказокъ, повѣстей и преданій перешло въ Европу съ востока путемъ византійскихъ переводовъ и передѣлокъ и потомъ обработывалось въ европейской литературѣ болѣе или менѣе самобытно; многое шло прямо изъ византійскаго источника или устнымъ преданіемъ, или черезъ литературныя сношенія. Такимъ образомъ распространилась, между прочимъ, и знаменитая исторія Варлаама и Іосафата: на западѣ основаніемъ ея извѣстности былъ латинскій переводъ съ греческаго.

Исторія Варлаама и Іосафата, или Іоасафа, по грузинской версіи „Мудрость Балавара"—духовный романъ, чрезвычайно любимый въ средніе вѣка. Сюжетъ состоитъ въ разсказѣ о томъ, какъ мудрый пустынникъ Варлаамъ обратилъ въ христіанство индійскаго царевича Іоасафа, несмотря на всѣ гоненія жестокаго отца его Авенира.

Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоцѣнный камень, и объяснилъ Іоасафу, что камень этотъ и изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ и молитвою; въ такомъ видѣ представляетъ Варлаама старинная гравюра XVII столѣтія, сдѣланная Симономъ Ушаковымъ и приложенная къ москокскому изданію этой исторіи. Авторомъ этого произведенія нѣкоторыя старыя рукописи и инкунабулы называютъ Іоанна Дамаскина, другіе просто Іоанна. Первымъ основаніемъ западныхъ редакцій Варлаама и Іосафата былъ греческій текстъ, переданный въ латинскомъ переводѣ Георгія Трапезунтскаго (Georgius Trapesuntius); легенда принесена была въ 1220—39 г. изъ Константинополя въ Германію аббатомъ Гвидо и разошлась очень быстро. Исторія получила сперва нѣсколько нѣмецкихъ и французскихъ обработокъ въ стихахъ и въ прозѣ; по сѣверно-французской передѣлкѣ сдѣланъ былъ въ началѣ XIV вѣка переводъ итальянскій; изъ нѣмецкой литературы произошла шведская народная книга Barlaam och Iosaphat и исландская Varlaams—saga; по латинскому подлиннику составилась испанская редакція. Въ чешской литературѣ пере-

---

[1]) *Епископъ Порфирій*. Первоз путешествіе въ Синайскій мон. въ 1845 г. Стр. 212—213. Ср. *Садзагеловъ-Иверіели*. Газ. Иверія. 1895 г. № 105.

ъ Варлаама и Іосафата появился еще въ концѣ XII столѣтія льскій переводъ Кулиговскаго сдѣлапъ по латинскому Як. Билля напечатанъ въ Краковѣ въ 1688 г.

Печатныя изданія Варлаама очень давни: editio princeps одного инскаго перевода — Incipit liber gestoru Varlaam et Josaphat-vuru dei greco sermone editus a Iohane damasceno viro sancto erudito — относятъ къ 1470—80 годамъ. Наконецъ, исторія Варла- а извѣстна и въ нѣкоторыхъ восточныхъ литературахъ: еврейская редѣлка ея подъ названіемъ „Царевичъ и дервишъ“, составленная арабской редакціи, есть одна изъ любимыхъ книгъ новой еврей- ой литературы; объ армянской передѣлкѣ—roman d'Hovasaph et rlaam—упоминаетъ ак. Броссе въ своемъ отчетѣ объ археологиче- омъ путешествіи въ Грузіи. (Rapports sur un voyage etc. St.-Pet. 849. I. livr. p. 59 [1]). Грузинская версія найдена мною въ 1888 г.

Греческій текстъ изданъ Буассонадомъ въ его Ἀνέκδοτα, Anecd. aea. Paris. 1839, T. IV [2]). Славянскій переводъ Варлаама [3]) давно е примкнулъ къ этой литературной исторіи; древнѣйшіе списки о восходятъ къ XIV—XV столѣтію. Миклошичъ упоминаетъ серб- ую рукопись Варлаама, принадлежащую къ XVI вѣку [4]). (Vergleich em. d. Slav. Spz I, XIV). Объ успѣхѣ въ Россіи Варлаама, кромѣ ачительнаго числа списковъ его, извѣстныхъ теперь, можно судить по тому, что въ XVII-мъ столѣтіи вышло два изданія этой книги, о для бѣлорусскихъ читателей, другое въ Москвѣ.

Исторія Варлаама и Іосафа особенно интересовала читателей ологами и притчами, вложенными въ уста отшельника Варлаама, торый пользовался ими для убѣжденія царевича. Большая часть ихъ, самому характеру вымысла, принадлежитъ очевидно восточной нтазіи,—за каждымъ разсказомъ слѣдуетъ христіанское поученіе, матическое или нравственное. Мудрыя притчи Варлаама были нь извѣстны въ средне-вѣковыхъ литературахъ Европы; передѣлки подражанія имъ нерѣдки въ западныхъ сборникахъ повѣстей, но- лъ и сказокъ. Таковы напр.: „притчи о инъ розѣ“. Одинъ путникъ,

---

[1]) См. еще Mélanges asiatiques t. VIII. Объ арабской версіи, см. *Fr. mmel.* Die älteste arabische Barlaam-Version. Wien. 1887.

[2]) Сказаніе о жизни свв. Варлаама и І., припис. Іоанну Дамаскину изд. на греч. (?) по пергамент. рукописямъ. Одесса. 1894. Заключаетъ лишь рус. переводъ.

[3]) См. недавно появившуюся работу: *Иванъ Франко* „Барлаам і Йосаф. иски наукового товариства імени Шевченко, т. VIII и X.

[4]) *Пыпинъ.* Очеркъ литер. ист. стар. повѣстей. Стр. 127.

встрѣтивши въ полѣ „инорога“, побѣжалъ отъ него чрезвычайно испуганнымъ, и попалъ въ пропасть, однако, успѣлъ схватиться за дерево и удержался на воздухѣ; путникъ увидѣлъ, какъ двѣ мыши подгрызали корень дерева, на которомъ онъ держался; на днѣ пропасти изгибался страшный змѣй, готовый его пожрать; изъ стѣны выходили четыре головы аспидовы. Во то же время путникъ увидѣлъ на деревѣ каплю меда и „устремился къ сладости“. Притча изображаетъ жизнь человѣческую: инорогъ, преслѣдующій человѣка, есть неумолимая смерть; дерево, подгрызаемое мышами,—время, уходящее съ каждымъ днемъ и ночью; змѣй огненный—адова утроба, которая стремится пожрать человѣка; аспидовы главы—„прелестныхъ стихій составъ“ т. е. его физическія слабости; капля меду—краткія пріятности жизни, заставляющія человѣка забывать объ ужасахъ смерти и о вѣчномъ спасеніи. Источникъ этой притчи указывали въ арабской передѣлкѣ Гитопадешы, извѣстной подъ именемъ Калила ва-Димна; отсюда перешла она во многіе другіе сборники, а съ именемъ Варлаама повторяется въ 68 главѣ Gesta Romanorum (übs. v. Grasse, изд. 1850. 2, 103). Рюкертъ перевелъ ее на нѣмецкій языкъ въ своемъ собраніи, на русскомъ языкѣ она извѣстна въ изящной передачѣ Жуковскаго „изъ Талмуда“.

Повѣсть о Варлаамѣ и Исаакѣ на грузинскомъ языкѣ была найдена мною лѣтомъ 1888 г. въ рукописныхъ памятникахъ тетушки моей Нины Яковлевны Дапквіевой. Она переписана въ 1860 г. покойнымъ ея мужемъ Антономъ Захарьевичемъ Дапквіевымъ. Рукопись эту, по желанію г-жи Дапквіевой, я пожертвовалъ Обществу распространенія грамотности среди грузинскаго населенія [1]). Переводъ этой повѣсти вызвалъ два толкованія: г. Марръ переводитъ заглавіе „Мудрость Балавара“. Сочиненіе отца Софрона Палестинскаго, сына Исаака“, а г. Цагарели перелагаетъ: Мудрость Бала(и)вара. Сказаніе (сочиненіе) отца Исаакія (Исаака), сына Софронія Палестинскаго“ [2]). Я примыкаю къ переводу проф. Цагарели. Впрочемъ, г. Марръ въ отвѣтѣ на замѣчаніе г. Цагарели приводитъ изъ другого списка „Мудрости Балавара“ мѣсто, въ которомъ грузинскій текстъ совершенно ясно передаетъ, по его же словамъ, начало повѣсти согласно съ толкова-

---

[1]) Ср. *Цагарели.* Свѣдѣнія о памятникахъ груз. письменности, вып. II, стр. XXXII, Спб. 1889.

[2]) *Цагарели* l. c., *Марръ*, Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ. т. III, вып. IV, стр. 225.

ніемъ проф. Цагарели: „разсказывалъ намъ отецъ Исаакъ, сынъ Софрона Палестинскаго", при этомъ онъ прибавляетъ, что прежній переводъ заглавія становится невозможнымъ [1]).

За этимъ заглавіемъ слѣдуютъ слова, указывающія на эѳіопское или индійское происхожденіе книги: „Нѣкогда я прибылъ въ страну Іоппію (Эѳіопію), гдѣ въ книгохранилищѣ царя индійцевъ нашелъ эту книгу, въ которой описаны дѣла его".— Балаваръ въ началѣ повѣсти является придворнымъ сановникомъ.

Въ повѣсти [2]) объ индійскомъ царевичѣ, сопоставляя ея грузинскую версію съ греческою и мусульмано-арабскою, различаемъ три элемента: 1) фабулу, 2) притчи и 3) религіозно-духовное поученіе.

Фабула, служащая канвой повѣсти,—обща всѣмъ тремъ версіямъ за небольшимъ отступленіемъ грузинской.

У индійскаго царя-язычника, долго остававшагося бездѣтнымъ, рождается сынъ, предсказанія о которомъ заставляютъ отца преслѣдовать вѣрующихъ. Царевичъ воспитывается въ невѣдѣніи темныхъ сторонъ земной жизни, но съ совершеннолѣтіемъ пробудившееся въ немъ сознаніе гонитъ его изъ заключенія на свѣтъ божій. При видѣ картинъ безсилія и страданій человѣческой природы у царевича возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія, и для разъясненія ихъ онъ ищетъ человѣка. Одинъ изъ отшельниковъ (по греч.: Варлаамъ, по араб.: Б-л-в-х-р, по груз.: Балаваръ) узнаетъ о желаніи царевича и, переодѣвшись въ купца, является подъ предлогомъ продать ему чудесный драгоцѣнный камень. Открывъ себѣ такимъ образомъ доступъ въ покои царевича, подвижникъ излагаетъ ему ученіе объ истинной вѣрѣ.

Въ этомъ мѣстѣ главнымъ образомъ сосредоточены какъ притчи, такъ и поученія: онѣ вложены въ уста подвижника.

Наставникъ уходитъ [3]), но сѣмя, брошенное имъ на доброй почвѣ, приноситъ добрые плоды: царевичъ твердо держится заповѣданнаго ему ученія, побѣждаетъ языческихъ проповѣдниковъ и чародѣевъ, превозмогаетъ всякія искушенія, смягчаетъ отеческое сердце, получаетъ удѣлъ, въ которомъ подъ его мудрымъ правленіемъ преумножается благоденствіе и возрастаетъ число вѣрующихъ и, наконецъ, обращаетъ въ свою вѣру отца со всѣми его подданными. По

---

[1]) Зап. В. Отд. Р. Арх. Общ. т. V, стр. 285. Догадки о Софроніи, см. *Fr. Hommel* въ Anhang-ѣ въ книгѣ Weisslovits, Prinz u. Dërwisch, München 1890, стр. 129 et 59.

[2]) Приводимъ по изслѣдованію Н. Я. Марра „Мудрость Балавара".

[3]) Въ сохранившейся рукописи арабской версіи все слѣдующее недостаетъ.

смерти отца, сынъ земное царство оставляетъ родственнику Барахіѣ, а самъ идетъ въ пустыню, гдѣ встрѣчается съ своимъ наставникомъ. Повѣсть кончается смертью подвижниковъ, сначала учителя, затѣмъ ученика. Царь Барахія переноситъ ихъ мощи на родину.

По грузинской редакціи съ мудрецомъ Балаваромъ или Варлаамомъ мы знакомимся гораздо раньше его миссіонерской дѣятельности; онъ впервые является намъ въ роли придворнаго сановника [1]). Описаніе жизни Балавара при дворѣ примыкаетъ непосредственно къ началу повѣсти.

„Былъ нѣкоторый царь, по имени Іабенесъ, въ мѣстности Индіи, называемой Болатомъ, по религіи язычникъ и идолопоклонникъ, но благомыслящій, мирный, скромный и весьма милостивый къ бѣднымъ. У него не было сына, и бездѣтность крайне огорчала его, такъ какъ, будучи весьма богатымъ, онъ хотѣлъ оставить наслѣдника надъ своими пріобрѣтеніями,—царь просилъ своихъ боговъ, чтобы они даровали ему дѣтей [2]); боги его нисколько не могли пособить ему, и онъ тщетно молилъ ихъ, но Богъ, желающій всѣмъ людямъ жизнь, далъ ему добраго и набожнаго сына изъ-за милости, оказываемой имъ бѣднымъ; царь Іабенесъ исполнился великой радости и назвалъ его Іодасафомъ, при чемъ говорилъ: „Это сдѣлали мнѣ мои боги“, и еще больше возвеличилъ ихъ. Онъ собралъ множество звѣздочетовъ, философовъ и гадателей, чтобы они сообщили ему, что предстоитъ его сыну или какова его судьба, и они въ одинъ голосъ сказали такъ: „Этотъ младенецъ достигнетъ царскаго величія, котораго никто никогда не достигалъ въ этой индійской странѣ“. Но былъ среди нихъ одинъ болѣе всѣхъ извѣстный своей мудростью, и онъ сказалъ царю: „Я такъ думаю, царь, что слава, которой достигнетъ этотъ младенецъ,—не отъ сего міра: думаю, что онъ будетъ великимъ учителемъ истины“. Слыша эти слова, царь исполнился печали; тотчасъ же приказалъ изгонять рабовъ Христа изъ страны и отправилъ глашатая объявить такимъ образомъ: „Царь Абенесъ говоритъ это: если спустя три дня [въ его царствѣ] окажется кто-либо изъ христіанъ, пусть

---

[1]) Извѣстна одна французская мистерія XIV—XV столѣтія на тему нашей повѣсти съ интереснымъ въ этомъ отношеніи заглавіемъ: Un miracle de Notre Dame, de Barlaam, *maistre d'ostel du roy Avennir* qui converti Josaphat le fil du roy et depuis converti Josaphat son père le roy et tous ses gens, см. Barlaam und Josaphat, von Gui de Cambrai, herausg. von Zotenberg u. Meyer. Stuttgart. 1864, стр. 368—417: въ ней вельможа-христіанинъ при дворѣ Авенира названъ Варлаамомъ.

[2]) Дѣторожденіе.

избиваютъ всѣхъ таковыхъ въ тяжкихъ мукахъ". Однажды царь вышелъ изъ города для осмотра и увидѣлъ, что изъ города идутъ двое слугъ Бога. Онъ сказалъ имъ: „Какъ осмѣлились вы не уходить изъ моей страны? или вы не слыхали, какъ мой глашатай объявилъ?" Тѣ сказали: „Вотъ мы собрались уходить". Царь сказалъ имъ; „Что удержало васъ до сихъ поръ?" Тѣ сказали: „Неимѣніе дорожной провизіи". Царь сказалъ имъ: „Кто боится смерти, не медлитъ изъ-за дорожной провизіи". Тѣ сказали: „Еслибы боялись мы, то и поспѣшили бы уйти, но мы не боимся смерти, ибо отъ смерти мы ждемъ покоя". Царь сказалъ: „Какъ можете вы говорить это, когда уходите изъ моей страны, устрашенные мною". „Не изъ-за страха передъ смертью уходимъ мы такъ изъ твоей страны, а чтобы мы не стали причиной человѣкоубійства и безбожія; страхъ же твой никогда не входилъ въ наши сердца". Но царь отпустилъ ихъ и положилъ приказомъ, чтобы сжигали огнемъ христіанъ, сколько бы ихъ ни находили.

При царѣ же Іабенесѣ былъ нѣкто, по имени Балаваръ, слуга Бога, вѣрующій во Христа и полагающійся на Него; царь очень любилъ его: онъ былъ смышленъ, благоразуменъ, хорошъ какъ писатель и на лучшемъ счету у царя. Не зная, что онъ рабъ Христа, Іабенесъ оказывалъ ему честь болѣе, чѣмъ всѣмъ своимъ вельможамъ.

Однажды Балаваръ, идя, увидѣлъ, что на дорогѣ лежитъ человѣкъ, пострадавшій отъ звѣря и плачетъ. Балаваръ сказалъ ему: „Что съ тобою, человѣче, и почему плачешь?" Тотъ же все объяснилъ. „Доложу я вамъ слѣдующее, говорилъ онъ—я, мужъ искусный въ рѣчи, былъ укушенъ звѣремъ и лишился членовъ и, если кто порадѣетъ обо мнѣ, въ день опасности буду я ему полезенъ". Балаваръ не обратилъ вниманія на эти слова, однако, сжалившись надъ пострадавшимъ, приказалъ рабамъ, чтобы посадили его на лошадь и привели къ нему на домъ, а домоуправителю поручилъ заботиться о немъ хорошо и утѣшать его.

Между тѣмъ Балавара возненавидѣли идолопоклонники; ибо завидовали чести, которую царь оказывалъ ему. Явившись къ царю, они сказали: „О царь! человѣкъ, на котораго ты полагаешься,—не твоей вѣры, ибо встрѣчая христіанъ, милостиво привѣтствуетъ ихъ; такъ онъ хочетъ отпасть отъ тебя и завладѣть твоимъ царствомъ и, кого только находитъ отступившимъ отъ вашего величества, съ тѣмъ старается быть любезнымъ и оказываетъ ему честь".

Царь сказалъ имъ: „Если не окажется такъ, какъ вы говорите, плохо будетъ вамъ, вы получите возмездіе".

Царь началъ испытывать Балавара; призвавъ божьяго человѣка, онъ сказалъ ему: „Ты знаешь, другъ мой, какъ погруженъ мой умъ въ мірскія дѣла, и какъ я провелъ свои дни; видишь, что тружусь безъ пользы; боюсь, что настанетъ конецъ, и я окажусь ни съ чѣмъ; такъ уже съ этого дня хочу присоединиться къ рабамъ Бога и подвизаться для вѣчной жизни; что же скажешь ты, о мой вѣрный совѣтникъ?" Слыша это божій человѣкъ съ взволнованнымъ умомъ и со слезами сказалъ ему: „Живи царь во вѣки, ибо взамѣнъ преходящаго ты избралъ непреходящее и лучшее! Величіе этого міра ничто, оно проходитъ, какъ тѣнь, и исчезаетъ, какъ дымъ. Теперь направь свои помыслы, ибо хорошо цѣною [1]) преходящаго міра пріобрѣсть непреходящее".

Царю тяжело было отъ этихъ словъ, и онъ исполнился недовольства къ божьему человѣку, но не открылъ ему; тогда догадавшись, что ему были разставлены сѣти, Балаваръ очень огорчился и въ ту ночь оставался безъ сна, но вспомнивъ про мужа искуснаго въ рѣчи, призвалъ его и обратился къ нему со словами: „Ты говорилъ мнѣ, что исцѣляешь рану словомъ". Мужъ сказалъ ему: „Такъ и есть, нуждаешься-ли ты теперь въ чемъ либо?" Балаваръ сказалъ: „Сколько времени я служилъ царю, и никогда не видѣлъ я, чтобы онъ гнѣвался на меня, ибо я ходилъ съ вѣрностью передъ нимъ, но сегодня замѣтилъ его гнѣвъ и думаю нѣтъ у него болѣе мира для меня". Пострадавшій сказалъ: „Что произошло между вами?" Балаваръ сказалъ: „Ничего не знаю, кромѣ того, что онъ спросилъ меня объ одной вещи, и я сообщилъ ему лучшее [что я могъ], по думаю онъ испыталъ меня на словахъ, а я весь открылся". Пострадавшій сказалъ: „Я исцѣлю эти слова съ помощью Христа и силою креста. Знай, что царь подозрѣваетъ тебя во злѣ, предполагая, что ты лукавишь; онъ думаетъ, что ты завладѣешь его царствомъ; такъ встань завтра, обстриги волосы своей головы, сними платье и одѣвайся во вретище и такимъ образомъ, войди къ нему; если онъ спроситъ тебя: „Что это такое?" скажи ему: „Вотъ приготовился я къ тому, къ чему ты призывалъ меня вчера, ибо не хочу жизни безъ тебя: ты пріобщилъ меня къ благамъ твоего царства, теперь мнѣ надлежитъ такъ же пріобщиться къ твоимъ страданіямъ въ этомъ мірѣ, согласно съ твоимъ желаніемъ мучиться съ тобой и удостоиться съ тобою же вѣч-

[1]) Оставленіемъ.

вости". И когда Балаваръ поступилъ, какъ научилъ его пострадавшій, подозрѣніе вышло изъ сердца царя; онъ разозлился на обвинителей Балавара, а Балаваръ наслаждался и веселился, и опять выросли волосы у него на головѣ, и опять вкралась [въ сердца] у начальниковъ зависть къ Балавару, и они сказали царю: „Царь! если осмотришь шею Балавара, найдешь у него крестъ, которому онъ покланяется, боги же наши—предметъ его насмѣшекъ". Но царь думалъ что про Балавара говорятъ ложное, а когда протянувъ руку, увидѣлъ золотой крестъ на груди у него, царь сказалъ ему: „Что это за твое заблужденіе, Балаваръ?" Балаваръ же сказалъ: „Я не заблуждаюсь, я служу Христу съ молодыхъ лѣтъ и покланяюсь кресту, на которомъ Онъ простеръ руки для нашего спасенія, однако по службѣ у тебя я не дѣлалъ упущеній; теперь, такъ какъ имя Христа, Бога моего,—со мною, не отвергну Его божества: если изрѣжешь мое тѣло или сожжешь огнемъ, то душу мою вручу Ему". Царь сказалъ ему: „Не говори такъ, мой любезный Балаваръ, ибо ты вельможа и первый у меня; если будешь покланяться моимъ богамъ, дамъ тебѣ и другіе города и для тебя опорожню свои сокровищницы, такъ какъ я тебя очень люблю, а если не сдѣлаешь этого, истощу твое тѣло въ жестокихъ мукахъ и не вспомню про любовь къ тебѣ".

Тогда божій человѣкъ, Балаваръ, снялъ золотой поясъ, украшенный драгоцѣнными камнями и, положивъ его передъ царемъ, сказалъ: „Если мнѣ покроешь голову царскою короною, то и такою честью не поколеблешь моей вѣры въ Христа, и хотя истощишь мое тѣло въ мукахъ, но меня не смутишь, ибо выше земныхъ благъ—небесныя, которыми наслаждаемся вѣчно, и прегорьки суть муки ада, которыми будутъ наказаны противники и отрицатели Бога, я же, о царь, готовъ на [земныя] муки; не медли, чтобы я скорѣе отошелъ къ моему Господу упокоиться во вѣки"!

Но при этихъ словахъ царь смягчился и сказалъ: „Любезный Балаваръ, какъ лишилъ ты меня надежды, ослушавшись моего приказанія! Уйди же изъ моей страны, чтобы вѣсть о тебѣ не доходила до моихъ ушей! Если найду тебя опять [въ моей землѣ], я не буду повиненъ въ твоей крови".

Балаваръ покинулъ величіе преходящее и отправился къ пустынникамъ служить Христу Богу нашему".

Царь построилъ сыну своему городъ и назначилъ ему тамъ пребываніе съ воспитателемъ Зандапомъ и приличнымъ штатомъ, приказавъ не допускать туда старца или больнаго [1]), не упоминать о

[1]) Ср. *у меня* „Безсмертный Али". (I в. Очерковъ по ист. груз. слов." стр. 112—115).

смерти, чтобы вырости его въ довольствѣ и радости. Ребенокъ былъ очень понятливъ и поражалъ всѣхъ своими познаніями, любознательностью и мудростью. Придя въ возрастъ, онъ сталъ задумываться надъ своимъ положеніемъ и рѣшилъ, во избѣжаніе гнѣва отца, о причинѣ своего заточенія спросить у своего воспитателя, обѣщая послѣднему награду въ дни предстоящаго своего царствованія. Воспитатель подъ страхомъ не разглашать тайну, разсказалъ ему, какъ звѣздочеты (астрологи) предсказали царю о грядущемъ назначеніи новорожденнаго его сына предтечей истины и противникомъ установленной вѣры. Отецъ опасался, чтобы сынъ не полюбилъ тѣхъ, которые служатъ небесному Богу, и были они наказаны царемъ частью изгнаніемъ изъ страны, частью же сожженіемъ.

Когда царь пришелъ къ Іодасафу, сыну своему, то послѣдній, жалуясь на тоскливое состояніе въ заточеніи, просилъ у отца разрѣшенія ознакомиться съ міромъ. Получивъ отъ Іодасафа увѣреніе не преступать заповѣди, отецъ далъ сыну позволеніе выѣхать верхомъ, но предварительно распорядился, чтобы по пути ему не допускались больные или старцы. Однако, разъ онъ встрѣтилъ одного калѣку и одного съ печальнымъ лицомъ, узнавъ при этомъ, что это состояніе присуще людямъ, а второй разъ ему пришлось столкнуться съ слабымъ убѣленнымъ сѣдинами старцемъ. Заданъ объяснилъ, что старость происходитъ отъ прожитыхъ лѣтъ, („годъ составляетъ 12 мѣсяцевъ, а мѣсяцъ четыре недѣли"), а послѣ старости (80 или 100 л.) слѣдуетъ смерть, которой подвержены всѣ. Пришлось царевичу объяснить, что такое годъ (12 мѣсяцевъ) и смерть- уничтоженіе существованія въ этой жизни. Царевичъ расчувствовался и сталъ плакать, что нѣтъ страны, гдѣ бы не было болѣзни и смерти. Узнавъ отъ Задана, что божьи люди (христіане), говорятъ, что души умершихъ восходятъ къ Творцу вселенной послѣ смерти и унаслѣдуютъ царство небесное, если они исповѣдовали Его, Іодасафъ сталъ молить Бога послать ему наставника и открыть путь истины.

Отъ Духа Святаго узналъ Балаваръ, что Іодасафъ жаждетъ видѣть божьяго человѣка. Одѣлся онъ купцомъ и прибылъ изъ пустыни ко двору царевича. Вызвавъ къ себѣ Задана, онъ сообщилъ, что имѣетъ чудный камень, дающій слѣпымъ прозрѣніе, глухимъ слухъ, хромымъ исцѣленіе,—бѣдныхъ онъ обогащаетъ, на войнѣ даруетъ побѣду. Но видѣть этотъ камень, можетъ только чистый тѣломъ и душой, а потомъ онъ отказываетъ Задану его показать. Іодасафъ съ радостью принялъ пустынника, который подвергаетъ царевича предварительному испытанію.

Начинается разсказъ первый, заключающій притчу о благоче- ивомъ царѣ, поклонившемуся людямъ въ лохмотьяхъ съ изможден- ымъ лицомъ. Свита, сопровождавшая при этомъ царя, въ изумленіи несла брату послѣдняго объ этомъ его дѣяніи. Братъ сталъ его уко- ть, а царь въ знакъ неудовольствія, по обычаю, велѣлъ трубить въ убы смерти предъ домомъ своего обличителя. Братъ прибылъ въ езахъ съ женою къ царю и узналъ отъ него, что имъ порицаемый агочестивый царь палъ ницъ предъ проповѣдниками Христа. Этотъ благочестивый царь велѣлъ положить въ одинъ сундукъ навозъ, въ другой драгоцѣнные камни и, запечатавъ, велѣлъ ихъ оцѣнить. а первый сундукъ не хотѣли и взглянуть, а второму не находили ны. Открывъ же, изъ драгоцѣннаго сундука вышелъ смрадъ, а изъ ромнаго сундука—ароматъ [1]). Первый сундукъ, сказалъ царь, это —украшенные снаружи, но внутри полные грѣха, а скромные, блѣд- ые нищіе исполнены благовонія.

Царевичъ понялъ смыслъ притчи и воскликнулъ: „истинно твое

---

[1]) Ср. рус. легенду *Царевичъ Евстафій*. Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ- лъ царь. У него былъ младой сынъ царевичъ Евстафій; не любилъ онъ ни ровъ, ни плясокъ, ни гульбищъ, а любилъ ходить по улицамъ, да водиться нищими, людьми простыми и убогими, и дарилъ ихъ деньгами. Крѣпко раз- рился на него царь, повелѣлъ вести къ висѣлицѣ и предать лютой смерти. вели царевича и хотятъ уже вѣшать. Вотъ царевичъ палъ передъ отцемъ колѣни и сталъ просить сроку хоть на три часа. Царь согласился, далъ ему оку на три часа. Царевичъ Евстафій пошелъ тѣмъ временемъ къ слесарямъ казалъ сдѣлать въ скорости три сундука: одинъ золотой, другой серебря- , а третій—просто расколоть кряжъ на двое, выдолбить корытомъ, и при- ить замокъ. Сдѣлали слесари три сундука и принесли къ висѣлицѣ. Царь боярами смотрятъ, что такое будетъ; а царевичъ открылъ сундуки и пока- ваетъ: въ золотомъ насыпано полно золота, въ серебряномъ насыпано полно ебра, а въ деревянномъ накладена всякая мерзость. Показалъ и опять затво- ъ сундуки и заперъ ихъ накрѣпко. Царь еще пуще разгнѣвался и спраши- тъ у царевича Евстафія: „Что это за насмѣшку ты дѣлаешь? — „Государь юшка! говоритъ царевичъ: ты здѣсь съ боярами, вели оцѣнить сундуки-то, оп стоютъ“? Вотъ бояре серебряной сундукъ оцѣнили дорого, золотой того же, а на деревянный и смотрѣть не хотятъ. Евстафій царевичъ говоритъ: омкните-ка теперь сундуки, и посмотрите, что въ нихъ“! Вотъ отомкнули отой сундукъ, а тамъ змѣи, лягушки и всякая срамота; посмотрѣли въ се- ряной—и здѣсь то же; открыли деревянной, а въ немъ ростутъ древа съ дами и листвіемъ, испускаютъ отъ себя духи сладкіе, а посреди стоитъ цер- ь съ оградою. Изумился царь и не велѣлъ казнить царевича Евстафія.

слово, и оно есть тотъ драгоцѣнный камень, который скрываешь; оно прозрѣваетъ глаза и укрѣпляетъ сердце въ добродѣтели.

Слѣдуетъ разсказъ второй: евангельская притча о сѣятелѣ съ соотвѣтствующимъ толкованіемъ. Разсказъ третій предлагаетъ притчу о человѣкѣ и слонѣ. Земная жизнь подобна тому человѣку, который избѣгая преслѣдованія слона, попалъ въ яму, здѣсь нашелъ дерево, на которое онъ взлѣзъ. Посмотрѣвъ внизъ, онъ замѣтилъ двухъ крысъ черную и бѣлую, которые грызли дерево, пріютившее его, а въ глубинѣ ямы покоились драконы, приготовлявшіеся его поглотить. Взглянувъ вверхъ, онъ примѣтилъ небольшія капли меду, которыя сочились изъ деревъ. Сталъ онъ лизать медъ, забывъ о грядущемъ несчастіи. Крысы подгрызли дерево, человѣкъ упалъ, слонъ схватилъ и бросилъ его драконамъ. Слонъ, объясняетъ Балаваръ, это образъ смерти, преслѣдующей человѣка, дерево—преходящая жизнь, крысы—дни, а медъ—сладости земной жизни. Пройдутъ дни, смерть похититъ и драконъ потащитъ въ адъ [1]).

Четвертый разсказъ посвященъ притчѣ о трехъ друзьяхъ одного смертнаго, изъ которыхъ съ третьимъ онъ разсорился. Когда же постигло его несчастье и по навѣту злыхъ людей долженъ былъ быть представленъ на судъ царя, то его оставили его любимые друзья, а третій, помня ничтожную долю добра, охотно вызвался ему помочь въ горѣ. Первый другъ, по толкованію—корыстолюбіе, страсть къ деньгамъ, которыхъ онъ не можетъ взять съ собою, второй—жена и дѣти, безсильные облегчить участь человѣка въ страшный день суда, а третій—душа.

Пятый разсказъ сообщаетъ о чужеземномъ царѣ. Былъ въ одномъ городѣ обычай сажать царемъ иноземца на годъ или полгода, а потомъ, снявъ съ него порфиру, изгонять его съ двумя одѣяніями. Одинъ чужестранецъ предупредилъ и тайно послалъ въ мѣсто изгнанія, до своего сверженія съ престола, драгоцѣнности чрезъ бѣдныхъ иноземцевъ же и, будучи сосланъ туда, нашелъ полное обиліе, которымъ могъ наслаждаться вѣчно. Этотъ предусмотрительный царь—тотъ мужъ, который помогаетъ тайно нищимъ и слабымъ, а Господь воздаетъ ему явно.

---

[1]) Ср. Калила и Димна. (М. 1889 г. гл. IY), гдѣ также преслѣдуетъ человѣка слонъ; въ греческой редакціи вмѣсто слона, является единорогъ, въ армянской—олень. Что касается до дерева, съ котораго капаетъ медъ, то, по замѣчанію Бенфея, оно есть ничто иное, какъ чудесное дерево индійскихъ сказаній Ира, съ котораго падаетъ медъ или soma. *Benfey.* Einleitung zur Pantschatantra.

Іодасафъ чувствовалъ, что отъ этихъ разсказовъ душа его очищается и находитъ утѣшеніе.

Разсказъ шестой—притча о царѣ-язычникѣ и вѣрующемъ совѣтникѣ. Послѣдній, воспользовавшись случаемъ, знакомитъ царя съ основными положеніями христіанской вѣры и отвлекаетъ своего повелителя отъ служенія идоламъ.

Разсказъ седьмой заключаетъ притчу о богачѣ, женившемся на бѣдной. Сынъ богатыхъ родителей встрѣчаетъ у дверей хижины дочь бѣдняка за работой. Она понравилась юношѣ и попросилъ старика - отца выдать ее за него; старикъ желалъ его испытать и сначала отказывалъ, увѣряя, что отецъ богатаго юноши не одобритъ выбора своего сына, но, по настоянію юноши, наконецъ, онъ согласился, показалъ ему скрытыя свои драгоцѣнности и отдалъ ему ихъ со слезами, говоря, что отнынѣ онъ можетъ ими пользоваться. Въ заключеніе притчи Балаваръ приглашаетъ Іодасафа, послѣдовать за І. Христомъ, оставивъ міръ, и стать предтечей истины. Іодасафъ прослезился. На его вопросъ, сколько лѣтъ Балавару, послѣдній отвѣчаетъ 18, хотя ему минуло 60 лѣтъ; считаетъ онъ годы лишь христіанской жизни, а не отъ рожденія. Нынѣ онъ не боится и смерти.

Разсказъ восьмой отведенъ притчѣ о человѣкѣ и соловьѣ. Нѣкто поймалъ воркуна (соловей) и хотѣлъ его зарѣзать. Воркунъ предложилъ ему отпустить его, за что онъ научитъ своего спасителя тремъ заповѣдямъ, могущимъ принести пользу: 1) къ недостижимому не стремись, 2) о прошедшемъ не жалѣй, 3) не дѣлай себѣ и другимъ зла, [чего себѣ не желаешь]. Желая испытать насколько человѣкъ проникся данными заповѣдями, воркунъ (голубь, по Марру соловей) крикнулъ ему съ вѣтки дерева: еслибы ты убилъ меня, то нашелъ бы въ моемъ скелетѣ яйцо страуса. Сталъ жалѣть тогда человѣкъ и, тщетно попытавшись снова поймать птицу, просилъ ее съ умысломъ зимъ прилетѣть къ нему на зиму, чтобы, прокормивъ ее, отплатить за добрыя наставленія. Птица же отвѣтила, что онъ уже нарушилъ всѣ три данныя ею заповѣди и напрасно онъ будетъ искать въ ея перьяхъ страусова яйца. Балаваръ затѣмъ изложилъ царевичу ученіе о любви къ ближнимъ и познаніи Единаго Творца, тлѣнности всего земнаго и необходимость стремленія къ вѣчной небесной обители. Для достиженія послѣдней требуется оставить всѣ житейскія заботы, постомъ и молитвой побѣдить всѣ искушенія. На вопросъ Іодасафа, какія доказательства о существованіи Бога, Балаваръ отвѣчаетъ: [объ Немъ свидѣтельствуютъ] небеса и вселенная, всеодухотворенное и тѣлесное.

„Когда замѣчаешь [1]) какой либо рукотворный сосудъ, хотя и не видишь творца, все же вѣришь, что у него есть творецъ; равнымъ образомъ, когда замѣчаешь постройку, хотя и не видишь строителя, однако умъ доказываетъ, что у нея есть строитель, такъ, когда я увидѣлъ и разсмотрѣлъ свое строеніе, понялъ, что у меня есть Творецъ, Который создалъ меня, какъ Онъ желалъ, и далъ мнѣ образъ, не спросившись меня: если же я былъ бы создатель свой, сдѣлалъ бы себя съ бо́льшею красотою и совершенствомъ, а Создавшій меня сдѣлалъ меня ниже однихъ и выше другихъ. Но понялъ я и то, что Онъ уведетъ меня изъ этой жизни, не спросившись меня, и какъ я понялъ это и уразумѣлъ сущность нашей жизни, [именно] что мы нисколько не можемъ увеличить или уменьшить ростъ или обновить постарѣвшее или возстановить опять, если отпадетъ какой-либо изъ членовъ, и что этого не могли ни цари, ни искусные, ни мудрецы, ни сильные, и какъ затѣмъ я видѣлъ наступленіе ночи послѣ дня и вращеніе небесъ, то изъ этого я позналъ, что у всѣхъ есть Творецъ, и Онъ не подобенъ тварямъ; если же Онъ былъ бы подобенъ имъ, Его также постигало бы то, что постигаетъ тварей. Какъ Онъ скажетъ, такъ дѣлается и, когда пожелаетъ [чего-нибудь, оно] мгновенно исполняется; Онъ воскрешаетъ [людей въ такомъ видѣ], какъ они были впервые, ибо приказаніе Его острѣе обоюдоостраго меча и выше сверкающей молніи; Онъ, если будетъ Ему угодно, уничтожитъ и снова возстановитъ все. Благословеніе и слава Его имени во вѣки вѣковъ. Аминь.

Одинъ Богъ Отецъ Вседержитель, Творецъ неба и земли, Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Святой Духъ, Который исходитъ отъ Отца, Только Онъ—создатель, а прочіе—созданія; только Онъ—вѣченъ, а прочіе—временны; только Онъ силенъ, а всѣ [остальные]—безсильны; только Онъ высокъ, а всѣ [остальные] низки. Все произошло чрезъ Него, и безъ Него не начало быть ничто, что произошло, ибо Онъ благъ, милостивъ, великодушенъ и человѣколюбивъ, и пріуготовилъ послушнымъ мѣсто радости, а ослушникамъ — мѣсто мученія, Онъ же прославленный въ трехъ лицахъ и въ одномъ существѣ".

Доказательства же о воскресеніи мертвыхъ сводятся къ тому, что измучены въ этой жизни смиренные, наслаждаются непокорные, а въ день воскресенія и тѣ и другіе получатъ достойную

---

[1]) *Марръ*, назв. соч. стр. 32—3.

мзду, во-вторыхъ догматъ этотъ объясняется проповѣдью и свидѣтельствомъ самихъ Апостоловъ.

Зенанъ, видя, что Балаваръ остается долго у царевича, заявилъ послѣднему о страхѣ, который онъ испытываетъ предъ царемъ, поручившимъ ему воспитаніе сына. Іодасафъ предложилъ Зенану за занавѣской послушать, чему учитъ его явившійся подъ видомъ купца Балаваръ. Бесѣда опять касалась бренныхъ земныхъ благъ. Когда Балаваръ вышелъ, то Іодасафу Зенанъ напомнилъ, что такія рѣчи онъ слыхалъ отъ божьихъ людей и изгнанныхъ царемъ, и просилъ царевича указать средство, какъ скрыть предъ его отцемъ все случившееся. Царевичъ отвѣтилъ, что онъ боится только Отца небеснаго и что человѣкъ лишь червь и прахъ разрушающійся. Когда же Балаваръ вздумалъ уйти, то Іодасафъ просилъ его взять съ собою. Мудрецъ привелъ въ отвѣтъ притчу IX о человѣкѣ, который для сына своего взрастилъ козулю, но разъ она, выпущенная на пастбище, пошла въ дубраву и присоединилась къ звѣрямъ. Отецъ послалъ ее розыскивать и, перебивъ звѣрей, привели козулю. Удаленіе царевича угрожаетъ такою же опасностью пустынникамъ и ему самому, еще неспособному къ предстоящимъ испытаніямъ. Балаваръ отвѣтилъ на вопросъ царевича, какая у нихъ въ пустынѣ пища: „мы питаемся травами земли, а когда недостаетъ ихъ, мы принимаемъ (приношеніе) отъ нашихъ благочестивыхъ братьевъ“ [1]). Балаваръ отказывается брать что-либо для пустынниковъ изъ предложеннаго Іодасафомъ сокровищъ, говоря, что каждый изъ нихъ богаче его (нравственно, духовно). Одѣты они бѣдно, а Балаваръ отличается отъ нихъ костюмомъ съ цѣлью, чтобы попасть къ царевичу. Онъ приводитъ одну притчу (X).

Іодасафъ совершенно склонился къ ученію Балавара, долго его отклонявшаго отъ желанія слѣдовать пустынникамъ, въ виду непривычныхъ для царевича трудностей и испытаній. Царевичъ сталъ проводить время въ постѣ и молитвѣ, а Заданъ, опасаясь царя, докладывалъ послѣднему объ отступленіи Іодасафа отъ вѣры отцевъ, при этомъ онъ открылъ, что совратителемъ его сына явился изгнанный изъ предѣловъ царства Балаваръ. По совѣту звѣздочета, Раки, рѣшено было сначало подѣйствовать на Іодасафа наставленіями. Но когда сынъ съ своей стороны сталъ обличать тщетно уговаривавшаго его отца, коснѣющаго въ идолопоклонствѣ, то вздумали подослать къ царевичу нѣкоего мудреца Накора въ такомъ одѣяніи, въ какомъ

---

[1]) Ср. греч., араб. у *Марра*, стр. 34, 35.

Балавара видѣлъ Заданъ, а царь отправился искать самого Ба
вара. Нашли въ пустынѣ отшельниковъ, посящихъ на шеѣ ко
по ихъ объясненію съ тою цѣлью, чтобы постоянно помнит
смерти. Имъ по откровенію извѣстно, что ищутъ Балавара, челов
божьяго, но найти его не удастся царю, не признающаго братст
равенства, подобно пустынникамъ, и находящемуся въ опасности
терять власть съ размноженіемъ истинно-вѣрующихъ. Обличаемый
несовершенствѣ царь покинулъ пустынниковъ и попытался вер
сына къ своей вѣрѣ. Бесѣда ихъ длилась долго. Сынъ признав
только Единаго Творца неба и земли, отрицая поклоненіе идол
Отецъ ласково убѣждалъ его не покидать вѣры отцовъ. Для рѣше
какая вѣра болѣе истинна, царь по предложенію Іодасафа, созыва
народъ и предлагаетъ публичному обсужденію этотъ вопросъ.
соборѣ выступилъ Накоръ-язычникъ, подъ видомъ Балавара; на
щиту пришелъ христіанинъ, тайно исповѣдующій евангеліе, и
Баракіа. Первый день, въ присутствіи царя, Накоръ горячо отстаив
вмѣсто обѣщаннаго порицанія, христіанскую вѣру противъ самого
ря. Іодасафъ Накору признался, что ему извѣстна личность мни
защитника христіанства. Царевичу удалось склонить самого На
къ новой вѣрѣ въ Отца и Сына и Св. Духа. Царь же узнавъ
этомъ, впалъ въ отчаяніе и обратился за помощью къ убѣжден
идолопоклоннику Тедѣ. Царь сказалъ ему притчу, которой нѣт
въ греческой, ни въ арабской версіи.

„Наше дѣло походитъ [на дѣло того человѣка], у котораго б
прекрасная жена; боясь, чтобы жена не согрѣшила передъ нимъ
нетерпѣнія, онъ заповѣдалъ ей слѣдующее: „Если почувствуешь стр
и не будешь въ состояніи противостоять своей плоти, отпусти
лосы своей головы; видя ихъ, я исполню твое желаніе, и ты не
дешь въ грѣхъ“. Однажды напали враги, и поднялся крикъ; юн
вооружился, чтобы идти на бой, но вдругъ, при видѣ мужа, ж
воспылавъ страстью къ нему, отпустила волосы; онъ замѣтилъ у
ный знакъ и, возвратившись, исполнилъ желаніе свой жены, а к
выступилъ въ качествѣ преслѣдователя, враги уже были обрат
въ бѣгство другими, которые возвращались: они укоряли юнош
томъ, что выступилъ поздно. Онъ же сказалъ: „Со мною сразилс
машній [1]) врагъ: я его прогналъ; сначала съ нимъ я разсчиталс
теперь иду сюда“.

— Такъ излѣчи, Тедма, то, что сильно болитъ у меня, а за
если освобожусь отъ той боли, буду служить идоламъ.

---

[1]) Собственный.

Царь прибѣгъ къ содѣйствію красивыхъ женщинъ, поющихъ и играющихъ на иструментахъ. Онѣ тщетно пытались поочередно соблазнить Іодасафа. Въ числѣ нихъ была одна плѣнная дочь иноземнаго царя, которую царевичъ склонялъ къ вѣрѣ Христовой. Она не отказывалась принять новое ученіе Іодасафа, съ условіемъ, чтобы онъ раздѣлилъ ея страсти, которыми она къ нему пылаетъ. Іодасафъ, сочувствуя ей за умъ и красоту, для ея спасенія согласился было на ея предложеніе. Но вотъ во снѣ представилось видѣніе: спачала чудныя блестящія драгоцѣнныя палаты, которыя, по словамъ ангеловъ, его сопровождавшихъ, служили жилищемъ святыхъ; затѣмъ его привели въ мерзкое мѣсто, наполненное огнемъ и смрадомъ; сюда его тащила дѣва, но ангелы его не пускали. Проснулся и возблагодарилъ Господа, что не далъ ему погибнуть отъ грѣха, а царевну вывелъ вонъ изъ дома своего. Отца же сталъ умолять отпустить его въ пустыню. Царь былъ огорченъ этой просьбой сына, которому могла угрожать смерть отъ враговъ. По совѣту вельможи, для отвлеченія его отъ аскетическаго намѣренія рѣшено было выдѣлить ему удѣльное владѣніе, гдѣ бы онъ могъ царствовать и въ правительственныхъ дѣлахъ развлечься. Іодасафъ принялъ удѣлъ, чтобы оживить религію, загубленную его отцомъ. Царь возложилъ на сына корону и, по просьбѣ послѣдняго, освободилъ всѣхъ плѣнныхъ христіанъ, роздалъ милостыню нищимъ и слабымъ. Предъ собраніемъ вельможъ отецъ далъ сыну право исповѣдовать ту религію, къ которой онъ склоненъ. Тогда тайно исповѣдующіе ученіе Христа привѣтствовали царевича. Молодой царь велѣлъ распродать всѣ данныя ему отцомъ сокровища для раздачи вдовамъ и сиротамъ, построилъ церкви, поставилъ священнослужителей и установилъ всюду судъ справедливый. Приходили идолопоклонники креститься въ его царствѣ, и стало укрѣпляться христіанство.

Отецъ, видя расширеніе царства сына своего и ослабленіе собственнаго, опечалился. Онъ (Абенесъ) послалъ разъ гонцовъ къ сыну, чтобы собрать свѣдѣнія о дѣяніяхъ его. Іодасафъ принялъ ихъ очень ласково и склонилъ ихъ къ вѣрѣ Христовой. Когда послы вернулись, восхваляя порядки Іодасафа, отецъ послалъ къ сыну письмо, въ которомъ онъ благодарилъ за достойный ихъ миссіи пріемъ пословъ и просилъ его указать, какъ установить взаимныя сношенія и какъ перейти къ почитанію истиннаго Бога отъ поклоненія идоламъ—произведеніямъ человѣческихъ рукъ. Воздавъ каждому изъ явившихся съ письмомъ отца по 100 мѣръ серебра, Іодасафъ, рабъ божій, выражаетъ въ отвѣтномъ посланіи радость по поводу намѣренія отца

и совѣтуетъ немедленно разрушить капище—дабы милость Госп возсіяла надъ нимъ. Предавъ сожженію изваянія боговъ, отец представителями народа направился въ царство сына, который нялъ ихъ съ сыновнимъ уваженіемъ. На третій день царь нялъ крещеніе и съ епископомъ, іереями и дьяконами вернулс свои владѣнія. Онъ, Абенесъ, построилъ церкви и распростра ревностно христіанство. Предъ смертью завѣщалъ свое ца| сыну, который его утѣшалъ именемъ истиннаго Бога. Самъ несъ сталъ наставлять сына въ презрѣніи къ земнымъ радос и въ обрѣтенія стремленія вѣры въ Господа. Сказавъ это, цар| мѣтилъ ангеловъ, перекрестился и испустилъ духъ. Іодасафъ со дней молился надъ его прахомъ о помилованіи его души. По призвалъ духовенство и народъ, предложивъ имъ выбрать себѣ і самъ же отказался отъ престола. Такъ какъ стали его упраш| остаться, то онъ рѣшилъ постричься тайно въ монахи, пере письмо къ подданнымъ, Баракія, родственнику своему, но послѣ отказался быть посредникомъ между Іодасафомъ и народомъ. Од| въ посланіи къ вельможамъ и народу Іодасафъ называетъ Ба своимъ преемникомъ, преподавъ имъ совѣтъ покровительствоват| ховенству и нищимъ во спасеніе душъ своихъ; самъ же онъ в жилъ на Барака кольцо и корону и благословилъ его на пред щемъ ему поприщѣ. Наставивъ Барака, какъ вести по отнош къ подданымъ, Іодасафъ удалился въ пустыню. Чрезъ два года встрѣтился съ учителемъ своимъ, Балаваромъ и слезы радости н| нулись у нихъ на глазахъ и ласково облобызались послѣ томи ной разлуки. Когда наступилъ часъ смерти Балавара, то Іода предалъ его погребенію. Во снѣ явилось ему видѣніе, которое казало царевичу два вѣнца—одинъ для учителя, а другой для ника въ награду за подвиги. Когда Баракія былъ извѣщенъ о с| Іодасафа, то онъ отправился съ духовенствомъ и перенесъ ост его и Балавара и положилъ въ золотой склепъ съ большимъ то ствомъ, построивъ надъ ними, впослѣдствіи, церковь, *гдѣ и по* всѣ приходящіе съ вѣрой, получаютъ чудодѣйственное отъ нед| исцѣленіе.

Такой конец › характеризуетъ первую славянскую рукопись лаама и Іоасафа, по мнѣнію проф. Кирпичникова. То же заклю и въ греческомъ текстѣ Буассонада и въ средневѣковомъ латинс переводѣ и во всѣхъ его передѣлкахъ. Иначе во второй группѣ вянскихъ текстовъ: житіе Іоасафа кончается соотвѣтствующимъ

тѣ обстановки погребеніемъ въ присутствіи немногихъ отшельковъ [1]).

Изъ этого изложенія видно, что по греческой *) и арабской [2]) кія разсказано о нѣсколькихъ безъимянныхъ придворныхъ, грузинія относитъ къ Балавару, при чемъ она расходится съ ними и въ слѣдовательности передаваемыхъ событій:

По грузинской версіи.	По греческой версіи.
	Смѣлая и успѣшная проповѣдь христіанъ; царь язычникъ преслѣдуетъ ихъ (6—8).
Рожденіе сына у царя; предсказаніе трологовъ; изгнаніе христіанъ.	Открывается, что одинъ изъ любимцевъ вельможъ (безъ обозначенія имени) принялъ христіанскую вѣру; царь изгоняетъ его (8—17).
Встрѣча царя съ двумя замѣшкавшися божьими людьми.	Рожденіе сына у царя; предсказанія астрологовъ; изгнаніе христіанъ (18—21).
Встрѣча Балавара съ пострадавшимъ ь звѣря риторомъ, который за оказное добро спасаетъ его отъ царскаго ѣва.	Встрѣча одного вѣрующаго вельможи (безъ обозначенія имени) съ пострадавшимъ отъ звѣря „лѣкаремъ словъ", который за оказанное добро спасаетъ его отъ царскаго гнѣва (21—26).
Открывается, что Балаваръ христіанъ; царь изгоняетъ его.	Встрѣча царя съ двумя замѣшкавшимися монахами (26—28).

[1]) *Кирпичниковъ*. Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Харьковъ. 1876, стр. 169. Возраженія на такое дѣленіе русской по *внѣшнему признаку*, см. *Веселовскій* Ж. М. Н. П. CCXII, отд. 2, . 127 и сл.

*) Migne, Patr. s gr., XCVI, vita B. et Joas. стр. 6—18. [Narratio utilis interiori Aethiopum regione quae India dicitur, in urbem sanctam lata Ioannem monachum, hominem Honore dignum et virtutis amantem e tubernio sancti Sabae in qua continentur vita beatorum et famigeratorum virorum Barlaam et Josaphi.

Ср. Ex τῆς ἐνδοτέρας τῶν αἰθιοπίων χώρας τῆς Ινδων λεγομένης πρὸς θὴν ν πόλιν μετενεχθεῖσα διὰ Ἰωάννου μονάχου, ἀνδρὸς τιμνου καὶ ἐναρέτου μονῆς ἁγίου Σαβα. Εν ῇ ὁ βλος Βαρλααμ καὶ Ιωασαφ τῶν αοιδίμων καὶ μακαρίων. рус. изд. въ Одессѣ 1894:

Душеполезная исторія жизни Варлаама и Іоасафа, подвизавшихся въ странѣ ндусовъ, отдаленнѣйшихъ изъ эѳіоповъ, мѣстожительства св. Саввы, доставная въ св. гор. монахомъ Іоанномъ Дамаскиномъ. Ср. съ ними краткое з. заглавіе—Мудрость Балавара.

[2]) *F. Hommel*, Die ält. B.-V. стр. 26—30.

По мусульмано-арабской версіи.

Царь идолопоклонникъ преслѣдуетъ людей истинной вѣры.

Открывается, что одинъ изъ вельможъ (безъ обозначенія имени) сталъ подвижникомъ; царь изгоняетъ его (26—30).

Рожденіе сына у царя; предсказанія астрологовъ (30).

Встрѣча одного вѣрующаго вельможи (безъ обозначенія имени) съ пострадавшимъ отъ звѣря человѣкомъ, который за оказанное добро спасаетъ его отъ царскаго гнѣва (30—31).

Гоненіе подвижниковъ; встрѣча царя съ двумя замѣшкавшимися подвижниками (31—32).

Кромѣ того, въ „Мудрости Балавара" нѣтъ ни вступательныхъ словъ, ни описанія Индіи, какъ это мы видимъ въ греческой версіи. Наконецъ, личность самого царя-язычника въ грузинской версіи обрисована съ большею симпатіею.

Такихъ уклоненій въ подробностяхъ великое множество, такъ [1]: по грузинской версіи индійскій царь встрѣчается съ двумя божьими людьми при осмотрѣ или посѣщеніи окрестностей города, по двумъ другимъ же версіямъ встрѣча эта произошла на охотѣ; при этомъ по арабской версіи подвижники не укрылись во время потому, что не было у нихъ ни дорожной провизіи, *ни верховаго животнаго*; ни въ греческой, ни въ арабской версіи не названъ по имени воспитатель царевича, по грузинской же индійскій царь воспитаніе своего сына поручаетъ Зандану, который въ греческой повѣсти является гораздо позже подъ нѣсколько измѣненнымъ именемъ Ζαρδάν: съ нимъ и бесѣдуетъ царевичъ Іодасафъ впослѣдствіи, когда, получивъ отъ отца разрѣшеніе на загородныя прогулки, онъ сталкивается съ увѣчнымъ, больнымъ и старикомъ; по греческой версіи (150 — 151) Варлааму при встрѣчѣ съ Іодасафомъ семьдесятъ лѣтъ: въ пустынѣ подвизался онъ сорокъ пять лѣтъ, оставивъ міръ двадцати пяти лѣтъ; по грузинской—Балаваръ удалился въ пустыню сорока двухъ лѣтъ, подвизался восемнадцать лѣтъ, и слѣдовательно, Іодасафу предсталъ шестидесятилѣтнимъ старцемъ; только въ греческой версіи передается, что Варлаамъ крестилъ Іодасафа и затѣмъ причастилъ его Святыхъ Тайнъ; по грузинской версіи царь Абенесъ, греч. Ἀβεννήρ, отказывается приносить жертвы идоламъ въ языческій праздникъ, по греческой же онъ приводитъ на закланіе сто двадцать быковъ и много другихъ животныхъ; о злыхъ духахъ и магическихъ книгахъ чародѣя Θевды ни слова нѣтъ въ грузинской версіи; по грузинской ре-

[1]) *Марръ*, назв. соч. стр. 16—17.

дакція царь, прежде чѣмъ списаться съ царевичемъ о своемъ желаніи принять крещеніе, посылаетъ пословъ, и впослѣдствіи самъ отправляется къ нему, въ греческой же версіи нѣтъ рѣчи о послахъ, и Іодасафъ не у себя крещаетъ отца, а въ его царствѣ, куда и ѣдетъ онъ съ этой цѣлью; по оставленіи Іодасафомъ царства до свиданія съ Балаваромъ, что имѣло мѣсто два года спустя, грузинская версія ничего не сообщаетъ о немъ, между тѣмъ въ греческой подробно описывается посѣщеніе царственнымъ отшельникомъ хижины бѣдняка, подвижническая жизнь его за это время и, наконецъ, объясняется, какимъ путемъ добрался онъ до пещеры Варлаама.

Сложность разсказа въ греческой версіи сравнительно съ грузинской обнаруживается на каждомъ шагу при ихъ сличеніи. Ограничимся [1]) однимъ примѣромъ.

---

[1]) Τὸ δέ γε τίμιον αὐτοῦ σῶμα ἐκ γειτόνων αὐτῷ τὰς οἰκήσεις ποιούμενός τις ἀνὴρ ἅγιος, ὅς καὶ τὴν πρὸς Βαρλαὰμ πορείαν ἐκείνῳ ποτὲ ὑπέδειξε. θεια τινί μυεθεὶς ἀποκαλύψει κατ᾽ αὐτὴν τὴν ὥραν τῆς τελεώσεως αὐτοῦ παραγίνεται, καὶ ὕμνοις ἱεροῖς τιμήσας, δάκρυά τε κατασπείσας, σύμβολον τοῦ πρὸς αὐτόν πόθου, τἄλλα δὴ τὰ νενομισμένα Χριστιανοῖς πάντα τελέσας, ἐν τῷ τοῦ Πατρὸς ἔθετο Βαρλαὰμ μνήματι. Συνεῖναι γὰρ ἔδει τὰ σώματα, ὧν αἱ ψυχαὶ συνδιαιωνίζειν ἔμελλον ἀλλήλαις. Προστάγματι δέ τινος φοβερωτάτου κατ᾽ ὄναρ κραταιῶς ἐπισκήπτοντος πεισθείς, ὁ τοῦτον κηδεύσας ἀναχωρητὴς τὰ βασιλεια καταλαμβάνει Ἰνδῶν, καὶ τῷ βασιλεῖ Βαραχίᾳ προσελθὼν πάντα αὐτῷ δῆλα τὰ περὶ τοῦ Βαρλαὰμ καὶ τοῦ μακαρίου τούτου πθησιν Ἰωάσαφ. Ὁ δὲ, μηδὲν μελλήσας, ἀπέρχεται αὐτὸς μετὰ δυνάμεως ὄχλου, καὶ τῷ σπηλαίῳ ἐφίσταται, τὸ μνῆμά τε θεωρεῖ, καὶ, τούτῳ θερμότατα ἐπιδακρύσας αἴρει τὸ κάλυμμα. Καὶ ὁρᾷ τόν τε Βαρλαάμ καὶ τόν Ἰωάσαφ ἔχοντας τὰ μέλη κατὰ σχῆμα κείμενα, καὶ τὰ σώματα οὐδὲν τοῦ προτέρου χρωτὸς παραλλάττοντα, ὁλόκληρα δὲ καὶ ἀκριβῶς ἄγιη σὺν τοῖς ἐνδύμασι. Ταῦτα τοίνυν τὰ ἱερὰ τῶν ἁγίων ψυχῶν σκηνώματα, πολλὴν ἐκπέμποντα τὴν εὐωδίαν καὶ οὐδέν ὅλως ἀηδὲς ἐπιδεικνύμενα, θήκαις ἐνθεὶς ὁ βασιλεὺς τιμίαις, εἰς τὴν ἑαυτοῦ πατρίδα μετακομίζει.

Ὡς δὲ εἰς τὰς ἀκοὰς ἔπιπτε τοῦ λαοῦ τὸ γεγονὸς, πλῆθος ἀριθμοῦ κρεῖττο. ἐκ πάντων τε τῶν πολεων καὶ τῶν περιχώρωμ εἰς προσκύνησιν καὶ θέαν συνέρρεον τῶν μακαρίων σωμάτων ἐκείνων. Ἔνθεν τοι καὶ ὕμνους ἐπ᾽ αὐτοῖς τοὺς ἱεροὺς ἄσαντες, καὶ λαμπάδας φιλοτίμως ἀνάψαντες (ἀκολούθως, ἄν τις εἴπεν, ἐκεῖ καὶ λίαν οἰκείως τὰ φῶτα περὶ τοὺς τοῦ φωτὸς υἱούς τε καὶ κληρονόμους), λαμπρῶς δε ὁμοῦ καὶ μεγαλοπρεπῶς ἐν τῇ ἐξ αὐτῶν κρηπίδων παρὰ τοῦ Ἰωάσαφ ἀνεγηγερμένῃ κατέθεντο ἐκκλησίᾳ. Πολλὰ δὲ θαύματα καὶ ἰάσεις ἔν τε τῇ μετακομιδῇ, ἔν τε τῇ καταθέσει, καὶ ἐν τοῖς ἑξῆς χρόνοις διὰ τῶν ὁσίον αὐτοῦ θεραπόντων ἐποίησε Κύριος. Καὶ εἶδεν ὁ βασιλεύς τε Βαραχίας καὶ πᾶς ὁ ὄχλος τὰς δι᾽ αὐτῶν γενομένας δυνάμεις, καὶ πολλοὶ τῶν πέριξ ἐθνῶν, ἀπιστίαν νοσοῦντες καὶ τοῦ Θεοῦ ἄγνοιαν, διὰ τῶν γιγομένων ἐν τῷ μνήματι σημείων ἐπίστευσαν. Καὶ πάντες οἱ ὁρῶντές τε καὶ ἀκούοντες τὴν ἀγγελομίμητον τοῦ Ἰωάσαφ πολιτείαν καὶ τὸν ἐξ ἁπαλῶν ὀνύχων

Жилъ по близости ихъ [Балавара и Іодасафа] одинъ изъ пустынниковъ. Онъ пришелъ и положилъ тѣло [Іоасафа] рядомъ съ тѣломъ Балавара и, явившись къ царю Баракіи, разсказалъ ему о случившемся. Царь отправился съ однимъ епископомъ и священникомъ, взялъ святыя мощи Іодасафа и Балавара и схоронилъ въ золотой ракѣ, которую украсилъ великолѣпно, а надъ ней выстроилъ церковь во имя Отца, Сына и Святаго Духа, Ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Которые съ вѣрою приходятъ, и до сего дня исцѣляются отъ всякихъ болѣзней; будемъ же и мы просить Бога, чтобы ихъ молитвою мы спаслись отъ вѣчныхъ мукъ, и возвеличимъ Бога, Ему же слава, честь и поклоненіе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Пораженъ сильный и попранъ злой змѣй благодатью Единосущнаго.

Особымъ элементомъ выдѣляются изъ повѣсти притчи. Въ сличаемыхъ версіяхъ число и порядокъ ихъ, равно редакція каждой въ отдѣльности, болѣе или менѣе различны. Представляю сравнительную таблицу притчъ по всѣмъ тремъ версіямъ:

грузинской,	греческой
I. Притча о благочестивомъ царѣ, состоящая изъ двухъ самостоятельныхъ частей: а) о трубѣ смерти и б) о сундукахъ [безъ обозначенія числа].	I. [1]) Евангельская притча о сѣятелѣ (39).
II. Евангельская притча о сѣятелѣ.	II. Притча о благочестивомъ царѣ, состоящая изъ двухъ самостоятельныхъ частей: а) о трубѣ смерти и б) о четырехъ сундукахъ (41—44).
III. Притча о человѣкѣ и слонѣ.	III. Евангельская притча о богачѣ и Лазарѣ (72).
IV. Притча о трехъ друзьяхъ. [Третій другъ по арабской версіи—доброе	IV. Евангельская притча о брачномъ пирѣ (72—73).

διάπυρον αὐτοῦ πρὸς τὸν Θεὸν πόθον, ἐθαύμαζον δοξάζοντες ἐν πᾶσι τὸν Θεόν, τὸν ἀεὶ συνεργοῦντα τοῖς ἀγαπῶσιν αὐτὸν καὶ μεγίσταις τούτους ἀμειβόμενον δωρεαῖς.

[1]) Первые четыре разсказа, выдѣленные въ изслѣдованіи Zotenberg'a (Notice etc. стр. 96—106) на ряду съ прочими параболами, представляютъ эпизодическое развитіе фабулы и нисколько не носятъ характера притчъ.

дѣло, по греческой—совокупность добрыхъ дѣлъ, какъ то: вѣра, надежда, любовь, милосердіе, человѣколюбіе и т. д., по грузинской—душа].

V. Притча о чужеземномъ царѣ.

VI. Притча о царѣ-язычникѣ и вѣрующемъ совѣтникѣ,

VII. Притча о богачѣ, женившемся на бѣдной.

VIII. Притча о человѣкѣ и соловьѣ [по грузинской версіи третья заповѣдь—„не дѣлай другимъ зла, которого не желаешь себѣ", по остальнымъ—„не вѣрь лжи"].

IX. Притча о козулѣ.

X. Притча объ юношѣ и его страстной женѣ.

XI. Притча о любви женщинъ.

V. Евангельская притча о десяти дѣвахъ (73—74).

VI. Притча о птицеловѣ и соловьѣ (79—81).

VII. Евангельская притча о блудномъ сынѣ (95—96).

VIII. Евангельская притча объ одной потерянной овцѣ (96).

IX. Притча о человѣкѣ и единорогѣ (112—113).

X. Притча о человѣкѣ и трехъ его друзьяхъ (114—118).

XI. Притча о чужеземномъ царѣ (118—120).

XII. Сравненіе свѣта истины съ солнцемъ (130—131). [Это—VII притча арабской версіи].

XIII. Притча о царѣ-язычникѣ и вѣрующемъ совѣтникѣ (135—138).

XIV. Притча о богачѣ, женившемся на бѣдной (139—143).

XV. Притча о козулѣ (157).

XVI. Притча о любви женщинъ (268—269).

и арабской.

I. Притча о благочестивомъ царѣ, состоящая изъ двухъ самостоятельныхъ частей:

а) о трубѣ смерти и

б) о четырехъ сундукахъ (34—35).

II. Евангельская притча о сѣятелѣ (36).

III. Притча о слонѣ и человѣкѣ (36—37),

IV. Притча о человѣкѣ и трехъ его друзьяхъ (37—38).

V. Притча о чужеземномъ царѣ (38).

VI. Притча о птицѣ, уподобленной пророкамъ (41).

VII. Притча о солнцѣ сердецъ и солнцѣ глазъ (42).

VIII. Притча о царѣ и мудромъ визирѣ (43).

IX. Притча о пловцѣ и его товарищѣ (45).

X. Притча о воробьѣ и охотникѣ (46).

Вопросъ объ исторіи составленія и распространенія пов Варлаамѣ и Іоасафѣ нельзя считать вполнѣ законченнымъ, не на появленіе капитальныхъ работъ Zotenberg'а библіографич труда Е. Купа [1]). Цотенбергъ сдѣлавъ тщательный анализъ р со стороны языка и содержанія, пришелъ къ заключенію, что о принадлежности этой повѣсти Іоанну Дамаскину, должно быть лено, а заглавіе большинства рукописей, гласящее Ἱστορία ψυχωφε τῆς ἐνδοτέρας τῶν Αἰθιόπων χώρας, τῆς Ἰνδῶν λεγομένης, πρὸς τὴν πόλιν μετενεχθεῖσα διὰ Ἰωάννου μοναχοῦ ἀνδρὸς τιμίου καὶ ἀν μονῆς τοῦ ἁγίου Σάβα, должно быть истолковано въ томъ смысл душеполезная исторія имѣла редакторомъ нѣкоего Іоанна, м лавры св. Саввы близъ Іерусалима, который придалъ въ перво ловинѣ VII в. законченную форму разсказу, занесенному изъ въ Іерусалимъ. Первоначальная греческая редакція этой по индійское происхожденіе которой нынѣ уже не подлежитъ сом была составлена въ Сиріи и отъ греческаго пересказа (620—6 пошли всѣ переводы, передѣлки и подражанія позднѣйшаго вр Изъ восточныхъ переводовъ этой повѣсти Цотенбергъ называетъ скую версію, существованіе которой онъ считаетъ возможнымъ сти къ началу IX в., переходитъ къ мусульманско-арабской и упоминаетъ объ еврейской, эфіопской и армянской [2]) передѣ.

Цотенбергъ указываетъ путь, которымъ душеполезная и изъ Индіи была занесена въ Іерусалимъ [3]), но, повидимому, она распространяться только въ XI в., къ которому относятся дре шіе списки. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣется критич изданія съ варіантами этой повѣсти, отпечатанной Буассон въ средневѣковомъ латинскомъ переводѣ. Но по заглавію д

[1]) *H. Zottenberg.* Notice sur le livre de Barlaam et Josaph, a pagnée d'exstraits du texte grec et des versions arabe et ethiopienn ris. 1866. *E. Kuhn.* Barlaam und Joasaph. Eine bibliogr. litteratu Studie Abhandl. d. bayer. Akad. d. Wiss, phil. philol. und hist. 189

[2]) См. *Brosset.* Sur deux rédactions arméniennes en vers et en de la légende des saints Barlaam—Varlaam et Joasaph—Josaphat. ges asiatiques, t. VIII, liv. 3 et 4; pag. 535—543.

[3]) Свѣдѣнія о восточныхъ, латинскихъ, французскихъ, провансальс нѣмецкихъ текстахъ собраны также у г. Мейера и отчасти у проф. К нікова и акад. Веселовскаго.

шихъ двухъ списковъ—въ венеціанскомъ XI в. и парижской національной библіотеки XV в.—явилось заключеніе, что романъ этотъ переводилъ грузинскій книжникъ св. *Евѳимій Ивиръ*, жившій въ концѣ X и началѣ XI в. († 1026). Венеціанскій списокъ даетъ слѣд. заглавіе: [ἱστορία ψυχω]φελὴς ἐκ τῆς ἐνδοτέρας τῶν αἰθιόπων χώρας πρὸς [τὴν] ἱερὰν πόλιν μετενεχθεῖσ[α] διὰ ἰωάννου μοναχοῦ μονῆς τοῦ ἁγίου σάββα [ἑρμηνευθεῖσα] ἀπὸ τῆς ἰβήρων πρὸς τὴν ἑλλάδα γλῶσσαν ὑπὲρ εὐθυμί[ου] ἀνδρὸς τιμίου καὶ εὐσεβοῦς τοῦ λεγομένου ἴβηρος. Но Цотенбергъ не придаетъ значенія этому упоминанію св. Евѳимія Ивира въ заглавіи своихъ списковъ и считаетъ его наивной поддѣлкой какого-нибудь грузинскаго инока Иверской лавры (op. c., стр. 3). Взглядъ этотъ онъ мотивируетъ тѣмъ, что начало грузинской литературы относится къ второй половинѣ X в. и представляется невѣроятнымъ, чтобы такое законченное по формѣ и выразительное по мысли, какъ повѣсть Варлаамъ и Іоасафъ, была написана на неразработанномъ (inculte) языкѣ. Помимо этого, ошибочнаго какъ увидимъ, соображенія онъ отмѣчаетъ и положительныя доказательства своего мнѣнія: безчисленныя цитаты изъ Библіи и отцевъ церкви воспроизводятся въ романѣ буквально по греческому тексту этихъ книгъ. Можно ли допустить, чтобы переводчикъ пріискивалъ въ подлинникахъ всѣ фразы, всѣ слова, всѣ намеки вмѣсто того, чтобы просто переводить ихъ, какъ остальную часть текста?

Эти доводы г. Цотенберга послужили основаніемъ византинисту К. Крумбахеру отрицательно высказаться о возможности перевода повѣсти съ груз. языка на греческій языкъ Евѳиміемъ Иверомъ. Dass diese Angabe nicht richtig sein kann, hat Zotenberg nachdewiesen; sie stammt offenbar vor einem iberischen Möncher der im Schwunge patriotischer Begeisterung dem Ruhmeskranze seine Landsmannes noch ein weiteres Blatt hinzufügen wollte [1]). Обратимся къ доводамъ Цотенберга. Бар. В. Розенъ въ рецензіи на книгу Notice le livre de Barlaam et Joasaph сдѣлалъ автору нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній по поводу его скептическаго отношенія къ участію св. Евѳимія-грузина при переводѣ душеполезной исторіи на греческій языкъ [2]). Представленія о позднемъ (X в.) развитіи грузинской письменности въ настоящее время должно быть признано несостоятельнымъ. Самцхійскіе обители VIII—IX в., монастыри, основанные 13 сирійскими отцами, пришедшими въ Грузію въ VI в., Саввинская лавра въ VII—IX в. въ Іе-

[1]) *Krumbacher*. Bysantische Litteraturgeschichte, s. 467.
[2]) Зап. Вост. отд. И. Р. А. Общ., т. II, в. I и II, стр. 170 и сл.

русалимѣ, Синай въ VII в. являются центрами, гдѣ сосредоточивается переводная книжная дѣятельность грузинскихъ монаховъ. Есть датированныя рукописи 864 и 925 гг., содержащія переводы разныхъ твореній св. отцевъ церкви и, понятно, что въ концѣ X в. грузинскій языкъ былъ уже не настолько „incultus“, чтобы нельзя было на немъ выражать тѣ мысли, которыя заключаются въ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Теперь есть у насъ точныя указанія, что до Евѳимія и Георгія были уже грузинскіе переводы священнаго писанія [1]). Названный св. Евѳимій оставилъ много переводовъ съ греческаго языка (до 60 названій) и, между прочими, перевелъ: „Лѣствицу“ Іоанн. Климака, творенія св. Максима исповѣдника, Іоанна Дамаскина. Отсюда совершеннѣйшее знакомство св. Евѳимія съ греческимъ языкомъ не подлежитъ сомнѣнію. Переводчику отцевъ церкви не трудно было приводить текста на греч. языкѣ. По преданію, въ дѣтствѣ привезенный заложникомъ въ Константинополь, онъ совершенно забылъ родной языкъ и только благодаря чуду, по повелѣнію Богородицы, опять заговорилъ на немъ и сталъ затѣмъ уже переводить греческія книги. Въ житіи св. Евѳимія, составленномъ св. Георгіемъ, онъ считается переводчикомъ грузинскихъ книгъ на греческій языкъ [2]): Балавара, Абакура и нѣсколько другихъ. Итакъ, житіе его подкрѣпляетъ заглавіе двухъ греческихъ списковъ о переводѣ имъ Балавара (Балаваръ въ мусульманской версіи вмѣсто Варлаама). Бар. Розенъ предполагаетъ, что индійская фабула въ христіанскомъ видѣ записана монахомъ въ нач. VII в. въ лаврѣ св. Саввы со словъ благочестивыхъ людей, занесшихъ ее изъ Индіи [3]), а затѣмъ монахами-грузинами той же лавры въ качествѣ „душеполезной“ книги для конвертитовъ была переведена на грузинскій языкъ и занесена въ Грузію; художественную, законченную форму, въ которой является греческій романъ, ей придалъ св. Евѳимій Иверъ въ началѣ XI в., когда онъ ее переводилъ съ грузинскаго. При этомъ результаты, добытые

---

[1]) *Церетели.* Полное собраніе надписей Гелатскаго монастыря. М, 1891. стр. 42. Ср. слово свящ. Ираклія II Захарія о древнѣйшихъ грузинскихъ переводчикахъ и въ моей I книгѣ „Очерковъ“. См. еще приготовленное къ печати изслѣдованіе свящ. В. Нижарадзе о сванетскихъ рукописныхъ евангеліяхъ, предшествовавшихъ переводу св. Георгія Мтацминдели.

[2]) *Цагарели.* Свѣд. о памят. груз. письм. вып, I. Спб. 1886. 53 — 4. См. *у меня* выше стр. 65 и слѣд.

[3]) Индійское поисхожденіе повѣсти, вопреки Кирпичникову, поддерживаетъ *акад. А. И. Веселовскій* (Ж. М. Н. П. Ч. CCXII, отд. 2).

г. Цотенбергомъ относительно характера всей богословской системы романа, нисколько не противорѣчатъ возможности греческаго перевода съ грузинскаго языка. Строго православная точка зрѣнія о двухъ воляхъ умѣстна въ православномъ писателѣ XI в. какъ и VII в. Св. Евѳимій Иверъ естественно могъ придать всему разсказу строго православную, діоѳелитическую окраску, въ виду полемики съ армянскою и яковитскою церквами. Что же касается до другихъ не спеціально-догматическихъ признаковъ, требующихъ отнесенія романа къ VII в., какъ-то отсутствія намековъ на исламъ, выставленныя въ качествѣ представителей язычества дуалистической персидской вѣры подъ именемъ халдеевъ, то, по мнѣнію бар. Розена, св. Евѳимію не было никакого повода ихъ измѣнять, не говоря уже о томъ, что всѣ признаки далеко не столь опредѣленны, чтобы имѣть безусловную доказательную силу и не допускать нѣсколько другого толкованія. Мысль о переводѣ „душеполезной исторіи“ съ грузинскаго языка на греческій отстаиваетъ проф. Гоммель, соглашаясь съ бар. В. Розеномъ [1]). По авторитетному мнѣнію Мейера, отличіе греческаго текста иверской рукописи отъ изданнаго Буассонадомъ состоитъ главнымъ образомъ въ пропускахъ [2]). Собственныя имена, данныя въ грузинской версіи, повидимому, въ древней формѣ придаютъ нашему памятнику особое значеніе, таковы Задани и Зандани, вм. Зарданъ, Іабенесъ и Абенесъ вм. Абеннеръ, Ѳедма и Ѳедамъ вм. Ѳевдасъ, Rakhi вм. Arakes, совершенно новое названіе Боламъ, родины Іодасафа-Будды. Относительно самого заглавія, Мудрости Балавара, сказаніе отца Исаака, сына Софронія Палестинскаго, замѣтимъ, что въ средніе вѣка извѣстны были два Софронія; объ одномъ передается, что онъ былъ: grec, ami de St. Jérom“, о другомъ упоминаетъ Цотенбергъ: „de Damas, sophiste, basilien à St.-Sabas, patriarche de Jerusalem 634 + 638, mars 11“. Трудно рѣшить, о какомъ Софроніи идетъ рѣчь въ грузинской версіи. Имя же самого Варлаама даетъ проф. Гоммелю основаніе сопоставить его съ сирскимъ словомъ barláhâ „Сынъ Бога“ и предположить, что весь его мистическій образъ складывается около половины IV в. изъ хорошо извѣстнаго сирійцамъ романа Будды „Bilau-

---

[1]) *N. Weisslovits.* Prinz und Derwisch. (München, 1890). См. „Anhang“ von *prof. Dr. Fritz Hommel*, стр. 128 et 50.

[2]) *Paul Meyer.* Fragments d'une traduction française de Barlaam et Joseph, faite sur le texte grec au commencement du XIII *siècle* въ Bibliothèque de l'école des chartes, XXVII année, t. II, 6 *série*, отдѣльный оттискъ, стр. 5. (1866 г.).

har и Iudâsf", (стр. 144, 145). Это мнѣніе находитъ нѣкоторую опору въ томъ свѣдѣніи, какое имѣется въ грузинской литературѣ о житьѣ св. Варлаама, сохранившемся на Аѳонѣ: „Житье Варлаама милостиваго, уроженца Черной Горы, въ Антіохіи". Онъ прибылъ на Кавказъ, подвизался и умеръ въ Кавказскихъ горахъ, но гдѣ именно и и когда не сказано въ житіи, переводъ котораго сдѣланъ съ греческаго нѣкіимъ Давидомъ. (Цагарели. Свѣдѣнія, вып. I, стр. 77—78). Быть можетъ этотъ Давидъ тотъ предшественникъ св. Евѳимія, о которомъ упоминаетъ свящ. Захарія, грузинскій писатель XVIII в.: „Я, духовникъ Захарія, видѣлъ (нашелъ) въ одной старинной книгѣ и выписалъ оттуда: задолго до Евѳимія и Георгія, свв. отцевъ-переводчиковъ, прибыли въ Іерусалимъ Давидъ и Стефанъ грузины, они тамъ выучились эллинскому языку (краснорѣчію) и впервые перевели нѣсколько священныхъ книгъ съ греческаго и съ арабскаго языковъ на грузинскій языкъ [1]).

Языкъ грузинской повѣсти Варлаама и Іоасафа носятъ слѣды архаизмовъ по этимологіи и въ лексиконѣ, какъ вѣрно замѣтилъ Н. Я. Марръ.

Что касается до отношенія этой душеполезной исторіи къ житью Будды, то мы воспользуемся работой ак. А. Н. Веселовскаго, написанной по поводу изслѣдованія А. И. Кирпичникова о Варлаамѣ и Іоасафѣ.

Довольно древнее преданіе (XI в.) видѣло автора повѣсти въ Іоаннѣ Дамаскинѣ: преданіе, ничѣмъ не подтвердившееся, которое однако г. Кирпичниковъ поднималъ снова (Повѣсть о Варлаамѣ и Іоас. стр. 212 — 3), поддерживая свое мнѣніе разборомъ христіанскихъ догматовъ, выраженныхъ въ житіи. Разборъ этотъ приводитъ его къ заключенію, что житіе въ настоящемъ своемъ не могло явиться раньше второй половины VIII вѣка (стр. 259). Таково же почти и хронологическое опредѣленіе гг. Цотенберга и Мейера. Христіанская окраска легенды достаточно ясна, но существовалъ ли индійскій царевичъ Іосафъ, или онъ ничто иное, какъ Будда, житіе Варлаама и Іоасафа—христіанская перелицовка легендарнаго житія основателя буддизма? Таково предположеніе, зародившееся одновременно во Франціи и Германіи,

---

[1]) Дополненія къ литературѣ о Варлаамѣ и Іоасафѣ: О сказкѣ Буты, а также о Калилѣ и Димнѣ см. *Картлисъ-Цховреба* I, 269. Притча о сладости сего міра, въ Археол. извѣстіяхъ и замѣткахъ, 1893, 12. Къ притчамъ о Варлаамѣ и І. С. *Ольденбурга* въ Зап. Вост. Отд. Р. Арх. Об., т. IX, в, I—IV.

но подробнѣе высказанное Либрехтомъ [1]) и остающіеся до сихъ поръ достояніемъ науки. Житіе Будды дошло путемъ устной передачи въ христіанскую среду, записано по-гречески какимъ-нибудь сирійскимъ христіаниномъ въ Египтѣ (на что̀ указываютъ сирійскія имена и опредѣленіе положенія Индіи относительно Египта [2]) и приладилось къ стилю и понятіямъ христіанскаго аскетизма. Сравнивая его съ послѣдующими извлеченіями изъ легендарной біографіи Будды, необходимо имѣть въ виду, что между оригиналомъ и пересказомъ лежатъ отличія двухъ культуръ, и что, съ одной стороны дѣло идетъ о создателѣ новой религіи, а съ другой—послѣдователѣ христіанскаго благовѣстія. Это различіе типовъ, обусловленное самыми цѣлями передѣлки, поможетъ выдѣлить сходное и оцѣнить въ надлежащей мѣрѣ встрѣчающіяся разногласія. Ак. Веселовскій пользуется для слѣдующаго изложенія о Буддѣ китайскимъ переводомъ Abhinish kramana—Sûtra, сдѣланымъ въ концѣ VI вѣка нашей эры [3]); самый памятникъ древнѣе этого времени, такъ какъ есть извѣстіе, что онъ былъ переведенъ на китайскій языкъ уже въ 69—70 по Р. Х, чему подтвержденіемъ служатъ скульптурныя изображенія въ Санчи и Бархутѣ (между 760 г. до Р. Х. и первымъ столѣтіемъ по Р. Х.), представляющія различные эпизоды житія Будды. Будда, индійскій царевичъ, сынъ царя Суддгоданы. Передъ его рожденіемъ мать его видитъ вѣщій сонъ, который брахманы—снотолкователи изъясняютъ такъ: у царя родится сынъ, который будетъ царемъ надъ царями, всесвѣтнымъ владыкой, праведнымъ, спасителемъ міра и людей отъ бездны горя и печали. Астрологи и предсказатели подтверждаютъ это уже по рожденіи ребенка по знаменіямъ будущаго величія, которыми онъ отмѣченъ; знаменія эти возвѣщаютъ, что если онъ останется въ міру, будетъ онъ всеміpнымъ властителемъ, если же станетъ духовнымъ, то достигнетъ высшаго просвѣщенія, будетъ проповѣдникомъ закона и совершеннымъ Буддой. Отецъ его не желаетъ послѣдняго; совѣтники успокаиваютъ его: сынъ его будетъ всеміpнымъ монархомъ, слѣдуетъ только принять мѣры, чтобы онъ не полюбилъ пустыни, не сталъ бы отшельникомъ; съ этою цѣлью надо окружить его всѣми свѣтскими удовольствіями, чтобы привязать его къ дому и къ семьѣ. Царь запретилъ открывать сыну бывшее о немъ пророчество.

---

[1]) Die Quelle des Baralaam. u. Joasaph. Jahrb. für röman. u. engl. Lit. II. Bd. 314—334.

[2]) См. начало повѣсти: Η τῶν Ἰνδῶν λεγομένη Χώρα πόῤῥω μὲν διάκειται τῆς Αἰγύπτου μεγάλη οὖσα καὶ πολυάνθρωπος. περικλύζεται δὲ θαλάσσαις καὶ ναυσιπόροις πελάγεσι τῷ κατ Αἴγυπτον μέρει.

[3]) Журн. М. Нар. Пр., ч. CXCII, отд. II, стр. 142 и слѣд.

Слѣдуютъ школьные годы Будды, удивляющаго своими знаніями учителей, рано начинающаго показывать наклонность къ созерцательной жизни, задумываться надъ вопросами существованія. Когда онъ достигъ возмужалости, пророчество снова начинаетъ тревожить отца, и снова совѣтуютъ министры: построить для царевича дворецъ, приспособленный ко всѣмъ удовольствіямъ, окружить его красавицами: это отвлечетъ его сдѣлаться аскетомъ. По желанію отца, Будда беретъ себѣ въ жены Ясодару, Манодару и Готами; отецъ построилъ для него три дворца, гдѣ царевичъ пребываетъ среди невиданной роскоши, среди наслажденій, вдали отъ всего, что могло бы возбудить идеи страданія или горя.

Такъ распорядился отецъ; съ этою же цѣлью царевича не выпускали изъ дворца, окруженнаго крѣпкою стѣной; трое воротъ (въ стѣнѣ, въ оградѣ сада и самомъ дворцѣ), хитро устроенныхъ и охраняемыхъ вооруженною стражей, должны были предотвратить всякую попытку къ бѣгству. Въ это время одинъ Девапутра, обитавшій въ пространствѣ, обратилъ вниманіе на Будду, уже въ теченіе десяти лѣтъ предававшагося однѣмъ чувственнымъ утѣхамъ. „Мы не должны дозволять, чтобъ его разумъ и чувства затемнялись и извращались долѣе, сказалъ онъ;—„пусть узнаетъ надлежащую цѣну этимъ вещамъ, и что ему слѣдуетъ покинуть ихъ и вмѣстѣ съ ними свой кровъ“. Девапутра приготовляетъ его къ этому шагу: ночью невиданный голосъ наставляетъ его; по устроенію Девапутры, пѣсни придворныхъ красавицъ, вмѣсто того, чтобы возбуждать любовную страсть, говорили о скоротечности всего земнаго, и самыя звуки музыки наводили царевича на религіозныя думы, приготовляли сердце его къ воспріятію высшаго знанія. Съ тою же цѣлью Девапутра вселяетъ въ него желаніе выйти изъ дворца въ окружающіе его сады. Царевичъ велитъ своей возницѣ Чандакѣ приготовить для него колесницу; Чандака даетъ знать всему городу при звукахъ барабана и колокола, чтобы по случаю выѣзда царевича все облеклось въ праздничный видъ, чтобы съ улицъ удалено было все напоминающее о существованіи старости, болѣзни, смерти. Будда ѣдетъ, и, по устроенію Девапутры, ему представляется по дорогѣ дряхлый старикъ; на слѣдующей и третьей прогулкѣ Будда видитъ больного и затѣмъ покойника. Всякій разъ царевичъ допрашиваетъ возницу; что это значитъ, а тотъ вдохновенный Девапутрой, говоритъ ему о неизбѣжности старости, болѣзни, смерти. Всякій разъ, выслушавъ эти объясненія, царевичъ возвращается съ прогулки, чтобы предаться размышленію, а царь, обезпокоенный разсказомъ возницы, усиливаетъ присмотръ и умножаетъ средства развлеченія. На послѣд-

ней прогулкѣ Девапутра является царевичу образъ нищенствующаго монаха—аскета. Будда вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и тотъ, подъ наитіемъ Девапутры, говоритъ ему, что такое нищенствующій монахъ: это тотъ, кто оставилъ міръ и его стези, домъ и друзей, съ цѣлью найти себѣ освобожденіе; кто ничего такъ сильно не желаетъ, какъ даровать жизнь всему сущему, никому не дѣлая вреда.

Возвратившись домой, царь объявляетъ отцу о своемъ рѣшеніи стать аскетомъ. Суддгодана, сильно огорченный, начинаетъ отговаривать его; то же дѣлаютъ совѣтники царя; царь подсылаетъ къ нему съ той же цѣлью Удайи, сына своего главнаго министра; жены и красавицы, окружившіи царевича, удваиваютъ свои ласки и обольщенія. Но Будда оказался непоколебимымъ въ своей рѣшимости и въ ту же ночь, ободряемый голосомъ Девапутры, бѣжитъ изъ своего дворца въ сопровожденіи возницы Чандаки. На слѣдующій день его хватились, но всѣ поиски за нимъ были тщетны.

Въ лѣсу онъ сбрилъ свои волосы, обмѣнялся своимъ дорогимъ платьемъ съ однимъ девой, принявшимъ образъ охотника, и отсылаетъ Чандаку домой. Разсказъ возницы обновляетъ общую печаль: весь народъ плачетъ, сѣтуютъ жены Будды, жалуется отецъ. По его желанію, двое совѣтниковъ отправляются еще разъ, чтобы отыскать царевича и привести его назадъ; они находятъ Будду сидящимъ подъ деревомъ и приступаютъ къ нему съ убѣжденіями: отецъ готовъ уступить ему все свое царство; пусть вернется: возвращались на царство и другіе цари-аскеты. Но Будда связалъ себя великою клятвой: онъ не оставитъ своей цѣли и не вернется домой. Позднѣе, царь дѣлаетъ еще одну, столь же неудачную попытку упросить сына. Между тѣмъ Будда ведетъ жизнь скитальца: мы видимъ его то у брахмановъ—аскетовъ, то у пустынниковъ-арабовъ, всюду онъ вступаетъ въ разговоръ о религіозныхъ системахъ, поднималъ споры, вырабатывая свое собственное міросозерцаніе путемъ углубленія въ самого себя и истощая себя чрезвычайнымъ постомъ. Мара, начальникъ зла, царь смерти, властитель міра соблазновъ опасается подвижника, грозившаго перенять его власть на землѣ. Онъ пытается отвратить его отъ его подвига, собираетъ подвластныя ему силы, искушаетъ Будду, то являясь ему въ образѣ гонца съ вѣстью, что его родственникъ Девадатта захватилъ престолъ и держитъ въ плѣну его отца, то смущая его соблазнительными рѣчами и тѣлодвиженіями демоновъ-красавицъ. Дочери Мара поютъ ему о земной любви, Мара соблазняетъ его образами земного величія, пугаетъ полчищами демоновъ-чудовищъ, угрожающихъ ему всякими страхами. Изо всѣхъ искушеній Будда выходитъ побѣдонос-

нымъ, девы поддержали его славу, демоны побѣждены, и Будда до
гаетъ высшаго просвѣщенія. Слѣдуетъ затѣмъ разсказъ о его
повѣдпической дѣятельности.

У Будды являются много послѣдователей, но и опасные
тивники въ лицѣ брахмановъ, съ которыми онъ принужденъ
борьбу и которыхъ побѣждаетъ въ религіозномъ спорѣ. Подъ ко
принимаетъ его ученіе отецъ Суддгодана. Будда умираетъ въ прек
ныхъ лѣтахъ, и легенда говоритъ о его торжественномъ погреб
которое обычно было лишь для всемірныхъ монарховъ [1]).

Сличеніе пересказаннаго ак. Веселовскимъ житія Будды съ повѣ
о Варлаамѣ и Іоасафѣ открываетъ между ними точки соприкоснове
отличія, которыя необходимо выяснить. Были попытки ученыхъ сбли
нѣкоторыя имена дѣйствующихъ лицъ, являющихся въ той и др
легендѣ. Такъ Теудасъ, (Тедма) одинъ изъ противниковъ Іоасафа,
вѣчаетъ образу Мары, но со стороны имени сближается съ Даводат
однимъ изъ противниковъ Будды. Имя Іоасафа объяснялось изм
ніемъ имени Подhисатвы (=Будды; Бодсодъ=Іоасафъ, вѣроятнѣе с
неніе, предложенное г. Минаевымъ, Іаосафа съ Ясадой одного бу
скаго разсказа [2]). Другія имена Варлаамовой повѣсти обличаютъ
имъ семитическимъ характеромъ (Варлаамъ, Абеннеръ) посред
пересказчика—сирійца. Отличія обоихъ житій отличаются главн
образомъ требованіями новаго пріуроченія. Будда самъ доходитъ
состоянія высшаго духовнаго просвѣщенія; для Іоасафа цѣль ст
ленія была опредѣлена въ истинахъ христіанскаго откровенія. З
недостаточно было собственной работы мысли, а явилась необходим
руководства, наставленія. Такъ объясняли въ житіи Іоасафа вы
щуюся роль Варлаама, которому въ индійской легендѣ отвѣч
развѣ блѣдный образъ нищенствующаго монаха, встрѣча съ ко
устроенная Девапутрой, окончательно опредѣлила призваніе Бу
Варлаамъ приготовляетъ Іоасафа къ принятію христіанства: вся
тельная часть повѣсти приписана ему, онъ наставляетъ царе
притчами и апологами.

Замѣтимъ, что и въ житіи Будды развитъ этотъ элементъ вс
ныхъ разсказовъ; разсказчикомъ является самъ Будда, и какъ п
ствованія Варлаама пріурочены къ цѣлямъ христіанскаго наставле
такъ въ устахъ Будды народныя сказки, апологъ, на время прео

[1]) Barthelemy Sayat-Hilaire, Le Bouddha et sa réligion.

[2]) См. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 160 съ
ской на статью И. П. Минаева.

зуются въ разсказы изъ исторіи перерожденій, какъ его самого, такъ и его учениковъ и другихъ лицъ, выступающихъ въ житіи. Самая идея перерожденія не укладывалась въ христіанское міросозерцаніе, она должна была исчезнуть, можетъ быть, оставивъ по себѣ одинъ черный слѣдъ. Іоасафъ спрашиваетъ Варлаама о его возрастѣ. „Мнѣ около 45 лѣтъ", сказалъ старецъ. Удивился Іоасафъ. „Но на видъ тебѣ болѣе семидесяти!"—„Лѣта моей жизни на землѣ ты опредѣляешь довольно вѣрно", отвѣчаетъ Варлаамъ;—„но время проведенное мною въ лживомъ мірѣ, я за жизнь не считаю".

Такого рода взглядъ на отношенія мірской и духовно-созерцательной жизни находится въ уровнѣ со взглядами христіанскаго аскетизма; но пластическая фраза Варлаамъ различаетъ какъ бы два отдѣльныя существованія, смѣнившихъ одно другое, какъ фазы перерожденій, о которыхъ говорили индусы.

Появленіе Варлаама, не встрѣчающееся ни въ одной легендарной біографіи Будды, было объяснено выше изъ требованій христіанскаго пересказа, подарившаго насъ житіемъ Іоасафа. Либрехтъ также считаетъ Варлаама нововведеніемъ христіанскаго пересказчика. Относительно этого вопроса можно высказаться опредѣленнѣе, развивая указаніе, данное нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоромъ Минаевымъ. Дѣло въ томъ, что въ числѣ повѣстей, вложенныхъ въ уста Будды и вставленныхъ въ его житіи, есть одна, не обратившая на себя вниманія Либрехта: это—разсказъ объ одномъ изъ первыхъ последователей Будды, Ясадѣ или Ясодѣ. Онъ интересенъ тѣмъ, что, являясь сколкомъ съ легендарной біографіи Будды (собственно, съ первой ея половины: юность и бѣгство), онъ представляетъ болѣе родственныя черты съ житіемъ Іоасафа. Выше уже указано на возможность сблизить имена Ясады и Іоасафа; послѣдній родится у отца, долго пребывавшаго бездѣтнымъ; тоже разсказывается о Ясадѣ, но не о Буддѣ.

Легенда о Ясадѣ вкратцѣ слѣдующая: Въ Бенаресѣ жилъ именитый человѣкъ, по имени Супри-Будда. Онъ обладалъ несмѣтными богатствами, но у него не было дѣтей. По его молитвѣ Девапутра, спустившись съ небесъ, воплотился въ его жену (такимъ же разсказомъ о чудесномъ воплощеніи начинается, какъ извѣстно, и легенда Будды), а у Супра-Будды родился красавецъ-сынъ, который названъ Ясадой по примѣтѣ сіянія, появившагося надъ его головой въ минуту рожденія. Будучи единственнымъ сыномъ у своихъ родителей, Ясада преуспѣвалъ, развиваясь тѣлесно и умственно. Отецъ построилъ ему три величественные дворца—одинъ для зимы,

другой для лѣта, третій для весны и осени. Его окружили всякими удовольствіями и бдительной стражей.

Въ это время Будда проповѣдовалъ законъ въ Бенаресѣ, а Сакра-Раджа (то-есть Индра, отвѣчающій Девапутрѣ легенды о Буддѣ) спускается съ неба, и, войдя во дворецъ Ясады, обращается къ нему съ такою рѣчью: „Дорогой Ясада! пришла тебѣ пора покинуть твой кровъ и стать нищимъ монахомъ". Услышавъ это, Ясада велитъ приготовить себѣ колесницу и отправляется любоваться красотою окрестныхъ садовъ. Его первая встрѣча—съ нищимъ монахомъ; это былъ Будда; онъ предвѣщалъ скорое обращеніе Ясады, который, пораженный благолѣпіемъ Будды, сойдя съ колесницы, преклоняется предъ нимъ и за тѣмъ ѣдетъ далѣе. Въ садахъ новая встрѣча: Сакра приняла образъ дряхлой женщины, трупъ которой былъ покрытъ червями. Это зрѣлище опечалило Будду и навело на него раздумье. Въ ту же ночь онъ бѣжалъ, и въ разсказѣ о его бѣгствѣ встрѣчаются тѣ же черты, что и въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ ученія Будды: точно также ворота открываются передъ нимъ сами, безъ скрипа и т. п. Онъ переходитъ рѣчку Варану, гдѣ его ждетъ и просвѣщаетъ Будда. Между тѣмъ, Ясады хватились дома его жены, мать и отецъ, который обѣщаетъ большую награду тому, кто укажетъ ему, куда удалился его сынъ, и самъ идетъ искать его. Разсказъ кончается обращеніемъ отца Ясады, его родни и друзей. Выше замѣчено, что Варлаамъ христіанскаго житія отвѣчаетъ нищенствующему монаху, съ которымъ, наканунѣ своего бѣгства, встрѣтилъ Будда. Изъ повѣсти о Ясадѣ, мы узнаемъ, что этотъ монахъ самъ Будда.

Разсказъ—Mahavastu (собраніе легендъ о Буддѣ и его ученикахъ), сообщенный акад. Веселовскому покойнымъ Минаевымъ, передаетъ въ болѣе краткихъ чертахъ ту же легенду о Ясадѣ, который названъ Ясодомъ и прибавляетъ новыя подробности, приближающія насъ къ житію Іоасафа. Легенда эта начинается такимъ же разсказомъ о рожденіи и юности Ясоды, какъ и предыдущая. Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о купцѣ, отправлявшемся торговать на востокъ. Когда онъ вернулся, отецъ Ясоды шлетъ къ нему посланца со словами: „Приди и посмотри на благолѣпіе моего сына. Купецъ явился, отецъ усадилъ его, и позвалъ двухъ юношей Ясода. Явившись, онъ не поклонился ни отцу, ни гостю, и все трое возсѣли на одномъ сѣдалищѣ.

Между тѣмъ, царь принялъ посланца за отца Ясады съ словами: „Есть царскія дѣла, приходи скорѣе". „Посиди съ юношей, пока я прійду", говорилъ, уходя отецъ. Оставшись вдвоемъ, купецъ, пораженный благолѣпіемъ Ясоды, подумалъ, что такая жизнь ему

не прилична, а прилично быть Пратьска-Буддой, или великимъ Шраюкой (ученикомъ Будды). „Юноша", сказалъ онъ ему, — „всякая молодость оканчивается старостью, всякое здоровье болѣзнью, всякое великолѣпіе имѣетъ конецъ, со всѣмъ инымъ, пріятнымъ бываетъ разлука. Видѣлъ ли ты Багавана (господина, то - есть Будду)?" „Кто онъ такой?" спрашиваетъ юноша, и купецъ описываетъ его. У Ясоды является желаніе повидать Будду—и затѣмъ слѣдуетъ уже извѣстный разсказъ о бѣгствѣ.

Если предыдущая повѣсть позволитъ сблизить какъ царевича съ нищимъ монахомъ—Буддой, съ которымъ встрѣтился Ясада, то редакція Mahavastu подсказываетъ другое сближеніе—Варлаама съ купцомъ. Варлаамъ также является къ Іоасафу въ образѣ купца и наставляетъ его на путь истины, какъ купецъ въ легендѣ Mahavastu. Драгоцѣнный камень, который Варлаамъ сдаетъ царевичу и который толкуется иносказательно, какъ сокровище Христовой вѣры, могъ явиться самостоятельно въ христіанской перепискѣ, какъ послѣдущая подробность, наводившая на аллегорическое толкованіе, но въ устахъ буддійскихъ проповѣдниковъ подобная формула была освящена: я говорю—слова ак. Веселовскаго—о „трехъ драгоцѣнностяхъ" буддизма (Будда, законъ и санга, т. е. община духовныхъ).

Либрехтъ сравниваетъ житіе Варлаама и Іоасафа съ легендой Будды. Дальнѣйшія изслѣдованія измѣнятъ, быть можетъ, второй терминъ сравненія, поставивъ на его мѣсто легенду о Ясодѣ, одномъ изъ первыхъ учениковъ Будды. Но это не отмѣнитъ точку зрѣнія Либрехта, какъ какъ легенда о Ясодѣ, въ сущности, повторяетъ біографію Будды съ нѣкоторыми отличіями, которыя ведутъ къ такимъ сосоставленіямъ: Ясода — это монахъ; аскетъ—Будда; встрѣченный Ясодой, купецъ являющійся къ нему съ проповѣдью буддизма,—это Варлаамъ. Имя послѣдняго, пока необъясненное, обличаетъ христіанскаго пересказчика—Семита: bar въ началѣ имени, какъ и въ имени Варѳоломея (Barthslomaeus) означается въ семитическихъ языкахъ: сынъ. По мнѣнію акад. Шифнера, Варлаамъ, можетъ быть, ничто иное, какъ апостолъ Варѳоломей, о которомъ древнее преданіе (Евсевій, сн. Іеремія и др.) гласило, что онъ ходилъ въ Индію, гдѣ по разсказу Авдія, будто бы обратилъ въ Христову вѣру царя Полипаія.

Итакъ, исторія Варлаама и Іоасафа ничто иное, какъ христіанская передѣлка, и притомъ очень точная, повѣсти о жизни и духовномъ развитіи Будды.

Либрехтъ, говоритъ акад. Веселовскій, сравнивъ рамку житія Варлаама и Іоасафа съ рамкой легендарной біографіи Будды, нашелъ

въ нихъ вѣскія черты сходства, а притчи изъ житія Варлаама и Іоасафа[1]), совпадающія съ буддійскими пересказами, укрѣпило его взглядъ на буддійское происхожденіе всего житія. Понятно, что послѣднее доказательство является лишь подспорьемъ, ибо отношеніе рамки рассказа къ вставленнымъ въ нее параболамъ нѣсколько случайное, легко можно представить, что наставленія могли быть еще подробнѣе, чѣмъ въ извѣстномъ намъ текстѣ, и такимъ образомъ вызвать потребность въ новыхъ иллюстраціяхъ—въ формѣ новыхъ апологовъ. Вспомнимъ, для подкрѣпленія этой мысли, что сказанные сборники, вышедшіе съ Востока въ средневѣковой Европѣ сохранили, подобно житію, повѣствовательную рамку и такихъ же внѣшнимъ образомъ связанныхъ съ нею апологовъ, число которыхъ свободно наростало или уменьшалось, не измѣняя существенно характера всего памятника. Такъ измѣнялся въ средневѣковыхъ передѣлкахъ старый восточный романъ о *семи мудрецахъ*.

Обзоръ житій перелагателей священнаго писанія на грузинскій языкъ въ связи съ появленіемъ духовно-нравственныхъ сочиненій въ періодъ IX—XI в. не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что грузинская литература обогащалась памятниками главнымъ образомъ религіознаго и поучительнаго характера. Христіанство прочно утверждается въ Грузіи, воздвигаются знаменитые храмы Ахтальскій, Зарзмскій, Моцаметскій, Никорцминдскій, Кутаисскій и др.—служащіе и нынѣ лучшими образцами грузинской архитектуры. Вырабатывается не только стиль строительнаго искусства, но создается школа живописцевъ, расписывающихъ стѣны храмовъ и памятники письменности. Одно Евангеліе Гелатское XI в. можетъ достаточно свидѣтельствовать о подъемѣ художественныхъ вкусовъ въ грузинскомъ обществѣ. Внѣшнее благолѣпіе дома Божьяго сопровождается внутреннимъ усовершенствованіемъ богослуженія. Является потребность въ стройномъ пѣніи и создается „гимница". До насъ дошла грузинская нотная рукопись X вѣка принадлежащая „обществу распространенія грамотности" и записанная въ каталогѣ подъ № 425.

Что дѣйствительно рукопись написана въ X вѣкѣ, это доказывается палеографіей и приписками рукописи. Въ припискахъ, а также въ заглавіяхъ разныхъ статей, упоминаются лица, которыя жили и дѣйствовали въ X вѣкѣ, таковы цари Грузіи: Сумбатъ (923—958),

[1]) Мы изложили повѣсть Варлаама и Іоасафа по рукописи г-жи Данквіевой.

Гургенъ (958—980), Давидъ царь и Куротпалатъ (?—1001), также писатели: МикҺелъ, Давидъ, Іоаннъ, епископъ тбетскій, знаменитый переводчикъ Евфимій († 1028 г.). Лучшій знатокъ грузинской палеографіи Дм. Бакрадзе, на основаніи содержанія приписокъ и характера письма, указанную рукопись безусловно относитъ къ Х-му вѣку.

Рукопись представляетъ изъ себя громадный фоліантъ — почти въ аршинъ длиною и $^1/_2$ аршина шириною. Состоитъ она изъ 544 пергаментныхъ листовъ, исписанныхъ церковнымъ шрифтомъ, причемъ всѣ записи, приписки, заглавія статей и начальныя буквы воспроизведены грузинскими заглавными буквами (асо-мтҺаврули). Вся рукопись съ начала до конца расписана киноварными нотными знаками, почему авторъ труду своему даетъ названіе „Сагалобели" („Божественный пѣсенникъ), или лучше сказать „гимница".

Этотъ „пѣсенникъ" содержитъ въ себѣ хвалебные гимны и пѣсни на главные христіанскіе праздничные дни, а также въ честь разныхъ богоугодныхъ и святыхъ мужей, между прочимъ, въ честь св. Або, замученнаго въ Тифлисѣ агарянами въ 790 году и прославляемаго грузинскою церковью. Многіе отдѣлы этихъ пѣсенъ и самихъ нотъ, какъ гласитъ послѣзаглавная запись, исполнена „МампҺаломъ" Іоанномъ Мтбевари, портретъ котораго представленъ тутъ же на поляхъ рукописи, съ надписью: „Іоаннъ, епископъ тбетскій".

Но всего важнѣе тутъ послѣсловное оповѣщеніе автора МикҺеля, который говоритъ: „Послѣ долгихъ поисковъ, съ большимъ трудомъ мнѣ удалось найти на *грузинскомъ языкѣ* гимны-ноты: *греческія, мехурскія* и *грузинскія*, а, затѣмъ, найдя ихъ, а безъ всякаго измѣненія мотивовъ (кило) и нотныхъ знаковъ (нишани) завершилъ этотъ трудъ".

Тутъ вниманіе читателя мы останавливаемъ на слова „*мехури*" [месхури?] и на свидѣтельствѣ автора, что онъ *послѣ долгихъ поисковъ нашелъ ноты на грузинскомъ языкѣ*. Если авторъ, какъ мы выше сказали, жилъ въ X вѣкѣ, то по записи выходитъ, что на грузинскомъ языкѣ ноты должны были существовать уже раньше его, т. е. въ IX вѣкѣ [*]).

Отмѣчаемъ нѣсколько рукописей IX—XII вв. изъ тифлисскаго церковнаго музея, представляющихъ дополненіе къ названнымъ мною [стр. 24] памятникамъ груз. письменности.

144 [номеръ каталога]. Рукопись на пергаментѣ (in folio) весьма поврежденная, многихъ листовъ недостаетъ, безъ переплета, заключаетъ въ себѣ:

---

*) У свящ. Василія Карбелова въ Тифлисѣ намъ пришлось видѣть другую нотную на пергаментѣ рукопись XI в., заключающую въ себѣ 485 стр.

1) Слово Іоанна, епископа Болнискаго [Болнели] на 3 недѣлю Вел. поста. 2) Его же на 5 недѣлю Вел. поста. 3) Его же на шестую недѣлю Вел. поста. 4) Его же на седьмую недѣлю. 5) Св. Іоанна архіепископа Слово на Пасху. 6) Его же на тотъ же день. 7) Его же на тотъ же день. 8) Его же на тотъ же день. 9) Слово на Пасху. 10) Слово на понедѣльникъ послѣ Пасхи св. Кирилла, Іерусалимскаго архіепископа (о Воскресеніи Господа). 12) Слово св. Ефрема о смерти и о разлученіи души съ тѣломъ. 13) Слово Іоанна Болнели на Ѳоминую недѣлю. 13) Св. Іоанна архіепископа на Ѳоминую недѣлю. 14) Св. Евсевія епископа „о безчинномъ пѣніи". 15) На четвергъ 2-й недѣли. Слово св. Ефрема объ Иліи и архангелѣ Михаилѣ. 16) О томъ есть-ли Христовъ братъ Іоаннъ. 17) Письмо Іосифа Аримаѳейскаго о построеніи храма въ городѣ Пресвятой Богородицы. 18) Слово св. Іоанна Златоустаго на Вознесеніе. 19) Слово его же на недѣлю Ѳоминую. 20) Слово его на сошествіе св. Духа. 21) Чтеніе... 24) Чтеніе на Воздвиженіе честнаго креста во Мцхетѣ.

[Проповѣдникъ XI в. Іоанна Болнели оставилъ до 11 проповѣдей. Ц. муз. № 95].

Успеніе Богородицы Іоанна Златоуста № 144.

85. Житье св. Георгія Онизскаго. (См. у меня I в. „Очерковъ").

108. Григорія Богосл. Слова съ рисунками, гдѣ апокрифическое изображеніе крещенія Христа Господа въ водѣ, рядомъ съ нимъ сидитъ Адамъ и стоитъ крестъ, надъ нимъ св. Духъ и десница Бога Отца.

179. Жизнь Адама in 8°, писанъ хуцури, стр. 533.

95. Дѣтство Христа (въ сборникѣ X—XI в., хуцури).

19. Пергаментъ „хуцури" (сванет. сбор.) 489 стр. Житье св. Або, Слово св. Нины о крещеніи Господа нашего I. Христа. Памяти свв. апостоловъ Петра и Павла; мученичество ап. Павла.

21. Ямбич. стихи мѣстныхъ авторовъ.

36. Пергамент . Жизнь пресв. Богородицы.

38. Пергаментъ 974 г. Псалмы прор. Давида и пасхалія съ объясненіемъ груз. лѣтоисчисленія.

40. Пергаментъ XI в. Жизнь пресв. Богородицы.

50. Рукопись на бумагѣ in. 4°, церковнострочн. буквы, начальныхъ листовъ и послѣднихъ недостаетъ, стр. 310. Заключаетъ въ себѣ: 1) Жизнь и мученичество Георгія Побѣдоносца и севастійскихъ мучениковъ. 2) Похвала (?). 4) О мученичествѣ св. Василія Вел. и Ефрема Сирина. 3) Ефрема Сирина похвала всѣмъ свят. 4) Слово св. Ѳедора Студита по поводу обрѣтенія главы I. Хр. 5) Жемчугъ. 6) Слово Григорія Нисскаго о постѣ.

57. Письмо на бумагѣ: Сказаніе св. отцевъ о самоосужденіи и о воспитаніи воли.

60. Рукопись церковно-строчн. буквами на бумагѣ in f. 357 стр., въ переплетѣ, начальныхъ и послѣднихъ листовъ недостаетъ. Рукопись пострадала отъ сырости. Заключаетъ въ себѣ статьи извѣстныя подъ именемъ „Пчела": 1) Вопросы ко св. Марку и отвѣты его, обнимающіе всю систему

христіанскаго вѣроученія (начало статьи не имѣется, но названія ея опредѣляются по указанію стр. 57). 2) Св. Діодоха „объ опредѣленіяхъ“. 3) Его же (епископа Діодоха Фотикскаго древняго Апира) „сто главъ аскетическихъ. Въ концѣ помѣщены ямбическіе стихи св. патріарха Антіохійскаго — Іоанна (стр. 137). 4) Св. Василія Велик. „о страстяхъ“. 5) Хоринійскому пресвитеру о строгости противъ грѣшныхъ и говорящему что недостаточно устнаго исповѣданія (стр. 143). 6) Свят. отца Нила „о молитвѣ 153 главы“, (стр. 270). 7) Его же гномы, т. е. краткія изрѣченія. 7) Посланіе ко св. Игнатію Богоносцу, ибо въ то время въ Римѣ былъ св. Анеклито съ Папою Римскимъ; св. Климентъ съ нимъ подвизался и принялъ мученическую смерть. 8) Посланіе, св. Игнатія Богонос. въ градъ Антіохійскій. 6) Посланія, между прочимъ, жителямъ Смирны, h) къ Поликарпу Смирнскому, m) къ Ефессеямъ.

67. Рукопись церковно-строчн. буквами на бумагѣ 153 л. Подвиги ап. Павла, ямбич. стихи всѣмъ святымъ.

76. На бумагѣ 676 стр. Постановленія всел. и помѣстн. соборовъ —Мцхетскаго собора при Давидѣ В.

80. Рукопись 301 л., бумага. Слово Григорія Богосл. о крещеніи І. Христа.

85. Перг. р. XIII в. ц.-строчн. б. $^1/_8$ л. Церков. пѣснопѣніе, ямбическіе стихи Арсенія Иколтоели, Іоанна Шавтели.

95. Пергаментъ 1316 стр. Метафрастъ на весь годъ.

102, 113. Рук., церк. стр. буквами Толкованія Іоанна Златоуста на Евангеліе Марка въ переводѣ *Іоанна Чирчимели.*

119. „Грдемли“, католикоса Виссаріона противъ латинянъ.

120. Марцухи (Клещи) митрополита Іосифа Кутанскаго противъ еретиковъ.

137. Пергаментъ цер. стр. букв. Ямбическіе стихи съ греч.: Ефрема Млад. 2) Еп. Арсенія Икалтойскаго.

140. Пергаментъ 510 стр. цер. стр. буквами inf, между прочимъ заключаетъ Слово св. Епифанія Кипрскаго о погребеніи І. Христа.

153. Бумага, рук. цер. строчн. буквами. Чтеніе объ изгнаніи Адама. 2) Построеніе Іерусалима. 7) Вознесеніе ап. Павла. 8) Вопросы І. Христа и отвѣты разслабленнаго.

105. Хронографъ (исторія іудеевъ до 3 вселенскаго собора) *Георія монаха; св. Василія Кесарійскаго* о животныхъ. Его же о числѣ лѣтъ отцевъ ветхозавѣтныхъ. Его же о Христѣ и Антихристѣ.

Отмѣтимъ еще 1) Местійское (сванетское) евангеліе XI в. [„Поѣздка *епископа Григорія* въ Сванетію“. Поти, 1893, стр. 31. 2) Ахалцихское пергаментное евангеліе и 3) Аскетиконъ XII в. Василія Вел., хранящійся при Кутаисскомъ соборѣ. Переписанъ онъ Ефремомъ Младшимъ.

Бросимъ историческій взглядъ на внѣшнюю исторію Грузіи X—XII вв. Первый Багратидъ, Гурамъ, возсѣлъ на престолъ Грузіи въ 575 году [1]). Это было время, съ одной стороны, процвѣтанія въ Грузіи православія [2]) и съ другой—вѣкъ ожесточенной борьбы между двумя колоссами древняго міра—Византіей и Персіей, изъ-за обладанія Грузіей. Борьба эта еще не была окончена, какъ арабы, громя и потрясая почти весь міръ, нагрянули на Грузію и овладѣли ею. Цари Грузіи сохранили нѣкоторою тѣнь самостоятельности въ Ардануче, Адчарѣ и Тао и изъ боязни враговъ стали именоваться не мепе (царь), но мампали (владыка, князь), эристави (глава народа) и эриставтъ-эристави [3]). Въ это скорбное время эриставы Абхазіи и Кахетіи объявляютъ себя самостоятельными государями. Но, несмотря на всѣ невзгоды, грузинскіе мампалы, мало по малу усиливаются, и уже черезъ сто съ лишнимъ лѣтъ послѣ Гурама, Ашотъ Великій (786 — 828) успѣваетъ побѣдить кахетинскаго владѣтеля Григола и объединить Грузію отъ Кларджета до р. Ксани и далѣе до гор. Барда. Сынъ Ашота, Багратъ, побѣждаетъ царя Абхазіи Ѳеодосія. Такъ изъ года въ годъ растетъ сила Багратидовъ, и при Адарнасѣ (923 г.) она достигаетъ до того, что грузины, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, оспариваютъ у Византіи право владычества надъ Эрзерумомъ и окрестными странами [4]). Къ этому же времени относится свидѣтельство арабскаго писателя Массуди (XII в.) о пограничномъ съ Абхазіей и Аланіей царствѣ Сумбата (923—958), населенномъ „великимъ христіанскимъ племенемъ Джурджовъ“ [5])—картвеловъ. Въ 980 году Грузія и Абхазія объединяются и на престолъ вступаетъ Багратъ, который былъ усыновленъ бездѣтнымъ царемъ и великимъ куропалатомъ Давидомъ († 1001 г.). Въ это время грузинскія войска

---

[1]) Константинъ Порфирородный въ своей въ 952 г. составленной исторіи De administrando imperio говоритъ, что иверскіе Багратиды считаютъ себя потомками царя-пророка Давида и отъ него происшедшей Богоматери.

[2] „Иверы-христіане и лучше всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ хранятъ уставы христіанскаго вѣроисповѣданія“, говоритъ писатель VI в., *Прокопій Кесарійскій* (Переводъ *Дестуниса*, стр. 56).

[3]) Современемъ къ этимъ титуламъ прибавлялись еще титулы чисто византійскаго происхожденія, а именно: магистръ, куропалатъ, патрикъ, антипатрикъ, нобилиссимъ, кесароси и пр. (См объ этомъ у Альфреда Рамбо - L'Empire grec au dixiéme siécle, p. 513—514. Ср. *у меня* въ *Моамбэ*, 1895 г., кн. VII. „Титулъ груз. царей“.

[4]) Addit. et éclairc. p. 145.

[5]) См. Hist. de la Géorgie, I, 286, п. 2.

отъ Византію отъ возмутившагося противъ императорской власти Склера, о чемъ повѣствуютъ источники грузинскіе, византійскіе и армянскіе [1]).

Основаніе могущества Грузіи уже окончательно было положено задолго до Тамары, а именно при Багратѣ, образователѣ единаго грузино-абхазскаго царства въ 985 году. Съ этого времени грузины идутъ впередъ твердою поступью, и царство абхазовъ изо дня въ день растетъ, какъ въ политическомъ, такъ и культурномъ отношеніяхъ.

Въ началѣ XI в. карталинскій царь, Багратъ III, кладетъ начало объединенію грузинскихъ народностей, раздробившихся подъ владычествомъ арабовъ на нѣсколько мелкихъ самостоятельныхъ княжествъ. Вторженіе турокъ сельджуковъ въ предѣлы Грузіи во второй половинѣ XI в. остановило развитіе страны и подвергло ее всѣмъ бѣдствіямъ вражескаго нашествія. Воспользовавшись событіями, происходившими въ Малой Азіи, Сиріи и Палестинѣ, гдѣ крестоносцы бились съ сельджуками, царь Грузіи, Давидъ III, прозванный Возобновителемъ (1089—1125), свергнулъ магометанское иго и основалъ могущественное государство, границы котораго составляли: съ востока—Каспійское море, съ запада Черное море, съ сѣвера хребетъ Кавказскихъ горъ и съ юга нынѣшняя Карсская область. Когда Давидъ вступилъ на престолъ 26 лѣтъ отъ роду, вся Грузія лежала въ развалинахъ: въ восточной ея части господствовали турки, а въ западной самоуправно властвовали греческіе императоры подъ тѣмъ предлогомъ, что они единственные покровители единовѣрнаго царства. Дикія орды мусульманъ неистовствовали вокругъ Тифлиса, персы грабили окраины царства, армяне дѣлали безпрестанные набѣги въ предѣлы изнемогающей страны. И царю предстояла великая задача залечить тяжелыя раны истерзаннаго непріятелями царства. На помощь пришли къ нему крестовые походы, отвлекшіе полчища турокъ и давшіе возможность развернуться собственнымъ силамъ Иверіи. Едва только достигла до царя вѣсть о взятіи Іерусалима крестоносцами, онъ осадилъ сарациновъ въ Тифлисѣ и захватилъ городъ въ свои руки. Силы страны, по сверженіи мусульманскаго ига, возрасли настолько, что она могла отправить отрядъ на борьбу за освобожденіе Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ. Царь подчинилъ себѣ Сванетію, Осетію, Дагестанъ, Кахетію, изгналъ турокъ изъ всѣхъ крѣпо-

[1]) Аѳонская пергаментная рукопись и др. источники *Вахушти*, примѣч. ..., стр. 139. *Ганъ*, Извѣстія классич. писателей о Кавказѣ, 38.

стей и взялъ Тифлисъ у мусульманъ [1]), которые имъ владѣли 400 лѣтъ. Обезопасивъ свое царство отъ враговъ внѣшнихъ и установивъ единодержавіе въ Грузіи, Давидъ III обратилъ вниманіе на водвореніе порядка и развитіе образованія. Онъ раздѣлилъ царство на нѣсколько провинцій, поручивъ ихъ управленіе отдѣльнымъ правителямъ. Распространеніе еретическихъ ученій, низкій уровень образованности духовенства, поколебленная подъ вліяніемъ владычества иноземцевъ нравственность побудили Давида Возобновителя созвать соборъ въ 1103 году, на которомъ былъ выработанъ сводъ церковныхъ постановленій—первый законодательный памятникъ, дошедшій до насъ. Соборъ предалъ проклятію и низложилъ епископовъ, необлеченныхъ въ санъ чрезъ рукоположеніе. Пастырей, по жизни и нравственности недостойныхъ сана, низвелъ и осудилъ на покаяніе, низшее духовенство низвелъ въ сословіе мірянъ. На этомъ соборѣ утверждено было православное вѣроисповѣданіе вѣры и каноны внѣшняго и внутренняго церковнаго благочинія. Каноны эти прибиты были на каменныхъ столбахъ Мцхетскаго патріаршаго собора и въ Руисскомъ каѳедральномъ храмѣ.

При Давидѣ Возобновителѣ впервые появляются въ Грузіи правильно организованныя школы, гдѣ знакомили учащихся съ Закономъ Божіимъ, грамматикой, математикой, моралью, исторіей и пѣніемъ. Одна школа Арсенія въ гор. Икалто воспитала рядъ замѣчательныхъ дѣятелей и между прочимъ поэта, Шота Руставели, воспѣвшаго царицу Тамару. Для довершенія образованія Давидъ посылалъ на Аѳонъ

---

[1]) По словамъ мусульманскаго писателя Эль-Аини Давидъ В. обрадовалъ сердца обитателей Тифлиса, которые просили у него о разныхъ вещахъ. Давидъ В. приказалъ христіанамъ не рѣзать поросятъ (*въ той части города, гдѣ было много мусульманъ*), чеканить монету съ надписью имени Бога, его пророка и его халифа, повелѣлъ, чтобы христіане не ходили въ баню вмѣстѣ съ мусульманами, дабы этимъ невѣрующіе (*христіане, по понятію мусульманъ*) не оскорбляли вѣрующихъ. Давидъ съ сыномъ своимъ, Димитріемъ, входилъ каждый день въ главную мечеть слушать молитву о царѣ и чтеніе корана, давалъ много денегъ „катибамъ“ и „моаздзинамъ“, построилъ караванъ-сарай, дома для проповѣдниковъ, суфіевъ и поэтовъ, назначивъ имъ содержаніе. Если кто-нибудь изъ нихъ изъявлялъ желаніе покинуть Тифлисъ, онъ щедро помогалъ ему деньгами. Давидъ уважалъ мусульманъ больше, чѣмъ сами магометанскіе цари (Addition... pp. 239—241). Точно также онъ посѣщалъ армянскія церкви и получалъ благословеніе отъ армянскихъ пастырей.

Тоже самое о царѣ Давидѣ говоритъ и мусульманскій писатель Шемсъ-ед-динъ Юзуфъ (Addit... p. 242).

40 молодыхъ грузинъ, въ числѣ которыхъ были переводчики на зинскій языкъ церковныхъ и философскихъ сочиненій. Онъ самъ ъ благочестивымъ мужемъ и хорошимъ богословомъ и проводилъ ободный часъ даже на войнѣ въ чтеніи священнаго писанія [1]), а на бытыя отъ враговъ сокровища воздвигалъ каменные храмы, изъ торыхъ Гелатскій храмъ составляетъ одинъ изъ лучшихъ памятниъ грузинской архитектуры. Онъ устроилъ во многихъ мѣстахъ оего огромнаго государства больницы и пріюты, обезпечилъ храмы монастыри обширными угодьями. Благотворительность царя проиралась за предѣлы его царства и церкви. Онъ отправлялъ частые лады въ Іерусалимъ, въ Аѳонскіе и Сирскіе монастыри. На горѣ инаѣ онъ построилъ храмъ въ честь св. Екатерины, существующій нашего времени. Заботы царя простирались не на одну только рковь. Онъ проводилъ дороги, соединяя отдаленныя провинціи своо государства: строилъ и возобновлялъ мосты, поврежденные враги, установилъ правильный порядокъ судопроизводства и админираціи, представители которыхъ должны были руководствоваться данными законами церковными и гражданскими, а также обычнымъ авомъ той мѣстности, куда они назначались.

Давидъ умеръ во цвѣтѣ силъ, 53 лѣтъ, оставивъ свое царство гущественнымъ и спокойнымъ. Народъ грузинскій прозвалъ его зобновителемъ, а церковь причислила къ лику святыхъ. Умирая, видъ избралъ мѣстомъ своего успокоенія порогъ созданной имъ латской церкви для того, чтобы всякій переступающій чрезъ могилу ря, помолился за его душу. Надъ могилой своей онъ повелѣлъ повить нѣкогда плѣненныя имъ желѣзныя Дербентскія ворота, котоя, замыкая храмъ, служили царю надгробнымъ мавзолеемъ. На церномъ порогѣ и понынѣ лежитъ большая гранитная плита, а на й большими грузинскими буквами начертано: „се покой мой во вѣкъ ка, здѣсь веселюся, яко изволитъ и". Арабская куфическая надпись одной изъ половинъ желѣзныхъ воротъ гласитъ, что ворота были ованы во имя Бога благого и всемилосерднаго славнымъ Эмиромъ авиромъ, сыномъ Эль-Фазла, въ 455 году геджры, въ 1077 г. истіанской эры.

Уважая мусульманъ [2]) и ихъ вѣру, Давидъ В. не превратился въ

---

[1]) Любимой книгой чтенія царя былъ Апостолъ, съ которымъ онъ не ставался и во время похода, обозначая на послѣдней страницѣ крестиками, олько разъ имъ была дочитана эта книга.

[2]) Съ полнымъ довѣріемъ и любовью царь Давидъ относился также и къ янамъ, о присоединеніи которыхъ къ православной церкви были сдѣланы

человѣка, забывшаго свои религіозныя, національныя и политическія убѣжденія. Мусульманскій писатель Магометъ — Гамеки свидѣтельствуетъ, что „Давидъ обладалъ большимъ знаніемъ магометанской религіи и часто бесѣдовалъ съ Кали о томъ, сотворенъ-ли коранъ, или вѣченъ“ (Addit... p. 237), т. е. имѣетъ-ли коранъ божественное, или человѣческое происхожденіе...

Завѣщаніе царя Давида Возобновителя.

Съ именемъ царя Давида Возобновителя связано нѣсколько памятниковъ, весьма важныхъ въ историко-литературномъ отношеніи. Царь Давидъ (1089—1125), воспитанный въ духѣ священнаго писанія Георгіемъ Чкондидели и женатый на греческой принцессѣ Иринѣ, занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ исторіи Грузіи. Онъ освобождаетъ страну отъ наводнившихъ полчищъ сельджуковъ и возстановляетъ поколебавшійся государственный порядокъ. При немъ происходитъ духовный соборъ созванный отъ очищенія церкви отъ водворившихся беззаконій. Ему принадлежитъ „Завѣщаніе“, которое [1] онъ произнесъ предъ духовникомъ своимъ, Арсеніемъ, на смертномъ одрѣ, и Пѣсни покаянія. „Завѣщаніе“ его сообщается народу чрезъ посредство царскаго духовника, Арсенія. Повелѣваетъ и доноситъ царь царей Давидъ въ дни своей смерти „и ухода изъ міра устами моими недостойнаго его молельщика монаха, вамъ всѣмъ вельможамъ и знатнымъ его царства: католикосамъ, епископамъ, эриставамъ и всѣмъ помилованнымъ“. Царь Давидъ за этимъ обращеніемъ грустно указываетъ на неизбѣжныя слабости человѣка, мнящаго себя безсмертнымъ и въ стремленіи къ земной славѣ уклоняющагося отъ смерти и забывающаго о могилѣ, пока самъ преходящій міръ не представитъ его, обремененнаго грѣхами предъ лицомъ Вѣчнаго Судіи. Онъ благодаритъ Господа за великія, ему оказанныя милости: „Онъ далъ мнѣ сына Димитрія, превосходящаго меня мудростью, святостью, стройностью и мужествомъ... Правосудный Богъ призвалъ меня и даровалъ мнѣ царство-

---

тщетныя попытки. Армянскій писатель—Моисей Эдесскій называетъ Давида „мужемъ святымъ, благочестивымъ, добродѣтельнымъ и справедливымъ“. *Dulaurier*. Recueil des histor. des croisades. Docum. armén. I, 137.

[1] См. *Сабининъ*. Рай груз. церкви, стр. 512—519. *Вахушти*. Исторія Грузіи, примѣч. Бакрадзе, стр. 187. *Жорданія*, Хроники, II, 51—2. Ср. Пл. *Іосселіани* [Закавказ. Вѣстн. ч. неоф., стр. 132] выдѣлъ „Завѣщанія“ весьма древній экземпляръ въ Шіо-Мгвимскомъ монастырѣ.

ваніе, владѣнія, считая области, присоединенныя моими и вашими трудами, отъ Никотіи до Дербента и Осетіи до Аргата" (?) Царь поручаетъ наслѣднику своему царицу и малолѣтняго царевича Цхвату, которому Дмитрій, воспитавъ его достойно, если пожелаетъ Господь, можетъ оставить престолъ. Давидъ считаетъ нужнымъ напомнить своему преемнику о любви къ сестрѣ и почитаніи всей царской семьи. Царь предусмотрительно распредѣляетъ свое достояніе: онъ оставляетъ Дмитрію побѣдоносный крестъ, царскіе доспѣхи и сокровищницы, а дракавы Константина Цхватѣ, алмазы и жемчугъ Хахульской Божіей Матери, дукаты и ботинаты [1]) Атенской каѳедрѣ. Его преслѣдуетъ одна грустная мысль: онъ не успѣлъ закончить монастыря—усыпальницы царской семьи, достроить его онъ предлагаетъ сыну своему Дмитрію, который долженъ, по совѣту католикоса Арсенія и другихъ іерарховъ, обезпечить духовенство, творящее молитву надъ царской усыпальницей, достаточнымъ количествомъ земли и движимаго имущества.—Завѣщаніе Давида В. можетъ быть сопоставлено съ поученіемъ Владиміра Мономаха въ русской литературѣ.

Пѣсни покаянія, сказанныя Давидомъ Возобновителемъ [2]). Пѣсни покаянія царя Давида В. имѣются въ рукописи 1233 г. Они проникнуты глубокимъ чувствомъ и исполнены религіознаго воодушевленія. Пѣвецъ, подражая псалмопѣвцу и мудрому Соломону, выставляетъ себя чрезмѣрнымъ грѣшникомъ и проситъ помилованія „Того, предъ Которымъ каждая выя склоняется, преклоняетъ колѣна и языкъ глаголетъ покаяніе". Обращаясь къ Заступницѣ грѣшныхъ, къ Пречистой Дѣвѣ, Давидъ приписываетъ себѣ дѣянія невѣрныхъ царей Израильскихъ. Онъ возымѣлъ мечту ассирійцевъ о горнемъ движеніи и теченіи звѣздъ. По-эллински царь воздавалъ почести твореніямъ Бога вмѣсто имени Творца. Попирая завѣтъ писанный, онъ сталъ рабомъ плотской религіи. Не насытившись, подобно червяку Соломона, искалъ онъ обладанія другими странами. Собирая сокровища, сдѣлался поклонникомъ мамона, словно Ваала и Астарты. Слезы вдовъ и сиротъ не возбуждали въ немъ помилованія, нуждающимся не открывалъ онъ своихъ сокровищницъ. „Вотъ мои прегрѣшенія, и нынѣ на колѣняхъ молю, не лиши меня спасенія, не осуждай на муки адскія, ибо Ты еси Господь покаявшихся".

---

[1]) *Brosset,* Addition XIII, p. 233, n. „Ces richesses que le roi nomme ducat et potonat me paraissent avoir consisté en pièces d'or et d'argent frappées sous Constantin et Michel Ducas et sous Nicephore Botoniate".

[2]) Рукопись Церков. музея № 85 („Хуцури"), заключающая Пасхалію Іоанна Шавтели, написанную въ 1172 г., различныя пѣснопѣнія и покаяніе царя Давида В.

Церковный соборъ при царѣ Давидѣ Возобновитель 1103 г. „Церковныя постановленія“ Давида Возобновителя яв первымъ юридическимъ памятникомъ, созданнымъ умами грузи законовѣдовъ. Они характеризуютъ нравственное и религіозн стояніе общества и заключаютъ мѣры для искорененія воцарив въ немъ пороковъ и недостатковъ. Царь обращается къ духове какъ источнику подъема народной нравственности, призываетъ широкой дѣятельности, освобождая его за труды отъ всякихъ дарственныхъ повинностей съ принадлежащими крестьянами. ствительно, среди тогдашняго духовенства сіяли знаменитые дѣ способные послужить царю въ предѣлахъ намѣченной прог таковы—католикосъ Іоаннъ, Арсеній Икалтойскій, Георгій Ч дели. Нравственная цѣль „святого собора“, созваннаго Давидом зобновителемъ, сопровождалась и политическими планами, впр не осуществившимися. Царь вознамѣрился ограничить своеволі даловъ, подчинить ихъ своей власти, изгнать наиболѣе сильн захватить ихъ имѣнія для раздачи своимъ сподвижникамъ.

Святой соборъ для излѣченія великихъ язвъ открылся въ 1 въ пунктѣ между двумя епархіями Урбнсской и Руйсской, именно, трудно сказать, отвергая мысль что онъ созванъ б Мцхетѣ, такъ какъ этотъ городъ не расположенъ между дву званными епархіями и во вторыхъ онъ слишкомъ былъ близ Тифлису, находившемуся еще въ рукахъ арабовъ. На соборѣ ствовали епископы, іереи, дьяконы, иноки, столпники и пус ки и въ большомъ числѣ міряне. Предсѣдательствовалъ като Іоаннъ, а „святый и мудрый“ царь присутствовалъ въ качеств церкви, такъ какъ [1] по законамъ даже Вахтанга католикосъ равноправныя другъ отъ друга независимыя лица: одинъ царь ный, другой духовный. Этотъ духовный глава и имѣлъ, впр и свѣтскую компетенцію. Соборъ работалъ много дней, разсм всѣ господствовавшіе тогда недуги и попытался должными м ихъ искоренить. Такимъ образомъ, цѣль собора—нравственно п духовенство и народъ, устранить убійство, нарушеніе супруж узъ, похищеніе женъ, содомскій грѣхъ и пр. Въ постановл собора мы находимъ указанія именно на эти отрицательныя с христіанской жизни и тѣнь намековъ на борьбу грузинской съ несторіанской ересью, распространявшеюся будто бы въ Г какъ предполагалъ Пл. Іосселіани [2]). Въ одномъ мѣстѣ мы на

---

[1]) *Жорданія.* Хроники, р. 238

[2]) Исторія Груз. церкви, 73 и 74.

указаніе о поруганіи иконъ, которое не служитъ отголоскомъ ученія Нестора, настаивавшаго на единомъ естествѣ І. Христа, вопреки православному догмату, признающему въ Спасителѣ два естества—божеское и человѣческое. Едва-ли царь уклоняющійся по его же словамъ, отъ углубленія въ богословскія словопренія на другомъ соборѣ, созванномъ для соглашенія армянской и грузинской церкви, царь отличавшійся религіозною терпимостью къ мусульманамъ, созвалъ бы архіереевъ для исключительной борьбы съ ересью.

Лѣтопись свидѣтельствуетъ, что ко времени Давида Возобновителя нѣсколько важныхъ епископскихъ каѳедръ и церквей было занято беззаконно вельможами и крупными феодалами, которые въ свою очередь ставили въ іереи себѣ подобныхъ волковъ [1]). Царь пожелалъ ослабить феодаловъ, епископовъ, имѣющихъ свои крѣпости, имѣнія, войска, передать духовную паству въ достойныя руки. Распространился обычай съ помощью купли или взятки занимать церковныя должности, разоряя, какъ разбойники, богатыя и обширныя монастырскія имѣнія, жертвуемыя благочестивыми царями и прихожанами. Воцарилось безначаліе, отсутствіе послушанія, грубая симонія. Соборъ долженъ былъ водворить порядокъ, подчинить теченіе церковной жизни опредѣленнымъ правиламъ, устранивъ подкупъ и приношенія для полученія дьяконской или архіерейской вакансіи, предоставлять должности по заслугамъ и достоинствамъ. Съ этою цѣлью соборъ прежде всего низложилъ недостойно облеченныхъ епископской мантіей, назначивъ на ихъ мѣста лицъ заслужившихъ по дѣламъ и возрасту. Для уясненія значенія послѣдняго требованія нужно имѣть въ виду, что малолѣтніе вельможи часто оказывались во главѣ паствы, представляющей для нихъ источникъ вліянія и обогащенія. Помимо нравственныхъ качествъ отъ поставляемыхъ на духовныя должности требуются знанія, грамотность, подготовка къ своей миссіи: „католикосъ, епископы и хорепископы (высшія духовныя лица съ свѣтскою властью) должны быть избираемы изъ искусившихся въ религіи и священномъ писаніи“. Это постановленіе получаетъ для насъ смыслъ, если вспомнимъ пастырей, неспособныхъ читать Псалтырь и Требникъ [2]). Такъ былъ отрѣзанъ путь, родовитымъ, сильнымъ пробираться къ высшимъ должностямъ, разрушенъ одинъ изъ

---

[1]) *Кар.-Цх. І, 242. Вахушти, 186.* О царѣ Давидѣ В. существуетъ монографическая работа *Н. Урбнели*, напечатанная въ журн. *Моамбэ* за 1894 г.

[2]) Церк. гудж. 40, 1 ср. Законы католикосовы, § 9.

устоевъ феодаловъ, устранена возможность наслѣдственно перед каѳедры монастырскія и церковныя. Соборъ предписалъ низш рархіи подчиняться указаніямъ начальствующихъ: „іереи и дьяко страхѣ Божіемъ да покоряются архіереямъ". Онъ воспретилъ по нимъ брать приношенія съ первыхъ, произнесъ проклятіе надъ бѣгающими къ симоніи, счелъ корыстолюбіе за богопротивное д Осудивъ порядокъ путемъ взятки или подкупа часто безграмот недостойнымъ восходить отъ низшихъ должностей къ высшимъ рождать злоупотребленіе, соборъ опредѣлилъ возрастъ для ка сана: епископъ не можетъ быть моложе 35 лѣтъ, священникъ 3 дьяконъ 25 и псаломщикъ 8 л., запретивъ въ одинъ посвяща санъ дьякона, іерея или архіерея, чтобы дать время выказать собность на первыхъ ступеняхъ для достиженія слѣдующихъ. И ченіе было сдѣлано только относительно псаломщика, который быть возведенъ въ дьяконы въ тотъ же день, очевидно по несл сти задачъ, раздѣляющихъ эти два ранга и по тѣмъ ихъ сооб ніямъ, что число дьяконовъ слѣдуетъ размножать для красы це ной службы. Злоупотребленія распространялись на церковную у и вотъ соборъ подъ страхомъ „адскихъ мукъ" воспрещаетъ ею зоваться даже въ цѣляхъ на счетъ ихъ выкупать плѣнниковъ. Во грузинскіе законы строго преслѣдовали преступниковъ противъ ковнаго имущества [1]). Противъ воцарившихся въ монастыряхъ селья и торговли, сборища свѣтскихъ людей соборъ энергично стаетъ. Монастырь сталъ „домомъ торжниковъ", гдѣ среди ин происходили несогласія, возникли сребролюбіе, вражда и зав утративъ, благодаря этимъ безпорядкамъ, способность быть „свѣт мірянамъ". Обязанность духовника стала такимъ источникомъ, ч одномъ монастырѣ появилось ихъ нѣсколько, и даже не духовныя промышляли въ своихъ интересахъ. Соборъ постановилъ: въ шихъ монастыряхъ имѣть по два духовника, а въ малыхъ по од Безпорядки проявились и въ отправленіи богослуженія. За од алтаремъ одновременно многими іереями возносились моленія за кой разныхъ лицъ. Для искорененія этого безчинія предложено носить жертву въ поминовеніе одной души, разрѣшивъ служи другую въ притворѣ, за особымъ алтаремъ. Соборъ обратилъ вни и на семейныя неурядицы. Въ то время бракъ церковный еш успѣлъ завоевать уваженія въ обществѣ. Соборъ возсталъ противъ п нихъ языческихъ брачныхъ обрядовъ и далъ въ руководство (в

[1]) Зак. катол. § 3. *Айбуга*. 116. Ср. воззрѣніе народа.

скія) правила вселенскихъ соборовъ, воспретилъ браки между пра-
:лавными и еретиками. Внѣ церкви заключенныя брачныя узы
італись незаконными. Внушается мысль, что бракъ есть таинство,
зровождающееся св. причастіемъ, устраняется воззрѣніе на супруже-
ія связи, какъ на гражданскую сдѣлку. Такъ какъ былъ распростра-
въ обычай заключать браки между малолѣтними, то соборъ установля-
ь возрастъ, дающій право церкви благословлять молодыхъ, а въ юные
ць ихъ разрѣшаетъ только сгатанье въ случаѣ большой необходи-
сти. Невѣста можетъ вступить въ бракъ только будучи 12 лѣтъ
ь роду, какъ предусмотрѣно и въ кодексѣ Юстиніана. Однако,
орачные браки при жизни первыхъ супруговъ, въ особенности среди
іти, продолжали господствовать въ грузинскомъ обществѣ, и соборъ
изналъ такіе браки незаконными.

Въ постановленія собора при царѣ Давидѣ Возобновителѣ вне-
ны всѣ пункты VI вселенскаго собора (680—682 г.), переве-
іные на грузинскій языкъ Златоустомъ св. Евѳиміемъ [1]). Въ по-
іновленіяхъ на армянъ распространяется взглядъ какъ на ерети-
:тво, и необходимо ихъ крещеніе по православному обряду въ слу-
ѣ заключенія брака между армяниномъ и грузиномъ, какъ требовалъ
вселенскій соборъ [2]).

Первое указаніе о Картлисъ-Цховреба относится ко времени
вида Возобновителя. Анализируя „Кар. Цх.", мы перейдемъ отъ па-
тниковъ назидательныхъ и историко-литературныхъ къ историческимъ.

Памятники историческіе.

До насъ дошло нѣсколько варіантовъ грузинской лѣтописи, из-
стной подъ именемъ „Картлисъ-Цховреба" (т. е. жизнь Картли,
нѣ Карталиніи, части Грузіи, заключенной между Имеретіей и Ка-
тіей, по теперешнему административному дѣленію, обнимающей
рійскій уѣздъ и часть Тифлисскаго). Изъ такихъ варіантовъ назо-
въ: Румянцевскій, царевича Теймураза, кн. Мингрельскаго, Цер-
ннаго музея, царицы Маріи [3]) и др. Свѣдѣніями о Румянцевскомъ ва-

[1]) *Вахушти*. Исторія, изд. Бакрадзе, стр. 140—3.

[2]) См. изслѣд. Н. Урбнели. *Иверія*. 1888. 38, 46, 47, 75, 270, 271.

[3]) См. *мою* ст. въ *Иверіи* (1890, № 216) о „Кар.-Цховр." Ивана Окро-
ндзе. Этотъ списокъ относится къ 1833 г. Онъ переписанъ въ г. Рязани
ю духовника Мингрельской царицы, Нины, и доведенъ до 1764 г. Извѣстна
е Гелатская лѣтопись, обнимающая періодъ съ 1873 до 1703 г. Она обра-
етъ главное вниманіе на исторію Имеретіи и Самцхе-Саатабаго. (*Иверія*,
87, № 193).

ріантѣ пользуюсь изъ своей работы, помѣщенной въ Трудахъ археол. съѣзда въ Москвѣ.

Румянцевская лѣтопись (268 листовъ) *царя Вахтани* принесена въ даръ грузинскимъ царевичемъ Таймуразомъ Георі чемъ его сіятельству канцлеру графу Николаю Петровичу Румяі въ 1821 г.

На второмъ ея листѣ читается воззваніе къ читателям имѣющееся въ напечатанной академикомъ Броссе Картлисъ-вреба.

„Къ свѣдѣнію читателей. „Картлисъ-Цховреба", собранна ремъ Вахтангомъ VI, который именовался царемъ Карталиніи, (части Грузіи. Воцарился онъ въ 1719 г. по Р. Х. и процарств(нѣсколько лѣтъ, немного лишь времени. Но такъ какъ въ его в произошло много волненій и измѣненій въ Грузіи, то онъ соста (сочинилъ) ее (лѣтопись), насколько онъ былъ въ силахъ, не бу въ состояніи вполнѣ ее изслѣдовать (собрать), ибо тогда не і найти древней „Картлисъ-Цховреба„ по причинѣ тревогъ и вол: (въ Грузіи").

На третьей страницѣ читается введеніе *въ книгу эту Карт Цховреба.* Почтенные именитые грузины, „Картлисъ-Цховреба" (' ея) съ теченіемъ времени въ Грузіи уменьшилось; царь Вахтанг сынъ Леона, племянникъ царя Георгія, созвалъ ученыхъ и соста ее на основаніи (историческихъ) записокъ, гуджаръ и свидѣтел на иностранныхъ языкахъ".

Отмѣтимъ разногласія печатнаго текста съ Румянц. вар.: п(передаетъ, что языкомъ картвеловъ былъ армянскій, а послѣ втор: различныхъ народностей въ Грузіи изъ смѣшенія ихъ языковъ об вался грузинскій языкъ [1]). Не говоря о невозможности созданія язык кимъ путемъ, издатель „Кар.-Цхов." академикъ Броссе, не усомнив въ достовѣрности происхожденія грузинскаго языка изъ смѣси ра ныхъ идіомовъ, не потрудился отмѣтить основное разночтеніе м имѣющимися у него варіантами „Кар.-Цховр." и армянской хрон(Дѣло въ томъ, что въ XI вѣкѣ въ царствованіе Давида Возобнові (1089—1125) грузинская хроника была переведена на армяі языкъ. Переводчикъ, есть основаніе думать, исказилъ оригина измѣнилъ его характеръ въ пользу армянъ. Къ числу этихъ иск женій относятся представленія о происхожденіи грузинскаго я и объ отношеніяхъ грузино-армянскихъ родоначальниковъ. Акаде

[1]) *Brosset.* Hist. d. l. Géorgie I, 31.

Броссе, открывъ грузинскую хронику, переведенную на армянскій языкъ, помѣстилъ ее во французскомъ переводѣ въ своемъ трудѣ „Additions et éclairsissements". Предпочтеніе, которое онъ оказывалъ этому переводу, привело его къ признанію странной исторіи грузинскаго языка. Три варіанта „Картлисъ - Цховреба" передавали какъ разъ противное свидѣтельству такъ называемой армянской хроники.

„Языкъ картлосіанъ, читаемъ мы въ Румянцевскомъ варіантѣ,— былъ до сихъ поръ (т. е. до вторженія народовъ) лишь грузинскій; но со времени появленія этихъ безчисленныхъ народовъ языкъ свой грузины исказили и сдѣлался онъ украшеннымъ" [1]). Это значитъ, что въ грузинскій языкъ, какъ и во всякіе, вошли слова изъ другихъ языковъ. Быть можетъ, въ двухъ другихъ варіантахъ почтенный ученый напалъ на внесенную въ печатный текстъ версію объ образованіи языка картвеловъ? Но онъ самъ дастъ свѣдѣнія, устраняющія наше предположеніе. Онъ заявляетъ, что въ его собственномъ варіантѣ мѣсто объ образованіи языка гласитъ противное тому, что напечаталъ на грузинскомъ и французскомъ языкахъ. Остается варіантъ лѣтописи царевича Парнаваза. Проф. Окромчедѣловъ-Серебряковъ имѣлъ случай свѣрить интересующее насъ мѣсто въ печатномъ текстѣ и варіантѣ царевича Парнаваза и опубликовалъ результаты этого сопоставленія въ грузинскомъ періодическомъ изданіи „Иверія" за 1887 г. Оказывается, что Парнавазовская „Картлисъ - Цховреба" повторяетъ буквально слова Румянцевскаго варіанта, только слово (украшенный) замѣнено (сложный), т. е. языкъ въ лексическомъ отношеніи дополнялся, осложнился.

Итакъ, всѣ три рукописи „Картлисъ-Цх.", которыми руководится акад. Броссе при печатаніи лѣтописи, отвергаютъ чтеніе печатнаго текста. Откуда же взялъ почтенный грузинологъ приведенную цитату касательно происхожденія грузинскаго языка? Единственнымъ источникомъ въ данномъ случаѣ можетъ быть названа армянская хроника. Дѣйствительно, послѣдняя передаетъ, что jusqu'alors les géorgiens faisaient *usage de la langue arménienne*, mais a cette époque la diversité des nations habitant au milieu d'eux amena des alterations qui firent un mélange de tous les idiomes et des cette fusion résulta la langue géorgienne actuelle [2]). До этого грузины говорили армянскимъ языкомъ, но подъ вліяніемъ сосѣднихъ народовъ и смѣшенія

---

[1]) Румянц. варіантъ, стр. 9. Это мѣсто писано тѣмъ почеркомъ, который отличается древнимъ характеромъ.

[2]) Chronique-Armén, p. 6.

всѣхъ ихъ языковъ образовался грузинскій языкъ! Это-то извѣстіе и внесено изъ армянской хроники въ грузинскую лѣтопись [1]) вопреки свидѣтельству всѣхъ ея варіантовъ. Къ числу такихъ произвольныхъ измѣненій переводчика слѣдуетъ отнести прежде всего возведеніе родоначальника армянъ Аоса на степень старшаго брата при Картлосѣ—эпонимѣ грузинъ. Картлосъ и Аосъ вмѣстѣ съ своими братьями, по словамъ грузинской лѣтописи, происходитъ въ четвертомъ поколѣніи отъ Ноя [2]). Вопросъ, кто былъ старше Аосъ или Картлосъ, важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что предпочтеніе, отдаваемое по напечатанному тексту „Кар.-Цх." миѳическому Аосу предъ миѳическимъ Картлосомъ, послужило однимъ изъ основаній для проф. Паткaнова попытаться доказать, что грузинская лѣтопись писана какимъ-то малограмотнымъ армяниномъ; иначе, говоритъ онъ, непонятно, какъ могъ грузинъ-авторъ унизить своего эпонима въ геройскихъ подвигахъ предъ Аосомъ.

По напечатанному ак. Броссе тексту грузинской лѣтописи, дѣйствительно, Аосъ старше Картлоса, первый является верховнымъ сюзереномъ надъ Картлосомъ и братьями его. Румянцевскій варіантъ даетъ совершенно неблагопріятное для Аоса чтеніе. „Раздѣлилъ Таргамосъ землю и народъ между восемью сыновьями героями, а Картлосу онъ далъ высшую власть (верховенство) надъ братьями". Есть еще другое мѣсто, дающее первую роль Картлосу: „Картлосъ былъ старше и сильнѣе другихъ (братьевъ); ему подчинялись братья его, какъ своему повелителю".

Выписанныя цитаты изъ Румянцевскаго варіанта согласуются опять съ другими манускриптами грузинской лѣтописи царевича Парнаваза и проф. Чубинова. Возникаетъ вопросъ, откуда заимствовалъ акад. Броссе чтеніе не въ пользу Картлоса? Пользующаяся его довѣріемъ армянская хроника сохранила это мѣсто въ томъ видѣ, въ какомъ появилось впослѣдствіи съ небольшой перефразой въ печати: il (Haic) posseda tous les limites ci-dessus, il était le prince de sept frères" [3]). Эта поправка варіантовъ грузинской лѣтописи на основаніи армянской хроники дала право проф. Патканову признать позднее происхожденіе „Кар.-Цх.", при чемъ онъ усмотрѣлъ въ ея составленіи армянское вліяніе. Вотъ почему я указываю на это раз-

[1]) „Кар.-Цх.", стр. 25.

[2]) Слѣды вліянія христіанства и Библіи. Стремленіе возводить къ библейскимъ родоначальникамъ происхожденіе народовъ извѣстно во многихъ лѣтописяхъ.

[3]) Chronique-Armén, p. 6.

тенie между печатнымъ текстомъ и рукописными варiантами грузской лѣтописи.

Не только Картлосъ ставится выше Аоса, но и во всѣхъ друхъ случаяхъ, когда приходится говорить объ армянахъ и грузинахъ мянцевскiй варiантъ предпочтительно называетъ картлосiановъ: „Упонемъ прежде всего о томъ, что грузины и армяне имѣли одного родителя Таргамоса" [1]).

Обращу вниманiе на описанiе румянц. варiанта, хранящемся въ переплетѣ. На поляхъ его встрѣчаются хорографическiя и хронологическiя замѣтки. Но насъ важенъ корониконъ 1709 г. Очевидно, что лѣтопись была переписана этого времени и читатель ея сдѣлалъ для себя примѣчанiе, которое относится 1709 г. Рукопись и приписка [мхедрули], представлены различными почерками мѣтку читателя никакъ нельзя считать датой окончанiя переписки „Кар.-цховреба". Броссе [2]), относя рукопись ко времени до 1709 г., вѣроятно, руководствовался этимъ примѣчанiемъ. Однако, есть одно мѣсто, которое противорѣчитъ такому заключенiю о времени переписки нашего памятника. На л. 84 чинемъ слѣд. приписку почеркомъ, одинаковымъ съ почеркомъ лѣтописи. Здѣсь ращаясь къ св. Петру (Мурванагу), житiе котораго внесено въ лѣтопись по споряженiю Вахтанга *царевича*, проситъ переписчикъ у святого заступничества за Вахтанга и семью его. Вахтангъ здѣсь именуется царевичемъ, а не ремъ; значитъ, приписка относится до восшествiя его на престолъ, т. е. до 11 года. Отъ 1703 до 1711 г. Вахтангъ былъ правителемъ Грузiи за время сутствiя царя Георгiя. Къ этому времени, т. е. до 1711 или лучше сказать 1709 г., когда сдѣлана была уже приписка другой рукой, относится переска лѣтописи. Мы опредѣляемъ эту эпоху въ предѣлахъ 1703—1709 г.

Рукопись кончается мѣстомъ, относящимся къ побѣдѣ, одержанй Бекой надъ турками при Вахтангѣ III, сынѣ Дмитрiя II, брата вида VI и Георгiя V (1301—7) [3]).

Изъ приписки, гласящей о Вахтангѣ, приходится заключить, что умянцевскiй варiантъ также прошелъ чрезъ редакцiю Вахтанга, корый внесъ житiе св. Петра. Поэтому едва ли можно поддерживать нѣнie Броссе и Бакрадзе, что варiантъ царевича Теймураза относится къ числу рукописей лѣтописей, не подвергшихся влiянiю царевича Вахтанга.

---

[1]) Hist. d. l. Géorgie, p. 15. Румянц. варiантъ. Другiя мѣста въ пользу предпочтенiя грузинъ, см. стр. 25, 26 и др.

[2]) См. у меня выше.

[3]) Вотъ его переводъ въ Hist. de la Géorgie: ..Acceptant ces propositions Beca amporta de Sper et Baberd des richesses immenses et s'en tourna victorieux. Les principaux de Carnoukalak étant venus aussi a sa rencontre avec des présents et du butin (I. 630).

Обратимся *къ лѣтописи царевича Теймураза.* Изъ приписокъ къ ней можно заключить, что она переписана въ XVIII в. до мученической кончины царя Арчила Леонтіемъ Мровели, трудъ котораго приглашается продолжать протоіерей Іоаннъ. Этотъ послѣдній лѣтописецъ, по предположенію (?) Жорданія (Хроники, стр. VIII), долженъ быть духовникъ царя Ираклія II и царицы Дареджаны, протоіерей при церкви св. Креста въ Тифлисѣ. Упоминаемый же въ припискѣ царь Александръ, г. Жорданія считаетъ внукомъ имеретинскаго царя Соломона I, именующаго себя царемъ въ изгнаніи, которому онъ подвергся распоряженіемъ царя Соломона II [1]). Въ Москвѣ онъ написалъ свою автобіографію въ 1807 г. Доказательствомъ поздняго происхожденія варіанта лѣтописи царевича Теймураза, вопреки ак. Броссе, считающаго его переписаннымъ ранѣе 1725 г., можетъ служить то обстоятельство, что царевичъ Вахушти не имѣлъ свѣдѣній, вскрывающихся въ этомъ варіантѣ и, слѣдовательно, ихъ не было въ тѣхъ спискахъ лѣтописи, которыми онъ располагалъ. Источниками, которые внесъ царевичъ Теймуразъ въ лѣтопись, послужили: извлеченіе изъ греческихъ писателей, сдѣланное Ефремомъ о просвѣщеніи Грузіи христіанствомъ, чудеса св. Шіо-Мгвимскаго, собранные католикосомъ Василіемъ, часть хроники Сумбата, мученіе св. Давида и Константина, гуджаръ царя Баграта IV, житіе свв. Евфимія и Георгія Мтацминдели. Можно даже думать, что въ варіантѣ царевича Теймураза внесены дополненія изъ лѣтописи царицы Маріи и Обращенія Грузіи, памятника IX—X в., найденнаго недавно, впрочемъ пользуясь послѣднимъ источникомъ не непосредственно, а чрезъ вторыя руки— изъ труда Арсенія католикоса, жившаго въ XI в.

О спискѣ *лѣтописи царицы Маріи* сообщаетъ свѣдѣнія Д. З. Бакрадзе [2]) Въ припискѣ къ ней читается: „Боже, спаси царицу Марію и первенца ея Отія". Отія былъ сынъ Маріи и Гуріеля Симона. Марія вышла замужъ за карталинскаго царя Роста въ 1636 г. Отія же умеръ, достовѣрно извѣстно, въ 1646 г., значитъ „Кар.-Цх." Маріи переписано между 1636—1646 гг., когда Вахтанга не было еще на свѣтѣ [3]).

---

[1]) Протоіереемъ Іоанномъ, извѣстнымъ каллиграфомъ переписаны „Готовое Слово" Антонія католикоса въ 1753 г. и Лавеакіонъ въ 1767 г.

[2]) Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи. Спб. 1887. стр. 15—20.

[3]) Привезенъ этотъ списокъ съ Давидо-Гареджійской пустыни, переписанъ съ древняго списка Мхетрули іеромонахомъ Германомъ. Этотъ переписчикъ жилъ въ началѣ XVIII в. считался близкимъ къ Вахтангу VI лицомъ, былъ игуменомъ Гареджійской пустыни и въ 1749 г. былъ раненъ лезгинами, какъ онъ

Тщательная провѣрка списка царицы Маріи съ существующими [списками] Картлисъ-Цховреба показала, что онъ составляетъ особый [ва]ріантъ, во многомъ существенно отступающій отъ варіанта Акаде[міи], который, какъ извѣстно, послужилъ Броссе основаніемъ его H. [de] la Géorgie. Все, что въ этомъ послѣднемъ составляетъ позд[нѣ]йшія, но до-вахтанговскія вставки или, вѣрнѣе, послѣдователь[ны]я наслоенія, все то не нашло мѣста въ варіантѣ Маріи. Указы[ва]емыхъ отступленій много; но остановимся на главнѣйшихъ изъ [ни]хъ. Въ помянутомъ спискѣ нѣтъ: 1) разсказа о пришествіи въ Гру[зі]ю для проповѣди апостола Андрея (см. Картл.-Цх. на груз., 40—[4]6; H. de la G. 54—61); 2) жизни Мурваноза или св. Петра (Кар.-[Ц]х., 102—105; H. de la G., 136—139); 3) жизни сирскихъ отцевъ [(К].-Цх., 151—159; H. de la G., 203—213). Разсказъ о жизни гру[з]инскихъ Багратидовъ, писанный нѣкіимъ Сумбатомъ, сыномъ Давида, [о] котораго сдѣланъ лишь намекъ въ припискѣ варіанта Академіи, [в]ъ варіантѣ Маріи составляетъ отдѣльную монографію, начинаю[щ]уюся съ VI в. и заканчивающуюся въ XI в. при царѣ Багратѣ IV, [то]гда какъ и въ варіантѣ Академіи, и въ другихъ спискахъ онъ [сли]тъ съ текстомъ Картлисъ - Цховреба и невозможно опредѣлить, [как]ія именно мѣста принадлежатъ Сумбату. Кромѣ того, въ варіантѣ [М]аріи нѣтъ свѣдѣній: о таоисскихъ Багратидахъ (К.-Цх., 193; H. de [la] G., 271—272); о католикосахъ при Степаносѣ II Таборѣ и Са[мо]елѣ и постановленія Константинопольскаго собора о привилегіяхъ [г]рузинскихъ каталикосовъ (К.-Цх. 171—172; H. de la G., 235—[23]6); о борьбѣ Давида Курапалата съ Склерюсомъ (К.-Цх., 206; H. [de] la G., 293); о каталикосахъ Свимонѣ и Мелкиседекѣ при Багратѣ [II]I (К.-Цх., 212—213; H. de G., 301—302), при Георгіи I (К.-Цх. [21]8; H. de G., 310) и Багратѣ IV (К.-Цх., 221—222; H. de G., [31]3—314). При этомъ нельзя не замѣтить, что всѣ упомянутые ка[та]ликосы, какъ и послѣдующіе: Окропиръ, Георгій и Гавріилъ, [из]вѣстны единственны по одному лишь варіанту Академіи [1]). Редакція [ца]рствованія Миріана и подробностей жизни св. Нины, какъ и цар[ст]вованія Вахтанга Гургаслана, не представляетъ въ варіантѣ Маріи [ос]обенныхъ отступленій отъ прочихъ списковъ Картлисъ-Цховреба.

Лѣтопись царицы Маріи, кн. Мингрельскаго и Церковнаго музея, [со]гласно останавливаются на царствованіи Георгія Блистательнаго

[...]ъ о себѣ дѣлаетъ приписку въ лѣтописи. 47 листовъ въ началѣ отводится [ск]азанію Ефрема о сотвореніи міра, а съ 48 л. начинается повѣствованіе лѣ[то]писца. Почеркъ „мхедрули“.

[1]) Voyage archéol., 4 Rapp., 5.

(† 1348). Такимъ образомъ, оправдываются слова царевича Вахушти, заявляющаго, что до Георгія Блист. была написана „Картлисъ-Цховреба“, а продолженіе ея было составлено по приказанію царя Вахтанга VI. Первую часть лѣтописи, вѣроятно, имѣетъ въ виду царевичъ Теймуразъ въ своей „Исторіи Иверіи“, когда говоритъ „о древнихъ“ спискахъ „Картлисъ-Цховреба“. Но всѣ вышеназванные варіанты отличаются отъ лѣтописи царицы Маріи, въ особенности же замѣтную разность въ повѣствованіи дастъ варіантъ „К.-Цх.“ ц. Теймураза, который, повидимому дополнилъ древній списокъ свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ и кое-гдѣ допустилъ анахронизмы. Однимъ изъ такихъ источниковъ могло быть житія святыхъ и хроника Сумбата „Обращеніе Грузіи“.

„Обращеніе Грузіи“, найденное недавно въ Шатбердскомъ сборникѣ X в., переписано инокомъ Іоанномъ, дѣлится на двѣ части: въ первой кратко повѣствуется о событіяхъ въ Грузіи со времени вступленія Александра М. [1]) въ предѣлы Кавказа до X в., причемъ главное вни-

[1]) Въ грузинской лѣтописи сохранилось извѣстіе о пребываніи въ Грузіи Александра Македонскаго. Для оправданія ея показанія покойный Бакрадзе обращался къ „Духу законовъ“ *Монтескье*, который въ своемъ политическомъ трактатѣ говоритъ нѣсколько словъ о возможности завоеванія Грузіи Александромъ Великимъ. Подкрѣпленное и знаменитымъ мыслителемъ, свидѣтельство „Картлисъ-Цховреба“ все же представлялось намъ подлежащимъ сомнѣнію. Недавно появилось изслѣдованіе Франца Шварца, [„Alexander d. Gros. Feldzüge in Turkestan“. München. 1893.] посвященное походу Александра В. въ Туркестанъ. Авторъ съ добросовѣстностью нѣмецкаго ученаго привлекъ для освѣщенія изучаемаго вопроса историковъ Арріана и Курція Руфа, подтвердилъ ихъ показанія личнымъ осмотромъ Туркестана и его окрестностей. Между прочимъ, касаясь того мѣста Арріана, въ которомъ послѣдній увѣряетъ, что Александръ по пути изъ Кабула въ Кундъ переѣзжалъ Кавказъ, и предполагаетъ, что истоки Оксуса и Яксарта находятся на Кавказѣ, г. Шварцъ по анализу приходитъ къ основательному выводу, что греки всю центральную горную систему Азіи отъ Тянь-Шаня, Алая, Трансалая, Памира и Гиндукуша обозначали именемъ „Кавказъ“. Такое перенесеніе названія „Кавказъ“ въ Азію встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, легенда о пребываніи Александра Великаго въ Грузіи объясняется неправильнымъ употребленіемъ греческими авторами географическаго термина. Приводимъ все мѣсто, касающееся нашего вопроса въ подлинныхъ словахъ автора: „Der Umstand, dass nach Arrian Alexander auf Seinem Wege von Kabul nac Kundus den Kaukasus überschreitet und das die Quelleu des Oxus und später auch die des Jaxartes als im Kaukasus Ciegend angegeben werden, beweist, dass die Griechen das ganze Central-Asiatische aus Tjanschāu, Alai, Tran-Alai, Pamir und Hindukusch bestehende Gebirgssystem mit dem Namen Kaukasus bezeichneten.

іе обращено на проповѣдь христіанства св. Ниной, вторая часть дена житію просвѣтительницы Грузіи, переданному со словъ са- блаженной дѣвы и другихъ лицъ. Связь между этими частями ма слабая, а иногда свѣдѣнія въ нихъ сообщаемыя разнорѣчивы, ъ въ I ч. Нина именуется плѣнницей, а во второй дочерью За- она изъ Колистена. Преимущественное вниманіе, оказываемое ращеніемъ" событіямъ религіозной жизни, даетъ поводъ думать, оно представляетъ „Церковную хронику", которой впослѣдствіи ьзовались лѣтописцы наравнѣ съ другими свѣдѣніями. Можно намѣ- ь тотъ кругъ отдѣльныхъ источниковъ, которые легли въ основа- „К.-Цх." до конца царствованія царицы Тамары. Въ лѣтописи рываются точныя указанія, что она писалась „изъ году въ годъ", тепенно на основаніи различныхъ письменныхъ памятниковъ, а нно: 1) до вступленія въ Грузію Александра М. въ лѣтописи по- твуется по „Небротіани"[1]). Время господства Александра М., ствованіе Азо, Фарнаваза и аршакунидской династіи (съ I в. до Р. Х. V в. по Р. Х.) разсказано по другимъ источникамъ; 3) эпоха Миріана освѣщеніе Грузіи христіанствомъ воспроизведена по хроникѣ „Обра- іе"; въ „К.-Цх." вошли еще: 4) Жизнь Вахтанга Горгаслана, подвиги раго носятъ легендарный характеръ; 5) исторія Джваншера, повѣ- ющая со времени Вахтанга Г. „до Арчила", т. е. 200 лѣтній одъ; 6) житье св. Арчила мученика, описанное Леонтіемъ Мро- ; 6) Нашествіе арабовъ описано неизвѣстнымъ намъ современи- ъ; 7) Царствованія Баграта IV (1014—1072), Давида Возобнови- и царицы Тамары имѣли своихъ историковъ, написавшихъ въ ь побѣдоносныхъ владыкъ похвальныя, восторженныя повѣство- . Нѣкоторые изъ этихъ авторовъ пользуются иностранными со- ніями, библейскими свѣдѣніями, предшествовавшими замѣтками уджарахъ, сигелехъ и церковныхъ книгахъ. Такъ, называется при атѣ IV „Книга праотцевъ съ Адама до пришествія Христа". идно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ одной изъ греческихъ хроникъ[2]). минаются также „книги персидскія и армянскія", „Картлисъ-Цхо- а" дзвели („древняя"), „Обращеніе Грузіи" и др.

Житіе св. Нины составляетъ вторую часть „Обращенія Грузіи". „Обращеніе іи", какъ источникъ, упоминается въ Картлисъ-Цховреба, но до настоящаго ени оно не было непосредственно извѣстно. Поэтому новому памятнику

---

[1]) См. объ этой книгѣ у *Жорданія*. Хроника и стр. 7—10.

[2]) Извѣстенъ грузинскій переводъ Хронографа Георгія-монаха См. у меня , стр. 119.

первымъ грузинскимъ царемъ считается не Фарнавазъ, а Аранъ, вторымъ Азо, сынъ Арана, а третьимъ Фарнавазъ. *„Обращеніе Грузіи“* не упоминаетъ о проповѣди христіанства въ Грузіи апостоломъ Андреемъ [1]). Страданіе І. Христа относитъ не къ царствованію Адерка („Рока“), а ко времени царя Аназіери. Въ лѣтописи царя Теймураза указывается авторъ „Обращенія“: „страданіе св. Арчила (VIII в.), жизнь царей и „Обращеніе Грузіи“ Ниной, написалъ Леонтій Мровели, а теперь будетъ его продолжать протоіерей Іоаннъ“. Новый варіантъ житія св. Нины дѣлится на 14 главъ, начиная счетъ съ IV главы, которой предшествуетъ повѣствованіе о томъ, когда и кѣмъ было написано житіе св. Нины; въ прежнихъ памятникахъ мы не находимъ такого дѣленія на главы. Разсказъ, приведенный въ прежнихъ житіяхъ подъ однимъ заглавіемъ, здѣсь дробится на нѣсколько главъ и обратно соединяется подъ одну рубрику нѣсколько главъ. Разсказъ о житіи св. Нины въ прежнихъ варіантахъ ведется отъ третьяго лица, а въ новомъ варіантѣ сама просвѣтительница передаетъ свѣдѣнія о себѣ и о своихъ родителяхъ. Статьи—письмо св. Нины предъ смертью, отправленное изъ Кахетія къ царю Миріану, поиски для кесаря супруги и мученіе спутницъ св. Нины Тердатомъ, армянскимъ царемъ, вовсе не имѣются въ новомъ житіи. Хронологическія даты „Обращенія Грузіи“ несогласны съ показаніями прежнихъ варіантовъ. Въ „Обращеніи Грузіи“ есть лишнія статьи: введеніе—о житіи св. Нины, нѣсколько свѣдѣній изъ разсказа о Воздвиженіи Креста, письмо царя Миріана, написанное предъ смертью.

„Обращеніе Грузіи“ доведено до IX в., и, какъ слѣдуетъ заключить изъ вышесказаннаго, древняя его часть составлена не позже VII в. Оно представляетъ сводъ отдѣльныхъ сказаній, приписываемыхъ Саломе Уджармоели, священнику Абіатару, женѣ Сидоніи и архіеп. Іоакову.

Такимъ образомъ, *Новый варіантъ житія св. Нины* долженъ считаться самымъ древнимъ, ибо до сихъ поръ извѣстныя рукописи о просвѣтительницѣ Грузіи не восходятъ далѣе X вѣка. Въ грузинскомъ манускриптѣ житія святыхъ, принадлежащемъ Академіи Наукъ, въ концѣ житія св. Іоанна Зедазнійскаго читается, что католикосъ Арсеній по прошествіи 404 лѣтъ послѣ прихода въ Грузію 13 сирійскихъ отцевъ, собралъ свѣдѣнія о нихъ, руководствуясь древними книгами и сказаніями народа. Сирійскіе отцы прибыли въ Грузію въ царствованіе Фарсмана VI (542—557) и, прибавивъ ко времени его правленія Грузіей вышеприведенный годъ, получимъ X вѣкъ, съ которому и должно быть отнесено составленіе житій святыхъ грузинской церкви Арсеніемъ католикосомъ. Этотъ же католикосъ Арсеній называется авторомъ варіанта *Житій святыхъ* хранящихся въ Моск. Архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Подобно катол. Арсенію

[1]) Въ предисловіи къ постановленіямъ Собора при Давидѣ Возобновителѣ (1089—1125), говорится, что христіанство стало распространяться въ Грузіи со времени апостоловъ, а именно съ апост. Андрея, но скоро грузины опять обратились къ многобожію до проповѣдыванія ученія Христа св. Ниной.

тія святыхъ грузинской церкви дополняли и пріукрашивали въ VIII в. тол. Виссаріонъ и катол. Арсеній I. Источникомъ для дополненія Арсенія каливеса послужилъ, какъ видно, нынѣ напечатанный *Новый варіантъ житія Нины*. Нужно прибавить еще, что онъ пользовался также устной традиціей армянскимъ историкомъ Агаѳангеломъ въ той части своего труда, которая касается армянскихъ святыхъ.

До насъ дошла еще хроника грузинская (Armén. Chronique), переведенная на армянскій языкъ въ XII в., согласная съ повѣствованіемъ католик. Арсенія о просвѣтительницѣ Грузіи. Св. Нина здѣсь въ первомъ лицѣ, также какъ въ Новомъ варіантѣ, разсказываетъ о себѣ, отвѣчая на вопросъ царицы Soghomoni.

Сравненіе грузинскаго текста „Кар.-Цх." съ грузинскою же хроникою, переведенною въ 1125 г. на армянскій языкъ, свидѣтельствуетъ, что наша лѣтопись, уже названная армянскимъ переводчикомъ „*Картлисъ:Цховребой*, имѣла въ XII в. тотъ видъ, въ какомъ она существуетъ въ печатномъ изданіи Броссе и Чубинова, безъ тѣхъ дополненій, которыя внесены были, какъ мы говорили, изъ другихъ источниковъ въ еще рукописные варіанты грузинской лѣтописи. Грузинская хроника, переведенная на армянскій языкъ, доведена до смерти царя Возобновителя.

Въ различныхъ провинціяхъ Грузіи велись свои мѣстныя хроники: Абхазская, Мингрельская (Дадіановская), Месхійская, Имеретинская и др. Помимо этихъ историческихъ памятниковъ дошли до насъ хронографы. Въ составъ „Кар.-Цх." царицы Маріи вошли отрывки изъ греческихъ. Такъ, въ лѣтописи вскрывается „Сказаніе отца нашего Ефрема о сотвореніи неба и земли и Адама и его погребеніе въ Голгоѳѣ, объ измѣненіяхъ рода человѣческаго и патріархахъ съ Адама до І. Христа".

Сказаніе начинается повѣствованіемъ о сотвореніи міра видимаго. Въ 1 день Господь сотворилъ небо холодное и теплое. Духъ святый носился надъ водою, прикрывая ее, какъ птица согрѣваетъ яйца крыльями. Во 2-й день Господь отдѣлилъ воду отъ суши. Въ третій день велѣлъ землѣ произрасти растенія...

За этой главой слѣдуетъ разсказъ о рожденіи Каина и другихъ дѣтей Адама. Каинъ женился на сестрѣ своей на Каламанѣ, а Авель на прекраснѣйшей Ліудѣ. (См. *у меня* въ I кн. „Очерковъ", стр. 358, объ этомъ сказаніи Ефрема). Умеръ Адамъ 30 марта, въ пятницу, въ 9-мъ часу, на 15 день луны, въ тотъ же день и часъ, въ какой предалъ духъ свой Спаситель.

Перечисленіе патріарховъ израильскихъ, вступленіе евреевъ въ Египетъ и возвращеніе въ Ханаанскую землю при Моисеѣ, времена

судей и царствъ имѣютъ продолженіе въ исторіи Ассиріи (Нимвродъ), Римской имперіи (Августъ, Тиверій и др.).

Отдѣльно также сохранились хронографы въ Обществѣ распростр. грам. среди грузинъ, такова поступившая рукопись отъ кн. Гр. Церетели, подъ № 314, на сѣрой бумагѣ, in 4° почеркъ мхедрули. „Краткое повѣствованіе съ сотворенія міра до воцаренія Константина Палеолога, послѣдняго греческаго императора". Сюда вошли помимо ветхозавѣтныхъ разсказовъ, исторія Персіи, Греціи (Македоніи), Рима, Византіи, Турціи. Другой хронографъ въ томъ же Обществѣ, подъ № 125, in 4°, конца XVIII в. нѣсколько сокращеннѣе предыдущаго, содержаніе и порядокъ статей тѣ же, оглавленія нѣтъ. Третій хронографъ, составленный въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, поступилъ въ Общество (№ 368) изъ библіотеки кн. Гр. Церетели. Въ эту рукопись вошла и исторія русской земли.

Въ двухъ первыхъ хронографахъ сохранилось „Сказаніе Епифанія Кипрскаго о камняхъ". (См. у меня дальше). На основаніи приведенныхъ свѣдѣній о грузинскихъ историческихъ памятникахъ попытаемся сдѣлать анализъ лѣтописи, извѣстной подъ именемъ „Картлисъ-Цховреба" [1]).

Составъ и источники начальной грузинской лѣтописи.

Со времени появленія статьи профессора К. П. Патканова о древней грузинской хроникѣ довѣріе въ грузинской лѣтописи, извѣстной подъ именемъ лѣтописи царя Вахтанга VI, поколебалось; нѣкоторые изъ изслѣдователей Кавказа признали даже не подлежащимъ сомнѣнію мнѣніе покойнаго армениста о позднемъ происхожденіи грузинской хроники, представляющей будто бы „неудачную компиляцію", составленную малограмотнымъ армяниномъ въ XII вѣкѣ [2]). Приговоръ, произнесенный проф. Паткановымъ, представляетъ лишь повтореніе мысли, высказанной еще пресловутымъ скептикомъ барономъ Брамбеусомъ (Сенковскимъ) и воспроизведенной также въ распространенномъ въ 40-хъ годахъ Энциклопедическомъ словарѣ. Тотъ самый Сенковскій, который „Слово о полку Игоревѣ" отодвигалъ къ XVII вѣку, считая его ученическимъ упражненіемъ на заданную тему по піитикѣ, упорно настаивалъ, что у грузинъ не могло быть никакой письменности до XII вѣка, на томъ основаніи, что будто къ

[1]) Моя ст. въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1892 г., сентябрь.

[2]) О древней грузинской хроникѣ, статья проф. *Патканова* (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1883 г., декабрь).

ому только времени они успѣли спуститься на равнину съ дикихъ елій Кавказскаго хребта [1]). Такимъ образомъ, профессоръ Патка-въ явился поборникомъ отрицательнаго взгляда Сенковскаго на гру-искую лѣтопись, первыя записи которой оба согласно относятъ къ I вѣку. Но грузинская лѣтопись „Картлисъ-Цховреба“ имѣетъ и вестныхъ защитниковъ. За достовѣрность ея стоятъ Вивіенъ Сенъ-ртенъ, академикъ Броссе, грузинологъ Бакрадзе [2]), который еще и жизни профессора Патканова возражалъ ему по поводу отрица-льнаго его отношенія къ грузинской лѣтописи. Однако, мнѣніе о артлисъ-Цховреба“, какъ о „мутномъ источникѣ“, очень укрѣпилось литературѣ, быть можетъ, потому, что лицами незнакомыми съ иными вопроса, отрицательные взгляды усвоиваются охотнѣе, чѣмъ ложительные.

Мнѣніе о позднемъ происхожденія грузинской лѣтописи держится одномъ крупномъ недоразумѣніи. „Картлисъ-Цховреба“ дѣлится на ѣ неравномѣрныя части: первая изъ нихъ заканчивается временемъ ря Георгія Блистательнаго въ началѣ XIV вѣка, вторая же ка-ется событій послѣдующей жизни Грузіи. Первая часть, судя по вамъ историка Вахушти, была составлена по приказанію царя хтанга VI, а вторая предпринята и исполнена самимъ Вахушти, торый, впрочемъ, внесъ свои поправки, съ цѣлью устраненія про-орѣчій, и въ предыдущую часть, обозначаемую именемъ Вахтанга. имъ образомъ, грузинскіе анналы представляютъ прежде всего диненіе двухъ равновременно составленныхъ историческихъ сочи-ій. Почему же, въ такомъ случаѣ, вся грузинская лѣтопись при-ывается царю Вахтангу? Дѣло въ томъ, что нѣкоторые списки ртлисъ-Цховреба“ открываются замѣткой, гласящей, что грузинскій ь Вахтангъ VI, найдя хронику обезображенной, созвалъ свѣду-хъ лицъ и при ихъ содѣйствіи свѣрилъ ее съ отдѣльными хрони-и Грузіи, хартіями Мцхета, Гелати и другихъ монастырей, какъ но и княжескихъ родовъ, исправилъ ее и пополнилъ извлеченіями исторій армянскихъ и персидскихъ. Эта замѣтка, принадлежащая обрѣтательности царевича Теймураза, автора „Исторіи Иверіи“ [3])

---

[1]) „Нѣкоторыя сомнѣнія касательно исторіи Грузіи“. (*Библіотека для* *чтенія*, 1838 г., стр. 151—178).

[2]) *V. Saint-Martin*, Recherches sur les populations du Caucase, p. 53, 72. *Dubois de Montpereux*, Voyage autour de Caucase, II, 25—28. *Ба-радзе*, Исторія Грузіи. Тифлисъ. 1889. стр. 50—52.

[3]) Самъ царевичъ различаетъ древнія (дзвели) „Кар.-Цх.“ отъ позднѣй-шихъ (*Исторія*, стр. 83).

(С.-Пб., 1848 г.), и впослѣдствіи вставленная вмѣстѣ съ начальнымъ листомъ въ экземпляры старой лѣтописи Академіи Наукъ и Румянцевскаго музея [1]), укрѣпила ложное мнѣніе, что „Картлисъ Цховреба", которую мы нынѣ имѣемъ въ печати, есть хроника, исправленная или даже составленная Вахтангомъ VI въ XVIII вѣкѣ. Но такое мнѣніе о происхожденіи грузинской лѣтописи легко устраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что намъ извѣстенъ варіантъ лѣтописи, переписанный для царицы Маріи между 1636—1646 г. [2]), то-есть, когда Вахтанга VI еще не было на свѣтѣ. Лѣтопись царицы Маріи доведена до смерти Георгія Блистательнаго (1342 г.), конечный пунктъ, къ которому восходятъ еще два варіанта груз. лѣтописи цар. Теймураза и кн. Мингрельскаго. Сюда же можно причислить и „Кар.-Цх." Церков. музея. Сравнивая между собою эти различные варіанты „Картлисъ-Цховреба", вполнѣ можно заключить, что участіе царя Вахтанга VI въ составленіи лѣтописи въ тѣхъ манускриптахъ, которые прошли черезъ его редакцію, ограничивается вставками и нѣкоторыми наслоеніями, неизвѣстными въ спискѣ царицы Маріи. Итакъ, фактъ существованія грузинской лѣтописи до Вахтанга засвидѣтельствованъ: 1) словами историка Вахушти, приписывающаго Вахтангу лишь инициативу приведенія въ извѣстность историческихъ записей перваго періода, до Георгія Блистательнаго и 2) варіантовъ грузинской лѣтописи царицы Маріи, существенно сходнымъ съ исправленными царемъ Вахтангомъ списками „Картлисъ-Цховреба". При этихъ данныхъ нужно еще указать, что одинъ гуджаръ Бичвинтскаго храма приводитъ въ спискѣ книгъ католикоса Евѳимія и „Кар.-Цховр." А такъ какъ этотъ католикосъ правилъ Западной Грузіей въ 1570—1605 гг., то отсюда слѣдуетъ, что „Кар.-Цх." была написана до 1605 г., т. е. ранѣе царя Вахтанга VI. Одинъ актъ 1546 г. изъ церков. музея называетъ также „Кар.-Цх." (*Жорданія*, Хроники... стр. 5). Стефаносу Орбеліани, армянскому писателю XIII в. [3]) извѣстна груз. лѣтопись подъ именемъ „Кар. Цховреба".

Первая часть „Картлисъ-Цховреба", о времени до XIV вѣка возбуждала преувеличенное недовѣріе въ изслѣдователяхъ отрицатель-

---

[1]) *Броссе.* „Картлисъ-Цховреба", грузинскій текстъ, стр. 15, прим. 1. Мой докладъ на VIII археологическомъ съѣздѣ „Грузинскія рукописи Румянцевскаго музея". См. выше стр. 130.

[2]) *Бакрадзе.* Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи. С.-Пб., 1887 г. стр. 15—16.

[3]) *Патканов*ъ. Библіогр. очеркъ армянской историч. литературы. Спб 1880 г.

наго направленія. Скептицизмъ этотъ обусловливался мнимымъ отсутствіемъ историческихъ памятниковъ ранѣе XII вѣка. Но къ этому времени относится переводъ на армянскій языкъ не дошедшей до насъ грузинской лѣтописи, помѣщенной у академика Броссе въ „Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie“ подъ именемъ „Chronique Arménienne“ [1]). Въ настоящее время мы имѣемъ возможность указать на еще болѣе раннія историческія сочиненія, вошедшія впослѣдствіи въ „Картлисъ-Цховреба“, и вообще разложить лѣтопись на составныя ея части, выдѣлить изъ нея отдѣльныя хроники, сказанія очевидцевъ. [Подъ 1187 г. въ хроникѣ Дадіани, напримѣръ, читаемъ: выпалъ большой снѣгъ]; жизнеописанія святыхъ царей и именитыхъ дѣятелей. Итакъ, какіе источники были у автора начальной грузинской лѣтописи? Въ 1890 г. въ Тифлисѣ изданы были г. Такайшвили два чрезвычайно важныхъ историческихъ документа, проливающіе совершенно новый свѣтъ на древнюю исторію Грузіи; это *Три хроники* и *Новый варіантъ житія св. Нины*. Первый памятникъ интересенъ еще въ томъ отношеніи, что одно изъ его сказаній, именно „Обращеніе Грузіи“ [2]), является самымъ древнимъ, донынѣ извѣстнымъ въ печати, историческимъ источникомъ. „Три хроники“ заключаютъ въ себѣ, кромѣ сказанія объ обращеніи Грузіи, Хронику Сумбата и Хронику Месхійскую. „Обращеніе Грузіи“, какъ источникъ, называетъ еще „Картлисъ-Цховреба“, но непосредственно впервые оно открыто въ 1889 году въ такъ называемомъ Шатбердскомъ сборникѣ [3]). Хотя „сборникъ“, переписанный въ Шатбердскомъ

[1]) Въ 1841 г. архіеп. Карапетъ въ Тифлисѣ, открылъ неполную рукопись „Грузинскую исторію“ съ древнѣйшихъ временъ до смерти Давида Возобн. (1125), которую Пл. Іосселіани и Броссе поспѣшили приписать Гевонду, историку IX—X вв. Открытіе этого памятника, почти совпало съ находкой (?) однимъ венеціанскимъ мхитаристомъ такой же грузинской исторіи. Въ маѣ 1831 г. Lavaillant de Florival, проф. армянскаго яз. въ Парижѣ, сообщилъ въ Journal Asiatique объ этой рукописи груз. исторія по даннымъ Гавр. Айвазовскаго. Броссе свѣрилъ оба эти списка въ Венеціи въ 1845 г. и нашелъ, что венеціанская рукопись снята была съ „Грузинской исторіи“, открытой и доставленной въ СПб. Академію арх. Карапетомъ. Такимъ образомъ, говоритъ Броссе: „le manuscrit de Venise et le mien sont unum et idem“. *Introduction*, XVII—XVIII.

[2]) „Обращеніе Грузіи“ и „Новый варіантъ житія св. Нины“ составляютъ въ сборникѣ одно цѣлое, раздѣленное самимъ издателемъ на двѣ части съ двумя названіями.

[3]) „Шатбердскій сборникъ“ писанъ уставнымъ „хуцури“ (церковный алфавитъ) съ 1 до 256 стр., а съ 256 до 281 пополамъ съ мелкимъ „хуцури“.

монастырѣ, по мнѣнію покойнаго Бакрадзе, доведенъ переписчикомъ его, инокомъ Іоанномъ, до IX вѣка, по „Обращеніе Грузіи", нашедшее мѣсто въ разнообразномъ по содержанію сборникѣ, относится къ VII вѣку, ко времени Стефаноса II (639—663). Это предположеніе основывается на томъ соображеніи, что до этого царя хроника приводитъ нѣкоторыя важныя историческія событія, а съ VII до IX вѣка (Гварама, Эристава, Эриставовъ) представленъ лишь сухой перечень эриставовъ, вѣроятно, присоединенный къ древней части „Обращенія", спустя два вѣка послѣ его составленія. „Обращеніе Грузіи" вмѣстѣ съ „Новымъ варіантомъ житія св. Нины" представляетъ одинъ изъ тѣхъ источниковъ, которые легли въ основаніе грузинской лѣтописи. При сличеніи этихъ вновь открытыхъ памятниковъ съ печатнымъ текстомъ „Картлисъ-Цховреба", становится очевиднымъ фактъ прямаго заимствованія составителемъ лѣтописи изъ „Житія св. Нины" главы о хитонѣ Господнемъ, принесенномъ изъ Іерусалима во Мцхетъ евреемъ Эліозомъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ теперь возможность назвать одинъ изъ важныхъ источниковъ начальной грузинской лѣтописи, хорошо извѣстный ея составителю, судя по ссылкѣ на этотъ памятникъ [1]). Вторымъ источникомъ для составителя грузинской лѣтописи служила Хроника Сумбата. Грузинская лѣтопись ее называетъ [2]), но до открытія варіанта „Картлисъ-Цховреба" царицы Маріи мы не могли опредѣлить, что принадлежало Сумбату. Въ лѣтописи царицы Маріи эта хроника выдѣлена въ особую главу, а въ „Картлисъ-Цховреба", прошедшей черезъ редакцію царя Вахтанга Хроника Сумбата, разбита на части и внесена разрозненно въ различныхъ мѣстахъ. Теперь, когда Хроника Сумбата стала извѣстна въ полномъ своемъ видѣ, легко собрать разбросанныя ея части въ печатномъ текстѣ „Картлисъ-Цховреба", исправленной и дополненной царемъ Вахтангомъ.

Мы можемъ съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ назвать авторовъ „Обращенія Грузіи" и „Хроники Сумбата". Въ варіантѣ лѣтописи, при-

---

Переписчикъ его—инокъ Іоаннъ (Иванэ), жившій въ IX—X вв. Содержаніе сборника крайне разнообразно. Нѣкоторое знакомство съ нимъ можетъ дать моя замѣтка въ XII книжкѣ *Этнографическаго Обозрѣнія.*

[1]) „Картлисъ-Цховреба". стр. 31—41: „какъ объ этомъ писано въ Обращеніи Грузіи".

[2]) Цѣлая глава о Багратидахъ приписывается въ лѣтописи этому Сумбату: „Жизнь и свѣдѣнія о царяхъ нашихъ Багратидахъ, откуда они прибыли въ эту страну (то-есть, въ Грузію) и съ какихъ временъ царствуютъ въ Картли, описанныя Сумбатомъ, сыномъ Давида". („Картлисъ-Цховреба", грузинскій текстъ, т. I. стр. 161, прим. 3).

адлежащей царевичу Теймуразу, упоминается, что „Обращеніе Гру- и Ниной“ написалъ Леонтій Мровели [1]), описывающій страданіе в. Арчила (VII—VIII в). Имя составителя Хроники Сумбата вскры- ется въ самомъ памятникѣ: его авторъ „Сумбатъ, Эрисговъ Эри- овъ, мужъ праведный, сынъ Давида Мампали (правителя) изъ ртанужи“ [2]). Хроника Сумбата обнимаетъ время съ VI до XI вѣка о Баграта IV, царствовавшаго съ 1027 до 1072 г.). Третій источ- икъ начальной грузинской лѣтописи, часто ею называемый,—„Книги ерсидскія и армянскія“. При сличеніи „Новаго варіанта житія св. ины“ съ лѣтописными о просвѣтительницѣ Грузіи извѣстіями обна- живается, что составитель „Картлисъ-Цховреба“ пользовался „армян- ою книгой“, историкомъ Агаѳангеломъ, въ той части хроники, ко- рая касается армянскихъ святыхъ Рипсиміи и Гаіаны. Повѣствованіе ого армянскаго писателя IV вѣка, издревле переведенное на гру- нскій языкъ [3]), послужило источникомъ подробнаго разказа о муче- ической кончинѣ свв. дѣвъ армянскихъ, извѣстнаго намъ лишь по аріантамъ „Картлисъ-Цховреба“. Изъ исторіи греческаго писателя, еодорита, заимствована и внесена въ лѣтопись глава о просвѣщеніи рузіи христіанствомъ [4]). Изъ персидскихъ источниковъ въ началь- ой лѣтописи замѣтны слѣды Небротіани и сказаній изъ Шахъ- аме, вѣроятно, распространившихся въ Грузіи устно, до ихъ обра- тки Фирдоуси. Если теперь для насъ стало возможнымъ выдѣлить ъ грузинской лѣтописи названные выше ея источники, благо- аря тому, что они открыты въ первоначальномъ непосредствен- омъ видѣ, то другіе памятники, легшіе въ основаніе лѣтописи, пока дутъ счастливаго случая выйти на свѣтъ. Мы до сихъ поръ е въ состояніи опредѣлить, что собственно принадлежитъ Джван- еру, протоіерею Іоанну и другимъ хроникерамъ, упоминаемымъ лѣ- описью. Вліяніе же ихъ записей при составленіи древней части хро- ики не подлежитъ сомнѣнію.

Въ началѣ царствованія Іоанна въ VIII вѣкѣ читается въ лѣто- иси слѣдующая замѣтка: „эта Картлисъ-Цховреба до сихъ поръ пи- алась отъ времени до времени, отъ Вахтанга (446—499) до царя

[1]) *Картлисъ-Цховреба*, I, стр. 181. *Brosset*, Histoire de la Géorgie, I, 53, п. I.

[2]) Хроника Сумбата, стр. 64. Ср. *Бакрадзе*, Исторія Грузіи, Тифлисъ, 889, стр. 55.

[3]) Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности, *А. Цагарели*, С.-Пб., 886 г. Вып. 1-й, стр. 7.

[4]) См. у *меня* Источники по введ. христ—ва въ Грузіи.

Іоанна (713—786) описана Джваншеромъ [1]) Джваншеріани, з
царя Арчила, и послѣ потомки пусть опишутъ (дѣянія) по обсто
ствамъ и умѣнью". Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „это мученіе А
описалъ Леонтій Мровели, а теперь (дальше) пишетъ прото
Іоаннъ". Упоминается еще лѣтопись Маэжана при царѣ Миріа
Мнѣ представляется возможнымъ сдѣлать изъ этихъ замѣтокъ
ключеніе, что „Картлисъ-Цховреба" является лѣтописнымъ св
извѣстій, восходящихъ къ различнымъ эпохамъ и составленныхъ
основаніи показаній очевидцевъ, имена которыхъ вскрываются в
тописи. Поэтому можно говорить о грузинской лѣтописи, въ на
щемъ ея видѣ, какъ о памятникѣ болѣе позднемъ, но все же
шествующемъ Вахтангу VI, ибо варіантъ царицы Маріи, переписа
въ 1636—1646 г., подкрѣпляетъ мысль, что ученому царю прин
жатъ лишь дополненія изъ различныхъ, частью и выше помянен
ныхъ, источниковъ и исправленія явно неточныхъ мѣстъ древней
зинской хроники [3]). Сравненіе различныхъ варіантовъ „Картлисъ-Ц
реба", прошедшихъ черезъ редакцію Вахтанга и не подвергшихс
вліянію, свидѣтельствуетъ, что грузинская лѣтопись въ томъ вид
какомъ она существуетъ, представляетъ компиляцію, составле
еще до Вахтанга VI, на основаніи историческихъ документовъ,
которыхъ мы можемъ выдѣлить *Обращеніе Грузіи*, *Хронику
бата*, *Исторію Агавангела* [*см. Жорданія XXXIII*]. Но мы им
указанія на цѣлый рядъ источниковъ, называемыхъ лѣтописью и
еще не открытыхъ независимо отъ нея, въ полномъ и непосредствен
своемъ видѣ. Мы находимся въ недоумѣніи, что приписать Мро
Іоанну и другимъ авторамъ извѣстій, вошедшихъ въ лѣтопись. Т
въ исторіи царя Давида Возобновителя (1089—1125 г.) упомина
книгѣ „Картлисъ-Матіане", то-есть лѣтопись Грузіи; въ повѣство
яхъ о нашествіяхъ султана Джелалъ-Эддина (XII вѣка) говорит[ся]
современную исторію написалъ монахъ Мгвимскаго монастыря
вѣстнаго имени. Мы довольствуемся перечисленіемъ этихъ историчес
записей, послужившихъ источникомъ начальной грузинской лѣто

---

[1]) Труды V арх. съѣзда въ Тифлисѣ, стр. XXXVIII, г. Ерицовъ гов
объ археол. армян. трудѣ, гдѣ упоминается историкъ Джеваширъ. Ср. *Br*
Introd., XVI.

[2]) *Бакрадзе*. Исторія, 135. *Теймуразъ*. Исторія, 33.

[3]) Грузинская хроника, переведенная на армянскій языкъ въ XI вѣкѣ
сравненіи ея съ лѣтописью, ложно именуемой Вахтанговой, также подкрѣпл
убѣжденіе, что послѣдующіе компиляторы только дополняли записи предшес
никовъ свѣдѣніями изъ различныхъ источниковъ.

не называя „гуджаровъ и сигилей“ [1]), на которые также часто ссылается „Картлисъ-Цховреба“. Названные источники лѣтописи могутъ служить лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія о позднемъ происхожденіи первыхъ историческихъ записей у грузинъ, объ измышленіи „Картлисъ-Цховреба“ въ XII вѣкѣ армянскимъ монахомъ, или составленіе ея впервые въ XVIII вѣкѣ царемъ Вахтангомъ VI. Вышепоименованные памятники, разрозненно вскрывающіеся въ лѣтописи и непосредственно открытые, убѣждаютъ изслѣдователя ея въ томъ, что „Картлисъ-Цховреба“ не искажала свѣдѣній своихъ источниковъ, но связывала ихъ между собою болѣе или менѣе искусственно, дѣлала большія выписки, поочередно изъ всѣхъ извѣстныхъ ей историческихъ записей. Въ виду этого, значеніе грузинской лѣтописи, считающейся „мутнымъ источникомъ“, должно получить въ глазахъ ученыхъ другое значеніе и болѣе справедливую оцѣнку [2]).

Въ заключеніе этой главы, мы должны назвать еще одинъ источникъ „Картлисъ-Цховреба“, свидѣтельствующій о національномъ, а не иноземномъ ея происхожденіи,—это народная поэзія, слѣды которой вскрываются въ грузинской лѣтописи [3]). Начальная грузинская хроника представляетъ первыхъ строителей страны въ образѣ героевъ („гмири“), обладающихъ непомѣрной силой и изумительною красотой. Самыя имена родоначальника грузинъ и его ближайшихъ преемниковъ представляютъ опыты этіологическаго объясненія существующихъ провинцій и городовъ Грузіи: Картлисъ—олицетвореніе Картли, то-есть всей Грузіи, Мцхетосъ—воплощеніе въ образѣ сына родоначальника столицы древней Иверіи—Мцхета; существованіе названія Кахетіи вызвало въ воображеніи народа перваго ея строителя—Кахоса. Помимо общихъ соображеній и вѣрныхъ слѣдовъ преданія о жизни грузинъ въ отдаленную эпоху, когда они дѣлились на отдѣльные роды, управляемые мамасахлисами, то есть отцами дома, мы находимъ въ

---

[1]) Изъ Гуджара (мое изд.; Кутаисъ, 38, 41—9) заимствовано Лѣтописью свѣдѣніе о просвѣщеніи горцевъ (см. *мою* работу Источн. по введ. хр—а 32—39). См. „Картлисъ-Цховреба“, стр. 178, гдѣ источникомъ называется гуджаръ, въ которомъ перечисляются цари и именитые вельможи съ ихъ имѣніями. Въ лѣтопись внесенъ всецѣло также актъ XI вѣка, временъ царя Баграта IV. См. *Кондаковъ*, Опись памятниковъ древностей, стр. 157.

[2]) *Вс. Миллеръ*, Осетинскіе этюды, ч. III, стр. 16 (М. 1887 г.); *М. Ковалевскій*, Законъ и обычай на Кавказѣ, 7, II, стр. 62 (М., 1890 г.). Русскія Древности, изд. гр. *Толстаго* и *Н. Кондакова*, вып. III, стр. 98 (С.-Пб., 1890 г.).

[3]) Наши статьи въ *Иверіи* на грузинскомъ языкѣ въ 1888 г.: „Слѣды народной поэзіи въ Картлисъ-Цховреба“.

древней части хроникъ прямое указаніе на пользованіе составителемъ „Картлисъ-Цховреба“ народною поэзіей. Авторъ перваго свода лѣтописныхъ извѣстій (VIII вѣка) вышеупомянутый Джваншеръ,—потомокъ военачальника при царѣ Вахтангѣ Горгасланѣ, который, быть можетъ, предпринялъ свой трудъ для прославленія своего знаменитаго предка,—внесъ въ свое „Матіане“ (лѣтопись V—VIII вѣковъ), уже при царицѣ Тамарѣ являющееся съ эпитетомъ „дцвели“ (то-есть древняя), одну народную пѣсню по случаю смерти популярнаго царя Фарсмана.

Фарсманъ, прозванный добрымъ ('квели), былъ измѣннически убитъ на войнѣ. Кончина его вызвала плачевныя пѣсни, въ которыхъ пѣвцы (мгосани) описывали его достоинства: des chanteurs de dueil etaient assis dans les villes et dans les villages; on se rassemblait, on rapellait la bravoure, la munificence, la bonté, la beauté de Pharsman-Kouel. *Malheur à nous!* disait-on, *un sort funeste nous a frappés. Notre roi celui qui nous avait délivrés du joug de nos ennémis, a été tué par des enchanteurs, et nous sommes livrés a l'esclavage des nations étrangères* [1]). Народная пѣсня о царѣ Фарсманѣ, жившемъ во II вѣкѣ, могла дойдти до автора компилятивной лѣтописи въ VIII вѣкѣ, сохранившись на пространствѣ шести столѣтій, подобно тому, какъ о царицѣ Тамарѣ (XII вѣка) до сихъ поръ въ различныхъ частяхъ Грузіи разсказываютъ легенды и поютъ пѣсни. Въ X вѣкѣ католикосъ Арсеній, составившій житія святыхъ грузинской церкви, одинъ изъ важныхъ источниковъ лѣтописи, широко пользовался народной традиціей, называемой имъ самимъ на ряду съ „книгами“ источникомъ своего труда [2]). Арманскій писатель Григорій Магистръ (XI в.) въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ, что грузины складывали пѣсни о Ваhрамѣ Паллавуни и пѣли съ пляскою, точно воспѣвая полубога [3]).

Такъ мы представляемъ себѣ составъ начальной грузинской лѣтописи и по этой схемѣ выдѣляемъ изъ нея историческія записи, ставшія извѣстными независимо отъ „Картлисъ-Цховреба“.

---

[1]) *Brosset*, Histoire de la Géorgie, t. 1, p. 73. Ср. Картлисъ-Цховреба, I, 53.

[2]) *Brosset*, Histoire de la Géorgie, t. I, p. 208, n. 6. См. у *меня*, стр. 58, примѣч.

[3]) *Алишанъ*, Ширакъ (на арм. яз., 1?, 31—2).

Эпоха царицы Тамары.

Лучшій періодъ въ жизни Грузіи продолжался 120 лѣтъ, отъ Давида Возобновителя до кончины правнуки его Тамары. Грузинскія лѣтописи не находятъ никого равнымъ этой великой царицѣ, кромѣ Вахтанга Гургаслапа, основателя Тифлиса, и Давида Возобновителя, называя ее царемъ, а не царицей,—Вахушти именуетъ ее царицей богоравной (Ист., 217). Народъ, въ теченіе семи вѣковъ, горделиво хранитъ память великой жены и окружаетъ ея имя ореоломъ поэтическихъ легендъ, приписывая ей всѣ славныя дѣла и величавые памятники Грузіи. Въ каждой мѣстности страны образъ великой царицы принимаетъ свой особенный полумиѳическій оттѣнокъ, выражающій представленіе народа о чемъ-то высшемъ, недосягаемомъ. Съ ея именемъ связана масса легендъ, превратившихъ ее изъ строго-засвидѣтельствованной исторической личности въ полумиѳическую съ свойствами христіанской святой дѣвы или языческаго божества. У грузинъ-горцевъ она причисляется то къ лику святыхъ, то считается цѣлительницей отъ всѣхъ недуговъ и болѣзней. Въ Сванетіи, гдѣ имя царицы Тамары осталось единственнымъ памятнымъ для народа историческимъ именемъ, изъ воинственной жены она сдѣлалась предметомъ суевѣрнаго религіознаго почитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ идеаломъ чарующей волшебной красоты. Пѣсни сванетовъ увѣнчиваютъ обожаемую царицу золотою діадемой, одѣваютъ ее въ свѣтоносныя одежды и украшаютъ драгоцѣнными каменьями,—и это высшій образъ, до котораго могла дойти наивная народная фантазія. Преданія рисуютъ Тамару великодушною и щедрою, и одна изъ легендъ разсказываетъ слѣдующее. Въ торжественный день, когда царица собиралась въ Гелатскій соборъ и прикрѣпляла драгоцѣнные рубины къ царской повязкѣ, ей пришли сказать, что нищая проситъ милостыни у дверей ея монастырскаго терема. Царица велѣла ей подождать, а когда вышла, то нищей уже не было. Смущенная Тамара, упрекая себя, что отказала убогой въ милостынѣ, сняла съ себя бывшую виною ея замедленія повязку и надѣла на вѣнецъ Богоматери въ Гелатскомъ храмѣ.

Достовѣрная исторія, переплетенная легендарными преданіями, въ слѣдующихъ чертахъ рисуетъ судьбу и дѣятельность царицы Тамары (1184—1212). По свидѣтельству русскихъ и грузинскихъ источниковъ, она вышла замужъ за сына Андрея Боголюбскаго, Георгія, который въ первое время ознаменовалъ себя славными побѣдами въ областяхъ Карсской и Араратской. Однако, по причинамъ, о которыхъ нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій, бракъ этотъ скоро былъ расторгнутъ и Георгій удалился въ Константинополь. Когда, по настоянію народа, Тамара должна была избрать втораго мужа, то изъ многочисленныхъ искателей ея руки, въ числѣ которыхъ былъ наслѣдникъ византійскаго императора Мануила, Поликарпосъ, и сынъ султана испаганскаго, она остановилась на осетинскомъ князѣ Давидѣ Сосланѣ (т. е. прекрасномъ), [1]) происходившемъ также изъ рода Багратидовъ, воцарившагося на грузинскомъ престолѣ съ конца VII вѣка. Но Георгій не мирился съ потерею трона и скоро появился въ Грузіи съ греческимъ войскомъ. Онъ нашелъ въ странѣ приверженцевъ въ лицѣ эриставовъ Кларджетской и Самцхской провинцій, и скоро разбитый былъ выданъ въ руки царицѣ. Великодушная Тамара дала ему свободу подъ условіемъ оставить навсегда Грузію.

Между тѣмъ Грузіи предстояла борьба съ персами, сарацынами и турками, никогда не оставлявшими своихъ притязаній и набѣговъ даже во времена ея наибольшаго могущества. Сосланъ ходилъ въ Персію, одержалъ много побѣдъ и, взявъ Ганжу, овладѣлъ огромной добычей; множество плѣнныхъ, лошадей, верблюдовъ, золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ были наградой побѣдителей, а вслѣдъ за тѣмъ Тамара послала войска выгнать турокъ изъ Карса, и, при появленіи грузинъ, непріятель бѣжалъ, оставивъ крѣпость безъ бою. Тогда знаменитый султанъ Алеппо Нуррединъ, удивленный побѣдами иверійцевъ, послалъ противъ нихъ 800-тысячную армію, по словамъ грузинской лѣтописи. Нуррединъ извѣстилъ Тамару о нашествіи, обѣщая ей милость, въ случаѣ согласія быть его женою, и каждому, кто приметъ исламъ. Но когда посланникъ, въ торжественной аудіенціи, объявилъ эту волю султана, то, какъ говорятъ, воевода Захарій Мхерг-

---

[1]) Устное народное стихотвореніе описываетъ свадебное торжество въ Дидубе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Тамара, супруга Давида Сослана, сыграла свадьбу въ Дидубе, тамъ, гдѣ церковь. Устроила пиръ и пригласила свое воинство. Для угощенія званныхъ зарѣзала сто овецъ и двѣсти быковъ. Синяя скатерть, разостланная предъ гостями, была длиною въ 100 саженъ. Вдовамъ и сиротамъ она раздарила много золота и серебра“.

ября (Долгорукій), отвѣтилъ ему пощечиной, повергшей его замертво на землю. Вызовъ былъ принятъ, и война началась. Грузины, встрѣтивъ необъятный лагерь султана въ Бассіонѣ, первые начали кровопролитнѣйшую изъ битвъ и нанесли туркамъ рѣшительное пораженіе. Множество плѣнныхъ и богатыя сокровища достались побѣдителямъ.

Несмѣтныя богатства, пріобрѣтенныя Тамарою въ войнахъ послужили поводомъ къ столкновенію Грузіи съ Византіей. Корыстолюбивый императоръ Алексѣй Ангелъ, узнавши о богатыхъ дарахъ царицы монастырямъ, однажды приказалъ ограбить монаховъ, проходившихъ изъ Грузіи чрезъ Константинополь. Разгнѣванная Тамара начала съ императоромъ войну и овладѣла Трапезонтомъ и другими областями по южному побережью Чернаго моря. Изъ нихъ Тамара впослѣдствіи образовала Трапезунтскую имперію для Алексѣя Комнена съ цѣлью затруднить распространеніе магометанства на малоазійскихъ и кавказскихъ берегахъ [1]).

Вліяніе царицы распространялось далеко въ Осетію, за хребетъ Кавказскій; непокорные горцы смирялись передъ ея оружіемъ и принимали крещеніе. Слѣдомъ за грузинскимъ воиномъ шелъ грузинскій священникъ и купецъ—и по теченію Куры, Алазани и Терека развивалась дѣятельная жизнь и христіанская гражданственность.

Легендарная исторія, приписывающая Тамарѣ всѣ замѣчательные храмы и крѣпости Грузіи, не далека отъ истины, потому что множество памятниковъ оставлено именно ею. Тамара повсюду оставила послѣ себя неизгладимыя черты своей дѣятельности и, какъ выражается одинъ изъ историковъ: „написала свое имя каменными твердынями на горахъ и долинахъ Грузіи". Церкви и кресты на неприступныхъ скалахъ, внутри самыхъ дикихъ ущелій на Черномъ и Каспійскомъ поморьѣ и даже по ту сторону горъ—нѣмые свидѣтели ея величавой эпохи. Самый поэтическій памятникъ Тамары—Вардзія, „Замокъ Розъ". Верхнюю Карталинію Тамара почитала лучшимъ перломъ своего вѣнца, и тамъ въ окрестностяхъ Ахалциха въ крутой обрывистой скалѣ она вырубила этотъ роскошный Вардзійскій дворецъ, вмѣщав-

---

[1]) Тамара, отнявъ у султановъ Малой Азіи Трапезондъ и его окрестности основала имперію — Трапезондскую, и передала ее во владѣніе родственнику своему Алексѣю Комнену. Кромѣ Картлисъ-Цховреба, объ этомъ же фактѣ говорятъ и иностранные источники. Въ „Трапезондской хроникѣ", составленной Михаиломъ Панаретомъ, читаемъ: „Киръ-Алексій Великій Комненъ, 22-хъ лѣтъ отъ роду, удалившійся изъ Константинополя, по стараніямъ тетки своего отца, Тамары и иверскаго войска овладѣлъ Трапезондомъ мѣсяца апрѣля, 17-го индиктіона, 6712 г. (=1204 г.). *Lebeau* H. du Bas-Emp., XVII, 254, n. 2.

щій въ себѣ до 360 покоевъ. Путешественникъ и понынѣ можетъ видѣть останки этого величественнаго царскаго жилища, въ которомъ среди келій и корридоровъ въ нѣдрахъ земли сохранился храмъ огромныхъ размѣровъ, украшенный фресками, и посреди этихъ фресокъ какое-то странное и волнующее впечатлѣніе производитъ изображеніе самой царицы, во весь ростъ стоящей передъ зрителемъ. Тутъ же въ боковомъ придѣлѣ церкви видѣнъ каменный балдахинъ, подъ которымъ, по одному преданію, погребена Тамара. Но настоящая могила ея остается неизвѣстною. Есть мнѣніе, что царица похоронена въ Гелатскомъ монастырѣ, другіе указываютъ въ Сванетіи. Рачинцы прахъ ея ищутъ у себя. Грузинскія племена неохотно разставались съ своей умершей царицей, и каждое хотѣло бы найти у себя мѣсто ея вѣчнаго успокоенія.

Эпоха Тамары не была только эпохой военнаго могущества. Отголосокъ величія царства Багратидовъ слышимъ еще черезъ два вѣка послѣ Тамары и слышимъ изъ устъ арабскаго писателя Шихабеддина Элькалькашенди († 1418 г.) [1]. „Да прославитъ Аллахъ жизнь его величества государя славнаго, великодушнаго, именитаго, отважнаго, храбраго, священнаго, духовнаго, славы народа мессіанскаго, сокровища націи крестоносной, гордости вѣры христіанской, царя абхазцевъ, грузинъ и джурджановъ, друга царей и султановъ; государя могущественнаго, неусыпнаго борца, льва, обладателя престола и короны, вѣдателя своей религіи, справедливца къ подданнымъ своимъ, лучшаго изъ царей лазійскихъ, султана грузинъ, сокровища царствъ морей и проливовъ, защитника заповѣднаго мѣста витязей, унаслѣдовавшаго отъ предковъ своихъ престолы и короны, охраны странъ румскихъ и иранскихъ, эссенція царей сирійскихъ, отборнѣйшаго изъ обладателей престоловъ и коронъ, прославителя христіанъ, подпоры религіи Іисусовой, помазанника героевъ мессіанскихъ, рѣшеніемъ своимъ возвысившаго домъ священный (Іерусалимъ) [2]), опоры крещенныхъ, пособника папы, друга мусульманъ, прекраснѣйшаго изъ близкихъ друзей, искреннѣйшаго друга царей и султановъ“.

Водворившійся за побѣдоносными войнами миръ благотворно отразился на развитіи науки и искусства и на блестящемъ расцвѣтѣ гру-

---

[1]) Записки Восточнаго отд. имп. русск. арх. общества, т. I, стр. 208—216.

[2]) Объ этомъ же фактѣ свидѣтельствуетъ Константинъ Порфирородный въ своемъ сочиненіи 952 года. Онъ говоритъ: Comme les Bagratides iberiens prétendent venir de Jérusalem, et qu'ils ont une grande affection pour cette ville et pour le tombeau du Sauveur, ils y envoyèrent à certaines époques de riches présents, tant aux patriarches qu'aux chrétiens de la ville sainte. (Addit et éclairc. à l'Hist. de la Géorgie, par M. Brosset, p. 144—145. Cp. Bul. scient, V, 255).

зинской литературы, создавшейся подъ воздѣйствіемъ трехъ культуръ—арабской, персидской и византійской. При дворѣ царицы собирается плеяда славныхъ писателей, возведшихъ грузинскій языкъ до полнаго совершенства. Вѣкъ Тамары ознаменованъ литературною дѣятельностью поэтовъ—Шавтели и Чахруха, написавшихъ поэмы въ прославленіе Тамары, нѣчто въ родѣ Державинской Фелицы. Ея царствованіе украшаютъ имена талантливыхъ романистовъ—М. Хонели и Саргисъ Тмогвели. Но дѣятельность грузинскихъ классиковъ блѣднѣетъ предъ памятью Шота Руставели, имя котораго произносится каждымъ грузиномъ съ чувствомъ благоговѣнія. Его романическая поэма—„Барсова кожа" сдѣлалась достояніемъ всего грузинскаго населенія, многіе ея стихи стали народными поговорками, и нѣтъ ни одного грузина, который бы не зналъ нѣсколько его изреченій. Глубина мысли и теплота чувствъ, проникающія это высоко-художественное произведеніе, сдѣлали „Барсову кожу" на пространствѣ семи сотъ лѣтъ воспитательной книгой чтенія, наравнѣ съ Евангеліемъ и Апостоломъ.

При Тамарѣ Грузія достигла высшаго развитія политическаго и умственнаго, съ ея же смертью все измѣнилось, какъ будто она унесла въ могилу счастливые дни своей родины. Невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что въ Грузіи высшій идеалъ человѣка нашелъ себѣ олицетвореніе въ образѣ женщины. Святая Нина просвѣтительница Грузіи христіанствомъ (IV вѣкъ)—идеалъ высоты нравственной; царица Тамара—идеалъ героя и мудраго правителя. Нина и Тамара самыя любимыя имена грузинъ.

Броссе [1]) отзывается весьма лестно о культурѣ XII в.: „...Появляются (въ Грузіи въ X—XII вв.) геніи, которые доводятъ грузинскій языкъ до самаго высокаго совершенства: съ одной стороны переводчики Библіи, а съ другой—*творцы величественныхъ эпопей Амирана и Таріеля*; эти времена были великими вѣками Грузіи... Если должно судить о степени умственной образованности какого-нибудь народа по литературной статистикѣ, то нѣтъ ничего легче, какъ оцѣнить умственное образованіе Грузіи, литература которой подраздѣляется на богословіе, поэзію и исторію... Духовная литература просіяла въ Грузіи съ рѣдкимъ блескомъ... Цвѣты поэзіи наполнили своимъ благоуханіемъ всѣ долины и увѣнчали всѣ вершины Кавказа. Пріятно повторить здѣсь имена Руставели, *Моисея* (читай: Мосе Хонели), Саргиса, Абдулъ-

[1]) *Броссе.* „Взглядъ на исторію и литературу Грузіи". *Ж. М. Н. П.* XL, стр. 286.

Мессія, Чахрухадзе; раскрыть характеръ ихъ поэтическихъ тал
и сдѣлать разборъ ихъ произведеній, *столь оригинальныхъ!*
картина будетъ все еще исторія, потому что *дѣйствующія ли*
этихъ произведеніяхъ—*грузинскіе герои*, подъ вымышленными
нами. И эти описанія, блестящія поэтическимъ жаромъ... изла
по большей части достопамятныя дѣла извѣстныхъ мужей".

Культурное вліяніе, шедшее на Грузію изъ Византіи въ с
вѣка столкнулось съ воздѣйствіемъ Ирана на Кавказъ. Перс
сказанія, религіозныя вѣрованія, нравы и обычаи распростран
среди закавказскихъ народностей. Уже Моисей Хоренскій замѣ
что о Рустемѣ, героѣ персидскаго эпоса, армяне распѣвали п
Отголоски Рустеміады еще нынѣ свѣжи въ памяти всѣхъ народ
грузинскаго племени. Вліяніе иранской культуры восходитъ къ
бокимъ временамъ, къ періоду Ахаменидовъ, когда саспейры,
родіи, мосхи, тибарены, жители Колхиды, по словамъ Геро
входили въ составъ персидскаго государства, участвовали въ пох
своего повелителя и доставляли ему посильные подарки. Въ
сасанидовъ водворяется въ Грузіи ученіе Заратустра благодаря
рецію Миріана, сына Шапора персидскаго. Политическое в
Персіи, по временамъ ослабѣвавшее, снова получило свою силу
теченіемъ культурной жизни Грузіи. Результаты связи Кавка
Ираномъ сказались въ распространеніи устныхъ сказаній и обраб
ныхъ поэтами то героическихъ, то романическихъ произведеній
сидской словесности, какъ у армянъ, такъ и грузинъ. Въ эпоху
Тамары, византійская и иранская культура слилась въ одинъ по
потерпѣвшій воздѣйствіе на почвѣ національныхъ особенностей
зинскаго народа.

Поэмы и повѣсти XII в.

Въ XII в. грузинская свѣтская литература достигаетъ по
высшаго развитія. Къ этому времени относятся творенія Хо
Тмогвели, Руставели, Шавтели, Чахруха.

Амиранъ-Дареджаніани [1]) написалъ Мосе Хонели, о кото
упоминаетъ Ш. Руставели въ послѣднемъ стихѣ „Барсовой к

[1]) Содержаніе этой повѣсти см. у меня въ I ч. „Очерковъ".—Мы
смотрѣли въ „Обществѣ распространенія грамотности среди грузинъ"
рукописи „А. Д." Первая подъ № 1189 inf. писана разными почерками
друли", на синей бумагѣ черными чернилами, заключаетъ 222 стр. и
I повѣсть объ Абесаломѣ, царѣ индійцевъ; II повѣсть о Балхи Іаманидзе; I
саръ Нисрели; IV Амиранъ Дареджанидзе; V Амбри Араби; VI Витязь

По словамъ царевича Теймураза, онъ былъ секретаремъ цар. Тамары и происходилъ изъ М. Хони въ Имеретіи. Амиранъ-Дареджаніани представляетъ сборникъ героическихъ разсказовъ, искусственно собранныхъ вокругъ Амирана богатыхъ народныхъ сказаній. Сборникъ состоитъ изъ двѣнадцати главъ и входитъ въ кругъ тѣхъ произведеній, которыя носятъ слѣды восточнаго, или лучше сказать, персидскаго вліянія. Нѣкоторыя мѣста, сохранившіяся и фразы могутъ свидѣтельствовать, что отдѣльные разсказы изъ Амиранъ-Дареджаніани заимствованы изъ персидскихъ устныхъ или письменныхъ произведеній. Въ доказательство этой мысли приводятся слова „одноглазаго дэва", обращеннаго съ просьбой къ Амирану: „іек чешмем несте", [Рукоп. № 1189 „Общ. грам." это мѣсто даетъ въ видѣ „чешма нисто"], т. е. нѣтъ у меня моего и одного глаза. Но восточныя имена героевъ и персидская фраза [вѣдь, встрѣчаются же французскія слова въ *оригинальныхъ* русскихъ произведеніяхъ!], вскрывающіяся въ сборникѣ, не доставляютъ убѣдительныхъ доводовъ въ пользу мнѣнія о персидскомъ происхожденіи грузинскаго романа. Сторонникомъ этой теоріи является Н. Я. Марръ. Амиранъ-Дареджанидзе, говоритъ почтенный авторъ, по происхожденію персъ, живетъ по близости Багдадскаго двора, повелителя правовѣрныхъ. Персомъ же, по его толкованію, оказывается другой герой романа Сепедавле Дариспанидзе. Эти два героя превосходятъ силою всѣхъ остальныхъ богатырей, являющихся представителями различныхъ народностей—арабовъ, абиссинцевъ, индійцевъ, іеменцевъ, китайцевъ, татаръ и др. Въ виду того, что авторъ романа желаетъ внушить чи

VII повѣсть о свѣтилахъ; VIII a) повѣсть о чарахъ; b) повѣсть о смерти, сообщенная Амирану витяземъ Сабуромъ, сыномъ Рабаги; IX Сепедавле Дариспанидзе; X Мзечабукъ; XI Кровомщеніе; XII Вступленіе въ Балхети. Вторая рукопись, подъ № 2632, писана „мхедрули" на сѣрой бумагѣ. Третья рукопись подъ № 1623, полная въ переплетѣ, переписан. въ 1776 г., заключаетъ въ себѣ двѣ лишнія главы, повидимому внесенныя изъ Диларіани: гл. XII о Джимшерѣ сынѣ Хазарскаго царя, и XIII о Джимшерѣ, сынѣ Джимшера. Эти двѣ главы, вставленныя предъ послѣдней главой „Амиран-Дар." сопровождаются припиской, что „ихъ не слѣдуетъ переписывать, потому что онѣ присоединены ложно какимъ-то Цхинвальцемъ" (жителемъ мѣст. Цхинвалъ). Дополненіе о рукописяхъ „Амиранъ-Дар.", см. у меня въ I книгѣ „Очерковъ", стр. 351, а также экземпляръ, принадлежавшій Баграту Георгіевичу,—послѣдній также даетъ 2 главы сверхъ 12. Романъ этотъ героическій, получудесный, разсказываетъ о славныхъ похожденіяхъ героя, которыя не должны быть смѣшиваемы съ Миріаномъ Дареджанидзе. Каталогъ ректора Давида Алексишвили № 226 называетъ Амирана Дареджанидзе въ стихахъ. *Brosset.* Mél. as. VIII, 428. Подробный разборъ Bul. Scient. de l'Ac., III; 7.

тателямъ предпочтительное уваженіе къ персидскимъ героямъ, то, слѣдов., Амиранъ-Дареджаніани написанъ къ прославленію персовъ, по-персидски, а впослѣдствіи переведенъ по-грузински. Таковъ логическій порядокъ доказательствъ, выставленныхъ г. Марромъ [1]). Въ самомъ романѣ, въ которомъ такъ неуклонно сообщаются свѣдѣнія о національномъ происхожденіи каждаго героя, нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній относительно народности, къ которой принадлежатъ Амиранъ Дареджанидзе и Сепе давле Дариспанидзе. Непонятно, почему авторъ скрылъ персидскую національность двухъ своихъ славныхъ героевъ, которые выставлены имъ съ цѣлью прославить персовъ! Г. Марръ усматриваетъ въ названіяхъ этихъ героевъ „сознательную руку (?) автора", и, разлагая ихъ на составныя части, привлекаетъ арабско-персидскій лексиконъ для ихъ объясненія. Эти имена съ полностью звучатъ такъ:

1) Сепе Давле Дариспанидзе, 2) Амиран Дареджанидзе.

Отбросивъ прибавленное къ концу грузинское слово „дзе" (сынъ) съ гласнымъ остаткомъ отъ окончанія родительнаго падежа (*ис*)—звукомъ *и* мы получамъ:

1) Сепе давле дар Испан, 2) Амир андаре джанъ.

Первыя части въ обоихъ именахъ состоятъ изъ арабскихъ словъ, употребляемыхъ у персовъ въ качествѣ титуловъ; легко также узнать вторыя части (дар=андаре)—двѣ формы персидскаго предлога—*въ*; наконецъ, третія части суть обычныя вульгарныя транскрипціи персидскихъ же словъ: испан=испаһан Испагань и джан=джаһан міръ. Имена героевъ, заключаетъ г. Марръ персидскаго происхожденія; одного витязя звали Сепе, т. е. „мечемъ государства въ Испаганѣ, а другаго Амиромъ, т. е. повелителемъ въ мірѣ". Но Испагань въ грузинской транскрипціи не можетъ звучать какъ *испанъ*.

При желаніи иногда возможно этимологію словъ одного языка объяснить при помощи другого языка. Такія попытки хорошо извѣстны въ филологическихъ трудахъ Тредьяковскаго. (Скиѳы отъ русскаго языка скитаться, Италія отъ удаляться и пр.). Герои грузинскаго романа Мосе Хонели, безъ сомнѣнія носятъ персидскія имена, но эти послѣднія рано вошли въ грузинскій календарь [2]), и фактъ присутствія ихъ въ грузинскихъ произведеніяхъ не можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ для установленія мнѣнія о переводѣ самихъ памятниковъ съ персидскаго языка: при такомъ

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1895, іюнь, стр. 355, 361 и др.

[2]) О некалендарныхъ именахъ у грузинъ, *моя* замѣтка въ „Этногр. Обозр." 1894, № 2).

методѣ сужденія объ національномъ или иноземномъ происхожденіи произведеній пришлось бы совершенно уничтожить рядъ современныхъ оригинальныхъ грузинскихъ поэмъ и повѣстей, авторовъ намъ извѣстныхъ, въ которыхъ встрѣчаются персидскія, греческія или армянскія названія. Примѣняя этотъ же критерій къ произведеніямъ русскихъ и европейскихъ авторовъ пришлось бы значительно сузить кругъ оригинальнаго происхожденія шедевровъ Пушкина, Шекспира, В. Гюго, принадлежность которыхъ названнымъ поэтамъ засвидѣтельствована точными указаніями. Помимо этихъ общихъ соображеній о шаткости теоріи, произносящей судъ надъ исторіею творчества писателей, въ мнѣніи г. Марра есть умышленное игнорированіе этимологіи словъ: Сепедавлъ Дариспанидзе гораздо осмысленнѣе объясняется, при помощи грузинскаго языка, чѣмъ персидскаго. Слово очень древнее по-грузински *Сепе* значитъ царевичъ и, понятно, почему Хонели даетъ этотъ титулъ сыну Дариспана, нѣкогда покорившаго много странъ. Само имя Дариспанъ весьма распространено въ Имеретіи, откуда былъ родомъ самъ авторъ романа. Толкованіе Амирана въ смыслѣ *амира*, „повелителя въ мірѣ", не находитъ по тексту романа оправданія, потому что Амиранъ не былъ багдадскимъ эмиромъ, пользующимся всемірной славой, какъ комментируетъ г. Марръ. Вѣдь, самъ же почтенный арменистъ называетъ его лишь *царедворцемъ* Багдадскаго повелителя правовѣрныхъ,—а рыцарскія его доблести раздѣлялись Сепедавломъ.

Толкованіе именъ и фамилій героинь повѣсти „Амиранъ-Дареджаніани" составляетъ существенную часть изслѣдованія г. Марра. И потому прежде всего приходится ознакомиться съ тѣмъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ г. Греномъ [1]), читаетъ эти имена и фамиліи [2]).

Саварсимидзе: [3]) по Грену—„сынъ Саварсима". по Марру—„Саваръ-Симидзе" и „Саварсимидзе.

Амиранъ Дареджанидзе: по Грену—„А., сынъ Дареджана", по Марру—„Амиръ Андареджанъ", или „Амиранъ, сынъ Дареджана".

Нестанъ Дареджанъ: по Грену—„Нестанъ, дочь (?) Дареджана", по Марру—Нестъ Андаре джаһанъ".

---

[1]) *Гренъ*. Амиранъ, сынъ Дареджаны. Жур. М. Нар. Пр., 1895, мартъ.

[2]) *М. Джанашвили*. О происхожденіи груз. классиковъ. „Нов. Обозр.", 1896, № 4279 и сл.

[3]) Варсими на грузинскомъ языкѣ значитъ цырюльникъ, и отсюда совершенно законно образовалась форма са-варсими, а затѣмъ и фамилій Саварсимидзе.

Бадри Іаманидзе: по Грену—„Б. Іеменецъ“, по Марру—„В. Іаманидзе“ (іеменецъ).

І. Газнели: по Грену—„Г., изъ Газны“, по Марру — „Г. Газнели“ (газніецъ).

Также вмѣсто Парсаданидзе, Рабишинидзе, Рабакидзе, Абрамидзе, Надирадзе, Нисрели, Асурели и пр., у Грена читаемъ: Парсадановичъ, Рабишиновичъ, Рабаговичъ. Абрахамовичъ, Надировичъ, Ассирійскій, Египетскій.

Г. Гренъ фамилію превратилъ въ отчество, позабывъ, что не всякій Косидзе можетъ быть Косевичемъ, или сыномъ Коси, и не всякій Бадридзе, сыномъ Бадра или Бадревичемъ.

По мнѣнію г. Марра, „не только всѣ имена героевъ А. Д. [Амиранъ-Дареджанидзе] иностраннаго происхожденія, но даже такое имя, какъ Іосифъ, употреблено въ иноземной формѣ, принятой у народовъ, исповѣдующихъ исламъ (*Усип*, *Іусиб*), а не въ существующей уже издревле и распространенной въ Грузіи формѣ „Іосеп'“.

Во-первыхъ, имя Іосифъ магометане произносятъ не какъ Усипъ или Іусибъ, а какъ Юсуфъ, т. е. такъ, какъ это имя попадается въ коранѣ Магомета, и, во-вторыхъ, еще нужно доказать, что имя героя повѣсти А. Д. Усиби тождественно съ именемъ Іосифъ. Вотъ извѣстный Г. Е. Церетели доказываетъ, что имена легендарныхъ героевъ Усупи (Усипи, Усиби, по варіантамъ) и Бадри (въ А. Д. тоже Бадри) въ переводѣ съ грузинскаго означаютъ: Бадри—*полная луна*, *снѣжно-бѣлый*; Усупи—*горный укропъ*.

Ошибочно, когда *Газнели* переводятъ словами: „газніецъ“, „изъ Газны“. Дѣло въ томъ, что у грузинъ съ древнѣйшаго времени принято часто фамилію замѣнять именемъ того города или мѣстности, гдѣ подвизался или откуда происходилъ тотъ или другой дѣятель. Такъ образовались, напр., прозвища *поэтовъ*—Руставели, Хонели, Шавтели.

Впрочемъ, и въ томъ же случаѣ, если мы героя А. Д. Газнели будемъ считать „газнійцемъ“, или жителемъ „изъ Газны“, то и это не послужитъ въ пользу мнѣнія, будто А. Д. не есть оригинальное сочиненіе М. Хонели: въ ущельѣ р. Рехули (въ горійск. уѣздѣ), въ мѣстечкѣ Газна, обиталъ древнѣйшій грузинскій родъ Газнели, изведенный въ 1625 году сосѣдними феодалами (см. брошюру *Ил. Іосселіани*—„Мамеба“, стр. 6).

Въ древней Грузіи попадались имена, каковыя носятъ и нѣкоторые изъ героевъ повѣсти М. Хонели. Такъ, напр., у Хонели одинъ изъ героевъ, какъ видно изъ пересказа г. Грена, названъ Каосомъ

Косидзе. По хроникѣ X вѣка [1]) и по „Картлисъ-Цховреба“, подъ тѣмъ же именемъ царствовалъ въ Грузіи одинъ изъ царей—*Каосъ*, въ 72—87 по Р. Х. Что же касается имени Коси и происшедшихъ изъ него фамилій Косидзе и Косишвили, обитающихъ нынѣ въ Кахетіи, то и подобное имя встрѣчается въ Грузіи въ 65 году до Р. Хр. По свидѣтельству Плутарха (50—120 по Р. Х.), командующимъ албанскими войсками противъ Помпея былъ „братъ царя, по имени Косисъ“ [2]).

Задавшись мыслью во что бы то ни было доказать персидское происхожденіе творенія М. Хонели, г. Марръ прибѣгаетъ еще къ натяжкамъ: имена героевъ Мзечабукъ и Дариспанидзе онъ производитъ съ персидскаго. А между тѣмъ Мзечабуки по-грузински значитъ солнце—герой (чабуки по-свански произносится въ формѣ чабигви), при чемъ „мзе“ часто приставляется къ словамъ для выраженія понятій красоты, доблести, совершенства и пр. Такъ образовались слѣдующія имена и слова: Хварамзе (буквально — есмь солнце), *Мзевинари* (букв.—солнце + кто + такое), *Мзешинари*, (солнце + дома + есть), *Мзекала* (солнце + женщина), *Каламзе* (женщина + солнце), *Мзечабуки* [3]) (солнце + герой, юноша), *Мзецвіа* (птица), мзегрдзелоба (долгоденствіе), мзекетилоба (счастіе, букв. — солнце + доброта), энамзеоба (краснорѣчіе, букв.—языкъ + солнце), мзечврита и пр. Г. Марръ же говоритъ, что въ имени Мзечабукъ „*Мзе—солнце*—можетъ быть нѣсколько вольнымъ (а не совершенно произвольнымъ?) переводомъ географическаго названія Хорасана, которое означаетъ *восходящее солнце*, востокъ, и Мзечабукъ въ такомъ случаѣ явился бы героемъ этой области“ (!).

Странно также его толкованіе имени и фамиліи героя Сепе-Двали Дариспанидзе. „Сепе“ есть грузинское слово, употребляемое и самостоятельно и въ сложеніи съ другими словами, каковы: „сеписквери“ (просфора), сепепури, сепетцули [4]) (царская гвардія, царедворецъ), сепешвили, сепе (собств. имя мужчины). Изъ „двали“ также имѣемъ древнѣйшія названія Двалетіи, селенія Двалишвилеби, фамилію Двали и пр. Г. Марръ же Сепе-Двали читаетъ такъ: сепе + давле, а Гренъ—Сейфудавле, въ полной же формѣ, по Марру, выходитъ Сепе + давле, дар Испанъ, т. е. „мечъ государства въ Испаганѣ“. Такія искусственныя толкованія едва ли

---

[1]) См. „Три хроники“. *Е. Такайшвили.*

[2]) *Ганъ.* „Извѣстія греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“, стр. 125.

[3]) Мзечабуками назывались многіе изъ атабековъ самцхійскихъ.

[4]) Это слово въ этомъ же значеніи употреблено Моисеемъ Хоренскимъ въ его исторіи Арменіи (стр. 83).

послужатъ въ пользу доказательства перевода съ грузинскаго повѣсти съ несуществующаго, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени персидскаго оригинала.

Не принимая мнѣнія о полномъ переводѣ Амиранъ-Дареджаніани съ персидскаго языка, мы готовы согласиться съ Греномъ, усматривающимъ въ немъ слѣды персидскаго вліянія и быть можетъ переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ съ персидскаго языка. Хонели пользовался устными и письменными свѣдѣніями при созиданіи своего романа. Весьма призрачно стремленіе ввести Амирана въ кругъ такихъ сказаній, въ которыхъ онъ учавствуетъ пассивно или по волѣ автора. Такъ V глава съ которой сообщаются повѣствованія о другихъ витязахъ, разсказываетъ о подвигахъ Индо и Амбри богатыряхъ. Амиранъ, поставленный въ извѣстность объ нихъ,—идетъ къ нимъ на помощь въ Аравію но застаетъ только трауръ по Амбри и опечаленный возвращается въ Багдадъ.

На сборный характеръ Амиран-Дареджаніани [1]) намекаютъ имена дѣйствующихъ лицъ: Бадръ Іаманидзе (іеменецъ); Али Диламъ (диламеецъ); Носаръ Нисрели (=мисрели [2]) египтянинъ); Астарабидзе (астарабадецъ); витязь Абашъ (индіецъ) [3]).

Витязь Черный (негръ); Босоръ Басрели (басріецъ); Гамаръ Газнели (газніецъ); Амирандо (индіецъ). Указаніе на происхожденіе по мѣстности и народности могутъ указывать на сказочный сюжетъ отдѣльныхъ эпизодовъ романа, вошедшихъ въ предѣлы Грузіи

---

[1]) Въ одномъ мѣстѣ сквозитъ компилятивный характеръ повѣсти; съ XIII гл. неожиданно появляется авторомъ, что онъ хочетъ продолжать разсказъ. Не указываетъ ли это на продолженіе (искусственное) начатаго повѣствованія? Каждая глава начинается словами: „будь живъ во вѣки"! Слово „аминь" является въ повѣсти не только въ концѣ, но и въ серединѣ, что можетъ указывать на соединеніе отдѣльныхъ разсказовъ въ одну повѣсть.

[2]) Въ документахъ изъ Телль-Эль-Амарны въ XV в. до Р. Х. читается Мисри, толкуемый въ смыслѣ Египта г. *Соловейчикомъ* (Ж. М. Н. П. 1896, октябрь, 320. „Восточная цивилизація въ XV в. до нашей эры").

[3]) См. „Еще одинъ изъ источниковъ исторіи Грузіи царевича Вахушти". Е. Такайшвили, стр. 115, примѣч. 1. Словами „Абаши" и „Абашети" грузины называютъ не только абиссинца и Абиссинію, но и индійца и Индію. Такъ, въ грамотѣ Орбеліановыхъ сказано, что въ 768 году по Р. Хр., переселился въ Грузію изъ Абашетіи Биріанъ-Абашъ съ большимъ скопищемъ улуса. „Эта Абашетія, — справедливо замѣчаетъ Е. Такайшвили,—есть не Абиссинія, а страна Индіи, сопредѣльная съ Персіей".

стно или письменно и обработанныхъ во вкусѣ рыцарской эпохи царицы Тамары, современникомъ которой является Мосе Хонели.

„Амиранъ-Дареджаніани“ носитъ яркій колоритъ рыцарскаго романа: пѣвцы, турниры, уваженіе къ женщинѣ, закованные рыцари, выступающіе на состязаніе во имя дамы сердца или въ защиту слабыхъ и угнетенныхъ—вотъ та форма рыцарскихъ произведеній, которая хорошо извѣстна въ Западной Европѣ. Присутствіе каски, панцыря и прочаго вооруженія побудило еще ак. Броссе сравнить повѣсть Хонели съ западно-европейскими [1]). Центральнымъ лицомъ авторъ ставитъ Амирана, популярнаго героя народныхъ сказаній. Отдѣльные эпизоды изъ его рыцарскихъ подвиговъ и нынѣ обращаются въ устной передачѣ—сказочной обстановкой окружаетъ его авторъ съ первыхъ страницъ своего романа: чудеса его мужества и силы неослабно возрастаютъ и покрываютъ подвиги другихъ героевъ. По положенію своему онъ простой дворянинъ, стоитъ близко къ багдадскому двору халифа, называетъ самъ себя придворнымъ („модарбазе“). Во дворѣ его принимаютъ ласково и благосклонно; онъ пользуется славой опытнаго много видѣвшаго мужа: разсказы его развлекаютъ самого повелителя правовѣрныхъ. Онъ нерѣдко повѣствуетъ ему о своихъ подвигахъ, совершенныхъ во славу багдадскаго халифа. Онъ преданъ своему сюзерену безконечно, до обожанія; въ клятву онъ призываетъ его, наравнѣ съ Богомъ: „клянусь Богомъ и клянусь солнцемъ моего господина эмира“! Какъ рыцарь, добычей съ побѣжденныхъ пользуется только для сюрприза приглашеннымъ богатырямъ. Онъ наслаждается умѣренно богатствомъ и имуществомъ. Окруженъ онъ только шестью постоянными слугами, изъ которыхъ неразлучнымъ является Саваръ Симидзе. Онъ сопровождаетъ его въ походы на индійцевъ, хазаръ, турокъ, китайцевъ. Самъ Саваръ-Симидзе хранитъ благоговѣйное воспоминаніе объ Амиранѣ, и разсказъ его предъ эмиромъ кладетъ Хонели въ основаніе романа [2]).

---

[1]) *Brosset*. Bulletin Scient. 1838 г., III, р. 7. Броссе приводитъ содержаніе этой повѣсти по рукописи 1803 г. монаха Димитрія, переписавшаго ее по порученію полковника Вахтанга Орбеліани для царевича Баграта Георгіевича, жившаго въ Москвѣ.

[2]) Любопытна черта грузинскихъ рыцарскихъ повѣстей, сближающихъ ихъ по построенію съ поэмами Гомера. Битвы грузинскихъ рыцарей происходятъ въ присутствіи вельможъ и дамъ, созерцающихъ состяніе съ высокихъ трибунъ. Во время единоборства Париса съ Менелаемъ, по Иліадѣ греческіе и троянскіе воины приготовились смотрѣть на единоборство. На одной изъ башенъ Трои собрались Пріамъ и старѣйшины. Между ними была и Елена.

Другой витязь, относительно котораго „Амиранъ-Дареджаніани" даетъ подробныя свѣдѣнія, это — Сепедавлъ, человѣкъ высокаго происхожденія и выдающихся рыцарскихъ качествъ. Онъ сынъ замѣчательнаго богатыря, покорившаго много странъ. По смерти отца, враги Сепедавла воспользовались малолѣтствомъ послѣдняго и отняли всѣ земли, кромѣ столицы. Узнавъ отъ матери всю горькую истину о своемъ положеніи, онъ выступилъ противъ враговъ и въ короткое время завоевалъ всѣ бывшія свои владѣнія. Онъ убиваетъ опустошавшаго страну индійскихъ купцовъ носорога саблей, какъ кошку; легко разбиваетъ желѣзныя ворота; ни одинъ богатырь не въ состояніи устоять противъ него. Подвиги его совершаются главнымъ образомъ среди бѣсовскихъ навожденій. Разыскивая дочь китайскаго царя, онъ попадаетъ въ закалдованный кругъ волшебныхъ чаръ, передаваемыхъ авторомъ со всѣми подробностями, обычными въ грузинскихъ народныхъ сказкахъ. Онъ встрѣчаетъ людей съ крыльями, при возгласѣ которыхъ вода прибываетъ съ неудержимой силой; попадаетъ въ темное мѣсто; теряютъ сознаніе по съѣденіи плодовъ, но противъ всѣхъ этихъ навожденій Сепедавлъ снабженъ спасительными снадобьями, полученными благодарной ему женщиной за освобожденіе послѣдней изъ плѣна въ замкѣ девовъ. Ему вездѣ покровительствуетъ судьба.

Въ странѣ чудовищъ и чаръ вращается еще одинъ видный витязь Мзечабукъ Онъ убиваетъ слона, тѣло котораго было львиное, а лицо человѣчье. Избиваетъ по пути къ похищенной чародѣйскимъ образомъ хазарской царевнѣ людей, сидящихъ на львахъ и гиганта съ окровавленнымъ мечомъ въ рукѣ. Витязь со свитой попадаетъ въ домъ гдѣ птицы обращаются въ людей и садятся за столъ, ударяютъ крыльями,— а Мзечабукъ снова переносится назадъ въ Хазарію. Въ закалдованномъ по возвращеніи домѣ витязь находитъ два копья, которыя при прикосновеніи къ нимъ руки быстро сгорѣли. Въ одномъ провалѣ онъ встрѣчаетъ множество тѣней людей; въ ущельѣ видитъ каменныхъ людей на крылатыхъ коняхъ. Этотъ герой, совершившій столько чудесныхъ подвиговъ, освободившій изъ плѣненія хазарскую царевну, былъ измѣннически убитъ и въ послѣдствіи горячо оплаканъ его поклонниками. Остановившись на этихъ подробностяхъ, необходимо отмѣтить сказочный сюжетъ, вошедшій въ составъ „Амиранъ-Дареджаніани". Сказанія съ подобнымъ волшебнымъ элементомъ въ обиліи встрѣчаются у грузинъ, какъ и у всѣхъ народовъ. Усматривать въ нихъ національное происхожденіе такъ же трудно, какъ на основаніи ихъ опрометчиво заключать, что они представляютъ книжный переводъ съ какого-либо языка. Сказанія эти, открытыя въ Амиранъ-Дареджаніани, могли быть

занесены устно и распространиться въ народѣ, который и теперь хранитъ цѣлую серію подобныхъ произведеній. Этотъ сказочный сюжетъ, записанный М. Хопели, дополнился богатырскими похожденіями, разсказъ окрасился въ рыцарскій колоритъ съ безконечной борьбой изъ-за руки красавицы—царевны или въ интересахъ охраны свободы и безопасности государства.

Такой процессъ созданія „Амиранъ-Дареджаніани“ ярче свидѣтельствуетъ циклъ устныхъ преданій о томъ витязѣ, который далъ названіе цѣлому произведенію М. Хопели. Въ народныхъ произведеніяхъ Амиранъ является то непобѣдимымъ рыцаремъ, то великаномъ, наказаннымъ свыше за гордость, своего рода Прометеемъ, прикованнымъ къ горамъ. Амиранъ, подобно Прометею, прикованъ цѣпью къ Эльборусѣ (Ялбузѣ)[1]) за высокомѣрное желаніе состязаться съ высшимъ существомъ или по другимъ преданіямъ, за нарушеніе слова благочестія даннаго крестному своему отцу I. Христу. Вмѣстѣ съ нимъ въ пещерѣ находится собака лижущая оковы, которые по обрядовымъ ударамъ кузнецовъ въ утро страстнаго четверга получаетъ прежнюю крѣпость. По имеретинской версіи Рокапи[2]), богатырь утекъ, съ 14 на 15 августа дѣлаетъ послѣднія усилія изъ земли вытащить колъ, къ которому онъ привязанъ, но садится въ это время маленькая птичка на столбъ, узникъ поднимаетъ на нее громадный молотокъ, птичка улетаетъ, а столбъ вбивается глубоко въ землю. Отмѣтимъ здѣсь совпаденія чертъ судьбы Прометея и Амирана, подвергающихся страданіямъ отъ прикосновенія къ нимъ птицы.

Греческій Прометей, грузинскій Амиранъ находитъ параллель въ арминскомъ Артавазѣ, отождествившимся съ персидскимъ Зохакомъ у Фирдоуси или древне-иранскимъ змѣемъ Аждахака, упоминаемымъ въ Авестѣ. По парсійскому преданію „какой-то Руденъ (Феридунъ „Шахъ Намэ“) связываетъ Аждахака цѣпями, уводитъ на гору, называемую Дэмбавендомъ... Ведетъ Бюраспа (собств. имя Аждахака—авестійское Baevaraspa) въ пещеру горы, заключаетъ его въ оковы и самъ становится скалою у входа пещеры. Устрашенный Бюраспъ повинуется своимъ оковамъ и не смѣетъ выйти и опусто-

---

[1]) Ср. *Эсхилъ*. Прикованный Прометей, перев. Алексѣева. Греческій трагикъ, подобно Грузинской легендѣ объ Америкѣ, передаетъ, что Прометей былъ привязанъ „мѣдною цѣпью къ скалѣ“.

[2]) Въ сванетской легендѣ такимъ же способомъ снова заковывается Амиранъ, отсюда вытекаетъ новое доказательство тождество Амирана и Рокапи. Журн. Мин. Нар. Пр., ч. CCXXV, отд. 2, стр. 105.

шать землю. По Фирдоуси Зохакъ, убивъ своего благочестиваго Мердаси, по внушенію Иблиса (Аримана), овладѣлъ престолом сам Иблисъ въ образѣ красиваго юноши, поступилъ къ нему г ромъ, сталъ кормить его мясомъ вмѣсто господствовавшей до исключительно растительной пищи. Въ награду за свою службу Иб просилъ позволенія царя поцѣловать его въ плечи. Отъ поцѣлуя тьмы на плечахъ Зохака выросло по черной змѣѣ, которыхъ п лось кормить для успокоенія человѣческимъ мясомъ. Такимъ с зомъ, въ легендѣ человѣкъ-царь, постепенно возвращается къ с нервообразу — змѣю. Отъ Зохака страну освобождаетъ Фери (=Руденъ М. Хоренскаго). Послѣдній поражаетъ злодѣя бул но по приказанію ангела, Серота, не убиваетъ его, а приковы къ скалѣ въ пещерѣ у Демавенда [1]).

---

[1]) Въ одной грузинской легендѣ „Тритино" можно также уловить от сказанія о Амиранѣ. — Престарѣлый шахъ Персіи, Джемшидъ усыновил нравившагося ему ученика дьявола Аждехика, который, по наущенію злаго учителя, убилъ своего усыновителя. Едва совершилось преступленіе, явилось и страшное наказаніе: „изъ каждаго плеча преступника вып огромному змѣю, которые хвостами продолжали держаться въ его тѣлѣ. лись они исключительно человѣческими мозгами. Пришлось установить жре ежедневно нѣсколько персидскихъ семействъ оглашали воздухъ своими вог провожая своихъ родственниковъ на ужасную смерть". Въ то время жил гатый старецъ, Моисей. Онъ былъ щедръ, гостепріименъ и любимъ при д Единственное дѣтище его, Нана, составляло радость и отраду его жизн случаю ея помолвки съ персидскимъ принцемъ изъ древней династіи Д Дадіани, по имени Тритино, онъ устроилъ торжественный пиръ. Самъ Ажд принялъ участіе въ общемъ торжествѣ. Всѣ были ослѣплены необычайно сотой невѣсты. Даже злые змѣи, покойно дремавшіе на плечахъ государя, не головы и не сводили глазъ съ Наны. Ночью печальные вопли разбудили тино. Ему пришли сказать, что жребій палъ на Нану и что съ восходомъ с Моисей обязанъ вести свою единственную дочь въ жертву змѣямъ. При посланные шаха объявили, что одна женщина и одинъ безоружный му могутъ проводить Нану. Тритино, гамдели (няня) и Нана отправились с У дверей опочивальни ихъ тщательно обыскали, заперли двери, подвели змѣямъ. Онѣ зашипѣли и радостно протянули свои зараженныя жала, но пылающіе взоры Тритино, окаменѣли. Тритино бросился на Аждехака, дли тѣлами змѣй связалъ его и повергъ на землю, а чрезъ нѣсколько миг тащилъ своего плѣнника чрезъ площадь вонъ изъ города къ горѣ Дема гдѣ онъ и приковалъ его къ скалѣ.

О смерти Аждехака есть два сказанія: одно говоритъ, что и онъ, и умерли съ голоду, другое — что змѣи сначала умертвили его, выпивъ его

Разсматривая грузинское сказаніе объ Амиранѣ въ связи съ дру- ... аналогичными легендами мы замѣчаемъ два наслоенія, изъ кото- ...хъ одно повѣствуетъ о змѣѣ, запертомъ богомъ или богатыремъ ...дъ какой-то горой; второе передаетъ о великанѣ, прикованномъ ... скалѣ въ какой-нибудь горной пещерѣ изъ-за похищенія огня. ...иранъ, подобно Прометею, принадлежитъ къ противникамъ бо- ...ства, онъ вступаетъ въ борьбу съ І. Христомъ, какъ Прометей ...тивится Зевсу и олимпійскимъ богамъ. Но въ позднѣйшихъ сказа- ...хъ съ Амираномъ связывается представленіе о національномъ ге- ...ѣ, которому суждено водворить благодѣтельный порядокъ, какой ...идается отъ Карла В. или Барбароссы, стоящихъ въ нѣдрахъ горы ...готовящихся воспрянуть къ новой дѣятельности. Молоко, которое ...иранъ выдавливаетъ изъ хлѣба, и сожалѣніе, что люди ѣдятъ хлѣбъ ... кровью, истребленіе дэвовъ указываетъ на свѣтлыя черты, кото- ...я прилагаются къ великому узнику.

Такимъ образомъ, въ легендѣ объ Амиранѣ мы вскрываемъ два ...слоенія: древнѣйшее о борьбѣ его съ Божествомъ, а позднѣйшее ...едставленіе какъ о благодѣтельномъ витязѣ. Этой-то послѣдней ...раской обрисованъ Амиранъ въ повѣсти М. Хонели. „Амиранъ- ...реджаніани". Намъ кажется, что авторъ этого произведенія слышалъ ...спространенныя въ народѣ сказанія о великанѣ, выступившемъ на ...ѣну Амбріа или Андрероба, какъ Прометей явился преемникомъ ...фона, „воинственнаго стоглаваго чудовища". Сказанія о такихъ бо- ...ырахъ являются весьма извѣстными на Кавказѣ, къ которому уже ...ѣ Гезіода пріурочили впослѣдствіи греки и свой миѳъ о Проме- ...ѣ, когда ознакомились съ легендой о прикованнымъ къ скалѣ ве- ...канѣ. Отдаленная популярность подобнаго сказанія, дошедшаго до ...шего времени, служитъ сильнымъ доводомъ въ пользу возможности ...иси устнаго произведенія, совершившейся въ эпоху царицы Тамары ... XII в., когда рыцарскіе и богатырскіе подвиги, находили полное ...имѣненіе въ побѣдоносной борьбѣ Грузіи съ окружавшими послѣд- ...ю сосѣдними народами. Не только „Амиранъ-Дареджаніани", но и ...тіе памятники того же періода „Русуданіани", „Дилаpіани" и ...яквисъ Ткаосани", являются такими твореніями, которыя въ своей ...овѣ имѣютъ сюжетъ народныхъ сказаній. Это и понятно. Пробуж-

...томъ сами погибли голодною смертью. Тритино же былъ провозглашенъ ...емъ персидскимъ, женился на Панѣ и сдѣлался общимъ любимцемъ. Грузины ...благодарностью вспоминаютъ правленіе Тритино, который извѣстенъ подъ ...немъ Аиридонъ. *Гульбатъ*. „Моск. Вѣд.", 1891, 82. Ср. *Mole*. Le livre ...rois. I, 39.

деніе національной мощи послужило стимуломъ къ обработкѣ н[...]ныхъ мотивовъ.

Любопытно сопоставить различныя версіи народныхъ ска[...] объ Амиранѣ, заключающія отголоски „Амиранъ-Дареджаніани".

Пшавская версія.	Сванетская версія.
Амиранъ, сынъ Сулкалмахи и Дареджаны.	А. Сынъ охотника и „Дали", ж[...] въ пещерѣ,
Крестилъ его I. Христосъ. Одинъ зубъ у него золотой.	Крестилъ его ангелъ; I. Христ[...]
Братья: Бадри и Усипъ.	Преждевременное рожденіе А.
Борода его съ трехглавымъ дэви, желавшаго пожрать трупъ Цумьцуми въ башнѣ, внука Усипа.	Усыновляетъ Янанъ, дѣти и нягоБ-адри и Усупъ.
Три черви, превратившіеся въ драконовъ.	Борьба съ дэви изъ-за глаза [...]
Поглощеніе Амирана чернымъ дракономъ.	Убійство встрѣчнаго дэви и с[...]стры. Первое нарушеніе слова.
Освобожденіе А. изъ живота дракона съ помощью ножа.	Поглощеніе Амирана похити[...] глаза Янана.
Волосы Амирану возвращаетъ Игри.	Выходъ А. изъ живота чрезъ [...]вый кости.
Исканіе красавицы царевны „Камари".	Исканіе Кету, дочери кесаря Ке[...]
Осада Амирана отцомъ Камири по знаку разбитой Амираномъ чашки.	Второе нарушеніе слова при [...] женщины, поставившей свою ко[...]мостомъ.
Самоубійство А. по смерти братьевъ.	Встрѣча живого великана Ам[...] на арбѣ и третье нарушеніе сл[...]
Возвращеніе имъ жизни указаніемъ крысы.	Борьба съ кесаремъ Кеклуцой.
Встрѣча А. съ мертвымъ великаномъ на арбѣ Амбріа.	Оживленіе платкомъ Бадри и [...]
Возрастаніе силъ Амирана по волѣ Господа.	Наказаніе Амирана прикрѣпл[...] къ колу съ собакой.
Борьба съ I. Христомъ.	Птичка — виновница его пер[...]скаго закрѣпленія.
Амиранъ заключенъ среди горъ Мкинвари и Черчеть. Воронъ доставляетъ ему порцію хлѣба и чашку вина.	Курша—щенокъ орла.
Песъ, рожденный отъ ворона, вмѣстѣ съ А. прикованъ.	

Ударомъ кузнецовъ въ страстной
теергъ цѣпь Амирана крѣпнетъ.
Окаменѣлый драконъ, пытавшійся
жрать Амирана.
Амиранъ получитъ свободу въ суд-
й день.

Карталинская версія.

Амиранъ, сынъ Усупи и красавицы въ пещерѣ.
Крестилъ Богъ. Стеклянный зубъ.
Сулкалмахъ и Бадри-деди.
Борьба А. съ дэвами, плѣнившими его дядей.
Борьба съ Бакбакомъ, желавшаго пожрать покойнаго (въ башнѣ) племян-
ка Усупи.
Встрѣча съ матерью Бакбакъ-дэви.
Одинъ изъ трехъ змѣевъ поглощаетъ Амирана.
Освобожденіе его изъ живота съ помощію ножа.
Умывшись въ рѣчкѣ, волосы ему возвращается.
Исканіе красавицы.
Осада Амирана родителями красавицы по знаку разбитой ею тарелки.
Появленіе птицъ и муравьевъ убѣждаетъ Амирана въ смерти дядей.
Украдкой убитъ и Амиранъ.
Оживленіе убитыхъ по указанію крысы.
Встрѣча съ мертвымъ великаномъ.
Возрастаніе силъ.
Поединокъ съ Богомъ.
Привязанъ къ столбу надъ которымъ воздвиглась гора.
Съ нимъ собачка, лижущая цѣпь.
Ударъ кузнецовъ.
Въ семь лѣтъ разъ открывается пещера А.
Попытки его освободиться.

По схемѣ сравненія версій народныхъ сказаній объ Амиранѣ жно видѣть, что основные мотивы сказанія являются общими во ѣхъ трехъ версіяхъ [1]), причемъ карталинская и пшавская ближе жду собою, чѣмъ къ третьей—сванетской. Слѣдуетъ отмѣтить, что рьба съ Богомъ (І. Христомъ) отсутствуетъ въ сванетской версіи, а ѣется въ двухъ остальныхъ, отражая на себѣ вліяніе библейскаго занія о борьбѣ Іакова съ Господомъ (Амиранъ въ живописи см. *крадзе*—„Сванетія".)

Въ „Амиранъ-Дареджаніани" сохранился еще эпизодъ, сближающій съ сказаніемъ объ одноглазомъ циклопѣ—Полифемѣ.

[1]) Ср. Осетинское, абхазское и армянское сказаніе. См. литературу во- са и изложеніе сказаній объ Амиранѣ у *меня* въ І ч. Очерковъ, стр. 41, лѣч.

Мы,—разсказываетъ одинъ изъ соучастниковъ похода Амирана Дареджанидзе,—встрѣтили большія скалы и пещеры. Изъ скалы вышелъ Дидо и сказалъ: „Привѣтъ твоему прибытію, Амиранъ“ А Амиранъ—ему: „Скажи, братъ, кто ты“? Дидо отвѣтилъ: „я былъ царь дидойцевъ, но девы изгнали меня, войско мое перебили, и я остался одинъ“. Ему замѣтили: „Когда ты оказался такимъ жалкимъ, что осрамилъ царство, лучше было бы, если бы и ты погибъ!“ Дидо доложилъ (Амирану): „Отнынѣ, куда ни пойдешь, сумѣю сослужить тебѣ службу. Если ты хорошій витязь, дай слово, что по службѣ моей вернешь мнѣ мое отечество“. Амиранъ изволилъ сказать: „Клянусь именемъ Всевышняго Бога, дамъ тебѣ“! За царемъ дидойцевъ послѣдовали и мы. Мѣстность была скалистая, ущелье глубокое. На скалѣ вздымалась еще другая крутая скала, въ которой было множество змѣй и людей. Амиранъ всѣхъ ихъ перебилъ. Отсюда мы шли еще 3 дня и встрѣтили плачущую женщину. На вопросъ: „О чемъ ты плачешь?“ Она отвѣтила: „*Вы нашей вѣры*; припомнила я, какъ девы похитили Бадри и меня взяли въ плѣнъ. Съ того времени я нахожусь здѣсь, съ этими дьяволами. А теперь прикажите, и я подамъ вамъ обѣдъ“. Мы согласились. Она повела насъ къ скалѣ, въ которую завела Амирана, а входъ въ скалу заложила громаднымъ камнемъ. Мы остались снаружи. Женщина эта, оказывается, тоже была деви. Въ скалѣ былъ одноглазый человѣкъ, который имѣлъ также одноглазаго сына. Послѣдній сказалъ отцу своему: „Отецъ, я знаю, что ты убьешь Амирана, позволь мнѣ, я убью его“. Амиранъ схватилъ за ногу этого маленькаго деви и со всего размаху швырнулъ его въ лицо отца-деви и убилъ. Потомъ бросился на Амирана отецъ-деви, но Амиранъ преодолѣлъ его, извлекъ ножъ и вонзилъ ему прямо въ глазъ. Деви крикнулъ: „Не убивай, „чаш исто“! Амиранъ тутъ же уложилъ и злоумышленницу-женщину—деви, и, отворивъ двери, впустилъ насъ въ скалу [1]).

Слѣдовъ христіанства въ повѣсти не замѣчаемъ. Приписка „аминь“ принадлежитъ, конечно, позднѣйшимъ переписчикамъ.

Ак. Броссе замѣчаетъ относительно языка повѣсти, что онъ отличается чистотой и присутствіемъ формъ древнихъ на ряду съ новыми, вотъ почему ученый грузинологъ считаетъ произведеніе Хонели памятникомъ того стиля, который характеризуетъ переходъ языка литературнаго въ разговорный. Глава XIII и XIV онъ приписываетъ

---

[1]) Ср. *Гренъ*. „Этногр. Обозр.“ IX, 208. Духи горъ *каджи* обезглавили Амирана, а дэвы падаютъ подъ ударами смертныхъ.

другому автору, который тщетно подражаетъ Хонели, въ живость изложенія. Предъ началомъ этихъ главъ дѣлается заявленіе, что авторъ хочетъ продолжать Саргисъ Тмагвели, написавшаго Диларіани (см. у меня выше).

По мнѣнію М. Джанашвили, въ этой повѣсти. Въ аллегорической формѣ изображена борьба христіанской Грузіи съ арабами, персами и турками. Герои М. Хонели борются съ девами, драконами, змѣями, львами, волками, великанами, съ бѣлокожими, чернокожими народами (стр. 4). Онъ приводитъ въ параллель мѣсто изъ „Житій" груз. святыхъ, гдѣ сказано, что „подъ медвѣдемъ вообще разумѣется персидское владычество въ Вавилонѣ, подъ львомъ—господство сарацинъ (арабовъ) въ Багдадѣ вавилонскомъ, что волки суть еретики, козлята — служители дьявола, ягнята, телята и телецъ — истинное стадо Христово".

Самъ Данте употребилъ также аллегорію, чтобъ дать въ своей поэмѣ вѣрный очеркъ всего достойнаго изученія, всѣхъ мнѣній, всѣхъ вѣроисповѣданій и цѣлой исторіи своего времени (стр. 50)... Въ его распоряженіи была только одна поэтическая форма—аллегорія, которую поэты того времени употребляли всякій разъ, какъ только выходили изъ сферы поэзіи миннизенгеровъ.

Литературу объ Амиранъ Дареджаніани см. у меня въ I в. „Очерковъ". Сюда нужно прибавить книжку М. Джанашвили —„Мосе Хонели и его Амиранъ Дареджаніани" (Т. 1895), съ рецензіей Н. Я. Марра въ Ж. М. Н. П. 1835, октябрь, II, стр. 324—8. „Амиранъ" въ *Сборникѣ Кавказ. попечителя*; в. XXI, съ любопытной подробностью: Когда А. бывалъ на небѣ, то I. Христосъ воспрещалъ уносить оттуда огонь, а онъ ослушался и навлекъ гнѣвъ. *Brosset*. Mélanges Asiatiques, t. VIII, стр. 428. Мое письмо въ *Иверіи*. 1892, № 17.

Висраміани.

Висраміани относится къ циклу классическихъ литературныхъ произведеній золотаго вѣка царицы Тамары. До изданія этого памятника въ полномъ видѣ [1]), онъ былъ извѣстенъ только по нѣкоторымъ отрывкамъ, помѣщеннымъ въ хрестоматіи Чубинова. Повѣсть эта приписывалась Саргису Тмогвели, написавшему ее до „Барсовой кожи", ибо Руставели нѣсколько разъ, напр., въ страфѣ 182—упоминаетъ о главныхъ герояхъ этого разсказа, о любовникахъ Висѣ и Раминѣ.

---

[1]) *Висраміани*, изд. подъ ред. кн. Чавчавадзе, А. Сараджева и П. Умикова. Тифлисъ, 1884.

Издатели „Висраміани" говорятъ въ предисловіи, что не р ются утверждать—оригинальное ли это грузинское произведеніе, же переводъ съ персидскаго, и приводятъ по этому поводу три личныхъ мнѣнія относительно составленія „Висраміани".

Согласно первому мнѣнію, „Висраміани" есть чисто грузи произведеніе. Это доказывается вопервыхъ, сходствомъ (?) нра описываемыхъ въ поэмѣ съ грузинскими обычаями, а затѣмъ и ствомъ и высокою обработанностью слога, такъ что трудно допу мысль, чтобы это былъ только простой переводъ.

По второму мнѣнію, Саргисъ Тмогвели, хотя, быть може имѣлъ передъ собой какой нибудь персидскій подлинникъ, но і далъ въ вольномъ переводѣ только содержаніе поэмы, не приде ваясь рабски самого текста.

Наконецъ, третье мнѣніе таково, что на основаніи текста (повѣсти (сравни, напр., стр. 3), можно утверждать, что существ древнее пеглевійское прозаическое изложеніе разсказа о Ви Раминѣ, что она переведена съ пеглевійскаго на персидскій я нѣкіимъ Пахпуромъ, а затѣмъ уже съ персидскаго на грузи Саргисомъ Тмогвели. При этомъ издатели передаютъ, что в стоящее время существуетъ подобно „Калилѣ и Дамна", перси поэма о Висѣ и Раминѣ, написанная въ XI столѣтіи, въ перем то прозою, то стихами, и что она даже переведена на нѣм языкъ.—Но, они не могли провѣрить эти три мнѣнія, ибо не до ни персидскаго, ни нѣмецкаго текста.

Замѣтимъ здѣсь двѣ невѣрности въ приведенныхъ словахъ. первыхъ, хотя, дѣйствительно, существуетъ персидскій подлин „Висраміани", но онъ написанъ сплошь стихами, а не въ перем то прозою, то стихами, и, во-вторыхъ не существуетъ нѣмецкаго наго перевода всей „Висраміани", а только довольно подробное женіе ея содержанія съ стихотворными отрывками въ Zeitung der genländischen Gesellschaft за 1869 годъ, томъ XXIII, стр. 395–

Изъ означенной статьи вѣнскаго журнала, между прочим ствуетъ, что персидскій подлинникъ грузинской „Висраміани", въ 1864 — 65 годахъ былъ изданъ въ Калькутѣ капитаномъ ссау Лисомъ (Nassau Lees) и отпечатанъ въ „Индійской Библіо Азіятическаго Общества. Эта поэма, состоящая изъ 8000 двуст есть сочиненіе персидскаго поэта Гургани [Горгани], живша половинѣ XI столѣтія, при дворѣ Сельджукскаго эмира Тог бека. Гургани имѣлъ при этомъ подъ рукою старинный п війскій прозаическій разсказъ, вѣроятно, еще временъ сассані

е. до появленія магометанства, ибо въ концѣ поэмы упоминается
храмахъ, гдѣ горитъ вѣчный огонь [1].

Этотъ пеглевійскій разсказъ Гургани передѣлалъ, разукрасилъ и
реложилъ въ стихахъ на персидскій языкъ.

Издатели „Висраміани" восхищаются въ предисловіи не только
дожественностью грузинской рѣчи, но также и картинностью изобра-
ній человѣческихъ страстей, въ особенности же любовныхъ стра-
ній. Они готовы признать Вису и Рамина примѣрными, идеальными
бовниками", таковыми, напр., какъ Юсуфъ и Зулейха у аравитянъ,
Данте и Беатриче, Абеляръ и Элоиза. „Славенъ тотъ народъ, го-
ятъ они, который впервые создалъ „Висраміани". Велико дарованіе
та, мощна сила его воображенія, столь вѣрно живописующая раз-
ныя движенія человѣческаго сердца. Поэтому мы должны смо-
ть на этотъ прозаическій разсказъ Тмогвели, какъ на драгоцѣнный
лъ нашей письменности".

Къ прискорбію, никакъ нельзя согласиться съ этимъ мнѣніемъ
внутреннихъ достоинствахъ этой поэмы. Чѣмъ ближе всматри-
мся въ нее, тѣмъ болѣе поражаетъ насъ дикая грубость нра-
ь. Коварство, лицемѣріе, ложь, невѣрность въ любви, какъ въ
скихъ, такъ и въ женскихъ типахъ, попадаются на каждомъ
у, а главное, всѣ эти черты не возбуждаютъ въ разсказчикѣ
малѣйшаго отвращенія, а описываются, какъ совершенно естест-
проявленія. Женщина, напр., несравненная Виса, то превозно-
ся какъ божество, то подвергается жестокимъ побоямъ. Однимъ
омъ, ни одинъ изъ типовъ, рисуемыхъ въ „Висраміани", не воз-
даетъ въ насъ къ себѣ участія.

Престарѣлый шахинъ-шахъ, т.-е. царь царей, Моабадъ, является
но влюбленнымъ въ молодую Вису и вѣчно ею обманывае-
ъ. Сколько разъ онъ неуличалъ ее въ невѣрности, все-таки

[1]) Nassau Lees въ 1864—5 г. въ Калькуттѣ издалъ поэму Wis и Râ-
принадлежащую персидскому поэту XI в. Горгани. (Wis и Râmin, an an-
persian poem by Fahraldin Asad Al Astarabadi Al Fakhri Al Gur-
, edited by Cartain W. Nassau Lees). Въ основаніи изданія лежитъ
тленная съ пропусками и неясными мѣстами рукопись этой поэмы. Ману-
итъ этотъ остается и нынѣ единственнымъ, такъ какъ Берлинскій (Spren-
chen Bibliothek) оказался копіей съ него 1792 г., а Оксфордскій изъ-
ь червями и еще менѣе удовлетворителенъ. По Hâgi Khalfa Горгани за-
ъ придворную должность при Тогрульбегѣ, шахѣ сельджуковъ. (Zeitsch.
. VIII, 608). Сочиненіе его книги, относится ко времени послѣ 1042 г.,
Тогруль разорилъ Испагань и до взятія Багдада въ 1055 г.

никакъ не можетъ отъ красавицы оторваться. Прекрасная Ві является личностью, которая, дѣйствительно, сначала заслуживае полное участіе къ себѣ; но вскорѣ она, слѣдуя наставленіямъ сво кормилицы, дѣлаетъ столь быстрые успѣхи въ искусствѣ обманыв своего мужа, что оставляетъ далеко за собою самыхъ отчаянныхъ роинь Боккачіо. Наконецъ, и молодой Раминъ [сокращ. Рамъ, отк груз. названіе Висраміани], представляетъ собою заурядный ті молодаго восточнаго принца. Онъ не знаетъ, что такое постоянн неизмѣнное чувство къ одной женщинѣ. Сегодня онъ клянется бомъ и землею въ вѣчной любви, завтра онъ разрываетъ с связь съ прежней возлюбленной и пылаетъ новою, столь же неп должительною страстью къ другому предмету. Онъ не знаетъ, значитъ рыцарская вѣрность, своему феодальному повелителю; сам говоритъ (стр. 175—6), „что пролить кровь старшаго бр своего и государя для него столь же легко, какъ пролить кр кошки“, и кончаетъ тѣмъ, что поднимаетъ знамя возстанія, похища сокровища и жену Моабада, и только преждевременная смерть слѣдняго положила конецъ братоубійственной борьбѣ между ними.

Прослѣдимъ вкратцѣ содержаніе „Висраміани“. Грузинскій тек открывается тѣмъ, что жилъ когда-то именитый и могуществен султанъ персидскій Туглурбегъ. Не доставало полнотѣ его славы Аспани (Испагани?) По совѣту вельможъ, султанъ рѣшается покор себѣ весь мусульманскій міръ и отправляетъ войска противъ не коренныхъ странъ: Кирмана, Мусли(Могунъ?), Гаваза, Арменіи, Гре и вскорѣ они возвращаются побѣдителями. У султана былъ визирь дрый и мудрый Амидудинъ Абульфахъ, персидскаго текста, и Ибд Меликъ визирь—груз. перев., который былъ оставленъ въ Ис гани Тогрульбекомъ, по взятіи этого города послѣднимъ. Авт Асадъ съ нимъ сблизился, и разъ спросилъ его Абульфахъ (Ибда что онъ знаетъ объ исторіи Висы и Рамина. Гургани Асадъ груз. 'Пах'пуръ и Джорджани) отвѣтилъ, что разсказъ о Висѣ и минѣ чудная повѣсть, но она существуетъ на пеглевійскомъ язы на которомъ никто ужъ не можетъ читать. Если бы кто-нибудь пялъ на себя трудъ передать эту повѣсть „сокровищницу драгоц ностей“, то тотъ пріобрѣлъ бы заслуженную славу. Услышавъ Абульфахъ поручилъ ему „украсить эту исторію (риѳмами и размѣро какъ апрѣль одѣваетъ садъ цвѣтами“. Изъ словъ Асада, можно зак чить, что до него дошелъ прозаическій разсказъ, [„я нашелъ запи нымъ изъ устной передачи, что нѣкогда жилъ царь“], а форма внѣш видъ разсказа, намъ извѣстнаго, принадлежитъ всецѣло ему. По

лвискому тексту, самъ Пахпуръ заявляетъ, что онъ передаетъ пехлевійскій разсказъ въ *размѣренной* рѣчи, если Ибдалъ ему прикажетъ. Грузинскій, сохранившійся лишь въ прозѣ, переводъ восходитъ къ названному Пахпуромъ прозаическому разсказу о Висѣ и Раминѣ, значительно отличаясь отъ стихотворнаго повѣствованія, изданнаго въ Калькуттѣ.

За этимъ введеніемъ начинается повѣсть: Былъ возвеличенный царь Адрабагана, владѣтель Хорасана, Туркестана, Эрака, Констапа, Хваразма, по имени Моабадъ, у котораго былъ визиремъ свой братъ, Зарди. Въ день байрама Новруза, онъ въ гор. Маравѣ (Мервѣ) устроилъ торжественный пиръ, на который явились всѣ подчиненные ему правители и вельможи. Моабадъ, „любитель женщинъ", былъ пораженъ красотой присутствовавшей на пирѣ красавицы Шахро, жены Карана, и просилъ руки ея дочери, если бы она у нихъ родилась. Шахро поклялась. Дѣйствительно, у нихъ родилась дочь, которой дали имя *Виса*. „Несчастіе Моабада началось съ того, что онъ еще не рожденную сосваталъ".

У Моабада былъ другой братъ, красавецъ Раминъ, который воспитывался въ Хузистанѣ, куда отправлена была на воспитаніе и Виса. Когда послѣдняя подросла, то у нея появились такія требованія въ роскоши, какимъ не могла удовлетворить воспитывающая ее няня, поэтому Шахро, извѣщенная объ этомъ, взяла дочь свою къ себѣ. Едва только Виса достигла совершеннолѣтія, какъ мать ея Шахро, не находя никого достойнымъ ея неописанной красоты, поспѣшила сочитать ее бракомъ, по древне-иранскому обычаю, съ братомъ ея Виросомъ [Виромъ]. Астрологи предсказали молодой четѣ счастье и благополучіе. Но неожиданно заслонившее дневной свѣтъ облако служило дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, шахъ Моабадъ потребовалъ въ день свадьбы черезъ гонца, брата Зарди, чтобы ее отдали ему, согласно прежнему уговору, обѣщая Виро найти жену изъ царскаго дома; передъ Зарди Шахро упала въ обморокъ, вспомнивъ, что нарушила клятву. Виса же смѣло стала порицать Моабада, „гнилого старика", оспаривающаго жену у молодаго красавца, и наотрѣзъ отказалась смѣнить Виро на шаха. Послѣдній тогда въ гнѣвѣ выступилъ войною противъ Виро. Отецъ-Каранъ падаетъ въ битвѣ, а Вису въ очаяніи, при отсутствіи Виро, похищаетъ силою шахъ, склонивъ къ согласію Шахро щедрыми подарками. Младшему брату ослѣпленнаго любовью Моабада, Рамину, уговаривающему предъ тѣмъ шаха отказаться отъ узъ, угрожающихъ бѣдою, поручено было сопровождать караванъ, въ которомъ везли Вису въ Мервъ, столицу Моабада. Дорогою порывъ вѣтра срываетъ завѣсу, скрывающую Вису отъ взоровъ Рамина. Увидѣвъ ее, онъ мгновенно воспылалъ къ ней самой безумной любовью. Въ Мервѣ шахъ празднуетъ пышную свадьбу.

Между тѣмъ, Виса предается отчаянію; она все плачетъ и горюетъ, Моабада знать не хочетъ, отворачивается отъ него и не показываетъ ему своего лица. Она говоритъ своей кормилицѣ, подоспѣвшей къ ней въ Мервъ для утѣшенія: „я убью себя, если ты мнѣ не поможешь и не избавишь, и при томъ это должно быть сдѣлано скоро" (стр. 64). „Я не могу видѣть Моабада; всякій разъ какъ онъ приближается ко мнѣ, меня обдаетъ словно жгучимъ огнемъ, словно приближается смерть. Хочу цѣлый годъ провести въ гореваніи и цѣлый годъ не принадлежать ему, но боюсь, что это мнѣ не удастся. По этому помоги ты мнѣ и разставь ему на дорогѣ ловушку, свяжи на это время его силу, не то я скорѣе сама себя изведу, чѣмъ отдаться ему". Напрасно ее уговаривала кормилица. Она должна была повиноваться и сдѣлала два талисмана: одинъ представляющій Моабада, другой—Вису. Надъ ними совершила она заклинанія и связала ихъ желѣзнымъ прутомъ. Пока эта желѣзная связь существуетъ, мужчина связанъ относительно женщины. Утромъ она отнесла этотъ талисманъ и закопала у берега рѣки; она намѣревалась чрезъ мѣсяцъ взять талисманъ и бросить его въ огонь, чтобы освободить шаха; между тѣмъ наступили ливни, которые размыли это мѣсто и унесли съ собою талисманъ. Такимъ образомъ, прекрасная Виса, хотя уже была за двумя мужьями, но оставалась безъ мужа. Моабадъ сгоралъ отъ любви, но не находилъ средства удовлетворить ея. Онъ предавался грусти и старался ее разсѣять пиршествами или охотой. Раминъ съ своей стороны также не находилъ утѣшенія въ загорѣвшемся пылкомъ чувствѣ къ Висѣ. Онъ изливалъ свою скорбь въ саду шахинъ-шаха предъ деревьями и соловьями, прося ихъ передать Висѣ объ его любви. Слезы лились изъ его глазъ горячими слезами, тоска его не покидала. Онъ обратился въ такомъ безъисходномъ состояніи къ помощи кормилицы и, наконецъ, успѣлъ ее склонить на свою сторону. Раминъ поразилъ ее своей красотой и глубокимъ страданіемъ. Кормилица уговариваетъ въ его пользу Вису, расхваливая его мужество, станъ, общественное положеніе, но встрѣчаетъ сильнѣйшій отпоръ съ стороны красавицы. Виса еще во снѣ видитъ образъ Виро, она мечтаетъ объ немъ. Кормилица же продолжаетъ ее хитро и лукаво склонять къ Рамину. Виса зарыдала на слова кормилицы, замѣтивъ, что Виро, вѣроятно, ея уже не вспоминаетъ, и сказала (стр. 86): „лучшее достояніе человѣка есть стыдъ; тебѣ бы слѣдовало стыдиться меня и Виро и не упоминать предо мною о Раминѣ. Я не ожидала отъ тебя подобнаго поступка, даже если бы волосы выросли у меня на ногтяхъ. Ты моя мать, а я твоя дочь; ты старѣйшая, а я младшая,

но ты не учи меня безстыдству. Безстыдство приноситъ женщинамъ позоръ. Сердце мое вовсе не радуется и не спокойно, такъ какъ ты стараешься меня обманывать. Здѣсь поразилъ бы меня вѣчный позоръ, а тамъ я лишилась бы прощенія и рая. Если бы даже Раминъ былъ строенъ, какъ кедръ, и болѣе храбръ, чѣмъ Рустемъ, то меня къ нему не тянуло бы изъ-за его красоты. Онъ мнѣ не братъ, хотя быть можетъ и похожъ на Виро и меня не влечетъ къ нему ни золото, ни твои наговоры".

Кормилица извиняется и говоритъ Висѣ, что придетъ время, когда она почувствуетъ, что такое любовь, и тогда она заговоритъ иначе. А Раминъ опять пристаетъ къ кормилицѣ и умоляетъ ее заступиться за него предъ Висою, но послѣдняя еще рѣзче отталкиваетъ наговоры кормилицы (стр. 95).

„Прочь отъ меня, ты гнусная, Богомъ проклятая! Да разорится Хузистанъ, откуда ты родомъ! Тотъ невѣритъ въ Бога, кто собственную свою дочь, отдаетъ на воспитаніе такой кормилицѣ, которая будетъ ее кормить злою и оскверненною грудью. Господь да воздастъ моей матери, которая мою чистую натуру предала твоему кормленію и колдовству, вручивъ въ твои безстыжія руки! Ты, не имѣющая ни знанія, ни стыда,—ты мой врагъ, а не моя кормилица"!

Кормилица, выражая какъ будто сочувствіе ея несчастію и проклиная шаха, однако не отступаетъ и послѣ новаго свиданія съ Раминомъ (стр. 89 и 97) старается вызвать сожалѣніе къ „тающему юношѣ". Вису останавливаетъ сознаніе долга и требованіе религіи. Она твердо уклоняется отъ соблазна. Но опасность неизбѣжна.

„Моя безцѣнная и прекраснѣйшая изъ прекрасныхъ! говоритъ кормилица.—Всегда говори правду, всегда поступай по справедливости и всегда соблюдай осторожность и честность. Какая мнѣ нужда обманывать твою чистую душу? Раминъ мнѣ ни сынъ, ни родственникъ, ни сватъ, ни господинъ и не сдѣлалъ ничего такого, чтобы я была его другомъ, а тебѣ врагомъ. Хочу только сказать тебѣ то, что для тебя, быть можетъ, не совсѣмъ ясно: вѣдь мы Адамова рода не ангелы, не дэвы и не духи. Ты лишилась только мужа, какъ Виро, затѣмъ соединилась бракомъ съ Моабадомъ; но до сихъ поръ ты собою никого не осчастливила и никто тобою не обладалъ. О, если бы ты могла дѣлать выборъ изъ мужчинъ, ты не нашла бы никого нѣжнѣе Рамина! но что за польза, что ты прекрасна, какъ солнце; вѣдь тебѣ красота не доставляетъ наслажденья? Ты еще не знаешь, что ухаживаніе безъ любви не доставляетъ удовольствія. Вѣдь Божья птица—курица создана для пѣтуха...

„Взгляни на женъ царей и вельможъ, всѣ они живутъ въ довольствіи, у всѣхъ тайно есть любовники, всѣ явно и тайно наслаждаются, а ты вѣчно плачешь и жалуешься на судьбу. Скоро придетъ и старость и ты останешься лишенною и наслажденія и младости. Вѣдь ты не камень и не желѣзо!"

Слова коварной старухи запечетлѣвались все глубже и глубже въ сердцѣ молодой женщины. Мало-по-малу исчезло ея сопротивленіе, заря любви занялась въ ея душѣ. Раминъ встрѣчается третій разъ съ кормилицей и умоляетъ ее спасти его отъ пожирающей страсти. Всю надежду онъ возлагаетъ на нее, обѣщая добромъ отплатить за услуги. Онъ такъ обезумѣлъ отъ любви, что готовъ поднять на себя руку. Кормилицѣ, дѣйствительно, удается, хотя съ большимъ трудомъ уговорить Вису отправиться въ садовую бесѣдку, гдѣ она чрезъ переплетъ рѣшетки могла бы увидѣть Рамина. Здѣсь любовь вспыхнула въ ея сердцѣ, но она, не открываясь кормилицѣ, сказала ей только: „Правда, Раминъ таковъ, какъ ты мнѣ описывала его, и похожъ на Виро, но я не могу исполнить его желанія, ибо и не страдаю, подобно ему, любовью,—мнѣ же не приличествуетъ позоръ и безчестіе, а ему мученіе и страданіе. Итакъ, дай Богъ, чтобы ему хорошо жилось, и чтобы онъ поскорѣе забылъ меня и мое имя"! Но искра любви запала ей въ душу, она завидовала ужъ той, чьимъ мужемъ могъ быть Раминъ; сердце ея волновалось—„дьяволъ поборолъ ее". Кормилица на свиданіи съ Виро объявила ему, что наступилъ конецъ его страданьямъ. Раминъ благодаритъ деньгами и драгоцѣнными камнями хитрую старуху и проситъ Бога вознаградить ее райскимъ блаженствомъ. Ей удается склонить Вису на свиданіе съ Раминомъ, въ отсутствіи Моабада. Тутъ они обмѣнялись клятвами въ вѣчной любви. Весьма замѣчательна при этомъ клятва Рамина: она напоминаетъ собою многія клятвы, помѣщенныя Гриммомъ всего Deutsche Rechtsalterhümer, а также клятву упоминаемую лѣтописцемъ Несторомъ въ договорѣ, заключенномъ между Владиміромъ и Волжскими болгарами. Вотъ дословно эта клятва, причемъ въ скобкахъ поставлены слова, пропущенныя въ грузинскомъ переводѣ противъ персидскаго подлинника:

„Клянусь именемъ Бога всемогущаго, управляющаго вселенной, сіяніемъ мѣсяца и свѣтомъ солнца (звѣздою счастія Юпитеромъ и звѣздою наслажденія Намдомъ (Венерою?); клянусь хлѣбомъ и солью), и божественною правдою (и душою говорящею, и свѣтомъ огня)— доколѣ вѣтры дуютъ по горамъ, доколѣ воды обрѣтаются въ моряхъ и рыбы въ рѣкахъ, доколѣ темная ночь приноситъ съ собою мракъ,

ы сіяютъ на небѣ и любовь не изчезаетъ изъ сердецъ человѣ-ъ—до тѣхъ поръ Раминъ не приступитъ клятвы вѣрности, бу-ядѣть единственно на лицо Висы и единственно ея любовь бу-о счастіемъ"!

очно также клялась и Виса. Два мѣсяца къ ряду Виса и Ра-асслаждались взаимною любовью, никѣмъ нетревоженные, пока ъ, гостившій въ это время у Шахро, матери Виро и Висы, ебовалъ къ себѣ Рамина, приказавъ ему привезти и Вису. Радо-правились они вмѣстѣ, но въ присутствіи шаха могли только ю видѣться. Черезъ мѣсяцъ Раминъ рѣшилъ отправиться по-ся въ Мугань, близъ Каспійскаго моря. Въ эту ночь (стр. 119) Моабадъ лежалъ возлѣ своей Висы и не могъ заснуть отъ силь-бви къ ней; его мучила мысль, что она, прекрасная какъ солнце, етъ его ложе и не принадлежитъ ему въ силу талисмана. Кор-, думая, что она спитъ, приблизилась къ Висѣ и начала ей ь; „Развѣ теперь время спать, когда твой милый Раминъ го-удалиться? Завтра онъ отправляется въ Сомхетію на охоту. йско его собирается при звукахъ трубъ и барабановъ, и ша-о стоитъ за городомъ и завтра рано онъ выступаетъ. Если еще видѣть его свѣтлое лицо, то встань и отправляйся на ". Къ несчастію, Моабадъ не спалъ и слышалъ весь этотъ раз-кормилицы. Онъ вскочилъ разъяренный, осыпалъ кормилицу ми и ругательствами, затѣмъ напустился и на Вису, сталъ ей ривать за безстыдство и вѣроломство и, наконецъ, велѣлъ при-Виро, которому и поручилъ сдѣлать сестрѣ строгое внушеніе, а безстрашно поднялась и вкричала: „Великій государь! я не-сь твоего гнѣва и твоихъ укоризнъ, все что ты сказалъ — и истина; ты можешь меня убить или прогнать, или выжечь или наказать вѣчнымъ заточеніемъ, или продать меня на пло-какъ рыбу, безъ одежды, — все это ты можешь сдѣлать,—не ю, но Раминъ мнѣ дороже неба и земли, онъ душа моего тѣла, ѣтъ моихъ очей, радость моего сердца, мой возлюбленный и инъ!" На строгія же слова брата Виро, она отвѣтила: „Оставь что дѣлать! что сдѣлано,—то сдѣлано; еслибы мнѣ дали выби-ежду раемъ и Раминомъ, увѣряю тебя, я выбрала бы Рамина". авъ это, Виро огорченный измѣною сестры себѣ и Моабаду, лъ далѣе увѣщевать Вису и предоставилъ все дѣло рѣшенію Виса, чувствуя свою вину, предалась горю.

пустя нѣкоторое время (стр. 128) Моабадъ, возвратившись въ сидѣлъ вмѣстѣ съ Висою на высокой башнѣ дворца и любо-

вался зеленѣющими и пестрѣющими цвѣтами, полями, садами и виноградниками.—Смотри, сказалъ онъ, какъ прекрасны поля и виноградники; земля, воды, баштаны, луга, нивы и фруктовые сады. Богъ разукрасилъ горы и долины Мерва словно эдемъ. Скажи мнѣ, луна ты моя, что ты предпочитаешь Масъ или Мервъ? Я предпочитаю Мервъ, земля здѣсь похожа на небо, разукрашенное звѣздами, она точно земной рай, полный милостію Божьею. Подобно тому, какъ Мервъ превосходитъ Масъ, такъ точно и я стою выше Виро, ибо владѣю кромѣ Мерва, еще многими другими землями, и у меня гораздо болѣе подданныхъ и служителей, чѣмъ у Виро". Виса отвѣчала: „Государь, Мервъ или Масъ болѣе пріятны—объ этомъ пусть Богъ осчастливитъ тебя отвѣтомъ; я уже нахожусь здѣсь противъ воли, подобно звѣрю, попавшему въ тенета. Когда не вижу Рамина, тогда я словно исчезаю, когда же его вижу, то вездѣ мнѣ кажется все и Мервомъ, и Масомъ".

Шахъ, при этихъ словахъ, краснѣя и блѣднѣя отъ гнѣва, разразился страшными упреками и проклятіями противъ Висы и, наконецъ, объявила ей, чтобы она оставила его и уходила на всѣ четыре стороны.

Виса съ радостью ухватилась за эти слова шаха, простилась съ нимъ и отправилась вмѣстѣ съ кормилицею къ матери своей въ Масъ-Абадъ. Туда же, не находя успокоенія въ разлукѣ съ Висой, вскорѣ потянулся за нею и Раминъ, подъ видомъ охоты въ Гурганѣ, не смотря на торжественное клятвенное обѣщаніе, данное имъ Моабаду, не имѣть болѣе никакихъ сношеній съ Висою и поискать себѣ жену въ Констанѣ. Виса у матери предавалась отчаянію. Она сидѣла какъ въ траурѣ, отказавшись отъ пищи и увеселеній. На брата смотрѣла, какъ на кровнаго врага,—мать ее не трогала, глаза ея были обращены къ Хварасану. Въ такомъ горестномъ состояніи, засталъ ее Раминъ. Встрѣча ихъ вызвала потоки слезъ, а потомъ неудержимые порывы взаимной ласки и нѣжности. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Моабадъ, узнавъ о вѣроломствѣ и поношеніи, причиненномъ Раминомъ, сначала намѣревался наказать его смертью, но потомъ смягчился по просьбѣ матери, убѣдившей его въ томъ, что подобныхъ Висѣ можно имѣть тысячу женъ, и направила гнѣвъ шаха не неповиннаго будто бы любовника Висы — Виро. Для отмщенія послѣднему онъ оправился въ Масъ-Абадъ, предупредивъ письмомъ о своемъ недовольствѣ и намѣреніи сгубить его страну. Виро оправдывается въ отвѣтѣ въ взведенныхъ на него нареканіяхъ и не отказывается въ личной борьбѣ помѣриться силой съ шахомъ. Когда

слѣдній прибылъ въ Масъ-Абадъ, Шахро, мать Висы и братъ ея, ро, опять успѣли примирить шаха съ Висою и тутъ же вторично здновали ихъ свадьбу съ великимъ торжествомъ. По возвращеніи Мервъ, Моабадъ сказалъ однажды Висѣ: „Неправда-ли, ты такъ го оставалась въ Масѣ, потому что тамъ былъ и Раминъ,—не то и трехъ дней тамъ не вытерпѣла бы?“ Виса, сдѣлавшись съ лѣ- и уже болѣе опытною въ жизни, отвѣтила: „Можешь ли ты, такъ но думать обо мнѣ? Ты обвиняешь, то Виро, то Рамина въ живаніи за мной. Виро и Раминъ оба молоды, молодость при- вается молодость; естественно, что пирушки, вино и охота забав- и ихъ въ Маһѣ и задерживали Рамина“.—„Хорошо“,—отвѣтилъ ъ,—„но можешь-ли дать мнѣ торжественную клятву, что ты не ла дѣла съ Раминомъ?“—„Чего мнѣ бояться клятвы? кто невиненъ, у легко доказать свою невинность клятвою“.—„Хорошо“, сказалъ ъ,—„въ такомъ случаѣ я прикажу завтра же зажечь костеръ изъ говоннаго дерева, и ты предъ всѣми сановниками государства изнесешь очистительную клятву предъ костромъ и затѣмъ никогда бе въ жизни я не стану тебѣ дѣлать упрековъ“. Словомъ, Моа- ь требуетъ, чтобы Виса очистилась судомъ Божьимъ, т. е. огнемъ подозрѣнія въ связи съ Раминомъ. Точно также въ Рамаяни и, жена Рамы, доказываетъ свою невинность, а въ Шахъ-Намэ Фир- си—Сей-вушъ, сынъ царя Кей-Кавуса. Виса сначала согласилась вергнуться испытанію, но, увидавъ на другой день съ террасы ца высоко поднимавшееся пламя костра, испугалась и тутъ же орила Рамина немедленно скрыться и бѣжать. Такъ они и сдѣ- ь. Захвативъ съ собою кормилицу изъ бани, они отправились въ Ре, къ доброму человѣку Берозу, сыну Шехро. Онъ ихъ прію- ь и забавлялъ пышными обѣдами. Моабадъ, узнавъ о побѣгѣ ихъ, пился за ними въ погоню [1]). Пять мѣсяцевъ подъ рядъ ѣздили гицьо

[1]) *Graf.* Wîs und Râmin. S. 409.

Als Wîs zu seh'n die Hoffnung er verlor,
Kam dunkel selbst der Sonne Strahl ihm vor
Da übergab er ganz dem Zerd des Reich,
Der ihm Wesîr und Bruder war zugleich.
Er wählt'aus seinem Waffen sich ein Schwert,
Bestieg ein Wetterwolkenschnelles Pferd,
Ritt Wîs zu suchen in die Welt allein,
Rief nur noch Wîs in seines Hezens Pein;
In Wüst' und grünem Land ritt er herum,
In Iran wie in in Turan, Hind wie Rûm,
Von Wîs sucht' eine Spur er zu gewahrén,

по всѣмъ окраинамъ своего обширнаго царства, Индію, Китай, Грецію, Туркію, Ранъ, Эракъ, Чинь-Мачинъ, [Китай, буквально зна-

---

Doch s'ah er nichts und konnte nichts erfahren.
Bald Gemsen gleich auf hoher Berge Zinnen,
Bald Löwen gleich an kühler Bäche Rinnen,
Bald gleich dem Diw in dürren Wüste Sand,
Bald Schlangen gleich am schießbewochs'nen Strand,
Bald ward durchbohrt er von der Hitze Pein,
Bald drang in's Mark der Kälte Qual ihm ein,
Bald nährte ihn der Mönche Fastenspeise,
Bald blieb des Nachts er in der Hirten Kreise,
So Zog durch Berg und Wald und Wüst und Meer
Fünf Monde wie son Sinnen er umher;
Er schlief nicht oder, wenn den Schlaf er fand,
War Bett die Erde, Kissen ihm die Hand;
So war fünf Monde lang in Berg und Flur
Der Weg sein Freund, Gram sein Genosse nur.

Висраміани, стр. 154—5.

Когда онъ (Моабадъ), сталъ искать Вису, то (ея) не могъ найти. Судьба предъ нимъ омрачилась. Одинъ день и одну ночь ее искали. Печаль его объялъ огонь, и сердце его пылало въ каминѣ, имъ возженномъ. Потерявъ надежду отыскать ее, смерть своя казалась (сдѣлалась) желательной. Потомъ онъ сдалъ и поручилъ тронъ Зарди, такъ какъ онъ (послѣдній) былъ и братъ и надежный [его] визирь. Моабадъ самъ отправился по міру искать Вису. Взявъ съ собою изъ имущества только одну саблю и одного коня, которые по своимъ свойствамъ ему нравились, онъ уѣхалъ. Въ одиночествѣ онъ скитался по свѣту. Отъ сердечной боли и тоски непрерывно вспоминалъ Вису. Объѣхалъ по лицу всей земли, пустыню и заселенныя (страны), море и сушу, Индію, Туркію, Грецію, *Чинъ-Мачинъ* (Китай?), *Ракъ* и *Эракъ*, разыскивалъ слѣды и вѣсти о Висѣ; ни самъ не могъ напасть на ея слѣдъ, ни отъ другихъ (не пришлось) слышать. То подобно дикому барану по горамъ и скаламъ онъ скитался, то подобно льву среди камышей и густомъ лѣсу бродилъ, то подобно дикой козѣ въ полѣ оставался, то подобно змѣи въ пещеры забирался,—не осталось мѣста, гдѣ бы онъ не искалъ. Пять мѣсяцевъ, какъ безумный и одурѣлый плылъ въ поискахъ за Висой. Иногда томился отъ жары, иногда безпомощнымъ былъ отъ холода, иногда принималъ пищу отъ путниковъ, иногда хлѣба откуситъ у пастуховъ,—что случайно доставалось, тѣмъ и жилъ. Да, не могъ спать царь изнѣженный (по привычкѣ), постелью служила земля, а подушкой рука.

Сравнивая между собою эти параллельные отрывки изъ персидской поэмы и грузинской повѣсти, мы находимъ при близости общаго сюжета, разницу въ географической номенклатурѣ, порядкѣ и полнотѣ изложенія. Такія мѣста и еще болѣе варіирующіяся даютъ основаніе думать, что грузинскій переводъ не восходитъ къ той поэмѣ, которая издана въ Калькуттѣ.

чить: „страну видимую и невидимую"], но безъ успѣха. Наконецъ, еле-живой, добрался онъ до Мерва, гдѣ впалъ въ самое мрачное отчаяніе. Напрасно мать, огорченная исчезновеніемъ одного сына и горемъ другого, старалась ободрить послѣдняго.—„Нѣтъ, матушка, говорилъ онъ,—эта женщина причиною всѣхъ моихъ страданій, безъ нея я не нахожу покоя. Признаюсь тебѣ, если бы Виса была здѣсь, я забылъ бы все прошлое, не сталъ бы дѣлать ей уже упрековъ и подчинился бы всѣмъ ея приказаніямъ, также и Рамину нечего меня бояться: онъ всегда будетъ мнѣ братомъ и опорою". Обрадованная мать, предъ тѣмъ получившая письмо отъ Рамина [1]), вскричала: „Поклянись мнѣ, что ничего худаго не сдѣлаешь, ни Висѣ, ни Рамину, и я тебѣ открою, гдѣ они теперь". Моабадъ съ радостью поклялся. Мать извѣстила Рамина, который возвратился въ Мервъ, равно какъ и Виса, и затѣмъ послѣдовало полное ихъ примиреніе съ Моабадомъ. Лукавая Виса старалась успокоить шаха льстивыми рѣчами: „Государь, говорила она,—союзъ съ тобою мнѣ дороже жизни, думать о другой связи грѣшно. Преклоняю предъ тобою чело въ прахъ, ибо прахъ ногъ твоихъ лучше Рамина. Не думай, что фальшивый Раминъ когда-либо завлечетъ меня. Когда свѣтъ солнца меня освѣщаетъ, на что мнѣ искать мѣсяца? Твоя любовь, словно собственная моя душа, и волосъ отъ тебя мнѣ дороже свѣта обоихъ очей. Прошлое да будетъ прошлымъ, съ этихъ поръ я не дамъ тебѣ ни малѣйшаго повода къ неудовольствіямъ". Шахъ внималъ съ удивленіемъ сладкимъ рѣчамъ возлюбленной; надежда опять зацвѣла въ цвѣтникѣ его души, и онъ радостно погрузился въ сладкія грезы.

Затѣмъ слѣдуетъ картина, взятая изъ Декамерана и Боккачіо.

Шахъ спалъ (стр. 170), но Виса не могла заснуть и все думала то о Моабадѣ, то о Раминѣ.

Раминъ, не находя спокойствія на своемъ ложѣ, всталъ и началъ бродить по террасѣ дворца, не обращая вниманія на холодъ и шедшій дождь: въ его душѣ пылалъ огонь, котораго не въ состояніи были потушить всѣ ливни неба. Виса, услыхавъ его любовныя жалобы, выслала къ нему кормилицу, которая, возвратясь, еще болѣе разожгла страсть въ сердцѣ Висы.—„Что сдѣлать", вскричала послѣдняя, чтобы мужъ мой, проснувшись, не замѣтилъ моего отсутствія? Ложись вмѣсто меня возлѣ него и обернись къ нему спиною, тогда онъ не узнаетъ подмѣны, ибо онъ пьянъ и не въ полномъ умѣ".

---

[1]) Раминъ признавался, что онъ дороже цѣнитъ одинъ волосъ Висы, чѣмъ тысячу братьевъ.

Такъ и сдѣлала кормилица. Виса взяла ночникъ и отправилась на верхъ къ Рамину. Между тѣмъ шахъ проснулся и вмѣсто нѣжной „луны" [an der stelle der Cypresse], ощупалъ возлѣ себя сухой тростникъ, ибо кормилица походила на Вису, какъ лукъ на стрѣлу. Онъ вскочилъ, схвативъ ее за руку и началъ громко кричать, требуя огня и спрашивая, кто это такое, котораго дэвы положили возлѣ него. Кормилица все это время молчала, ни издавая ни одного звука. Никто изъ служителей не являлся, но Раминъ, услыхавъ гнѣвныя восклицанія шаха, разбудилъ поспѣшно Вису, покоившуюся возлѣ него, и сказалъ: „Настало время положить конецъ всѣмъ этимъ недоразумѣніямъ и освободить вселенную отъ этого человѣка; я убью этого недостойнаго; право, для меня пролить кровь этого моего брата, все равно, что убить кошку". Виса успѣла, однако, уговорить Рамина, не обагрять рукъ своихъ кровью шаха, и, поспѣшивъ въ спальный покой, усѣлась потихоньку возлѣ шаха и закричала: „Ты мнѣ отдавишь руку, возьми хоть другую руку и пусти эту". Шахъ, услыхавъ ея голосъ пустилъ руку кормилицы, которая, ловко вывернувшись, исчезла изъ покоя.—„Зачѣмъ ты все это время не отвѣчала мнѣ", спросилъ шахъ Вису; но та начала кричать и жаловаться, что Моабадъ все преслѣдуетъ ее своею ревностью и незаслуженными подозрѣніями, такъ что, въ концѣ-концовъ, Моабадъ долженъ былъ извиниться и просить прощенія у Висы за произведенный имъ скандалъ.

Вскорѣ греческій императоръ послѣ этой сцены объявилъ Моабаду войну и вторгся въ его предѣлы.

Моабадъ созвалъ всѣхъ своихъ вассаловъ въ Мервъ и собралъ огромныя полчища, но предъ выступленіемъ въ походъ онъ призвалъ младшаго брата своего Зерди и поручилъ ему увезти Вису и кормилицу; онъ велѣлъ заключить ихъ на время его отсутствія въ укрѣпленный замокъ Ашка'пудеванъ [1]) и зорко слѣдить, чтобы никто не пробрался въ замокъ, Зерди [2]) увѣрилъ шаха въ недоступности Висы, даже для чернаго дэви и вѣтра. Моабадъ водворилъ Вису въ замкѣ, Рамина же, отправляясь въ походъ, онъ взялъ съ собою. Раминъ съ грустью слѣдовалъ за Моабадомъ; ему такъ тяжело было разстаться съ Висой, что онъ, наконецъ, заболѣлъ и не могъ слѣдовать за войскомъ. Тогда окружающіе Моабада упросили его отпустить Рамина для поправленія здоровья въ Хорасанъ. Шахъ

---

[1]) *Graf.* 413. Schlosse Iškift—Dîwân.

[2]) ib. Kann sie nicht mehr *Ahriman* (по груз. дэви).
Ist Niemand mehr sie mir unterthan...

гласился. Раминъ, почувствовавъ себя на свободѣ, быстро выздоровѣлъ и поспѣшилъ добраться до мѣста заключенія Висы, предавшейся отчаянію. Знакомый съ расположеніемъ комнатъ, онъ, дождавшись вечера, приблизился къ наружной стѣнѣ и пустилъ стрѣлу съ привязанной къ ней запискою. Стрѣла упала въ женскіе покои, гдѣ была Виса съ кормилицею. Узнавъ, такимъ образомъ, о присутствіи Рамина, онѣ тотчасъ же связали между собою крѣпко, сорокъ шелковыхъ платковъ, привязали одинъ конецъ къ уступу стѣны, а другой конецъ опустили за стѣну.

Раминъ вскарабкался посредствомъ этихъ платковъ и проникъ въ замокъ, тогда, какъ Зерди съ цѣлымъ отрядомъ сторожилъ наружный входъ. Такимъ образомъ, Раминъ [1]) оставался девять мѣсяцевъ къ ряду вмѣстѣ съ Висою въ замкѣ, и никто не подозрѣвалъ о присутствія тамъ. Между тѣмъ, Моабадъ возвратившись съ большой добычей въ Мервъ, по окончаніи войны, узналъ отъ одной изъ своихъ женъ, отъ прекрасной, но хитрой Зарнагены, что Раминъ являлся въ Мервъ въ его отсутствіи, но затѣмъ исчезъ, вѣроятно, стараясь узнать, гдѣ Виса. Моабадъ немедленно отправился къ замку Ашкап'удеванъ и, напустившись на Зарди за его оплошность, велѣлъ отворить всѣ пять затворовъ, за которыми была заключена Виса, вошелъ въ женскіе покои, но не засталъ уже тамъ Рамина. Раминъ успѣлъ бѣжать, перелѣзть чрезъ стѣну и скрыться въ полѣ. Моабадъ нашелъ одну только кормиляцу и Вису, сидящую рыдая на полу и рвущую на себѣ въ отчаяніи одежду. Тутъ же валялись обличительные платки, еще связанные между собою въ длинную веревку. Моабадъ схватилъ Вису за косы и началъ ее таскать по полу, потомъ закрутилъ ей руки за спину и, связавъ какъ преступницу, началъ немилосердно наносить ей удары плетью по тѣлу, такъ что скоро полилась кровь, словно сокъ изъ гранатового яблока. Избивъ также до полусмерти и кормилицу, онъ обѣихъ заперъ накрѣпко въ замкѣ и возвратился въ Мервъ. Несмотря на всѣ проявленія невѣрности Висы, Моабадъ никакъ не могъ отъ нея оторваться.—„Она моя жизнь", говоритъ онъ. Шахъ вскорѣ склоненный при томъ причитаніями и слезами Шахро-матери [2]) Висы, велѣлъ Зарди взять съ собою 200 всадниковъ и привести въ Мервъ Вису, хотя ее тѣло было покрыто еще не зажившими ранами. Зарди

---

[1]) Раминъ и Виса въ одномъ мѣстѣ сравниваются съ солнцемъ и луной.

[2]) Она призываетъ проклятіе на Моабада, Бога-Творца, солнца и луны (14, 215).

упросилъ при этомъ также простить и Рамина, и „вотъ опять дворецъ Моабада украсился блескомъ полной луны и хрустальная рука Висы темноцвѣтнымъ виномъ".

Поэтъ, какъ бы не сознавая всего безобразія, описываемой имъ картины, восклицаетъ (стр. 217): „Въ этомъ мірѣ ничего не вѣчно, ни радость любви, ни горесть; въ концѣ-концовъ и радость и горесть улетучиваются. Поэтому, да стремится человѣкъ къ наслажденію, котораго дни да не уменьшаются; такъ какъ жизнь наша не вѣчна, то безполезно предаваться злому горeванію".

Затѣмъ Моабадъ долженъ былъ вскорѣ отправиться въ Гурганъ, но при этомъ большимъ затрудненіемъ представлялось для него, кому поручить въ отсутствіе свое охрану и надзоръ за Висою? Вѣдь, Зарди оказался плохимъ стражемъ. Онъ долго думалъ и, наконецъ, велѣлъ задѣлать желѣзными рѣшетками всѣ двери и окна дворца, и обратился къ кормилицѣ: „Эй ты, искусная во всякомъ колдовствѣ, до сихъ поръ ты выказывала мнѣ только свое безбожіе, теперь я прошу тебя будь мнѣ вѣрна, смотри за этими дверьми и за всѣми входами, чтобы Раминъ сюда не пробрался. Я отправляюсь на цѣлый мѣсяцъ въ Гурганъ и, между прочимъ, чтобы тамъ поохотиться. Присматривай за моимъ добромъ и никому не раскрывай до моего возвращенія этихъ припечатанныхъ мною дверей. Вѣдь, говорятъ же: чтобы сохранить повѣрнѣе свое имущество, слѣдуетъ его отдать на сбереженіе вору". Моабадъ отправился, взявъ съ собою Рамина. Когда наступилъ вечеръ, Раминъ потихоньку возвратился въ Мервъ и пробрался въ садъ шаха, но нашелъ двери дворца запертыми. Долго бродилъ онъ по саду, разыскивая съ кровавыми слезами свою возлюбленную и, наконецъ, улегся подъ деревомъ и заснулъ. Между тѣмъ, Виса [1]) также тоскуетъ по другѣ, взываетъ къ Богу о помощи, догадываясь, что Раминъ въ саду и какъ безумная бродитъ по покоямъ дворца. Напрасно она умаляла кормилицу выпустить ее въ садъ,— послѣдняя, страшась гнѣва шаха, не соглашалась, уговаривая свою воспитанницу воздержаться „отъ грѣха". Тогда Виса влѣзла на террасу дворца и, съ помощью находящагося тамъ полотнянаго навѣса, спустилась на землю съ окровавленными ногами и съ изорванной одеждой. Она обошла весь садъ и, наконецъ, нашла истерзаннаго тоскою Рамина, къ которому упала въ объятія. Между тѣмъ Моабадъ потребовалъ къ себѣ Рамина. Ему сказали, что его нѣтъ въ лагерѣ. Моабадъ догадался, что онъ бѣжалъ въ Мервъ. Возбуж-

[1]) Стр. 219, 220.

денный гнѣвомъ и ревностью, онъ также возвратился въ Мервъ. Кормилицу онъ засталъ на мѣстѣ; всѣ двери оставались запечатанными клеймомъ самаго шаха, клѣтка была заперта, но птичка улетѣла. Не получивъ отъ кормилицы разъясненія объ исчезновеніи Висы, онъ немедленно избилъ ее и началъ искать Вису по всѣмъ угламъ дворца. Напавъ такимъ образомъ на слѣды ея бѣгства, онъ велѣлъ обыскать весь садъ. Виса, замѣтивъ издали приближающіеся огни, заставила потерявшаго духъ Рамина поскорѣе удалиться, перепрыгнувъ чрезъ стѣну сада, сама же осталась какъ бы спящею подъ деревомъ, гдѣ ее нашли. Моабадъ упрекнулъ Вису въ безстыдствѣ, и въ ярости обнажилъ свой мечъ и готовился отрубить ей голову, но Зерди бросился къ его ногамъ и умолялъ его выслушать сперва Вису. Тогда Виса сказала: „Государь, ты заключилъ меня крѣпко въ покояхъ твоего дворца, а теперь ты находишь меня свободною въ саду. Богъ не оставляетъ меня въ нуждѣ, Онъ сильнѣе тебя, Онъ спаситель удрученныхъ духомъ и помощникъ тамъ, гдѣ земная помощь невозможна. Меня Онъ освободилъ изъ моего заточенія. Въ эту ночь я тяжко вздыхала о твоей жестокости и повергла свою скорбь предъ Богомъ; тогда сонъ смежилъ мои очи, и во снѣ явился мнѣ ангелъ, чудный юноша въ земной одеждѣ: онъ тихо приподнялъ меня и вынесъ въ садъ, положивъ меня среди розъ и нарцисовъ; здѣсь я уснула; доблестный Раминъ явился мнѣ во снѣ, припалъ ко мнѣ на грудь и мы другъ другу повѣдали, что волнуетъ наши сердца. Но затѣмъ, какое ужасное пробужденіе! Тебя я вижу словно разъяреннаго льва, съ обнаженнымъ мечемъ. Вѣрь мнѣ, или не вѣрь, но все такъ, какъ я тебѣ сказала: ангелъ явился ко мнѣ во снѣ и освободилъ меня“! Нечего было дѣлать; шахинъ-шахъ долженъ былъ повѣрить разсказу Висы; онъ извинился въ своей горячности и подарилъ Висѣ и кормилицѣ много драгоцѣнныхъ камней и уборовъ [1]).

Подобныя не разъ повторяющіяся непріятныя сцены и частныя вспышки ревности Моабада, наконецъ, заставили Рамина послѣдовать совѣту друга своего ученаго Бегоси [2]). Послѣдній доказывалъ, что ему нужно разстаться съ Висой, чтобы избѣгнуть постоянныхъ непріятностей со стороны брата. Гдѣ любовь, тамъ и горе. Но достаточно отойти въ сторону на одинъ годъ отъ влюбленной, какъ ее и забудешь: вѣдь, любовь скрывается въ глазахъ. Раминъ убѣжденный другомъ от-

---

[1]) Слѣдуетъ описаніе чуднаго лѣтняго дня на югѣ; шахъ наслаждается природою въ присутствіи Висы и матери ея—Шахро (233). Пиръ и пѣніе.

[2]) *Graf*, Ein weiser Mann, Bihgui genannt... 419.

прашивается у шаха въ Магъ-Абадъ на время, чтобы поискать себѣ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ супругу, и тѣмъ выйти изъ своего ложнаго положенія. Въ то же время, когда происходила эта бесѣда между Раминомъ и Бегосомъ, шахъ наставлялъ Вису, склоняя ее къ „добру" и напоминая о своихъ страданіяхъ изъ любви къ ней. Виса хитро даетъ слово никогда не встрѣчаться съ Раминомъ, если даже будетъ жить столько, сколько Маѳусаилъ. Шахъ ее расцѣловалъ, а Рамину съ удовольствіемъ далъ отпускъ, назначивъ его даже намѣстникомъ въ Раѣ, Гурганѣ и Кушистанѣ. Осыпанный упреками Висы за измѣну, Раминъ покидаетъ свою возлюбленную, увѣряя ее, что онъ приноситъ эту жертву въ ея интересахъ. Поклявшись въ вѣчной любви, они обнимаются съ такими вздохами, что послѣдніе подымались къ нему въ видѣ „облаковъ". Въ своемъ намѣстничествѣ Раминъ встрѣчаетъ по возвращеніи съ охоты прелестную, черноволосую красавицу *Гуль* [1]), дочь владѣтеля Гураба. При первой встрѣчѣ онъ былъ пораженъ блескомъ ея красоты, стрѣла выпала изъ его руки; безумно влюбился въ нее, забылъ Вису и просилъ руки у гурабской красавицы. Гуль знаетъ его уже издали, она отвѣчаетъ ему на его вопросъ, кто она такая слѣдующими словами: „Я знаю твое имя и твой родъ".

„Ты Раминъ, братъ шахинъ-шаха; Вису ты любишь болѣе чѣмъ душу свою; кормилица опутала и колдовствомъ связала твое сердце. Не видѣть болѣе Висы ты не въ состояніи; скорѣе рѣка Тигръ удалится отъ Багдада или негръ отмоется отъ своей черноты, чѣмъ ты бросишь Вису и соединишся съ другою возлюбленною. Если такъ, то оставайся вѣренъ ей, несите общій свой позоръ, терпите справедливый гнѣвъ шаха и покоритесь наказанію Бога". Когда Раминъ услыхалъ эти слова, онъ горько почувствовалъ, что заслужилъ всеобщее осужденіе и проклялъ свое безразсудство. Затѣмъ онъ обратился къ Гуль съ вѣжными рѣчами: „Не осуждай меня за то, что совершилось волею рока; что прошло, то прошло. Ты солнце, освѣщающее мое небо; твое лице, словно весеннее солнце оживляетъ цвѣты въ цвѣтникѣ души моей. Исполни мою горячую просьбу, будь моею луною, царицею моего дома, тебѣ я готовъ отдать все, что имѣю. Если согласна заключить со мною прочный союзъ, то я поклянусь тебѣ торжественной клятвой всегда быть вѣрнымъ тебѣ и сохранить тебѣ вѣчную любовь. До сихъ поръ я не видѣлъ прекраснѣе Висы, теперь же я на вѣки оставилъ ее".

---

[1]) Описаніе ея красоты, *Висраміани*, стр. 257. Ср. *Graf*, 420 Es war als blickt er in der Sonne Licht, geblendet ward vom Strahle sein Gesicht...

Гуль согласилась только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ пре-
атилъ всякія дальнѣйшія сношенія съ Висой и постоянно пребы-
ъ въ Гурабѣ. Раминъ съ радостью согласился—„клялся Богомъ и ог-
мъ" и даже написалъ Висѣ письмо, въ которомъ онъ формально
рываетъ всякую дальнѣйшую связь съ нею. Цѣлый мѣсяцъ про-
жался пышный свадебный пиръ, много щедрыхъ подарковъ было
дано жителямъ, подвластнымъ Рамину. Онъ испытывалъ полное
женство,—Виса потонула въ морѣ забвенія.

Для европейскаго читателя совершенно непонятно, какъ могъ
минъ, столь нѣжно любимый Висою, написать ей безсердечное,
кое письмо. Онъ какъ бы упрекаетъ ее за всѣ тѣ несчастія, кото-
навлекла на него страсть его къ Висѣ. Затѣмъ онъ грубо про-
жаетъ: „Знай, Виса, что Богъ умилосердился надо мною, и что я
бросаю. Безъ тебя я обрѣлъ всякое сердечное желаніе, я умыл-
коралловою водою, я сочетался съ несравненною супругою, съ
ою, какую я именно желалъ. Она посѣяла въ сердцѣ моемъ лю-
цвѣтущую, какъ роза, и истребила ржавчину печали; я точно въ
, всегда пребываю съ моею Гуль, всегда имѣю не увядающую
. Постель и подушка всегда наготовѣ у моей розы, которую я
ами и душою ставлю превыше всего. Тогда какъ отъ тебя мнѣ
аются однѣ бѣды и заботы, отъ нея я усматриваю тысячи раз-
ныхъ радостей и осуществленіе моихъ желаній. Когда вспоминаю
шлые дни, мнѣ самому жалко себя: сколько перенесъ я ради тебя
ріятностей и нареканій; я собственной своей дороги не зналъ,
вно дрессированная собака. До сихъ поръ я спалъ, теперь я про-
лся; я былъ пьянъ, теперь отрезвился. Я теперь разбилъ оковы
частія, я высвободился изъ тюрьмы невзгоды. Теперь, истиннымъ
ышленіемъ, клянусь Создателемъ Богомъ, солнцемъ, луною, зако-
ъ, огнемъ, знаніемъ и надеждою, что пока я живъ, я не брошу
и ни на минуту не покину ее, и отсель ты знай, и да вѣдаетъ
сердце: Мервъ—твой, а Магъ—мой; Моабадъ—твой, а Гуль—
. Я предпочитаю быть одно мгновеніе и радоваться вблизи моей
, чѣмъ оставаться тысячу лѣтъ вблизи тебя, гдѣ юность моя точно
тюрьмѣ. Отнынѣ ты не высчитывай дней и мѣсяцевъ моего воз-
щенія, не жди меня и не высматривай по дорогѣ моего появленія"!

Раминъ запечаталъ это письмо золотою печатью и передалъ сво-
служителю, Ширику, съ приказаніемъ доставить письмо въ Мервъ.
доложили шаху о прибытіи вѣстника отъ Рамина. Онъ по-
бовалъ его къ себѣ, взялъ у него письмо прочелъ и затѣмъ
едалъ Висѣ, сказавъ ей: „Теперь Господь возвелъ на тебя свои

очи: Раминъ и Гуль стали любовно мужемъ и женою, а ты осталась брошена и изранена".

Виса въ отчаяніи; она взываетъ къ помощи няни, молитъ Бога послать ей утѣшителя. Письмо Рамина „отравило ея сердце", судьба наказала ее, она готова поднять на себя руки,—слезы льются горячимъ потокомъ. Няня отправляется къ Рамину устыдить его въ позорной измѣнѣ, но герой встрѣчаетъ ее съ бранью и уговариваетъ посовѣтовать Висѣ покаяться въ своихъ грѣхахъ, а его оставить въ покоѣ. Онъ жалѣетъ, что молодость свою отдалъ Висѣ, а теперь онъ довольствуется быть ея добрымъ братомъ. Отвѣтъ Рамина свалилъ Вису въ тяжкую болѣзнь.—Она не находила исхода своей скорби и обратилась къ книжнику Миш'хину написать дѣльное письмо къ Рамину, чтобы смягчить его нѣжными словами. Она написала [1]) 10 жалобныхъ писемъ, умоляя друга вернуться къ ней, спасти отъ пожирающаго ее огня. Раминъ къ этому времени, насладившись союзомъ съ супругой, охладѣлъ къ ней и сталъ скучать по Висѣ, и наконецъ, объяснившись съ Рафедомъ, отцомъ Гули, тайно уѣхалъ изъ Гураба въ Мервъ. Въ немъ воскресло чувство къ Висѣ. Онъ сталъ каяться и не находилъ словъ для извиненія предъ оскорбленной имъ женщиной, надѣясь умолить и смягчить ее слезами и искренностью раскаянія. Но онъ находится въ неизвѣстности; какъ приметъ его Виса? Виса, предупрежденная чрезъ своего гонца, Адина, нѣжнымъ письмомъ возвращающагося друга, съ нетерпѣніемъ ждала его. Вотъ сторожъ на террасѣ дворца высмотрѣлъ приближающагося Рамина и далъ знать объ этомъ кормилицѣ, которая передала это извѣстіе Висѣ. Виса была внѣ себя отъ радости, но не хотѣла проявить того. Раминъ показался на своемъ конѣ у стѣнъ дворца. Виса выглянула въ окно, встрѣтила Рамина горькими упреками и заставила его, каю-

[1]) Первое письмо Висы очень любопытно: „Сіе письмо отъ засохшей сосны къ расцвѣтшему молодому кипарису, затмѣвавшейся луны къ ярко блещущей въ небесахъ лунѣ, разореннаго парка къ вновь разведенному райскому саду, закатившагося солнца къ восходящему солнцу, сгнившаго листка къ распустившейся розѣ"... (284—5). Виса далѣе напоминаетъ о превратностяхъ счастья и данной ей Раминомъ клятвѣ въ вѣчности любви. Она негодуетъ, что онъ явился виновникомъ ея позора, жены могущественнаго шаха. Она не забываетъ въ яркихъ краскахъ описать и свою красоту. Во второмъ письмѣ она говоритъ: еслибы всѣ семь небесъ имѣть ей бумагой, звѣзды писцами, ночной мракъ чернилами, и буквы были столь обильны, какъ песокъ, рыбы и листья, то и тогда она не сумѣла бы выразить даже наполовину желанія видѣть своего возлюбленнаго. Она въ заключеніе знакомитъ его съ своими сердечными муками.

гося въ своемъ проступкѣ, почти цѣлую ночь прождать въ снѣгу слякоти у наружной стѣны дворца. Она притворно уговаривала его кинуть Мервъ, вспомнила еще не зажившее свое горе, увѣряла, не будетъ больше измѣнять Моабаду, твердить, что рана имъ нанесенная, никогда не заживетъ, что онъ представляется ей лисой [1]). Онъ арается разжалобить ее слезами и увѣреніями въ мукахъ, какія онъ пытывалъ все время по разлукѣ съ нею. Она можетъ только исцѣть его, она источникъ его жизни,—солнце и луна, сердце и душа. са упорно кажется неумолимой. Ядъ никогда не превратится въ сахаръ! Измученный же стихійными невзгодами и душевными страданіями аминъ, послѣ длинныхъ переговоровъ съ Висой, покидаетъ ее. Но тъ героиня образумилась и послала въ догонку за нимъ няню. Онъ обрался никѣмъ незамѣченный въ ея покой и тамъ въ теченіе ухъ мѣсяцевъ наслаждался ея ласками.

Объясненія Рамина вполнѣ удовлетворили ее. Герой гордился оимъ царскимъ положеніемъ въ присутствіи Висы, „онъ сдѣлался ебомъ изъ праха". Они клялись другъ другу въ прочности чувствъ. ба были опьянены счастьемъ послѣ шестимѣсячной разлуки. Но, асаясь, чтобы Моабадъ какъ нибудь не узналъ о его присутствіи въ ервѣ, Раминъ ночью выбрался изъ дворца и днемъ явно въѣхалъ въ ервъ. Явившись къ шаху, сказалъ ему, что сильное желаніе вить брата своего, великаго шаха, привлекло его въ Мервъ, что елаетъ онъ пробыть три мѣсяца при дворѣ шаха, потомъ опять возатиться въ Гурабъ. Шахъ, обрадованный, ласкалъ его и послѣ ехъ мѣсяцевъ велѣлъ всѣмъ своимъ придворнымъ собраться въ ть и провожать Рамина въ Гурабъ, куда онъ также намѣревался правиться на охоту въ чудную лѣтнюю погоду. Природа вся расѣтала и благоухала, а Виса, при удаленіи Рамина, впала въ самое ачное отчаяніе. По совѣту кормилицы, она отправила къ Рамину вышенное и слезливое письмо, въ которомъ она, описывая свое поепенное увяданіе безъ него, умоляетъ его возвратиться въ Мервъ убѣжать вмѣстѣ съ ней куда-нибудь подальше, опасаясь умереть оплаканной имъ. Получивъ это письмо, Раминъ цѣловалъ его,

---

[1]) Въ другой бесѣдѣ съ Раминомъ Виса указываетъ, что она также стояла слезахъ предъ нимъ, и онъ вниманія не обращалъ, письма ея не трогали , грусть и волненія ея не тревожили его спокойнаго сна, наконецъ, она помнила, какъ онъ ее уничтожилъ въ письмѣ къ ней, послѣ того, какъ ея другъ алъ поклонникомъ Гули. Въ отвѣтѣ Раминъ умоляетъ ее забыть случившееся, простить ему прегрѣшенія: „самъ Адамъ въ раю преступилъ заповѣдь Божью, а я вѣдь сынъ Адама"!

клалъ на грудь, глаза, и испускалъ глубокіе „дымные" вздохи до небесъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ рѣшается выбрать изъ своей свиты сорокъ самыхъ отважныхъ людей и, дождавшись ночи, незамѣтно исчезаетъ изъ лагеря и скачетъ въ Мервъ. Предварительно онъ обо всемъ условился съ Висою чрезъ посланнаго, пробравшагося къ ней тайкомъ подъ покрываломъ. Виса должна была, подъ предлогомъ принесенія жертвы въ благодарность за выздоровленіе брата своего Виро, пригласить во дворецъ женъ многихъ знатныхъ лицъ въ Мервѣ. Раминъ велѣлъ своимъ сорока молодцамъ, переодѣвшись въ женское платье, пробраться вмѣстѣ съ приглашенными гостями во дворецъ. Тамъ они скрывались днемъ, а при наступленіи ночи бросились на дворцовую стражу и частью ее перебили, частью обезоружили. Самъ же Раминъ ворвался съ мечомъ въ рукахъ въ покои Зарди, намѣстника шаха въ отсутствіе послѣдняго.—„Зарди", вскричалъ онъ, „брось мечъ, я не хочу твоей смерти, но покорись и повинуйся мнѣ"! Зарди же бросился на него, какъ разъяренный левъ: „Презрѣнный злодѣй", вскричалъ онъ, „теперь явно обнаруживается, что таилось въ твоей душѣ. Давно я подозрѣвалъ въ тебѣ врага шаха, но не такъ легко будетъ тебѣ достигнуть престола и царства!" Съ этими словами онъ бросился на Рамина и нанесъ ему со всею силою ударъ; къ счастію Раминъ, отклонивъ ударъ щитомъ, самъ же поразилъ Зарди въ голову, отчего послѣдній упалъ безъ чувствъ и „кровью его обагрилась внутренность башни". Утромъ имъ овладѣло раскаяніе. Когда настало утро, Раминъ велѣлъ собрать всѣхъ верблюдовъ и мулловъ, находящихся въ столицѣ и, нагрузивъ ихъ сокровищами Моабада, оставилъ Мервъ вмѣстѣ съ Висою. Онъ спѣшилъ пробраться чрезъ пустыню, окружающую Мервъ, и чрезъ двѣ недѣли уже находился въ Казминѣ, откуда пробрался въ Гиланъ и въ землю Дайламъ. Въ Гиланѣ и Дайламѣ жили храбрые воины, всегда готовые къ бою; сколько ни было царей въ Иранѣ, начиная „отъ Адама", никто не могъ покорить этихъ свободолюбивыхъ людей, и земля ихъ по настоящее время осталась независимою отъ власти шаховъ. Къ этимъ племенамъ удалился Раминъ и, склонивъ ихъ старшинъ богатыми подарками, онъ вскорѣ собралъ изъ нихъ значительное войско.

Моабадъ все это время находился въ Гурганѣ. Долго никто не рѣшался объявить ему объ измѣнѣ Рамина. Наконецъ, узнавъ о томъ, что Раминъ бѣжалъ изъ Мерва, захвативъ съ собою всѣ сокровища и Вису, Моабадъ выступилъ противъ него въ походъ. Войско свое онъ расположилъ на равнинѣ въ Амулѣ. Тамъ, однажды утромъ дикій кабанъ выскочилъ изъ камышей у низовьевъ рѣки и бросился на

окружающихъ, словно бѣшеный слонъ. Онъ направился къ тому мѣсту лагеря, гдѣ находилась ставка шаха. Шахъ, выйдя изъ шатра, вскочилъ на коня и ожидалъ кабана, въ котораго и бросилъ копье, но, къ несчастію, промахнулся; кобанъ же мгновенно распоролъ коню животъ, шахъ упалъ на землю и самъ сдѣлался жертвою разъяреннаго звѣря. Такимъ образомъ, окончилъ свою жизнь повелитель Ирана шахинъ-шахъ—Моабадъ. Авторъ предается здѣсь грустнымъ размышленіямъ о непрочности земной славы и счастья. Раминъ, услыхавъ о его погибели, явно почтилъ его смерть слезами и знаками горести, но тайно благодарилъ Бога, что онъ избавилъ его отъ тяжкой необходимости воевать съ Моабадомъ. Затѣмъ онъ явился въ Амуль, гдѣ войско и всѣ вельможи Ирана провозгласили его шахинъ-шахомъ. Раздавъ щедрыя милости всѣмъ нищимъ и поклявшись быть справедливымъ правителемъ, онъ назначилъ по всѣмъ областямъ новыхъ правителей, а затѣмъ выступилъ въ Мервъ, гдѣ его приняли съ восторгомъ и три мѣсяца съ ряду торжественно праздновали его восшествіе на престолъ.

Такимъ образомъ, Раминъ вмѣстѣ съ Висою возсѣлъ на престолъ Ирана. Для его подданныхъ наступило блаженное время: по дорогамъ царствовала полная безопасность, никто не страшился ни воровъ, ни разбойниковъ, ни курдовъ, ни тюрковъ. Возстановилъ онъ разоренные города, учредилъ штатъ администраторовъ и судей, мудрые и ученые стали пользоваться уваженіемъ, воины получали еженедѣльно въ исправности свое жалованіе, и въ судахъ не дѣлали различія между бѣднымъ и богатымъ. 130 лѣтъ прожилъ Раминъ, изъ нихъ онъ царствовалъ 83 года, проводя время то въ пиршествахъ, то погружаясь въ ученыя и религіозныя книги. Всегда онъ оставался побѣдителемъ въ борьбѣ съ врагами и на пирахъ, и онъ первый изобрѣлъ *чанги* (арфу). Виса родила ему двухъ сыновей Хоршида и Джимшеда, (Chorshîd, Ǵamshîd) красивыхъ какъ мать, и храбрыхъ, какъ отецъ. Черезъ 83 года нѣжный кипарисъ, т. е. Виса, узрѣвши внуковъ, склонила голову, и смерть похитила ее. Раминъ, оплакивая ее въ горючихъ причитаніяхъ, велѣлъ соорудить ей великолѣпную опочивальню и храмъ, гдѣ горѣлъ вѣчный огонь. Еще при жизни онъ созвалъ всѣхъ вельможъ Ирана, раздѣливъ царство сыновьямъ, Хоршеду далъ страну Савари, Хварасанъ, Хваразмъ, а Джимшеду страну Бзо'три и Шами, Египетъ, Кироанъ (стр. 453, ср. *Graf*: gab dem erstern die Lander in Osten Sogd und Châresm und Ćenân, dem andern die Lander im Westen Shâm und Misz und Kairawan). По груз. повѣсти Аранъ, Сомхетію и Адрабадаганъ Раминъ оставилъ себѣ, а по персидской поэмѣ они подчинялись Висѣ.

Наставивъ Хоршеда въ добрыхъ правилахъ, онъ по смерти Висы далъ ему державу, а самъ удалился въ храмъ, гдѣ въ полномъ уединеніи провелъ еще три года, въ благочестивыхъ созерцаніяхъ и молитвѣ, пока, наконецъ, не отозвалъ его Богъ. Здѣсь кончается грузинская повѣсть, а персидская поэма прибавляетъ: „Тѣло его положили возлѣ Висы, и душа его соединилась съ душою Висы; тамъ они заключили новый союзъ и вновь праздновали свою свадьбу“ [1]).

Хотя, такимъ образомъ, поэма кончается примирительнымъ аккордомъ, но все таки въ душѣ читателя не можетъ изгладиться оставшееся впечатлѣніе отъ крайней дикости нравовъ и испорченности того общества, которое здѣсь изображается. Во всякомъ случаѣ, едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ гг. издателей „Висраміани“.

„Что въ этой поэмѣ рисуется чисто грузинскіе обычаи (стр. VIII) и

„Что эта поэма покрываетъ славою тотъ народъ, который впервые создалъ такіе типы“ (стр. IX).

Въ самомъ дѣлѣ, если сравнить „Висраміани“ съ „Барсовою кожею“ Руставели, то сейчасъ же бросится въ глаза громадная разница между обѣими поэмами. Народъ, создавшій „Висраміани“, никогда не могъ возвыситься до благородныхъ, чисто христіанскихъ типовъ рисуемыхъ въ „Барсовой кожѣ“. Для меня, говоритъ Н. Гулакъ, не нужно лучшаго доказательства того, что „Барсова кожа“—не персидское произведеніе, какъ сравненіе ея съ „Висраміани“.

Обратимся къ сопоставленію грузинскаго „Висраміани“ съ персидской поэмой Гургани о Висѣ и Раминѣ, а въ заключеніе сдѣлаемъ краткую характеристику этого произведенія. Воспользуемся для этого вопроса изложеніемъ поэмы, сдѣланнымъ Graff'омъ на нѣмецкомъ языкѣ и работой бар. Р. Р. Штакельберга, помѣщенной въ I в. II т. Трудовъ Восточной Коммиссіи И. Моск. Арх. Общества“ (М. 1890).

Кромѣ Шахъ-намэ существуетъ, какъ извѣстно, въ персидской литературѣ еще рядъ эпическихъ произведеній, составляющихъ или прямое дополненіе къ сочиненію Фирдоуси, или же воспѣвающихъ подвиги героевъ и происшествія, не упоминаемыя въ твореніяхъ великаго эпика. Всѣ эти эпическія произведенія стояли, однако, подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ Тусскаго поэта; конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что подражатели Фирдоуси по силѣ своего таланта уступаютъ пѣвцу дѣяній древнихъ царей Ирана.

---

[1]) Im Himmel knüpften fest den Bund der Treue und feierten die Hochzeit sie auf's neue (*Graf*, S. 433).

Къ числу этихъ эпическихъ произведеній Персіи, которыя не стоятъ въ непосредственной связи съ разсказами, входящими въ ставъ Шахъ-намэ, принадлежитъ романъ „Виса и Раминъ", переве-нный поэтомъ Фехри Гургани, по его собственному заявленію, со ригинаго пехлевійскаго разсказа. Поэма „Виса и Раминъ" издана 1865 году въ Калькуттѣ.

Что касается до пехлевійскаго оригинала, непосредственнаго точника нашего разсказа, то онъ до сихъ поръ не отысканъ. сьма дѣльную и обстоятельную характеристику эпоса „Виса и Ра-нъ" съ передачей его содержанія, причемъ довольно обширные рывки изъ него переведены изящными нѣмецкими стихами, можно йти въ статьѣ *Графа* (*Graf*). „Wîs o Râmîn", въ 23 томѣ „Zeit-r. d. Deutsch. Morgl. Ges.". Тамъ же находятся и свѣдѣ- о тѣхъ немногочисленныхъ рукописяхъ „Висы и Рамина", ко-рыя уцѣлѣли до нашихъ дней.

По мнѣнію Графа слѣдуетъ отнести передѣлку пехлевійскаго игинала въ новоперсидскіе стихи къ промежутку между 1042 и 55 годомъ по Р. Хр., при сельджукскомъ шахѣ Тогрулбекѣ.

Въ городѣ Мервѣ находилась столица царя *Мобеда*, которому двластенъ весь міръ. Предъ его могуществомъ преклоняются не лько римскій императоръ и китайскій царь, но даже небесныя свѣ-за являются его сподвижниками. Разъ во время пира, устроеннаго обедомъ, царь замѣчаетъ красавицу Шехрӯ и проситъ ея руки. ехрӯ отказывается отъ брака, объясняя шаху, что она давно уже ветъ въ счастливомъ бракѣ съ Кареномъ, отъ котораго она имѣетъ сколько доблестныхъ сыновей [1]). Убѣдившись въ невозможности до-жения руки ея, Мобедъ проситъ Шехрӯ, если волею Божіею ей детъ дарована дочь, выдать ее за него замужъ. Красавица Шехрӯ отно соглашается и закрѣпляетъ это обѣщаніе формальнымъ дого-ромъ. Изъ этого момента—именно выдачи замужъ нерожденной еще чери—вытекаетъ трагическая вина Мобеда, на котораго въ послѣд-іи обрушивается судьба горькими наказаніями. Много лѣтъ спустя ехрӯ на самомъ дѣлѣ родила дочь *Вису*, одаренную всѣми преле-ями чудесной красоты. Забывъ о договорѣ съ Мобедомъ, мать вы-

[1]) Въ груз. „Висраміани" (стр. 6), присутствовавшая въ числѣ гостей хро, сказала „что-то" шаху, раздающему щедрыя милости. Моабадъ, обративъ а вниманіе на ея красоту, проситъ у нея будущей дочери за себя, не го- ни слова Шахро выходитъ за него, какъ бы зная, что она уже въ бракѣ.

даетъ свою дочь за своего сына *Виро* [1]). Но увы! Въ самый день свадьбы, среди всеобщаго веселія, вдругъ прискакалъ *Зердъ*, братъ Мобеда, съ порученіемъ отъ шаха, требующаго, чтобы ему выдали его законную невѣсту. Виса наотрѣзъ отказывается промѣнять молодого жениха на старика Мобеда, который, охваченный гнѣвомъ послѣ такого униженія и собравъ громадное войско, выступаетъ походомъ противъ Карена, отца Висы. Потерпѣвъ сначала пораженіе, онъ въ концѣ концовъ успѣлъ склонить Шехрў на свою сторону, благодаря обильнымъ поднесеніямъ. Хотя Виса всѣми силами отказывается отъ брака съ „сухимъ деревомъ", но Шехрў, обольщенная щедростью Мобеда, впустила его въ свой дворецъ, откуда Мобедъ увезъ свою невѣсту въ Мервъ. Однако, дорогой случилось, что вѣтромъ подняло занавѣсъ палапкина, въ которомъ сидѣла Виса. Увидавъ ея очаровательное лицо, царевичъ *Раминъ*, братъ Мобеда, воспламеняется сильною любовью къ Висѣ. Прибывъ въ Мервъ, Виса вполнѣ предается порывамъ своего отчаянія. Она отказывается слушаться утѣшеній своей няни, весьма ловкой и расположенной ко всякаго рода интригамъ уроженки Кухистана, рисующей ей яркими красками всѣ преимущества ея брака съ Мобедомъ предъ сравнительно скромной обстановкой ея жизни въ отцовскомъ домѣ. Раминъ же, доведенный до крайности своей страстью и не зная другого исхода для удовлетворенія ея, обращается къ содѣйствію няни, которая послѣ недолгаго колебанія соглашается на роль посредницы. Въ началѣ Виса остается недоступной для искушеній интригантки и съ отвращеніемъ отклоняетъ всѣ совѣты ея. Но мало по малу и она дѣлается болѣе уступчивой и, увидавъ, наконецъ, Рамина въ первый разъ, Виса вдругъ чувствуетъ, что любовь внезапно вкралась въ ея сердце. Въ первое время Виса старается побороть демона любви, но какъ и овладѣвшая ею въ первый разъ сильная страсть, такъ и просьбы и угрозы, пущенныя входъ кормилицей, все болѣе и болѣе заглушаютъ въ ней голосъ долга и вѣрности: „страсть ослѣпила очи его разума".

Во время отсутствія царя [2]) Мобеда, Виса принимаетъ Рамина у себя, и оба они предаются порывамъ своей страсти. Оставшись два

[2]) О бракѣ между кровными родственниками, какъ древне-иранскомъ обычаѣ. См. *Duncker*. Geschichte d. Arier. S. 549.

[1]) Мы теперь слѣдуемъ бар. Штакельбергу, называя героя Мобедомъ и царемъ, а не Моабадомъ и шахомъ, какъ при передачѣ грузинской повѣсти. Онъ Виро „Висраміани" именуетъ „Вирой", Зерди—Зердомъ, Гуль—Гуломъ.

мѣсяца наединѣ съ возлюбленной, Раминъ получаетъ письмо отъ Мобеда, приглашающаго его къ себѣ въ Мидію, чтобы участвовать тамъ вмѣстѣ съ нимъ на охотѣ. Рамину велѣно привести съ собою и Вису. Поохотившись вдоволь въ теченіе мѣсяца въ Мидіи, Раминъ рѣшается отправиться для продолженія охоты въ провинцію Муканъ, въ Арменію. Въ то же самое утро, когда Раминъ собирается выступать на охоту, кормилица пробирается въ спальню Мобеда и приглашаетъ Вису проститься съ Раминомъ. Но, Мобедъ, проснувшись, разражается гнѣвными словами надъ обѣими женщинами. Однако, Виса не раскаивается; напротивъ, она вполнѣ сознается въ своей любви къ Рамину предъ Вироемъ, своимъ братомъ и бывшимъ супругомъ, уговаривающимъ ее вернуться къ мужу и отказаться отъ своей любви къ Рамину. Пока дѣло не доходитъ еще до полнаго разрыва, и все остается по прежнему. Но разъ Мобедъ, возвратившись изъ Хузистана въ свою столицу, Мервъ, сидитъ на крышѣ своего дворца вмѣстѣ съ Висой.

Мобедъ, пользуясь случаемъ восхвалить предъ Висой всѣ прелести Мерва, доказываетъ своей супругѣ, какое счастіе выпало ей на долю. Но Виса, въ порывѣ неудержимой страсти, прямо объявляетъ ему, что она рѣшительно не можетъ быть счастливой съ нимъ, ибо ея сердце исключительно принадлежитъ Рамину. Разгнѣванный царь проклинаетъ свою неблагодарную супругу и отпускаетъ ее къ ея матери. Вернувшись на родину, Виса въ *Махибадѣ*, столицѣ своей матери, проводитъ время въ тоскѣ и уныніи. Она „день и ночь сидѣла на балконѣ дворца, устремляя взоры свои на дорогу, ведущую въ Хорасанъ".

Но и Раминъ, несмотря на торжественную клятву, данную имъ Мобеду, не въ состояніи побороть въ себѣ страстную любовь къ Висѣ. Вмѣсто того, чтобъ заниматься охотой и выбрать себѣ жену въ Кухистанѣ (125, 13), Раминъ спѣшитъ оъ Мидію, гдѣ онъ то на охотѣ, то въ объятіяхъ Висы проводитъ семь мѣсяцевъ. Узнавъ объ этой измѣнѣ, царь Мобедъ рѣшается отомстить своему брату, но просьбамъ матери удается унять его гнѣвъ противъ брата и направить вражду Мобеда противъ ни въ чемъ неповиннаго *Вироя*. Но убѣдившись въ непричастности *Вироя* къ этому дѣлу, обманутый Мобедъ, выступилъ уже походомъ противъ перваго, опять прощаетъ свою вѣроломную жену и брата. Всѣ втроемъ, по возвращеніи въ Мервъ, живутъ тамъ спокойно нѣкоторое время.

Но подозрѣніе въ душѣ Мобеда опять пробуждается. Въ слѣдствіе этого, онъ предлагаетъ Висѣ окончательно поклясться въ вѣрности

огнемъ, на кострѣ въ присутствіи жрецовъ. Послѣ такой присяги Мобедъ обѣщаетъ ей никогда не вспоминать болѣе о горькихъ для него событіяхъ прошлаго. Но Виса, увидѣвъ пламя, поднимающееся до небесъ, и подозрѣвая Мобеда въ намѣреніи сжечь ее, уговариваетъ Рамина бѣжать съ ней. На этотъ разъ любящіе нашли пріютъ въ городѣ Рей, гдѣ они скрываются въ домѣ *Бехруза* [груз. Берозъ], сына Широя. Между тѣмъ, несчастный Мобедъ, тоскуя о потерѣ молодой жены, пускается въ тщетные поиски за ней. Тогда мать ея, извѣщенная Раминомъ объ его благополучномъ бѣгствѣ, заставляетъ Мобеда отказаться отъ всякой мысли о мести, обѣщая ему въ такомъ случаѣ свое содѣйствіе въ дѣлѣ возвращенія ему жены. Мобедъ съ радостью изъявляетъ свое согласіе, и Раминъ съ Висой опять переселяются въ Мервъ. Конечно, и на этотъ разъ любовныя отношенія между Висой и Раминомъ идутъ своимъ чередомъ: ихъ смѣлость доходитъ до того, что въ одну ночь Виса заставляетъ свою кормилицу занять ея мѣсто на брачномъ ложѣ, а сама отправляется къ своему Рамину. И на этотъ разъ счастье благопріятствовало Висѣ: такъ какъ несмотря на то, что Мобедъ проснулся и поднялъ страшный шумъ, подоспѣвшей Висѣ удалось убѣдить разъяреннаго мужа въ томъ, что всѣ его подозрѣнія объясняются чрезмѣрнымъ количествомъ вина, выпитаго имъ вечеромъ; довѣрчивый супругъ успокоивается. Нѣсколько времени спустя, царь Мобедъ отправляется въ походъ противъ римскаго императора. Распоряжаясь объ устройствѣ своихъ домашнихъ дѣлъ, онъ передалъ заботу о Висѣ своему брату, Зерду, заключивъ жену въ неприступной крѣпости. Въ войскѣ шаха находился и Раминъ. Но уже въ Гурганѣ Мобедъ отпустилъ своего заболѣвшаго брата, Рамина, который, вернувшись въ Мервъ и не заставъ тамъ Висы, поспѣшилъ въ замокъ, гдѣ скучала его возлюбленная. Извѣстивъ Вису о своемъ прибытіи пущенной въ крѣпость и намѣченной его именемъ стрѣлой, Раминъ съ помощью обѣихъ женщинъ пробирается въ твердыню и остается тамъ въ тайнѣ цѣлые девять мѣсяцевъ. Узнавъ о случившемся по возвращеніи своемъ изъ побѣдоноснаго похода, Мобедъ спѣшитъ къ замку; здѣсь гнѣвъ его сперва обрушивается на Зерда. Хотя Рамину удалось заблаговременно скрыться, но все-таки шахъ при входѣ въ комнату Висы замѣтилъ слѣды, указывавшіе на его бѣгство—веревку, по которой онъ, при помощи обѣихъ женщинъ, спустился внизъ. Не помня себя отъ ярости, шахъ избилъ до крови и Вису, и кормилицу. По возвращеніи въ Мервъ, въ душѣ Мобеда опять пробудилось чувство любви и раскаянія. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ Вису, помиловалъ Рамина и, по случаю отъѣзда въ

Кабулъ, передалъ даже ключи дворца коварной кормилицѣ. На этотъ разъ няня не уступила просьбамъ Висы, умолявшей ее впустить къ ней Рамина, заснувшаго послѣ продолжительнаго скитанія по садамъ Мобеда. Тогда Виса сама спускается съ помощью своего покрывала на землю. Но Мобедъ, побуждаемый ревностью, возвращается въ Мервъ. Не заставъ въ саду убѣжавшаго Рамина, онъ рѣшилъ теперь покончить съ Висой, которую спасаетъ заступничество Зерда. Однако, примиреніе ихъ продолжалось не долго. Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ Кусанъ (пѣвецъ) воспѣвалъ въ присутствіи Мобеда любовь Висы и Рамина. Вслѣдствіе разыгравшейся по поводу этой пѣсни—разоблачающей въ совсѣмъ ужъ не двусмысленныхъ выраженіяхъ и словахъ незавидное положеніе Мобеда—перебранки и драки между царемъ и Раминомъ, послѣдній по совѣту мудреца, *Бихзуй*, рѣшаетъ совсѣмъ покинуть царскій дворъ въ Мервѣ. Мобедъ назначилъ брата намѣстникомъ надъ областями Рей, Гурганъ и Кухистанъ. Объѣзжая ввѣренныя ему провинціи, Раминъ остановился и въ Гурабѣ. Находясь на охотѣ вмѣстѣ съ вельможами, Раминъ встрѣчается дорогой съ красавицей Гулъ, которой онъ предлагаетъ свою руку. Послѣ недолгаго колебанія Гулъ изъявляетъ свое согласіе на это съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ (Раминъ), навсегда отказался отъ своей любви къ Висѣ. Царевичъ исполняетъ желаніе своей новой возлюбленной и въ письмѣ къ Висѣ объявляетъ ей о своемъ рѣшеніи порвать съ ней всѣ отношенія. Приведенная въ отчаяніе такимъ вѣроломствомъ любимаго человѣка, Виса отправляетъ къ нему свою кормилицу. Но Раминъ отвѣчаетъ бранными словами на всѣ ея увѣщанія. Тогда Виса поручаетъ своему довѣренному писцу Мушкину написать Рамину письмо, которое заставило бы его вернуться къ ней.

Между тѣмъ и въ любви Рамина къ Гулъ произошло охлажденіе, и онъ опять сталъ думать о сближеніи съ Висой. Поговоривъ объ этомъ съ отцомъ Гулъ, Раминъ уѣхалъ и направился по пути въ Мервъ. Дорогой *Азинъ*, посланный Висой, передалъ ему письмо ея, и радость Рамина не знала предѣловъ. Послѣ прибытія его въ Мервъ, примиреніе между Висой и Раминомъ состоялось, хотя не безъ придирокъ со стороны Висы, притворяющейся неумолимой и не впускающей во дворецъ невѣрнаго любовника, который стоялъ въ это время на морозѣ и метели. Лишь когда вышедшій изъ терпѣнія Раминъ собирается уѣхать, Виса протягиваетъ ему руку мира. Пробывъ цѣлый мѣсяцъ въ дворцѣ Мобеда, безъ вѣдома послѣдняго, Раминъ въ одну ночь тайкомъ уѣзжаетъ изъ Мерва и, остановившись на послѣдней станціи передъ столицей брата, на другой день торжественно въѣзжаетъ въ Мервъ.

Обрадованный возвращеніемъ брата, Мобедъ приглашаетъ его участвовать съ нимъ на охотѣ, имѣющей быть въ области Гурганъ. По совѣту кормилицы, Раминъ на этотъ разъ рѣшаетъ перейти къ насилію. Покинувъ ночью царскій станъ, въ сопровожденіи 40 сподвижниковъ, Раминъ вмѣстѣ съ переодѣтыми въ женское платье товарищами присоединяется къ свитѣ Висы, возвращающейся какъ разъ изъ паломничества въ храмъ, гдѣ она принесла благодарственную жертву. Когда наступила ночь, заговорщики бросились на сторожей; во время схватки Раминъ убиваетъ собственноручно Зерда. Овладѣвъ Висой и сокровищами Мобеда, Раминъ отправляется въ области Дейлемъ и Гиланъ.

Прельщенные щедрыми подарками главари воинственныхъ обитателей этихъ странъ присоединяются къ его войску. Узнавъ объ открытомъ возстаніи брата, Мобедъ около города *Амула* располагается лагеремъ. Мобеду, однако, не было суждено пасть мертвымъ на полѣ брани: его убилъ дикій кабанъ, ворвавшійся въ лагерь и растерзавшій тѣло царя и его коня. Послѣ смерти Мобеда, какъ законный наслѣдникъ его, Раминъ провозглашается царемъ. Онъ долгое время управлялъ государствомъ, расточая всѣмъ своимъ подданнымъ милости и щедроты. Послѣ смерти своей любимой Висы, Раминъ раздѣлилъ свое государство между своими двумя сыновьями, Хуршедомъ и Джемшедомъ, отдавъ первому восточную, а второму западную часть государства. Самъ же Раминъ отправился въ храмъ огнепоклонниковъ, гдѣ онъ и провелъ послѣдніе дни своей жизни въ молитвѣ и созерцаніи. Этимъ кончается персидскій романъ. Таковъ сюжетъ и грузинскаго перевода „Висраміани" съ нѣкоторыми отличіями.

Какъ видно, конецъ этого разсказа не соотвѣтствуетъ нашимъ взглядамъ относительно развязки трагическихъ преступленій и искупленія ихъ. Сколько бы непоколебимая любовь Висы ни вызывала нашего сочувстія, однако нельзя отрицать, что торжество любящихъ надъ всѣми препятствіями, грозящими ихъ счастію, не вытекаетъ изъ ихъ нравственнаго перевѣса надъ другими лицами романа. Слишкомъ довѣрчивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабый и вспыльчивый, Мобедъ также не въ состояніи возбудить въ читателѣ чувство безусловной симпатіи. Хотя поэтъ и указываетъ на то, что Мобедъ, сосватавъ невѣсту до рожденія ея, вызвалъ противъ себя гнѣвъ небесъ, но онъ выставляетъ этого царя скорѣе въ смѣшномъ, чѣмъ въ трагическомъ положеніи. Съ другой стороны, какъ Виса, такъ и Раминъ отличаются также ловкостью во лжи и для достиженія своихъ цѣлей прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, что и наше сочувствіе къ нимъ страдаетъ отъ

мого. Отлично охарактеризована старая кормилица Висы, помощница и совѣтница любящей четы. Это прекрасная, типичная представительница тѣхъ коварныхъ характеровъ, которыми такъ богата персидская исторія всѣхъ временъ. Самой симпатичной фигурой въ романѣ является Зердъ, братъ Мобеда. Онъ отличается и личной храбростью, и преданностью своему брату. Впрочемъ, онъ въ самомъ разсказѣ занимаетъ только второстепенное мѣсто.

Главное достоинство поэмы Гургани, заключается въ ея значеніи для исторіи культуры древней Персіи. Шахъ-намэ знакомитъ насъ почти исключительно со внѣшней стороной персидской жизни древнихъ временъ; въ романѣ о приключеніяхъ „Висы и Рамина" битвамъ и политическимъ дѣламъ отведено менѣе мѣста,—въ немъ преобладаетъ идиллическій элементъ и лиризмъ. Въ Шахъ-намэ женщины въ сравненіи съ мужчинами отступаютъ на задній планъ; въ „Висѣ и Раминѣ", напротивъ, главнѣйшую роль играютъ женщины, анализу женскаго сердца поэтъ посвящаетъ свои лучшія силы. Образъ жизни и вообще внѣшняя обстановка нравовъ въ „Висѣ и Раминѣ" тѣ же, что въ Шахъ-намэ. Иранскіе герои въ мирное время проводятъ свои досуги на охотѣ и за виномъ, въ любовныхъ приключеніяхъ и при звукахъ музыки. Какъ представитель настоящаго персидскаго вельможи, Раминъ воплощаетъ въ себѣ и типъ жуира; онъ не только смѣлый охотникъ, но и поклонникъ вина, женщинъ и музыки.

„То я съ гепардами ловлю туровъ и сайгъ, то я съ соколами ловлю куропатокъ и рябчиковъ: выгнавъ горнаго олена изъ горъ, я натравливаю на равнинѣ на него гепарда—я испытываю соколовъ противъ фазановъ—я спускаю псовъ противъ туровъ".—Еще лучше обрисовывается образъ жизни Рамина въ слѣдующихъ стихахъ:

„Не скажешь ли ты, что ты именно видѣла въ Раминѣ такого, за что ты его предпочла всѣмъ? Въ казнѣ его что держитъ его казначей—кромѣ вина, пѣсни, арфы и гитары? Только онъ и знаетъ, что играть на гитарѣ, припѣвая на разные лады. Не видятъ его, иначе какъ въ пьяномъ и разгульномъ настроеніи, продающимъ свое платье изъ-за вина? Жиды—вотъ его товарищи, и друзья—постоянно обираютъ его продажей вина". Раминъ самъ сочиняетъ стихи и въ текстѣ довольно часто попадаются изліянія его музы. Приведемъ изъ нихъ въ видѣ образчика одно мѣсто, отличающееся поэтическимъ чувствомъ.

„Теперь я направляюсь по дорогѣ къ милой—если я умру—то я умру на пути; мою могилу поставятъ на краю дороги—весь свѣтъ

узнаетъ о моей судьбѣ; и странникъ, увидѣвшій мой прахъ, присядетъ на нѣкоторое время при моемъ прахѣ, узнавъ о моей судьбѣ, онъ проститъ меня и добромъ вспомнитъ имя мое (говоря): Онъ былъ странникомъ, онъ истомился отъ разлуки — да помилуетъ Богъ душу его".

За исключеніемъ, конечно, введенія, посвященнаго мусульманскому царю и вслѣдствіе этого носящаго мусульманскій колоритъ, въ „Висѣ и Раминѣ" преобладаютъ персійско-зороастрійскія воззрѣнія. Такъ, въ этомъ романѣ встрѣчается бракъ между братомъ и сестрой. Притомъ небеснымъ свѣтиламъ, вліяніе которыхъ на судьбу людей играетъ столь видную роль въ Шахъ-намэ, и въ поэмѣ Гургани отведено выдающееся мѣсто: въ самомъ введеніи разсказывается, что планеты состояли, такъ сказать, министрами царя Мобеда; въ числѣ другихъ планетъ упоминается и Меркурій, подвижная планета, исполнительница приказовъ царя.

Сновидѣнія, совѣты астрологовъ и вліяніе звѣздъ на происшествія обыденной жизни играютъ довольно значительную роль.

Къ характернымъ признакамъ иранства принадлежитъ то свойство очистительной силы, которое приписывается огню въ „Висѣ и Раминѣ". Мобедъ предложилъ Висѣ доказать свою вѣрность ему клятвой, принесенной ею предъ огнемъ.

Тоже самое относится и ко вліянію дурного глаза, довольно часто упоминаемаго въ „Висѣ и Раминѣ". Нужно упомянуть о другомъ родѣ колдовства, которымъ няня лишила Мобеда его силы. Она сковала два талисмана, составленные ею изъ метала, по внушенію злаго духа; пока такой талисманъ остается въ водѣ, сила лица, подвергавшагося околдованію, считается парализованной. Только въ томъ случаѣ, если желѣзо, связывающее оба талисмана, распаивается огнемъ, заколдованное лицо опять вступаетъ въ полное обладаніе своей силой.

Арабско - мусульманское вліяніе отражается до нѣкоторой степени на „Висѣ и Раминѣ". Всѣ мусульманскія вставки, конечно, принадлежатъ исключительно Гургани, т. е. не входили въ содержаніе пехлевійскаго оригинала. Этотъ пехлевійскій источникъ романа о „Висѣ и Раминѣ" пока не встрѣчается въ спискахъ пехлевійскихъ книгъ, дошедшихъ до насъ.

Въ предисловіи поэтъ отвѣчаетъ на распросы своего покровителя Абулфахта о „Висѣ и Раминѣ", что это дѣйствительно повѣсть, отличающаяся рѣдкой красотой:

„Но языкъ его пехлевійскій—не каждый, который читаетъ на немъ, умѣетъ объяснить его содержаніе, не каждый человѣкъ хорошо читаетъ на этомъ языкѣ, а если онъ (даже) читаетъ, онъ не понимаетъ смысла".

Не смотря на персидскій духъ, господствующій въ „Висѣ и Раминѣ", по крайней мѣрѣ въ предлагаемой формѣ, все таки можно допустить возможность, что этотъ разсказъ проникъ въ Персію извнѣ, а именно изъ Индіи. Конечно, такого предположенія еще не доказываетъ одно упоминаніе индійскихъ мѣстностей или растеній, встрѣчаемыхъ и у другихъ персидскихъ писателей [1]). Но такъ какъ съ одной стороны суть нашего романа о „Висѣ и Раминѣ" не имѣетъ ничего общаго съ древне-иранскими эпическими сказаніями и главныя дѣйствующія лица его не причастны ни къ сказаніямъ, ни къ миѳологіи древнихъ иранцевъ,—а съ другой стороны разсказъ въ общихъ чертахъ совпадаетъ съ содержаніемъ Тристана и Исольды, бар. Штакельбергъ, несмотря на полнѣйшую иранизацію въ общемъ строѣ этой поэмы, склоненъ предположить, что общій источникъ какъ персидскаго, такъ и западнаго разсказа находился въ Индіи. Вѣдь, извѣстно, что Индія снабдила и Азію и Европу неисчерпаемымъ запасомъ сказокъ и поэтическихъ сюжетовъ [2]).

Что касается до языка грузинской повѣсти „Висраміани", то въ немъ замѣтны архаизмы: несмягченные звуки *г*, *т*, вмѣсто современныхъ *ґ* и *ṫ* (гурдгели, тилисма, вм. гурдґели, ṫилисма). Смягченное *и* въ *v*—guari вм. gvari. Вопросъ выражается чрезъ присоединеніе къ концу глагола звука *а* (ħроеа). Пило вм. спило (слонъ). Любопытныя сокращенныя формы повелительнаго наклоненія: moe, tcae, вм. moved, tcaved. Усѣченный видъ eschma, какъ у Руставели, вм. нынѣшняго ешмаки (дьяволъ). Слѣдуетъ отмѣтить упоминаніе (стр. 128) о Соломонѣ и Балави (Балавара?), Амиранѣ, Курѣ. Эти имена должны быть внесены грузинскимъ переводчикомъ „Висраміани".

Сравненіе грузинской повѣсти съ персидской поэмой безусловно свидѣтельствуетъ [3]) о переводѣ первой съ персидскаго (пеглевійскаго?) языка. Такъ, на страницѣ 128 читается: „Хварасмъ на пе-

---

[1]) Въ „Висѣ и Раминѣ" разсказывается также, что мать Зерда, брата Мобеда, была родомъ изъ Индіи (стр. 146, 2 сп.).

[2]) По мнѣнію *Ethé* (Essays und Studien, Берлинъ. 1872) „Висраміани" представляютъ параллель къ кельтскому разсказу о приключеніяхъ Тристана и Исольды, воспѣтыхъ древне-нѣмецкимъ поэтомъ Готфридомъ Страсбургскимъ.

[3]) См. *мою* статью въ „Моамбэ" 1896 г., іюнь.

глевійскомъ языкѣ означаетъ пріятную и плодоносную страну". На стр. 3 грузинскій текстъ прямо заявляетъ, что 'Пахнуръ (=Гургани) передалъ пехлевійскій [прозаическій] разсказъ въ размѣренной рѣчи на персидскомъ языкѣ. Это мѣсто ясно говоритъ, что грузинскій переводъ восходитъ къ персидскому изложенію пехлевійской повѣсти. Но грузинскій переводчикъ, повидимому, не имѣлъ предъ собою той редакціи поэмы, которая издана въ Калькуттѣ. Онъ пользовался другой *прозаической* редакціей повѣсти о Висѣ и Раминѣ. Это явствуетъ изъ сходства общаго хода разсказа и значительнаго отступленія ихъ въ подробностяхъ и географическихъ названіяхъ. Мы приводили параллельныя мѣста на стр. 180, 182, 185, 192 и др., отличающія грузинскій переводъ отъ персидской поэмы Гургани. Такъ, въ персидской поэмѣ [1]) не находимъ именованія тѣхъ владѣній Моабада, которыя упоминаются въ грузинскомъ „Висраміани". „Былъ великій и славный царь Адрабагана и всѣхъ племенъ и странъ владѣтель и громадныхъ сокровищъ обладатель. Владычествовалъ надъ Хорасаномъ, Туркестаномъ, Эракомъ, Адрабадаганомъ, Констаномъ, Хваразмомъ"... Нѣкоторыя имена гостей на пиру у Моабада даны въ грузинской повѣсти въ болѣе архаичной формѣ: таковы—Диниргесъ и Зарнигесъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ грузинскій текстъ лаконичнѣе персидскаго, какъ видно изъ сравненія нѣмецкаго перевода Гургани съ Тмогвели:

Graf, 382.

Sieh' wie viel Ungluck sie heraufbeschworen,
Dass sie vermählten die noch nicht geboren!
Des Dunkelfarb'gen hat viel die Welt,
Was dem Verstande schwer zu bill'gen fällt.
Was das Geschick von Knoten weiss zu schlingen
Kann dem Verstand zu lösen nicht gelingen.
Sieh wie ein Netz es legte wunderbar,
Dass drin sich fing ein solcher König gar!
Es weckt'in seinem Herzen des Verlangen,
Zur Eh'die Ungeborne zu empfangen;
Nicht wachte der Verstand ihm offenbar,
Dass Unglück ihm die er nur gebar.

Висраміани, 8. Смотри, какую скорбь оба обрѣтутъ: тотъ не рожденную сосваталъ, а мать нерожденную выдала замужъ. Дѣянія судьбы и ея коварства безчисленны. Судьба такими узами свяжетъ, что тысяча умовъ не развяжутъ,— такъ воспламенился тогда Моабадъ, что онъ на нерожденной женился.

---

[1]) Ее я имѣлъ возможность сравнить съ груз. повѣстью при содѣйствіи проф. Ѳ. Е. Корша, которому приношу искреннюю признательность.

Очевидно, персидскій поэтъ больше разглагольствовалъ, быть можетъ вы-енный потребностями стиха, а грузинскій переводчикъ строго держался дскаго прозаическаго оригинала, который легъ въ основаніе и поэмы ни.

Сравнимъ еще бесѣду Рамина съ красавицей Гуль по груз. и персид. у.

Graf, 421.

O Mond, sprach der erlauchte Râmîn dann,
Gib deinen Namen deinen Stamen mir an;
Wie heissest du und welcher ist dein Haus?
Wählst du zum Gatten oder nicht mich aus?
Will Einer ehlich Sich mit dir verbinden,
Wie viel will Mitgift deine Mutter finden?
Wer ist in Guräb deines Vaters Weib?
Ist unberührt noch oder nicht dein Leib?
Bezahlt man deinen Zucker mit dem Leben,
Fürwahr gar wohlfeil wurd' er noch gegeben.
Wie Honig zuckersüss sind deine Lippen:
O sprich, wer darf von diesem Zucker nippen?
Wie Keinem sich verbirgt der Sonne Licht,
So bleibt verborgen auch die Liebe nicht.
Drauf sprach zu ihm die wortbegabte Sonne,
Der Engel, die Peri voll Reiz und Wonne:
Woll darf ich offen meinen Namen nennen;
Und wer ich bin, darf Jedem ich bekennen;
Rufaida und Gohar sind Eltern mir,
Bekannt durch gutten Ruf im Lande hier;
Mein Bruder fuhrt der Grenze Wehr im Feld
In Azerbâigen als tapferer Held!
Da unter Rosen ich das Leben fand,
So wurde duft'ge Rose ich genannt;
Belobt der Staum der mir das Dasein gab,
Von Hamadân stamm'ich und von Gurâb.
Ich bin bestrahlt von ros, gem Duft und Licht
Ich heisse Rose, rosig mein Gesicht.

Висрамiани, 258—9.

О луна, скажи только, какое имя ты носишь или изъ какой фамиліи? ты кому себя или еще нѣтъ? Желаешь меня мужемъ или нѣтъ? Кто ся на тебѣ, съ него какую плату требуютъ твои родители? За какую цѣну даешь поцѣлуй? Если даже требуешь 1000 душъ, то и ихъ не жалѣю. вѣтъ сказала глаголющее солнце и воплощенная статуя (Бутi): Какъ скрыться солнцу, такъ нельзя скрыть моего имени. Я не хочу сказать, изъ простыхъ. Мать моя Гопаръ, а отецъ Рафедъ, владыка этого цар-

ства, а братъ мой владѣтель Адрабадагана. У меня братьевъ много, и всѣ голіафы, богатыри и по происхожденію, и добродѣтелями, мы извѣстны и славны, по матери и отцу мы безупречны. Одинъ изъ Гораба, а другая изъ Аміани. Я сама называюсь „Гуль“ (роза), розовая согласно имени, любимая какъ роза и пахучая какъ роза.

Итакъ, сравненіе показываетъ что риторическія украшенія и обиліе фразъ составляютъ преимущественную черту персидской поэмы.

Повѣсть „Висраміани“ сопровождается вставками нравоучительныхъ изреченій, которыя приводятся въ рубрикахъ подъ *араки* (разсказъ) и *шегонеба* (наставленіе). Изреченія эти являются результатомъ продолжительныхъ наблюденій, плодомъ житейской мудрости. „Когда предстоитъ засуха, то признаки ея еще зимою замѣтны становятся“. Это *араки*. Тутъ же приводится „шегонеба“, характеръ которой представляетъ параллель *араки*: „что стрѣла не попадетъ въ цѣль, можно видѣть по натянутому луку; какое дерево принесетъ мало плода, проявится еще во время весенняго расцвѣта“. Нравоученіе—„ѣшь пей, веселись, раздавай, чтобы имя оставить.—Человѣка въ лихорадкѣ посѣщаютъ, а влюбленный изъ году въ годъ томится въ огнѣ, но никто его не провѣдаетъ.—Женщина разъ соблазненная, похожа на взнузданную лошадь“. Моабадъ высказываетъ араки: „женщины болѣе склоняются къ страсти, чѣмъ къ имени; онѣ рождены несовершенными“. Отрицая добродѣтели въ женщинѣ, авторъ рисуетъ внѣшнюю красоту послѣдней въ преувеличенныхъ краскахъ: „Виса сидѣла, какъ солнце на тронѣ, съ ногъ до головы была разодѣта въ жемчугъ и драгоцѣнные камни. Предъ ней всѣ красавицы казались безобразными. Благоухающее дыханіе ея способно было воскресить мертваго, изо рта исходилъ ароматъ мускуса, на устахъ словно сіялъ цвѣтникъ розъ“. Такое же описаніе *общими мѣстами* встрѣчается въ повѣсти относительно Шахро и Гули. Авторъ скептически относится къ земному счастью: „о, судьба,—восклицаетъ онъ,—ты недолговѣчна! Я не вѣрю твоей жалости“. Взгляды его ярко высказываются въ перепискѣ Висы и Рамина. Онъ здѣсь достигаетъ тонкаго знанія человѣческаго сердца, анализируя душевное состояніе несчастно влюбленныхъ. „Сердце мое,—пишетъ Виса Рамину,—ищетъ тебя ежеминутно, какъ больной выздоровленія“. Впадая въ восточный гиперболизмъ, Виса продолжаетъ: „когда вижу солнце или луну, мнѣ вспоминается твой ликъ, гдѣ увижу розу, цѣлую ее жадно, видя въ ней отраженіе твоихъ ланитъ, на зарѣ дуновеніемъ фіалки услаждаюсь я измученная горемъ, говоря: это дыханіе моего возлюбленнаго... Но ты столь любезный и ласковый во снѣ, зачѣмъ такъ наяву безжалостенъ и неумолимъ!“ (292—3). Въ девятомъ письмѣ она же пишетъ: „сердце у меня объято пламенемъ,

душа чадомъ. Каждый вечеръ падаю ницъ предъ Господомъ и оплакиваю свою участь, и стонъ мой возносится до небесъ, звѣзды внимаютъ воплямъ моимъ; рыдаю, какъ весеннее облако, гогочу, какъ ...ая куропатка, обливаю слезами ночной мракъ, рою землю до ...ны рыбы, на которой вселенная держится, ропщу, какъ море во ...мя бури, трепещу, какъ ива отъ вѣтерка..." (311).

Изъ всѣхъ выше отмѣченныхъ особенностей грузинскаго перевода 'Пахпура „Висраміани" сравнительно съ поэмой о „Висѣ и Рамипѣ", написанной Гургани, позволительно заключить, что „Висраміани" никакъ не можетъ быть названъ *буквальнымъ* воспроизведеніемъ персидской обработки, отъ которой прежде всего онъ отличается прозаической формой изложенія. Грузины такъ уважали стихотворную мѣренную рѣчь, прибѣгая къ ней даже въ сочиненіяхъ религіозныхъ и историческихъ, что не вѣрится въ воздержаніе отъ соблазна передать по-грузински стихами же поэму о Висѣ и Раминѣ, если только въ этомъ видѣ она была извѣстна переводчику. Вѣдь, переводили на грузинскій языкъ въ стихахъ, хотя сокращенно, произведенія Фирдоуси, Низами, Анвари Сохаили и др.,—почему же въ данномъ случаѣ предположить отступленіе отъ оригинала? Въ виду этихъ соображеній и фактовъ, вскрывающихся въ повѣсти о Висѣ и Раминѣ на персидскомъ и грузинскомъ языкахъ, мы заключаемъ, что грузинскій переводъ сдѣланъ съ недошедшаго до насъ прозаическаго персидскаго пересказа, который былъ своеобразно разукрашенъ поэтомъ Гургани.

Достовѣрно неизвѣстно, кто перевелъ на грузинскій языкъ повѣсть о Висѣ и Рамина. Хотя этотъ трудъ приписывается Саргису Тмогвели, но онъ считается, по Руставели, авторомъ недошедшей „Диларіани".

Диларіани.

По увѣренію царевича Теймураза авторъ *Диларіани*, Диларгетъ Саргисъ Тмогвели, о которомъ говоритъ Ш. Руставели въ послѣдней строфѣ своей поэмы, былъ государственнымъ [1]) секретаремъ царицы Тамары. Тмогви крѣпость и городъ лежитъ въ Ахалцихской области. ...ъ воспѣлъ витязя Дилара въ книгѣ „Диларгетіани". Диларъ былъ

[1]) *Вахушти*, Исторія, 204, называетъ Саргиса Тмогвели, отправляющаго по порученію царицы Тамары, противъ Зузана, который захватилъ Тао, ... и Вашловани. По лѣтописи же Саргисъ Тмогвели продолжаетъ служить ... преемникахъ царицы Тамары—Георгіи, Русуданѣ и Давидѣ. Картлисъ Цховреба" его называетъ „ученымъ, философомъ и риторомъ". (I, стр. 297, 326, ..., 378, 380, 399).

сильный и знатный юноша изъ рода Гети или Гети. „Диларіани“ была славная книга, написанная Саргисомъ (Сергіосомъ), но послѣднему принадлежатъ и другія сочиненія, какъ напр. „Висраміани“—художественное по языку созданіе [1]).

Царевичъ Теймуразъ приписываетъ въ этой замѣткѣ созданіе „Висраміани“ Саргису Тмогвели [2]), которому можетъ принадлежать только перенесеніе его на грузинскую почву. Другое замѣчаніе, которое вызывается комментаріемъ ученаго царевича, касается фамиліи Саргиса Тмогвели. Теймуразъ предлагаетъ, чтобы открыть родъ писателя, раздѣлить слово „Диларгети“ на двѣ части, причемъ первой считаетъ Дилар, а второй—Гет: толкованіе стиха Ш. Руставели сводится къ тому, что Гетъ (фамилія) Саргисъ (имя) Тмогвели (мѣсто рожденія) *прославилъ* Дилара, при чемъ онъ увѣряетъ, что Гетишвили и нынѣ извѣстная фамилія въ Ахалцихской области, увѣреніе, нами за ненахожденіемъ подтвержденій, не принимаемое. Такое дробленіе „Диларгет“ вызывается двумя соображеніями: необходимостью параллелизма въ стихахъ Ш. Руставели и требованіемъ грамматики: „Мосе Хонели воспѣлъ Амиран Дареджаніани, Шавтели, котораго поэзію хвалятъ, воспѣлъ Абдулъ Месію, Диларгети [3])— Саргисъ Тмогвели неоскудѣваемымъ языкомъ“. Причемъ Диларгети и Саргисъ Тмогвели стоятъ въ дательномъ п. Но такое толкованіе „Диларгетіани“ или „Диларіани“, являясь весьма остроумнымъ, не можетъ быть ничѣмъ подкрѣплено. Если герой именовался „Диларіани“, то объясненіе второй части этого имени царевича Теймураза совершенно падаетъ. Антоній I, ученый католикосъ въ своемъ „Мѣрномъ словѣ“ (803) [4]), называетъ героя разбираемой повѣсти Диларгетомъ. Саргисъ,—говоритъ онъ,—подобно Шотѣ, любитель мудрости, философъ, славный риторъ, достойный похвалы поэтъ. Самъ Шота говоритъ, что Саргисъ воспѣлъ Диларета, онъ заслуживаетъ славы за свои сочиненія. Этимологія „Дилар“ персидская: *дил*—сердце и *гет*—нищій.

---

[1]) Мое письмо въ Иверіи, 1892, № 17. Нѣсколько словъ о рукописномъ толкованіи „Барсовой кожи“ царевичемъ Теймуразомъ.

[2]) Одинъ каталогъ, по словамъ Броссе, сообщаетъ: „Висраміани сочиненное при царицѣ Тамарѣ Диларгетомъ, мудрымъ тавадомъ [княземъ] изъ Саатабаго, Mel. Asiat, VIII, 424.

[3]) Нѣкоторыя рукописи даютъ „Диларгет“ другія „Диларгеть“, одна парижская рукопись невѣроятное чтеніе *Диларгел*. *Brosset.* Mél. Asiat. VIII, 422, пр.

[4]) Изд. Пл. Іоселіани. Тифлисъ. 1853.

Авторъ „Диларгетіани", по замѣчанію издателя „Мѣрнаго слова", умеръ въ 1190 г. Поэма его для насъ утрачена и возстановленная въ началѣ этого столѣтія Петромъ Ларадзе „Диларіани" не даетъ указаній о происхожденіи автора „Диларгетіани". Параллелизмъ же въ стихѣ Руставели требуетъ пониманія: „Гетъ Саргисъ изъ Тмогви воспѣлъ Дилара".

Приводимъ краткое содержаніе *Диларіани*.

I. Былъ [1]) именитый царь въ странѣ Абашетской (Абиссинія или Индія). Милость, справедливость и могущество покорили ему много народностей. Жители наслаждались общимъ миромъ и разными удовольствіями [пѣніемъ, музыкой, гимнастикой]. Столицей его былъ городъ Маргаритъ съ золотыми и серебряными дворцами и обтекаемый 4 рѣками. Установилъ царь обычай въ день своего рожденія раздавать жителямъ богатые дары и въ три года разъ обновлять составъ арміи, оставляя безпомощныхъ вмѣстѣ съ нищими и больными въ страннопріимныхъ домахъ. Слухъ объ его щедрости и заведенныхъ благодѣтельныхъ для народа порядкахъ дошелъ до царей отдаленныхъ странъ, и они прониклись желаніемъ видѣть благословляемаго всѣми повелителя „сильной монархіи". Жителей онъ не обременялъ податями, а пользовался для государственныхъ доходовъ тѣмъ жемчугомъ, который выбрасывало ему собственное море. Улицы его столицы были обсажены драгоцѣнными деревьями, листья и стволы которыхъ были сдѣланы изъ яхонта и изумруда. На нихъ чудныя птицы днемъ и ночью распѣвали разнообразныя пѣсни. Столь счастливымъ царемъ разъ овладѣло сознаніе, что онъ одинокъ, и нѣтъ у него достойной подруги. Для разсѣянія тоски онъ собрался въ сопровожденіи большой свиты на охоту и послѣ удачнаго истребленія звѣрей и птицъ онъ празднуетъ побѣду въ роскошныхъ палаткахъ, разукрашенныхъ портретами царей и философовъ и окруженныхъ рѣдкимъ садомъ по своимъ фруктовымъ деревьямъ, бассейнамъ и пахучимъ цвѣтамъ, но не находя среди избранныхъ дамъ-гостей приличную для трона дѣву, онъ съ тоскою въ сердцѣ отправляется на охоту въ болѣе дальнія страны. Здѣсь, въ лѣсу онъ встрѣчаетъ одного юношу, громко рыдающаго надъ портретомъ одной красавицы. Царь Диларъ-Мдзлевели [т. е. побѣдоносецъ] приблизился къ нему и сталъ разспрашивать юношу о постигшей его судьбѣ. Тотъ ограничился молчаливымъ выраженіемъ благодарности. Диларъ сталъ его успокаивать,—совершилъ съ нимъ охоту, и убивъ сто слоновъ, при-

[1]) Объ отрывкахъ изъ „Диларіани", внесенныхъ въ „Амиранъ-Дареджаніани" см. у меня выше.

были домой вмѣстѣ, гдѣ устроили торжественный пиръ. Царь велѣлъ визирямъ и своимъ приближеннымъ подчиняться юношѣ, какъ своему владыкѣ. Юноша оказался Нушерваномъ—царевичемъ, сыномъ Финеза, владѣтеля великаго Мкинвари („страны холода" или сѣвера). Прежде чѣмъ сказать что-либо о себѣ, царевичъ сталъ лить слезы, прося помощи у Дилара. Всѣ присутствующіе прониклись къ нему чувствомъ жалости.

II. Нушерванъ былъ отданъ, по его словамъ, отцемъ его на воспитаніе визирю Ефосу. Вмѣстѣ съ царевичемъ росъ сынъ визиря Ларосъ. 15 лѣтъ царевичъ превосходилъ всѣхъ въ охотѣ и ловкости. Слухъ объ его славѣ далеко распространился. Разъ на возвратномъ пути съ охоты онъ встрѣтилъ человѣка, который вручилъ ему письмо и портретъ прекрасной дамы, овладѣвшей всѣмъ его сердцемъ. Изъ письма онъ узналъ, что неизвѣстная красавица приглашаетъ его къ себѣ. Податель посланія объяснилъ, что онъ рабъ владѣтеля Британіи (!). Дворецъ британскаго повелителя осаждаютъ многіе царевичи, состязающіеся съ британскими героями („бумбуразами"), прося руки царевны, но послѣдняя слышала о Нушерванѣ и не хочетъ имѣть никого мужемъ кромѣ него. Нушерванъ, посмотрѣвъ на портретъ, упалъ въ обморокъ и, пришедши въ сознаніе, разспросилъ гонца, не поздно ли будетъ ему отправиться въ Британію. Получивъ отвѣтъ, что крѣпость царевны взять трудно, онъ вернулся домой и немедленно созвалъ совѣтъ вельможъ. Воспитатель его, визирь, сталъ отговаривать отъ опаснаго предпріятія, но царевичъ упорствовалъ и упросилъ его взять у отца разрѣшеніе отправиться. Царь долго отказывалъ, но потомъ согласился. Нушерванъ съ 30.000 отборнымъ комплектомъ юношей пускается въ поиски за красавицей, въ сопровожденіи Лара [Ларосъ] Отправивъ письмо къ ней чрезъ присланнаго ею же гонца съ извѣщеніемъ о прибытіи въ Британію, онъ получаетъ отъ нея любвеобильный отвѣтъ и кольцо въ знакъ дружбы. Царь Британіи, узнавъ о появленіи въ его предѣлахъ царевича Мкинварскаго, прислалъ ему сказать чрезъ своего визиря, что Нушерванъ напрасно будетъ пытаться завоевать сердце его дочери,—овладѣть ею не такъ легко, какъ онъ привыкъ избивать дикихъ звѣрей. Отецъ царевны предлагаетъ царевичу лучше испробовать свои силы въ борьбѣ съ его витяземъ Рамишиномъ. Царевичъ согласился, и въ ту же ночь получилъ тайное приглашеніе отъ царевны явиться къ ней. Первая встрѣча, подобно свиданію Таріеля съ Нестанъ-Дареджаною, кончилась молчаливой сценой: юноша былъ пораженъ молніеносными ся взглядами и не могъ поднять взора на „спустившуюся" съ неба луну, увѣнчанную короною,

облеченную въ порфиру. Посидѣвъ немного, онъ получилъ предложеніе отъ фрейлины царевны оставить послѣднюю сегодня въ покоѣ, такъ какъ она не въ состояніи говорить. Юноша съ грустью подчинился этому приказу, а ночью получилъ отъ нея для предстоящей борьбы съ британскимъ витяземъ дротикъ (Ср. zupini въ „Русуданіани"). Въ бою, происходившемъ въ присутствіи царя и его свиты съ подданными, успѣхъ состязанія долго колебался и, наконецъ, съ помощью „того дротика" пробилъ спину онъ „спасалару Рамшинину", а послѣ него, одолѣвъ еще сто витязей, къ вечеру вернулся домой. Ночью на свиданіи съ царевною юноша получилъ въ награду за побѣду цвѣты, сладкіе фрукты и платокъ для перевязки легкой раны, но къ утру, поклявшись ей въ готовности изъ-за нея сразиться со всѣми британскими витязями, онъ покинулъ ее, не рѣшившись при всемъ страстномъ желаніи приложиться къ ея ручкѣ. Британскій владѣтель, огорченный смертью своего спасалара, вызвалъ юношу къ бою съ витяземъ Баигаспомъ. Нушерванъ богато одарилъ присланнаго по этому поводу человѣка и изъявилъ согласіе. Гулнази присылаетъ ему каску и кольчугу чрезъ гонца Море. При звукахъ музыки происходитъ бой, побѣдителемъ остается *Нушерванъ*. Изъ объясненія съ Гулнази Нушерванъ узналъ, что британскій владѣтель не хочетъ выдавать своей дочери за него, такъ какъ отецъ царевича объ этомъ ничего не пишетъ, а царевну принуждаютъ отказаться отъ слова, даннаго избраннику ея сердца. Но она клянется ему въ вѣчной любви и разрѣшаетъ ему себя поцѣловать, чтобы это лобзаніе поддержало ее въ предстоящей борьбѣ съ Гальскимъ царевичемъ Бурбономъ (!), предъ началомъ которой она прислала ему хорошаго коня. Бурбонъ, возбудившій восторгъ своей красотой и ловкостью въ присутствовавшихъ на состязаніи предъ выходомъ Нушервана, былъ убитъ послѣднимъ, а впослѣдствіи съ подобающими царю почестями оплаканъ и положенъ въ гробъ. Царевна наградила побѣдителя новымъ позволеніемъ поцѣловать себя, и когда царевичъ въ огнѣ блаженства и страстнаго желанія овладѣть ею встрѣчаетъ отпоръ съ ея стороны, онъ впадаетъ въ обморокъ и приводится въ чувство возлюбленной красавицей. Онъ получаетъ отъ нея прощеніе и совѣтъ ждать до законнаго бракосочетанія, а пока воздерживаться отъ кровопролитія въ состязаніяхъ съ царевичами, которыхъ британскій владѣтель предполагаетъ выставить противъ него. Она желала бы, чтобы онъ, не убивая противниковъ, только одерживалъ надъ ними верхъ. Выпивъ чашу вина и съѣвъ фрукты изъ ея рукъ, царевичъ далъ слово строго слѣдовать ея приказу.

Визирь отъ имени британскаго владѣтеля требуетъ новаго со-

стязанія Нушервана съ польскимъ царемъ Гоһаромъ. Нушерванъ былъ тутъ раненъ въ голову, но послѣ сильнаго столкновенія польскій король былъ сброшенъ съ коня съ переломленнымъ плечомъ. Нушерванъ пробирается въ его палату, приставляетъ къ нему врачей и такъ они сближаются, что разстаются любезными друзьями. Гоһаръ по выздоровленіи устроилъ пиръ, на который былъ приглашенъ и Нушерванъ. Когда былъ выпитъ тостъ за царевну Гулнази (т. е. „нѣжная сердцемъ"), прибыли послы отъ британскаго владѣтеля, который требовалъ, чтобы Нушерванъ вступилъ заразъ въ бой съ тремя царевичами, его конкурентами. Съ горя, такъ какъ получилъ отъ царевны письмо съ упрекомъ въ равнодушіи къ ней, юноша согласился, а вечеромъ пришла къ нему Роадомъ, воспитательница красавицы, которая его успокоила и пригласила къ возлюбленной.

Царевна приняла его благосклонно и напомнила о необходимости сразить трехъ царевичей испанскаго Перлориса, американскаго (?!) Фортуну и австрійскаго Итали. Хотя первый бросилъ въ него копье, второй мечъ, а третій стрѣлу, но Нушерванъ только получилъ раны, а тѣ сброшены съ коней и побѣждены. Новое приглашеніе къ Гулнази и наслажденіе ея лобзаніемъ были наградой Нушервану. Слѣдующій бой съ британскимъ спасаларомъ, Бардасомъ, кончается также въ пользу царевича Мкинварскаго и увѣнчивается полнымъ блаженствомъ на свиданіи съ царевной. Она объявляетъ ему о существованіи города циклоповъ, который защищаютъ горы и обтекаютъ четыре огненныя рѣки. Тамъ живетъ и самъ Вулканъ, а пробраться туда удалось ея отцу, по пораженіи одного именитаго героя, который и посовѣтовалъ британскому владѣтелю испытать свои силы въ борьбѣ съ циклопами. Долго пришлось отцу царевны тщетно стоять у огненныхъ рѣкъ. Разъ когда купцы, зная моментъ ослабленія огня, пробирались въ городъ, владѣтель британскій въ купеческомъ одѣяніи пробрался за ними, вызвалъ горожанъ къ бою, побѣдилъ ихъ и процарствовалъ надъ ними три года. По оставленіи ея отцомъ города, жители укрѣпили послѣдній вооруженными людьми, и теперь предлагается Нушервану пробраться къ нимъ и покорить ихъ себѣ, такъ какъ этого желаетъ ея отецъ. Нушерванъ опечалился. Онъ готовъ былъ зарѣзаться ножемъ, но царевна его остановила и обѣщала хлопотать предъ отцомъ о позволеніи вѣнчаться съ нимъ. Царевичи, противники Нушервана, во имя дружбы съ нимъ, также ходатайствуютъ предъ британскимъ владѣтелемъ, чтобы онъ выдалъ свою дочь за Мкинварскаго героя. Британскій повелитель ставитъ условіемъ, чтобы Нушерванъ

..въ городъ циклоновъ, у которыхъ находится же въ плѣну ца..евна,—отъ нея и Нушерванъ получилъ письмо съ мольбой спасти ее ..ъ рукъ чудовищъ. Мкинварскій герой сталъ проливать слезы надъ ..ісланнымъ письмомъ, и въ это время вошли четыре царевича, ..вшіе его противники, а нынѣ уже друзья, которымъ онъ показалъ ..слаціе возлюбленной. Они немедленно предложили свои услуги ..ти вмѣстѣ съ нимъ отбить у враговъ царевну и, захвативъ по 100 ..чшихъ воиновъ, они отправились въ Морское царство къ цикло..мъ. Но войти они туда не съумѣли, такъ какъ огненныя рѣки ..льно опалили ихъ, и пришлось ждать очереднаго ослабленія пла..ни. Наступилъ этотъ моментъ, но циклопы объявили имъ страшную ..йну, и царевичи въ первый день отступили. Въ единоборствѣ также ..ступившій польскій царевичъ противъ Морскаго витязя, Гаго, по..рпѣлъ пораженіе и раненъ былъ, но за то его одолѣлъ Нушерванъ. ..разить циклоповъ оказалось невозможнымъ, такъ удары наносимые ..скакивали отъ ихъ вооруженія и на одного противника шло сто ..клоповъ. Рѣшено было вернуться царевичамъ домой и съ новыми ..лами потомъ осадить городъ. Нушерванъ обрадовалъ своихъ роди..лей возвращеніемъ, но постоянныя слезы огорчали его отца, и сынъ ..нужденъ былъ разсказать причину печали. Финезъ разсказалъ въ ..легченіе его тоски свою исторію, изливъ чувство любви и надежды, ..лагаемыя на сына [1]).

III. Любимецъ своего отца, Финезъ, долго жилъ на свободѣ, про..дя время на охотѣ и въ конскихъ скачкахъ. Отцу показалось, что ..ступилъ моментъ его женитьбы, и просилъ сына выбрать невѣсту. ..стоятельныя требованія отца вынудили Финеза запросить своего пре..жняго воспитателя Эгроса, можно-ли ему жениться на той, которую ..едлагаетъ ему царь. Финезъ письменно далъ положительный отвѣтъ. ..нако, молодой царицѣ почему-то впослѣдствіи кажется, что Эгросъ ..лъ противъ ихъ брака, хотя царь показывалъ его письмо, и вознена..дѣла его. Когда Финезъ сдѣлался царемъ, по смерти отца, то онъ ..правился путешествовать по чужимъ странамъ, а жена въ пись..хъ къ нему настаивала, чтобъ онъ наказалъ Эгроса, такъ какъ ..ъ будто измѣнникъ. Царь не внималъ доносамъ. Переходя къ по..женію сына, Финезъ совѣтуетъ ему обратиться за помощью къ могу..щественному Дилару. Послѣдній Нушервану, мы знаемъ, обѣщаетъ

[1]) Эти вставочные эпизоды о геройскихъ приключеніяхъ изъ-за руки кра..вицы напоминаютъ общій ходъ разсказа съ отступленіями о Зигфридѣ, Гунтерѣ, ..игильдѣ и Брунгильдѣ въ нѣмецкой поэмѣ о *Нибелунгахъ*.

горячее участіе. Заказавъ своимъ мастерамъ вооруженіе, подобное по крѣпости циклопскому вооруженію, привезенному Нушерваномъ, Диларъ избираетъ тысячу лучшихъ вельможъ и коней, совершаетъ пышную охоту, гдѣ спасаетъ Нушервана, поднятаго какимъ-то звѣремъ на рога, а по возвращеніи домой, онъ поручаетъ правленіе государствомъ близкимъ лицамъ, а самъ съ Нушерваномъ и большимъ войскомъ направляется къ городу циклоповъ. Здѣсь онъ приказываетъ прорыть тайный входъ въ городъ и ждетъ ослабленія огня. Въ это время приходитъ отъ Гулнази гонецъ Море съ письмомъ къ Нушервану. Она жалуется на свое несчастное плѣненіе и готова поднять на себя руку. Диларъ послалъ надежду на скорое освобожденіе и заключеніе ея брака съ Нушерваномъ. Дѣйствительно, онъ грозно ополчается съ избраннымъ отрядомъ на городъ, ломаетъ его желѣзныя ворота, избиваетъ стражу и вступаетъ побѣдоносно въ городъ циклоповъ. Здѣсь произошла рукопашная схватка, въ которой одержали верхъ Диларъ и Нушерванъ. За этимъ кровопролитнымъ сраженіемъ слѣдуетъ трогательная встрѣча Нушервана и Гулнази, которые отъ прилива радости долго остаются въ объятіяхъ, проливая слезы. Отецъ ея пытается ихъ разъединить и врывается съ войскомъ въ городъ циклоповъ, но терпитъ пораженіе и отправляется Диларомъ въ кандалахъ въ заключеніе. Возводятся два богатыхъ трона на площади для Нушервана и Гулнази, и празднуется вступленіе ихъ въ давно желанный бракъ. Гулнази прославляетъ силу Дилара, доставившаго ей счастливые узы, а онъ подноситъ ей драгоцѣнные подарки, называя ее любезной сестрой. Освободили изъ плѣна британскаго владѣтеля, который со слезами просилъ прощенія у Дилара въ злыхъ дѣяніяхъ и упорствѣ противъ Нушервана,—послѣдній снизошелъ и вернулъ ему царскій тронъ и подобающія почести. Начинался роскошный пиръ.

IV. Диларъ Абашетскій всѣхъ поражалъ любезностью и вѣжливостью. Разъ происходитъ пиръ у британскаго повелителя, на которомъ щедро раздаются дары. Диларъ объявляетъ, что имъ Нушерванъ провозглашенъ царемъ Галліи. Галлы съ радостью принимаютъ молодою чету. Во время торжества Нушервану и Гулнази подносятся визирями и жителями богатые подарки. По желанію Дилара, Нушерванъ вызываетъ польскаго царя Гоһара, который является поспѣшно и заключаетъ братскую дружбу съ обоими молодыми могучими царями. Самъ британскій владѣтель смягчается и умоляетъ Дилара почтить его своимъ посѣщеніемъ въ странѣ Морской. По пути эту разноплеменную царскую компанію встрѣчаютъ пѣвцы и музыканты, а

ушкъ въ столицу, отецъ Гулнази расплакался и передалъ ей
00 ключей отъ различныхъ сокровищъ. Слезы закончились обиль-
ъ пиромъ. Чрезъ годъ Гулнази подарила Нушервану краси-
 мальчика, лицомъ похожаго на луну, а физическимъ строеніемъ
 порожденіе льва". Диларъ и царевичи сопровождаютъ Нушер-
а съ женою къ его отцу, Финезу, который восторженно прини-
тъ ихъ, осыпаетъ поцѣлуями внука и устраиваетъ пиръ. Диларъ
ставляетъ Финезу британскаго владѣтеля. Здѣсь въ домѣ Финеза
нази рождаетъ еще двухъ сыновей, по поводу появленія которыхъ
ица получаетъ цѣнные подарки отъ Дилара, царевичей и другихъ.
аръ пользуется разъ случаемъ разспросить Финеза о молодости.
 разсказалъ о Солнечномъ городѣ и его царѣ.

V. Финезъ, путешествуя очень много вмѣстѣ съ визиремъ Эг-
омъ, разъ попалъ въ такую страну, жители которой днемъ скры-
ись въ подземельяхъ, а ночью выходили въ своихъ свѣтлыхъ
ьяхъ для работъ. На распросы Финеза одинъ старецъ разсказалъ,
 ихъ страна лежитъ на краю восхода солнца. Населеніе красиво
ила изобилуетъ плодами и благовонными цвѣтами, но жители ничѣмъ
оходили на обитателей другихъ государствъ. Царь у нихъ Зе-
рисъ, а царица Естеръ—люди мудрые и справедливые. Визирь
 Джануджанъ—воспитанникъ Эгроса, визиря Мкинварскаго царя.
еза такъ заинтересовала эта страна, что онъ предложилъ старцу
ставлять на смѣну ежегодно въ распоряженіе царя Восхода
ица по 4 своихъ подданныхъ, которые могли бы приносить ему
и о населеніи этого таинственнаго государства. Предложеніе
о принято, и воинъ Дилара разсказываетъ Финезу, что за годъ до
 (Дилара) прихода получено имъ извѣстіе, что Зесотрисъ скончался
оцарилась дочь его красавица—Анавсія. Она построила, по числу
овъ зодіака, 12 яхонтовыхъ башенъ, окруживъ ихъ богатѣйшими
ами, и проводитъ поочередно въ каждой изъ нихъ время подъ
аной 12.000 вельможъ. Кончилъ разсказъ Финезъ, расцѣловалъ
 Диларъ, въ которомъ уже зародилось чувство любви къ незнако-
 Анавсіи. Ночью отъ думъ объ ней не спитъ герой, но днемъ вида
показываетъ, продолжая съ друзьями веселиться. Диларъ пожелалъ
ѣть Эгроса, который при появленіи въ стихахъ ему говоритъ боль-
 похвальную рѣчь, называя его сильнѣйшимъ *монархомъ*, не-
димымъ героемъ, проливающимъ свѣтъ на востокъ и западъ.
осъ представилъ Дилару и сына своего Лара. Диларъ получаетъ
ьмо изъ своего государства, извѣщающее его о приходѣ какихъ-то
ловъ съ посланіемъ и драгоцѣнной коробкой. А раболѣпные ви-

зири поспѣшили отправить къ нему гонцовъ, которые подобострастно поднесли своему повелителю полученныя вещи. Эгросу поручено было прочитать письмо; узнали, что красавица Анавсія кланяется ему и сообщаетъ, что, согласно волѣ покойнаго своего отца, она намѣрена только за него выйти замужъ, какъ за человѣка, покрывшаго себя всюду славой. Но замокъ ея нынѣ окружаютъ другіе претенденты— цари китайскій, асурскій [1]), индійскій, вавилонскій, египетскій и скиоскій. Совѣтуетъ она поспѣшить къ ней и могучей рукой своей ихъ поразить. На совѣщаніи Дилару предлагаетъ свои услуги польскій царь Гоһаръ и Нушерванъ, причемъ послѣдняго настойчиво уговариваетъ Гулнази принять участіе въ экскурсіи Дилара въ возмездіе за труды, понесенные послѣднимъ при ея освобожденіи изъ плѣна. Финезъ противъ тѣхъ явленій чародѣйской страны, съ которыми имъ придется встрѣтиться далъ спасительныя средства: камень въ стальной оправѣ для ношенія на шеѣ противъ огня колдуновъ, мазь на полотнѣ для прикрѣпленія къ подошвѣ и подкову коней, необходимую при переправѣ черезъ рѣку, лѣкарство въ пузырькахъ для смазыванія носа противъ ихъ чаръ и для смазыванія груди, въ видахъ устраненія страха, воду для смачиванія глазъ противъ угрожающаго имъ мрака, траву для прекращенія имѣющаго подняться снѣга. Помимо этихъ лѣкарствъ, Финезъ совѣтуетъ имъ сражаться только булавой, такъ какъ прочія орудія чародѣйствомъ направятся противъ нихъ же. Диларъ поблагодарилъ его и въ сопровожденіи прекрасно разодѣтой свиты пустился въ путь.

VI. По пути въ очаровательную область Дилара встрѣчаетъ индійскій караванъ, на который напали разбойники въ главѣ героя Нарси, убившаго индійскаго витязя Индо [2]). Купцы обратились за помощью къ Дилару. Одинъ изъ витязей послѣдняго поражаетъ Нарси и беретъ его въ плѣнъ, а злоумышленники его скрываются. Караванъ въ благодарность устраиваетъ для Дилара пиръ, а о личности его разсказываетъ купцамъ польскій царь. Одинъ изъ „великихъ купцовъ" Раджиба, по желанію Дилара сообщаетъ свѣдѣнія о странѣ чародѣевъ, говоря, что алтайскій царь ополчается на нее и совѣтуетъ быть осторожнымъ въ борьбѣ съ разбойниками, и предлагаетъ Дилару взять одного изъ его (Раджиба) спутниковъ въ качествѣ проводника. По дорогѣ ночью стали сторожить поочередно: первымъ вызвался польскій король, за нимъ военачальникъ Дилара Марси, а послѣ Нушер-

---

[1]) Асурскій, т. е. Ассирійскій.

[2]) Ср. Амиранъ-Дареджаніани.

гавъ. Нападенія разбойниковъ кончались ихъ плѣненіемъ, но Диларъ великодушно отпускалъ ихъ на свободу.

При наступленіи большой опасности проводникъ попросилъ самого Дилара почью посторожить и защитить всѣхъ отъ нападенія разбойниковъ. Диларъ согласился, причемъ плѣнилъ не только простыхъ участниковъ въ шайкѣ, но ея главу, царя разбойниковъ—Зорастана. Утромъ онъ потребовалъ клятву, что они перестанутъ разбойничать, угрожая въ противномъ случаѣ наказать ихъ смертью. Зорастанъ пригласилъ Дилара со свитою въ свой городъ и здѣсь торжественно предъ четырьмя волками, посаженными у нихъ въ золотую клѣтку, они клялись въ вѣрности Дилару, при чемъ поднесли много цѣнныхъ подарковъ. Диларъ сталъ ихъ убѣждать бросить поклоненіе звѣрямъ и увѣровать въ Единаго Творца вселенной и Троицу Нераздѣльную. Добрая рѣчь Дилара имѣла хорошее вліяніе на слушателей,—Зорастанъ съ вельможами призадумались и склонились къ вѣрѣ Дилара. Зорастанъ самъ вызывается сопровождать Дилара и перегоняетъ громадныя стада коровъ и барановъ для убоя. Стали приближаться чрезъ высокіе лѣса къ странѣ чародѣевъ и, наконецъ, подъѣхали къ рѣкѣ, составлявшей ея границу.

VII. Отпустивъ Зорастана, Диларъ первымъ въ сопровожденіи Нушервана, Гоһара, спасалара Марси и 1000 воиновъ вступили въ околдованную страну. По пути они встрѣтили кастратовъ, повѣшенныхъ на деревья, убитыхъ и испускающихъ духъ отъ чаръ. Будучи Диларомъ снятъ съ дерева для распроса, одинъ изъ умирающихъ обратился въ огненнаго дракона и по зову его всѣ повѣшенные ожили, поднялись въ видѣ драконовъ къ небу и бросили оттуда на свиту Дилара громадные камни. Но Диларъ и его спутники спаслись благодаря тому камню въ стальной оправѣ, который они привѣсили къ себѣ на шею по совѣту Финеза. Тогда драконы вступили въ бой, испуская огонь. Диларъ пустилъ въ ходъ булаву и многихъ перебилъ. Всѣ устали, одинъ Диларъ, „улыбаясь" продолжалъ борьбу. Спасаларъ Нушервана, Ларъ, убилъ старшаго дракона, а за нимъ одни исчезли, а другіе остались мертвыми. Отдохнувъ въ ту ночь, на другой день пошли дальше и встрѣтили четырехъ слоновъ, держащихъ въ пасти по одному отроку. Диларъ сжалился надъ отроками. Убивъ трехъ слоновъ, онъ освободилъ трехъ отроковъ, но четвертый убѣжалъ. Убѣжавшій слонъ и отроки обратились въ огонь, не причинившій, однако, ему вреда. На вой льва (=слона) явилось вооруженное войско, которое въ 3 дня перебиваютъ Диларъ и его спутники, но число противниковъ не уменьшается, пока Нушерванъ булавой не поражаетъ слона (то именующагося въ разсказѣ львомъ).

Затѣмъ приходится имъ состязаться съ возсѣдающими на слонахъ великанами, которые обливали Дилара страшной струей воды, но спасаларъ Марси, убивъ самаго большаго великана, оканчиваетъ бой успѣшно. Но появляются съ ужасными ногтями птицы, которыя похищаютъ Пушервана, Гоhара и самого Марси. Здѣсь Диларъ легкимъ ударомъ булавы вырываетъ добычу у поднявшихся въ воздухъ птицъ. Слѣдующій бой объявили другіе великаны и ихъ царь Тамтари, котораго побѣждаетъ Диларъ. При дальнѣйшемъ ихъ слѣдованіи показываются водоносы, нагруженные громадными кувшинами. По ихъ объясненію, они воины китайскаго царя, оставшіеся у чародѣевъ, которые заставляютъ таскать и строить башни. Они увѣряютъ Дилара, что и его ждетъ та же участь и приглашаютъ переночевать въ ихъ башнѣ. Диларъ соглашается, но отъ ихъ угощенія, возбудившаго въ Гоhарѣ подозрѣніе обиліемъ, отказывается, и потому получаетъ предложеніе оставить ихъ башню. Спутники Дилара выходятъ изъ башни и на другой день разоряютъ ее. Торжествуя побѣду, Пушерванъ пригналъ скотину, которая обратилась въ львовъ, но были перебиты булавами. Чрезъ недѣлю послѣ этого состязанія Диларъ и спутники миновали города и остановились въ роскошномъ полѣ на берегу рѣки. Здѣсь показались женщины, оплакивающія мужей и проклинающія Дилара и его спутниковъ. Онѣ осыпали ихъ пескомъ, и послѣдніе лишались зрѣнія, пока не воспользовались даннымъ Финезомъ лѣкарствомъ. Далѣе встрѣтили плачущихъ юношей, которыхъ они старались успокоить сахаромъ. Они же обратились въ грозныхъ тигровъ, но были побѣждены. Вступивъ въ богатый городъ, имъ протягиваютъ руки слѣпые старцы, которыя поднимаютъ такой дымъ, что Диларъ ничего не можетъ разобрать, пока не обратились къ маслу и водѣ, полученнымъ отъ Финеза. Булавами старцы перебиты. Возникаетъ новая борьба у Дилара и его спутниковъ съ четырьмя великанами на единорогахъ; первые остаются побѣдителями. Встрѣтившіеся имъ львы также поражены, стая волковъ съ овечками въ пастбяхъ вызываютъ погоню Диларъ до пещеръ, гдѣ овечки превращаются въ красивыхъ дѣвицъ и объявляютъ страшную, но въ концѣ концовъ безполезную для себя войну. Диларъ ихъ сразилъ. Толпа вооруженныхъ людей перегораживаетъ Дилару дорогу, по ихъ повеленію начинаютъ колебаться звѣзды и луны въ знакъ гнѣва неба надъ пришлецами, проливающими кровь невинныхъ, но столкновеніе ихъ съ Диларомъ, вспомнившимъ о данномъ Финезомъ маслѣ, кончается торжествомъ героя. За этими послѣдовали драконы, на которыхъ возсѣдали трубачи, наводившіе ужасъ на спутниковъ Дилара. Но какъ и всегда

онъ остался въ борьбѣ непобѣдимымъ. Черные индійцы съ копьями на слонахъ также склоняютъ главы свои предъ могущественнымъ Диларомъ [1]).

Видя себя всюду побѣжденнымъ, царь очарованной страны Горшарабъ посылаетъ визирей Абашетскому владѣтелю Дилару, Мкинварскому Нушервану и польскому Гоһару съ просьбой о пощадѣ. Побѣдители рѣшили на совѣщаніи испытать искренность Горшараба, и съ этою цѣлью отправляется польскій царь, который предлагаетъ друзьямъ идти къ нему за помощью, если чародѣи прибѣгнутъ „къ черной силѣ“ противъ него. Но Горшарабъ дѣйствительно клялся никогда чародѣйствомъ не заниматься, при этомъ и онъ, и его подданные проливали горячія слезы. Диларъ послалъ письмо къ царю разбойниковъ о всѣхъ совершенныхъ имъ подвигахъ въ борьбѣ съ Горшарабомъ и вызывалъ проводника Муджираба съ 1000 воиновъ. Самъ царь Зорастанъ немедленно является, Диларъ съ нимъ и Горшарабомъ совѣщается о способахъ проникновенія въ городъ Солнца.

VIII. Горшарабъ разсказываетъ о несмѣтныхъ богатствахъ и фантастической красотѣ города Солнца, гдѣ царствуетъ Анувсія, единственная наслѣдница Зесостра. Отецъ воздвигъ ей, появившейся послѣ долгихъ ожиданій, 12 башенъ, которыя охраняются сильной стражей изъ вельможъ. Такъ какъ проникнуть туда трудно, то Горшарабъ, въ благодарность за освобожденіе его страны отъ чародѣевъ, даетъ 100 хорошихъ рудокоповъ Дилару, способныхъ прорыть ходъ въ жаркомъ поясѣ города Солнца. По этому тайному ходу пробираются Диларъ, Гоһаръ, Нушерванъ и Зорастанъ со свитой. Красота города и страсть къ возлюбленной, наконецъ, такъ овладѣваютъ Диларомъ, что онъ впадаетъ въ обморокъ, и съ трудомъ приводятъ въ чувство этого льва, цвѣтущаго юношу, главу рыцарей. Нушерванъ его ободряетъ близостью счастья; все располагаетъ къ мысли, что цѣль достигнута: „нѣжно колыхающіяся нивы курятъ благовоніе, воздухъ просвѣтленъ присутствіемъ твоей возлюбленной, листья деревьевъ тебѣ шепчутъ о приближеніи ея, сверкающія воды свидѣтельствуютъ объ ея непорочности, роза служитъ отблескомъ ея ланитъ, мускусъ своимъ запахомъ приглашаетъ тебя къ ея груди, фіалки, робко опустивши голову, даютъ тебѣ знать о грусти красавицы, опечаленной такимъ твоимъ состояніемъ, сладко поющія птицы радуются вашему свиданію, звѣзды ярко горятъ и разсказываютъ другъ

[1]) Повѣсть „Диларіани“ поражаетъ читателя многословіемъ, повтореніями и тождественными описаніями природы и героевъ.

другу о предстоящей вашей свадьбѣ, солнце щедрѣе разсылаетъ лучи, луна усилила окроплять росой распускающіеся цвѣты и вся природа блаженствуетъ (стр. 222—3), выражая чувства веселья по поводу окончанія такого труднаго предпріятія". Нушерванъ благодаритъ небо, что возвратило оно сознаніе Дилару. Послѣдній напоминаетъ первому такое же состояніе, когда тотъ добивался руки своей красавицы, и проситъ извиненія за причиненныя огорченія. Они вступили въ тотъ городъ, гдѣ не бываетъ ночей. Ихъ принимаютъ въ роскошныхъ палатахъ и угощаютъ на золотѣ и серебрѣ. По приглашенію Анавсіи, возсѣвшей на тронѣ среди площади, Диларъ вступаетъ въ бой съ четырьмя ей измѣнившими спасаларами, побѣждаетъ ихъ но самъ также падаетъ съ коня, пораженный лучами своей возлюбленной [1]. Однако, ихъ свиданіе откладывается и, какъ объясняетъ, ея фрейлина, Зефири, въ царскомъ саду Диларъ не скоро удостоится чести видѣть Анувсію. Мучительное ожиданіе предъ свиданіемъ съ предметомъ страсти приводитъ Дилара въ такое ослабленіе, что падаетъ въ обморокъ, когда онъ объясняется съ Зефири и приходитъ въ себя при горестныхъ причитаніяхъ самой Зефири. Послѣдняя докладываетъ своей повелительницѣ о страданіяхъ Дилара. Слезы у него льются словно струи Тигра, стоны сердечные не оставляютъ его ни на минуту, имя Анувсіи не сходитъ съ его устъ. Красавица, наконецъ, смягчилась и послала своему поклоннику царскій скипетръ и увѣренія въ прежней привязанности къ нему, о которой она свидѣтельствовала уже письменно. Проситъ она его успокоиться и приготовиться къ свадьбѣ. Диларъ развеселился и принимаетъ участіе вмѣстѣ съ Джануджаномъ, визиремъ Анувсіи, въ пирѣ, устроенномъ его спутниками-царями. Во время пира онъ получаетъ приглашеніе чрезъ Зефири явиться въ садъ. Съ неудержимымъ волненіемъ онъ ждетъ давно желанной минуты.

IX. Визирь Джануджанъ читаетъ Дилару завѣщаніе отца Анувсіи Зесотра, по которому покойный царь оставляетъ свою корону и дочь на попеченіе Абашетскаго владѣтеля, прося его любить нѣжно воспитанную имъ царевну. Въ завѣщаніи онъ говоритъ, что, по словамъ визиря Джануджана, Анувсія родитъ ему трехъ дѣтей, подобныхъ которымъ Индія не знаетъ. Совѣтуетъ въ благодарность за такую радостную вѣсть, внучку Джануджана, дочь Саурмага (сына перваго визиря), получившаго корону и нѣсколько городовъ, выдать

---

[1]) Герои слишкомъ часто падаютъ въ обморокъ при видѣ красавицы и проливаютъ потоки слезъ.

за польскаго царя Гоһара, Зефири за Марси, а за Лара знатную особу Сосану. При чтеніи этого завѣщанія присутствующіе лили слезы, а Диларъ приказываетъ въ теченіе 40 дней облечь все государство въ трауръ и раздавать милостыни, прекратить веселье въ скорбное воспоминаніе о царѣ. Онъ же проситъ у Анувсіи помилованія четырехъ провинившихся спасаларовъ. По истеченіи срока начинается торжество въ г. Кекелѣ, гдѣ Джануджанъ приноситъ отъ 4000 кладовъ ключи, оставленные Дилару Сезотромъ [1]). Этотъ же визирь подалъ Дилару списокъ городовъ, ему отнынѣ подвластныхъ. Саурмагъ получаетъ новый рескриптъ отъ Дилара, которымъ онъ снова утверждается царемъ и собственноручно коронуется. Саурмагъ задаетъ роскошный Дилару и его спутникамъ пиръ. Столы были накрыты на площади, вокругъ которой были пристроены бассейны для винъ. Подъ столами искусственно провели рѣчку, которая подняла пирующихъ на воздухъ на значительную высоту и оставили въ такомъ положеніи, а по окончаніи пира спустила ихъ на землю. Польскій царь влюбляется въ дочь щедраго Саурмага и открывается въ своемъ чувствѣ предъ Нушерваномъ, а послѣдній докладываетъ объ этомъ Дилару, который удачно принимаетъ роль посредника между Гоһаромъ и Саурмагомъ.

Царь Горшарабъ изъ страны околдованной пишетъ, что въ его предѣлы ворвался Китайскій царь Ласуръ и проситъ онъ у Дилара защиты. Послѣдній чрезъ Джануджана доводятъ это до свѣдѣнія Анувсіи, которая предоставляетъ Дилару открытый листъ для свободнаго дѣйствія противъ Ласура, вступившаго на слонахъ въ ея царство. Предъ началомъ битвы съ Ласуромъ Диларъ приглашаетъ его чрезъ посла Марси на трапезу. Ласуръ гордо отказывается и считаетъ уже себя побѣдителемъ. Вынужденный къ борьбѣ, Диларъ выставляетъ 1000 витязей противъ такого же числа противниковъ. Бой созерцаетъ съ высоты башни сама Анувсія. Онъ повторяется между новыми противниками, и въ награду 100 витязямъ Дилара за побѣду Анувсія отправляетъ 100 красавицъ.

Борьба между Марси и 10 вельможами Ласура, польскимъ королемъ Гоһаромъ и царемъ бухарскимъ Шабада со стороны Китая, Нушерваномъ и царемъ Керамомъ съ противной стороны кончается торжествомъ первыхъ и вознагражденіемъ ихъ Анувсіей. Самъ Диларъ опрокидываетъ 120 храбрыхъ китайскихъ витязей. Тщетно выставляетъ Ласуръ 10.000 слоновъ,—Диларъ ихъ сразилъ. Точно также былъ

[1]) Сезостръ встрѣчается рѣже, чѣмъ Зесотрисъ.

посрамленъ послѣднимъ Курканскій (?) царь Суруташъ. Диларъ Ласура срываетъ съ коня и сбрасываетъ его на землю, а потомъ приводитъ его въ чувство благовонными средствами и приставляетъ къ нему врачей. Ласуръ, по выздоровленіи въ знакъ благодарности, цѣлуетъ у него руку и восхваляетъ его добродѣтели. Съ этого дня они заключили дружбу и братство. Диларъ освободилъ всѣхъ плѣнныхъ, наградивши ихъ щедро. Пиръ продолжался подъ руководствомъ Саурмага [1]) три дня и три ночи. Вмѣсто прежняго кроваваго столкновенія цари заняты шутками и забавами. Ласуръ пораженъ великодушіемъ Дилара и считаетъ себя недостойнымъ его милости. Появляются гонцы царевны, которые приносятъ ключи отъ 12.000 кладовъ для раздачи.

Диларъ, по окончаніи военныхъ операцій, намѣревается отправиться на охоту по указаніямъ визиря Джануджана. Однако, дама сердца Дилара извѣщаетъ чрезъ Зефири его, что она ему предлагаетъ отказаться отъ охоты, угрожающей ему бѣдствіями. Диларъ не остановился; направились отдѣльными взводами въ путь: ѣхали отдѣльно съ музыкой спасалары и воины того города Солнца, за нимъ слѣдовали воины и вельможи страны околдованной и разбойниковъ, въ заключеніи шествія двигались китайцы. Лѣсъ и поле оказались усѣянными звѣрями и птицами. Но Диларъ, несмотря на запрещеніе Джануджана, вздумалъ съ нѣсколькими лицами переправиться чрезъ рѣку. Произошла здѣсь у нихъ схватка съ драконами. Послѣдніе поглотили Нушервана и Ласура, которыхъ удается спасти Дилару, а Джануджанъ смазалъ лобъ какой-то мазью, заставилъ вылить ядъ изо рта и тогда только оказались они приведенными въ сознаніе. По приказанію Дилара воины его тщетно пытаются снять шкуру съ драконовъ—оружіе ихъ не пристаетъ къ чудовищамъ, и только Джануджану это удается. Послѣ этого они возвращаются въ городъ, и Диларъ получаетъ приглашеніе явиться къ Зефири въ садъ. Диларъ лишился словъ при ея видѣ, онъ насладился молчаливымъ ея созерцаніемъ [2]), а затѣмъ сталъ плакать. Она его успокоиваетъ и передаетъ, что Анувсія ей угрожаетъ смертью за то, что она будто отказалась сообщить ему желаніе ея не ходить на охоту. Зефири

---

[1]) Имя грузинскаго царя въ начальномъ періодѣ.

[2]) Это мѣсто является подражаніемъ Руставели. Авторъ „Диларіани“ комбинируетъ элементы повѣстей писателей классическаго періода, присоединяя къ чертамъ быта отдаленной эпохи особенности строя государствъ позднѣйшихъ временъ.

проситъ помочь ей и отправить письмо царевнѣ въ ея оправданіе. Зефири въ свидѣтели проситъ призвать Саурмага—сахлтхуцеси [1]), который по приказу царевны не медленно является и приноситъ письмо Дилара. Всѣ ея сомнѣнія разсѣиваются, и Зефири получаетъ оправданіе. Чрезъ Ризари, дочь Саурмага, царевна посылаетъ прощеніе Зефири и возвращаетъ ее къ прежней должности. На свиданіи Зефири съ Диларомъ послѣдній проситъ у нея прощенія за тѣ огорченія, которыя выпали ей на долю изъ-за стремленія сблизить его съ Анувсіей. Она же увѣряла его въ своихъ искреннихъ къ нему чувствахъ. Анувсія тайно слѣдила въ саду за этой сценою и, по возвращеніи Зефири, она ее приласкала и снова сдѣлала ее „посредницей“ предъ Диларомъ, такъ увѣрилась въ преданности ея къ себѣ. Зефири рѣшается откровенно заявить о тѣхъ мученіяхъ, которыя онъ испытываетъ; онъ ласкаетъ камни, деревья, цвѣты, мимо которыхъ Анувсія проходитъ и желалъ быть ими, чтобы она своими руками и ножками прикасалась къ нему. Анувсія въ своей тоскѣ также признается, что она каждую минуту думаетъ объ немъ, но боится, что онъ не выдержитъ ея взгляда, красота ея ослѣпитъ его и онъ потеряетъ жизнь или разсудокъ. Зефири на это отвѣчаетъ, что можно имѣть различные духи, которыми его приведутъ въ чувство. Она проситъ Зефири передать Дилару, что на другой день вечеромъ назначается ему свиданіе.

X. Диларъ получаетъ письмо отъ царя Горшараба о вторженіи царя скиѳскаго Хагана [2]). Ласуръ проситъ Дилара позволить ему идти на Хагана. Самъ Диларъ въ упоеніи грядущаго свиданія съ Анувсіей. Зефири его проводитъ въ садъ, гдѣ ждетъ красавица. При видѣ ея случается съ Диларомъ ожидаемый обморокъ. Приведенный въ чувство, онъ не въ состояніи выдержать лучей небеснаго созданія. Онъ стоитъ предъ ней на колѣняхъ и благодаритъ, какъ за великую милость, что удостоила она его себя лицезрѣть. При второй встрѣчѣ онъ подноситъ ей золотыя вѣтки съ брилліантами, извиняясь при томъ, что приношеніе недостойно ея. Анувсія, замѣтивъ мучительное состояніе поклонника своего, разрѣшаетъ ему „пьяну насладиться сладостью ея устъ“. Анувсія боится за судьбу своего возлюбленнаго во время предстоящаго столкновенія съ скиѳскимъ владѣтелемъ. Онъ въ отвѣтъ только ласкалъ ее, но разставшись

---

[1]) Министръ двора.

[2]) „Диларіани“ Ларадзе, не стѣсняясь рамками эпохи, даетъ рядомъ съ скиѳами, ассирійцами, вавилонянами испанцевъ, британцевъ, поляковъ.

съ нею, онъ самъ предался мрачнымъ размышленіямъ предъ возможностью побѣды врага и лишенія его наступившаго счастья. Онъ упорно отказывается успокоить его взволнованные нервы, — онъ погрузился въ мечты. Появляется давно жданный Хаганъ, который выставляетъ для борьбы 100 витязей. Но ихъ легко побѣждаетъ одинъ воинъ Дилара—Ломъ-Поладъ [1]). Анувсія приглашаетъ Дилара чрезъ Зефири къ себѣ. Онъ приноситъ въ подарокъ платье, усыпанное жемчугомъ.

Второе столкновеніе также оканчивается въ пользу витязей Дилара, который по свойственному великодушію даруетъ свободу плѣннымъ скиѳамъ и отправляетъ ихъ къ Хагану. Однако, этотъ поступокъ не нравится Анувсіи, которая встрѣчаетъ его сурово, требуя при дальнѣйшемъ объясненіи съ Диларомъ отъ послѣдняго, чтобъ онъ совѣтовался относительно своихъ дѣйствій, такъ какъ онъ подвергаетъ свою жизнь опасности. Диларъ постарался оправдаться предъ ней и смягчить ея сердце [2]). Хаганъ не смиряется и вызываетъ себѣ противника. Спасаларъ Марси его побѣждаетъ.

XI. Въ одинъ день, когда храбрые цари съ Диларомъ наслаждались взаимнымъ созерцаніемъ, является посолъ отъ цара Горшараба, изъ страны чародѣевъ и приноситъ письмо, извѣщающее о вторженіи владѣтеля Фарсмана съ человѣкопожирающими витязями. Они поклоняются Армази, Задену, Гаци, Гайму [груз. языч. боги] и огню. Это письмо ввергаетъ Анувсію въ ужасъ. Она приказываетъ возвести въ саду пять яхонтовыхъ троновъ и пригласить царевичей [3]) на совѣщаніе. Для нея же былъ приготовленъ особый тронъ рядомъ съ сѣдалищемъ Дилара. Всѣ поражены ея красотою и лишены возможности что либо обсуждать. По просьбѣ Нушервана, она ихъ отпускаетъ съ миромъ, давъ по кубку меду на прощаніе. Диларъ же возвращается въ садъ къ ней и увѣрилъ, что нѣтъ никакой опасности для столицы. Онъ ужъ распредѣлилъ царевичей съ отрядами противъ врага.

Диларъ, вернувшись домой, сталъ приводить въ чувство товарищей, потерявшихъ сознаніе отъ созерцанія „небесной красавицы". Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія, Диларъ выступилъ къ городу Кекелъ, извѣстному своей красотой. Здѣсь посѣтили дворецъ Сезостра, отца Анувсіи, гдѣ была найдена яхонтовая статуя покойнаго царя

---

[1]) Ломъ-Поладъ въ переводѣ значитъ стальной левъ.

[2]) При воспроизведеніи чувствъ повѣсть слишкомъ отличается характеромъ современности.

[3]) Ласуръ, Гоһаръ, Нушерванъ, Зорастанъ и Диларъ.

съ вѣнцемъ на головѣ, съ державой въ одной рукѣ и въ другой съ письмомъ, въ которомъ прочитали завѣщаніе царства Сезостромъ Дилару. Въ это время визирь Джануджанъ докладываетъ, что явился царь катузіанцевъ (?), похититель Колхиды. Дилару предлагаетъ скиѳскій царь свои услуги первымъ выступить противъ врага, но могучій царь предпочитаетъ войти съ врагомъ при посредствѣ Марси въ переговоры съ цѣлью распознать виды Фарсмана. Врагъ гордо требовалъ уступки города и отказа отъ военныхъ дѣйствій. Начались битвы, Хаканъ скиѳскій былъ захваченъ даже въ плѣнъ, но Диларъ освободилъ его. Анувсія слѣдитъ съ высоты башни за боемъ и со слезами проситъ у неба о спасеніи Дилара. Послѣдній вступилъ въ единоборство съ сильнымъ Фарсманомъ. Бой сначала на коняхъ, а потомъ пѣшкомъ былъ нерѣшительный. Витязи разошлись и полюбили другъ друга. Фарсманъ объявилъ своему отряду, что отнынѣ онъ подчиняется Дилару. Послѣдній еще разъ принимаетъ на себя роль проповѣдника и наставляетъ катузіанцевъ въ истинной вѣрѣ, обличая ихъ въ идолопоклонствѣ и каннибализмѣ. Фарсманъ уже склоняется бросить свою вѣру и проситъ Дилара дать ему три дня, чтобы переговорить съ магами и жрецами.

Жрецы откровенно заявили Фарсману [1]), что они съ корыстною цѣлью вводили народъ въ заблужденіе. Фарсманъ велѣлъ ихъ наказать, воздавая благодарность Дилару за спасеніе. Самъ царь съ своимъ народомъ обратиться къ истинной вѣрѣ. Начинается празднованіе ихъ обращенія то въ одномъ, то въ другомъ городѣ. На свадьбѣ Ласура и Гоһара просятъ Анувсію чрезъ Дилара о разрѣшеніи Фарсману жениться на красавицѣ Оріони, а Хагану на свѣтлой Марихѣ [2]). Анувсія боится, что во время голода Фарсманъ можетъ съѣсть свою супругу, но Диларъ легко разсѣиваетъ ея опасенія. Сюда присоединяются новыя сватовства: Марси женится на Зефири, Гоһаръ на Ризаринѣ, Лари на Сосанѣ. Въ присутствіи Анувсіи ихъ благословляютъ, даютъ имъ сахаръ въ ротъ и возводятъ на троны, для нихъ устроенные. Гости подходятъ, привѣтствуютъ, обсыпаютъ драгоцѣнными камнями и при звукахъ музыки и пѣнія садятся. Каждой молодой четѣ царица Анувсія даетъ цѣнное приданое, камнями, платьемъ, золотомъ, дѣвушками и мальчиками.

Три дня Анувсія пригласила всѣхъ ихъ праздновать у нея свадьбу.

---

[1]) Ср. „Кар.-Цх."

[2]) Ср. это имя въ народной поэзіи.

XII. Царь Горшарабъ извѣщаетъ Дилара, что вторглись въ царство цари индійскій, египетскій и вавилонскій и хотятъ раздѣл между собою его владѣнія. Узнавъ объ этомъ, Ласуръ и Фарсм просятъ позволенія выйти имъ противъ наступившаго врага. Ану желала бы этого, но Диларъ настаиваетъ на личномъ участіи борьбѣ [1]). Царица плачетъ, но храбрый абашетскій герой пытае устранить всѣ ея горестныя предчувствія, прибавляя при томъ, постыдно отдавать страну на разореніе врагу. Однако, въ виду луки ему такъ тяжело, что падаетъ въ обморокъ, и Анувсія пр дитъ въ чувство. Получивъ разрѣшеніе идти на войну, Диларъ чр Джануджана-визиря отдаетъ приказъ о сборѣ войска и посыла авангардъ подъ начальствомъ Марси. Анувсія посылаетъ къ Дил своего преданнаго спасалара Камаръ-Бадри, который записыва всѣ приключенія и дѣянія Дилара, отправляя мемуары немедленн царицѣ при посредствѣ 10 гонцовъ.

Бой открывается состязаніемъ Марси и Кидо и кончается жествомъ перваго. Явился на помощь Горшарабъ съ своимъ зак нымъ войскомъ. Царь индійскій Парпуръ и амилбаръ Саридонъ открываютъ страшное состязаніе, въ которомъ принимаетъ уча Диларъ. Булавы пущены съ обоихъ сторонъ, а на мѣстѣ поб деннымъ остался Парпуръ. Такой же судьбѣ подверглись цари в лонскій Вилосъ и египетскій Фаросъ. Самъ же Диларъ приставл врачей для лѣченія нанесенныхъ имъ ранъ, а они безконечно бл дарили, что онъ ихъ оставилъ въ живыхъ.

XIII. Диларъ съ торжественнымъ тріумфомъ вступаетъ въ родъ Солнца. Народъ встрѣчаетъ его восторженно. Наступилъ желанный моментъ, когда онъ получилъ приглашеніе къ своей любленной. Встрѣча самая сердечная, чувства изливаются самые гательныя, увѣренія въ любви и преданности исходили съ обѣ сторонъ. Наконецъ, происходитъ пышное празднованіе брака Дил съ Анувсіей въ палатахъ царя Сезостра, поражающихъ зрителе богатствомъ, и красотой. Молодая чета возсѣдала на тронахъ, и го подходя сыпали жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Цари-спутн Дилара поочередно вставали пили вино и заставляли пить друг Пѣніе и музыка сопровождаютъ веселый разговоръ въ теченіе 40 д Но замѣтили, что вновь прибывшіе три царя и амилбаръ вавилонс египетскій и т. д., скучаютъ, а въ одинъ день и вовсе не явились.

---

[1]) Диларъ во всемъ ходѣ повѣсти выставляется великодушнымъ, х рымъ и неустрашимымъ.

ларъ велѣлъ разузнать причину, и оказалось, что они влюбились въ придворныхъ дамъ Анувсіи. Послѣдняя, зная силу огня любви, уговариваетъ дамъ спасти страдальцевъ и выйти за нихъ замужъ. Онѣ уступили, и открывается торжество ихъ свадебныхъ пировъ. Анувсія рождаетъ сына, который по красотѣ напоминаетъ мать, а по строенію физическому превосходилъ отца. Цари Парпуръ, Вилосъ, Паросъ, Фарсманъ (катузіанцевъ) и Хаканъ возвращаются домой съ разрѣшенія Дилара. Уѣзжаютъ также Нушерванъ и Гоһаръ, осыпанные золотомъ и серебромъ. Проводы трогательныя. Ихъ сопровождаютъ до границы Диларъ и Ласуръ. Нушерванъ назначаетъ царемъ Лара надъ одною областью, и Диларъ его утверждаетъ. Самъ же Диларъ объявляетъ спасаларами Горшараба и Зорастена (царя разбойниковъ). У Ласура и Касіи рождается сынъ, словно солнце по свѣту и луна по яркости.

Анувсія рождаетъ втораго, столь же красиваго и мужественнаго сына. Джануджанъ-визирь проситъ Дилара посѣтить въ честь молодаго царевича возведенный имъ дворецъ. Визирь построилъ замокъ длиною въ 20 поприщъ и шириною также въ 20 поприщъ. Входъ дворецъ имѣлъ въ 12 поприщъ вышиною. Тутъ стояли мѣдные львы огромныхъ размѣровъ. Вокругъ стѣнъ стояли въ 12 рядовъ страшные мѣдные воины, вооруженные одни стрѣлами, а другіе щитами. Внутри стѣнъ, подъ куполомъ стоялъ тронъ изъ чистаго алмаза, на которомъ возсѣдала статуя Дилара изъ яхонта съ короною на головѣ и рядомъ съ нимъ Анувсія съ короною и съ дѣтьми. Подъ статуей на 500 (?!) языкахъ была вырѣзана золотыми буквами надпись, гласящая о подвигахъ и романѣ Дилара. За этой статуей слѣдовали изваянія Ласура и его супруги Касіи съ дѣтьми, Фарсманъ съ своей возлюбленной и дѣтьми, Нушерванъ, Гоһаръ, Хаканъ, Горшарабъ, Зорастенъ, Ферозъ и другіе извѣстные изъ разсказа цари и спасалары съ женами и дѣтьми, а надписи надъ ними оповѣщали объ ихъ подвигахъ и любовныхъ приключеніяхъ. Левъ, стоящій предъ входомъ, по объясненію Джануджана на запросъ Дилара, способенъ о приготовленіяхъ врага за цѣлый годъ дать знать городу троекратнымъ страшнымъ воемъ, а за 6 мѣсяцевъ 6 разъ завоетъ, а за недѣлю до вступленія врага въ предѣлы страны начнетъ день и ночь ревѣть. А воины, окружающіе стѣны, обладаютъ талантомъ въ часъ 1000 стрѣлъ пускать и пробивать все: и скалу, и желѣзо. Стрѣлы у нихъ не истощаются, и левъ не перестанетъ рѣвѣть, пока враги не будутъ всѣ перебиты. Всѣ были поражены изобрѣтеніемъ стараго визиря. Испытали ревъ льва и силу вооруженныхъ статуй, и оказалось, что

искусство представляетъ полное совершенство. Анусвія даетъ визирю городъ съ удѣльнымъ владѣніемъ, и всѣ другіе приносятъ ему поздравленіе.

Глава эта завершается извѣстіемъ, что у Дилара рождается третій сынъ красавчикъ, а сотрудниковъ абашетскаго героя Богъ награждаетъ также сыновьями [1]).

XV. Дилара посѣщаютъ цари: Финезъ мкинварскій, катузіанскій, индійскій, вавилонскій, египетскій, Нушервавъ, Гоһаръ и амилбаръ Лари и приносятъ многочисленные подарки. Диларъ въ свою очередь отдариваетъ ихъ и щедро угощаетъ. Въ полномъ собраніи царей Джануджанъ произноситъ похвальную оду (стр. 454—5) Дилару, превознося его подвиги и характеръ. Своему наставнику старцу Эгросу Джануджанъ посвятилъ также нѣсколько стиховъ („чахрухули" по 20 слоговъ). Стихами „ҫарибули" онъ обратился къ Ласуру пекинскому, Фарсману катузіанскому и царямъ египетскому, индійскому и вавилонскому, говоря о необходимости творить добро и оставаться вѣрнымъ Дилару.

Диларъ пожелалъ посѣтить свою Абашетію. Онъ отправляетъ вѣстниками Марси и 1000 своихъ воиновъ. Населеніе встрѣчаетъ ихъ восторженно. Клики радости усилились, когда Диларъ въ сопровожденіи царей и царицъ приблизился къ Абашетскимъ владѣніямъ. На встрѣчу выходятъ спасалары, визири, вельможи, старцы и 100.000(??) воиновъ. Лобызая руки Дилара, населеніе и его представители, сыпали жемчугъ по золотымъ вышитымъ коврамъ, которыми устлали путь Дилара. Въ своемъ городѣ Маргарити Диларъ открываетъ роскошный пиръ. По просьбѣ царей,—Эгросъ возводитъ большой памятникъ, изображающій всѣхъ ихъ, надъ которыми возвышался Диларъ съ 30 коронами съ распростертыми руками, въ знакъ покровительства, надъ 30 подъ нимъ отлитыми царскими бюстами. Памятникъ увѣнчивала золотая колонна съ орломъ. Крылья его были распущены и 24 раза въ сутки страшнымъ голосомъ взывалъ: „славьте, славьте, славьте Дилара-побѣдителя, Анувсію и дѣтей ихъ!". Другой мѣдный памятникъ 6000 арш. вышины и 3000 ширины занимали 12 витязей, которые одной рукою закрывали лицо, а другой указывали на дворецъ. На третьемъ мѣдномъ памятникѣ Эгросъ изобразилъ себя, воздѣвшаго одну руку къ небу, а другую протягивавшаго съ картою къ Дилару, въ которой онъ просилъ у него долгоденствія.

---

[1]) Покоренные цари становятся къ Дилару какъ бы въ феодальныя отношенія.

Во время пира на площади орелъ оглашалъ славу Дилара, а музыканты играли и пѣли въ честь его. Эгросъ поднимается и произноситъ стихи. Диларъ благодаритъ его и снова со всѣми прибывшими придворными возвращается въ городъ Солнца. 10.000 абашинцевъ сочетаются бракомъ съ таковымъ же количествомъ красавицъ изъ города Солнца (!).—Этимъ заканчивается „Диларіани".

Въ концѣ повѣсти читаемъ: „Петръ Ларадзе употребилъ много труда на воспоминаніе и сочиненіе этого разсказа".

1879 г. октября 25 началъ переписывать и декабря 19 того же года кончилъ. Давидъ Ивановичъ Амиридзе моуравъ кн. Давида Ивановича - Джамбакуръ - Орбеліани переписывалъ на 61 году своей жизни и просилъ не порицать за тщетный трудъ при старости, а молиться за его грѣшную душу, исправить ошибки, какія найдутся, и кто возьметъ, тотъ пусть возвращаетъ скоро хозяину [1]).

Въ началѣ книги [2]) вслѣдъ за прославленіемъ Творца тамъ же читаемъ, что къ Ларадзе приставали возстановить Диларіани, который, „будучи извѣстенъ во время Тамары", исчезъ. Онъ помнилъ эту просьбу и написалъ разсказъ частью въ прозѣ, частью въ стихахъ. Большею частью стихи не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, сравнительно съ прозаическимъ разсказомъ,—они только болѣе высокопарно и риторически выражаютъ тѣ мысли и чувства, о которыхъ предшествовавшій или послѣдующій эпизодъ передаетъ. Стихи у него носятъ различныя названія, но по содержанію и по формѣ большею частью они не отличаются другъ отъ друга. Стихи то 10 слоговые: лекси, таэпи, цагнакорули, рвули, шаири, шецкобили, шереули, мрчобледи, то 20 слоговые: чахрухули, 'пистикури, цкобили, qарибули. Чахрухули восьмислоговой [рвули] не отличается отъ простаго „чахрухули". Ямбико—12 слоговой стихъ.

Петръ Ларадзе пытался подойти ближе къ духу древнихъ литературныхъ произведеній, заимствуя у нихъ способъ изложенія, характеристики дѣйствующихъ лицъ и поля сраженія.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мы находимъ описанія природы по тѣмъ же пріемамъ, которые встрѣчаемъ въ Амиранъ-Дареджаніани" [1]).

Начинается какъ Амиранъ - Дареджаніани, Русуданіани и др.: „Здѣсь начало разсказа о Мкинварскомъ царѣ Нушерванѣ" и пр.

---

[1]) Николай Чичиковъ, какъ видно изъ приписки, бралъ читать и въ полномъ восторгѣ отъ разсказа съ благодарностью возвращаетъ его моураву Амиридзе.

[2]) Рукопись, по которой мы старались вкратцѣ изложить содержаніе „Диларіани", заключаетъ 476 стр. in folio. Почеркъ убористый мхедрули. Хранится въ кожанномъ переплетѣ. Принадлежитъ нынѣ Обществу распространенія грамотности среди грузинскаго населенія въ Тифлисѣ.

„Солнце разсыпало свои лучи по землѣ и черный ночной покр прожгло своимъ пламенемъ“ (51). Утренній оріонъ свои сверкаю стрѣлы пустилъ въ видѣ молніи съ четырехъ сторонъ и распрост нилъ всюду пурпуровый оттѣнокъ (75). Великое свѣтило, возражд щее радость на землѣ, раскрыло свой красновато-узорчатый шар моментально освѣтило всю вселенную (80). Солнечныя стрѣлы зились въ сердце земли, и кровь ея полилась свѣтлой струей (Солнечный дискъ игриво и радостно началъ восходить, посылая вѣстниками о встрѣчѣ четырехъ влюбленныхъ (112). Блестящія к солнца пронзили луну, и она, словно испуганная, спѣшила спрята въ укромное мѣстечко и подобрать свои нѣжные лучи, а сол торжествуя надъ нею побѣду, играло въ зенитѣ во всемъ сво величіи (154).

Привлекая природу для сравненія съ явленіями земной жи писатель пользуется риторическимъ способомъ для усиленія впеча нія, прибѣгаетъ къ эпитетамъ и гиперболѣ, не всегда складным естественнымъ. Письмо Нушервана къ Родамѣ начинается слов „О хранительница виноградника безсмертія, привратница райскаго с цвѣточница палестинскихъ розъ, стража ливанскаго кипариса и петскаго сахарнаго тростника!“ (56). Родама отвѣчаетъ Нушерв что роза для него только усиливаетъ свой отблескъ и соловьи ними распѣваютъ для его успокоенія. Несмотря на эту ходульн и возвышенность тона нѣкоторые психологическіе моменты перед вполнѣ правдоподобно, какъ можно судить и по нашему изложе Гулнази слегка недовольна Нушерваномъ и журитъ его, но „в недовольствѣ небо съ неизсякаемою щедростью дарило героя сладост Чувство тоски иногда передается также вѣрно, какъ приливъ р сти. Непостоянство судьбы, играющей человѣческой жизнью, д то горе, то наслажденіе, вызываетъ мрачныя размышленія въ ларѣ, обезумѣвшемъ отъ созерцанія красавицы Анувсіи. Нѣкото мѣста по характеру изложенія могутъ быть объяснены влія Руставели. Такъ, имѣемъ здѣсь воспроизведеніе того момента „Барсовой кожи“, когда Ростеванъ, царь Аравіи, встрѣчаетъ Та на берегу рѣки. Разсказъ Нушервана о себѣ предъ Диларомъ им параллель въ поэмѣ Руставели, когда послѣдній заставляетъ с индійскаго царевича съ трепетомъ приступить къ скорбному повѣ ванію своего романа [1]).

---

[1]) См. у меня еще выше (стр. 220), подражаніе Руставели. Какъ станъ-Дареджаны въ „Барсовой кожѣ“, такъ въ „Диларіани“ каждая ге имѣетъ свою наперсницу: у Дареджаны—Асмати, а у Анувсіи—Зефири.

Характеристика Дилара, черты, вызывавшія восторгъ и у поэтовъ, и у простыхъ смертныхъ, сводятся къ тому, что говорятъ его друзья, оплакивающіе его въ обморокѣ: „Диларъ, радость своихъ названныхъ друзей, вѣнецъ всѣхъ земныхъ царей, львинымъ сердцемъ до небесъ прославленный обладатель красоты, юноша еще невполнѣ расцвѣтшій, неизмѣримая глубина мудрости, крѣпость царей, украшеніе поля брани, возбуждающій удивленіе въ лучшихъ храбрецахъ, первый стрѣлокъ, ѣздокъ, наставникъ игрокамъ въ мячъ, глава рыцарей, утѣшеніе видящихъ, безгранично великодушный и милостивый отецъ всѣхъ, упованіе Гоһара и спаситель Нушервана и царя разбойниковъ, обращеннаго имъ къ истинной вѣрѣ!" (220.221). Царскими регаліями его служили тронъ, корона, двуглавый орелъ съ раскрытыми крыльями, который въ когтяхъ держалъ скипетръ и порфиру. Тотъ титулъ сохранился съ большими подробностями, который принадлежитъ Анувсіи. Ея манифестъ начинается словами: „Мы, по волѣ Всевышняго провидѣнія поставленная надъ всѣми земными царями, повелительница города Солнца и обладательница моихъ странъ и города, наслѣдственная хранительница лучей солнца и пренебрегающая свѣтомъ луны, блескомъ превосходящая Кроноса, а гнѣвомъ Гарихи (?), слаще меду и молока, щедрая подобно осеннему дождю, посрамляющая розы цвѣтомъ лица своего, граціей гнетущая египетскій кипарисъ, примѣръ всего хорошаго, возродавшій Абашетію дискъ, утѣшительница Дилара, царица царицъ Анувсія"...

Какъ въ этомъ манифестѣ, такъ и во всемъ разсказѣ Ларадзе чувствуется вліяніе новаго времени. Возстановленный имъ романъ явно проникнутъ христіанскимъ воззрѣніемъ автора: вѣра въ Троицу, Единаго Бога, прощеніе семь разъ семь—слѣды Евангельскаго ученія. Въ особенности авторъ не съумѣлъ избѣгнуть анахронизмовъ: на ряду съ вавилонскимъ, индійскимъ и египетскимъ называются гальскій, британскій и польскій владѣтели, т.-е. происходитъ смѣшеніе двухъ разновременныхъ историческихъ эпохъ, правдоподобныхъ и фантастическихъ событій, извѣстныхъ въ исторіи именъ и вымышленныхъ названій. Эта невыдержанность стиля разсказа „временъ Тамары" сказывается въ перенесеніи современныхъ понятій и словъ къ XII в.: апельцины вм. туринджи, Китай вм. Чинети, императоръ вм. царь, Колхида вм. Грузіи, хотя наряду съ современнымъ лексикономъ онъ прибѣгаетъ къ архаизмамъ: утевани (поприще), хвастаги (скотъ, богатство), шушпроба вм. тамашоба (игра).

Любопытно упоминаніе греческихъ (и арабскихъ боговъ). Авторъ хорошо знакомъ съ миѳологіей и пользуется ей для иллюстраціи сво-

его повѣствованія: съ Діаніей, Афродитой (съ Аспирозомъ) сравнивается Гулнази; въ виду другихъ обстоятельствъ называются: Кроносъ, Аполлонъ, Марсъ, Вулканъ, Минерва, Цирцея, рѣка Ахеронъ. У него стоятъ рядомъ Кроносъ, Еликрите? Муштаръ и Аспирозъ. Муштаръ по-араб. Зевсъ, Аспирозъ—Венера.

Названія орудій многочисленны,—пускаются въ ходъ: мечъ, щитъ, булава, стрѣлы, костяной ножъ или палашъ. Одѣты борцы въ латы, на головѣ имѣютъ каску, шлемъ.

Языкъ повѣсти носитъ слѣды сигнахскаго говора, по крайней мѣрѣ, часто мы встрѣчали въ рѣчи современное ϥе.

Сравнивая нашу рукопись съ напечатаннымъ Чубиновымъ [1]) отрывкомъ, мы находимъ отличія въ расположеніи фразъ и большей или меньшей ихъ краткости, но сущность разсказа остается неизмѣнной. Однако, существованіе разночтеній въ этихъ двухъ памятникахъ даетъ основаніе предполагать двѣ разныя редакціи Диларіани.

Содержаніе двухъ вставочныхъ въ „Амиранъ-Дареджаніани" главъ о Дларѣ мы приводимъ вкратцѣ, для сравненія съ плохо возстановленной Ларадзе повѣстью.

Когда-то царь Диларъ Хозарскій подчинилъ себѣ всѣ страны и народы, какъ описано Саргисомъ Тмогвели [2]). Предъ смертью онъ призвалъ племянника своего Хосро и поручилъ ему малолѣтняго сына Джимшера воспитывать до десяти лѣтъ и потомъ возвесть на престолъ. Хосро (Хвасро) велѣлъ витязю Мерабу заключить царевича въ отдаленную крѣпость, а самъ овладѣлъ трономъ. Царевичъ томился здѣсь долго, вспоминая военные турниры и свободные пиры. Наконецъ, послалъ чрезъ привратника сказать Мерабу освободить изъ заточенія, или же онъ перебьетъ всю стражу. Мерабъ въ гнѣвѣ отрубилъ голову донесшему эту вѣсть привратнику. Но потомъ, вспомнивъ благодѣянія оказанныя ему отцомъ Джимшера, онъ рѣшилъ освободить царевича, возвелъ его при помощи рыцарей (бумбурази) на престолъ и возложилъ на него корону. Торжество сопровождалось пиромъ и закончилось охотой на львовъ и тигровъ. Здѣсь они встрѣтились съ ордой витязей, изъ которыхъ одинъ успѣлъ побить многихъ изъ свиты Джимшера. Послѣдній вступилъ въ бой съ незнакомымъ витяземъ 'Кулъ сѣвернымъ и послѣ упорнаго состязанія на сабляхъ, булавами, стрѣлами Джимшеръ сразилъ его. 'Кулъ немедленно подчинилъ ему всю

[1]) Хрестоматія (Спб. 1863), стр. 110—122.

[2]) Этими словами въ рукописи XVIII в. (?) подкрѣпляется мнѣніе о принадлежности разсказа о Диларѣ Саргису Тмогвели.

свою страну. Хосро же узналъ обо всемъ этомъ, очень опечалился и написалъ грозное письмо Мерабу за ослушаніе, а 'Кулу за переходъ на сторону Джимшера. Мерабъ предложилъ юному царю удалиться изъ владѣній изъ опасенія передъ силой и чарами Хосро, посредствомъ которыхъ онъ можетъ сжечь море и растопить скалы. Хосро успокоился, а Джимшеръ со свитой поселился въ дальней странѣ. Разъ во время охоты онъ встрѣтилъ трехъ путниковъ, которые вызвались его сопровождать въ обильныя звѣрями мѣста. Они оказались дэвами-слугами Хусруджани, овладѣли Джимшеромъ колдованіями и привезли связаннаго къ своему повелителю. Чрезъ одного разносчика царица Бетевана, дочь китайскаго императора, узнаетъ о плѣненіи Джимшера. Она выпросила у Хусруджани свободу Джимшеду и предложила выдать за него свою красавицу-дочь. Послѣдняя требуетъ съ него геройскихъ подвиговъ въ борьбѣ съ витязями. Джимшеръ сразилъ въ присутствіи царя, красавицы и горожанъ, при звукахъ музыки, дэва Мохшура, дэва Эрвана и, наконецъ, призвавъ Бога, страшнаго дэва Абери, съ которымъ онъ боролся три дня и вызвалъ общій восторгъ зрителей. Амиранъ-Дареджанидзе слышалъ этотъ разсказъ отъ Сейедавле. Джимшеръ взялъ крѣпость дэвовъ и, женившись на красавицѣ, обо всемъ написалъ Мерабу и 'Кулу. Письмо отправилъ чрезъ чародѣя негра (занги и у Руставели) и призывалъ ихъ къ себѣ. Посолъ засталъ городъ Джимшера въ трaурѣ. Въ отвѣтъ Мерабъ и 'Кулъ поспѣшили къ нему. Отпраздновали пышную свадьбу. Джимшеръ съ женой вернулся къ себѣ.

Глава II. О Джимшерѣ сынѣ Джимшера. Джимшеръ разъ отправился въ горы на охоту и достигъ вершины, гдѣ стало очень холодно: здѣсь надъ озеромъ простерся драконъ. Джимшеръ его убилъ, и холодъ немедленно смѣнился тепломъ. Джимшедъ замѣтилъ толпу людей и послалъ узнать, кто они такіе. Посолъ донесъ, что они изъ туркійской страны, гдѣ появился страшный звѣрь съ двумя головами, испускающій огонь. Джимшедъ направился въ землю этихъ несчастныхъ людей. Послѣ отчаянной схватки чудовище было убито. Народъ ликуетъ, благодаритъ и проситъ остаться управлять имъ. Онъ извѣщаетъ о подвигахъ Мераба, но онъ получаетъ отвѣтъ съ приложеніемъ письма отъ Мзечабука, приглашающаго его къ себѣ. Джимшеръ по пути встрѣчаетъ купцовъ изъ Индіи, ограбленныхъ арабами. Разбойники наказаны. Прежде чѣмъ попасть въ страну сѣвернаго царя, Джимшеръ избиваетъ дэвовъ, а потомъ, въ состязаніяхъ одолѣвъ витязей (Кавтара), получаетъ руку сѣверной царевны Камарлухъ. Послѣ свадьбы Джимшеръ отправляется съ женою

домой и здѣсь дружески встрѣчается съ Мзечабукомъ. Новыя приключенія передаются съ тѣми же особенностями, какія намъ извѣстны изъ другихъ повѣстей.

Разсматривая содержаніе этихъ двухъ вставочныхъ въ „Амиранъ-Дареджаніани" главъ, мы видимъ, насколько безцвѣтно подражаетъ ихъ авторъ похожденіямъ героевъ въ грузинскихъ произведеніяхъ. Имя Амирана, случайно вплетенное въ разсказъ о Джимшерѣ, служитъ блѣдной попыткой объединить двѣ героическія повѣсти, посвященныя этимъ прославленнымъ витязямъ. Съ другой стороны, неудачный опытъ „крцхинвальскаго новеллиста" (см. у меня выше, стр. 155, примѣч.) связать подвиги Джимшера и Амирана бросаетъ свѣтъ на составъ „Диларіани" и „Амиранъ-Дареджаніани". Эти двѣ повѣсти составляютъ сборники самостоятельныхъ героическихъ разсказовъ, спитыхъ бѣлыми нитками и расположенныхъ вокругъ Амирана и Дилара [1]).

Этотъ вставочный эпизодъ, созданный по подражанію существовавшимъ повѣстямъ о похожденіяхъ героевъ, разыгрывается въ предѣлахъ извѣстной схемы: исканіе руки красавицы, полученіе ея согласія въ награду за побѣду надъ именитыми витязями, борьба съ дэвами и чародѣями. Онъ свидѣтельствуетъ, что форма такихъ повѣстей уже кристаллизовалась, авторы творятъ по опредѣленному шаблону. Сопоставляя наши разсказы съ западно-европейскими (напр. объ Артурѣ и Роландѣ) однохарактерными повѣстями, усматривается поразительное сходство: герои большею частью воспитываются въ уединеніи и съ дѣтства проявляютъ храбрость, странствуютъ въ поискахъ за приключеніями, защищаютъ угнетенныхъ, сражаются съ рыцарями (въ грузинскихъ еще съ чудовищами); при этомъ подробно описываются шлемы, латы, всяческое оружіе, уборы рыцарей [2]).

Абдулъ Мессія Шавтели.

Абдулъ Мессія Шавтели, о стихахъ котораго передаетъ восторженный отзывъ Шота Руставели, происходилъ изъ Самцхійской области (нынѣ Ахалцихскій уѣздъ). Онъ былъ государственнымъ секретаремъ при царицѣ Тамарѣ и прославился, по словамъ царевича Теймураза, какъ возвышенный піитъ, одописецъ: „Высокій стиль, богатая риѳма, гермоническое сочетаніе мыслей исполняютъ его произведенія величія и торжественности. Отъ него осталась похвальная поэма, посвященная царицѣ Тамарѣ. Но ему же приписывается произведеніе

---

[1]) Ср. съ ними дальше „Русуданіани".

[2]) Ср. Средневѣковой эпосъ и романъ. Перев. Балобановой. Спб. 1896.

подъ названіемъ *Абдулъ-Мессіа*, что въ переводѣ значитъ „рабъ Христовъ“, вызвавшее въ современномъ ему обществѣ лестные отзывы, подтверждаемые мнѣніемъ Руставели. Объ этой утраченной книгѣ говоритъ авторъ „Барсовой кожи“ въ послѣдней строфѣ поэмы. Впослѣдствіи Шавтели постригся въ монахи въ Гелатской обители и нареченъ былъ Іоанномъ. Въ этомъ уединеніи онъ написалъ много сочиненій и тутъ же скончался [1]). Одинъ трудъ Шавтели, помимо поэмы, дошелъ до насъ въ спискѣ XVI в., написанный впервые въ 1172 г. Это—Кинклосъ (κύκλος—Квинклосъ) или календарь для опредѣленія для пасхи и подвижныхъ праздниковъ. Издавна готовыя хронологическія таблицы сопровождались противъ соотвѣтствующихъ лѣтъ историческими записями современниковъ. Извѣстный кинклосъ Шемокмедскаго монастыря раздѣленъ на четыре графы, изъ которыхъ въ первой указывается первый день Великаго поста, во второй еврейская пасха, въ третьей христіанская пасха, а въ четвертой основаніе пасхаліи. Въ такомъ порядкѣ слѣдуютъ всѣ годы „коронивона“ (квинклоса), состоящаго изъ 532 лѣтъ, и въ заключеніи сказано: „когда этотъ короникона кончится, начни съ начала же“ [2]).

Поэма Шавтели, „Похвала царицы Тамары и супруга ея царя Давида“, написана въ 1192 г. Эту дату сохранили двѣ до насъ дошедшія въ спискахъ XIX в. рукописи, а о болѣе древнихъ манускриптахъ этой поэмы у насъ нѣтъ свѣдѣній. Впервые издалъ эту поэму Платонъ Іосселіани (Тифлисъ, 1838), а за нимъ въ 1863 г. Д. Чубиновъ во второй части „Грузинской Хрестоматіи“. Рукопись оды Шавтели изъ библіотеки [3]) покойнаго проф. Чубинова и согласно съ нею дефектный списокъ, случайно купленный мною, сообщаетъ въ заглавіи, что эту *художественно сложенную поэму* написалъ Іоаннъ Шавтели въ Гелатскомъ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ въ качествѣ инока. Издана поэма невнимательно: текстъ искаженъ неправильнымъ его воспроизведеніемъ въ печати.

Поэтъ будучи свидѣтелемъ побѣдоносныхъ войнъ Тамары надъ мусульманами и расцвѣтомъ благоденствія страны, посвятилъ оду знаменитой дочери царя Георгія, самодержавной повелительницѣ всей

---

[1]) Изъ соч. царевича *Теймураза*, см. мое письмо въ *Иверіи*, 1892, № 17

[2]) См. *Жорданія*. Хроники... II, 103. *Бакрадзе*. Археолог. путешествіе, стр. 149. Пасхалію Іоанна Шавтели мы видѣли у свящ. В. Карбелова. Объ этомъ же вопросѣ см. *Броссе*, Etude de Chronol. technique. Mémoire de l'Ac., II, I p. 1868 г.

[3]) Нынѣ хранится въ Общ. грамотности въ Тифлисѣ, № 79.

Иверіи". Общее вниманіе современниковъ царица приковала т что она смирила султановъ сельджукскихъ и приняла подъ свое кровительство христіанъ. Помимо внѣшней военной славы имя Та окружено ореоломъ государственной мудрости и правосудія.

Шавтели Тамару называетъ „воспитательницей и учите цей народа (строфы 10, 55 и 63), благотворительницей (стр. главной судьей надъ судьями, сосудомъ мудрости (стр. 26, 79, 99), покровительницей иностранцевъ (71, 88), стержнемъ пр судія въ государствѣ (69), глазомъ слѣпыхъ, наставницей юно хлѣбомъ голодныхъ, кровомъ безпріютныхъ, отцемъ сиротъ, су вдовствующихъ, твердымъ посохомъ для старцевъ и тружениковъ 63), охранительницей чистоты всѣхъ семи вселенскихъ постанов (88). Другой поэтъ—Чахрухадзе уподобляетъ царицу Тамару солнца, и называетъ ее умиротворительницей народонаселенія Г (стр. 19 и 27).

Послѣ этого становятся понятными слова Киракоса, армянскаго писа который пишетъ: „Тамара заключила миръ съ султанами Дамаска... Съ поръ султаны стали обращаться человѣчнѣе съ христіанами, обитавшими в владѣніяхъ... были облегчены подати монастырей; султаны запретили гр или оскорблять христіанскихъ обитателей ихъ владѣній, отправлявшихс паломничество въ Іерусалимъ; въ особенности это почтеніе соблюдалось сительно грузинскаго народа..., такъ что грузины находились въ исключи номъ почетѣ и были изъяты отъ налога въ ихъ городахъ и даже въ Іе лимѣ. Тамара пользовалась въ Св. Землѣ большимъ почетомъ. Такимъ обр воцарились миръ и дружба между Грузіей и княжествами султановъ". (А р. 416).

О защитѣ христіанъ Тамарою не мало говоритъ и слѣдующій фактъ редаваемый мусульманскимъ историкомъ Ибнъ-Шедданомъ. По его словамъ, рица Тамара предложила султану Саладину 200.000 динаровъ за захваче мусульманами въ 1187 г., при взятіи ими Іерусалима, крестъ, на кот былъ распятъ Спаситель [1]).

О побѣдахъ Тамары надъ бусурманами, повидимому, свѣдѣніе дошло Россіи, что видно изъ словъ Іоанна Грознаго, который предъ штурмомъ Казани воодушевлялъ свое войско такъ:

„Слышасте иногда Божію бывшую велікую милость и пречистыя родицы помощь, яко премудрая и мужеумная Царица Иверская сотвори и к побѣду показа на небожныхъ персѣхъ" [2]).

---

[1]) Православный палестинскій сборникъ, т. IV, стр. 49.

[2]) Mélange Asiatique, T. 3, p. 563—583. Тутъ же Броссе разъясняет въ словахъ I. Грознаго разумѣются побѣды Тамары въ Шамхорѣ (120 и въ Ардебилѣ. О взятіи Ардебиля грузинами и избіенія множества мусу говоритъ также Гусейнъ-Шейхъ-Абдулъ-Загадъ-оглы.

Какіе отзвуки сохранились на Руси о царицѣ Тамарѣ, можетъ свидѣтельствовать повѣсть *о царицѣ Динарѣ*. (*Пыпинъ*. Очеркъ лит. ист. стар. повѣстей и сказокъ рус., стр. 218—221). Къ числу любимыхъ русскихъ повѣстей принадлежало „Слово о дѣвицѣ иверскаго царя дщери, Динарѣ царицѣ", которое включено въ хронографы; списокъ его изданъ ак. Броссе съ историческими объясненіями. Имя царицы Динары только два раза и притомъ мимоходомъ упоминается въ грузинскихъ лѣтописяхъ: около половины X-го вѣка царица этого имени, съ помощью сына, обратила свою область къ православію, т. е. къ исповѣданію Халкидонскаго собора. Грузинскій царь Багратъ завоевалъ область ея и „овладѣлъ царицею Динарою". Русская повѣсть, по мнѣнію Броссе, не можетъ относиться къ этой, слишкомъ отдаленной и темной Динарѣ. По словамъ его, Динара русскаго сказанія, дочь царя Александра Мелеха, одержавшая блистательную побѣду надъ персами, завоевавшая Тавризъ и Шемаху, есть грузинская царица Тамара, дочь Георгія III, вступившая на престолъ въ 1184 году (вѣроятно до 1212 г.).

Грузинская исторія съ большими подробностями говоритъ подъ 1203 г. о столь же славной битвѣ, какъ и описанная въ русскомъ сказаніи, о рѣчи царицы, ободрившей своихъ вельможъ, о слѣдствіяхъ побоища, и при томъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ (Hist. de la Géorgie, trad. par Brosset. St.-Pet. I, 439 — 447). По русскому сказанію Динара осталась пятнадцати лѣтъ наслѣдницей „иверскаго самодержца" Александра Мелеха и мудро управляла народомъ. Персидскій царь, услышавъ о смерти Александра, требовалъ покорности отъ его дочери, но Динара, пославъ дары, не думала отказываться отъ своей власти. Раздраженный царь пошелъ на нее войною. Страхъ овладѣлъ всѣми вельможами юной царицы; „какъ можемъ стоять противъ многаго воинства и таковаго перскаго ополченія?" говорили они. Мужественная Динара возбудила ихъ храбрость: „ускоримъ противъ варваръ, говорила она, якоже и азъ иду дѣвица, и воспріиму мужескую храбрость. Копіе въ дѣвичи длани, и выступаю въ стремя воинскаго ополченія, но не хочу слышати враговъ своихъ плѣнившихъ жеребій Богоматери въ Шарбенскомъ монастырѣ, куда пришли пѣша и необувенными ногами, по острому каменю и жестокому пути". Динара выступила противъ враговъ, и взявши копье, устремилась на перскіе полки и поразила одного персина. Враги ужаснулись ея голоса и побѣжали. Динара „стнила" голову перскаго царя и на копьѣ принесла ее въ Тавризъ, города покорилась ей, и она съ богатыми сокровищами воротилась въ отечество. Добыча ея—„блюдо" лалное, и каменіе драгое, и бисеръ, и злато и вся царскія потребы, еже вся отъ персъ", все это роздано было въ домы Божіи [2]). Потомъ,

---

[1]) Слово о дѣвицѣ иверскаго царя дщери, Динарѣ царицѣ. Изд. Броссе въ Bulletin hist.-philol. т. IX, № 19 по Воскресенской лѣтописи; въ Ученыхъ Запискахъ I, 483 — 487 по хронографу XVI — XVII в. „Кавказъ" 1854 г., № 65—67.

[2]) О щедрыхъ дарахъ цар. Тамары церквамъ и монастырямъ, см. у *меня* выше.

она правила народомъ 38 лѣтъ и оставила власть свою сродникамъ: „за
до днесь, заключаетъ повѣсть, нераздѣльно державство иверское пребыва
нарицается отъ рода Давыда, царя еврейскаго, отъ царьскаго колѣна". Т
содержаніе повѣсти. Какимъ же образомъ грузинское событіе XII—XIII-го
могло быть предметомъ русскаго сказанія, и откуда его авторъ почерпал
свѣдѣнія? Исторически извѣстно, что сношенія съ Грузіей существовало у
скихъ еще въ XII столѣтіи, когда сынъ Боголюбскаго, Юрій Андреевичъ, ж
былъ на княжнѣ грузинской Тамарѣ (Ист. Соловьева 2, пр. 344); въ п
ствіи и русскіе заходили иногда въ Грузію, и грузинскія посольства пе
пріѣзжали въ Россію; наконецъ, съ 1588 г. начинаются непрерывныя св
этой землей. По мнѣнію ак. Броссе свѣдѣнія о царицѣ Динарѣ прив
были полуучеными грузинами, пріѣзжавшими въ Россію послѣ посольст
Іоанну III, или даже греческими монахами, которые до сего служили пос
ками между обоими народами (Уч. Зап. I и III. Отд. акад. 1, 469—490
бопытно, что въ рѣчи Іоанна Грознаго, сказанной къ воинамъ при оса
зани въ 1552 г. и приведенной въ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ (стр.
попа Іоанна Глазатаго, царь упоминаетъ о „премудрой и мужеумной
Иверской" и затѣмъ пересказываетъ вкратцѣ повѣсть о Динарѣ. Устрял
малъ напротивъ, что сказаніе русское не отличается большею стариной
басня, которую разсказывали у насъ грузины при царѣ Михаилѣ Феодо
и его преемникѣ (Уч. Зап., стр. 481). Значительное распространеніе п
въ рукописяхъ скорѣе говоритъ въ пользу ея древности. Текстъ ея изда
Броссе по Воскресенской лѣтописи (л. 580—577), откуда напечатанъ
Софійскій Временникъ; потомъ въ Ученыхъ Запискахъ по другой рук
именно по хронографу XVI—XVII в. въ печатномъ каталогѣ Б-ки Акад.
№ 4, гдѣ сказаніе называется „Слово и дивная повѣсть, зѣлоносящая
вицѣ иверскаго царя дщери, Динары царицы" (нач. „умершу иверьском
стодержьцу Александру Мелеку и не имѣющу дѣтища мужеска полу").

Шавтели былъ однимъ изъ выразителей общихъ восторговъ
нальнаго подъема, который относится къ цвѣтущей порѣ цар. Та

Поэтъ въ началѣ своей оды обращается къ „Троицѣ един
ной" съ моленіемъ дать ему силы достойно воспѣть Тамару, п
шая мудрецовъ, „сыновъ аѳинскихъ", славить миропомазанную ц
возвеличенную уже до предѣловъ Крита, Египта и Китая. Ученые, м
себя сократами, погруженные въ изученіе астрономіи и философі
прасно пытаются ее воспѣвать, ибо ни одинъ потомокъ Адама—
человѣческій" не могъ поэту повѣдать, гдѣ видѣли свѣтлую „Э
солнцеподобную царицу, дарованную [Грузіи] Господомъ изъ рая; т
будете искать вторую Тамару на востокѣ, западѣ, на сѣверѣ и
Дерзнемъ же мы, говоритъ поэтъ, славить предъ слушателями
дательницу міра, сострадательную, милостивую, сильную, энерги
блистательную, твердо правящую. Лучезарная, краснорѣчивая п

пронзаетъ сердцамъ измѣнниковъ двоедушныхъ и поражаетъ въ прахъ враговъ своихъ. Таковы личныя и государственныя достоинства царицы, но поэтъ идетъ дальше, онъ видитъ въ ней помазанницу Божью, поставленную свыше.

Шавтели вспоминаетъ легенду о происхожденіи грузинскихъ Багратидовъ изъ колѣна ветхозавѣтнаго псалмопѣвца, которому Господь далъ завѣтъ возвести на тронъ высшими судьями потомковъ изъ его крови, вотъ почему Тамара царствуетъ съ Божьяго благоволенія. Обращаясь къ мужу царицы Давиду, поэтъ находитъ его могучимъ и страшнымъ для непокорныхъ. Набросивъ эту характеристику Давида Сослана, Шавтели, очевидно, возвращается къ Тамарѣ, къ которой только могутъ относиться восточныя сравненія и эпитеты: „ласточка сладкоголосая, подобная соловью, ливанская сосна, финикійская тополь, іерихонская роза". „Мудрый віитиствуетъ предъ ней, приравнивая ее къ благовонному муру, густому меду, рѣдкому чинару, алмазу въ золотой оправѣ, корицѣ, кипарису, нарцису и фіалкѣ". Уподобивъ царицу исполненную достоинствами названныхъ пахучихъ цвѣтовъ и изящныхъ деревьевъ, поэтъ заключаетъ, что онъ увѣренъ въ ея нетлѣнности. Она достойна пера Менандра (лучшаго антическаго драматурга?)

Всѣ жаждутъ видѣть царицу, покровительницу всѣхъ безъ различія, подобно солнцу, освѣщающему всю вселенную. Побѣдительница всѣхъ, сама непобѣдима, и покорна только Господу. Сопоставивъ мощь Тамары съ персидскими баснословными героями: Утрутомъ (?) Саамомъ, Зааломъ и Ростомомъ, поэтъ снова указываетъ на происхожденіе царицы изъ колѣна Іессея [1]). Рожденіе ея сопровождалось справкой въ „такуми" и „рамли" [2]), т. е. въ гадательныхъ книгахъ, по которымъ опредѣлили, что „небо послало на землю источникъ райской жизни". Она стала царствовать подъ покровительствомъ семи планетъ и покрыла все кругомъ свѣтомъ и милостью. Ей неизвѣстенъ гнѣвъ, и одна только истина руководитъ ею. Упованіе и благоволеніе, вѣра и добродѣтель—отличительныя ея качества. Безтѣлесные небесные духи радуются за нее. Нѣтъ силъ достойно воспѣть ее, судью правыхъ и освободительницу заключенныхъ, она заслужила безсмертіе своими дѣяніями.

---

[1]) Ср. титулъ груз. царей, начинающійся генеологіей: Іессеан-Давитіан-Солмоніан.

[2]) Ср. рус. Рафли. Шавтели упоминаетъ чрезъ нѣсколько стиховъ и „хризмоенъ", т. е. оракулъ.

Освѣщая съ высоты трона яркимъ блескомъ своихъ подданныхъ, Тамара варваровъ—саркинозовъ поражаетъ непрерывно. Являясь перворودной, подобно Исааку, она царствуетъ съ благословенія Мелхиседека и разрушаетъ идолы Ваалу, Молоху и Астартѣ. Управляя ловко конемъ при смотрѣ войскамъ, она въ скачкахъ несется словно то буря по быстротѣ, то роза по красотѣ. Непріятельскія копья обращаются предъ ней какъ бы въ воскъ и воины склоняютъ свои главы. Достаточно ей выразить „марзапанамъ [пограничнымъ начальникамъ] и воинамъ неудовольствіе, какъ послѣдніе начинаютъ каяться предъ „львомъ", (а не львицей). Съ знаменемъ царей Горгаслана и Давида (Возобновителя?) она совершаетъ столько побѣдоносныхъ походовъ, что поэтъ сомнѣвается въ возможности указать другой примѣръ. Шавтели имѣетъ, очевидно, одну изъ блестящихъ побѣдъ Тамары надъ иновѣрцами, говоря, что обширная поляна была покрыта трупами, къ которымъ стаями стекались птицы и звѣри. Она страшна для враговъ, а владѣтелей земныхъ она оставляетъ въ тѣни, „словно солнце въ своихъ лучахъ блескъ звѣздъ". Въ латахъ, шашкѣ и „съ когтями тигра" она бросается на врага, какъ небесный громъ. Она кесарь мудрый, обладаетъ богатствомъ Джимшида [1]) (!). Царскій посохъ, полученный ею отъ великихъ царей, острая шашка и мужественный духъ съ гнѣвомъ подъемлются на варваровъ. Золотая ткань покрываетъ ея станъ, вѣнецъ, скипетръ, виссонъ, митра и мантія въ изумрудахъ, діадема и порфира составляютъ ея царскія регаліи. Вспомнивъ Хвозро (Хозроя), котораго побѣдилъ Ираклій и возвратилъ плѣненный крестъ, Шавтели [2]) описываетъ пышный дворецъ Тамары. Царскіе покои блестятъ золотомъ и серебромъ, стѣны сланцовыя сияны бериллом и яхонтомъ. Кругомъ идетъ ограда, украшенная статуями барсовъ. Врата, ведущія чрезъ притворъ на ипподромъ, осыпаны рубиномъ. Во дворцѣ пребываетъ въ порфирѣ скипетроносная царица, освѣщающая мракъ своимъ сіяніемъ. Здѣсь находятъ всѣ приходящіе правосудіе у той, которая, подобно Нилу, безплатно разсыпаетъ золото и *опазъ* (чистое золото). Сама царица чиста и непорочна, сверкаетъ, какъ алмазъ среди драгоцѣнностей, образующихъ цѣлую гору. Чаши яхонтовыя и рубиновыя, сундуки, осыпанные бирюзой и жемчугомъ, составляютъ принадлежность дворца. Раздаются пѣніе, звуки тимпана и цимбаловъ. Она кажется сіяющимъ солнцемъ, нѣж-

---

[1]) Сказочный герой, см. у меня выше.

[2]) Онъ здѣсь называетъ себя ничтожнымъ странникомъ по образцу „скудоумныхъ и худыхъ монаховъ" въ русской литературѣ.

ной луной, ласковой своими мигающими лучами зарей. Словно райская роза, вознесенная до небесъ, она подобна божеству—законодателю. Ее окружаетъ свита именитыхъ вельможъ, подобныхъ красотой Іосифу, силой Самсону, геройствомъ Нимвроду [1]). Безчисленныя ея войска, поражающія молніей и избранный народъ слѣдуетъ за ней по пути добра. Наслѣдница своего отца, она является строгой хранительницей правды, утѣшительницей для своихъ подданныхъ и грозой для враговъ. Сіяніе ея никто не можетъ выдержать,—напрасно пытаются и перомъ написать ея образъ. Предъ ней блѣднѣетъ красота Іосифа. Чинаровый станъ граціозенъ какъ кипарисъ, длинная ея коса возбуждаетъ пламенную иллюзію. Одѣтая въ златотканную матерію, она ловко садится на чернаго коня. Клятвы данной она не нарушаетъ,—покровительство Божье служитъ ея щитомъ. Поэтъ снова украшаетъ ея имя эпитетами, подобными выше отмѣченнымъ: роза распустившаяся, роса освѣжающая, счастливо древо Давида (пророка), испускающая благовоніе и ароматъ, антракъ земной, мудрая, терпѣливая, какъ Іовъ. Проницательной и дальновидной признали бы ее Проклъ, Діодохъ, а Зинонъ и Зенавъ (?) именовали бы „перипатосъ". Носительница просвѣщенія, источникъ спасенія, перлъ чистоты, врата милости, добрая совѣтница, возростая, облекается такимъ свѣтомъ и могуществомъ, что Сократъ и Парменидъ, Идикъ и Бoгратъ (Гиппократъ?) провозгласили бы владѣтельницей моря и суши. Онъ же въ свою очередь назвалъ бы ее Манассіей, молніеносной зарей, яркимъ свѣтомъ. Поражая „ядовитыхъ враговъ", она быстро возвращаетъ ихъ къ жизни. Левъ получилъ отъ нея силу, солнце—блескъ, мускусъ—ароматъ. Свѣтила міра служатъ ей сіяніемъ, и она является въ сонмѣ небесныхъ силъ. Стражъ ученія, пріютъ чужеземцевъ, широкая пристань для всѣхъ, подобно Нилу. Тамара—глубина мудрости, краснорѣчивый языкъ, заслужила похвалы Индіи, Квирина [Κυρήνη] Гуденіи (?), Арійцевъ (!), Гергесеовъ [2]), Басра, Барани (Бахрейнъ—островъ въ персидскомъ заливѣ, классическое мѣсто жемчуга), Брахма [брахманы?], Ерма (?), нагоправедниковъ, пигмеевъ, абаши (абиссинцы), гведкенели (?), Шабаши (?). Тамара—прочная башня, небесный сводъ, сокрушаетъ враговъ, служилъ щитомъ для вѣрныхъ. Преданная мужу супруга, словно горлица, люди счастливы, что имѣютъ такую правительницу.

Она доставляетъ свѣжесть и прохладу въ знойный день всѣмъ трудящимся, какъ бы открываетъ глаза слѣпымъ, даетъ пищу голода-

---

[1]) Сказочный герой, см. „Карт.-Цхов."

[2]) Гергесей, сынъ Ханаана, родоначальникъ гергесеевъ.

ющимъ, пріютъ странникамъ, является отцомъ сиротъ, судьей вдовъ, воспитательницей молодыхъ, облекающей въ платья голыхъ. Для старцевъ и утомленныхъ работой она служитъ опорой—посохомъ. Распространяетъ среди народа мудрость и глубину писанія, сама принимая на себя роль его толковательницы.

Непостижимый, всевидящій, безконечный Богъ-Троица создалъ ее зарей, расцвѣла—лучемъ солнца, звѣздой небесной. Дарованіе Всевышнимъ такой царицы принято съ сердечнымъ благодареніемъ. Ученіе Христа она вноситъ вразумительными притчами Зираха. Созерцаютъ ее жадно и съ прощенными сердцами отступаютъ предъ стрѣлами ея рѣсницъ. Прекрасная, неземная, созданная ангеломъ, она стала славной царицей. Молода, кипарисо-стройна, сіяющая зарей, она достойна имѣть своимъ жилищемъ небесные чертоги. Охранительница, воздающая всѣмъ милости, владѣтельница міра, отрада и благовоніе для окружающихъ, она какъ громъ, „яростная искра“ ополчается на враговъ. Защитница народа—мудрая царица проливаетъ кровь его только за Христа, о чемъ могутъ свидѣтельствовать семь небесныхъ свѣтилъ. Небесныя сферы за такую добродѣтель посылаютъ ей благодать. Поднявъ знамя, заигравъ въ тимпаны и барабаны, она истребила враговъ послѣ отчаянной битвы. Снявъ латы, она по окончаніи боя торжественно отпраздновала побѣду. „Будемъ славить юные и старые ее, посланную воительницей за Христа, храбрую и прекрасноликую“, словно Этери [1]), лампаду чистоты и купель свѣта. Богъ и Сынъ вознели ее къ верховнымъ небеснымъ силамъ, живущую среди людей агнцемъ (45). Сопоставивъ ее съ Гоноріемъ, въ честь котораго были написаны панегирики, поэтъ радъ, что финикійцы (а не африканцы) изобрѣли письмо, посредствомъ котораго можно сохранить о ней воспоминанія. И онъ, Шавтели, приглашаетъ внимать, что онъ передастъ.

Давидъ (пророкъ?) пригласилъ ее быть хранительницей вѣры и правды. Онъ, какъ сказалъ, смягчаетъ строптивыхъ; сказочника-пророка Магомета она не считаетъ проповѣдникомъ истинной воли Бога. Она краснорѣчиво убѣждаетъ язычниковъ къ обращенію въ христіанство и своихъ враговъ. Подъ небомъ всѣ, малые и старые, славятъ ее. Издревле садукеи и фарисеи отличались недовольствомъ заповѣдями религіи и сочиняли сами писанія въ то время, какъ другіе принимали крещеніе. Благодаря имъ Назареяне и Хутосицы (?) раздѣлились. Македоній и Сабеліосъ (?) въ заблужденіи отреклись (хулили)

---

[1]) Этери, героиня нынѣ народныхъ пѣсенъ, восходитъ такимъ образомъ къ древнимъ временамъ.

отъ Св. Духа: какіе-то маги доказывали о перенесеніи съ неба тѣла (?).. Армянскіе цари за пролитіе крови враговъ не удостоились Господомъ властвовать. Тамарѣ же нельзя найти мѣры славы, какъ нельзя сосчитать песокъ въ глубинѣ моря и капли дождя. Мужеству и энергіи ея никто не въ состояніи противостать. Она бросаетъ стрѣлы подобно „Мерквира" [1]). Востокъ и западъ, горы и холмы громко говорятъ объ ея господствѣ. Являясь защитницей бѣдныхъ и судьей, она хранитъ твердо постановленія вселенскихъ соборовъ, а Аріозъ и Евноміоса вмѣстѣ съ Савеліозомъ [2]) отринуты ею. Она вѣритъ, что Творецъ вселенной создалъ человѣка по образу своему. Богъ единый по существу и троиченъ въ лицахъ—сотворивъ человѣка—покорилъ ему все, но запретилъ ему ѣсть плоды древа познанія добра и зла. Господь зналъ, что по съѣденіи этого плода у нихъ откроются глаза, но первые люди преступили заповѣдь, и по наущенію врага погрузились въ мракъ послѣ пребыванія въ свѣтѣ. Когда семь языковъ ассирійцевъ, индійцевъ, римлянъ, синдовъ (китайцевъ?), грековъ, персовъ и агмагуговъ (?) сдѣлались ненавистными всѣмъ, тогда Нимвродъ сталъ строить башню, но былъ страшно наказанъ. Далѣе еще поразительнѣе отступленіе поэта въ сторону.

Со славой преобразился Господь на горѣ Ѳаворѣ, а Илья и Моисей явились къ нему и со страхомъ слышали гласъ съ неба, называющій его Сыномъ Бога. Но недостойные люди возстали противъ Него—Создателя. Тотъ (Пилатъ) умываетъ руки, но кто можетъ смыть кровь Спасителя водой? Но Ему предстояло принести предопредѣленную жертву для спасенія душъ. Но въ день страшнаго пришествія Онъ возсядетъ судить смертныхъ: тогда будутъ стонать моря, издавать трескъ небеса; водворятся смятеніе и ужасъ. Трубный звукъ представитъ всѣхъ на судъ. Возвращаясь къ предмету оды, онъ говоритъ:

Невѣста Христова приняла подъ свое покровительство царицу, и въ свѣтломъ эдемѣ приготовлено для нея жилище: царство небесное ждетъ ее для блаженнаго услажденія. Даже косноязычный сдѣлается краснорѣчивъ, чтобы сказать, что ей подобаетъ владѣть всей сушей и потушить геену огненную. О, царица мудрая, сердцевѣдущая: могущественная, непостижимая, невыразимо-искренняя, просвѣщенная, обожествленная, сіящее солнце небесное, вольная львица, то неумолимый Гезіаевъ, то нѣжная и милостивая! Я рабъ твой, думаю, что все соз-

---

[1]) Меркурій, по-персидски Тиръ—созвѣздіе и въ тоже время стрѣла.

[2]) Арій, Евномій, Савелій—извѣстные еретики. *Иванцовъ-Платоновъ*. Ереси и расколы V в.

дано для тебя; блаженная, святая, животворная — ты вездѣ си сердце! Ты побѣждаешь какъ Несторъ (?) могучій (?). Мнѣ ли бому воспѣть тебя, исполненную ума и проницательности? Ты ск подвигами снопы добродѣтели, сдѣлалась лозой мудрости, купелью щенія, арфой духа". Будучи великой царицей, она отличается стотой; уподобляясь силой и сердцемъ льву, она пріятна всѣмъ грац'ей и стройностью. Она напоминаетъ розу въ расцвѣтѣ, испо ную пахучаго аромата; черныя рѣсницы, подобныя хвосту во освѣщается лучами, исходящими отъ нея и распространяющими гомъ. Для ея славы собралъ онъ отрывочныя слова при помощи цовъ и „астролябовъ". Она сама вдохновила поэта, опоясавъ с слезами умиленія, то покровомъ мудрости.

Впервые посвященія изобрѣтены Паламидомъ [1]), словесныя ныя воздаянія даны Зинономъ (философомъ)?

Аполлонъ, утвердившій чародѣйство, съ нимъ Асклепосъ [2]) щенъ и не въ состояніи пѣть и славить царицу. Книги царей, п пѣсней, Эклезіастъ и притчи мудраго Соломона, книга Левитовъ, селъ, Судей, Ездра и Зираха не могли бы вмѣстить дѣянія Там достойныя прославленія. Пылающій огонь, подтачивающій червь, до морозъ, сильный градъ, проливной дождь постигнутъ вѣролом престолу царицы, горе наполнитъ ихъ существованіе, польются по слезъ. Предъ пышной красотой Тамары засыхаютъ всѣ цвѣты; лишь является источникомъ, поливающимъ поля и холмы. Называ Новымъ Римомъ, поэтъ приводитъ желаніе другихъ о водворені господства всюду и проситъ объ этомъ Гелати, усыпальницу тѣл тыхъ. Онъ увѣряетъ и кляняется Всевышнимъ, что въ разлукѣ с дни его сокращаются, и онъ шатается, словно перекатъ—поле, въ тейскомъ океанѣ. Онъ находится въ безчувственномъ состояні слышитъ рѣчи, превратился въ безсловесное существо. Я началъ воритъ онъ, трудное дѣло по своему неразумію: вздумалъ нап большую оду, но не съумѣлъ по скудости и невыразительности я Поэтому онъ не смогъ воспѣть ее подобающимъ образомъ, но у етъ принять его посвященіе, какъ Христосъ лепту вдовы. Ему ост въ концѣ обратиться съ просьбой ко всѣмъ исправить и дополнить произведеніе, замѣнить неправильности и темноту яснымъ и свѣтл какъ солнце, выраженіемъ, и его умолчаніе даже счесть част восхваленія.

---

[1]) Паламедъ, сынъ Навплія и Климены во время осады Трои обвинен измѣнѣ и убитъ каменьями. Другого Паламеда мы не знаемъ.

[2]) Асклепіадъ Самосскій, греческій поэтъ, другъ Эокрита; по его і наз. стихъ Асклепіадовымъ.

Шавтели, въ силу необходимаго толкованія послѣдней строфы Барсовой кожи, по мнѣнію царя Теймураза, написалъ поэму „Абдулъ-Мессія“, до насъ не дошедшую“ [1]).

Ода же Шавтели, посвященная царицѣ Тамарѣ, является весьма оригинальнымъ произведеніемъ по своему содержанію. Она свидѣтельствуетъ объ обширной эрудиціи поэта, оперирующаго надъ пестрымъ сочетаніемъ миѳическихъ и историческихъ именъ. Самой слабой стороной произведенія Шавтели можно признать отступленіе отъ темы, отсутствіе связи между отдѣльными строфами и послѣдовательности изложенія, не оправдываемое даже лирическимъ безпорядкомъ. Поэтъ часто повторяется и возвращается къ одной и той же мысли о мудрости и красотѣ царицы Тамары, причемъ весь репертуаръ его изобразительныхъ пріемовъ ограничивается восточными гиперболическими сравненіями съ звѣздой, луной, солнцемъ, розой, кипарисомъ, антракомъ. Въ поэмѣ забывается чувство мѣры при восхваленіи небесныхъ чертъ и земныхъ достоинствъ воспѣваемой царицы. Подъ его перомъ Тамара теряетъ реальный обликъ, превращаясь въ безжизненную туманную фигуру, надѣленную въ безпорядочномъ сочетаніи всѣми добродѣтелями мудрецовъ и отличительными свойствами пѣвчихъ птицъ, благовонныхъ травъ, плодоносныхъ деревьевъ. Есть строфы съ историческими именами, которыя не могутъ быть безъ натяжки сопоставлены съ Тамарой. Авторъ увлекся извѣстными ему формами классическихъ похвальныхъ одъ и даже обращеніе къ Богу въ началѣ произведенія должно быть объяснено подражаніемъ греко-римскимъ поэтамъ.

Шота Руставели и его поэма «Барсова кожа».

Среди грузинскихъ классиковъ — Тмогвели, Хопели, Шавтели, — Шота Руставели занимаетъ первенствующее мѣсто, возвышаясь величественнымъ, вѣчно-юнымъ колосомъ въ теченіе семисотъ лѣтъ. Его поэма „Барсова кожа“ (или „Человѣкъ въ барсовой кожѣ“), современница русскому „Слову о полку Игоревѣ“, составляетъ литературную гордость всего грузинскаго населенія. Въ твердомъ сознаніи высокихъ достоинствъ столь популярной поэмы, грузины настойчиво приглашаютъ иностранцевъ знакомиться съ безсмертнымъ твореніемъ своего Руставели. Ренанъ, Сютнеръ, Уордропъ, читавшіе „Барсову кожу“ въ рукописи на французскомъ языкѣ, дѣйствительно, согласны въ томъ, что эта поэма — высоко-художественное произведеніе, проникнутое глубокою мыслью и теплотою чувствъ.

[1]) *Bross-t.* Mélanges asiatiques, t. VIII, 428.

Великаго поэта постигла судьба многихъ великихъ людей. В въ достовѣрности неизвѣстно ни семейное происхожденіе Шота ставели, ни общественное его положеніе, ни школьное образов ни мѣсто и время его рожденія,—словомъ наши біографичес немъ свѣдѣнія столь же скудны, какъ о древнемъ Гомерѣ и гені номъ Шекспирѣ. Само названіе Шота чисто грузинское и ве древнее [1])—сокращенное изъ Ашота, по мнѣнію нѣкоторыхъ,- встрѣчается въ святцахъ христіанскихъ, такъ какъ не было об тельнаго обычая у древнихъ христіанъ, какъ и у грузинъ, да при крещеніи имена святыхъ прославленныхъ церковью [2]). Про ніе же Руставели поэтъ получилъ по мѣсту своего рожденія въ стави, аналогично съ Хопели изъ Хони, Тмогвели изъ Тмогви. недоумѣніе наше о родинѣ поэта не находитъ разрѣшенія въ того обстоятельства, что географическій пунктъ „Рустави" мы вс чаемъ въ исторіи Грузіи съ древнѣйшихъ временъ въ двухъ пр воположныхъ концахъ: въ Южной и Верхней Карталиніи, по т решнему административному дѣленію, въ Тифлисскомъ и Ахалцихс уѣздахъ. Рустави есть названіе древняго города Грузинскаго цар извѣстнаго подъ именемъ „Бостанъ-калаки", на лѣвомъ берегу] Куры, ниже Тифлиса; епископы, сидѣвшіе тамъ, титуловались *ставскими*; въ половинѣ XIII вѣка городъ этотъ опустошили голы, и попытки кахетинскаго царя Ираклія I возстановить его развалинъ были безуспѣшны. Но ко времени царицы Тамары це грузинскаго просвѣщенія былъ перенесенъ въ Верхнюю Карталі гдѣ по-нынѣ лежитъ село Рустави, первая станція отъ г. Ахал по почтовому тракту, въ сторону г. Ахалкалаки. Вѣроятнѣе, что п Шота, пѣвецъ царицы Тамары, происходилъ изъ этого послѣд Рустави [3]) месхійскаго или Верхне-Карталинскаго, а не изъ древ

---

[1]) *Царевичъ Теймуразъ* въ своихъ комментаріяхъ къ „Барсовой і говоритъ, что имя Шота или Шотта восходитъ къ языческимъ временамъ зіи: главный идолъ ея Армази носилъ названіе „Шота". См. *мое* письі *Иверіи* 1892, № 17.

[2]) О некалендарныхъ именахъ у грузинъ см. *мою статью* въ *Этн фическомъ Обозрѣніи*, 1894 г., № 2. Имя Шота находимъ въ надписи на З ской церкви XI в. (въ Ахалцихскомъ уѣздѣ). См. *Матеріалы* по архе Кавказа, в. IV (М. 1894), стр. 53. Оно встрѣчается въ лѣтописяхъ Груз XII—XIII вв. Одинъ изъ дѣятелей, носящихъ это имя, Шота Артавачосдзе, казненъ, какъ измѣнникъ царя Георгія въ 1177 г., а другой Шота Купрі минается при царицѣ Русудани. *Карт.-Цх.* I, 273 и 375.

[3]) Ср. слова самого поэта (строфа 1643): „Пишу пѣсній месхъ—стих рецъ изъ села Рустави".

Бостанъ-калаки, такъ какъ вообще Ахалцихскій уѣздъ или Саатабаго въ X—XII вѣкахъ игралъ выдающуюся культурную роль въ исторіи Грузіи.

Итакъ, Руставели былъ родомъ месхъ (или мосохъ—мосхъ) изъ того грузинскаго племени, названіе котораго встрѣчаемъ въ Библіи и у классическихъ писателей, а нынѣ звучитъ въ словѣ „Мцхетъ"[2]). По народной традиціи извѣстно, что Шота рано остался сиротою на попеченіи дяди-монаха, который отдалъ своего племянника для первоначальнаго обученія въ Руставскую церковную школу, откуда будущій поэтъ былъ переведенъ въ Тбетское монастырское училище. Пробывъ еще нѣсколько лѣтъ въ двухъ извѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Греми и Икальто (Телавскій уѣздъ, Тифлисской губ.), основанныхъ при Давидѣ Возобновителѣ (1089—1125) Арсеніемъ, епископомъ Икалтойскомъ, Руставели былъ отправленъ въ Грецію, для довершенія своего образованія. Въ Аѳонскихъ, Олимпійскихъ (Улумбійскихъ, въ устахъ и подъ перомъ грузинскихъ писателей) монастыряхъ и въ Іерусалимѣ, гдѣ явились обители, построенныя грузинскими царями, Руставели въ совершенствѣ изучилъ греческій языкъ, поэзію и философію[1]), а впослѣдствіи онъ ознакомился съ языками персидскимъ и арабскимъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ его поэма. По возвращеніи на родину онъ былъ назначенъ казнохранителемъ царицы Тамары, въ награду за тѣ похвальныя оды, которыя онъ ей посвятилъ. Это было время политическаго могущества Грузіи и расцвѣта лирической поэзіи при пышномъ дворѣ молодой царицы со всѣми признаками средневѣковаго рыцарскаго служенія. Молодой воспитан-

---

[2]) Первое упоминаніе о месхахъ находимъ въ X главѣ кн. Бытія, гдѣ названы Мешехъ и Тубаль. Пророкъ Іезекіиль называетъ тѣхъ же Мешехъ и Тубаль, а столѣтіемъ позже Геродотъ вводитъ въ XIX сатрапію персидской монархіи мосховъ и тибареновъ. Мешехъ или Месехъ Библіи названы у галикарнасскаго историка мосхами, о которыхъ упоминаетъ и Страбонъ, а грузинскій географъ *Вахушти* въ „Описаніи Грузіи" знаетъ ихъ подъ именемъ месхи (ср. муековъ ассирійскихъ надписей). *Мой* очеркъ „Месхи", стр. 1—2. Москва, 1891.

[1]) Если исключить двѣ особенности, отличающія средневѣковыя византійскія повѣсти, то послѣднія въ общемъ напоминаютъ поэму Руставели. Въ поэзіи задолго до Руставели произошла въ Греціи глубокая революція: въ средневѣковой литературѣ центромъ изображенія стала семья, вмѣсто классической площади или неба; въ послѣдней герои выше смертныхъ, въ первой выхвачены изъ толпы; тамъ любовь играетъ послѣднюю роль, здѣсь первую; тамъ женщина—рабыня; здѣсь—исходный пунктъ дѣйствія. *Кирпичниковъ*. Византійскія повѣсти, стр. 19.

никъ греческихъ школъ, ознакомившійся съ поэмами Гомера и философіею Платона,—на которыхъ онъ любитъ ссылаться,—богословіемъ, началами піитики и риторики, всецѣло посвящаетъ себя литературной дѣятельности и создаетъ знаменитую поэму „Барсову кожу"— красу и цвѣтъ грузинской письменности.... „Раздались звуки лиры; онъ пѣсни сталъ слагать: то были перлы слова—алмазъ и брилліантъ. Межъ камней самоцвѣтныхъ въ оправѣ золотой былъ жемчугъ бѣлоснѣжный и яхонтъ дорогой"... Подобными сравненіями въ восточномъ гиперболическомъ вкусѣ характеризуетъ недавно сошедшій въ могилу поэтъ кн. В. В. Орбеліани высокое содержаніе Ш. Руставели. Поэтъ, безнадежно влюбленный въ свою повелительницу, кончилъ жизнь въ монастырской кельѣ. Тимоѳей, митрополитъ грузинскій въ XVIII вѣкѣ, видѣлъ въ Іерусалимѣ, въ церкви Св. Креста, построенной грузинскими царями, могилу и портретъ его на стѣнѣ храма въ власяницѣ подвижника [2]). Поэтъ отдался религіи и нашелъ идеалъ истины, добра и красоты въ христіанствѣ к пѣснопѣніяхъ церкви по лирѣ Сіона.

На ряду съ этою легендой объ отношеніяхъ Руставели къ Тамарѣ сохранились еще другія народныя преданія, разукрашенныя пылкою фантазіей. Поэтъ, влюбленный въ царицу, женится, однако, на какой-то Нинѣ, и вскорѣ послѣ свадьбы получаетъ отъ „дамы идеальнаго поклоненія" приказаніе перевести на грузинскій языкъ литературный подарокъ, поднесенный ей побѣжденнымъ шахомъ. Руставели блестяще исполняетъ порученіе Тамары, но отъ награды за трудъ свой отказывается. Чрезъ недѣлю послѣ этого нашли обезглавленный трупъ поэта, признаннаго несчастною женой. Заслуживаетъ изъ цѣлаго цикла сказаній еще одно воспоминаніе народа, по которому царица за дивное твореніе подарила поэту золотое кольцо, мужъ ея поясалъ его мечомъ, а свита въ „восторженномъ очарованіи" поднесла ему разныя драгоцѣнности. Во время торжественнаго пира поэтъ былъ вызванъ неизвѣстнымъ юношей, который посовѣтовалъ поспѣшить къ женѣ. Руставели засталъ ее въ объятіяхъ араба Адула. Въ гнѣвѣ онъ убиваетъ проводника-юношу, который оказывается переодѣтою дѣвушкой, первою брошенною имъ его невѣстой. Опозоренный красивый и талантливый поэтъ, любимецъ царицы, съ горя постригся въ монахи, а араба убилъ братъ жены Шота, и голову убитаго повѣсилъ на шею

---

[2]) Путешествіе по святымъ мѣстамъ, стр. 154. Ср. *Цагарели*, Памятники грузинской старины въ Святой землѣ и на Синаѣ, стр. 244 (С.-Пб. 1888).

мѣнницѣ-сестрѣ [1]). Любопытно, что всѣ легенды пріурочиваютъ мѣ-
о рожденія къ Ахалцихской области, и еще недавно записано пре-
ніе о мудромъ сынѣ одного слѣпаго грузина, жившемъ при ца-
цѣ Тамарѣ: онъ состоялъ при ней секретаремъ и ближайшимъ со-
тникомъ [2]).

Не останавливаясь на подробномъ разборѣ приведенныхъ сказа-
й и не удлинняя ихъ новыми дополненіями, извѣстными въ устномъ
ращеніи, можно съ немалою вѣроятностью сказать, что пѣвецъ
рицы Тамары происходилъ изъ Месхетіи, пользовался большою по-
лярностью, благодаря своимъ знаніямъ и таланту и кончилъ жизнь
тиши монастырскихъ стѣнъ, вдали отъ боготворимой царицы, въ
прославленіе которой, по его же словамъ, была написана „Барсова
жа“. Шота Руставели во всякомъ случаѣ лицо историческое [3]): онъ
лъ казнохранителемъ царицы Тамары и подъ 1190 г. мы находимъ
подпись на одномъ актѣ изъ Тифлисской Синодальной Конторы
дъ № 64.

Отсутствіе полныхъ біографическихъ данныхъ въ глазахъ нѣко-
рыхъ скептиковъ, умаляющихъ, по незнанію вопроса, значеніе гру-
нской литературы, служило достаточнымъ доказательствомъ той мы-
и, что Руставели миѳъ или, въ лучшемъ смыслѣ, поэтъ позднѣйшей
охи, первое упоминаніе о которомъ находимъ будто бы въ письмен-
хъ памятникахъ лишь XVII столѣтія. Опроверженіе этой, ни на
мъ не обоснованной, гипотезы даютъ дошедшіе до насъ древніе
иски „Барсовой кожи“. Самый древній изъ нихъ на пергаментѣ не-
лный (и безъ даты), писанный крупными круглыми буквами граж-
нскаго письма, хранился, по словамъ грузинскаго археолога Пл.
н. Іосселіани, у имеретинскаго князя полковника Григорія Цере-
ли. Второй экземпляръ на лощенной бумагѣ, принадлежавшій царю
ександру (1443 годъ), найденъ у дворянина Николая Эліозова,
евній родъ котораго всегда былъ служебнымъ при дворѣ католико-

---

[1]) Легенда о Ш. Руставели см. Повѣсть „Вардцихе“ въ газетѣ *Кавказъ*
16 г. №№ 30, 31 и 32, ср. *мою* замѣтку 1892, 95 въ „Иверіи“; Ш. Ру-
вели и его супруга *А. Пурцеладзе;* (Тифлисъ, 1886) и въ *моей* книгѣ
ерки по исторіи грузинской словесности, вып. I. Народный эпосъ и апо-
фы“, стр. 281—2. (М. 1895). *Иверія,* 1895, № 21. Легенда о Рустави, ро-
ѣ „Шота“, *В. Коптонашвили.*

[2]) Въ Грецію отправляли грузинскихъ юношей довершать образованіе со
менъ Давида Возобновителя. Исторія *Вардана* (переводъ Эмина, 1861) стр. 147.

[3]) См. поэмы царя Теймураза и между прочимъ „Сравненіе Весны и Осени“.

совъ—патріарховъ грузинскихъ, большею частью происходившихъ изъ царскаго дома. Третій списокъ съ надписью, свидѣтельствующею о принадлежности его царю Вахтангу Шахъ-Навазу (1678 г.), находился въ рукахъ царевны Өеклы Ираклієвны, скончавшейся въ 1846 году. Рукописи эти писаны очень красиво, но по мѣстамъ съ ошибками правописанія. По этимъ спискамъ явилось первое печатное изданіе 1712 года, при царѣ Вахтангѣ VI, въ Тифлисѣ, съ комментаріями и портретомъ ученаго царя. Броссе [1]) видѣлъ въ Парижѣ списокъ „Барсовой кожи", переписанный въ 1702 годъ. Въ основаніе „Барсовой кожи", изданной Картвеловымъ въ Тифлисѣ, положенъ манускриптъ XVII в. Наконецъ, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ хранится любопытный варіантъ поэмы Ш. Руставели, къ сожалѣнію, не сохранившій ни даты, ни имени переписчика, ни мѣста, гдѣ она переписана. Время, къ которому относится этотъ памятникъ, можно опредѣлить по палеографическимъ его особенностямъ, а въ особенности по начертанію буквъ *h* и *р*. Еще покойный Бакрадзе замѣтилъ, что изображеніе грузинскаго *h* съ четырьмя зубцами, притомъ въ обратномъ положеніи, и буквы *р* съ тремя зубцами, также vice versa, сравнительно съ ихъ позднимъ начертаніемъ, восходитъ къ XV—XVII вѣкамъ. Такъ какъ матеріалъ—бумага, на которой писана поэма Руставели, не позволяетъ отодвигать ее къ XV вѣку, то я отношу къ концу XVI или къ началу XVII вѣковъ. Въ рукописи, нужно еще замѣтить, имѣемъ букву, представляющую сочетаніе согласнаго *в* и гласнаго *и* (*ви*), притомъ эта орөографія строго не выдерживается: вмѣсто лигатуры встрѣчается двѣ буквы *ви*. Такъ какъ сложное изображеніе для *ви* введено не ранѣе XVII вѣка (*Чубиновъ*, Грузино-русскій словарь, предисловіе, II), то я, наряду съ вышеназванными палеографическими особенностями архивнаго памятника, принимаю во вниманіе, для установленія его даты, неустойчивость этой буквы, еще не вошедшей въ твердое употребленіе, какъ въ рукописяхъ XVIII вѣка, которыя уже не носятъ слѣдовъ колебанія въ изображеніи однимъ начертаніемъ сложнаго звука *ви* [2]).

Изъ обзора [3]) списковъ „Барсовой кожи" естественно является за-

---

[1]) *Brosset*, De la poésie géorgienne Paris. 1830.

[2]) Ш. Руставели, статья *Ил. Іоссельяни* въ газетѣ *Кавказъ*, 1870 года, № 13. Объ архивномъ варіантѣ „Барсовой кожи" см. *мою* статью въ *Восточныхъ древностяхъ* (Труды Моск. Археол. Общ.), вып. I, т. II.

[3]) Ср. мое письмо въ Иверіи 1895 № 226, о рукописи „Б. К." кн. Кота Амилахвари.

ключеніе, что поэма Ш. Руставели къ концу XVI вѣка, въ виду своей популярности, представляла массу интерполяцій и дополненій, вызвала продолженіе ея сюжета, извѣстное нынѣ подъ именемъ *Оманіани* [1]). Къ изданной Д. І. Чубиновымъ въ 1860 году „Барсовой кожѣ" появилось въ журналѣ „Иверія" дополненіе въ 308 строфъ, найденное грузинскимъ библіофиломъ П. Карбеловымъ. Московская архивная рукопись, при сличеніи съ существующими печатными изданіями поэмы и ея продолженіями, даетъ еще массу разночтеній и дополненій, которыя выдѣляютъ нами открытый варіантъ въ особую редакцію. Словомъ, ни одна грузинская поэма не подвергалась такимъ исправленіямъ, передѣлкамъ и дополненіямъ, какъ „Барсова кожа", и ни одно произведеніе грузинскаго творчества не пользуется такимъ высокимъ уваженіемъ и распространеніемъ, какъ созданіе Ш. Руставели. Эти особыя условія, отличающія поэму пѣвца царицы Тамары, заставляютъ думать, что литературное произведеніе, завоевавшее такое почетное положеніе, должно было долгое время обращаться среди народа, чтобы слиться и сродниться съ духомъ поэтическихъ требованій и высшаго и низшаго класса читающей публики. Мощное вліяніе „Барсовой кожи" иллюстрируетъ ужъ то обстоятельство, что имя Руставели въ грузинской литературѣ есть не имя поэта, а имя возвышенной и художественной поэзіи.

Причина отсутствія древнѣйшихъ списковъ поэмы, близкихъ къ ея созданію, заключаются, помимо тяжелыхъ бѣдствій, постигавшихъ Грузію отъ нашествія иноземныхъ полчищъ, въ томъ, что „Барсова кожа" съ эпохи царицы Тамары преслѣдовалась духовенствомъ, какъ противное христіанскому смиренію сочиненіе свѣтскаго характера. Католикосъ Іоаннъ, по преданію, еще при жизни царицы, покровительствовавшей поэту, воздвигъ гоненіе на Руставели. Достовѣрно извѣстно, что въ XVIII вѣкѣ патріархъ Антоній I, просвѣщенный писатель, предалъ сожженію нѣсколько экземпляровъ отпечатанной царемъ Вахтангомъ „Барсовой кожи". Въ своемъ посвященіи памяти Шота

---

[1]) „Оманіани"—продолженіе „Барсовой кожи". *Мои* письма изъ Парижа въ *Иверіи*, 1889 года, № 188: „Грузинскія рукописи Парижской Національной Библіотеки". По списку памятниковъ „грузинской письменности", составленному въ 1810 году, *Оманіани* считается переводомъ съ персидскаго языка. См. *Цагарели*, Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности, в. III, стр. 258 (С.-Пб. 1894 года). Ср. *Brosset*. Mélanges Asiatipues, t. VIII, p. 438. По другому списку нѣкто „Кай-Хосро написалъ въ стихахъ Оманіани", а по словамъ царя Арчила нѣкто Напуча внесъ стихи къ поэму Руставели. См. „Арчиліани", стр. 180 (Т. 1850). Нужно отличать „продолженіе" *Б. К.* отъ дополненій къ ней.

Руставели католикосъ-патріархъ Антоній I называетъ его мудрымъ знатокомъ персидскаго языка, философомъ, чуднымъ поэтомъ и богословомъ, „но тщетно и всуе потрудившимся“ [1]). Такимъ образомъ, поэму не спасло отъ злой участи объясненіе царя Вахтанга, который въ своихъ примѣчаніяхъ къ „Барсовой кожѣ“ пытается толковать аллегорически выраженія поэта, сводя ихъ къ текстамъ Священнаго Писанія и правиламъ евангельскаго ученія. Онъ утверждалъ, что поэма Руставели — иносказаніе, вымышленное для поученія, и имѣющее главною цѣлью представить непоколебимую вѣрность супруговъ при всѣхъ превратностяхъ человѣческой жизни. Не отвергая мысли, что въ основаніи поэмы лежитъ нравственная идея, всетаки никакъ нельзя видѣть въ ней какую-то христіанскую мистическую поэму. Но почему же геній поэзіи заслужилъ гнѣвъ и укоръ просвѣщеннаго католикоса [2]), извѣстнаго своими твореніями? Послѣ Шахъ-Аббаса I, разорившаго Грузію за сношенія съ православною Россіей при Борисѣ Годуновѣ, цари и народъ грузинскій являются ослабленными. Новые обычаи, нравы, музыка персовъ нарушали чистоту патріархальнаго быта и христіанской жизни,—отсюда необходимость реакціи, и католикосъ Антоній въ началѣ XVIII вѣка запретилъ чтеніе Руставели, увлекавшаго народъ къ поэзіи персидской, тонамъ музыки лидійской. Народъ искалъ въ немъ меду, а находилъ отраву, говоритъ вышеупомянутый грузинскій археологъ Пл. Игн. Іосселіани.

Какъ неразрѣшимы вопросы о мѣстѣ и времени рожденія, о происхожденіи и школьномъ образованіи, общественномъ положеніи и кончинѣ Руставели, такъ до настоящаго времени остается невыясненнымъ, откуда заимствовалъ онъ сюжетъ своей поэмы. Въ литературѣ этого предмета было высказано три мнѣнія: первое основывается на словахъ самого Руставели, который на 16-й строфѣ заявляетъ что „онъ нашелъ *персидскій* разсказъ и переложилъ его стихами, словно крупную жемчужину, переходящую изъ рукъ въ руки“; [3]) однако,

---

[1]) Мѣрное слово *Антонія I*, католикоса-патріарха всей Грузіи, № 802. Тифлисъ, 1853 года.

[2]) Католикосъ Антоній оставилъ намъ слѣдующія сочиненія: „Богословіе“ (рукопись въ 430 стр. in folio); „Готовое слово“, изд. епископомъ Александромъ въ 617 стр. in 8°, Тифлисъ, 1892 года; „Грамматику“ въ 298 стр. in 8°, Тифлисъ, 1885 года; „Метафизику“ въ 250 стр. in 8° (рукописъ); „Философію“ въ 320 стр. in 8° (рукопись); „Катихизисъ“; „Категоріи“; „Нравственную философію“ Баумейстера; „Риторику“ и др.

[3]) Эту строфу, сохранившую мнѣнія о персидскомъ происхожденіи „Б. К.“— на основаніи глубокаго изученія контекста убѣдительно отвергъ г. А. С. въ-

ерсидскій оригиналъ грузинской поэмы до сихъ поръ не найденъ [1]); торое мнѣніе впервые было высказано Д. І. Чубиновымъ, который оказываетъ, что „Руставели не заимствовалъ сюжета „Барсовой кожи" восточныхъ писателей; она создана имъ самимъ и направлена къ рославленію царицы Тамары". Третье мнѣніе принадлежитъ мнѣ: ъ одной статьѣ, посвященной сравненію отдѣльныхъ стиховъ Руставели и народныхъ пѣсенъ о Таріелѣ, я предположилъ, что искусственная поэма XII вѣка имѣетъ своимъ основаніемъ народную поэзію, подобно тому, какъ Фаустъ и Гамлетъ восходятъ къ средневѣковымъ народнымъ традиціямъ [2]). При этой коллизіи мнѣній—считать ли „Барсову кожу" національнымъ произведеніемъ или простымъ заимствованіемъ изъ персидской поэзіи, слѣдуетъ вспомнить слова еттембрини о „Неистовомъ Роландѣ" Аріоста: „Не говорите мнѣ, о сюжетъ этой эпопеи не *націоналенъ*, но вспомните, что не матеріалъ опредѣляетъ достоинство поэмы, а *духъ*, живущій въ поэмѣ. іръ, изображенный въ этой эпопеѣ, не принадлежитъ никакой національности,—этотъ міръ созданъ поэтомъ. Но манера, съ которою ъ создаетъ этотъ міръ, духъ, вдохнутый въ эту поэму, — чисто альянскій. Это есть лучшее изображеніе всего итальянскаго быта, альянской фантазіи и всего нравственнаго строя". Эти слова вполнѣ иложимы къ поэмѣ Руставели. Природа и характеръ дѣйствующихъ цъ, семейный и государственный бытъ, нравы и обычаи носятъ ѣ признаки грузинской жизни, карталинскій элементъ разлитъ, вно запахъ розъ, по всей поэмѣ, намѣренно перенесенной въ альную мѣстность: „въ Индію, Аравію, Китай—царство морей и джокъ" [3]).

Изъ разбора спорныхъ вопросовъ о Ш. Руставели мы склонны ключить, что поэтъ происходилъ изъ Рустави Месхетской провинціи Верхней Карталиніи, жилъ при царицѣ Тамарѣ, о которой онъ оритъ въ четвертой строфѣ: „Станемъ же воспѣвать царицу Та-

---

ихъ статьяхъ: „Ложныя мѣста въ „Барсовой кожѣ" (Журн. „Моамбе" за 5 г. и 1896 г.).

[1]) Царь Вахтангъ въ своемъ изданіи *Б. К.* на стр. 141 замѣчаетъ, что въ сіи этого разсказа нѣтъ.

[2]) *Чубиновъ*, С.-Пб., 1846 года), Грузинская Хрестоматія (Ср. *его же* ак. Вѣстникъ 1850, 40, 41. Поэма Руставели „Барсова кожа" стр. VII; *моя* ья въ *Иверіи*, 1890 года, № 25; отвѣтъ на нее *Важа-Пшавела*, *Иверія*, 0 года, № 39. См. еще статью *А. На—ли* въ *Иверіи*, 1890 года, № 14.

[3]) *Н. Гулакъ*. О „Барсовой кожѣ" Руставели. Двѣ публичныя рѣчи (Тифл. 1884 года), стр. 3.

мару, проливая кровавыя слезы. Уже ее прославляли похвалами[1] — не худо сложенными: черниломъ было гишеровое озеро, а перомъ гибкій станъ, пронзающій стрѣлою сердце слушателя". Руставели не только современникъ царицы Тамары, но и придворный ея поэтъ, безумный влюбленный въ свою славную повелительницу. „Изъ-за нея теряю разсудокъ и умираю; она—моя жизнь, но немилосердна, какъ дивъ; она мнѣ приказала ее прославлять сладкими стихами, восхвалять ея брови, рѣсницы, кудри, уста—рубины и зубы—жемчужины". Сюжетъ поэмы не заимствованъ изъ персидскаго оригинала: царь Вахтангъ, жившій долгое время въ Персіи, изучившій языкъ и литературу ея, свидѣтельствуетъ, что нигдѣ онъ не нашелъ повѣсти о Таріелѣ. Слова же самого Руставели относительно этого „таинственнаго перла", персидскаго разсказа, отдѣланнаго въ грузинскомъ вкусѣ, могутъ быть истолкованы въ томъ смыслѣ, что поэтъ намѣренно отводитъ читателя съ цѣлью скрыть свою любовь къ той, которой повинуются полчища. „Я заболѣлъ отъ любви и нѣтъ для меня лѣкарства, развѣ земля дастъ мнѣ исцѣленіе и могилу" (стр. 15).

Или, быть можетъ, Руставели хотѣлъ придать больше цѣны своей поэмѣ: извѣстно, говоритъ покойный Чубиновъ, что чужеземное всегда цѣнится дороже своего. Но нельзя отрицать, что поэма Руставели создана по образцамъ восточныхъ писателей; имена ея героевъ имѣютъ значеніе на языкахъ персидскомъ и арабскомъ, какъ Ростеванъ, Рамазъ, Сариданъ, Фатманъ, Парсаданъ и др., хотя главные герои носятъ названія грузинскія: Таріель, Автандилъ, Тинатина[2]).

Отвергая заимствованіе непосредственно изъ персидскаго письменнаго памятника, мы предположили, что Руставели могъ воспользоваться устнымъ сказаніемъ о Таріелѣ, вошедшимъ съ Востока въ предѣлы Грузіи, подобно другимъ странствующимъ сюжетамъ. Самъ Руставели заявляетъ, что онъ „[устный] разсказъ переложилъ въ стихи", или, по переводу Е. С. Сталинскаго, поэтъ признается:

Помня авторскую совѣсть,
Долженъ вамъ и передать,
Что у персовъ эту повѣсть
Взялъ я съ цѣлью въ свѣтъ издать.

---

[1]) Вѣроятно, Руставели здѣсь намекаетъ на оду Шавтели, посвященную имъ царицѣ Тамарѣ. Чахруха же писалъ послѣ Руставели, о чемъ свидѣтельствуютъ слова самого Чахруха; см. дальше.

[2]) См. *мой* докладъ на VIII археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, въ которомъ я приводилъ изъ сванетскихъ свитковъ XI—XII вѣковъ имена Тинатина, Нестанъ и др. „Грузинскія рукописи Румянцевскаго музея". М. 1895 г.

Смыслъ ея одѣлъ въ порфиру,
Слово въ перлы нанизалъ,
И свою настроивъ лиру
Повѣсть въ риѳмахъ написалъ.

Изъ сопоставленія обращающихся среди грузинскаго народа пѣсенъ о Таріелѣ съ поэмой Ш. Руставели легко усмотрѣть ихъ безусловную близость въ общемъ сюжетѣ и въ отдѣльныхъ деталяхъ. Конечно, эту близость искусственной и устной поэмы можно объяснять двояко: или распространеніемъ литературнаго произведенія среди народа, или же воздѣйствіемъ безъискусственнаго творчества на личное созданіе одного поэта. Принимая къ свѣдѣнію, что пѣсни о Таріелѣ сохранились съ большими подробностями въ горахъ у пшавовъ и хевсуръ,—весьма мало знакомыхъ съ письменною литературой, можно было бы склониться къ мысли, что Руставели не причастенъ въ дѣлѣ сообщенія сюжета „Барсовой кожи" грузинамъ—горцамъ. Съ другой стороны предполагать, что съ древнѣйшихъ временъ распространилось содержаніе поэмы Руставели среди пшавовъ и хевсуръ, препятствуетъ то обстоятельство, что въ горахъ Грузія никогда не имѣла центровъ просвѣщенія и заселеніе ихъ вообще относится къ поздней эпохѣ, приблизительно XVI—XVIII вѣкамъ [1]). Въ виду этихъ соображеній трудно согласиться съ гипотезой, что только письменная поэма по своей популярности распространилась среди народа при отсутствіи соотвѣтствующей къ ея воспріятію почвы, хотя безъ сомнѣнія вѣрно и то, что поэма Руставели также имѣла въ свою очередь вліяніе на народное воображеніе и сообщала ему нѣсколько мудрыхъ изреченій.

Но настаивая на мысли о пользованіи Руставели народнымъ сказаніемъ [2]), мы считаемъ нужнымъ познакомить читателей съ тѣми доводами, которыя могутъ служить освѣщеніемъ нашего предположенія. До настоящаго времени извѣстны слѣдующіе варіанты пѣсенъ о Таріелѣ, записанные частью мною, частью же другими въ различ-

---

[1]) О центрахъ просвѣщенія въ Грузіи см. *мое* соч. Очерки по исторіи грузинской словесности, ч. I, 155—164 (М. 1895). О переселеніи жителей равнины въ горы у *Дубровина*, Исторія войны на Кавказѣ.

[2]) Общія положенія доказательствъ сродства литературныхъ произведеній, составленныя проф. Кирпичниковымъ и раздѣленныя акад. Веселовскимъ—единства нѣсколькихъ моментовъ и совпаденіе акссесуарныхъ принадлежностей, вскрываются въ народной и искусственной поэмѣ о Таріелѣ. *Ак. Веселовскій.* Визант. повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Ж. М. Н. П., ч. CCXII, отд. 2, стр. 151.

ныхъ концахъ Грузіи: Пшавскій („Иверія“, 1888. № 45); Бицмендскій („Иверія“, 1888, № 165); Кизлярскій (ibid. 1888, № 131); Кахетинскій (ibid. 1887, № 224 и 1890, № 252); Карталинскій (ibid. 1890, № 240 и 1890 №№ 7 и 8); Тіонетскій (ibid. 1888, №№ 230 и 231); Чирдильскій (ibid. 1891, № 74 и 75); Хевсурскій (ibid. 1890, № 239) и недавно [ib. 1894, № 150] записанный въ сел. Чалахъ пѣсни съ прозаическимъ разсказомъ о Таріелѣ и Нестанъ-Дареджанѣ. Во всѣхъ этихъ варіантахъ сохранилась одна и та же фабула поэмы Руставели, то въ отдѣльныхъ эпизодахъ, то въ полномъ разсказѣ. Географическія имена изъ „Барсовой кожи“ извѣстны и въ народныхъ пѣсняхъ: Аравія, Хоросанъ, Каджети; дѣйствующія лица въ нихъ—Таріель, Автандилъ, Фридонъ, Нестанъ-Дареджанъ. Въ виду невозможности привести детали сопоставленія искусственной и безъискусственной поэмы, укажемъ только на то любопытное обстоятельство, что краткій, лаконическій разсказъ народныхъ пѣсенъ часто развитъ поэтомъ въ цѣлыя строфы, разукрашенныя философскими размышленіями. Сохраняя одинъ и тотъ же сюжетъ, форма народнаго и личнаго творчества представляетъ ту разницу, которая неизбѣжно проистекаетъ при литературной обработкѣ устныхъ сказаній. Пѣсни объ Автандилѣ [1]) и его охотѣ, распѣваемыя еще нынѣ въ Грузіи среди крестьянскаго населенія, нашли отголосокъ въ 199 строфѣ поэмы Ш. Руставели. Обычные эпитеты и сравненія, распространенные въ народныхъ произведеніяхъ, отразились въ „Барсовой кожѣ“; таковы чинаровый станъ, зубы—жемчужины, розовыя уста. Даже мудрыя изреченія знаменитаго поэта находятъ иногда прототипъ въ житейской философіи народа: „лучше ужъ умереть, чѣмъ постоянно тосковать“, говоритъ грузинская пословица, параллель которой можетъ служить 826 строфа Руставели, гласящая, что „именитая смерть лучше позорной жизни“. При этомъ сходствѣ общаго содержанія мы замѣчаемъ значительныя отличія въ обработкѣ богатой приключеніями судьбы Таріеля и Нестанъ-Дареджаны въ „Барсовой кожѣ“ Руставели. Просвѣщенный и даровитый поэтъ съумѣлъ облагородить и возвысить романтическую интригу идеей неизмѣнной преданности и свѣтлаго чувства любви, талантливо объединилъ и связалъ сюжетъ поэмы психологическими наблюденіями и философскими размышленіями, придалъ художественную цѣльность

---

[1]) Другой пунктъ совпаденія народныхъ пѣсенъ съ „Барсовой кожей“ можно указать въ имени героини Нестанъ-Дареджанъ,—вторую половину этого названія мы встрѣчаемъ въ легендахъ объ Амиранѣ Дареджанидзе, то-есть, сынѣ Дареджаны; см. выше.

поэмѣ и облекъ ее въ такую обаятельную литературную форму, которая остается и нынѣ образцомъ поэтическихъ произведеній [1]).

Розыскиваніе источниковъ вдохновенія въ народныхъ сказаніяхъ—путь, достаточно установленный въ исторіи всеобщей литературы. Фаустъ, Тартюфъ, Гамлетъ, прежде чѣмъ дѣлаются предметомъ личнаго творчества, долгое время живутъ въ устной передачѣ. Пѣсни о Таріелѣ также могли обращаться въ народѣ [2]) до литературной обработки геніемъ Руставели. Эти пѣсни, нынѣ сопровождающіяся и прозаическимъ пересказомъ для сцѣпленія отдѣльныхъ моментовъ изъ жизни героевъ, взамѣнъ утраченнаго изъ памяти народа риѳмованнаго повѣствованія,—могли быть устно занесены въ Грузію съ Востока, подобно другимъ странствующимъ сюжетамъ. Если наше предположеніе представляется правдоподобнымъ, то тогда слова Руставели, что „онъ [устный] разсказъ переложилъ въ жемчужные стихи" (7 строфа), получаютъ нѣкоторое объясненіе,—сюжетомъ своей поэмы онъ обязанъ народнымъ сказаніямъ о Таріелѣ, быть можетъ, занесеннымъ и съ Востока.

Фабула поэмы [3]) Ш. Руставели можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ: Арабскій царь, „великій и щедрый" Ростеванъ, чувствуя приближеніе старости, за неимѣніемъ наслѣдника рѣшается возвести на престолъ единственную свою дочь, красавицу Тинатину. Совѣтъ вельможъ пытается отклонить царя отъ этого намѣренія, говоря, что не можетъ спорить восходящая звѣзда съ потухающею полною звѣздой. Владыка Аравіи настаиваетъ на своемъ отреченіи отъ власти и такъ обнародовалъ царскую волю: „Я, Ростеванъ, Тинатину мою возвожу на престолъ свой. Да свѣтитъ она народу, какъ ликъ лучезарнаго солнца! Спѣшите, и зрите ее достойные славить царицу!" Отецъ самъ возвелъ Тинатину на престолъ „возложилъ корону на

---

[1]) Византійскіе стихотворные романы, которые могъ Руставели имѣть образцами, отражаютъ вліяніе народныхъ мотивовъ. Романъ Никетаса Эвгеніана, жившаго не ранѣе половины XII в., внесъ тонъ народныхъ сказокъ. *Кирпичниковъ*. Греч. романы въ новой литературѣ. Харьковъ. 1876, стр. 96, 100. Ср. *Krumbacher*. Gesch. der Bysant. Litteratur, стр. 438. О сказочныхъ сюжетахъ визант. поэтовъ. Ср. Пѣснь о Нибелунгахъ, обработанная на основаніи народныхъ пѣсенъ.

[2]) Въ народныхъ пѣсняхъ приводятся имена двухъ братьевъ Еденъ и Омаръ, посланныхъ царемъ Аравіи Ростеваномъ привести къ нему „плачущаго витязя" (Таріеля), у Руставели эти гонцы названы безъ имени.

[3]) Поэма состоитъ изъ 1637 четверостишій (по изданію Броссе и Чубинова, С.-Пб. 1846) по 16 слоговъ въ стихѣ.

голову дѣвы и юныя плечи одѣлъ въ багряныя ткани порфи
Свѣтла Тинатина, какъ солнце, — и взоръ ея мудрости полонъ".
торжественную коронацію молодой царевны, которая въ сонмѣ і
нетъ поражала могуществомъ блеска и отнимала у всѣхъ и раз
и сердце, и душу, стекаются вельможи страны, а въ числѣ их
пламенно влюбленный въ Тинатину вождь Автандилъ, который

Станомъ стройнѣе кипариса, а ликомъ свѣтелъ и ясенъ [1]).
Еще безбородъ, а душой подобенъ кристаллу алмаза.
Густыя рѣсницы царевны терзали въ немъ пылкую душу.

По окончаніи торжественной церемоніи коронаціи, въ сам
разгарѣ веселья царю по чему-то взгрустнулось. Гости замѣтили м
ное настроеніе владыки, и старый визирь его Сократъ съ молод
Автандиломъ пытается заговорить съ нимъ и вывѣдать причину і
сти. Ростеванъ жалуется имъ, что

Старость его исчерпала дни молодые...
А нѣту въ Аравіи всей такого надежнаго мужа,
Кто бъ могъ замѣнить вамъ привычкой ратнаго дѣла...
Хоть тѣнь бы метателя стрѣлъ, иль въ мячъ игрока удалаго.

Молодой Автандилъ предлагаетъ побиться съ царемъ объ закл
и помѣриться съ нимъ въ ратномъ искусствѣ на охотѣ. Слуги, до
ренные вести счетъ выпускаемыхъ соперниками стрѣлъ и убит
ими звѣрей, донесли, что побѣдителемъ оказался Автандилъ, к
„чинаръ багряноцвѣтущій въ Эдемѣ". Утомленные состязаніемъ,
остановились у рѣчки, протекавшей подъ нависшей скалой, и ох
женные прибывшимъ войскомъ, сѣли отдохнуть въ прохладной т
деревьевъ, глядя на волны потока.

Смотрятъ, а юноша дивный сидитъ надъ потокомъ и плачетъ:
Покоясь, какъ левъ, — въ поводу онъ держитъ коня вороного.
Оружіе, сѣдло и приборъ разубраны жемчугомъ пышно...
Плачъ сердца слезами тоски объиндевѣлъ свѣжую розу [2]).
Могучіе члены красавца окутаны кожей барса,
И барсовой кожей [3]) покрыто чело молодаго героя,

---

[1]) Стихотворный переводъ двухъ главъ этой поэмы, сдѣланный Барт скимъ, приложенъ къ изданію Чубинова.

[2]) Ср. Парисъ, покрытый *барсовой* шкурой, выступаетъ въ борьбу съ ками. (*Беккеръ*. Древн. Ист., 174 *Иліада* III, 67.).

[3]) Розой Ш. Руставели называетъ лицо то мужчины, то женщины.

Съ нимъ крѣпкій окованный кнутъ, толще руки Голіафа
Узрѣли, и взоровъ отвесть не могли, удивляясь видѣнью.

Царь посылаетъ слугу привести къ нему этого загадочнаго юношу, но

Тутъ море тоски—онъ не можетъ слышать посланника рѣчи,
Ни криковъ веселыхъ отъ войскъ, разсыпанныхъ вдоль по зарѣчью.
Непостижимо рыдало то сердце, упавшее въ пламя.
Плачъ сердца съ кровью прихлынывалъ въ очи, какъ волны сквозь щели преграды.

Слуга два раза почтительно передаетъ ему царскую волю, но къ какъ онъ не внемлетъ и не раскрываетъ устъ, то, вернувшись кладываетъ царю, что „приглашенія онъ слышать не можетъ". Раз-ѣванный Ростеванъ—„въ немъ сердце вскипѣло обидой"—прика-ъ воинамъ привести насильно того, кто сидитъ у потока. Заслы-въ звуки оружія, плачущій юноша очнулся, отеръ слезы и, не сивъ взгляда на воиновъ, тихонько поѣхалъ вдоль берега.

Но воины руки простерли, чтобъ взять молодаго упрямца...
Горе что съ ними сбылось, то видѣть врагу было бы жалко.
Онъ билъ другъ о друга ихъ всѣхъ—для помощи не было мига...
Иныхъ убивалъ онъ кнутомъ, разсѣкая по самыя груди.

Войско, поспѣшившее за нимъ по приказанію оскорбленнаго этою справою царя, потерпѣло ту же горькую участь: „людьми въ людей ь металъ и тѣмъ унижалъ Ростевана". Когда же самъ владѣтель авіи съ Автандиломъ погнались за незнакомцемъ, то послѣдній ми-ъ исчезъ, точно „или къ небу взлетѣлъ, или вдругъ провалился озь землю". Съ этого дня горе Ростевана удвоилось; его зани-етъ образъ таинственнаго человѣка въ барсовой кожѣ. Унылымъ мрачнымъ вернулся царь во дворецъ. Тинатина, желая его успо-ить, предлагаетъ послать гонцовъ во всѣ стороны; развѣдать о томъ знакомцѣ — „человѣкъ онъ иль духъ безтѣлесный". Гонцы черезъ ъ возвращаются, обойдя „всю сушь до края", и докладываютъ, что гдѣ не видѣли дивнаго юноши. Царь относитъ свое приключеніе навожденію нечистаго духа, и снова водворяется въ царскихъ латахъ веселье и пиръ.

Тѣмъ временемъ вождь Автандилъ небрежно сидѣлъ въ своей спальнѣ,
Безпечно онъ пѣлъ; подъ рукой звучала стогласная арфа...

Вдругъ быстро вбѣжалъ къ нему негръ, посланникъ и рабъ Тинатины:
Чинаровый станъ, онъ сказалъ, встань и иди къ луноликой!

Автандилъ спѣшитъ на свиданіе „къ розѣ". Она же несравненная угрюмо сидитъ, „прекрасна какъ молнія и лучи", исходящіе отъ нея, затмѣваютъ свѣтлый мѣсяцъ. Тихимъ движеніемъ руки приглашаетъ она сѣсть своего пламеннаго поклонника.

Онъ молвилъ: Что смѣю сказать? Ужасаюсь коснуться до рѣчи!
Луна исчезаетъ въ лучахъ свѣтозарно-горящаго солнца!
Страшусь за себя самого и мыслей собрать не могу я...
Повѣдайте мнѣ царица о томъ, что вашъ духъ угнетаетъ.

Тинатина признается, что таинственный незнакомецъ, встрѣченный ея отцемъ на охотѣ, тревожитъ ей сердце и проситъ его отправиться въ поиски за нимъ, давъ ему три года сроку: „и розу тебѣ сохраню, какъ даръ непорочный и чистый". Поклявшись другъ другу въ любви и неизмѣнной вѣрности, они разстаются, при чемъ царевна называетъ свое сердце „раненымъ ножемъ", а Автандилъ свое—„опаленнымъ огнемъ". Тихо онъ пошелъ... Кристаллы росили о розѣ [1]), а стальное тѣло дрожало. О, сердце онъ сердцу сроднилъ, любовь ужъ была неразрывна". Проплакавъ цѣлую ночь, утромъ онъ является къ царю и подъ предлогомъ военной экспедиціи къ границамъ государства испрашиваетъ у него разрѣшенія на свой отъѣздъ. Въ удѣльномъ своемъ городѣ онъ повѣряетъ своему преданному слугѣ, Шермадину, тайну своей любви и цѣль поѣздки, назначивъ его въ указѣ народу и войску намѣстникомъ за время своего отсутствія.

Два года и десять мѣсяцевъ бродитъ онъ по свѣту среди нуждъ и лишеній; труды и опасности такъ его истомили, что у него является мысль о самоубійствѣ; слезы его льются и вливаются въ море безконечнымъ потокомъ. „Такихъ страданій, какъ онъ, не испытывалъ ни Висъ, ни Раминъ" [2]). Назначенный срокъ истекалъ; Шермадинъ можетъ объявить, по его же порученію, царю о смерти любимаго вождя, а возвращаться ни съ чѣмъ также тяжело. Находясь въ этомъ печальномъ размышленіи въ пустынной мѣстности, онъ однако, какъ „сынъ Адама" захотѣлъ поѣсть и убивая дичь „рукою длиннѣе Рустема" [3]), онъ жаритъ изъ нея себѣ шашлыкъ. Вдругъ появляются

---

[1]) То-есть глаза плакали о возлюбленной.

[2]) Герои романа Висраміани, см. у меня выше.

[3]) Это мѣсто указываетъ на извѣстность въ XII вѣкѣ въ Грузіи устныхъ

три всадника, которые оказываются охотниками изъ китайцевъ; къ несчастью, имъ встрѣтился какой-то таинственный юноша, одѣтый въ барсову кожу, который разрубилъ голову плетью младшему изъ нихъ. По примѣтамъ Автандилъ узнаетъ въ ускакавшемъ юношѣ того, кого онъ такъ долго искалъ и скачетъ за нимъ.

Скоро онъ завидѣлъ его, но не рѣшился подойти къ нему, такъ какъ разсудилъ, что лучше издали слѣдить и проникнуть въ его жилище. Къ вечеру третьяго дня человѣтъ въ барсовой кожѣ приблизился къ высокимъ скаламъ, окруженнымъ гигантскими деревьями и усѣяннымъ пещерами. На шумъ конскихъ копытъ вышла навстрѣчу юношѣ изъ пещеры какая-то женщина въ черной курткѣ и стали они вмѣстѣ горько плакать. Автандилъ на вершинѣ дерева, съ котораго онъ наблюдалъ сцену ихъ встрѣчи, прождалъ цѣлую ночь, а на другое утро, когда таинственный незнакомецъ уѣхалъ, слезно простившись съ женщиной, подведшею ему коня, направился къ пещерѣ. На звукъ конскаго топота вышла опять та же женщина, полагавшая, что зачѣмъ-нибудь вернулся „солнцеподобный юноша, на губахъ котораго едва пробивался пушокъ“. Но замѣтивъ незнакомое лицо, она бросилась бѣжать. Автандилъ успѣлъ поймать ее арканомъ и сталъ умолять открыть, кто такой Таріель, къ которому она обращается за помощью. Выведенный изъ терпѣнія ея упорнымъ отказомъ, онъ приставилъ ножъ къ горлу и грозилъ ее убить. Смерть ея не испугала: „весь міръ для меня ничтожество и ничтожество ему имя“, отвѣчала она. Видя безуспѣшность своихъ угрозъ, Автандилъ, отойдя въ сторону, сталъ горько плакать, и она изъ жалости къ нему начали лить слезы. Замѣтивъ эту симпатію къ себѣ, Автандилъ проситъ ее простить его вспышку и сжалиться надъ человѣкомъ, много пострадавшимъ изъ-за страсти къ возлюбленной своей Тинатинѣ, поручившей розыскать таинственнаго юношу въ барсовой кожѣ[1]). Любовныя страданія Автан-

---

сказаній о Ростомѣ, или поэмы „Ростоміани“, представляющей сокращенный грузинскій переводъ Шахъ-Намэ *Фирдоуси*.

[1]) Jch habe Dich erzürnt und steh'vor Dir
Beschämt jetzt wie ein armer Bettler da,
Jedoch die Hoffnung gebe ich nicht auf,
Dass Du Barmherzigkeit noch an mir übst,
Zumal ja in dsz Schrift geschrieben steht:
Vergebet siebenfältig jede Sculd;
„Zwar hab'mit Recht ich Deinen Zorn verdient
Jedoch, oWeib, Du wirst es wohl versteh'n.

дила окончательно расположили къ нему эту женщину, по имени Асматъ, и она пообѣщала мирно свести его съ Таріелемъ. Вскорѣ показался и самъ Таріель, освѣщая воды своимъ блескомъ. Асматъ поспѣшила спрятать Автандила въ пещеру, а сама со слезами вышла на встрѣчу къ пріѣзжему. Женщина разостлала барсову кожу и стала жарить ему мясо, отъ котораго въ избыткѣ горя отказался Таріель и прилегъ отдохнуть. Когда же онъ проснулся, Асматъ заговорила съ нимъ объ одиночествѣ и пребываніи его въ обществѣ звѣрей, совѣтуя ему поискать друга среди людей. Таріель не выразилъ открытаго нежеланія имѣть друга, хотя усомнился въ возможности найти человѣка, который раздѣлилъ бы съ нимъ горькую участь. Асматъ предложила познакомить его съ Автандиломъ, взявъ съ него слово, что онъ не убьетъ его. Таріель, дѣйствительно, встрѣтилъ его привѣтливо: они бросились другъ другу въ объятія, а потомъ вмѣстѣ долго плакали, Автандилъ разказалъ свою исторію, а за нимъ Таріель приступаетъ повѣствовать о себѣ, приказавъ предварительно Асматъ принести воды и приводить его въ чувство, если онъ будетъ падать въ обморокъ. Затѣмъ обнаживъ себѣ грудь, человѣкъ въ барсовой кожѣ разсказалъ слѣдующее:

Зовутъ его Таріелемъ; онъ былъ военачальникомъ у царя Парсадана, повелителя шести индійскихъ царствъ. Отецъ Таріеля добровольно уступилъ ему седьмое индійское свое царство и въ награду за это великодушіе Парсаданъ сдѣлалъ его начальникомъ своихъ войскъ и, будучи бездѣтнымъ, усыновилъ Таріеля, пообѣщавъ сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. Таріель выросъ при дворѣ подъ руководствомъ лучшихъ мудрецовъ государства. Ему было пять лѣтъ, когда у царя Парсадана родилась дочь Нестанъ-Дареджана [1]). Малютка была прекрасна и затмевала луну и солнце блескомъ своего лица. Таріель и Нестанъ сначала воспитывались вмѣстѣ, какъ царскія

Dass der Mitleids und der Nachsicht wert,
Der grausam leidet von der Liebe Qual.
Für's Herz gab ich die ganze Selle hin
Und stehe hilfloss in der Welt allein.

(Перев. *Leist'a*. стр. 56—7).

[1]) Въ довольно удачныхъ стихахъ изложены главы о Ростеванѣ, Тинатинѣ и др. въ книжкѣ г. Сталинскаго „Барсова кожа“ Ш. Руставели (Тифлисъ. 1888) Книжка эта заключаетъ въ себѣ переводы изъ Руставели въ отрывкахъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и армянскомъ языкахъ; а на польскомъ языкѣ было передано содержаніе поэмы въ „Biblioteka Warszawska“ (1868, IV).

ѣти. Когда же онъ возмужалъ, то царевну помѣстили въ отдѣльномъ оскошномъ дворцѣ, приставивъ къ ней воспитательницей тетку Даръ, а нянькой Асматъ. По смерти отца 15-лѣтній Таріель наслѣовалъ ему въ должности военачальника. Послѣ траура, онъ началъ аствовать во всѣхъ придворныхъ увеселеніяхъ и празднествахъ. азъ, возвращаясь съ охоты съ Парсаданомъ, имъ пришлось прохоить мимо дворца царевны. Царь зашелъ къ дочери, а Таріель подидалъ его въ саду, держа въ рукахъ убитую дичь, за которой скорѣ прислалъ Парсаданъ Асматъ, чтобы подарить ее дочери. смата случайно слишкомъ раскрыла завѣсу покоевъ царевны, и редъ глазами Таріеля красавица предстала во всемъ своемъ блескѣ. Юноша не выдержалъ ослѣпительныхъ чаръ Дареджаны и упалъ въ бморокъ. Чрезъ три дня, когда къ нему вернулось сознаніе, онъ идѣлъ себя въ роскошныхъ покояхъ царя, окруженнымъ вельмоами, волхвами и врачами, которые таинственно бесѣдовали между обою о постигшей его странной болѣзни.

По выздоровленіи, онъ перебрался изъ дворца къ себѣ въ домъ, дѣ ему Асматъ подала письмо отъ Нестанъ-Дареджаны, въ котоомъ чудная красавица клялась въ любви и увѣщевала не лить слезы апрасно, а искать побѣдной славы въ войнѣ съ китайцами [1]). Таріель осылаетъ дерзкій вызовъ китайскому царю, а тѣмъ временемъ поучаетъ приглашеніе отъ царевны явиться во дворцѣ. Вскорѣ послѣ ого вспыхнула война; Таріель побѣждаетъ и приводитъ въ Индію итайскаго царя въ плѣнъ, какъ военный трофей. Отецъ Дареджаны страиваетъ ему тріумфальный въѣздъ въ столицу, осыпая молодаго героя всевозможными милостями. Но не подозрѣвая любви Таріеля къ воей дочери, царь задумываетъ выдать ее замужъ за хваразмійскаго ринця, и Таріель, присутствовавшій на совѣтѣ, созванномъ по этому опросу, даетъ свое согласіе на ея бракъ съ иностранцемъ, не рѣаясь открыто заявить о своей любви къ царевнѣ. Нестанъ-Дареджана, узнавъ объ этомъ, на тайномъ свиданіи упрекаетъ его въ змѣнѣ, а когда онъ оправдывается передъ нею, ссылаясь на свою боязнь противорѣчить царю, она успокаивается и предлагаетъ своему

---

[1]) Sie schrieb: O Du mein Löwe, gräm Dich nicht,
Ergieb Dich nicht dem Schmerz, denn ich bin Dein:
Gar sehr missfällt nur, dass so schwach Du bist.
Was ist diu Liaba zur Ohnmacht führt?
Zeig'lieber der Geliebten Dich als Held..
(ib. стр. 85).

возлюбленному украдкой убить хваразмійскаго принца въ виду того, что престолъ Индіи долженъ принадлежать только Таріелю.

Нареченный женихъ Нестанъ-Дареджаны является въ столицу Парсадана, и Таріель въ качествѣ военачальника сначала торжественно его встрѣчаетъ, а затѣмъ ночью проникаетъ въ станъ принца и, заставъ его спящимъ, разбиваетъ ему голову о столбъ палатки; пользуясь смятеніемъ въ войскѣ, онъ безнаказанно исчезаетъ. Царь по этому происшествію догадывается о любви Таріеля къ своей дочери и укоряетъ его въ письмѣ, зачѣмъ онъ скрывалъ свои чувства и не просилъ руки царевны (ср. народ. сказаніе), Таріель отвѣчаетъ царю, что дочь свою онъ можетъ выдать за кого хочетъ, но престола Индіи онъ никому не уступитъ.

Сестра же Парсадана, Даваръ, возмущенная поступкомъ своей воспитанницы, страшно избила ее и отдала двумъ чернымъ рабамъ бросить ее въ море, а сама, опасаясь гнѣва царя, лишила себя жизни. О судьбѣ царевны сообщила Таріелю нянька ея, Асматъ, а черные рабы вмѣсто того, чтобы топить дѣвушку, выгодно продаютъ ее въ морскомъ царствѣ. Царевна здѣсь очутилась у богатой купчихи. Фатманъ, которой она понравилась своею красотой. Но вскорѣ мужъ ея проговорился въ присутствіи морскаго царя о Дареджанѣ, и тотъ потребовалъ ее доставить и выдать за своего сына. При разставаніи Фатманъ даритъ дѣвушкѣ драгоцѣнный поясъ, которымъ ей удается подкупить слугъ морскаго царя и бѣжать изъ плѣна. На дорогѣ ее перехватываютъ послы изъ каджетскаго царства, которые запираютъ ее въ неприступную крѣпость. Таріель же въ теченіе трехъ лѣтъ напрасно ищетъ царевну въ сопровожденіи Асматъ и, отчаявшись ее найти, поселяется въ пещерахъ дэвовъ, которыхъ Таріель побѣждаетъ и изгоняетъ. Здѣсь онъ одичалъ и отсюда онъ вступалъ въ случайныя кровавыя столкновенія съ людьми.

Встрѣча съ Автандиломъ даетъ новый поворотъ его судьбѣ. Повѣдавъ другъ другу свои горести, они условливаются [1]) снова встрѣ-

---

[1]) Deshalb beschwör'ich Dich, gieb, mir Gehör,
Gelobe mir,' dass Du mich nicht verläss'st,
Wie ich auch Dir gelobe ewige Freu'.
Wenn Du mir feierlich versprichst, von hier
Nicht fortzuziehen, bis ich wiederkehr'.
So schwör'ich Dir bei dem, was heilig'ist,
Dass ich Dir selbst mein Leben opfern will.

(ib. стр. 140).

титься черезъ два мѣсяца въ томъ же мѣстѣ и предпринять новые поиски Дареджаны. Автандилъ спѣшитъ въ Аравію сообщить Тинатинѣ о своей находкѣ. Ростеванъ не соглашается на вторичный отъѣздъ Автандила, чтобы помочь другу въ несчастіи. Автандилъ, извинившись предъ царемъ письменно, уѣзжаетъ безъ его согласія, но съ позволенія своей возлюбленной. Въ пустынѣ онъ находитъ Таріеля лежащимъ безъ чувствъ рядомъ съ трупами убитыхъ имъ льва и барса. Приведенный въ сознаніе Таріель разсказываетъ, что онъ убилъ льва, гонявшагося въ любовной игрѣ за барсомъ, который ему напомнилъ его возлюбленную, а когда онъ хотѣлъ приласкать барса, и тотъ огрызнулся, то онъ покончилъ и съ нимъ.

Автандилъ, успокоивъ Таріеля, уговорилъ его вернуться къ Асматъ и ждать вѣстей отъ него, а самъ отправился искать Дареджану. Онъ ѣдетъ въ морское царство, заводитъ знакомство съ Фатманъ, входитъ въ ея довѣріе, убиваетъ ея прежняго любовника, погрозившаго ей местью за измѣну, и при помощи волшебниковъ (каджи), посланныхъ Фатманъ, узнаетъ о мѣстѣ заточенія Дареджаны и получаетъ отъ нея письмо къ ея возлюбленному. Вернувшись къ Таріелю, онъ беретъ его съ собою, захватываетъ царя мулганзарскаго Придона, которому Таріель однажды помогъ въ его борьбѣ съ родственниками, и они берутъ штурмомъ ту каджетскую крѣпость, гдѣ содержалась Дареджана. Герой и героиня послѣ десятилѣтней разлуки радостно встрѣчаются, и всѣ они ѣдутъ сначала въ Аравію, гдѣ присутствуютъ на свадьбѣ Автандила и Тинатины, а затѣмъ подъ охраной аравійскихъ войскъ Таріель возвращается съ своей невѣстой въ Индію, завоевываетъ себѣ престолъ и сочетается бракомъ съ Нестанъ-Дареджаной [1]).

Познакомившись съ содержаніемъ „Барсовой кожи", мы остановимся на толкованіи Д. Чубинова [2]), усматривающаго въ ней *національное* произведеніе, направленное къ прославленію царицы Тамары. Сравнивая жизнь царицы съ событіями, описываемыми въ поэмѣ, говоритъ онъ, находимъ разительные черты сходства, которыя подаютъ

---

[1]) На этомъ кончается поэма Руставели по принятому Вахтангомъ, Броссе и Чубиновымъ тексту „Барсовой кожи". Продолженіе же ея, извѣстное по открытой мною рукописи Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, доводитъ ее до смерти Таріеля и Автандила. Вся поэма недурно изложена у *Г. Іосселіани* для дѣтей на 66 стр. (Тифлисъ. 1892), а переводъ поэмы на нѣмецкій языкъ предпринялъ *Артуръ Лейстъ,* Der in Tigerfelle von Schota Rustaveli. Drezden, Leipzig. Отрывки на англійск. яз. у *Wardrop.* The Kingdom of Georgia.

[2]) *Чубиновъ.* Грузинская хрестоматія, стр. VII. (С.-Пб. 1846),

поводъ думать, что подъ именемъ главной героини Нестанъ-Дареджанъ скрывается сама Тамара, а по мнѣнію Н. Гулака [1]) „славная царица скрывается не только подъ образомъ Дареджаны, но и подъ образомъ Тинатины, а еслибы въ поэмѣ было нѣсколько героинь, то всѣ онѣ носили бы на себѣ черты Тамары по той простой причинѣ, что Руставели пылалъ глубокою любовью къ своей царицѣ". Д. Чубиновъ указываетъ черты сходства Тамары и Дареджаны. Послѣдняя была единственною дочерью индійскаго царя Парсадана, точно такъ же, какъ Тамара была единственною дочерью грузинскаго царя Георгія III. Воспитаніе Дареджаны Парсаданъ поручилъ сестрѣ своей Давари, воспитаніе Тамары было поручено Георгіемъ III, сестрѣ его Русудани, которая была въ супружествѣ за осетинскимъ княземъ; она воспитывала ее вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ по мужу Давидомъ Сослани, точно такъ же, какъ Дареджана росла съ Таріелемъ въ „Барсовой кожѣ". Слѣдствіемъ совмѣстнаго воспитанія Нестанъ-Дареджаны и Таріеля была взаимная ихъ любовь; такъ, вѣроятно, и Тамара была привязана къ Давиду Сослани, за котораго она выходитъ замужъ, по расторженіи заключеннаго по политическимъ соображеніямъ брака съ Юріемъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго. Далѣе, Парсаданъ по государственнымъ видамъ хотѣлъ выдать свою дочь за могущественнаго шаха хоразмійскаго, но Дареджана отказалась повиноваться рѣшенію отца; по грузинской лѣтописи шахъ хоразмійскій тщетно искалъ руки царицы Тамары, хотя онъ и не подвергся той ужасной участи, какая постигла хоразмійскаго принца въ поэмѣ Руставели.

Помимо этихъ совпадающихъ чертъ „Барсовой кожи" и исторіи царицы Тамары, близость поэмы къ Грузіи явствуетъ и по другимъ признакамъ. Мѣсто дѣйствія поэмы—Индія; Руставели раздѣлилъ ее на семь царствъ, и древнѣйшіе грузинскіе акты называютъ владѣтелей Грузіи царями семи царствъ, о чемъ свидѣтельствуетъ грузинскій историкъ царевичъ Вахушти. Отецъ Тамары, Георгій III, дѣйствительно владѣлъ, подобно Парсадану, семью царствами [2]), имена которыхъ сохранились въ лѣтописи: Абхазское, Геретинское, Саатабагское, Карталинское, Кахетинское, Ранское и Осетинское, въ ко-

---

[1]) *Гулакъ.* „О Барсовой кожѣ", стр. 6. (Тифлисъ, 1884).

[2]) Броссе также настаиваетъ, что подъ Нестанъ скрывается Тамара, руки которой просилъ хоразмійскій шахъ; указываетъ онъ на то, что титулъ грузинскаго царя семи царей совпадаетъ съ семью индійскими царствами въ поэмѣ Руставели. *Brosset.* Bul. Scient., t. III, 9. S.-Pt., 1838.

торомъ господствовала отрасль грузинской династіи Багратидовъ. Упоминаемая въ поэмѣ крѣпость Каджети-Каджетисцихе—мѣсто заключенія Нестанъ-Дареджаны—находится по грузинскимъ картамъ въ Западной Грузіи. Природа, описанная въ поэмѣ, носитъ всѣ признаки Грузіи. Были, однако, попытки указать прототипъ „Барсовой кожи" въ персидской литературѣ; такъ Н. Д.[1]) называлъ повѣсти Низами „Меджунъ и Лейла", и Гургани „Висъ и Раминъ", послужившія не только образцомъ, но давшія сюжетъ грузинскому поэту. Нѣтъ нужды указывать, насколько неправдоподобной представляется эта гипотеза тѣмъ, кто знакомъ съ содержаніемъ названныхъ романовъ, извѣстныхъ и въ грузинскомъ переводѣ съ древнихъ временъ [2]).

Не только Чубиновъ настаиваетъ на національномъ происхожденіи поэмы Руставели, но и лица, которыхъ нельзя обвинить въ патріотическомъ пристрастіи. Съ Руставели въ Грузіи, говоритъ г. Гулакъ, повторилось то же самое, что испытывали современные ему трубадуры на Западѣ. Трубадуръ, по словамъ Edgard Quinet (Révolutions d'Italie), почти всегда происходилъ изъ низшаго сословія, но благодаря своему генію, возвышенности чувствъ, онъ дѣлался временно ровнею феодальной аристократіи. Онъ, дитя простонародія, съ душою, преисполненною наивности, поэзіи, страсти, вступая въ феодальные замки, сначала ослѣпленъ блескомъ феодальной дамы, своей повелительницы, онъ едва смѣетъ поднять взоры на нее. Вслѣдствіе этого, любовь трубадура въ самомъ корнѣ зиждется на другомъ основаніи, чѣмъ любовь древности: тутъ женщина является сильнымъ, а мужчина слабымъ существомъ. Отношенія половъ какъ бы измѣнились: женщина оказываетъ покровительство, а мужчина ищетъ опоры. На сторонѣ женщины авторитетъ, приказываніе, власть; на его же сторонѣ только робость и послушаніе подданнаго. Онъ повергаетъ свои чувства предъ особою, высокое общественное положеніе которой должно его подавлять, и которая остается для него недосягаемымъ идеаломъ. Это какъ бы первый *идеальный бракъ* между аристократіей и народомъ, но необходимое условіе такого союза есть тайна; нужно, чтобы его стихи, довольно прозрачные для той, къ которой относятся, оставались не разгаданы для другихъ, и горе поэту, если его чувства были слишкомъ прозрачны. Тогда часто въ

[1]) *Сѣверный Вѣстникъ*, 1889, №№ 9 10.

[2]) Лейла и Меджунъ, пер. на груз. языкъ царемъ Теймуразомъ I въ XVII вѣкѣ, остается въ рукописи.

ближайшемъ лѣсу находили его тѣло пронзеннымъ стрѣлою копьемъ. Или на старости лѣтъ, чувствуя себя лишнимъ въ феод ныхъ дворахъ, гдѣ прежнее его присутствіе возбуждало ра и веселье, онъ, не считая возможнымъ возвращаться въ уб деревенскую обстановку, удалялся на покой, въ стѣны монаст Такова была участь и Руставели, проведшаго молодость при стательномъ дворѣ царицы Тамары, отъ которой „онъ терялъ р докъ и умиралъ". Быть можетъ, за слишкомъ „прозрачно" явле къ ней чувство, котораго онъ не сумѣлъ скрыть [„и самый тве камень разобьется отъ мягкаго свинца"], онъ былъ обезглавленъ и шенъ въ рѣку по одной легендѣ, или же подъ старость лѣтъ, рявъ расположеніе своей повелительницы и кумира любви, онъ ился въ монастырь, какъ свидѣтельствуетъ надпись въ церкви Креста въ Іерусалимѣ. Пѣвецъ царицы Тамары, по всѣмъ сохра шимся о немъ свѣдѣніямъ, вышелъ непосредственно изъ народ потому вѣчно юная его поэма, исполненная сила и страсти, жи свѣжа до настоящей минуты. Семьсотъ лѣтъ для грузинской прошли, какъ одна минута! Если при этомъ вспомнить, что Ру вели могъ воспользоваться канвой существовавшаго устнаго народ сказанія о Таріелѣ, которое притомъ онъ привлекъ для воспроизвед исторической эпохи, общественнаго настроенія современной ему цвѣтшей среды въ царствованіе великой Тамары, то станетъ еще по нѣе, почему „Барсова кожа" такъ дорога грузинскому читателю. жетъ своей поэмы поэтъ взялъ изъ грубины сердца самого на и одухотворенный единствомъ высокаго чувства и философскаго мышленія, патріотическимъ подъемомъ нравственнымъ силъ и пол ческой мощи, возвратилъ его тому же народу въ тихихъ и страст стихахъ, написанныхъ то нѣжнымъ, то пламеннымъ языкомъ. тѣсна связь между народною нѣмецкою сагой о докторѣ Фауст Фаустомъ Гете, при отсутствіи тождества ихъ со стороны содерж идей, такъ неразрывна цѣпь объединяющая народнаго Таріеля съ ріелемъ Руставели, который скелетъ устнаго сказанія облекъ в рующую поэтическую форму и картину славнаго періода.

Въ поэмѣ граціозно вплетены то восторженныя, то мучит ныя минуты испытаній самого пѣвца, влюбленнаго въ свою по тельницу. Но рядомъ съ личнымъ анализомъ внутренняго міра, п нами художественно раскрываются страницы исторической обстан искусно разрисованной на фонѣ народной традиціи. Иными сло въ поэмѣ преломились, какъ солнечный спектръ, и нашли полное раженіе и вѣками освѣщенное, благоговѣйно передаваемое геро

свое сказаніе, и осѣненный свѣтлымъ ореоломъ чувствъ и помысловъ геніальный образъ поэта, и величественный, закрѣпленный неувядаемыми монументами, пережитый Грузіей историческій моментъ. Поэтъ, если можно такъ сказать, на канвѣ народнаго сказанія вывелъ историческіе узоры, поэтизирозалъ историческія событія, слилъ поэтизацію съ историзаціей. Стиль Руставели олицетворялъ собою какъ бы идеалы, близкіе природѣ горячаго юга, гдѣ тропическій палящій зной долинъ и серебряныя горныя вершины вѣчнаго льда и снѣговъ съ одинаковою любовью цѣлуются съ бездонною синевою лазуреваго кавказскаго неба. А внѣшнее совершенство стиховъ Руставели настолько велико, что, по словамъ даже иностранца г. Гулака, „если ихъ читать громко, соблюдая цезуру и удареиія, то они дивно гармоничны и не уступаютъ гекзаметрамъ Гомера и Вергилія“ ¹).

Со стороны внутренняго содержанія поэмы, которая донынѣ служитъ воспитательной книгой, „Барсова кожа“ есть торжественный гимнъ „любви, добру и красотѣ“, а главнымъ образомъ женщинамъ, предъ которыми поэтъ благоговѣлъ, какъ предъ лучшимъ созданіемъ природы. Основными чертами характера двухъ первыхъ героевъ поэмы, Дареджаны и Таріеля, является выраженіе нбпоколебимой супружеской любви, основанной на свободномъ выборѣ и разумномъ пониманіи взаимныхъ личныхъ достоинствъ, а не исключительно на страсти или безсознательной привязанности. Героини Руставели, какъ въ византійскихъ романахъ Геліодора и Харитона, обладаютъ нравственнымъ величіемъ, а герои безупречною храбростью.

Дополненіе къ литературѣ о Ш. Руставели.

Ш. Руставели. „Телескопъ“, 1833, ч, 14, № 15. *П. Дубровскій* (стр. 41—70).

Преданіе о Ш. Руставели. „Кавказъ“, 1853, № 4.

Ш. Руставели (по варіантамъ груз. и франц.). Газ. „Нов. Об.“. 1886, № 908.

Mourier. Chota R. Tiflis, 1886, 16 pages.

Le peau de leapard d'aprês Chota R. *A. Borin*. II. 1885.

О поэзіи Руставели „Кавказъ“, 1884, 248.

Барсова к. „Кавказъ“, 1882, 34. „Обзоръ“, 1879, 534, 535.

Содержаніе лекціи Ак. Церетели о Ш. Руставели. „Шрома“, 1882, 19.

Mélanges as., VIII и Nouveau Journal Asiat. I, 401; II, 387.

¹) Лестные отзывы о поэмѣ дали еще Ренанъ, Сютнеръ Уордропъ.

Отрывокъ изъ поэмы «Барсова кожа».*)

...На брегѣ рѣки вдругъ узрѣли пришельца,
Вблизи, на полянѣ, стоялъ его конь вороной,
Унизаны жемчугомъ чудно блистали:
Вся сбруя, сѣдло и попона лихого коня...
Пришелецъ сидѣлъ, пригорюнясь и плакалъ,
Слезами его, какъ росой, увлажались цвѣты.
Одѣтъ былъ онъ просто и сверху одежды,
Какъ буркой мохнатою, барсовой кожей покрытъ,
Въ рукѣ онъ держалъ украшенную золотомъ плеть,
Стопами на мечъ боевой упирался...
И царь, обративъ на пришельца вниманье,
Рабу повелѣлъ для привѣта къ нему подойти,
И рабъ не замедлилъ предстать предъ пришельцемъ.
Поникши главою и горько рыдая, сидѣлъ
Невѣдомый странникъ въ глубокой печали,
И тяжкая дума, казалось, томила его...
А тучи на небѣ, какъ тѣни, скользили,
Алмазными каплями падалъ на странника дождь,
Роскошныя кудри его омывая.
Въ смущеніи тяжкомъ, рабъ долго стоялъ передъ нимъ,
И долго и мрачно глядѣлъ на пришельца,
Но съ духомъ собравшись, сказалъ наконецъ:
„Зоветъ тебя царь, о пришлецъ одинокій!"
Безчувственъ былъ странникъ къ привѣтнымъ возгласамъ ра[б]
Въ мечты о минувшемъ давно погруженный,
Кровавыя слезы ручьями онъ лилъ изъ очей
И мыслью носился далеко, далеко...
Рабъ снова ему повелѣнье царя повторилъ,
Взирая съ участьемъ на слезы пришельца;
Но юноша молча сидѣлъ, не внимая рабу,
И съ розовыхъ устъ не срывалась улыбка.
Съ тревожнымъ волненіемъ рабъ отошелъ отъ него
И тихо предсталъ предъ царя Ростевана.
„Какъ вижу я,"—молвилъ владыкѣ суровому рабъ,
„Не ищетъ отъ насъ ничего тотъ надменный пришлецъ,
„Глаза проглядѣлъ я, безмолвно смотря на него,

---

[1]) Этотъ переводъ принадлежитъ покойному И. Евлахову; приведенн[ый от]рывокъ въ видѣ образца помѣщенъ былъ въ газ. „Кавказъ" за 1846 г. № 29, 33.

„Горя нетерпѣньемъ промолвить съ нимъ слово,—
„Недвижимъ онъ былъ и съ презрѣньемъ глядѣлъ на меня—
„И рѣчи мои безотвѣтны остались.“
Дослушалъ раба съ удивленіемъ царь Ростеванъ
И тотчасъ двѣнадцать рабовъ предстоявшихъ
Послалъ, повелѣлъ имъ пришельца представить къ себѣ.
И къ юношѣ быстро рабы приближались.
Бряцанье доспѣховъ и говоръ неясной толпы,
Невольно его обратили вниманье;
Увидѣвъ нежданно рабовъ, онъ смутился на мигъ,
И бросивъ повсюду тревожные взгляды,
Глубоко вздохнулъ и съ волненіемъ сердца привсталъ;
Рукою отеръ слезъ горючихъ потоки,
Поправилъ доспѣхи,—вскочилъ на коня своего
И быстро промчался на бранную встрѣчу....
Рабы, ободрившись, къ нему устремились толпой
И начали дружно неравную битву,
Мечи застучали и клики бойцовъ раздались;
Безмолвно пришлецъ на конѣ рисовался;
Однихъ оглушалъ онъ ударомъ меча своего,
Другихъ же онъ плетью разилъ богатырской...
Межъ тѣмъ, съ нетерпѣніемъ царь ожидаетъ рабовъ
И полонъ желанья пришельца увидѣть;
Но нѣтъ ни рабовъ, ни вѣстей не слыхать никакихъ,
И крики бойцевъ давно уже смолкли.
Немедленно шлетъ Ростеванъ за рабами другихъ.
Пришли, и не битву, а диво узрѣли:
Нещадно пришлецъ добивая усталыхъ бойцовъ,
Съ презрѣньемъ ихъ трупы разметывалъ всюду...
Съ печальною вѣстью къ царю возвратились рабы,
И царь съ изумленіемъ слышалъ разсказы
О силѣ могучей пришельца съ невѣдомыхъ странъ;
Нахмурилъ чело, и, сверкнувши очами,
Онъ грозно воскликнулъ: „коня мнѣ, коня осѣдлать!“
И въ мигъ поскакалъ за пришельцемъ въ погоню,—
Но юноша гордо, красуясь на чудномъ конѣ,
Понесся, какъ вихрь, по чистому полю
И быстро, какъ птица, исчезнулъ изъ виду царя.....[1])

---

[1]) Стихотворный переводъ изъ „Б. К.“ Бартдинскаго („Иллюстрація“, № 6—7 за 1845) приложенъ къ хрестоматіи Чубинова. Спб. 1846.

Пріѣздъ Автандила къ Придону послѣ разлуки съ Таріелемъ.[1]

Юноша семьдесятъ дней ѣхалъ, проливая горькія слезы, наконецъ достигъ берега моря, гдѣ увидѣлъ плывущихъ вдали мореходцевъ, остановился и спросилъ: „кто вы такіе, чье это царство и чьему гласу повинуется оно?"

Мореходцы, отдавъ путешественнику приличный поклонъ, воскликнули: „о прекрасный лицомъ и станомъ, хотя ты кажешься намъ чужеземцемъ, но взоръ твой привлекателенъ и мы кланяемся тебѣ съ такимъ отвѣтомъ:" не далеко отсюда предѣлъ владѣній турокъ, смежныхъ съ царствомъ Придона, нашего государя, изъ уваженія къ твоему величію разскажемъ о немъ:

Повелитель нашего края есть Нурраддинъ—Придонъ,—юный храбрый, могущественный, смѣлый наѣздникъ и никѣмъ непобѣдимый; онъ защитникъ нашъ, и прекрасенъ какъ солнце!

— Лучшихъ людей, какъ вы, братья, и не сыскать мнѣ,—отвѣчалъ имъ юноша. Я ищу вашего царя, укажите, куда мнѣ держать путь, по какой дорогѣ; велико ли разстояніе, которое мнѣ еще надо будетъ проѣхать и много ли потребно для этого времени? Мореходцы, исполняя просьбу юноши, сказали ему: дорога эта идетъ въ Мулгазанзаръ, куда пріѣдешь въ десять дней; тамъ найдешь царя нашего съ натянутымъ лукомъ и острымъ мечемъ: но горе намъ, страждущимъ и отъ взора твоего смущеннымъ!

Удивляюсь, братья мои, отвѣчалъ имъ юноша, что могло такъ смутить васъ? Какъ могутъ нравиться вамъ блѣдныя зимнія розы? Не тѣ ужъ времена, когда мы беззаботно предавались рѣзвому веселью и когда всякъ видѣвшій насъ любовался и восхищался нами!

Послѣ сего юноша,—этотъ кипарисъ и нарцисъ—воспѣвая свою радость и оросивъ дождемъ слезъ чистыя (хрустальныя) ланиты, поворотилъ на указанную ему дорогу.

Небо благопріятствовало его пути: встрѣчавшіеся люди собирались вокругъ него, чтобы насладиться его лицезрѣніемъ, изъявляя готовность служить и повиноваться ему, многіе слѣдовали проводниками за нимъ, и не иначе какъ съ душевною скорбью разставались съ нимъ.

Быстрою ѣздою сократилъ онъ дальнюю дорогу и скоро достигъ Мулгазанзара. Здѣсь онъ увидѣлъ стройную рать, окружавшую равнину. Слышна была пальба, шумъ и крикъ: воины охотились и били звѣрей, какъ будто сѣно косили!

И спросилъ Автандилъ перваго встрѣчнаго: что это за войско и что за причина тревоги? Ему отвѣчали, что охотится Придонъ, царь мулгазанзарскій, окруживъ поляну, заросшую кустарникомъ. Свѣдавъ это, юноша съ свойственного ему величавостью и привѣтливостью подъѣхалъ къ войскамъ.

Вотъ, надъ самою серединою войска, большимъ кругомъ расположеннаго,

[1]) Переводъ въ прозѣ одного эпизода изъ поэмы Руставели, принадлежащій перу А. Абашидзе, помѣщенъ въ газ. „Кавказъ" за 1849 № 22.

откуда ни взялся и быстро пролеталъ орелъ, юноша важно, неробко подскакалъ ближе, прицѣлился изъ лука и орелъ упалъ облитый кровью; юноша соскочилъ на землю, отрѣзалъ у него оба крыла и, не торопясь, снова сѣлъ на коня.

Войска были поражены проворствомъ и величіемъ незнакомаго юноши; съ удивленіемъ окружили его, то приближаясь къ нему, то отдаляясь, но никто не дерзнулъ спросить его, кто онъ и откуда.

На горѣ, невдалекѣ отъ главнаго войска стоялъ Придонъ съ 40 человѣкъ ловчихъ. Автандилъ направилъ туда свой путь, а за нимъ двинулось и все войско. Придонъ гнѣвался и дивился разстройству охоты и приказалъ узнать о случившемся. Посланецъ его, пораженный чудною осанкою и красотою молодого незнакомца, остановился, оцѣпенѣлъ и забылъ передать воинамъ царскія слова.

Автандилъ, догадавшись, кто прислалъ о немъ освѣдомиться, сказалъ: доложи своему царю, что я одинокій странникъ, оставившій отечество, названный братъ Таріеля, присланъ къ нему.

Слуга, воротившись къ Придону, доложилъ ему о порученномъ, сказалъ: я видѣлъ солнце, освѣщающее вселенную; думаю и мудрецы удивятся, если гдѣ-нибудь увидятъ его; онъ братъ Таріеля и желаетъ видѣть тебя, царь!

Услышавъ о Таріелѣ, Придонъ нѣсколько успокоился, но сердце его взволновалось, и глаза наполнились слезами.

Придонъ тотчасъ же спустился съ горы. Увидѣвъ прекраснаго юношу, достойнаго высшихъ похвалъ, нежели какія рабъ насказалъ ему, слѣзъ съ коня и бросился въ объятія гостя; они обнялись и пролили слезы радости, объяснились и привѣтствовали одинъ другаго!

Незнакомство не помѣшало имъ обнять другъ друга; Придону невыразимо нравился юноша, а юношѣ Придонъ; еслибы и мудрецы увидали ихъ, то нашли бы ихъ краше яснаго солнца.

Кто изъ встрѣчавшихся могъ сравниться съ ними въ красотѣ? Они одни достойны похвалъ, днемъ солнце, а ночью блескъ огней померкали, когда они были вмѣстѣ.

Оставивъ охоту, новые друзья отправились въ царскій дворецъ. Со всѣхъ сторонъ толпами приходили видѣть Автандила и удивленные его красотою спрашивали другъ у друга: „можетъ ли что на землѣ сравниться съ нимъ?" Вижу, говорилъ юноша Придону, что ты желаешь знать, кто я, откуда ѣду, или почему знаю Таріеля, или зачѣмъ называюсь его братомъ, тогда какъ я даже недостоинъ быть и рабомъ его.

„Я подданный Аравійскаго царя Ростевана и главный военачальникъ его, зовутъ меня Автандиломъ, происхожу изъ знатнѣйшей фамиліи, воспитанъ и обереганъ былъ вельможами—какъ царскій сынъ.

„Въ одинъ день мы съ царемъ выѣхали на охоту: увидѣвъ Таріеля, слезами котораго орошалось поле, дивился такому страннику,—приглашали его къ себѣ, онъ не пришелъ, а намъ это было обидно; тогда мы еще не знали его горестей.

„Царь разгнѣвался, послалъ воиновъ взять его силою, но онъ безъ труда перебилъ всѣхъ: у однихъ переломалъ руки и ноги, а другіе пали отъ ударовъ его, испустивъ послѣдній вздохъ.

„Тогда лишь поняли мы, что нельзя планету совратить съ пути ея.

„Когда царь увидѣлъ, что посланные не могутъ съ нимъ сладить, пошелъ самъ на него со всею дружиною своею, чтобы взять смѣлаго незнакомца; но тотъ, узнавъ царя, вложилъ мечъ свой въ ножны и, подобравъ поводья, мгновенно исчезъ изъ виду.

„Тщетно искали его, не было и слѣдовъ; царь предался унынію: всѣ веселья и пиршества прекратились; я не могъ переносить этого и хотѣлъ во что бы ни стало отыскать странника, для того и отправился въ дальній путь, подвергая себя разнымъ опасностямъ.

„Три года я неусыпно искалъ Таріеля; наконецъ, китайцы, пораженные имъ и обращенные въ бѣгство, мнѣ указали его; такъ нашелъ я нѣжную, блѣдную и поблекшую розу, которая приняла меня и полюбила, какъ брата и сына!

„У дивовъ отнялъ онъ пещеру, въ которой и живетъ съ одною нянькою Асмати, горя давнишнимъ огнемъ любви къ обожаемой имъ красавицѣ, безъ вѣсти пропавшей.

„Асмати, сидя въ пещерѣ, проливаетъ горькія слезы, юноша же, избѣгая свиданія съ подобными себѣ, ходитъ лишь на охоту, травитъ звѣрей какъ левъ, и тѣмъ они утоляютъ голодъ.

„Много я удивлялся, слышавъ отъ него разсказъ о его жизни: о, сколько онъ перенесъ страданій, потерявъ возлюбленную!—этого нельзя ни словами разсказать, ни перомъ описать.

„Какъ луна, не останавливаясь, онъ странствуетъ, не сходя никогда съ коня, тобою подареннаго, и подобно дикому звѣрю всегда избѣгаетъ свиданья съ людьми.

„О горе мнѣ! Весь объятый пламенемъ его любви, тронутый до глубины души его страдальческимъ положеніемъ, я рѣшился искать на сушѣ и моряхъ вѣрныхъ средствъ, чѣмъ бы можно было ему помочь.

„Но увы, напрасно! Между тѣмъ, возвратившись на родину, я извѣстилъ царя о своемъ прибытіи и былъ холодно имъ принятъ.

„Я просилъ позволенія снова отправиться въ путь, но царь разгнѣвался; не смотря на это, оставивъ свое имущество и подданныхъ, оплакивающихъ мое отсутствіе, я снова пустился (отправился) въ дорогу искать Таріелю жизни,—(чтобы спасти Таріеля).

„Нынѣ встрѣтивъ тебя безподобнаго, вездѣ славимаго, Таріелемъ за роднаго брата почитаемаго, прошу наставить, какимъ путемъ могу отыскать предметъ любви пославшаго меня, предметъ радости зрячихъ, предметъ печали невидящихъ!

Разсказъ юноши о добрыхъ качествахъ Таріеля тронулъ Придона до глубины сердца; онъ обливался горючими слезами, съ которыми также соединились слезы Автандила, видя это, возрыдали и всѣ окружавшіе плачущихъ юношей.

Послѣ нѣкотораго раздумья Придонъ, придя въ какой—то восторгъ, воскликнулъ: „кто можетъ достойно восхвалить тебя, Таріель! тебя—солнце вселенной! тебя—могущаго затмить твердь небесную! тебя,—который даруетъ своимъ рабамъ душу, жизнь и радость! тебя,—свѣтъ небесныхъ свѣтилъ!

Увы! съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ тобою, жизнь стала мнѣ въ тягость, радость въ скуку, и свѣтъ для меня печаленъ и мраченъ.

Ты, быть можетъ, и не думаешъ обо мнѣ;—но я мысленно всегда съ тобою".

Осушивъ слезы,—они отправились далѣе не радостные; Автандилъ, печально потупивъ черныя очи, пріятнымъ своимъ видомъ привлекалъ на себя вниманіе всѣхъ.

При въѣздѣ въ городъ встрѣчены они были съ подобающими почестями; одѣтые въ богатыя платья рабы привѣтствовали ихъ и съ особеннымъ почтеньемъ взирали на Автандила.

Въ домѣ Придона, украшенномъ драгоцѣнными каменьями, было не малое собраніе народа, друзья сѣли вмѣстѣ, а по сторонамъ ихъ расположились десять знатныхъ особъ.

Обѣдъ начался, подавали въ дорогихъ сосудахъ вкусныя яства и напитки.

Наконецъ пиршество кончилось. На другой день, омывъ Автандила въ великолѣпной банѣ, нарядили его въ платье, стоившее нѣсколько тысячъ и опоясали безцѣнно—богатымъ кушакомъ.

Юноша противъ воли остался на нѣсколько дней у Придона; выѣзжалъ нѣсколько дней на охоту вмѣстѣ съ нимъ; наравнѣ съ нимъ травилъ звѣрей и всѣхъ удивлялъ ловкостью и мѣткостью стрѣлянья изъ лука.

Когда проѣзжалъ онъ черезъ городъ, то всѣ объ немъ говорили; дѣвушки и юноши толпами сбирались вокругъ незнакомца и всѣ поражались его рѣдкою красотою.

„Выслушай меня,—сказалъ юноша Придону, будь увѣренъ въ томъ, что разлука съ тобою будетъ для сердца моего не безъ горестныхъ послѣдствій; но знай и то, что мнѣ, объятому инымъ огнемъ, слѣдуетъ свершить дальный путь и исполнить великое дѣло, нетерпящее отлагательства.

„Горько мнѣ разлучаться съ тобою, и правъ, кто плачетъ о разлукѣ съ тобою, однако ничто не можетъ препятствовать сегодняшнему моему выѣзду: странствующій не долженъ отлагать дѣла на дальнѣйшее время. Иди, укажи мнѣ тотъ берегъ моря, на которомъ видѣлъ ты предметъ желанный!

Не могу удерживать тебя, отвѣчалъ Придонъ,—отправляйся; да сопутствуетъ тебѣ Богъ, и да падутъ враги твои! Но скажи, какъ одолѣть мнѣ печаль по разлукѣ съ тобою?

Но долженъ сказать еще, что тебѣ одному трудно пускаться въ дорогу; возьми оружье, необходимые припасы и нѣсколько человѣкъ, которые, служа и повинуясь тебѣ, будутъ содѣйствовать тебѣ въ достиженіи твоей цѣли.

Придонъ далъ юношѣ четырехъ полно вооруженныхъ всадниковъ, коимъ можно было довѣрить всѣ сердечныя тайны, шестьдесятъ литръ золота и одного безподобнаго коня съ богатѣйшею сбруею.

Далъ еще ему сильнаго, ногами крѣпкаго катера, на коемъ была навьючена богатая постель; снарядилъ юношу и самъ поѣхалъ съ нимъ; проводивъ его и распростившись, возвратился домой въ глубокой задумчивости.

При выѣздѣ изъ города юноши, слышны были клики голосовъ, подобные грому; богатѣйшіе торговцы того города, стекаясь со всѣхъ сторонъ, созывали другъ друга оплакивать отсутствіе своего дорогого гостя.

Спустя нѣсколько времени, прибыли они къ берегу моря, откуда горько плачущій Придонъ нѣкогда видѣлъ заточеніе дивовъ . . . .

. . . .

Отсюда видѣлъ я, продолжалъ Придонъ, какъ два раба, черные лицомъ, подобны арабамъ, держали предметъ нашихъ поисковъ; они причалили лодку къ берегу, куда, сильно пришпоривъ коня, я поспѣшилъ—было къ нимъ; но они, замѣтивъ это, быстро помчались и мгновенно скрылись изъ виду.

Друзья, обнявъ одинъ другаго и проливая горькія слизы, еще болѣе умножили свою горесть. Назвавъ другъ друга братомъ, они разстались. Юноша поѣхалъ своимъ путемъ, поражая всѣхъ величественнымъ своимъ видомъ.

Характеристика героевъ поэмы Ш. Руставели.

Въ журналѣ „Моамбѣ“ за 1895 и 1896 гг. появилась работа А. С-ли о „Барсовой кожѣ“, посвященная критическому анализу этого произведенія, на основаніи изученія его контекста, внутренней связи между отдѣльными его строфами. Г. А. С-ли обнаруживаетъ солидное знакомство со всѣми деталями созданія Руставели и проявляетъ рѣдкое критическое чутье, опирающееся на „внутреннюю достовѣрность“, при установленіи весьма спорнаго вопроса, что отнести на счетъ позднѣйшихъ вставокъ и интерполяцій въ знаменитой поэмѣ эпохи царицы Тамары. Не входя въ ближайшее разсмотрѣніе доводовъ г-на С-ли, [1]) мы съ нимъ готовы согласиться въ томъ пунктѣ, который

---

[1]) Рядъ статей, принадлежащихъ перу человѣка, скрывшагося—надо полагать изъ скромности—подъ подписью А. С—ли, ясно и неопровержимо доказываетъ, что не 18 только, какъ сдѣлала коммиссія 1880 г., а трижды 18 строфъ подлежатъ исключенію изъ текста „Вепхвисъ - Такосани“, такъ какъ онѣ, по всѣмъ внутреннимъ признакамъ, не принадлежатъ перу Руставели, должны быть признаны подложными, вставленными впослѣдствіи, во время безчисленныхъ переписокъ текста. Методъ А. С—ли простъ и заключается въ томъ, что авторъ, изучивъ самую поэму, уразумѣвъ смыслъ и сущность ея, понявъ красоту руставелевскаго языка, становится, въ центрѣ художественнаго произведенія и, перечитывая затѣмъ поэму, критикуетъ текстъ съ большою осторожностью и предусмотрительностью, т. е. выясняетъ—руставелевскія ли: па-

рый касается 16-ой строфы „Барсовой кожи“, сообщающей, что поэтъ „нашелъ персидскій разсказъ и переложилъ его стихами, словно

ложеніе, картина, образъ, сравненіе; не нарушаетъ ли что въ прочитанномъ общей гармоніи, не противорѣчитъ ли что основной идеѣ поэмы, выдержанъ ли тотъ или другой характеръ, изображаемый поэтомъ. Замѣтивши сомнительное мѣсто, онъ начинаетъ анализировать его, выяснить и приводить въ соотвѣтствіе съ предыдущими и послѣдующими. Выдержала, положимъ, строфа такой искусъ, она остается, а нѣтъ, такъ она признается поддѣльною, подлежащею исключенію. „Вепхвисъ-Ткаосани“,—говоритъ онъ,—совершенно цѣльное, законченное, обработанное произведеніе, созданное однимъ авторомъ. Поэму одухотворяетъ одна основная идея; ея части подчиняются этой идеѣ и гармонически слиты, органически соединены между собою. Вставлять что-нибудь въ такое произведеніе совершенно излишне, такъ какъ эта вставка обязательно нарушитъ гармонію, точно также какъ нарушило бы гармонію, если бы къ зданію старо-греческаго стиля придѣлать готическую башню. Кромѣ такого внѣшняго отличія, вставка и въ поэтическомъ отношеніи далеко уступаетъ оригиналу, потому что фальсификаторъ вообще всегда менѣе даровитъ, чѣмъ поэтъ, которому тотъ подражаетъ и подъ тонъ котораго онъ подлаживается. Каждая строфа Руставели, слабая ли она, или сильная, имѣетъ тѣсную связь съ остальными строфами и невозможно выключить хоть одну изъ нихъ, не нарушивъ цѣльности текста. Выключая же подложную строфу, достигаемъ того, что текстъ выигрываетъ въ ясности и цѣльности. Распространяясь въ народѣ путемъ переписки, текстъ вслѣдствіе этого искажался значительно. Но кромѣ невольныхъ ошибокъ, допускаемыхъ обыкновенно переписчиками, поэма искажалась еще болѣе и тѣмъ или другимъ стихослагателемъ или книжникомъ. При чтеніи или перепискѣ поэмы, иному книжнику, пораженному поэтическими картинами произведенія, но лишенному вкуса, то или другое выраженіе, та или иная картина могли показаться не достаточно сильными. И вотъ онъ бралъ въ руки перо и вставлялъ свое, въ надеждѣ, что тѣмъ самымъ онъ усиливаетъ впечатлѣніе. Такимъ образомъ, вмѣсто тонкаго штриха, онъ проводилъ толстую линію, вмѣсто блѣдной, едва уловимой окраски, онъ накладывалъ густую, и получалась аляповатая, рѣзко рѣжущая глазъ мазня. Искаженіе легко открыть и по стилю. Стиль Руставели отличается крѣпостью и прозрачностью горнаго хрусталя. Руставели, подобно Вольтеру, говорившему, что то, что не ясно, то не по-французски, — говоритъ, что сжатость и ясность суть первое дѣло въ стихѣ. Если въ какой-нибудь строфѣ мысль растянута, преувеличена, смѣло можете сказать, что строфа не принадлежитъ Руставели. Стиль поддѣлки насилованный, искуственно-вычурный. Рифмачъ-фальсификаторъ избѣгаетъ всегда простоты и умѣренности въ стихѣ. Не имѣя богатаго запаса мыслей, онъ старается убожество содержанія прикрыть многословіемъ, велерѣчіемъ, выспренностью, и уродливое его созданіе само выдаетъ себя головою при внимательномъ и вдумчивомъ чтеніи поэмы. Такъ А. С—ли производитъ процессъ очищенія текста. Ср. статью *Гр. Кипшидзе*. „Нов. Об.“, 4219.

крупную жемчужину". Критикъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что 16-я строфа противорѣчитъ 7-ой строфѣ и неумѣстно врывается между 15 и 17 строф., разрушая ихъ тѣсную связь единой мысли о мучительномъ состояніи влюбленнаго на старости лѣтъ. [1]) Устранивъ, такимъ образомъ, мнѣніе о переводѣ „Барсовой кожи" съ персидскаго языка, на которомъ, при всѣхъ тщательныхъ поискахъ, не найденъ ея оригиналъ, мое предположеніе о пользованіи народнымъ устнымъ сказаніемъ для созданія поэмы о Таріелѣ получаемъ еще большую вѣроятность, если при этомъ не забывать, что самъ поэтъ заявляетъ въ 7-ой строфѣ о существовавшей до него повѣсти, „смыслъ который одѣлъ онъ въ порфиру, слово въ перлы нанизалъ". Какъ бы то ни было, поэма Руставели, сумѣвшая привести въ восторгъ свою страну, должна была быть проникнута *духомъ* своей націи, и гдѣ бы ни происходило ея дѣйствіе, „Барсова кожа" остается безусловно грузинскимъ произведеніемъ. Однако, слышатся упорные голоса, что твореніе III. Руставели является не національнымъ созданіемъ, а подражаніемъ или слѣпымъ осколкомъ съ поэмъ персидскихъ поэтовъ.

Культурно-политическое вліяніе Персіи проходитъ чрезъ всю исторію Грузіи, не смотря на рѣзко обострившійся ихъ религіозный антагонизмъ со времени водворенія христіанства въ древней Иверіи. Персидская былинная поэзія—о Ростомѣ и Зурабѣ—сдѣлалась достояніемъ грузинскихъ устныхъ сказаній, герои Ирана, увѣковѣченные Фирдоуси въ „Шахъ-Намэ", воспѣваются грузинами, какъ національные богатыри. Но нельзя сказать, при всѣмъ глубокомъ воздѣйствіи парсизма, что „*всѣ* грузинскія пѣсни, легенды и сказки относятся къ персидско-арабскому циклу". Мы указали въ другомъ мѣстѣ историческія пѣсни, относящіяся къ Вахтангу Горгаслану [3]), царю V вѣка, основателю гор. Тифлиса, и тѣмъ ослабили гипотезу г. Н. Д., что „нѣтъ ни одной пѣсни, гдѣ воспѣвались подвиги старыхъ грузинскихъ царей до Тамары". Что же касается до легендъ и сказокъ, то онѣ носятъ тотъ же дуалистическій характеръ борьбы добраго и злого начала, какой отмѣченъ въ произведеніяхъ другихъ народовъ, или же создавались онѣ подъ вліяніемъ священнаго писанія, исключающаго спеціальный „персидско-арабскій циклъ". Исключительное господство персидской культуры не замѣчается не только въ области искусства

---

[1]) *Моамбе*, груз. ежемѣсяч. журналъ за 1895. кн. XI отд. II, стран. 16.

[2]) *Н. Д.* Письма о Грузіи. („Сѣвер. Вѣстн." 1889, IX. стр. 43).

[3]) *Мое* соч. Очерки по исторіи грузин. словесности, вып. I, стр. 62 (М. 1895).

или въ народной поэзіи, какъ желаетъ установить г. Н. Д., но даже въ письменной литературѣ нельзя уловить того поражающаго факта, по которому „*всѣ* грузинскіе поэмы и романы являются передѣлками или распространеніемъ сюжетовъ, взятыхъ изъ Шахъ-Намэ или произведеній средневѣковыхъ поэтовъ персидско-арабскаго періода: Низами, Гургани и др.; таковы Висраміани, Ростоміани, Русуданіани, Амиранъ-Дареджаніани и, наконецъ, Вепхвисъ-Ткаосани („Барсова кожа“)“. [1]) Никто изъ знающихъ литературу грузинъ не утверждалъ, что Ростоміани, Висраміани и Караманіани—оригинальныя произведенія, ибо рукописи ихъ сохранили точное указаніе, что они переведены съ персидскаго. Русуданіани и Дареджаніани—громадные рукописные фоліанты—остаются неизданными и критику ихъ извѣстны лишь, отрывки помѣщенные въ хрестоматіи Чубинова. [2]) Для произнесенія сужденія объ оригинальномъ или переводномъ ихъ происхожденіи недостаточно знать ихъ заглавіе или два—три отрывка, а Н. Д. поспѣшилъ обобщить свое мнѣніе на основаніи двухъ или трехъ фрагментарныхъ произведеній. Критикъ даже умышленно обходитъ молчаніемъ тѣ памятники письменности, которые не восходятъ къ вліянію Персіи: оды Чахрухи и Шавтели, романъ Диларіани, поэмы Алгузіани, Саулъ-Давитіани и др.

Одно изъ вѣскихъ соображеній противъ происхожденія „Барсовой кожи“ это—полное отсутствіе грузинскихъ географическихъ названій и историческихъ именъ въ названной поэмѣ“. Но какъ примирить съ этимъ утвержденіемъ слова поэта, посвященныя царицѣ Тамарѣ, упоминаніе крѣпости Каджети, хорошо извѣстной въ грузинской географіи, не говоря ужъ о томъ, что Аравія, Китай и Индія въ поэмѣ носятъ всѣ признаки закавказской природы? Наконецъ, отстаивающіе грузинскіе происхожденіе „Барсовой кожи“ не довольствуются, какъ думаетъ г. Н. Д., двумя доводами въ пользу своего мнѣнія: 1, „индійскій царь, фигурирующій въ ней подобно, грузинскимъ царямъ того времени, является властителемъ семи царствъ и 2, обѣ героини Руставели, подобно Тамарѣ, являются единственными дочерьми своихъ царственныхъ отцовъ, а одна изъ нихъ даже возводится на царство своимъ отцомъ, какъ это было съ Тамарой“. Эти два довода защитниковъ грузинской поэмы получаютъ свое значеніе въ связи съ другими пунктами совпаденія сюжета „Барсовой кожи“ и исторической эпохи. [3]) Такимъ образомъ, изъ совокупности условій, положенныхъ

[1]) Названная статья Н. Д., стр. 46.

[2]) Грузинская хрестоматія, составленная Д. Чубиновымъ. Спб. 1846.

[3]) См. *нашу* статью въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1895, декабрь.

въ основаніе національнаго происхожденія поэмы Руставели, г. Н. Д. выхвачены тѣ изъ нихъ, которыя допускаютъ возраженія общаго характера. „Семь царствъ“, говоритъ онъ, было излюбленнымъ числомъ у персидскихъ поэтовъ, и нельзя признать Тамару героиней поэмы только въ виду того, что обѣ героини Руставели являются, подобно ей, единственными дочерьми своихъ отцевъ. Эти черты сходства слишкомъ внѣшни и малозначительны“ (стр. 51) Намъ кажется, что и возраженія критика „слишкомъ внѣшни“ даже противъ тѣхъ пунктовъ, которые онъ намѣтилъ для своей аттаки. Грузины наравнѣ съ персами питали симпатію къ цифрѣ 7, и въ самыхъ первыхъ переводахъ отреченныхъ памятниковъ мы находимъ „семь небесъ“, а въ народныхъ духовныхъ стихахъ „семь рѣкъ“. Такъ какъ автору писемъ о Грузіи не удалось разрушить ни совокупности чертъ сходствъ поэмы съ жизнью Тамары, ни въ отдѣльности ослабить значеніе каждой изъ нихъ, мы продолжаемъ оставаться при убѣжденіи, [1]) что Руставели, воспользовавшись народнымъ сказаніемъ о Таріелѣ, умышленно перенесъ мѣсто дѣйствія въ Аравію и Индію, чтобы отрѣзать всякій путь нескромнымъ догадкамъ, какъ Державинъ въ своей „Фелицѣ“ намѣренно нарисовалъ Екатерину II „богоподобной царевной киргизъ-кайсацкой орды“.

Н. Д. считаетъ воззваніе Руставели къ царицѣ Тамарѣ достаточнымъ доказательствомъ, что онъ жилъ при этой царицѣ и снисходительно допускаетъ, что въ поэмѣ отражаются нѣкоторыя „*бытовыя* черты грузинскаго средневѣковья“. Но онъ настойчиво отрицаетъ историческую основу „Барсовой кожи“, и отсутствіе этой основы онъ ярче всего усматриваетъ во вступительной главѣ (гдѣ, впрочемъ, имѣется и воззваніе къ царицѣ Тамарѣ), заключающей ars poetica Руставели, теоритическую формилировку взгляда поэта на любовь и поэзію. Для обозначенія той „священной любви высшаго порядка“, ради которой слѣдуетъ отречься даже отъ міра, [2]) онъ употребляетъ терминъ „миджнуроба“, этимологію котораго самъ Руставели производитъ отъ арабскаго слова „миджнуръ“, что значитъ „бѣшеный“. Поло-

---

[1]) *М. Джанашвили* въ книжкѣ о Ш. Руставели (Тифлисъ, 1896) поддерживаетъ доводы Д. Чубинова объ исторической основы поэмѣ Руставели.

[2]) „Любовь (миджнуроба)—вещь трудная для пониманія; она не то, что прелюбодѣяніе, между ними цѣлая пропасть; прошу не смѣшивать ихъ между собою. Человѣкъ любящій долженъ быть непороченъ, всегда вѣренъ предмету своей любви; въ разлукѣ съ любимымъ существомъ долженъ умножать вздохи, терять сознаніе, пламенѣть и изъ страха предъ возлюбленной переносить даже гнѣвъ царей“, строфа 8—15.

жимъ, что этотъ терминъ новый, но отсюда еще нельзя дѣлать заключенія, что Руставели перевелъ свою поэму съ персидскаго, точно также, какъ нельзя считать переводомъ съ Ричардсона и Байрона тѣ произведенія, гдѣ встрѣчаемъ Ловеласа и донъ-жуанскую любовь. Если имѣетъ основаніе мнѣніе, что „Лейла и Меджнунъ", романъ Низами (ум. въ 1180 г.), рано распространился въ Грузіи, то въ терминѣ „меджнуръ" для обозначенія безумно-влюбленнаго мы находимъ обращеніе собственнаго имени въ нарицательное, характеризующее новое понятіе любви съ специальными ея признаками, подобно донъ-жуанской страсти. Помимо усвоенія Руставели термина „миджнуръ" мы не усматриваемъ той близости содержанія между „Барсовой кожей" и „Лейлой—Меджнунамъ", чтобы считать сюжетъ первой заимствованнымъ изъ персидской повѣсти. Сюжетъ названной поэмы Низами освѣтитъ этотъ вопросъ.

Произведеніе Низами повѣствуетъ исторію одной влюбленной пары. Единственная дочь арабскаго властителя Лейла влюбляется еще въ дѣтствѣ въ кровнаго своего родственника, Каиса, который отвѣчаетъ ей горячей взаимностью. Но родители Лейлы выдаютъ дѣвушку за другого, а Каисъ, сгорая отъ любви, удаляется въ пустыню и, живя тамъ среди звѣрей, до того дичаетъ, что получаетъ отъ людей имя „меджнуна", т.-е. бѣшенаго. Одинъ изъ друзей Меджнуна, Сеидъ, пытается похитить для него возлюбленную, но это ему не удается; когда же, по прошествіи многихъ лѣтъ, мужъ Лейлы умираетъ, она спѣшитъ въ пустыню къ своему возлюбленному, но эта встрѣча такъ потрясаетъ ихъ обоихъ, что, отдавшись первому порыву давно сдержанной любви, Лейла умираетъ, а Каисъ истекаетъ слезами на ея могилѣ.

Мы изложили содержаніе „Лейлы и Меджнуны" словами самого г. Н. Д. Вспомнивъ сюжетъ поэмы Руставели, мы легко увидимъ, что не только детали, но даже канва „Барсовой кожи" и повѣсти Низами не отличается такою близостью [1]), какая усматривается авторомъ „писемъ о Грузіи". Единственное сходство между этими двумя произведеніями можно уловить въ точкѣ отправленія,—взаимной любви Лейли и Меджнуны съ одной стороны, Дареджаны и Таріеля съ другой стороны. Но этотъ пунктъ составляетъ обычную любовную

[1]) См. *Г. Е. Церетели* „Низами и Руставели", подробное изложеніе „Лейлы и Меджнунъ" по грузинскому переводу въ газ. *Новомъ Обозрѣніи* №№ 2084, 2086 и 2091 и ср. Laile and Majnun, a poem from the original persian of Nizemi by Jamas Atkinson. London 1836.

интригу, встрѣчающую то легко устраняемыя, то жестоко неодолимыя препятствія. Дальнѣйшій ходъ событій въ жизни дѣйствующихъ лицъ у Руставели и Низами ставитъ ихъ въ независимыя другъ отъ друга условія. Лейлу выдаютъ замужъ, а Дареджану удаляютъ изъ предѣловъ государства; Сеидъ, другъ Меджнуна, тщетно старается похитить Лейлу для влюбленнаго, а Автандилъ въ союзѣ съ Придономъ и Таріелемъ достигаетъ цѣли—освобожденія Дареджаны изъ плѣна у каджовъ. Наконецъ, Меджнунъ сходитъ съ ума и Лейла умираетъ, а Таріель вступаетъ въ счастливый бракъ съ Дереджаной.

Не останавливаясь на деталяхъ, изъ этого бѣглаго сопоставленія схемы повѣсти Низами и поэмы Руставели явствуетъ, что Низами не можетъ считаться тѣмъ образцомъ, который легъ въ основаніе „Барсовой кожи". Руставели могъ знать исторію несчастныхъ героевъ Низами, хотя странно, что онъ не упоминаетъ ихъ наряду съ Висой и Раминомъ или Рустемомъ изъ Шахъ-Намэ. Такимъ образомъ, попытка г. Н. Д. намѣтить персидскій оригиналъ „Барсовой кожи" остается тщетной, за неимѣніемъ убѣдительныхъ доказательствъ [1]). Характеристика героевъ и героинь поэмы Руставели еще ярче выставитъ безпочвенность теоріи г. Н. Д.

Двое изъ современныхъ грузинскихъ поэтовъ въ оцѣнкѣ типовъ „Барсовой кожи" высказали два совершенно противоположныхъ взгляда. Кн. Акакій Церетели[2]) въ публичныхъ лекціяхъ о Руставели проводитъ ту мысль, что поэма XII вѣка, построенная на исторической основѣ, служитъ въ лицахъ выраженіемъ этнографическихъ особенностей различныхъ народностей грузинскаго племени: Таріель—типъ безхитростнаго, но мощнаго карталинца, Автандилъ—образъ ловкаго и коварнаго имеретина, царь Придонъ—портретъ приморскаго грузина—лаза. Подобное упрощенное объясненіе характера героевъ Руставели вызвало возраженіе со стороны другого современнаго поэта кн. Ильи Чавчавадзе. Онъ счелъ нужнымъ вступиться за честь пѣвца Тамары, низведеннаго къ роли „памфлетиста" или наблюдательнаго этнографа, и попытался доказать, что герои Руставели принадлежатъ къ такимъ общимъ типамъ, которые стоятъ выше національныхъ портретовъ и характеризуютъ *человѣка* вообще. Кн. Илья Ча-

---

[1]) Послѣдняя строфа въ „Барсовой кожѣ", ср. строфы 186 и 198. Отвѣтъ г-ну Н. Д. см. въ *Иверіи* статьи подъ заглавіемъ „Вотъ исторія!"

[2]) *Церетели*. Нѣсколько словъ въ отвѣтъ Ильѣ Чавчавадзѣ по поводу „Барсовой кожи" (Тифлисъ 1887). Статьи кн. Ильи Чавчавадзе въ *Иверіи* 1887 №№ 76. 77 и др.

чавадзе улавливаетъ другой контрастъ въ типѣ Таріеля и Автандила, усматривая въ первомъ—человѣка съ пламенными страстями, покоряющими умъ, а во второмъ—человѣка разсудка, во время подчиняющаго себѣ пылкое сердце. Но оба согласны въ томъ, что Руставели обладаетъ тонкимъ психологическимъ чутьемъ при обрисовкѣ героевъ своей поэмы. Но можно примирить мнѣнія обоихъ поэтовъ: создавая *типъ человѣка* вообще, Руставели долженъ былъ исходить изъ наблюденія надъ конкретными примѣрами, или цѣлыми племенными группами, во избѣжаніи отвлеченной, безжизненной, однообразной обрисовки героевъ. Дѣйствительно, каждый герой его надѣленъ индивидуальными, отличительными отъ прочихъ, свойствами, которыя позволяютъ думать, что Руставели, при блестящемъ поэтическомъ талантѣ, обладалъ большими этнографическими познаніями. Да и вообще, нѣтъ человѣка—космополита безъ національныхъ чертъ.

Таріель [1]), индійскій царевичъ, неизмѣнный поклонникъ разъ избранной дамы сердцы—рисуется поэтомъ всегда прямымъ и честнымъ героемъ. Не умѣя дѣлить или таить свои чувства, онъ неутомимо разыскиваетъ Дареджану, подвергая себя неизбѣжнымъ бѣдствіямъ и опаснымъ приключеніямъ. Одаренный красивой наружностью и громадной физической силой, способной сопротивляться льву, барсу и цѣлому отряду ополчившихся на него непріятелей, онъ страдаетъ необыкновенно развитой чувствительностью и пламенною страстностью, разслабляющей его волю и энергію. Достаточно промелькнуть предъ нимъ дивному образу Дареджаны, чтобы пасть ему въ обморокъ и потерять на три дня полное сознаніе. Въ гнѣвѣ и горести онъ не знаетъ ни мѣры, ни утѣшенія: съ легкимъ сердцемъ безсознательно избиваетъ гонцовъ царя Ростевана и охваченный снова пробудившейся безпросвѣтной тоской льетъ ручьемъ „кровавыя слезы". Съ безпримѣрнымъ мужествомъ и съ нескрываемой откровенностью онъ соединяетъ робость и нерѣшительность, не позволявшія ему просить прямо руки царевны у Парсадана, считая себя оскорбленнымъ въ игнорированіи въ немъ достойнаго для царской дочери жениха. Осыпанный же упреками Дареджаны за измѣну въ любви, Таріель не останавливается предъ ея совѣтомъ убить *тайкомъ* своего соперника, хварзмійскаго принца. Это весьма характерная черта героя Руставели, поступокъ

[1]) Имя *Таріель* можетъ быть произведено отъ грузинскаго слова „тареба"—водитель; Таріель отсюда значитъ водитель. Н. Я. Марръ объясняетъ, что Таріель есть имя перса, переведенное на грузинскій языкъ?! („Театръ" 1890, № 12).

его, неоправдываемый съ нашей точки зрѣнія,—обычная кровавая расправа на Востокѣ, азіатская дуэль съ безпомощнымъ конкурентомъ.

Въ пылу возбужденнаго состоянія и въ сознаніи несообразности, „что женщина смѣла понукать его къ борьбѣ", онъ совершаетъ убійство, подвергая свою возлюбленную предъ отцомъ и теткой двусмысленнымъ обвиненіямъ въ запретныхъ съ нимъ свиданіяхъ. Проявивъ въ началѣ въ поискахъ за Дареджаной значительную волю, онъ послѣ первыхъ неудачъ, какъ человѣкъ живущій одною огненною страстью, впадаетъ въ отчаяніе, теряетъ опредѣленный планъ дѣйствія, безполезно рыскаетъ по степямъ и полямъ, проливая только потоки слезъ. Горесть и безысходность положенія помрачаетъ его разсудокъ, онъ становится дикъ и нелюдимъ; онъ начинаетъ тяготиться жизнью и старательно ищетъ смерти, въ свѣтлой надеждѣ за Коцитомъ соединиться съ своей возлюбленной. Это романтическая его вѣра быстро тускнѣетъ, проблескъ грядущаго утѣшенія заволакивается густымъ туманомъ; не производятъ на него должнаго впечатлѣнія и не пробуждаютъ въ немъ добраго духа умные совѣты Автандила, убѣждающаго друга въ томъ, что „несчастному скитальцу, вспахавшему ниву печали, готовится жатва радости". Христіанскія наставленія не облегчаютъ его страданій, напрасна попытка повліять на его разсудокъ,— нужно обратиться къ чувству, затронуть сердце, и тогда онъ очнется, загорится вновь желаніе посѣтить Асмати, вѣрнѣйшую слугу, сестру и посредницу въ сношеніяхъ съ Дареджаной и просить у нея прощенія въ пустынной пещерѣ за причиненную ей обиду и великую несправедливость. Не выводы логическаго ума, а непосредственные порывы впечатлительной души возвращаютъ Таріелю, при энергичномъ участіи Автандила, заглохшее желаніе вновь испробовать ослабѣвшія въ безпросвѣтной тоскѣ могучія силы въ борьбѣ съ злополучной судьбой. Таріель самъ сознается предъ своимъ неутомимымъ другомъ, что „онъ не можетъ овладѣть собою потому, что страсть заглушила въ немъ мудрость", онъ утратилъ ясное пониманіе своего трагическаго положенія, не въ состояніи изыскать практическихъ мѣръ, чтобы разузнать мѣстонахожденіе Дареджаны. Душевное настроеніе Таріеля можетъ быть раскрыто и объяснено доминирующимъ развитіемъ возбужденнаго чувства: страсть лишила его сознанія, безсознательное состояніе отняло у него силу воли, а безсиліе обратило въ тряпку этого мужественнаго красавца.

Нестанъ-Дареджани, [1]) героиня поэмы, по характеру своему

---

[1]) Имя „Нестанъ-Дареджана" если даже объяснить съ персидскаго языка

отличается той же всепоглощающей страстностью, какая свойственна ея преданному другу, Таріелю. При первомъ трепетно ожидаемомъ ихъ свиданіи, Дареджана, воспитывавшаяся съ нимъ до 7 лѣтняго возраста, теряетъ способность членораздѣльной рѣчи, смущена присутствіемъ статнаго красавца и вознаградивъ его лишь блѣднымъ взглядомъ, объявляетъ ему чрезъ свою фрейлину, Асмати, [1]) что она не въ состояніи ему ничего сказать. Истинное чувство радости часто лишаетъ человѣка выраженія воодушевляющаго его восторга, какъ глубокая горесть до дна изсушаетъ мучительныя слезы. Руставели здѣсь является тонкимъ психологомъ, знающимъ сокровенныя движенія человѣческаго сердца. Усиленный приливъ чувствъ отнялъ у героини языкъ въ то время, когда ей такъ много нужно сказать своему безумному поклоннику. Уступивъ влеченію сердца, она написала письмо Таріелю, а когда онъ явился на зовъ, то она растерялась, храбрость дѣвушки, рискнувшей пригласить возлюбленнаго на свиданіе, смѣнилась неодолимымъ смущеніемъ. Съ этою чертою въ характерѣ своихъ героевъ поэтъ знакомитъ насъ еще въ другой сценѣ: когда Таріель возвращается изъ побѣдоноснаго похода въ Хатаветъ, а царь Парсаданъ великодушно прощаетъ побѣжденнаго Рамаза, то на торжественномъ обѣдѣ по поводу этого событія влюбленная пара, сидя рядомъ, не осмѣливается обмѣняться даже взглядами! Приближаясь по силѣ и глубинѣ страсти къ психическимъ особенностямъ Таріеля, Дареджана надѣлена поэтомъ самыми обаятельными женственными чертами нравственной устойчивости при всѣхъ соблазнахъ и давленіяхъ окружающей среды. Ни въ столицѣ „Царства морей“, ни въ замкѣ каджовъ предоставленная собственнымъ силамъ, покинутая всѣми Дареджана

какъ „безподобная“ (красавица), то все же такое толкованіе не должно служить основаніемъ считать и поэму, въ которой она является героиней, переводомъ съ персидскаго, такъ какъ персидскія имена очень рано вошли въ грузинскій нехристіанскій календарь. Нестанъ-Дареджанъ составленъ изъ двухъ самостоятельныхъ именъ (Нестани+Даріа) и ласкательной приставки джанъ; въ народѣ Нестанъ произносится также въ видѣ Нестаръ, (въ хевсурской легендѣ она названа „Несторъ-Дареджанъ“ „Иверія“, 1888 г., № 230, въ другой легендѣ— Лерцамъ Дареджанъ] или Нестванъ, что могло бы образоваться изъ глагола нества— трубить, играть на свирели; имя Даро, Даріа, Дарико, Дареджанъ, которое, по отпаденія ласкательной приставки, принимаетъ форму Даріа, значитъ „равны есть“ отъ глагола дареба, шедареба—сравнить, дѣлать сравненіе.

[1]) Въ западно-европейскихъ рыцарскихъ романахъ инфанты также имѣютъ наперсницъ, при посредствѣ которыхъ устраиваются свиданія, *Сервантесъ* Донъ-Кихотъ (пер. В. Карелина, СПб. 1892) I, стр. 155.

въ невѣдѣніи судьбы Таріеля, не принимаетъ лестныхъ предложеній сдѣлаться царицей измѣнивъ другу дѣтства. Любовь къ нему укрѣпилась постигшими невзгодами и возростала съ годами, зародившись впервые во время невинныхъ дѣтскихъ игръ, при совмѣстномъ воспитаніи, до достиженія Таріелемъ 12-лѣтняго возраста. Разлука съ юношей, пробудившимъ первую искру привязанности, не заглушаетъ въ дѣвушкѣ нѣжной симпатіи,—глубоко западаетъ въ чуткую душу первая волна зародившейся любви и со временемъ достигнетъ это чувство такихъ необъятныхъ размѣровъ, что героиня предпочтетъ скорѣе покончить самоубійствомъ, нежели измѣнить своему возлюбленному и удѣлить въ своемъ сердцѣ ничтожный уголокъ новымъ, случаемъ навязаннымъ, поклонникамъ. Рѣшительность и твердость воли не покидаетъ ея въ самую критическую минуту; она, предназначенная въ невѣсты приморскаго царевича, дѣлаетъ отчаянный шагъ и, подкупивъ стражу, бѣжитъ въ темную ночь, сама не зная куда. Эта непоколебимая ея вѣрность Таріелю проходитъ чрезъ всю ея судьбу, проявившись впервые въ протестѣ нѣжно любимымъ родителямъ, которыхъ она предпочла огорчить противорѣчіемъ, чѣмъ сдѣлаться женою нелюбимаго человѣка. [1]) Дареджана, не находя исхода изъ затруднительнаго положенія, предлагаетъ Таріелю убить ея жениха, но пощдаить его свиту", ибо страшно человѣку носить на плечахъ тягость невинно безпощадно пролитой крови". Эти слова достаточно извиняютъ суровое требованіе Дареджаны, исполненной ненависти къ иностранному принцу.

Помимо высокихъ нравственныхъ силъ, Дареджана обладала небесной красотой, солнце и луна уступали ей пальму первенства въ блескѣ и граціи, отъ нея исходили лучи, словно стрѣлы амура, и распространялось неизъяснимое сіяніе: не то дивная заря, не то блескъ мѣсячный. [2]) Своей ослѣпительной красотой она сразу завоевываетъ благосклонное вниманіе легковѣсной купчихи Фатмани въ царствѣ морей, а своимъ упорнымъ физическимъ изнуреніемъ она укрѣпляетъ за собою сочувственное расположеніе своей богатой покровительницы. Впослѣдствіи въ письмѣ къ ней Дареджана называетъ ее матерью и

---

[1]) Письма Дареджаны къ Таріелю очень ярко характеризуютъ ее, какъ страстную женщину, а по словамъ *Гулака* („о Барсовой кожѣ" Руставели) совершенно *гаремную* восточную затворницу.

[2]) „Ея лицо блистало, какъ молнія, каждая улыбка, словно солнечный лучъ, разливалась по пространству, а когда она отворяла уста и говорила, то зубы новымъ блескомъ освѣщали темноту ночную".

выражаетъ этимъ словомъ искреннее чувство неизсякаемой благодарности и нѣжной къ ней привязанности. Мягкость сердца и твердость духа составляетъ ту драгоцѣнную внутреннюю красоту, которая вполнѣ гармонируетъ съ ея блестящей внѣшней наружностью. Она умѣетъ любить самоотверженно, беззавѣтно, безпредѣльно. Она способна къ героическому отреченію отъ личнаго счастья во имя спасенія и безопасности своего единственнаго друга. Она умолетъ Таріеля отказаться отъ мысли освободить ее изъ плѣна и не подвергать себя опасности въ борьбѣ съ ея неусыпными чудовищными врагами. Она считаетъ при своей жестокой участи одиночества нравственнымъ облегченіемъ пріятную увѣренность, что онъ живъ и будетъ о ней вспоминать и вздыхать, а видѣть его смерть предъ стѣнами замка каджовъ у нея не хватитъ физическихъ силъ: „она сгоритъ какъ трутъ, зажженный кремнемъ". Ей не тежело умирать въ той романтической надеждѣ, что горькая доля на землѣ смѣнится блаженствомъ и счастьемъ въ загробномъ мірѣ: вѣчную любовь къ нему она унесетъ съ собою въ тѣсную могилу. Женская ея преданность и рѣдкое великодушіе не ограничиваются однимъ желаніемъ цѣною своихъ мукъ спасти возлюбленнаго отъ грозящей ему гибели,—она хочетъ чрезъ него утѣшить тоскующаго по ней старика—отца, въ минуту безграничнаго гнѣва деспотически наказавшаго ее изгнаніемъ изъ отечества. Такимъ образомъ, въ Дареджанѣ соединилась дивная чарующая красота, нѣжная бѣздна чувствъ и энергическая вѣрность своему возлюбленному другу дѣтства до полнаго забвенія личнаго счастья. Въ этомъ восхитительномъ ореолѣ, которымъ окружилъ поэтъ свою идеальную героиню, есть значительная доля гиперболическихъ штриховъ и чрезмѣрное сгущеніе возвышенныхъ, яркихъ красокъ. Дареджана представляется столь небеснымъ и ангелоподобнымъ существомъ, что утрачиваетъ нѣкоторую реальность, обращаясь въ символическую фигуру внутреннихъ и внѣшнихъ достоинствъ женщины вообще. Руставели, увлекаясь преклоненіемъ предъ Тамарой, воплощеннымъ образомъ идеала красоты, надѣлилъ столь же очаровательными качествами другую героиню поэмы—Тинатину, воспроизведя ее нѣсколько жизненнѣе съ болѣе рельефными индивидуальными особенностями. Во всякомъ случаѣ группу лицъ—Таріеля и Дареджаны—онъ противопоставилъ группѣ портретовъ Автандила и Тинатины.

[Въ нѣмецкой газетѣ „Blätter für litterarische Unterhaltung" данъ былъ слѣд. отзывъ о поэмѣ Шота Руставели „Человѣкъ въ барсовой шкурѣ", переведенной на нѣмецкій языкъ г. Артуромъ Лейстомъ:

„Поэма грузинскаго поэта, переведенная на нѣмецкій языкъ, но-

ситъ на себѣ сильный отпечатокъ того характера, какимъ проникнуты блестящія сказки „Тысяча и одна ночь“. Даже сферы воображенія поэта и образъ его мыслей рѣшительно чужды намъ, такъ какъ у насъ первый и послѣдній масштабъ для оцѣнки поэтическихъ твореній составляютъ послѣдовательнось въ развитіи разсказа, единство характера и правоподобность явленій какъ внѣшняя, такъ и внутренняя. У грузинскаго-же поэта все это замѣняется воображеніемъ, не знающимъ удержу. У него нѣтъ твердой опары въ безпредѣльномъ морѣ своей фантазіи и, при отсутствіи якоря и снастей, онъ является игрушкой этой фантазіи. Правда, что все это беретъ начало изъ несомнѣнно богатаго источника, но, къ сожалѣнію, изливается съ такою неудержимою силою, которая не знаетъ границъ. Языкъ поэта разукрашенъ блестками восточной пышности, но сама эта пышность нагромождена въ чрезмѣрно расточительномъ излишествѣ. Обороты рѣчи, тамъ и сямъ, изящно переливаясь черезъ край, не подчинены формамъ законченности. Безъ достаточно близкаго знакомства съ грузинскимъ оригиналомъ, трудно судить, насколько переводчикъ сумѣлъ облечь восточную рѣчь въ формы европейскаго и въ особенности нѣмецкой поэтической рѣчи. Однако, судя по образцамъ, нужно отдать справедливость искуству Артура Лейста въ этомъ отношеніи“].

Дружба Таріеля съ Автандиломъ напоминаетъ собою дружбу дѣтей миѳическаго Зевса—Кастора и Поллукса. Однако, Автандилъ [1]) и Таріель являются совершенно различными типами, представителями двухъ противоположныхъ складовъ ума и чувствъ. Автандилъ больше умѣетъ владѣть своими страстями, покоряя ихъ разсудку и практическимъ соображеніямъ. Влюбленный въ свою повелительницу Тинатину, онъ не гнушается войти въ интимныя подозрительныя сношенія съ вѣтренной купчихой Фатманью, съ благородною, впрочемъ, цѣлью выв̂ѣдать у нея все, что́ ей извѣстно о похищенной каджами Дареджанѣ. Желаніе своей возлюбленной отыскать юношу въ барсовой кожѣ онъ считаетъ священнымъ долгомъ, исполненіе котораго требуетъ отъ него трехлѣтняго безпрерывнаго блужданія по отдаленнымъ пустыннымъ мѣстамъ. Его поддерживаетъ въ долгихъ, унылыхъ странствіяхъ радужная мечта „о солнцѣ съ гешировыми рѣсницами“, появившемся ему въ вѣчной любви. Онъ искренне счастливъ, что онъ удовлетворилъ любопытство Тинатины объ юношѣ, одѣтомъ въ барсову кожу,

---

[1]) Имя „Автандилъ“ можно было бы объяснить при помощи грузинской этимологіи: автан+здили, т. е. „воспитанный при своенравномъ“ (злымъ).

и съ полнымъ философскимъ разумѣніемъ увѣряетъ ее: „когда исполняются желанія сердца, тогда забываются всѣ невзгоды подобно дню вчерашнему“. Но выше своихъ личныхъ чувствъ онъ ставитъ долгъ предъ ближнимъ и несчастнымъ собратомъ: „другъ для друга не долженъ избѣгать и страданій“ [1]). Какъ ни горько двадцатилѣтнему влюбленному разстаться съ красавицей Тинатиной, однако, съ ея позволенія, онъ возвращается къ Таріелю, для совмѣстнаго разыскиванія похищенной Нестанъ-Дареджаны. Неутомимо разъѣзжаетъ онъ по бѣлому свѣту, не нападая долго на слѣдъ таинственнаго юноши, мелькнувшаго предъ нимъ и царемъ на берегу рѣки. Мучительное отчаяніе смѣняютъ розовыя надежды, глубокая грусть наполняетъ его сердце. Онъ погружается въ мрачное размышленіе, что придется къ истекающему сроку предстать предъ обожаемой царицей безъ вѣсти о незнакомцѣ. Въ своихъ безконечныхъ путешествіяхъ ему не разъ приходится страдать изъ искренняго чувства любви къ Тинатинѣ, но за первой блестящей слезой, онъ холодно успокаиваетъ себя магическимъ словомъ „терпѣніе“, и это чародѣйственное слово возвращаетъ ему силы и обычную сдержанность. Онъ неизмѣнно слѣдуетъ правилу, данному имъ себѣ: „благоразумный человѣкъ умѣетъ выходить изъ затруднительнаго положенія и избѣгать необдуманныхъ дѣйствій“. Эту житейскую философію онъ на практикѣ иллюстрируетъ своимъ осмотрительнымъ сближеніемъ съ Таріелемъ: завидѣвъ его, послѣ трехлѣтнихъ поисковъ, онъ разсудилъ не приближаться къ нему, а выслѣживать издали, куда онъ пріѣдетъ. Хитро и разсчетливо онъ стремится къ намѣченной цѣли, умѣло сдерживая пылкіе порывы сердца, охлаждаемые своевременнымъ вторженіемъ спасительнаго навыка. Сначала онъ думаетъ приневолить Асмати открыть ему судьбу Таріеля, а когда силой не достигаетъ намѣренія, то начинаетъ лить горячія слезы и предусмотрительнымъ воззваніемъ во имя любви смягчаетъ „гнѣвное сердце“ женщины. Словомъ, Автандилъ соединяетъ въ себѣ высокія качества, требуемыя любовью и дружбою съ столь осмысленнымъ жизненнымъ міросозерцаніемъ, которое ловко опредѣляетъ его отношенія къ внѣшнему міру. Онъ вполнѣ послѣдовательно исповѣдуетъ то, не всегда похвальное, мудрое изрѣченіе, которое выражается тремя словами: цѣль оправдываетъ средства.

[1]) Во имя этого принципа онъ приноситъ великую жертву—безъ угрызенія совѣсти заводитъ любовную интригу съ Фатманью, но поэтъ на этомъ фактѣ долго не останавливается, потому что „онъ не цѣнитъ любви безъ сердца“.

Автандилъ [1]) строенъ, высокъ, сложенъ какъ лилія, безбородъ, одѣтъ въ багряницу. Онъ въ томъ возрастѣ, когда кожа на его лицѣ имѣетъ блескъ хрусталя; онъ ищетъ утѣшенія въ „густыхъ бровяхъ" своей возлюбленной Тинатины. Робость и скромность героя предъ нею обусловливается не сильно возбужденнымъ состояніемъ, отнимающимъ сознаніе какъ Таріеля, а самообладаніемъ и сдержанностью порывовъ, которые свободно льются лишь во снѣ, когда онъ рефлективно лепечетъ имя царственной дамы сердца. Уныніе и умопомраченіе, свойственное Таріелю, никогда не посѣщаетъ во всемъ умѣреннаго Автандила. „Его убиваетъ красота Тинатины, но онъ умѣетъ таить свою любовь въ глубинѣ сердца". Вдали отъ нея онъ блѣднѣетъ, теряетъ сонъ, мечется на ложѣ; при видѣ ея огонь страсти, незамѣтно для постороннихъ глазъ, но болѣзненно его пожираетъ. Онъ нигдѣ и ни въ чемъ не забываетъ благопристойности и благовоспитанности, зная, что „сердцу не слѣдуетъ многое позволять: это узникъ завистливый, ненасытный, непослушный". Съ чувствомъ личнаго достоинства, онъ вызываетъ царя Ростевана на состязаніе, хотя и называетъ себя по восточному этикету „жалкимъ прахомъ передъ нимъ". Онъ находчивъ и изобрѣтателенъ, умѣетъ кстати смѣлымъ словомъ позабавить своенравнаго владыку, но при коллизіи долга преданности и чувства любви, онъ жертвуетъ первымъ во имя второй, и безъ позволенія царя, по желанію своей возлюбленной, онъ отправляется помогать Таріелю. Храбрый и удалой, онъ дивно красивъ во всеоружіи военачальника. Какъ истинный рыцарь, онъ одаренъ музыкальнымъ и вокальнымъ талантомъ: онъ играетъ на арфѣ и напѣваетъ то грустныя, то веселыя пѣсни. Въ приливѣ меланхолической мечтательности, въ поэтическомъ сліяніи съ живою природою, въ воззваніяхъ къ небеснымъ планетамъ, онъ изливаетъ тоску по жгучей разлукѣ съ солнцеподобной Тинатиной. Слезы его страданій образуютъ цѣлое соленое озеро, грусть по ней съ пурпурными устами жжетъ его неугасаемымъ пламенемъ, страхъ о потерѣ или измѣнѣ возлюбленной побуждаетъ мучиться и изнывать. Онъ ищетъ участія въ явленіяхъ природы, влагаетъ жизнь въ неодухотворенныя твари, посылая чрезъ холодныя и равнодушныя къ человѣческой скорби небесныя свѣтила донести Тинатинѣ: „не измѣняй ему, ибо онъ твой и страдаетъ для

---

[1]) *Бар. Сюттнеръ* характеристикѣ Автандила удѣлилъ больше вниманія, чѣмъ другимъ героямъ Руставели. Газ. „Кавказъ" 1884, №№ 265, 267 и 268. Пер. на груз. яз. *Иверія* 1884, XI и XII и *Дроэба*, №№ 256, 258, 259, 261, 262, 264, 265.

тебя!" Правда, эта восторженная любовь не удерживаетъ его для успѣха въ своихъ замыслахъ вступить въ предосудительныя сношенія съ Фатманью, но онъ ясно сознаетъ всю нравственную тяжесть,—обвивая „хрустальную шею" купчихи, онъ льетъ кровавыя слезы, въ впечатлительной его душѣ водворяется адская тоска, и какъ бы въ безпомощномъ состояніи онъ элегически восклицаетъ: „смотрите на меня, о любовники, и кому принадлежала роза, я—соловей—сижу на навозѣ, подобно ворону!" Въ сердечной боли, подъ наплывомъ слезъ, онъ лепечетъ: „жизнь есть миѳъ и фантасмагорія!" Автандилъ прекрасный типъ мечтательнаго созерцателя и практическаго мудреца.

Тинатина [1]), предметъ неотвязныхъ грезъ Автандила, тотъ женскій типъ, который Руставели воспроизвелъ въ болѣе живыхъ очертаніяхъ, чѣмъ Нестанъ-Дареджану. Единственная дочь аравійскаго царя Ростевана, Тинатина любима отцомъ до обожанія: „дочь была—зѣница ока, заря и блескъ его очей". Безподобная ея красота сравнивается съ ослѣпительными лучами солнца, въ сонмѣ планетъ поражающая ихъ силой яркости и свѣта. Она была прекрасна: само солнце „тинатинировало", иначе говоря, само солнце, плѣненное очаровательной дѣвицей, отражало въ своихъ лучахъ ея красоты. Смертные невольно поддавались ея обаянію, исполняясь и безумнаго восторга, и благоговѣйнаго преклоненія предъ неземнымъ существомъ: „она отнимала у всѣхъ и разумъ, и сердца, и душу, блистая въ грезахъ чаръ, подобно волшебной картинѣ. Подъ роскошнымъ небомъ юга, въ царствѣ нѣги и тепла, она расцвѣла какъ майская роза. Царь Ростеванъ, чуя вѣянье могилы, предлагаетъ совѣту визирей возвесть па тронъ „младую соперницу солнца". Юная дѣва, изъ устъ которой вырвался первый мятежный, безотчетный женскій вздохъ, уступивъ капризному отреченію отца отъ престола, стала у кормила правленія и оказалась достойной той отвѣтственной власти, которую вручилъ ей „ласковый" царь Ростеванъ. Природа одарила ее не только красотой, но и чуткимъ сердцемъ, благородными порывами, государственнымъ умомъ. Въ день восшествія на престолъ, она щедрою рукою раздаетъ подданнымъ „и тучныхъ арабскихъ коней, и груды камней многоцвѣтныхъ". Въ ея душѣ роется живой родникъ нѣжнаго чувства любви и восторженной преданности старику-отцу. Она робка, скромна, молчалива передъ нимъ: вѣдь, истинное обожаніе не терпитъ велерѣчія и развязности. Возлюбленная дочь воздерживается нарушить покой царя несвоевременнымъ

[1]) Имя Тинатина происходитъ отъ грузинскаго слова тинатини (корень тинтинатени)—отсвѣтъ, отраженіе солнечныхъ лучей.

къ нему приходомъ, хотя она жаждетъ его видѣть, тревожитъ ее мрачное настроеніе и странная задумчивость его, по возвращеніи съ охоты. Отецъ знаетъ благотворную силу ея ласкъ, вѣритъ въ теплоту ея мягкой рѣчи, способной разсѣять удручающее его горе. На царскомъ тронѣ она остается неизмѣнно послушной дочерью священной родительской волѣ. Ея лобзанія и дѣтскій привѣтъ возвращаютъ разгнѣванному царю „свѣтлую радость“ и спокойствіе духа, ея мудрый совѣтъ врачуетъ его скорбь цѣлительною „пылью“.

Не одинъ отецъ находитъ отраду и покой въ присутствіи дивной царевны. Тинатина [1]) покоряетъ всѣхъ и умомъ, и красотой. „Черныя пряди волосъ, обвивающія младое чело, небрежно увитое безцѣнной чалмой, съ черными сверкающими, какъ молнія, очами, букетъ розовыхъ устъ съ жемчужными зубами“, составляли внѣшнія ея характеристическія черты, уносившія ея тьму безмолвныхъ поклонниковъ въ міръ пылкихъ грезъ и сердечныхъ томленій. Художественный образъ Тинатины, созданный мощною кистью Руставели, окутанъ поэтической дымкой нѣжнаго почитанія и чарующей привязанности къ отцу среди царственныхъ мудрыхъ распоряженій, и вызываетъ горячія симпатіи своими благороднѣйшими стремленіями и юнымъ идеализмомъ. Тинатина—восточная Корделія.

Младая царевна не избѣгла обычной человѣческой слабости. Въ ея сердцѣ вспыхнула искра любви, но любви просвѣтленной, очищенной отъ чувственныхъ примѣсей. Она гордится своимъ возлюбленнымъ, стройнымъ вождемъ Автандиломъ. Она знаетъ, что воспитанникъ ея отца, „съ сердцемъ твердымъ, какъ алмазъ, сталъ рабомъ прелестныхъ глазъ“. Милымъ взглядомъ и тихимъ голосомъ, исполненныхъ смысла и значенія для влюбленныхъ, она привѣтствуетъ его, растерявшагося отъ восторга и неизъяснимой радости, при видѣ задумчивой обожаемой имъ дамы сердца. Понятно: онъ такъ долго, страстно и трепетно ждалъ свиданія!.. Мечты сбылись: онъ приглашенъ къ младой царевнѣ. Она поручаетъ своему безмолвному поклоннику развѣдать судьбу таинственнаго юноши въ „барсовой кожѣ“, для успокоенія встревоженнаго царя, и, обѣщавъ ему, какъ вознагражденіе, свою любовь, она молвитъ: „ты посѣешь этимъ фіалки въ моемъ сердцѣ, наполнивъ его благоуханіемъ“. Ей тяжело разстаться съ Автандиломъ, лишиться удовольствія видѣться съ нимъ въ теченіе трехъ томительныхъ лѣтъ, но въ ней слишкомъ ярко горитъ свѣточъ почтенія къ отцу, умиротвореніе ко-

[1]) Имя Тинатина (тина+тина) и нынѣ употребляется.

тораго требуетъ отъ нея тяжелой въ юные годы жертвы и великодушнаго самоотверженія. Другой разъ она вновь не пощадитъ себя, заглушитъ въ глубинѣ сердца эгоистическое чувство наслажденія и, отрекшись отъ назрѣвшаго счастья, снова позволитъ Автандилу покинуть ее и вернуться къ Таріелю во имя дружбы, для совмѣстнаго разыскиванія Дареджаны. Она будетъ лить кровавыя слезы при разлукѣ и наслаждаться блаженными минутами съ нимъ встрѣчи. Словами— „жизнь подобна погодѣ: то гнѣвно заволокнетъ небо тучами, то опять солнце проглянетъ", успокаиваетъ она себя. Она красавица въ полномъ смыслѣ слова: стройна и величественна, но не горда; влюблена безъ чувственныхъ помысловъ; благодарна изъ вѣжливости и вѣжлива по врожденному благородству чувствъ. Тинатина очень эффектно озарена безсмертнымъ пламенемъ любви, мягкой обаятельной женственности и безкорыстнаго восторженнаго идеализма [1]).

Отецъ Тинатины, царь Ростеванъ, рисуется правителемъ, полнымъ мудрости и доброты. Онъ возвеличенъ и благословенъ самимъ Богомъ за высокія, его отличающія, нравственныя качества. „Мощный народомъ и войскомъ, щедрый и кроткій, прозорливый и умный судья, любившій правду и милость, воинъ безподобный и мужъ краснорѣчивый властительной силой", Ростеванъ является типомъ восточнаго патріархальнаго царя. По капризу самовластнаго деспота, созывается совѣтъ визирей, предъ которыми онъ объявляетъ себя „устарѣвшимъ" для трона и провозглашается властительницей дочь его Тинатина. Напрасны всѣ попытки удержать царя отъ отреченія: онъ упрямъ и настойчивъ въ безповоротномъ своемъ рѣшеніи. Съ твердостью воли и азіатскою своенравностью, онъ соединяетъ нѣжное чувство любви къ единственной дочери и сердечную привязанность къ своему воспитаннику Автандилу. Царевнѣ и молодому вождю открытъ доступъ въ покой царя. Они только въ состояніи ослабить его гнетущее горе и нахлынувшую

---

[1]) *Сталинскій* въ свободномъ изложеніи нарисовалъ образъ Тинатины въ возвышенныхъ чертахъ („Барсова кожа", Тифлисъ, 1888).

Дополняю библіографію о Руставели тѣми статьями, которыя не были мною привлечены при составленіи обзора о „Барсовой кожѣ": „Сѣверная Пчела" 1840, „Тифлис. Вѣд." 1832, „Сынъ Отеч." 1840; „Закавк. Вѣстн." 1850; Журн. Мин. Н. Пр. 1838, ч. XXXV, отд. II (ст. *Д. Чубинова*); *Сливицкій* газ. „Кавказъ" 1849, №№ 33—35, 40, 47. „Тифлис. Листокъ" 1889, № 278 (ст. *Д. Сослани*). Въ 1855 г. въ Москвѣ появилась трагедія „Барсова кожа" въ стихахъ, на русскомъ языкѣ, написанная царевичемъ Окропиромъ Георгіевичемъ. Другая (по-груз.) трагедія „Руставели" написана современнымъ грузинскимъ артистомъ К. Месхи.

тоску. Ростеванъ, какъ Лиръ Шекспира, и внѣ власти остается вспыльчивымъ, высокомѣрнымъ, тщеславнымъ.

Онъ избалованъ поклоненіемъ и раболѣпнымъ послушаніемъ. Малѣйшее уклоненіе отъ исполненія его воли огорчаетъ, волнуетъ, раздражаетъ его. Когда неизвѣстный юноша въ барсовой кожѣ отказывается по приглашенію его гонцовъ предстать предъ его очи, онъ быстро воспламеняется, выходитъ изъ себя, а потомъ падаетъ въ грусть и прекращаетъ пріемы во дворцѣ. Онъ легко переходитъ отъ веселья къ тоскѣ, отъ милости къ гнѣву. Эта неожиданная смѣна настроенія внушаетъ страхъ его подданнымъ, съ подобострастіемъ, въ глубокомъ трепетномъ молчаніи толпящимся вокругъ него. Въ пылу негодованія, ех-царь угрожаетъ смертною казнью и не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ для „подлыхъ рабовъ“. Правда, вспышка его ограничивается тѣмъ, что онъ сильнымъ размахомъ объ стѣну разламываетъ скамью на куски, однако этотъ погромъ могъ лишить жизни и близкаго къ царю визиря. Но онъ не злопамятенъ, не чуждъ добрыхъ порывовъ раскаянія: когда гнѣвъ проходитъ, онъ извиняется въ неумѣстной вспышкѣ, или плачетъ, узнавъ о тайномъ отъѣздѣ Автандила. Прочитавъ „завѣщаніе“ своего вождя, противъ нашего ожиданія, Ростеванъ не намѣренъ разразиться гнѣвомъ: онъ остается спокоенъ и великъ, проявивъ рѣдкое добродушіе восточнаго деспота. Въ знакъ горести, онъ велѣлъ облечь все войско въ глубокій трауръ, оказать щедрую помощь вдовамъ, разслабленнымъ и сиротамъ и возносить неустанныя моленія Богу о дарованіи Автандилу пути, свободнаго отъ опасностей [1]), зная, что этими распоряженіями онъ исполняетъ желаніе того, потерю котораго онъ такъ оплакиваетъ.

Ростеванъ внушаетъ намъ искреннія симпатіи своимъ добродушіемъ, свѣтлыми душевными качествами и безграничной любовью къ окружающимъ. Даже своимъ вспыльчивымъ характеромъ, минутнымъ раздраженіемъ, періодически заканчивающимся покаяніемъ и сознаніемъ свершенной вины, онъ скорѣе располагаетъ насъ къ себѣ, чѣмъ отталкиваетъ. Руставели раскрылъ въ немъ черты патріархальнаго царя, совмѣщающаго человѣческія достоинства съ неизбѣжными слабостями, поэтому-то образъ Ростевана красуется столь живымъ и вы-

---

[1]) Одно изреченіе Руставели о неизбѣжности судьбы поразительно приближается къ словамъ Гомера. „Не удержитъ смерти,—говоритъ грузинскій поэтъ—ни узкая, ни скалистая тропа“, а пѣвецъ *Иліады* эту же мысль передалъ намъ въ прощаніи Гектора съ Андромахой:

„Но судьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный,
Мужъ ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родится“.

пуклымъ въ „Барсовой кожѣ“. Онъ истинный восточный царь „съ ногъ до головъ“.

Другой царь въ поэмѣ, Придонъ, представленъ только въ дружескихъ отношеніяхъ къ Таріелю и Автандилу. Онъ, въ благодарность за услуги, оказанныя Таріелемъ въ войнѣ противъ враговъ, подаетъ герою въ „барсовой кожѣ“ сильную помощь въ борьбѣ съ каджами, у которыхъ находится въ плѣну Дареджана. При аттакѣ каджовъ, онъ первый предлагаетъ для друга проникнуть по канату въ крѣпость враговъ, перебить привратниковъ, а потомъ Таріелю съ Автандиломъ продолжать избіенье плѣнившихъ героиню поэмы. Это безкорыстное его одолженіе другу дополняется другой нравственной стороной грузинской народной жизни: это—высо́кое понятіе о гостепріимствѣ не только для знакомыхъ, но даже и странниковъ.

Наконецъ, Асмати [1]), фрейлина Дареджаны, является олицетворенной фигурой женской преданности, доходящей до геройскаго самопожертвованія. Асмати играетъ первостепенную роль въ поэмѣ Руставели; художественный ея образъ чѣмъ дальше, тѣмъ становится болѣе симпатичнымъ. Она рискнула цѣною собственной репутаціи отнести письмо Дареджаны къ Таріелю, она перенесла всѣ непріятныя послѣдствія несчастной любви героини къ герою, она осталась неизмѣнно вѣрной Таріелю въ дни его тяжелаго скитанія. Она живетъ интересами Дареджаны и Таріеля, она раздѣляетъ ихъ горе кровавыми слезами, служитъ герою единственной утѣшительницей въ минуты отчаянія. Асмати умѣетъ быть вѣрной и строгой хранительницей секрета Таріеля: она скорѣе согласится умереть, чѣмъ выдать его. Она храбра и нѣжна въ той сценѣ, въ которой Автандилъ пытается вынудить разсказать судьбу таинственнаго юноши въ „барсовой кожѣ“. Ее можно разжалобить только слезами и намекомъ на положеніе влюбленнаго: любовь, а не угроза и „сѣмя вражды“ становится посредницей между ней и Автандиломъ. Она дѣлается его другомъ и „усерднѣйшей сестрой“ при сближеніи съ Таріелемъ. Такова сила преданности няни возлюбленному ею взлелѣянной Дареджаны. Въ

---

[1]) Мы не останавливаемся на вѣтренной купчихѣ Фатмани, типѣ истой мусульманки, страстной, чувственной, но не безъ сердечныхъ порывовъ, которыми она отличалась по отношенію къ Дареджанѣ. Эта была женщина очень недурная собою, не молодая, но и не старая, пригожая, живая брюнетка, полная, румяная. „Она хорошо пѣла и покровительствовала пѣвцамъ, любила хорошое вино за столомъ и имѣла множество головныхъ уборовъ и дорогихъ нарядовъ“. Строфа 1119.

благодарность за тяжкія испытанія и нравственную поддержку Таріеля въ пустынныхъ мѣстахъ, она награждается седьмой частью Индіи, нераздѣльной владѣтельницей которой она провозглашается. Изображеніемъ фигуры Асмати Руставели воздаетъ честь не одной только женщинѣ, но и цѣлой кастѣ обездоленныхъ и униженныхъ въ удушливой средѣ высшаго класса.

Въ параллель Асмати нарисованъ Шермадинъ—преданный слуга и наперсникъ Автандила. Шермадинъ одаренъ громадной нравственной силой, приносящей людямъ практическую пользу. Онъ вышелъ непосредственно изъ народа, но благодаря духовному дарованію, онъ возвышается надъ массой, приближается къ вождю, становится его замѣстителемъ, временнымъ военачальникомъ. Онъ сливаетъ свою жизнь съ интересами своего господина, привязанность его къ Автандилу безграничная, рабская, но исполненная безупречной сердечности. Онъ испытываетъ муки въ разлукѣ съ Автандиломъ и умоляетъ взять его съ собою въ далекія странствованія по Таріелѣ. Шермадинъ [1]) не знаетъ мѣры восторга, по случаю счастливаго возвращенія любимаго вождя, въ три дня онъ пробѣгаетъ десятидневный путь, чтобы обрадовать Ростевана вѣстью о пріѣздѣ Автандила. Руставели, сопоставивъ Шермадина и Асмати, остановился съ большимъ вниманіемъ на обрисовкѣ женщины, таящей болѣе сердечныхъ нѣжныхъ струнъ, чѣмъ наперсникъ Автандила.

Руставели приступилъ къ обработкѣ сюжета своей поэмы съ строгими опредѣленными взглядами и ясно начертанной программой. Сравненіе введенія къ поэмѣ и самаго произведенія прекрасно иллюстрируетъ, съ какою любовью отнесся поэтъ къ воспроизведенію основной своей мысли въ художественныхъ образахъ, воплощающихъ его нравственное міровоззрѣніе. Главная идея поэмы—любовь возвышенная, чистая, постоянная, проходитъ красной нитью чрезъ всю поэму. Поэтъ пытается опредѣлить психологическія особенности любви и отличительныя качества влюбленныхъ. „Истинная любовь стремится къ уединенію"... „Влюбленный долженъ умѣть скрывать отъ всѣхъ свою любовь"... „Всѣ страданія, претерпѣваемыя имъ, пусть будутъ для него наслажденіемъ„... „Онъ долженъ издали млѣть, замирать, пылать, страдать"... „Влюбленный долженъ быть красивъ, уменъ, краснорѣчивъ, великодушенъ, богатъ, постояненъ и терпѣливъ,—кто не обладаетъ

[1]) Ср. съ Таріелемъ героя европ. романа Амадиса, удалившагося на продолжительное время на безлюдный утесъ, вслѣдствіе неудовольствія, изъявленнаго ему его дамой.

всѣми этими качествами,—тотъ не называй себя влюбленнымъ"... „Большая разница между любовью возвышенной, небесной и страстью низменной и пошлой"... Въ самомъ произведеніи Руставели удовлетворяетъ этимъ пріемамъ, тщательно придерживаясь задуманной имъ концепціи. Въ виду такой органической связи „введенія" и самой поэмы, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые считаютъ „ars poëtica Руставели лишь впослѣдствіи посторонней рукой внесенною въ поэму. Со стороны внѣшней формы онъ оправдалъ требованіе, выставленное въ „введеніи": онъ „лелѣялъ свою идею", „углубился въ нее" и „языкомъ гармоничнымъ" воспроизвелъ поэтическую галлерею художественныхъ типовъ. Его герои, дѣйствительно, надѣлены умомъ, великодушіемъ, красотой. Преданности дружбѣ и вѣрности данному слову никогда они не забываютъ. Руставели несомнѣнно самъ сказывается въ добродѣтельныхъ воззрѣніяхъ своихъ героевъ,—„душа поэта отражается въ его твореніи". Весь разсказъ воодушевленъ его безконечною добротой. Устами своихъ героевъ, или субъективно своими разсужденіями, онъ врывается въ ходъ поэмы. Это онъ говоритъ: „кто оказалъ услугу, тотъ не будетъ никогда мною забытъ"... „Когда дружба сдѣлала насъ братьями, мы не должны бояться ни страданій, ни смерти"... „Нужно, чтобы дружба дала сердце за сердце и любовь, какъ мостъ и дорогу [1]).

Нельзя пройти молчаніемъ такія осмысленныя, чисто-христіанскія изреченія, которыя внушаютъ мысль „освобождать рабовъ", вѣщаютъ равенство половъ („порожденіе льва остается львомъ все равно, какого бы пола оно ни было"), вызываютъ къ щедрой милости: „что роздано тобою—твое, что нѣтъ—потеряно"... „Такъ какъ лучи солнца одинаково освѣщаютъ и розу и сорную траву,—не унывай распространять свою милость на великихъ и малыхъ міра сего". Въ концѣ поэмы, послѣ счастливой свадьбы Таріеля и Нареджаны, поэтъ замѣчаетъ: „Ихъ милость падала на подданныхъ съ тою же ровностью, съ какою падаетъ снѣгъ на землю". Поэтъ „личныя заслуги ставитъ выше родовитаго происхожденія", „славную смерть предпочитаетъ позорной жизни", „не терпитъ лживаго человѣка" и „не цѣнитъ свѣта, окруженнаго полосой мрака", ясно понимаетъ тщетность мірской суеты и предлагаетъ положиться на волю Провидѣнія. „Ложь есть корень всего

---

[1]) Причина дружбы Таріеля съ Автандиломъ заключается въ томъ, что они оба влюблены: „Любовь стала торною дорогою и мостомъ между ними и ихъ сердцами, и былъ бы (говоритъ Автандилъ) презрѣннымъ человѣкомъ, еслибы бросилъ Таріеля" (строфа 721).

злаго на землѣ. „Ложь и измѣна—двѣ родныя сестры". „О человѣкъ! не гордись своею силою! не гордись, безумецъ! Сила ничего не сдѣлаетъ, если помощь Бога не довершитъ. Малая искра уничтожаетъ и побѣждаетъ дерево исполинскихъ размѣровъ, ударивъ его мечомъ или кускомъ дерева". Въ подобныхъ стихахъ таилась притягательная сила „Барсовой кожи" для грузинскаго читателя, обращая это произведеніе не въ мишурные разсказы, а эпическій трактатъ, достойный уединенныхъ размышленій [1]).

Руставели задался мыслью подвести къ одному общему знаменателю всѣхъ четырехъ героевъ и героинь своей поэмы. Знаменатель этотъ, по словамъ бар. Сюттнера, счастливое единеніе въ любви и дружбѣ. Задача эта была слишкомъ трудна, потому что поэтъ неупустительно долженъ былъ держать въ рукахъ всѣ нити, во избѣжаніе впасть въ скучное однообразіе при обрисовкѣ типовъ. Но Руставели сумѣлъ придать характерамъ своеобразные оттѣнки, создающіе изъ каждаго героя вполнѣ самостоятельную личность и такимъ образомъ блестяще выполнилъ свою задачу, закрѣпивъ за каждымъ персонажемъ два элемента красоты: индивидуальность очертанія и трагизмъ положенія.

Поэтъ располагаетъ весьма ограниченнымъ количествомъ поэтическихъ образовъ; онъ не устаетъ въ своей поэмѣ сравнивать героевъ и героинь съ солнцемъ и луной. Это злоупотребленіе небесными свѣтилами вмѣстѣ съ розами, хрусталями и райскими деревьями составляетъ весь репертуаръ метафорическаго языка поэта, препятствующій иногда пониманію самаго произведенія. Въ храбрости мужей и красотѣ женъ поэмы замѣчается отсутствіе чувства мѣры. Изобиліе слезъ, пролитыхъ героями поэмы, можетъ вызвать въ европейскомъ читателѣ нѣсколько непріятное чувство. На каждомъ шагу приходится наталкиваться на „кровавыя слезы", на „потоки", „ручьи", „озеро", „море" слезъ. Но нельзя отчасти не извинить автора. Руставели не безъ основанія говоритъ: „если влюбленный плачетъ, то онъ обязанъ проливать слезы". „Пусть онъ живетъ въ уединеніи отъ суеты мірской!" Бар. Сюттнеръ замѣчаетъ, что печаль, которую представляетъ „Барсова кожа", отвѣчала общественнымъ вкусамъ современниковъ. Этотъ фазисъ мрачной меланхоліи существовалъ не въ одной Грузіи,—его мы видимъ въ Азіи въ VI до Р. Х., а въ Европѣ съ I до X в. нашей эры, гдѣ онъ породилъ монашескій аскетизмъ. Въ текущемъ столѣтіи онъ проявился въ „Вертерѣ" Гете, во вздохахъ „Рене" Шатобріана, въ пессимисти-

---

[1]) „Афоризмы изъ Ш. Руставели", изд. отдѣльной книжкой Н. Велисцихели. Тифлисъ, 1890.

ческой поэзіи Байрона и Лермонтова. Вѣдь, геній поэтовъ направляется состояніемъ умовъ всего свѣта.

Руставели не только хорошо образованный поэтъ, но онъ философъ-христіанинъ. Автандилъ его словами пишетъ Ростевану: „развѣ ты не читалъ, о царь, какъ *апостолы* пишутъ о любви, постоянно о ней твердятъ, постоянно ее восхваляютъ? развѣ это не правда, что любовь насъ облагораживаетъ?.. На землѣ ничего не совершается безъ воли Божьей: засыхаетъ роза и фіалка, когда Онъ не посылаетъ съ неба лучей. Онъ прекраснѣе всего. Для чего же мнѣ Его бросать и не исполнять Его велѣній?“ Поэма открывается великолѣпнымъ воззваніемъ къ Божеству: „Тому, Кто создалъ вселенную мощною Своею силою, а выше, на небесахъ, сотворилъ сущности дуновеніемъ Своего Духа, намъ же, людямъ, далъ землю, чтобы владѣть ею въ безчисленныхъ образахъ,—Ему надлежитъ всякая держава! О Боже единый! Ты, проодѣвшій тѣла въ различные образы, Ты будь моею опорою; дай мнѣ силу побѣдить сатану, дай мнѣ страсть любовника до самой смерти, а послѣ смерти—прощеніе грѣховъ, которые туда заберу!“

Вѣра въ загробную жизнь исповѣдуется устами Автандила: „я не посмѣю поднять глазъ, когда встрѣчусь съ Таріелемъ на томъ свѣтѣ“. Онъ ссылается на Платона, говоря: „Платонъ именно учитъ, что ложь и обманъ оскверняютъ душу и даже тѣло дѣлаютъ отвратительнымъ“.

Жители Индіи и царства морей являются мусульманами: у нихъ упоминается священная книга „Муссати“, т. е. Коранъ и *Наврозъ*, т. е. празднованіе Новаго года. Китайцы и каджи рисуются язычниками: первые клянутся своимъ богомъ и небомъ, а вторые занимаются волхвованіемъ и считаются посвященными скалѣ. Такъ, историческая жизнь въ поэмѣ является въ поэтической обработкѣ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не существуетъ русскаго перевода „Барсовой кожи“, хотя онъ не могъ бы дать яснаго представленія объ оригинальности обработки сюжета: самый лучшій переводъ стихотворенія не что иное, какъ обратная сторона прекрасно вышитой ткани, гдѣ же нитки, но вмѣсто арабесокъ онѣ рисуютъ лишь блѣдные контуры. Однако, даже въ неясномъ воспроизведеніи грузинская поэма заслужила весьма лестные отзывы со стороны иноземцевъ [1]). „Без-

[1]) *Arthur Leist* говоритъ въ предисловіи къ нѣмецкому переводу „Барсовой кожи“: „Das Epos Der Mann in Tigerfelle ist das volkstümlichste Werk in der georgischen Littartur und überhaupt die bedeutendste Dichtung, welche der poetische Genius der kaukasischen Völker bis jetzt hervorgebracht hat“. Замѣчанія на неточности въ переводѣ текста см. *П. Гулакъ*, „Нов. Обозр.“, № 2529.

пристрастіе, — говоритъ бар. Сюттнеръ, — вынуждаетъ насъ называть Руставели геніемъ, ибо онъ составилъ романъ въ то время, когда этотъ жанръ поэзіи не существовалъ въ Европѣ, и вмѣсто упрековъ его обожателямъ за чрезмѣрное возвеличеніе его, мы должны радоваться, что на нашихъ глазахъ воспрянетъ еще одинъ герой поэзіи, самое существованіе котораго намъ было неизвѣстно и который достоенъ занимать мѣсто въ пантеонѣ всемірной славы". („Кавказъ" 1884, № 285).

Изданія поэмы Ш. Руставели.

Поэма Ш. Руставели впервые была напечатана въ Тифлисѣ въ 1712 г. царемъ Вахтангомъ VI. Первое изданіе заключало 1589 четверостишій. Въ 1841 г. она была издана въ С.-Петербургѣ [съ лексикономъ] Броссе, Зах. Палавандовымъ и Дав. Чубиновымъ. Въ это изданіе впервые вошло 48 строфъ, прибавленныхъ Броссе по указанію Кебадзе и не принадлежащихъ перу Ш. Руставели. Въ 1846 г. (въ С.-Пб.) поэма появилась въ Хрестоматіи Чубинова, со статьей издателя о поэтѣ, съ 142 четверостишіями въ русскомъ переводѣ, съ ямбикономъ, но безъ лексикона. Въ 1860 г. издана Чубиновымъ же съ его объясненіями и съ 8 добавленіями изъ 48 броссевскихъ строфъ. Въ 1867 г. отпечатали ее Г. Церетели и Дав. Кипіани съ орфографическими исправленіями прежнихъ изданій. Въ 1875 г. издалъ ее въ Тифлисѣ Арсеній Каландадзе. Въ 1883 г. появилось изданіе Цулукидзе. Въ 1887, 1889 и 1886 гг. издана въ Тифлисѣ Гр. Чарквіани. Въ 1888 и 1896 гг. издана въ Озургетѣ Тавартиладзе. Въ 1889 г. вышло иллюстрированное изданіе поэмы, предпринятое Г. Картвеловымъ.—Въ 1855 г. появилась въ Москвѣ трагедія „Барсова кожа", на русскомъ языкѣ въ стихахъ, написанная царевичемъ Окропиромъ Георгіевичемъ [1]). Извѣстна еще трагедія „Руставели", написанная К. Месхи. Она ставилась въ Тифлисѣ.

ОМАНІАНИ.[2])

Рукописная поэма *Оманіани*, продолженіе „Барсовой кожи", хранится въ Парижской Національной библіотекѣ. Герой поэмы Омайнъ (или Оманъ), внукъ

[1]) *Brosset.* Mélanges Asiat. VIII, 432.

[2]) См. *у меня* выше, стр. 249. Дополненіе къ „Барсовой кожѣ" кончается смертью Таріеля и Автандила, оплакивать которыхъ является преданный ихъ другъ, царь Придонъ. См. *мою* книжку „Рукописная Барсова кожа" изъ Моск. арх. иностр. д. (М. 1895).

Таріела и сынъ Саридона, женившагося на дочери Автандила. Подробности этой поэмы я привожу по рукописи (частью въ прозѣ, частью въ стихахъ), полученной мною въ Батумѣ отъ г. Клдіашвили. Къ сожалѣнію, эта рукопись сохранилась въ печальномъ видѣ: недостаетъ въ ней конца и въ началѣ, вслѣдъ за прославленіемъ Бога и апост. Іоанна [1]), тѣхъ листовъ, въ которыхъ передается исторія рожденія Омана. По Парижской, рукописи у Саридона долго не было дѣтей и послѣ горячихъ молитвъ по откровенію ангеловъ во снѣ, Господь даровалъ сына, Омана, который поражалъ всѣхъ мужественной красотой. Родины его были отпразднованы пышно при звукахъ музыки и пѣнія. Ребенокъ быстро возрасталъ отличаясь силою, умомъ, щедростью, любознательностью и такою обаятельною симпатіей, что превосходилъ даже Таріеля. Его окружали 700 вельможъ, забавляли его играми и охотою. Разъ царь устроилъ торжественный пиръ въ полѣ въ присутствіи войска и вождей его. Оманъ въ восторгѣ отъ „нѣжныхъ мотивовъ“ пѣвцовъ вышелъ изъ палатки и замѣтилъ въ дали плачущаго юношу, котораго велѣлъ представить ему на другой день. Юноша не послѣдовалъ за посланнымъ вѣстникомъ Омана, и послѣднему пришлось самому пригласить „таинственнаго“ иноземца къ себѣ во дворецъ.

Юноша здѣсь разсказалъ свою длинную исторію. Онъ сынъ морскаго царя и три года уже покинулъ своихъ родныхъ по слѣдующей причинѣ. Разъ во время охоты онъ замѣтилъ, что къ берегу на одной доскѣ приплылъ человѣкъ, который оказался разорившимся на морѣ купцомъ изъ Сѣвернаго города. Этотъ несчастный человѣкъ, посѣтившій по торговымъ дѣламъ Египетъ (Мисрети), разсказалъ, что царь той земли имѣетъ одну дочь неописанной красоты, „которая сіяетъ, какъ солнце, обливая своими лучами и сушу, и море“. Морской царевичъ заочно проникся любовью къ этой красавицѣ и съ большимъ кладомъ, въ сопровожденіи слугъ и купца, отправился въ Египетъ. Здѣсь онъ узналъ, что царевну никто изъ мужей не можетъ видѣть, она сидитъ за девятью замками, охраняемая 1000 дамъ. Только разъ въ мѣсяцъ посѣщаетъ ее отецъ, а въ полъ года разъ она выходитъ, но за пять мѣсяцевъ отдается приказъ никому не показываться, въ противномъ случаѣ 4000 дѣвицъ изъ ея свиты, отличаясь исключительною храбростью, угрожаютъ смертною казнью виновникамъ нарушенія заведеннаго обычая. Во главѣ самаго города стоитъ женщина—молочная сестра царицы, которая охраняетъ неприкосновенность своей повелительницы. Юноша пробылъ въ городѣ два года, видѣлъ издали гуляющую царевну, къ которой никто не могъ приступить. Истощивъ за это время все состояніе и проникаясь безутѣшною грустью, онъ попалъ разъ въ садъ, гдѣ отъ утомленія уснулъ. Одинъ господинъ, оказавшійся художникомъ, разбудилъ его, отвелъ домой и посовѣтовалъ вернуться домой. Художнику какъ-то удалось снять царевну, отправляющуюся на молитву, и портретъ—блѣдное воспроизведеніе ея красоты,—юноша выпросилъ и возвращался съ нимъ домой, когда Оманъ его видѣлъ плачущимъ. Сынъ Саридона разска-

---

[1]) Предисловіе къ Оманіани есть блѣдное подражаніе „Барсовой кожѣ“ съ тѣмъ при томъ различіемъ, что Оманіани носитъ слѣды религіознаго настроенія.

залъ объ юношѣ отцу, который принялъ его съ царскими почестями, а потомъ уговорилъ мать свою отдать дочь свою за несчастнаго морскаго царевича. Оманъ же, увидѣвъ портретъ мисретской красавицы, пересталъ принимать участіе въ забавахъ, погрузился въ одиночествѣ въ грустное объ ней размышленіе. Царя, узнавшаго объ этомъ, онъ успокоилъ, не открывая своей горести. Сестра его также стала проливать горькія слезы, когда стало ей извѣстно, что рѣшено ее выдать за морского царевича, несмотря на похвалы, расточаемыя царицей матерью по адресу ея жениха. Дочь объяснила только письмомъ причину своего отказа; она писала, что морской царевичъ никому неизвѣстенъ своими подвигами и свое безсиліе доказалъ тщетнымъ разыскиваніемъ мисретской царевны. Дочь царя надъ семью индійскими царями должна считать позоромъ выходить за такого юношу. Письмо прочитали мать, отецъ и Оманъ, согласились съ ея доводами, проливая слезы. Для испытанія юноши Омайнъ предложилъ ему вступить въ состязаніе съ храбрымъ и умнымъ спасаларемъ Салимомъ, родственникомъ индійскаго царя и безумно-влюбленнымъ въ красавицу-царевну. И юноша, и спасаларь согласились вступить въ бой изъ за обладанія сердцемъ спорной дамы. Состязаніе происходило въ присутствіи царя съ семьей и всѣхъ горожанъ съ супругами, при оглушительныхъ звукахъ музыки. На коняхъ въ кольчугѣ, вооруженные копьями, булавами, щитами и шашками выступили бойцы. [1]) Искры отъ ихъ оружія сыпались, словно молніи, стукъ, словно громовой ударъ слышенъ былъ на разстояніи 1 парсангъ. Бой продолжался съ утра и до полудня. Утомившись, они спустились съ коней, вступили въ отчаянную рукопашную борьбу, и только темная ночь ихъ разъединила. Всѣ одобрили поступокъ юноши, который не нападалъ на спасаларя, пока взамѣнъ убитаго, не подвели его противнику другого коня.

Бой былъ отложенъ до слѣдующаго дня. Но тутъ царевна со слезами подошла къ матери, говоря, что по наущенію дьявола, она настояла на состязаніи изъ за нея двухъ героевъ и еслибто-нибудь будетъ убить, то кровь его ляжетъ на ея душу, и потому она рѣшается во избѣжаніе грѣха выйти за морского царевича. Царь, однако, замѣтилъ, что бойцы не покинутъ поля брани и нужно ждать втораго состязанія. На другой день спасаларь убилъ коня юноши, но погнался съ копьемъ за нимъ съ намѣреніемъ заколоть его, забывъ, что юноша наканунѣ при тѣхъ же условіямъ воздержался отъ преслѣдованія. Этотъ поступокъ спасаларя, омраченнаго любовью, не понравился публикѣ. Юноша же сумѣлъ щитомъ отстранить ударъ спасаларя его, копье его разрубивъ шашкой на двѣ части, и нанесъ сильную рану закованному въ кольчугѣ Солиму. Оманъ поспѣшилъ тогда къ нимъ на помощь, снялъ цѣпи съ раненаго, а юношу привѣтствовалъ съ побѣдой. Царь осыпалъ морского царевича жемчугомъ, а народъ поздравилъ его и благодарилъ Господа, за наказаніе спасаларя, проявившаго вѣроломство. Царевна очень радовалась его успѣху; отпраздновали пышную свадьбу, возложили дорогіе вѣнцы на молодыхъ, возсѣдавшихъ на тронѣ, и на девятый день съ большимъ приданымъ и съ тремя

[1]) Обычная обстановка рыцарскихъ состязаній въ грузин. романахъ.

вельможами отправились въ страну морскаго царя, который съ радостью принимаетъ потеряннаго сына. Царевичъ далъ слово провожавшему его на разстояніе трехдневнаго пути Оману вскорѣ вернуться и раздѣлить съ нимъ предстоящія препятствія. Оманъ же, отпросившись у отца будто осмотрѣть провинціи, предается грусти при воспоминаніи о мисретской красавицѣ. Для развлеченія открываютъ ему, по совѣту однихъ визирей, всѣ сокровища, которыя не могутъ его успокоить; совѣтъ же другихъ визирей—пригласить всѣхъ ремесленниковъ, которые бы познакомили царевича съ своимъ искусствомъ—достигаетъ цѣли. Оманъ останавливается на предложеніи двухъ плотниковъ, которые могутъ приготовить деревяннаго коня, уносящаго сѣдока съ быстротой молніи. Къ невыразимому огорченію родителей, съ большими сокровищами, онъ тайкомъ ускакалъ на этомъ конѣ въ Египетъ;—останавливается въ тѣни трехъ пальмъ, потомъ вступаетъ въ городъ въ качествѣ торговца драгоцѣнныхъ камней. Красота его всѣхъ приводила въ восторгъ, а слухъ объ его сокровищахъ доходитъ до красавицы, которая посѣщаетъ его, получаетъ отъ него два рѣдкихъ рубина и пораженная его красотой въ очарованіи возвращается домой. Юноша тоже безъ ума отъ красавицы, носящей имя Бурги-Меликъ [меликъ-правитель]. Съ помощью одной женщины, знакомой съ тѣмъ купцомъ, у котораго остановился Оманъ, удается устроить ихъ свиданіе, и трое сутокъ влюбленные проводятъ въ полномъ блаженствѣ. Царь, однако, замѣтивъ отсутствіе дочери, требуетъ ее къ себѣ, и она, отдавъ ему должное поклоненіе, спѣшитъ въ объятія своего возлюбленнаго. Съ помощью хитрости удается убѣдить царя выдать свою дочь за Омана. Разъ во время охоты онъ встрѣтилъ плачущаго красиваго и мужественнаго царевича, который объяснилъ причину слезъ тѣмъ, что онъ видѣлъ во снѣ красавицу, которая дала ему слово быть его женою, но пока онъ тщетно ее разыскиваетъ. По поднесенному впослѣдствіи царю портрету, оказалось, что таинственная дѣва была его дочь, предназначенная судьбой неизвѣстному юношѣ въ жены. Самъ царь явился сватомъ передъ дочерью за юношу, котораго, по ея словамъ, она также видѣла во снѣ и считала себя обязанной исполнить волю царя. Слѣдуетъ разсказъ о царѣ Мисретскомъ Али-кафалѣ,—онъ же Али-капаръ.

Когда онъ вступилъ на престолъ, то, по обыкновенію, получилъ цѣнные подарки, а потомъ самъ раздалъ награды, устроилъ пиръ и охоту. Онъ отличался умомъ, милосердіемъ ловкостью въ игрѣ въ мячъ и скачкахъ. Его посѣщаетъ оставившій домъ отца и братьевъ непобѣдимый Гурдзи палаванъ [богатырь], родственникъ великаго героя Наримана. Царь принялъ его съ радостью, предложилъ ему провинцію по выбору пословъ палавана и въ жены далъ ему одну изъ сестеръ своихъ. У Гурдзи родился герой-ребенокъ Заваръ, у царя же послѣ продолжительныхъ ожиданій родилась красавица дочь. Пиръ и раздача милостыни бѣднымъ. Умеръ Гурдзи и замѣнилъ его съ честью Заваръ, который внушалъ такой страхъ Риму, что послѣдній сталъ просить мира и изъявилъ согласіе служить Египту. Царь Али-капаръ разъ объявилъ совѣту вельможъ, что онъ по старости рѣшилъ снять съ себя царскую порфиру и возвести на престолъ дочь свою Бурги-Меликъ. [1])

[1]) Ср. возведеніе Тинатины на престолъ царемъ Ростеваномъ у Руставели.

Совѣтъ во главѣ „палавана“ просилъ пять дней на размышленіе и потомъ заявилъ, что царь и по физическимъ, и умственнымъ силамъ могъ бы еще нести бремя управленія тѣмъ болѣе, что дочь его, окруженная дѣвами, никого изъ мужчинъ къ себѣ не допускаетъ и будетъ поставлена въ затруднительное положеніе. Царь настаивалъ на своемъ, а дочь, повинуясь только волѣ отца, извѣстила черезъ посланную особу, что она имѣетъ образованныхъ совѣтницъ, съ помощью которыхъ она надѣется управлять государствомъ. Такимъ образомъ Бурга-Меликъ провозглашена правительницей, и съ подобающимъ торжествомъ отпразднованъ былъ этотъ знаменательный день. Она велѣла прежде всего подать всѣмъ милостыню, потомъ приняла отчетъ о состояніи войска, крѣпостей, городовъ и казны, назначила правителей областями и хранителей государственныхъ имуществъ. Наиболѣе близкимъ лицомъ, отправленнымъ въ Римъ съ большой свитой, былъ Заваръ, которому она дала слово выйти только за него. Однако черезъ три года, по восшествіи на престолъ, проникъ въ Египетъ Оманъ, завоевавшій сердце царевны. Узнала мать Завара объ ея измѣнѣ и стала ее упрекать въ жестокости по отношенію къ влюбленному въ нее сыну. Дошла вѣсть и до Завара, стоящаго правителемъ на римской границѣ, и послѣ трехдневной грусти написалъ ей письмо, въ которомъ онъ ее называлъ вѣроломной, противнику угрожалъ именемъ солнца и луны уничтожить его кулакомъ, а всей странѣ разореніемъ. Письмо со страхомъ прочитала воспитательница царевны и сообщила содержаніе своей повелительницѣ, которая пригласила на совѣтъ правительницу города. Послѣдняя успокоила встревоженную Бурги-Меликъ, возлагая надежды на Омана. Поставленный въ извѣстность Омайнъ, далъ отвѣтъ Завару, называя его угрозы опрометчивыми по адресу незнакомаго ему человѣка. Воспитательница же ему отвѣтила, что войною и умерщвленіемъ никто еще не внушалъ любви [1]) и пусть помѣрится силою съ львомъ Оманомъ. Заваръ недолго заставилъ ждать и явился съ войскомъ въ городъ, гдѣ вступилъ въ гордое объясненіе съ царемъ, хвалясь своей силой. Въ присутствіи царя и горожанъ произошелъ отчаянный бой, напоминающій небесный громъ и „Страшный судъ“. Заваръ отличался высокомѣріемъ, а Оманъ выступилъ величавно и стройно. Послѣ пылкой схватки то на коняхъ, то пѣшкомъ Заваръ былъ побѣжденъ, а Омайна привѣтствовали криками радости. Щедрыя награды роздалъ царь по этому случаю. Побѣда Омана завершилась его свадьбой съ Бурги-Меликъ и рѣдкимъ пиромъ. Они были возведены на престолъ и увѣнчаны коронами.

Омайнъ разсказалъ супругѣ свою исторію, начавъ ее съ передачи содержаніе Барсовой кожи съ ея продолженіемъ (о Таріелѣ, Нестанъ Д., Хваразмійскомъ принцѣ, Ростеванѣ, Автандилѣ, Придонѣ) до болѣзни Таріели и мести Хваразмійскаго царя, появленія на помощь Придона и Автандила, смерти его дѣда, закончивъ повѣстью изъ своей жизни въ Индіи и заявленіемъ необходимаго путешествія къ роднымъ, съ которыми находился онъ въ разлукѣ въ теченіе болѣе 5 лѣтъ. Вручивъ управленіе начальницѣ города, тайно отъ царя супруги,

[1]) Ср. Асмати, наперсницу Нестанъ Дареджаны.

оставивъ письма ему, отправились въ Индію, отстоящей отъ Египта на разстояніи двухгодичнаго пути, но произнесли молитву Соломона и на другой день уже были дома. Аликанаръ утромъ узналъ объ ихъ исчезновеніи, посыпалъ главу золой, а потомъ, прочитавъ письма, въ которыхъ они объясняли причину своего путешествія и просили у него прощенія за причиненное горе. Царь успокоился. Омайнъ же остановился съ супругой въ своей комнатѣ, которую онъ нашелъ въ томъ же видѣ, въ какомъ ее покинулъ. На другой день узналъ онъ отъ прислуги, что царь и царица опечалены его исчезновеніемъ и въ теченіе 5 лѣтъ не видали солнца". Чрезъ одного раба онъ послалъ сказать отцу Саридону, что сынъ его съ Мисретской царевной пришли его навѣстить. Происходитъ трогательная встрѣча, роскошный пиръ съ музыкой въ теченіи нѣсколькихъ дней, поднесеніе цѣнныхъ подарковъ, обсыпанныхъ жемчугомъ и раздача милостыни; царицы любуются другъ другомъ, а Оманъ разсказываетъ всѣ свои приключенія. Случилось, что Саридону явился конюхъ и доложилъ, что табунъ Таріеля, расположенный на берегу Бѣлаго моря въ теченіи 5 лѣтъ, въ послѣднее время подвергся опасности со стороны одного чуднаго бѣлаго цвѣта коня превосходящаго величиною двухъ слоновъ. Этотъ конь каждый разъ угоняетъ изъ табуна нѣсколько лошадей, а попытка остановить его кончается гибелью для тѣхъ, кто дѣлалъ на него нападеніе. Омайнъ съ отцомъ, царицами и войскомъ отправился въ табунъ поймать таинственнаго коня, однако послѣдній легко вырвалъ изъ рукъ Омана наброшенный арканъ и исчезъ. Оманъ, считая себя опозореннымъ, побѣжалъ за нимъ, а царь вернулся къ царицамъ, чтобы ихъ отправить домой, а самому поискать пропавшаго сына. Оманъ же скитался 10 дней и остановился въ тѣни чинаровъ, гдѣ встрѣтилъ трехъ путниковъ, изъ которыхъ двое были девами, одинъ съ копьемъ, другой съ булавой, а третій негръ—ихъ слуга. Копьеносецъ гордо велѣлъ Оману подойти и пасть къ ногамъ его коня, Омайнъ въ отвѣтъ его связалъ и требовалъ сказать, кто онъ такой; онъ оказался сыномъ дэви и женщины изъ обыкновенныхъ людей и обѣщалъ служить ему вѣрой и правдой. Отецъ его происходитъ отъ бѣлаго дэви, убитаго въ Мазандаранѣ потомкомъ знаменитаго Систанскаго воителя Наримана, сына Саама, Заала и Ростома. Бѣлый дэви послѣ того жилъ въ городахъ и господствуетъ нынѣ во всей странѣ. Въ сопровожденіи побѣжденнаго дэви, по имени Сари, и негра Оманъ направился противъ Бѣлаго деви, котораго засталъ за обѣдомъ. Сари донесъ о появленіи нѣкоего человѣка и дэви вышелъ, вооруженный булавою. Послѣ жаркой схватки дэви былъ убитъ, и золотая шапка съ ожерельемъ были сняты. Дэви узнали о пораженіи своего господина и вспомнили времена Ростома въ страхѣ разбѣжались. Плѣнные люди были освобождены, и въ числѣ ихъ были женщины, изъ которыхъ одна оказалась царевной Балхи Бухарской [1]), похищенной вмѣстѣ со старшей дамой (хатумъ) Ямaнскаго царя Бѣлымъ дэви. Оманъ поручилъ охранять прекрасную царевну этой дамѣ, одаривъ первую ожерельемъ, снятымъ съ дэви.

---

[1]) Ср. „Русудуніани" [III вып. „Очерковъ"].

Чрезъ дэви Сари Оманъ извѣстилъ отца о побѣдѣ и доставшейся ему казнѣ. Омайнъ же влюбился въ Турецкую (?) царевну и написалъ ей письмо, на что она чрезъ хатумъ отвѣтила, что безъ согласія родителей она не рѣшится отдать себя какому-нибудь мужу. Въ это же время вернулся Сари, который привезъ извѣстіе, что ѣдетъ самъ царь съ царицами къ сыну. По случаю ихъ пріѣзда, Оманъ задалъ пиръ, на которомъ были поднесены гостямъ драгоцѣнные подарки. Послѣ пира поѣхали на охоту, гдѣ Саридонъ убилъ льва. По возвращеніи жена Омана предложила ему взять въ супруги понравившуюся ей турецкую царевну. Свекровь нашла, что молодая царица очень добра, а Омайнъ, конечно, съ радостью принялъ предложеніе любезной супруги. [Сари отправленъ въ Туркестанъ къ царю, съ порученіемъ просить у него руки дочери, освобожденной изъ плѣна Бѣлаго дэви Омайномъ, внукомъ Таріели. Чрезъ сына своего туранскій царь далъ отвѣтъ, въ которомъ онъ считалъ себя счастливымъ, что пріобрѣлъ такаго храбраго зятя. Отпраздновали свадьбу и на шестой день Саридонъ отправился въ Балхи, назначивъ Сари правителемъ области Бѣлаго дэви. Оманъ же съ женою прибылъ на свиданіе къ туранскому царю, который его принялъ съ большимъ почетомъ. Чрезъ два мѣсяца послѣ пышной свадьбы пришелъ разъ во время пира одинъ человѣкъ, который разсказалъ о появленіи двухъ леопардовъ, безнаказанно все опустошающихъ. Оманъ отправился на охоту противъ нихъ, какъ на праздникъ съ пѣніемъ и музыкой, и одержалъ побѣду. Дошелъ слухъ о подвигахъ (о волшебномъ конѣ и проч.) Омана, внука Таріели до Константинопольскаго кесаря. Желая его видѣть, послѣдній, посадивъ на престолъ старшаго сына, объявилъ совѣту визирей, что ѣдетъ путешествовать и осматривать провинціи. Прибывъ къ границамъ Персіи, онъ написалъ письмо царю той земли Анупгирвану, который въ сопровожденіи адирбежанцевъ, аракцевъ, иранцевъ, багдадцевъ и хварасанцевъ, выѣхалъ на встрѣчу великому кесарю". Послѣ пышныхъ пировъ во дворцахъ, когда кесарь заявилъ, что ѣдетъ въ Индію повидать витязя Омана, Анушиваръ выразилъ желаніе присоединиться къ нему и вдвоемъ написали письмо къ Саридону Индійскому о своемъ визитѣ, предварительно, по обыкновенію, воздавъ благодарность Богу и похвалу царю. Прибылъ еще царь Учинмачинели [1]) Какачинели и четыре повелителя пируютъ нескончаемо и дружно. На обѣдѣ Анушпрванъ раздалъ на память четыремъ сотоварищамъ и самому Оману пять рѣдкихъ чашъ, назначенныхъ для питья. Потомъ начался у нихъ разговоръ о житейскихъ вопросахъ. Анупгирванъ сказалъ, что онъ не помнитъ непріязни отъ молчанія, а отъ произнесенія своихъ словъ часто огорченія терпѣлъ; кесарь прибавилъ, чего не сказалъ еще, то въ его рукахъ, но что сказалъ, то уже не его, какъ пущенная стрѣла, которую нельзя вернуть; индійскій царь привелъ слова одного мудреца, который на вопросъ перваго, что для человѣка наиболѣе удобно говорить, отвѣтилъ: молчаніе, молчаніе, молчаніе, однако онъ самъ думаетъ, что нужно говорить, что стоитъ и умолчать, гдѣ нужно. Къ этому времени явился слуга и донесъ, что

[1]) Ср. „Амиранъ-Дареджаніани".

явился витязь, величиною въ цѣлую гору, который входитъ во всякій домъ и выгоняетъ хозяевъ. Витязь этотъ былъ Кара Койль, который отказался придти на зовъ царей и требовалъ себѣ противника. Омайнъ вступилъ въ состязаніе и послѣ отчаянной схватки свалилъ его съ лошади, разбилъ шлемъ и какъ мертваго отвезъ его къ царямъ, которые привѣтствовали героя криками радости и осыпали жемчугомъ. Кара-Койль тутъ разсказалъ, что онъ изъ Аравіи и много бѣдствій причинялъ всѣмъ. Саридонъ велѣлъ его показать населенію, а потомъ обезглавилъ, передавъ его оружіе и коня Оману. Попировавъ еще нѣсколько дней, цари закрѣпили усы дружбы сладкими словами и разошлись по своимъ владѣніямъ".

Какъ видно изъ этого изложенія „Оманіани" сочиненъ въ подражаніе „Барсовой кожѣ", отчасти „Ростоміани", „Русуданіани" и „Амираніани". Авторъ его намъ не извѣстенъ, но видно грузинъ, знакомый съ восточными и туземными произведеніями. Присутствіе османскихъ словъ („хатуни") свидѣтельствуетъ о позднемъ созданіи этого произведенія, по времени, относящемся къ усиленію турецкаго вліянія въ Грузіи (XVII—XVIII в.).

Конецъ „Оманіани": Поминающіе его да будутъ благословены Господомъ. Приписка гласитъ, что рукопись переписана въ царствованіе Императора Александра Павловича коллежскимъ совѣтникомъ Мельхиседекомъ Бебутовымъ 14 августа 1814 года.

ЧАХРУХА (ЧАХРУХАДЗЕ).

Поэтъ Чахруха (Чахрухадзе), родомъ мохевецъ, создавшій особый стихотворный размѣръ — чахрухаули [стихъ въ 20 слог.] — оставилъ поэму изъ 115 куплетовъ въ прославленіе цар. Тамары. Католиксъ Антоній въ „мѣрномъ словѣ" считаетъ его піитомъ Тамары. По своему характеру его ода примыкаетъ къ произведенію поэта Шавтели. И тотъ и другой очевидцы ея красоты и событій, которыя происходили предъ ихъ глазами, и упоенные величіемъ родного царства, стараются возсоздать ея образъ и выразить всѣ заслуги своей царицы. Тогдашнія грузинскія „полтавскія битвы" въ Трапезундѣ, Ани, Шамкорѣ заслуживали того, чтобъ о нихъ заговорили уста не только одниxъ историковъ, но и поэтовъ. Борьбу Тамары съ мусульманами поэтъ Чахрухадзе облекаетъ въ слѣдующую поэтическую форму. Мусульманскій міръ онъ уподобляетъ заволновавшемуся морю, которое то и дѣло клокочетъ и гласитъ: Мною затоплены и сметаны всѣ царства, я сокрушу и оставшееся царство картвеловъ. Цѣлыя горы волнъ разсвирѣпѣвшаго моря уже двигаются къ Грузіи, чтобы затопить и ее. Тамара предвидя грозу, заранѣе приготовляетъ свои полки. Воинство ея идетъ навстрѣчу врагу. Въ сраженіи сваливается одна гора волнъ за другою, и скоро кичливый врагъ разбивается и сметается.

Въ началѣ поэтъ приглашаетъ мудрецовъ прославить Тамару, признавая, что, даже будучи Сократомъ и при помощи Гомера и Платона, не съумѣютъ воздать царицѣ должное. Только Аристотель изъ племени мудрецовъ, прославленный мудростью въ Аѳинахъ, оставшійся единственнымъ, никѣмъ не превзойденнымъ ученымъ, былъ бы въ состояніи прославить ее. Но дерзаетъ и онъ, Чахруха, повѣдать разумнымъ зрителямъ о красивыхъ ланитахъ царицы, вольностью подобной Кроносу небесному, являющейся солнечнымъ лучомъ, сверкающей зарей, затемняющей своимъ блескомъ луну, украшающей собою семь небесныхъ свѣтилъ.

Индійцы были поражены созерцаніемъ плачущаго Диларгети [1]) среди роскошной поляны; солнечные же лучи могутъ только мерцать при видѣ блеска Тамары. Всѣ жаждутъ видѣть и приблизиться къ граціозной исполненной молненосной красоты царицѣ. Самому поэту приходится молчаливо созерцать ее и энергичнаго Давида, отличнаго стрѣлка, изъ рода Ефрема [2]), обнажающаго мечъ на враговъ. Сынъ ея Лаша, [Георгій] это солнце безъ тѣни, изъ племени Вахтанга, по рожденіи пожелавшаго ослабить персовъ. Давидъ [мужъ Т.] сдѣлалъ быстро подданными упорныхъ и неподатливыхъ, какъ въ Каракорумѣ, Арамѣ и Аранѣ сразился Ростомъ и побѣдилъ всѣхъ владѣтелей этихъ провинцій. Предъ двинувшейся многочисленной толпой изъ различныхъ народовъ сталъ Давидъ, словно левъ непобѣдимый. Сократъ можетъ философствовать, Гомеръ трогать наши сердца, а мнѣ, говоритъ Чахруха, слабому на сильный, выразительный языкъ, не ставьте въ упрекъ, если скажу коротко и неполно. Но торжественная побѣда Тамары надъ мусульманами заслуживаетъ упоминанія. Враги были разсѣяны, грузинамъ достались въ изобиліи плѣнники и сокровища. Неожиданно какъ будто она оказалась побѣдительницей при (Шамкори ?). Подданные царицы возсылаютъ моленія къ Богу о благоденствіи ея и сына Лаша.

Господь (Троица) создалъ всю вселенную, солнце, систему планетъ, народы и далъ завѣтъ свой намъ. Тамару можно сравнить съ свѣтлымъ солнцемъ, никогда не заходящимъ, эфирнымъ сіяніемъ, съ источникомъ, орошающимъ поле Дарманское [3]) и дубраву Эдемскую.

---

[1]) Диларгети значитъ былъ извѣстенъ раньше чѣмъ ода Чахруха.

[2]) Ср. слово кіевск. митроп. *Иларіона* XI в.: „хотя Манасія былъ старше Ефрема, но благословеніемъ Іакова сдѣлался меньше". Мужа царицы восхваляетъ и „Кар. Цх.".

[3]) Дарма дарма-дэва въ индусской миѳологіи богъ добродѣтели и правосудія. Дарми верховный буддійскій жрецъ у китайскихъ буддистовъ; онъ отрѣзалъ себѣ вѣки, чтобы не спать; отъ нихъ будто бы произошелъ чай.

По щедрости—неизсякаемая какъ море, по высотѣ положенія—восходящая до неба, смиренно милостивая, пріятная для созерцанія, побѣдительница побѣдителей, утверждающая вѣру—Тамара царицей поставлена самимъ Богомъ. Люди царицѣ подчиняются и покоряютъ ей скалы тигровъ и дубравы львовъ, существа земныя считаютъ ее солнцемъ, семь планетъ ее восхваляютъ, но не съумѣли воздать должное, не имѣя языка Платона и лиры Давида. Далѣе слѣдуетъ извѣстная строфа: „Тамарь цкнари, шесацкнари, хманарпари, пирцинари; мзе мцинари, сачипари, цкалимкнари, момдинари" переведенная митрополитомъ Евгеніемъ буквально: „Тамарь кроткая, пріятная, сладкогласная, сладколичная.

Солнце — блистательная, важная, тиховодная, рѣкѣ полной подобная" [1]. Она сіяетъ не только какъ солнце, но отнимаетъ даже блескъ у послѣдняго: оно темнѣетъ предъ ней. Она освѣщаетъ все кругомъ, будучи не Зевсомъ, а непрерывнымъ сіяніемъ. Подобнаго свѣтила никто не видѣлъ подъ небомъ, никто не слыхалъ и созерцающіе ее мнятъ себя во снѣ или въ грезахъ, считая на яву столь дивное созданіе невозможнымъ.

Голубка по скромности, заря, оставляющая въ тѣни небесныя свѣтила, она является исключительной царицей, исполненной тонкаго ума и нѣжной души. Она какъ львица остается побѣдительницей надъ мусульманами, а мужъ ея „великій осетинъ Давидъ" сразилъ у Мангліса Фареза. Поэтъ нѣсколько характерныхъ чертъ приписываетъ „безподобному Давиду", видному среди почтенныхъ, веселому среди юношей, вѣрному товарищу, прославленному на пирахъ мудрому, въ совѣтѣ вельможъ, храброму на полѣ битвы.

Обращаясь снова къ Тамарѣ, Чахруха призываетъ на помощь философовъ и риторовъ эллинскихъ, воспитанныхъ въ Греціи грузинъ прославить молніеносные лучи царицы, освѣщающіе ночной мракъ, сіяніемъ которой горятъ небесныя свѣтила. Самсонъ, который измѣнически Далидой былъ остриженъ, не можетъ сравниться съ ней. Раминъ [2]) горевалъ и сдѣлался съ тоски поклонникомъ Виса, а побѣжденные персы Тамарѣ завидуютъ, ибо надъ владѣтелемъ Ирана (Эрана) она вознесла главу свою, какъ царь львовъ; намекъ на взятіе ею Тавриза, Казвина и Адарбадагана.

Граціозная, красивая, исполненная мудрости она доставляетъ зрителямъ отраду и удовольствіе. Она, „какъ мраморъ", служитъ пред-

---

[1]) Историческое изображеніе Грузіи. Спб. 1802. стр. 92. Ср. отзывъ Карт. Ц.
[2]) Герой „Висраміани".

метомъ твердой присяги. Нѣжное лицо ея, обрамленное волосами и локонами, вызываетъ неизсякаемую жажду видѣть снова, кто разъ узрѣлъ ее. Что восхвалять въ ней: высокую шею, стройный станъ, эфирный блескъ, ланиты, освѣщенныя черными глазами, словно гишеровое море, поэтъ недоумѣваетъ и предпочитаетъ умолкнуть. Платонъ и Гомеръ, Самсонъ и Киръ, поднявшись изъ мертвыхъ, были бы въ затрудненіи ее кому-либо уподобить. Поэтъ вспоминаетъ тотъ моментъ, какъ онъ потерялъ силы, когда ему посчастливилось представиться царицѣ, эдемской розѣ; онъ, какъ и всѣ и ее видящіе, смотрѣли на царицу обезумѣвшій, съ сильнымъ біеніемъ сердца, близкимъ къ неожиданной смертельной развязкѣ. Зевесъ самъ призналъ бы ее солнцемъ и возвелъ бы на небеса.

Чахруха, вѣроятно, намекаетъ на походы царицы Тамары, упоминая о западѣ (*магриби*) и Абхазіи или о хазарахъ и Константинополѣ' гдѣ она построила лодки. Жители Багдада прибыли въ Барбаки (?) съ вѣстью о побѣдѣ, одержанной Тамарою. Владѣтель Каби, Эмиръ, былъ опечаленъ этимъ событіемъ и рѣшилъ отмстить ей. Изъ предѣлъ Индіи, враги съ индійскими китайцами и ханцами во главѣ Атиллы выступаютъ, остановившись въ Хозаретіи, направились въ Россію по берегу моря. Располагая богатымъ кладомъ золота, жемчуга, амбры и толпою имѣнныхъ плѣнницъ, они неожиданно нападаютъ на поля іонійскія, гдѣ царствовалъ кесарь. Здѣсь они обошли города, моря, Египетъ и Аравію. Съ собою онъ (глава отряда) привелъ одну красавицу, которую тотъ не можетъ забыть. Вслѣдъ за этимъ страннымъ отступленіемъ, поэтъ [1]), вспомнивъ о сотвореніи Господомъ Адама и Евы и искушеніи ихъ дьяволомъ, переходитъ къ Тамарѣ, называя ее солнцемъ солнцъ, очаровательной, нѣжной на видъ, съ розовой шейкой, тихой и мягкой, предъ которой преклоняются всѣ земныя существа. Съ всеобъемлющимъ умомъ, какъ Гомеръ, по силѣ подобна она тремъ Ахилламъ. Она своими подвигами сосѣднихъ непокорныхъ государей, которые могутъ только мечтать объ уподобленіи ей, заставила подчиниться Грузіи. Вспомнивъ о событіяхъ при Двиан, Тао, Испири и Ширвана, поэтъ возвращается къ прославленію Тамары, царицы вельможъ, владѣтельницы богатыхъ рудъ, красы вселенной, уподобившейся своими дѣяніями Вахтангу (Горгаслану) и Давиду (Возобновителю?) Еще разъ повторяетъ, что ни онъ, ни одописцы не

[1]) Въ 1832 г. царевичъ Теймуразъ впервые открылъ оды Шавтели и Чахруха, извѣстивъ объ этомъ Броссе. См. Bibliographie analitique *Mari-Felicité Brosset*. (SPb., 1887, p. 50).

находятъ предмета, съ чѣмъ возможно было бы ее сравнить по красотѣ и по мудрости, какъ сказано не разъ.

При созерцаніи сильнаго Давида подданные поражены словно громомъ, а при видѣ тихой и нѣжной Тамары, обладательницы скипетра и порфиры, смертные ощущаютъ блаженство дыханія небесной силы. Она является свѣтлымъ пріютомъ для страждущихъ душъ, какъ Христова дочь изъ рода Авраама. Она можетъ пренебречь свѣтилами небесными, превознося свой блескъ выше солнечныхъ лучей. Ей подобнаго нужно искать, какъ въ сказкахъ, вооружившись желѣзной палкой,— не только онъ, но еслибы для нея пѣлъ даже Гомеръ и прославилъ Аристотель, то не нашли бы достаточныхъ словъ. Поэтъ склоненъ думать, что самъ Давидъ первый (пророкъ) бряцалъ въ ея честь, а Соломонъ мудрый призналъ бы ее именитой и славной. Снова превозносится ея красота, предъ которой и луна кажется блѣдной и несчастной. Мудрецы все свое творчество создали для нея, самъ Кроносъ потерялъ бы разсудокъ, при видѣ ея розовыхъ ланитъ, движеніе ея рѣсницъ возбуждаютъ слезы блаженства и умиленія. Ея присутствіемъ услаждается левъ Абесаломъ изъ рода Ефрема, превосходящій силою Неброта [Нимвродъ). Халифъ, соболѣзнуя о паденіи силы своей религіи, дрожитъ предъ ней. Изъ Тарши—изъ Карса ей подносятъ дары, какъ новому Хвосро (Хозрой). Побѣдивъ безчисленныя толпы, она обратила осетинъ въ бѣгство въ Бобакари (?). Тамара сдѣлалась достойной преемницей барса Вахтанга. И снова поэтъ сознаетъ свою слабость воспѣть ее достойнымъ образомъ, говоря, что даже риторы и философы не нашли бы нужныхъ словъ для ея прославленія.

Поэтъ призываетъ всѣхъ (и персовъ) внимать, вдохновляться религіозной идеей, возвышаясь къ Создателю вселенной, Троицѣ единосущной, даровавшей странѣ Тамарѣ лучомъ во мракѣ, неизмѣнно щедрую и скромную: она вмѣстѣ съ храбрымъ Давидомъ опалила огнемъ послѣдователей ислама; словно Ахиллесъ непрерывными битвами она изгнала турокъ, а атабегу (Ахалцихскому владѣтелю), стороннику Хварзмъ-шаха, напомнила вѣрноподданническую заповѣдь.

Поэтъ снова призываетъ Сократа, Платона и Ефрема, Апотесоса, изобрѣвшаго средство измѣренія земли, халдейцевъ, впервые занявшихся изученіемъ теченія звѣздъ, и глубокаго изслѣдователя Аристотеля, которые не могутъ сравниться ни въ чемъ съ славной царицей. Обратившись затѣмъ къ священному писанію, Чахруха вспоминаетъ паденіе человѣка, по наущенію дьявола, соблазнившаго Еву и начало трудовой въ потѣ лица жизни на землѣ. Въ результатѣ

усиленія грѣховъ, Ною приказывается построить ковчегъ, начинается потопъ и затѣмъ обновленіе человѣчества. Господь изъ рода Давида являетъ Богочеловѣка, который воскрешаетъ мертвыхъ, хромыхъ и слѣпыхъ исцѣляетъ. Своимъ крестнымъ страданіемъ Онъ Адама сдѣлалъ достойнымъ небесъ, спасъ язычниковъ и пролилъ свѣтъ на Тамару. Поэтъ снова возвращается къ обычному восхваленію красоты царицы.

Подобно ей „солнцу солнцъ" нигдѣ на яву ни видятъ, ни вспомнятъ; она словно Зоаль, звѣзда, и сіяетъ съ небесъ или является въ мечтахъ во снѣ. Умъ, обращеніе, чистая душа, проницательность ея дополняется энергіей, доставившей ей, защитницѣ креста, побѣду надъ мусульманами. Въ заключеніе поэтъ извиняется, что не съумѣлъ воспѣть ее и находясь вдали съ замираніемъ сердца вспоминаетъ ея божественныя черты лица и дыханіе, благоухающее ароматомъ.

Въ послѣдней строфѣ поэтъ говоритъ, что онъ мохевецъ (горецъ, лучше сказать житель ущелья) Чахрухадзе воспѣлъ прекрасную и мудрую Тамару, называя ее Тинатиной, но не царствовавшей въ Аравіи (намекъ на поэму Руставели), а Тинатину грузинскую еще юную, розу райскую, солнцеподобную.

Изъ этихъ послѣднихъ словъ мы заключаемъ, что поэма Чахруха написана раньше Диларіани, на котораго ссылается, и позже „Барсовой кожи", въ которой нѣтъ указанія на воспѣваніе царицы мохевцомъ на ряду съ произведеніями Саргисъ Тмогвели, Мосе Хонели и Абдулъ Месія Шавтели.

Пл. Іосселіани годомъ написанія оды считаетъ 1187 г. и даетъ восторженный отзывъ о поэмѣ Чахруха. Эхо горнаго ущелья отозвалось, говоритъ онъ, въ порывахъ высокой души поэта. Стихи его дышутъ живою фантазіей, глубокимъ чувствомъ и мыслью. Подъ перомъ его оригинальнымъ, творческимъ, отличающимся отъ пера Руставели, языкъ грузинскій явился благозвучнымъ, гибкимъ, способнымъ выражать малѣйшіе изгибы и оттѣнки мысли. Классическія имена Египта, Греціи и Рима, первобытной Индіи, неприступныхъ мѣстъ Африки съ названіями дорогихъ произведеній ихъ природы, всего прославленнаго въ исторіи, искусствѣ и миѳахъ востока и запада тогдашняго времени,—вошли въ составъ поэтическаго сказанія Чахрухадзе, желавшаго украсить героиню своей поэмы лучами славы и безсмертія. Изъ устъ его въ стихахъ прекрасныхъ расходились священные звуки высокихъ именъ Платона и Аристотеля, Сократа и Зенона, отцевъ церкви и столповъ вѣры Христовой. Въ сочиненіяхъ древняго міра онъ искалъ, какъ трудолюбивая пчела, лучшія мысли и, образовавъ изъ нихъ благоухащій лите-

ратурный сотъ, поднесъ его царицѣ Кавказа, богинѣ грузинскаго народа [1]). Сравненія въ поэмѣ во всякомъ случаѣ носятъ восточный гиперболическій характеръ.

До насъ дошли свѣдѣнія о писателяхъ, которые или оставили нѣсколько отрывковъ своихъ сочиненій, или же извѣстны нынѣ лишь по имени. Такъ, *поэтъ Загнакори* (Дзагнакорели), жившій при Давидѣ Возобновителѣ (1088—1125), извѣстенъ только тѣмъ, что далъ первые образцы размѣра, извѣстнаго „дзагнакорули“ [2] (Загнакорійскаго). Онъ состоитъ изъ трехъ стиховъ, изъ коихъ первые два заключаютъ по 10 слоговъ и имѣютъ созвучное окончаніе, а третій безъ рифмы и состоитъ изъ 12 слоговъ [3]). Родиной поэта было село Загнакори, близъ горы того же названія, въ 11 верстахъ отъ г. Душета. По преданію, онъ былъ изъ богатой семьи, принималъ участіе въ освободительной войнѣ Давида Возобновителя противъ арабовъ, посвятилъ ему нѣсколько стиховъ, а по смерти царя постригся въ монахи.

Давидъ Саатабагоели (т.-е. изъ Саатабаго, нынѣшній Ахалцихскій уѣздъ, Тифл. г.), также писатель—современникъ царя Давида Возобновителя. По словамъ З. Чичинадзе [4]), получилъ онъ первоначальное образованіе въ Хахульскомъ монастырѣ и довершилъ его въ Іерусалимѣ и на Аѳонѣ. По возвращеніи на родину, обнаружилъ военныя и ди-

---

[1]) Поэма изд. впервые П. Іосселіани 1838 (Т. 1838), напеч. Д. Чубиновъ въ Хрестоматіи (II. ч., Спб. 1863); изд отдѣльно З. Чичинадзе (Т. 1882), причемъ замѣтилъ, что строфы 109, 111 и 112 суть повтореніе строфъ 29—31. Имя поэта „Григорій“ найдено было Д. Бакрадзе въ Кутаисской минеѣ, „переписанной ученымъ и мудрымъ мужемъ Григоріемъ Чахрухадзе“, хотя не удостовѣрено тождественность пѣвца Тамары и этого мудреца. Рукописи этой поэмы очень поздніе—XIX в.; одна хранится въ Библіотекѣ Д. Чубинова, а другая имѣется у меня (см. выше о рукописяхъ Шавгели). Названіе оды однородно съ поэмой Шавтели.

[2]) По „Калилѣ и Даманѣ“, перев. царя *Вахтанга*, а также по мнѣнію митр. *Евгенія* („Истор. изображ. Грузіи“, Спб. 1802, стр. 92) размѣръ дзагнакорули состоитъ изъ 10—12 слоговъ, а по словамъ *П. Багратовани* („Цискари“ 1852 г.) дзагнакорули заключаетъ въ себѣ 16 слоговъ. Послѣдній размѣръ былъ еще до Дзагнакори извѣстенъ, и потому онъ не могъ дать своего имени и, вѣроятнѣе, что ему принадлежитъ инціатива введенія перваго нами упомянутаго размѣра.

[3]) *Пл. Іосселіани*. Описаніе гор. Душета (Тифлисъ, 1860), стр. 61, 66. Объ этомъ размѣрѣ упоминается въ анталогическомъ сборникѣ, писанномъ рукою ректора временъ Ираклія II, Давида Алексѣева. *Кавказ. Календ.* на 1859. Іосселіани. Опис. горы св. Давида (Т. 1858), 7.

[4]) „Писатели XII в.“, стр. 23, 24.

пломатическія способности, пріобрѣлъ довѣріе царя и нѣсколько ра былъ отправляемъ посломъ къ иноземнымъ государямъ. Намъ неизвѣстн на какихъ основаніяхъ приписывается ему переводъ „Висраміани" Гурі пи (см. у меня выше), хотя объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочиі составитель списка грузинскихъ памятниковъ письменности Гамаліи. архим. Шіо-Мгвимской обители.

До насъ дошли написанныя мѣрною рѣчью небольшаго объе произведенія, называемыя „ямбиконъ" (ямбы). О Давидѣ Возобновите приводятся слѣдующіе грустное ямбическіе стихи [1]): [Было время], ко въ Начермагеви я семь царей посадилъ за обѣденный столъ; туро персовъ и арабовъ удалилъ за предѣлы (страны);

Рыбъ рѣкъ здѣшнихъ пересадилъ въ тамошнія рѣки,—
И у свершившаго это нынѣ руки на груди скрещены.

Ямбическіе стихи, посвященные всѣмъ святымъ, въ больш количествѣ сохранились въ рукописяхъ Тифлис. Церков. Музея Самой царицѣ Тамарѣ приписываются ямбическіе стихи, приведенн Вахушти въ его исторіи [3]). Царица Тамара, жертвуя захваченное Месхійскаго атабега знамя Хахульской Божіей Матери, сдѣлала немъ стихотворную надпись, въ которой прославляется Единый Бо Троица, Спаситель, принявшій страданіе за грѣхи человѣческіе,—I городица, воспѣваемая прор. Давидомъ, и проситъ себѣ, праху зе ному, милости и побѣды надъ агарянами.

Четверостишіе хранитъ воспоминаніе о Тамарѣ въ народно сказаніи. Въ немъ передается о великихъ подвигахъ царицы:

На высотахъ воздвигла храмы, въ безводномъ мѣстѣ открыла родникъ,
На Испагань наложила оброкъ, со Стамбула взяла дань,
Въ Бѣлое море кинула желѣзо, сушу привлекла къ себѣ,
Свершившая столько дѣяній, 9 аршинъ холста захватила съ собою.

На иконѣ Хахульской Божьей Матери читается ямбическая на пись, правильный переводъ которой намекаетъ на весьма важн историческіе факты по отношенію къ самой иконѣ, которая повидимо украшалась въ теченіе ряда вѣковъ, чему неопровержимыми доказате

---

[1]) *Чубиновъ* Груз. Хрест. (Спб. 1846), стр. 242.

[2]) См. у *меня* выше, стр. 118, 119.

[3]) *Вахушти*. „Исторія", изд. Бакрадзе, стр. 208—209. Ср. „Картл.-Ц I, стр. 309—310.

ствами могутъ служить миніатюры на складняхъ иконы. Каждая строка нижеслѣдующей грузинской ямбической надписи имѣетъ цезуру, обозначенную запятою.

Первая надпись:

„Азъ есмь изстари, благодатію Божіею,
Съ тѣхъ поръ, какъ Ты расцвѣла съ Нимъ, о, Царица!..
Сдѣлавшись отцомъ, онъ умножилъ вещи на украшеніе Тебя, храма Божіяго,
Тако и Давидъ, наслѣдникъ Давида
Душою, тѣломъ и церковію принесъ себя въ жертву, о Пресвятая“!

Чтобы уразумѣть точно смыслъ этой надписи, необходимо ямбическіе бѣлые грузинскіе стихи переложить въ прозу, сдѣлавъ лишь перестановку фразъ и логически правильную конструкцію. „Съ тѣхъ поръ, какъ Ты расцвѣла, о царица, съ нимъ (я) осѣненъ изстари благодатію Божіею. Сдѣлавшись отцемъ, онъ обогатилъ, умножилъ, вещи на украшеніе Тебя — храма Божіяго; также поступилъ теперь и Давидъ, потомокъ Давида, съ душою, тѣломъ и храмомъ принесши себя въ жертву, о Пресвятая“!..

Ясно, что разговоръ ведется предъ лицомъ Пресвятой Дѣвы, которую въ данномъ случаѣ изображаетъ икона Хахульской Богородицы, отъ имени старѣйшаго представителя рода и дѣйствительнаго ходатая предъ Богородицею за своихъ потомковъ, именно отъ имени псалмопѣвца Давида, который въ грузинскомъ миѳѣ о происхожденіи Багратидовъ считается родоначальникомъ этой династіи и, слѣдовательно, посредствующимъ звеномъ, закрѣпляющимъ родственныя узы между Пресвятою Богородицею и фамиліею грузинскихъ царей Багратидовъ. Какъ Богородица, такъ и Багратиды признаются въ исторической грузинской легендѣ потомками Іессея, отца Давида, царя израильскаго. Итакъ, въ надписи на складняхъ Хахульской иконы Давидъ пророкъ, какъ патріархъ рода, обращаясь къ Хахульской Богородицѣ, излагаетъ заслуги своихъ потомковъ, украшавшихъ въ продолженіе вѣковъ ликъ ея. „Съ тѣхъ поръ, какъ Ты расцвѣла съ Нимъ (Іисусомъ Христомъ), о, Пресвятая, я изстари осѣненъ благодатію Божіею“. Въ третьей строкѣ псалмопѣвецъ Давидъ, говоря: „сдѣлавшись отцомъ, онъ умножилъ вещи на украшеніе Тебя — храма Божіяго“, намекаетъ на Давида Куропалата, Таосскаго владѣтеля, хотя бездѣтнаго, но съ усыновленіемъ имъ Баграта III-го, сына абхазскаго царя Георгія 1-го, фактически „сдѣлавшагося отцомъ“. Давидъ Куропалатъ былъ тоже изъ рода Багратидовъ, оказалъ большую услугу Императрицѣ Ѳеоѳа-

ніи въ подавленіи мятежа, возбужденнаго Бардомъ Склеросомъ. Онъ построилъ Хахульскій храмъ во имя Богородицы и сдѣлалъ его своею усыпальницею. Хахульская же икона Божіей Матери перенесена оттуда въ Гелатскій монастырь со временъ занятія провинціи *Хахули* (нынѣшній Пенякъ въ Ардаганскомъ округѣ) турками въ началѣ XVI вѣка.

Четвертый и пятый стихи первой надписи—„Тако (поступилъ) и Давидъ (Возобновитель), наслѣдникъ Давида Куротпалата; (они оба) „Душою, тѣломъ и храмомъ принесли себя въ жертву, о Пресвятая"—въ устахъ псалмопѣвца Давида упоминаютъ двухъ Давидовъ славныхъ царей грузинскихъ *Куротпалата* и *Возобновителя*, украшавшихъ ликъ Хахульской Богоматери и строившихъ также храмы и усыпальницы.

Вторая надпись:

„А новый Веселеилъ Соломонъ—
Димитрій по праву сына и преемника удвоилъ дары:
И видъ Твой просвѣтилъ аки Солнце:
О Пресвятая, въ память временъ
И царствія Христа на небесахъ":

Вторая надпись составляетъ продолженіе первой. По смыслу этой надписи видно, что икона Хахульской Божіей Матери украшалась приношеніями благочестивыхъ грузинскихъ царей три вѣка сряду до эпохи царствованія Дмитрія, сына Возобновителя, при которомъ не только изготовлена эта замѣчательная надпись, но, все украшеніе кивота и складней иконы вновь пересоздано по одному въ высшей степени художественно задуманному плану. Весь футляръ Хахульской Богоматери со складнями вмѣстѣ сдѣланъ изъ литаго золота, на которомъ фризурная работа представляетъ видъ сферы, отбрасывающей лучами дорогіе миніатюры, представляющія въ цѣломъ синклитъ небесныхъ силъ [1]).

[1]) *Г. Церетели.* Полное собраніе надписей Гелатскаго монастыря (М. 1896), стр. 29—31.

Памятники богословскіе, философскіе и юридическіе.

Грузинскіе переводы и оригинальныя сочиненія по различнымъ научнымъ отраслямъ всего менѣе изучены и разработаны. Однако, до насъ дошло не мало памятниковъ, свидѣтельствующихъ о стремленіяхъ грузинъ къ философскимъ и богословскимъ вопросамъ. Самымъ извѣстнымъ авторитетомъ въ области научной въ эпоху царя Давида Возобновителя считается Іоаннъ Таричидзе Чирчимели, по прозванію Петрици.

По словамъ каталикоса Антонія [1]) Петрици былъ истинный философъ, поэтъ, грамматикъ и знатокъ астрологіи. Ему принадлежатъ толкованія евангелія Матөея, прологъ въ стихахъ, составленный въ честь святыхъ. Сочиненіе Прокла Діодоха (неоплатоника) „Союзъ", переведенное имъ на грузинскій яз. до насъ не дошло, но извѣстенъ армянскій его переводъ, сдѣланный съ грузинскаго. Въ обществѣ распространенія грамотности, въ Тифлисѣ хранится новый переводъ „Союза" Прокла, снятый обратно съ армян. яз. Іоанномъ Орбеліани въ 1757 г. въ сотрудничествѣ съ однимъ изъ армянскихъ монаховъ (Филиппомъ Кайтмазшвили), [2]) Петрици же познакомилъ грузинъ съ Клемаксомъ Іоанна Синаита, Топиками и Περὶ ἑρμηνείας Аристотоля и съ сочин. Іосифа Флавія. Ему же приписывается сочиненіе астрологическаго содержанія *Немесіосъ* (?) Объ его жизни и сочиненіяхъ мы располагаемъ весьма скудными свѣдѣніями. Загадочное его прозваніе Петрици [3]) (изъ Петрицонели?), проф. Цагарели толкуетъ въ томъ смыслѣ, что онъ былъ однимъ изъ братій Петрицонійскаго монастыря (нынѣ Бачковскій монастырь въ 30 вер. отъ Филиппополя, близъ гор. Петричъ). По словамъ Анны Комненъ монастырь этотъ построенъ былъ двумя братьями Пакуріанъ, въ которыхъ г. Цагарели видитъ Джанбукуріанъ-Орбеліани. Но Пакуріанъ ближе можно сопоставить съ фамиліей Бакуріанидзе, о которыхъ упоминается около 1080 г. [4]) въ

---

[1]) „Мѣрное слово" § 731.

[2]) „Кавказъ" 1894, № 319, ср. „Иверія" 1894; № 248.

[3]) Свѣдѣнія о груз. памятн., III, стр. XII.

[4]) По словамъ Пл. Іосселіани Петрици жилъ около 1120 г.

Карт.—Цх. Въ сел. Хидистави, въ Гуріи Д. З. Бакрадзе нашелъ „с
токъ составленный святыми отцами", гдѣ въ числѣ поборниковъ п
вославія упоминается Григорій Севастосъ сынъ Бакуріани". [1]) Е
основаніе думать, что Петрици—прозваніе Іоанна—произошло отъ
триція, титула, которымъ грузины пользовались наравнѣ съ друг
съ византійскими титулами: куропалатъ, вестъ и др. Въ рукопис
XI в. Іоаннъ извѣстенъ среди писателей св. Іоанномъ Патрики, б
шій Петрикъ (т. е. до постриженія).

Іоаннъ Таридчисдзе (1089—1145 [2]) родомъ изъ самцхійской
ласти. Воспитывался на Аѳонѣ и, вернувшись въ Грузію, по по
лѣнію царя Давида Воз., открылъ школу у себя на родинѣ. Ему п
надлежатъ переводы Діалектики Аристотеля, Εἰσαγωγή Порфирія.
приписывается описаніе 12 камней Епифанія Кипрскаго. [3]) Напис
ямбы пѣснопѣнія въ честь грузинскихъ святыхъ. По словамъ Анто
онъ былъ выдающійся богословъ, философъ, піитъ переводчикъ-нас
тель образованія въ Грузіи.

Савва Сингели—риторъ и философъ жилъ около 1150 г. Ка
ликосъ Антоній („Мѣрное слово" §§ 764, 765) говоритъ, что онъ
дѣлъ его „каноны, по содержанію" глубокіе, а по формѣ понятн
достойные похвалы и удивленія. Дѣятельность его сосредоточива
въ западной Грузіи—Гуріи, Мингреліи и Абхазіи. Онъ перевелъ
греческаго языка „Ирмологіонъ".

Ефремъ Младшій („Мцире") жилъ въ эпоху царя Давида I
Онъ перевелъ Діонисія Ареопогита: О небесной іерархіи, „Обращ
Грузіи" изъ историка Ѳеодорита и др. Антоній I его называетъ сл
обильнымъ риторомъ. Имъ переписанъ Аскетиконъ, хранящійся
Кутаисскомъ соборѣ.

Арсеній Икальтоели, духовникъ Давида Возобновителя, на
салъ „Постановленія духовнаго собора, созваннаго этимъ царемъ"
у меня выше) съ прославленіемъ инициатора собора. Ему прина
житъ соч. противъ монофизитовъ „Исторія отпаденія армянъ отъ п
вославной церкви", переводъ „Златоструя". Онъ же первый основ
высшую школу въ Икальто по образцу византійскихъ училищъ. К

---

[1]) Археол. путеш. по Грузіи и Адчарѣ стр. 213. Визант. исторія
Комнена стр. 90, 99, 125, 201. Вахушти, изд. Бакрадзе 170, 177.

[2]) *Чичинадзе*. Замѣтка о груз. письменности—даетъ вышеприведен
дату, а Пл. Іосселіани ограничиваетъ ее 1130 г. См. издан. имъ „Мѣ
слово" Антонія каталикоса §§ 762 и 763.

[3]) По Шатберд. сборнику „о камняхъ" дѣйствительно, написано Іоанн

ликосъ Антоній причисляетъ его къ даровитѣйшимъ философамъ, риторамъ, богословамъ („Мѣрное Слово“ §§ 751—756).

Захарій, сынъ Мирдата, жилъ въ нач. XI в.; приписывается ему Метафрастъ Успенія Богородицы.

Іоаннъ Болнели въ началѣ XI в., оставившій замѣчательныя проповѣди [1]).

Іоаннъ Грдзелидзе въ нач. XI в. Ему приписывается „Исторія вселенскихъ соборовъ“.

Іоаннъ Каталикосъ жилъ въ концѣ XI в. при царѣ Багратѣ IV; перевелъ соч. Григорія Назіанзина и Аѳанасія, Антіохійскаго патріарха (Мѣр. Слово“ § 645).

Іоаннъ Хахулели, прозванный Златоустомъ въ нач. XI в., написалъ книгу противъ монофизитовъ.

Арсеній Ниноцминдели въ началѣ XI в. перевелъ Богословіе Іоанна Дамаскина, соч. Григорія Носели, Метафрастъ (Примѣч. Іоселіани къ „Мѣр. Слово“ § 669).

Антоній Чкондидели жилъ при царицѣ Тамарѣ. Ему приписывается соч. „Строй и организація арміи“. Кончилъ жизнь свою въ Шіомгвимской обители.

Георгій Чкондидели жилъ въ XII в. До насъ дошли имъ переписанные „Агапи“ (синодикъ) и житье Симона Кананита и Андрея Первозваннаго.

Николай Каталикосъ въ XII в. перевелъ книгу Максима Исповѣдника, пасхалію, о сотвореніи человѣка, толкаваніе Василія Вел., Синаксарь.

---

[1]) Въ одной изъ своихъ проповѣдей, сохранившихся въ рукописи XI—XII в. (въ Тифлис. церковномъ музеѣ), Іоаннъ Болнели говоритъ паствѣ о почитаніи ученіи свв. отцевъ церкви, „которые послѣ апостоловъ явились свѣточами міра, наставниками вѣрующихъ и столпами евангелія“... Они были утверждены на прочномъ камнѣ апост. Петра, получившаго отъ Спасителя связыватъ и разрѣшатъ людей здѣсь и въ небесахъ. Они дѣйствовали по словамъ I Христа: голоднымъ подавали пищу, жаждущихъ поили, нагихъ одѣвали, больныхъ посѣщали, были покровителями вдовъ и сиротъ. Они оставили мірскія заботы, посвятивъ себя молитвѣ и воздержаніямъ. Они были во имя Христа гонимы, предаваемы мукамъ, но оставались твердыми въ вѣрѣ, помня слова: терпѣніемъ вы спасете души свои. Этихъ отцевъ, уподобившихся апостоламъ, слѣдуетъ чтить и имъ подражать.—Въ томъ же сборникѣ имѣются проповѣди, приписываемыя св. Нинѣ.

Къ X—XII в. по свѣдѣніямъ Антонія католикоса (см. предисловіе къ е грамматикѣ) еще относится слѣдующіе писатели—переводчики,не упомянутые нам Блаж. Григорій, нареченный новымъ Авраамомъ, Арсеній (не каталикосъ и Икалтойскій), Георгій (духовникъ Георгія святогорца-Мтацмндели), Иларіонъ Ве ликій Тулаели, духовникъ св. Евѳимій, Стефанъ, Іоаннъ Олимпійскій, Василі сынъ Баграта Хахулели, Ѳеофилъ. Нужно еще прибавить: Николая Гулабридзе, Ган зели, Іоанна Мтбевари, автора пѣснопѣній, Исаака, (1030 г.) переводчик житья св. Макарія и равноап. Баграта.

Ко времени царицы Тамары относится „Карабадини", взятый в добычу у султана Ронэданъ близъ гор. Карпу (Карса) и переведен ный на груз. языкъ книжникомъ протоіереемъ Антоніемъ.

—

Въ теченіе X — XII вв. проникли въ Грузію въ переводахъ с греческаго хронографы, апокрифы и физіологъ.

Шатбердскій сборникъ IX—X вв. даетъ рядъ статей научнаг характера: о сотвореніи человѣка (Григорія епископа); о природ вселенной; разсужденіе, почему человѣкъ родился послѣднимъ, природѣ смѣха и плача, сна и сновидѣній и пр. Сохранились въ одно главѣ свѣдѣнія объ анатомическомъ строеніи человѣка, собранныя авто ромъ сборника изъ различныхъ „источниковъ". Въ анатоміи человѣк различаются три основныя части: голова, сердце и печень. Три сил управляютъ жизнью: одна изъ нихъ сообщаетъ теплоту, другая—влаг третья сцѣпляетъ разъединенныя частицы организма. Человѣкъ обла даетъ способностью двигаться по свободной волѣ. Мозгъ является ис точникомъ жизни, которая, впрочемъ, прекращается безъ теплоты Центромъ жизни служитъ сердце, изъ котораго исходятъ каналы,— по нимъ течетъ кровь къ печени. Душа покоится въ сердцѣ и по лучаетъ питаніе изъ легкихъ, сообщающихся чрезъ ротъ съ внѣш нимъ міромъ (воздухомъ). Природа человѣка отличается слабостью нуждаясь въ постоянномъ питаніи для восполненія истощенныхъ тка ней. Близъ сердца покоится желудокъ, которому Творецъ далъ, как всѣмъ частямъ организма, свою функцію дѣятельности. Душа ребенк отличается отъ души взрослаго только тѣмъ, что первая носитъ приз наки неполнаго совершенства, но въ сущности во всѣхъ остается тож дественною со второю. Вообще душа является наиболѣе удивительно принадлежностью человѣка [1]).

Одна изъ главъ этого же сборника заключаетъ Хронографъ, в

[1]) Въ концѣ главы читается, что эти свѣдѣнія о человѣкѣ списаны с *Ишхнійскаго* подлинника.

сокращенномъ видѣ сообщающій свѣдѣнія о сотвореніи міра и ангеловъ, названія еврейскихъ и греческихъ буквъ. Очень любопытны названія разнородныхъ ангеловъ и духовныхъ силъ: ангелы славящіе, ангелы вѣтровъ, ангелы тучъ, града, снѣга, инея, грома, молніи, холода, тепла, зимы, осени (собственно сѣянія), весны (Арея ср. ἔαρ) и лѣта, ангелы овраговъ и ада, ангелы дня и ночи. Изъ данныхъ о сотвореніи міра слѣдуетъ отмѣтить особое указаніе, что въ четвертый день Господь сотворилъ *большаго дракона* (кита), рыбъ и птицъ. Слѣдуетъ затѣмъ перечисленіе именъ библейскихъ съ Адама до Іакова. Хронологическая таблица царей: еврейскихъ [1]), ассирійскихъ, египетскихъ, персидскихъ, греческихъ, римскихъ и византійскихъ завершаетъ эту главу [2]). Любопытно, что въ эту же главу вошли азбуки еврейская и греческая, напоминая русскій хронографъ второй редакціи 1657, гдѣ имѣется глава о еврейскихъ письменахъ".

Обратимся къ *переводамъ* апокрифовъ, дополняющихъ матеріалъ, собранный въ I выпускѣ „Очерковъ по исторіи грузинской славесности.

Дѣтство Господа нашего І. Христа (изъ Сборника XII в. Церк. Муз.).

Будучи отрокомъ пяти лѣтъ [3]), ходилъ Іисусъ на рѣчку, тамъ игралъ и запруживалъ ее [4]), а потомъ пропускалъ воду на песокъ, очищая ее. Взялъ онъ мягкую глину („бренніе мекко" слав.) и сдѣлалъ 12 птицъ (воробей), а былъ тогда день субботній и было много дѣтей, игравшихъ вмѣстѣ съ нимъ. Увидѣли іудеи, что творилъ отрокъ, пришли къ отцу его, Іосифу, спрашивая его, хорошо ли въ субботу дѣлать изъ глины птицъ. Іосифъ же разгнѣвался на него за то, что

---

[1]) Ср. Опись славян. и рукописей собранія П. И. Щукина (М. 1896), стр. 258.

[2]) Адамъ жилъ 230 лѣтъ и родилъ Сейта (Сиѳа); Сиѳъ жилъ 205 л. и родилъ Эноха... Авраамъ послѣ завѣта жилъ 25 и родилъ Исаака... *Цари іудейскіе*: Саулъ царствовалъ 40 лѣтъ; Давидъ 45 л... Далѣе слѣдуетъ глава о пребываніи іудеевъ въ плѣну вавилонскомъ. Киръ, воцарившійся въ Персіи послѣ Дарія, вернулъ іудеевъ изъ Вавилона въ Іерусалимъ... *Цари персидскіе*: послѣ Кира воцарился Камбовсъ (Камбизъ). Далѣе слѣдуетъ о покореніи Ксерксомъ Египта и переходитъ авторъ къ Александру Македонскому, Птоломеямъ и Селевкидамъ. Въ виду испорченности текста, *римскихъ царей* намъ удалось подсчитать только съ Клавдія, Нерона и т. д.; *византійскіе* цари начинаются съ Константина.

[3]) *Сперанскій*. Слав. апокриф. евангелія: „тріимь лѣтом" *е* лѣть; греч. πενταετής или ἑπτάετης.

[4]) Греч. συνήγαγεν εἰς λάκκους; слав. збираше рѣчицу.

онъ такъ дѣлалъ въ субботу. А Іисусъ, услыхавъ это, всплеснулъ руками и сказалъ птицамъ: взлетите и помните „жива суща меня“, и птицы полетѣли предъ всѣми съ визгомъ („поюще“ въ слав. переводѣ). Увидѣвъ это, одинъ изъ фарисеевъ поспѣшно отправился разсказать друзьямъ своимъ. Сынъ Анаи (Аненъ въ слав. перев.) первосвященника (книжника въ слав. п.), который также пришелъ къ Іосифу, взялъ вербовую вѣтку и пустилъ воду, которую запрудилъ Іисусъ. Увидѣвъ это, сказалъ Іисусъ: „какъ вѣтвистое дерево засохни“, и отрокъ тотъ палъ „сухо“. Шелъ Іисусъ съ Іосифомъ, и нѣкій юноша схватилъ его за плечо. Разгнѣвался Іисусъ и сказалъ: „не дойти тебѣ до дому“ (эта фраза пропущена у Сперанскаго, имѣется многоточіе, 103 стр.). Юноша моментально палъ и умеръ. Возопили присутствовавшіе при этомъ, говоря, кто этотъ [родившійся] отрокъ, слово котораго есть дѣло. Пришли родители умершаго юноши къ Іосифу и говорили: если отрокъ этотъ твой сынъ, то не можешь жить среди насъ, или учи его, чтобъ онъ благословлялъ („влсвити“), а не проклиналъ дѣтей. Тогда Іосифъ призвалъ Іисуса и сталъ наставлять его: для чего ты сдѣлалъ зло, ибо люди эти возненавидятъ насъ? Іисусъ же отвѣтилъ ему, что слова его неразумны, и Онъ съумѣетъ поставить дѣтей іудеевъ на путь, если же они не примутъ наставленія его, то потерпятъ наказанія [1]). Они такъ спорили, и Іосифъ, разгнѣвавшись, взялъ Іисуса за ухо и сильно потянулъ („отяже зѣло“). Іисусъ же („негодуя“) сказалъ: довольно тебѣ искать меня и обрѣсти.

Нѣкій Закхей слышалъ эти слова Іисуса и сказалъ Іосифу: не хочешь ли отдать мнѣ пылкаго отрока своего, чтобы онъ выучился у меня любви къ ближнимъ, покорности старшимъ и сынамъ Аарона, дабы и онъ впослѣдствіи училъ и помиловалъ ихъ. Одинъ замѣтилъ Іосифу, кто можетъ успокоить этого отрока? Іисусъ отвѣтилъ, что Онъ не понимаетъ словъ учителя, сказанныхъ Закхеемъ, ибо Онъ самъ Господь и учитель у котораго должны поучаться; онъ только знаетъ, чьи они сыновья и сколькихъ лѣтъ.

Стоявшіе тутъ іудеи дивились, говоря, что отрокъ пяти лѣтъ говоритъ такія слова, которыхъ не слыхали отъ законоучителей, родныхъ и фарисеевъ. Іисусъ же отвѣтилъ, что они больше удивятся, если скажетъ, когда родились ихъ родители. Іудеи испугались и замолчали. Іисусъ же, играя прибавилъ, что слава его въ немъ же.

Закхей же приступилъ къ Іосифу, прося мягко отдать ему отрока въ обученіе. Іосифъ привелъ его къ Закхею. Просвѣщалъ ученика съ

---

[1]) Слав. переводъ этого мѣста не даетъ. Ср. *Сперанскій* op. cit. 103.

алфы, но послѣдній долго молчалъ. Закхей (Дидаскалъ) разгнѣвался и ударилъ отрока по головѣ. Ученикъ отвѣтилъ, что учитель творитъ недостойное, (.) ибо отрокъ можетъ сказать не учась то, что передаетъ Закхей *). И прочиталъ себѣ всю грамоту отъ алфы до конца съ большимъ тщаніемъ. Если же не знаете, сказалъ онъ *алфы*, какъ можете учить *бету*. Разъясните мнѣ алфу, и тогда я уразумѣю отъ васъ бету. Присутствовавшіе при этомъ дивились его учености, а Закхей учитель громко признался, что потерпѣлъ срамоту отъ отрока. По истинѣ, сказалъ онъ, отрокъ этотъ не отъ міра сего, что онъ рожденъ до потопа при Ноѣ, прежде всѣхъ вѣковъ. „Онъ можетъ огнемъ-умычити", какая мать родила и приняла Его? О, горе мнѣ! я теряю разсудокъ, я побѣжденъ отрокомъ!"

—

Здѣсь обрывается разсказъ грузинскаго апокрифа, помѣщеннаго въ громадномъ рукописномъ сборникѣ, листы котораго перепутаны. Манускриптъ писанъ на пергаментѣ почеркомъ X—XI вв. Очевидно, продолженіе, согласно съ греческимъ оригиналомъ, должно было заключить изложеніе о душевномъ состояніи Закхея и далѣе приведенныя въ славянскомъ переводѣ чудеса.

—

Любопытная рукопись in 16° по бумагѣ, писанная алфавитомъ „хуцури" безъ начала и конца доставлена мнѣ была кн. Иверико Микеладзе. Она представляетъ сборникъ статей: обращеніе І. Христа къ апостоламъ; лунный календарь; повѣсть о воскресеніи царя Джумджума. Содержаніе послѣдней заключается въ слѣдующемъ. Св. Григорій разъ встрѣтилъ черепъ, изъѣденный червями и наполненный пескомъ. Ему захотѣлось узнать судьбу бывшаго обладателя этого черепа. Явился І. Христосъ св. Григорію и велѣлъ сдѣлать надъ черепомъ крестное знаменіе. По этому знаку черепъ ожилъ и заговорилъ: онъ былъ царь могущественный и богатый, имѣлъ по тысячѣ верблюдовъ, ословъ и ястребовъ. Его имя Джумджумъ изъ Египта (Мисретскій царь). Прислуживали ему разодѣтые слуги, тысячи поваровъ ежедневно готовили ему обѣдъ. По пути шествія ему стлали золотыя ткани. Когда онъ разъ заболѣлъ, то было приглашено 10.000 врачей и дано ему 1.000 лѣкарствъ, но безуспѣшны были ихъ старанія. Спустился злой духъ, имѣющій четыре руки, въ которыхъ онъ держалъ вилки. Духъ воткнулъ царю въ голову вилки съ такой силой, что онъ оглашалъ отъ боли весь міръ, но помощи нигдѣ не могъ найти. Потомъ явился ангелъ съ огненнымъ мечемъ и ждалъ, пока его похоронятъ. Въ могилѣ остался одинъ, всѣ разошлись. Явились тогда два ангела и спросили его, какъ онъ вѣруетъ въ Бога, по-

*) Въ груз. есть соотвѣтствующее слав. тексту мѣсто: яко мѣдь звенящи или яко кругъ мѣдялъ звяцаи не престану. *Сперанскій*, ор., с. 104.

чему онъ не разбиралъ дѣлъ, не былъ милостивъ къ бѣднымъ и послѣ искуса сильнымъ ударомъ по головѣ сбросили его въ адъ".

Рукопись эта дефектна и конецъ ея привожу со словъ Платона Тавдгиридзе, слышавшаго устно эту повѣсть: царь хотѣлъ откупиться и спастись деньгами, но ангелы платы не приняли.

Письмо, написанное Іосифомъ Аримаѳейскимъ, ученикомъ Господа нашего І. Христа, и повѣсть о построеніи церкви Пресвятой Богородицы, Царицы Маріи, находящейся въ городѣ Лудіи.

На 19-мъ году царствованія Тиверія, кесаря Римскаго, на 13-мъ году царствованія Ирода, сына Ирода, царя Галилейскаго, при намѣстничествѣ Пилата Понтійскаго въ Іудеѣ и правленіи Софеса и Баліоносиса, первосвященничествѣ Анны и Каіафы надъ іудеями, написалъ Іосифъ Аримаѳейскій эту повѣсть о дѣйствительномъ воскресеніи І. Христа. Первый разъ Господь явился ему въ темницу, куда его заключили первосвященники за то, что онъ просилъ у Пилата тѣло Спасителя [1]). Вмѣстѣ съ Никодимомъ онъ снялъ тѣло І. Христа съ креста, набальзамировавъ, положили въ гробъ подъ камнемъ. Господь же, сокрушивъ врата ада, воскресъ изъ мертвыхъ. Іосифъ не зналъ о воскресеніи Христовомъ. Самъ Спаситель является и привѣтствуетъ его, что силы небесныя прославляютъ его за то дѣяніе, которое онъ совершилъ безъ страха предъ Пилатомъ въ то время, какъ Петръ отрекся отъ Господа своего. Спаситель ободряетъ а затѣмъ отправляетъ его въ сел. Аримаѳей ждать Его тамъ. При этихъ словахъ началось землетрясеніе, домъ поднялся и Господь съ Іосифомъ вышли вонъ. На Голгоѳѣ, гдѣ былъ Честный Крестъ, І. Христосъ поручилъ Іосифу идти въ Галилею проповѣдывать невѣрующимъ. Господь сталъ незримъ. Съ радостью и со страхомъ достигъ Іосифъ своей деревни. Всѣ стали прославлять Спасителя. Послѣ этого Господь явился ученикамъ своимъ въ Іерусалимѣ, и Ѳома увѣровалъ, что Учитель воскресъ.

Разъ, когда Іосифъ сидѣлъ въ своемъ домѣ вмѣстѣ, *Селевкіемъ* Никанором, Абибосомъ, сыномъ *Гамалейскаго*, Никодимомъ, Баладіосомъ и Ереосисомъ, которые его утѣшали въ горѣ, причиненномъ первосвященниками, показался свѣтъ, узрѣли Господа, который ска-

---

[1]) См. *Сперанскій*. Слав. апокриф. еванг. Воспоминаніе страсти Господа Бога Спаса Нашего Іисуса Христа, стр. 109: слышавше же жидове яко проси тѣла Іисусова и Іосифѣ, искаху его... и Никодима.

залъ: да будетъ миръ межъ вами! Всѣ пали ницъ отъ страха. Господь подиялъ Іосифа, ободряя, велѣлъ имъ просить у Отца Небеснаго Духа Св., при посредствѣ котораго они могутъ быть всегда со Спасителемъ. Никодимъ просилъ сообщенія Духа Св., ибо кто не крестится водою и духомъ, не войдетъ въ Царство Небесное. Господь исполнилъ просьбу ихъ. Господь велѣлъ Іосифу идти въ гор. *Луди* (Лидіи ?) для проповѣди Евангелія. Іосифъ отвѣтилъ, что тамъ жестокіе фарисеи и ихъ глава Тарсіецъ Савле (Савва ?) ищутъ смерти Его учениковъ. Господь увѣрилъ его, что Тарсіецъ сдѣлается его ревностнымъ послѣдователемъ. Въ Луди прибылъ къ Іосифу и Филиппъ, какъ сказалъ ему Господь въ Аримафеѣ. Филиппъ скоро отправился въ гор. Кесарію, а бывшіе въ Луди недоумѣвали, кто и гдѣ построитъ храмъ. Отправили Селевка къ Петру въ Іерусалимъ. Петръ засталъ въ Луди большое собраніе вѣрующихъ. Они стали молиться, прося Господа указать мѣсто для церкви. Послышался голосъ, называющій Бетелеосъ святымъ мѣстомъ. Никодимъ возблагодарилъ Господа за указаніе его жилища для пребыванія храма І. Христа. Никодимъ предложилъ расширить его домъ и приспособить его для приношенія молитвъ. Петръ и другіе съ нимъ вооружились топорами, сняли домъ Никодима и стали строить храмъ Божій — первую церковь Христову. Петръ возвратился въ Іерусалимъ, а надзоръ за храмомъ поручили Іосифу.

Въ это время Савле добился отъ первосвященника указа предать заключенію всѣхъ увѣровавшихъ въ Воскресшаго изъ мертвыхъ. Когда Савле приближался къ Дамаску, показался свѣтъ и послышался голосъ: Савле, Савле, за что ты преслѣдуешь меня? — Кто Ты, Господи? — Я І. Христосъ. Иди въ Дамаскъ, и тамъ я велю тебѣ, что подобаетъ дѣлать.—Савле принялъ крещеніе отъ Ананіи, Петръ же справлялся о состояніи храма. Послѣдній уже творилъ чудесныя исцѣленія. Былъ въ Луди мужъ Эніа, который 8 лѣтъ лежалъ въ тяжелой болѣзни. Домъ его былъ смежнымъ съ жилищемъ Никодима. Слышалъ онъ о чудесахъ, сотворенныхъ Петромъ. Больной просилъ привести къ Симону—Петру. По просьбѣ Эніа, Петръ возложилъ руку на него и призвалъ во имя Господа исцѣленіе. Въ благодарность Эніа пожертвовалъ свое достояніе на построеніе храма. Прибылъ въ Луди Павелъ, оставшись тутъ недолго, отправился въ Антіохію, а храмъ съ Божьей помощью былъ достроенъ, да будутъ славимы Отецъ и Сынъ и Св. Духъ во вѣки вѣковъ. Аминь [1]).

---

[1]) Апокрифъ этотъ списанъ нами изъ Сборника XI—XII вв., хранящагося въ Тифлис. церковномъ музеѣ. Параллели къ этому апокрифу въ греческой или

Постановленіе Пилата о преданіи Спасителя смерти [1].

Въ 1550 году въ дни Константинопольскаго патріарха Іереміи было объявлено это распоряженіе Понтійскаго Пилата относительно Спасителя нашего Іисуса Христа, которое нашли въ городѣ Акиліа (?), положеннымъ въ скалу въ прекрасномъ желѣзномъ ковчегѣ, который въ свою очередь находился въ мраморной шкатулкѣ, а въ этой послѣдней—запечатанное постановленіе (Пилата), писанное на пергаментѣ на еврейскомъ языкѣ съ переводомъ на греческій языкъ. Въ немъ было писано: На 17-мъ году царствованія римскаго монарха непобѣдимаго кесаря Тива (Тиверія ?) въ индиктіанъ 12, а вращеніе солнца 8, съ сотворенія по нашему и еврейскому счисленію въ 4174 г., со времени водворенія римскаго владычества въ 73 г., съ освобожденія израильтянъ изъ вавилонскаго плѣна—(пропускъ въ текстѣ) и паденія божественнаго царствованія—(пропускъ) въ годъ ипатства надъ римскимъ народомъ Лукіоса Пизіона Паркуса и Павлиноза и перваго ипатства Иллирикоса Валеріоса Палостерака, въ правленіе іудеями Квинта и Фловіоса и твердое правленіе городомъ Іерусалимомъ Пилата, при инспекторѣ надъ нижней Галилеей Ирода Антипатроса, при первосвященникѣ Аннѣ Каіафѣ Агнатосѣ и Маилосѣ, при жрецахъ главнаго храма Рабѣ Амамбелѣ и Іоктоносѣ, при сотникѣ римскаго города Іерусалима Корниліи Сумбагѣ Севастѣ Помпиліи и Руфосѣ, марта мѣсяца 25 дня... Я Понтійскій Пилатъ, правитель (отъ имени) римскаго царя судилъ и постановилъ въ преторіумѣ смертную казнь Іисусу, именующемуся народомъ Христомъ Назаряниномъ, рожденному отъ галлилейскихъ родителей, человѣку, возбуждающему бунтъ, противнику Моисеева закона и великаго кесаря Тиверія. Посему приказали и постановили предать его смертной казни распятіемъ на крестѣ, какъ принято о злодѣяхъ, ибо Онъ собралъ множество людей богатыхъ и бѣдныхъ и не переставалъ вносить волненіе во всю Іудею, объявляетъ себя Сыномъ Бога и Господомъ Израиля и угрожаетъ Іерусалиму разореніемъ и разрушеніемъ божественнаго храма, отрицаетъ страхъ предъ кесаремъ и дерзаетъ вступать въ городъ Іерусалимъ съ вербами и съ большимъ торжествомъ при участіи народа, какъ нѣкій царь. Отно-

---

славянской литературѣ не удалось найти, по любопытно, что построеніе первой церкви ставится въ связь съ именемъ Іосифа Аримаѳейскаго. Начало же апокрифа отчасти примыкаетъ къ извѣстнымъ памятникамъ о Страстяхъ Господнихъ.

[1]) Въ видѣ дополненія къ предыдущему и приводимъ этотъ апокрифъ изъ сборника позднято времени XVII—XVIII вв.

сательно его мы велѣли нашему первому сотнику, Квинту Корнелію, чтобы онъ публично повелъ его мучительно связаннымъ по городу Іерусалиму, одѣтымъ въ порфиру, увѣнчаннымъ терновымъ вѣнкомъ, съ крестомъ на плечахъ, дабы показать его всѣмъ злодѣямъ. Мнѣ угодно вмѣстѣ съ нимъ разбойниковъ-убійцъ ввести чрезъ тріумфальныя врата . . . . и открыто направить Христа на ту гору Калкарійскую и предать смерти на крестѣ и написать титулъ его на трехъ языкахъ: греческомъ, латинскомъ (римскомъ) и еврейскомъ; по-гречески такъ: Іисусъ Назареусъ, васплевсъ іудонъ, по—латыни такъ: Іисусъ Назареусъ, рексъ іудорумъ, а по—еврейски такъ: Іеса Нанозри, Мелехъ Іелундимъ. Мы приказали, чтобы никто не осмѣлился оказать какое-либо сопротивленіе противъ нашего приговора, ибо онъ постановленъ на основаніи точныхъ римскихъ законовъ, предписанныхъ евреямъ касательно наказанія за бунтъ (волненіе). Свидѣтелями этого нашего приговора являются изъ ипатовъ и дикастовъ еврейскихъ: Рабинъ Баверсоль и Манданъ, со стороны фарисеевъ—Барбанъ, Симеонъ и Бовалъ; со стороны римскаго царя—Лукіосъ Сестиліосъ и Майемплосъ, со стороны судей израильскихъ—Радамъ Даніелъ Рабиналъ, Іуаонъ Биниванъ, Радомъ Іудавелъ и Пирикуламъ и со стороны первосвященниковъ—Рабманъ Іуда и Бонвасолеле.

„Понтійскій Пилатъ“.

Подпись сдѣлана церковными буквами (хуцури), а все постановленіе писано гражданскими буквами. Заимствовано оно нами изъ собранія кн. Грузинскаго, хранящагося нынѣ въ СПБ. Публичной библіотекѣ подъ № 84. Рукопись, подъ заглавіемъ „Политическій театръ“ въ кожаномъ переплетѣ, писана in folio на синей бумагѣ черными чернилами (253 стр.). Послѣднія три страницы занимаетъ приведенное постановленіе.

Физіологъ.

Существованіе „Физіолога“ на грузинскомъ языкѣ до настоящаго времени не было извѣстно въ литературѣ. Только лѣтомъ текущаго года мнѣ удалось открыть этотъ памятникъ въ рукописномъ, такъ-называемомъ, Шатбердскомъ сборникѣ. Переписанъ онъ большею частью инокомъ Іоанномъ въ началѣ X в. въ Шатбердскомъ монастырѣ. Содержаніе сборника крайне разнообразно: открывается онъ словомъ епископа Григорія Нисскаго о сотвореніи человѣка, вторая глава посвящена Слову Епифанія Кипрскаго о камняхъ, а третье заключаетъ

Слово о звѣрехъ, сказанное Василіемъ, епископомъ Кесарійскимъ. Всѣхъ главъ въ Сборникѣ восемь, изъ которыхъ VI „Обращеніе Грузіи“ издана уже въ Тифлисѣ и изложено мною въ работѣ „Источники по введенію христіанства въ Грузіи“. [См. выше, стр. 36 и сл.] IV глава представляетъ хронографъ, именно свѣдѣнія изъ ветхозавѣтной исторіи Персіи, Египта, Рима и Византіи съ присоединеніемъ объясненій о происхожденіи еврейскихъ и греческихъ языковъ. V глава заключаетъ различныя толкованія Ипполита, VI Обращеніе Грузіи, VII Жизнь и дѣяніе епископа Насибскаго и VIII переводъ псалмовъ Давида [1]).

Остановимся на „Физіологѣ“. Матеріалъ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ. 1) „Мсуне“, ящерица, σαύρα; 2) левъ, ломи, λέων; автолопосъ λυθίως, ανθόλοψ; 4) „квани дедалмамални“, камни огнемечущіе λίθοι πυροβόλοι; 5) китъ, πρίων (κῆτος); 6) каландросъ χαλαδριός; 7) „вархви“, неясыть (πελεκάνος); 8) „буи“, ночной воронъ νυκτικόραξ; 9) „орби“ орелъ ἀετός; 10) фениксн, φοῖνιξ; 11) опопи удодъ (ἔποψ); 12) „каджари“, онагръ ὄναγρος; 13) „аспити“, эхидна ἔχιδνας; 14) „гвели“, змѣя ὄφις. 15) „тчинтгчвели“ муравей μύρμηξ: 16) морскія дѣвы и дэви, σειρῆνες καὶ ὀνοκένταυροι, сирены и онокентавры; 17) „гзгарби“, ἐχῖνος ежъ; 18) „мели“ ἀλώπηξ лиса; 19) пантера πάνθηρ; 20) „куи“ черепаха ἀσπιδοχελώνη; 21) „какаби“, πέρδιξ куропатка; 22) „орби“, γύψ гипъ; 23) „ломчинчвели“, μυρμηκολέων мраволевъ; 24) γαλῆ ласка; 25) „марторка“, μονοκέρως единорогъ; 26) καστόριον бобръ; 27) ὕαινα гіена; 28) крокодилъ; 29) ихневмонъ; 30) δένδρον περιδέξιον; 31) κορώνη воронъ; 32) „гврити“, τρυγών горлица; 33) „мерцхали“, χελιδών ласточка; 34) „иреми“, ἔλαφος олень.

Изъ этого инвентаря видно, что грузинскій Физіологъ заключаетъ въ себѣ 34 главы. Быть можетъ, нѣкоторыя главы отсутствуютъ въ моемъ перечисленіи потому только, что въ самой рукописи выцвѣли въ иныхъ мѣстахъ цѣлыя страницы и стали неудобочитаемы. Такъ въ главѣ VIII недостаетъ 35 строкъ, въ главѣ XIX 30 строкъ, есть главы, въ которыхъ не прочитаны по нѣскольку строкъ. Языкъ перевода архаичный; и по конструкціи, и лексическому составу онъ значительно отличается отъ современнаго языка и даже языка священнаго писанія, сохранившаго особенности древняго строенія.

При перечисленіи главъ легко можно было замѣтить, что нѣко-

---

[1]) Текстъ „Физіолога“ обязательно списалъ для меня М. Г. Джанашвили, которому приношу искреннюю признательность. Имъ же изданъ изъ Шатбердскаго Сборника „Медицинскій трактатъ и учебныя книги“ (Тифлисъ, 1891).

торыя изъ животныхъ оставлены безъ перевода и сохранили слѣды, возводящія грузинскій Физіологъ къ греческому оригиналу.

Заглавіе самого памятника носитъ признаки буквальнаго перевода съ греческаго языка: φυσίολογος. Оглавленія нѣтъ. Начинается прямо: „есть [ящерица], которая называется ящерица солнечная, какъ сказалъ Физіологъ, когда [она] старѣетъ, слабѣетъ [зрѣніе) обоихъ глазъ и слѣпнетъ и не можетъ видѣть свѣта солнечнаго, то прибѣгаетъ къ какой-нибудь хитрости (=злоумышляетъ), чѣмъ бы сдѣлать себя красивой: приходитъ искать стѣны, которая возвышается на востокѣ и входитъ въ разсѣлину стѣны, которая смотритъ на востокъ и при восходѣ солнца открываются ей глаза и молодѣетъ.

Такъ и ты человѣкъ, если ты ветхое [созданіе] имѣешь одѣяніемъ, смотри, чтобы глаза сердца твоего не ослѣпли, и *если ослѣпнутъ*, ищи мѣсто разума восходящаго надъ тобою новаго Спасителя нашего І. Хр., который именуется пророкомъ солнцемъ восходящимъ. Лучъ (=глазъ) того солнца—справедливость откроетъ тебѣ оба глаза и вмѣсто ветхаго содѣется тебѣ новымъ зрѣніемъ. Итакъ, хорошо сказалъ Физіологъ о природѣ каждаго рода".—Поэтому переводу можно судить насколько близко подходитъ грузинскій Физіологъ къ той его редакціи Моск. синод. библ., которая издана г. Карнѣевымъ [1]). Одно мѣсто является лишнимъ въ грузинскомъ переводѣ сравнительно съ греческимъ текстомъ (отмѣчено курсивомъ).

Гл. II. „Начнемъ о львѣ, который есть царь надъ всѣми звѣрями и животными. Когда Іаковъ благословлялъ Іуду, сказалъ: дѣтенышъ льва, отпрыскомъ изошедшій, сынъ мой!" и прочее. Отличіе отъ греческой редакціи заключаетзя въ томъ, что по грузинскому тексту слова эти произнесены были Іоаковомъ при благословеніи Іуды, а по-гречески при благословеніи Іосифа. Далѣе сообщается о трехъ видахъ льва. Грузинскій текстъ совпадаетъ съ греческимъ.

Гл. III. Автолопъ. По-гречески звѣрь этотъ именуется λυθίοψ и только у Псевдо-Евстаѳія ἄνθολοψ. „Есть звѣрь, который называется автолоносъ. Такъ свирѣпъ и лютъ этотъ звѣрь, что для охотниковъ онъ неприступенъ; онъ имѣетъ длинные рога на подобіе пилы, такъ что высокія и большія деревья ими пилитъ. Когда жаждетъ, идетъ къ рѣкѣ Фисону и пьетъ воду.—Какъ въ приведенномъ отрывкѣ, такъ въ остальномъ грузинскій текстъ совпадаетъ съ греческимъ, только вмѣсто Фисона по-гречески читается Евфратъ [2]).

---

[1]) Слав. Физіологъ значительно отступаетъ, см. *Карнѣевъ*. Физіологъ. 1890. Спб., стр. 177. Ср. греч. περίσαυρας ἡλιακῆς...

[2]) Въ слав. Физіологѣ звѣря автолопа нѣтъ.

Гл. IV. Камни огнедышущіе по-гречески открываются словами: οἶνον καὶ γυναῖκας ἀποστρέφεται ἀνὴρ σοφός, а эти слова въ грузинскомъ переводѣ отнесены къ предыдущей главѣ: „найдетъ тебя злой охотникъ—дьяволъ, если ты склоняешься къ вину или женщинѣ, о мудрый человѣкъ"! За этимъ нравоученіемъ непосредственно начинается: „есть камни полевые, мужескіе и женскіе: пока другъ отъ друга удалены, то нигдѣ не воспламеняется огонь, но если соприкасаются мужскій съ женскимъ, то вспыхиваетъ огонь и выжигаетъ большое пространство. Стойкіе Самсонъ и Іосифъ, мужи справедливые были введены въ испытаніе изъ-за женщины. Итакъ хорошо сказалъ Физіологъ для разумныхъ, чтобы спастись". Въ грузинскомъ нѣтъ фразы ὦ γενναιότατε πολιτεύτα, ἄγγελοί εἰσιν ἐν ταρτάρῳ καὶ ζοφῳ ἕνεκεν γυναικός.

Гл. V. „Есть въ мірѣ животное, называемый ежъ. Крылья у него длинныя, когда замѣтятъ лодки, дѣлаются имъ подобными и поднимаютъ крылья свои подобно лодкамъ и преслѣдуютъ лодки на разстояніи 40 поприщъ и утомившись, подобравъ крылья волнами уносятся въ то мѣсто, гдѣ они впервые были. Море есть образъ міра, а лодки—свв. пророковъ, которые подобно лодкамъ встрѣчаютъ въ мірѣ силу животную... Ἔστι ζῷον ἐν τῇ θαλάσσῃ, πρίων λεγόμενον, πτέρυγας ἔχον μακράς καὶ ἐν ἴδῃ ἐρχόμενα πλοῖα ἀρμενίζοντα μιμεῖται αὐτὰ καὶ ὑψοῖ τὰς πτέρυγας αὐτοῦ καὶ ἀρμενίζει ἐρίζον τοῖς πλοίοις... Совпаденіе здѣсь грузинскаго съ греческимъ текстомъ очевидно [1]).

Гл. VI въ грузинскомъ „Физіологѣ" сохранила названіе птицы безъ перевода съ греческимъ окончаніемъ. „Есть птица, называемая χαλάνδριος, которая во второй книгѣ Закона Моисея упоминается". Въ греческомъ не находимъ имени Моисея; тамъ прямо читается: ἐν τῷ δευτερονομίῳ (γέγραπται). Въ славянскомъ переводѣ также не называется Моисей. „Физіологъ сказалъ: она вся бѣла и нѣтъ на ней черноты и внутренности ея лѣчатъ слабость и слѣпоту очей [2])... Халадросъ сравнивается по ослѣпительному блеску съ І. Христомъ, не имѣющимъ въ себѣ никакой черноты.

---

[2]) Ἔστι ζῷον, λεγόμενον λοθίωψ. δρομότατον ζῷον σφόδρα, ὥστε κυνηγὸν μὴ δύνασθαί αὐτῷ ἐγγίζειν, ἔχει δὲ μακρὰ κέρατα, πρίονος μορφὴν ὥστε πρίθειν αὐτὸ τὰ μεγάλα δένδρα καὶ μετέωρα. ὅταν δὲ διψήσῃ, ἔρχεται πρὸς τὸν φοβερὸν Εὐφράτην ποταμὸν καὶ πίει.

[1]) Въ славян. нѣтъ этого животнаго.

[2]) По-гречески о лѣченіи слабости зрѣнія не говорится, а только объ исцѣленіи слѣпыхъ глазъ: τα ἔνδον αὐτοῦ ἀφοδεύματα θεραπεύει τοὺς ἀμβλυωποῦντας ὀφθαλμούς. Ср. слав. и внутренняя его слѣпымъ очи цѣлитъ. *Карнѣевъ*, стр. 179.

Гл. VII. Неясыть, или пеликанъ, *варху*. „Хорошо сказалъ Давидъ: уподобился пеликану пустынному и совѣ на развалинахъ. ἐγενόμην ὡσεὶ πελεκάνος ἐρημικός, καὶ ὡσεὶ νυκτὶ κόραξ ἐν οἰκοπέδῳ. Въ славянск. Физіологѣ: „о неясыти добрѣ Давидъ глаголеть: уподобился неясыти пустыньнѣи, т.-е. не называется сова, νυκτικόραξ. Совпаденіе греческаго съ грузинскимъ текстомъ полное.

Гл. VIII. νυκτικόραξ (*буи*, ночной воронъ). „О ночномъ воронѣ (совѣ) Ф. сказалъ: она любительница болѣе ночи, чѣмъ дня, и Господь нашъ I. Христосъ возлюбилъ насъ, сидящихъ во тьмѣ и сущихъ въ сѣни смертной, Ἀλλὰ περὶ νυκτικόρακός φασιν εἶναι τὸ πετεινὸν ἀγαπῶν τὴν νύκτα ὑπὲρ τὴν ἡμέραν οὕτως ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ἠγάπησεν ἡμᾶς, τοὺς ἐν σκότει καὶ σκιᾷ θανάτου καθημένου [1]).

Гл. IX. *Орби*. „Затѣмъ сказалъ Давидъ объ орлѣ: даобновится, какъ орла юность твоя: Ἀλλ ὁ Δανὶδ ἔλεγεν· „ἀνακαινισθήσεται ὡς ἀετοῦ ἡ νεότης σου". Физіологъ сказалъ объ орлѣ: когда состарится и отяжелѣютъ крылья его, слѣпнетъ очами, ищетъ (онъ) источника воды и взлетитъ на воздухъ по направленію порывистаго вѣтра [къ источнику] и зажигаетъ глазъ и крылья и спускается къ источнику и омоетъ трижды и обновляется. И ты если имѣешь одѣяніе (ризу) ветхаго человѣка и ослѣпнутъ [2]) очи, сними [3]) ветхое то одѣяніе съ его дѣломъ и облекись въ новое".

Сравнивая съ греческимъ [и славянскимъ] текстомъ мы находимъ небольшія отступленія отъ него въ грузинскомъ переводѣ: вм. καὶ ἀνίπταναι εἰς τὸν ἀερα τοῦ ἡλιου („взлетитъ на воздухъ сонечный"), грузинскій Физіологъ предлагаетъ: взлетитъ на воздухъ по направленію порывистаго вѣтра... Славянскій переводъ сравнительно съ греческимъ и грузинскимъ Физіологомъ присоединяетъ лишній эпитетъ „чисты" къ слову "взыщеть": источника воды *чисты*.

Гл. X. *Феникси*. „Господь нашъ I. Христосъ сказалъ: я могу положить свое тѣло и [имѣю возможность, право] могу снова взять его. Іудеи негодовали на это слово". Вмѣсто тѣло греческій и славянскій физіологи даютъ: ψυχήν, душу, при этомъ славянскій значительно отступаетъ отъ греческаго и грузинскаго текста: [Ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ἔλεγεν, ср. о фениксѣ, рече Господь въ святѣмъ еѵалии...].

---

[1]) Ср. слав.: О нощнѣмъ вранѣ рече псаломникъ быхъ яко нощный вранъ на нарыщи Физіологъ рече птица си любитъ ночь паче дне...

[2]) Ср. слав. „О орлѣ Давидъ глаголеть обновится яко орля оуность твоя".

[3]) Пропускъ двухъ строкъ въ текстѣ.

„Есть какая-то птица въ Индіи, фениксъ. На пятисотомъ году приходитъ къ древамъ ли(в)баискимъ и наполнитъ крылья свои ароматомъ (ладономъ) и приходитъ въ Арегъ городъ (?) въ мартѣ мѣсяцѣ (мирканн) или въ маѣ („мѣсяцъ розъ“) и даетъ знать жрецу того алтаря, а жрецъ, извѣщенный, входитъ въ святилище и наполнитъ жертвенникъ хворостомъ или дровами, и войдетъ птица въ градъ, полная ароматомъ и взлѣзетъ на алтарь, и огонь тотъ воспламенится, и она сама себя сжигаетъ. Утромъ входитъ жрецъ и ищетъ ее на алтарѣ и находитъ червь въ золѣ. На второй день онъ окрыляется и дѣлается птенцомъ, какъ впервые простившись съ жрецомъ, взлетаетъ и уходитъ въ прежнее мѣсто.—Если птица можетъ себя нашего“... Итакъ, сравненіе показываетъ, что до конца совпадаетъ грузинскій текстъ съ греческимъ текстомъ Московсковской Синодальной библіотеки.

Ἔστιν πετεινὸν ἐν τῇ Ἰνδικῇ φοῖνιξ λεγόμενον. Καὶ κατὰ πεντακόσια ἔτη ἔρχεται εἰς τὰ ξύλα τοῦ λιβάνου καὶ γομοῖ τὰς δύο πτέρυγασαὐτοῦ ἀρομάτων... εἰ οὖν τὸ πετεινὸν ἐξουσιών (ἔχει) ἑαυτὸ ἀποκτεῖναι καὶ ζωογονῆσαι πῶς οἱ ἀνόητοι ἄνθρωποι ἀγανακτοῦσιν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ εἰπόντος: ἐξουσίαν ἔχω θεῖναί μου τὴν ψυχὴν καὶ ἐξουσίαν ἔχω. πάλιν λαβεῖν αὐτήν.

Гл. XI. *Ологи*, ἔποψ, вынь. „Говоритъ книга: кто злословитъ отца или мать смертью умретъ“. Это мѣсто пропущено въ армянскомъ Физіологѣ; далѣе согласно съ греческимъ Физіологомъ передается, что птенцы, замѣтивъ состарѣвшихся и ослѣпшихъ родителей, общипаютъ перья, лижутъ ихъ глаза и возраждаютъ ихъ, говоря, что они воздаютъ родителямъ должное за понесенный ими трудъ по воспитанію дѣтей.

Гл. XII. Канджари, ὄναγρος, онагръ. „Іовъ сказалъ: „Кто оставилъ канджари свободнымъ“ и пр. Ἡ δὲ νέα ἐγκρατείαν пропущенное въ армянскомъ, имѣется въ грузинскомъ переводѣ.

Гл. XIII. Аспити, ἐχίδνη, эхидна. Глава эта выцвѣла въ грузинскомъ текстѣ и возстановить ее намъ не удалось.

Гл. XIV. Гвели, ὄφις, змѣя. „Господь нашъ І. Христосъ сказалъ въ Евангеліи: будьте мудры какъ зміи и невинны какъ голуби. Физіологъ сказалъ: есть три вида змѣи... Слѣдуетъ воспроизведеніе греческаго текста. Конецъ: Отецъ нашъ Адамъ пока былъ нагъ въ раю, не дерзнулъ къ нему приступить злой духъ [1]).

---

[1] Ἡνίκα ὁ πατὴρ ἡμῶν (Ἀδὰμ) ἦν γυμνὸς ἐν τῷ παραδείσῳ, οὐκ ἴσχυσεν πηδῆσαι ὁ διάβολος εἰς αὐτόν.

Гл. XV. *Тчинтчвели*, μύρμηξ, муравей: „Соломонъ говоритъ въ притчахъ: смотри на муравья и подражай, о лѣнивый"! Фiзiологъ сказалъ о муравьѣ, что есть муравьи трехъ видовъ [1]).

Въ толкованіи свойствъ муравья грузинскій текстъ совпадаетъ съ греческимъ Синодальной библіотеки, въ то время какъ свойство, изложенное здѣсь на второмъ мѣстѣ, поставлено на третьемъ мѣстѣ въ эѳіопскомъ, армянскомъ, латинскомъ и нѣкоторыхъ греческихъ физіологахъ. Конецъ грузинскаго перевода даетъ тождественное чтеніе съ греческимъ Физіологомъ, гласящимъ: φεύγετε ἀπὸ Χαλδαίων τῶν καὶ τῆς ψυχῆς καὶ ἀπὸ πάντων ἑτεροδόξων.

Гл. XVI. Сирены и кентавры. Σειρῆνες καὶ ἱπποκένταυροι. Исаія пророкъ сказалъ: Тамъ морскія жены и дэви будутъ плясать и ежи утвердились; греческій даетъ небольшое разночтеніе: Ἀλλὰ Ἠσαΐας ὁ προφήτης λέγει· ὅτι σειρῆνες καὶ δαιμόνια καὶ ἐχῖνοι ὀρχήσονται ἐκεῖ. Любопытно, что δαίμονας переводятся чрезъ дэви, понятіе усвоенное чрезъ персовъ и до сихъ поръ извѣстное въ народныхъ воззрѣніяхъ. Фізіологъ сказалъ о морскихъ женахъ, что онѣ суть причинающія смерть человѣку на морѣ (θανατηφόρους). Конецъ грузинскій Физіологъ имѣетъ параллель въ греч. текстѣ: Павелъ сказалъ, и прочее (т.-е. портятъ умы злыми словами—φθείρουσι γὰρ ἤθη χρηστὰ ὁμιλίαι κακαί].

Гл. XVII. *Грзгарби*, ἐχῖνος, ежъ. Грузинскій текстъ согласенъ съ греческимъ Физіологомъ, но конецъ перваго обрывается на словахъ, соотвѣтствующихъ греческимъ: καὶ εἰς ζωὴν αἰώνιον ἐκχωρῆσαι. Нашъ памятникъ даетъ 12 конечныхъ строкъ въ неудобочитаемомъ видѣ.

Гл. XVIII. *Мели*, περὶ τῆς ἀλώπεκος, о лисицѣ. Ἀλώπηξ, лисица. „Сказалъ Фізіологъ: она очень хитрое и коварное животное. (Δόλιον εἶναι παντελῶς τὸ ζῶον)· Совпадая съ греческимъ текстомъ, эта глава грузинскаго текста сохранилась до того мѣста, которое начинается словами: οὕτως ἐστὶν καὶ ὁ διάβολος...

Гл. XIX.—*Авази*, Πάνθηρ, пантера также не вполнѣ можетъ быть возстановлена [не хватаетъ 30 строкъ); сохранилось только „пантера спокойное и кроткое животное. Когда ѣстъ и насытится, то лежитъ на своемъ мѣстѣ и на третій день встанетъ со сна". (Ср. ὁ πάνθηρ οὖν ζῶόν ἐστιν ἡσύχιον καὶ πρᾶον πάνυ]

Гл. XX—Ἀσπιδοχελώνη, *куи*, черепаха съ пропускомъ со словъ ап. Павла начинается: Физіологъ сказалъ: есть животное въ морѣ, которое именуется черепахой („валанакра", ср. ἀσπιδοχελώνη) и кончается на томъ мѣстѣ, которое по-гречески читается: τοὺς μικροὺς ἰχθύας νοήσον...

---

[1]) Σολομῶν εἶπεν ἐν ταῖς παροιμίαις и пр.

Гл. XXI. Какаби, куропатка, πέρδιξ, начинается: „Физіологъ сказалъ о куропаткѣ, что она садится на чужія яйца (ср. ὅτι ἀλλότρια ᾠὰ θάλπει)... и кончается словами, соотвѣтствующими въ греческомъ текстѣ: οὕτως καὶ ὁ διάβολος ἁρπάζει τὸ γένος τῶν νηπίων ταῖς φρεσίν, т.-е. глава эта сохранила слова Іеремія и обрывается на толкованіи символическаго смысла этой птицы.

Гл. XXII. „Орби" γύψ. Текстъ дефектенъ: начинается—„Физіологъ сказалъ о коршунѣ, что онъ покоится на высокихъ и трудныхъ скалахъ". Совпадая во всемъ съ греческимъ текстомъ, грузинскій Физіологъ обрывается на словахъ: такъ и ты (καὶ σύ, ὦ ἄνθρωπε)...

Порядокъ главъ въ грузинекой редакціи до XXII включительно слѣдовалъ инвентарю греческаго Физіолога, съ XXIII же главы это совпаденіе въ порядкѣ расположенія матеріала нарушается.

Гл. XXIII грузинскаго физіолога посвящена *ломчинчвели*, муравольву (Μυρμηκολέων), который занимаетъ 33-е мѣсто въ греческомъ Физіологѣ Синод. библіотеки. Это сказаніе изложено въ двадцатой главѣ въ спискахъ первой группы по Карнѣеву, т.-е. въ эѳіопскомъ, латинскомъ, славянскомъ и др.; въ спискахъ второй группы въ XXII главѣ (въ армянскомъ, сирійскомъ). Въ XXIII гл. это сказаніе дается только грузинской редакціей. Начинается: „Елифасъ Ѳеманскій сказалъ: муравелевъ погибъ, потому что не нашелъ пищи: Ἀλλ' ὁ Ἐλιφὰξ ὁ Θεμανίτης ἔλελεν· μυρμηκολέων ὤλετο παρὰ τὸ μὴ ἔχειν βοράν. Въ славянскомъ пропускъ: о муравельвѣ Елифисъ ѳемоуньскій царь рече [1]). Совпадая съ греческимъ текстомъ, глава эта неясно сохранила двѣ послѣднія строки и оканчивается на словахъ: οὐδὲ δισσὰ λέγειν ἐν τῇ προσευχῇ...

Гл. XXVI грузинской редакціи заключаетъ сказаніе о ласкѣ γαλῇ, но сохранилась крайне въ неудобочитаемомъ видѣ. Въ греческомъ Физіологѣ изъ Синодальной библіотеки это сказаніе изложено въ XXXIV гл.

Гл. XXV. Объ единорогѣ, μονοκέρας *марторка* начинается: Физіологъ сказалъ объ единорогѣ, [что] имѣетъ такое сложеніе[2]) и видъ: онъ малъ и похожъ на козленка и очень пылкое животное. (δριμύτατον δὲ „σφόδρα") [3]). Это сказаніе приводится въ греческомъ Физіологѣ Синодальной библіотеки въ 35 гл. въ спискахъ первой группы по Карнѣеву въ 22 гл., въ армянскомъ въ 25 гл., въ архетипѣ сирійскомъ въ 23 гл.,

---

[1]) См. *Карнѣевъ*, op. c., 285.

[2]) Въ греческомъ текстѣ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго въ грузинской редакціи „сложенію".

[3]) Въ славянскомъ совершенно наоборотъ: „кротокъ же зѣло".

вообще въ спискахъ второй группы послѣдовательность главъ, начиная съ разсматриваемой, перебила. Въ грузинскомъ Физіологѣ сказаніе останавливается на словахъ, соотвѣтствующихъ въ греческой редакціи: ἐξήγερεν γὰρ ἡμῖν κέρας σωτηρίας ἐν οἴκῳ Δανὶδ τοῦ παιδὸς (по груз. „раба") αὐτοῦ. Этой главой кончается греческій списокъ Синодальной библіотеки.

Гл. XXVI. καστόρων, бобръ. Этому сказанію въ греческомъ Физіологѣ Синодальной библіотеки соотвѣтствуетъ 23 глава. „Есть животное кастурьосъ очень кроткое и молчаливое. Внутренности его служатъ цѣлебнымъ лѣкарствомъ; ἔστι ζῶον, λεγόμενον καστόρωνῆ πιον πάνυ καὶ ἡσύχιον. Любопытно, что „саурвелни" (внутренности) грузинскимъ Физіологомъ передается словомъ, буквальный смыслъ котораго значитъ требующій попеченія, т.-е. соотвѣтствуетъ основному значенію τὰ ἀναγκαῖα. Это сказаніе сохранилось съ пропускомъ нѣсколькихъ словъ предъ концомъ.

Гл. XXVII. *Аптари* ὑαίνῃ, гіена. Это сказаніе въ славянскомъ Физіологѣ утрачено, въ греч. спискѣ Синодальной библіотеки оно приводится въ 24 гл. „Въ законѣ написано: не ѣшь гіены и ей подобныхъ μὴ φάγῃδὲ τὸ ὅμοιον (αὐτῇ) Грузинскій Физіологъ это сказаніе сохранилъ до того мѣста, которое передаетъ, что гіена нечистое животное.

Гл. XXVIII *коркодилъ*, крокодилъ. Въ греческомъ Физіологѣ Синодальной библіотеки эта глава не сохранилась, а греческіе списки Λ и Δ по Карнѣеву излагаютъ эту главу тождественно; только одинъ армянскій начинаетъ ее цитатой: „не должно ѣсть выдры и ей подобныхъ". Грузинскій Физіологъ же согласно съ славянскимъ приводитъ сказаніе о крокодилѣ безъ этой цитаты, причемъ нашъ текстъ начинается: „Есть другое животное *въ рѣкѣ Нилѣ*, подобное выдрѣ, и оно врагъ свирѣпому крокодилу [1]), оно съ виду похоже на ящерицу, другіе говорятъ, что оно подобно морскому крокодилу. Когда спитъ крокодилъ, то выдры уста"... Здѣсь обрывается грузинскій Физіологъ, значительно отступающій отъ славянской редакціи.

Гл. XXIX. „Есть животное, называемое ихневмонъ, который переводится „виктол"(?)... За пропускомъ нѣсколькихъ словъ продолжается: приходитъ, обмазывается глиною („каломъ" въ славян. Физ.), нападаетъ на дракона („змія" слав. физ.) и хвостомъ прикрываетъ хоботъ. Такъ и Спаситель нашъ І. Христосъ"... Глава эта сохранилась неудовлетворительно, однако нельзя не замѣтить отличія грузинскаго текста отъ славянскаго по приведенному отрывку.

---

[1]) „Есть животъ, глаголемый ноудръ образъ имѣя песии, врагъ же есть кокордилови".

Гл. XXX περιδέξιον. Это сказаніе приводится въ греческомъ Физіологѣ Синодальной библіотеки въ XXXIV гл. „Есть древо, называемое перидексіонъ, которое въ переводѣ значитъ древо угрюмое (?). Растетъ оно въ Индіи, и плодъ его есть самая сладкая изъ всѣхъ сладостей. Голуби приходятъ, садятся на то дерево питаться плодами его и враждуетъ съ нимъ громадный змѣй“... Обрывается глава на словахъ: змѣй тотъ убиваетъ ихъ (голубей) и съѣдаетъ [1]). Въ спискѣ Синодальной библіотеки находилась только вторая половина этой главы.

Гл. XXXI. *Qorani*, κορώνη, воронъ. Въ грузинскомъ Физіологѣ начинается эта глава со словъ: „Физіологъ сказалъ о воронѣ, что онъ монандра и если мужъ умретъ, то жена не сойдется съ другимъ мужемъ“. Сказаніе о воронѣ сохранилось въ удобочитаемомъ видѣ только до приведенныхъ словъ, которымъ соотвѣтствуетъ по-гречески: ὁ φ. ἔλεξεν περὶ τῆς κορώνης, ὅτι μόνανδρός ἐστιν, ἐὰν δὲ ταύτης ὁ ἀνὴρ τελευτήσῃ οὐ θέλει συγγίνεται ἑτέρῳ ἀνδρί.

Гл. XXXII. *Гврити*, Τρίγων, горлица. „Въ пѣснѣ пѣсней сказалъ (Соломонъ): голосъ горлицы былъ слышенъ. Физіологъ сказалъ о горлицѣ, что она уединяется и уходитъ въ пустыню и водворяется [тамъ], отдѣльно привыкла жить и среди многихъ мужей не любитъ быть... Грузинскій Физіологъ совпадаетъ съ греческимъ спискомъ Синодальной библіотеки, приводящимъ это сказаніе въ XXXVII гл. [2]).

Гл. XXXIII. *Мерцхали*, χελιδών, ласточка. „О ласточкѣ сказалъ Физіологъ, что она разъ родитъ и никогда другой. Такъ, Спаситель нашъ І. Христосъ разъ рожденъ, разъ распятъ и разъ воскресъ изъ мертвыхъ. Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Отецъ всѣхъ. Хорошо сказалъ Физіологъ о ласточкѣ“. Греческій текстъ (гл. 28) буквально совпадаетъ съ грузинскимъ: Ὁ φ. ἔλεξε περὶ τῆς χελιδόνος ὅτι ἅπαξ γεννα, καὶ οὐκέτι γεννᾷ ὁ Σωτήρ μου, ἅπαξ ἐκυοφορήθη, ἅπαξ ἐγγεννήθη, ἅπαξ ἐτάφη, ἅπαξ ἐκ νεκρῶν ἀνέστη. εἷς θεός, μία πίστις, ἓν βάπτισμα. Εἷς πατὴρ τῶν ἁπάντων. Καλῶς ὁ φ. ἔλεξεν περὶ τῆς χελιδόνος.

Гл. XXXIV. *Ирема*, ἔλαφος, олень. „Физіологъ сказалъ объ оленѣ что онъ большой врагъ дракона и [когда послѣдній] идетъ въ разсѣлину, олень наполнивъ свою челюсти водою источника, входитъ въ разсѣлину,

---

[1]) „Обрѣтыше змии и снѣсть и“. *Карнѣевъ*, стр. 314.

[2]) Ἐν τοῖς ᾄσμασιν τῶν ᾀσμάτων (Σολομῶν) ἔλεγεν· φωνὴ τῆς τρίγονος ἠκούσθη ἐν τῇ γῇ ἡμῶν. Ὁ φ. ἔλεξε περὶ τῆς τρύγονος, ὅτι ἀναχωρεῖ κατ' ἰδίαν ἐν τοῖς ἐρήμοις. ἀναχωρῶν οὖν οὐκ ἀγαπᾷ μέσον πλήθους ἀνδρῶν εἶναι...

куда влѣзъ тотъ драконъ (змѣй) и выливаетъ воду, наполняетъ разсѣлину ту, пока драконъ не выйдетъ и, вступивъ ногами, убьетъ его. Такъ и Спаситель нашъ I. Христосъ убилъ того великаго дракона—дьявола небесною водою, которую имѣлъ по мудрости Божіей; не можетъ устоять водѣ драконъ, а [небесному слову] дьяволъ. Господи, даруй мнѣ мудрость, дабы отверсть уста и сказать хвалу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно во вѣки вѣковъ. Аминь". Это сказаніе совпадаетъ съ греческимъ до *символическаго* его примѣненія. Въ греческомъ Физіологѣ толкованіе слѣдующее: καὶ σύ, ἄνθρωπε, ἐὰν ἔχῃς νοεροὺς δράκοντας κεκτημένους ἐν τῇ καρδίᾳ σου, κάλεσον τὰ εὐαγγέλια и пр... Этимъ сказаніемъ, приведеннымъ въ греческомъ Физіологѣ Синодальной библіотеки въ XXIX гл.[1]) заканчивается грузинскій текстъ бестіарнаго инветаря.

Авторъ солиднаго изслѣдованія, посвященнаго Физіологу, г. Карнѣевъ въ результатѣ сравнительно изученія наличныхъ рецензій Физіолога приходитъ къ выводу, что всѣ онѣ восходятъ къ одной общей, которая сохранена преимущественно восточными текстами. Но вполнѣ ли сохранила эта рецензія первичный обликъ Физіолога эллино-александрійской редакціи, утвердительно онъ отказывается рѣшать, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ. Судя по относительно древнѣйшей рецензіи восточныхъ текстовъ, физіологическій инвентарь представляетъ строго опредѣленный циклъ сказаній: значительныя отступленія отъ этого цикла указываетъ, что данный памятникъ не относится къ числу рецензій Физіолога. Физіологъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, представляетъ, при каждомъ сказаніи, соотвѣтственныя символическія примѣненія. Родиною Физіолога, съ большимъ вѣроятіемъ, можетъ быть признана Александрія, а временемъ его составленія эпоха отъ II до III в. по Р. Х. Физіологъ есть памятникъ коллективнаго творчества, а источники его слѣдуетъ искать у античныхъ писателей, въ библейскихъ представленіяхъ, въ отзвукахъ талмудическихъ представленій, въ памятнимахъ египетской старины[2]).

---

[1]) *Акад. Ягичъ.* Разборъ книги А. Карнѣева (Отчетъ о 35 присужденіи наградъ гр. Уваровъ, Спб. 1395) говоритъ, что греческій текстъ „Ф". Московсковской Синодальной библіотеки, судя по составу и распорядку главъ, принадлежитъ къ *старшей* редакціи и ближе подходитъ къ теоретически возстанавливаемому первообразу „Ф", чѣмъ списокъ *А* у Питры.

[2]) Гоммель отстаиваетъ мысль о зарожденіи Физіолога въ Александріи, имѣя въ виду египетскую родину извѣстныхъ животныхъ Физіолога: солнечная ящерица, крокодилъ, ихневмонъ; самыя сказанія о нѣкоторыхъ животныхъ восходятъ къ египетской старинѣ: зачаточныя черты о фениксѣ (Benu) находимъ

Исходя изъ этихъ положеній, въ особенности о старшинствѣ восточныхъ рецензій Физіолога, обратимся къ вопросу объ отношеніи грузинскаго текста къ извѣстнымъ въ литературѣ редакціямъ Физіолога. Насколько можно судить изъ сопоставленія грузинской рецензіи, она не можетъ находиться въ ближайшемъ родствѣ съ армянскимъ Физіологомъ, въ виду наличности въ послѣднемъ нефизіологическихъ животныхъ: тигръ, алконостъ и пр. Не можетъ восходить къ сирійскому Физіологу, въ которомъ встрѣчаемъ главы о собакѣ, кротѣ, дроздѣ, пѣтухѣ, отсутствующія въ грузинской редакціи. Наконецъ, инвентарь, порядокъ главы, не совпадая съ извѣстными редакціями греческаго Физіолога, выдѣляетъ грузинскій Физіологъ въ особую самостоятельную редакцію, прототипъ которой, по моему мнѣнію, слѣдуетъ искать въ греческой литературѣ.

По авторитетному мнѣнію акад. Ягича [1]) одинъ изъ признаковъ древнѣйшей редакціи Физіолога заключается въ томъ, что начало извѣстныхъ главъ заимствовано съ какого-либо священнаго текста. Этотъ признакъ вскрывается и въ грузинскомъ Физіологѣ. Первая христіанская обработка Физіолога состояла въ символическомъ истолкованіи баснословныхъ свойствъ животныхъ и лишь языческій „Ф.“, легшій въ основаніе христіанскаго „Ф.“, существовалъ въ видѣ самостоятельнаго зоологическаго трактата.

Монастырскій уставъ. [2])

Единственный уставъ монастырскій, дошедшій до насъ въ довольно печальномъ видѣ, относится ко времени XII в. Уставъ этотъ данъ былъ Сергѣемъ (Саркисомъ) Мхаргрдзели Ваганскому св. Георгія монастырю, расположенному въ Тао-Кларджетіи. Уставъ, утвержденный впослѣдствіи сыномъ Мхаргрдзели и католикосомъ Георгіемъ, написанъ между 1191 и 1233 г.

Половина этого устава совершенно исчезла, а другая часть коегдѣ плохо читается, такъ какъ мѣстами чернила выцвѣли, мѣстами же матеріалъ прорванъ.

въ LXXXIII гл. Книги мертвыхъ, а подробности сказанія объ онагрѣ и обезьянѣ въ одномъ гіероглифическомъ календарѣ; сказаніе о хараджѣ находимъ у Өиды, объ ихневмонѣ у египтянъ Манеөона.

[1]) Op. cit., стр. 195.

[2]) *Жорданія* Истор. документы Шіо-Мгвимской лавры, Т. 1896, стр. 28 и др.

Уставъ касается внутренняго устройства монастырскаго быта. Прежде всего провозглашается, что никто изъ иноковъ не можетъ считаться собственникомъ какого-либо матеріальнаго достатка, ибо писано нельзя служить двумъ господамъ — Богу и мамону. По положенію монаховъ-іереевъ должно быть 24, дьяконовъ 7 и послушниковъ 10. Одинъ изъ іереевъ, отличный словомъ и дѣломъ, пріобрѣвшій довѣріе братьевъ и уваженіе ихъ своей безпорочною жизнью, поставляется старшимъ для наблюденія надъ монастырскимъ строемъ. Онъ будетъ пастыремъ и духовнымъ отцемъ всѣхъ.

Въ монастырѣ всѣ равны между собою. За столомъ подается одинаковая порція хлѣба и вина какъ іереямъ, такъ и послушникамъ. За трапезой читаются часы. Если кто-либо нарушаетъ бесѣдой тишину, то трапезарь, послѣ двукратнаго замѣчанія, выводитъ его со стола. Пища иноковъ должна быть простая. Только для почетныхъ гостей она дополняется новыми блюдами. Но болѣе трехъ дней гости не должны оставаться въ монастырѣ. Женщины вовсе не допускаются въ иноческую обитель.

Одинъ изъ монаховъ имѣетъ надзоръ надъ больными братьями Онъ ухаживаетъ за ними, подаетъ пищу, утѣшаетъ ихъ, трижды обходя кельи недугующихъ. Кромѣ того, среди монаховъ различаются игуменъ, протоіерей и экономъ, которые получаютъ для своего обезпеченія больше остальныхъ: первому назначается шесть дукатовъ, второму и третьему по четыре дуката, а послушникамъ по ботинату и дукату [1]).

Безъ разрѣшенія и благословенія настоятеля инокъ не можетъ не отлучиться изъ монастыря. Онъ пользуется только даннымъ ему отпускомъ. Никто изъ братьевъ не имѣетъ права въ монастырѣ торговать, отдавать деньги въ ростъ крестьянамъ. Уличенные въ ростовщичествѣ изгоняются изъ монастыря. Безпокойные и непослушные, нарушающіе благопристойность обители, не могутъ оставаться въ монастырѣ. До появленія бороды не слѣдуетъ вводить въ монастырь какого изъ дѣтей или братьевъ. Настоятель заботится о строгомъ соблюденіи этихъ правилъ и если онъ бездѣятеленъ, то лишается своего почетнаго положенія. Лицемѣровъ, пьяницъ, корыстолюбцевъ, стремящихся поживиться насчетъ монастыря, уклоняющихся отъ молитвы, слѣдуетъ наставлять, а потомъ изгонять, но по тщательномъ изслѣдованіи, а не по клеветѣ. Имущество изгнанныхъ составляетъ общее достояніе иноковъ. За непослушаніе игуменомъ налагается эпитемія.

---

[1]) Объ этихъ монетахъ см. дальше въ гуджарѣ Давида Возобновителя.

За монастырскими сельскими имѣніями имѣютъ надзоръ постав-ленные братіей міряне, и только въ случаѣ нужды отправляется для кон-троля одинъ изъ опытныхъ и умныхъ послушниковъ. Іереи и дьяконы всегда должны оставаться служителями алтаря. Излишнее пристрасті къ напиткамъ и пищѣ строго воспрещается, ибо обжорство есть мат всякой скверни. Доходы, поступающіе за литургіей, обращаются въ поль зу приносящихъ безкровную жертву, а если дѣлается вкладъ, то по ловина пріобщается къ монастырской казнѣ, а половина дѣлится межд братьями.

Ни одинъ изъ иноковъ не можетъ завѣщать своего достатка по стороннему лицу. Братья служатъ по покойникѣ обѣдню и устраива ютъ тризну, распредѣливъ все оставшееся его имущество на двѣ ча сти—одну въ пользу монастыря, а другую въ пользу иноковъ.

Въ концѣ читаемъ, что уставъ этотъ написанъ Мхаргрдзели дл его монастыря и призывается проклятіе надъ тѣмъ, кто его нарушит Онъ предлагаетъ для свѣдѣній уставъ читать три раза въ годъ: в день Св. Ѳеодора предъ постомъ, въ день Св. Троицы и въ ден Воздвиженія Креста. Вновь вступающему иноку долженъ быть про читанъ уставъ для удостовѣренія, что онъ будетъ подчиняться опре дѣленному монастырскому порядку.

Къ *юридическимъ* актамъ, кромѣ приведеннаго устава мы отно симъ постановленія вселенскихъ и мѣстныхъ соборовъ, сигели съ гуд жарами. Послѣдніе дошли до насъ въ большемъ количествѣ и отчаст уже изданы [1]).

Первое наше свѣдѣніе о соборѣ, созванномъ въ Грузіи, восходит къ X в., именно ко времени царя Баграта III. На этомъ Артанудж скомъ соборѣ выступилъ Евѳимій Грдзели противъ армянскаго пропо вѣдника Состена. Состенъ [2] явился къ Баграту и сталъ превозносит себя и унижать православную церковь. Съ нимъ вступили въ прені Мелкадзе Цурцкабели, Григорій Абусеридзе, но сочли себя слабым и предложили царю вызвать Евѳимія Грдзелидзе, прибывшаго къ том времени изъ Іерусалима къ архіепископу въ Антахъ. Грдзелидзе явилс ко двору; побесѣдовалъ онъ съ Состеномъ и, отразивъ его нападки, скл

[1]) См. I т. актовъ Кавказ. археогр. коммиссіи. *Пурцеладзе*: Дворянскі грамоты; церков. гуджары; крестьянскіе акты. — *Мои* изданія: Гуджары (н груз. яз., Кутаисъ, 1891), Дворянскіе акты и родословные росписи. Москв 1893 г. Въ журналѣ *Моамбе* за 1896 и 1897 г. отдѣлъ „Древности грузинскія" и д

[2] *Жорданія*. I. 126. *Сабининъ*. Рай Грузіи, 615, 621.

вилъ его къ мнѣнію о истинности православія. Этотъ соборъ имѣлъ въ виду отстоять ученіе православія противъ ереси монофизитовъ.

Къ первой половинѣ XI в. относится соборъ при Багратѣ IV. По настоянію Георгія Святогорца созывается соборъ, на которомъ опредѣляляются правила касательно возведенія въ духовный санъ, нравственныхъ обязанностей ихъ по отношенію къ паствѣ и др. (см. у меня выше стр. 80).

При Давидѣ Возобновителѣ въ 1103—1104 г. издаются постановленія такъ называемаго Руисскаго собора, созваннаго для востановленія порядка въ церковной жизни, поколебленной владычествомъ иновѣрцевъ, и очищенія общественной нравственности отъ суевѣрій и предразсудковъ.[1] (См. выше).

Съ этою же цѣлью при цар. Тамарѣ въ 1184—5 г. происходитъ соборъ при участіи Николая Гулабридзе, вызваннаго изъ Іерусалима. [Ему же принадлежитъ сочиненіе о чудесахъ живоноснаго древа Мцхетскаго].

Къ отдѣльмымъ памятникамъ, нормирующимъ общественную или церковную жизнь, принадлежитъ замѣчательный манускриптъ X в., находившійся въ рукахъ Тишендорфа и нынѣ хранящійся въ Спб. Академіи наукъ. Памятникъ этотъ списанъ съ *древняго* оригинала „грѣшнымъ Іоанномъ" и заключаетъ въ себѣ, помимо способа счисленія грузинской хронологіи (короникона въ 532 года въ кругѣ), свѣдѣніе о „Каландоба" [см. I в.] или Календѣ, сказанной пророк. Ездрой[2]).

Рукописи 1022 г. Общества распростр. грамотности среди грузинъ въ Тифлисѣ (№ 143) и Тифлис. церков. музея 1031 г. (№ 96) представляютъ древнѣйшій переводъ постановленій VI вселенскаго собора, сдѣланной Захаріемъ Валашкертели. Переводъ этотъ предшествовалъ воспроизведнію тѣхъ же постановленій св. Евѳиміемъ. Въ этотъ трудъ Валашкертели входятъ еще каноны Іоанна постника, духовные законы и чинъ освященія церкви [3]).

Къ древнѣйшимъ сигелямъ и гуджарамъ относятся: актъ 1040 г. ц. Баграта Куропалата, выпросившаго у визант. императора Василія матеріально помощи для возстановленія Мцхетскаго храма [4]); сигель

[1] См. I вып. „Очерковъ", стр. 303—4.

[2] Постановленіе переписаны Арсеніемъ Икалтойскимъ, ямбическіе стихи котораго читаются въ пергаментномъ апостолѣ Тифл. Церк. Музея (№ 137). Тамъ же сохранились „ямбы" Ефрема Мцире.

[3] *Жорданія*. Хроники I, 155, 163, 169, 172.

[4] Ibid. 101 стр. Ср. въ Хрест. *Чубинова*; *Бакрадзе*. Статьи по исторіи... стр. 24.

1020 г. католикоса Мельхиседека [1]) о различныхъ пожертвованіяхъ въ пользу Мцхетскаго храма, возобновленіе котораго относится къ этому времени. Гуджаръ 1178 г. царя Георгія о повинностяхъ въ пользу Самтавійской каѳедры и грамота царя Баграта IV 1058 г. Шіомгвимской обители. Въ сигеляхъ и гуджарахъ мы находимъ свѣдѣнія о построеніи храмовъ и монастырей, о приношеніяхъ этимъ святынямъ благочестивыми царями и вельможами, о духовной юрисдикціи и повинностяхъ въ пользу церкви, о платѣ за дворянскую кровь и организаціи внутренняго управленія—судъ, администрація, финансы. О значеніи этихъ памятниковъ умѣстнѣе говорить въ исторіи культурной, а не въ исторіи словесности. Но для образца мы приводимъ одинъ гуджаръ и одинъ сигель.

Гуджаръ Давида Возобновителя, [2] *данный Шіомгвимской обители.*

Въ числѣ древнихъ актовъ Грузино-имеритинской Синодальной конторы имѣется пергаментный свитокъ № 33, писанный строчными грузинскими церковными буквами „хуцури“. Т. к. чернила выцвѣли, то большая часть текста въ позднѣйшее время подновлена новыми чернилами, вслѣдствіе чего, къ сожалѣнію, смыслъ завѣщанія по мѣстамъ значительно затемнился.

Завѣщаніе это представляетъ одинъ изъ замѣчательныхъ остатковъ древней грузинской письменности съ собственноручною подписью царя Давида Возобновителя. Кромѣ того, завѣщаніе даетъ новыя историческія свѣдѣнія, дополняющія и разъясняющія изданную грузинскую лѣтопись и проливающія свѣтъ на жизнь и порядки управленія древнихъ грузинскихъ монастырей. Въ немъ встрѣчаемъ новое свѣдѣніе о томъ, что главный храмъ Шіомгвимскаго монастыря построенъ Давидомъ Возобновителемъ. Наконецъ, завѣщаніе, характеризуя личность самаго царя, даетъ весьма интересное для исторіи Грузіи свѣдѣніе о томъ, что правитель Дзагамъ и его сынъ, лжеепископъ Модестосъ, преслѣдуемые царемъ, какъ „противники и ненавистники Бога“, укрылись въ крѣпости Шіомгвимскаго монастыря, но, при содѣйствіи иноковъ этой лавры, попали въ руки царя.

Краткость повѣствованій лѣтописи о царствованіи Давида простирается до того, что о самыхъ выдающихся событіяхъ его времени, описанныхъ современными царю армянскими и мусульманскими писателями, упоминается только вскользъ или ограничиваемся одними наме-

[1] *Чубиновъ*. Хрестом. 203—208. Ср. Жорданія. Хроники..., II, 31.

[2] Написанъ въ 1123 г. Памятникъ издалъ Ѳ. Жорданія (Тифлисъ. 1895 г.).

ками. Это объясняется тѣмъ, что лѣтописецъ царя Давида имѣетъ въ виду не описаніе событій его царствованія, а характеристику личности самаго царя, какъ мудраго правителя, храбраго воина и достойнаго сына православной церкви. Лѣтопись умалчиваетъ о томъ слишкомъ важномъ обстоятельствѣ, что съ 1089 по 1092 годъ Давидъ царствовалъ не одинъ, а раздѣлялъ, какъ видно изъ двухъ манускриптовъ, управленіе съ отцемъ своимъ Георгіемъ II.

Кто былъ Дзагамъ, въ чемъ провинились онъ и его братъ предъ царемъ и какая судьба постигла ихъ? Изъ завѣщанія усматривается, что кахетинскій владѣтель Акарманъ, цѣною измѣны Христу, возвратилъ себѣ Кахетію, занялъ при помощи сельджуковъ крѣпости Зеда-Задени (противъ Мцхетъ, на горѣ), Мухрань и затѣмъ постепенно и остальную часть Грузіи, отбросивъ царей Георгія и Давида за границы Лихскихъ горъ. Упоминаемый въ завѣщаніи Дзагамъ, вѣроятно, есть тотъ самый вельможа, который, измѣнивъ царю Давиду, передалъ Акарману принадлежавшія грузинскому царству крѣпости Мухрань и Зеда-Задени.

Пользуясь смутнымъ временемъ, Дзагамъ, какъ видно изъ завѣщанія, захватилъ въ руки вотчины Мцхетскаго патріаршаго собора, Цилканской каѳедры и Шіомгвимской лавры. Послѣднюю Дзагамъ обратилъ въ крѣпость, въ которой помѣстилъ своихъ людей, возвелъ въ санъ епископа своего брата, Модистоса, поручилъ ему управленіе богатой Цилканской епархіи и чрезъ него захватилъ значительную часть изъ богатствъ Цилканскаго и Мцхетскаго соборовъ. Тираніи Дзагама скоро положенъ былъ конецъ. Около 1096 г., когда первые крестоносцы отвлекли значительныя силы турокъ-сельджуковъ отъ границъ Грузіи, Давидъ завладѣлъ Карталиніею, Тифлисомъ, кромѣ цитадели его, и восточной половиной Кахетіи. Въ 1101 г. и крѣпость Задени была взята; но Дзагамъ успѣлъ бѣжать и укрылся въ укрѣпленіяхъ Шіомгвимскаго монастыря вмѣстѣ съ братомъ своимъ Модистосомъ. Царь взялъ Мгвимскую крѣпость, причемъ самъ Дзагамъ достался ему въ плѣнъ. О дальнѣйшей судьбѣ Дзагама завѣщаніе говоритъ, что отецъ царя Давида, Георгій II, вопреки настояніямъ сына, возвратилъ Дзагаму нѣкоторыя изъ земель бывшаго его фамильнаго владѣнія въ предѣлахъ Мухрани и крѣпости Зеда-Задени. Давидъ, не желая нарушать воли отца, позволилъ Дзагаму пожизненно пользоваться означенными церковными вотчинами, но въ завѣщаніи опредѣлилъ, чтобы послѣ смерти Дзагама онѣ были возвращены церкви.

Лжеепископъ Модистосъ былъ низложенъ истинными пастырями. Лѣтопись Грузіи свидѣтельствуетъ, что въ 1103 г. царь Давидъ со-

звалъ соборъ изъ представителей грузинской церкви въ окрестностяхъ Руиси и Урбниси (Руисско-урбнисскій соборъ), который исправилъ всѣ ошибки, вкравшіяся въ управленіе церкви и ввелъ всюду благочиніе, а недостойныхъ епископовъ лишилъ каѳедръ и предалъ анаѳемѣ [1]).

„Волею Божіею предъ отправленіемъ въ походъ на Ширванъ я посѣтилъ Шіомгвинскій монастырь и обратился къ прибѣжищу моему, св. Шіо, съ молитвою о дарованіи мнѣ помощи. Я нашелъ, что мною воздвигнутый храмъ, (въ Шіомгвимской лаврѣ) выстроенъ. И я получилъ благословеніе отъ всѣхъ иноковъ монастыря. Монахъ Арсеній, надежда и просвѣтитель мой, приказалъ мнѣ написать это завѣщаніе. Богъ постоянный въ своихъ милостяхъ своими благодѣніями осыпалъ и меня, недостойнаго, совершенно лишеннаго благодати, и неблагодарнаго. Онъ, однако, не презрѣлъ и на непокорную душу мою не переставалъ до сего дня изливать обычныя свои милости съ того самаго времени, какъ довѣрилъ мнѣ Имъ же управляемое царство, предавая истребленію (чрезъ мои руки) явныхъ противниковъ своего домостроительства и не допуская лукавствъ тѣхъ, которые тайно покровительствовали лукавымъ [2]). Одинъ изъ таковыхъ, Дзагамъ, дерзнулъ употребить насиліе даже противъ Бога. Безчинствуя вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Модистосомъ, лже-архіереемъ, онъ обратилъ благодѣянія своихъ патроновъ въ острыя стрѣлы противъ нихъ, а сынъ его, Модистосъ, благодѣянія Божія обратилъ противъ Бога, похитивъ церкви для удовлетворенія тщеславія. Но неизслѣдуемый судъ Божій не допустилъ этого, и жезлу грѣшника не позволилъ коснуться достоянія праведника: пастырь, не дверьми вошедшій въ церковь, былъ изверженъ истинными пастырями, а Дзагама, успѣвшаго бѣжать и укрѣпиться въ Шіомгвинской пустыни, Богъ отдалъ мнѣ въ руки, при чемъ иноки Мгвимскіе оказали мнѣ немалыя услуги. Возрадуется Господь, когда явится мститель! Въ Шіомгвимской пустыни я возрадовался при видѣ вожделѣннаго собранія иноковъ и наполнился радостью. Я немедленно пригласилъ къ себѣ монаха Арсенія и объявилъ ему мою волю, поручивъ ему построить въ центрѣ монастыря храмъ во имя прес. Богородицы. Я нашелъ [нынѣ] храмъ этотъ уже выстроеннымъ. Инокъ

---

[1] Приводимъ извлеченіе изъ гуджара.

[2] Указаніе это совершенно потверждаетъ сказаніе лѣтописи о томъ, что противъ Давида возставали Липаритъ Эриставъ, сынъ его Ратъ и разныя лица изъ войска царя, но злоумышленія ихъ были разрушены (Brosset. Hist. de la Géorg. I, p. 351—354; 375; 379).

Арсеній, надежда моя, равно какъ и духовникъ мой, инокъ Іоаннъ, велѣли мнѣ, чтобы я ввелъ въ Мгвимскій монастырь уставъ св. Симеона (Столпника)[1], каковый уставъ, этими же отцами написанный, я нашелъ въ монастырѣ, какъ вѣрный указатель пути благочестивой жизни и ангельской гражданственности, и опредѣляющій, чтобы иноки, будучи исключительно посвящены Богу и заботясь не о мірскомъ временномъ, а только о Богѣ, оказались достойными ходатаями передъ Нимъ. Если Богъ не удостоитъ меня видѣть его освященіе, то инокъ Арсеній, у котораго имѣются данныя ему мною константы и перлеры[2]), пусть освободитъ зданіе храма отъ подставокъ для поддержанія сводовъ, оштукатуритъ и разрисуетъ его. Сынъ же мой, Деметре, совмѣстно съ благословеннымъ архикнижникомъ и моими иноками, пусть освятятъ его рукою католикоса Іоанна, при соучастіи епископовъ Имеретіи и Амеретіи (восточной Грузіи). Всѣ вотчины, пожертвованныя этой святой пустыни по дарственнымъ грамотамъ отцовъ и дѣдовъ моихъ, но отъ злобы временъ отошедшія отъ монастыря, я возвратилъ монастырю, обновивъ его стѣны (дарственныя записи).—Кромѣ того, всѣ вотчины, какъ пожертвованныя царями и разными владѣтелями, такъ и купленныя монастыремъ въ незапамятное время, я уже совершенно освободилъ отъ податей и пошлинъ и отдалъ св. отцу Шіо свободными отъ всякихъ повинностей.

Кромѣ того, всѣ имѣнія, купленныя монастыремъ и мною пожертвованныя (въ г. Тифлисѣ), равно какъ и тѣ, которыя впредь будутъ пріобрѣтены, я освобождаю отъ всякихъ пошлинъ и налоговъ въ пользу царской казны.

Такъ какъ уже состоялось опредѣленіе главы нашей вѣры, господина католикоса Іоанна, по которому все населеніе вотчинъ Шіомгвимскаго монастыря по суду церковному подлежитъ этому монастырю, то да производитъ судъ въ этихъ вотчинахъ Мгвимскій діаконъ, и пошлины пусть употребляются на покупку масла для монастыря. Т. к. миро доставляетъ мое церкви католикосъ, то пусть его поминаетъ священникъ вмѣстѣ съ прежними католикосами. Пожертвованные мною хрустальныя, базиджевыя и стеклянныя люстры, которыя инокъ Арсеній

---

[1]) См. выше уставъ монастырскій, стр. 328.

[2]) Константами наз. деньги съ изображеніемъ греческаго императора Константина Мономаха, XI в. „Перлеры" часто употребляются въ агапахъ (синодикахъ) аѳонскаго манускрипта XI в., нынѣ хранящагося въ Тифл. церк. музеѣ (о монетахъ, употреблявшихся въ Грузіи, см. Brosset: Introduction et tables des matières, p. LXXVII—LXXXV).

поставилъ, никто да не осмѣлится взять. Подсвѣчники, церковные сосуды и другія всѣ вещи, принадлежащія церковному служенію, пусть будутъ пріобрѣтены на тѣ тридцать литръ серебра [1]), которыя выданы Арсенію. Воскъ пусть своевременно доставляютъ въ монастырь купцы, какъэто уже опредѣлено мною. Пища для иноковъ: хлѣбъ и фрукты сушеныя, вѣсомъ 500 драмъ [2]), пусть всегда выдаются. Вино пусть доставляютъ въ монастырь крѣпостные монастырскіе непосредственно послѣ собиранія винограда, соотвѣтственно урожаю, каждый по одному сацкави (16 бутылокъ). Остальные доходы: судебныя пошлины, доходы отъ лавокъ, маслобоенъ и мельницъ, пусть дѣлятся между братьею на одежды. Нынѣ мною пожертвованы монастырю тридцать муловъ. Монастырь имѣетъ издревле пріобрѣтенное по особому письменному акту право безпошлинной пастбы 3000 овецъ въ горахъ и долинахъ, (принадлежащихъ государству). Нынѣ я еще жертвую монастырю 5000 овецъ. Эти 5000 овецъ пусть пасутся безпошлинно, какъ царское стадо, наряду съ государственными стадами. Доходами отъ стада пусть пользуются слѣдующимъ образомъ: на деньги, вырученныя отъ приращенія, пусть покупаютъ муловъ; шерсть пусть идетъ на монастырскую прислугу, а продукты отъ молока—въ пользу братіи. Жертвую монастырю 100 коровъ, которыя пусть безпошлинно пасутся въ Тріалетскихъ горахъ, въ Мухрани. Лишнія коровы (приплодъ сверхъ 100) пусть продаются для покупки необходимыхъ для монастырской службы муловъ и лошадей, а быковъ пусть употребляютъ на работы въ населенныхъ монастырскими крестьянами земляхъ.

Драгоцѣнные камни и жемчуги, назначенные мною на украшеніе моей иконы, и два хрустальныхъ подсвѣчника пусть будутъ цѣликомъ употреблены на нее. Хрустальную чашу и дискосъ назначаю на употребленіе во время обновленія даровъ. Остальные же сосуды,—добычу отъ персовъ,—порученные мною иноку Арсенію и духовнику моему Іоанну,—пусть сынъ мой Деметре пошлетъ въ свое время въ мой монастырь. А древо жизни и мощи святыхъ въ двухъ полныхъ ящикахъ пусть остаются въ этомъ самомъ моемъ храмѣ. Во всѣ пятницы великаго поста пусть раздаютъ инокамъ и народу теплую просфору въ мое воспоминаніе. А въ пятницу великой седьмицы пусть подаютъ молящимся по одному красеулу [чашѣ] вмѣстѣ съ просфорою и пшеномъ (кутья).

---

[1]) Литра равняется 9 ф. таланта; 30 литръ = 6 пуд. и 3 ф. Изъ одного акта видно, что въ 1600 г. одна литра серебра стоила 299 руб. 52 к.

[2]) Драма—δραχμή см. Д. *Бакрадзе* „Путешествіе по Гуріи и Аджаріи", стр. 331.

Испивая чашу вина, пусть произносятъ слѣдующую молитву: „Господи Боже, прости Давиду грѣхи его юности и невѣдѣнія!“ Начальникъ Мгвимскій пусть въ каждый воскресный день служитъ въ моей церкви въ мое воспоминаніе и въ эти дни пусть устраиваетъ молящимся трапезу.

Въ тотъ день, когда я буду раздѣленъ отъ этого злосчастнаго многогрѣшнаго тѣла, пусть всѣ иноки монастыря отправляютъ всенощное бдѣніе, творятъ молитву и служатъ божественную литургію. Сохастери [отдѣленіе монастыря] пусть управляется, и поминаніе происходитъ, какъ установилъ просвѣтитель мой Арсеній [1]). Я уже пожертвовалъ большое пахатное поле въ с. Мухрани (въ пользу Сохастери) св. Симеона Чудотворца, воскресившаго трехъ дневнаго мертваго. Послѣ смерти Арсенія пусть будетъ опредѣленъ туда богобоязненный священникъ для неопустительнаго отправленія службы. Изъ Тифлисскаго саамидо (казначейство) выдадутъ сто дракановъ [2]), какъ объ этомъ я уже собственноручно написалъ въ указѣ. Въ тотъ день, въ который Богу угодно будетъ отозвать меня, эти деньги пусть раздѣлятъ священникамъ и пѣвчимъ.

Отъ доходовъ изъ пахотныхъ земель и садовъ на площади Турата пусть выдаются по одному красеулу вина, на каждаго молящагося и по одному печеному хлѣбу въ память души моей. Зе-Заденскую крѣпость и Мухрань отецъ мой вопреки моему желанію пожаловалъ Дзагаму въ виду того, что этими мѣстами владѣли и прежніе единофамильцы ихъ, но никто изъ нихъ никогда не былъ намъ вѣренъ. Нынѣ Дзагамъ обратилъ въ свое жилище даже наиважнѣйшія каѳедры, хотя и прежде, при царствованіи отца моего, эти земли въ записяхъ значились собственностью епископскихъ каѳедръ. Находящіеся на горѣ крѣпость, винный погребъ, принадлежащіе церкви и монастырю (Шіомгвимскому), равно какъ и селеніе Матури и самый этотъ Мгвимскій монастырь, пусть будутъ служить Дзагаму мѣстожительствомъ и крѣпостью. Когда же обратится ложь его на главу его (умереть), то возвратите церкви всѣ присвоенныя Дзагамомъ вотчины и имѣнія монастырскія. Никто и не осмѣлится отчуждать отъ церкви сіи монастырскія вотчины. Согласно съ письменнымъ завѣщаніемъ самого блаженнаго Шіо, свѣта иноковъ, начальника Мгвимскаго и господина надъ аввами мгвимскими, пусть иноки Мгвимской лавры творятъ молитву только за царя, какъ объ этомъ учитъ и само святое писаніе. Отнынѣ поручаю монастырь вѣдѣнію Симеона, архіепископа бедійско-ала-

[1]) Изложеніе этого акта см. въ „Церков. актахъ“: *Д. Пурцеладзе* стр. 94—6.

[2]) Драканъ по опредѣленію же Броссе $1\frac{1}{2}$ рубля (Introd., p. CLXXIX).

вердскаго: пусть онъ печется о монастырскихъ нуждахъ. Когда умретъ начальникъ лавры, то братія пусть избираетъ другого по порядку, установленному обычаемъ, чрезъ метаніе жребія на могилѣ св. Шіо. Избраннаго пусть представятъ намъ, а мы вручимъ ему посохъ и поручимъ управленіе монастыремъ. А васъ, будущихъ царей, заклинаю днемъ нашей встрѣчи предъ Господомъ,—дабы вы въ тотъ день не посрамились предъ лицомъ Бога и его ангеловъ,—управляйте этимъ монастыремъ и моимъ храмомъ согласно съ этимъ моимъ завѣщаніемъ. Помните просьбу мою и никогда не забывайте меня, Давида, усердно посѣщайте построенную мною церковь и никому не позволяйте снова поработить эту славную лавру. Если послѣ этого нашего завѣщанія царь, епископъ, чиновникъ или крестьянинъ помыслитъ измѣнить это мое завѣщаніе или кто отниметъ у монастыря,—на того, о Ты, безначальный и безконечный Богъ, обрати безконечный гнѣвъ Твой! Да исчезнетъ съ лица земли наслѣдіе его отъ него, да будутъ обречены истребленію; отними у нихъ, о Боже, разумъ, сознаніе и видѣніе! А ты, пресв. Богородица, при раздѣленіи его отъ плоти, отдѣли его отъ части спасенныхъ и отомсти ему, какъ Ты отомстилъ Нестору еретику! Ты же, св. Богоносный отецъ Шіо, въ тотъ день когда возсядетъ Христосъ судить всѣ племена, разсуди его и, отъ имени Бога, отомсти ему, какъ твоему оскорбителю! Если Богъ дастъ мнѣ время, и я напишу другое новое лучшее завѣщаніе, то вы, святѣйшіе католикосы и всѣ преосвященные, утвердите его вашими канонами, воспрещеніемъ, проклятіями на нарушителей этого завѣщанія и отлученіемъ ихъ отъ общества христіанъ. А если у меня не будетъ времени написать другое завѣщаніе, то утвердите это самое. И кто, по какой бы то ни было причинѣ, будетъ причинять Мгвимскому монастырю лишенія, таковый да будетъ неразвязно связанъ вашими канонами".

Сигель, или актъ XI вѣка [1]).

... (Предстали) въ присутствіе наше, въ резиденціи нашей въ Кутатисѣ, отцы миджнадзорцы и отцы опизарцы, изъ которыхъ миджнадзорцы привели (принесли) иконы св. апостоловъ Петра и Павла съ мощами св. апостола Варѳоломея, имѣя съ собою сигелы эристава эриставовъ Гургена, царя царей Гургена, дѣда моего куропалата Баграта и отца моего царя Георгія, коими тѣ лѣса и границы утверждены за ними, при непреложномъ свидѣтельствѣ католикосовъ и

[1]) *Бакрадзе.* Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи.

преосвященныхъ; опизарцы же предъявили данный имъ мампаломъ Гварамомъ актъ, въ силу котораго они оспаривали у миджнадзорцевъ тѣ лѣса и границы; но въ сигеляхъ миджнадзорцевъ актъ мампала Гварама не значился ни утвержденнымъ, ни отмѣненнымъ. Насъ тревожилъ раздоръ миджнадзорцевъ и опизарцевъ, ибо святыя пустыни ихъ основаны были для мира и спокойствія, какъ и для молитвы за насъ царей, и намъ усердствуютъ. Внявъ мольбамъ ихъ, благословеніемъ Бога и благодатью святыхъ, я созвалъ при дворѣ нашемъ преосвященныхъ, эриставъ эриставовъ, эриставовъ, свѣдущихъ въ дѣлахъ суда азнауровъ всѣхъ ущелій Верхней и Нижней страны и, посадивъ ихъ въ присутствіи нашемъ, прочитали акты тѣхъ и другихъ и, выслушавъ отъ обѣихъ сторонъ надлежащія словесныя объясненія, дали имъ уразумѣть, что подписей (царей) много (на сигеляхъ миджнадзорцевъ), и всѣ они дѣйствительны, и отмѣнить тѣ акты намъ не подобало и мы не могли отяготить души предшествующихъ царей; при чемъ, если бы мы отпустили опизарцевъ безъ удовлетворенія, то они остались бы въ горѣ, и мы въ томъ усмотрѣли бы свою вину. Посему и въ моленіе за мое величество и за сына моего куропалата Георгія, какъ и за души бывшихъ царей, мы разсудили ихъ дѣло такъ: лѣса и границы, какъ это писано въ сигеляхъ предшествовавшихъ царей, съ межевыми знаками: съ юга рѣка Самцирисъ-цкали до сліянія ея съ рѣкою Шавшетисъ-цкали и Тахарисъ-клде по хребту, съ запада Екваанта-кеди и съ сѣвера дидубскій Хертвисъ и Сакатмисъ-кари по хребту; большой хребетъ Ертъ-кари суть безспорное достояніе миджнадзорцевъ, и по сю сторону хребта опизарцы и спесвельцы никакого права не имѣютъ: могутъ они только косить; но чтобы и опизарцевъ удовлетворить, въ моленіи за душу мою, я отказался отъ своей доли, ибо, взявъ за службу намъ мамасахлиса деревню Бареванъ, отдалъ ее опизарцамъ въ кормленіе и, такимъ образомъ, покончилъ споръ и тяжбу, дабы обѣ святыя пустыни пребывали въ безмятежномъ мирѣ и молились за мое величество, за сына моего куропалата Георгія и за бывшихъ царей, строителей и жертвователей, да предстательствомъ святыхъ апостоловъ и молитвами святыхъ отцовъ грѣшная душа моя получитъ утѣшеніе и будетъ избавлена отъ вѣчнаго наказанія. Нынѣ, кто увидитъ сей нашъ сигель съ повелѣніемъ, будущіе преемники наши, цари, эриставъ эриставы, эриставы, тапутеры Тао и Кларджета и всѣ чины и дѣлопроизводители утвердите его и вы, и да никто не нарушитъ и не измѣнитъ его; если же кто, какого бы ни былъ рода, великій или малый, когда нибудь нарушитъ его, да обрушится на него гнѣвъ Отца и Сына и Св. Духа и все святые апостолы да будутъ

судьями души его въ день оный суда, и да будетъ онъ отвѣтственъ предъ Богомъ за преступленія мои! Вы же, святѣйшій католикосъ Грузіи и святые преосвященные, не имѣющіе каѳедры".

Настоящій актъ найденъ въ Кутаисѣ, писанъ на длинномъ пергаментѣ, сшитомъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ листовъ, но не имѣетъ ни начала, ни конца, и потому не сохранилъ года короникона. Онъ составляетъ древнѣйшій изо всѣхъ, дошедшихъ до насъ подлинныхъ актовъ и относится къ тому же времени, къ которому принадлежитъ актъ, значащійся въ Сборникѣ актовъ Грузино-имеритинской Синодальной Конторы и помѣченный годомъ коронникона 260—1040, а не 240—1020, какъ увѣряетъ покойный Броссе. Этотъ послѣдній актъ есть копія, а не подлинникъ, и содержитъ въ себѣ важныя свѣдѣнія о католикосѣ Мелхиседекѣ, вошедшія въ одинъ только варіантъ Картлисъ-цховреба Академіи наукъ. Актъ представляется интереснымъ съ точки зрѣнія и палеографической, и филологической, и исторической. Онъ писанъ алфавитомъ мхедрули, но такимъ, который служитъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что алфавитъ мхедрули еще въ XI в. носилъ характеръ, близкій къ хуцури и что онъ въ то время только начиналъ выдѣляться изъ хуцури. Онъ указываетъ сигелы; слово это иногда замѣняется въ актахъ словомъ гуджаръ. Обыкновенно нынѣ принято означать подъ именемъ сигелей дворянскія грамоты, а подъ именемъ гуджаровъ акты, жалованные церквамъ и монастырямъ; но въ старыхъ письменныхъ памятникахъ Грузіи сигелы и гуджары принимаются безразлично, въ смыслѣ какъ церковныхъ и свѣтскихъ грамотъ, такъ и вообще всякаго рода имущественныхъ и неимущественныхъ актовъ. Сигель произошелъ отъ греческаго или отъ латинскаго sigillum и былъ ранѣе въ употребленіи, чѣмъ гуджаръ. Гуджаръ производятъ отъ арабскаго слова, означающаго argumentum, testimonium и оно, вѣроятно [1]), имѣетъ связь съ извѣстнымъ въ турецкомъ законодательствѣ гуджемомъ (поземельный актъ, судебное постановленіе о недвижимости) Грузины заимствовали слово гуджаръ отъ арабовъ: оно входитъ въ употребленіе вскорѣ послѣ появленія въ Грузіи арабскихъ завоевателей: такъ, по словамъ Картлисъ-цховреба, въ нашествіе на Грузію Мурвана Глухаго, во второй половинѣ VII в., при царѣ Марѣ были скрыты въ подземельяхъ цѣнныя царскія сокровища вмѣстѣ съ пергаментными гуджарами; спустя нѣкоторое время Картлисъ-цховреба дѣлаетъ ссылку на гуджаръ, заключавшій въ себѣ „записи о царяхъ и вельможахъ, селеніяхъ и ихъ жителяхъ". Этимъ же име-

---

[1]) Объясненіе этого акта заимствуемъ у *Бакрадзе*.

немъ означены государственные акты въ древнѣйшемъ „Сборникѣ поученій отцовъ церкви" IX в., попавшемъ въ Тифлисъ изъ Сванетіи и нынѣ хранящемся въ библіотекѣ Тифлисской Духовной Семинаріи. Выраженія акта: „всѣхъ ущелій верхнихъ и нижнихъ", „мампалъ", „тантутеры Тао и Кларджета", суть выраженія, бросающія свѣтъ на Картлисъ-цховреба. Танутнеръ, армянскій данудеръ—слово, представляющее одинаковое значеніе съ грузинскимъ мамасахлисъ, отецъ семейства, глава дома, а въ переносномъ—правитель народа. Еще болѣе интереса представляетъ исторія мампалъ. Мы узнаемъ изъ Карлисъ-цховреба, что господствовавшіе со времени курапалата Гварама (826—876) въ Тао-Кларджети государи титуловались мампалами. Слово мампалъ—имѣющее свой корень въ мепе „царь" и соотвѣтствующее позднѣйшее мтаваръ—„владѣтель" и упалъ „господинъ"—было въ употребленіи только въ Тао-Кларджети. Мампалами же титулуетъ нѣкоторыхъ тао-кларджетскихъ Багратидовъ и Константинъ Порфирородный (912—959 г.) въ своемъ сочиненіи De administrando imperio, составленномъ въ 952 г. Слово мампалъ окончательно исчезаетъ и въ Картлисъ-цховреба, и въ другихъ письменныхъ памятникахъ Грузіи съ XI в., послѣ соединенія всей Грузіи въ рукахъ одного царя и уничтоженія или вытѣсненія тао-кларджетскихъ Багратидовъ. Безспорно, что настоящій актъ принадлежитъ царю Баграму IV. Онъ заключаетъ въ себѣ тѣ генеалогическія данныя о предшественникахъ Баграта IV, какія мы находимъ и въ Картлисъ-цховреба, и такимъ образомъ даетъ несомнѣнное свидѣтельсво достовѣрности ея за періодъ времени отъ второй половины IX в. доисхода XI в. Таковы и по Картлисъ-цховреба: мампалъ Гварамъ †883 г. эриставъ-эриставовъ Гургенъ 968; царь-царей Гургенъ †1008; сынъ его и дѣдъ Багратъ IV 980—1014; и пр.

Гуджары и сигели характеризуютъ бытъ Грузіи не только въ государственномъ отношеніи, но и со стороны быта и обычаевъ. Для образца остановимся лишь на пергаментныхъ свиткахъ хуцури XII в., присланныхъ изъ Кутаиса въ Румянцевскій музей.

Содержаніемъ этихъ свитковъ служитъ умилостивительная молитва полухристіанскаго, полуязыческаго характера, сочиненная, вѣроятно, жрецами сваповъ—„папи". Лишь небольшіе отрывки изъ церковно-богослужебныхъ книгъ уцѣлѣли въ памяти „папи". Они дополнялись молитвами собственнаго сочиненія. Отрѣзанность Сванетіи отъ Грузіи, откуда шелъ свѣтъ христіанства почти ко всѣмъ народностямъ Кавказа, способствовала вытѣсненію христіанскаго ученія и замѣнѣ его языческими вѣрованіями. Въ нашихъ свиткахъ молитвы составлены

очень однообразно. Они начинаются всегда слѣдующими словами: „Господи, надѣли благами, благослови и достояніе такого-то" (имя рекъ). За этимъ воззваніемъ слѣдуетъ перечисленіе именъ тѣхъ, для спасенія душъ которыхъ приносится кровная жертва. Жертвоприношеніе, какъ можно заключить изъ этихъ свитковъ, совершается за жителей всей деревни, представляющихъ отпрыски одной фамиліи. Такъ, молитва упоминаетъ иногда до 50 лицъ изъ рода Дадичкеліани, Чаркіани Девдоріани, Махвиліани. При перечисленіи именъ грѣшниковъ не забываются строители башни, оружейники, конюхи, няньки и вообще вся прислуга. Это указываетъ на патріархальность, простоту отношеній между высшимъ и низшимъ классомъ. Очевидно, нѣтъ еще строгаго соціальнаго дробленія, исключающаго возможность ставить слугу рядомъ съ господиномъ. Не будетъ излишней смѣлостью сопоставить общественный строй сванетовъ X—XII вв. съ соціальной картиной, нарисованной Гомеромъ.

Другой выводъ напрашивается въ виду того, что въ одной молитвѣ насчитывается до 50 лицъ изъ одной фамиліи. Можно сказать, что составленіе молитвы относится къ той эпохѣ, когда сванеты жили отдѣльными родами, слѣды которыхъ уцѣлѣли въ особенностяхъ современнаго ихъ быта. Дадичкеліани, Девдоріани, Чарквіани и др. представляютъ родовую группу засѣлившихъ деревни, отдѣльныя мѣстности generatim, какъ бы сказалъ Цезарь. Остатки родовой организаціи сохранились и у пшавовъ въ дѣленіи и нынѣ на 12 родовыхъ общинъ. У сванетовъ и пшавовъ, какъ повсюду, родовая организація является результатомъ не одного лишь естественнаго размноженія одной семьи, но и включенія въ свой составъ разноплеменныхъ позднѣйшихъ пришельцевъ. Названные оружейники, строители башенъ и др. могутъ принадлежать этому наносному слою. Усыновленіе и теперь играетъ важную роль въ Сванетіи.

Собственныя имена, приведенныя въ свиткахъ, представляютъ также интересъ. Одни изъ нихъ сохранились лишь въ народныхъ сказаніяхъ: таковы Бадро, Усупи (записаны у сванетовъ въ сказаніи объ Амиранѣ), другія названы въ „Барсовой кожѣ", поэмѣ, Шота Руставели — Нестанъ, Тина (у Руставели Нестанъ-Дареджанъ, Тинатина, т. е. у поэта эти имена даны въ удвоенной формѣ). Любопытно одно собственное имя—Куджи, извѣстное въ грузинской лѣтописи [1]. Куджи, владѣтель Мингреліи, въ союзѣ съ первымъ грузинскимъ царемъ Фарнавазомъ изгналъ намѣстника Александра Македонскаго,

---

[1]) „Картлисъ-Цховреба", стр. 30.

Азона. Въ литературѣ и въ современномъ языкѣ это имя больше не встрѣчается.

Въ палеографическомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить переходъ буквъ th и b отъ церковнаго алфавита къ гражданскому. Переломъ въ почеркѣ замѣчается въ XI—XII в. и сванетскіе свитки еще разъ подкрѣпляютъ мнѣніе о происхожденіи алфавита гражданскаго „мхедрули“ изъ церковнаго „хуцури“ [1]). Отрывокъ изъ Евангелія XII в., присланный также изъ Сванетіи, даетъ другой подобный фактъ, важный для грузинской палеографіи. Здѣсь буква *у* представлена съ четырьмя зубцами, изъ которой впослѣдствіи выработалось изображеніе церковнаго съ тремя зубцами, а изъ этого послѣдняго нынѣшнее гражданское у [2]). Грузинская палеографія, впрочемъ не подвергалась еще детальному, научному анализу.

---

[1]) Труды V археолог. съѣзда въ Тифлисѣ. Палеографическія таблицы *Бакрадзе*.

[2]) См. мою статью Грузинскія рукописи Румянцевскаго музея, стр. 6—7.

Дополненія и поправки.

Къ стр. 1. Глава эта предпослана къ „Очеркамъ“ въ видѣ введенія, обозрѣвающаго состояніе изученія грузинской группы языковъ и ея отношенія къ установленнымъ семействамъ языковъ.

Къ стр. 24. Ко времени 900—916 г. переведено житье препод. Өеоктиста. (Рукопись № 134 Общества распростр. грам. въ Тифлисѣ).

Къ стр. 29. Житье Петра Ивера (Правосл. Сб., 37 вып. С.-Пб. 1896). Petrus der Iberer. Ein Characterbild zur Kirchen und Sittengeschichte des V Jahrhunderts. Syrische uebersetzung einer um Iahr 500 verfassten griechischen Biographie herausgegeben und übersetzt von Richard Raabe. Leipzig. 1895. Авторъ сирійскаго текста житія неизвѣстенъ. Имя самого Петра-Мурваноса передается чрезъ слово Набарнугіосъ. Нельзя признать родства грузинскаго перевода житья съ этимъ текстомъ. Но о существованіи другого житья Петра говорятъ сирійскіе источники. Въ сирійскомъ текстѣ житья Севера Антіохійскаго авторъ Захарія говоритъ: „Я описалъ добродѣтели богоносныхъ людей—Петра Ивера и великаго подвижника Исаіи египтянина, такъ какъ оба эти мужа, живя въ Палестинѣ, стяжали великую славу среди всѣхъ христіанъ“.

Къ стр. 32. Укрощеніе звѣрей въ Шіомгвимской лаврѣ произошло по молитвѣ св. Аввы, а не самого Шіо. (См. *Муравьевъ*. Грузія и Арменія I, 290—1).

Къ стр. 66. Вмѣсто св. Климента Алкирскаго Θ. Жорданія предлагаетъ читать св. Клима Анкиирели (Хроники I, 241).

Къ стр. 110. Ὅσοι Πνεύματι Θεοῦ ἄγονται οὗτοί εἰσιν υἱοὶ Θεοῦ φῆσιν ὁ θεῖος Ἀπόστολος τὸ δὲ Πνεύματος ἁγίου.

Къ стр. 108. По отпечатаніи главы о „Мудрости Варлаама“, появилась на грузинскомъ языкѣ книжка, заключающая эту повѣсть. Она издана г. Такайшвили на основаніи четырехъ рукописей, изъ которыхъ болѣе древняя восходитъ къ 1779 г.

Къ стр. 117. Рукопись Церковнаго Музея: „Литургія св. апост. Іакова“ М. Джанашвили относитъ къ 786 г. Изъ приписки видно, что

ее переписалъ католикосъ Свимонъ. Литургія эта пространнѣе литургій Василія Вел. и Іоанна Златоустаго. Кромѣ литургіи рукопись заключаетъ чинъ рукоположенія и освященія антиминса.

Къ стр. 143. Подъ 856 г. въ Хроникѣ церкви св. Николая (Жорданія, ib. 82] читается: „солнце затмилось").

Къ стр. 249. *Пл. Іосселіани* („Жизнь царя Георгія XII", стр. 221—2) передаетъ, что поэма Ш. Руставели, изданная царемъ Вахтангомъ VI, по распоряженію католикоса Антонія I, была брошена въ р. Куру.

Къ стр. 311. Если принять къ свѣдѣнію, что въ поэмѣ Чахрухи упоминаются битвы царицы Тамары въ Бардави (1195 г.) и Болостикѣ (1203 г.), то время написанія этой поэмы придется придвинуть къ этой послѣдней датѣ. (*Джанашвили*. Исторія, стр. 159).

Къ стр. 317. Бакрадзе называетъ памятникъ „Рай или проповѣди Іоанна Златоуста и Ефрема Сирина", найденный въ Иверійской лаврѣ, на Аѳонѣ. Переписанъ памятникъ на пергаментѣ въ *977 г.* при игуменѣ Саввѣ рукою Іоанна и протоіерея Стефана.

Къ 316 стр. *Царев. Давидъ* (Ист. Грузіи, стр. 25—6, Тифл., 1893) говоритъ: „царствованіе Баграта тѣмъ незабвенно, что Іоаннъ Петрици, свѣдущій въ философіи человѣкъ, и который былъ посланъ въ Грецію для пріобрѣтенія познаній, возвратился въ свое отечество и перевелъ Платонову и Аристотелеву философію на грузинскій языкъ".

Къ стр. 316. Ефремъ Мцире (Младшій) въ XI в. перевелъ съ греческаго о наго-праведникахъ, о сотвореніи неба, земли и человѣка (ср. у меня I выпускъ, стр. 357); о патріархахъ съ Адама до пришествія І. Христа. Ему же принадлежитъ переводъ *Лавсайкона*.

Въ дополненіе къ этому нужно отмѣтить пергаментную рукопись „хуцури" XII в., заключающая въ себѣ „Чтеніе объ изгнаніи Адама и Евы изъ рая". Рукопись эта передана намъ К. Б. Лорткипанидзе и по содержанію своему примыкаетъ къ тому памятнику, который изложенъ нами въ I вып. (стр. 358).

Къ стр. 325. Шатбердскій сборникъ переписанъ между 973 и 976 гг. по мнѣнію Жорданія (Хроники I, 103), къ которому отказываются примкнуть Такайшвили и Джанашвили.

Къ стр. 228. Строки 9—12 снизу отъ „Въ 1855 г... до въ Тифлисѣ" выпустить (ср. стр. 291, примѣч.).

Къ перечню рукописей и древнихъ обителей. Въ 1085 г. переписана книга пророковъ Моисеемъ Хандзойскимъ (*Иверія* 1889, 28). Отрывокъ изъ древней лѣтописи Мантинійцевъ помѣщенъ въ жизне-

описаніи св. Баграта Понтійскаго, въ пергаментной грузинской рукописи XI в., хранящейся въ Тифлисскомъ церковномъ древлехранилищѣ за № 134 (поступило изъ Давидо-Гареджійскаго монастыря).

Рукопись эта писана строчными буквами церковно-грузин. алфавита на пергаментѣ in folio, на 680 стр., изъ коихъ первыя 42 страницы писаны на бумагѣ почеркомъ XVII в. Въ манускриптѣ этомъ помѣщены статьи: 1) Клемаксъ св. Іоанна Синаита въ переводѣ св. Евѳимія (стр. 1—423); 2) Жизнь св. Баграта Понтійскаго (стр. 424—593, написано ученикомъ его Евагріемъ); 3) Жизнь св. Николая Чудотворца, въ переводѣ св. Евѳимія (стр. 593—663) и служба ему (стр. 664—680). Послѣднихъ листовъ недостаетъ; манускриптъ заключенъ въ прочный кожаный переплетъ.

Въ концѣ жизнеописанія св. Баграта, на стр. 392—393, имѣется приписка: „благодатью и помощью св. отца нашего Иларіона, я, Геласій, недостойный монахъ монастыря Романа, во время настоятельства въ этомъ монастырѣ, сподобился переписать св. этотъ Клемаксъ и жизнь св. равноапостольнаго Баграта во славу и въ моленіе Богомъ хранимаго могущественнаго царя Абхазіи и Грузіи, Баграта и сына его Георгія Курапалата, да прославитъ ихъ Господь,—и для поминовенія души моей и всѣхъ отцовъ и братій, подвизающихся въ (монастырѣ) Романа. Написано рукою Симеона Двали въ отдѣленіи (сохастерѣ) Романайскаго монастыря во имя св. Анны, въ царствованіе Дока въ то время, когда дочь (царя) Баграта, Марѳа, была во дворцѣ императора, короникона 286.—И мы положили ее въ книгохранилище Романайскаго монастыря, въ церкви свв. Апостоловъ".

Указанный здѣсь корониконъ соотвѣтствуетъ 1066 г., когда упоминаемыя въ припискѣ лица дѣйствительно были живы: въ Грузіи въ то время царствовалъ Багратъ IV (1027—1072) и сынъ его Георгій, получившій титулъ куропалата при жизни же отца.

А дочь царя Баграта, Марѳа, въ 1056 г. отвезенная для воспитанія въ Константинополь во дворецъ императрицы Ѳеодоры (1054—1056), послѣ смерти послѣдней возвратилась на родину. Но въ 1065 г., по желанію императора Константина X Дуки, она была увезена въ столицу Византіи въ качествѣ невѣсты царевича Михаила VII Дуки, который женился на ней въ 1071 г., въ годъ своего воцаренія (Brosset. Hist. de la Géorg. I, 330, п. 2), при чемъ, по обычаю грековъ, ей перемѣнили имя и назвали Маріею. Овдовѣвъ, она возвратилась въ Грузію и въ 1103 г. она еще была жива, такъ какъ Урбнійскій соборъ, бывшій въ 1103 г., провозглашаетъ ей многолѣтіе.

Что касается въ припискѣ упоминаемаго грузиканcго монастыря Романа, то послѣдній находился недалеко отъ Константинополя. Въ жизнеописаніи св. Иларіона-Ивера, составленномъ греческимъ монахомъ Василіемъ философомъ и протоасикритомъ, и помѣщенномъ въ вѣнскомъ грузинскомъ пергаментномъ манускриптѣ 1074 года (нынѣ временно хранящемся въ Тифлисскомъ церковномъ древлехранилищѣ), имѣются свѣдѣнія, что императоръ Василій Македонянинъ въ семь мѣсяцевъ построилъ этотъ монастырь для учениковъ св. Иларіона-Ивера непосредственно послѣ смерти послѣдняго въ г. Ѳессалоникахъ. Къ постройкѣ монастыря императоръ приступилъ вскорѣ послѣ поставленія имъ патріархомъ св. Игнатія (вторично), на мѣсто Фотія, т. е. около 870 года. Сюда перенесены были изъ Константинополя мощи свв. апостоловъ, отчего въ разбираемой подписи монастырь этотъ называется и монастыремъ свв. апостоловъ. Чрезъ нѣсколько времени императоръ перенесъ сюда изъ Ѳессалоникъ мощи св. Иларіона-Ивера и обезпечилъ лавру значительными движимыми и недвижимыми имѣніями. Царь построилъ здѣсь для себя келію и называлъ этотъ монастырь „моимъ монастыремъ". Послѣ перенесенія сюда мощей св. Иларіона-Ивера, лавра эта была названа царемъ „грузинскимъ монастыремъ", который извѣстенъ былъ въ послѣдующіе вѣка и подъ именемъ „Романа". Императоръ привезъ сюда двухъ своихъ сыновей Леона (Левъ) и Александра для полученія благословенія отъ грузинскихъ иноковъ. На счетъ царя неугасимо горѣли шесть лампадъ предъ мощами свв. апостоловъ и три предъ мощами св. Иларіона-Ивера; ежедневно изъ царскаго дворца отпускались по двѣ просфоры и ежегодно по двѣ литры золота на платье монахамъ.

Къ стр. 327. Физіологъ по-грузински переводится буквально „Сахисметквели".

Къ стр. 336. Изъ другихъ апокрифовъ, упомянутыхъ въ письмѣ св. Евѳимія, отмѣтимъ еще: Житья св. апостола Андрея, св. Георгія, извѣстн. подъ именемъ *Дадіанесъ*, Видѣніе ап. Павла на небѣ, Евангеліе ап. Ѳомы, Обращеніе Антіохіи, Небротіани. (*Джанашвили*, „Сокровищница X в.).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ.*
4	6 снизу	(мингр)	(автограф.)
20	10 снизу	соотвѣтствующей	соотвѣтствующая
96	20 сверху	царь же узнавъ	царь же, узнавъ
24	15 сверху	отъ очищенія	для очищенія
129	3 снизу	1873	1373.
150	8 снизу	Мхергрдзели	Мхаргрдзели
151	14 сверху	Комлели	Комнена
160	5 снизу	я Абиссинію	и Абиссинію
164	примѣч.	Тритиво	Тритино
206	примѣч.	Дилареть	Доларгеть
261	2 снизу	die Liabu	die Liebe
267	6 сверху	историозаціей	историзаціей
308	7 „	Двиан	Двали
309	12 „	Тамарѣ	Тамару.
319	16 „	Славесности	Словесности
320	10 снизу	только	даже
332	15 сверху	физіолога	Физіолога.

IV.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ.*
1	11 сверху	которые	которыя
43	12 „	говоритъ Абіатаръ	, говоритъ Абіатаръ,
193	1 снизу	выходитъ	выйти
194	1 „	Гуломъ	Гулъ
403	2 „	Сабеліосъ (?)	Сабеліосъ

ОТЧЕТЪ

О ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІИ

Г. Ѳ. КАРПОВА

Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Печатано подъ наблюденіемъ Дѣйствит. Члена **С. Т. Голубева.**

На пятое соисканіе преміи Г. Ѳ. Карпова было представлено три сочиненія. Избранная Обществомъ Комиссія (въ составѣ Дѣйствительныхъ Членовъ: Е. В. Барсова, С. А. Бѣлокурова, Д. И. Иловайскаго, В. О. Ключевскаго и В. Д. Уляницкаго), разсмотрѣвъ представленныя изслѣдованія и сдѣланныя рецензентами ихъ отзывы, постановила: признать достойными преміи сочиненія: а) профессора Юрьевскаго университета *А. Филиппова* «Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета. Ч. I. Сенатъ въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта». Юрьевъ, 1895 г. и б) преподавателя историко-филологическаго института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ *М. И. Лилеева* «Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв.» Кіевъ, 1895 г. Въ силу же § 2 «Правилъ о порядкѣ присужденія» сей преміи, по коему «въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства—слѣдуетъ отдавать предпочтеніе тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи»,—Комиссія постановила выдать премію г. Лилееву. Профессору С. Т. Голубеву за подробную и основательную рецензію сочиненія г. Лилеева Комиссія присудила золотую медаль, установленную за рецензію сочиненій, представляемыхъ на соисканіе сей преміи.

О результатахъ 5-го соисканія преміи было объявлено въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества 24 апрѣля 1897 г.

Отзывъ о сочиненіи М. И. Лилеева:

Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Выпускъ I. Кіевъ 1895 г.

Расколъ - одно изъ характернѣйшихъ явленій въ исторіи Русской церкви—до настоящаго времени остается еще не достаточно, въ научномъ отношеніи, разработаннымъ, не смотря на то, что на него сразу же по его обнаруженіи обращено было особенное вниманіе какъ духовною, такъ и свѣтскою властями, и сочиненія противъ раскола появились у насъ, можно сказать, одновременно съ нимъ. Зависѣло это отъ того, что расколъ, какъ явленіе крайне нежелательное, наносившее ущербъ церкви и государству, очень долгое время изучаемъ былъ нашими писателями исключительно съ цѣлями полемическими. Историческихъ условій, вызвавшихъ появленіе раскола, а впослѣдствіи самой его исторія писатели касались мало, а если и касались, то опять таки преимущественно въ интересахъ полемики съ нимъ. Отсюда историческія свѣдѣнія въ произведеніяхъ нашихъ расколовѣдовъ за весьма продолжительный періодъ времени отличаются односторонностію, носятъ слѣды невѣрнаго освѣщенія, тенденціозности; а иногда означенные писатели поступали еще хуже: дѣлали попытки,—по дипломатическому выраженію преосв. Филарета (митрополита Московскаго),—«послужить правдѣ *неправдою*»... Научная разработка по исторіи раскола началась сравнительно недавно и хотя, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, привнесла въ науку нѣсколько цѣнныхъ вкладовъ, тѣмъ не менѣе свѣдѣнія наши по сему предмету заключаютъ еще весьма много пробѣловъ. Поэтому работы по расколу, имѣющія въ виду восполнить эти пробѣлы, весьма желательны. Къ числу такихъ работъ принадлежитъ и представленное на соисканіе преміи имени Г. Ѳ. Карпова сочиненіе г. Лилеева.

Важность избраннаго авторомъ предмета для изслѣдованія сомнѣнію не подлежитъ: Вѣтка и Стародубье были выдающимися цент-

рами, гдѣ долгое время сосредоточивался расколъ въ видѣ преимущественно поповщинскихъ согласій, и вліяніе этихъ центровъ на общій ходъ событій въ старообрядческомъ мірѣ было разностороннее и весьма широкое. Вѣтковскій и Стародубскій расколъ—по замѣчанію нашего автора—имѣлъ не мѣстное только значеніе, но и общерусское. Кромѣ того онъ имѣлъ обширное и колонизаціонное значеніе для Бѣлоруссіи и сѣверной Малороссіи, юго-западной и западной Россіи, усиливая здѣсь коренную русскую основу населенія.

Не смотря на такое важное значеніе Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола, литературная его исторія очень бѣдна цѣнными научными пріобрѣтеніями, что видно уже изъ того, что до послѣдняго почти времени при изученіи начальной судьбы его довольствовались только тѣми историческими свѣдѣніями, которыя обращались и обращаются въ нашей исторической литературѣ по расколу на основаніи *Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ* безпоповца Ивана Алексѣева и *Полнаго историческаго извѣстія о раскольникахъ* протоіерея *Андрея Іоаннова Журавлева*.—Г. Лилеевъ, въ предисловіи къ своему труду, дѣлаетъ характеристику этихъ сочиненій, называя ихъ тенденціозными и отнюдь не отличающимися, какъ перѣдко о нихъ говорятъ наши историки раскола, «*самою точностію справедливостію*», затѣмъ перечисляетъ, тоже съ краткою характеристикою, другія произведенія, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ изслѣдуемому имъ предмету. Этотъ обзоръ печатанной литературы источниковъ и пособій для исторіи Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола приводитъ нашего автора къ выводу о крайней неразработанности означенной исторіи. Желая восполнить этотъ пробѣлъ г. Лилеевъ обратился къ изученію матеріала рукописнаго. Работы его въ этомъ направленіи были продолжительны и старательны. Онъ искалъ матеріаловъ для своего изслѣдованія во многихъ архивахъ и рукописныхъ собраніяхъ,—а именно: въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Архивѣ Министерства Юстиціи, Румянцевскомъ Музеѣ, въ рукописномъ собраніи Хлудовской библіотеки, въ Историческомъ архивѣ при Харьковскомъ университетѣ, въ Кіевскомъ Центральномъ архивѣ, въ Церковно-археологическомъ Музеѣ при Кіевской Духовной Академіи, въ архивѣ Черниговской духовной консисторіи и рукописномъ собраніи при Губернскомъ Статистическомъ комитетѣ въ Черниговѣ. Результаты этихъ поисковъ сопровождались немалымъ успѣхомъ. Авторомъ собрано значительное количество матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ предмету его изслѣдованія. Важнѣйшіе изъ нихъ изданы г. Лилеевымъ въ 1893 г. подъ заглавіемъ: *Новые матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ*

и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Они обнимаютъ время съ 1684 по 1778 г. включительно и раздѣлены собирателемъ на два отдѣла: къ первому отнесены небольшія статьи, извлеченныя изъ раскольничьихъ рукописныхъ сборниковъ и заключающія въ себѣ разнаго рода историческія указанія, такъ или иначе характеризующія Вѣтковскихъ и Стародубскихъ раскольниковъ и ихъ руководителей, ко второму—документы и письма, имѣющіе отношеніе къ исторіи и религіозно-бытовой жизни указанныхъ раскольниковъ въ данное время. Не смотря на нѣкоторую отрывочность и односторонность этого матеріала, онъ,—по крайней мѣрѣ для внѣшней исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ,—имѣетъ большую цѣнность, и заслуга г. Лилеева, какъ собирателя и издателя поименованныхъ матеріаловъ,—заслуга не малая,—сомнѣнію не подлежитъ.

Спустя два года по обнародованіи собранныхъ матеріаловъ г. Лилеевъ выпустилъ въ свѣтъ и самое, въ значительной части, составленное на основаніи ихъ, изслѣдованіе о расколѣ на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ. Задачу своего труда авторъ поставляетъ въ томъ, «чтобы свести имѣющіяся уже данныя о Вѣтковскомъ и Стародубскомъ расколѣ въ одно цѣлое, провѣрить ихъ строго научнымъ методомъ исторической критики, сопоставить вновь открытое съ раньше извѣстнымъ, и такимъ образомъ представить возможно полную въ настоящее время картину событій, относящихся къ мѣстной исторіи раскола, въ послѣдовательной связи и съ изложеніемъ всѣхъ подробностей и причинъ, породившихъ тѣ или иныя явленія». (Предисл. XII).

Къ выполненію намѣченной широкой задачи авторъ прилагаетъ большія старанія, и хотя полной безупречности въ этомъ отношеніи и не достигаетъ, тѣмъ не менѣе трудъ его представляетъ дальнѣйшее поступательное движеніе въ разработкѣ трактуемаго предмета и, безъ сомнѣнія, есть трудъ весьма полезный и цѣнный.

Приступаемъ къ ближайшему ознакомленію съ нимъ.

Изслѣдованіе, кромѣ упомянутаго предисловія, состоитъ изъ *семи* главъ.

Первая глава посвящена вопросу—*о времени происхожденія Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольничьихъ слободъ.*

Въ литературѣ установилось мнѣніе, что первымъ раскольничьимъ поселенцемъ въ Стародубскихъ предѣлахъ былъ московскій попъ Кузьма, имѣвшій свой приходъ при церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ. Вслѣдствіе гоненій, воздвигнутыхъ на расколъ въ Москвѣ, *онъ въ 1669 году* «съ двадцатью духовными дѣтьми» удалился въ Стародубье и здѣсь *при посредствѣ своего друга, мѣстнаго полковника Гаврила Ивано-*

вича, получилъ позволеніе поселиться въ слободѣ *Понуровкѣ*, которая и была *первою* старообрядческою колоніею въ означенной мѣстности. Г. Лилеевъ подвергаетъ тщательному пересмотру означенное мнѣніе и на основаніи нѣкоторыхъ, отчасти неизвѣстныхъ прежнимъ изслѣдователямъ данныхъ, приходитъ къ слѣдующимъ новымъ выводамъ: 1) Время поселенія московскихъ раскольниковъ въ Стародубьѣ, съ попомъ Кузьмою во главѣ, должно быть отодвинуто *къ концу семидесятыхъ годовъ* XVII стол. (не ранѣе 1676—1677 гг.). 2) Колонія московскихъ раскольниковъ, выведенная означеннымъ попомъ *не была первою по времени раскольничьею колоніею на земляхъ Стародубскаго полка.* Гораздо раньше этихъ московскихъ раскольниковъ были здѣсь великороссійскіе поселенцы раскольники, *неизвѣстные по мѣсту своего первоначальнаго жительства.* 3) Поселившіеся съ попомъ Кузьмою въ Понуровкѣ московскіе раскольники, по всей вѣроятности, *были направлены сюда стародубскимъ полковникомъ Григоріемъ Карповичемъ Коровкою-Вольскимъ* (1678—1680 гг.).

Съ первымъ положеніемъ автора нельзя не согласиться. Г. Лилеевымъ документально доказано, что Всесвятскій на Кулишкахъ попъ Кузьма платилъ въ Москвѣ окладныя деньги въ 185 (1676—1677) году, и только въ слѣдующемъ году на его мѣстѣ былъ уже другой попъ—Никита, занимавшій означенный приходъ въ 186—193 гг. Соглашаемся и со вторымъ положеніемъ, какъ отчасти вытекающимъ изъ перваго и тоже документально оправдываемымъ, хотя *съ нѣкоторою оговоркою.*

Представляется не совсѣмъ яснымъ, что именно хочетъ сказать авторъ, констатируя неизвѣстность старообрядцевъ, поселившихся въ Стародубьѣ ранѣе попа Кузьмы, *по мѣсту ихъ первоначальнаго жительства*: хочетъ ли сказать то, что неизвѣстны мѣста ихъ первоначальныхъ поселеній собственно *въ Стародубскихъ предѣлахъ*, или то, что остается неизвѣстнымъ *изъ какихъ именно Великороссійскихъ мѣстъ* они приходили сюда? — Но какое бы пониманіе мы не соединяли съ означеннымъ замѣчаніемъ автора, оно одинаково оказывается не вполнѣ точнымъ. Ибо изъ напечатанныхъ имъ же документовъ видно, что *въ Понуровкѣ* жили старообрядцы еще *при полковникѣ Рославцѣ.* (Новые матеріалы, стр. 60); на 26 стр. онъ говоритъ, что село *Демянки* населено было раскольниками ранѣе поселенія попа Кузьмы въ *Понуровкѣ*; на стр. 29 молчаливо соглашается съ мнѣніемъ г. Лазаревскаго, что *Азаровка* населялась старообрядцами съ *1670 года.* Затѣмъ, можно указать хотя и не на многихъ бѣжавшихъ въ Стародубье ранѣе попа Кузьмы старообрядцевъ, которые извѣстны по мѣсту

первоначальнаго своего жительства и *въ Великороссіи*. Такія свѣдѣнія имѣются въ напечатанныхъ авторомъ матеріалахъ о семьѣ Шелковниковыхъ, Павлѣ Θедоровомъ, работницѣ Кристинѣ (стр. 44 и др.). Самъ г. Лилеевъ на стр. 24 своего сочиненія замѣчаетъ, что *московскіе* раскольники селились въ самомъ г. *Стародубѣ* во всякомъ случаѣ до 1676 года.—Но что касается третьяго положенія г. Лилеева, то оно представляется намъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности по этому поводу. Мы видѣли, что въ предисловіи къ сочиненію нашъ авторъ характеризуетъ Ивана Алексѣева, какъ писателя не всегда свободнаго отъ предвзятыхъ взглядовъ и преднамѣренной тенденціозности, а сообщаемыя имъ свѣдѣнія признаетъ не всегда отличающимися точною справедливостью. Но на стр. 36 своего сочиненія, желая примирить разнорѣчивыя показанія источниковъ, изъ коихъ однимъ служитъ для него свидѣтельство Алексѣева, онъ называетъ послѣдняго уже *весьма правдивымъ раскольничьимъ историкомъ* [1]), и въ данномъ случаѣ—думаемъ—нашъ авторъ мало погрѣшаетъ. Цѣль, съ какою Алексѣевъ писалъ свою *Исторію о бѣгствующемъ священствѣ*, состояла, по его словамъ, въ томъ, чтобы сохранить въ потомствѣ память о ревнителяхъ старины, «показуючи всѣхъ тѣхъ дѣла, аки на длани перста». Но достигнуть въ этомъ отношеніи желаемой полноты и обстоятельности, какъ сознается Алексѣевъ, было уже невозможно, «понеже всѣмъ небрежно бяше о семъ (чтобы описать самыхъ тѣхъ и дѣла ихъ); аще и мнози во устѣхъ ихъ имутъ, обаче память о нихъ аки искра въ пепелѣ погибати хотяще, и намъ уже поздно на се взысканіе случися пріити (яко совершенно вѣдующихъ едва обрѣсти), *не малъ трудъ на сіе воспріяхъ, испытуя нѣкія отъ инокъ и бѣлцевъ искусныхъ*, и елико отъ кого что, аки пчела, обрѣтохъ, во единъ сотъ сея исторіи связахъ и предъ очи всѣхъ предложити намѣренъ есмь, аще ли кто болѣе сего вѣсть, да приложитъ». Такимъ образомъ, хотя Алексѣевъ писалъ свою исторію бóльшею частію по преданію, но, какъ показываетъ его трудъ, тщательно провѣрялъ оное. Поэтому если его и можно упрекать въ невѣрномъ (согласно съ безпоповщинскими возрѣніями) освѣщеніи фактовъ, то мы не имѣемъ основаній обвинять его въ преднамѣренномъ искаженіи ихъ, *въ особенности когда для этого не было никакого повода*. Сказаннымъ опре-

---

[1]) Такой отзывъ объ Алексѣевѣ дѣлается авторомъ и въ другомъ мѣстѣ, на стр. 204 („по свидѣтельству старообрядческаго историка Ивана Алексѣева, *отличающагося рѣдкою у раскольническихъ писателей правдивостію въ изложеніи событій*“ и проч.).

дѣляется относительная цѣнность сообщаемыхъ Алексѣевымъ свѣдѣній, и объясняются нѣкоторыя допущенныя имъ въ сочиненіи неточности. Говоря о переходѣ попа Кузьмы и его духовныхъ дѣтей изъ Москвы въ Стародубье, авторъ «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ» или, точнѣе, лица, сообщавшія ему о семъ свѣдѣнія, легко могли ошибиться при опредѣленіи года относительно этого событія: легко могли пріурочить послѣднее къ ближайшему послѣ Большаго Московскаго собора времени, когда на ревнителей старины воздвигнуто было «веліе гоненіе» въ Москвѣ, и когда они дѣйствительно бѣжали изъ нея въ разныя стороны, между прочимъ, и въ Стародубье. Но что касается *имени* покровителя старообрядцевъ, оказывавшаго имъ существенныя услуги и *считавшагося другомъ попа Кузьмы*, то путаница здѣсь, забвеніе этого имени, а тѣмъ болѣе переиначеніе его, менѣе объяснимы; а потому изслѣдователь, чтобы категорически отрицать вѣрность сообщенія Алексѣева по сему вопросу, долженъ представить резонныя основанія. Такихъ основаній г. Лилеевъ не представляетъ. Констатируя тотъ фактъ, что въ 1678 — 1680 гг. Стародубскимъ полковникомъ былъ *Григорій Карповичъ Коровка-Вольскій*, онъ по тому только и считаетъ его наиболѣе вѣроятнымъ лицомъ, при которомъ и при содѣйствіи котораго состоялось переселеніе попа Кузьмы въ Стародубье. Но, во-первыхъ, это предположеніе—вопреки завѣреніямъ нашего автора—не вполнѣ согласуется съ приводимымъ имъ свидѣтельствомъ приходныхъ книгъ патріаршаго казеннаго приказа, изъ коихъ видно, что въ 186 году Кузьма не былъ уже попомъ во Всесвятскомъ приходѣ (а Коровка въ Стародубьѣ видѣнъ только съ 187 года—не ранѣе сентября 1678); во-вторыхъ, является неизбѣжнымъ малодопустимое предположеніе объ измѣненіи въ раскольничьемъ преданіи имени друга Кузьмы изъ *Гаврила Ивановича* въ *Григорія Карповича*. Между тѣмъ нашему автору извѣстно, что въ разсматриваемое время видѣнъ въ Стародубьѣ *Гавріилъ* Дащенко, бывшій наказнымъ *полковникомъ*, и связи котораго съ старообрядцами сомнѣнію не подлежатъ. Этого Дащенко г. Лазаревскій и считаетъ тѣмъ полковникомъ, который покровительствовалъ попу Кузьмѣ. (*Описаніе Старой Малороссіи* I, стр. 440). Правда, г. Лилеевъ утверждаетъ, что означенное мнѣніе новаго малороссійскаго историка *не имѣетъ ровно никакого значенія въ виду новыхъ данныхъ о времени появленія попа Кузьмы въ Стародубьѣ* (стр. 14). Но это столь рѣшительное опроверженіе имѣло бы значеніе въ томъ только случаѣ, если бы Гавріилъ Дащенко, занимая должность полковника въ 1669 году (къ каковому времени г. Лазаревскій относитъ, согласно съ прежнимъ мнѣніемъ, прибытіе попа Кузьмы въ Старо-

дубье) *не былъ видънъ здъсь въ послъдующее время.* Между тѣмъ документально извѣстно [1]), что онъ занималъ означенную должность *въ 1670—1675 гг.* и съ его преемникомъ мы встрѣчаемся *не ранъе 1681 года.* Слѣдовательно, и послѣ новыхъ данныхъ о попѣ Кузьмѣ, означенное мнѣніе г. Лазаревскаго по разсматриваемому вопросу не теряетъ значенія и, безъ сомнѣнія, должно быть признано наиболѣе вѣроятнымъ.

Въ остальной части разсматриваемой главы авторомъ сообщаются свѣдѣнія о заселеніи старообрядцами Стародубскихъ слободъ со времени первоначальнаго появленія ихъ здѣсь по 1713 годъ включительно. При разработкѣ этого вопроса авторъ имѣлъ уже предшественниковъ, въ трудахъ коихъ (особенно гг. Лазаревскаго и Багалѣя) находится достаточно данныхъ для историческаго очерка мѣстъ, заселенныхъ старообрядцами, и отношеній послѣднихъ къ администраціи и обществу. Но г. Лилеевъ тщательно провѣряетъ эти данныя и на основаніи самостоятельныхъ архивныхъ розысканій не рѣдко восполняетъ ихъ, указываетъ неточности въ прежнихъ трудахъ, иногда примиряетъ встрѣчающіяся въ источникахъ противорѣчія, такъ что сообщаемыя имъ свѣдѣнія по данному вопросу отличаются большею полнотою и обстоятельностію. Значеніе для настоящаго очерка трудовъ упомянутыхъ предшественниковъ указано авторомъ въ предисловіи, хотя, по нашему мнѣнію, оно должно быть *нъсколько расширено.* Такъ на стр. 35 авторъ заявляетъ: «*намъ удалось* найти копію гетманскаго универсала 1709 года въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ малороссійскихъ дѣлъ № 3125» и пр. Обширное дѣло подъ означеннымъ № представляетъ чрезвычайно важный матеріалъ для исторіи заселенія Стародубскихъ слободъ; но на него (а также находящійся здѣсь универсалъ 1709 года) впервые указано было г. Багалѣемъ въ его цѣнной рецензіи на сочиненіе г. Лазаревскаго (*Отчетъ о тридцать второмъ присужденіи наградъ графа Уварова* Спб. 1892 г. стр. 130) и нашъ авторъ, печатая отрывокъ своего сочиненія, именно разсматриваемую нами главу, въ Кіевской Старинѣ за 1889 г., о существованіи этого матеріала *въ то время* не зналъ.—На стр. 34 г. Лилеевъ заявляетъ: «О слободѣ *Шеломы* извѣстно, что она поселена на землѣ значковаго товарища Аоанасья Зенченко, *но о времени ея поселенія до сихъ поръ никъмъ не было сдълано никакихъ указаній, даже и приблизительныхъ, за недостаткомъ относящихся сюда данныхъ*». Между тѣмъ въ упомянутой рецензіи г. Багалѣй объ означенной слободѣ, на осно-

[1]) *Описаніе старой Малороссіи.* А. Лазаревскаго, т. I, стр. 64.

ванія документальныхъ данныхъ, говоритъ слѣдующее: «слобода *Шеломы* поселена въ дачахъ значковскаго товарища казака Силы Зѣнченка на рѣкѣ Карпѣ *въ 7203 г. (1695 г.)*; слободу эту осаживалъ Василій Сычевъ изъ деревни Храпкиной Козелецкаго уѣзда, помѣщика Семена Талачина, крестьянинъ» и проч. (*Отчетъ о тридцать второмъ присужденіи наградъ графа Уварова*, 131 стр.).

Позволяемъ себѣ сдѣлать еще два замѣчанія:

1) Въ ряду выводовъ автора изъ представленнаго имъ очерка о населеніи старообрядцами Стародубскихъ слободъ находится и слѣдующій: «на первыхъ же порахъ по поселеніи раскольниковъ въ Стародубскихъ предѣлахъ, на нихъ было обращено вниманіе мѣстныхъ властей—свѣтской и духовной, *и послѣдняя, въ лицѣ мѣстнаго іерарха Лазаря Барановича, принимала по отношенію къ нимъ соотвѣтственныя мѣры, практиковавшіяся и въ Москвѣ, главномъ очагѣ раскола въ ту пору, хотя и не такъ настойчиво, какъ въ послѣдней*». (стр. 66). Выводъ этотъ представляется намъ не имѣющимъ твердой опоры. Онъ основывается у автора на *единственномъ* источникѣ,—письмѣ черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, отъ іюля 1677 года, къ тогдашнему Стародубскому наказному полковнику, Михаилу Рубцу. Сущность письма состоитъ въ слѣдующемъ: Барановичъ извѣщаетъ означеннаго полковника, что «русскіе люди слободки Демянкувской» просили его—архіепископа—«черезъ честного отца Іакова Хапчинскаго», чтобы имъ возвращены были книги, которыя «высланный Барановичемъ честный отецъ Сіомашко, позабѣравши у нихъ, положилъ въ церкви Рождества Пресвятой Богородицы Стародубской». Архіепископъ проситъ полковника Рубца, чтобы онъ приказалъ (расказалъ) Хапчинскому исполнить просьбу означенныхъ лицъ.—Какой выводъ можно сдѣлать изъ означеннаго письма? Если мы *допустимъ*, что русскіе люди слободы «Демянкувской», обращавшіеся съ просьбою къ Барановичу, *были старообрядцы* (далеко не всѣ селившіеся въ Стародубскихъ слободахъ русскіе люди были старообрядцами, и Демьянки не принадлежали къ числу густо населенныхъ послѣдними слободъ: здѣсь въ началѣ *XVIII* столѣтія было *только три двора раскольниковъ*) [1]) и что книги отобраны были у нихъ по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ онѣ отбирались и въ Москвѣ (въ Малороссіи еще *до появленія раскола* книги иногда отбирались изъ церквей, что̀ имѣло мѣсто, напр., во время митрополита П. Могилы),—если, повторяемъ, допустимъ сказанное, какъ *весьма вѣроятное*, то должно придти къ тому

---

[1]) *Описаніе старой Малороссіи*. А. Лазаревскаго, т. I, стр. 180.

заключенію, что церковная власть въ Малороссіи, въ лицѣ мѣстнаго іерарха Л. Барановича, *дѣлала большую поблажку расколу*... Отобрать книги отъ старообрядцевъ и по ихъ просьбѣ тотчасъ сдѣлать распоряженіе о возвращеніи оныхъ имъ, развѣ это не есть поблажка? А отсюда естественнѣе сдѣлать иной выводъ, нежели какой дѣлаетъ г. Лилеевъ, а именно: «церковная власть въ Малороссіи, въ лицѣ архіепископа Барановича, относилась къ старообрядцамъ далеко не такъ, какъ относились къ нимъ церковныя власти въ Москвѣ». Этотъ выводъ находитъ для себя нѣкоторое подтвержденіе и въ основанномъ на документальныхъ данныхъ замѣчаніи нашего автора, что «великороссійскіе помѣщики особенно горько жаловались на малороссійскихъ духовныхъ владѣльцевъ, *главнымъ образомъ на Лазаря Барановича*, не брезговавшихъ никѣмъ изъ приходившихъ къ нимъ (изъ Великороссіи) бѣглыхъ людей и крестьянъ и не выдававшихъ никого, *«хотя бы прямо съ висѣлицы приходили къ нимъ*" (стр. 39).

2) На стр. 61 намъ авторъ дѣлаетъ энергичное нападеніе на г. Лазаревскаго. Онъ говоритъ: «По поводу исторіи лаврскихъ земельныхъ владѣній, находившихся на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ послѣднее время высказано *тенденціозное* недоумѣніе новымъ историкомъ Малороссіи А. М. Лазаревскимъ. На томъ основаніи, что въ 5-ти грамотахъ, выданныхъ Лаврѣ въ 1680 году царемъ Өедоромъ Алексѣевичемъ, нѣтъ никакихъ упоминаній, ни общихъ, ни частныхъ, о волостяхъ лаврскихъ стародубскихъ -Бобовицкой, Попогорской и Лыщицкой, упоминаемыхъ въ грамотѣ 1720 года, *выданной однако на основаніи предшествующихъ грамотъ*, почтенный изслѣдователь приходитъ къ тому заключенію, что эти волости пріобрѣтены лаврой помимо пожалованій и пожертвованій. Мало того, тутъ же почтеннымъ историкомъ прямо высказывается и та мысль, что лаврскіе городничіе могли прямо захватывать въ пользу лавры цѣлыя деревни. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ тремъ указаннымъ лаврскимъ стародубскимъ волостямъ, эта мысль оказывается *совершенно ложною*. Въ актахъ, относящихся къ исторіи Зап. Рос., т. V, № 19, стр. 72—73, приведена *Мѣновая запись кіевскаго митрополита Петра Могилы Бѣлорусскому епископу Іосифу Горбацкому объ уступкѣ кіево-печерскихъ монастырскихъ селъ Печерска, Барсуковъ, Цвыркова и Тарасовичъ во владѣніе Могилевской архіерейской каѳедрѣ, по поводу замѣна ихъ на волость Попову гору, яко смѣжную съ лаврскою отчиною*. Запись эта выдана 9 декабря 1644 года и хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ при Св. Синодѣ. *Она даетъ положительное указаніе*, какъ пріобрѣтены лаврой стародубскія обширныя мастности».

Первѣе всего замѣтимъ, что авторъ не совсѣмъ точно передаетъ *сущность* замѣчаній и доказательствъ г. Лазаревскаго по данному вопросу и приписываетъ ему болѣе категорическое (чѣмъ какое находится у него) утвержденіе о способѣ пріобрѣтенія лаврою упомянутыхъ помѣстій. Г. Лазаревскій говоритъ, что исторія лаврскихъ земельныхъ владѣній, находившихся на лѣвомъ берегу Днѣпра, остается до сихъ поръ не обслѣдованною; поэтому мы имѣемъ лишь сбивчивыя свѣдѣнія о томъ—когда и кѣмъ даны были лаврѣ волости Бобовицкая, Попогорская и Лыщицкая. Г. Лазаревскій, дѣлая попытку рѣшить этотъ вопросъ, обращается къ пересмотру документальныхъ данныхъ и находитъ, что въ концѣ XVI столѣтія лавра не владѣла еще означенными волостями, потому что *въ подробной описи* кіево-печерскихъ имѣній, составленной въ 1593 году, послѣ смерти архимандрита Мелетія Хребтовича Богуринскаго, въ числѣ ихъ на лѣвомъ берегу Днѣпра показана только *Поднѣпровская волость*. Въ первой половинѣ XVII вѣка лаврѣ не отъ кого было получить такихъ огромныхъ имѣній. По присоединеніи Малороссіи къ Россіи дана была лаврѣ грамота на земельныя угодья царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1658 г., и затѣмъ пять подобныхъ грамотъ выдано было въ 1680 г., по просьбѣ кіево-печерскаго архимандрита Гизеля, царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ; но во всѣхъ нихъ нѣтъ никакихъ упоминаній, ни общихъ, ни частныхъ, о волостяхъ Бобовицкой, Попогорской и Лыщицкой. Упомянуты эти волости въ первый разъ лишь въ грамотѣ 1720 года, выданной лаврѣ послѣ пожара 1718 г., когда *всѣ крѣпости ея на вотчины погорѣли*. Изъ этой послѣдней грамоты видимъ, что право на означенныя стародубскія три волости подтверждено было по двумъ основаніямъ: въ виду грамоты царя Ѳедора Алексѣевича, якобы выданной лаврѣ въ маѣ 1680 года, и какихъ то выписей кіевской губернской канцеляріи и протестаціи, выданной изъ кіевской ратуши. Но такъ какъ въ текстѣ грамотъ 1680 года—какъ уже сказано—о лаврскихъ стародубскихъ помѣстьяхъ не говорится (копіи этихъ грамотъ сохранились и послѣ пожара), неизвѣстными остаются и выписи кіевской канцеляріи и ратуши, то естественно заподозривается достовѣрность тѣхъ данныхъ, которыя легли въ основу грамоты 1720 г. Указавъ затѣмъ на возможность для лавры пріобрѣтенія имѣній помимо пожалованій и пожертвованій (что документально подтверждается), г. Лазаревскій заканчиваетъ свои разсужденія заявленіемъ, что при наличности существующихъ данныхъ на вопросъ: *пожалованіемъ ли пріобрѣтены лаврою Стародубскія волости?*—дать *опредѣленный отвѣтъ трудно*.

Изъ сказаннаго видно, что означенныя разсужденія г. Лазарев-

скаго проникнуты строго научнымъ, критическимъ характеромъ, и скептическое его отношеніе къ грамотѣ 1720 года представляется раціональнымъ. Поэтому нашему автору слѣдовало внимательнѣе отнестись къ указываемой имъ мѣновой записи 1644 года, идущей въ разрѣзъ съ предположеніями г. Лазаревскаго, и обслѣдовать ее посредствомъ того «строго научнаго метода исторической критики», котораго—по заявленію г. Лилеева—онъ предположилъ держаться въ своемъ трудѣ. Такое критическое отношеніе къ мѣновой записи 1644 года неизбѣжно привело бы его къ заключенію, что она подложна и появилась съ извѣстными цѣлями гораздо позже того времени, къ какому отнесена ея составителемъ. Приводимъ доказательства подложности записи.

а) Въ записи Іосифъ Горбацкій называется епископомъ *Бѣлорусскимъ* («превелебному господину отцу Іосифу Горбацкому, *епископови Бѣлорусскому*»), между тѣмъ до присоединенія въ 1654 году Малороссіи къ Московскому государству, іерархи, занимавшіе означенную каѳедру, титуловались епископами ***мстиславскими, оршанскими и могилевскими***.

б) По избраніи, послѣ смерти Петра Могилы, Сильверста Коссова на кіевскую митрополію, онъ, не получивъ въ свое управленіе (подобно предмѣстнику) богатой кіево-печерской лавры, ***до 1650 года*** удерживалъ за собою и прежнюю свою епископскую каѳедру съ принадлежащими къ ней имѣніями, никого не посвящая на оную, почему и подписывался: «Сильвестръ Коссовъ, милостію Божіею архіепископъ митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Россіи, епископъ ***мстиславскій, оршанскій и могилевскій***»[1]).

в) Избраніе и посвященіе Іосифа Кононовича Горбацкаго на мстиславскую епископію состоялось ***не ранѣе 1650 года***, а въ 1644 году время, къ которому отнесена упомянутая мѣновая запись,—***онъ состоялъ еще ректоромъ могилянской коллегіи и игуменомъ кіево-братскаго монастыря***. Все это могло быть извѣстно нашему автору и изъ обнародованныхъ уже данныхъ. Мы здѣсь опредѣлимъ только точнѣе время, до котораго занималъ Горбацкій означенныя должности, оставленныя имъ по случаю полученія королевской привиллегіи на управленіе Кіево-Михайловскимъ монастыремъ. Послѣдній предоставленъ былъ Горбацкому грамотою короля Владислава IV ***отъ $^{3}/_{13}$ марта 1645 года*** (Архивъ греко-ун. митр. связ. № 39); а самый вводъ во

---

[1]) См. *Исторію Рус. Церкви*, м. Макарія т. XII 14., гдѣ сдѣланы ссылки на документы

владѣніе симъ монастыремъ состоялся *5 мая означеннаго года* (по новому стилю). Въ выписи книгъ гродскихъ кіевскихъ отъ 29 мая 1645 года значится, что возный генералъ воеводства кіевскаго шляхетный Мелентій Бобинецъ, ставши очевисто передъ урядниками судовыми гродскими сдѣлалъ для запесенія въ книги слѣдующее заявленіе: «ижъ *въ року теперешнемъ тысеча шесть сотъ сорокъ пятомъ мѣсяца мая пятаго дня* . . . былъ онъ на справе велебнаго его милости отца Іосифа Кононовича Горбацкаго, *ректора и игумена еще на тотъ часъ монастыря братства Кіевскаго*, въ монастыру светого Михаила Золотоверхого, при мѣстѣ Кіевѣ будучимъ, и тамъ при бытности законниковъ всѣхъ и капитулы, въ томъ монастыру знайдучихся, подлугъ привилею, отъ его королевской милости, пана нашего милостиваго, данного, и згодное елекціи всее капитулы помененого монастыря, *Іосифа Кононовича Горбацкаго на игуменство вышереченного монастыря святого Михаила Золотоверхаго интромѣтовалъ*», и т. д. (Арх. Греко-уп. митр. при Св. Синодѣ, связ. № 39).

Констатируя фактъ подложности мѣновой записи 1644 года, замѣтимъ, что при своихъ архивныхъ занятіяхъ намъ приходилось встрѣчать и другіе документы, составленные для доказательства правъ лавры на стародубскія маетности и тоже носящіе на себѣ явные слѣды ихъ позднѣйшаго происхожденія. Сюда относятся: 1) Листъ князя Алексѣя Лахтыновича на село Печерскъ Кіево-печерской обители, съ датою отъ 7040 г. (1482 г.), якобы списанный съ подлинника въ Кіевѣ *9 декабря 1654 года и тогда же посланный превелебному отцу епископу Іосифу Горбацкому за скрѣпою митрополита Петра Могилы* (т. е. тогда, когда обоихъ означенныхъ іерарховъ не было уже въ живыхъ: Петръ Могила † 31 декабря 1646 года, Іосифъ Горбацкій † 13 марта 1653 г.); 2) Копіи съ документовъ на право владѣнія кіево-печерскою обителію Цвырковомъ и Барсуковомъ, якобы списанныя въ 1644 году и тогда же отосланныя Петромъ Могилою къ могилевскому и мстиславскому епископу Горбацкому. Впрочемъ эти съ извѣстными цѣлями составленные документы имѣютъ то историческое значеніе, что въ нихъ помѣщены разные акты и неподложные (ибо Печерскъ, Цвырково и Барсуковъ были въ несомнѣнномъ владѣніи Лавры) и между послѣдними есть такіе (съ датами первой половины XVI и даже конца XV стол.), о которыхъ доселѣ не было извѣстно.

Во второй главѣ своего изслѣдованія авторъ трактуетъ *объ условіяхъ поселенія и первоначальной жизни великороссійскихъ раскольниковъ въ Стародубскихъ и Черниговскихъ слободахъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.*

Послѣ образованія государствъ московскаго и литовскаго, расположенная между ними Сѣверская земля, обратила на себя притязаніе обоихъ государствъ. Съ половины XIV вѣка она перешла во владѣніе Литвы, что однако не изгладило въ ея населеніи русскихъ элементовъ. Въ самомъ началѣ XVI столѣтія она мирнымъ путемъ (чрезъ добровольное подчиненіе находившихся здѣсь князей вел. князю Ивану Васильевичу) соединилась съ московскимъ государствомъ. Это обстоятельство со стороны Польши, соединившейся съ великимъ княжествомъ Литовскимъ въ одно государство, вызвало энергическія усилія отвоевать утерянную землю, каковыя усилія увѣнчались успѣхомъ только къ концу второго десятилѣтія XVII в., когда Московское государство, обезсиленное смутнымъ временемъ, должно было, по Деулинскому перемирію, уступить Польской Коронѣ означенную землю. Зависимость отъ Польши Сѣверщины продолжалось недолго: въ 1654 году послѣдняя, вмѣстѣ съ остальною Малороссіею, вошла въ составъ Московскаго государства. Составляя пограничную область и изобилуя въ прежнее время непроходимыми лѣсами, Сѣверщина издавна служила надежнымъ убѣжищемъ для всевозможныхъ перебѣжчиковъ какъ изъ Польши и Литвы, такъ и изъ сосѣднихъ областей Московскаго государства. Эти бѣглецы немало содѣйствовали заселенію края. Но самая сильная колонизація его началась только съ XVII столѣтія. Надѣленные помѣстьями польскіе паны энергично заботились о населеніи ихъ, привлекая переселенцевъ разнаго рода льготными условіями и обѣщаніями. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Московскому государству приливъ въ нее бѣглыхъ крестьянъ, слугъ и разныхъ служилыхъ людей не только не прекратился, но еще болѣе усилился. Этому, до извѣстной степени, способствовали самыя условія внутренней жизни Малороссіи, которыя стали было слагаться въ ней по изгнаніи поляковъ, когда малороссійскимъ посполъствомъ провозглашалась свобода отъ пановъ и всякихъ обязательствъ къ нимъ. Скоро для нѣкоторыхъ великороссіянъ явился новый поводъ къ бѣгству съ своихъ осѣдлостей: возникшія въ Москвѣ гоненія на приверженцевъ старины побуждали ихъ скрываться отъ своихъ притѣснителей по разнымъ укромнымъ мѣстамъ. Стародубье представляло въ этомъ отношеніи для старообрядцевъ значительныя удобства, и въ смыслѣ отдаленности края отъ административныхъ центровъ, и въ смыслѣ легкости пробраться сюда. Важнымъ удобствомъ была и близость границы.—Менѣе благопріятны были хозяйственно - экономическія условія поселенія великорусскихъ раскольниковъ въ сѣверной Малороссіи, такъ какъ здѣсь доброкачественныя земли достались на долю болѣе раннихъ насельниковъ,

а на долю позднѣйшихъ (въ томъ числѣ и старообрядцевъ) худшія: песчаныя и глинистыя, почти сплошь покрытыя хвойными лѣсами,— обстоятельство, побудившее раскольниковъ искать заработка не въ земледѣльческихъ промыслахъ и способствовавшее развитію среди нихъ торговой промышленности.

Условія, на которыхъ великороссійскіе раскольники пріобрѣтали право осѣдлости въ Стародубьѣ, были разнообразны. Поселеніе ихъ здѣсь относится къ тому времени, когда возстаніе Хмѣльницкаго произвело полный переворотъ въ поземельныхъ и общественныхъ отношеніяхъ Малороссіи. Съ изгнаніемъ поляковъ не стало въ Малороссіи крупныхъ землевладѣльцевъ. Казаки, считая себя освободителями народа отъ польскаго ига, стали во главѣ населенія и стремились присвоить себѣ право на владѣніе землею, которая мало по малу и стала переходить, съ разрѣшенія гетмановъ и полковниковъ, въ руки казацкой старшины и другихъ вліятельныхъ лицъ и учрежденій. Но на первыхъ порахъ свободныхъ земель, особенно по крайнимъ предѣламъ Малороссіи—къ сѣверу и югу, все-таки было много: онѣ лежали «впустѣ». Эти свободныя мѣста заселялись, обыкновенно, на правѣ такъ называемой *займанчины*, на правѣ свободнаго (съ согласія сосѣдей) занятія земель. При подобныхъ же условіяхъ селились здѣсь, между прочимъ, и великороссійскіе раскольники. Но такихъ (извѣстныхъ) случаевъ было немного. Наплывъ старообрядцевъ въ Стародубье относится уже къ тому времени, когда бо́льшая часть земель была роздана разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, и поселеніе на нихъ сдѣлалось возможнымъ при условіи тѣхъ или иныхъ соглашеній съ ихъ владѣльцами. Важнымъ матеріаломъ для выясненія этихъ условій поселенія старообрядцевъ на владѣльческихъ земляхъ и тѣхъ отношеній, въ какія они становились къ ихъ собственникамъ, служатъ такъ называемые *осадные листы*. Къ сожалѣнію, такихъ листовъ, имѣющихъ отношеніе къ раскольникамъ, сохранилось не много, и всѣ они относятся къ началу XVIII стол. Авторъ съ должнымъ вниманіемъ относится къ этому матеріалу и извлекаетъ изъ него все существенное, причемъ уясняется, что условія означенныхъ поселеній не всегда были одинаковыя, хотя въ общемъ на первыхъ порахъ льготныя; только съ теченіемъ времени положеніе слобожанъ ухудшилось: «закрѣплялась ихъ зависимость отъ землевладѣльцевъ».—Изъ документовъ видно, что старообрядцы селились въ Стародубьѣ и въ качествѣ, такъ называемыхъ, *подсосѣдковъ* въ свободныхъ хатахъ пановъ, казаковъ, духовенства и мѣстнаго поспольства. Это были, очевидно, люди небогатые, готовившіе себѣ полную зависимость и закрѣпощеніе отъ сво-

ихъ «державцевъ». Но видны въ Стародубьѣ и такіе зажиточные раскольники, которые скупали казачьи грунты и пользовались даже, повидимому, казачьими правами.

Бѣгство великороссійскихъ людей въ Малороссію вызывало со стороны Московскаго правительства постоянныя напоминанія, требованія и даже угрозы, чтобы такіе бѣглецы не принимались, а обратно высылались въ Московское государство. Но обыкновенно на такія требованія мало обращалось вниманія. Малороссійскіе державцы смотрѣли на раскольниковъ (и вообще на перебѣжчиковъ къ нимъ) какъ на выгодныхъ поселенцевъ, удобныхъ колонизаторовъ ихъ пустопорожнихъ земель, не обращая особеннаго вниманія, или, правильнѣе, просто игнорируя ихъ разномысліе въ дѣлахъ вѣры съ господствующею церковію. И такъ смотрѣли на нихъ не только свѣтскіе державцы, а и духовные. Но такое отношеніе къ новымъ поселенцамъ мѣстныхъ державцевъ вызывало недовольство со стороны старыхъ насельниковъ, земельныя права которыхъ естественно ограничивались вновь осаживаемыми слободами. На этой почвѣ экономическихъ отношеній залагались въ Малороссіи первоначальныя отношенія къ раскольникамъ со стороны разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія.

Не смотря на предупредительность, съ какою принимались въ Стародубскихъ предѣлахъ старообрядцы, ихъ положеніе въ церковномъ отношеніи за разсматриваемое время (до царствованія Екатерины II) *было нелегальное*. Въ Малороссіи раскольники-слобожане не могли открыто и на законномъ основаніи исповѣдовать свою вѣру, имѣть своихъ поповъ, устраивать церкви и монастыри, скиты и пустыни, и если они дѣлали это, то благодаря молчаливому согласію и бездѣйствію мѣстныхъ властей и державцевъ, въ собственномъ интересѣ имъ потворствовавшихъ.—Несравненно бо́льшею свободою въ религіозномъ отношеніи пользовались старообрядцы, поселившіеся въ Польшѣ. Польскіе паны не только разрѣшали раскольникамъ строить церкви и монастыри, но даже принимали участіе въ раскольничьихъ спорахъ съ цѣлію водворенія мира между разномыслящими, созывая для сего соборы (точнѣе, давая на это позволеніе). Существуютъ даже въ раскольничьихъ источникахъ извѣстіе, что положеніе старообрядцевъ въ Польшѣ было обставлено формально легальными условіями и со стороны государства.—Различіе въ условіяхъ поселенія раскольниковъ за польскимъ рубежемъ и въ сѣверной Малороссіи сильно отразилось на числѣ поселенцевъ тамъ и здѣсь. Сводомъ имѣющихся данныхъ объ этомъ и заканчивается разсматриваемая глава.

Значительное пособіе о трактуемомъ предметѣ авторъ имѣлъ въ трудахъ предшественниковъ, особенно г. Лазаревскаго, но увеличилъ количество относящагося къ дѣлу матеріала и собственными архивными разъисканіями. Сведенный въ одно цѣлое матеріалъ этотъ обслѣдованъ авторомъ удовлетворительно и въ общемъ представленіе по затронутымъ вопросамъ получается достаточно ясное.

Мы ограничимся однимъ небольшимъ замѣчаніемъ. На стр. 122 и слѣд. г. Лилеевъ говоритъ, что свобода въ религіозномъ отношеніи предоставлялась польскими панами только селившимся въ ихъ помѣстьяхъ бѣглецамъ-раскольникамъ, но не простиралась на православныхъ великороссовъ, *которые были сильно преслѣдуемы за свою вѣру, что и побуждало ихъ обращаться въ расколъ.* Это утвержденіе автора не гармонируетъ съ тѣмъ его положеніемъ, что въ Польшѣ бѣглецы изъ Великороссіи съ распростертыми объятіями принимались землевладѣльцами, въ собственныхъ интересахъ предоставлявшими имъ разныя льготы, въ томъ числѣ и свободу вѣроисповѣданія; а приводимое авторомъ *единственное* доказательство въ пользу означеннаго мнѣнія отнюдь не имѣетъ того значенія, какое онъ желаетъ ему придать. Вотъ это свидѣтельство. Раскольникъ Захаръ Григорьевъ въ 1762 году въ Стародубской полковой канцеляріи разсказывалъ, что *его дѣдъ* попъ Михайло былъ выходецъ изъ Великороссіи и состоялъ священникомъ *при православной церкви* въ селѣ Колодовѣ, находившейся во владѣніяхъ шляхтича Радзивилла. Здѣсь онъ священнодѣйствовалъ по свою смерть. Затѣмъ на означенное мѣсто опредѣленъ былъ сынъ умершаго Михайлы, Григорій (отецъ Захара), «который былъ православнымъ попомъ до тѣхъ поръ, пока оная церковь на унѣятскую превращена. А по превращеніи оной въ уніатскую, оной отецъ его Григорій поповалъ Гомельскаго уѣзда въ слободѣ раскольничей Спасовой по раскольничьему». Полагаемъ, что свидѣтельство это подтвержденіемъ мнѣнію автора служить не можетъ. Колодовская церковь отобрана была отъ *православныхъ западно-руссцевъ* очевидно, какъ принадлежавшая владѣльцу имѣнія (*патрону*), считавшему ее, по обычаю, *своею собственностію*,—отобрана по проискамъ латино-уніатской партіи вслѣдствіе тѣхъ неблагопріятныхъ для православія условій, въ какихъ находилось оно за разсматриваемое время въ западно-русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ. Пользоваться подобнымъ фактомъ (потому только, что дѣдъ попа Григорія былъ уроженецъ великороссійскій) для иллюстраціи отношеній польскихъ землевладѣльцевъ къ селившимся на ихъ земляхъ православнымъ великороссіянамъ,—нерезонно.

ихъ «державцевъ». Но видны въ Стародубьѣ и такіе зажиточные раскольники, которые скупали казачьи грунты и пользовались даже, повидимому, казачьими правами.

Бѣгство великороссійскихъ людей въ Малороссію вызывало со стороны Московскаго правительства постоянныя напоминанія, требованія и даже угрозы, чтобы такіе бѣглецы не принимались, а обратно высылались въ Московское государство. Но обыкновенно на такія требованія мало обращалось вниманія. Малороссійскіе державцы смотрѣли на раскольниковъ (и вообще на перебѣжчиковъ къ нимъ) какъ на выгодныхъ поселенцевъ, удобныхъ колонизаторовъ ихъ пустопорожнихъ земель, не обращая особеннаго вниманія, или, правильнѣе, просто игнорируя ихъ разномысліе въ дѣлахъ вѣры съ господствующею церковію. И такъ смотрѣли на нихъ не только свѣтскіе державцы, а и духовные. Но такое отношеніе къ новымъ поселенцамъ мѣстныхъ державцевъ вызывало недовольство со стороны старыхъ насельниковъ, земельныя права которыхъ естественно ограничъвались вновь осажаемыми слободами. На этой почвѣ экономическихъ отношеній залагались въ Малороссіи первоначальныя отношенія къ раскольникамъ со стороны разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія.

Не смотря на предупредительность, съ какою принимались въ Стародубскихъ предѣлахъ старообрядцы, ихъ положеніе въ церковномъ отношеніи за разсматриваемое время (до царствованія Екатерины II) *было нелегальное*. Въ Малороссіи раскольники-слобожане не могли открыто и на законномъ основаніи исповѣдовать свою вѣру, имѣть своихъ поповъ, устраивать церкви и монастыри, скиты и пустыни, и если они дѣлали это, то благодаря молчаливому согласію и бездѣйствію мѣстныхъ властей и державцевъ, въ собственномъ интересѣ имъ потворствовавшихъ.—Несравненно бо́льшею свободою въ религіозномъ отношеніи пользовались старообрядцы, поселившіеся въ Польшѣ. Польскіе паны не только разрѣшали раскольникамъ строить церкви и монастыри, но даже принимали участіе въ раскольничьихъ спорахъ съ цѣлію водворенія мира между разномыслящими, созывая для сего соборы (точнѣе, давая на это позволеніе). Существуютъ даже въ раскольничьихъ источникахъ извѣстіе, что положеніе старообрядцевъ въ Польшѣ было обставлено формально легальными условіями и со стороны государства.—Различіе въ условіяхъ поселенія раскольниковъ за польскимъ рубежемъ и въ сѣверной Малороссіи сильно отразилось на числѣ поселенцевъ тамъ и здѣсь. Сводомъ имѣющихся данныхъ объ этомъ и заканчивается разсматриваемая глава.

Значительное пособіе о трактуемомъ предметѣ авторъ имѣлъ въ трудахъ предшественниковъ, особенно г. Лазаревскаго, но увеличилъ количество относящагося къ дѣлу матеріала и собственными архивными разъисканіями. Сведенный въ одно цѣлое матеріалъ этотъ обслѣдованъ авторомъ удовлетворительно и въ общемъ представленіе по затронутымъ вопросамъ получается достаточно ясное.

Мы ограничимся однимъ небольшимъ замѣчаніемъ. На стр. 122 и слѣд. г. Лилеевъ говоритъ, что свобода въ религіозномъ отношеніи предоставлялась польскими панами только селившимся въ ихъ помѣстьяхъ бѣглецамъ-раскольникамъ, но не простиралась на православныхъ великороссовъ, *которые были сильно преслѣдуемы за свою вѣру, что и побуждало ихъ обращаться въ расколъ*. Это утвержденіе автора не гармонируетъ съ тѣмъ его положеніемъ, что въ Польшѣ бѣглецы изъ Великороссіи съ распростертыми объятіями принимались землевладѣльцами, въ собственныхъ интересахъ предоставлявшими имъ разныя льготы, въ томъ числѣ и свободу вѣроисповѣданія; а приводимое авторомъ *единственное* доказательство въ пользу означеннаго мнѣнія отнюдь не имѣетъ того значенія, какое онъ желаетъ ему придать. Вотъ это свидѣтельство. Раскольникъ Захаръ Григорьевъ въ 1762 году въ Стародубской полковой канцеляріи разсказывалъ, что *его дѣдъ* попъ Михайло былъ выходецъ изъ Великороссіи и состоялъ священникомъ *при православной церкви* въ селѣ Колодовѣ, находившейся во владѣніяхъ шляхтича Радзивилла. Здѣсь онъ священнодѣйствовалъ по свою смерть. Затѣмъ на означенное мѣсто опредѣленъ былъ сынъ умершаго Михайлы, Григорій (отецъ Захара), «который былъ православнымъ попомъ до тѣхъ поръ, пока оная церковь на унѣатскую превращена. А по превращеніи оной въ уніатскую, оной отецъ его Григорій поповалъ Гомельскаго уѣзда въ слободѣ раскольничей Спасовой по раскольничьему». Полагаемъ, что свидѣтельство это подтвержденіемъ мнѣнію автора служить не можетъ. Колодовская церковь отобрана была отъ *православныхъ западно-руссцевъ* очевидно, какъ принадлежавшая владѣльцу имѣнія (*патрону*), считавшему ее, по обычаю, *своею собственностію*,—отобрана по проискамъ латино-уніатской партіи вслѣдствіе тѣхъ неблагопріятныхъ для православія условій, въ какихъ находилось оно за разсматриваемое время въ западно-русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ. Пользоваться подобнымъ фактомъ (потому только, что дѣдъ попа Григорія былъ уроженецъ великороссійскій) для иллюстраціи отношеній польскихъ землевладѣльцевъ къ селившимся на ихъ земляхъ православнымъ великороссіянамъ,—церемонно.

Третья глава посвящена *обзору дѣятельности первыхъ организаторовъ раскола въ Стародубьѣ и на Вѣткѣ.*

Первымъ организаторомъ раскола въ означенныхъ мѣстностяхъ были *попъ Кузьма*, поселеніе котораго въ Стародубьѣ авторъ, какъ мы видѣли, относитъ къ концу 1670-хъ годовъ, и попъ *Стефанъ* изъ *Бѣлева, пришедшій сюда нѣсколько позднѣе*. Впрочемъ, послѣднее замѣчаніе автора требовало бы разъясненія въ виду тѣхъ противорѣчивыхъ выводовъ относительно этого, которые могутъ быть дѣлаемы на основаніи напечатанныхъ имъ документовъ (срав. *Новые матер.* стр. 44—46 съ 60, 73—74). Свѣдѣнія объ этихъ насадителяхъ раскола весьма скудны, но не подлежитъ сомнѣнію, что оба они пользовались большимъ вліяніемъ въ старообрядческой средѣ. Вновь открытыя авторомъ данныя даютъ ему возможность нѣсколько полнѣе освѣтить если не самую дѣятельность означенныхъ поповъ, то, по крайней мѣрѣ, положеніе раскола въ Стародубьѣ подъ ихъ духовнымъ руководительствомъ. Расколъ къ концу 1670-хъ годовъ настолько уже окрѣпъ въ Стародубьѣ, что у многихъ въ это время явилось церковное смущеніе и именно «клеветы ради раскольничьей» и что «зъ церквей Божіихъ блазнилися» не только поселившіеся здѣсь раскольники, но и многіе «зъ посполитаго народа». Это вызвало повелѣніе «о испытаніи и разсмотрѣніи церковнаго раздора въ Малороссійскихъ городахъ», очевидно, исходившее отъ Московскаго правительства и относимое авторомъ къ концу 1682 или началу 1683 года. Въ виду воздвигнутаго вслѣдствіе этого гоненія на расколъ, хотя едва ли простиравшагося на все старообрядческое населеніе, попы Кузьма и Стефанъ, по общему совѣту съ своими духовными дѣтьми, ушли на житье въ Вѣтку, находившуюся въ польскихъ пограничныхъ предѣлахъ и принадлежавшую пану Халецкому. Съ этого времени Вѣтка пріобрѣтаетъ огромное значеніе въ раскольничьемъ мірѣ и дѣлается организованнымъ училищемъ поповщинскаго раскола; съ этого же времени и исторія стародубскихъ раскольниковъ надолго связывается съ исторіею Вѣтки, именно до устройства Покровскаго раскольничьяго монастыря въ началѣ царствованія Екатерины II, когда Стародубье снова получаетъ значеніе религіознаго центра.

Говоря о Вѣтковской дѣятельности поповъ Кузьмы и Стефана и отмѣчая тотъ фактъ, что они послѣ нѣкоторой совмѣстной жизни отдѣлились другъ отъ друга,—авторъ объясняетъ послѣднее нѣкоторымъ разномысліемъ ихъ по вопросу о попахъ новаго рукоположенія. Общая характеристика означенныхъ «носителей раскола въ Вѣткѣ и Стародубьѣ» сводится къ тому, что въ ихъ дѣятельности не видно ника-

кого противогосударственнаго направленія; всѣ ихъ стремленія, повидимому, направлены были къ тому, чтобы отыскать себѣ безопасное убѣжище отъ преслѣдованій духовныхъ и гражданскихъ властей московскихъ. Понятно, что они, какъ ревнители церковной старины, хотѣли распространить и перенести эту ревность и на своихъ духовныхъ дѣтей и потому, *если это была пропаганда раскола*, то во всякомъ случаѣ она вытекала изъ чисто-религіозной потребности прозелитизма, изъ пониманія своихъ пастырскихъ задачъ и обязанностей, заставлявшихъ оберегать своихъ пасомыхъ, съ ихъ точки зрѣнія, отъ сѣтей врага и никоніанъ (стр. 155). Что касается Кузьмы, то онъ—по мнѣнію автора—принадлежалъ даже къ тѣмъ ревнителямъ церковной старины, которые не отвергли бы священниковъ, поставляемыхъ высшею законною церковною властію, еслибы ихъ оставили при старопечатныхъ книгахъ и старинныхъ церковныхъ обрядахъ (стр. 138). Разумѣется, эти мнѣнія автора слишкомъ смѣлы, а главное не имѣютъ надежныхъ опоръ въ самомъ его изслѣдованіи. Еще болѣе неожиданнымъ является заявленіе автора о третьемъ извѣстномъ попѣ раскольничьей Вѣтки, Іоасафѣ. Авторъ говоритъ, что его «*можно назвать первымъ единовѣрцемъ въ средѣ раскола*» (стр. 169), и это на томъ только основаніи, что онъ посвященъ былъ въ духовный санъ тверскимъ архіереемъ (который, по словамъ Алексѣева, «аще къ новодогматствованію и привлеченъ, обаче древняя лобызаше») *по старымъ книгамъ*. Извѣстно, что для принадлежности *къ единовѣрію* требуется нѣчто и иное, болѣе существенное, о чемъ Іосафъ вовсе не заботился. При этомъ черномъ попѣ, ученикѣ извѣстнаго расколоучителя Іова Тимофеева, и по его инщіативѣ, стала устроаться на Вѣткѣ первая церковь и, кажется, собираться иночествующая братія. Но наибольшаго возвышенія и процвѣтанія, значенія настоящаго духовнаго центра всего поповщинскаго раскола, достигла Вѣтка при преемникѣ Іоасафа, *Ѳеодосіи*, по фамиліи—какъ добавляетъ авторъ—*Ворыпинъ*. Обзору жизни и дѣятельности этого знаменитаго Вѣтковскаго попа и посвящается остальная, бо́льшая часть разсматриваемой главы.

Ѳеодосій пользовался великимъ уваженіемъ и авторитетомъ во всей почти тогдашней поповщинѣ и этимъ обязанъ какъ личному своему характеру и умѣнью пользоваться обстоятельствами, такъ и самымъ обстоятельствамъ своей жизни, связавшимъ его со многими выдающимися раскольничьими дѣятелями; притомъ онъ былъ изъ числа немногихъ уже въ то время поповъ не только крещенія, но и *поставленія древняго* (рукоположенъ былъ московскимъ патріархомъ Іосифомъ). Изъ обстоятельнаго очерка жизни Ѳеодосія, составленнаго

г. Лилеевымъ, видно, что онъ явился въ Вѣтку, окруженный уже славою ревнителя и насадителя правовѣрія (т. е. раскола), а вмѣстѣ съ тѣмъ и страдальца за оное. По прибытіи своемъ сюда онъ первѣе всего расширилъ устроенную Іосафомъ церковь, затѣмъ торжественно освятилъ ее на древнемъ антиминсѣ, устроилъ при ней обители—мужскую и женскую, открылъ мощи «тихаго и благоувѣтнаго Іосифа» и, разумѣется, озаботился составленіемъ соотвѣтствующей службы новоявленному святому; наконецъ, удовлетворяя насущной нуждѣ, сварилъ и *муро*. Благодаря всему сказанному, Вѣтка въ поповщинѣ пріобрѣла выдающійся авторитетъ: самый Керженецъ—старѣйшее гнѣздо раскола—склонился передъ ней. Въ качествѣ главы Вѣтковской церкви Ѳеодосій разсылалъ благословеніе и «изготовляемое имъ причастіе» по всѣмъ поповщинскимъ общинамъ, принималъ бѣглыхъ отъ господствующей церкви поповъ, исправлялъ ихъ по раскольничьи и разсылалъ затѣмъ по разнымъ мѣстамъ. Дѣятельное участіе принималъ Ѳеодосій и въ возникавшихъ между старообрядцами спорахъ по разнымъ вопросамъ, стараясь прекратить ихъ своимъ авторитетнымъ словомъ. Сообщая данныя относительно этого, авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на впервые изданномъ имъ памятникѣ, гдѣ описывается «преніе старца Ѳеодосія съ Тимоѳеемъ Лысенинымъ и его единомышленниками о честномъ и животворящемъ крестѣ Господнѣмъ»,—причемъ въ старцѣ Ѳеодосіи видитъ знаменитаго Вѣтковскаго попа, а самое преніе, происходившее въ 1709 году, пріурочиваетъ къ Вѣткѣ.

Разсматриваемая глава составлена въ общемъ весьма обстоятельно, хотя автору и слѣдовало бы точнѣе уяснить вопросъ, почему въ Стародубьѣ и на Вѣткѣ расколъ утвердился подъ видомъ бѣглопоповщины, а безпоповщина, тоже пріютившаяся здѣсь, не могла пустить прочныхъ корней.—Встрѣчаются и фактическіе погрѣшности и недосмотры. Такъ, ошибочно авторъ старца Ѳеодосія (*Ворыпина*), имѣвшаго преніе съ Лысенинымъ, отождествляетъ съ Вѣтковскимъ попомъ Ѳеодосіемъ: *это были различныя лица*, и самое преніе происходило *не на Вѣткѣ, а въ Керженцѣ*. Независимо отъ данныхъ, заключающихся въ описаніи самаго пренія, данныхъ косвенныхъ, прямое указаніе относительно этого можно видѣть въ приводимой авторомъ же на стр. 169 выдержкѣ изъ рукописи Хлудовской библіотеки № 341. Это недосмотръ крупный и обидный, хотя, разумѣется, выводовъ автора о дѣятельности Вѣтковскаго Ѳеодосія (имѣющаго и впредь оставаться *неизвѣстнымъ* по фамиліи) не ниспровергающій.

На стр. 179 авторъ приводитъ довольно большую выдержку изъ челобитной къ царю Алексѣю Михайловичу извѣстной въ исторіи раскола

игуменьи Маремьяны, причемъ время составленія челобитной относитъ *къ 1669 году*, а Маремьяну считаетъ занимавшею въ то время мѣсто *настоятельницы Козельского Вознесенскаго монастыря* (въ Калугѣ). Очевидно автору осталась неизвѣстною обширная статья Игнатія Зинченко, помѣщенная въ *Православномъ Обозрѣніи* за 1884 г. (т. II, стр. 45—130) и посвященная обзору жизни и дѣятельности означенной игуменьи. Изъ этой статьи, всецѣло основанной на документальныхъ данныхъ, видно, что *Маремьяна Викулична Пальчикова*, бывшая игуменьею до 1659 г. въ Болоховѣ, въ 1660 г. призвана была на игуменство въ Москву, въ знаменитый *Вознесенскій дѣвичъ монастырь* (въ Кремлѣ), гдѣ настоятельствовала до 1666 г. включительно. Предъ удаленіемъ изъ Москвы (въ Болохово, къ родной сестрѣ игуменьѣ Еленѣ Пальчиковой) ей и подана была царю Алексѣю Михайловичу означенная знаменитая челобитная. Была игуменьею Маремьяна и въ Калугѣ, въ Дѣвичьемъ монастырѣ, но уже позже,—именно, избрана была въ 1672 г., а утверждена только въ 1675 г.

На стр. 153 авторъ говоритъ, что «Питиримъ *еще въ 1715 году*, т. е. *за 20 лѣтъ* до такъ называемой первой Вѣтковской выгонки, предлагалъ разорить раскольничьи поселенія за польскимъ рубежомъ и въ особенности совѣтовалъ уничтожить устроенную раскольниками церковь на Вѣткѣ (цитата: *Есиповъ, Г. В. Раскольничьи дѣла XVIII в. Спб. 1863 г., т. II, 220*). Въ своемъ *Доношеніи о раскольникахъ*, поданномъ императору Петру I *въ 1718 году*, онъ писалъ: «въ Польшу на Вѣтку, въ державу пана Халецкаго, множество выѣхало, и еще туды же собираются, понеже тамо у нихъ поставлена самочиніемъ церковь, и отъ нея на всѣхъ согласія Діаконова принимаютъ тайны, и всеконечно надлежитъ ихъ тамо разорить и ложную ихъ церковь не отлагая,—велія будетъ въ томъ польза,—понеже бѣжать будетъ не куды» (цитата: *Чт. въ Общ. Истор. и Древ. Рос. 1860, IV. Смѣсь, стр. 283*). Изложеніе автора и ссылка его на разные источники даютъ такое представленіе, что рѣчь идетъ *о двухъ доношеніяхъ* Питирима къ императору о разореніи Вѣтки, причемъ второе *воспослѣдовало спустя три года* послѣ перваго. Но на самомъ дѣлѣ въ указанныхъ авторомъ источникахъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же доношеніи, только у Есипова приводится оное въ собственномъ пересказѣ, съ удержаніемъ немногихъ выраженій подлинника, а въ *Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей*—въ подлинникѣ; притомъ доношеніе относится *къ 1718 году* именно г. *Есиповымъ*, а въ *Чтеніяхъ* подлинникъ напечатанъ вовсе безъ означенія даты, что̀ издателемъ и отмѣчается.

Кстати замѣтимъ здѣсь, что мы не раздѣляемъ мнѣнія автора о томъ, якобы *въ 1654 году* состоялся соборъ приверженцевъ старины по поводу споровъ о крещеніи и перекрещиваніи никоніанъ (стр. 135—136). Извѣстіе объ этомъ соборѣ исходитъ изъ старообрядческой среды и признается преосв. Макаріемъ *неразумною выдумкою* (Исторія рус. раскола, изд. 3, стр. 274, примѣч. 445). Авторъ находитъ возможнымъ, слѣдуя въ данномъ случаѣ за г. Дружининымъ (*Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.*, стр. 74, примѣч. 35), отстаивать бытность собора, объясняя дѣло такъ, что соборъ происходилъ не въ Керженской обители, какъ значится въ *сказаніи о страданіяхъ и кончинѣ Павла Коломенскаго*, съ обозначеніемъ лицъ, присутствовавшихъ на соборѣ,—каковое сказаніе и имѣлъ въ виду преосв. Макарій,—а *въ Москвѣ*, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ житіе инока Корнилія съ опущеніемъ упоминаемыхъ въ сказаніи лицъ, хронологическая невозможность присутствія которыхъ на соборѣ и послужила для преосв. Макарія основаніемъ отрицать его существованіе. Не вдаваясь здѣсь въ разсужденія о томъ, что мнимые соборы старообрядцами измышлялись (это доказано) и почему именно они пріурочивались къ началу церковно-богослужебныхъ исправленій, предпринятыхъ Никономъ,—мы затрудняемся согласиться съ авторомъ уже потому, что мало допустимы еще *въ 1654 году*, т. е. при *самомъ возникновеніи раскола*, разсужденія, да еще соборныя, *о перекрещиваніи* никоніанъ или о дозволеніи міранамъ крестить *при затрудненіяхъ найти попа стараго рукоположенія....*

Въ *четвертой главѣ* трактуется *о Вѣткѣ и Стародубьѣ послѣ смерти попа Ѳеодосія до первой Вѣтковской выгонки (1711—1735 г.).*

Разсматриваемый періодъ въ исторіи Вѣтки былъ временемъ наибольшаго распространенія ея вліянія. Въ лѣтописи Вѣтковской церкви (рукопись, принадлежащая автору) приводится довольно длинный перечень вѣтковскихъ духовныхъ руководителей и учителей, тѣмъ не менѣе даже онъ не отличается особенною полнотою, и автору при своемъ изложеніи событій не разъ приходится его восполнять. Болѣе извѣстными вѣтковскими дѣятелями разсматриваемаго періода были: Іовъ Тимоѳеевъ, Рыльскій уроженецъ, Власій Борисовъ, уроженецъ Тверской губерніи, старцы Леонтій и Мордарій, бѣглый попъ Іоакимъ въ постриженіи Іаковъ, и друг. Въ это время къ Вѣткѣ, какъ своему религіозному центру, примкнули и другіе старообрядческіе скиты и слободы, находившіеся за польскимъ рубежемъ.—Авторъ старается первѣе всего выяснить *хозяйственное* и *воспитательное* значеніе старообрядческихъ монастырей, и преимущественно Вѣтковскаго, для мѣстныхъ

слобожанъ. Старообрядческіе скитники были хорошими организаторами хозяйственной стороны своей жизни: вырубали лѣса, обработывали пашни, заводили многочисленный скотъ, строили мельницы, занимались огородничествомъ, садоводствомъ, пчеловодствомъ и даже вели иногда обширную торговлю. Кромѣ того, въ Вѣткѣ сильно развито было иконописаніе, а также и нѣкоторыя другія искусства и ремесла. Все это служило важнымъ источникомъ доходовъ, хотя богатствомъ своимъ Вѣтка обязана была въ значительной степени тѣмъ щедрымъ приношеніямъ, которыя стекались сюда съ разныхъ сторонъ.—Тѣ же монастыри и скиты были и центрами старообрядческаго просвѣщенія и грамотности, а также хранилищами старописьменнаго слова. Жившіе здѣсь старцы обучали по кельямъ дѣтей обоего пола, и иногда и взрослыхъ азбукѣ, часослову, псалтири, держась въ своей учебной и воспитательной практикѣ старинныхъ пріемовъ обученія и старинной дисциплины. Благодаря этому грамотность и письменность между зарубежными и стародубскими слобожанами были довольно распространены, даже между женщинами.—Изъ скитовъ выходили люди съ твердыми старообрядческими убѣжденіями, энергическіе проповѣдники и насадители раскола въ разныхъ краяхъ обширнаго нашего отечества, готовые пріять смерть за старую вѣру. Авторъ подкрѣпляетъ свое положеніе многими примѣрами, какъ этого «крѣпкостоятельства» за религіозныя убѣжденія, такъ и успѣшности старообрядческой пропаганды вѣтковцевъ, простиравшейся даже до Сибири, причемъ знакомитъ—какъ онъ выражается—и съ «несложною Вѣтковскою догматикою». Изъ вѣтковскихъ пропагандистовъ раскола г. Лилеевъ обращаетъ особенное вниманіе на чернаго попа Леонтія, котораго онъ отождествляетъ съ Московскимъ священникомъ Іоанномъ Лукьяновымъ, авторомъ извѣстныхъ паломническихъ записокъ (Путешествіе во Св. Землю).

Что касается до Стародубья, то оно въ разсматриваемое время находилось подъ сильнымъ вліяніемъ Вѣтковскихъ учителей.

Торговыя и въ особенности религіозныя сношенія Стародубья съ Вѣткою были постоянныя. Главными и особенно выдающимися духовными руководителями были здѣсь присланные изъ Вѣтки и исправленные тамъ попы Борисъ и Димитрій, но по документамъ извѣстно нѣсколько и другихъ раскольничьихъ поповъ, можетъ быть только временно жившихъ въ Стародубьѣ. Были въ этотъ періодъ у Стародубцевъ и общественныя часовни—въ Воронкахъ, Зыбкоѣ, Климовой, Еленкѣ, Свяцкой и другихъ слободахъ; были и свои скиты и даже монастыри.—Всѣ эти данныя расходятся съ установившимся въ литературѣ мнѣні-

емъ, будто Стародубскіе раскольники до первой Вѣтковской выгонки коснѣли въ религіозномъ невѣжествѣ и (по словамъ П. И. Мельникова) такъ одичали, что болѣе походили на какихъ то грубыхъ инородцевъ, чѣмъ на русскихъ людей, хотя бы и старообрядцевъ.

Глава заканчивается общею характеристикою стародубскихъ раскольниковъ въ религіозно-нравственномъ, умственномъ и общественномъ отношеніяхъ. Авторъ находитъ, что подобная характеристика, сдѣланная протоіереемъ Журавлевымъ, отличается крайнею односторонностію и «по всей вѣроятности есть только полемическій пріемъ во вкусѣ противораскольничьей полемики». Впрочемъ, г. Лилеевъ считаетъ эту характеристику близкою къ истинѣ по отношенію къ *безпоповцамъ*, изъ среды которыхъ вышелъ самъ Журавлевъ, и мрачную картину старообрядческой жизни снявшій именно съ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ.

Относительно этой главы, мы находимъ нужнымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

1) Однимъ изъ выдающихся явленій въ исторіи Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола за разсматриваемое время было исканіе представителями здѣшнихъ старообрядческихъ общинъ архіерейства. Этотъ яркій фактъ вообще въ исторіи всего русскаго раскола, прекрасно характеризующій не только религіозную, но и бытовую его стороны, почти совершенно обойденъ авторомъ. Свѣдѣнія объ этомъ сообщаются имъ краткія и только мимоходомъ. Это большой пробѣлъ, который автору необходимо восполнить въ слѣдующемъ томѣ своего изслѣдованія,—что онъ, кажется, (ст. 314) и намѣренъ сдѣлать (очевидно, когда будетъ говорить объ единовѣріи).

2) Что безпоповцы, какъ наиболѣе уклонившіеся отъ православія и отрицавшіе бракъ, заслуживаютъ худшаго отзыва въ нравственномъ отношеніи, нежели поповцы, съ этимъ должно согласиться. Тѣмъ не менѣе автору слѣдовало бы свой *общій* приговоръ по этому вопросу мотивировать главнымъ образомъ указаніемъ не на вѣроисповѣдныя отступленія, а другими данными. Правда, и послѣднія у него приводятся какъ для характеристики нравственности безпоповцевъ, такъ и вообще старообрядцевъ, но не всѣ они имѣютъ неоспоримое значеніе, во-первыхъ, потому, что заимствуются изъ одностороннихъ источниковъ (судебныхъ дѣлъ съ *пристрастіями*, сатирическаго произведенія), а во-вторыхъ, потому, что факты, касающіеся *вообще слобожанъ стародубскихъ* (между которыми дѣйствительно не мало было преступнаго люда: извѣстно, что сюда нерѣдко бѣжали *висѣльники*), авторомъ прилагаются именно къ старообрядцамъ.—Затѣмъ авторъ склоненъ ду-

мать, что безпоповцы и въ умственномъ (образовательномъ) отношеніи стояли ниже поповцевъ. Съ этимъ уже окончательно согласиться нельзя. Наиболѣе поповцевъ уклонившись отъ православной церкви, между тѣмъ считая себя *правовѣрующими*, безпоповцы должны были употребить и наиболѣе усилій, чтобы оправдать свои существенныя отступленія отъ господствующей церкви. Это обстоятельство требовало не только основательнаго знакомства съ литературными памятниками древности (что мы видимъ и у поповцевъ), но и значительной софистики. Отсюда сочиненія безпоповцевъ изобилуютъ иногда аргументами, обнаруживающими значительную умственную виртуозность, а въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда имъ приходилось отстаивать дѣло правое, даже *немалую научность*. Авторъ думаетъ, что впервые *научно* заподозрѣно дѣйствительное существованіе Соборнаго дѣянія на Мартина еретика Карамзинымъ, а довольно подробно разбирается и мотивируется его подложность въ книгѣ В. М. К.: *Историческія изслѣдованія, служащія къ оправданію старообрядцевъ*; но обстоятельное и, смѣло можно сказать, *научное* констатированіе подлога означеннаго *Дѣянія* сдѣлано было еще *въ первой половинѣ прошлаго столѣтія безпоповцемъ Денисовымъ*. Разумѣется, Денисовъ почти исключительное явленіе въ старообрядческомъ мірѣ. Но величины, хотя и не столь крупныя, въ безпоповщинѣ все-таки встрѣчаются, и встрѣчаются чаще, чѣмъ въ поповщинѣ. Самъ авторъ признаетъ безпоповца Алексѣева, подвизавшагося въ Стародубьѣ, «умнымъ и книгоначитаннымъ» (349); а изъ лѣтописи Вѣтковской церкви видно, что послѣ его смерти нашлись: «скорописныя двѣ реторики Лихудіевы и діалектика, *да грамматика его сочиненія*».

3) Авторъ—какъ мы видѣли—склоненъ думать, что вѣтковскій черный попъ *Леонтій* и извѣстный авторъ «Путешествія въ Св. Землю» московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ одно и то же лицо. Данными для такого предположенія служатъ: во-первыхъ, то, что Путешествіе въ нѣкоторыхъ спискахъ приписывается старцу *Леонтію*,—обстоятельство заставляющее предполагать, что священникъ Іоаннъ впослѣдствіи принялъ это имя при постриженіи въ монашество; во-вторыхъ, что вѣтковскій Леонтій имѣлъ близкія связи съ калужанами, а изъ означеннаго «Путешествія» видно, что родиною Іоанна Лукьянова, въ монашествѣ Леонтія, была именно Калуга.

Разумѣется такое отождествленіе Лукьянова съ вѣтковскимъ Леонтіемъ есть не болѣе, какъ предположеніе. Мы съ своей стороны замѣтимъ только, что и *самую принадлежность къ расколу Лукьянова* (а это считается уже фактомъ) не слѣдуетъ ли отнести только *къ*

области предположеній?... Изъ грамоты, полученной Лукьяновымъ для паломничества въ Іерусалимъ говорится, что она дается *Московскаю государства жителю, церкви Покрова Пресвятыя Богородицы священнику Іоанну Лукьянову*, т. е. безспорно оффиціально православному священнику. Обращаемся къ самымъ путевымъ запискамъ Лукьянова. Встрѣчаемся ли мы здѣсь съ такими воззрѣніями и отзывами путешественника, которые свидѣтельствуютъ объ его принадлежности къ православію (и трудно могутъ быть иначе объяснены) и съ такими, которые могли принадлежать *только раскольнику?*—Укажемъ на нѣкоторыя мѣста въ «Путешествіи», благопріятствующія мнѣнію о православіи Лукьянова. «И стали (греки) говорить (Лукьянову): для чего де вашъ царь вѣру нѣмецкую на Москвѣ завелъ и платье нѣмецкое? и для чего де царицу постригъ въ монастырь? И я имъ сказалъ: что вѣдь у васъ вѣстей-то въ Царѣградѣ много, кто вамъ приноситъ! у насъ на Москвѣ нѣмецкой вѣры нѣтъ: *у насъ вѣра христіанская, а платье у насъ московское, и царица не пострижена...* Ваши, греки, бывши на Москвѣ-то, да здѣ пріѣхавши, *врутъ невидницу, чего отнюдь нѣтъ*. Вправду ихъ государь не велѣлъ къ Москвѣ пущать: малые, молъ, греки нашему государю доброхоты. А что вы говорите, что мы за него, государя, Богу молимъ,—и въ томъ вы неправду сказываете: молите вы Бога за царя, а не вѣмъ за турскаго, не вѣмъ за московскаго? Глухо еще молится попъ вашъ, въ ектеніи говоритъ: *за царя нашего*; такъ явно стало: за турскаго,—для того, что тотъ вашъ царь, а не за нашего. А вы въ томъ льститеся! какъ бы такъ-то: *за благовѣрнаго царя нашего — это бы на дѣло походило*» (Рус. Арх., годъ I, изд. 2, столб. 202—203)... При описаніи своихъ похожденій въ Іерусалимѣ Лукьяновъ рѣзко отдѣляетъ *грековъ* отъ людей другихъ вѣръ еретическихъ (ibid. 271). Говоря о схожденіи огня въ придѣлѣ гроба Господня, нашъ паломникъ *съ настойчивостью* доказываетъ, что сходитъ онъ «по вѣрѣ грековъ». «Токмо кандило греческое загорается, а иныхъ вѣръ кандило не загорается» (ibid. 274). «И обносится та молва въ христіанскихъ церквахъ (говоритъ Лукьяновъ), *паче же въ нашей*, что будто огнь съ небеси не сходитъ, и *то не право говорятъ;* аще бы огнь не сходилъ, то почто грекамъ отдавать? (т. е. предоставлять имъ служеніе при гробѣ Господнемъ въ великую субботу), а они люди убогіе, а еретическія вѣры армяне, французы богаты зѣло: они за такую добрую славу вельми турку много бы дали казны, кабы турокъ пропустилъ такую славу, что *по ихъ вѣрѣ огнь сходитъ, да нельзя*. Однова турки попытались такъ сдѣлать, да не далось такъ, впредь ихъ не обманутъ французы или армяне; ...и за то они за не-

правую свою вѣру дань платять передъ греками вдвое» (ibid. 274). Естественно, является недоумѣніе, возможны ли такія воззрѣнія и разсужденія со стороны раскольника, да еще *закоренѣлаго раскольника*, какъ называетъ Лукьянова въ одномъ мѣстѣ (стр. 254) г. Лилеевъ?

Утверждая о принадлежности Лукьянова къ расколу, обыкновенно указываютъ на его рѣзкіе отзывы о грекахъ (пожалуй, болѣе рѣзкіе, чѣмъ въ Проскинитаріи Арсенія Суханова) и обличеніе ихъ въ отступленіи отъ благочестія. Такіе отзывы и обличенія, дѣйствительно, въ запискахъ нашего паломника многочисленны; но—по нашему мнѣнію—всѣ они такого характера, что легко могли быть сдѣланы не старообрядцемъ только, но и православнымъ древне-русскимъ человѣкомъ, а тѣмъ болѣе священникомъ. Неблагопріятныя для грековъ наблюденія Лукьянова, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ его Путешествія, сгруппированы имъ въ отдѣльномъ трактатѣ, подъ заглавіемъ: *о несогласіи греческомъ съ восточною церковью* (ibid. 214 и слѣд.). Но именно это подведеніе *всѣхъ итоговъ* неблагочестія грековъ и можетъ служить доказательствомъ того, что авторъ не былъ закоренѣлымъ раскольникомъ. Здѣсь нѣтъ рѣчи ни о хожденіи по-солонь, ни о двоеніи аллилуія, ни объ измѣненіяхъ въ Символѣ Вѣры и т. п. Все дѣло сводится или къ неблагочинію церковному (простолюдины и бабы ходятъ сквозь царскія врата въ алтарь), или къ обрядовымъ опущеніямъ (часовъ передъ обѣднею не поютъ), или къ церковнымъ нестроеніямъ (патріархъ церкви въ откупъ отдаетъ), или большею частію къ тѣмъ обычаямъ и порядкамъ общественной жизни, которые могли возбуждать удивленіе и даже негодованіе древне-русскаго человѣка безъ отношенія къ тому, былъ ли онъ раскольникъ или православный (гадины, ползающія въ водѣ, ѣдятъ; патріархъ и митрополиты табакъ пьютъ и во грѣхъ того не ставятъ; усы подбриваютъ и т. п.). Отмѣченный, какъ несогласіе съ восточною церковію, фактъ: «греки въ крещеніи обливаются», разумѣется, могъ и даже неизбѣжно долженъ былъ быть отмѣченъ и православнымъ великороссійскимъ священникомъ (у Лукьянова по отношенію къ грекамъ онъ обобщенъ). Вообще, Лукьяновъ недоволенъ греками, считаетъ ихъ и слѣда не имѣющими *благочестія*, недалекими, вслѣдствіе турецкаго насилія, отъ соединенія съ папежниками, словомъ, не столь благочестивыми, какъ своихъ соотечественниковъ, но нигдѣ не называетъ ихъ *еретиками*. (Ср. такіе же отзывы въ запискѣ Суханова «О чинахъ греческихъ вкратцѣ», ч. II, в. 1-й изслѣдованія С. А. Бѣлокурова).

Какъ на самое сильнѣйшее доказательство принадлежности Лукьянова къ расколу обыкновенно указываютъ на то мѣсто въ его Пу-

тешествіи, гдѣ онъ выставляетъ себя рьянымъ приверженцемъ двоеперстія (разумѣется посѣщеніе Лукьяновымъ кіевскихъ пещеръ). Но слѣдуетъ замѣтить, что въ началѣ XVIII столѣтія очень не мало было въ числѣ православныхъ такихъ лицъ, которыя, *чуждаясь раскола*, тѣмъ не менѣе глубоко были убѣждены въ истинности двоеперстія. Чтобы далеко не ходить за примѣрами, сошлемся на книгу г. Лилеева, гдѣ приведено нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ сказанное нами. «Многіе приверженцы двоеперстія—говоритъ нашъ авторъ (стр. 227)—не признавали себя раскольниками. Крестьянинъ Максимовъ (въ 1725 г.) называлъ ворами и измѣнниками тѣхъ, кто считаетъ ихъ, крестящихся двумя перстами, раскольниками... Онъ, Максимъ, крестится двумя перстами, *но не раскольникъ*, ибо дѣлаетъ такъ по преданію св. отецъ; *въ церковь ходить, исповѣдоваться и причащаться желаетъ*, да попы того не допускаютъ *за истинное крестное знаменіе*».

Въ *пятой главѣ* авторъ говоритъ *о первой Вѣтковской выгонкѣ, ея послѣдствіяхъ и дальнѣйшей судьбѣ Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола до переселенія столицы старовѣрства въ Стародубье* (1736—1765 гг.).

Эмиграціонное движеніе раскольниковъ въ зарубежные польскіе предѣлы, нанося экономическій ущербъ интересамъ русскаго государства, уже въ царствованіе Петра Великаго обращало на себя серьезное вниманіе правительства; но тогда не было принято рѣшительныхъ мѣръ противъ означенныхъ бѣглецовъ. Такія мѣры впервые съ настойчивостію предпринимаются русскимъ правительствомъ при Аннѣ Іоанновнѣ. Послѣ неоднократныхъ приглашеній зарубежныхъ раскольниковъ возвратиться въ отечество, хотя и не совершенно безрезультатныхъ, но все-таки далеко не достигавшихъ цѣли, русское правительство рѣшилось осуществить давнишнюю мечту архіепископа Питирима—разорить главное гнѣздо раскола въ Польшѣ—Вѣтку и, при посредствѣ военной силы, возвратить бѣжавшихъ сюда старообрядцевъ, что въ 1735 году и приведено было въ исполненіе. Объ этой первой Вѣтковской выгонкѣ въ литературѣ установились такія мнѣнія: во-первыхъ, что число возвращенныхъ въ это время въ Россію старообрядцевъ простиралось до 40,000 или даже до 60,000; во вторыхъ, что большинство ихъ размѣщено было въ предѣлахъ стародубскихъ и, наконецъ, въ-третьихъ, что послѣднее обстоятельство способствовало возвышенію Стародубья, какъ религіознаго раскольничьяго поповщинскаго центра. Авторъ считаетъ означенныя мнѣнія несогласными съ документальными данными и на основаніи послѣднихъ констатируетъ,

что полковникомъ Сытинымъ, разорявшимъ Вѣтку, выведено было оттуда только 13,274 человѣка того и другаго пола, и что только незначительная часть ихъ (нѣсколько сотъ) поселена была въ Стародубьѣ, остальные же разосланы были «по внутреннимъ областямъ государства», — причемъ, насколько возможно, обстоятельно говоритъ какъ о самыхъ мѣстахъ, куда отправляемы были старообрядцы, такъ и объ условіяхъ, коими обставлялось ихъ водвореніе здѣсь. Что касается дѣйствительныхъ фактовъ, такъ или иначе обрисовывающихъ религіозно-церковное положеніе стародубскихъ слобожанъ послѣ Вѣтковской выгонки, во второй половинѣ царствованія Анны Іоанновны и потомъ въ ближайшее царствованіе Елизаветы Петровны, то это положеніе измѣнилось не къ лучшему—какъ доселѣ обыкновенно думали,—а къ худшему сравнительно съ прежнимъ временемъ. Зависѣло это, главнымъ образомъ, отъ того, что на стародубскихъ раскольниковъ, *преимущественно поповцевъ*, распространены было тѣ стѣсненія, которымъ подверглись выведенные съ Вѣтки раскольники. Особенно тяжкому преслѣдованію подвергались въ это время раскольничьи попы, наставники и учители, такъ что у слобожанъ явилась «великая нужда въ духовности». Но извѣстно, говоритъ авторъ, что религіозными преслѣдованіями скорѣе достигается противоположная цѣль, нежели та, которая имѣется въ виду, потому что такими преслѣдованіями возбуждается ревность проповѣдниковъ и послѣдователей гонимой вѣры. Такъ было и въ данномъ случаѣ. И въ Стародубьѣ преслѣдованіе слободскихъ раскольниковъ, поповцевъ по преимуществу, «процскиваніе» ихъ бѣглыхъ поповъ, повлекло за собою не соединеніе ихъ съ православною церковію, а усиленіе и распространеніе худшаго вида раскола—безпоповщины, слѣды которой видны въ Стародубьѣ еще въ концѣ XVII столѣтія, но не болѣе, какъ слѣды. Вѣтковская выгонка не достигла своей ближайшей цѣли: лѣтъ черезъ пять это излюбленное старообрядцами мѣсто уже опять настолько было заселено и возстановлено, что представлялось въ первоначальномъ своемъ видѣ, какъ относительно внѣшняго и внутренняго своего устройства, такъ и по количеству своихъ насельниковъ. Основнымъ ядромъ новыхъ поселенцевъ были тѣ раскольники, черпцы и міряне, которые были захвачены Сытинымъ и которымъ вскорѣ удалось бѣжать изъ Великороссіи. Эти бѣглецы, «яко гоненіе претерпѣвшіе», пользовались у своихъ единовѣрцевъ особеннымъ почетомъ и «великое подаяніе и милостыню» собирали для своей Вѣтки. Съ возрожденіемъ послѣдней въ матеріальномъ отношеніи, она опять вскорѣ пріобрѣтаетъ значеніе религіознаго центра въ поповщинѣ и широко распространяетъ свое вліяніе на самыя отдаленныя мѣстности.

Сообщеніемъ историческихъ данныхъ относительно этого въ связи съ изложеніемъ событій, совершавшихся въ сосѣднемъ съ Вѣткою Стародубьѣ, насколько они касались раскола, и заканчивается разсматриваемая глава, принадлежащая къ числу лучшихъ въ сочиненіи, какъ по обилію собраннаго авторомъ матеріала, такъ и по новому освѣщенію нѣкоторыхъ сторонъ Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола за разсматриваемое время.

Въ *шестой главѣ* авторъ трактуетъ *о діаконовщинѣ на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ въ первой и началѣ второй половины XVIII в.* Діаконовскій толкъ появился первоначально на Керженцѣ, но скоро, еще при жизни извѣстнаго вѣтковскаго попа Ѳеодосія, началъ проникать въ Вѣтковскія и Стародубскія слободы. Указавъ на сущность и главныя особенности означеннаго толка и обозначивъ пункты, раздѣлявшіе, а также и сближавшіе вѣтковцевъ съ діаконовцами, авторъ «обращается къ исторіи» послѣднихъ въ изучаемыхъ имъ мѣстностяхъ. Эта исторія въ сущности была исторіею споровъ между представителями діаконовскаго толка съ Вѣтковцами и касалась тѣхъ пунктовъ церковной практики, которые раздѣляли эти два толка тогдашней поповщины. Споры эти оставили широкій слѣдъ въ мѣстной старообрядческой литературѣ прошлаго вѣка; съ ними на основаніи первоисточниковъ, исходящихъ изъ обоихъ лагерей, авторъ подробно и знакомитъ читателей, причемъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на жизни и дѣятельности попа Патрикія, какъ бывшаго однимъ изъ главныхъ представителей діаконовскаго толка за разсматриваемое время и пользовавшагося громаднымъ вліяніемъ не только среди мѣстныхъ слобожанъ-раскольниковъ (конечно, главнымъ образомъ, своего толка), но и далеко за предѣлами Вѣтки и Стародубья.—Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о такъ называемомъ *Сусловомъ согласіи*, находившемся въ ближайшей связи съ Діаконовщиною въ Стародубьѣ, авторъ оканчиваетъ главу общею характеристикою послѣдней, не чуждою, впрочемъ, односторонности.

Въ общемъ разсматриваемая глава составлена обстоятельно, можетъ быть даже съ излишнимъ привнесеніемъ выдержекъ изъ сырого матеріала. Нѣкоторыя, допущенныя авторомъ въ началѣ ея, неточности объясняются указаннымъ уже нами отождествленіемъ личности вѣтковскаго попа Ѳеодосія со старцемъ Ѳеодосіемъ Ворыпинымъ и перенесеніемъ пренія, бывшаго у послѣдняго съ Лысенинымъ въ Керженцѣ, на Вѣтку.

Въ послѣдней, *седьмой главѣ* идетъ рѣчь *объ управленіи и правительственныхъ мѣропріятіяхъ относительно Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольниковъ до временъ Екатерины II.*

«Историческій очеркъ» по данному вопросу авторъ раздѣляетъ на два, рѣзко различающіеся между собою, періода, гранью для которыхъ служатъ 1715—1716 годы. Въ первомъ періодѣ слободскіе раскольники непосредственно были подчинены мѣстной малороссійской власти: находились въ полной зависимости отъ владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ жили, и подлежали суду державцевъ и мѣстныхъ урядовъ. Въ данномъ случаѣ они не отличались отъ такъ называемаго поспольства, т. е., мѣщанъ и крестьянъ разныхъ наименованій. Объ этомъ періодѣ авторъ говоритъ кратко, какъ вслѣдствіе скудости данныхъ, такъ и однохарактерности,—какъ онъ выражается,—залагавшихся тогда между державцами и насельниками ихъ земель отношеній. На первыхъ порахъ ближайшимъ начальствомъ раскольниковъ и вообще новыхъ поселенцевъ былъ *осадчій* той слободы, гдѣ они поселялись: завѣдуя всѣмъ дѣломъ первоначальнаго устроенія послѣдней, онъ служилъ прямымъ посредникомъ со стороны слобожанъ для сношеній съ владѣльцами помѣстій, отъ которыхъ исходили тѣ или иныя распоряженія. Тамъ, гдѣ раскольники жили совмѣстно съ коренными жителями Малороссіи, они управлялись наравнѣ съ мѣстнымъ поспольствомъ, у котораго ближайшимъ начальствомъ былъ сельскій войтъ. Слобожане, жившіе на монастырскихъ земляхъ, управлялись и судились, такъ называемыми, *городничими* изъ монаховъ, которые пользовались огромною и почти безконтрольною властію надъ монастырскими подданными.—Изъ правительственныхъ мѣропріятій этого періода авторъ отмѣчаетъ указъ Софьи Алексѣевны, о которомъ упоминаетъ Иванъ Алексѣевъ, и тѣ гоненія на стародубскихъ раскольниковъ при гетманѣ Самойловичѣ, о которыхъ подробно говорится во 2-й главѣ изслѣдованія.

Съ 1715 года въ правовомъ положеніи Стародубскихъ и Черниговскихъ старообрядцевъ воспослѣдовала рѣзкая перемѣна: указомъ Петра Великаго они изъяты были изъ подчиненія малорусскому начальству и освобождены отъ обязательныхъ посполитыхъ отношеній къ державцамъ, лишившимся при этомъ и тѣхъ земель, на которыхъ раньше такъ заботливо насаждали расколъ. Органомъ мѣстнаго управленія надъ раскольничьими слободами сдѣлано было волостное правленіе государевыхъ малороссійскихъ раскольничьихъ слободъ, подчиненное на первыхъ порахъ, чрезъ посредство стародубскаго коменданта, Кіевской губернской канцеляріи. Этотъ новый порядокъ управленія

раскольничьими слободами подвергался въ литературѣ разнообразнымъ толкованіямъ. Авторъ извѣстной *Исторіи Руссовъ* высказываетъ мнѣніе, что означенный порядокъ устроенъ былъ изъ мести и злобы князя Меньшикова на гетмана Скоропадскаго, а также вслѣдствіе жалобы представителей малороссійской старшины Петру I на огромные земельные захваты означеннаго гетмана въ Печенчинѣ. Протоіерей I. Журавлевъ означенную перемѣну въ управленіи стародубскихъ раскольниковъ ставитъ въ связь съ услугами, якобы оказанными послѣдними государству во время шведской войны. Г. Лазаревскій высказываетъ предположеніе, что малороссійскіе слободскіе раскольники устройствомъ своего новаго положенія больше всего обязаны были небезкорыстной услугѣ полковника Ергольскаго. Авторъ критически относится ко всѣмъ этимъ мнѣніямъ и приходитъ къ тому заключенію, что въ данномъ случаѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ кіевскій генералъ-губернаторъ, князь Голицынъ. Соглашаясь съ разсужденіями и доводами автора по данному вопросу, мы замѣтимъ однако, что они не находятся въ противорѣчіи и съ предположеніемъ г. Лазаревскаго. Самъ авторъ заявляетъ, что князь Голицынъ представилъ дѣло о стародубскихъ и черниговскихъ раскольникахъ на благоусмотрѣніе государя на *основаніи данныхъ, добытыхъ Ергольскимъ*, и не отрицаетъ взяточничества со стороны послѣдняго, какъ дѣла въ то время обыкновеннаго. — Новое правовое положеніе, въ какое поставлены были стародубскіе и черниговскіе старообрядцы, было на столько прочно и устойчиво, что всѣ ходатайства, заявленныя въ разсматриваемый періодъ прежними державцами «о возвращеніи раскольщиковъ» въ подданство или отобраніи отъ нихъ заселенныхъ земель, не имѣли успѣха (за исключеніемъ, впрочемъ, ходатайства Кіево-Печерской лавры). Это новое правовое положеніе, въ извѣстной мѣрѣ, условливало собою и дальнѣйшій ходъ правительственныхъ мѣропріятій относительно стародубскихъ раскольниковъ, хотя они и не всегда отличались одинаковой мягкостью. При губернаторствѣ князя Голицына и его ближайшихъ преемникахъ малороссійскимъ старообрядцамъ жилось въ общемъ хорошо: они пользовались даже покровительствомъ со стороны мѣстнаго начальства. Но съ 1728 года, по возстановленіи гетманства при Петрѣ II, положеніе ихъ значительно измѣнилось къ худшему. Новоизбранный гетманъ Даніилъ Апостолъ просилъ даже правительство о высылкѣ старообрядцевъ изъ Малороссіи, и хотя ходатайство это не было уважено, тѣмъ не менѣе они были значительно стѣснены: изъяты изъ вѣдѣнія кіевской губернской канцеляріи и подчинены вновь образовавшейся при гетманѣ канцеляріи министерскаго правленія мало-

россійскихъ дѣлъ и высшей ея инстанціи—коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вѣдавшей дѣла малороссійскія при гетманскомъ управленіи послѣдняго періода. Эта перемѣна въ управленіи слободскихъ раскольниковъ сопровождалась для нихъ тяжелыми послѣдствіями, усилившимися послѣ первой вѣтковской выгонки, когда на стародубскихъ раскольниковъ распространены были тѣ строгости, которымъ подвергались выведенные съ Вѣтки раскольники.—Новый поворотъ правительства къ стародубскимъ старообрядцамъ относится къ царствованію Елисаветы Петровны, когда съ 1750 года ихъ дѣлами опять стала завѣдывать кіевская губернская канцелярія, и когда къ порубежнымъ раскольникамъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ соображеній практическаго свойства, рѣшено было относиться снисходительнѣе. Общее заключеніе, которое можно вывести изъ тщательно составленнаго авторомъ историческаго очерка по данному вопросу сводится къ тому, что, несмотря на выпадавшія на долю стародубскихъ и черниговскихъ старообрядцевъ невзгоды и затрудненія, имъ жилось значительно вольготнѣе, чѣмъ раскольникамъ внутреннихъ великороссійскихъ губерній.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе разсматриваемаго сочиненія, о которомъ, не смотря на нѣкоторыя допущенныя въ немъ погрѣшности и недосмотры, мы должны отозваться съ *рѣшительною похвалою.* Трудъ автора основанъ, главнымъ образомъ, на первоисточникахъ, изъ коихъ многіе дѣлаются достояніемъ науки, благодаря архивнымъ розысканіямъ самаго автора. Какъ вооруженный новыми данными трудъ этотъ восполняетъ немало пробѣловъ въ недостаточно разработанной исторіи Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола, исправляетъ много неточностей и ошибочныхъ мнѣній, встрѣчающихся у прежнихъ изслѣдователей, освѣщаетъ нѣкоторые извѣстные факты съ совершенно новыхъ сторонъ, словомъ,—какъ мы выразились въ началѣ рецензіи—представляетъ собою дальнѣйшее поступательное движеніе въ разработкѣ изслѣдуемаго предмета.

Мы полагаемъ, что многолѣтній трудъ автора, составляющій столь полезный вкладъ въ нашу историческую литературу, увѣнчанія преміею имени Г. Ѳ. Карпова заслуживаетъ.

С. Голубевъ.

2.—О состоящей при Императорскомъ обществѣ любителей древней письменности преміи А. М. Кожевникова „за ученую разработку и изданіе памятниковъ славянорусской письменности".

Правила о присужденіи преміи имени А. М. Кожевникова при Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности. (Утверждены г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 18 мая 1895 года).

1) На проценты съ капитала въ десять тысячъ семьсотъ пятьдесятъ руб. мет.,[1] оставленнаго Императорскому Обществу любителей древней письменности по духовному завѣщанію потомственнаго почетнаго гражданина дѣйствительнаго студента Александра Митрофановича Кожевникова, учреждается премія имени А. М. Кожевникова.

2) Согласно волѣ завѣщателя, размѣръ этой преміи, считая 4% годовыхъ, за вычетомъ расходовъ по храненію и затратъ при замѣнѣ вышедшихъ въ тиражъ погашенія билетовъ новыми билетами того же достоинства, не долженъ превышать четырехъ сотъ тридцати руб. мет.

3) Премія эта, согласно волѣ завѣщателя, выдается «за ученую разработку и изданіе небольшихъ, но замѣчательныхъ по древности и характеристичности, рѣдкихъ памятниковъ славяно-русской письменности», напечатанныхъ въ изданіяхъ Общества, или предназначаемыхъ къ печатачію въ тѣхъ же изданіяхъ.

4) Для присужденія преміи образуется особая Коммиссія изъ членовъ Комитета Общества и трехъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ составу Общества, по приглашенію Комитета.

5) Коммиссія по присужденію преміи собирается за два мѣсяца до годового собранія Общества.

6) Составленный въ означенной коммиссіи отчетъ о присужденіи преміи читается въ годовомъ собраніи Общества.

7) Въ случаѣ неприсужденія преміи въ какомъ либо году годовые проценты съ капитала, завѣщаннаго А. М. Кожевниковымъ, могутъ быть употребляемы на расходы по печатанію памятниковъ, признанныхъ заслуживающими преміи.

---

[1] Означенный капиталъ заключается въ трехъ листахъ 4% облигацій 2-й серіи консолид. займа россійскихъ желѣзныхъ дорогъ по 3125 р. мет., въ одномъ листѣ въ 1250 руб. мет. и одномъ листѣ въ 125 руб. мет.

Протоколы засѣданій Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1896 и 1897 годы.

1896 годъ.

406-е засѣданіе 27 января.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 27 января 1896 года подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Общества В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, А. Н. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, П. А. Лаврова, М. К. Любавскаго, Н. В. Никитина, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, В. И. Холмогорова, В. А. Уляницкаго, В. О. Эйнгорна и Членовъ-Соревнователей: С. М. Сироткина, В. Н. Сторожева и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Орловской ученой архивной Коммиссіи отъ 11 ноября сего года за № 106 съ препровожденіемъ втораго выпуска «Трудовъ» своихъ за 1895 годъ.

2) Директора Ново-Александрійскаго Института Сельскаго Хозяйства и лѣсоводства отъ 5 января сего года за № 57 съ благодарностію за высылку въ прошломъ году «Чтеній» въ студенческую библіотеку и съ просьбой о высылкѣ ихъ и въ нынѣшнемъ году. Опредѣлено: высылать.

3) Студентовъ С.-Петербургской духовной Академіи съ благодарностію за высылку въ прошломъ году «Чтеній» и съ просьбой о высылкѣ ихъ и въ настоящемъ году. Опредѣлено: высылать.

4) Управляющаго дѣлами Комитета Сибирской желѣзной дороги отъ 3 января сего года за № 2 съ выраженіемъ искренней признательности за принесеніе въ даръ Читинской библіотекѣ изданій Общества.

5) Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 11 января сего года за № 430 съ препровожденіемъ талона къ ассигновкѣ за № 10

на полученіе изъ Московскаго Губернскаго Казначейства пяти тысячъ рублей, ассигнованныхъ на содержаніе Общества въ текущемъ 1896 году.

6) Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ отъ 17 января сего года за № 56 съ увѣдомленіемъ, что по вскрытіи пакета Общества, полученнаго въ Академіи Наукъ 1 декабря 1895 г. за № 847, въ немъ не оказалось списковъ сказаній о Максимѣ грекѣ, которые возвращались Академіи по принадлежности. Секретарь Общества заявилъ, что означенные списки отправлены 1 декабря отдѣльно отъ отношенія Общества особой посылкой за № 850 и что по полученіи сего отношенія Непремѣннаго Секретаря имъ сдѣланъ въ Почтамтъ запросъ: куда отослана означенная посылка за № 850.

7) Управленія Императорской Публичной Библіотеки отъ 23 января и 5 февраля за №№ 155 и 234 о полученіи Библіотекой возвращенныхъ Обществомъ 11 рукописей, содержащихъ сказанія о Максимѣ грекѣ и принадлежащихъ Библіотекѣ.

8) Члена-Соревнователя В. Н. Сторожева съ препровожденіемъ для Библіотеки Общества 3 новыхъ своихъ работъ. Предсѣдатель Общества принесъ отъ имени Общества благодарность присутствовавшему въ засѣданіи автору за доставленіе ихъ.

9) Московскаго Архива Министерства Юстиціи отъ 18 января сего года за № 10 съ увѣдомленіемъ о полученіи плана части г. Москвы XVII вѣка, хранящагося въ столбцѣ Московскаго стола за № 482.

10) Книжнаго магазина М. М. Лидерле съ предложеніемъ своихъ услугъ по продажѣ изданій Общества. Опредѣлено: выслать 5—10 экземпляровъ каталога продающихся въ Обществѣ книгъ.

11) Редакціи Кіевскихъ «Университетскихъ Извѣстій» съ предложеніемъ взаимнаго обмѣна изданій. Опредѣлено: обмѣниваться.

12) Письмо С. Шумакова о помѣщеніи въ «Чтеніяхъ» обзора Углицкихъ актовъ Коллегіи Экономіи. Опредѣлено: напечатать.

13) Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 23 января сего года за № 1626 съ сообщеніемъ, что Государь Императоръ въ 26-й день октября 1895 года Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать за отлично усердную и ревностную службу служителя Общества, отставнаго унтеръ-офицера Василія Гаврилова серебряною медалью съ надписью «за усердіе» для ношенія на шеѣ на Станиславской лентѣ. Опредѣлено: препровожденную при семъ отношеніи медаль выдать по принадлежности, а слѣдуемыя за пожалованіе ея деньги 7 руб. 50 к. уплатить изъ суммъ Общества.

14) Дѣйствительный Членъ В. О. Ключевскій, какъ Предсѣдатель

особой, избранной Обществомъ, Коммиссіи, представилъ на обсужденіе Общества выработанный Коммиссіей планъ исторической записки къ столѣтію существованія Общества. Опредѣлено: разослать означенный планъ всѣмъ Членамъ Общества и просить ихъ представить свои отзывы о немъ къ 15 апрѣля сего года.

15) Секретарь заявилъ, что Императорскому Русскому Географическому Обществу, по случаю празднованія 50-лѣтія со дня его основанія, отправлена отъ имени Общества привѣтственная телеграмма. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

16) По доведеніи до свѣдѣнія Общества Секретаремъ и Предсѣдателемъ его о послѣдовавшихъ кончинахъ Дѣйствительныхъ Членовъ: А. И. Тимоѳеева († декабря 1895 г.), В. А. Дашкова († 9 января 1896 г.) и графа М. В. Толстого († 23 января 1896 г.) Общество почтило память ихъ вставаніемъ.

17) Дѣйствительными Членами: В. О. Ключевскимъ, С. А. Бѣлокуровымъ и Е. В. Барсовымъ предложены къ избранію въ Члены-Соревнователи: а) Сергѣй Александровичъ Шумаковъ и б) Петръ Васильевичъ Синицынъ. Опредѣлено: произвести избраніе ихъ закрытой баллотировкой въ слѣдующемъ засѣданіи.

18) Послѣдовавшею затѣмъ закрытою баллотировкою избранъ единогласно въ Дѣйствительные Члены Общества предложенный въ предшествовавшемъ засѣданіи Членъ-Соревнователь С. О. Долговъ.

II. Сдѣланы сообщенія: а) Дѣйствительнымъ Членомъ В. О. Эйнгорномъ: «Заказъ Московскаго правительства Кіево-Печерской типографіи въ 1669 году». Какъ видно изъ Записныхъ книгъ Московскаго печатнаго Двора вслѣдствіе все увеличивавшагося спроса на книги Московская типографія была въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. завалена работой. Поэтому не только не удалась попытка Лазаря Барановича напечатать въ Москвѣ «Трубы словесъ проповѣдныхъ», но Московское правительство рѣшило даже дать типографіи Кіево-Печерской лавры заказъ на исполненіе типографской работы и предложило архимандриту Кіево-Печерскаго монастыря Иннокентію Гизелю напечатать въ лаврской типографіи двѣ книги: «Бесѣды на Дѣянія Апостольскія» и «Бесѣды на Посланія». Но кіевляне подъ разными предлогами отклонили отъ себя печатаніе книгъ для Москвы, а предложили Московскому правительству пріобрѣсти въ книжномъ складѣ Печерской лавры залежавшіеся экземпляры лаврскаго изданія «Бесѣдъ». Хотя Гизель предлагалъ купить у него книги въ казну «дешевою цѣною», однако правительство Московское не согласилось на это, разрѣшивъ, впрочемъ, продавать книги въ Москвѣ по вольной цѣнѣ; проектъ же пе-

чатать для Москвы книги въ Печерской типографіи подъ надзоромъ московскихъ чиновниковъ оказался въ 1669 году неосуществленнымъ.

По поводу сообщенныхъ референтомъ свѣдѣній о размѣрѣ платы «типографскимъ художнымъ мастерамъ» въ 1669 г. въ Москвѣ и Кіевѣ сдѣлали замѣчанія В. О. Ключевскій и Д. И. Иловайскій, причемъ В. О. Ключевскій сдѣлалъ также замѣчанія о стараніяхъ кіевлянъ распространять въ Москвѣ въ XVII в. свои изданія.

б) Членомъ-Соревнователемъ С. М. Сироткинымъ сдѣланъ докладъ: «Къ исторіи канонизаціи въ Русской церкви».—Изложивши свѣдѣнія, какія имѣются въ лѣтописяхъ, родословной книгѣ и житіи благовѣрнаго князя Θеодора Ростиславича Чернаго о князѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, его матери княгинѣ Анастасіи и бабкѣ княгинѣ Ксеніи—Ярославскихъ, референтъ передалъ содержаніе слѣдственнаго дѣла объ ихъ чудесахъ и мощахъ, произведеннаго въ 1692 году по порученію патріарха Адріана. Документъ этотъ состоитъ: 1) изъ прошенія ярославскихъ посадскихъ людей къ Іоасафу митрополиту ростовскому и ярославскому о разсмотрѣніи чудесъ отъ новоявленныхъ чудотворцевъ; 2) изъ ряда записей о совершившихся отъ гробовъ князя и княгинь чудесахъ съ подписями тѣхъ лицъ, надъ которыми они совершились и въ 3) самаго слѣдственнаго акта, въ которомъ слѣдователь записалъ, какъ чествовались предполагаемые святые духовенствомъ и народомъ, и подвергъ своей критикѣ вопросъ объ ихъ святости. Разбирая показанія лицъ, давшихъ свои записки о случившихся съ ними чудотвореніяхъ, референтъ указывалъ, что, несмотря на ихъ документальную форму, показанія эти вовсе не очень точны по содержанію и допускаютъ иное представленіе о дѣлѣ, чѣмъ даютъ сами. Съ другой стороны, судя по необычайному чину чествованія усопшихъ князя и княгинь, мѣстное духовенство практически было, повидимому, заинтересовано въ дѣлѣ ихъ канонизаціи. Наконецъ, критика слѣдователя и отказъ въ канонизаціи со стороны высшей церковной власти объясняются, по мнѣнію референта, помимо внутренней несостоятельности самаго дѣла, усилившейся въ Русской церкви съ половины XVII в. строгостію по отношенію къ канонизаціи святыхъ вообще.

407-е засѣданіе 24 февраля.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 24 февраля сего 1896 г. подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Общества В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, С. О. Долгова, А. Н. Зерцалова, М. К. Любавскаго, А. А. Мартынова, А. А.

Майкова, Н. Н. Оглоблина, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Г. А. Воскресенскаго, Н. О. Каптерева, Членовъ-Соревнователей: Н. И. Аммона, В. Н. Сторожева и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола предыдущаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Предсѣдателя Московскаго Биржевого Комитета отъ 21 января сего года за № 41 съ препровожденіемъ для библіотеки Общества изданій: а) Общественные приговоры тт. III и V, б) Актовыя книги Москвы XVIII стол., т. III и в) Указатели къ тт. II и III.

2) Виленской Коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ отъ 9 февраля сего года за № 48 съ препровожденіемъ въ даръ Обществу XXII тома Актовъ и Описанія рукописнаго отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки», вып. I.

3) П. И. Щукина 3 книги, содержащія описаніе основаннаго имъ Музея.

По § 1—3 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

4) Правителя Дѣлъ Троицко-Савско-Кяхтинскаго Пріамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества отъ 22 января сего года за № 41 съ препровожденіемъ отчетовъ и протоколовъ отдѣла и съ просьбой о безплатной высылкѣ изданій Общества за прежніе годы для библіотеки Отдѣла. Опредѣлено: выслать «Чтенія» Общества за послѣднія 25-ть лѣтъ.

5) Московскаго Почтамта отъ 11 февраля сего года за № 3332 съ увѣдомленіемъ, что разыскиваемая Обществомъ казенная посылка за № 850, поданная на почту 1 декабря 1895 г. съ адресомъ въ С.-Петербургъ на имя Императорской Академіи Наукъ, какъ по справкѣ оказалось, была получена въ С.-Петербургѣ 3 декабря, а 4 декабря доставлена по назначенію и сдана подъ росписку. Опредѣлено: увѣдомить о семъ г. Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ.

6) Управляющаго дѣлами Комитета Сибирской желѣзной дороги отъ 29 января сего года за № 61 съ выраженіемъ искренней признательности Обществу за пожертвованіе изданій для Читинской библіотеки.

7) Дѣйствительный Членъ С. О. Долговъ принесъ Обществу искреннюю благодарность за избраніе его въ Дѣйствительные Члены.

8) Разрѣшено уплатить по счету Университетской типографіи отъ 4 декабря 1895 г. за 4-ю книгу «Чтеній» 1895 года — 585 руб. 92 коп.

9) Членъ-Соревнователь В. Н. Сторожевъ предложилъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ» собранные имъ матеріалы, касающіеся исторіи Московскаго и Нижегородскаго дворянства. Опредѣлено: помѣстить означенные матеріалы въ «Чтеніяхъ», приступивъ къ набору ихъ, когда представится возможность.

10) Дѣйствительными Членами Общества Е. В. Барсовымъ, В. О. Ключевскимъ и С. А. Бѣлокуровымъ предложенъ къ избранію въ Дѣйствительные Члены Общества—Членъ-Соревнователь протоіерей Григорій Петровичъ Смирновъ-Платоновъ. Опредѣлено: произвести избраніе его закрытой баллотировкой въ слѣдующемъ засѣданіи.

11) Закрытой баллотировкой въ Члены-Соревнователи избраны большинствомъ голосовъ: П. О. Синицынъ и единогласно: С. А. Шумаковъ.

12) За истеченіемъ выборнаго срока произведены были выборы Предсѣдателя Общества. Записками заявлены были кандидатами: В. О. Ключевскій (15 записокъ) и Дѣйствительный Членъ А. А. Майковъ (1 записка). Послѣдовавшею затѣмъ закрытою баллотировкой В. О. Ключевскій единогласно избранъ на второе трехлѣтіе. Опредѣлено: согласно § 21 Устава Общества извѣстить о семъ г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа и просить его представить вновь избраннаго Предсѣдателя на утвержденіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

II. Дѣйствительнымъ Членомъ М. К. Любавскимъ сдѣлано сообщеніе: «Къ исторіи литовско-русскаго сейма».

Въ первоначальной стадіи своего развитія литовскій сеймъ былъ простымъ расширеніемъ великокняжеской думы, или рады. Великіе князья Литовскіе въ важныхъ случаяхъ стали созывать для совѣщанія не только обычныхъ своихъ совѣтниковъ, князей и знатныхъ бояръ, но всѣхъ вообще бояръ, отправлявшихъ разныя должности и владѣвшихъ болѣе или менѣе значительными имѣньями. Такія собранія созывались великими князьями, напр., для обсужденія вопросовъ объ уніи съ Польшею, для принятія и подтвержденія уніи. Такія собранія созывались правящею знатью, остававшеюся безъ государя, для выбора новаго великаго князя. Унія съ Польшею, можно сказать, много способствовала возникновенію такихъ собраній, такъ какъ поставила великому княжеству много вопросовъ государственнаго бытія. Важность рѣшавшихся вопросовъ заставляла привлекать къ обсужденію и рѣшенію ихъ все, что имѣло вѣсъ и значеніе въ государствѣ. Послѣ князей и высшихъ сановниковъ наиболѣе крупною общественною силою былъ военнослужилый классъ, и главнымъ образомъ тотъ слой его, который

по родовымъ связямъ, государственному и имущественному положенію примыкалъ къ правительственной знати. Изъ этого-то слоя преимущественно и привлекались лица къ обсужденію важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Можно сказать, что въ первоначальной стадіи своего развитія литовскій сеймъ былъ проявленіемъ политической дѣятельности болѣе широкаго круга литовско-русской знати, чѣмъ тотъ, изъ котораго выходила обычная великокняжеская рада.

Въ первоначальной стадіи своего развитія литовскій сеймъ не былъ учрежденіемъ съ опредѣленнымъ составомъ персонала, съ опредѣленною политическою компетенціею и не занималъ постояннаго и прочнаго мѣста въ государственномъ управленіи,—словомъ былъ *явленіемъ*, болѣе или менѣе случайнымъ. Сама великокняжеская рада, расширеніемъ которой былъ сеймъ, въ то время не сформировалась еще, какъ учрежденіе, ни въ отношеніи состава, ни въ отношеніи политической компетенціи. Поэтому и сеймъ почти невозможно отдѣлить отъ рады великокняжеской. Литовскій сеймъ, какъ учрежденіе, формировался съ начала XVI в. Къ этому времени великокняжеская рада превратилась уже въ учрежденіе съ опредѣленнымъ составомъ и кругомъ вѣдѣнія, съ опредѣленною политическою компетенціею. Этимъ положено было начало опредѣленію и сейма. Сеймъ теперь уже явственно отличается отъ великокняжеской рады. Постепенно затѣмъ опредѣлился и составъ сейма, и его компетенція, обозначились «станы, сейму належачіе», и дѣла, для которыхъ они стали постоянно созываться. На сеймъ, кромѣ пановъ - рады, — стали созываться княжата, панята, урядники земскіе и дворные и шляхта — рыцарство. Послѣдняя сначала представлялась всѣми, кто пожелалъ прибыть на сеймъ, но затѣмъ введено было правильное представительство. Шляхта стала выбирать пословъ отъ каждаго хоружства (первый случай 1511 г.). Съ 1566 г. послы выбирались отъ каждаго судоваго повѣта на повѣтовыхъ сеймикахъ всею шляхтою безъ различія званій, въ томъ числѣ князьями и панами. Такъ какъ одновременно съ тѣмъ и великокняжеская рада реформировалась въ своемъ составѣ по образцу польскаго сената (вслѣдствіе увеличенія числа воеводъ и каштеляновъ), то можно сказать, что литовскій сеймъ по составу своему значительно приблизился къ польскому. Приблизился онъ къ польскому и по своей компетенціи. Литовскій сеймъ при Сигизмундѣ I созывался для «ухвалы» сбора серебщины (подати на военныя нужды), которая по правиламъ 1457 г. перестала быть постоянною податью и превратилась во временную, сбиравшуюся сначала по постановленію пановъ-рады, а потомъ по постановленію сейма. Кромѣ сбора серебщины на сеймѣ дѣ-

лались постановленія объ оборонѣ земской, т. е. о количествѣ ратниковъ, которыхъ должны были вывести военнослужилые землевладѣльцы съ собою на поле военныхъ дѣйствій. Этотъ обычай возникъ благодаря тому обстоятельству, что правительство рѣшило въ цѣляхъ лучшей организаціи войска мобилизировать владѣльческія «почты» не съ земли, а съ количества крестьянскихъ служебъ или тяголъ, требуя, чтобы эти «почты» были въ уставномъ вооруженіи и на коняхъ уставной цѣны. Такъ какъ это требованіе могло нарушать права шляхты, то шляхтѣ самой предоставлено было постановлять объ оборонѣ земской. Постановленія о сборѣ серебщины и объ оборонѣ земской признаны были правомъ сейма. Съ послѣднихъ лѣтъ правленія Сигизмунда I литовско-русская шляхта, собиравшаяся на сеймахъ, стала подавать просьбы правительству о своихъ нуждахъ, дѣлать различныя указанія на государственные непорядки, добиваться новыхъ правъ и вольностей, новыхъ законовъ. Сеймъ сдѣлался органомъ политическихъ притязаній шляхты, органомъ ея законодательной иниціативы. Само правительство стало прислушиваться къ голосу шляхты, удовлетворять ея просьбы, издавать по ея желанію законы. Наконецъ, по Статуту 1566 г. исправленному и редактированному при участіи шляхты, господарь обязанъ былъ «новыхъ уставъ безъ сейму вального не встановляти». Послѣ этого литовскій сеймъ по своей политической компетенціи близко подошелъ къ польскому и, слѣдовательно, могъ легко слиться съ нимъ. Парламентарная унія 1569 г. была подготовлена внутреннимъ процессомъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, нагляднымъ выраженіемъ котораго является исторія литовскаго сейма.

408 засѣданіе 15 марта (годичное).

Въ годичномъ засѣданіи Общества 15 марта сего года подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Общества В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Р. О. Брандта, С. А. Бѣлокурова, С. О. Долгова, А. Н. Зерцалова, Н. А. Лаврова, М. К. Любавскаго, А. А. Мартынова, А. А. Майкова, Н. В. Никитина, Е. Н. Соколова, М. Н. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. Н. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Членовъ-Соревнователей: Н. Н. Аммона, М. А. Веневитинова, В. Н. Сторожева, Н. Н. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова происходило слѣдующее:

I. Секретарь Общества прочиталъ отчетъ объ ученой дѣятельности Общества въ минувшемъ году, при чемъ отмѣтилъ нѣкоторыя выдающіяся работы, помѣщенныя въ «Чтеніяхъ» Общества за 1895 г.

II. Казначей Общества С. А. Бѣлокуровъ представилъ подробный отчетъ о состояніи суммъ Общества за минувшій годъ, съ 19 марта 1894 г. по 15 марта 1895 г., равно какъ и капиталовъ премій: Г. Ѳ. Карпова и князя Д. В. Голицына. Общество, согласно предложенію Казначея, постановило: выпускать въ теченіе 1895 и 1896 годовъ книжки «Чтеній», размѣромъ каждая около 35 печатныхъ листовъ.

III. Казначей Общества, обративъ вниманіе Общества на то, что въ минувшемъ году совершена была конверсія почти всѣхъ %-ныхъ бумагъ, принадлежащихъ Обществу, на весьма значительную сумму, просилъ Общество поручить кому-либо изъ Членовъ повѣрить отчеты его какъ за минувшій годъ, такъ и за предыдущіе года, со времени принятія имъ на себя обязанностей Казначея, въ виду того, что отчеты его доселѣ ни разу не были провѣрены. Общество постановило удовлетворить просьбу Казначея и назначило Дѣйствительныхъ Членовъ В. И. Холмогорова и Е. И. Соколова для провѣрки отчетовъ Казначея за время съ 1 января 1891 года.

IV. Помощникъ Библіотекаря Общества Е. И. Соколовъ прочиталъ годичный отчетъ по библіотекѣ, при чемъ не только отмѣтилъ болѣе важныя поступленія въ нее за отчетное время книгами, рукописями и документами, но и сообщилъ свѣдѣнія о разобранныхъ и описанныхъ столбцахъ и другихъ документахъ, принадлежащихъ Обществу.

V. По предложенію г. Предсѣдателя Общество принесло благодарность Секретарю, Казначею и Помощнику Библіотекаря за ихъ труды для Общества въ минувшемъ году.

VI. По прочтеніи отчетовъ Предсѣдатель Общества В. О. Ключевскій сдѣлалъ сообщеніе о печатаемыхъ въ «Чтеніяхъ» новыхъ матеріалахъ для исторіи нѣмецкихъ школъ въ Москвѣ, доставленныхъ Дѣйствительными Членами С. А. Бѣлокуровымъ и А. П. Зерцаловымъ.

409 засѣданіе 15 марта (обыкновенное).

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 15 марта сего года подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Общества В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Р. Ѳ. Брандта, С. А Бѣлокурова, С. О. Долгова, А. Н. Зерцалова, П. А. Лаврова, М. К. Любавскаго, А. А. Мартынова, А. А. Майкова, Н. В. Никитина, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Членовъ-Соревнователей: Н. И. Аммона, М. А. Ве-

невитинова, В. Н. Сторожева, И. И. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Орловской ученой архивной Коммисіи отъ 23 февраля сего года за № 22 съ препровожденіемъ третьяго выпуска «Трудовъ» своихъ за 1895 годъ.

2) Ректора Императорскаго Московскаго Университета отъ 1 февраля сего года за № 493 съ препровожденіемъ экземпляра Рѣчи и Отчета, произнесенныхъ въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета 12 января 1895 года.

3) Одесской Городской Публичной Библіотеки отъ 29 февраля с. г. за № 147 съ просьбой о высылкѣ ей безплатно «Чтеній» Общества. Опредѣлено: увѣдомить Библіотеку, что Общество согласно выслать просимыя «Чтенія» съ уступкой 20% противъ объявленной ихъ стоимости, и что безплатно «Чтенія» въ силу предыдущихъ постановленій Общества высланы быть не могутъ.

4) Московскаго книжнаго склада Общества распространенія Св. Писанія въ Россіи отъ 12 марта сего года съ просьбой о безплатномъ помѣщеніи въ «Чтеніяхъ» въ началѣ каждаго мѣсяца каталога изданій, продаваемыхъ Обществомъ распространенія Св. Писанія. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

5) Преподавателя Виѳанской духовной Семинаріи С. Д. Муретова съ предложеніемъ о напечатаніи въ «Чтеніяхъ» Общества: 1) собранныхъ имъ матеріаловъ XII—XIV вв., касающихся исторіи литургіи въ Россіи, и 2) Пѣснопѣній въ стихахъ или одъ, коими въ день тезоименитства (18 ноября) привѣтствовала митрополита Платона Виѳанская Семинарія, - въ виду имѣющаго быть въ 1897 году 100-лѣтняго юбилея послѣдней. Опредѣлено: первые матеріалы напечатать, а вторые просить доставить для предварительнаго просмотра.

6) Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ отъ 27 февраля сего года за № 332 съ увѣдомленіемъ о полученіи въ Академіи «списковъ сказаній о Максимѣ грекѣ».

7) Московскаго Предварительнаго Комитета X Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ отъ 24 февраля сего года за № 339 съ препровожденіемъ 1 вып. «Трудовъ Предварительнаго Комитета» и 5 экземпл. «Правилъ будущаго Съѣзда» и съ просьбой о назначенія на Съѣздъ депутатовъ отъ Общества. Опредѣлено: имѣть сужденіе о назначеніи депутатовъ въ слѣдующемъ засѣданіи.

8) Чешской Академіи Наукъ Франца Іосифа съ препровожденіемъ Обществу бронзовой медали въ память П. І. Шафарика.

9) Ректора Императорскаго Московскаго Университета отъ 11 марта за № 1466 съ просьбой назначить одного изъ Членовъ Общества въ Коммиссію по присужденію преміи С. М. Соловьева представителемъ Общества. Членомъ Коммиссіи отъ Общества въ означенную Коммиссію назначенъ Дѣйствительный Членъ В. А. Уляницкій.

10) Закрытою баллотировкою единогласно избранъ въ Дѣйствительные Члены Общества — Членъ-Соревнователь Протоіерей Г. П. Смирновъ-Платоновъ.

410-е засѣданіе 24 апрѣля (обыкновенное).

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества, 24 апрѣля сего 1896 г., подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, А. Н. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, М. К. Любавскаго, Н. В. Никитина, протоіерея Г. П. Смирнова-Платонова, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Членовъ - Соревнователей: Н. И. Аммона, А. И. Станкевича, В. Н. Сторожева, И. И. Шимко и Секретаря Е. В Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 3 апрѣля сего года за № 6328 съ увѣдомленіемъ объ утвержденіи Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ званіи Предсѣдателя Общества на второе трехлѣтіе Дѣйствительнаго Члена Общества В. О. Ключевскаго, согласно состоявшемуся 24 февраля сего года избранію.

2) Центральнаго Статистическаго Комитета съ препровожденіемъ экземпляровъ новыхъ своихъ изданій: а) Статистика Россійской имперіи XXII, XXXIII—XXXV тт. и б) Библіографическій обзоръ изданій Центральнаго Статистическаго Комитета. Опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

3) Смитсоніанскаго Института отъ 13 апрѣля и Упсальскаго Университета въ Христіаніи отъ 30 мая сего года съ увѣдомленіемъ о полученіи—первымъ 1 кн. за 1894 г., а вторымъ—4 кн. за 1895 г. и 1 кн. 1896 г. «Чтеній» Общества.

4) Письмо къ Предсѣдателю дочери бывшаго Секретаря Общества А. Н. Попова — Е. А. Павловой съ просьбой выдать безплатно тѣ книги Чтеній, въ которыхъ были помѣщены работы покойнаго ея отца. Секретарь заявилъ, что согласно распоряженію г. Предсѣдателя г-жѣ

Павловой выдано 12 книгъ «Чтеній». Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

5) Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 22 марта сего года за № 2088 съ увѣдомленіемъ, что ходатайство Общества о высылкѣ въ С.-Петербургъ въ Императорскую Публичную Библіотеку хранящагося въ Московской Синодальной Библіотекѣ рукописнаго Сборника Московскаго Успенскаго собора за № 4 — Прологъ на 304 л. XII в., для занятій проживающаго въ С.-Петербургѣ Члена названнаго Общества А. Шахматова, — Свят. Синодъ постановилъ отклонить, не найдя возможнымъ подвергать эту цѣнную рукопись разнаго рода случайностямъ при пересылкѣ изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

6) Отзывъ Члена-Соревнователя А. С. Хаханова о присланной въ Общество Грузинской рукописи XVII в., содержащей географію. По разсмотрѣніи оной оказалось, что она представляетъ не самостоятельное какое-либо изслѣдованіе, а буквальный переводъ Краткой политической географіи, изданной на русскомъ языкѣ въ С.-Петербургѣ въ 1745 году. Опредѣлено: возвратить рукопись доставившему ея Ѳ. Д. Жорданія.

7) Предложеніе Почетнаго Члена Общества графа С. Д. Шереметева отъ 12 апрѣля сего года о напечатаніи въ «Чтеніяхъ» нѣкоторыхъ имѣющихся у него документовъ XVII—XVIII вв. Секретарь заявилъ, что г. Предсѣдателемъ Общества своевременно отправлено гр. С. Д. Шереметеву просьба о присылкѣ въ Общество означенныхъ документовъ. Опредѣлено: по доставленіи имѣть сужденіе о помѣщеніи ихъ въ «Чтеніяхъ».

8) Предложеніе И. Ивакина о напечатаніи въ «Чтеніяхъ» его работы: «Мономахъ и его поученіе». Опредѣлено: по доставленіи означеннаго изслѣдованія передать его на разсмотрѣніе Дѣйств. Члену М. И. Соколову и въ случаѣ благопріятнаго его отзыва напечатать въ «Чтеніяхъ».

9) По докладѣ г. Предсѣдателемъ полученныхъ имъ отъ Дѣйствительнаго Члена Общества Д. В. Цвѣтаева писемъ касательно печатанія II тома собранныхъ имъ Памятниковъ къ исторіи протестанства, — Общество постановило увѣдомить г. Цвѣтаева: 1) что къ печатанію сего тома можно будетъ приступить тотчасъ - же, какъ только будетъ доставленъ весь сборникъ въ полномъ составѣ документовъ; 2) что изъ имѣющихся у него документовъ о нѣмецкихъ школахъ въ Чтеніяхъ Общества могутъ быть напечатаны только тѣ, которые не вошли въ сборникъ документовъ о сихъ школахъ, собранныхъ А. Н. Зерца-

ловымъ и С. А. Бѣлокуровымъ, нынѣ законченный печатаніемъ (напеч. стр. 237); 3) что эти невошедшіе въ сборникъ Бѣлокурова и Зерцалова документы могутъ быть напечатаны или во II томѣ Памятниковъ къ исторіи протестантства въ Россіи, или въ сборникѣ документовъ Бѣлокурова и Зерцалова и 4) тотъ или другой способъ изданія сихъ документовъ предоставляется избрать ему Д. В. Цвѣтаеву.

10) Предсѣдатель общества сообщивъ, что на дняхъ исполнилось 50 лѣтъ ученой дѣятельности А. А. Мартынова, состоящаго 46 лѣтъ Членомъ Общества, предложилъ возбудить ходатайство объ увеличеніи получаемой имъ аренды до 2000 рублей въ виду продолжительной и многополезной его дѣятельности. Общество, съ живѣйшимъ участіемъ отнесшись къ сему предложенію, единогласно постановило: просить Попечителя Московскаго Учебнаго Округа ходатайствовать по случаю исполнившагося 50-лѣтія учено-литературной дѣятельности А. А. Мартынова объ увеличеніи получаемой имъ аренды до 2000 рублей.

11) Дѣйствительный Членъ В. И. Холмогоровъ заявилъ, что имъ совмѣстно съ Дѣйствительнымъ Членомъ Е. И. Соколовымъ, согласно постановленію Общества въ минувшемъ засѣданіи, произведена была ревизія какъ суммъ, принадлежащихъ Обществу, такъ и приходо-расходныхъ книгъ, которыя ведетъ Казначей Общества. По изученіи послѣднихъ оказалось, что статьи прихода и расхода вездѣ записаны правильно; на статьи расхода имѣются оправдательные документы; суммы Общества согласно книгамъ всѣ въ полной сохранности: % бумаги хранятся всѣ въ Губернскомъ Казначействѣ и Государственномъ Банкѣ, а наличныя деньги въ Государственной Сберегательной Кассѣ и частію (ок. 100 р.) на рукахъ у Казначея.—Опредѣлено: принести Дѣйствит. Членамъ В. И. Холмогорову и Е. И. Соколову глубокую благодарность за понесенный ими трудъ и согласно просьбѣ Казначея Общества разрѣшить гг. членамъ ревизіонной комиссіи сдѣлать въ приходорасходныхъ книгахъ отмѣтку о результатахъ ревизіи.

12) Общество имѣло сужденіе о назначеніи депутатовъ на предполагаемый въ августѣ мѣсяцѣ сего года въ г. Ригѣ Археологическій Съѣздъ и таковыми избрало Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, Н. В. Никитина и Члена-Соревнователя А. И. Миловидова.

13) На разосланный всѣмъ Членамъ Общества проектъ плана Исторической записки объ Обществѣ ко дню его столѣтняго юбилея, выработанный особою Коммиссіею, съ просьбою сдѣлать замѣчанія какъ относительно постановки общей задачи, такъ и относительно частностей, намѣченныхъ проектомъ, и сообщить о своемъ содѣйствіи по какому-либо отдѣлу программы—получены отзывы Почетныхъ Чле-

новъ Общества: Графа И. Д. Делянова, И. Е. Забѣлина, Дѣйствительныхъ Членовъ Общества: Ю. Ѳ. Крачковскаго, П. А. Безсонова, С. М. Шпилевскаго, Н. А. Лавровскаго, Членовъ-Соревнователей: М. Лилеева и С. А. Шумакова; причемъ заявили принять участіе въ исполненіи плана: а) Ю. Ѳ. Крачковскій—въ составленіи «Обзора содержанія изданій Общества по исторіи Русской церкви»; б) П. А. Безсоновъ по VI отдѣлу въ вопросахъ о «Славянствѣ» и роли въ нихъ О. М. Бодянскаго; в) М. И. Лилеевъ—въ составленіи той или другой работы — по обзору историческаго содержанія изданій Общества; г) С. М. Шпилевскій—по обзору содержанія изданій Общества, касательно «Исторіи русскаго права» и д) С. А. Шумаковъ—въ составленіи введенія и по пунктамъ VI и XI отд.

Выслушавъ и обсудивъ всѣ эти заявленія, Общество постановило: принести глубокую благодарность тѣмъ Членамъ Общества, которые изъявили желаніе принять участіе въ составленіи Исторической записки объ Обществѣ; а окончательное сужденіе касательно программы и исполненія ея имѣть въ осеннемъ засѣданіи.

14) За истеченіемъ выборнаго срока закрытою баллотировкою произведены выборы Библіотекаря и его Помощника. Единогласно были избраны Ю. Д. Филимоновъ—Библіотекаремъ и Е. И. Соколовъ—Помощникомъ Библіотекаря.

15) Разрѣшено уплатить по счету Университетской Типографіи за 1-ю книгу «Чтеній» 1896 года 697 руб. 45 коп.

II Предсѣдателемъ Общества В. О. Ключевскимъ сдѣлано сообщеніе о просвѣтительной дѣятельности Стефана, епископа Пермскаго.

411-е засѣданіе 24 апрѣля (чрезвычайное).

Въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества 24 апрѣля сего 1896 года, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, А. И. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, М. К. Любавскаго, Н. В. Никитина, протоіерея Г. П. Смирнова-Платонова, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Членовъ-Соревнователей: И. И. Аммона, А. И. Станкевича, В. Н. Сторожева, Н. И. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова, происходило слѣдующее:

1) Секретарь прочиталъ отчетъ по 4-му соисканію преміи Г. Ѳ. Карпова, при чемъ привелъ извлеченіе изъ отзывовъ рецензентовъ о представленныхъ сочиненіяхъ.

2) Предсѣдатель Общества объявилъ изслѣдованіе С. А. Бѣлокурова «О библіотекѣ Московскихъ Государей въ XVI столѣтіи»—въ виду научныхъ достоинствъ и заключающихся въ немъ новыхъ матеріаловъ, указанныхъ рецензіею М. И. Соколова, — увѣнчаннымъ преміей Г. Ѳ. Карпова; рецензентовъ же представленныхъ сочиненій проф. Д. А. Корсакова и М. И. Соколова, по вниманію къ ихъ трудамъ, выдающимся тщательностію критическаго разбора и строго-научными пріемами, удостоенными установленныхъ золотыхъ медалей.

3) Дѣйствительный Членъ Общества С. А. Бѣлокуровъ принесъ глубокую благодарность Обществу за лестный знакъ вниманія Общества къ его труду.

4) Согласно предложенію Предсѣдателя Общества постановлено: по примѣру прежнихъ лѣтъ о результатахъ 4-го соисканія преміи Г. Ѳ. Карпова сообщить ея учредительницѣ Аннѣ Тимоѳеевнѣ Карповой.

412-е засѣданіе 26 сентября.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 26 сентября сего года, подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя В. О. Ключевскаго, въ присутствіи гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: А. Н. Зерцалова, М. К. Любавскаго, П. В. Никитина, протоіерея Г. П. Смирнова-Платонова, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Члена-Соревнователя В. Н. Сторожева и Секретаря Общества Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола предыдущаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Отношеніе Директора Императорской Публичной Библіотеки отъ 5 августа сего года за № 1059 съ препровожденіемъ «Отчета Императорской Публичной Библіотеки за 1893 годъ».

2) Орловской ученой архивной Коммиссіи отъ 3 мая и 9 августа 1896 г. за №№ 83 и 111 съ препровожденіемъ I вып. «Трудовъ» за 1896 г. и Историческихъ очерковъ Орловскаго Введенскаго дѣвичьяго монастыря.

3) Предсѣдателя Московскаго Биржевого Комитета отъ 25 іюня сего года, за № 60, съ препровожденіемъ «Указателя къ III тому Актовыхъ книгъ».

4) Историческаго Общества Нестора лѣтописца съ препровожденіемъ X книги своихъ «Чтеній».

По § 1—4 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

5) Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко, отъ 15 іюля сего года, за № 1059, съ препровожденіемъ XV кн. «Извѣстій» Института въ обмѣнъ на «Чтенія».

6) Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Общества при томъ-же Институтѣ съ препровожденіемъ I т. Сборника своихъ Трудовъ и съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями. Опредѣлено: выслать изданія, которыя имѣются въ достаточномъ количествѣ и впредь высылать «Чтенія» Общества.

7) Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи отъ 4 іюня сего года за № 97 съ препровожденіемъ Отчета о дѣятельности Коммиссіи за 1896 г. и съ просьбой о высылкѣ изданій Общества за 1895 г., а равно и о дальнѣйшемъ продолженія обмѣна изданіями.

8) Кимрской Общественной Библіотеки - Читальни отъ 27 іюня сего года съ просьбой о высылкѣ безплатно въ Библіотеку - Читальни «Чтеній» Общества. Опредѣлено: выслать вышедшія книги за сей годъ.

9) Троицко-Савско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества отъ 25 мая и 3 іюня сего года за №№ 179 и 203 съ выраженіемъ благодарности за пожертвованіе «Чтеній» Общества 1870—1886 и 1890—1896 гг.

10) Смитсоніанскаго Института съ увѣдомленіемъ о полученіи «Чтеній» Общества кн. 175 и 176.

11) Упсальскаго Университета съ увѣдомленіемъ о полученіи «Чтеній» Общества 1896 г. кн. 2-я.

12) Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 8 іюня сего года № 11613 о доставленіи ему формулярнаго списка Дѣйствит. Члена Общества А. А. Мартынова. Секретарь Общества заявилъ, что означенный формуляръ своевременно былъ доставленъ г. Попечителю.

13) Дѣйствительнаго Члена Общества Д. В. Цвѣтаева относительно печатанія въ «Чтеніяхъ» II тома собранныхъ имъ Памятниковъ къ исторіи протестантства въ Россіи. По обсужденіи сихъ писемъ опредѣлено: отложить рѣшеніе до слѣдующаго засѣданія.

14) Редакціи Адресъ-Справочника гор. Москвы отъ 3 августа сего года за № 304 съ просьбой прислать свѣдѣнія о составѣ Общества. Своевременно было доставлено.

15) Предварительнаго Комитета по Рижскому Археологическому Съѣзду отъ 7 іюня сего года за № 1000 съ просьбой поспѣшить назначеніемъ депутатовъ на Рижскій Съѣздъ. Секретарь Общества заявилъ, что согласно постановленію Общества въ минувшемъ засѣданіи

депутатами Общества назначены были: Дѣйствительные Члены С. А. Бѣлокуровъ, Н. В. Никитинъ и Членъ-Соревнователь А. Н. Миловидовъ.

16) Э. В. Винклера о желаніи его быть Членомъ Общества и съ просьбой прислать Уставъ Общества. Секретарь заявилъ, что Уставъ своевременно былъ доставленъ г. Винклеру.

17) Заявленіе художника живописи Н. Н. Попова о желаніи его вступить въ число Членовъ Общества и съ просьбой выслать ему Уставъ Общества. Своевременно былъ доставленъ.

18) Его же прошеніе о принятіи его въ Число Членовъ-Соревнователей Общества. Опредѣлено: просить г. Попова прислать въ Общество на разсмотрѣніе свои работы.

19) Профессора Кіевской духовной Академіи Н. И. Петрова о II выпускѣ составленнаго имъ «Описанія рукописныхъ собраній, находящихся въ гор. Кіевѣ». Секретарь заявилъ, что г. Петрову, по полученіи сего письма, было отправлено увѣдомленіе, что печатаніе II выпуска его работы приближается къ концу.

20) Письмо Дѣйствит. Члена Общества Н. А. Голышева на имя г. Предсѣдателя съ выраженіемъ благодарности за полученную 3 кн. «Чтеній» за 1896 г. и съ просьбой о возвращеніи ему его рукописи о Вл. Пав. Безобразовѣ.

21) Письмо Петра Андреевича Муравьева съ препровожденіемъ въ даръ Обществу 3-хъ документовъ для присоединенія ихъ къ пожертвованнымъ ранѣе Обществу матерью Муравьева актамъ изъ архива гг. Змеевыхъ. Секретарь заявилъ, что по полученіи сихъ документовъ г. Муравьеву была выражена отъ имени Общества благодарность за пожертвованіе ихъ.

22) Дѣйствит. Члена Д. А. Корсакова съ выраженіемъ глубочайшей и искренней признательности за вниманіе, оказанное Обществомъ къ его трудамъ по составленію рецензіи представленнаго на соисканіе преміи Г. Ф. Карпова сочиненія.

23) Дѣйствит. Члена Н. Н. Оглоблина о помѣщеніи въ «Чтеніяхъ» II части «Обозрѣнія столбцевъ и книгъ Сибирскаго приказа». Опредѣлено: напечатать.

24) Отзывъ Дѣйствительнаго Члена С. А. Бѣлокурова относительно доставленныхъ С. Д. Муретовымъ для изданія въ «Чтеніяхъ» привѣтствій Виѳанской духовной Семинаріи митрополиту Платону. Опредѣлено: напечатать привѣтствія на русскомъ языкѣ за нѣсколько лѣтъ (4—5), а на иностранныхъ языкахъ за какой либо одинъ годъ — для образца.

25) А. М. Ловягина о помѣщеніи въ «Чтеніяхъ» русскаго перевода «Описанія путешествія въ Россію Кленка въ 1676—1677 годахъ». Опредѣлено: просить доставить переводъ на предварительный просмотръ.

26) М. В. Соймонова объ изданіи въ «Чтеніяхъ» матеріаловъ, касающихся его прадѣда Ѳ. И. Соймонова. Опредѣлено: просить г. Соймонова прислать ихъ въ Общество на разсмотрѣніе.

27) Предсѣдатель Общества заявилъ о доставленныхъ ему г. Прокоповичемъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ» документахъ изъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба. Опредѣлено: дѣло о самозванцѣ Алексѣѣ Петровичѣ помѣстить въ «Чтеніяхъ», а остальное имѣть въ виду для пополненія.

28) Н. П. Суворова съ просьбой прислать ему: 1) выписку изъ протоколовъ Общества объ отправленныхъ его отцемъ въ 1858—1859 годахъ для изданія въ «Чтеніяхъ» матеріалахъ и 2) хотя одинъ экземпляръ оттиска изданныхъ изъ числа ихъ. Опредѣлено: выслать г. Суворову просимыя имъ выписки изъ протоколовъ, а въ виду неимѣнія въ Обществѣ отдѣльныхъ оттисковъ изданныхъ матеріаловъ изъ числа доставленныхъ Н. И. Суворовымъ отправить ему книгу «Чтеній», въ которой они помѣщены и которую просить его возвратить обратно въ Общество въ виду того, что экземпляровъ ея осталось въ Обществѣ весьма мало.

29) Предсѣдатель заявилъ о кончинѣ Дѣйствительныхъ Членовъ Общества: Е. Е. Замысловскаго (9 мая), барона Ѳ. А. Бюлера (10 мая), архимандрита Григорія (1 августа) и А. Н. Пыпинскаго (14 августа) и Члена-Соревнователя А. С. Пестова (16 іюня).

30) Предложеніе Дѣйствительныхъ Членовъ В. О. Ключевскаго, Е. В. Барсова и М. И. Соколова объ избраніи въ Дѣйствительные Члены на освободившіяся ваканcіи: а) профессора А. С. Архангельскаго, б) проф. Н. В. Владимирова, в) Члена-Соревнователя священника И. А. Соловьева и г) проф. Н. П. Петрова. Опредѣлено: произвести избраніе ихъ закрытой баллотировкой въ слѣдующемъ засѣданіи.

II. Дѣйствительнымъ Членомъ В. О. Эйнгорномъ сдѣлано сообщеніе «О пріѣздѣ Іоанникія Галятовскаго въ Москву въ 1670 году». Указавъ на то, что біографы Галятовскаго жалуются на крайнюю скудость фактическихъ данныхъ о жизни этого знаменитаго малороссійскаго писателя XVII в., референтъ обратилъ вниманіе на то, что разъясненія нѣкоторыхъ доселѣ темныхъ вопросовъ, относящихся къ біографіи Галятовскаго, можно ожидать отъ детальнаго изученія доку-

ментовъ, касающихся исторіи Малороссіи и хранящихся въ Московскихъ Архивахъ. Дѣйствительно, референту послѣ недолгихъ сравнительно поисковъ удалось найти въ Московскихъ Архивахъ Минист. Юстиціи, Иностр. Дѣлъ, въ Моск. Отдѣлѣ Общ. Арх. Мин. Импер. Двора, въ Библіотекахъ Сунодальной и Общ. Ист. и Древн. два доселѣ неизданныхъ «слова» Галятовскаго и не мало новыхъ данныхъ, касающихся его біографіи. Изложивъ на основаніи вновь найденныхъ данныхъ свѣдѣнія о томъ періодѣ жизни Галятовскаго (1662—1669 гг.), о которомъ доселѣ очень мало было извѣстно, референтъ сообщилъ подробныя данныя о пріѣздѣ бывшаго ректора Кіевскихъ школъ въ Москву для исходатайствованія утвержденія въ новомъ санѣ елецкаго архимандрита и для поднесенія царю Алексѣю Михайловичу посвященнаго ему сочиненія «Мессія Правдивый». Государь благосклонно принялъ это сочиненіе Галятовскаго и щедро наградилъ автора, который сумѣлъ произвести при Московскомъ дворѣ сильное впечатлѣніе своею ученостью и краснорѣчіемъ: будучи въ Москвѣ, Галятовскій произнесъ въ присутствіи государя 3 и 9 октября 1670 г. два большихъ «казанья». Пребываніемъ своимъ въ столицѣ малороссійскій писатель воспользовался, между прочимъ, для того, чтобы испросить у государя средства на печатаніе «Мессіи» на польскомъ и латинскомъ языкахъ; прося денегъ на печатаніе книги, Галятовскій увѣрялъ, что «тотъ Мессія будетъ печатанъ на славу и честь великаго государя», такъ какъ и при польскомъ, и при латинскомъ переводахъ будетъ посвященіе царю Алексѣю Михайловичу, которое вмѣстѣ съ книгою распространится не только въ Польшѣ, но также у «Французовъ, Ишпанъ, и Волоховъ, и въ Римъ и въ иные страны латинскіе». Любопытно это предложеніе Галятовскаго содѣйствовать тому, чтобы слава великаго государя множилась не только благодаря воинскимъ подвигамъ, но также благодаря распространенію сочиненій русскихъ ученыхъ за границею. Просьба Галятовскаго о пожалованіи ему денегъ было исполнена и въ іюлѣ 1672 г. «Мессія Правдивый» на польскомъ языкѣ съ посвященіемъ царю Алексѣю Михайловичу былъ уже доставленъ въ Москву. Во время пребыванія своего въ Москвѣ новый архимандритъ елецкій былъ у благословенія у святѣйшаго патріарха, что, между прочимъ, содѣйствовало сближенію малороссійскаго духовенства съ московскою высшею церковною іерархіею, а безъ такого сближенія невозможно было осуществленіе труднаго, но весьма желательнаго московскому правительству, дѣла подчиненія кіевской митрополіи московскому патріархату. Сношенія Галятовскаго съ высшими представителями великороссійскаго духовенства не прекратились и

послѣ возвращенія архимандрита елецкаго въ Черниговъ, откуда онъ поддерживалъ сношенія, напр., съ Кирилломъ, митрополитомъ казанскимъ и свіяжскимъ.

По поводу реферата В. О. Эйнгорна, Предсѣдатель Общества В. О. Ключевскій замѣтилъ, что въ немъ приведены весьма любопытныя данныя относительно культурнаго вліянія малороссійскаго духовенства на высшее московское общество; при этомъ В. О. Ключевскій обратилъ вниманіе на замѣчательный прогрессъ, который русское общество сдѣлало въ половинѣ XVII в., въ теченіе 70 лѣтъ, прошедшихъ со времени Ивана IV. При дворѣ царя Алексѣя Михаиловича отнеслись съ глубокимъ уваженіемъ къ Іоанникію Галятовскому; слушая его ученыя «ораціи», представители высшаго московскаго общества какъ бы выростали въ собственныхъ глазахъ («какія де ученыя рѣчи мы можемъ уразумѣть»), тогда какъ Іоаннъ Грозный относился свысока, съ пренебреженіемъ къ западно-европейскимъ ученымъ.

413 засѣданіе 24 октября.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 24 октября с. г. подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, А. Н. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, М. К. Любавскаго, Н. В. Никитина, А. С. Павлова, Е. Н. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. Н. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Членовъ-Соревнователей: Н. Н. Аммона, священника Н. А. Соловьева, А. С. Хаханова, Н. Н. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола предыдущаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Предсѣдатель Общества, открывая засѣданіе, заявилъ о послѣдовавшей кончинѣ Почетнаго Члена Общества высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа Тверскаго и сообщилъ свои воспоминанія о немъ и его дѣятельности въ бытность Ризничимъ Патріаршей библіотеки. Присутствующіе Члены Общества почтили память умершаго своего сочлена вставаніемъ.

II. Читаны отношенія: 1) Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи отъ 31 августа за № 1401 съ препровожденіемъ экземпляра 8-го выпуска Сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи».

2) Императорскаго Историческаго Общества отъ 28 сентября

сего года за № 261 съ препровожденіемъ 95, 96, 97 и 98 тт. «Сборника Общества».

3) Московскаго Архива Министерства Юстиціи отъ 10 октября сего года за № 149 съ препровожденіемъ 10-й книги «Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи».

4) Члена-Соревнователя А. П. Сапунова съ препровожденіемъ одного экземпляра изданнаго имъ совмѣстно съ кн. В. Друцкимъ-Любецкимъ «Историко-географическаго описанія Дисненскаго и Вилейскаго уѣздовъ». (Витебскъ. 1896 г.)

По §§ 1—4 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

5) Распорядительнаго комитета Волынскаго церковно-археологическаго Общества отъ 21 сентября сего года за № 132 съ препровожденіемъ экземпляра: Волынскаго историко-археологическаго Сборника вып. 1-й и съ просьбой о высылкѣ изданій Общества. Опредѣлено: въ виду доставленія Волынскому церковно-археологическому Обществу «Чтеній» по 1894 г. включительно выслать ему Чтенія за 1895 и 1896 гг. и впредь высылать оныя по мѣрѣ выхода.

6) Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества отъ 30 сентября сего года за № 317 съ просьбой о безплатной высылкѣ нѣкоторыхъ изданій Общества. Опредѣлено: выслать и просить Русское Археологическое Общество доставить тѣ изъ изданій его, которыхъ не окажется въ Библіотекѣ Общества (И. и Д. Р.).

7) Библіотеки Норвежскаго университета (г. Христіанія) отъ 3 декабря 1896 г. съ препровожденіемъ своихъ изданій и съ увѣдомленіемъ о полученіи Чтеній Общества 1894 г. кн. 1—4, 1895 г. кн. 1—2.

8) Письмо Дѣйствительнаго Члена Общества Н. А. Голынева о возвращеніи ему статьи его «Воспоминанія о Владимирѣ Павловичѣ Безобразовѣ и его письма». Опредѣлено: выслать.

9) Письмо Докучаева-Баскова относительно печатанія въ Чтеніяхъ его изслѣдованія: «Строкина пустыня». Опредѣлено: просить г. Докучаева-Баскова прислать его работу въ полномъ видѣ.

10) Предложеніе о взаимномъ обмѣнѣ изданіями въ 1897 году редакцій: а) Богословскаго Вѣстника; б) Ученыхъ Записокъ при Казанскомъ университетѣ и в) Міровыхъ Отголосковъ (въ С.-Петербургѣ). Опредѣлено: обмѣниваться съ Богословскимъ Вѣстникомъ.

11) Капитула россійскихъ императорскихъ и царскихъ Орденовъ отъ 23 сентября сего года за № 3618 съ препровожденіемъ 1 серебряной медали въ память св. коронованія. Секретарь заявилъ, что

18) Предложенные въ прошломъ засѣданіи въ Дѣйствительные Члены: профессора А. С. Архангельскій, П. В. Владимировъ, Н. И. Петровъ и Членъ-Соревнователь священникъ Н. А. Соловьевъ послѣдовавшей закрытой баллотировкой большинствомъ голосовъ избраны въ Дѣйствительные Члены. Постановлено: увѣдомить о послѣдовавшемъ избраніи новыхъ Дѣйствительныхъ Членовъ.

III. Дѣйствительнымъ Членомъ А. И. Зерцаловымъ сдѣлано сообщеніе объ открытыхъ имъ документахъ, касающихся раскопокъ въ Московскомъ Кремлѣ въ XVIII вѣкѣ. *(Напечатано въ 1-ой книгѣ Чтеній 1897 г).*

Къ протоколу засѣданія 24 октября 1897 года.

Архимандритъ Григорій (Войновъ).

(† 1 августа 1896 г.).

Дѣйствительный Членъ, Андроніевскій архимандритъ Григорій, былъ сынъ московскаго протоіерея при храмѣ св. Іоанна Воина—въ Замоскворѣчьѣ. Родился онъ въ 1834 году. Воспитывался въ Донскомъ училищѣ и Московской дух. Семинаріи; высшее образованіе получилъ въ Московской духов. Академіи, гдѣ принялъ монашество и кончилъ курсъ со степенью магистра богословія. Въ Москвѣ протекло и все его служебное поприще; сначала онъ былъ преподавателемъ и помощникомъ инспектора Виѳанской Семинаріи; а затѣмъ былъ перемѣщенъ на службу въ Московскую духовную Семинарію, гдѣ въ 1864 году возведенъ былъ въ санъ архимандрита. По оставленіи учебной службы въ 1867 году онъ назначенъ былъ настоятелемъ Московскаго Златоустаго монастыря, черезъ 5 лѣтъ переведенъ былъ въ настоятели Высокопетровскаго монастыря, и наконецъ въ 1882 году—ему поручено было настоятельство Спасо-Андроніевской обители, гдѣ онъ и скончался. На послѣдней ступени своей службы онъ былъ благочиннымъ Московскихъ монастырей и Покровской общины.

Нужно замѣтить, что св. Синодъ неоднократно имѣлъ въ виду назначить его какъ старѣйшаго архимандрита на епископскую каѳедру, но каждый разъ, въ спискѣ кандидатовъ, представляемомъ на Высочайшее избраніе, онъ писался вторымъ или третьимъ. Голосовыя средства представляли, повидимому, единственую преграду для епископскаго сана: онъ страдалъ хрипотою и сиплымъ голосомъ. Въ послѣдній годъ какому то врачу онъ обязанъ былъ тѣмъ, что этотъ недостатокъ сталъ

16) Храмозданная грамота 1761 г. (ib.).

17) О приписке иконы Знаменія пресв. Богородицы, находящейся на наружномъ столбѣ ограды при 3 Московской гимназіи, въ Москвѣ, къ приходской Введенской на Лубянкѣ церкви (ib.).

18) Слова Филарета, митрополита Московскаго, 1806 и 1808 гг. (ib.).

19) Матеріалы для исторіи единовѣрія въ Россіи (ib.).

20) Къ воспоминаніямъ о Московскомъ митрополитѣ Филаретѣ (ib.).

21) Появленіе жидовствующихъ въ Московской губерніи и мѣры къ прекращенію этой секты въ 1824 году (ib.).

22) Переписка кн. А. Н. Голицына съ преосвящ. Августиномъ архіепископомъ Московскимъ (ib., кн. III).

23) Письмо Московскаго митрополита Филарета къ Попечителю Московскаго учебнаго Округа графу С. Г. Строганову (ib.).

24) Переписка его же съ Рижскимъ епископомъ Филаретомъ (ib.).

25) Раздѣлъ приходскихъ дворовъ между Рождественскимъ дѣвичьимъ монастыремъ въ Москвѣ и смежной съ нимъ Вознесенскою церковію въ 1775 году (ib.).

26) Письмо митрополита Филарета къ Московскому генералъ-губернатору, князю Д. В. Голицыну и отвѣтъ на него (ib.).

27) Резолюціи Московскаго митрополита Филарета (1874 кн. IV)

28) Три письма къ митрополиту Филарету отъ разныхъ лицъ (ib.)

29) Донесеніе св. Синоду Моск. митрополита Филарета (ib.).

30) Такія же донесенія по случаю обозрѣнія епархіи (ib.).

31) Къ воспоминаніямъ о Москов. митрополитѣ Филаретѣ (ib.).

32) Тетрадь, заведенная въ походной конторѣ митрополита Филарета для записыванія плановъ христіанскаго ученія, имѣющаго преподаваться въ церквахъ Московской епархіи священнослужителями (1875 г. кн. I).

33) Къ біографіи Московскаго митрополита Платона (ib.).

34) Письмо митрополита Филарета къ Исидору епиcк. Дмитровскому, викарію Московской митрополіи (ib.).

35) Древніе и другіе примѣчательные предметы въ Высокопетровскомъ монастырѣ (1875, кн. II).

36) Духовныя мѣры противъ раскола. Докладъ Моск. Консисторіи митрополиту Филарету, 1838 г. (1875, кн. III).

37) Переписка кн. А. Н. Голицына съ Моск. митрополитомъ Филаретомъ (ib.).

38) Письмо министра Императорскаго Двора князя П. М. Волконскаго къ Моск. митрополиту Филарету и отвѣтъ на него (ib.).

39) Письмо митрополита Филарета къ директору придворной пѣвческой капеллы О. П. Львову (ib.).

40) Къ біографіи ректора Моск. духовной Академіи А. В. Горскаго (ib.).

41) Іеромонахъ Лампадъ (ib., кн. IV).

42) Къ воспоминаніямъ о Московск. митрополитѣ Филаретѣ (ib.).

43) Письма къ П. В. Хавскому отъ разныхъ лицъ (ib.)

44) О лѣтахъ П. В Хавскаго (ib.).

45) Письмо министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова къ Московскому митрополиту Филарету (1876, кн. I).

45) Распорядительность митрополита Филарета въ холерное время въ 1830 г. (ib., кн. II).

47) О домовыхъ церквахъ Моск. епархіи. (ib., кн. III).

48) Нѣсколько резолюцій митрополита Филарета по епархіальнымъ дѣламъ (ib.)

49) Резолюція его же по училищнымъ дѣламъ (ib.)

50) Два письма его же къ Леониду, епископу Дмитровскому, 1865 и 1866 гг. (ib.).

51) Два слѣдственныхъ дѣла о служеніи священниками Ивановымъ и Андреевымъ по двѣ литургіи въ день (1877 г., кн. I).

52) Переписка митроп. Филарета съ графомъ Протасовымъ (ib.).

53) Донесенія его же Синоду по миссіонерскимъ дѣламъ (ib.).

54) Письма его же къ игуменіи Страстнаго монастыря Евгеніи Озеровой (ib.).

55) Къ воспоминаніямъ о митрополитѣ Филаретѣ (ib.).

56) Записки Никодима, еп. Красноярскаго.

57) Резолюціи митрополита Филарета (1877, кн. II).

58) Рукописный сборникъ XVIII вѣка (1879, кн. I).

59) Изъ бумагъ митрополита Филарета (1886, кн. II).

60) Письма Моск. митрополита къ разнымъ лицамъ (1880, кн. IV).

Е. В. Барсовъ.

414-е засѣданіе (чрезвычайное) 6 ноября.

Въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества 6 ноября сего года, по случаю столѣтія со дня кончины императрицы Екатерины II, подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Р. О. Брандта, С. А. Бѣлокурова, С. О. Долгова, А. Н. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, П. А. Лаврова, Н. В. Никитина, П. Н. Оглоблина,

протоіерея Г. П. Смирнова-Платонова, священника Н. А. Соловьева, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. П. Холмогорова, В. О. Эйнгорна и Членовъ-Соревнователей: П. П. Аммона, М. А. Веневитинова, А. А. Гоздаво-Голомбіовскаго, А. И. Станкевича, В. Н. Сторожева, А. С. Хаханова, Н. Н. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова г. Предсѣдателемъ В. О. Ключевскимъ сдѣлано сообщеніе «О трудахъ императрицы Екатерины II по русской исторіи». Онъ заявилъ, что хочетъ только напомнить, чтó сама императрица писала о русской исторіи, о своихъ заботахъ и занятіяхъ по этому предмету, какъ смотрѣла на его значеніе, на способъ и средства его разработки и т. п. Въ ея отзывахъ и замѣчаніяхъ обнаруживаются различныя побужденія, склонявшія ее къ изученію исторіи ея втораго отечества, побужденія политическія, патріотическія и педагогическія или народно-воспитательныя. Изложивъ ихъ, референтъ упомянулъ объ изданіяхъ по русской исторіи, которымъ императрица прямо и косвенно содѣйствовала (Татищева, Миллера, Новикова, Стриттера и др.), а также и объ ученомъ историческомъ обществѣ или учрежденіи, которое по указу 1 декабря 1783 г. предположено было основать подъ руководствомъ гр. А. П. Шувалова «для составленія записокъ о древней исторіи, наипаче касающейся до Россіи». Затѣмъ референтъ привелъ выдержки изъ писемъ Екатерины II о томъ, какъ, по какому плану, съ какою цѣлью, по какимъ источникамъ и при чьемъ сотрудничествѣ составляла она свои *Записки касательно Россійской исторіи* и какія дидактическія приспособленія введены ею въ этотъ трудъ съ цѣлью облегчить изученіе русской исторіи; отмѣчены также вліяніе *Опыта о нравахъ* Вольтера на этотъ трудъ Екатерины и ея взглядъ на направленіе, въ какомъ должна писаться русская исторія, которая, какъ писала она Мордвинову въ 1790 году, должна служить потомству предметомъ соревнованія и зерцаломъ, поддерживая умы, ободряя и направляя ихъ къ той высотѣ, которая ведетъ къ великимъ дѣламъ.

415 засѣданіе (обыкновенное) 6 ноября.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 6 ноября сего года, подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Р. О. Брандта, С. А. Бѣлокурова, С. О. Долгова, А. Н. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, П. А. Лаврова, П. В. Никитина, Н. Н. Оглоблина, прот. Г. П. Смирнова-Платонова, свящ. Н. А. Соловьева, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. П. Холмогорова, В. О. Эйн-

горна и Членовъ-Соревнователей: Н. И. Аммона, М. А. Веневитинова, А. А. Гоздаво-Голомбiовскаго, А. Н. Станкевича, В. Н. Сторожева, А. С. Хаханова, И. И. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтенiи и подписанiи протокола прошлаго засѣданiя, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенiя: 1) Ректора Императорскаго Московскаго Университета отъ 24 октября сего года за № 3344 съ просьбою доставить свѣдѣнiя о дѣятельности Общества въ семъ году для помѣщенiя въ Университетскомъ Отчетѣ.

2) Библiотекаря Упсальскаго Университета отъ 8 ноября сего года съ увѣдомленiемъ о полученiи 3 кн. «Чтенiй» Общества за 1896 г.

4) Директора Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ отъ 29 октября сего года за № 669 съ препровожденiемъ V выпуска «Писемъ Русскихъ Государей, заключающаго письма царя Алексѣя Михайловича». Опредѣлено: благодарить за присланное изданiе.

4) Предложенiе редакцiи «Православный Собесѣдникъ» о взаимномъ обмѣнѣ изданiями въ 1897 году. Опредѣлено: обмѣниваться.

5) Книжнаго магазина П. Н. Фалькевича (въ Марiуполѣ) съ просьбой открыть при магазинѣ прiемъ подписки на «Чтенiя» Общества. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнiю.

6) Секретаря Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества отъ 30 октября сего года за № 434 съ увѣдомленiемъ о томъ, что 50-лѣтiе своего существованiя оно будетъ праздновать 15 декабря сего года. Опредѣлено: черезъ особую депутацiю изъ Секретаря Е. В. Барсова и Члена Соревнователя М. А. Веневитинова доставить Обществу привѣтственный адресъ, составленiе коего поручить Предсѣдателю совмѣстно съ Секретаремъ.

7) В. И. Покровскаго съ просьбой помѣстить въ «Чтенiяхъ» его работу по исторiи русской общественной жизни въ XVIII столѣтiи. Опредѣлено: напечатать.

8) Послѣдовавшею закрытою баллотировкою большинствомъ голосовъ избранъ въ Члены-Соревнователи предложенный въ предыдущемъ засѣданiи Иванъ Степановичъ Бѣляевъ

9) Въ члены Коммиссiи по присужденiю премiи Г. Ѳ. Карпова записками избраны: В. О. Ключевскiй, Д. И. Иловайскiй, Е. В. Барсовъ, С. А. Бѣлокуровъ, В. А. Уляницкiй и кандидатомъ на случай выхода кого-либо изъ состава Коммиссiи—М. И. Соколовъ.

416 засѣданіе 12 декабря.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 12 декабря сего года, подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Общества В. О. Ключевскаго, въ присутствіи гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, С. О. Долгова, А. Н. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, Ѳ. Е. Корша, П. А. Лаврова, Н. В. Никитина, Н. Н. Оглоблина, прот. Г. П. Смирнова-Платонова, свящ. Н. А. Соловьева, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна и Членовъ-Соревнователей: Н. И. Аммона, В. М. Истрина, А. С. Хаханова, И. И. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола предыдущаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Виленской Коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ отъ 18 ноября 1896 г. за № 188 съ препровожденіемъ въ даръ Обществу экземпляра XXIII т. Актовъ. Опредѣлено: благодарить.

2) Инспектора народныхъ училищъ перваго района Саратовской губерніи Александра Можаровскаго отъ 29 марта сего года за № 29 и 10 ноября за № 469 съ препровожденіемъ въ даръ Обществу: а) 4-хъ своихъ печатныхъ работъ и 3-хъ гравированныхъ листовъ и б) для изданія въ «Чтеніяхъ» Общества 4 рукописей. Опредѣлено: за пожертвованныя изданія принести г. Можаровскому благодарность, а присланныя имъ рукописи возвратить обратно.

3) Комитета Астраханской общественной Библіотеки отъ 18 ноября сего года за № 103 съ просьбой прислать въ даръ Библіотекѣ каталогъ книгъ, принадлежащихъ Библіотекѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ—со всѣми дополненіями. Опредѣлено: выслать описаніе Библіотеки, составленное П. М. Строевымъ.

4) Завѣдывающаго Библіотекой и Древлехранилищемъ при Братствѣ св. Александра-Невскаго, во Владимірѣ, отъ 18 ноября сего года съ препровожденіемъ въ даръ Библіотекѣ Общества 4-хъ изданій и съ просьбой выслать безплатно въ Библіотеку Братства «Чтенія» Общества за 1885—1896 гг. и высылать оныя и впредь. Опредѣлено: выслать «Чтенія» за означенные годы, равно какъ доставлять ихъ и въ послѣдующее время по мѣрѣ выхода.

5) Правленія Самарской дух. Семинаріи и Комитета по устройству въ г. Василь-Сурскѣ безплатной народной Библіотеки-Читальни съ просьбой безплатной высылки «Чтеній» Общества за 1897 г. Опредѣлено: не посылать.

6) Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 27 ноября сего года за № 1811 съ просьбой о назначеніи депутатовъ отъ Общества въ Предварительный Комитетъ по устройству въ 1899 году XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ. Опредѣлено: увѣдомить Археологическое Общество, что депутатами Общества въ Предварительномъ Комитетѣ по устройству Кіевскаго Археологическаго Съѣзда имѣютъ быть Дѣйствительные Члены Общества: С. А. Бѣлокуровъ, Д. И. Иловайскій, Н. В. Никитинъ, В. А. Улзницкій и В. О. Эйнгорнъ.

7) Совѣта Кіевской духовной Академіи отъ 12 ноября сего года за № 531 и Совѣта Казанской духовной Академіи отъ 18 ноября сего года за № 2133 съ препровожденіемъ на 3-хъ мѣсячный срокъ для занятій Дѣйствительнаго Члена Общества С. А. Бѣлокурова 4-хъ рукописей.

8) Графа С. Д. Шереметева на имя г. Предсѣдателя Общества съ препровожденіемъ 3-хъ грамотъ съ подписями Годуновыхъ для помѣщенія ихъ въ «Чтеніяхъ» Общества. Опредѣлено: напечатать означенные акты въ ближайшей книгѣ «Чтеній» и разрѣшить сдѣлать фотоцинкографическія клише съ находящихся на подлинныхъ грамотахъ подписей.

9) Проф. В. Александренко отъ 2 ноября сего года съ просьбой начать печатаніемъ въ «Чтеніяхъ» въ августѣ и сентябрѣ 1897 г. продолженіе реляцій кн. А. Кантемира изъ Лондона 1731—1738 г. Опредѣлено: исполнить просьбу г. Александренко.

10) Дѣйствительнаго Члена Д. Цвѣтаева съ представленіемъ собранныхъ имъ 23 документовъ (на 172 страницахъ) для 2-й ч. «Памятниковъ къ исторіи протестантства въ Россіи». Опредѣлено: разсмотрѣть—всѣ ли акты сей части присланы г. Цвѣтаевымъ и соблюдено ли имъ постановленіе предыдущаго засѣданія Общества.

11) Дѣйствит. Члена А. А. Титова съ просьбой помѣстить въ «Чтеніяхъ» Вкладную книгу Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Опредѣлено: напечатать.

12) Отзывъ Члена-Соревнователя А. Н. Голубцова объ изслѣдованіи іеромонаха Іоны «Учительное Евангеліе Кирилла Транвилліона». Опредѣлено: возвратить означенное сочиненіе автору.

13) Члена-Соревнователя Ю. Н. Щербачева съ подробнымъ изложеніемъ недостатковъ изданія въ «Русскомъ Архивѣ» дневника Юста Юля и съ предложеніемъ издать въ «Чтеніяхъ» исправленный, провѣренный и дополненный переводъ его. Опредѣлено: напечатать.

14) Предсѣдатель Общества заявилъ, что А. Н. Дмитріевъ-Мамоновъ предлагаетъ для изданія въ «Чтеніяхъ» свой новый трудъ

«О пугачевщинѣ въ Сибири», составленный на основаніи мѣстныхъ документовъ. Опредѣлено: напечатать.

15) Онъ же заявилъ, что Е. П. Якушкинъ проситъ помѣстить въ «Чтеніяхъ» 3-ій выпускъ собранныхъ имъ «Матеріаловъ по обычному праву». Общество, согласившись на изданіе ихъ въ «Чтеніяхъ», постановило: приступить къ набору ихъ во второй половинѣ 1897 г. и продолжать его по мѣрѣ возможности.

16) Письмо Дѣйствит. Члена П. Петрова отъ 12 ноября сего года съ просьбой выслать ему Уставъ Общества. Опредѣлено: выслать.

17) Члена-Соревнователя И. Бѣляева съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ число Членовъ-Соревнователей Общества.

18) Дѣйствительныхъ Членовъ: П. И. Петрова, А. С. Архангельскаго и П. Владимірова съ выраженіемъ благодарности за избраніе ихъ въ Дѣйствительные Члены Общества и съ препровожденіемъ въ Библіотеку Общества нѣкоторыхъ своихъ сочиненій.

19) Предложенія объ обмѣнѣ изданіями редакцій: 1) «Русской Старины», 2) «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія», 3) «Русскаго Паломника», 4) «Ученыхъ Записокъ Императорскихъ Юрьевскаго и Казанскаго Университетовъ», 5) «Ежедневной Газеты», 6) «Нови» и 7) Совѣта Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Опредѣлено: обмѣниваться изданіями съ означенными редакціями за исключеніемъ «Русскаго Паломника», Ежедневной Газеты» и «Нови».

20) Дѣйствит. Членъ В. А. Уляницкій, обративъ вниманіе Общества на помѣщенную въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» замѣтку о предшествующемъ засѣданіи Общества, въ каковой замѣткѣ, между прочимъ, перечислялись всѣ сочиненія, представленныя на соисканіе преміи Г. Ѳ. Карпова, и указывались ихъ авторы, предложилъ Обществу войти въ разсмотрѣніе вопроса объ умѣстности сей замѣтки. По обсужденіи сего Общество 1) выразило желаніе, чтобы извѣстія о засѣданіяхъ его не сообщались въ печати безъ вѣдома Общества или согласія его Предсѣдателя ранѣе, чѣмъ они будутъ обнародованы въ протоколахъ Общества; при чемъ это постановленіе не касается сообщенія, дѣлаемаго референтомъ объ его докладѣ и 2) постановило: не читать полностью въ Обществѣ заявленій авторовъ о представленіи ими сочиненій на соисканіе преміи Г. Ѳ. Карпова, а передавать всѣ заявленія въ коммиссію по присужденію сей преміи; Членамъ же Общества, въ случаѣ желанія кого-либо изъ нихъ, можетъ быть объявлена только общая тема сочиненій.

21) Казначей Общества представилъ вѣдомость о состояніи ка-

питала преміи Г. Ѳ. Карпова со дня его полученія по текущій годъ, изъ коей видно было, что не смотря на то, что основной капиталъ сей преміи послѣ конверсіи увеличился, ежегодный доходъ уменьшился, приблизительно на 70 рублей, такъ что Общество теперь ежегодно получаетъ % менѣе 500 рублей. Въ виду этого Обществу предстояло или уменьшить размѣръ преміи или недостающую сумму ежегодно восполнять изъ средствъ самого Общества. Основательница преміи А. Т. Карпова, узнавъ объ этомъ, заявила желаніе пополнить основной капиталъ преміи въ томъ размѣрѣ, который необходимъ для того, чтобы первоначальныя условія назначенія преміи остались безъ измѣненія, и съ этой цѣлью передала Казначею Общества 3000 р., поручивъ нужную сумму отчислить къ преміи 1897 г., а остальныя деньги превратить въ % бумаги. Опредѣлено: 1) поручить Предсѣдателю и Секретарю составить благодарственный адресъ А. Т. Карповой за ея постоянное самое теплое и сердечное отношеніе къ Обществу, каковой адресъ поднести ей чрезъ особую депутацію въ составѣ Предсѣдателя, Секретаря, Казначея Общества и Дѣйствительныхъ Членовъ В. Н. Холмогорова, Н. В. Никитина и В. А. Уляницкаго. 2) Разрѣшить Казначею Общества пріобрѣсти 4½ % билеты Государственнаго Банка на 2600 р. номинальныхъ, а оставшуюся сумму причислить къ расходному капиталу Общества.

22) За истеченіемъ выборнаго срока были произведены выборы Казначея Общества. Записками заявлены были кандидаты: С. А. Бѣлокуровъ (15 записокъ), В. И. Холмогоровъ (1) и В. Ѳ. Эйнгорнъ (1). В. И. Холмогоровъ и В. Ѳ. Эйнгорнъ отказались отъ баллотировки, а послѣдовавшею затѣмъ баллотировкою прежній Казначей С. А. Бѣлокуровъ большинствомъ голосовъ (15 противъ 1) избранъ на третье трехлѣтіе.

II. Членомъ-Соревнователемъ В. М. Истринымъ было сдѣлано сообщеніе «Объ откровеніи Меѳодія Патарскаго въ византійской и славяно-русской литературахъ». Откровеніе Меѳодія Патарскаго въ византійской литературѣ наблюдается въ четырехъ редакціяхъ. Первая редакція, воспользовавшаяся уже старыми матеріалами, распространила картину ужасовъ отъ измаильтянъ. Списки ея распадаются на двѣ группы, различіе между которыми отразилось въ дальнѣйшихъ редакціяхъ и въ славянскихъ переводахъ. Вторая редакція отличается отъ первой выпускомъ исторической части и вставками изъ «Видѣній Даніила». Особенность второй группы первой редакціи — сказаніе объ осадѣ Византіи — перешла и въ нее. Третья и четвертая редакціи возникли независимо другъ отъ друга и отъ второй редакціи изъ первой.

Они также отличаются отъ первой своими сокращеніями, распространеніемъ картины второго пришествія Христа и носятъ на себѣ слѣды вліяній со стороны особыхъ редакцій Видѣнія Даніила. Временемъ возникновенія II—IV редакцій можно считать приблизительно IX—XII в., время особеннаго развитія прорицательной литературы. Послѣ этого интересъ къ Откровенію пропадаетъ и оживляется вновь съ половины XV в., со времени паденія Византіи, когда въ Откровеніи стали находить утѣшеніе въ скорби о потерѣ самостоятельности. На латинскій языкъ Откровеніе было переведено не позднѣе VIII в. и оно распространилось тамъ въ особой краткой редакціи, представляющей собою передѣлку полной. Тамъ интересъ къ Откровенію, наоборотъ, проявляется въ XI—XIV в. На славянскомъ языкѣ существуютъ два перевода, извѣстныхъ и въ славянскихъ и русскихъ спискахъ. Славянскіе списки въ большинствѣ случаевъ—списки древніе, а русскіе—новые. Хотя Откровеніе у насъ на Руси было извѣстно еще въ XII в., но особенное распространеніе оно стало получать съ XVII в., со времени появленія раскола. Въ XV в. ожиданіе приближающагося конца міра вызвало появленіе особой интерполированной редакціи, съ заимствованіемъ изъ многихъ источниковъ. Не будучи особенно раскрашенной въ XVI в., оно пришлось по вкусу раскольникамъ, и потому наиболѣе сильное распространеніе ея также падаетъ на XVII и XVIII вѣка.

Въ обсужденіи вопросовъ, вызванныхъ сообщеніемъ референта, приняли участіе Члены Общества: О. Е. Коршъ, М. И. Соколовъ Д. И. Иловайскій и прот. Г. П. Смирновъ-Платоновъ.

1897 годъ.

417-е засѣданіе 31 января.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 31 января с. г., подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, С. О. Долгова, А. Н. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, П. А. Лаврова, М. К. Любавскаго, Н. Н. Оглоблина, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, свящ. Н. А. Соловьева, В. А. Уляницкаго, В. О. Эйнгорна, и Членовъ-Соревнователей: Н. П. Аммона, М. А. Веневитинова, А. П. Станкевича и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Административнаго Отдѣла Кабинета Его Императорскаго Величества отъ 9 января сего года за № 268 съ препровожденіемъ экземпляра Камеръ-Фурьерскаго журнала за 1796 г. съ алфавитнымъ указателемъ.

2) Государственнаго Секретаря отъ 20 января сего года за № 327 съ препровожденіемъ въ Библіотеку Общества экземпляра 2 части IV тома издаваемаго при Государственной Канцеляріи Описанія Архива Государственнаго Совѣта.

3) Комитета директоровъ Севастопольской морской офицерской Библіотеки отъ 22 января с. г. за № 30 съ препровожденіемъ «Отчета» о дѣятельности означенной Библіотеки.

4) П. И. Щукина съ препровожденіемъ III тома изданныхъ имъ актовъ его собранія.

5) П. Ѳ. Синицына съ препровожденіемъ его новаго изданія о Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ.

По § 1--5 опредѣлено: благодарить за доставленныя изданія.

6) Историко-Филологическаго Общества при Историко-Филологическомъ Институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ отъ 16 января сего года за № 5 съ выраженіемъ глубочайшей благодарности за пожертвованіе изданій Общества.

7) Директора Ново-Александрійскаго Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства отъ 31 декабря п. г. за № 412 съ выраженіемъ благодарности за безплатную высылку въ студенческую читальню Института «Чтеній» въ минувшемъ году и съ просьбой высылать ей «Чтенія» и въ нынѣшнемъ 1897 г. Опредѣлено: высылать.

8) Инспектора студентовъ Томскаго Университета отъ 30 ноября п. г. за № 1256 съ выраженіемъ благодарности за безплатную высылку въ минувшемъ году «Чтеній» для студенческой библіотеки и съ просьбой о высылкѣ ихъ въ 1897 г. Опредѣлено: высылать.

9) Студентовъ Московской духовной Академіи съ принесеніемъ глубочайшей благодарности за безплатную высылку въ ихъ библіотеку «Чтеній» и съ просьбой не отказать въ высылкѣ ихъ и въ нынѣшнемъ 1897 г. Опредѣлено: высылать.

10. Письмо Директора Музея Отечествовѣдѣнія при Казанскомъ Университетѣ Д. А. Корсакова отъ 21 декабря п. г. за № 24 съ просьбой о безмездной высылкѣ «Чтеній» Общества въ имѣющуюся при Музеѣ лекторію для студентовъ историко-филологическаго факультета. Опредѣлено: высылать.

11) Шубино-вахтинской сельско-хозяйственной школы отъ 5 декабря п. г. съ просьбой о безплатной высылкѣ въ читальню изданій

Общества за прошлые годы и нынѣшній 1897 г. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

12) Предложеніе И. М. Сулина напечатать въ «Чтеніяхъ» составленное имъ «краткое историческое описаніе 110 станицъ Донскихъ». Опредѣлено: просить Сулина прислать его работу на предварительный просмотръ.

13) Архива Министерства Юстиціи отъ 16 января с. г. за № 12 о полученіи имъ трехъ грамотъ Коллегіи экономіи

14) Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 22 января с. г. за № 2222 съ препровожденіемъ талона къ ассигновкѣ за № 14 на полученіе изъ Московскаго Губернскаго Казначейства 5000 руб., ассигнованныхъ на содержаніе Общества въ текущемъ году.

15) Предложеніе о взаимномъ обмѣнѣ изданіями редакціи ежедневной газеты «Курьеръ». Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

16) Въ виду недоставленія Дѣйствительнымъ Членомъ Д. В. Цвѣтаевымъ документовъ о нѣмецкихъ школахъ или списка ихъ постановлено: увѣдомить г. Цвѣтаева, что Общество не можетъ приступить къ печатанію II тома «Памятниковъ къ исторіи протестантства», пока г. Цвѣтаевымъ не будетъ исполнено постановленіе Общества, состоявшееся въ засѣданіи 24 октября.

17) По предложенію Предсѣдателя Общества опредѣлено: выдать А. Н. Зерцалову триста рублей въ уплату за переписку представленныхъ имъ въ Общество для напечатанія сказокъ XVII в. о службѣ различныхъ лицъ.

18) Секретарь довелъ до свѣдѣнія Общества, что а) Николаемъ Порфирьевичемъ Никифоровымъ пожертвовано Обществу 14 рукописей XV—XIX вв. и 1 печатная книга и б) В. Н. Рогожинымъ три акта XVII в. Опредѣлено: благодарить за пожертвованныя рукописи, книгу и акты.

19) Предложенія Дѣйствительныхъ Членовъ В. О. Ключевскаго, Е. В. Барсова и С. А. Бѣлокурова объ избраніи а) въ Дѣйствительные Члены Общества профессоровъ Александра Ивановича Кирпичникова и Георгія Абрамовича Муркоса и б) въ Члены-Соревнователи М. Н. Прокоповича, С. Д. Муретова и Н. П. Никифорова. Опредѣлено: произвести избраніе ихъ закрытой баллотировкой въ слѣдующемъ засѣданіи.

II. Предсѣдатель Общества В. О. Ключевскій и Секретарь Е. В. Барсовъ сдѣлали сообщенія объ ученолитературной дѣятельности умершихъ Членовъ Общества: К. Н. Бестужева-Рюмина (В. О. Ключевскій) и И. А. Голышева (Е. В. Барсовъ).

III. Членомъ-Соревнователемъ Общества М. А. Веневитиновымъ сдѣлано сообщеніе о «Матеріалахъ для исторіи цѣнностей въ Россіи въ концѣ XVII вѣка».

Благодаря вниманію, обращенному В. О. Ключевскимъ, П. Н. Милюковымъ и другими на экономическіе и финансовые вопросы Русской исторіи, изученіе прошлаго нашего отечества пошло по новому пути. Но для подобной задачи приходится пока работать отрывочно, пользуясь случайными матеріалами. Матеріалы эти получаютъ особое значеніе на границѣ XVII и XVIII столѣтій, когда Петръ Великій, введя съ первыхъ годовъ XVIII вѣка новую чеканку крупной серебряной монеты, уронилъ ея цѣнность въ связи съ уменьшеніемъ вѣса серебра въ рублѣ сравнительно съ валютой рубля въ предшествующую эпоху.

Въ этомъ отношеніи данныя о цѣнахъ разныхъ предметовъ общежитія и о курсахъ русскихъ денегъ за границею пріобрѣтаютъ особое значеніе. Это соображеніе заставило референта отвести подобнымъ даннымъ особое мѣсто въ печатаемой имъ книгѣ о посѣщеніи въ 169⁷/₈ годахъ Голландіи русскимъ посольствомъ Лефорта, Головина и Возницына. Книга эта основана на двухъ изданіяхъ, изъ которыхъ одно: французская брошюра голландца Меермана, мало извѣстно въ русской исторической наукѣ, а другое—статейные списки и расходныя книги посольства, напечатанныя въ VIII и IX томахъ «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній съ державами иностранными», появились въ свѣтъ уже послѣ обстоятельной біографіи Петра, составленной Устряловымъ. Эти русскіе документы были извѣстны Устрялову еще въ рукописяхъ, но онъ не воспользовался ими съ той стороны, съ какой они представляютъ интересъ изслѣдователю экономическаго и финансоваго быта того времени. Авторъ книги подъ заглавіемъ *«Русскіе въ Голландіи, великое посольство 1697—1698 г.»* въ своей непосредственной задачѣ, имѣвшей цѣлью изобразить по подлиннымъ документамъ встрѣчу двухъ цивилизацій, востока и запада Европы, на почвѣ ихъ взаимныхъ дипломатическихъ сношеній, не могъ исчерпать этого любопытнаго экономическаго и финансоваго матеріала и только попутно остановился на немъ въ своемъ трудѣ, чтобы выяснить съ одной стороны стоимость посольства, а съ другой размѣры затратъ Голландіи на его пріемъ. Статейные списки посольства и его расходныя книги, въ особенности отчетъ подъячаго Волкова, представленный имъ на полученную изъ Россіи въ февралѣ 1698 г. сумму въ 102,000 ефимковъ и 30,000 червонцевъ, даютъ основаніе думать, что расходы Россіи до отъѣзда посольства изъ Голландіи въ Вѣну простирались до 200,000 рублей по тогдашней валютѣ. Въ это число надо положить и стои-

мость дороги отъ Москвы до Амстердама и Гааги. Большая часть этихъ денегъ была потрачена на покупки военныхъ и морскихъ припасовъ, на наемъ моряковъ и техниковъ въ Русскую армію и Русскій флотъ. Стоимость соболей, вывезенныхъ изъ Москвы для подарковъ, составляла до 70,000 рублей; жалованье и подмога личному составу посольства стоили почти 14,000 р. Посольство содержалось въ Голландіи долгое время на счетъ Генеральныхъ Штатовъ и лишь съ января или февраля 1698 г. стало само расплачиваться за свои помѣщенія и столованье въ мѣстныхъ гостинницахъ, потративъ на это въ теченіе около 3-хъ мѣсяцевъ не болѣе 5000 руб. Личныя покупки царя и трехъ его пословъ простирались на такую же сумму, т. е. около 5,000 рублей, причемъ самъ Петръ пріобрѣталъ преимущественно научные предметы, а его три посла разорялись особенно на парчу, бархатъ, галстуки, портныхъ, вино и другіе предметы роскоши. Подробности расходовъ пословъ и стоимости содержанія ихъ свиты, въ особенно любопытныхъ для бытовой исторіи примѣрахъ, собраны въ таблицахъ, выведенныхъ изъ данныхъ отчета Волкова и приложенныхъ въ концѣ труда референта.

Расходы Голландіи на пріемъ русскихъ дошли въ окончательномъ результатѣ до суммы въ 200,000 гульденовъ. Утвержденіе этой затраты и ассигнованіе необходимыхъ для того средствъ вызвало въ собраніи Генеральныхъ Штатовъ возраженіе со стороны депутатовъ Гронингена вслѣдствіе того, что Голландское правительство не составило предварительной смѣты и увеличивало ассигновки по мѣрѣ требованій Гессельта фанъ Динтера, на котораго былъ возложенъ пріемъ русскихъ и всѣ расходы по обязанностямъ дипломатическаго гостепріимства.

Для выясненія взаимныхъ затратъ Россіи и Голландіи необходимо коснуться курса тогдашнихъ русскихъ денегъ сравнительно съ существовавшею за границею монетною системою. Расходныя книги посольства даютъ въ этомъ отношеніи достовѣрный и вполнѣ достаточный матеріалъ. Серебряный ефимокъ цѣнился на биржахъ въ Амстердамѣ въ 52 стейвера (52 копѣйки), въ Любекѣ въ 53 стейвера или копѣекъ; оффиціальная цѣна его равнялась русскому полтиннику. Въ голландскомъ гульденѣ считалось 20 стейверовъ, стало-быть ефимокъ или полтинникъ равнялся $2\frac{1}{2}$ гульденамъ, а пять гульденовъ составляли одинъ рубль. Цѣна одного гульдена на русскія деньги была 40 денегъ или 20 копѣекъ. Разсчетъ этотъ подтверждается записью Волкова о покупкѣ Возницынымъ кареты, за которую было уплачено 180 ефимковъ, *а голландскими деньгами* 450 гульденовъ. Кстати сказать англійскій фунтъ стерлинговъ цѣнился тогда въ 2 р. 40 коп., что было условлено для уплаты Кармартеномъ пошлины въ договорѣ съ Англіей

о ввозѣ табака въ Россію, заключенномъ во время пребыванія Петра въ Лондонѣ.

Золотой червонецъ оффиціально равнялся двумъ ефимкамъ или рублю, но биржевой курсъ его доходилъ въ это время въ Россіи до 40 алтыновъ, т. е. до 120 копѣекъ.

Изъ этихъ разсчетовъ оказывается, что Голландія затратила на пріемъ русскихъ 40,000 рублей, что равнялось 200,000 гульденовъ. При неизвѣстности размѣра тогдашняго государственнаго бюджета Нидерландовъ, мы не можемъ судить о значеніи этой затраты для финансовъ республики. Но изъ возбужденнаго провинціей Гронингенъ затрудненія мы можемъ заключить, что сумма эта не была не чувствительна для казны Штатовъ.

Что же касается до стоимости посольства для финансовъ Россіи, то мы находимъ любопытное указаніе въ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» П. Н. Милюкова (ч. I, стр. 123). Изъ помѣщенной имъ таблицы расходовъ Россіи оказывается, что 200,000 рублей составляли въ среднемъ выводѣ десятую часть русскаго государственнаго расходнаго бюджета 1697—1698 гг. и по этому поводу Циклеръ, одинъ изъ враговъ Петра, имѣлъ нѣкоторое основаніе выразиться, что царь «тащитъ за границу казну многую» (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIV, стр. 1166, по изданію товар-ва Общественная Польза).

Приведенные примѣры достаточно воспроизводятъ значеніе документовъ посольства 1697—1698 гг. въ смыслѣ важнаго и любопытнаго матеріала для исторіи цѣнностей и денегъ въ Россіи. Поднесенные голландцами русскимъ подарки, въ видѣ золотыхъ цѣпей, подробно оцѣниваются какъ въ брошюрѣ Меермана, такъ и въ статейныхъ спискахъ и вызываютъ на сравненіе съ данными о цѣнности золота въ описи имущества князей Голицыныхъ, относящихся къ тому же времени и напечатанныхъ въ IV т. дѣла Өедора Шакловитаго, изданнаго Археографическою Коммиссіею. Названные документы расширяютъ матеріалъ для выводовъ по исторіи русскихъ денегъ и въ связи съ нижеслѣдующими соображеніями подтверждаютъ заключенія, къ которымъ пришелъ В. О. Ключевскій въ его трудѣ о русскомъ рублѣ и его цѣнности въ разныя эпохи русской исторіи. По вычисленіямъ нашего почтеннаго Предсѣдателя рубль въ эпоху описываемаго посольства долженъ былъ стоить около 17 современныхъ намъ рублей, а вслѣдствіе монетной реформы 1701 г. упалъ почти на половину въ своей цѣнѣ, т. е. сталъ относиться къ монетѣ нашего времени, какъ 9: 1. Выше мы видѣли, что ефимокъ принимался въ 1697—1698 гг. въ цѣну полтинника, т. е. былъ вдвое дешевле рубля: а уже въ 1706 г. князь

Б. И. Куракинъ въ той же Голландіи за 50 ефимковъ получилъ всего около 40 руб. (Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, т. I, стр. 144).

Брошюра Меермана и документы «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній» представляютъ собою богатый финансовый и экономическій матеріалъ, заслуживающій болѣе подробной разработки, чѣмъ могъ себѣ позволить по своей прямой задачѣ и по своимъ научнымъ средствамъ авторъ книги о «Русскихъ въ Голландіи въ 1697—1698 годахъ».

418 засѣданіе 20 февраля.

Въ засѣданіи 20 февраля подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Общества В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, В. И. Герье, А. И. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, прот. Г. П. Смирнова-Платонова, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, П. А. Лаврова, Н. П. Оглоблина, В. Н. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Членовъ-Соревнователей: Н. Н. Аммона, В. Н. Сторожева, и Секретаря Общества Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола предыдущаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Ректора Императорскаго Московскаго Университета съ препровожденіемъ Рѣчи и Отчета, произнесенныхъ въ Торжественномъ собраніи Университета 12 января 1897 г.

2) Управляющаго Московскою Синодальною Типографіею съ препровожденіемъ 1-го выпуска Описанія рукописей, хранящихся въ ея библіотекѣ.

3) Директора Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ съ препровожденіемъ Отчета Музеевъ за 1895 г.

По §§ 1—3 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

4) Казанской дух. Академіи отъ 28 января, за № 104, о полученіи Академіей двухъ ея рукописей: Сборника XVIII в. и Псалтыри XVII в.

5) Совѣта Кіевской духовной Академіи отъ 30 января, за № 118, о полученіи Академіей двухъ ея рукописей Г. 331 и Аа. 154.

6) Редакціи литературно-научнаго и политическаго журнала «Жизнь» съ препровожденіемъ статьи о народномъ образованіи и съ просьбой напечатать въ «Чтеніяхъ» Общества заключительное приглашеніе автора ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ народному образованію.

7) Дѣйствит. Членъ С. А. Бѣлокуровъ заявилъ, что Дѣйствит. Членъ А. А. Шахматовъ предлагаетъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ» свое изслѣдованіе о происхожденіи нашихъ лѣтописей съ тѣмъ, чтобы

начало его (первыя 2—3 главы) было помѣщено въ «Чтеніяхъ» Общества до лѣта сего года. Определено: приступить къ набору означеннаго изслѣдованія теперь же и первыя его главы, согласно желанія автора, выпустить до лѣта 1897 г.

8) Казначей Общества донесъ, что согласно постановленію Общества на деньги, пожертвованныя А. Т. Карповой, пріобрѣтены были $4\frac{1}{2}\%$ билеты Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка на сумму 2600 руб., за кои уплачено было наличными 2654 р. 20 к. и что оставшіяся деньги 345 р. 80 к. присоединены къ расходному капиталу преміи Г. Ѳ. Карпова. Определено: принять къ свѣдѣнію.

9) Предсѣдатель Общества сдѣлалъ докладъ о порядкѣ исполненія плана исторической записки о дѣятельности Общества. По обсужденіи всѣхъ вопросовъ, соприкасающихся съ сей запиской, Общество постановило: 1) просить Членовъ Общества, изъявившихъ готовность участвовать въ составленіи сей записки, приступить къ ихъ работамъ и 2) поручить Предсѣдателю Общества составить проектъ циркулярнаго отношенія Общества къ симъ Членамъ съ изложеніемъ тѣхъ задачъ, которыя должны преслѣдовать ихъ работы.

10) Произведенною закрытою баллотировкою избраны: а) въ Дѣйствительные Члены: профессоръ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ единогласно и проф. Георгій Абрамовичъ Муркосъ—большинствомъ голосовъ и б) въ Члены-Соревнователи—единогласно Николай Порфирьевичъ Никифоровъ и Сергѣй Дмитріевичъ Муретовъ.

11) Баллотировку предложеннаго въ Члены-Соревнователи М. Н. Прокоповича Общество постановило отложить на нѣкоторое время до выясненія возбужденныхъ сообщеніями М. Н. Прокоповича вопросовъ.

12) Дѣйствительными Членами Е. В. Барсовымъ, С. А. Бѣлокуровымъ и В. О. Ключевскимъ предложенъ въ Дѣйствительные Члены — Членъ-Соревнователь Общества Директоръ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ М. А. Веневитиновъ. Определено: произвести избраніе его закрытою баллотировкою въ слѣдующемъ засѣданіи.

II. Дѣйствительнымъ членомъ В. О. Эйнгорномъ сдѣлано было сообщеніе «О послѣднемъ докладѣ А. Л. Ордина-Нащокина царю Алексѣю Михайловичу». Еще С. М. Соловьевъ сдѣлалъ предположеніе, что причиною окончательнаго удаленія отъ дѣлъ бывшаго начальника Посольскаго приказа было представленіе имъ по поводу назначенія его въ Польшу посломъ такихъ докладныхъ статей, на которыя не хотѣли согласиться. Найденный референтомъ среди польскихъ дѣлъ Моск. Главн. Архива Министерства Иностр. Дѣлъ докладъ Ордина-Нащокина подтверждаетъ это предположеніе Соловьева. Докладъ касается главнымъ обра-

зомъ малороссійскихъ дѣлъ, наполненъ жалобами, укорами и намеками, которые можно понять только въ связи съ разсказомъ объ участіи Ордина-Нащокина въ разрѣшеніи малороссійскаго вопроса въ послѣдніе два года его службы. Разсказавъ вкратцѣ о посольскихъ комиссіяхъ, въ которыхъ принималъ участіе Ординъ-Нащокинъ въ 1668—1670 гг. и о столкновеніяхъ его съ Посольскимъ приказомъ, референтъ обратилъ вниманіе на все увеличивавшееся вслѣдствіе этихъ столкновеній охлажденіе царя Алексѣя Михайловича къ посольскихъ дѣлъ оберегателю. Въ іюнѣ 1669 г. Ордину-Нащокину объявленъ былъ выговоръ. Уже въ мартѣ 1670 г. недовольство государя выразилось тѣмъ, что онъ распорядился подвергнуть Аѳанасія Лаврентьевича домашнему аресту. Хотя распоряженіе это вслѣдствіе настойчивыхъ представленій Ордина-Нащокина было отмѣнено, но дальнѣйшая служба была пыткою для знаменитаго дипломата, такъ какъ на его «многіе доклады и неотступное доношеніе о всякомъ промыслѣ въ Украйнѣ ко утишію» оставлены были безъ разсмотрѣнія; однако Ординъ-Нащокинъ долженъ былъ оставаться начальникомъ Посольскаго приказа еще въ теченіе 10 мѣсяцевъ и только 22 февраля 1671 г. повелѣно было въ Посольскомъ приказѣ быть думному дворянину А. С. Матвѣеву. Но уволивъ Ордина-Нащокина отъ управленія Посольскимъ приказомъ, государь не освободилъ его совсѣмъ отъ службы и немедленно назначилъ его великимъ посломъ въ Польшу. Объ этомъ назначеніи рѣшено было немедленно сообщить въ Польшу; но Посольскій приказъ не зналъ, какъ въ грамотѣ государевой написать имя боярское Аѳ. Л. Ордина-Нащокина. «А какъ онъ бояринъ сидѣлъ въ Посольскомъ приказѣ, и писался въ великаго государя грамотахъ въ окрестные государства: великаго государя его царскаго величества великій и полномочный посолъ, царственные большіе печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, бояринъ и намѣстникъ шацкій А. Л. Ординъ-Нащокинъ». 24 февраля состоялся великаго государя указъ: боярину А. Л. Ордину-Нащокину, будучи въ посольствѣ, писаться: «намѣстникомъ шацкимъ, а царственные большіе печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателемъ не писаться». 28 февраля указалъ великій государь писать Ордина-Нащокина ближнимъ бояриномъ. Когда состоялся указъ о назначеніи посольства въ Польшу, Ординъ-Нащокинъ подалъ государю обширный докладъ съ просьбою до отпуска его на посольство разъяснить всѣ тѣ возникавшія относительно его службы недоразумѣнія, которыя привели къ отставкѣ его отъ должности начальника Посольскаго приказа, «чтобы отъ напраснаго разглошенія», писалъ Ординъ-Нащокинъ, «въ народахъ, чему я невиненъ, родителемъ моимъ

и сынишку моему напрасныхъ во мнѣ укоризнъ не терпѣть, и отъ милости государскіе безъ вины отриновенымъ не быть, и клеветникомъ впредь бы гонить безъ вины пе повадно было; а есть-ли моя хитростная вина предъ судомъ государскимъ обличитца, достоинъ наказанъ быти, а тѣмъ бы наказаниемъ иные во исправленіе пришли и научились добро творить. А безъ праведного суда въ той посольской службѣ подъ смертью быть невозможно». Не ограничиваясь этою просьбою указать причину «отриновенія отъ государской милости, Ординъ-Нащокинъ требовалъ для себя, какъ для посла полномочій вести окончательные переговоры въ Польшѣ и въ Малороссіи, посылать письма въ Турцію, къ волоскимъ владѣтелямъ и къ цесарю безъ обсылки съ Москвою «для скорого промыслу». Какъ бы въ отвѣтъ на это требованіе составленъ былъ наказъ Ордину-Нащокину съ строгимъ запрещеніемъ входить, «не описався къ великому государю», въ какія бы то ни было сношенія «съ турскимъ салтаномъ и цесаремъ римскимъ, и королемъ французасскимъ, и дацкимъ, и свейскимъ, и курфистромъ брандебургскимъ, и курлянскимъ княземъ» и другими владѣтелями Особенно же запрещалось Ордину-Нащокину писать къ митрополиту кіевскому Іосифу Тукальскому и архимандриту кіево-печерскому Иннокентію Гизелю и къ инымъ духовнаго чину людемъ, такъ какъ прежнія его сношенія съ представителями малороссійскаго духовенства были причиною большихъ непріятностей (Сравни Чтенія въ Моск. Обществѣ Ист. и Древн. за 1896 г. кн. 4, смѣси стр. 32). Неизвѣстно, какъ отозвался на этотъ наказъ Ординъ-Нащокинъ. 21 мая 1671 г. въ Посольскомъ приказѣ еще предполагали, что Ординъ-Нащокинъ отправится на посольство, но въ концѣ іюня пришлось назначить новаго посла -- окольничаго В. С. Волынскаго, для котораго составленъ былъ новый наказъ безъ обидныхъ ограниченій, бывшихъ въ наказѣ Ордину-Нащокину. На случай, если бы польскіе комиссары спросили,—почему пріѣхалъ на посольскій съѣздъ окольничій Волынскій, а не указанный въ государевой грамотѣ къ королю ближній бояринъ Ординъ-Нащокинъ, Волынскому поручено было сказать: «бояринъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ волею Божіею занемогъ и великій государь его царское величество за тою его болѣзнью на съѣздъ послать его не изволилъ». Очевидно, государь не далъ Ордину-Нащокину объясненій своей немилости и бояринъ сказался больнымъ, а вскорѣ постригся въ монахи.

419 засѣданіе (годичное) 18 марта.

Въ годичномъ засѣданіи Общества 18 марта с. г. подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, С. О. Долгова, Д. И. Иловайскаго, П. А. Лаврова, М. К. Любавскаго, Г. А. Муркоса, Н. Н. Оглоблина, Е. И. Соколова, свящ. Н. А. Соловьева, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Члена-Соревнователя В. Н. Сторожева и Секретаря Е. В. Барсова происходило слѣдующее:

1) Секретарь прочелъ отчетъ объ ученой дѣятельности Общества въ минувшемъ году.

II. Казначей прочелъ подробный отчетъ о состояніи и движеніи суммъ Общества и состоящихъ въ его распоряженіи премій за время съ 16 марта 1896 г. по 17 марта 1897 года.

III. Помощникъ библіотекаря Е. И. Соколовъ прочелъ подробный отчетъ о приращеніяхъ Библіотеки Общества въ минувшемъ году и о произведенныхъ имъ работахъ.

IV. Общество, по предложенію г. Предсѣдателя, выразило своимъ Секретарю, Казначею и помощнику Библіотекаря искреннюю благодарность за ихъ труды по Обществу въ минувшемъ году.

V. Казначей Общества просилъ поручить кому либо изъ Членовъ Общества, по примѣру прошлаго года, провѣрить его отчетъ за минувшій годъ. Записками въ Члены ревизіонной Коммиссіи Общество избрало Дѣйствительныхъ Членовъ В. И. Холмогорова и Е. И. Соколова, которымъ и поручило провѣрить приходорасходныя книги Общества за отчетный годъ.

VI. Дѣйствительный Членъ С. А. Бѣлокуровъ сдѣлалъ сообщеніе объ одномъ рукописномъ Сборникѣ XV—XVI вв. собранія Н. П. Никифорова. Перечисливъ входящія въ составъ сей рукописи статьи, референтъ остановился на находящихся въ числѣ ихъ лѣтописныхъ отрывкахъ, именно: 1) лѣтописцѣ патріарха Никифора, 2) лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго и 3) Литовской лѣтописи, изданной Даниловичемъ подъ именемъ «Хроники русской». Отмѣтивъ особенности текстовъ сей рукописи сравнительно съ изданіями, С. А. Бѣлокуровъ указалъ и тѣ новыя свѣдѣнія, которыя встрѣчаются въ послѣдней лѣтописи и не находятся въ другихъ доселѣ извѣстныхъ русскихъ лѣтописяхъ.

420-е засѣданіе (обыкновенное) 18 марта.

Въ обыкновенномъ засѣданіи 18-го марта с. г. подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, С. О. Долгова, Д. И. Иловайскаго, П. А. Лаврова, М. К. Любавскаго, Г. А. Муркоса, Н. Н. Оглоблина, Е. И. Соколова, свящ. Н. А. Соловьева, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Члена-Соревнователя В. Н. Сторожева и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола предыдущаго засѣданія, происходило слѣдующее:

Читаны были отношенія и письма: 1) Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ имени императора Александра III съ препровожденіемъ перваго выпуска Описанія хранимыхъ въ Музеѣ памятниковъ, заключающаго въ себѣ изслѣдованіе о древне-русскихъ монетахъ до 1547 г., составленное А. В. Орѣшниковымъ

2) Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ съ препровожденіемъ 1-го тома «Извѣстій Института».

3) П. И. Щукина съ препровожденіемъ II тома собранныхъ имъ бумагъ.

По §§ 1—3 опредѣлено: благодарить.

4) Библіотекаря Упсальскаго Университета о полученіи 4 книги «Чтеній» 1896 г.

5) Письма Г. А. Муркоса и С. Д. Муретова съ выраженіемъ глубокой благодарности за избраніе ихъ: перваго въ Дѣйствительные Члены Общества, а послѣдняго въ Члены Соревнователи.

6) Закрытой баллотировкой избранъ въ Дѣйствительные Члены Общества предложенный въ предыдущемъ засѣданіи Членъ-Соревнователь М. А. Веневитиновъ (большинствомъ 13 голосовъ противъ 1).

421 засѣданіе (чрезвычайное) 24 апрѣля.

Въ чрезвычайномъ засѣданіи 24 апрѣля с. г. подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Р. Ѳ. Брандта, С. А. Бѣлокурова, Д. И. Иловайскаго, А. Н. Зерцалова, А. И. Кирпичникова, М. К. Любавскаго, Г. А. Муркоса, Н. Н. Оглоблина, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. Н. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Членовъ-Соревнователей: Н. Н. Аммона, И. С. Бѣляева, А. А. Гов-

даво-Голомбіевскаго, М. Н. Сперанскаго, А. С. Хаханова, И. И. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова, происходило слѣдующее:

1) Предсѣдатель Общества сдѣлалъ докладъ о представленныхъ на соисканіе преміи Г. Ѳ. Карпова сочиненіяхъ, отмѣтилъ ихъ достоинства и недостатки и объявилъ приговоръ избранной Обществомъ по присужденію сей преміи Коммиссіи, которая признала достойными преміи сочиненія: а) Профессора Юрьевскаго Университета А. Филиппова «Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета» (Ч. I. «Сенатъ въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта». Юрьевъ 1895 г.) и б) Преподавателя историко-филологическаго Института кн. Безбородко М. Лилеева «Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII и XVIII вв.» (Кіевъ 1895 г.), а въ силу § 2 Правилъ о порядкѣ присужденія преміи Г. Ѳ. Карпова присудила выдать премію М. И. Лилееву; Дѣйствительнаго же Члена Общества профессора С. Т. Голубева за подробную и основательную рецензію постановила удостоить установленной золотой медали.

Опредѣлено: выдать М. И. Лилееву премію, а С. Т. Голубеву золотую медаль; учредительницу-же преміи А. Т. Карпову увѣдомить о результатахъ конкурса и препроводить ей экземпляръ сочиненія М. И. Лилеева.

422 засѣданіе (обыкновенное) 24 апрѣля.

Въ обыкновенномъ засѣданіи 24 апрѣля сего года подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Р. Ѳ. Брандта, С. А. Бѣлокурова, Д. И. Иловайскаго, А. Н. Зерцалова, А. Н. Кирпичникова, М. К. Любавскаго, Г. А. Муркоса, Н. Н. Оглоблина, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Членовъ-Соревнователей: Н. И. Аммона, И. С. Бѣляева, А. А. Гоздаво-Голомбіевскаго, М. Н. Сперанскаго, А. С. Хаханова, И. И. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола предыдущаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Директора Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ отъ 28 марта сего года за № 382 съ препровожденіемъ III т. «Обзора внѣшнихъ сношеній Россіи», составленнаго Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ.

2) Редактора Извѣстій Императорскаго Томскаго Университета отъ 12 марта сего года за № 1096 съ препровожденіемъ XI книги Университетскихъ Извѣстій и Приложеній.

3) П. И. Щукина съ препровожденіемъ изданнаго имъ Сборника документовъ.

По §§ 1—3 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

4) Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета отъ 29 марта сего года за № 59 съ выраженіемъ благодарности за постановленіе безплатно высылать «Чтенія» Общества въ студенческую читальню при Музеѣ Отечествовѣдѣнія.

5) Управленія Императорской Публичной Библіотеки отъ 7 марта с. г. за № 382 съ просьбой доставить неимѣющійся въ ней отдѣльный оттискъ сочиненія И. Д. Бѣляева: «О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Θедоровича и послѣ его до Петра I». М. 1846 г. Опредѣлено: выслать.

6) Члена Сотрудника Псковскаго Археологическаго Общества Г. Сандоевскаго съ просьбой о безплатной высылкѣ изданій Общества. Опредѣлено: выслать «Чтенія» Общества 1896 г. и просить г. Сандоевскаго увѣдомить, какія еще изданія Общества ему желательно получить.

7) Почетнаго гражданина города Углича Л. Θ. Соловьева съ извѣщеніемъ о намѣреніи угличанъ поставить памятникъ народному поэту И. З. Сурикову, уроженцу г. Углича.

8) Правленія Общества взаимнаго вспоможенія лицамъ педагогическаго званія съ просьбой о напечатаніи въ «Чтеніяхъ» его циркулярнаго извѣщенія.

9) Дѣйствительнаго Члена М. А. Веневитинова съ принесеніемъ глубокой признательности за избраніе его въ Дѣйствительные Члены Общества.

10) Члена-Соревнователя Н. Н. Никифорова съ принесеніемъ благодарности за избраніе его въ Члены-Соревнователи Общества.

11) Предложеніе гг. Дѣйствительныхъ Членовъ Общества В. О. Ключевскаго, Е. В. Барсова и С. А. Бѣлокурова объ избраніи въ Дѣйствительные Члены Общества профессора Новороссійскаго Университета Егора Ивановича Перетятковича. Опредѣлено: произвести избраніе закрытой баллотировкой въ слѣдующемъ засѣданіи.

12) Дѣйствительный Членъ В. Н. Холмогоровъ заявилъ, что имъ совмѣстно съ Дѣйствительнымъ Членомъ Е. Н. Соколовымъ, согласно постановленію предыдущаго засѣданія, была произведена ревизія приходорасходныхъ книгъ Общества и оказалось, что книги ведутся Казначеемъ Общества правильно, на статьи прихода и расхода имѣются оправдательные документы, деньги Общества находятся въ полной цѣлости и сохранности: % бумаги въ Губернскомъ Казначействѣ и

Государственной Сберегательной Кассѣ; въ послѣдней хранятся и наличныя деньги Общества, изъ коихъ у Казначея его имѣется на рукахъ для необходимыхъ расходовъ менѣе 100 рублей.—Согласно предложенію Предсѣдателя Общество постановило: выразить Дѣйствительнымъ Членамъ В. И. Холмогорову и Е. И. Соколову благодарность за понесенные ими труды.

II. Дѣйствительный Членъ М. К. Любавскій сдѣлалъ сообщеніе объ «Общественномъ бытѣ литовцевъ по древнѣйшимъ извѣстіямъ и объ образованіи великаго княжества Литовскаго».

Въ концѣ XII и началѣ XIII в. Литовскія племена распадались на множество мелкихъ общественныхъ союзовъ, во главѣ которыхъ стояли *старѣйшие, лучшие, сильные, знатные люди, князья*. Такъ называютъ ихъ польскія и нѣмецкія хроники. Ядромъ, изъ котораго развились эти мелкіе союзы, были несомнѣнно роды, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно разсмотрѣть разросшіеся роды (напр., въ Корковичахъ, которыхъ разорилъ Даніилъ Романовичъ). Этимъ, быть можетъ, объясняется и множество названій древнѣйшихъ селеній на Литвѣ съ окончаніемъ на *ишки*. Но родовая организація, давъ начало мелкимъ общественнымъ группамъ, съ теченіемъ времени вслѣдствіе размноженія родовъ и приселенія чужеродцевъ, превратилась въ организацію чисто политическую. Сама природа помогала выработкѣ такой общественной группировки, разбивала Литву на мелкіе общественные союзы: земля литовцевъ представляла какъ бы острова, окруженные болотами и озерами, по свидѣтельству Мартина Галла. Въ XII в. въ мелкихъ обществахъ литовскихъ большею частью господствовало уже раздѣленіе земель и имущественное неравенство, были и богатые, и бѣдные. Эти-то богатые, сильные и вліятельные люди и становились, очевидно, старшинами литовскихъ общинъ, по избранію населенія. Но могло случаться, что власть навязывалась общинѣ и силою, покоряла и подчиняла ее себѣ. Въ XII вѣкѣ война сдѣлалась промысломъ литовскихъ удальцовъ, и изъ среды литовцевъ, занимавшихся мирнымъ трудомъ, выдѣлился общественный классъ на подобіе германской или славянской дружины. Вождями этихъ удальцовъ становились, по всей вѣроятности, тѣ же зажиточные люди, изъ которыхъ выбирались народные старшины и предводители, быть можетъ, иногда тѣ же самыя лица. Обогащаясь еще болѣе на войнѣ, опираясь на своихъ боевыхъ товарищей, эти вожди усиливали свое значеніе въ общинѣ, дѣлались въ ней господами, князьками, которымъ населеніе повиновалось уже поневолѣ. Отъ отца положеніе переходило къ сыну и далѣе, и такимъ образомъ появлялись наслѣдственные властители-династы. Бывало и такъ, что нѣкоторые

князьки подчиняли себѣ сосѣднія общины, становились крупными владѣтелями. Такимъ крупнымъ владѣтелемъ былъ уже отецъ Мендовга, по свидѣтельству риѳмованной нѣмецкой хроники. Не вездѣ на Литвѣ въ XII и XIII в. были вожди съ одинаковымъ значеніемъ: въ иныхъ общинахъ они были старшинами по избранію міра, въ другихъ—настоящими князьками и царьками. Этимъ и объясняется разнообразіе названій, которыя даютъ имъ польскія и нѣмецкія хроники.

Въ XII в. благодаря хищническимъ нападеніямъ польскихъ и русскихъ князей среди литовцевъ обнаруживается стремленіе къ единенію. Подъ дѣйствіемъ общей опасности литовскіе старшины и князья стали составлять союзы. Когда первый шагъ былъ сдѣланъ, послѣдовали и дальнѣйшіе: литовцы стали соединяться съ цѣлью нападеній на сосѣдей, обезсиленныхъ мѣстною рознью и усобицами. Тринадцатый вѣкъ принесъ для литовцевъ страшныхъ враговъ въ лицѣ нѣмецкихъ рыцарей и могущественнаго Галицкаго князя, съ которымъ за одно дѣйствовали и князья польскіе. Безпрерывныя вторженія этихъ враговъ въ Литву, ихъ намѣренія разобрать Литву по частямъ, поработить ее и навязать ей христіанскую вѣру заставили литовцевъ соединиться и сплотиться въ едино подъ властью сильнѣйшаго изъ своихъ князей Мендовга, который съ своей стороны прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы собрать всю Литву подъ свою власть. Онъ уже отъ отца получилъ крупное наслѣдство и былъ самымъ сильнымъ владѣтелемъ на Литвѣ. Затѣмъ, въ самый переполохъ и сумятицу, произведенную на Руси татарами, Мендовгъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ такъ называемую Черную Русь, т. е. область правыхъ притоковъ Нѣмана съ городами Новгородкомъ, Слонимомъ, Волковыйскомъ и Городномъ. Это пріобрѣтеніе имѣло громадное значеніе для дальнѣйшихъ успѣховъ Мендовга, потому что давало возможность черпать на сторонѣ силы для внутренней борьбы, выступать съ властными и смѣлыми притязаніями въ Литвѣ. Не даромъ Мендовгъ утвердилъ въ Новгородкѣ свою столицу: очевидно онъ опирался преимущественно на русскія силы своего княжества. Имъ главнымъ образомъ онъ обязанъ былъ торжествомъ надъ своими братьями, благодаря которому онъ сдѣлался «самодержцемъ во всей Литовской земли». При сильно возбужденномъ чувствѣ самосохраненія власть Мендовга пріобрѣла общее и прочное признаніе въ Литовскомъ народѣ и подъ конецъ его жизни распространилась даже на Жмудь. Образовавшееся при немъ государство настолько удовлетворяло потребностямъ народнымъ, что не разложилось отъ междоусобій, наступившихъ по смерти Мендовга, не распалось отъ раздѣленія на нѣсколько княжествъ въ XIV вѣкѣ. Причины, содѣйствовавшія его созданію, продолжали

дѣйствовать и по смерти Мендовга, и при томъ едвали не съ большею силою: нѣмецкіе рыцари до самой Грюнвальденской битвы грозили Литовцамъ истребленіемъ и порабощеніемъ. Это государство съ самого зарожденія своего выступаетъ уже съ тѣмъ характеромъ, который отличалъ его впослѣдствіи, т. е. является не просто Литовскимъ, а Литовско-Русскимъ государствомъ.

423-е засѣданіе 19 мая.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 19 мая с. г. подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Общества В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Дѣйствит. Членовъ: С. А. Бѣлокурова, А. Н. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, Н. В. Никитина, И. В. Помяловскаго, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Члена-Соревнователя Общества И. А. Вахрамѣева отъ 28 апрѣля с. г. съ препровожденіемъ экземпляра изданнаго имъ 4-го выпуска Описанія принадлежащихъ ему рукописей.

2) Директора Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ отъ 28 апрѣля с. г. за № 602 съ препровожденіемъ Отчета Музеевъ за 1896 годъ.

3) Члена-Соревнователя Общества Н. П. Никифорова съ препровожденіемъ въ даръ Обществу рукописнаго Пролога XVI—XVII вв. Мартовской половины.

По § 1—3 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія, а Никифорова за пожертвованіе рукописи.

4) Директора Московскаго Сельско-Хозяйственнаго Института отъ 13 мая с. г. за № 1155 съ просьбой прислать въ библіотеку Института экземпляръ изданнаго Обществомъ изслѣдованія Н. Н. Оглоблина «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа».—Опредѣлено: выслать.

5) Юридическаго Общества при Московскомъ Университетѣ отъ 29 апрѣля с. г. съ предложеніемъ постояннаго обмѣна изданіями.

6) Упсальскаго Университета отъ 18 мая с. г. съ увѣдомленіемъ о полученіи 1-й книги «Чтеній» 1897 г.

7) Редакціи Энциклопедическаго Словаря отъ 5 апрѣля с. г. съ просьбой доставить свѣдѣнія о дѣятельности Общества. Опредѣлено: выслать Редакціи—указатели къ изданіямъ Общества, печатные протоколы его засѣданій и списокъ Членовъ Общества.

8) Распорядительнаго Комитета X Съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ г. Кіевѣ съ извѣщеніемъ, что Съѣздъ по Высочайшему повелѣнію отложенъ до августа 1898 г. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

9) Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 5 мая с. г. за № 10408 съ извѣщеніемъ, что Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ, согласно ходатайству Общества, увеличить арендное производство до 2000 р. въ годъ Дѣйств. Члену Общества А. А. Мартынову съ 13 апрѣля с. г. до окончанія срока прежнему пожалованію.- Опредѣлено: просить Предсѣдателя Общества выразить г. Попечителю Моск. Учебнаго Округа искреннѣйшую признательность Общества за внимательное отношеніе къ ходатайству Общества.

10) Начальника Архива и Библіотеки Свят. Синода отъ 30 апрѣля с. г. за № 74 съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Обществомъ рукописи Синодальной Библіотеки за № $^{155}/_{268}$.

11) Императорской Археологической Коммиссіи съ препровожденіемъ 2-хъ экземпляровъ Списка русскихъ вещевыхъ надписей XI—XIV вв. Опредѣлено: сообщать означенный списокъ тѣмъ Членамъ Общества, которые пожелаютъ ознакомиться съ нимъ.

12) Общество имѣло сужденіе о затрудненіяхъ, испытываемыхъ при печатаніи «Чтеній» въ Университетской типографіи и о мѣрахъ принимавшихся къ устраненію ихъ, —и постановило: поручить Секретарю Общества потребовать отъ г. Арендатора типографіи замѣны стараго шрифта новымъ и увеличенія числа наборщиковъ; въ случаѣ отказа отъ исполненія сихъ требованій передать другой типографіи часть работъ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ Общество печатаетъ свои изданія въ Университетской типографіи.

13) Послѣдовавшею закрытою баллотировкою единогласно избранъ былъ въ Дѣйствительные Члены Общества профессоръ Новороссійскаго университета Егоръ Ивановичъ Перетятковичъ.

14) За истеченіемъ выборнаго срока произведены выборы Секретаря Общества. Записками заявлены кандидаты: Е. В. Барсовъ (19 записокъ) и М. И. Соколовъ (1 записка). Закрытой баллотировкой единогласно избранъ въ Секретари Общества прежній Секретарь Е. В. Барсовъ. (М. И. Соколовъ за отказомъ не подвергался баллотировкѣ).

15) Разрѣшено уплатить по счету Торговаго дома А. Варгунина за поставленную бумагу 712 р. 80 коп.

II. Сдѣланы доклады: а) Дѣйств. Членомъ Общества М. И. Соколовымъ—объ изданіи сочиненій Юрія Крижанича и б) Секретаремъ Общества Е. В. Барсовымъ «О моленіи царетѣмъ въ безпоповщинѣ».

424 засѣданіе 27 сентября.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 27 сентября сего года подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Общества В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, М. А. Веневитинова, С. О. Долгова, А. Н. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, П. А. Лаврова, М. К. Любавскаго, Г. А. Муркоса, Н. В. Никитина, протоіерея Г. П. Смирнова-Платонова, Е. И. Соколова, М. Н. Соколова, В. И. Холмогорова, Членовъ-Соревнователей: Н. И. Аммона, И. С. Бѣляева, А. П. Сапунова, А. С. Хаханова и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи отъ 17 іюня с. г. за № 1502 съ препровожденіемъ экземпляра девятаго выпуска Сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

2) Центральнаго Статистическаго Комитета съ препровожденіемъ экземпляра изданія: «Статистика Россійской Имперіи, XXXVII. Военно-Конская перепись 1893 и 1894 гг.».

3) Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества отъ 28 января с. г. за № 30 (получено въ іюнѣ мѣсяцѣ) съ выраженіемъ благодарности Обществу за доставленіе въ библіотеку Археологическаго Общества недостававшихъ въ оной изданій Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и съ препровожденіемъ въ обмѣнъ изданій Археологическаго Общества.

4) Того же Общества отъ 21 мая с. г. за № 145 съ препровожденіемъ новыхъ его изданій.

5) Канцеляріи Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба отъ іюня с. г. за № 30714 съ препровожденіемъ экземпляра изданной Комитетомъ брошюры: «Крѣпости и гарнизоны южной Россіи въ 1718 году».

6) Орловской Ученой Архивной Комиссіи отъ 30 апрѣля с. г. за № 43 съ препровожденіемъ 2 и 3-го выпуска своихъ «Трудовъ» за 1896 годъ.

7) П. И. Щукина съ препровожденіемъ III-го тома Сборника бумагъ, хранящихся въ принадлежащемъ ему музеѣ.

По §§ 1—7 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

8) Орловской Ученой Архивной Комиссіи отъ 6 сентября с. г.

за № 100 съ увѣдомленіемъ объ открытіи «Музея» и съ просьбой не отказать въ возможномъ удовлетвореніи просьбы, изложенной въ приложенномъ къ отношенію «Обращеніи».

9) Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи отъ 11 іюля с. г. за № 649 съ просьбой вступить въ обмѣнъ изданіями.

По §§ 8—9 опредѣлено: выслать безплатно имѣющіеся каталоги и указатели изданій Общества и увѣдомить, что самыя изданія могутъ быть высланы Комиссіи съ уступкой 50%.

10) Директора Московскаго Сельско-Хозяйственнаго Института отъ 4 іюня с. г. за № 1388 съ увѣдомленіемъ о полученіи экземпляра изслѣдованія Н. Н. Оглоблина «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа» и съ принесеніемъ отъ имени Совѣта Института за такой цѣнный даръ искренней признательности.

11) Упсальскаго Университета въ Христіаніи отъ 7 августа с. г. и Смитсоніанскаго Института въ Вашингтонѣ о полученіи первымъ 2-й книги «Чтеній» за 1897 г., а вторымъ 4-й за 1896 г. и 1-й и 2-й за 1897 г.

12) Совѣта Императорскаго Московскаго Университета отъ 24 мая с. г. за № 1924 съ препровожденіемъ заключенія Комиссіи относительно собиранія и изданія матеріаловъ по исторіи Московскаго Университета за истекающее 3-е 50-лѣтіе его существованія и программъ сего труда. Опредѣлено: увѣдомить Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета, что историческій очеркъ дѣятельности Общества за 3-е 50-лѣтіе существованія Университета своевременно будетъ составленъ и доставленъ Университету самимъ Обществомъ, собирающимъ уже для сего матеріалы въ виду того, что въ 1904 г. исполнится столѣтіе его существованія.

13) Конторы типографіи Московскаго Университета отъ 2 іюня с. г. съ предложеніемъ новаго шрифта для набора «Чтеній» и съ представленіемъ образца набора имъ. Общество, одобривъ новый шрифтъ, опредѣлило: производить имъ наборъ тѣхъ статей, которыя будутъ вновь доставлены или къ набору коихъ еще не приступлено: статьи же, начатыя старымъ шрифтомъ, имъ же и продолжать.

14) Дѣйствительный Членъ В. И. Холмогоровъ заявилъ, что Дѣйствительный Членъ Общества А. А. Мартыновъ просилъ его передать Обществу искреннѣйшую и глубочайшую благодарность за исходатайствованіе ему увеличенія арендпаго производства.

II. Предсѣдателемъ Общества В. О. Ключевскимъ и Дѣйствит. Членомъ II. А. Лавровымъ сдѣланы сообщенія о Почетномъ Членѣ Общества Ѳ. И. Буслаевѣ.

1) Предсѣдатель сообщилъ нѣсколько своихъ воспоминаній «о Ѳ. И. Буслаевѣ, какъ о преподавателѣ и изслѣдователѣ», съ цѣлью показать, чѣмъ референтъ вмѣстѣ съ другими учениками покойнаго ученаго обязанъ ему въ своемъ научномъ образованіи и что сдѣлалъ Ѳ. И. вообще для изученія русской исторіи. Въ дѣлѣ этого изученія онъ одинъ изъ первыхъ, если не первый, растолковалъ въ русской научной литературѣ и въ русской университетской аудиторіи значеніе языка, какъ историческаго источника и притомъ основнаго и древнѣйшаго источника исторіи народа. По воспоминаніямъ о лекціяхъ и бесѣдахъ Буслаева, частію и по его сочиненіямъ, референтъ кратко изложилъ и тотъ діалектическій процессъ, посредствомъ котораго аудиторія Ѳ. И—ча усвояла себѣ такое значеніе языка, его ростъ и строеніе и его отношеніе къ народной жизни. Другою важною заслугой, оказанной Буслаевымъ изученію русской исторіи, было возстановленіе исторической связи между устной народной и письменной словесностью. Для возстановленія этой связи онъ предпринялъ неутомимое и широкое сравнительное изученіе еще неизданныхъ памятниковъ старой русской письменности и разнообразныхъ формъ и видовъ словеснаго народнаго творчества, миѳовъ, легендъ, сказокъ, пословицъ, примѣтъ, загадокъ и т. п. Это былъ другой общій источникъ, даже цѣлый рядъ общихъ источниковъ какъ для исторіи русской словесности, такъ и для русской исторіи, и въ изученіе этихъ обильныхъ и мало тронутыхъ источниковъ Буслаевъ внесъ большое оживленіе, указалъ пріемы и далъ опыты ихъ обработки, благотворно отразившіеся на успѣхахъ русской исторіографіи. Такъ возстановлена была внутренняя историческая связь древнерусской письменности съ ея туземными источниками, съ самородными мотивами и образами словеснаго творчества народа. Это сближеніе искусственной книжной письменности съ долго пренебрегаемой изустной словесностью открыло неистощимый запасъ новыхъ средствъ для изученія русской народной жизни, мысли и фантазіи. Такимъ образомъ, благодаря трудамъ Ѳ. И. Буслаева, расширилось и углубилось изученіе источниковъ русской исторіи.

2) Дѣствит. Членъ П. А. Лавровъ, познакомивъ съ содержаніемъ курсовъ Ѳ. Ив. Буслаева, читанныхъ имъ въ 1875—76, 1876—77 и 1878—79 годахъ, указалъ на высокія достоинства Ѳ. Ив. Буслаева, какъ профессора, выразившіяся во вліяніи его на слушателей передачей имъ научнаго метода изслѣдованія, утвержденіемъ въ нихъ началъ народности, развитіемъ художественнаго чувства и пониманія искусства, въ обаяніи художественной формы изложенія лекцій и одушевленія, съ которымъ онъ относился къ своему предмету. Высказавъ мнѣніе, что глубокимъ

пониманіемъ искусства и живымъ отношеніемъ къ принципамъ народности Ѳ. Ив. главнымъ образомъ обязанъ пребыванію въ Италіи, странѣ столь богатой памятниками искусства и въ то время испытывавшей тяжелый политическій гнетъ, П. А. Лавровъ привелъ изъ «Воспоминаній» Ѳ. Ив. тѣ строки, изъ которыхъ видно, что онъ не только изучалъ произведенія искусства, но старался проникнуть въ самый духъ художественнаго творчества знаменитыхъ художниковъ Микель Анджело и Рафаеля, а изъ лекцій Ѳ. Ив. то мѣсто, въ которомъ онъ въ самыхъ теплыхъ словахъ говорилъ о возрожденіи народности у славянъ, главнымъ образомъ чеховъ, находившихся въ такомъ же угнетеніи, какъ и итальянцы. Перейдя затѣмъ къ занятіямъ Ѳ. Ив., какъ руководителя семинаріемъ по русскому языку и литературѣ, П. А. Лавровъ отмѣтилъ высказываемый въ эти годы Ѳ. Ив. взглядъ на изданіе памятниковъ, при чемъ остановился на выясненіи значенія 2-хъ трудовъ Ѳ. И. въ этой области—его Исторической и школьной хрестоматіи. Въ заключеніе П. А. упомянулъ и о превосходныхъ воспоминаніяхъ Ѳ. Ив. Буслаева, важныхъ для уясненія его ученой и литературной дѣятельности и въ то же время столь художественныхъ, что современемъ они будутъ, вѣроятно, читаться въ школахъ, какъ «Письма русскаго путешественника» Карамзина.

III. Секретаремъ Общества Е. В. Барсовымъ были сообщены слѣд. воспоминанія о Дѣйствительномъ Членѣ Общества В. Е. Румянцевѣ:

Не сложна и не красна была жизнь Василія Егоровича Румянцева. По окончаніи академическаго курса онъ очень недолго занимался педагогическимъ дѣломъ и скоро перешелъ на службу въ Москву, въ старый Сенатъ, гдѣ затѣмъ въ качествѣ чиновника Сенатской типографіи познакомился съ типографскимъ дѣломъ и отсюда перешелъ на службу въ Московскую Синодальную типографію. Вся его жизнь, можно сказать, принадлежала этому послѣднему учрежденію. Ему онъ отдалъ всѣ свои силы, всю свою энергію, и заслуги его никогда не изгладятся въ исторіи Московской Синодальной типографіи.

Василій Егоровичъ былъ человѣкъ вдумчивый, разсудительный, молчаливый и сосредоточенный. Нравственный образъ его отличался честностію и благородствомъ. Онъ неспособенъ былъ сдѣлаться человѣкомъ искательнымъ, подслужникомъ и льстецомъ. Эти нравственныя черты заграждали ему движенія по службѣ и даже были причиной многихъ непріятностей и угнетеній, кои приходилось переживать ему тай души своей. Энергія воли дѣлала его способнымъ къ продолжительному напряженію труда, который обогатилъ его широкими

знаніями въ области русскихъ и въ особенности церковныхъ древностей; а прямота характера и искренность сердца дѣлали его способнымъ къ дружбѣ—глубокой, прочной и надежной.

Мы сказали, что вся его служебная жизнь принадлежала Московской Синодальной типографіи и все, что имъ сдѣлано для нея, съ теченіемъ времени будетъ достойно оцѣнено исторической наукой.

Василій Егоровичъ служилъ при четырехъ управлявшихъ типографіей Гиляровѣ, Потемкинѣ, Радкевичѣ и Шишковѣ и въ одной и той же должности инспектора типографіи.

Извѣстно, что такое былъ Книгопечатный Дворъ въ старыя времена. Печатаніе церковныхъ книгъ считалось дѣломъ не только церковнымъ, но и государственнымъ чрезвычайной важности; на Печатномъ Дворѣ лежала обязанность не только тисненія, но и самой справы церковныхъ книгъ. Вотъ почему начальниками этого Двора были и думные дьяки, и митрополиты, и вообще мужи, пользовавшіеся ученою извѣстностію и высокими нравственными качествами. Но съ учрежденіемъ Синода и Хозяйственнаго при немъ Управленія существенно измѣнилась и точка зрѣнія на Московскій Синодальный Дворъ. Онъ сталъ трактоваться, какъ обыкновенная фабрика или ремесленное учрежденіе, связанное съ доходными статьями. Для Петроградскаго Синодальнаго Управленія—самое главное стало то, чтобы на Московскомъ Печатномъ Дворѣ сидѣлъ смѣтливый хозяинъ, умѣющій доставить наибольшую денежную прибыль отъ печатанія церковныхъ книгъ.

Вотъ почему на пространствѣ почти двухъ вѣковъ на Московскомъ Печатномъ Дворѣ, за исключеніемъ Н. П. Гилярова, въ ряду служившихъ здѣсь лицъ нельзя указать ни одного человѣка, который бы носилъ въ себѣ историческую идею учрежденія и сдѣлалъ бы для поддержанія ея все, что было въ его силахъ. Только съ именемъ В. Е. Румянцева связано возрожденіе этого Печатнаго Двора въ духѣ историческаго преданія.

Въ то время, когда на Никольской улицѣ земля и старыя зданія отданы были Синодомъ подъ постройку «Славянскаго Базара», предположено было срыть и «Палату справы», находящуюся на дворѣ типографіи и выстроить взамѣнъ многоэтажное зданіе для увеличенія Синодальныхъ доходовъ.

Вас. Егор. Румянцевъ возсталъ всѣми силами души противъ такого варварскаго проэкта и при содѣйствіи графа А. С. Уварова отстоялъ существованіе древней Справной Палаты. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ на себя всѣ труды и заботы по ея возстановленію. Нѣсколько лѣтъ посвятилъ себя этой задачѣ, заботился денно и нощно, и нако-

нецъ привелъ ее въ тотъ художественный видъ, какой она имѣла въ XVII вѣкѣ. Это, можно сказать, было его дѣтище, которое онъ выходилъ и выхолилъ. Всякая мелочь была предметомъ его обдуманности и отвѣчаетъ цѣльности и художественности впечатлѣнія. Благодаря такимъ образомъ Василію Егоровичу для исторіи сохранился зодческій памятникъ, напоминающій собою терема царя Алексѣя Михаиловича.

При основаніи Московскаго Публичнаго Музея покойный Алексѣй Егор. Викторовъ, зная, что въ складахъ Московской Синодальной типографіи безъ призора валяются старопечатныя книги, возбудилъ вопросъ о томъ: не найдено ли будетъ возможнымъ передать эти книги во вновь возникающее учрежденіе. Духовное Начальство само по себѣ было не прочь отъ передачи этого стараго хлама въ Московскій Музей. Но Вас. Егор. Румянцевъ вмѣстѣ съ Н. Н. Гиляровымъ воспротивились этой передачѣ съ рѣшительною энергіей. Въ докладной запискѣ, составленной по этому дѣлу, Вас. Егоровичъ доказывалъ, что типографія не только не можетъ передать въ чужія руки книгъ, напечатанныхъ ею, какъ своихъ историческихъ памятниковъ и образцовъ, но что напротивъ чувствуется потребность пріобрѣсть и всѣ тѣ ея изданія, какихъ недостаетъ въ настоящую минуту. Въ ходатайствѣ Музею было отказано,—что очень огорчило покойнаго Алексѣя Егоровича Викторова и вслѣдствіе того взаимныя отношенія ихъ навсегда остались холодными. И Алексѣй Егоровичъ Викторовъ и Василій Егоровичъ Румянцевъ—оба ревновали не о себѣ, но каждый о своемъ учрежденіи, и это обстоятельство обостряло ихъ взаимныя отношенія.

Старопечатныя церковныя книги, дѣйствительно, бывшія до сего времени безъ призора и валявшіяся въ складахъ типографіи, теперь были собраны, приведены въ порядокъ и описаны.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что при приведеніи ихъ въ порядокъ, по словамъ Василія Егоровича, огромную услугу оказалъ антикваръ Тихонъ Ѳедоровичъ Большаковъ: книги безъ выходовъ онъ умѣлъ опредѣлять точно по переносамъ словъ, по запятымъ и точкамъ и по начертаніямъ нѣкоторыхъ буквъ. Благодаря ему, и самое описаніе книгъ могло быть совершено скоро и съ хронологическою точностью.

Но не старопечатная только библіотека Московскаго Синодальнаго Двора обязана была покойному Василію Егоровичу своимъ благоустройствомъ.

Архивъ типографскій, помѣщавшійся на чердакѣ, теперь также былъ разобранъ и получилъ приличное помѣщеніе.

На основаніи этого архива онъ создалъ капитальный трудъ: «Исторію Московскаго Печатнаго Двора» и издалъ его со множествомъ историческихъ и художественныхъ рисунковъ.

Понятно, что человѣкъ, такъ глубоко носившій въ душѣ своей преданіе Московскаго Печатнаго Двора, не могъ забыть и первопечатника Ивана Өедорова. По его мысли и вчинанію, въ день трехсотлѣтія, почтена была память этого основателя русской печати особымъ чрезвычайнымъ собраніемъ, на коемъ произнесены были соотвѣтствующія рѣчи; самъ Василій Егоровичъ Румянцевъ освѣтилъ первопечатное дѣло новыми данными первостепенной важности. По его же мысли и вчинанію былъ задуманъ памятникъ Ивану Өедорову и была открыта всероссійская подписка на его сооруженіе.

Въ настоящее время изданія Московской Синодальной типографіи отличаются особенною художественностію, украшаются росписными буквами, заставками на золотомъ полѣ, цвѣтами и узорами въ древнерусскомъ стилѣ. Этотъ художественный элементъ введенъ въ практику Синодальныхъ изданій подъ воздѣйствіемъ покойнаго Василія Егоровича. Его «Исторія Московскаго Типографскаго Двора» открыла богатство и разнообразіе этихъ историческихъ украшеній и онъ первый началъ примѣнять ихъ къ новымъ изданіямъ.

Благодаря личности Василія Егоровича и его заботамъ Московскій Синодальный Дворъ сталъ своего рода Музеемъ, привлекавшимъ къ себѣ ученыя силы, какъ столичныя, такъ и провинціальныя.

М. П. Погодинъ нерѣдко заѣзжалъ сюда за разрѣшеніемъ разныхъ недоумѣній, особенно же по поводу своихъ лекцій о Москвѣ. А. А. Котляревскій каждый разъ по пріѣздѣ въ Москву считалъ своимъ долгомъ посѣтить кромѣ о. Амфилохія и В. Е. Румянцева. Ундольскій и Невоструевъ были въ самыхъ ближайшихъ и дружескихъ къ нему отношеніяхъ.

Древняя церковная архитектура въ особенности составляла любимѣйшій интересъ покойнаго В. Егор—ча и знанія его въ этой области признавались безусловно авторитетными; къ нему обращались за совѣтами такіе зодчіе, какъ Н. В. Султановъ, нашъ достопочтенный сочленъ Ник. Вас. Никитинъ и нѣкоторые академики архитектуры.

Ему поднесена была икона отъ Владимирскаго духовенства за самое живое и дѣятельное участіе при возобновленіи собора Андрея Боголюбскаго.

Реставраціи Ростовскихъ храмовъ и Кремля также совершались подъ его ближайшимъ руководствомъ и при его непосредственномъ участіи.

Не касаясь уже извѣстныхъ его ученыхъ трудовъ, мы упомянемъ лишь о послѣдней его работѣ. Св. Синодомъ ему поручено было заняться исправленіемъ «*Святцевъ*». Нѣсколько послѣднихъ лѣтъ онъ весьма усердно изучалъ агіологію и весьма былъ доволенъ тѣмъ, что ему удалось открыть множество недосмотровъ въ существующихъ святцахъ и сдѣлать соотвѣтствующія исправленія. Докончена ли была эта работа и представлена ли была въ Св. Синодъ—намъ неизвѣстно. Но множество черновыхъ тетрадей намъ удавалось видѣть.

Жизнь и дѣятельность В. Е. Румянцева главнымъ образомъ была связана съ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ—въ эпоху его разцвѣта. Едва-ли къ кому нибудь изъ археологической дружины графъ Уваровъ былъ такъ близокъ, какъ къ В. Е. Румянцеву; съ другой стороны едва-ли на какое-нибудь другое дѣло Вас. Егоровичъ посвящалъ столько времени и силъ, какъ дѣламъ Московскаго Археологическаго Общества. Когда некому было читать въ засѣданіяхъ, обыкновенно читали или самъ предсѣдатель, или секретарь В. Е. Румянцевъ. Не мало потрудился онъ для этихъ докладовъ, кои были большею частію внезапны и неподготовлены. Не блестящи они были по внѣшней формѣ, всегда устные, но за то они непремѣнно или открывали новый историческій фактъ, или вносили новую мысль: то мы узнавали, что протопопъ Аввакумъ съ братіей никогда не были справщиками церковныхъ книгъ и стали во главѣ раскола вовсе не потому, что будто бы Никонъ отставилъ ихъ отъ книжнаго исправленія, какъ это прежде выдавалось за несомнѣнный фактъ въ исторической наукѣ; то онъ знакомилъ съ технологіей печатнаго дѣла въ XVI вѣкѣ; то разъяснялъ неразгаданный символъ иконографіи и т. п. Въ особенности почтенна его дѣятельность, какъ редактора Трудовъ Археологическаго Общества: онъ избѣгалъ печатать болтовню и вообще работы сомнительнаго достоинства; строгій выборъ матеріала придавалъ особенную цѣнность изданнымъ имъ «Трудамъ Общества». И если мы вспомнимъ, что имъ издано десять томовъ, то становится яснымъ - какая масса нравственной энергіи была отдана имъ историко-археологической наукѣ. При этомъ нужно замѣтить, что матеріалъ, которымъ онъ располагалъ, требовалъ еще грамматическихъ и стилистическихъ исправленій. Стиль самого графа Уварова весьма часто отзывался галлицизмами и требовалъ стилистической очистки. Нужно замѣтить, что графъ ни мало не оскорблялся такими поправками; напротивъ былъ весьма благодаренъ, подобно Карамзину, слогъ котораго иногда исправлялъ Малиновскій.

Графъ высоко цѣнилъ дѣятельность Румянцева и ревностно оберегалъ его на его служебной карьерѣ.

Съ другой стороны все нравственное существо Вас. Егоровича было связано съ личностію графа.

Въ одинъ печальный день онъ пришелъ къ намъ и, не снимая верхняго платья, воскликнулъ: «графа Уварова не стало», и при этомъ въ собственномъ смыслѣ громко зарыдалъ. Мы его утѣшали, насколько могли. На публичномъ засѣданіи, посвященномъ памяти гр. А. С. Уварова, онъ въ своей рѣчи дрожащимъ голосомъ и также сквозь слезы сказалъ: «съ кончиною графа для меня лично все кончилось». И это его слово было—пророческое слово.

Когда онъ былъ удаленъ со службы въ Синодальной типографіи, у него осталось еще одно нравственное утѣшеніе, что его ученый міръ цѣнитъ—и въ особенности Московское Археологическое Общество, которому онъ посвятилъ столько силъ и жизни.

Но вотъ вдругъ онъ найденъ даже негоднымъ для того, чтобы сидѣть Товарищемъ Предсѣдателя.

Когда ему о томъ сказали, онъ какъ будто оцѣпенѣлъ и не могъ сказать ни одного слова.

Съ этого именно момента быстрыми шагами пошло его умственное и физическое умираніе.

425 засѣданіе 31 октября.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 31 октября с. г. подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Общества В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, Д. И. Иловайскаго, Н. В. Никитина, Н. Н. Оглоблина, В. Н. Сизова, Е. Н. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. О. Эйнгорна, Членовъ Соревнователей: Н. Н. Аммона, А. П. Сапунова, А. Н. Станкевича и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Директора Императорской Публичной Библіотеки за № 1769 съ препровожденіемъ «Отчета» о дѣятельности Библіотеки за 1894 г.

2) Канцеляріи Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба отъ 30 сентября с. г. за № 48755 съ препровожденіемъ 1 экземпляра «Сборника военно-историческихъ матеріаловъ», издаваемаго Военно-Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба.

3) Члена-Соревнователя Общества И. А. Вахрамѣева отъ 17 октября с. г. съ препровожденіемъ въ Библіотеку Общества изданныхъ имъ 3-хъ томовъ „Историческихъ Актовъ Ярославскаго Спасскаго монастыря" и дополненія къ нимъ («Книга Кормовая»).

4) Орловской Ученой Архивной Коммиссіи отъ 30 октября с. г. за № 81 съ препровожденіемъ перваго выпуска ея „Трудовъ" и изданнаго ею «Сборника историческихъ матеріаловъ о жизни и дѣятельности о. архимандрита Макарія Глухарева».

5) А. А. Милорадовича съ препровожденіемъ брошюры о В. Кн. Маріи Владиміровнѣ.

По §§ 1—5 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

6) Ректора Императорскаго Московскаго Университета отъ 24 октября с. г. за № 3087 съ просьбою о доставленіи не позднѣе 1 декабря свѣдѣній о дѣятельности Общества за сей годъ для помѣщенія ихъ въ Университетскомъ Отчетѣ. Опредѣлено: своевременно доставить.

7) Члена-Соревнователя проф. Новороссійскаго Университета В. М. Истрина отъ 5 октября [illegible] Чтеній 2-го тома [illegible] Александріи. Опредѣлено: [illegible] Истрина [illegible] его работы [illegible] не ранѣе [illegible] 2 [illegible] и въ виду сего не представляется [illegible] возможности [illegible] работу [illegible] ранѣе.

8) Директора С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ отъ 28 октября [illegible] № 1705 съ просьбою о пожертвованіи С.-Петербургскимъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ Чтеній Общества съ 1866 г. по 1885 [illegible] 2-й книги 1886 года. Опредѣлено: выслать безплатно Чтенія Общества [illegible] 1866—1885 годы.

9) Московскаго Архитектурнаго Общества отъ 24 октября с. г. [illegible] 26 октября [illegible] Устава Архитектурнаго Общества. [illegible] Общества [illegible] у Общества [illegible] своею [illegible] Секретаря [illegible]

10) [illegible] въ 1898 году [illegible] Ученыя Записки [illegible] Новъ и [illegible] съ первыми [illegible]

11) Редакціи газеты «Русскій Листокъ» съ просьбой повѣстки, объявленія, отчеты, замѣтки и проч. посылать непосредственно въ редакцію.

12) Предсѣдатель Общества, сообщивъ о кончинѣ Почетнаго Члена Общества Е. Θ. Корша (6 октября 1897 г.), состоявшаго болѣе 60 лѣтъ Членомъ Общества, заявилъ, что на похоронахъ его въ качествѣ представителей Общества присутствовали гг. Предсѣдатель и Секретарь Общества.

13) Въ виду представленія сочиненій на соисканіе преміи Г. Θ. Карпова Общество, постановивъ составить въ семъ же засѣданіи Коммиссію по присужденію сей преміи, записками избрало въ Члены сей Коммиссіи Членовъ Общества: В. О. Ключевскаго, Д. И. Иловайскаго, С. А. Бѣлокурова, В. А. Уляницкаго и А. П. Сапунова, а кандидатами къ нимъ на случай выхода кого-либо изъ числа ихъ Членовъ Общества: В. О. Эйнгорна, Е. В. Барсова и М. К. Любавскаго.

14) Разрѣшено уплатить: а) Компаніи Угличской писчебумажной фабрики (б. Варгунина) и Товариществу Невской фабрики бр. Варгуниныхъ по тремъ поданнымъ счетамъ за поставленную бумагу: одному—641 р. 52 к., другому—605 р. 88 к., и третьему 158 р. 40 к., всего 1405 р. 80 к.; б) Университетской типографіи за мелкія работы въ 1896 году 29 р. 90 к., за 4-ю книгу «Чтеній» 1896 г. 581 р. 15 к., за 1-ю 1897 г. 608 р. 12 к., за 2-ю 796 р. 47 к., и за 3-ю 782 р. 39 к., всего 2798 р. 3 к.

II. Почетнымъ Членомъ Ю. Д. Филимоновымъ сдѣлано сообщеніе «О времени и происхожденіи знаменитой шапки Мономаха».

Референтъ доказывалъ, что вопреки существующему мнѣнію ученыхъ шапка Мономаха не носитъ на себѣ признаковъ ни византійскаго происхожденія, ни XII вѣка, а должна быть отнесена къ произведеніямъ арабскаго искусства начала XIV вѣка. Доказательства свои Ю. Д. Филимоновъ подтвердилъ представленными имъ многочисленными рисунками, изображающими собою точныя копіи съ работъ извѣстныхъ арабскихъ мастеровъ не только въ металлическихъ издѣліяхъ, но и въ миніатюрахъ рукописей, въ цвѣтныхъ поливныхъ издѣліяхъ и въ ковровыхъ. Растительный и геометрическій орнаментъ на этихъ работахъ оказался по стилю тожественнымъ съ филигранною работой, украшающею шапку Мономаха. Референтъ доказывалъ, что шапка эта сработана въ Каирѣ въ XIV вѣкѣ и прислана египетскимъ султаномъ Эль-Меликъ-Энъ-Насиръ-Ибнъ-Калауномъ въ 1317 г., родственнику своему золотоордынскому хану Узбеку, а этимъ послѣднимъ передана собирателю русской земли великому князю Іоанну Калитѣ.

Всѣ свои положенія, относящіяся къ происхожденію знаменитой шапки, Ю. Д. Филимоновъ доказывалъ документальными данными, относящимися къ изслѣдуемой эпохѣ. Однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ справедливости своего мнѣнія относительно происхожденія Мономаховой шапки референтъ считаетъ то, что рисунокъ цвѣтка лотоса, служащій главнымъ украшеніемъ шапки, почти точная копія съ того же цвѣтка, который украшаетъ извѣстный мѣдный столъ съ серебряной насѣчкой султана Калауна изъ арабскаго музея въ Каирѣ. Выяснивши происхожденіе шапки Мономаха, г. Филимоновъ перешелъ къ изложенію нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, доселѣ не принимавшихся въ разчетъ нашими историками и археологами. Шапка эта впервые появилась при Іоаннѣ Калитѣ подъ названіемъ «золотой» и подъ тѣмъ же названіемъ передавалась по завѣщанію первому въ родѣ, причемъ о происхожденіи ея въ завѣщаніяхъ не упоминалось. Послѣ коронованія внука Ивана III князя Дмитрія Ивановича (1489 г.) эта самая «золотая шапка» является подъ именемъ Мономаховой во время коронованія царя Іоанна IV. Тожество послѣдней съ «золотой шапкой» вполнѣ доказывается сличеніемъ текста ея описанія, сдѣланнаго Герберштейномъ, съ шапкой нынѣ существующей. Въ заключеніе Ю. Д. Филимоновымъ была высказана мысль, что археологія и на этотъ разъ идетъ рука объ руку съ послѣдними изслѣдованіями исторической критики, и если Мономахова шапка носитъ на себѣ несомнѣнные признаки происхожденія арабскаго искусства, а не византійскаго, она останется всегда высокочтимою святыней для русскаго народа и памятникомъ начала объединенія Россіи, а равно и того, что ею короновались всѣ цари, начиная съ Іоанна Васильевича и до принятія Петромъ Великимъ Императорскаго титула.

426 засѣданіе 29 ноября.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 29 ноября с. г. подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Общества В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, М. К. Любавскаго, Н. Н. Оглоблина, В. И. Сизова, Е. Н. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. О. Эйнгорна, Члена Соревнователя А. П. Сапунова и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Управляющаго Архивомъ Министерства Юстиціи отъ 1 ноября с. г. за № 153 съ препровожденіемъ изданной

Архивомъ книги: Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I.

2) Комитета Директоровъ Севастопольской Морской Офицерской Библіотеки отъ 18 ноября с. г. за № 454 съ препровожденіемъ «Отчета о дѣятельности Севастопольской Морской Офицерской Библіотеки».

3) Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ отъ 11 ноября с. г. за № 1321 съ препровожденіемъ 1 экземпляра книги: «Торжественное засѣданіе въ память графа Н. П. Румянцева 3 апрѣля 1897 г.»

4) Императорской Археологической Коммиссіи отъ 1 ноября с. г. съ препровожденіемъ 1 экз. изданныхъ ею «Матеріаловъ по археологіи Россіи» № 19 и 20, «Отчета о дѣятельности ея за 1894 г.» и «Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода». Опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

5) Императорскаго Русскаго Историческаго Общества отъ 8 ноября с. г. за № 184 съ увѣдомленіемъ о полученіи 3 и 4 книги «Чтеній» 1897 г.

6) Члена Соревнователя Псковскаго Археологическаго Общества Г. I. Сондоевскаго о высылкѣ ему нѣкоторыхъ изданій Общества. Опредѣлено: выслать просимыя изданія съ предложеніемъ возвратить ихъ обратно, по миновавіи надобности.

7) Директора Университетской Библіотеки въ Прагѣ г. Кукула отъ 11 ноября с. г. за № 1118 съ просьбой о безплатной высылкѣ «Чтеній» Общества. Опредѣлено: выслать «Чтенія» за сей годъ и высылать ихъ и впредь.

8) Предсѣдатель Общества заявилъ о желаніи редакціи «Часопись» въ Прагѣ обмѣниваться изданіями. Опредѣлено: обмѣниваться.

9) Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ отъ 25 ноября с. г. съ просьбой о высылкѣ «Чтеній» Общества въ библіотеку Архива Общества. Опредѣлено: высылать съ 1898 года.

10) Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества отъ 20 октября с. г. за № 273 съ препровожденіемъ бронзоваго оттиска медали, выбитой въ память празднованія пятидесятилѣтія существованія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

11) Предложенія о взаимномъ обмѣнѣ изданіями въ 1898 г. редакцій журналовъ: а) Императорскаго Палестинскаго Общества; б) Церковнаго Вѣстника и Христіанскаго Чтенія, издаваемыхъ при С.-Петербургской духовной Академіи; в) «Кіевская Старина»; г) «Русская

Старина» и д) журнала «Задушевное Слово». Опредѣлено: обмѣниваться со всѣми, кромѣ послѣдняго.

12) Предсѣдатель Общества, заявивъ о смерти Дѣйствительнаго Члена А. Н. Зерцалова, послѣдовавшей 26 ноября с. г., сообщилъ нѣкоторыя данныя изъ своихъ воспоминаній для характеристики дѣятельности почившаго сочлена и его работъ.

II. Сдѣланы сообщенія:

а) Членомъ-Соревнователемъ А. П. Сапуновымъ: «Отрывокъ изъ Полоцкихъ лѣтописей, помѣщенный въ Исторіи Татищева подъ 1217 года». Нѣкоторые историки, основываясь на статьѣ г. Лыжина («Два памфлета временъ Анны Іоанновны»), считаютъ подложнымъ разсказъ о «великомъ злѣ и смятеніи въ Полоцкой землѣ», почерпнутый въ «Исторіи Россіи» Татищева подъ 1217 г. Лыжинъ въ упомянутой статьѣ своей старается доказать, что разсказъ объ этомъ событіи памфлетъ, сочиненный Еропкинымъ, единомышленникомъ Волынскаго, и что подъ Святохною надо разумѣть Бирона, а подъ пасынками Святохны—Елизавету и другихъ членовъ царскаго семейства. По мнѣнію г. референта упомянутый разсказъ на самомъ дѣлѣ нисколько не противорѣчитъ историческимъ даннымъ. Подлинность его подтверждается свидѣтельствомъ современника, именно Генриха Латыша. Въ хроникѣ послѣдняго много говорится о князѣ Владимірѣ Полоцкомъ, Вячкѣ Куконосскомъ и Всеволодѣ Герцикскомъ, т. е. о тѣхъ же лицахъ, о коихъ идетъ рѣчь и въ отрывкѣ изъ Полоцкихъ лѣтописей, при чемъ хроника и отрывокъ взаимно пополняютъ и поясняютъ другъ друга и рѣшительно ни въ чемъ не противорѣчатъ другъ другу. На этомъ основаніи А. П. Сапуновъ считаетъ отрывокъ изъ Полоцкихъ лѣтописей подлиннымъ, а выведенныя въ немъ лица—историческими: Владиміръ Полоцкій, Вячка Куконосскій и Всеволодъ Герцикскій — сыновья Бориса Давыдовича, внуки Всеслава.

б) Дѣйств. Членомъ В. О. Эйнгорномъ сдѣлано сообщеніе «объ одной изъ попытокъ Московскаго правительства исправить Андрусовскій договоръ 1667 г. Такія попытки начались уже вскорѣ послѣ заключенія договора, такъ какъ царь Алексѣй Михайловичъ, ознакомившись съ представленнымъ ему трактатомъ, прямо объявилъ его автору Ордину-Нащокину, что Кіевъ, уступленный полякамъ по договору только на два года, долженъ быть присоединенъ къ Московскому государству навсегда. Ордину-Нащокину, не смотря на всѣ его усилія, удалось только отстрочить отдачу Кіева еще на два года, добиться-же отмѣны статьи, касавшейся Кіева, онъ не могъ и отказался отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, удалившись въ монастырь. Преемникъ

Ордина-Нащокина, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Польши, которой угрожала война съ Турціей, не только сумѣлъ отсрочить еще на два года отдачу Кіева, но даже нашелъ возможнымъ предложить Польскому правительству добровольно уступить Московскому государству не только Кіевъ, но и всю западную правобережную Малороссію. На это поляки не согласились, но вскорѣ вслѣдствіе неудачной войны съ Турціей вынуждены были по Бучацкому договору отказаться отъ власти надъ тою страною, которую не задолго предъ тѣмъ не соглашались уступить Москвѣ, и признать состоявшееся года за три передъ тѣмъ подчиненіе гетмана западной Малороссіи Дорошенка турецкому султану. Согласно 4 статьѣ Андрусовскаго договора царь Алексѣй Михаиловичъ обязывался не принимать подъ свою руку только польскихъ подданныхъ. Поэтому, узнавъ о заключеніи Бучацкаго трактата, Московское правительство, не считая уже Дорошенка польскимъ подданнымъ и не входя въ предварительныя соглашенія съ Польскимъ правительствомъ, завело съ гетманомъ правобережной Украйны переговоры о переходѣ его изъ турецкаго подданства подъ высокую руку великаго государя. Переговоры эти велись въ теченіе пяти мѣсяцевъ съ іюня по ноябрь 1673 г. Посредникомъ при переговорахъ между Московскимъ правительствомъ и Дорошенкомъ былъ архимандритъ Кіевопечерскаго монастыря Иннокентій Гизель, три раза посылавшій въ Чигиринъ съ государевыми грамотами и указами іеромонаха своего монастыря Серапіона Полковскаго, который привозилъ въ Кіевъ для пересылки въ Москву отвѣты Дорошенка. Сначала Дорошенко и его совѣтникъ кіевскій митрополитъ Іосифъ Тукальскій выказывали большую готовность перейти въ подданство государю и при этомъ гетманъ высказалъ свой взглядъ на то, какой при подчиненіи западной Малороссіи великому государю долженъ быть въ этой странѣ установленъ порядокъ: «всякій купецъ, говорилъ Дорошенко Полковскому, и мѣщанинъ въ городѣ, а въ деревнѣ крестьянинъ, *работающій на господина*, будутъ платить подати; въ такомъ строеніи Украйна пребывати должна: казакъ долженъ имѣть лошадь и ружье доброе и быть всегда готовъ на войну, *посполитые-же люди господину на его потребу* и на защиту свою имѣютъ давати».

Дорошенко сулилъ Московскому правительству большія финансовыя выгоды, если будетъ принятъ его проэктъ устройства Малороссіи, но въ тоже время требовалъ полной самостоятельности для гетмана; кромѣ того требовалъ, чтобы подъ его власть была отдана не только западная Малороссія, которою онъ уже управлялъ въ зависимости отъ Турціи, но и восточная, гдѣ уже былъ гетманомъ Самойловичъ. Мос-

ковское правительство не считало возможнымъ согласиться на такія условія; отказываясь отнять гетманство у Самойловича, Малороссійскій приказъ предоставлялъ Дорошенку, если онъ учинится подъ рукою великаго государя, оставаться гетманомъ лишь въ правобережной Малороссіи. Точно также въ Москвѣ не сочувствовали представленнымъ Дорошенкомъ проектамъ устройства Малороссіи, такъ какъ великій государь не желалъ ломать войсковыхъ правъ. Сношенія свои съ Дорошенкомъ Московское правительство не скрывало отъ Самойловича, который не смотря на это боялся, чтобы въ Москвѣ не пожертвовали имъ для Дорошенка и не передали ему лѣвобережнаго гетманства. Поэтому Самойловичъ старался внушить Московскому правительству, что Дорошенко не имѣетъ серьезнаго намѣренія учиниться подъ рукою великаго государя, а только хочетъ своими переговорами произвести смуту въ подчиненной великому государю восточной Малороссіи. Кромѣ того Самойловичъ открылъ непріязненныя дѣйствія противъ Дорошенка, чтобы такимъ образомъ заставить его прекратить переговоры съ Москвою. Между тѣмъ Польское правительство по удаленіи турецкихъ войскъ рѣшило не соблюдать Бучацкаго договора и, узнавъ о начавшихся между Московскимъ правительствомъ и Дорошенкомъ переговорахъ, поспѣшило послать къ Дорошенку львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго, чтобы склонить чигиринскаго гетмана вновь подчиниться Рѣчи Посполитой, отъ которой казакамъ обѣщаны были такія вольности, какихъ только они пожелаютъ. При такихъ обстоятельствахъ Дорошенко не только не проявлялъ уступчивости при сношеніяхъ съ Малороссійскимъ приказомъ, но сталъ заявлять еще болѣе неумѣренныя требованія, такъ что Московское правительство вынуждено было отказаться отъ мысли исправить Андрусовскій договоръ при помощи переговоровъ съ Дорошенкомъ. Пришлось вести съ этимъ гетманомъ войну, которая вскорѣ перешла въ войну съ Турціей; но все таки возвратить западной Малороссіи не удалось. Впрочемъ въ виду новой Турецкой войны Кіевъ опять не былъ возвращенъ полякамъ, а въ 1686 г. Андрусовскій договоръ перешелъ въ вѣчный миръ съ оставленіемъ Кіева за Москвою.

427 засѣданіе 20 декабря.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 20 декабря 1897 года подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Общества В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, гг. Дѣйствит. Членовъ: С. А. Бѣлокурова, А. И. Кирпичникова, М. К. Любавскаго,

Н. В. Никитина, Е. И. Соколова, В. И. Холмогорова, В. А. Уляницкаго, Членовъ-Соревнователей: И. С. Бѣляева, А. П. Сапунова, А. С. Хаханова и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Канцеляріи Министерства Императорскаго Двора отъ 3 декабря с. г. за № 16195 съ препровожденіемъ 1 экземп. Камеръ-Фурьерскаго журнала за 1797 г.

2) Императорскаго Русскаго Историческаго Общества отъ 30 ноября с. г. за № 280 съ препровожденіемъ 99 и 100 тт. «Сборника» Общества.

По § 1—2 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

3) Инспектора студентовъ Императорскаго Томскаго Университета отъ 7 ноября с. г. за № 1212 съ принесеніемъ глубокой благодарности за безплатную высылку «Чтеній» Общества въ 1897 г. и съ просьбой о высылкѣ «Чтеній» и въ 1898 г. въ общежитіе студентовъ. Опредѣлено: высылать.

4) Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи отъ 5 декабря с. г. за № 898 съ просьбой прислать въ даръ Библіотеки Коммиссіи 3 и 16 книги Временника. Опредѣлено: выслать.

5) Предсѣдатель Общества заявилъ о просьбѣ Д-ра Бидло безплатно высылать Чтенія общества для семинарія Чешскаго Пражскаго Университета.

6) Письмо Дѣйствит. Члена П. Н. Милюкова съ просьбой высылать ему «Чтенія» въ Софію.

По §§ 5—6 опредѣлено: обратиться къ Предсѣдателю состоящей при Императорской Публичной Библіотекѣ Коммиссіи по международному обмѣну изданіями А. Ө. Бычкову за разъясненіемъ: не можетъ ли Общество свои изданія г. Милюкову и Пражскому Университету пересылать чрезъ означенную Коммиссію.

7) Редакціи журнала Общества Счетоводовъ съ просьбой о взаимномъ обмѣнѣ изданіями. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

8) Предложеніе М. В. Безобразовой помѣстить въ «Чтеніяхъ» ея трудъ «Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи». Опредѣлено: въ виду многочисленныхъ статей уже принятыхъ для помѣщенія въ «Чтеніяхъ» увѣдомить г. Безобразову, что ея работа не можетъ быть напечатана въ «Чтеніяхъ».

9) Дѣйствительными Членами: В. О. Ключевскимъ, В. А. Уляницкимъ, Е. В. Барсовымъ и С. А. Бѣлокуровымъ предложенъ къ избранію въ Дѣйствит. Члены Общества Членъ-Соревнователь Юрій Николаевичъ Щербачевъ.

10) Почетнымъ Членомъ Ю. Д. Филимоновымъ и Дѣйствительными Членами В. О. Ключевскимъ, Е. В. Барсовымъ, С. А. Бѣлокуровымъ и М. К. Любавскимъ предложенъ къ избранію въ Члены-Соревнователи Общества Иванъ Ивановичъ Побойнинъ.

По §§ 9 и 10 опредѣлено: произвести избраніе ихъ закрытою баллотировкой въ слѣдующемъ засѣданіи Общества.

II. Сдѣланы сообщенія: а) Членомъ-Соревнователемъ Общества И. С. Бѣляевымъ «Памяти А. Н. Зерцалова» (см. въ приложеніи къ сему протоколу) и б) Секретаремъ Общества Е. В. Барсовымъ «Новыя данныя къ вопросу о моленіи за царей въ расколѣ».

Къ протоколу засѣданія 20 декабря.

ПАМЯТИ А. Н. ЗЕРЦАЛОВА.

По странной случайности, покойнаго Александра Николаевича Зерцалова я помню съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить себя, то-есть съ дѣтства. Въ томъ же Архивѣ Министерства Юстиціи, гдѣ служилъ Александръ Николаевичъ и гдѣ я теперь продолжаю службу, ранѣе меня архивными же чиновниками были мой отецъ и старшій братъ. Воспитываясь такимъ образомъ въ семьѣ, которой были не чужды архивные интересы, я волею—неволею знакомился и съ бытомъ самого учрежденія, зная почти всѣхъ въ немъ служащихъ. Такъ что одновременно съ воспоминаніями объ Александрѣ Николаевичѣ, въ моемъ представленіи возстаетъ воспоминаніе и о самомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, какъ сторонняго наблюдателя, лѣтъ 25—30 назадъ.

Покойный Александръ Николаевичъ Зерцаловъ въ моемъ дѣтствѣ представлялся мнѣ прежде всего очень юркимъ, живымъ *чиновникомъ, всегда* во фракѣ и форменной фуражкѣ, а позже—обязательно съ орденомъ или въ петлицѣ, или на шеѣ. Мнѣ, выросшему въ чиновничьей семьѣ, всегда казалось какъ-то страннымъ: съ одной стороны—очень низенькая, подвижная фигурка Зерцалова, а съ другой—орденъ на шеѣ, рисовавшій моему юному представленію очень важнаго господина. И долго это впечатлѣніе объ Александрѣ Николаевичѣ, какъ о чиновникѣ, жило въ моемъ представленіи: оно не сразу измѣнилось даже тогда, когда я самъ поступилъ на службу въ Архивъ Министерства Юстиціи, то есть 11 лѣтъ назадъ. Оно же даетъ мнѣ возможность сдѣлать заключеніе, что даже въ 1888 году, когда Зерцалову было почти 50 лѣтъ, онъ все еще стоялъ на распутьѣ, не зная, или вѣрнѣе, не

рѣшивъ еще окончательно, куда же посвятить свои силы: остаться ли исключительно чиновникомъ—дѣльцомъ, или же погрузиться въ глубь архивныхъ документовъ, которые все болѣе и болѣе стали занимать любознательнаго чиновника.

Александръ Николаевичъ Зерцаловъ родился въ Москвѣ 9 августа 1839 года въ небогатой семьѣ чиновника, служившаго въ полиціи. Для полученія образованія былъ отданъ въ Школу межевыхъ топографовъ, но ученье что-то не далось ему, и, пробывъ въ Школѣ болѣе 3 лѣтъ, онъ вышелъ оттуда, не получивъ никакихъ правъ, вслѣдствіе чего во всѣхъ почти формулярахъ Зерцалова и писалось, что онъ «домашняго воспитанія». Но тогда была другая пора, чѣмъ теперь; неоканчаніе курса не считалось большимъ порокомъ и не препятствовало поступленію на государственную службу и даже дальнѣйшему въ ней движенію; то было «доброе старое время», когда и «прямые» и «кривые», и всякій маленькій человѣчекъ находилъ себѣ дѣло, а отношенія между людьми были проще, сердечнѣе. У отца Александра Николаевича очевидно было какое-либо знакомство въ межевомъ мірѣ, потому что А. Н. началъ учиться въ межевой школѣ, и на службу впервые былъ опредѣленъ въ 1857 г. также въ Межевую Канцелярію, имѣя 17 лѣтъ отъ роду. Прослуживъ здѣсь около полутора года, Зерцаловъ перешелъ на службу въ Архивъ Министерства Юстиціи, помѣщавшійся тогда въ самомъ верху одного и того же Сенатскаго зданія вмѣстѣ съ Межевою Канцеляріею. Входъ въ Архивъ былъ на углу теперешняго судебнаго зданія противъ Царь-пушки. Имѣя нѣкоторые матеріалы, я могу сказать, что переходы въ то время низшихъ чиновниковъ, такъ называемыхъ «канцелярскихъ служителей», были довольно часты, что зависѣло съ одной стороны отъ многочисленнаго комплекта мѣстъ такихъ низшихъ должностей по штатамъ въ каждомъ учрежденіи, а съ другой—отъ стремленія канцелярской молодежи испытать службу во многихъ учрежденіяхъ, пріобрѣсти, такъ сказать, навыкъ въ дѣлахъ, часто изъ лишняго рубля оклада жалованья въ мѣсяцъ, а часто просто потому, что тамъ-то, по разговорамъ другъ съ другомъ, начальникъ былъ добрѣе, или что здѣсь-то служба была веселѣе. Нѣчто подобное заставило и А. Н. Зерцалова перемѣнить службу въ Межевой Канцеляріи на Архивъ Министерства Юстиціи. Пробывъ въ Архивѣ лѣтъ пять, онъ ее оставилъ, выйдя 8 ноября 1863 г. въ отставку, какъ самъ мнѣ говорилъ по «утомительному однообразію архивной службы» и въ чаяніи какого-то частнаго мѣста. Но получить послѣдняго ему не удалось, а нужда въ кускѣ хлѣба была не малая, и вотъ А. Н. Зерцаловъ 17 іюля 1864 года послѣ девятимѣсячнаго перерыва вновь по-

ступаетъ на службу въ Архивъ Министерства Юстиціи и съ тѣхъ поръ до самой своей смерти Архива уже не оставляетъ.

Первая дѣятельность покойнаго Зерцалова въ Архивѣ началась въ «распорядительномъ столѣ» Канцеляріи, который преимущественно завѣдывалъ текущимъ дѣлопроизводствомъ; но расположенія у Александра Николаевича къ секретарскимъ обязанностямъ не было, такъ что существенной пользы и даже дѣловаго опыта самому себѣ онъ изъ этихъ канцелярскихъ занятій не вынесъ; правда, онъ былъ очень исполнительнымъ и прилежнымъ чиновникомъ канцеляріи—но и только. Неособенно лестно отзывался Александръ Николаевичъ и о своихъ первыхъ занятіяхъ по описанію архивныхъ документовъ. Въ Архивѣ Министерства Юстиціи въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, кромѣ собственно архивныхъ чиновниковъ, обязанныхъ по своимъ должностямъ хранить документы и выдавать справки, при директорѣ архива состояла цѣлая канцелярія, пять столовъ которой (кромѣ распорядительнаго) занимались исключительно составленіемъ описей и алфавитовъ архивнымъ документамъ. Первымъ директоромъ Архива Министерства Юстиціи съ 1853 года былъ, какъ извѣстно, Петръ Ивановичъ Ивановъ, человѣкъ безспорно глубоко понимавшій архивное дѣло и нѣкогда самъ добрый работникъ на этомъ же поприщѣ. Въ первое время онъ обращалъ вниманіе больше на качество работы, а въ послѣднее же—въ шестидесятыхъ годахъ, на концѣ своей жизни, на количество ея. Онъ зорко слѣдилъ, чтобы каждый чиновникъ описалъ наибольшее количество листовъ описей, чтобы и онъ возможно большее же количество ихъ могъ показать въ своихъ отчетахъ, представляемыхъ Министерству Юстиціи. По заведенному и одобренному директоромъ Архива порядку, одинъ чиновникъ описывалъ документъ, то есть читалъ столбецъ или старинное дѣло и излагалъ на особыхъ бланкахъ его содержаніе, другой же товарищъ, большею частію по службѣ состоявшій въ одинаковомъ рангѣ съ первымъ, контролировалъ, или провѣрялъ его работу; поэтому на описяхъ, составлявшихся при Ивановѣ и сохранившихся до нашихъ поръ, дѣлались надписи: «описывалъ такой-то», а ниже: «свидѣтельствовалъ такой-то». Съ внѣшней стороны казалось, что дѣло шло успѣшно и хорошо, но на самомъ дѣлѣ каждый изъ чиновниковъ, и описывавшій и свидѣтельствовавшій, зная характеръ своего начальника, изъ всѣхъ силъ старались написать прежде всего *большее* количество листовъ, поэтому контролировавшій чиновникъ, не освобождавшійся отъ своего собственнаго описанія, только подписывалъ, что свидѣтельствовалъ работу своего товарища, а на самомъ дѣлѣ гналъ во всю мочь свой собственный трудъ. Вслѣд-

ствіе этого нерѣдко происходили въ описаніи документовъ забавныя ошибки и недоразумѣнія, надъ которыми впослѣдствіи одинаково смѣялись между собою и тотъ, и другой. Но одновременно съ такою постановкою дѣла при Ивановѣ, была другая сторона—пріучиваніе чиновника къ постоянному, упорному труду, и Александръ Николаевичъ Зерцаловъ, описывавшій и свидѣтельствовавшій документы вмѣстѣ съ другими архивными чиновниками, самъ сознавался, что способность къ усидчивости въ архивныхъ занятіяхъ, которыми кстати сказать покойный всегда особенно отличался, онъ пріобрѣлъ при работахъ надъ описаніемъ документовъ въ Ивановское время. Точно также нельзя не признать, что Ивановскія описи, несмотря на многіе недостатки, поражаютъ своею общею колоссальностію, своимъ общимъ числомъ, почти не пропуская неописаннымъ ни одного архивнаго отдѣла, ни одного виднаго древняго учрежденія. Каждый, которому по долгу приходилось заниматься въ Архивѣ Министерства Юстиціи въ недавнее время, долженъ сознаться, что Ивановскія описи много облегчили предварительные поиски по данному предмету, что не разъ приходилось пожалѣть тамъ, гдѣ этихъ описей случайно по какому-нибудь отдѣлу не было изготовлено.

При директорѣ Архива Ивановѣ на нѣкоторыхъ, преимущественно молодыхъ, канцелярскихъ чиновниковъ возлагалась обязанность читать вечерами самому директору газеты и журналы въ его квартирѣ. Петръ Ивановичъ Ивановъ, въ послѣднее время своей жизни рѣдко посѣщавшій Архивъ, приказывалъ днемъ тому или иному изъ архивныхъ чиновниковъ, являвшихся къ нему съ бумагами, прислать къ нему вечеромъ на квартиру такого-то канцелярскаго чиновника, называя его фамилію, и послѣдній послѣ службы и своего обѣда являлся къ директору и просиживалъ у него и для него за чтеніемъ время отъ 5 до 11 часовъ ночи. Покойному Александру Николаевичу Зерцалову много разъ приходилось нести это внѣслужебное занятіе. По его словамъ, это чтеніе принесло ему пользу тѣмъ, что развило въ немъ любознательность и наклонность къ чтенію, *преимущественно* историческаго содержанія, которое такъ занимало самого директора Иванова. Въ кабинетѣ послѣдняго онъ услышалъ имена Строева, Погодина, Ундольскаго, Невоструева, отчасти познакомился съ ихъ трудами, много расположившими самого Зерцалова къ архивнымъ изысканіямъ.

Со вступленіемъ въ должность Управляющаго Архивомъ Министерства Юстиціи сенатора Николая Васильевича Калачова, почти одновременно со введеніемъ новой судебной реформы, Александръ Николаевичъ Зерцаловъ продолжаетъ свою службу въ первомъ отдѣленіи

Архива, хранившемъ документы бывшихъ архивовъ Разряднаго и Старыхъ дѣлъ и находившемся въ завѣдываніи архиваріуса Николева, хотя продолжаетъ числиться по канцеляріи директора помощникомъ столоначальника. Одновременно съ казенными занятіями по составленію справокъ и выписей, Зерцаловъ принимаетъ участіе во многихъ частныхъ работахъ: въ изданіи «Докладовъ и приговоровъ Правительствующаго Сената», начавшихъ издаваться Академіею Наукъ подъ редакціею Н. В. Калачова; въ собраніи для Думскаго изданія матеріаловъ по исторіи археологіи и статистикѣ Москвы, за которые ему печатно принесъ благодарность нашъ маститый труженикъ И. Е. Забѣлинъ въ такихъ выраженіяхъ: «за сообщеніе любопытнаго матеріала мы должны выразить особую признательность уважаемому чиновнику М. А. М. Ю. Александру Николаевичу Зерцалову, съ рѣдкимъ радушіемъ и доброжелательствомъ встрѣтившему наши архивныя изысканія для общаго Московскаго дѣла, добрые пособники которому да будутъ памятны въ исторіи Москвы».

Въ 1878 году Зерцаловъ становится секретаремъ, а 2 года спустя—помощникомъ начальника того же перваго отдѣленія Архива, гдѣ онъ уже состоялъ въ видѣ прикомандированнаго изъ канцеляріи помощника столоначальника, и такимъ образомъ становится уже отвѣтственнымъ лицомъ при составленіи справокъ и самостоятельнымъ работникомъ по пріисканію архивныхъ документовъ, изъ которыхъ составлялись просимыя выписи по требованіямъ правительственныхъ учрежденій и частныхъ лицъ.

1883 годъ былъ знаменательнымъ въ жизни Александра Николаевича. Въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 22 декабря 1882 года Предсѣдателемъ Общества Иваномъ Егоровичемъ Забѣлинымъ Зерцаловъ былъ предложенъ, а въ засѣданіи 8 марта 1883 года избранъ единогласно въ Члены-соревнователи Общества. Въ полученномъ Александромъ Николаевичемъ извѣщеніи Общества, отъ 2 апрѣля того же 1883 г. № 77, за подписью предсѣдателя и секретаря, изъявлялась «надежда, что вновь избранный соревнователь *постоянно* будетъ содѣйствовать трудамъ Обществу по раскрытію и собранію памятниковъ и свѣдѣній, касающихся Исторіи и Древностей Россійскихъ».

Смѣю думать, что Александръ Николаевичъ вполнѣ оправдалъ надежды Общества и дѣйствительно сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ въ изданіяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое онъ горячо полюбилъ и которому преданнымъ оставался до конца своихъ дней. Скромному архивному труженику, любознательному чи-

новику, неувѣренному въ своихъ силахъ и не имѣвшему подъ собою научной почвы, было дорого вниманіе старѣйшаго Историческаго Общества, которое въ лицѣ хорошо извѣстныхъ Александру Николаевичу Членовъ талантливо освѣщало родные ему архивные документы. Оно вдохнуло нѣкоторую увѣренность въ его робкихъ начинаніяхъ въ той же области и поддержало желаніе заниматься въ дальнѣйшихъ поискахъ архивныхъ матеріаловъ, окрылило, такъ сказать, его дальнѣйшіе планы. Общество очень своевременно привлекло къ себѣ скромнаго архивнаго труженика, потому что Александръ Николаевичъ въ годъ избранія Соревнователемъ вступилъ въ такой возрастъ, когда личныя удовольствія большею частію уже смѣняются желаніемъ служить обществу и внести своимъ трудомъ посильную лепту въ какомъ-нибудь отношеніи. Александру Николаевичу было почти 45 лѣтъ, когда Общество гостепріимно открыло ему свои двери. Безъ этого избранія неизвѣстно, чѣмъ бы еще выразилась дѣятельность Александра Николаевича *въ послѣдніе* 14—15 лѣтъ его жизни, такъ какъ самъ онъ по личнымъ своимъ свойствамъ отличался нерѣшительностію, и безъ сомнѣнія долго бы еще колебался и раскидывался въ занятіяхъ, если бы Общество своимъ избраніемъ не ободрило его. Александръ Николаевичъ не разъ высказывалъ, что засѣданія Общества, которыхъ онъ былъ однимъ изъ аккуратныхъ посѣтителей и къ предмету которыхъ онъ чутко прислушивался, много способствовали любви къ исторической наукѣ и его собственному развитію, пополнивъ до нѣкоторой степени тотъ пробѣлъ въ знаніяхъ, который былъ неудаченъ въ его учебное время и въ первые годы его молодости. Тогда же А. Н. Зерцаловымъ было сдѣлано Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ *первое подношеніе* своего труда, о которомъ въ протоколѣ засѣданія Общества 22 декабря 1882 г. было сказано: «Поступили приношенія. *Матеріалами.* Отъ А. Н. Зерцалова выписки изъ архивныхъ документовъ о книгахъ и дѣлахъ XVII вѣка, хранившихся въ Мастерской и Оружейной Палатѣ».

Почти одновременно съ избраніемъ Александра Николаевича Зерцалова въ Члены-соревнователи появляется и первый печатный трудъ его, но появляется крайне своеобразно: не въ самостоятельномъ изданіи, а въ приложеніи къ изслѣдованію проф. Латкина о «Земскихъ соборахъ древней Руси». Въ этомъ случаѣ сказалась съ одной стороны неувѣренность Александра Николаевича въ самомъ себѣ, а съ другой— обнаружилось глубокое знаніе разнообразныхъ документовъ того отдѣленія, въ которомъ Зерцаловъ служилъ. Въ отдѣльно отпечатанномъ отъ изслѣдованія г. Латкина томѣ подъ названіемъ «Матеріалы для

исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія: 1619, 1648 и 1651 годовъ», заключающемъ въ себѣ 288 страницъ, покойному Александру Николаевичу принадлежало 211 страницъ, или болѣе ³/₄ всего состава книги. Имѣя подъ своими руками такое подспорье, г. Латкинъ не могъ не засвидѣтельствовать о томъ, печатно, и на первой же страницѣ своего предисловія къ матеріаламъ говоритъ: «За указаніе этихъ документовъ я *всецѣло обязанъ* помощнику начальника отдѣленія Архива Министерства Юстиціи А. Н. Зерцалову. Благодаря ему, мнѣ удалось собрать *изрядное* количество документовъ, касающихся собора 1648—1649 гг. Кромѣ того, Алек. Н. Зерцаловъ, *самъ занимавшійся исторіею* этого собора, сообщилъ мнѣ *результаты* своихъ трудовъ, печатаемые мною въ Приложеніи. За сообщеніе всего этого приношу свою искреннюю благодарность многоуважаемому А. Н—чу».

Александръ Николаевичъ Зерцаловъ, отъ природы очень живой человѣкъ, отличавшійся простотою, очень любилъ слѣдить за развитіемъ жизни русскаго народа во всемъ его разнообразіи, подмѣчая со свойственною ему наблюдательностію и смѣшныя, и положительныя стороны простого люда, съ которымъ онъ всегда былъ готовъ пойти рука объ руку на благо родины. Исторія земскихъ соборовъ въ древней Руси, это своеобразное явленіе, въ которомъ правительство приглашало выборныхъ людей отъ всего русскаго народа, не исключая и его мелкихъ классовъ, для обсужденія важныхъ «государевыхъ дѣлъ», дѣйствительно глубоко занимала Зерцалова, потому что онъ чувствовалъ въ ней *чисто* русскую самостоятельную жизнь, а онъ самъ чувствовалъ и былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ. Естественно, что, вслѣдъ за первою своею работою въ книгѣ г. Латкина, Александръ Николаевичъ напечаталъ второй свой трудъ по тому же предмету подъ названіемъ «Новыя данныя о земскомъ соборѣ 1648—1649 гг.», помѣщенный въ 3 книгѣ «Чтеній» Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1887 годъ. Въ немъ онъ сообщилъ не мало подробностей о занятіяхъ собора и между прочимъ *впервые* выяснилъ участіе на земскомъ соборѣ 1648 года выборныхъ отъ «иноземцевъ», что до него не было извѣстно. Дальше, въ томъ же направленіи, онъ напечаталъ въ 1 книгѣ «Чтеній» за 1888 годъ нѣсколько цѣнныхъ матеріаловъ, касающихся судьбы законодательной коммиссіи для выработки проекта новаго уложенія при Екатеринѣ Второй, по основной мысли схожей съ земскими соборами XVII вѣка.

Незадолго до смерти сенатора Н. В. Калачова, управлявшаго М. А. М. Ю., 25 октября 1885 года А. Н. Зерцаловъ былъ избранъ въ Дѣйствительные Члены Общества Исторіи и Древностей Россій-

скихъ. Въ это время служебная его дѣятельность продолжалась въ должности помощника архиваріуса того же отдѣленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ въ свое управленіе завѣдываніе однимъ частнымъ домомъ, что обезпечило его вопервыхъ квартирою, а вовторыхъ—улучшило нѣсколько его матеріальныя средства. Одновременно съ службою въ Архивѣ, Зерцаловъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1882 г. былъ назначенъ Членомъ Временнаго Строительнаго Комитета по постройкѣ на Дѣвичьемъ полѣ теперешняго зданія Архива Министерства Юстиціи, находившагося ранѣе на углу Старой Басманной и Бабушкина переулка, въ домѣ, теперь занимаемомъ Александровскимъ Коммерческимъ Училищемъ. За это служебное дѣло Зерцаловъ получалъ также небольшое вознагражденіе, что въ связи съ другими источниками доходовъ вполнѣ покрывало его скромные расходы. Незначительныя сбереженія доходовъ радовали Александра Николаевича настолько, что въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ окончательно думалъ посвятить себя практической дѣятельности. Поэтому, когда въ Архивѣ Министерства Юстиціи освободилась должность казначея, дававшая возможность большей самостоятельности и большей свободы времени, чѣмъ должность помощника архиваріуса, и для замѣщенія ея необходимъ былъ надежный, вполнѣ честный человѣкъ, то А. Н. 8 октября 1885 года съ охотою занялъ должность казначея Архива, оставивъ первое отдѣленіе. Въ это время управляющимъ Архивомъ былъ уже Нилъ Александровичъ Поповъ, также одинъ изъ старѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ Членовъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, знавшій хорошо Александра Николаевича. Когда зданіе Архива еще не было окончено постройкою, не было и нужды въ постоянномъ пребываніи казначея Архива при самомъ учрежденіи, но съ окончательнымъ переводомъ Архива въ новое зданіе на Дѣвичьемъ полѣ и освященіемъ его, явилась необходимость, чтобы чиновникъ, занимавшій должность казначея и бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ смотрителемъ зданій, поселился на казенной квартирѣ. Алек. Николаевичу при его другихъ занятіяхъ послѣднее было неудобно; ему хотѣлось, чтобы Нилъ Александровичъ оставилъ его при прежнемъ положеніи, но Поповъ по справедливости не могъ исполнить его желанія: получились натянутыя отношенія между начальникомъ и его подчиненнымъ, т. е. Зерцаловымъ. Мнѣ кажется, что съ моей стороны для выясненія личности обоихъ Членовъ Общества не будетъ нескромностію сказать по поводу ихъ отношеній нѣсколько словъ, когда оба они уже умерли, а «мертвымъ не льстятъ». Зерцаловъ послѣ отказа отъ квартиры Ниломъ Александровичемъ Поповымъ въ «интересахъ казенной службы»

вновь 2 января 1887 г. переведенъ былъ на прежнюю должность помощника начальника 1 отдѣленія Архива; а такъ какъ время его перевода совпало съ составленіемъ отчета по должности казначея, новое же лицо, назначенное на эту должность, не могло еще съ нимъ справиться, то Нилъ А. Поповъ просилъ спачала на словахъ А. Н. составить отчетъ, а когда тотъ окончательно отказался отъ исполненія порученія своего начальника, то Поповъ вручилъ Ал. Н—чу формен-ное письменное предписаніе о томъ же. Зерцаловъ продолжалъ упор-ствовать, заготовивъ прошеніе объ отставкѣ. Поповъ узнаетъ вновь объ отказѣ исполнить его уже письменное предписаніе, узнаетъ и о намѣреніи Зерцалова уйти изъ Архива; беретъ къ себѣ документы и *самъ* составляетъ отчетъ. Когда черезъ годъ въ Архивѣ вводятся новые штаты, онъ, не помня зла, назначаетъ Ал. Н—ча въ январѣ 1888 года старшимъ помощникомъ архиваріуса, а еще черезъ годъ ходатайствуетъ о награжденіи Зерцалова слѣдующимъ орденомъ. Ко-нечно, правда была не на сторонѣ Алек. Н. Зерцалова, онъ это по-нялъ и всегда относился съ уваженіемъ къ своему начальнику, кото-рый въ свою очередь забылъ и думать о происшедшемъ между ними недоразумѣніи. Для насъ же этотъ случай еще разъ послужилъ дока-зательствомъ, что «умѣренность во власти есть въ высшей степени благотворная сила».

Вскорѣ по введеніи въ Архивѣ Министерства Юстиціи 1 января 1888 года новыхъ штатовъ, Александру Николаевичу пришлось раз-статься съ частною службою по управленію домомъ и съ квартирою, которую онъ занималъ одновременно съ управительскимъ дѣломъ. Пе-реѣхавъ сначала на Остоженку, а потомъ на Зубовскій бульваръ, гдѣ онъ жилъ уже до своей смерти, Зерцаловъ *всецѣло* отдался архивнымъ занятіямъ. Съ этого времени только можно положительно сказать, что онъ окончательно рѣшилъ посвятить свои силы тому дѣлу, которое было у него подъ руками. И было давно пора, потому что Александру Николаевичу стукнуло уже 50 лѣтъ, жизнь его начала склоняться къ закату, колебаться было уже некогда. Но силы были уже не тѣ, и умъ былъ не такъ гибокъ и живъ, какъ въ молодыхъ годахъ, которые онъ потратилъ на практическую дѣятельность. Чув-ствовалось, что времени только хватитъ на то, чтобы освѣтить путемъ печати матеріалы, замѣченные имъ раньше, заинтересовавшіе въ свое время любознательнаго чиновника въ массѣ просмотрѣнныхъ имъ до-кументовъ своего отдѣленія, насчитывавшаго въ своемъ составѣ цѣ-лые десятки старинныхъ приказовъ, коллегій, конторъ и другихъ пра-вительственныхъ учрежденій. Въ эту-то пору мнѣ и самому пришлось

уже быть сослуживцевъ Александра Николаевича въ Архивѣ Министерства Юстиціи. Помню наши разговоры по поводу печатанія его сплошь и рядомъ цѣнныхъ матеріаловъ, которые я ему совѣтовалъ издавать въ обработанной формѣ. «Довольно съ меня и матеріаловъ, всегда отвѣчалъ Александръ Николаевичъ: послѣ моей смерти можетъ быть найдутся желающіе, которые ихъ обработаютъ, самъ же я усталъ для такого непосильнаго труда». Александръ Николаевичъ былъ упрямъ въ отношеніи своихъ матеріаловъ, продолжая ихъ издавать съ прежнею обычною полнотою, а слова его начали оправдываться даже при жизни, когда нѣкоторые матеріалы начали получать должную научную разработку со стороны стороннихъ ученыхъ, какъ было съ выпущенною А. Н—чемъ въ свѣтъ «Кормленою книгою Костромской чети 1613—1627 г.», значеніе которой было выяснено въ обстоятельномъ очеркѣ, приложенномъ въ книгѣ А. С. Лаппо-Данилевскимъ.

Такимъ образомъ, послѣднія десять лѣтъ жизни Ал. Н—ча были отданы на приготовленіе къ печати подмѣченныхъ имъ архивныхъ матеріаловъ. Съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ работалъ онъ надъ старинными свитками и дѣлами, оставаясь для этой цѣли въ Архивѣ на нѣсколько часовъ послѣ служебнаго времени, часто забывая даже объ обѣдѣ; когда всѣ остальные чиновники расходились по домамъ оставался одинъ въ Архивѣ и работалъ, работалъ до утомленія. Положительно груды бумаги исписывались имъ: школа бывшаго директора Архива Иванова, пріучавшаго своихъ чиновниковъ къ неутомимой дѣятельности, тутъ живо сказывалась. Результатомъ его работъ въ «Чтеніяхъ» Общества за 10 лѣтъ были слѣдующія болѣе или менѣе крупныя статьи (о мелкихъ мы не говоримъ): «О мятежахъ въ селѣ Коломенскомъ въ царствованіе Алексѣя Михаиловича» (въ книгѣ «Чтеній» за 1890 г.); «Московскій Китай городъ по описи 1695 г.»; «Объ оскорбленіи царскихъ пословъ въ Крыму въ XVII вѣкѣ»; «Окладная расходная роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1681 годъ»; совсѣмъ неизвѣстныя въ исторической литературѣ и очень любопытныя свѣдѣнія объ «Объѣзжихъ головахъ и полицейскихъ дѣлахъ въ Москвѣ въ концѣ XVII вѣка» (въ «Чтеніяхъ» за 1894 годъ); «Сыскное дѣло о намѣреніи испортить (ворожбою) царицу Евдокію Лукьяновну»; «О верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ», и многія другія. Не преувеличивая, можно сказать, что рѣдкая книга «Чтеній» въ послѣднее время не заключала въ себѣ трудовъ Зерцалова.

Александръ Николаевичъ зорко слѣдилъ за событіями въ современной исторической жизни. Когда въ печати появились замѣтки о раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ съ цѣлію отысканія библіотеки и архива

Грознаго, и передъ нами возникла личность второго историческаго пономаря Конопа Осипова (первымъ я считаю пономаря Огурца, замѣшаннаго въ Угличскомъ слѣдственномъ дѣлѣ 1591 года), то Зерцаловъ съ свойственною ему чуткостью *почувствовалъ* обманъ въ разсказѣ пономаря Осипова о сундукахъ въ Кремлевскомъ тайникѣ и съ обычнымъ усердіемъ, опытною рукою принялся за поиски по затронутому вопросу въ родныхъ ему документахъ, и дѣйствительно «откопалъ» (какъ онъ самъ мнѣ выразился), что Конопъ Осиповъ былъ обманщикъ и давалъ показанія о сундукахъ, чтобы избавиться на время отъ грозившаго правежа за разныя числившіяся на немъ «доимки».

За свои труды Зерцаловъ былъ избранъ Членомъ: Рязанской, Таврической и Симбирской Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій и Археографической Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества. Можно также почти съ увѣренностію сказать, что въ послѣднее время въ рѣдкомъ историческомъ трудѣ, выходящемъ въ Москвѣ, не приносилось бы ему печатной благодарности за оказанное имъ автору содѣйствіе и указаніе. Много частныхъ лицъ скажутъ также А. Н. спасибо за всегдашнюю его готовность подѣлиться своимъ архивнымъ опытомъ для разъясненія того или другого вопроса. Добрыхъ указаній этого труженика не забудутъ ни тѣ, ни другіе.

Труды Александра Николаевича по изданію архивныхъ матеріаловъ оцѣнила и Археографическая Коммиссія Министерства Народнаго Просвѣщенія, пріобрѣвшая въ свое распоряженіе любопытную рукопись Александра Николаевича о служилыхъ людяхъ и напечатавшая ее въ 1893 году, при чемъ авторъ предисловія къ рукописи, г. Лаппо-Данилевскій въ слѣдующихъ словахъ замѣчаетъ про *удачное* ея заглавіе: «Заглавіе Кормленая книга Костромской чети 1613—1626 гг.» *дано А. Н. Зерцаловымъ* согласно имѣющимся въ документѣ многократнымъ упоминаніямъ... *Вѣрность* заглавія подтверждается еще и тѣмъ, что въ «Актахъ Москов. государства, т. I, на стр. 527 напечатано: «А Костромской чети *въ Кормленой* книгѣ, какова взята въ Разрядъ послѣ московскаго пожара 134 г. за приписью дьяка Пятого Григорьева»...

Къ самымъ послѣднимъ трудамъ Александра Николаевича слѣдуетъ отнести собранные имъ матеріалы о походѣ Шеина подъ Смоленскъ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и напечатанную въ трудахъ Симбирской ученой архивной коммиссіи «Приходорасходную книгу Симбирской приказной избы 1665—1667 годовъ», очень цѣнную для исторіи названнаго края.—Въ Обществѣ же Исторіи и Древностей Россійскихъ Зерцаловъ долгое время занималъ должность актуаріуса.

Александръ Николаевичъ былъ женатъ съ 1870 года, но дѣтей не имѣлъ; отсутствіе послѣднихъ еще болѣе давало ему возможности заниматься любимою имъ стариною. Въ молодости почтительный сынъ, помогавшій своимъ небольшимъ заработкомъ старичкамъ отцу и матери, находившимся на призрѣніи въ Матросской богадѣльнѣ, Зерцаловъ отличался веселымъ, общительнымъ характеромъ. Долгое время любилъ драматическій театръ, и только лѣтъ за 5 до смерти пересталъ его посѣщать, самъ отличаясь умѣніемъ копировать почти всѣхъ и каждаго съ смѣшной стороны, чѣмъ въ «доброе старое время» забавлялъ своихъ сослуживцевъ, давшихъ ему прозвище «балагура».

Болѣзнь, которая свела Александра Николаевича Зерцалова въ могилу, началась очень давно. Еще въ 1876 году у него появились острые признаки ея, но врачи въ то время опредѣлили ее «катарромъ желудка», какъ было показано въ выданномъ ему въ то время медицинскомъ свидѣтельствѣ. Послѣ же было опредѣлено, что А. Н. одержимъ хроническимъ страданіемъ почекъ, которое то дѣлалось сильнѣе, то уменьшалось; тѣмъ не менѣе онъ болѣе десятка лѣтъ сидѣлъ на строгой діэтѣ. Весною текущаго года его болѣзнь приняла острый характеръ, появилась одышка, руки при письмѣ дрожали, и онъ не иначе могъ писать, какъ поддерживая правую руку другою рукою; съ внѣшней стороны онъ сильно измѣнился: пожелтѣлъ, исхудалъ и какъ-то осунулся; намъ, всѣмъ его сослуживцамъ, казалось, что дни А. Н. уже сочтены и что дѣло только во времени. А между тѣмъ онъ все по прежнему продолжалъ работать надъ своими матеріалами, но здоровье уже не давало возможности заниматься усидчиво, и А. Н. работалъ урывками, когда чувствовалъ себя нѣсколько лучше. Бывши въ Архивѣ лучшимъ чтецомъ старинныхъ рукописей, онъ въ послѣднее время сталъ замѣтно слабѣть и въ этомъ отношеніи. Помню, какъ лѣтомъ нынѣшняго года онъ не разобралъ уже сравнительно недурно написаннаго слова, и когда я напомнилъ о прежней его способности, дававшей ему возможность помогать въ чтеніи сомнительныхъ мѣстъ рукописей чуть не каждому изъ насъ, то онъ сконфузился и началъ жаловаться на зрѣніе: но не зрѣніе было здѣсь уже виною: прежнихъ силъ физическихъ и нравственныхъ какъ ни бывало.

За мѣсяцъ до смерти А. Н-чъ Зерцаловъ уже пересталъ ходить на службу, такъ какъ врачи предписали ему сидѣть дома; но и лежа въ постелѣ, онъ не переставалъ заниматься любимымъ дѣломъ. Я посѣтилъ А. Н-ча *недѣли за двѣ* до его смерти: онъ уже не могъ долго ни сидѣть, ни лежать на одномъ мѣстѣ: болѣзнь почекъ осложнилась болѣзнію сердца. Послѣ первыхъ же словъ въ мое посѣщеніе Алек-

сандръ Николаевичъ подалъ мнѣ свою рукопись, касавшуюся нѣкоторыхъ его возраженій на незадолго передъ тѣмъ вышедшую книгу. «Только *вчера* написалъ», сказалъ онъ мнѣ съ замѣтнымъ удовольствіемъ. Умиралъ А. Н-чъ очень тяжело; одышка душила: за нѣсколько часовъ до смерти онъ началъ повторять слова: «Господи! пріими мой духъ съ миромъ»; умеръ же безъ всякой агоніи.

Говорятъ, что въ жизни человѣка рѣшающее значеніе на его судьбу имѣютъ обстоятельства, при которыхъ она проходитъ, что человѣкъ покорный слуга обстоятельствъ. Прилагая это правило къ жизни Александра Николаевича Зерцалова, по моему мнѣнію все время находившемуся именно въ зависимости отъ сложившихся кругомъ него обстоятельствъ, въ которыхъ онъ по свойству характера принималъ скорѣе страдательное положеніе, мы должны сознаться, что при другихъ болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, личность Зерцалова могла бы выдвинуться гораздо замѣтнѣе и дать гораздо больше. Но и наличные труды покойника, конечно, не пройдутъ безслѣдно въ современной археографіи, а Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, думаю, не сочтетъ мои слова преувеличеніемъ, если я скажу, что оно потеряло въ лицѣ Александра Николаевича Зерцалова очень полезнаго Члена, преданнаго ему всею душою.

Членъ-Соревнователь **И. С. Бѣляевъ.**

Въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московск. Университетѣ продаются слѣдующія книги:

1. Труды и Лѣтописи Общества, 2—8 части. М. 1815—1837 г. Ц. по 50 к. за книгу.

2. Русскія достопамятности. Часть 1-я, 1815 г., ц. 50 к., Ч. 2-я (Руская Правда). 1843 г., ц. 1 р.

3. Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской исторіи, Эверса, пер. съ нѣмец. М. Погодина М. 1826 г., ц. 1 р.

4. Древности сѣвернаго берега Понта. Соч. П. Кеппена, переводъ съ нѣмец. Среднаго-Камашева. М. 1828 г., ц. 50 к.

5. Псковская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р.

6. Руской Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Ц. по 1 р. за томъ.

7. Славянскія древности. П. І. Шафарика, перев. съ чешскаго О. Бодянскаго. Т. I, кн. 1 (1-е и 2-ое изд.) и кн. 3; т. II, книги 1—3. Ц. 6 р., перес. за 10 фун.

8. Историко-критическія изысканія. Ю. Венелина. Т. II. М. 1841 г., ц. 1 р. 50 к.

*9. Повѣствованіе о Россіи Н. Арцыбашева. М. 3-й т. Ц. 3 р. Начало IV го (кн. 7, стр. 1—308; кн. 8, стр. 1—16). Ц. 2 р.

10. Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія. Соч. Зубрицкаго; пер. съ польск. О. Бодянскаго., М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к.

11. Описаніе Библіотеки Общества, сост. П. М. Строевымъ. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к.

12. О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Өеодоровича и послѣ его до Петра 1-го. Изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп.

13. Книга Большой чертежъ, изд. Г. Спасскимъ, М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к.

14. Исторія о Донскихъ казакахъ. Соч. А. Ригельмана. Съ 19 рисунками. М. 1846 г., ц. 3 р.

15. Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славян. народовъ до XIV в. Соч. А. Мацѣевскаго; пер. съ польскаго П. Дубровскій. М. 1846 г., ц. 50 коп.

16. Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ. Разсужденіе Л. Суровецкаго. Переводъ съ польскаго Юстина Бѣлявскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 50 коп.

17. Лѣтопись самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междоусобіяхъ бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. Съ предисловіемъ П. Кулиша и О. Бодянскаго. М. 1846 г., ц. 1 р.

18. Реймское евангеліе, изд. В. Ганкою. 1846 г. Ц. 3 р.

19. Окружные жители Балтійскаго моря, т. е. Леты и Славяне. Юрія И. Венелина. М. 1846 г., ц. 50 к.

20. О бунтѣ г. Пинска и объ усмиреніи онаго въ 1648 году. Переводъ съ польскаго Николая Янковскаго. М. 1847 г., ц. 10 к.

21. Краткая исторія о бунтахъ Хмельницкаго и войнѣ съ татарами, шведами и уграми въ царствованіе Владислава и Казимира, въ продолженіе 12 лѣтъ, начиная съ 1647 г. Переводъ съ польскаго. М. 1847 г., ц. 50 к.

22. Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Соч. А. Ригельмана. Съ 30 рисун. М. 1874 г., ц. 5 р.

23. Исторія о казакахъ Запорожскихъ. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

24. Описаніе о малой Россіи и Украинѣ. Соч. Станислава Зарульскаго. Съ предисл. О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 25 коп.

25. Критическое разложеніе всѣхъ именъ

Аттилина семейства и прочихъ, такъ называемыхъ, гунскихъ его вельможъ, о которыхъ только упоминаетъ Прискъ въ своихъ путевыхъ запискахъ. Юрія Венелина., ц. 50 к.

26. Краткое описаніе о казацкомъ Малороссійск. народѣ и о военныхъ его дѣлахъ. Соч. Петра Симоновскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 1 р. 50 к.

27. Переписка и другія бумаги шведскаго короля Карла XII, польскаго Станислава Лещинскаго, татарскаго хана, турецкаго султана, Филиппа Орлика и кіевскаго воеводы Іосифа Потоцкаго на латин. и польск. языкахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

28. Древнія святыни Ростова великаго. Съ 6 изображеніями. Соч. гр. М. Толстаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

29. Описаніе города Острога. Составл. А. Перлштейномъ. Съ планомъ древняго Острога. М. 1847 г., ц. 20 к.

30. Паралипоменъ Зонаринъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

31. Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. В. I. Шаумъ М. 1847 г., ц. 50 коп.

32. Украинскія народныя преданія. Собралъ П. Кулишъ. Книжка первая. М. 1847 г., ц. 50 коп.

33. Краткое историч. описаніе о Малой Россіи до 1765 г., съ дополненіемъ о Запорожскихъ казакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное 1789 г. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 50 к.

34. Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ тоя поры, какъ она Литвою завладѣва, ажъ до смерти гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго. Сообщ. И. И. Срезневскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 25 коп.

35. Малороссійская переписка, хранящаяся въ московской Оружейной палатѣ. Сообщ. И. Забѣлинъ. М. 1848 г., ц. 10 к.

36. Граматично исказанэ об Руском язику. Сочин. попа-Юрка Крижанича. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 1 р. 25 к.

37. Исторія Россійская. В. Н. Татищева. Книга 5-я, или часть 4-я. М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к.

38. Опытъ русскаго простонароднаго словотолковника. (Буквы А—П; стр. 1—181). М. Макарова. М. 1848 г., ц. 1 р.

39. Очеркъ жизни и дѣлній гр. Ал. Вас. Суворова-Рымникскаго. Изд. П. В. Голубкова. М. 1848 г., ц. 20 к.

*40. Дневники второго похода Стефана Баторія на Россію (1580 г.). Яна Зборовскаго и Луки Дзялынскаго. Переводъ съ польскаго О. Н. Милевскаго. М. 1897 г. Ц. 50 к. (43).

*41. а) Лѣтопись византійца Өеофана. Въ переводѣ (1846 г.) съ греческаго проф. В. И. Оболенскаго. М. 1891 г. (I—IV+1—48). Ц. 30 коп. б) Тоже. въ переводѣ В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1887 г. (I—II+1—270). Ц. 2 руб.

42. Memorial poétique sur la guerre d'Orient, ecrit en vers grecs par Alexandre Soutzo et traduit en prose française par lui même Odessa. 1855 (стр. 1—225). Ц. 1 р.

43. О времени происхожденія славян. письменъ. Соч. О. М. Бодянскаго. М. 1855 г., (безъ снимковъ) ц. 2 р.

44. Исторія славян. законодательствъ. Соч. Вячеслава-Александра Мацѣевскаго, изд. 2-е. т. I, (стр. I—IV+1—90). Переводъ съ польскаго. М. 1858 г., ц. 1 руб.

45. Діаріушъ или журналъ, т.-е. повседневная записка случающихся при дворѣ пана гетмана Скоропадскаго оказій и церемоній, такожъ и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ. Хоружнаго Ник. Дан. Ханенка. Съ историч. свѣдѣніемъ о сочинителѣ О. Бодянскаго. М. 1858 г., ц. 50 коп.

46. Лѣтопись и описаніе г. Кіева. Сост. Н. Закревскій. Съ 4 литогр. рисунками. М. 1858 г., ц. 2 р.

47 Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря. Съ литограф. видомъ онаго. Соч. архим. Макарія. М. 1858 г., ц. 50 к.

48. Наставленіе выборному отъ Малороссійс. коллегіи въ Комиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія Дм. Наталину и возраженіе депутата Гр. Политики на оное наставленіе. М. 1858 г., ц. 20 к.

49. Записка о Чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря (изъ секретныхъ свѣдѣній Сенатскаго архива). Мнѣніе Мордвинова о способахъ, коими Россія удобнѣе можно привязать къ себѣ постепенно кавказскихъ жителей. Письмо его же къ графу Аракчееву по дѣлу о контрактахъ на поставку сухопутнаго провіанта Перетцомъ и Злобинымъ. Мнѣніе адмирала Чичагова о продовольствіи столицы. Выписка изъ проекта Аверина о винномъ откупѣ. М. 1858 г., ц. 20 к.

50. Крестьянскія челобитныя. Письма помѣщиковъ. Челобитныя помѣщиковъ. Сообщ. Вл. Борисовъ. М. 1859 г., ц. 10 к.

51. Тетрадь, а въ ней имена писаны опальныхъ при царѣ и вел. князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Челобитная Вологод. архіеп. Маркелла царю Алексѣю о мурѣ св. Николая чудотворца, хранившемся съ 1658 г. въ Вологодскомъ Софійскомъ соборѣ. Сообщ. Н. Суворовъ. М. 1859 г., ц. 10 к.

52. Мнѣніе министра Юстиціи Трощинскаго о проектѣ Уложенія. М. 1859 г., ц. 10 к.

53. Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи графа А. Р. Воронцова, импер. Александру I представленныя. Сообщ. А. Н. Казначеевъ. Объясненія — смѣшалъ ли? (о расколоучителѣ діаконѣ Θеодорѣ) О. М. Бодянскаго. М. 1859 г., ц. 10 к.

54. Мнѣнія генерала Мордвинова о вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ имуществъ отъ ошибочныхъ мѣръ управленія государств. казначействомъ; по дѣлу подрядчиковъ на пеньку и на парусныя полотна по Черноморскому флоту; о неудобствахъ могущихъ послѣдовать отъ введенія закона подвергать секвестру и публичной продажѣ имѣнія, кои дошли отъ мужа къ женѣ, когда окажется на первомъ казенное взысканіе; и по дѣлу о помѣщицѣ Тоузаковой, обвиняемой въ смерти своего мужа. М. 1859 г., ц. 15 к.

55. Походы викинговъ, государств. устройство, нравы и обычаи древнихъ скандинавовъ. Соч. А. М. Стрингольма, перев. съ нѣмец. А. Шемякина. Съ приложеніями и примѣчаніями нѣмец. переводчика К. Ф. Фриша. М. 1859—1861 г., ц. за обѣ части 3 руб.

56. Источники малороссійской исторіи, собранные Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ и изд. О. Бодянскимъ. Ч. I. М. 1848 г. Ч. II. М. 1859 г., ц. по 2 р. за томъ; за оба 3 руб.

57. О земельной собственности въ древней Сербіи. А. Майкова. М. 1860 г., ц. 50 коп.

58. а) Деньги и пулы древней Руси великокняжескія и удѣльныя. Д. Сонцова. М. 1860 г. (стр. I—X+11—140 съ 11-ю таблицами (№№ 1—11) литограф. снимковъ пулъ и денегъ)., ц. 2 р. перес. за 2 ф. и б)—Прибавленіе 2-е (стр. I—IV+5—82+2 таблицы (№ 13 и 14) М. 1862 г., ц. 50 коп. перес. за 1 ф.

59. Переписка между Россіею и Польшею по 1700-й годъ, составленная по дипломатич. бумагамъ Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. Ч. I. 1487—1584 гг. М. 1860 г.—Ч. II. 1584—1612 гг. М. 1861 г.—Ч. III. 1612—1645 гг. М. 1862 г., ц. по 1 р. 50 к. за томъ; за всѣ три—3 р. 50 коп.

60. Замѣчаніе графа Θ. В. Ростопчина на книгу г. Стройновскаго. М. 1860 г., ц. 10 коп.

61. По дѣлу о князѣ А. И. Горчаковѣ. М. 1860 г., ц. 10 к.

62. Послѣдній день жизни импер. Екатерины II и первый день царствованія импер. Павла I. Графа Θ. Ростопчина. М. 1860 г., ц. 10 коп.

63. Примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ Бухаріей, писанныя въ 1730 г. Пьеромъ Куки. М. 1861 г., ц. 10 к.

64. Каталогъ славянороссійскимъ рукописямъ, погибшимъ въ 1812 г. проф. Баузе. В. Каразина. М. 1862 г., ц. 30 к.

65. Разсужденіе о пользахъ и невыгодахъ пріобрѣтенія Грузіи, Имеретіи и Одиши со всѣми прилежащими народами, М. 1861 г., ц. 10 к.

66. Конст. Θедор. Калайдовичъ. Біографич. очеркъ. Матеріалы для жизнеописанія К. Θ. Калайдовича и особенно для изображенія ученой его дѣятельности. П. А. Безсонова. М. 1862 г., ц. 1 р.

67. Дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ, б. митрополитѣ Ростовскомъ. М. 1862 г., ц. 50 коп.

68. Матеріалы о Гавріилѣ Романовичѣ Державинѣ. М. 1863 г., ц. 30 к.

69. Путешествія венеціанца Марко Поло въ XIII в. Переводъ съ нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1863 г., ц. 2 руб.

70. Письма и записки императр. Екатерины II къ графу Никитѣ Иван. Панину. М. 1863 г., ц. 1 р.

71. Матеріалы объ Ив. Ив. Бецкомъ. Сообщ. Илар. А. Чистовичемъ. М. 1863 г., ц. 50 коп.

72. Церковно-историч. описаніе упраздненныхъ монастырей, находящихся въ предѣлахъ Калужской епархіи. Состав. іером. (нынѣ архим.) Леонидъ. М. 1863 г., ц. 1 р.

73. Журналъ генералъ-маіора и кавалера Петра Никитича Кречетникова о движеніи и военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ въ 1767 и 1768 годахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1863 г., ц. 1 руб.

74. а) Журналъ реляцій къ Ея Импер. Велич. 1782—1787 гг. Тульскаго, Рязанскаго и Калужскаго генералъ-губернатора Михаила Никитича Кречетникова и б) письма къ нему гр. З. Г. Чернышева и другихъ. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1863 г., цѣна 1 руб.

75. Надписи на письмахъ, въ старину

Аттилина семейства и прочихъ, такъ называемыхъ, гунскихъ его вельможъ, о которыхъ только упоминаетъ Прискъ въ своихъ путевыхъ запискахъ. Юрія Венелина., ц. 50 к.

26. Краткое описаніе о казацкомъ Малороссійск. народѣ и о военныхъ его дѣлахъ. Соч. Петра Симоновскаго. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 1 р. 50 к.

27. Переписка и другія бумаги шведскаго короля Карла XII, польскаго Станислава Лещинскаго, татарскаго хана, турецкаго султана, Филипа Орлика и кіевскаго воеводы Іосифа Потоцкаго на латин. и польск. языкахъ. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

28. Древнія святыни Ростова великаго. Съ 6 изображеніями. Соч. гр. М. Толстаго. М. 1847 г., ц. 50 коп.

29. Описаніе города Острога. Составл. А. Перлштейномъ. Съ планомъ древняго Острога. М. 1847 г., ц. 20 к.

30. Паралипоменъ Зоранинъ. Съ предисл. О. Бодянскаго М. 1847 г., ц. 50 коп.

31. Иностранныя сочиненія и акты, относящіеся до Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. В. I. Шаумъ М. 1847 г., ц. 50 коп.

32. Украинскія народныя преданія. Собралъ П. Кулишъ. Книжка первая. М. 1847 г., ц. 50 коп.

33. Краткое историч. описаніе о Малой Россіи до 1765 г., съ дополненіемъ о Запорожскихъ казакахъ и приложеніями, касающимися до сего описанія, собранное 1789 г. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 50 к.

34. Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ тоя поры, какъ она Литвою завладѣла, ажъ до смерти гетмана Зиновія Богдана Хмельницкаго. Сообщ. И. И. Срезневскимъ Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 25 коп.

35. Малороссійская переписка, хранящаяся въ московской Оружейной палатѣ. Сообщ. И. Забѣлинъ. М. 1848 г., ц. 10 к.

36. Граматично показана об Руском язьку. Сочин. попа-Юрка Крижанича. Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1848 г., ц. 1 р. 25 к.

37. Исторія Россійская. В. Н. Татищева. Книга 5-я, или часть 4-я. М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к.

38. Опытъ русскаго простонароднаго словотолковника. (Буквы А—П; стр. 1—181). М. Макарова. М. 1848 г., ц. 1 р.

39. Очеркъ жизни и дѣяній гр. Ал. Вас. Суворова-Рымникскаго. Изд. П. В. Голубкова. М. 1848 г., ц. 20 к.

*40. Дневники второго похода Стефана Баторія на Россію (1580 г.). Яна Зборовскаго и Луки Дзялынскаго. Переводъ съ польскаго О. Н. Малевскаго. М. 1897 г. Ц. 50 к. (43).

*41. а) Лѣтопись византійца Өеофана. Въ переводѣ (1846 г.) съ греческаго проф. В. И. Оболенскаго. М. 1891 г. (I—IV+1—48). Ц. 30 коп. б) Тоже. въ переводѣ В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1887 г. (I—II+1—270). Ц. 2 руб.

42. Memorial poétique sur la guerre d'Orient, ecrit en vers grecs par Alexandre Soutzo et traduit en prose française par lui même. Odessa. 1855 (стр. 1—225). Ц. 1 р.

43. О времени происхожденія славян. письменъ. Соч. О. М. Бодянскаго, М. 1855 г., (безъ снимковъ) ц. 2 р.

44. Исторія славян. законодательствъ. Соч. Вячеслава-Александра Мацѣевскаго, изд. 2-е. т. I, (стр. I—IV + 1—90). Переводъ съ польскаго. М. 1858 г., ц. 1 руб.

45. Діаріушъ или журналъ, т.-е. повседневная записка случающихся при дворѣ пана гетмана Скоропадскаго оккaзій и церемоній, также и въ канцеляріи войсковой отправуемыхъ дѣлъ. Хоружаго Ник. Дан. Ханенка. Съ историч. свѣдѣніемъ о сочинителѣ О. Бодянскаго. М. 1858 г., ц. 50 коп.

46. Лѣтопись и описаніе г. Кіева. Сост. Н. Закревскій. Съ 4 литогр. рисунками. М. 1858 г., ц. 2 р.

47 Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря. Съ литограф. видомъ онаго. Соч. архим. Макарія. М. 1858 г., ц. 50 к.

48. Наставленіе выборному отъ Малороссійс. коллегіи въ Комиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія Дм. Наталину и возраженіе депутата Гр. Политики на оное наставленіе. М. 1858 г., ц. 20 к.

49. Записка о Чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря (изъ секретныхъ свѣдѣній Сенатскаго архива). Мнѣніе Мордвинова о способахъ, коими Россія удобнѣе можно привлекать къ себѣ постепенно кавказскихъ жителей. Письмо его же къ графу Аракчееву по дѣлу о контрактахъ на поставку сухопутнаго провіанта Перетцомъ и Злобинымъ. Мнѣніе адмирала Чичагова о продовольствіи столицы. Выписка изъ проекта Аверина о винномъ откупѣ. М. 1858 г., ц. 20 к.

50. Крестьянскія челобитныя. Письма помѣщиковъ. Челобитныя помѣщиковъ. Сообщ. Вл. Борисовъ. М. 1859 г., ц. 10 к.

въ русскомъ государствѣ употреблявшіяся. М. 1864 г., ц. 10 к.

76. Доношеніе попечателя Казанскаго округа на издателя „Библіографич. листовъ" г. Министру Нар. Просвѣщенія. М. 1864 г., ц. 10 к.

77. Письма къ государынѣ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ Мавры Шепелевой. М. 1864 г., ц. 10 к.

78. Жизнеописанія древнихъ и средневѣковыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію или говорившихъ о ней. Перев. А. Н. Шемякина. М. 1865 г., ц. 3. руб.

79. Обозрѣніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книго-хранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Состав. архим. Леонидъ. М. 1866 г., ц. 1 руб.

80. Описаніе славянскихъ рукописей московской Патріаршей библіотеки. Раздѣлы I—III. Свящ. Писаніе, толкованіе его и каноническое право. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1867 г. Ц. 50 к.

81. Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и Горація Вильгельма Кальвуччи, пословъ импер. Леопольда къ царю Алексѣю въ 1661 г. Переводъ съ латин. А. Н. Шемякина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1874 г., ц. 2 р.

82. О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе русскаго государства въ домонгольскій періодъ. Проф. М. Д. Затыркевича. М. 1874 г., ц. 2 р.

83. Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію I. Г. Фоккеродта и Оттона Плейера. Переводъ съ нѣмец. А. Н. Шемякина. М. 1874 г., ц. 1 руб.

84. Бытъ западно-русскаго селянина. Юл. Ѳ. Крачковскаго. М. 1874 г., ц. 1 р. 25 коп.

85. Описаніе путешествія въ Москву посла римскаго императора Николая Варкоча съ 22 іюля 1593 г. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина. М. 1875 г., ц. 1 руб.

86. Реестра всего войска Запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ составленные 1649 г. октября 16-го дня, и изданные по подлиннику, съ предисловіемъ, О. Бодянскимъ, съ 2-мя литографиров. снимками, именно: гербомъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его подписью. М. 1875 г., ц. 1 р. 50 коп.

87. О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. Пожарскаго и о томъ, гдѣ онъ лѣчился отъ ранъ осенью 1611 г. Гр. М. Д. Бутурлина. М. 1876 г., ц. 50 к.

88. О посольствѣ въ Китай графа Головкина. В. Н. Баснина. М. 1876 г., ц. 50 коп.

89. Донесеніе о Московіи Іоанна Перштейна, посла импер. Максимиліана II при московскомъ дворѣ. Перев. съ итальянскаго гр. М. Д. Бутурлина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1876 г. Цѣна 25 коп.

90 Начало и возвышеніе Московіи. Соч. Даніила принца изъ Бухова, дважды бывшаго посломъ у Ивана Васильевича, вел. князя Московскаго. Переводъ съ латинскаго И. А. Тихомирова. М. 1877 г., ц. 50 коп.

91. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ и изданныя О. Бодянскимъ ч. I—IV., ц. 10 руб.

92. Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна экзарха Болгарскаго. М. 1878 г., ц. 3 р.

93. Книга записная имяннымъ письмамъ и указамъ императр. Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны Сем. Андреевичу Салтыкову, 1732—1742 г. Съ предисл. А. Кудрявцева. М. 1878 г., ц. 50 к.

94. Шестодневъ, составленный Іоанномъ, екзархомъ Болгарскимъ. М. 1879 г., ц. 3 р.

95. Житіе препод. отца нашего Ѳеодосія игум. печерскаго. Списаніе Нестора. По харатейн. списку московск. Успен. собора буква въ букву и слово въ слово. Съ предисловіемъ Андрея Попова. М. 1879 г., ц. 30 коп.

96. Куранты или вѣстовыя письма 1655 и 1665 гг. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г., ц. 10 к.

97. Челобитье лѣкаря Родонта боярину Б. И. Морозову. Царскіе указы: о г. Ярославлѣ, о писаніи имени Траханіотова съ *вичомъ*. Приговоръ бояръ относительно Чигиринскаго похода. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г., ц. 10 к.

98. Послѣдніе дни кн. Вас. Лук. Долгорукова въ Соловецкомъ монастырѣ. Послѣдніе дни граф. Петра и Ивана Толстыхъ. Сообщ. Макарій епис. Архангельскій. М. 1880 г., ц. 15 к.

99. Подробное описаніе рукописныхъ сочиненій Юрьевскаго архим. Фотія, хранящихся въ Черниговской семинарской библіотекѣ. М. Лилеева. М. 1880 г., ц. 20 к.

100. Записка объ Архангельскомъ каѳедральн. соборѣ. Записка объ Онежскомъ Крестномъ монастырѣ. Сообщ. Макарій еп. Архангельскій. М. 1880 г., ц. 15 к.

101. Матеріалы для исторіи Архангельской епархіи. Розыскъ о Моисеѣ Чуринѣ и о волшебныхъ его письмахъ, производившійся въ Архангельскѣ и Холмогорахъ въ 1724 г. Собщ. Н. А. Поповъ. М. 1880 г., ц. 20 к.

102. Изложеніе хода миссіонер. дѣла по просвѣщенію казанскихъ инородцевъ съ 1552 по 1867 г. А. Можаровскаго. М. 1880 г. ц. 1 р.

103. Библіографич. матеріалы, собранные Андреемъ Поповымъ. IX—XIV. М. 1881 г. Ц. 50 коп. XV—XIX подъ редакціей М. Н. Сперанскаго. М. 1889 г. Ц. 1 рубль. (4). XX подъ редакціей В. Н. Щепкина. М. 1890 г. Ц. 1 рубль. (11). Отдѣльно: № XV Дѣянія апп. Петра и Павла. Ц. 50 коп. (12). № XVII. Слово о лжи и клеветѣ. Ц. 20 к. (13). — XVIII Хронографы Моск. Чудова монастыря. Ц. 50 к. (10).—XIX. Бѣлорусскій сборникъ. Ц. 50 к. (9).

104. Посланія священно-архим. Фотія къ духовной дщери его дѣвицѣ Аннѣ (1820—1822 гг.). Съ предисл. Андрея Попова. М. 1881 г. ц. 50 коп.

105. Историко-статистич. описаніе заштатнаго Пертоминскаго мужскаго монастыря. Сообщ. Макарій епископъ Архангельскій. М. 1881 г., ц. 25 коп.

106. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. Изслѣдованіе Василія Жмакина. М. 1881 г., ц. 4 руб. съ перес.

107. Изъ бумагъ митрополита московскаго Платона. М. 1882 г., ц. 50 коп.

108. Домострой по списку Императ. общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ предисловіемъ И. Забѣлина. М. 1882 г., ц. 1 р. 50 коп.

109. Копія съ писемъ государя Петра Великаго съ 1700 по 1725 г. Сообщ. архим. Леонидъ. М. 1882 г., ц. 25 коп.

110. Дневникъ генерала Патрика Гордона. Переводъ съ нѣмецкаго М. Салтыковой. Ч. 1-я, 1655—1661 гг. М. 1892 г., ц. 1 р. 25 к. Ч. II, 1661—1684 г. М. 1892 г., ц. 1 р. 25 коп.

*111. Великое Зерцало. (Изъ исторіи русской переводной литературы XVII в.). Изслѣдованіе П. В. Владимирова. М. 1884 г., ц. 1 р. (20).

*112. Мнимый «туранизмъ» русскихъ. Къ вопросу объ инородцахъ и переселеніяхъ ихъ въ Россіи. П. А. Безсонова. М. 1885 г., ц. 50 к. (9).

*113. Біографическіе очерки сенаторовъ. (По матеріаламъ, собраннымъ П. И. Барановымъ). П. Н. Семенова. М. 1886 г., ц. 1 р. 50 к. (20).

*114. Константинъ Никитичъ Тихонравовъ. И. Голышева. М. 1886 г., ц. 30 к. (9).

*115. Анализъ нѣкоторыхъ пунктовъ древнерусскаго завѣщанія. П. И. Бѣляева. М. 1897 г. Ц. 75 к. (5).

*116. Письма Вячеслава Ганки къ О. М. Бодянскому. А. А. Титова. М. 1887 г., ц. 20 к. (4).

*117. О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. А. А. Шахматова. I—III. М. 1897 г. Ц. 50 к. (33).

118. Лѣтопись византійца Өеофана. Въ переводѣ съ греческаго проф. В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1887 г. (I—II+1—270). ц. 2 руб.

*119. Поздравленія Виѳанской дух. семинаріи въ день тезоименитства моск. митроп. Платона. С. Муретова. М. 1897 г. Ц. 30 к. (15).

*120. Матеріалы для исторіи Общества. Переписка гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества (прот. Діева и И. М. Снегирева 1830—1857 г., М. А. Максимовича къ О. М. Бодянскому 1838—1873 гг., Н. Н. Мурзакевича къ О. М. Бодянскому 1838—1866 гг., П. А. Лавровскаго къ нему же 1851—1876 г.). М. 1887 г., ц. 1 р. (8).

*121. Матеріалы для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахіи и Турціи въ XIV—XVI вв., собранные В. А. Уляницкимъ. М. 1887 г., ц. 1 р. (4).

*122. Второе хожденіе Трифона Коробейникова. Съ предисловіемъ С. О. Долгова. М. 1887 г., ц. 30 к. (4).

*123. О селахъ Рождественѣ, что на рѣкѣ Истрѣ, Пятницкомъ-Берендѣевѣ и Мушкинѣ, состоящихъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, до 70-хъ годовъ XVIII столѣтія. Н. Копьева. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

*124. Дѣло о богопротивныхъ сборищахъ и дѣйствіяхъ. И. А. Чистовичъ. М. 1887 г., ц. 40 к. (8).

*125. Хроника бѣлорусскаго города Могилева, собранная Ал. Трубницкимъ и продолженная Михаиломъ Трубницкимъ. Переводъ съ польскаго Ник. Гортынскаго. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

*126. О извощикѣ 1-го гренадерскаго баталіона (Низоваго корпуса) Евстафіѣ Артемьевѣ, назвавшемся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Рескриптъ импер. Павла о письмѣ Костюшки. Грамота царя Алексѣя о ловчемъ дьякѣ И. Ларіоновѣ. Слово по случаю взятія Очакова Минихомъ. М. Н. Прокоповичъ. М. 1896 г. Ц. 20 к. (29).

*127. Преосвященный Іеремія въ схимонашествѣ Іоаннъ, епископъ Нижегородскій и Арзамасскій † 6 декабря 1884 г. А. А. Титова. М. 1887 г., ц. 50 к. (5).

*128. Новыя данныя о Земскомъ соборѣ 1648—1649 гг. А. Н. Зерцалова. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

*129. Село Клементьево нынѣ часть Сергіевскаго посада, составляющая одинъ изъ ея приходовъ. М. 1887 г., ц. 50 к. (4).

*130. Лѣтопись Волоколамскаго Іосифова монастыря. Матеріалы изъ дѣлъ архива московской духовной консисторіи 1746—1852 г., собранные свящ. П. Виноградовымъ. М. 1888 г., ц. 60 к. (5).

131. Изъ Сибирскихъ актовъ: о Демьянѣ Многогрѣшномъ и дикихъ людяхъ чюлюгденкъ. Сообщилъ А. А. Гоздаво-Голомбіевскій. М. 1888 г., ц. 20 коп.

132. Матеріалы для Русской исторіи, собр. С. А. Бѣлокуровымъ. М. 1888 г., ц. 3 руб.

*133. Лѣтопись церкви св. великомученика и побѣдоносца Георгія, что на Красной горкѣ, въ Никитскомъ сорокѣ, столичнаго города Москвы. Я. Ковьева. М. 1888 г., ц. 50 к. (10).

*134. Реляція временно-главнокомандовавшаго русскою арміею генералъ-поручика Фролова-Багрѣева 1759 г. Д. Ѳ. Масловскаго. М. 1888 г., ц. 50 к. (14).

*135. Новыя данныя о Владимірѣ Атласовѣ. Н. Н. Оглоблинъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (17).

*136. Подметныя письма Голосова, „Побошкова и др. (1700—1705 гг.). С. А. Бѣлокуровъ. М. 1888 г., ц. 50 к. (2).

*137. Дѣло М. Верещагина въ Сенатѣ въ 1812—1816 годахъ. Н. А. Поповъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (12).

*138. Слѣдственная коммиссія о злоупотребленіяхъ пензенскаго воеводы Жукова (1752—1756 г.). Н. Н. Нееловъ. М. 1888 г., ц. 30 к. (12).

*139. Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654). П. А. Кулиша. М. 1888—1889 гг. 1—3 тома., ц. 4 рубля съ пересылкой. (1 и 3—10. 2-й—9).

*140. Очерки изъ исторіи западнорусской литературы XVI — XVII вв. А. С. Архангельскаго. Борьба съ католичествомъ и западнорусская литература конца XVI—первой половины XVII в. М. 1888 г., ц. 1 рубль. (12).

*141. Атака Гданска фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ 1734 г. Сборникъ реляцій графа Миниха. Д. Масловскаго. М. 1888 г., ц. 1 р. 50 к. (9).

*142. Историкокритическія изслѣдованія о новгородскихъ лѣтописяхъ и о россійской исторіи В. Н. Татищева. Іосифа Сенигова. М. 1888 г., ц. 2 р. (9).

*143. Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. В. и Г. Холмогоровыхъ. Вып. 6-й Вохонская десятина. Вып. 7-й Перемышльская и Хотунская десятина. — Вып. 8-й Пехрянская десятина. М. 1888—1889 гг., ц. по 1 р. за выпускъ. (13).

*144. Солотчинскій монастырь, его слуги и крестьяне въ XVII вѣкѣ. Историческій очеркъ монастырскаго хозяйства, суда и управленія въ связи съ положеніемъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ въ XVII столѣтіи. А. П. Добрклонскаго. М. 1888 г., ц. 50 к. (15).

*145. Грамота Константинопольскаго патріарха Іоанникія къ царю Алексѣю Михайловичу отъ 1 марта 1652 года г. П. В. Безобразовъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (9).

*146. Дѣло объ еретичествѣ Стефана Прибыловича (1717—1718). Н. Я. Токаревъ. М. 1888 г., ц. 30 к. (11).

*147. Переписка стольника А. И. Безобразова 1687 г. А. А. Востоковъ. М. 1888 г., ц. 20 к. (11).

148. Святославовъ Изборникъ 1073 г. съ греческимъ и латинскимъ текстомъ. 1-й выпускъ. Съ предисловіемъ Е. В. Барсова и А. Л. Дювернуа. (I—XXV+1—22+1—184). М. 1882 г., ц. 3 руб.

149. Сношенія Россіи съ Кавказомъ, вып. I. 1576—1613 гг. Матеріалы, извлеченные изъ Московскаго Гл. Архива М. И. Дѣлъ. С. А. Бѣлокуровымъ. М. 1889 г., ц. 5 р.

150. Акты относящіеся къ исторіи раскола въ XVIII в. Е. В. Барсова (изъ Чтеній 1889 г. кн. II), ц. 40 к. (18).

*151. Московская помѣрная изба. Н. Оглоблинъ. М. 1889 г., ц. 20 к. (15).

*152. Общій взглядъ на состояніе грузинологіи. А. Хахановъ. Ц. 30 к. (10).

*153. Грамота намѣстника ивангородскаго къ ревельскому магистрату въ царствованіе Ивана Грознаго. А. Чумиковъ.— Къ исторіи Московскаго университета. Нилъ Поповъ., ц. 20 к. (26).

*154. Сношенія Россіи съ Среднею Азіею и Индіею въ XVI—XVII вв. По документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. М. 1889 г., ц. 30 к. (5).

*155. Замѣтки къ исторіи хожденія игумена Даніила. VII. Передѣлки хожденія въ сборникѣ св. Димитрія Ростовскаго. М. А. Веневитиновъ. М. 1890 г., ц. 30 к. (14).

*156. Два памятника древне-русской кіевской письменности XI и XIII вѣка: а) слово о перенесеніи мощей преп. Θеодосія печерскаго, соч. мниха Нестора, и б) похвала преп. Θеодосію печерскому неизвѣстнаго (архим. Серапіона). Сообщ. архим. Леонидъ. Ц. 30 к. (16).

*157. Мангазѣйскій чудотворецъ Василій. Н. Н. Оглоблина. Ц. 10 к. (39).

*158. Библіографическія разысканія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности IX—X вв. Памятники сихъ вѣковъ по сохранившимся спискамъ XI—XVII вв. Архим. Леонида. М. 1890 г., ц. 20 к. (29).

*159. Переписныя книги Костромскаго Ипатіевскаго монастыря 1595 г. М. Н. Соколовъ. Ц. 30 к. (14).

160. Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Историкокритическія объясненія по поводу сочиненія П. А. Кулиша «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». Генн. Карпова. М. 1890 г., ц. 50 к. (2).

*161. Древнѣйшіе предѣлы разселенія грузинъ по малой Азіи. А. С. Хаханова. М. 1890 г., ц. 30 к. (8).

*162. Новгородская исторія. Сочиненіе П. П. Сумарокова, бывшаго Новгородскаго губернатора (1815 г.), въ двухъ частяхъ, съ двумя планами. Сообщилъ архим. Леонидъ. М. 1890 г., ц. 2 р. (8).

*163. Византійскій писатель и государственный дѣятель Михаилъ Пселлъ. Ч. I. Біографія Михаила Пселла. Изслѣдованіе П. В. Безобразова. М. 1890 г., ц. 1 р. (9).

*164. Регламентъ Вотчинной коллегіи. Сообщилъ и обработалъ для изданія Н. Аралмевъ. М. 1890 г., ц. 1 р. (12).

*165. О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ, 1648, 1662 и 1771 гг. А. Н. Зерцалова. М. 1890 г., ц. 1 р. 50 к. (5).

*166. Елецкая «лвочная книга» 1615—16 гг. Н. Н. Оглоблина. М. 1890 г., ц. 20 к. (12).

*167. Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованія. Историческое изслѣдованіе Дм. Цвѣтаева. М. 1890 г., ц. 3 рубля съ пересылкой (10).

*168. Свѣдѣніе о славянскихъ и русскихъ переводахъ Патериковъ различныхъ наименованій и обзоръ редакцій оныхъ. Архим. Леонидъ. М. 1890 г., ц. 10 к. (4).

*169. О мнимой библіографической рѣдкости XVII в. («Служебникъ, изд. въ Москвѣ въ 1650 г.»). С. А. Бѣлокурова. М. 1891 г., ц. 50 к.

*170. Рукописи Сербскаго письма XIII—XVIII вѣка, находящіяся въ библіотекахъ Московской губерніи. Архим. Леонидъ. Ц. 10 к. (37).

171. Іерусалимскій патріархъ Досиоей въ его сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ (1669—1707 гг.).—Н. Θ. Каптерева. М. 1891 г., ц. 1 р. (40).

*172. Начало Русскаго государства. Три чтенія д-ра Вильгельма Томсена, профессора сравнительнаго языковѣдѣнія при Копенгагенскомъ университетѣ. Съ просмотрѣнной авторомъ нѣмецкой переработки д-ра Л. Борнеманна. Переводъ Н. Аммона. М. 1891 г., ц. 1 р. (11).

*173. Двѣ «скаски» Вл. Атласова объ открытіи Камчатки. Н. Оглоблинъ. М. 1891 г., ц. 20 к. (23).

*174. Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи. Д. Θ. Масловскаго. Вып. I-й: Проектъ плана кампаніи 1708 года Крюиса. Оригиналъ ордера де-баталіи подъ Лѣсной съ собственноручною резолюціею Петра Великаго. Къ исторіи флота временъ Петра I. Организація и дѣйствіе въ бою артиллеріи временъ Елизаветы. Ц. 40 к. (11). Вып. 2-й: Обезпеченіе южныхъ границъ въ 1736 г. Планъ кампаніи и довольствія войскъ въ 1738 г. Документы Ставучанской операціи Миниха. Сборникъ документовъ похода вспомогательнаго корпуса русскихъ войскъ въ войну за Австрійское наслѣдство 1748 г. М. 1890 г., ц. 1 р. (8). Вып. 3-й: Уставъ о строевой пѣхотной службѣ фельдмаршала Миниха. Документы Финляндской войны 1743 г. М. 1892 г., ц. 1 р. (6).

*175. Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. Переводъ съ латинскаго, примѣчанія и приложенія И. Ивакина. М. 1891 г. (безъ фототипій). Ц. 1 р. (10).

*176. Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ хожденіе въ Св. Землю русскаго игумена Даніила въ началѣ XII вѣка. Н. В. Рузскаго. М. 1891 г., ц. 50 к. (10).

*177. Матеріалы для исторіи приказнаго судопроизводства въ Россіи, собранные К. П. Побѣдоносцевымъ. М. 1891 г., ц. 2 р. (8).

*178. Самосожженіе въ русскомъ расколѣ (со второй половины XVII в. до конца XVIII в.). Историческій очеркъ по архивнымъ документамъ Д. И. Сапожникова. М. 1891 г., ц. 1 р. (19).

*179. Описаніе рукописей Тверскаго музея. Трудъ М. Н. Сперанскаго. М. 1891 г., ц. 1 р. 50 к. (13).

180. Русскія рукописи Стокгольмскаго государственнаго архива. К. Якубовъ. М. 1891 г., ц. 30 к. (9).

*181. Glagolitica Würdigung neuentdeckter Fragmente von Dr. V. Jagic. Mit. zehn Tafeln. Отдѣльный оттискъ изъ denkschriften der Kaiserlichen Akademie Der Wissenschaften in Wien. Philosodhisch-historische Klasse. Band. XXXVIII. В. Щепкинъ. М. 1891 г., ц. 15 к. (3).

*182. Разборъ лѣтописнаго сказанія о призваніи варяговъ. А. Ө. Малиновъ. М. 1891 г., ц. 10 к. (29).

*183. О содержаніи въ нынѣшнее мирное время (1725 г.) арміи и какимъ образомъ крестьянъ въ лучшее состояніе привесть. М. Н. Прокоповичъ. М. 1897 г. Ц. 10 к. (42).

*184. Къ вопросу о десятняхъ. А. Зерцаловъ. М. 1891 г., ц. 15 к. (3).

*185. Осада Ревеля (1570—1571 гг.) герцогомъ Магнусомъ королемъ ливонскимъ, голдовникомъ царя Ивана Грознаго. А. Чумикова. М. 1891 г., ц. 30 к. (17).

*186. Матеріалы для исторіи Крестовоздвиженскаго Бизюкова монастыря. Н. А. Поповъ. М. 1892 г., ц. 30 к. (24).

*187. Матеріалы для исторіи Общества. Письма О. М. Бодянскаго къ Н. А. Честовичу (1862—1877 гг.). Н. А. Честовичъ. М. 1892 г., ц. 20 к. (26)

*188. Памяти о. архимандрита Леонида, намѣстника св. Троице-Сергіевой лавры († 22 октября 1891 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1892 г., ц. 30 к. (27).

*189. Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные Александромъ Голубцовымъ. М. 1892 г., ц. 2 р. 25 коп. съ перес. (9).

*190. Тульскій уѣздъ въ XVII в. Его видъ и населеніе по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Е. Щепкиной. М. 1892 г. (съ картой), ц. 2 р. (13).

*191. Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Части 3 - 7. Съ предисловіемъ Андрея Титова. М. 1892 г., ц. 1 р. 50 к. (14).

*192. Реляціи кн. А. Д. Кантемира изъ Лондона (1732—1733 гг.). Т. I. Съ введеніемъ и примѣчаніями В. Н. Александренки. М. 1892 г., ц. 1 р. (12).

*193. Московская Тихвинская, что въ малыхъ Лужникахъ, за Новодѣвичьимъ монастыремъ, церковь. Историческое описаніе, составленное священникомъ Н. А. Скворцовымъ. М. 1892 г., ц. 1 р. (11)

*194. Артемій игуменъ Троицкій. Изслѣдованіе священника Сергія Садковскаго. М. 1892 г., ц. 50 к. (11).

*195. Грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи. А. С. Хаханова. М. 1892 г., ц. 30 к. (28).

*196. Общій архивъ министерства Императорскаго Двора. II. Списки и выписки изъ архивныхъ бумагъ. (Описи домовъ и движимаго имущества кн. Потемкина-Таврическаго, купленныхъ у наслѣдниковъ его императрицею Екатериною II). М. 1892 г., ц. 40 к. (14).

*197. Памяти Нила Александровича Попова. Н. Шимко и А. Голомбіевскаго. М. 1892 г., ц. 30 к. (23).

*198. Къ исторіи вопроса о принятіи схизматиковъ въ православную церковь. М. 1892 г., ц. 1 р. (5).

199. Матеріалы для исторіи гор. Саратова. I. Записи книгъ Печатнаго приказа (1650—1675 гг.). Сообщилъ А. А. Гоздаво-Голомбіовскій. М. 1892 г., ц. 30 к.

200. Собраніе сочиненій Юрія Крижанича:

Вып. I й: а) 1654 г. I. Pûtno opisanie ot Lewówa do Móskwi. II. Besida ko Cirîcisom, wo osobi Czircása upisana. III. Usmotrenie o Carskom Weliczestwu. (Съ одной фототипіею). Съ предисловіемъ В. Н. Щепкина, и б) 1661 г. Обjасньенje виводно о писмѣ Словѣнскомъ (съ 1 фототипіею). Съ предисловіемъ В. Н. Колосова.—М. 1891 г., ц. 50 к.

Вып. II-й. 1674 г. Толкованіе историческихъ пророчествъ (съ 2-мя фототипіями). Съ предисловіемъ М. Н. Соколова. М. 1891 г., ц. 75 к.

Вып. III-й: а) Об свêтом Крещенêю. (Съ 1 фототипіею). Съ предисловіемъ А. В. Башкирова, и б) Обличêње на Соловêцкую Челобитну. (Съ 1 фототипіею). М. 1893 г., ц. 1 р. 25 к.

201. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ:

Вып. I-й: Собраніе рукописей митр. Макарія, Мѣлецкаго монастыря на Волыни, Кіевобратскаго монастыря и Кіевской духовной семинаріи. Н. И. Петрова. М. 1892 г., ц. 2 р.

202. *Вып. II-й*. Рукописи Кіевопечерской лавры, кіевскихъ монастырей: Златоверхомихайловскаго, Пустынноникольскаго, Выдубицкаго, женскаго Флоровскаго и Десятинной церкви. М. 1897 г., ц. 2 р.

203. Слава Россійская. Комедія 1724 года, представленная въ Московскомъ госу-

читаѣ, по случаю коронаціи императрицы Екатерины Первой. Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1892 г., ц. 60 к. (16).

204. Село Волынское и деревни Давыдково и Молотцы. (По описи 1735 г.). С. Бѣлокуровъ. Ц. 50 к. (15).

*205. Попытка Петра I къ распространенію среди русскаго народа научныхъ сельскохозяйственныхъ знаній. Ц. 30 к.(16).

*206. Христорождественская церковь въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. I. А. М. 1892 г., ц. 50 к. (16).

*207. Ивановскій каналъ, начатый Петромъ Великимъ для соединенія Волги съ Дономъ. А. И. Миловидовъ. Ц. 30 к. (15).

*208. Шесть документовъ, касающихся пребыванія Петра I въ Даніи. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1893 г., ц. 50 к. (16).

*209. О возвращеніи въ 1689 г. въ патріаршее вѣдомство подмосковнаго сельца Куицова съ пустошьми. Ц. 20 к. (11).

*210. Объ оскорбленіи царскихъ пословъ въ Крыму въ XVII вѣкѣ. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г., ц. 30 к. (18).

211. Датскій Архивъ. Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіеся въ Копенгагенѣ 1326—1690 гг. Сообщилъ Ю. Н. Щербачевъ. М. 1893 г., ц. 2 р.

212. Исторія экономическаго быта великаго Новгорода. Изслѣдованіе проф. А. И. Никитскаго. М. 1893 г., ц. 2 р.

*213. Грузинскіе дворянскіе акты и родословныя росписи. (Матеріалы для исторіи Грузіи). Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. С. Хаханова. М. 1893 г., ц. 30 к. (7).

*214. Сказаніе о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ «во избавленіе отъ смертоносныя язвы». М. 1893 г., ц. 20 к. (9).

*215. Московскій Благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, какъ государственный дѣятель. Епископа Сергія (Соколова). М. 1893 г., ц. 50 к. (24).

*216. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Изслѣдованіе Вас. Васильева. М. 1893 г., ц. 2 р. (10).

*217. Письма О. М. Бодянскаго къ отцу. Письма И. П. Сахарова къ О. М. Бодянскому. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г., ц. 50 к. (63).

*218. Житіе св. Леонтія епископа ростовскаго. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г., ц. 50 к. (18).

*219. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. Составилъ П. А. Лавровъ. М. 1893 г., ц. 2 р. (5).

*220. Междукняжескія отношенія во Владимиро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV в. (Къ вопросу о «двуименныхъ» или «союзныхъ» деньгахъ. В. Уляницкаго). М. 1893 г., ц. 30 к. (23).

*221. Неканонизованные святые гор. Шуи (Владимирской губерніи). Опытъ агіографическаго изслѣдованія священника Ник. Миловскаго. М. 1893 г., ц. 20 к. (22).

*222. Новый источникъ для исторіи московскихъ волненій 1648 г. С. Платонова. М 1893 г., ц. 20 к. (25).

*223. Александрія русскихъ хронографовъ. Изслѣдованіе и текстъ. В. Истринъ. М. 1893 г., ц. 3 рубля съ пересылкой (60).

*224. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута. Историческіе очерки Матвѣя Любавскаго. Съ картою литовскорусскаго государства въ концѣ XV и началѣ XVI в. М. 1893 г., ц. 5 р. (15).

*225. Объ отпускѣ на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь воеводы города Можайска П. П. Савелова въ 1702 г. О найденномъ въ Можайскѣ денежномъ кладѣ 1702 г. М. 1893 г. Л. М. Савеловъ, ц. 20 к. (4).

*226. Къ исторіи московскаго мятежа 1648 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г., ц. 20 к.

*227. Московскій Китай городъ въ XVII вѣкѣ (по описи 1695 г.). А. Н. Зерцаловъ, ц. 30 к. (11).

*228. Окладная расходная роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1681 г. (Къ исторіи государств. росписей XVII в.) А. Н. Зерцаловъ, ц. 40 к. (20).

*229. Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьѣ. А. А. Голубева. М. 1894 г., ц. 25 к. (28).

*230. Св. князь Всеволодъ-Гавріилъ и его значеніе въ исторіи нашего отечества и въ частности Пскова. Е. Лебедева. М. 1894 г., ц. 20 к. (29).

*231. Подписи царей Бориса Годунова и Алексѣя Михайловича. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1894 г., ц. 30 к. (79).

*232. Къ вопросу о распредѣленіи столовъ между русскими князьями въ XI—XII вв. Н. Аммонъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (19).

*233. Къ біографіи Владиміра Атласова. Н. Оглоблинъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (32).

*234. Стихъ о злой травѣ тихъ. Съ предисловіемъ И. А. Голышева. М. 1894 г., ц. 20 к. (42).

*235. Введенская и Пятницкая церкви въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. I. А. М. 1894 г., ц. 20 к. (42).

236. Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. (Этюдъ по исторіи провинціи Московскаго государства). И. И. Лаппо. М. 1894 г., ц. 1 рубль. (19).

*237. Сильвестра Медвѣдева созерцаніе краткое лѣто 7190—92, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Александра Прозоровскаго. М. 1894 г., ц. 1 р. 50 к. (158).

*238. Къ исторіи сельскохозяйственнаго быта Костромскихъ Ипатьевскаго и Богоявленскаго монастырей. I. Командировка стольника И. М. Олемова. М. 1894 г., ц. 50 к. (4).

*239. Амфилохій епископъ Угличскій († 20 іюня 1893 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1894 г., ц. 30 к. (22).

*240. Сарайская и Крутицкая епархія. Священника В. А. Соловьева. М. 1894 г., ц. 1 р. (29).

*241. Рукописи П. І. Шафарика (нынѣ музея королевства Чешскаго) въ Прагѣ. Описалъ М. Сперанскій. М. 1894 г., ц. 50 к. (33).

*242. Объѣзжіе головы и полицейскія дѣла въ Москвѣ въ концѣ XVII в. А. Н. Зерцалова. Ц. 40 к. (31).

*243. Григоровичевъ паримейникъ въ сличеніи съ другими паримейниками. Издалъ Романъ Брандтъ. В. I., ц. 50 коп. (31); Вып. II. ц. 50 к. (48).

*244. Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Императ. общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 28 октября 1894 г., предсѣдателемъ общества В. О. Ключевскимъ. М. 1894 г., ц. 15 к.

*245. Акты домашняго архива гг. Змеовыхъ. А. И. Миловидовъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (13).

246. Очерки по исторіи Грузинской словесности. А. С. Хаханова. Вып. 1., ц. 2 рубля. (204).

*247. Рѣчи, произнесенныя Іоанникіемъ Галятовскимъ въ Москвѣ въ 1670 г. В. Эйнгорнъ. М. 1895 г., ц. 20 к. (39).

*248. Къ исторіи сношеній Россіи съ Германіей въ началѣ XVI в. Г. Писаревскій. М. 1895 г., ц. 20 к. (13).

*249. Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинахъ и помѣстьяхъ. А. П. Барсуковъ. М. 1895 г., ц. 30 к. (296).

*250. Пасквиль Г. П. Ермолова на графа М. М. Сперанскаго. Съ предисловіемъ Е. И. Соколова. М. 1895 г., ц. 20 к. (10).

*251. О верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ 7136 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г.,

*252. Опись книгъ библіотеки Московскаго Успенскаго собора. М. 1895 г., ц. 30 к. (190).

*253. Къ біографіи митрополита Московскаго Платона и исторія Виѳанской духовной семинаріи. Письма митрополита Платона къ Высочайшимъ особамъ. С. Д. Муретова. М. 1895 г., ц. 20 к. (121).

*254. Къ исторіи сношеній Россіи съ Швеціей при царѣ Иванѣ IV. А. А. Чумикова. М. 1895 г., ц. 20 к. (32).

*255. Къ матеріаламъ по исторіи Грузіи XI—XII вв. Ѳ. Жорданія. М. 1895 г., ц. 20 к. (37).

*256. Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Часть первая: документы воеводскаго управленія. Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. М. 1895 г., ц. 2 рубля съ пересылкой. (100).

*257. Послѣдованіе проскомидіи, великаго входа и причащенія въ славянорусскихъ служебникахъ XII—XIV вв. Сергѣй Муретовъ. М. 1897 г. Ц. 50 к. (5).

*258. Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. Изслѣдованіе Сергѣя Шумакова. М. 1895 г., ц. 2 р. (180).

*259. Матеріалы къ литературной исторіи русскихъ Пчелъ. I. Виктора Семенова. М. 1895 г., ц. 50 к. (143).

*260. Древній Сосенскій станъ Московскаго уѣзда. Д. Шеппинга. М. 1895 г., ц. 50 к. (137).

*261. Лѣтописецъ русскій (Московская лѣтопись). По рукописи принадлежащей А. П. Лебедеву. М. 1895 г., ц. 1 р. 25 к. (80).

*262. Святые Вологодскаго края. Изслѣдованіе Николая Коноплева. М. 1895 г., ц. 1 р. (41).

*263. Письма А. Н. Шемякина къ О. М. Бодянскому (1859—1875 г.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1895 г. (76).

*264. Климентъ епископъ Словѣнскій. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ П. А. Лаврова. М. 1895 г., ц. 50 к. (50).

*265. Государевъ Хамовный дворъ въ Московской Кадашевской слободѣ, (Постройка на немъ новыхъ зданій въ 1658—1661 гг.). М. 1895 г. А. А. Мартыновъ, ц. 20 к. (100).

*266. Извѣстіе, касающееся подробностей бунта, недавно поднятаго въ Московіи Стенькою Разинымъ. Напечатано у Ѳомы Ньюкембъ 1672 г. Перевелъ съ англійскаго А. Станкевичъ. М. 1895 г., ц. 50 коп. (37).

*267. О перемиріи состоявшемся между Швеціей и Россіей въ 1537 г. Переводъ

въ шведскаго А. Чумикова. М. 1895 г., ц. 20 к. (6).

*268. Къ матеріаламъ о ворожбѣ въ древней Руси. Сыскное дѣло 1642—1643 гг. о намѣреніи испортить царицу Евдокію Лукьяновну. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г., ц. 30 к. (91).

269. Отчеты о присужденіи обществомъ преміи Г. Ѳ. Карпова.

I. Разборъ изслѣдованія В. О. Эйнгорна «О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», составленный С. Т. Голубевымъ, ц. 50 к.

II. Разборъ изслѣдованія М. К. Любавскаго «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута», составленный С. А. Бершадскимъ. М. 1894 г., ц. 50 к.

III. Разборъ изслѣдованія С. А. Бѣлокурова «О библіотекѣ Московскихъ Государей въ XVI в.», сост. М. И. Соколовымъ. М. 1897 г. Ц. 20 к.

271. Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность. Изслѣдованіе А. Прозоровскаго. М. 1896 г., ц. 3 р.

272. Церковныя земли въ Ростовскомъ уѣздѣ XVII в. (по писцовымъ книгамъ 1629—1631 гг.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1896 г., ц. 25 коп.

273. Русское сказаніе о Лоретской Богоматери. А. И. Кирпичникова. М. 1896 г., ц. 15 коп.

*274. Грамоты съ подписями Бориса, Димитрія и Степана Годуновыхъ 7080—7111 гг. Съ предисловіемъ графа С. Д. Шереметева. М. 1897 г. Ц. 25 к. (38).

275. Изъ актовъ Тверскаго Отроча монастыря 7052—7146 гг. Сообщилъ Сергѣй Шумаковъ. М. 1896 г., ц. 15 коп.

*276. Изданія Московской Синодальной типографіи 1751 г. и Московскаго Университета 1764 г. И. С. Бѣляевъ М. 1897 г. Ц. 50 к. (2).

277. О построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. Новыя лѣтописныя данныя. Ц. 20 к.

278. Еще новыя данныя о построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. П. Священника I. Кузнецова. М. 1896 г., ц. 20 коп.

279. Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. (По рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). Выпускъ 1-й: отъ Алеппо до земли казаковъ. М. 1896 г., ц. 1 руб. Вып. 2-й до Москвы. М. 1897 г. Ц. 1 р.

*280. Къ исторіи мятежа 1648 года въ Москвѣ и другихъ городахъ. Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г., ц. 40 к. (82).

*281. О «неправдахъ и непригожихъ рѣчахъ» новгородскаго митрополита Купріана (1627—1633 гг.). Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г., ц. 30 коп. (86).

*282. Матеріалы для исторіи патріарха московскаго Пизирима. Сообщилъ М. Г. Поповъ. М. 1895 г., ц. 20 коп. (34).

*283. Какашъ и Тектандеръ. Путешествіе въ Персію черезъ Московію 1602—1603 гг. Переводъ съ нѣмецкаго Алексѣя Станкевича. М. 1896 г., ц. 70 коп.

284. Портретъ кіевскаго митрополита Евгенія, со снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г., ц. безъ пересылки 50 коп.

285. Временникъ Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1857 годъ. 25 книгъ, каждая по два рубля; а за всѣ безъ перес. 37 руб. 50 ко ., съ пересылкой 45 руб. На пересылку всякой книги «Временника» за 4 фунта.

286. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Годъ 1-й (*нѣтъ въ продажѣ*), годъ 2-й (1846—1847), книги 3, 6, 8, 9; годъ 3-й (1847—1848), 9 книгъ; и годъ 4-й (1848—1849), 1 книга—по 2 руб. каждая книга. Годы 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 рублей; съ 1887 г. по 8 р. 50 коп. Отдѣльно книги продаются по слѣдующей цѣнѣ: за 1888 г. кн. 1—4, за 1889 г. кн. 1—4, за 1890 г. кн. 1—3 по 2 рубля за книгу. Остальныя книги по 3 рубля за книгу.

287. Списокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повремен. изданіяхъ Импер. общ. Ист. и Древн. Россійск. при Московск. Университетѣ (за 1815 - 1888 гг.), составленный Ив. Забѣлинымъ. Съ присовокупленіемъ историч. очерка дѣятельности Общества съ 1804 по 1884 г. Отд. I. Списокъ трудовъ М. 1884 г. Отд. II Указатель трудовъ. М. 1889 г., ц. за обѣ книжки 1 р.

288. Алфавитный указатель къ періодич. изданіямъ того же общества 1815—1862 г. Сост. А. Гриневичъ. 1862 г., ц. 50 коп. съ перес.

289. Указатель ко всѣмъ періодич. изданіямъ того же общества за 68 лѣтъ. 1815—1883 г. Сост. Сергѣй Бѣлокуровъ. М. 1883 г., ц. 1 р. 25.

290. Указатель къ Чтеніямъ въ томъ же обществѣ за 1882—1887 гг. Сост. онъ же. М. 1888 г., ц. 50 к. и б) за 1888—1894 гг. Составилъ онъ же. М. 1895 г., ц. 50 коп.

291. Протоколы засѣданій общества:
1) за 1878—1880 г. (стр. 1—32), ц. 20 к.
2) за 1881—1883 г. (стр. 1—64), ц. 35 к.
3) за 1886 г. (стр. 1—17), ц. 10 к.
4) за 1887 г. (стр. 1—23), ц. 15 к.
5) за 1888—1891 гг. (стр. 1—61), ц. 30 к.
6) за 1892—1893 гг. (стр. 1—112), ц. 1 р.
7) за 1894 г., ц. 20 коп.
8) за 1895 г., ц. 20 коп.
9) за 1896—1897 гг., ц. 50 к.

*292. Русскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему. (Матеріалы для исторіи цѣнъ). В. О. Ключевскаго. М. 1884 г., ц. 50 к. (14).

*293. Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ. Изслѣдованіе В. О. Ключевскаго. М. 1871 г., ц. 2 р.

*294. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской. Проф. Е. Е. Голубинскаго. (VIII+732 стр.), ц. 3 руб.

295. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Е. Е. Голубинскаго. Сергіевъ посадъ, 1894 г., ц. 2 руб. съ пересылкой.

*296. Неизданные русскіе акты XV—XVI вв. Ревельскаго городского архива. А. Чумиковъ. М. 189 г. Ц. 10 к. (26).

*297. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Е. Е. Голубинскаго. М. 1896 г., ц. 50 к.

*298. Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. Составилъ Александръ Скребицкій. Т. I—IV (т. II-й въ двухъ частяхъ). Боннъ на Рейнѣ, 1862—1868 гг. Цѣна за всѣ тома 20 р. съ перес.

*299. Казанская и Ильинская церкви Ильинскаго прихода въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи. І. А. М. 1896 г. Ц. 50 к. (11).

*300. О большихъ строителяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Н. Успенскій. М. 1896 г. Ц. 30 к. (39).

*301. Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Акты XVII—XVIII вв., извлеченные А. Н. Зерцаловымъ. М. 1897 г. Ц. 75 к. (13).

*302. О раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ XVIII в. А. Зерцаловъ. М. 1897 г. Ц. 75 к. (85).

*303. Акты изъ собранія А. И. Яцимирскаго (№№ 1—Ѣ, Чтенія 1897 г. кн. I). М. 1897 г. Ц. 15 к. (5).

*304. Смѣсь 2-й книги Чтеній 1896 г. (№№ 1—10). М. 1896 г. Ц. 40 к. (10).

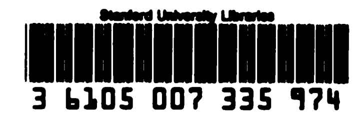
Лицъ, желающихъ пріобрѣсти означенныя книги, просятъ присылать свои требованія или въ общество (Москва, Моховая, старое зд. Университета подъ актовымъ заломъ), или къ Казначею общества Сергѣю Алексѣевичу Бѣлокурову (Садовники, у Москворѣцкаго моста, домъ церкви св. Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжные магазины Глазунова (Кузнецкій мостъ) и Карбасникова (Москва, Моховая, д. Коха, противъ Университета).

ТАМЪ-ЖЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе *Чтеній* состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ *Чтеніяхъ* помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 7 р. въ Москвѣ безъ доставки и 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.


Stanford University Libraries
3 6105 007 335 974